ОРГАНИЗАЦІЯ ПРЯМАГО ОБЛОЖЕНІЯ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ

СО ВРЕМЕНЪ СМУТЫ ДО ЭПОХИ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А. Лаппо-Данилевскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1890.

HJ 3871
A T

033
37

ИМ
130

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предметъ настоящаго труда избранъ подъ вліяніемъ двоякаго рода соображеній: теоретическихъ и практическихъ.

Изученіе національной исторіи, какъ казалось автору, должно имѣть цѣнные результаты въ томъ случаѣ, когда обращено будетъ на періоды наиболѣе рѣзкаго развитія специфическихъ особенностей изучаемаго типа. Въ XIV—XV вв. уже видны зародыши будущаго Московскаго государства, въ XVI вѣкѣ обрисовываются важнѣйшія черты государственнаго строя, но лишь въ XVII в. онѣ достигаютъ опредѣленнаго, болѣе или менѣе устойчиваго взаимоотношенія, которое даетъ возможность довольно ярко представить себѣ извѣстный государственный типъ. Въ XVIII в. національныя черты этого типа сильно блѣднѣютъ подъ вліяніемъ западно-европейской цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія исторія XVII вѣка имѣетъ для насъ глубокій теоретическій интересъ. Но за этотъ періодъ времени развитіе великорусской національности было довольно одностороннимъ. Оно сказывалось, главнымъ образомъ, въ прогрессивномъ ростѣ правительственныхъ органовъ и ихъ функцій, а не въ разностороннемъ историческомъ движеніи всей совокупности народныхъ силъ. Поэтому, изученіе XVII в. сводится, главнымъ образомъ, къ ознакомленію съ его правительственною исторіей. Въ такой исторіи наиболѣе важными вопросами за это время являются: финансы и войско. Причинное соотношеніе, въ какомъ находятся эти явленія, естественно приводитъ къ предварительному изученію перваго изъ нихъ.

Хотя военныя потребности и имѣли большое вліяніе на финансовый строй, но и послѣдній, въ свою очередь, дѣлалъ возможною ту или другую военную организацію. Отсюда авторъ естественно пришелъ къ заключенію, что государственное хозяйство XVII в., съ теоретической точки зрѣнія, можетъ послужить весьма важнымъ предметомъ ученаго изслѣдованія.

Въ своевременности такого рода изслѣдованія автора убѣждали соображенія болѣе практическаго свойства. Нечего говорить о томъ богатствѣ рукописнаго и печатнаго матеріала, благодаря которому можно иногда до мельчайшихъ подробностей ознакомиться съ тѣмъ или другимъ явленіемъ русской жизни XVII-го вѣка. Любопытно, что та часть этого матеріала, которая ближе всего касается государственнаго хозяйства въ XVII в., очень мало извѣстна, хотя и отличается замѣчательнымъ богатствомъ содержанія. Многіе важнѣйшіе памятники по этой части, каковы, напримѣръ, писцовыя книги, окладныя росписи и смѣтные списки, доселѣ остаются почти неизданными, а то, что издано, сильно нуждается въ ученой переработкѣ [1]). Въ самомъ дѣлѣ, сочиненія гг. Гагемейстера, гр. Толстаго, Янишевскаго, Незабитовскаго, Кури, Осокина были написаны 30 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, а новыхъ работъ по тѣмъ же вопросамъ, касательно московскаго періода русской исторіи вовсе не появлялось. Такимъ образомъ, богатство матеріала по исторіи государственнаго хозяйства въ Россіи въ XVII в. и довольно слабая ученая разработка этого матеріала утверждали автора въ намѣреніи заняться его изученіемъ.

Авторъ, однако, не обладалъ достаточными матеріальными и духовными средствами для того, чтобы охватить сразу весь обширный кругъ вопросовъ, входящій въ финансовую исторію

---

[1]) Важнѣйшими собраніями рукописныхъ источниковъ являются, конечно, Архивъ Министерства Юстиціи и Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ Москвѣ. Списки XVIII в. съ писцовыхъ книгъ, хранящихся въ Арх. Мин. Юстиціи, можно также найти въ Имп. Публ Библіотекѣ. При просмотрѣ ссылокъ на эти книги Им. Публ. Библіотеки, ссылокъ, сдѣланныхъ въ настоящей книгѣ, слѣдуетъ всегда имѣть въ виду, что это не подлинники, а списки XVIII в. Богатѣйшимъ источникомъ для финансовой исторіи XVII в. являются приказныя дѣла старыхъ лѣтъ въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Ссылки на этотъ источникъ приводятся сокращенно въ слѣдующемъ видѣ: П. Д. С. Л.

Московскаго государства въ XVII в. Эти вопросы можно разсматривать съ точки зрѣнія ихъ экономическаго значенія или съ точки зрѣнія ихъ юридической опредѣленности. Но финансовая политика XVII в. держалась не столько политико-экономическихъ, сколько соціально-политическихъ воззрѣній; она болѣе заботилась о казенныхъ выгодахъ, чѣмъ о поощреніи частной предпріимчивости и развитіи народнаго хозяйства. Поэтому, имѣя отчасти въ виду первую изъ вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія, авторъ стоялъ преимущественно на второй изъ нихъ, а между тѣмъ, именно со второй изъ этихъ точекъ зрѣнія, несомнѣнно, наиболѣе важное, общее значеніе и имѣетъ вопросъ объ организаціи прямаго обложенія.

Таковъ логическій путь, которымъ авторъ пришелъ къ изученію организаціи прямаго обложенія въ XVII вѣкѣ. Тема эта, конечно, распадается на нѣсколько второстепенныхъ частей. Каковы были соціально-экономическія условія, на почвѣ которыхъ складывалась организація прямаго обложенія, и какъ эта организація, въ свою очередь, повліяла на общественный строй, чѣмъ отличались основныя начала прямаго обложенія, какъ раскладывались и взимались прямые налоги, куда поступали они и какъ распредѣлялись по центральнымъ учрежденіямъ—вотъ тѣ вопросы, посильное разрѣшеніе которыхъ читатель найдетъ въ предлагаемомъ трудѣ. Въ этихъ общихъ рамкахъ авторъ стремился изобразить изучаемыя имъ явленія не въ статическомъ положеніи, а въ ихъ историческомъ движеніи, не отвлеченною, однообразною схемой, а въ видѣ живой, развивающейся ткани соотношеній, опредѣляемыхъ мѣстными условіями древнерусской жизни.

Съ благодарностью вспоминаетъ авторъ то вниманіе и сочувствіе, какимъ онъ пользовался при выполненіи настоящаго труда, со стороны профессоровъ Е. Е. Замысловскаго и К. Н. Бестужева-Рюмина, ту товарищескую помощь, какую оказывалъ ему М. А. Дьяконовъ. Многими библіографическими указаніями и благосклоннымъ содѣйствіемъ въ занятіяхъ рукописными текстами авторъ обязанъ и весьма признателенъ: А. Ѳ. Бычкову, И. А. Бычкову, С. А. Бѣлокурову, В. Г. Дружинину,

В. П. Ламбину, Д. П. Лебедеву, Л. Н. Майкову, С. Ѳ. Платонову, Н. А. Попову, И. Е. Троицкому, В. И. Холмогорову.

Не смотря на довольно упорный трудъ, авторъ не скрываетъ отъ себя недостатковъ настоящаго изслѣдованія: многое остается нерѣшеннымъ, рѣшено, быть можетъ, невѣрно, или сказано слишкомъ слабо и неясно. Новизна предмета и необходимость соединять историческія познанія съ свѣдѣніями въ области политической экономіи, государственнаго права и финансовъ не извиняютъ, конечно, такихъ недостатковъ, хотя и объясняютъ ихъ. Недостатки эти извиняются однимъ: искреннимъ желаніемъ изучать тѣ или другія явленія безъ всякихъ предубѣжденій, стремленіемъ къ истинѣ, стремленіемъ, въ силу котораго душа болѣзненно рвется на просторъ, хотя и прикована тяжелыми цѣпями къ міру конкретныхъ представленій, сознаніе мучительно бьется въ желѣзной клѣткѣ, но согрѣвается надеждой когда-либо вылетѣть на чистый воздухъ, возвратиться на лоно природы и отождествить свое я съ міровымъ бытіемъ...

ВВЕДЕНІЕ.

I. Происхожденіе и развитіе прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ до XVII вѣка.

Сложная система податныхъ обязанностей, которыя тяжелымъ бременемъ ложились на тяглое населеніе Московскаго государства въ XVII вѣкѣ, образовалась не сразу. Она не вызвана была творческою дѣятельностью теоретической мысли; она сложилась подъ вліяніемъ долговременнаго процесса, постепеннаго наростанія и опредѣленія потребностей великаго князя, его вольныхъ, невольныхъ слугъ и государства въ связи съ развитіемъ способовъ и средствъ, направленныхъ къ удовлетворенію этихъ потребностей Она была, такимъ образомъ, историческимъ слѣдствіемъ вѣковаго взаимодѣйствія цѣлаго ряда силъ, размѣры и свойства которыхъ опредѣлялись мѣстными условіями и специфическими особенностями даннаго національнаго типа.

Первоначально личныя потребности сѣверно-русскаго князя и его двора, вѣроятно, удовлетворялись не столько путемъ сборовъ съ крестьянъ, селившихся на черныхъ земляхъ, сколько наличными силами и средствами его собственнаго хозяйства. Древнее великокняжеское хозяйство (въ XII—XIV вв.) еще отзывалось слѣдами полукочеваго быта, ибо основными его элементами были, повидимому, звѣриная и рыбная ловля, скотоводство и отчасти земледѣліе. Для охоты, рыболовства и скотоводства служили дворовые холопы великаго князя, находившіеся подъ дворскимъ; таковы ловчіе, охотники, стрѣлки, сокольники, рыболовы, конюхи и всякіе другіе приспѣшники, такъ часто упоминаемые въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ сѣверно-русскихъ князей. Земледѣльческія работы на собственныхъ, дворцовыхъ земляхъ великаго князя первоначально производились, вѣроятно, главнымъ образомъ задворными холопами, которыми населены были »людскія« деревни князей и част-

ныхъ землевладѣльцевъ уже въ XII вѣкѣ [1]). Но дворовые холопы-промышленники также рано стали селиться особыми поселками, слободами при лѣсахъ, озерахъ, рѣчкахъ. Людскія деревни и слободы первоначально доставляли во дворецъ всѣ требуемые отъ нихъ сборы натурою. Но постепенный ростъ великокняжескаго хозяйства, а также измѣненія, происшедшія въ хозяйственномъ строѣ нѣкоторыхъ дворцовыхъ слободъ, утерявшихъ прежній характеръ и смыслъ, естественно повели къ переложенію ненужной части натуральныхъ сборовъ на денежный оброкъ, который и сталъ вводиться въ употребленіе въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ населеніе людскихъ деревень, вѣроятно, стало мало по малу смѣшиваться съ крестьянами, тогда какъ жители дворцовыхъ промышленныхъ слободъ приравнивались къ посадскимъ людямъ. [2])

То же отчасти произошло со сборами съ крестьянъ дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей. Дворцовые крестьяне первоначально обязаны были давать князю оброкъ, обыкновенно въ видѣ натуральныхъ произведеній, а затѣмъ стали исправлять и барщину въ его пользу. Лишь довольно поздно эти натуральные сборы отчасти замѣнились денежными. Еще во второй половинѣ XVII вѣка, когда съ дворцовыхъ селъ и волостей стали брать деньги за оброчный хлѣбъ, общество мало было подготовлено къ такой мѣрѣ и приписывало ея вліянію сильное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ [3]). Крестьяне черныхъ волостей, т. е. земель государственныхъ, не принадлежавшихъ князю на правахъ частной собственности, разумѣется, не исполняли обязанностей задворныхъ холоповъ или дворцовыхъ крестьянъ. Они первоначально обязаны были, однако, оказывать помощь великокняжескимъ слугамъ при производствѣ охоты, рыбной ловли, сѣнныхъ покосовъ и, можетъ быть, земледѣльческихъ работъ [4]), причемъ первыя три обязанности распространялись даже на крестьянъ частныхъ поземельныхъ владѣній [5]).

---

[1]) П. С. Р. Л., т. II, изд. 2-е (Спб. 1872), стр. 338. Лѣт. по Ипат. сп. л. 6666.

[2]) А. Э., т. I, №№ 142, 143, 147, 183, 324, 341. Въ 1668 г. часть рыбныхъ ловцовъ Переяславской дворцовой слободы тянетъ тягло, А. Э., т. IV, № 210. Ср., однако, А. И., т. IV, № 213. П. С. З., т. I., № 125. Ср. прим. 1 на стр. 21.

[3]) П. С. З., т. I, № 286.

[4]) А. Э., т. I, №№ 17, 18, 22, 28, 35, 46, 64, 99. П. С. З., т. I, № 200. *В. Сергѣевичъ*, Вольные и невольные слуги Московскаго государства въ Наблюдателѣ, 1887 г., № 1, стр. 77—88. Ср. еще обязанность крестьянъ давать портнаго А. Э., т. I, №№ 46, 53. П. С. З., т. I, № 205.

[5]) А. Э., т. I, №№ 12, 43, 56. С. Г. Г. и Д., т. I, № 127. Посадскіе люди

Съ переложеніемъ части натуральныхъ сборовъ на денежные и обязанности свободнаго населенія замѣнены уплатою денежныхъ суммъ. За выполненіемъ этихъ обязанностей наблюдали сами великокняжескіе слуги [1]) и первоначально этотъ надзоръ имѣлъ характеръ случайнаго, временнаго и личнаго порученія. Но съ постепеннымъ разграниченіемъ ихъ вѣдомствъ съ конца XIV вѣка встрѣчаемъ извѣстія о такихъ должностяхъ, какъ казначеи, дьяки и подъячіе, которые завѣдывали сборами оброковъ и вели книги и записи этимъ сборамъ. Содержаніе этихъ чиновниковъ, бывшихъ первоначально дворовыми холопами великаго князя, доставлялось самимъ населеніемъ. Съ него-то и сбирались сперва, вѣроятно, въ натуральномъ видѣ, а потомъ и въ переводѣ на денежный счетъ тѣ казначеевы, дьячьи, подьячьи пошлины, которыя продолжаютъ взиматься въ черныхъ волостяхъ и въ XVII столѣтіи [2]).

Рядомъ съ дворовыми и задворными холопами кругомъ великокняжескаго двора стали осѣдать и прежніе дружинники, мало по малу пріобрѣтавшіе характеръ вольныхъ слугъ. Первый примѣръ такого рода осѣданія мы встрѣчаемъ уже при Юріѣ Владиміровичѣ въ его старой дружинѣ съ Георгіемъ Шимоновичемъ во главѣ. Но полукочевой характеръ дружины продолжалъ проявляться въ XII,

---

г. Углича (который вѣдался въ Большомъ дворцѣ. См. А. Э., т. IV, №№ 59 и 250) поставляли въ Москву на своихъ подводахъ и стругахъ съ гребцами и кормчими оброчную рыбу съ дворцовыхъ рыболововъ. (А. Э., т. IV, № 187). Доп. кн. А. И., т. X, № 73.

[1]) Ср. прим. 4 на стр. 2.

[2]) А. Э., т. I, №№ 34, 35, 107, 136. Въ XVI в. встрѣчаемъ пошлины дворецкаго. *И. Бѣляевъ*, О доходахъ Московскаго Государства въ Чт. Моск. Общ. Истор. и Древ. 1885 г., кн. I, стр. 65. На Бѣлоозерѣ въ 1618 г. платили за дворскаго пошлину оброкъ. Писц. кн. г. Бѣлоозера 7126 г. въ Спб. Дух. Академіи, Кир. библ., № 79/1318. л. 88. Казначеевы и другія пошлины взимаются, напр., въ черныхъ волостяхъ слѣд. уѣзд.: Вятскаго (Писцовыя книги 7137 г. въ Имп. Публ. Библ. Q. IV, № 257; въ Арх. Мин. Юстиціи ихъ нѣтъ), Устюжскаго (Писц. кн. 7133 г. ibid. F. IV, № 511), Сольвычегодскаго (Писц. кн. 7133 г. ibid. F. IV, № 497. л. 78/602), Тотемскаго. (Писц. кн. 7131—133. въ Арх. Мин. Юстиціи, кн. 480 и 486). Наименованіе этого прямаго налога пошлиною означаетъ только ея древнее происхожденіе изъ обычая, изъ того, что пошло по старинѣ. Въ древней Франціи при первыхъ Капетингахъ прямые налоги (cens, champart etc.) въ королевскихъ доменахъ также назывались coutumes. *A. Luchaire*, Histoire des institutions monarchiques de la France, P., 1883, t. I, p. 88.

Изрѣдка въ XVI в. еще встрѣчаются любопытные случаи какъ бы переложенія государственныхъ налоговъ на частнохозяйственный, натуральный

XIII и даже въ началѣ XIV вѣка [1]), а въ правѣ вольнаго перехода, можетъ быть, выживалъ еще долѣе. Такимъ образомъ князь осѣлъ въ то время, когда дружина все еще продолжала находиться въ полубродячемъ состояніи, князь «припалъ къ землѣ, отъ нея почуялъ силу» и «опередилъ дружину», которая все еще продолжала кружиться [2]). Естественно, поэтому, что отношенія великаго князя къ дружинѣ должны были измѣниться. Южно-русскій князь былъ вожакомъ, старшимъ дружинникомъ бродячей дружины; лѣтомъ онъ отправлялся въ дальніе военные походы, зимою часто велъ полукочевой образъ жизни, продовольствовалъ себя и дружину свою на счетъ покореннаго племени, среди котораго временно ставилъ станъ или строилъ ловы. Родовыя отношенія также принуждали его переходить съ одного стола на другой. Дружина вмѣстѣ съ княземъ принимала участіе въ общемъ движеніи; вмѣстѣ съ нимъ она главнымъ образомъ, довольствовалась временными, неопредѣленными по размѣрамъ сборами съ населенія и военною добычей [3]). Но у осѣвшаго сѣверно-русскаго князя съ его дворомъ и дружиною потребности не могли имѣть того минутнаго, преходящаго значенія, какое обусловлено было безпокойнымъ образомъ жизни прежнихъ южныхъ князей; онѣ требовали удовлетворенія путемъ сборовъ болѣе опредѣленныхъ во времени, количествѣ и качествѣ. Притомъ военные походы потеряли прежній грабительскій характеръ; военной добычи не хватало на удовлетвореніе потребностей вольныхъ великокняжескихъ слугъ; эту добычу нужно было замѣнить новымъ источникомъ доходовъ; они стали добываться системою кормленій, которая зародилась еще при князьяхъ Кіевскихъ, но окончательно сложилась лишь на сѣверо-востокѣ. Кормленіе поставило дружинника въ зависимое положеніе; онъ сталъ вольнымъ слугой в. князя;

сборъ, напримѣръ: »И съ тое волости Иванова Борку ямскихъ денегъ имъ не плотити и посошные службы съ нихъ не наряжати и города имъ не дѣлати; а за ямскіе деньги и посошную службу и за городовое дѣло бити имъ царевъ и вел. князя ѣзъ Порожскій« *И. Бѣляевъ*, Ibid. кн. II, стр. 113.

[1]) Вспомнимъ былину объ Александрѣ Поповичѣ или переходъ бояръ Андрея Александровича Городецкаго въ Тверь. Ср. *И. Забѣлинъ*, Развитіе Московскаго единодержавія въ Историч. Вѣстн., 1881 г., т. IV; стр. 259 и 495.

[2]) *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 30.

[3]) П. С. Р. Л., т. I, изд. 2-е (Лѣт. по Лаврент. сп.), стр. 30, 53—54 58. т. V, Стр. 87. «ти бо древніе Князья не сбираху много имѣнія нетворимыхъ виръ, ни продажъ въ складаху на людіи; но оже будяше правая вира, и ту возьма даяша дружинѣ на оружіе. А дружина его кормяхуся, воюющи иныя страны». *Н. Янишевскій*, О расходахъ въ Россіи до конца XVII ст. въ Уч. Зап. Каз. Унив., 1850 г., Кн. I, стр, 101—107.

но эти отношенія не походили еще на ту частную зависимость этого слуги отъ великаго князя, какъ богатаго государя-вотчинника, которыя вскорѣ затѣмъ начали слагаться въ силу помѣстной системы; кормленіе было со стороны великаго князя скорѣе уступкою своихъ государственныхъ правъ бывшему дружиннику, переложеніемъ тѣхъ выгодъ, какими пользовался послѣдній въ военное время, на болѣе мирныя условія гражданскаго быта [1]).

Въ свое время кормленія были явленіемъ вполнѣ естественнымъ и необходимымъ, что разъясняется тѣми условіями, въ какія поставленъ былъ первоначально великій князь Московскій по отношенію къ другимъ княженіямъ. Нѣсколько такихъ сильныхъ княженій облегали небольшое наслѣдіе Даніила Московскаго. Вольные слуги, благодаря свободнымъ, договорнымъ отношеніямъ къ князьямъ, служили тому изъ нихъ, при которомъ служба была выгоднѣе, лучше вознаграждалась. Каждый князь, поэтому, давалъ имъ широкія привилегіи для того, чтобы не отогнать отъ себя прежнихъ своихъ слугъ и привлечь новыхъ. Эти привилегіи, вознагражденія за службу состояли въ передачѣ государственныхъ правъ, принадлежавшихъ князю, въ частное временное пользованіе служилому человѣку, а права эти сводились первоначально къ сбору доходовъ и производству суда. Такимъ образомъ вольные слуги, послужившіе князю вѣрою и правдою, получали отъ него «волости-пути» и судъ съ судебными «пошлинами отъ службы для покоя и прокормленія» этими волостями и пошлинами пользовались на правахъ временнаго условнаго владѣнія; сбирали, напр. эти доходы и пошлины черезъ посредство своихъ людей — холоповъ, тіуновъ и пошлинниковъ, даже пріобрѣтали въ немногихъ случаяхъ право наслѣдственнаго владѣнія кормленіями, какъ это случилось позже въ гораздо болѣе обширныхъ размѣрахъ съ помѣстьями [2]).

Уже первые князья раздавали грады мужамъ своимъ. Но въ древнѣйшее время кормленіе не могло еще достаточно опредѣлиться и

---

[1]) Опредѣленіе кормленія см. у *А. Градовскаго*, Истор. мѣст. управл. т. I, стр. 15—23. Ср. *Ѳ. Дмитріева*, Исторія судеб. инстанцій (М. 1859) стр. 16.

[2]) См. извѣстный примѣръ кормленія Протасьевыхъ въ Лузѣ и въ Мещерѣ въ А. Ю. № 161. *В. Сергѣевичъ* (ст. въ Наблюдателѣ 1887 г. № 2, стр. 58 и 64 прим.) считаетъ таковыми же случаи съ Нестеромъ Родіоновичемъ (*Н. Карамзинъ*, И. Г. Р. т. IV, прим. 324) и съ Ѳ. Бѣльскимъ (С. Г. Г. и Д., т. I, № 144). Вѣроятность такого предположенія оправдывается случаемъ съ Наримонтомъ Гедиминовичемъ въ Новгородѣ (П. С. Р. Л., т. IV, изд. 2, стр. 217). Ср. еще С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 2, 10 и 11. П. С. Р. Л., т. II, изд. 2-е стр. 514.

развиться, ибо князю не было необходимости выдавать кормленія своимъ дружинникамъ, которые вмѣстѣ съ нимъ нерѣдко переходили изъ одного княжества въ другое и большею частью довольствовались военноюдобычей. Но когда произошли вышеуказанныя перемѣны въ отношеніяхъ князя къ дружинникамъ, система кормленій должна была развиться. Съ XIV вѣка населеніе должно было выплачивать кормленщику-намѣстнику или волостелю дань въ видѣ натуральныхъ сборовъ при въѣздѣ и на праздники, а также судебныя пошлины за производство суда. Такого же рода содержаніе, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, выдавалось тіунамъ и доводчикамъ намѣстника [1]). Рядомъ съ тіунами существовали пошлинники, также люди намѣстника или волостеля, которые сбирали таможенныя и судебныя пошлины за кормленщика и, вѣроятно, получали отъ населенія вознагражденіе, въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ зачитываемое въ доходъ намѣстника. Вѣроятно, къ разряду лицъ, получавшихъ кормы съ населенія, слѣдуетъ относить и дворянъ, какъ низшихъ исполнительныхъ органовъ суда, хотя объ ихъ кормахъ мы опредѣленныхъ свѣдѣній не имѣемъ [2]).

Кормы, получаемые всѣми этими лицами, имѣли первоначально характеръ натуральныхъ, слѣдовательно, далеко не строго опредѣленныхъ по размѣрамъ сборовъ; но уже съ конца XIV в. личный произволъ кормленщиковъ начинаетъ ограничиваться уставными грамотами; кормленщикъ получаетъ доходный списокъ съ книгъ, какъ ему кормъ и всякія пошлины сбирать [3]), а населенію предоставлено право челобитья на злоупотребленія намѣст-

---

[1]) *Н. Загоскинъ*, Уставныя грамоты XIV—XVI вв., Казань, 1876 г. вып. 2-й. (Сводный текстъ). П. С. Р. Л., т. I, изд. 2-е. стр. 19. Лѣт. по Лавр. сп. л. 6370. Въ извѣстномъ разсказѣ о томъ какъ первые князья раздавали грады мужамъ, по спискамъ Московской духовной академіи и Радзивиловскому читаемъ вмѣсто «раздая грады»—«раздая волости». Такъ какъ въ этихъ спискахъ разсказъ также отличается многими архаическими чертами, то и выраженіе «раздая волости» можно считать древнимъ; понимая послѣднее въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблено въ духовной Калиты (С. Г. Г. и Д., т. I, № 22), можно видѣть въ немъ первое указаніе на кормленіе въ обычномъ смыслѣ.

[2]) Судебникъ I-й ст. 40 и II-й ст. 62. А. Э., т. I, №№ 13, 123, 201, 240; т. III, № 37. Пошлинники бывали и у князей А. Э., т. I, № 39. С. Г. Г. и Д., т. I, № 112. Ср. А. И., т. IV, № 254. О дворянахъ у намѣстниковъ см. А. Э., т. I, № 37. Въ XVI—XVII вв. есть множество упоминаній о доходѣ намѣстничьемъ и пошлинныхъ его людей.

[3]) Доп. къ А. И., т. I, № 53. *Н. Загоскинъ*, Уст. гр., вып. II. стр. 18—37. Судебникъ I-й ст. 65. Судебникъ II-й ст. 74.

никовъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ сборы начинаютъ пріурочиваться къ опредѣленному времени, производится денежная ихъ оцѣнка, а намѣстникамъ, волостелямъ и ихъ людямъ иногда прямо предписывается сбирать, вмѣсто натуральныхъ, денежные сборы. Такимъ образомъ прежніе неопредѣленные натуральные кормы превращаются въ болѣе точные денежные доходы [2]).

Это превращеніе сопровождалось постепеннымъ измѣненіемъ самого характера сборовъ; изъ частнаго дохода, вознаграждавшаго заслуги служилаго человѣка, они становятся мало-помалу государственнымъ налогомъ. Уже въ удѣлѣ великаго князя Симеона, судя по его духовной, намѣстники получали лишь половину доходовъ съ кормленій; остальную часть они обязаны были передавать въ казну великокняжескую [3]) Кормленія отозванныхъ кормленщиковъ обыкновенно также возвращались въ ту же казну [4]) Съ размноженіемъ вольныхъ княжескихъ слугъ, когда въ одной и той же мѣстности оказывалось по два кормленщика, кормленія стали все болѣе и болѣе тяжелымъ бременемъ ложиться на населеніе [5]). Вмѣстѣ съ тѣмъ намѣстники и волостели, сами по себѣ, вовсе не удовлетворяли окрѣпшаго правительства, какъ мѣстные административные и судебные органы, ибо не заботились о предотвращеніи мѣстныхъ безпорядковъ, которые служили для нихъ источникомъ доходовъ и, напротивъ, увеличивали эти безпорядки произвольными взятками. Такимъ образомъ угнетенное положеніе самого населенія, его безпрестанныя докуки и челобитныя госу-

---

[1]) А. Э., т. I, №№ 13, 123, 181. Судебникъ II-й, ст. 22 и 23.

[2]) Уставныя грамоты Двинская, Переяславская и Моревская (А. Э. т. I, №№ 13, 143, и Доп. къ А. И., т. I, № 26) не даютъ свѣдѣній о намѣстничьемъ кормѣ и его размѣрахъ. Замѣна натуральныхъ сборовъ денежными вѣроятно, первоначально предоставлялась тому, «кому она полюбится», какъ это дѣлалось въ частныхъ землевладѣльческихъ хозяйствахъ еще въ XVII вѣкѣ (А. Э., т. IV, № 112).

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 24. Таково было распоряженіе вел. князя въ его духовной. Вдова его должна была получать половину доходовъ намѣстничьихъ. Если такъ должно было быть послѣ смерти вел. князя, то могло быть и при его жизни. Позднѣе встрѣчаются аналогичные факты. Въ Псковѣ въ 1585—1586 г. былъ соляной дворъ, который «отданъ былъ намѣстнику»; въ государеву казну шло только 5 рублей» (*Н. Чечулинъ*, Города Россіи въ XVI в., Спб., 1889. г., стр 135).

[4]) Доп. къ А. И., т. I, № 108.

[5]) Судебникъ II-й ст. 74. Никонов. лѣт., ч. VII, стр. 258. А. Э., т. I № 234 и мн. др. Ср. *С. Соловьева*, т. I, изд. 1-е, стр. 38—42.

дарю съ одной стороны; несостоятельность намѣстниковъ и волостелей, какъ мѣстныхъ органовъ администраціи, отчасти недовѣріе, какое они внушали грозному царю, и финансовыя выгоды, которыя онъ думалъ извлечь изъ сокращенія посредствующихъ ступеней между собой и народомъ—съ другой, вызвали (въ 1556 году) необходимость реформы мѣстнаго управленія; она выразилась въ образованіи губныхъ и земскихъ учрежденій въ половинѣ XVI вѣка [1]) Съ появленіемъ новыхъ формъ мѣстнаго управленія, разумѣется, не пали окончательно прежнія. Какъ исключенія кормленія все еще продолжали изрѣдка встрѣчаться въ XVII вѣкѣ.

Съ уничтоженіемъ кормленій, естественно должна была бы уничтожиться и обязанность со стороны населенія платить дани и судебныя пошлины служилымъ людямъ для ихъ покоя и прокормленія. Но обязанности эти не были уничтожены, только назначеніе ихъ измѣнилось; вмѣсто того, чтобы удовлетворять частныя потребности кормленщика, намѣстничь доходъ и пошлинныхъ его людей, кормъ и присудъ стали стекаться въ казну царскую. Невозможность же уничтоженія этихъ сборовъ объясняется, кромѣ увеличивавшихся съ каждымъ днемъ государственныхъ потребностей, и тѣмъ, что съ уничтоженіемъ кормленій осталось при царскомъ дворцѣ множество служилыхъ людей безъ вознагражденія; лишенные прежнихъ доходовъ, они, конечно, требовали жалованья, которое съ этого времени и стало выдаваться имъ на ряду съ помѣстнымъ.

Таковъ былъ сложный процессъ образованія тѣхъ денегъ за намѣстничь и пошлинныхъ его людей доходъ, которые въ видѣ прямаго налога сбираются съ городовъ и уѣздовъ Московскаго государства въ XVII вѣкѣ [2]).

---

[1]) Едва ли справедливо считать желаніе ц. Ивана Васильевича ослабить значеніе намѣстниковъ и волостелей главною причиною реформы областныхъ учрежденій XVI вѣка. (*И. Бѣляевъ*, Критика на Обзоръ историч. разв. сел общины въ Россіи Б. Чичерина въ Русской Бесѣдѣ 1856 г., кн. I, стр. 123). Такое объясненіе противорѣчитъ взгляду самого И. Д. Бѣляева на намѣстниковъ, какъ на исправныхъ административныхъ органовъ Нельзя, однако, отрицать существованія у Грознаго стремленія ослабить значеніе намѣстниковъ привлеченіемъ мѣстныхъ старостъ и цѣловальниковъ въ намѣстничій судъ. (Судебникъ II-й ст. 62, 68, 69, 70, ранѣе не встрѣчающіеся) Мнѣніе *А. Лохвицкаго* (Губернія., Спб., 1864 г., т. I, стр. 26 и 30), по которому уставныя и судебныя грамоты вызваны были частью желаніемъ Ивана Грознаго установить правосудіе, частью вслѣдствіе того, «что были выгодны царю, потому что при этомъ порядкѣ царь получалъ больше дохода, чѣмъ прежде», не можетъ быть принято безъ ограниченій. Вѣдь послѣ уничтоженія кормленій остались много кормленщиковъ, которые требовали содержанія.

[1]) См. приложеніе I.

Постепенное образованіе прямыхъ налоговъ вызвано было, однако, не только внутреннимъ, органическимъ ростомъ государства. Въ развитіи своемъ послѣднее сталкивалось съ окружавшими его, нерѣдко враждебными политическими силами, и для того, чтобы выжить и выйти побѣдителемъ изъ этихъ столкновеній, принуждено было тратить большую часть своихъ средствъ на самозащиту. Первоначально такихъ средствъ оказалось даже слишкомъ мало и молодому государству пришлось смириться и, послѣ неравной борьбы съ могущественнымъ сосѣдомъ, Татарами, подчиниться тяжелому чужеземному игу. Государственная защита и долговременныя, подчиненныя отношенія къ татарскому хану, словомъ, потребности внѣшней безопаспости, вызвали, конечно, цѣлый рядъ новыхъ обязанностей, которыя ставили населеніе въ гораздо болѣе непосредственныя отношенія къ государству, чѣмъ сборы, удовлетворявшіе первоначально лишь частнымъ потребностямъ великаго князя, его вольн невольныхъ слугъ.

Для защиты государства нужно было имѣть постоянное войско и укрѣпленія; а въ чрезвычайныхъ случаяхъ необходимымъ становилось увеличивать число ратныхъ людей. Потребности эти вызвали образованіе стрѣлецкаго войска, содержаніе котораго тяжелымъ бременемъ ложилось на населеніе, и повели къ устройству городоваго дѣла и посохи, существовавшихъ издавна. Подобно тому какъ задворные холопы великаго князя стали мало-по-малу смѣшиваться съ крестьянами, дворовые холопы начали приближаться къ вольнымъ слугамъ, которые, съ усиленіемъ княжеской власти, стали все болѣе и болѣе пріобрѣтать служебное значеніе. Въ числѣ дворцовыхъ чиновъ начинаютъ рядомъ встрѣчаться и свободные и бывшіе несвободные слуги. Неудивительно поэтому, что низшій слой царскихъ дворовыхъ холоповъ сталъ сливаться съ низшимъ слоемъ вольныхъ слугъ. Такое смѣшеніе, вѣроятно, повело къ образованію особаго рода военнаго отряда. Въ самомъ дѣлѣ, о княжескихъ дворцовыхъ слугахъ въ смыслѣ отряда войска сохранилось упоминанія отъ XIII — XV вѣковъ, [1]) а намеки на существо-

[1]) П. С. Р. Л., т. III, изд. 2-е, стр. 164. (Новгород. I лѣт. 6700 г.). Въ 1192 г. кн. Ярославъ «дворъ свой» послалъ «съ Пльсковици воевать». Никонов. лѣт., ч. III, стр. 19. Послѣ удачной битвы въ 1245 году съ Литовцами «погна по нихъ князь Александръ съ дворомъ своимъ...» О существованіи такого княжескаго двора въ смыслѣ отряда войска въ болѣе позднее время, особенно въ XV вѣкѣ сохранилось множество лѣтописныхъ указаній. *К. Бестужевъ-Рюминъ*, О значеніи слова «дворянинъ» по памятникамъ до 1462 года въ Тр. II-го Археол. съѣзда, т. I, Отд. IV, В., стр. 121—125

ваніе особаго дворовaго воеводы встрѣчаются съ XV вѣка; болѣе опредѣленныя свидѣтельства относятся къ XVI ст. [1]). Вмѣстѣ съ этимъ отрядомъ, нерѣдко упоминаются дѣти боярскія [2]). Взаимодѣйствіе этихъ двухъ классовъ другъ на друга, вѣроятно, стало сказываться довольно рано; уже во второй половинѣ XIII вѣка дѣти боярскія назывались дворовыми слугами [3]), а результаты такого взаимодѣйствія могли обнаружиться въ ихъ сліяніи и въ образованіи изъ нихъ постояннаго стрѣлецкаго войска при Василіѣ Ивановичѣ и Иванѣ Грозномъ. Стрѣлецкое войско еще въ началѣ XVII вѣка получало кормъ изъ дворца отъ дворецкаго, а это, можетъ быть, указываетъ на то, что основою стрѣлецкаго войска послужилъ отрядъ военныхъ великокняжескихъ холоповъ, къ которымъ вслѣдъ за тѣмъ присоединились вольные слуги низшихъ разрядовъ [4]). Образовавшееся постоянное войско требовало постояннаго и не только постояннаго, но и опредѣленнаго, по размѣрамъ, содержанія. Помѣстная система не была еще вполнѣ развита, да и неудобна была въ примѣненіи къ такому войску. Естественно, что кормовое и денежное жалованье, ему необходимое, при вышеуказанныхъ условіяхъ стало сбираться съ населенія и обратилось въ прямой налогъ. На его преобладающее значеніе мы будемъ имѣть случай указать нѣсколько ниже.

Кромѣ содержанія стрѣлецкаго войска, важнѣйшими обязанностями населенія для защиты государства были: постройка укрѣпленій и поставка ратныхъ людей. Та и другая обязанность отправлялись въ видѣ личныхъ повинностей: городовой и ратной или посошной. Уже первые варяжскіе князья рубили города, но нѣтъ прямыхъ извѣстій о томъ, какимъ образомъ производились эти работы. Происхожденіе городовой повинности, однако, разъ-

---

[1]) Никонов. лѣт. ч. V., стр. 116.

[2]) *В. Сергѣевичъ* ст. въ Наблюдателѣ., 1887 г., № 1. П. С. Р. Л., т. VI. стр. 92. А. И. т. I, №№ 71, 75. Симбирскій Сборникъ, стр. 20.

[3]) П. С. Р. Л., т. II, изд. 2-е, стр. 584. Ср. выраженія, часто встрѣчающіяся въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ Московскихъ князей: «бояре и слуги»—и «бояре и дѣти боярскіе».

[4]) Предположеніе *В. Сергѣевича*, Ibid. Древ. Рос. Вивл., т. XIV, стр. 351. А. И., т. II, № 355. По словамъ А. Олеарія (Пут. въ Москву, гл. XIV, въ Чт. М. О. И. и Д., 1868 г., кн. IV, стр. 262), Государь платитъ стрѣльцамъ жалованье изъ доходовъ съ полей своихъ и помѣстій. Ср. *Ю. Крижанича*, Рус. Госуд. изд. П. Безсонова, Разд. 24, ст. 3. «Aliqui (i e. servorum) enim sunt honoratres, siue curiales, et hi aestimantumr cum stipendiariis in eodem gradu...»

ясняется, быть можетъ, извѣстіями, болѣе поздними въ родѣ того, которое встрѣчаемъ подъ 1195 годомъ: въ это время Всеволодъ Юрьевичъ послалъ своего тіуна съ людьми въ Русь и «созда градъ на Городни на Въстри, обнови отчину свою». Города, какъ временныя укрѣпленія, строились также ратными людьми. Возможно, что для производства такого рода работъ на помощь призывалось мѣстное населеніе, какъ это дѣлалось и при охотѣ, рыбной ловлѣ или земледѣльческихъ работахъ, выполняемыхъ великокняжескими людьми. Покоренныя племена въ числѣ прочихъ повинностей также обязаны были рубить города [1]), а со временъ татарскаго погрома городовое дѣло стало, вѣроятно, болѣе или менѣе общеобязательнымъ. Жалованными грамотами XIV и XV вв. монастыри, однако, нерѣдко освобождались, между прочимъ, и отъ городоваго дѣла [2]), которое съ этого времени пріобрѣтаетъ формы опредѣленной повинности, рѣдко перелагаемой на денежные платежи и сохранившейся въ натуральномъ видѣ до позднѣйшаго времени.

Развитіе посошной повинности находилось въ зависимости отъ постепеннаго опредѣленія классовъ, по скольку послѣднее выражалось въ усиливавшемся различіи ихъ обязанностей по отношенію къ государству. Первоначально такое разграниченіе, въ сущности, состояло въ различіи пришлой дружины отъ туземнаго населенія. Первая лично несла военную службу, которая составляла ея обычное занятіе. Все населеніе, разумѣется, не могло выполнять такого рода постоянной службы; лишь на время, въ особенныхъ случаяхъ, изъ его среды набирались вои. Олегъ, Святославъ, Владиміръ составляли изъ мѣстнаго населенія полки въ древнемъ значеніи этого слова. Позднѣе, въ XII, XIII вв. происходило то же [3]). Съ этого времени такіе наборы пріобрѣли болѣе опредѣленные размѣры; они стали производиться вѣроятно, съ сохи, которая уже упоминается въ XIII столѣтіи, и поэтому назывались посохою — терминъ, уже встрѣчающійся въ грамотахъ XIV вѣка [4]). Съ теченіемъ времени, однако, общественныя отношенія измѣнились. Вмѣсто приш-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, изд. 2-е, стр. 19 и 391; т. II, изд. 2-е, стр. 553; т. III изд. 2-е, стр. 65, 193, 252, 320.

[2]) А. Э., т I, № 28 и мн. др.

[3]) *С. Соловьевъ*, т. I. изд. 1-е, стр. 248 — 250 и т. III, изд. 1-е, стр. 17 — 18. Первое указаніе на участіе смердовъ въ княжескомъ войскѣ можно, пожалуй, видѣть въ поученіи Владиміра Мономаха. П. С. Р., Л. т. I, изд. 2-е, стр. 240.

[4]) *Н. Карамзинъ*, т. IV, прим. 152. А. Э., т. I, №№ 7 и 143.

лыхъ дружинниковъ и мѣстнаго населенія, легче замѣтить поземельныхъ собственниковъ и владѣльцевъ. Первыми являются монастыри, вторыми черные люди, живущіе на посадѣ или въ уѣздѣ, бывшіе дружинники становятся собственниками и владѣльцами. Монастыри, какъ вотчинники, освобождаются большею частью отъ посохи, хотя такого рода освобожденіе и происходитъ въ видѣ льготъ, жалованными грамотами XIV — XVI вв., а не безусловнымъ признаніемъ ихъ правъ, какъ землевладѣльческаго класса Черные люди, какъ владѣльцы земли государевой тянутъ тягло и служатъ службы, въ томъ числѣ исправляютъ посоху. Въ исправленіи этой повинности за это время нельзя не замѣтить двухъ любопытныхъ явленій: съ одной стороны еще во второй половинѣ XV столѣтія въ посохѣ участвуютъ на ряду съ уѣздными крестьянами не только низшіе разряды посадскихъ людей, но иногда и гости, сурожане, суконники, купчіе люди, очевидно еще не пріобрѣвшіе служебнаго значенія, отдѣлившаго ихъ впослѣдствіи отъ черныхъ людей; съ другой — посоха распространяется и на задворныхъ княжескихъ холоповъ, которые успѣли уже потерять основныя черты холопства и смѣшиваются съ тяглецами, какъ на то указываетъ уставная грамота Переяславскимъ рыболовамъ 1506 года [1]). Землевладѣльцы изъ служилыхъ людей, какъ лично обязанные военною службой, тѣмъ самымъ освобождались отъ посохи; но въ тѣхъ случаяхъ, когда они почему-либо не могли лично отбывать этой службы, они наравнѣ съ другими должны были давать даточныхъ людей со своихъ земель. Положеніе дѣлъ нѣсколько измѣнилось со второй половины XVI в. Съ того времени, когда вотчины стали разсматриваться какъ земли, съ которыхъ служба столь же обязательна, какъ и съ помѣстій, и когда вопросъ о юридическомъ характерѣ поземельныхъ владѣній вообще готовъ былъ разрѣшиться въ пользу помѣстнаго, а не вотчиннаго права, естественнымъ стало требованіе со стороны правительства отправленія посошной службы не только населеніемъ помѣстій, но и вотчинъ [2]). Тогда посошная служба стала повинностью, отправляемою кромѣ черныхъ людей, и населеніемъ помѣстій и вотчинъ всѣхъ землевладѣльцевъ, не обязанныхъ личьною военною службой. Въ такомъ видѣ она и извѣстна въ XVII вѣкѣ, когда

---

[1]) *С. Соловьевъ*, т. V, изд. 1-е, стр. 213. А. Э., т. I, № 143. П. С. Р. Л., т. VI, стр. 188. Никонов. лѣт. ч. V, стр. 113.

[2]) Никонов. лѣт., ч. VII, стр. 261—262 (1556 г.).

по отношенію къ городамъ очень часто уже теряетъ характеръ личной повинности и замѣняется денежнымъ платежемъ.

Итакъ, податныя обязанности, вызванныя потребностями государственной защиты, сложились довольно поздно, да и могли сложиться лишь тогда, когда нѣсколько окрѣпла центральная власть и опредѣленнѣе обрисовались главнѣйшіе черты общественнаго строя. Ни того, ни другаго еще не существовало въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIII вѣка. Единаго цѣльнаго государства въ то время еще не могло образоваться, напротивъ, раздробленность была полная. Недавно произошелъ первый, вскорѣ долженъ былъ произойти и второй раздѣлъ между наслѣдниками Всеволода Большаго Гнѣзда. Неудивительно, поэтому, что, когда подъ стѣнами Владиміра и Кіева явились могущественныя полчища единовластнаго татарскаго хана, Русская земля не устояла противъ натиска невѣрныхъ. Каждый князь защищался въ одиночку, и послѣ кратковременной кровавой и безполезной борьбы, долженъ былъ отправляться на поклоненіе къ татарскому хану. Подчиненныя отношенія къ послѣднему породили новый рядъ обязанностей, высокою цѣлью которыхъ было охраненіе послѣднихъ остатковъ вѣры и національности отъ конечнаго разоренія. Изъ этихъ податныхъ обязанностей, падавшихъ на населеніе, первое мѣсто занимала дань. Дань, какъ контрибуція, которою покоренные откупали свою жизнь и свободу отъ насилія со стороны побѣдителей, существовала и до появленія Татаръ. Уже первые Варяги и Хазары взимали съ покоренныхъ племенъ славянскихъ дань въ этомъ смыслѣ. Первоначальное понятіе о дани, какъ о контрибуціи, мало по малу смѣнилось болѣе опредѣленнымъ. Этимъ терминомъ стали означаться разнообразныя подати и повинности съ болѣе постояннымъ характеромъ, причемъ то же наименованіе съ теченіемъ времени осталось лишь за прямыми налогами [1]). Дань въ этомъ значеніи продолжала иногда встрѣчаться и послѣ татарскаго нашествія. Есть указанія на то, что въ XIV — XV вв. съ свободнаго населенія (повидимому, не однихъ черныхъ, но и частныхъ владѣльческихъ земель, не освобожденныхъ спеціальными привилегіями) взималась, помимо татарской дани, особая дань, направлявшаяся прямо въ княжескую казну. Дань эта, можетъ быть, составлялась частью изъ излишковъ собранныхъ княземъ для Орды, но задер-

[1]) П. С. Р. Л., т. I, изд. 2-е, стр. 18. *В. Кури*, О прямыхъ налогахъ. Юрид. Сборникъ Д. Мейера, Казань., 1855 г., стр. 126. Ср. прим. 3 на стр. 35.

жанныхъ имъ денежныхъ сборовъ, частью изъ прежней дани взимаемой князьями въ свою пользу [1]); съ прекращеніемъ уплаты дани татарскому хану она могла слиться съ послѣднею и вмѣстѣ съ нею стекаться въ казну великокняжескую. Какъ бы то ни было, но со временъ татарскаго погрома подъ данью разумѣлся, главнымъ образомъ, налогъ, взимаемый въ пользу татарскаго хана. Татары, какъ извѣстно, переписали населеніе Кіевское въ 1245 году, изочли земли Суздальскую, Рязанскую, Муромскую въ 1257 году, Новгородскую въ 1259 году и съ этого времени требовали опредѣленной дани, взиманіе которой мало по малу сосредоточилось въ рукахъ великаго князя Московскаго [2]). Въ договорныхъ грамотахъ сѣверно-русскихъ князей дань эта постоянно упоминается, но уже со второй половины XIV вѣка встрѣчаются ограниченія. Въ договорной грамотѣ Дмитрія Ивановича съ Михаиломъ Александровичемъ 1375 года и съ Владиміромъ Андреевичемъ 1381 года предполагается возможность въ «немирье» не платить татарской дани, а въ договорной грамотѣ Василія Дмитріевича съ тѣмъ же двоюроднымъ дядей въ 1389 году уже встрѣчается извѣстное условіе о томъ, что если Богъ перемѣнитъ Орду, то дань идетъ въ собственную казну каждаго изъ договаривающихся князей [3]). Въ началѣ XV вѣка обычай этотъ практиковался и прежняя татарская дань сбиралась въ княжескую казну [4]). Естественно, поэтому что, съ уничтоженіемъ татарскаго ига, данныя деньги продолжали взиматься. Въ XVII вѣкѣ это одинъ изъ самыхъ опредѣленныхъ по размѣрамъ и распространенныхъ, (хотя и не отяготительныхъ,) налоговъ.

Но отношенія къ Ордѣ, кромѣ »данныхъ денегъ«, вызвали образованіе ямской повинности, ямскихъ и полоняничныхъ денегъ. Древній повозъ, упоминаемый еще въ X вѣкѣ, со временъ татарскаго погрома превратился въ ямскую повинность, т. е. обязанность доставлять даровыя средства сообщенія татарскимъ посламъ и денежнымъ сборщикамъ. Ямскія деньги сбирались, вѣроятно, такъ же, какъ и впослѣдствіи, съ населенія, не имѣвшаго возможности исправлять лично ямскую повинность. По примѣру данныхъ

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 40, 84. Р. И. Б., т. II, №№ 5—8 и мн. др. *В. Кури*, ibid., стр. 144.

[2]) *Е. Осокинъ*, О понятіи промысловаго налога и объ историческомъ его развитіи въ Россіи., Казань., 1856 г., стр. 44 и слѣд.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 32 и 35.

[4]) Ibid. т. II, № 15.

денегъ, эти податныя обязанности съ теченіемъ времени стали отбываться въ пользу не татарскаго хана, а великаго князя Московскаго Уже въ ярлыкѣ Менгу-Тимура (1270—1276) митрополитъ русскій, въ числѣ другихъ податей, освобождается отъ яма; первое прямое указаніе на сборы подводъ и кормовъ встрѣчаемъ въ грамотѣ в. к. Андрея Двинскимъ погостамъ (1294—1304) Затѣмъ тѣ же сборы часто упоминаются въ грамотахъ XIV—XV вѣковъ [1]). Подобно различію, какое существовало между данью княжескою и татарскою, различался въ XV вѣкѣ княжескій ямъ отъ татарскаго [2]); еще въ XVII вѣкѣ взимались двоякаго рода ямскія деньги: большія ямскія и малая ямщина, причемъ первыя поступали въ Ямской приказъ, вторыя въ приказъ Большаго прихода [3]).

Кромѣ данныхъ и ямскихъ, враждебныя отношенія къ Татарамъ, а отчасти и къ другимъ воинственнымъ сосѣдямъ, повели къ образованію такъ называемыхъ полоняничныхъ денегъ, которыя, какъ извѣстно, взимались для производства правительственныхъ выкуповъ плѣнныхъ, уводимыхъ татарскою ратью. Уже въ первой договорной грамотѣ вел. кн. Симеона съ братьями въ 1341 году есть упоминаніе о выкупѣ плѣнныхъ. Но такого рода выкупы первоначально производились, повидимому, на частныя средства великаго князя, митрополита или другихъ лицъ, особенно монастырей, въ видѣ добровольнаго пожертвованія, не только въ XV, но и въ XVI вѣкахъ [4]). Поэтому правильные сборы полоняничныхъ денегъ, вѣроятно, установились лишь около половины XVI столѣтія. Правда, уже подъ 1444 годомъ находится въ лѣтописи извѣстный разсказъ о томъ, какъ Мустафа царевичъ послѣ удачнаго нападенія на Рязань, увелъ полонъ, сталъ на полѣ и посылалъ въ Рязань, «продая имъ полонъ», и какъ Рязанцы выкупали своихъ плѣнныхъ у Татаръ, а въ 1535 году великій князь велѣлъ своимъ боярамъ землевладѣльцамъ въ Новгородѣ «сребро

---

[1]) П. С. Р. Л., т. I, изд. 2-е, стр. 82 и 466. С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 27, 43 и 44. А. И., т. I, №№ 13, 15 и др. А. Э., т. I, №№ 1, 4, 5, 18, 20 и др. Ср. *Гр. Д. Толстаго*, Исторія финансовыхъ учрежденій., Спб., 1884 г., стр. 3 и 50. *О. Бржозовскаго*, Историч. развитіе русскаго законодательства по почтовой части въ Юридич. Сборникѣ Д. Мейера, стр. 347. *И. Хрущова*, Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій., Спб., 1884 г., стр. 4.

[2]) А. И., т. I., № 74.

[3]) См. ниже гл. V.

[4]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 197, 263. Въ 1521 г. кн. Ѳедоръ Лопата взятъ былъ въ плѣнъ; намѣстникъ Переяславскій Иванъ Хобаръ-Образцовъ послалъ къ великому князю «на окупъ Лопаты просити и дасть ему его на окупъ».

дати, елико достоитъ по обежному счету, а крестьянскіе души, взятые отъ иноплеменникъ (т. е. Татаръ, напавшихъ на украйну и уведшихъ дѣтей боярскихъ, мужчинъ, женъ и дѣтей), искупити» [1]). Но болѣе точныя извѣстія, не имѣющія характера временнаго распоряженія вышеуказанныхъ данныхъ, встрѣчаемъ лишь со второй половины XVI столѣтія [2]).

Подъ вліяніемъ церковныхъ десятинъ или татарскаго ига возникли, можетъ быть, и пятинныя и имъ подобныя деньги, т. е. чрезвычайный поимущественный, а вмѣстѣ съ тѣмъ и подоходный налогъ. Татары, какъ извѣстно, первоначально взимали десятину со всего населенія. Съ переходомъ сборовъ въ руки самихъ князей, татарскія десятины прекратились Но Орда требовала иногда сверхокладныхъ сборовъ, запросовъ, которые (едва ли въ опредѣленныхъ размѣрахъ) взималась князьями. Въ ханскихъ ярлыкахъ монастыри постоянно освобождались, въ числѣ прочихъ податей, и отъ запроса. Таковы, напр., ярлыки Узбека, Бердибека, Атюляка, ярлыкъ Тайдулы митрополиту Ѳеогносту [3]). Опредѣленныя, однако, указанія на сборы пятинныхъ, десятинныхъ и имъ подобныхъ денегъ имѣются лишь со второй половины XVI вѣка; поэтому и самый налогъ можетъ быть, самостоятельно развился на русской почвѣ подъ вліяніемъ продолжительныхъ войнъ съ Польшей и Швеціей,— войнъ, которыя требовали значительныхъ денежныхъ средствъ, подобно тому, какъ это случилось во многихъ западно-европейскихъ государствахъ [4]).

Податныя обязанности, возникшія подъ вліяніемъ татарскаго ига, по своимъ послѣдствіямъ имѣли весьма важное значеніе какъ для государственнаго строя вообще, такъ и для податной системы

---

[1]) Никонов. лѣт., ч. V, стр. 192. П С. Р. Л., т. VI, стр. 293. А. Э., т. III, № 299.

[2]) А. Ю., № 211, I. (1582 г.). *А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, Акты гражд. расправы, т. I, № 83 (1585) О производствѣ самаго выкупа см. нѣсколько свѣдѣній у *Д. Багалѣя*, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства, стр. 267—269 (въ Чт. М. О. И. и Д., 1886 г., кн. IV).

[3]) *В. Милютинъ*, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи въ Чт. М. О. И. и Д., 1860 г., кн. III, стр. 214—215, прим. 371.

[4]) Генуэзская colletta—въ видѣ ежегоднаго налога встрѣчается съ 1165 г. Пятая, десятая и тому подобныя деньги взимались во Франціи уже въ 1147 году (ср. также dîme saladine при Филиппѣ-Августѣ), въ Миланѣ, Венеціи, Флоренціи въ XIII—XV в., въ Англіи въ XIII, въ Германіи во всякомъ случаѣ съ 1411 г. (*M. Esquirou de Parieu*, Histoire des impôts generaux sur la propriété et le revenu, Par., 1856, pp. 26—27, 29, 101, 150, 257. Cnf. pp. 65 et., 250).

въ частности. По мѣрѣ поступленія татарской дани въ его казну, богатѣлъ великій князь Московскій. Въ противоположность западно-европейскимъ государямъ, онъ не нуждался въ деньгахъ. Располагая значительными по тому времени средствами, онъ содержалъ многочисленную дружину, покупалъ земли у обѣднѣвшихъ князей или пріобрѣталъ заложенныя у него имущества владѣльцевъ по несостоятельности послѣднихъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобожденъ былъ отъ необходимости обращаться къ населенію съ запросами о денежныхъ воспомоществованіяхъ взамѣнъ политическихъ льготъ [1]). Лишь въ позднѣйшее время, когда обострившіяся отношенія окрѣпшаго Московскаго государства къ ближайшимъ западнымъ сосѣдямъ потребовали цѣлаго ряда военныхъ издержекъ, цари Московскіе обратились къ народу, стали прибѣгать къ земской думѣ для изысканія средствъ къ пополненію казны царской. Но тогда уже сложился въ главнѣйшихъ своихъ чертахъ государственный строй и представители земщины по прежнему остались подъ рукою великаго Государя, на всей его волѣ. Налоги, взимаемые въ пользу татарскаго хана, по своимъ результатамъ имѣли значеніе и въ болѣе узкой сферѣ отношеній. Они были общеобязательны для населенія, слѣдовательно, могли способствовать объединенію различныхъ областей, вмѣстѣ съ тѣмъ должны были вызвать вопросъ о распредѣленіи податнаго бремени между отдѣльными классами населенія, о ближайшемъ опредѣленіи если не источниковъ обложенія, то, по крайней мѣрѣ, податной единицы, съ которой они могли бы взиматься, наконецъ, о возможно болѣе удобномъ устройствѣ обложенія; словомъ, они пріобрѣли государственный характеръ ранѣе сборовъ, взимавшихся на удовлетвореніе личныхъ и первоначально частныхъ потребностей великаго князя, его вольныхъ и невольныхъ слугъ, и до того времени, когда сложились податныя обязанности, удовлетворявшія потребностямъ государственной защиты. Поэтому онѣ должны были послужить довольно могущественнымъ факторомъ въ переходѣ простыхъ частнохозяйственныхъ доходовъ или случайной самопомощи въ государственные налоги и повинности [2]).

---

[1]) *А. Лохвицкій*, Ibid., ч. I, стр. 25.

[2]) Опредѣлить размѣры и характеръ этого вліянія при современной разработкѣ вопроса—крайне затруднительно. Это потребовало бы весьма долгихъ и кропотливыхъ изысканій. Нашу татарскую дань отчасти напоминаетъ германскій налогъ XV в., называемый Türkensteuer. Ср. *H. Bielfeld*, Geschichte des magdeburgischen Steuerwesens, Leip., 1888, S. 12, S. 30—34. (G. Schmoller's Forschungen, B. VIII, H. 1).

Такимъ образомъ, прямые налоги и личныя повинности до XVII вѣка слагались исторически, они наростали частью подъ вліяніемъ внутреннихъ, органическихъ, частныхъ или общественныхъ, частью внѣшнихъ, политическихъ причинъ Причины эти продолжали дѣйствовать и въ XVII вѣкѣ, хотя взаимоотношеніе ихъ измѣнилось. На первый планъ выступили военныя потребности, большая часть доходовъ предназначалась на содержаніе войска, поэтому, спеціальные виды налоговъ, сбиравшихся на кормъ и денежное жалованье разнаго рода служилымъ людямъ, получили первенствующее значеніе [1]).

II. Попытки упрощенія системы прямыхъ налоговъ до конца XVII вѣка.

Рядомъ, однако, съ постепеннымъ наростаніемъ разнообразныхъ видовъ личныхъ повинностей и прямыхъ налоговъ, рядомъ съ ихъ размноженіемъ и обособленіемъ, замѣтны и попытки ихъ объединенія Разными путями пытались достигнуть этого объединенія сліяніе отдѣльныхъ видовъ въ болѣе или менѣе цѣльныя группы, т. е. установленіе особаго рода оброка: переложеніе прямыхъ налоговъ на косвенные или неудавшаяся соляная реформа, наконецъ, постепенное развитіе одного изъ важнѣйшихъ видовъ прямыхъ налоговъ, стрѣлецкой подати, на счетъ остальныхъ—такоры были эти попытки, вызванныя различными условіями и сдѣланныя въ разное время. Первая встрѣчается, по крайней мѣрѣ, съ XV вѣка, вторая и третья принадлежатъ XVII вѣку и обнаруживаютъ сильно сказывавшуюся со временъ Уложенія потребность привести разнообразіе податей хотя бы къ нѣкоторому единству.

Оброкъ въ простѣйшемъ своемъ видѣ, какъ натуральная, а затѣмъ и денежная арендная плата, выплачиваемая оброчникомъ землевладѣльцу въ силу краткосрочнаго договора, предполагалъ отсутствіе дальнѣйшихъ какихъ-либо осложненій послѣдняго, по существу своей не допускалъ смѣшенія оброчной записи съ договоромъ купли-продажи, заемной и служилой кабалой, хотя, впрочемъ, на дѣлѣ такое смѣшеніе происходило нерѣдко. Будучи, такимъ образомъ, гражданскою сдѣлкой, возникшей на почвѣ частно-хозяйственныхъ отношеній, онъ, однако, примѣненъ былъ и къ госу-

[1]) Бѣглый обзоръ нѣкоторыхъ изъ явленій, отмѣченныхъ въ настоящемъ очеркѣ, см. у *В. Лебедева*, Финансовое право, Вып. I, изд. 2. (1889), стр. 250—255 и стр. 269—271.

дарственнымъ, финансовымъ цѣлямъ. Частно-хозяйственный оброкъ извѣстенъ былъ издавна [1]), но указанія на его значеніе, какъ государственной подати, встрѣчаются съ XV вѣка [2]) Такой переходъ произошелъ, вѣроятно, въ виду распространенія пріемовъ дворцоваго хозяйства и на черныя волости Въ это время не было рѣзкаго различія между дворцовымъ и государственнымъ управленіемъ и естественно было смѣшать арендную плату, получаемую съ дворцовой земли, съ государственнымъ налогомъ. Замѣтимъ при этомъ, что на оброкъ выдавались не только дворцовыя, но и черныя пустыя земли, которыя арендовались весьма часто пришлыми или мѣстными богатыми крестьянами [3]). Черная земля, однако, могла выдаваться на оброкъ лишь въ томъ случаѣ, когда была пуста, не занята тяглецами, которые приносили больше выгодъ казнѣ, чѣмъ оброчники, когда она, слѣдовательно, нерѣдко успѣвала зарости лѣсомъ. Но расчистка чернаго раменья требовала со стороны оброчника извѣстныхъ затратъ труда и капитала, затратъ, которыя могли вознаградиться лишь послѣ довольно значительнаго промежутка времени. Такимъ образомъ, этотъ оброкъ не могъ быть краткосрочнымъ. Между тѣмъ отъ долгосрочнаго оброка не трудно было перейти и къ наслѣдственному владѣнію, которое повело (какъ это видно въ Вятскомъ краѣ еще въ XVII вѣкѣ) къ возможности завѣщать оброчный участокъ, сдать его. заложить, промѣнять и даже продать [4]). Наконецъ, если припомнить, что оброкъ этого

---

[1]) Уже Ольга уставила оброки и дани по Мстѣ и Лузѣ. П. С. Р. Л т. I, изд. 2, стр. 58—59.

[2]) Ср. ниже прим. 1-е на стр. 22.

[3]) Доп. къ А. И., т. Ш, № 20: «а которые Государевы оброчные земли и всякіе угодья на оброкъ за монастыри изъ *тяглыхъ* земель и изъ угодій»... А. Э., т. II, № 69 (1607 г.). Пришлые крестьяне Зюздинской волости поставили свои дворишки на черномъ лѣсу и платятъ оброкъ въ государеву казну. Спб. Публ. Библ., Q IV, № 256, 7123 г., «Книги оброчныя Вятскаго уѣзду письма и дозору воеводы кн. Өед. Андр. Звенигородскаго да Вас. Терент. Жемчужникова да Дан. Мих. Одинцова деревнямъ и починкамъ, что давали прежніе воеводы и приказные люди пустоши и отъ живущихъ деревень и съ пустыхъ жеребьевъ на оброкъ и съ переложные земли, которая была написана четвертная пашня въ пустошахъ и у живущихъ деревень въ пустыхъ жеребьяхъ перелогомъ въ *тяглыхъ* книгахъ и что даваны на оброкъ же изъ *черныхъ* лѣсовъ». Доп. къ А. И., т. IV, № 140.

[4]) Примѣры см въ слѣд. изданіяхъ: Древніе акты, отн. къ истор. Вятскаго края. Вятка, 1881 г., стр. 49. *А. Спицынъ*, Земля и люди на Вяткѣ въ XVII столѣтіи, стр. 13—15. *Его же*, Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ XVII стол. стр. 18—19. (Цитуемъ по пагинаціи отдѣльныхъ оттисковъ статей, первоначально появившихся въ Вятскомъ календарѣ за 1886 и 1887 годъ).

*

рода мало измѣнялся въ своихъ размѣрахъ [1]) и выплачивался въ съѣзжую избу, то не трудно будетъ понять, какъ легко могъ смѣшаться такой оброкъ съ черныхъ земель съ прямыми налогами, взимаемыми съ такихъ же земель [2]) Вышеуказанный процессъ смѣшенія мы наблюдаемъ въ Вятскомъ краѣ еще въ XVII вѣкѣ, встрѣчаемъ намеки на то же и въ другихъ сѣверныхъ уѣздахъ; здѣсь въ это время еще много было пустой, никѣмъ не занятой черной земли, которую, между тѣмъ, легко было отдавать на оброкъ, менѣе значительный, чѣмъ тягло, да и выплачиваемый послѣ нѣсколькихъ льготныхъ годовъ. Поэтому, едва ли будетъ слишкомъ смѣлымъ предположить возможность подобнаго же смѣшенія въ болѣе древнее время и въ болѣе центральныхъ частяхъ государства и такимъ образомъ разъяснить себѣ съ перваго взгляда непонятный переходъ, какой сдѣлало правительство въ примѣненіи частно-хозяйственнаго оброка къ финансовымъ цѣлямъ.

Такой же переходъ мы отчасти можемъ наблюдать въ дворцовыхъ слободахъ и на посадахъ. Когда дворцовыя слободы замѣнили натуральный оброкъ денежнымъ, когда нѣкоторыя изъ нихъ разрослись на столько, что по размѣрамъ своимъ превосходили многіе города, каковы, напримѣръ, Александровская или Борисоглѣбская слободы [3]), тогда естественно было придать оброку значеніе,

---

[1]) По оброчнымъ книгамъ Вятскаго уѣзда 7123 и 7137 г. (Имп. Публ. Библ., Q IV, №№ 256 и 257) оброкъ былъ одинъ и тотъ же въ 1 р. 16 ал. 4 д. съ выти пашни и 1 д. съ копны сѣна. Доп. къ А. И., т. IX, № 118.

[2]) «Се азъ Чепецкаго *оброчнаго* стану *тяглой* человѣкъ Дороѳей Бяковъ» (Рязанц. акты, № 13) ... «и впредь ему (Власкѣ Ходыреву) тѣ *оброчные* денги и *всякое тягло* платить съ чепецкими *съ оброчными* крестьяны вмѣстѣ ежегодъ». *А. Спицынъ*, Земля и люди, стр. 15 и 45. (Владѣнная на оброчную землю 1665 г.). Сопоставленіе этихъ двухъ мѣстъ едва ли говоритъ въ пользу того объясненія перваго изъ нихъ, которое даетъ А. Спицынъ. А. Э., т. III, № 288. «Сбирати имъ тотъ годовой оброкъ, какъ иные тягли межъ себя разводятъ». Р. И. Б., т. VIII, № 11, LXXVII, гдѣ одна и та же подать называется оброкомъ и тягломъ (стб. 648 и 651). Доп. къ А. И., т. VIII, № 47. Ср. выраженіе «оброчное тягло». Доп. къ А. И., т. VIII, № 51, III.

[3]) Въ Борисоглѣбской слободѣ было 210 дворовъ въ 1681 году; въ Шуѣ было тогда же 203 двора, Юрьевѣ Польскомъ 197, Каширѣ 69, Боровскѣ 41 и т. п. (А. Э., т. IV, № 250). Въ Александровой слободѣ въ 1677 году было 156 дворовъ, *непашенныхъ*, *посадскихъ* (Влад. губ. вѣд. 1854 г., № 19). Г. Дмитровъ, вѣдаемый въ приказѣ Большаго Дворца въ 1681 (А. Э., т. IV, № 250) платилъ въ 1624 г. (тогда онъ еще вѣдался повидимому въ Устюжской чети. См. ниже приложеніе). деньги за намѣсничь доходъ и пищальныя деньги. Временникъ М. О. И. и Д., т. XXIV, смѣсь, стр. 1—24. Конечно, все

котораго онъ первоначально не имѣлъ [1]). Кромѣ того, на посадахъ, черная пустая земля которыхъ также выдавалась на оброкъ, могли, хотя и въ менѣе обширныхъ размѣрахъ, развиться явленія, подобныя тѣмъ, какія мы наблюдали при отдачѣ черныхъ уѣздныхъ земель на оброкъ; такимъ образомъ, и здѣсь могло произойти смѣшеніе оброка съ тягломъ и стала возможною замѣна втораго первымъ. Осуществленіе этой возможности вызвано было тѣмъ различіемъ, какое сказывалось между оброкомъ и тягломъ, какъ особыхъ статей дохода для казны. Оброкъ, въ сущности, первоначально былъ результатомъ свободнаго личнаго соглашенія между оброчникомъ и землевладѣльцемъ. Но при отдачѣ черныхъ земель изъ оброка размѣры послѣдняго не могли быть особенно значительны, не достигали той суммы, какую могло бы получить правительство отъ такой операціи, если бы каждый участокъ не требовалъ со стороны оброчника предварительныхъ затратъ и если бы при какихъ-либо недоразумѣніяхъ, напримѣръ, повышеніи оброка, онъ не могъ легко покинуть не насиженнаго имъ оброчнаго мѣста. Тягло, напротивъ, было податною обязанностью уже болѣе или менѣе осѣвшихъ, состоятельныхъ хозяйствъ по отношенію къ государству, слѣдовательно, не только въ обычныхъ своихъ размѣрахъ превышало размѣры оброка, но могло иногда безнаказанно подниматься и выше нормальнаго своего уровня, хотя, конечно, въ послѣднемъ случаѣ и вызывало со временемъ пагубныя послѣдствія [2]). Отсюда естественно вытекало и количественное различіе между оброкомъ и тягломъ, изъ которыхъ оброкъ всегда считался болѣе легкимъ, чѣмъ тягло [3]). Но когда оброкъ вышеуказаннымъ путемъ сталъ наравнѣ съ государственными пода-

это данныя позднія; но явленія, на которыя они указываютъ, развивались постепенно и могутъ быть въ менѣе рѣзкихъ чертахъ отнесены и къ болѣе раннему времени.

[1]) Въ половинѣ XVII в. оброкъ за соколы съ сокольничей слободки при г. Ростовѣ выплачивался «всѣмъ посадомъ», ибо самая слободка приписана къ посаду. Р. И. Б., т. XI, Прилож. (Сотная (?) выпись изъ писцовыхъ (а не переписныхъ) книгъ Ростова великаго), стр. 59 и 72.

[2]) *Ю. Крижаничъ*, Рус. Госуд., Разд. 24, ст. 8. «Нѣмаютъ навадныхъ даней и тяготъ черняческихъ тако возмножать: дабы ся учинило престаніе отъ тежанія, ремествъ и торгованія».

[3]) А. Э., т. IV, № 52. Попъ Обросимъ изо Пскова бьетъ челомъ Государю чтобы снять съ него тягло. До смутнаго времени онъ платилъ съ полуденьги, «а нынѣ де послѣ смутнаго времени (Псковичи), рнясь ему, что онъ самъ къ воровству не присталъ и воровъ уговаривалъ, съ того дворового его мѣста тягло положили великое съ дву денегъ и ему де того тягла тянуть не въ мочь; и намъ бы его пожаловати, велѣти на то его дворовое тяглое мѣсто

тями, когда одни плательщики оказались оброчниками, другіе тяглецами, тогда и обнаружилось, что оброкъ можетъ служить и дѣйствительно служитъ своего рода податною привилегіей. Въ этомъ смыслѣ онъ и началъ употребляться уже съ XV вѣка, когда встрѣчаются примѣры замѣны дани оброкомъ въ видѣ привилегіи, выдаваемой особенно часто монастырямъ. Примѣры эти стали повторяться все чаще и чаще въ XVI и первой половинѣ XVII вѣка [1]).

Такого рода оброкомъ, менѣе значительнымъ, чѣмъ тягло, плательщики освобождались отъ участія въ разметахъ и проторяхъ прочихъ тяглецовъ, слѣдовательно, и отъ уплаты за выбывшихъ плательщиковъ или за прежніе мірскіе долги [2]), хотя и раскладывали оброкъ между собой (т. е. собственно между одними оброчниками) пропорціонально, по животамъ и промысламъ, если ему подлежало въ одной и той же мѣстности нѣсколько лицъ [3]). Послѣдняя особенность развилась, очевидно, подъ вліяніемъ смѣшенія оброка съ тягломъ. Оброкъ былъ выгоденъ и въ другихъ отношеніяхъ: при его уплатѣ, взамѣнъ различныхъ податей, поступавшихъ въ разныя учрежденія, приходилось вносить одну подать въ одно учрежденіе. Оброкъ взимался съ бобылей и нищихъ, неспособныхъ къ тяглу. Особенно распространеннымъ стало его примѣ-

положити оброкъ, что бъ ему отъ Псковичь тяглыхъ людей до конца разорену не быть». Доп. къ А. И., т. VI, № 14, окладывать тѣхъ крестьянъ (на Вяткѣ)..., какъ бы передъ оброкомъ нашей великаго государя казнѣ было прибыльнѣе».

[1]) А. Э., т. I, № 28 (1434—1447). А. И.. т. I, № 106 (1498)=А. а. до Ю. Б., т. I, № 31, XXI. «А даютъ мнѣ князю Ивану Борисовичу за дань и за всѣ пошлины оброкомъ, съ году на годъ». Доп. къ А. И., т. I, № 17 (1479 г.). А. Э., т. I, № 350 (1591 г.). Платятъ они съ слободки... за соболи и за бѣлки и за бобровые гоны и за рыбные ловли и за всякіе угодья и *съ пашенъ за дань* оброку». А. Э., т. III, № 126.

[2]) А. Э., т. IV, № 291 (1686 г.). Въ жалованной грамотѣ царя Ѳедора Ивановича (sic) «Великій Государь... пожаловалъ Каринскихъ и Верхочепецкихъ отъ Каринскихъ мурзъ судомъ и всякимъ доходомъ и отъ Вятскихъ отъ Хлыновскихъ черныхъ сохъ во всякихъ податѣхъ и въ земскихъ розметахъ и судомъ велѣлъ отвесть и въ Сибирскіе росходы съ Вятскими сохами ничего ни подводъ, ни съ ратные люди ни въ хлѣбъ ни въ какіе розметы давать не велѣлъ, *потому что* на нихъ положенъ валовой оброкъ, давати имъ въ нашу государьскую казну въ четверть по 50 рублевъ на годъ... а оброкъ положенъ на нихъ за всякіе расходы урокомъ...». Наоборотъ, въ Колѣ въ 1667 г. посадскіе тяглецы платили вмѣстѣ съ другими податями оброкъ съ запустѣвшаго двороваго мѣста, на которомъ прежде сидѣлъ Голландецъ. (Доп. къ А. И., т. V, № 37.

[3]) А. Э., т. III, № 36· «а сбирати имъ тотъ оброкъ промежъ себя по жи-

ненiе уже ко всему налогоспособному населенiю со времени уничтоженiя кормленiй и замѣны дохода намѣстника волостеля, праветчика и ихъ пошлинныхъ людей оброкомъ въ половинѣ XVI вѣка [1]). Таже мѣра продолжаетъ примѣняться и въ XVII вѣкѣ. Такъ, оброкъ за намѣстничь кормъ и пошлинныхъ его людей взимается съ Бѣлоозера въ 1618 году, съ Сольвычегодска и Архангельска въ 1620-хъ годахъ. Въ тоже время система оброковъ начинаетъ принимать гораздо болѣе широкiе размѣры, чѣмъ прежде. Отъ польскаго и литовскаго разоренiя обѣднѣло множество посадовъ. Для облегченiя ихъ отъ тягла, оброкомъ начинаютъ замѣняться не только «намѣстничь кормъ и пошлинныхъ его людей» но и другiя подати Такъ, напримѣръ, Коломна въ 1623 году платитъ оброкъ за сошное письмо, дань, городовое, ямчужное дѣло, полоняничныя деньги, «намѣстничь присудъ и пошлинныхъ его людей»; въ Суздалѣ, Шуѣ, Сольгаличѣ, Звенигородѣ, Бѣлевѣ, Калугѣ (и, вѣроятно, многихъ другихъ городахъ) платятъ оброкъ вмѣсто четвертныхъ денегъ (или доходовъ), въ Каширѣ въ 1624 г., въ Зарайскѣ въ 1625 году и Рязани въ 1626 году—вмѣсто всякихъ податей [2]). Такого же рода явленiя встрѣчаются и въ уѣздѣ [3]).

вотомъ и по пашнямъ и по промысломъ...». Ib. № 126 А. И., т. V. № 123. Болховичи, посадскiе люди верстаются оброкомъ «межъ себя смотря по животомъ и по торговымъ промысломъ, кто чево у нихъ стоитъ». Арх. Мин. Юстицiи, Писц. кн. г. Болхова 7133 г., кн. 148, л. 522. Писц. кн. г. Коломны 7131 г., кн. 201, л. 171.

[1]) Никон. лѣт., ч. VII, стр. 261 (1556 г.) А. Э., т. I, № 242 (1555 г.) и мн. др.

[2]) Владим. губ. вѣд. 1843 г., № 25 и слѣд. (Писц. кн. г. Суздаля 7120 г.) Арх. Мин. Юстицiи, Писц. кн. г. Шуи 7137 г., кн. 900, л. 30 об. и сл. Дозор. кн. г. Сольгалича, 7122. г., кн. № 453, л. 16 Дозор. кн. г. Звенигорода, 7132 г., кн. № 456, л. 67 об. Дозор. кн. г. Калуги 7125 г., кн. № 11605, л. 121 — 122. Спб. Духов. Акад., Дозор. кн. г. Бѣлоозера, 7126 г., Кир. библ., № 79/1318., л. 88 Арх. Мин Юстицiи, Приправоч. кн. г. Сольвычегодска 7128 г., кн. 15039, л 22 и слѣд. (Срав. писц. кн. г. Сольвычегодска 7133 г. въ Имп. Публ. Библ. F IV, № 497, л. 38—40). Писц. кн. г. Архангельска 7130—132 г., кн. № 9, л 30. Писц. кн. г. Коломны 7131 г., кн. № 201, л. 170. Писц. кн. г. Каширы 7131 г., кн. 201, л. 342. *Рязань*, Матерiалы для исторiи города, стр. 7. *Зарайскъ*, Матер. для истор. гор., стр. 16. *Бѣлевъ*. Тоже. стр. 11 Здѣсь упомянуты между прочимъ «положенныя деньги»; можетъ быть, это описка или опечатка вм. «полоняничныхъ денегъ».—Акты Холмогорской и Устюжской епархiи, Б, XLVII, № LII. Эти акты, собранные г. Зинченкомъ, теперь издаются Археографическою коммиссiей. Спѣшу выразить мою признательность Л. Н. Майкову, который доставилъ мнѣ возможность пользоваться ими.

[3]) Оброчныя книги Вятскаго уѣзда 7123 и 7137 гг. въ Спб. Публ.

Оброкъ, однако, вызванъ былъ не теоретическими соображеніями въ пользу единаго налога, а скорѣе временными потребностями. Поэтому, когда населеніе оправилось отъ разоренія, оброкъ уступилъ прежнему порядку вещей, и, такимъ образомъ, мѣра, которая могла бы въ значительной степени упростить податную систему, не имѣла послѣдствій, не повліяла на дальнѣйшее объединеніе разнообразныхъ податей. Впрочемъ, едва ли такое объединеніе было возможнымъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Оно потребовало бы составленія общихъ государственныхъ смѣтъ и образованія одного центральнаго финансоваго учрежденія, тогда какъ ни того, ни другаго еще не существовало. Напротивъ, обособленность мелкихъ видовъ прямыхъ налоговъ до нѣкоторой степени замѣняла необходимость общей государственной смѣты и лучше мирилась съ тѣми принципами, которыми все еще руководствовалась центральная администрація. Потребность въ такого рода объединеніи, однако, стала чувствоваться все сильнѣе и сильнѣе. Образовавшись исторически, путемъ медленнаго наростанія въ зависимости отъ постепенно развивавшихся государственныхъ потребностей, подати не отличались единообразіемъ, ибо различны были въ разныхъ областяхъ, не падали равномѣрно на всѣ классы населенія, взимались разновременно разными способами съ неодинаковыхъ податныхъ единицъ и, наконецъ, поступали не въ одно, а во многія центральныя учрежденія, что въ общей сложности затрудняло ихъ взиманіе и вызывало крупныя недоимки. А между тѣмъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ такой путаницы служило разнообразіе самихъ податей, что отчасти сознавало и само правительство. Въ Москвѣ думали, что для упрощенія податной системы необходимо было бы прежде всего привести разнообразныя податныя единицы къ одной и той же для всѣхъ классовъ населенія и такимъ образомъ ввести однообразную подать, которая въ такомъ случаѣ поступала бы въ одно учрежденіе. Такой цѣли хотѣли достигнуть путемъ переложенія прямыхъ налоговъ на одинъ косвенный, падавшій на всѣмъ необходимый предметъ потребленія, для всѣхъ, слѣдовательно, въ равной мѣрѣ обязательный. Такова была задача соляной реформы.

Библ., Q IV, №№ 256 и 257. Въ 1627—1629 году крестьяне деревни Увесаи-Шемякиной Касимовскаго уѣзда платили съ сошнаго письма съ $20^3/_4$ четвертей пашни ямскихъ и приметныхъ денегъ и за городовое и за засѣчное и за ямчюжное дѣло и за посошной кормъ *до нови* 19 алт. 5 денегъ. Ниже эта подать названа денежнымъ оброкомъ.

Царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ 7 февраля 1646 года велѣно было сложить «со всее земли и со всякихъ людей доходы стрѣлецкіе и ямскіе деньги», которые сбирались неровно, инымъ легко, инымъ тяжело, платились «за правежемъ съ большими убытки», а иногда и вовсе не платились, и замѣнить эти подати, а также «иные мелкіе сборы со всей земли» и прежнюю соляную пошлину новою пошлиною на соль въ 2 гривны съ пуда, причемъ астраханскую и яицкую соль, употребляемую на учугахъ для соленія рыбы и государевой икры, обложить пошлиною въ гривну съ пуда, а съ соли, съ которой уплачены были купцами прежнія пошлины, взимать по 5 алтынъ. Введеніемъ новой соляной пошлины правительство хотѣло достигнуть уравненія всѣхъ классовъ населенія въ податномъ отношеніи, ибо распространяло ее на тарханщиковъ, торговыхъ людей и иноземцевъ, дѣлало приказъ Большой Казны общимъ, центральнымъ мѣстомъ поступленій и думало этою мѣрой пополнить казну государеву [1]). Новизна соляной реформы, не подготовленной предшествовавшими распоряженіями, теоретическіе недостатки мѣры, которая установляла весьма тяжелый налогъ на главнѣйшій предметъ потребленія и перелагала на него два важнѣйшихъ прямыхъ налога, и, наконецъ, общее недовольство налогомъ, вызвавшимъ, вѣроятно, массу злоупотребленій, заставили отмѣнить преобразованія по прошествіи двухъ лѣтъ и воз-

[1]) Насколько практична была эта мѣра, можно судить по цѣнамъ на соль въ XVII вѣкѣ; онѣ достигали слѣдующихъ размѣровъ за пудъ (въ деньгахъ).

Архангельскъ	1604 г.	6
Вологда	1613 »	14
Шуя	1623 »	25
Псковъ	1632 »	32
Вологда (?)	1633 »	20
Шуя	1644 »	26,6
Вологда	1671 »	24
Вологда	1671 »	22
Вологда	1677 »	80
Владиміръ	1683 »	20
Средняя	XVII в.	26,96

Такимъ образомъ новая пошлина превосходила (рыночную) цѣну соли почти въ полтора раза (1,48), т. е. равносильна была строжайшей запретительной пошлинѣ на главнѣйшій предметъ потребленія.

вратиться къ прежней системѣ [1]). Такимъ образомъ, и вторая попытка объединить разнообразныя подати и упростить податную систему окончилась неудачей.

Въ Уложеніи и реформахъ таможеннаго устава 1653 и 1667 годовъ правительство стремилось осуществить отчасти тѣ задачи, которыя думало достигнуть введеніемъ новой соляной пошлины: по дальнѣйшему осуществленію этихъ задачъ сильно мѣшалъ рядъ войнъ, вызванныхъ отношеніями Московскаго государства къ Польшѣ, Швеціи и Турціи, главнымъ образомъ, по поводу сношеній своихъ съ Донскими и Запорожскими казаками. Нужда въ военныхъ силахъ и денежныхъ средствахъ ставила вопросы финансоваго свойства на иную почву; не было времени думать о приведеніи податей въ стройную систему, объ уравненіи населенія въ податномъ отношеніи. Нужны были деньги, главнымъ образомъ, для военныхъ цѣлей; этими цѣлями опредѣлялись и средства, которыми онѣ могли быть достигнуты. Частыя войны, какъ извѣстно, вызвали пополненіе стрѣлецкаго войска. «На оборону въ прошлые военные времена—читаемъ мы въ одномъ указѣ 1672 года—и въ приходъ Крымскаго хана и Татаръ на украинные и сѣверные города и для разныхъ непріятелей прибавлены сверхъ прежняго Московскіе стрѣлецкіе приказы; а на тѣхъ людей хлѣбныхъ запасовъ къ прежнему окладу въ Стрѣлецкомъ приказѣ не положено» [2]). Это и послужило ближайшимъ поводомъ къ увеличенію размѣровъ стрѣлецкаго хлѣба. На вновь прибылые стрѣлецкіе полки потребовались и новые стрѣлецкіе хлѣбные запасы, которые съ 1672 года стали взиматься вмѣстѣ съ старыми и сильно способствовали повышенію и такъ уже значительныхъ размѣровъ этой подати. Но при постепенномъ ея повышеніи все болѣе и болѣе чувствовалась невозможность взиманія ея въ натуральномъ видѣ. Со второй половины XVII вѣка городское населеніе стало замѣтно отдѣляться отъ сельскаго. Земледѣльческій характеръ древнерусскаго города, въ которомъ промышленность играла второстепенную роль, смѣнился промышленно-торговымъ, и поэтому само правительство сочло болѣе удобнымъ замѣнить стрѣлецкій хлѣбъ, взимаемый съ посадскихъ людей, денежными платежами, «для того, что они люди торговые, а не пашенные» [1]). Къ такой же мѣрѣ по отношенію къ сель-

---

[1]) А. Э., т. IV, № 5. С. Г. Г. и Д., т. III, №№ 124, 128.
[2]) А. Э., т. IV, № 189.
[3]) А. Э., т. IV, № 189. А. Э., т III, № 7. Срав. ниже гл. §, 2, 4.

скому населенію, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ областей государства побуждали правительство и другія неудобства. Чѣмъ больше становилась стрѣлецкая подать въ натуральномъ видѣ, тѣмъ затруднительнѣе дѣлалась ея доставка въ Москву, тѣмъ больше подводъ и извощиковъ нужно было для провоза стрѣлецкаго хлѣба въ столицу. Наконецъ, и чрезмѣрный вывозъ хлѣба изъ уѣздовъ, въ которыхъ земледѣліе не давало хорошихъ результатовъ, или закупка хлѣба плательщиками въ Москвѣ уже по пріѣздѣ черезъ посредство особыхъ подрядчиковъ значительно усиливали спросъ на хлѣбъ, что естественно вело къ повышенію хлѣбныхъ цѣнъ. Такимъ образомъ, стрѣлецкая подать въ натуральномъ видѣ не только была тяжела сама по себѣ, но сопряжена была съ весьма тяжкою подводною повинностью и грозила чуть ли не голодомъ малоплодороднымъ мѣстностямъ. Эти причины, которыя понимало само правительство, побуждали его иногда взимать деньги за стрѣлецкій хлѣбъ и съ уѣзднаго населенія «для дальнего провозу и крестьянские легости» [2]). Такимъ образомъ, когда повышеніе стрѣлецкой подати естественно вызвало переводъ ея на денежный счетъ, тогда и оказалось, что деньги за стрѣлецкій хлѣбъ, по размѣрамъ своимъ, далеко превышаютъ всѣ остальныя подати, оказалось, напр., что въ поморскихъ городахъ (Вяткѣ на посадахъ съ уѣздами) въ 1679 году изъ числа стрѣлецкихъ денегъ, данныхъ, оброчныхъ, полоняничныхъ, ямскихъ и иныхъ мелкихъ доходовъ, первые составляли 79,21% всей суммы этихъ податей, всѣ же остальные всего 20,79%, почему справедливо называются «мелкими доходами» [3]). Съ теченіемъ времени, однако, тяжесть стрѣлецкой подати стала невыносимою, что ясно обнаружилось въ громадныхъ и постоянныхъ недоимкахъ. Необходимость измѣненія существовавшаго порядка вещей сознавалась самимъ правительствомъ, которое и приступило къ новой реформѣ въ сентябрѣ 1679 года. Такъ какъ податное бремя сильно чувствовалось не только въ виду большихъ размѣровъ податей, но и въ виду отсутствія одного общаго центра поступленій, то и реформа должна была разрѣшить и тотъ и другой вопросъ. Разрѣшеніе это состояло въ замѣнѣ разнообразныхъ податей одною общею подворною податью, мѣсто поступленія которой естественно опредѣлилось мѣстомъ поступленія главнѣйшей изъ слившихся податей — стрѣлецкихъ денегъ и на-

[1]) А. Э., т. III, № 72. А. И., т. V, № 38.

[2]) А. И., т. V, №№ 48, 49, 274. Доп. къ А. И., т. VIII, № 36, III.

значеніемъ новой подати для тѣхъ же цѣлей, какъ и эти деньги. Такимъ образомъ, Стрѣлецкій приказъ превратился на время въ главное финансовое учрежденіе всего государства [1]).

Новая подать, установленная указомъ и боярскимъ приговоромъ 5 сентября 1679 года, замѣнила прежнія стрѣлецкія деньги, четвертныя, данныя, полоняничныя, ямскія, пищальныя, малыя ямскія и различные виды подможныхъ денегъ, кромѣ оброчныхъ статей (лавочныхъ, мельничныхъ и другихъ), которыя платили «изъ воли по перекупкѣ». Мѣра эта первоначально примѣнена была къ городамъ Новгородскаго приказа, Галицкой и Владимірской чети, но вскорѣ распространена и на другіе. Она была второю попыткой въ XVII вѣкѣ объединить нѣкоторыя изъ разнообразныхъ податей въ одно цѣлое [2]). Попытка эта, однако, едва не окончилась такою же неудачей, какъ и предшествовавшая. Вскорѣ посадскіе и уѣздные люди разныхъ городовъ стали бить челомъ Государю о невозможности выплачивать стрѣлецкія деньги за пустотою; обнаружились новыя недоимки... Тяглые люди не даромъ

---

[1]) А. Э., т. IV, №№ 243, 250, 251.

[2]) Въ А. Э., т IV, № 250 и Доп. къ А. И., т. X, № 89, II распоряженіе о новомъ окладѣ названо прямо царскимъ указомъ и отнесено къ 5 сентября. Такого же рода указъ и бояр. приговоръ 27 нояб. 1679 г. А. И., т. V, № 274. П. С. З., т. II, № 780. Доп. къ А. И., т. VIII, № 36, VII; въ А. И., т. V, № 77, царскій указъ съ боярскимъ приговоромъ о томъ же отнесены къ 19 декабря Указъ 1698 года, въ которомъ приводится указъ 1679 г. (А. И., т. V, № 274), упоминаетъ слѣдующіе виды подможныхъ денегъ: подмоги подъячимъ, сторожамъ, палачамъ, тюремнымъ и губнымъ цѣловальникамъ, «и что сбирано воеводскихъ дворовъ и губныхъ избъ и въ тюремное строенье и въ приказную избу на свѣчи и на бумагу и на чернила и на дрова и на иные какіе мелкіе расходы». Въ дѣлѣ о сборѣ стрѣлецкихъ денегъ съ Старой Русы (Арх. Мин. Иностр. дѣлъ, П. Д. С. Л, 7189 г. сентяб. 26), упомянутъ царскій указъ и боярскій приговоръ отъ 18 декабря 7188 года, по которому велѣно при взиманіи податей съ Замосковныхъ, Заоцкихъ и Казанскаго разряда съ городовъ съ посадовъ и съ поморскихъ городовъ съ посадовъ и съ уѣздовъ, въ которыхъ объявились передъ прежнимъ убылые дворы посадскихъ и уѣздныхъ людей для многихъ податей и тягостей въ платежѣ всякихъ денежныхъ доходовъ передъ прежнимъ польготить; а на которые посады стрѣлецкихъ денегъ не положено было по сошному письму, а иманы съ нихъ одни полоняничные деньги, и съ тѣхъ посадовъ указалъ Великій Государь Московскихъ приказовъ стрѣльцомъ на жалованье на 188 годъ взять и впредь имать по нынѣшнимъ переписнымъ книгамъ вмѣсто всякихъ денежныхъ доходовъ указною статьею и сбирать тѣ деньги въ одномъ Стрѣлецкомъ приказѣ.

били челомъ Государю Въ первой половинѣ 1681 года созваны были въ Москвѣ посадскіе люди (но крайней мѣрѣ, поморскихъ и, вѣроятно, другихъ городовъ), въ числѣ двухъ отъ каждаго посада; они подали свои сказки и въ нихъ разъяснили причины недобора тѣмъ, что «отъ платежу многихъ большихъ податей и отъ сибирскаго хлѣбнаго запасу и отъ ямской наметной дальной многой безпрогонной гоньбы и отъ хлѣбнаго недороду и отъ многой пустоты и отъ взятья во многіе поборы многихъ даточныхъ и отъ платежу тѣхъ даточныхъ подъемныхъ денегъ и во многіе поборы рублевыхъ и полтинныхъ и пятой и десятои и пятнадцатой деньги, и отъ всякихъ городовыхъ расходовъ и отъ частыхъ многихъ службъ и отъ воровскихъ людей и отъ пожарнаго разоренія оскудали и разорились въ конецъ». Правительство не оставило безъ вниманія этихъ сказокъ. Указомъ и боярскимъ приговоромъ 19 декабря 1681 года окладъ пониженъ былъ почти на одну треть (со 152,657 р. 30 ал. 4½ ден. на 107,550 р. 6 ал. 5½ ден.) и разложенъ правительствомъ на разные разряды городовъ смотря по благосостоянію послѣднихъ. Въ составленной по этому поводу окладной выписи упомянуто до 128 городовъ, первоначально приписанныхъ къ Казанскому и Большому дворцу и къ Стрѣлецкому приказу. Всѣ города по налогоспособности, раздѣлены были на 10 разрядовъ неодинаковыхъ по количеству городовъ. Каждый разрядъ выплачивалъ особую, неравную другимъ сумму оклада, который равномѣрною податью ложился на каждый дворъ всѣхъ городовъ даннаго разряда; мірская раскладка, взиманіе и даже доставка въ Стрѣлецкій приказъ предоставлены были выборнымъ земскимъ властямъ, на которыхъ падала и отвѣтственность въ случаѣ какихъ либо неисправностей [1]).

Такова была третья попытка объединить разнообразныя подати въ одно цѣлое; на основаніи переписныхъ книгъ она устанавливала подворную подать въ чистомъ ея видѣ на началахъ репартиціонной системы въ связи съ поразряднымъ налогомъ, сливала въ этой подати прежнія важнѣйшіе, отличные другъ отъ друга, прямые налоги и упрощала финансовое управленіе. Вскорѣ, однако, все сильнѣе сказывавшееся различіе между посадомъ и уѣздомъ и рядъ

---

[1]) А. И., т. V, № 77. Здѣсь говорится о выборныхъ лишь изъ Поморскихъ городовъ, но въ выпискѣ изъ окладныхъ книгъ 1681 г. (А. Э., т. IV, № 250), говорится о сказкахъ посадскихъ и уѣздныхъ людей разныхъ городовъ. А. Э., т. IV. № 251. Доп. къ А. И., т. VIII, № 36, III.

тяжелыхъ войнъ повели къ преобразованіямъ новой стрѣлецкой подати. Извѣстная въ началѣ XVIII вѣка подъ наименованіемъ провіанта, она затѣмъ въ городахъ стала взиматься съ десятой деньги и вскорѣ уступила мѣсто подушной подати.

Итакъ, попытки упростить систему налоговъ, въ особенности если выключить введеніе новой стрѣлецкой подати, не привели къ прочнымъ результатамъ. Въ общемъ характерѣ каждой изъ нихъ сказывается отпечатокъ того явленія, которымъ въ данный промежутокъ времени опредѣлялось теченіе общественной жизни. Оброкъ знаменуетъ собою разореніе Московскаго государства, экономическій кризисъ, новая соляная пошлина—зачинающуюся борьбу сословій и торговый кризисъ; новая стрѣлецкая подать—усиленіе милитаризма со свойственною ему крѣпкою централизаціей. Всѣ эти попытки имѣютъ, однако, и одну общую черту: стремленіе такъ или иначе упростить разнообразіе вѣками нароставшихъ податей. Этому стремленію суждено было отчасти осуществиться лишь въ послѣдней четверти XVII вѣка; поэтому, a priori можно придти къ заключенію, что до этого времени строгой, теоретически выработанной системы налоговъ еще не существовало. Къ тому же заключенію мы придемъ, если обратимся къ изученію ихъ терминологіи и классификаціи въ XVII вѣкѣ за тотъ же періодъ времени.

III. Терминологія и классификація прямыхъ налоговъ въ XVII вѣкѣ.

Терминологія прямыхъ налоговъ въ XVII вѣкѣ еще довольно спутана и неудовлетворительна. Эта спутанность и неудовлетворительность происходила отъ того, что одинъ и тотъ же налогъ иногда разсматривался съ разныхъ точекъ зрѣнія и поэтому назывался разными именами; или, наоборотъ, подъ однимъ наименованіемъ скрывались не только разчыя точки зрѣнія на одинъ и тотъ же кругъ явленій, но и различное пониманіе принципіально различныхъ данныхъ.

Въ основу классификаціи налоговъ въ XVII вѣкѣ не положено было одного какого-нибудь принципа; ихъ въ одно и то же время дѣйствовало нѣсколько, а поэтому и самая классификація страдала большими несовершенствами. Постоянные налоги дѣлились на двѣ большія группы· къ первой причислены были всѣ налоги съ репартиціоннымъ характеромъ; они съ этой точки зрѣнія назывались окладными сборами; ко второй—принадлежали постоянные доходы,

размѣры которыхъ при составленіи бюджета не поддавались предварительно точному опредѣленію и которые, поэтому, назывались неокладными сборами [1]). Въ составъ окладныхъ сборовъ входили прямые и косвенные налоги [2]), а къ неокладнымъ принадлежали пошлины и пени, иногда даже случайныя или непредвидѣнныя поступленія, которыя всей группѣ придавали довольно неопредѣленный характеръ [3])

---

[1]) См. смѣтные списки и окладныя росписи, упоминаемые въ гл. III, § 1, въ примѣчаніяхъ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы употребляемъ терминъ «окладъ, окладной» въ репартиціонномъ смыслѣ, т е такъ, какъ онъ постоянно употребляется въ XVII вѣкѣ (ср. слѣд. прим). Современнымъ законодательствомъ тотъ же терминъ понимается въ томъ же смыслѣ, хотя современная наука (см. *В. Лебедевъ*, Финансовое право, вып. II, изд. 1-е, стр. 464) и замѣняетъ его выраженіемъ «раскладка, раскладочный»,

[2]) Въ смѣтномъ спискѣ Устюжской четверти 7153 г. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., № 97) читаемъ слѣдующее: «А четвертныхъ денежныхъ и таможенныхъ и кабацкихъ и банныхъ и съ перевозовъ и съ рыбныхъ ловель и съ мельницы оброчныхъ и вѣрнаго бранья и откупныхъ денегъ *противъ прошлаго* 152 года *помьчено* собрать 47162 р. $2^1/_2$ денги. Да въ нынѣшнемъ 153 году прибыло *сверхъ окладу* данныхъ и оброчныхъ и въ таможенныхъ и въ кабацкихъ сборехъ 82 р. 26 ал. $^1/_2$ ден. Обоего 47244 р. 26 ал 3 ден.» Затѣмъ означены нѣкоторыя статьи прихода, по сложеніи которыхъ съ приведенной суммой получается «*обоего по окладу*» 47586 р. 28 ал. 4 ден. Прямые и косвенные налоги, взимаемые въ Новгородскую четверть съ 19 городовъ постоянно называются окладными (смѣтный списокъ этой четверти за 7142 годъ въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. Окладныя книги по Нижнему Новгороду, № 22), то же наименованіе относится и къ оброчнымъ, таможеннымъ, кабацкимъ и баннымъ деньгамъ, взимаемымъ съ городовъ, вѣдаемыхъ въ Разрядѣ (Столбцы денежнаго стола Разряда за 7153-159 годъ въ Арх. Мин. Юстиціи, общей нумераціи № 9039, частной № 4). Множество подобныхъ же примѣровъ см. въ такого же рода памятникахъ, хранящихся въ тѣхъ же учрежденіяхъ.—А. Э. т. IV, № 196. Доп. къ А. И., т. V, № 52; т. VII, № 66, II.

Окладнымъ характеромъ таможенныхъ пошлинъ объясняется отвѣтственность таможенныхъ сборщиковъ въ случаѣ ихъ недобора сравнительно съ предшествовавшими годами. Лишь съ 1673 года, если головы и цѣловальники не были обличены въ злоупотребленіяхъ, они не отвѣчали въ недоборныхъ деньгахъ (П. С. З., т. I, № 555. *Г. Котошихинъ*, О Россіи, гл. X, ст. 9). Тѣмъ же характеромъ разъясняется возможность переложенія таможенныхъ пошлинъ на оброкъ. Такъ на Выми-Еренской за тамгу и за кабакъ положенъ былъ оброкъ. (Смѣтный списокъ Новгородской четверти 7142 г., въ Арх. Мин. Иностр Дѣлъ, Оклад. кн. по Нижнему Новгороду. № 22).

[3]) Такъ, напр., въ смѣтномъ спискѣ 7153 г. Устюжской четверти (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ., П. Д. С. Л.. № 97) въ неокладные зачислены слѣдующіе

Дальнѣйшее подраздѣленіе окладныхъ сборовъ затруднялось отсутствіемъ теоретическаго пониманія различія между прямыми и косвенными налогами; это отразилось и въ неясной терминологіи. Фактическое различіе между ними, конечно, существовало и яснѣе всего проявлялось въ возможности или невозможности болѣе или менѣе точно и непосредственно опредѣлить признаки платежной способности, по которымъ они взимались съ населенія. Различіе ихъ въ послѣднемъ смыслѣ, можетъ быть, и чувствовалось, если не сознавалось вполнѣ Поэтому прямые налоги, т. е. налоги, опредѣленіе объектовъ которыхъ податною единицей было доступно, повидимому назывались иногда и общимъ терминомъ: податями [1]). Косвенные налоги не имѣли общаго опредѣленнаго и постояннаго наименованія Иногда они назывались сборами; къ нимъ причислялись таможенныя пошлины, кабацкія и банныя деньги Но

сборы Суднаго стола съ судныхъ дѣлъ пошлины и всякія деньги по отпискамъ изъ городовъ, въ присылкѣ съ новораспашенныхъ земель и съ дикихъ лѣсовъ и съ уземовъ и съ пустошей и со всякихъ земель оброчныя деньги прошлыхъ лѣтъ и за Вяземское кабацкое оковинное вино недостаточныя деньги, доправленныя на головѣ, и за кабацкіе мѣдные суды, за яндовы, которые присланы изъ Вязьмы въ 139 году, изъ Звенигорода недописные, четвертныя доходы прошлыхъ лѣтъ по развыткѣ на 153 годъ и съ государевыхъ грамотъ печатныя пошлины, что доправлены на Веневскихъ кабацкихъ цѣловальникахъ и что взяты у дозорщика, который былъ въ дозорѣ на Устюгѣ Великомъ пошлинныя деньги и сѣнной оброкъ прошлыхъ 148 и 149 году и Устюжской же четверти съ городовъ съ судныхъ дѣлъ пошлины и съ наказныхъ памятей и съ челобитень печатныя и съ свадебъ вѣнечныя пошлины и съ приставныхъ памятей и съ мировыхъ и съ кабалъ и съ дворовыхъ купчихъ и поголовныхъ и за убитую голову и съ холопьихъ кабалъ и за Устюжскіе кабацкіе, новоприпускные суды и прогонныя деньги, что посылались въ городъ пристава съ государевыми грамотами по наказнымъ памятямъ къ воеводамъ и къ таможеннымъ и къ кабацкимъ головамъ и цѣловальникамъ.

[1]) Одинъ изъ тяглецовъ Толшемской волости долженъ былъ платить съ своего участка: «податей въ дань и въ оброкъ и въ стрѣлецкіе деньги и въ всякіе отпуски»—10 рублей (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7163 г., августъ 27: Челобитческія дѣла всякихъ чиновъ людей разныхъ Устюжской четверти городовъ и уѣздовъ). А. И., т. Ш, №№ 9, 83, 102, 110, 159 Доп. къ А. И., т. VI, № 29 и мн. др.; Ср. также жалованныя грамоты монастырямъ, гл. I, прим.

Однако, вполнѣ опредѣленнаго значенія терминъ «подать» не имѣлъ. Ср. А. И., т. Ш, № 60 и мн. др.

терминъ этотъ примѣнялся и къ нѣкоторымъ видамъ прямыхъ налоговъ [1]). Въ общихъ итогахъ смѣтныхъ списковъ и окладныхъ росписей различныхъ общихъ наименованій для прямыхъ и косвенныхъ налоговъ еще не встрѣчается; означаются и перечисляются главнѣйшіе ихъ виды отдѣльными группами [2]).

Подъ терминомъ «подати», насколько возможно усмотрѣть при неопредѣленности терминологіи XVII в. разумѣлись не только денежные платежи (и натуральные сборы), но и личныя повинности или такъ называемыя службы, не обращая вниманія на то, куда поступали первые и гдѣ отбывались вторыя. Подати, которыя поступали въ важнѣйшія центральныя финансовыя учрежденія, т. е. четверти, назывались по мѣсту поступленія — четвертными. На этомъ основаніи доходы, поступавшіе не въ областныя четверти, а въ приказы спеціально административнаго характера, выдѣлялись изъ четвертныхъ доходовъ, писались въ смѣтныхъ спискахъ и окладныхъ росписяхъ отдѣльными статьями и даже считались особо отъ другихъ [3]). Такъ стрѣлецкій хлѣбъ и деньги, деньги ратнымъ людямъ на жалованье, а иногда и ямскія деньги не помѣщались въ числѣ четвертныхъ доходовъ. Но такъ какъ

---

[1]) *Г. Котошихинъ*, который долженъ былъ знать оффиціальную терминологію кромѣ таможенныхъ и кабацкихъ сборовъ (гл. VII, ст. 2. гл. VIII, ст. 7), называетъ сборомъ деньги полоняничныя (гл. IV, ст. 37; гл. VII, ст. 2) и деньги ратнымъ людямъ (рейтарамъ) на жалованье (гл. VII, ст. 15). То же встрѣчаемъ и въ грамотахъ второй половины XVII вѣка, не говоря о болѣе раннемъ періодѣ времени, напр. въ П. С. З., т. I, №№ 205, 206 370, 555 и др.

[2]) Опредѣленіе пошлины см. у *Е. Осокина*, Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи, Казань, 1850 г., стр. 7. Болѣе подробныя свѣдѣнія о косвенныхъ налогахъ см. еще въ слѣд. сочиненіяхъ: *Гр. Д. Толстаго*. Исторія финансовыхъ учрежденій Россіи, Спб. 1848 г. *К. Лодыженскаго*, Исторія русскаго таможеннаго тарифа. Спб. 1887 г. Критику *И. Бѣляева* на вышеуказанное сочиненіе Е. Осокина см. въ «Москвитянинѣ» 1850 г., ноябрь, кн. 2, критика и библ., стр. 54—67. Отвѣтъ *Е. Осокина* въ Юридич. Сборникѣ Д. Мейера, Казань, 1855 г , стр. 539—579.

[3]) Въ вышеупомянутыхъ смѣтныхъ спискахъ Устюжской и Новгородской четвертей (см. прим. 2 на стр. 31) стрѣлецкія деньги сочтены особо отъ остальныхъ. Для сбора денегъ ратнымъ людямъ на жалованье и полоняничныхъ денегъ составлялись особыя смѣты и велись особыя книги. См., напр., роспись разныхъ четвертей городамъ, сколько въ нихъ дворовъ и сколько съ оныхъ сбирать денегъ ратнымъ людямъ на жалованье въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7147 г., № 79. Приходныя книги государевымъ полонянишнымъ деньгамъ, что по Государеву указу и по соборному Уложенью собраны полоняникомъ на окупъ. Тамъ же П. Д. С. Л., 7158 г., № 118.

распредѣленіе поступленій между четвертями и другими приказами было довольно спутаннымъ, то и самый терминъ «четвертные доходы» не имѣлъ постоянно опредѣленнаго значенія. Иногда онъ съуживался до того, что означалъ лишь однѣ данныя и оброчныя деньги и въ такомъ видѣ особенно часто встрѣчается со второй половины XVII вѣка; въ другихъ случаяхъ, напротивъ, включалъ въ себя не только данныя и оброчныя деньги, но и ямскія и пищальныя и деньги за стрѣлецкій хлѣбъ [1]). Такимъ образомъ, значеніе четвертныхъ доходовъ измѣнялось чуть ли не по отношенію къ каждой области, или даже городу съ уѣздомъ, ибо находилось въ зависимости, съ одной стороны, отъ того, платилъ ли послѣдній всѣ подати въ свою четверть или одну какую-нибудь ихъ часть и какую именно, а это, въ свою очередь, опредѣлялось, какъ увидимъ ниже, не только постоянными, но и случайными причинами, съ другой—отъ того, что четвертные доходы не имѣли характера одной цѣльной подати, а распадались на отдѣльныя группы, которыя, въ свою очередь, не всегда имѣли вполнѣ опредѣленныя границы.

Основаніемъ дальнѣйшаго подраздѣленія четвертныхъ доходовъ, т. е. прямыхъ налоговъ, поступавшихъ въ четверти, не могло служить различіе факторовъ производства, на которые падали ихъ разновидности, или разнообразіе податныхъ единицъ, которыми эти факторы измѣрялись. Правительство въ то время еще не обращало вниманія на податной источникъ (т. е. на ту дѣйствительную часть народнаго дохода, на которую падалъ тотъ или другой видъ налога), а податная единица въ сущности была одна и та же для всѣхъ разновидностей. Поэтому отдѣльные виды прямыхъ налоговъ различались между собой по тѣмъ потребностямъ, на удовлетвореніе которыхъ они предназначались. Во времена татарскаго ига, первою самою важною потребностью была уплата дани татарскому хану, который въ противномъ случаѣ грозилъ разореніемъ землѣ русской. Со сверженіемъ татарскаго ига этотъ налогъ не имѣлъ опредѣленнаго назначенія и употреблялся на покрытіе всякихъ расходовъ. Къ нему естественно присоединился оброкъ за намѣстничь кормъ и пошлинныхъ людей намѣстника и причислены вообще всякія оброч-

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, л. 134 — 135. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7163 г., № 6: Царская грамота Сольвычегодскому воеводѣ о сборѣ на 163 годъ данныхъ, оброчныхъ, стрѣлецкихъ и всякихъ четвертныхъ доходовъ и полоняничныхъ денегъ.

ныя деньги. Такимъ образомъ сложилась особая группа данныхъ и оброчныхъ денегъ. Остальные доходы имѣли опредѣленное назначеніе [1]). Главнѣйшими были полоняничныя, ямскія и въ особенности стрѣлецкія деньги; всѣ они въ позднѣйшихъ смѣтныхъ спискахъ и окладныхъ росписяхъ выдѣляются въ особыя группы и изъ четвертей препровождаются въ специально-административные приказы; ямскія и стрѣлецкія деньги, какъ извѣстно, стали даже поступать съ теченіемъ времени непосредственно въ эти приказы и, такимъ образомъ, естественно могли потерять наименованіе четвертныхъ доходовъ.

Спеціальные налоги, взимавшіеся для покрытія опредѣленныхъ статей расхода, по терминологіи своей, достаточно понятны и не распадались на разновидности: данныя и оброчныя требуютъ разъясненія въ томъ и другомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что по преимуществу и назывались четвертными доходами [2]). Данью въ широкомъ смыслѣ назывался вообще поземельный налогъ или подворная подать [3]); въ болѣе узкомъ — этимъ терминомъ означался специальный налогъ, который велъ свое происхожденіе отъ татарской дани. Въ послѣднемъ случаѣ дань составляла особый видъ четвертныхъ доходовъ и упоминалась на ряду съ намѣстничьимъ кормомъ и присудомъ, ямскими приметными, пищальными и другими «деньгами» [4]).

Если иногда второстепенные виды поземельнаго налога или подворной подати сливались подъ однимъ общимъ наименованіемъ данныхъ денегъ, то сліяніе дани съ оброкомъ было невозможнымъ въ виду слишкомъ рѣзкаго различія ихъ между собой. Дань имѣла характеръ государственной подати, оброкъ, напротивъ, частно-хозяйственаго сбора, ибо въ сущности былъ арендною платой, ко-

---

[1]) См. ниже гл. V.

[2]) Данныя и оброчныя деньги, однако, употреблялись и на мѣстные расходы по администраціи. Въ городахъ, вѣдаемыхъ въ Казанскомъ дворцѣ, сбиралось по смѣтному списку 7188 года (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ., Окладныя кн., Доимочная кн., № 3) оброчныхъ 47729 р. 14 ал. 2 ден. и всѣ они расходовались на мѣстѣ.

[3]) Намѣстничь кормъ, присудъ, дань, запросъ, поминочные соболи, ямскія приметныя деньги, пищальныя—все это названо данными деньгами, въ А. Ю., № 209, VIII. Денежная, хлѣбная и ямская дань упоминается въ А. И. т. III, № 151. А. Э., т. IV, № 11.

[4]) А. Ю., № 209, VIII. Множество примѣровъ можно встрѣтить въ писцовыхъ книгахъ XVII вѣка разныхъ посадовъ.

торую натурою или деньгами выплачивалъ оброчникъ землевладѣльцу въ размѣрахъ, опредѣлявшихся частнымъ соглашеніемъ договаривавшихся лицъ и обычаемъ. Поэтому, дань и оброкъ взимались съ разныхъ единицъ обложенія и не допускали ни совмѣстной раскладки, ни совмѣстнаго взиманія; и то, и другое производилось отдѣльно Какъ налогъ, падавшій на тяглыя хозяйства, дань имѣла принудительный характеръ; размѣры ея точно опредѣлялись. Оброкъ, напротивъ, «составлялъ наемную плату за разныя отдѣльныя статьи дохода; величина его соразмѣрялась съ важностью оброчной статьи, а не съ обширностью хозяйства, оброчнику принадлежавшаго» [1]). Не смѣшивались также и видовыя подраздѣленія оброка, не смотря на то, что точной терминологіи для означенія этихъ подраздѣленій не существовало. Наиболѣе обыкновеннымъ и распространеннымъ изъ послѣднихъ нужно считать оброкъ, выплачиваемый крестьянами землевладѣльцу за пользованіе его землей: онъ существовалъ въ помѣстьяхъ, вотчинахъ, дворцовыхъ селахъ, и распространялся также на нѣкоторые виды черныхъ земель, въ виду, вѣроятно, смѣшенія ихъ съ дворцовою собственностью [2]).

Землевладѣльческій оброкъ выплачивался арендаторомъ-крестьяниномъ въ однихъ и тѣхъ же размѣрахъ въ продолженіе весьма долгихъ промежутковъ времени, а съ прикрѣпленіемъ крестьянъ превратился въ потомственную аренду и опредѣлялся, повидимому, не столько даннымъ, частнымъ договоромъ, сколько обычаемъ. Но въ XVII вѣкѣ значительно былъ распространенъ и другой видъ оброка, какъ временной арендной платы за краткосрочное пользованіе участкомъ поземельнаго собственника въ силу договора съ послѣднимъ. Этотъ договоръ не только не закрѣплялся обычаемъ на долгіе промежутки времени и не распространялся на цѣлыя области, но заключался лишь впредь до наддачи, т. е. до повышенія размѣровъ оброка, или до жила, т. е. до поселенія на данномъ мѣстѣ тяглеца [3]). Оброкъ такого рода встрѣчался въ двухъ

---

[1]) *В. Незабитовскій*, Собр. соч., стр. 13. Настоящее и нижеслѣдующія замѣчанія не относятся, конечно, къ вышеуказанному виду оброка (стр. 18—24), замѣнявшему дань

[2]) См. ниже гл. II, § 2.

[3]) Спб. Духов. Академіи, Довор. кн. г. Бѣлоозера. Кир. Библ., № 79/1318, л. 47: на посадѣ, между прочимъ, упомянуто мѣсто дворовое съ огородомъ, дано на оброкъ за 2 гривны до жильца и до наддачи. Имп. Публ. Библ. Писцовая кн. г. Старой Русы. 7123 г., F IV, № 288, лл. 94; 109 и сл.; 120. Мѣста отдаются въ жило послѣ оброчниковъ. Подобно ограниченію жилец-

случаяхъ· при отдачѣ земли подъ жилое помѣщеніе и для ея эксплуатаціи, или при отдачѣ ея подъ промышленное и торговое заведеніе. Первый случай имѣлъ мѣсто тогда, когда богатый тяглецъ, уже принадлежавшій къ извѣстной тяглой общинѣ, не довольствовался своимъ участкомъ и арендовалъ еще нѣсколько участковъ· или бѣдный, гулящій человѣкъ, по тяглу (котораго онъ не платилъ) не состоявшій въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ окружавшимъ общинамъ, временно нанималъ участокъ земли, на условіяхъ болѣе выгодныхъ, чѣмъ тѣ, какимъ ему пришлось бы подчиниться, если бы онъ занялъ тяглый участокъ черной земли [1]). На такой

кой записи пятилѣтнимъ срокомъ (Уложеніе, Гл. XX, ст. 116) «больши пяти лѣтъ ни какихъ Государевыхъ угодей никому на оброкъ отдавати не велѣно». А. И., т. V, № 182. Доп къ А. И., т Ш, № 20; т. IV, №№ 134, 140: т. VIII, № 98; т. IX, № 3. А о. до Ю. Б., т. II, № 163. *Я Гарелинъ*, Старинные акты Шуи, №№ 156, 181. Временникъ М. О. И. и Д., кн. XX, Смѣсь, Отписи, стр. 29. *К. Побѣдоносцевъ*, Историко-юридическіе акты переходной эпохи XVII—XVШ вѣковъ, № 14 въ Чт. М О. И. и Д., 1886 г., кн. Ш стр. 130—139. По этому акту ясно представляется ходъ приказнаго производства по дѣлу объ отдачѣ мѣста на оброкъ и о переоброчиваніи его съ наддачею съ публичнаго торга.—Иногда въ видѣ привилегіи отдавались разныя статьи на оброкъ «неподвижно», т. е. безъ наддачи. См., напр., П. С. З., т. I, № 93.

[1]) Имп Публ. Библ., Писц. кн. Старой Русы 7123 г., F IV, № 288. л. 22 об.· 12 мѣстъ пустыхъ на посадѣ (прежде бывшихъ подъ казенными строеньями) «а ныне тѣ мѣста пашутъ Старорушане посацкие люди изъ снопа; а снопъ съ нихъ емлютъ на Государя».—л. 102. 17 мѣстъ дворовыхъ въ улицѣ Спасской, принадлежащихъ Спасскому монастырю, «пашутъ съ снопа всякіе люди; а снопъ даютъ въ монастырь».—Л. 140: «Въ Старой же Русѣ на посадѣ дворовые мѣста старые пустоты, имали ихъ подъ огородъ на оброкъ Старорусскіе посадскіе люди», оброкъ, который и выплачивали Государю или частнымъ лицамъ, обыкновенно церквамъ или монастырямъ. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, л. 139—143: На посадѣ жъ дворы оброчниковъ, которые платятъ оброкъ «и съ старымъ» (т. е съ наддачею) «въ Государеву казну». л. 229: «Въ Володимире-жъ на посаде и по слободамъ земля Государева дворцовая саженная. А пашутъ ее Володимерцы всякіе жилецкіе люди изъ оброку...». А. Э., т. IV, № 24: «Которые митрополичьи приказные живутъ въ Великомъ Новгородѣ на нашей землѣ на посадскихъ мѣстѣхъ и вы бъ (воеводы) съ тѣхъ мѣстъ велѣли давать оброкъ». Въ Торжкѣ въ 1625 году было 497 пустыхъ мѣстъ, которыя отдавались на оброкъ всякимъ людямъ (Іером. *Іаодоръ*, Историко-статист. описаніе г. Торжка, Тверь, 1860 г., стр. 58—63). О владѣніи однимъ и тѣмъ же оброчникомъ нѣсколькими мѣстами, двумя, четырьмя, даже семью см. Дозорн. кн. г. Бѣлоозера 7126 г. въ Спб. Духов. Академіи Кир. библ. № 79/1318, л. 98 об.—150. Здѣсь бывали даже оброчники, какъ Томилко Терешинъ, которые держали на оброкѣ нѣсколько пожень, волокъ и 47 пу-

оброкъ выдавались земли частныхъ собственниковъ, участки изъ дворцовыхъ и даже черныхъ земель, какъ на посадахъ, такъ и въ черныхъ волостяхъ [1]) Изъ частныхъ поземельныхъ владѣній оброкъ былъ въ особенно большомъ употребленіи въ церковныхъ и монастырскихъ земляхъ, что объясняется привилегіями, которыми онѣ пользовались и которыя доставляли возможность понизить размѣры требуемой съ нихъ аренды, притомъ чаще на посадѣ, чѣмъ въ уѣздѣ [2]).

Въ вышеуказанномъ случаѣ оброки взимались съ поземельныхъ участковъ, которые служили оброчнику или для обработки, или для поселенія и устройства на нихъ хозяйства, если онъ предварительно таковымъ не успѣлъ обзавестись. Земля въ этихъ случаяхъ или подлежала обработкѣ, вызывала земледѣльческій трудъ, или служила какъ бы наемнымъ помѣщеніемъ почти безъ дальнѣйшей ея эксплуатаціи, это, вѣроятно, вызвано было почти полнымъ отсутствіемъ квартиръ, которыхъ не могло быть въ небольшихъ жилыхъ строеніяхъ того времени, и тою легкостью, съ какою каждый могъ самъ себѣ поставить дешевую собственную избу на чужой землѣ. Но бывали случаи, когда земля служила наемнымъ помѣщеніемъ и для промышленныхъ заведеній. Такъ какъ послѣднія могли возникнуть и развиваться лишь въ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, то, разумѣется, и земля, на которой они стояли, должна была, главнымъ образомъ, находиться на посадахъ. Но и этого было недостаточно; для того, чтобы поставить заведеніе въ выгодныя условія развитія, ему нужно было,

---

стошей и платили оброку до 5 р. 4 алт. (ibid. л. 106 об.—109). Этотъ видъ оброка называется иногда поземомъ (Имп Публ. Библ., Писц. кн. Старой Русы 7123 г., F IV, № 288, л. 190 и др.); въ другихъ случаяхъ «четвертнымъ», когда выплачивался въ Москву въ четвертной приказъ. (Описаніе Макаріева Унженскаго монастыря, Костромской епархіи, М., 1835 г., Прил., № 3). Ср. выраженіе «поземъ съ двора и съ поля». А. Х. и У. Е. стб., 20.

[1]) А. Э., т. IV, № 34: «Тѣ черные лѣса... никому... въ оброкъ не даны».—Посадскіе люди г Сольвычегодска вмѣстѣ съ крестьянами держали на оброкѣ сѣнные покосы въ черномъ лѣсу окологороднаго стана. Оброку на нихъ положено было 16 руб. «по перекупу, что они перекупили съ веденскими старцы». (Писц. кн. г. Сольвычегодска 7133 г. въ Имп. Публ. Библ., F IV, № 497, л. 46 об.).

[2]) А. Э, т. IV, № 32. «А въ Нижнемъ Новгородѣ на посадѣ въ одной Благовѣщенской Слободѣ за Патріархомъ торговыхъ и ремесленныхъ людей, сверхъ писцовыхъ книгъ больши 600 человѣкъ, которые въ тое слободу сошлися изъ разныхъ городовъ и поселилися для своего промыслу и легости».

кромѣ того, помѣститься тамъ, гдѣ болѣе всего бывало бы покупателей, т. е. на площади. Между тѣмъ площадь, хотя и находилась во владѣніи посадскихъ людей, считалась также землей государевой [1]). Поэтому, для того, чтобы получить здѣсь мѣсто, нужно было его арендовать у казны, платить за него оброкъ; а такъ какъ на такомъ мѣстѣ обыкновенно ставилась лавка, то и самый оброкъ получилъ наименованіе лавочнаго [2]). Такой характеръ оброка доказывается примѣрами уплаты арендной платы за землю не въ казну, а частнымъ землевладѣльцамъ въ тѣхъ случаяхъ, когда промышленныя заведенія стояли не на черной землѣ, а на чьихъ либо чужихъ поземельныхъ владѣніяхъ [3]). Не слѣдуетъ забывать, однако, что земля на площади, выдававшаяся изъ оброка подъ промышленныя заведенія, была все же черною землей, что оброкъ, возникшій на почвѣ частнохозяйственныхъ отношеній, перенесенныхъ, вѣроятно, съ дворцовыхъ земель на черныя, имѣлъ такимъ образомъ отчасти характеръ государственнаго налога и поступалъ не въ приказъ Большаго дворца, а въ центрально-областныя финансовыя учрежденія.

На ряду съ лавочнымъ оброкомъ слѣдуетъ поставить схожіе съ нимъ оброки бортный, рыбный, мельничный, уплачиваемые за пользованіе лѣсами, озерами, рѣками, приморскими луками на пространствѣ частныхъ поземельныхъ владѣній или дворцовыхъ и черныхъ земель [4]).

Всѣ вышеуказанные виды оброка могутъ быть названы разно-

---

[1]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Мурома 7144 г., Q IV, № 231. При описаніи площади муромской она названа государевою. Ibid., Писц. кн. Старой Русы 7123 г., F IV, № 288, л. 32.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, л. 191 об.—192. Лавочный оброкъ взимался съ позему. «А по Государевой грамоте у стрелецкихъ лавокъ и скамей съ позему (оброка) имать не велѣно..».

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, л. 191 об. «Лавкижъ всякихъ людей, а торгуютъ всякими товары, а подъ лавками ихъ земля стрелецкая и наимуютъ онѣ у стрѣльцовъ...» А. Х. и У. Е,—А. № VI. стб. 61—62: Церковный приказчикъ Холмогорскаго Спасскаго собора бралъ въ церковную казну полавочное съ лавокъ разныхъ лицъ, расположенныхъ на Спасской землѣ.

[4]) Уложеніе, Гл. XVII, ст. 23, А. И., т. V, № 89 и мн. др. Множество примѣровъ можно подыскать въ писцовыхъ книгахъ; также въ оброчныхъ книгахъ по городамъ, вѣдаемымъ въ Разрядѣ; теперь онѣ находятся въ Арх. Мин. Юстиціи. См. *Н. Оглоблина*, Историко-географическіе матеріалы и проч. въ Описаніи Архива Юстиціи, кн. IV, стр. 251—255,

видностями поземельной ренты, выплачиваемой оброчникомъ частнымъ землевладѣльцамъ, Государю или казнѣ. Но землевладѣльческій оброкъ, выплачиваемый частнымъ лицамъ, разумѣется, не входилъ въ составъ такъ называемыхъ оброчныхъ денегъ, поступавшихъ въ четверть, въ XVII вѣкѣ онъ даже въ значительной мѣрѣ утерялъ существенныя черты оброка, ибо выплачивался съ поземельныхъ участковъ не столько въ силу договорнаго права, сколько на основаніи права постояннаго владѣнія ими, опредѣляемаго обычаемъ, а потомъ и закономъ [1]) Дворцовыя земли, хотя и были частною собственностью Государя, въ XVII вѣкѣ стали терять характеръ частной собственности и вліяли на черныя волости, которыя, поэтому, начали приравниваться къ дворцовымъ селамъ. Естественно поэтому, что оброкъ съ дворцовыхъ земель принималъ характеръ государственной подати, а поземельная рента, выплачиваемая съ черныхъ земель въ виду смѣшенія ихъ съ дворцовыми, ставилась въ то время наравнѣ съ прямымъ поземельнымъ и промысловымъ налогомъ (или подворною податью), была извѣстна подъ наименованіемъ оброчныхъ денегъ и стояла на ряду, хотя и не сливалась съ данными деньгами. Эти особенности замѣтны не столько относительно втораго изъ вышеуказанныхъ видовъ оброка, сколько въ лавочномъ оброкѣ, который пріобрѣлъ значеніе промысловаго налога [2]).

Иное значеніе придавалось оброку, взимаемому въ видѣ равномѣрной подворной подати и замѣнявшему намѣстничь кормъ, присудъ и другіе доходы Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ, можетъ

---

[1]) Ср. *В. Безобразова*, Государственные доходы, Вып. II, Государственные доходы, ихъ классификація, нынѣшнее состояніе и движеніе. Спб. 1872 г., стр. 134—135. Рѣзкой грани между долгосрочнымъ и краткосрочнымъ оброкомъ указать, конечно, нельзя. Переходною ступенью является пожизненный оброкъ, когда арендаторъ арендовалъ участокъ впредь до своего живота. Чт. М. О. И. и Д., 1886 г., кн. II. Ср. *Г. Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія, стр. 341.

[2]) А. И., т. V, № 158: «а послѣ десяти лѣтъ оброкъ положить смотря по промыслу» (1687—1688 г.), но ниже прибавлено: «примѣняясь къ инымъ такимъ даннымъ мѣстамъ, чего стоитъ». *Зарайскъ*, Матеріалы для исторіи города, стр. 34: «по допросу противъ товаровъ тѣ оброки на торговыхъ людей и положены».—Въ Псковѣ уже въ 1585—86 г. съ лавокъ, находившихся на частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ (напр., церковныхъ) взимался поземъ (арендная плата съ земли) въ пользу землевладѣльца и оброкъ (съ промышленно-торговаго заведенія) въ казну (*Н. Чечулинъ*, Города въ XVI в., стр. 148), слѣдовательно какъ бы различалась поземельная рента отъ промысловаго налога.

быть, имѣлъ происхожденіе, аналогичное съ вышеуказанными видами оброка, однако, долженъ разсматриваться, какъ заимствованіе и примѣненіе особенностей частнохозяйственнаго оброка къ финансовымъ цѣлямъ [1]). Онъ, конечно, также зачислялся въ оброчныя деньги.

Такимъ образомъ, составъ податей и четвертныхъ доходовъ въ частности былъ довольно разнообразнымъ и неопредѣленнымъ. Всѣ отдѣльные виды, входившіе въ этотъ составъ, отличались репартиціоннымъ характеромъ. Существовали, однако, и квотативныя подати; онѣ встрѣчались въ видѣ чрезвычайныхъ сборовъ и могутъ быть названы квотативными (какъ увидимъ ниже) лишь съ нѣкоторыми ограниченіями. Онѣ не имѣли родоваго наименованія; спеціальными ихъ названіями были пятинныя (и имъ подобныя) и запросныя деньги. Различіе ихъ состояло въ томъ, что первыя взимались въ видѣ опредѣленнаго процента съ постоянныхъ и оборотныхъ капиталовъ, вторыя въ видѣ обязательнаго, но неопредѣленнаго по размѣрамъ пожертвованія съ денежныхъ сбереженій, нерѣдко хранившихся въ монастырскихъ казнохранилищахъ и не пускаемыхъ въ оборотъ [2]). Кромѣ того, изрѣдка встрѣчаются еще такъ называемыя «вспоможенія», т. е. государственные безпроцентные займы, заключаемые у частныхъ лицъ, обыкновенно у монастырей [3]).

Подать, четвертной доходъ, дань, ихъ опредѣленія, подраздѣленія и отношенія къ другимъ видамъ налоговъ—все это были довольно жалкіе результаты правительственной терминологіи и классификаціи налоговъ. И та, и другая, конечно, вошли въ употребленіе у низшихъ классовъ населенія. Но разновидности прямыхъ

---

[1]) См. выше стр. 18—24. Ср. выраженіе «оброчный окладъ». Имп. Публ. Библ., Оброчн. кн. Вятскаго уѣзда 7123 года, Q IV, № 256, л. 599 об.

[2]) А. Л. Ординъ-Нащокинъ такъ опредѣляетъ пятинныя деньги: «И въ нынѣшнее воинское время какъ есть тому обычай во всѣхъ великихъ государьствахъ съ торговыхъ людей опричь годовые пошлины, емлютъ съ пожитковъ нѣкоторые урочные деньги на споможенье казны, также и въ Великой Россіи сборы съ торговыхъ людей по достоинству есть». Доп. къ А. И., т. V, № 1, XII.—Пятинныя и запросныя деньги также иногда причислялись къ податямъ; см., напр., А. И., т. III, № 83.

[3]) Таковъ, напр., заемъ, сдѣланный въ 1664 г. у Соловецкаго монастыря, который далъ 20,000 рублей. (А. Э., т. IV, № 149); заемъ у Тихвинскаго монастыря въ 1655 въ 10,000 руб. Доп. къ А. И., т. IV, № 3. Послѣдній заемъ мотивируется такъ: «вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ монастырѣ есть денги многіе... а въ оскорбленіе себѣ того бъ не ставили... а какъ аже Богъ дастъ наша служба минетца, и мы, великій Государь, тѣ денги изъ нашіе казны велимъ вамъ отдать».

налоговъ нерѣдко сливались въ одномъ общемъ терминѣ народной номенклатуры — тяглѣ. Между выраженіями подать или дань (въ обширномъ смыслѣ) и тягло существовало, однако, нѣкоторое различіе Первымъ означалось скорѣе отношеніе размѣровъ налога (его «оклада» въ современномъ научномъ смыслѣ) къ его объекту, вторымъ—субъекта къ объекту налога, причемъ этотъ объектъ въ данномъ случаѣ совпадалъ съ податнымъ источникомъ. Иными словами говоря, поземельный или подомово-поземельный налогъ назывался данью (или податью) съ правительственной точки зрѣнія и тягломъ съ точки зрѣнія народной. Дань, какъ сборъ, взимаемый правительствомъ съ населенія, встрѣчается уже на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей въ видѣ насильственной, безсрочной и неопредѣленной по размѣрамъ контрибуціи, налагаемой побѣдителями на покоренное племя [1]). Тягло въ древнихъ грамотахъ замѣняется словомъ «тягость»; оно, очевидно, выражаетъ первоначальное воззрѣніе самихъ податныхъ классовъ на налоги, какъ на тяжелую, непроизводительную трату, каковыми они дѣйствительно нерѣдко являются въ первобытныхъ обществахъ [2]). Дань налагалась правительствомъ [3]), тягло тянули тяглецы, ибо облагался не членъ податной общины, какъ таковой, а опредѣленная единица, округъ, волость, какъ совокупность извѣстнаго числа безличныхъ и равномѣрныхъ хозяйствъ; тянула же въ сущности группа лицъ со всѣми ихъ индивидуальными особенностями, которыя такъ или иначе влияли на состояніе ихъ хозяйствъ.

Физическое или юридическое лицо, подлежавшее тяглу, въ силу самого факта обложенія послѣднимъ, должно было предварительно владѣть извѣстнымъ хозяйствомъ, а это хозяйство естественно распадалось на главный центръ и второстепенныя части, которыя тянули къ этому центру и поэтому въ переносномъ смыслѣ назывались тяглыми. Отсюда не трудно было перейти къ наименованію тягламъ не *отношенія* субъекта къ объекту налога, а самаго объекта налога. Такимъ образомъ, тягломъ сталъ называться и учас-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. 1, изд. 2, стр. 23, 57 и 229. Ср. выраженіе «данное тягло». А. И., т. V, № 8.

[2]) А. И., т. I, №№ 13 (1402), 81 (1464—1501.). Ср. Литовское dziaklo; также выраженія: «земское тягло» А. Э., т. IV, № 28, рѣдко встрѣчается «четверичное тягло» А. Э., т. IV, № 72; «накладное тягло» Доп. къ А. И., т. VII, № 36, II; «податное тягло» А. У и Х. Е,—Б, № CLVI.

[3]) Ср. выраженіе «данный окладъ». А. Э., т. IV, № 6.

токъ пашни, надѣлъ, особенно съ XVIII вѣка, что сохранилось и по настоящее время.

Если послѣ всего сказаннаго мы взглянемъ еще разъ на древнюю терминологію и классификацію налоговъ въ XVII вѣкѣ, которую прослѣдили въ общихъ чертахъ, то увидимъ, что они распадались на окладные, неокладные и чрезвычайные. Первые играли главную роль и дѣлились на такъ называемыя подати и сборы въ древнемъ смыслѣ этого слова; въ составъ податей входили службы и четвертные доходы, которые въ свою очередь имѣли по нѣскольку спеціальныхъ подраздѣленій. Къ числу прямыхъ налоговъ относилась часть окладныхъ и чрезвычайные; изъ окладныхъ данныя деньги и спеціальные налоги представляли ничто иное, какъ поземельный или подомово-поземельный налогъ (подворную подать); оброчныя—поземельную ренту, выплачиваемую частными лицами казнѣ и смѣшиваемую съ поземельнымъ и промысловымъ налогомъ; а чрезвычайные сборы приближались къ общей имущественной подати, смѣшанной съ подоходнымъ налогомъ [1]); всѣ эти подати падали не на производство, а скорѣе на распредѣленіе народнаго богатства.

Итакъ, древне-русская терминологія прямыхъ налоговъ въ XVII вѣкѣ еще не выработалась; она обнаруживаетъ неточность въ опредѣленіяхъ, которыя не были вполнѣ продуманы и ясно сознаны, а поэтому не могли подлежать и точной классификаціи. Недостатокъ-же послѣдней повелъ къ новымъ, важнымъ результатамъ: во 1-хъ къ отсутствію вполнѣ строгихъ разграниченій податной зависимости между разными классами и во 2-хъ къ постояннымъ колебаніямъ въ распредѣленіи поступленій по центральнымъ финансовымъ учрежденіямъ.

Попытаемся теперь первое изъ этихъ заключеній провѣрить изслѣдованіемъ данныхъ, касающихся податныхъ классовъ

---

[1]) Мы считаемъ болѣе правильнымъ называть пятинныя деньги скорѣе общею имущественною податью (Ср. *В. Лебедевъ*, Финансовое право, вып. II. изд. I е, стр. 688 и 695), чѣмъ подоходнымъ налогомъ (Ср. *И. Янжулъ*, Финансовое право, 1886 г., стр. 171). Но такъ какъ въ то время не входили въ точное разграниченіе капитала отъ дохода и опредѣленіе ихъ разновидностей, то имущественная подать естественно включала въ себѣ и подоходный налогъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Податные классы.

I. РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПОДАТНАГО БРЕМЕНИ МЕЖДУ ОТДѢЛЬНЫМИ КЛАССАМИ НАСЕЛЕНІЯ.

По мѣрѣ того, какъ росло и крѣпло Московское государство, въ обществѣ развивалось сознаніе тѣхъ обязанностей, какія падали на его членовъ. Это сознаніе стало ярко сказываться со временъ смуты, когда борьба за вѣру и національность вызвала крайнее напряженіе народныхъ силъ, съ того времени легло въ основаніи правительственной дѣятельности и нерѣдко руководило общественною мыслью. Обязанностью, по мнѣнію теоретиковъ XVII вѣка, называлась дѣятельность лица, направленная не на личную, а на общую пользу, на пользу государства. Основою такого опредѣленія служили слова Апостола о томъ «что никто же себѣ живетъ». Никто не рождается для того, чтобы жить лишь въ собственное удовольствіе; нельзя даромъ хлѣба ѣсть; необходимо каждому заниматься какимъ-либо дѣломъ, которое было бы полезно и другимъ. Такая точка зрѣнія естественно приводила къ мысли о томъ, что и самое право на удобства жизни, на выгоды, получаемыя отъ государства, обусловлено лишь выполненіемъ нѣкоторыхъ обязанностей и что распредѣленіе послѣднихъ по разнымъ группамъ всего населенія вызываетъ образованіе классовъ [1]). Обязанности распадались, какъ

---

[1]) *Ю. Крижаничъ*, Русское Государство, изд. П. Безсонова. Разд. 24, ст. 1. Tale autem opus, quod unusquisque in commune bonum operatur et pro quod panem lucratur, sine promeretur. apellatur officium... status et ordines hominum sunt uarii et constituuntur ex uariis hominum officiis.

извѣстно, на двѣ группы на служебныя (военныя) и податныя [1]). Не было, однако, никакой возможности и даже надобности одинъ и тотъ же классъ обременять исправленіемъ обязанностей, присущихъ двумъ разнымъ классамъ въ силу цѣлаго ряда экономическихъ и политическихъ условій; поэтому, люди служилые не выполняли податныхъ обязанностей такъ же, какъ люди тяглые—военныхъ. Различіе это, впрочемъ, вполнѣ ясно обнаружилось довольно поздно. Первоначально разграниченій между хозяйскою и крестьянскою запашкой съ финансовой точки зрѣнія не существовало и поэтому податнымъ сборамъ, за немногими исключеніями, подлежали какъ земледѣльцы, такъ и землевладѣльцы [2]). Но «съ объединеніемъ сѣверной Руси, государственная служба служилыхъ людей сдѣлалась обязательною; тогда и поземельныя льготы, какъ ея послѣдствія, перестали быть случайнымъ исключеніемъ, личнымъ отличіемъ, стали общимъ нормальнымъ явленіемъ. Онѣ служили такимъ же матеріальнымъ средствомъ для исправнаго отбыванія государственной повинности ратнаго человѣка, какимъ были помѣстныя дачи и какъ самая эта повинность стала политическою особенностью цѣлаго класса служилыхъ землевладѣльцевъ, такъ и землевладѣльческія льготы получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилаго класса» [3]). Преимущества эти сказались особенно ярко со времени введенія подворной подати въ концѣ 20-хъ годовъ XVII вѣка. Дворъ служилаго человѣка считался бѣлымъ и освобождался отъ уплаты податей, которыя прежде взимались съ его пашни [4]) Не только дворцовые высшіе служилые чины и соб-

---

[1]) *Ю. Крижаничъ*, Ibid., Разд. 23, ст. 9. Разд. 24, ст. 7, 10. Извѣстно, что книга Ю. Крижанича была на верху у Государя. *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 184.

[2]) *Н. Хлѣбниковъ* О вліяніи общества на организацію государства въ царскій періодъ русской исторіи, Спб., 1869 г., стр. 16. Доп. къ А. И., т. I, №№ 78, 88, 94. Ср. *А. Горскаго*, Описаніе Свято-Троицкой Сергіевой лавры, М., 1879 г., стр. 202.

[3]) *В. Ключевскій*, Боярская дума древней Руси, М., изд. 2-е, стр 229. То же видимъ во Франціи, гдѣ многія податныя привилегіи землевладѣльцевъ сравнительно поздняго происхожденія. Ср. *G. d'Avenel*, Richelieu et la monarchie absolue, t. II, p. 220.

[4]) П. С. З., т. III № 1143 «Съ татаръ, которые объявились въ службахъ и дворы подъ ними бѣлые, тягла имать не велѣли-же, потому что они служилые люди, а не тяглые и не черной слободы». *И. Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, изд. 2-е, стр. 108. Дворяне оставались свободными отъ податей до временъ импер. Павла, когда, въ 1797 году, на недолгое время установленъ спеціальный налогъ съ дворянскаго сословія. Ср. *М. Алексѣенко*, Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ, Спб., 1879 г., стр. 13.

ственно войско, но и служилые люди низшихъ разрядовъ считались бѣломѣстцами. Таковы, напримѣръ, воротники, затинщики, разсыльщики [1]), пушкари, корабельные и другіе вожи, живше иногда отдѣльными слободами [2]).

Гражданская служба исправлялась, какъ извѣстно, по назначенію отъ правительства или по земскимъ выборамъ. Первая освобождала отъ тягла, но не отъ поставленія даточныхъ людей или денегъ за нихъ, т е обязанностей, которыя естественно налагались на всѣхъ служилыхъ людей, не принимавшихъ участія въ походѣ лично или черезъ посредство ближайшихъ, неотдѣлившихся отъ нихъ родственниковъ. Тягла не тянули ни воевода, ни губной староста, ни остальные приказные люди, какъ-то: дьяки, дьячки, подьячіе, приставы, недѣльщики, сторожи съѣзжей избы и казеннаго двора [3]). Мѣстныя, выборныя или нанятыя міромъ лица, напротивъ, входили въ разрубы и разметы своей общины. Такъ напримѣръ, изъ двухъ муромскихъ земскихъ старостъ одинъ платилъ

---

[1]) Разсыльщики, однако, иногда облагались небольшимъ оброкомъ. Въ г. Торжкѣ встрѣчается разсыльщикъ, который платитъ дворовый оброкъ въ 10 денегъ (*Іер. Іліодоръ*, Историко-статистич. описаніе г. Торжка, М. 1860 г. стр. 58—63. Писц. кн. г Торжка 7133 г.). Въ Бѣлоозерѣ «въ сошное письмо разсыльщиковы дворы живущіе и пустые съ посадскими людьми въ окладъ не положены, потому что онѣ у Государева дѣла въ разсылкѣ неотступно. А положенъ на нихъ денежный оброкъ противъ прежняго за всякіе подати съ человѣка по гривнѣ». (Спб. Духовн. Академія, Кир. Библ., № 79—1318. Дозорн. книга г. Бѣлоозера 7126 г., л. 87 об.).

[2]) А. Э., т. Ш, № 7. *И. Румовскій*, Описаніе Великоустюжскаго собора, Грам. № XIII (1681 г. марта 6-го). Здѣсь, въ Устюгѣ, упоминаются въ числѣ служилыхъ людей какіе-то «сатраты и жердаки (sic)», которые податей не платятъ. *С. Соловьевъ* (т. XIII, изд. 3-е, стр. 83) упоминаетъ о желдакахъ, т. е. солдатахъ, что можетъ быть, соотвѣтствуетъ жердакамъ г. Румовскаго Корабельные вожи—лоцманы, охочіе люди, «которымъ морской ходъ за обычай», безъ государева жалованья и мірской подмоги. (Доп. къ А. И., т. VI, № 34). Р. И. Б., т. XI, прил. стр. 69 Съ теченіемъ времени они стали выплачивать оброкъ въ государеву казну (Доп. къ А. И., т. X, № 59 1684 г.). Въ другомъ мѣстѣ того же дѣла этотъ оброкъ названъ откупомъ, что можетъ быть, правильнѣе.

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Нижняго-Новгорода 7129—131 г., кн. 295, лл. 70, 78 об., 85 об., 88, 88 об., 93 об., 96 об., 218, 229 об., 310. г. Тулы 7133 г., кн. 399, л. 30. Дозор. кн Юрьева Повольскаго 7121 г., кн. 913, л. 4 об., 5. Перепис. кн. г. Серпухова, 7154 г., кн. 440, л. 44 об. А. И., т. IV, № 10. А. Э , т. IV, № 302. Въ Сольвычегодскѣ въ 1625 году встрѣчается, однако, съѣзжей избы подъячій тяглый молодшій (Имп. Публ. Библ. Писц. кн. г. Сольвычегодска 7133. F IV, № 497).

вмѣстѣ съ братомъ съ 4-хъ денегъ, другой съ деньги. Нижегородскій староста въ 1621 году тянулъ тягло. Тяглыми бывали также церковные старосты, земскіе цѣловальники, дьячки и палачъ [1]) Лишь казенные ремесленники и ямщики считались своего рода служилыми людьми и обыкновенно не платили податей [2]).

Къ числу служилыхъ людей принадлежали также гости, и торговые люди гостинной и суконной сотни, которые служили по финансовому вѣдомству. Производя иногда правительственную раскладку подоходнаго налога взимаемаго съ торговыхъ людей [3]), а въ рѣдкихъ случаяхъ и другихъ сборовъ, состоя при государевомъ денежномъ дѣлѣ или, еще чаще, исправляя должности таможенныхъ и кабацкихъ головъ и завѣдывая, вмѣсто воеводъ, ямскими отпусками вмѣстѣ съ ямскими старостами [4]), они такою службой освобождались отъ

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Нижняго-Новгорода 7129—131 г.,кн. 295, л 304 об. «Дворъ Баженка Нѣмово (который былъ и земскимъ старостой въ это время)· владѣетъ за долгъ... а Бажѣнка писанъ въ тяглѣ въ своемъ дворѣ выше сего». Дозорн. кн. Юрьева Пов. 7121 г., кн. 913, л. 158—173. Здѣсь нетяглыми означены: дв. губнаго дьяка, земскаго дьячка; 4-хъ разсыльщиковъ. А. Э , т. Ш, № 37. Въ Вязьмѣ встрѣчается нетяглый земскій дьячекъ, хотя онъ и живетъ на черной землѣ. (Румянцевскій Музей, Опись г. Вязьмы 7138 г., № 309). Доп. къ А. И., т. VI, № 134. Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7149 г., № 71. Дѣло о горланахъ Царевской волости. Множество примѣровъ можно подъискать въ писцовыхъ книгахъ,

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Нижняго-Новгорода 7129—131 г., кн. 295. А. И., т. Ш, № 57; т. IV, № 23. Доп. къ А. И., т. Ш, № 17. Уложеніе. гл. XIX, ст. 32. Р. И. Б., т. VIII, № 11, LXXVII. Ср. однако въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7138 г. № 100 выписку учиненную въ Володимерскомъ приказѣ о бытіи ямщикамъ съ Володимирскими людьми въ тяглѣ. — Встрѣчаются случаи, когда и съ ямщиковъ взимались подати, напр. стрѣлецкія деньги новаго оклада. Доп. къ А. И., т. X, № 89, П.

[3]) А. Э., т. IV, № 250.

[4]) О службахъ гостей можно судить по жалованной грамотѣ Никифору Венивитинову 1679 года. Отецъ Никифора — Ѳедоръ былъ на государевой службѣ сперва у Архангельскаго города у корабельной пристани, затѣмъ въ Казани у таможеннаго и кабацкаго сборовъ, наконецъ, три года у государева икрянаго промысла. Сынъ его Никифоръ служилъ въ Зырянскихъ усольяхъ съ 1662 г. по 1679 г. поочередно три службы (А. И , т. V, № 43). Служба Кельдермановъ (отца и сына) состояла, главнымъ образомъ, въ дипломатическихъ порученіяхъ (Доп. къ А. И., т. VI, № 53). Главнѣйшія службы бывали въ Москвѣ, Архангельскѣ, Астрахани, Казани, Нижнемъ и Ярославлѣ (А. Э., т. IV, № 28). О службахъ гостей см. еще П. С. З., т. II, № 1121. А. Э., т. Ш, № 320. Доп. къ А. И., т. Ш, №№ 10, 23, 55, 116; т. V, № 40. Службы гостей и гостинной сотни бывали довольно тяжелыми; торговые люди черныхъ сотенъ и посадовъ подчинялись имъ неохотно. Доп. къ А. И., т. Ш, № 47, I.

уплаты податей, оброка съ дворовъ своихъ не давали, службъ не служили и никакихъ дѣлъ не дѣлали съ черными людьми вмѣстѣ [1]) Въ податномъ отношеніи гости пользовались такими же привилегіями, какъ и торговые люди гостинной и, вѣроятно, суконной сотни. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича [2]) первому и второму изъ этихъ разрядовъ выдана была жалованная грамота; ею они освобождались отъ уплаты со своихъ дворовъ тягла, денегъ на земской дворъ на наемъ ярыгамъ и всякихъ податей; также не платили перевозовъ и мостовщины, не давали судовъ и подводъ по ямамъ и по дорогѣ во всѣхъ городахъ государства, а въ Москвѣ въ большомъ городѣ отъ Троицкаго монастыря до Никольскихъ воротъ и въ Китаѣ городѣ съ Ильинскаго креста къ Богоявленскому монастырю мостовъ и у живаго моста взмостовъ не мостили и на великомъ дворѣ избъ не ставили. Тою же грамотой велѣно было имъ жить въ царскомъ жалованьи на льготѣ, съ черными сотнями никакихъ дѣлъ не дѣлать и не тянуть ни въ чемъ «опричь своей братьи». Всѣ эти привилегіи распространялись, конечно, не только на гостей и торговыхъ людей гостинной сотни, но и на ихъ неотдѣлившихся дѣтей, племянниковъ, прикащиковъ и людей [3]).

---

[1]) При пріемѣ «Турскихъ» пословъ въ Москвѣ въ началѣ царствованія царя Михаила упомянуто 13 гостей и 23 торговыхъ человѣка гостинной сотни (Арх. Мин. Юстиціи, Столбцы московскаго стола № 30, лл. 488—489). О количествѣ гостей, торговыхъ людей гостинной и суконной сотень см. *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3, стр. 98. *Г. Котошихинъ*, О Россіи, гл. X, ст. 1 и 2. Доп. къ А. И., т. III. № 47, III и V; т. VI, № 134; т. VIII, № 40, I.

[2]) Въ жалованной грамотѣ Никифору Веневитинову 1679 года грамота эта отнесена къ 151 году и приписана царю Алексѣю (?). (А. И., т V, № 43). Царь Алексѣй въ 1648 году лишь подтвердилъ привилегіи, дарованныя царемъ Михаиломъ. (Доп. къ А. И., т. III, № 44. и Новгород. губ. вѣд. 1850 г., № 51). Годъ грамоты, напечатанной въ Новгородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, означенъ не точно; грамота издателемъ причислена къ іюню мѣсяцу 120 года, но изъ текста видно что она выдана, при царѣ Михаилѣ. Сдѣлано это было неграмотными старостами гостинной сотни; они прописали 120-й годъ вмѣсто 121-го.—Доп. къ А. И, т. IV, № 56.

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7139 г., № 29: Челобитная Устюга Великаго посыльщика Саввы Иванова за весь посадъ о томъ, что посадскіе люди которые взяты съ Устюга въ гостинную сотню никакихъ государевыхъ податей съ своихъ земель не платятъ. А. Э., т. IV, № 252. А. И., т V, № 43. Доп. къ А. И., т. III, № 44; т. VIII, № 103. П. С. З., т. II, № 782. Уложеніе, Гл. XVIII, ст. 8. Въ актахъ, указанныхъ въ примѣчаніяхъ: 4-мъ на стр. 47 и 1—2 на стр. 48 можно найти указанія и на тѣ привилегіи, разсмотрѣніе которыхъ не входитъ въ предѣлы настоящей части нашего труда.

Съ теченіемъ времени, однако, привилегіи эти были ограничены, такъ какъ оказались весьма тягостными для посадскаго населенія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только посадскій человѣкъ достигалъ значительнаго благосостоянія, онъ переводился въ Москву и такимъ образомъ городъ, въ которомъ онъ прежде занимался торговлей, не имѣлъ никакой возможности разбогатѣть, лишался лучшихъ хозяйственныхъ силъ; напротивъ, съ переводомъ прежняго богатаго тяглеца въ гостинную или суконную сотню остальнымъ тяглецамъ приходилось иногда выплачивать сверхъ прежнихъ податей и тягло выбывшаго, что вызывало постоянныя челобитныя «разныхъ городовъ посадскихъ людей» [1]). Вслѣдствіе этихъ просьбъ явился цѣлый рядъ ограничительныхъ мѣръ. Уже въ 1635 (7143) году велѣно было гостямъ и торговымъ людямъ гостинной и суконной сотни, взятымъ въ Москву изъ Соликамска, платить вмѣстѣ съ Соликамскими посадскими людьми тягло и сибирскіе отпуски съ варницъ, стоявшихъ на тяглыхъ земляхъ, и съ покупныхъ тяглыхъ земель и угодій, «въ чемъ міромъ ихъ обложатъ». Торговые люди, такимъ образомъ, освобождались вмѣстѣ со своими людьми только отъ службъ, которыя они все же отбывали, но не въ Соликамскѣ, а въ Москвѣ. То же распоряженіе повторено было въ 1661 и 1681 годахъ относительно того же Соликамска [2]). Другое распоряженіе издано было относительно московскихъ гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотенъ. Указомъ и боярскимъ приговоромъ отъ 24-го іюля 1648 года велѣно было имъ вмѣстѣ съ крестьянами вотчинъ духовенства, взятыми въ гостинную и суконную сотню, служить службы на Москвѣ, у Архангельскаго города, на Холмогорахъ и «иныя службы по указу»; но городовымъ людямъ, которые по царскому указу даны были въ гостинную и суконную сотню для московскихъ и отъѣзжихъ службъ «въ прошломъ въ 1647 году, напротивъ, быть службами (таможенными, кабацкими и всякими другими) и тягломъ въ городахъ на посадахъ по прежнему, гдѣ кто въ которомъ городѣ живетъ, опричь патріаршихъ, властелинскихъ и монастырскихъ крестьянъ». Лишь въ пользу Ярославцевъ сдѣлано было небольшое исключеніе: имъ дозволено было службы служить не только въ Ярославлѣ, но и въ Астра-

[1]) Московскія черныя сотни писали въ своей челобитной: «а что у насъ, Государь, было нарочитыхъ людей, и гостина и суконная сотни выбрали къ себѣ жъ въ сотни, и отъ того мы, сироты твои, оскудѣли». Доп. къ А. И., т. III, № 47, III.

[2]) П. С. З., т. II, №№ 872, 1091.

хани, и въ Казани [1]). Уложеніе и единовременно съ нимъ появившіеся указы нѣсколько смягчили строгость послѣдняго распоряженія: городовые люди, написанные въ гостинную и суконную сотню, должны были платить тягло съ дворовъ, которыми продолжали владѣть по городамъ, но могли продать ихъ тяглымъ посадскимъ людямъ, а сами должны были жить на Москвѣ въ гостинной и суконной сотнѣ [2])

Мѣры эти, имѣвшія весьма важное значеніе для благосостоянія посадовъ, дѣйствительно примѣнялись къ дѣлу: гости и торговые люди гостинной сотни должны были поставлять даточныхъ людей или вносить деньги за этихъ людей въ военное время [3]). Частные случаи обнаруживаютъ ихъ податную зависимость и въ другихъ отношеніяхъ. Такъ, гости и торговые люди гостинной сотни помогали Усольцамъ въ тяглѣ и въ отправленіи сибирскихъ отпусковъ. Въ 1686 г. велѣно было брать стрѣлецкія деньги съ гостей и съ гостинной и суконной сотни торговыхъ людей, живущихъ на Вяткѣ по прежнему такъ-же, какъ онѣ съ нихъ взимались до этого времени. Торговые люди гостинной сотни, имѣвшіе дворы въ Мѣщанской слободѣ, должны были, по указу 1686 года, тянуть тягло и службы служить съ тяглецами этой слободы. Естественно поэтому, что въ жалованныхъ грамотахъ второй половины XVII вѣка рядомъ съ вышеперечисленными привилегіями на гостей налагались и нѣкоторыя податныя обязанности: они должны были службы служить и подати всякія и тягло платить на Москвѣ съ ихъ братьями, съ гостьми въ рядъ [4]).

Мало по малу, однако, начали ограничиваться привилегіи не только гостей, но и мелкихъ служилыхъ чиновъ. Привилегіи, которыми пользовались стрѣльцы, казаки, пушкари, привели къ тому, что служилые люди низшихъ разрядовъ стали заниматься въ свободное отъ службы время промыслами и торговлей. Будучи свободны

---

[1]) А. Э., т. IV, № 28. Это распоряженіе сдѣлано, вѣроятно, по челобитной земскихъ людей. Доп. къ А. И., т Ш, № 47, I.

[2]) Уложеніе, гл. XIX, ст. 4. А. Э., т. IV, № 36. А. И., т. IV, № 29. Правило это на дѣлѣ, конечно, нарушалось. Въ Вязьмѣ, напр., жилъ торговый человѣкъ суконной сотни. Доп. къ А. И., т. IX, № 62.

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Столбцы пом. стола Разряда № 12, дѣло 2. Р. И. Б., т. X, стр. 272. С. Г. Г. и Д., т. III, № 41.

[4]) А. И., т. V, №№ 8, 43, 141. П. С. З., т. II, №№ 782, 1195. Иноземные купцы пользовались такими же привилегіями, какъ и русскіе, хотя эти привилегіи имѣли скорѣе личный, а не сословный характеръ. Ср *В. Незабитовскаго*, Соб. соч. стр. 5.

отъ тягла, они, конечно, вели свои дѣла успѣшнѣе многихъ посадскихъ людей и были довольно крупными капиталистами того времени [1]). Такіе результаты особенно ярко обнаружились въ мирный періодъ московской политики между второю польскою войной (1633 г.) и войнами изъ за Малороссіи; естественно, поэтому, что они за это время привлекли вниманіе правительства и вызвали распоряженія, завершившіяся извѣстными статьями Уложенія. Уже до его составленія сдѣланы были нѣкоторыя мѣстныя и временныя ограниченія. Въ Псковѣ, Новгородѣ и «иныхъ городахъ» стрѣльцы, казаки и пушкари, торговавшіе на капиталъ менѣе 50 рублей (не говоря объ уплатѣ оброка и пошлинъ со своихъ лавокъ и товаровъ), получали одно денежное жалованье безъ хлѣбнаго, чѣмъ, очевидно, замѣнялась уплата ими нѣкоторой части тягла; тѣ же лица, торговавшія на болѣе значительныя суммы въ 50, 100, 500, 600 рублей и больше, могли, по желанію, или лишиться не только денежнаго, но и хлѣбнаго жалованья, или записаться въ тягло, которому подлежали братья, племянники и дѣти пушкарей, служившихъ пушкарскую службу и освобожденныхъ отъ податей [2]). Уложеніе почти окончательно уничтожило привилегіи низшихъ разрядовъ служилыхъ чиновъ въ этомъ отношеніи [3]).

Податная независимость высшихъ разрядовъ служилаго класса вмѣстѣ съ низшими ограничена была и нѣкоторыми другими распоряженіями. Особенно замѣчателенъ указъ 1655 года, по которому дворяне московскіе, стольники, стряпчіе, жильцы, дьяки, подьячіе и слуги боярскіе, въ случаѣ женитьбы на вдовахъ или «дѣвкахъ» гостинной, суконной или черной сотенъ, по женамъ брались въ тягло, въ сотни и давались на поруки съ записями, что имъ жить и тягло тянуть въ тѣхъ сотняхъ, «кто изъ которой сотни возметъ» [4]).

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7178 г. Мартъ 21—Апрѣль 11, № 148. Отписка изъ разныхъ городовъ въ Галицкую четверть.—Въ одной челобитной Мценскихъ стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ и воротниковъ читаемъ: «Градцкіе мы жилецкіе люди служимъ городовую и полковую службу и у всякова твоего государева дѣла бываемъ и всякую твою государеву службу служимъ; а кормимся мы холопи твои во Мценску всякимъ торговымъ промыслишком и в отъѣздъ ѣздимъ; а иныя наша братья сложилась меж себя человѣкъ пят шесть, волочимся стружишками»... *I. Korb*, Diarium itineris in Moscoviam, ed. 1698. «Strelizii... ex mercimoniis, quae exercere licebat, magnas saepe et invidiosas opes acquisiverant».

[2]) А. Э., т. IV, № 24. Доп. къ А. И., т. III, № 36, I (стр. 123, прим. 4).

[3]) Ср. ниже § 4.

[4]) Доп. къ А. И., т. VI, № 38.

*

Наконецъ былъ цѣлый разрядъ служилыхъ людей — мелкихъ землевладѣльцевъ, подлежавшихъ тяглу или поземельному налогу, а потомъ и подворной подати безъ всякихъ ограниченій. Такъ на южной украйнѣ, напримѣръ, въ Болховскомъ, Бѣлгородскомъ, Пронскомъ, Елецкомъ, Оскольскомъ, Орловскомъ уѣздахъ, гдѣ обыкновенно съ казаковъ или дѣтей боярскихъ, населявшихъ эти уѣзды, не смотря на отсутствіе при помѣщичьемъ дворѣ не только крестьянскихъ, но и людскихъ дворовъ, тѣмъ не менѣе взимались прямые налоги. Такимъ образомъ, эти однодворцы [1]), мелкіе помѣщики и вотчинники, въ податномъ отношеніи сравнены были съ крестьянами и платили, обыкновенно, со времени введенія подворной подати, съ $^1/_{16}$, рѣже съ $^1/_8$ или $^1/_{32}$ живущей четверти [2]). Случаи податной зависимости подобнаго рода

[1]) Переписныя книги 1678 г. Болховскаго и Бѣлгородскаго уѣздовъ см. въ Перепис. кн. изд. подъ ред. *Е. Замысловскаго*, вып. I, стр. 113, 117, 201, 202.— Румянцевскій Музей, № 1396, Книга Пронскому городовому дѣлу 7152 г Арх. Мин. Юстиціи, Дозорная кн. г. Оскола съ уѣздомъ 7123—124 г., кн. 342, напр. л. 203. «Село Яблоново на рѣкѣ на Олексинѣ за дѣтьми боярскими однодворцы». Ср. л. 550 и др. Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Орловскаго уѣзда, F IV, № 442.—«Однодворцы землями владѣютъ безспорно; но безъ крестьянъ, почему однодворцами и называются». (*Г. Миллеръ*, Извѣстіе о дворянахъ, стр. 303). Однодворцы «изстари составляли особый родъ людей, подъ названіемъ стрѣльцовъ, пушкарей, казаковъ, дѣтей боярскихъ, станичниковъ, которымъ, какъ видно, изъ строильныхъ книгъ 155—156 г.. даваны были земляные участки, на каждаго человѣка особо, и они, поселясь особливыми дворами, со временемъ приняли и наименованіе однодворцевъ». (*І. Успенскій*, Опытъ повѣствованія древностей русскихъ, 1818 г., т. II, стр. 196—197). Къ ихъ числу, вѣроятно, присоединились со временъ Алексѣя Михайловича драгуны и солдаты, которымъ также стали выдавать земли (ср. *Н. Устряловъ*, О русскомъ войскѣ, Актъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ 1855 г., Спб., 1856 г., стр. 67—68).

[2]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Елецкаго уѣзда 7135—138 гг., F IV, № 397, статьи: 307, 309, 519, 522, 523 или ст. 6, 9, 12, 14, 31, 32, 35 и мн. др. Писц. кн. Орловскаго уѣзда, F IV, № 442, ст. 21, 22 и мн. др.—Тамбовскіе полковые казаки, бывшіе до поверстанія въ службу въ тяглѣ, продолжаютъ платить оброкъ, ясакъ и куничныя деньги во время пребыванія своего на службѣ (Извѣстія Тамбовской учен. арх. коммиссіи, вып. XV, 1887 г., стр. 49—51). Въ Сибири казаки верстались иногда воеводами во крестьяне (А. И., т. IV, № 221, т. V, № 59). Впрочемъ, такое верстаніе казаковъ въ пашню, по крайней мѣрѣ въ Сибири, служило въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаніемъ, какъ напр., когда они не оказывали должной помощи ясачнымъ сборщикамъ при исправленіи ихъ обязанностей (А. И, т. V, № 119). Объ обращеніи Богородицкихъ пушкарей въ крестьянство см. П. С. З., т. II, № 952. У помѣщиковъ бывали иногда братья крестьянами. (Воронеж. Акты, кн. 1, прибавл. I).

иногда осложнялись тѣмъ, что на землѣ такого мелкопомѣстнаго землевладѣльца хлѣбопашца во дворѣ сидѣлъ другой, такой же служилый человѣкъ, лишенный, повидимому, собственнаго участка земли. Эти захребетники новаго типа такъ же, какъ и общеизвѣстные, освобождены были отъ уплаты податей [1]). Къ такимъ же мелкопомѣстнымъ служилымъ людямъ, не свободнымъ отъ податей, слѣдуетъ причислить, вѣроятно, стрѣльцовъ, пушкарей и засѣчныхъ сторожей, которые владѣли землей на помѣстномъ правѣ, и хотя не имѣли крестьянъ, тѣмъ не менѣе, записывались въ живущія чети на довольно крупныя доли. [2])

Какимъ образомъ эти служилые люди, первоначально свободные отъ податей, вдругъ стали тяглами? Это, можетъ быть, разъясняется осѣдлостью однодворческихъ поселеній и земледѣльческими занятіями ихъ жителей. Такое поселеніе оставалось на одномъ и томъ же мѣстѣ, а между тѣмъ первоначально близкая къ нему южная граница все далѣе и далѣе отодвигалась на югъ; за Бѣлгородскою чертой стала возникать Слободская украйна [3]). Поселеніе постепенно теряло прежній воинственный характеръ и жители его начинали предаваться земледѣльческому труду, сами обрабатывали свои пашни. Но при такихъ условіяхъ они лишены были возможности всегда быть на готовѣ, служить въ строю. Между тѣмъ населеніе стало все рѣзче дѣлиться на служилыхъ землевладѣльцевъ и тяглыхъ землепашцевъ: такое дѣленіе не допускало посредствующихъ звѣньевъ. Естественно было, поэтому, такого служилаго человѣка, обработывавшаго свою пашню, малоспособнаго къ строевой службѣ и уже не вполнѣ необходимаго для охраны самой границы, превратить въ тяглаго землепашца, который съ теченіемъ времени сталъ простымъ крестьяниномъ [4]).

---

[1]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Орловскаго уѣзда 7133—134 г., F IV, № 442, ст. 22: «за Наумомъ Захаровымъ дворъ помѣщиковъ; пашни паханной четверикъ; да на его же землѣ во дворѣ сынъ боярскій Тимоѳей Ивановъ. Платить ему (т. е. Захарову) съ четверика».

[2]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Тульскаго уѣзда 7135—137 года, F IV, № 507, л. 118 об.: «И всего за засѣчными сторожи за 7 человѣками въ помѣстьѣ деревня Черная, а въ ней 4 двора помѣщиковыхъ да мѣсто дворовое. Пашни паханные 14 четвертей. Платить съ живущего со всей деревни черной съ четверти безъ четверика».

[3]) *Д. Багалѣй*, Очерки быта южно-русской украйны, стр. 295, 312. О заселеніи Слободской украйны см. тамъ же, стр. 415—442.

[4]) А. И., т. IV, № 170. Государь въ 1653 году указалъ верстать дѣтей боярскихъ, ихъ братью, племянниковъ и другихъ родственниковъ въ сол-

Государственная служба освобождала служилыхъ людей отъ тягла. Но такою же свободой пользовались лица, стоявшія не только на высшихъ, но и на низшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. Если тѣ выгоды, которыя выпадали на долю каждаго отдѣльнаго лица, какъ члена государства, вызывали податныя или военныя служебныя обязанности, то, наоборотъ, лица, которыя по закону не пользовались такими выгодами, не были правоспособными, ибо считались частною собственностью этихъ членовъ, естественно были освобождены и отъ подобныхъ обязанностей. Такимъ образомъ дворовая, холопская служба, наравнѣ съ военною, хотя и на другихъ основаніяхъ, также освобождала отъ податнаго бремени [1]) Ограниченія этой свободы послѣдовали лишь со второй половины XVII вѣка и вызваны были, главнымъ образомъ, усилившимся переходомъ крестьянъ въ это состояніе. Холопъ, какъ лицо неправоспособное, не могъ владѣть самостоятельнымъ, собственнымъ хозяйствомъ. Въ томъ же положеніи, по крайней мѣрѣ на время, находились такъ называемые закладчики, сосѣди, дворники, захребетники. Но общественное положеніе холопа было результатомъ движенія исторически слагавшихся законодательныхъ нормъ; положеніе закладчика и ему подобныхъ лицъ — результатомъ его частнаго договора съ залогопринимателемъ, большею частью бѣломѣстцемъ. Контрагенты такихъ договоровъ въ виду взаимныхъ выгодъ, стремились, однако, перенести эти частныя отношенія въ область государственныхъ съ цѣлью вынудить правительство къ тому, чтобы при обложеніи оно принимало во вниманіе эти договоры. Такое стремленіе, очевидно, не согласовалось ни съ мірскими интересами тяглой общины, ни съ выгодами казны. Отсюда возникала борьба между правительствомъ, а также тяглыми общинами и бѣломѣстцами съ ихъ закладчиками и тому подобными лицами [2]). Поэтому и положеніе закладчиковъ,

---

датскій строй, «а будетъ въ солдатскій строй писаться не учнутъ и имъ впредь служилыми людьми не называться и въ государствѣ ни въ какой службѣ не бывать, а быть въ земледашцахъ». О распространеніи однодворческаго населенія въ XVIII вѣкѣ см. соч. *Г. Германова*, О постепенномъ распространеніи однодворческаго населенія въ Воронежской губ. въ Зап. Геогр. Общ., т. XII, стр. 185—325.—При введеніи подушнаго оклада эти лица вошли въ разрядъ государственныхъ крестьянъ. П. С. З., т. VII, № 4533.

[1]) Писцовыя книги первой половины XVII вѣка представляютъ тому множество примѣровъ.

[2]) Опредѣленіе ихъ состояній см. ниже § 4.

сосѣдей, дворниковъ и захребетниковъ въ податномъ отношеніи было довольно неопредѣленнымъ. Лица, принадлежавшія ко всѣмъ помянутымъ разрядамъ не имѣли, обыкновенно, ни собственной пашни, ни двора; они слѣдовательно не обладали достаточно яснымъ признаками платежной способности для того, чтобы правительство могло привлечь ихъ къ прямому обложенію, за исключеніемъ развѣ случаевъ взиманія 5-й, 10-й, 15-й и 20-й деньги[1]); но, отличаясь нерѣдко нѣкоторою состоятельностью, они естественно подлежали мірскимъ розрубамъ и розметамъ, и такимъ образомъ фактически становились такими же плательщиками, какъ и тяглецы[2]). Послѣднимъ, однако, при такихъ розрубахъ приходилось иногда вступать въ борьбу съ бѣломѣстцами, за хребтомъ которыхъ сидѣли разныя лица, стремившіяся отбыть тягла. Такая борьба иногда была не подъ силу тяглецамъ; правительство вступалось и цѣлымъ рядомъ законодательныхъ мѣръ старалось ограничить злоупотребленія бѣломѣстцевъ.

Итакъ, военная служба освобождала служилыхъ людей отъ тягла потому, что они уже несли опредѣленныя обязанности по отношенію къ государству, дворовая — на томъ основаніи, что холопы не считались правоспособными членами общества. При опредѣленіи юридическихъ признаковъ платежной способности лицъ, находившихся на дворцовой службѣ высшія степени послѣдней смѣшивались съ государственною, низшія — съ дворовою служ-

---

[1]) Влад. губ. вѣд., 1859 г., № 38. А. И., т. III, № 70.

[2]) Въ Кунгурѣ встрѣчается у пушкаря подсосѣдникъ, написанный въ тягло. (*Кунгуръ*, Матер. для истор. гор., стр. 5). Въ Калугѣ были подсосѣдники, которые жили «собѣ избами», но безоброчно (Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Калуги 7125 г., кн. 11605, л. 38 об.). Въ Тулѣ въ сосѣдяхъ живетъ 12 чел., тягло тянутъ, за бѣдностью дворовъ поставить нечѣмъ. (Ibid Писц. кн. г. Тулы 7133 г., кн. 399, л. 78). Дворники въ Рязани платятъ оброкъ наравнѣ съ посадскими людьми, иногда по 25 алтынъ каждый. (*Рязань*, Матер. для истор. гор., стр. 10. Писц. кн. г. Переяславля Рязанскаго 7134 г). Въ Бѣлевѣ дворники платятъ оброкъ по 3 ал. 2 ден. съ двора. (*Бѣлевъ*, Матер. для истор. гор, стр. 11. Писц. кн. г. Бѣлева 7133 г). Тамъ же позже встрѣчаемъ посадскихъ людей на дворничествѣ, которые платятъ тягло съ посадскими людьми вмѣстѣ. (Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн. г. Бѣлева 7154 г., кн. 15531, л. 18). То же встрѣчаемъ въ Болховѣ (ibid., Переп. кн. г. Болхова 7154 г., кн. 10042, л. 108). Подлежали тяглу обыкновенно, повидимому, тѣ, которые вышли изъ посадской общины и поступили въ сосѣди или дворники. Въ уѣздѣ тѣ же явленія были еще мало развиты.—Объ участіи дворниковъ въ выборѣ земскаго старосты и цѣловальниковъ въ Шуѣ въ 1639 г, см. Влад. губ. вѣд. 1862 г., № 18.

бой. Вотъ почемуу придворная и приказная служба въ дворцовыхъ селахъ освобождала отъ тягла Смѣшеніе тѣхъ же принциповъ можно наблюдать и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ. Былъ особый разрядъ населенія, который можно назвать служилыми ремесленниками. Таковы, напримѣръ, казенные кузнецы, каменьщики, кирпичники, гончары, плотники, ихъ дѣятельность направлена была на удовлетвореніе государевыхъ и государственныхъ потребностей, которыя въ то время мало различались другъ отъ друга; хотя вышепомянутыя лица набирались обыкновенно изъ посадскихъ промышленныхъ людей, но они, какъ служилые ремесленники, считались нетяглыми [1]). Если тѣмъ же ремесломъ занимался посадскій человѣкъ по собственной иниціативѣ, то онъ все же оставался тяглецомъ. Привилегіи служилыхъ ремесленниковъ были довольно значительны; ихъ дворы и огороды на посадской или монастырской землѣ, гдѣ кто на посадѣ или въ уѣздѣ жилъ, считались обѣльными; эти же ремесленники не отправляли личныхъ повинностей вмѣстѣ съ тяглыми посадскими людьми и не платили никакихъ податей съ земли или двора; могли жить съ дядьями, братьями и племянниками на одномъ

---

[1]) О податныхъ привилегіяхъ этихъ лицъ, какъ служилыхъ ремесленниковъ, сохранилось много указаній. О кузнецахъ см. Уложеніе, гл XIX, ст. 28. А. Ю., № 305. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Г. Сольгалича 7122 г., кн. 453, л. 32. *И. Сахаровъ*, Исторія общественнаго образованія Тульской губ., М., 1832 г., №№ 2, 3, 4, 7. 21, 27, 30, 31, 48, 49. О каменьщикахъ: Р. И. Б., т. XI, прил., стр. 60. Доп. къ А. И., т. Ш, № 70. Арх. Мин. Юстиціи, тоже, кн. 453, л. 32. О кирпичникахъ: *В. Берхъ*, Царствованіе ц. Михаила Ѳедоровича, Приб. № VII. Доп. къ А. И., т. II, № 78. Влад. губ. вѣд. 1858 г., № 44. (Въ этихъ трехъ грамотахъ даются привилегіи Тульскимъ, Костромскимъ и Владимірскимъ кирпичникамъ, первымъ въ видѣ подтвержденія прежней грамоты данной царемъ Ѳедоромъ). *А. Рейцъ*, Опытъ исторіи Россійскихъ законовъ, перев. 1836 г., стр. 271. О гончарахъ: Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн. г. Владиміра 7154 г., кн. 12611, лл. 73 об—74 об.: «Да въ Володимірежъ на посаде подъ лоханью гончары, а въ нихъ дворовъ, а въ дворехъ людей по именомъ, а живутъ на Государевѣ на бѣлой землѣ, тягла никакова съ посацкими людьми и никакими съ ными не тянутъ, только они дѣлаютъ Государево кирпишное дѣло». О плотникахъ: А. Ю., № 309.—Исходъ дѣла о колесныхъ мастерахъ слободки Солцы (Шелонской пятины), которые грамотой 7093 года освобождены были отъ податей, но въ XVII вѣкѣ, съ 1642 года принуждены были платить полоняничныя, ямскія деньги и стрѣлецкій хлѣбъ, продолжая выдѣлывать колеса и проч. для казны, къ сожалѣнію, остается неизвѣстнымъ Доп къ А. И., т. VII, № 36. Иконописцы также высылались въ Москву для государева дѣла и получали кормъ. Едва-ли однако, они были нетяглыми. А. Э , т. Ш, № 317.

хлѣбѣ, а въ случаѣ бѣгства, хотя и подлежали временному тюремному заключенію, но потомъ за порукой могли освободиться отъ этого наказанія [1]). Служилые ремесленники были посадскими людьми, которые взяты были изъ тягла. Но и дѣловые люди великаго князя нерѣдко изъ нетяглыхъ холоповъ мало по малу превращались въ тяглецовъ. Тяглая община всегда старалась привлечь такихъ лицъ къ тяглу, ибо тѣмъ самымъ облегчала, по крайней мѣрѣ на время, податное бремя, падавшее въ такомъ случаѣ на большее количество плательщиковъ. Это иногда ей удавалось тѣмъ болѣе, что разбогатѣвшій великокняжескій холопъ, ремесленникъ, въ экономическомъ отношеніи, мало отличался отъ посадскаго человѣка. Окончательно потерять признаковъ прежняго своего положенія онъ, однако, не могъ. Вотъ почему онъ продолжалъ служить великому князю, какъ холопъ, и тянулъ тягло, какъ промышленный житель посада. Такъ, по крайней мѣрѣ, естественнѣе всего объяснять существованіе въ Москвѣ дворцовыхъ слободъ, заселенныхъ тяглыми барашами, котельниками, оловянишниками, кузнецами, плотниками, горшечниками, печниками, кирпичниками, большинство этихъ лицъ, очевидно, происходило отъ прежнихъ дѣловыхъ людей великаго князя и еще въ XVII вѣкѣ обязано было работать на царскомъ дворѣ безденежно, а между тѣмъ подлежало тяглу, которое платило въ Большой дворецъ [2]).

Иное значеніе въ податномъ отношеніи имѣла служба духовная. Государевы богомольцы своими молитвами предуготовляли великому князю и его сподвижникамъ успѣхъ въ земной жизни и путь въ царствіе небесное [3]); великіе князья, до временъ Грознаго, вознаграждали эти услуги земельными дачами изъ государственныхъ имуществъ и податными привилегіями. Эти преимущества окрѣпли и увеличились подъ вліяніемъ политическаго значенія, какое получили лица духовныя, какъ проводники религіозно-нравственныхъ идеаловъ христіанства, выработавшихся на почвѣ византійскаго цезаризма и какъ сознательные приверженцы московскаго единодержавія. Къ дѣйствію внутреннихъ причинъ присоединилось вліяніе внѣшнихъ: ханскіе ярлыки, дарованные духовенству и осво-

[1]) Влад. губ. вѣд. 1858 г., № 44.

[2]) А. Э., т. III, №№ 7, 14, 55, 176.

[3]) П. С. Р. Л. т. II, изд. 2-е стр. 259. Новгородцы въ 1148 году говорятъ Изяславу. «Княже, ать же поидемъ и всяка душа; аче и дьякъ а гуменце ему пострижено, а не поставленъ будетъ (и тъи поидеть а кто поставленъ) ать Бога молить».

бождавшіе его отъ податей, естественно сохранили отчасти свое значеніе и въ позднѣйшее время. Результатомъ взаимодѣйствія всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ оказалось привилегированное положеніе духовенства; кругъ дѣятельности, въ которомъ удовлетвореніе частныхъ религіозныхъ потребностей великаго князя и его двора переплеталось съ воспоминаніями о политическихъ услугахъ оказанныхъ государству и привилегіяхъ, выданныхъ татарскимъ ханомъ, ставилъ духовенство внѣ распредѣленія податныхъ и служебныхъ обязанностей между правоспособными членами общества. Вотъ почему патріаршіе, митрополичьи, архіепископскіе и монастырскіе дворы не подлежали прямымъ налогамъ; отъ ихъ уплаты освобождены были и домовые ихъ люди, каковы напр. дѣти боярскіе, дьяки, пѣвчіе, приказные и дворовые люди (повара, хлѣбники, конюхи); также монастырскіе слуги, служки, служебники, сторожи и дѣтеныши, когда они не имѣли собственной пашни [1]). Бѣлое духовенство пользовалось такими же привилегіями. Не говоря о самомъ церковномъ зданіи, съ дворовъ церковнаго причта, какъ-то: попа, дьякона, дьяка, пономаря, причетника, просвирницы,

---

[1]) Подробное исчисленіе этихъ разрядовъ см. въ Уложеніи, гл. X, ст. 95. При царѣ Борисѣ велѣно было посошныхъ людей и денежные доходы и мелкіе розметы «имать по прежнему со крестьянские пашни и служни со всее, которую пашню крестьяне и служки пашутъ на себя». (*А. Горскаго*, Описаніе Свято-Троицкой Сергіевой лавры, М. 1879 г., стр. 202). Въ 1687 году по поводу запросныхъ денегъ на покупку подъемныхъ лошадей, служки били челомъ царямъ Ивану и Петру Алексѣевичамъ объ освобожденіи ихъ отъ взиманія этихъ денегъ ибо «отъ житья преподобнаго Сергія съ монастырскихъ слугъ, служебниковъ и всякихъ чиновныхъ людей никакихъ денежныхъ и хлѣбныхъ поборовъ и податей никогда не имывано, *потому что* служатъ они изъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, *а пашенными землями и сѣнными покосами они не владѣютъ* и платить имъ не съ чего». (*Іером. Арсеній*, О служкахъ Троицкаго Сергіева монастыря въ Чт. М. О. И. и Д, 1867 г., кн. III, стр. 66). Вѣроятно, эти лица и жили въ «заслужныхъ» избахъ или кельяхъ. (П. С. З., т. II, № 1194). П. С. З., т. II, № 1130. А. И., т. V, № 141. О монастырскихъ сторожахъ Владимірскаго Успенскаго монастыря см. любопытныя свѣдѣнія въ переписной книгѣ 1701 г. въ памятной книжкѣ Владимірской губерніи на 1862 г., Влад., 1862 г, Отд. II, стр. 12—13.—Въ 1680 г. обложены были ямскими и полоняничными деньгами патріарши, митрополичьи, архіепископли и монастырскіе служки, служебники, повары, кузнецы и всякіе разночинцы, написанные на посадѣ и въ уѣздѣ дворами. Это подтверждено было въ 1686 г. Они же окладывались стрѣлецкимъ хлѣбомъ противъ крестьянъ и бобылей». П. С. З., т. II, №№ 1202, 1206, 1217.

рѣдко церковнаго сторожа, и дворовъ лицъ, жившихъ на церковной землѣ, обыкновенно церковныхъ бобылей такъ же, какъ и нищенскихъ келій, податей не взималось [1]). Иногда, однако, мы встрѣчаемъ тяглыхъ поповъ, дьячковъ, дьяконовъ и церковныхъ причетниковъ. Это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда они владѣли тяглою землей, имѣли свою недвижимую собственность, т. е. были своеземцами или «торговали большими промыслами» [2]).

Со временъ Уложенія обнаруживается стремленіе ограничить привилегіи бѣлаго духовенства. Такъ, велѣно было поповыхъ дѣтей, церковныхъ дьячковъ или пономарей и вольныхъ людей, жившихъ на церковныхъ земляхъ и промышлявшихъ торговыми промыслами, взять въ тягло [3]). Въ 1660 году сдѣлана была даже попытка взять изъ дѣтей, племянниковъ и внучатъ протопоповыхъ, поповыхъ дьячковыхъ и всякихъ церковныхъ причетниковъ «отъ дву третьяго, а отъ четырехъ двухъ, а въ которой семьѣ больше, тѣхъ потомужъ; а которые грамотѣ умѣютъ и тѣхъ (велѣно было) оставливати съ отцами у церквей, чтобы церквамъ оскудѣнья не было, а лишнихъ всѣхъ имать и писать въ солдатскую и стрѣлецкую службу». Черезъ полтора мѣсяца значеніе такого распоряженія было, однако, значительно ослаблено; по новому постановленію изъ вышеуказанныхъ лицъ принимались лишь тѣ, которые добровольно поступали на службу [4]).

Причины, которыя вызвали образованіе сословныхъ привилегій духовенства, повели и къ ихъ распространенію на крестьянское населеніе его поземельныхъ владѣній. Эти привилегіи выдавались Государемъ въ разное время каждому отдѣльному монастырю или

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7134 г., № 54. Выписка изъ Устюжскихъ писцовыхъ книгъ Никиты Вышеславцева о томъ, что велѣно, чтобы церковныхъ дьячковъ и пономарей посадскіе люди изъ книгъ выписали и впредь бы податей не клали и въ службы не брали.—*Устюгъ*, Матер. для истор. гор., стр. 30 и мн. др. писцовыя книги. А. И., т. V, № 141 и мн. др. Церковныя пашенныя земли, позднѣе крестьянскіе и бобыльскіе дворы, на нихъ расположенные, подлежали прямому обложенію за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда пользовались спеціальными податными привилегіями. Иногда прихожане принимали на себя податныя обязанности церкви, что было естественно, когда церковь построена была «міромъ» на черной землѣ.

[2]) А. Э., т. II, № 158, т. IV, №№ 24 и 52. А. И., т. V, № 141. Доп къ А. И., т. VIII, № 49, II.

[3]) Перепис. кн.. изд *Е. Замысловскимъ*, вып. I. стр. 294, прем. 3.: Родные братья попа Тимоѳея (изъ деревни Поповой Бѣлозерскаго уѣзда) «взяты для тягла на Бѣлоозеро, въ посадъ». А. Э., т. IV, № 36.

[4]) П. С. З., т. №№ 288 и 291.

рѣже церкви и подтверждались послѣ его смерти его наслѣдникомъ, слѣдовательно, имѣли скорѣе личный, а не сословный характеръ. Особенно значительны были привилегіи, дарованныя патріарху, нѣкоторымъ церквамъ и монастырямъ такъ называемыми тарханными грамотами, которыя выдавались и подтверждались до 20-хъ годовъ XVII вѣка. Эти грамоты, предоставляли слѣдующія преимущества:

I. Нѣкоторыя обязанности въ пользу дворца уничтожались. Монастырскіе крестьяне не должны были пахать пашню на Государя, молотить и возить его хлѣбъ по городамъ; косить и развозить по разнымъ мѣстамъ сѣно; сбирать ягоды, рыжики и рвать цвѣты; давать столовые запасы и туковое; они не кормили коня государева, не принимали государевыхъ ловчихъ, псарей и сокольниковъ, не давали имъ кормовъ и вмѣстѣ съ ними не ходили на государевы звѣриныя, птичьи и всякія ловли.

II. Монастырь освобождался отъ цѣлаго ряда натуральныхъ повинностей и сборовъ: 1) Онъ не давалъ посошныхъ людей и стрѣлецкихъ или казачьихъ кормовъ, не дѣлалъ городоваго дѣла, въ ровъ посадскихъ людей не наряжалъ, камня и извести не возилъ, кирпича на Москвѣ не дѣлалъ и нигдѣ не возилъ, взрубовъ не дѣлалъ, зелья на зелейный дворъ не готовилъ, къ пушечному дѣлу на пушечный запасъ волоковъ, колесъ, саней, канатовъ и всякихъ запасовъ не дѣлалъ и не давалъ и къ зелейному пушечному дѣлу уголья и никакихъ запасовъ не возилъ и не давалъ, на зелейный дворъ никого не посылалъ съ щитами, рогатинами, копьями и пищалями. 2) Вмѣстѣ съ тѣмъ монастырскіе крестьяне не стояли съ подводами на ямахъ и не выбирались въ ямскіе охотники; монастырь не давалъ подводъ гонцамъ и посланникамъ, освобожденъ былъ отъ постоя въ монастырскихъ селахъ и деревняхъ князей, бояръ, воеводъ, дѣтей, всякихъ служилыхъ людей и не давалъ имъ проводниковъ или кормовъ. 3) Рядомъ съ воинскою и ямскою повинностью монастырь освобождался и отъ исправленія разныхъ работъ въ пользу казны. Онъ не давалъ сору, дровъ и золы къ ямчужному дѣлу и не дѣлалъ ямчужныхъ анбаровъ такъ же, какъ не участвовалъ въ постройкѣ намѣстнича и волостелина или воеводскаго двора и не ставилъ тюремъ. 4) Наконецъ, онъ не принималъ довольно тягостнаго участія въ мірскомъ самоуправленіи, ибо не давалъ тюремныхъ сторожей и цѣловальниковъ къ тюремному, губному, ямчужному дѣлу, къ тамгѣ и денежному сбору.

III. Этимъ, однако, не заканчивались монастырскія привилегіи; кромѣ натуральныхъ сборовъ и повинностей, монастырь освобож-

дался и отъ денежныхъ платежей. Онъ не платилъ дани, пищальныхъ денегъ, денегъ за городовое, засѣчное, пушечное, зелейное, ямчужное дѣло, полоняничныхъ, стрѣлецкихъ, подможныхъ, луговыхъ и поворотныхъ денегъ, судоваго оброку, тамги, мыта и помѣрнаго [1]). Всѣ эти привилегіи, разумѣется, касались не столько вотчинниковыхъ крестьянъ, сколько самихъ землевладѣльцевъ; послѣдніе иногда въ свою пользу продолжали сбирать подати, отъ которыхъ правительство освобождало ихъ крестьянъ [2]).

Кругъ привилегій, предоставленныхъ тарханами монастырямъ, былъ слишкомъ значительнымъ для того, чтобы не подвергнуться ограниченіямъ. Постепенное развитіе церковной независимости, быстрое увеличеніе поземельныхъ владѣній церкви, все болѣе и болѣе чувствуемый правительствомъ недостатокъ въ свободныхъ земляхъ для раздачи въ помѣстья и желаніе удержать крестьянъ на земляхъ мелкихъ служилыхъ владѣльцевъ — таковы главнѣйшія причины, которыя принудили московскаго Государя пожертвовать личнымъ чувствомъ на пользу государства и приступить къ ограниченію вкладовъ въ монастыри и податныхъ привилегій церкви. Эти ограниченія начались еще съ половины XVI вѣка, но не помѣшали существованію прежнихъ тарханов, и выдачѣ новыхъ. Въ XVII вѣкѣ продолжали повторяться попытки подобнаго рода, тѣмъ болѣе, что къ тому же побуждали и челобитныя, тяглыхъ и служилыхъ людей, слѣдовательно, сочувствіе свѣтскаго общества [3]). Такъ, напр., въ 1630 году изданъ былъ указъ, запрещавшій вкладывать въ монастыри или церкви вотчины, тяглыя земли и дворы, которые, въ случаѣ нарушенія этого указа, конфисковались и раздавались челобитчикамъ. Уложеніе подтвердило это законоположеніе, предоставивъ право замѣнять запрещаемый вкладъ недвижимыхъ имуществъ соотвѣтствующею денежною суммой; въ случаѣ нежеланія наслѣдниковъ подчиниться этимъ условіямъ, вот-

[1]) *Г. Пассекъ*, Описаніе Симонова монастыря, М., 1843 г., стр. 157—164. Тарханная грамота Симонову монастырю 5 ноября 1613 года, подтвержденная 15 іюня 1622 года. Въ новой грамотѣ отъ 31 іюля 1623 года подтверждены прежнія привилегіи, за исключеніемъ городоваго дѣла, стрѣлецкихъ и казачьихъ кормовъ, тамги, мыта и помѣрнаго, сбора ягодъ, рыжиконъ и цвѣтовъ.—Ср. прим.

[2]) П. С. З., т. II, № 1119. Въ этой грамотѣ (3 мая 1685 г.) упоминается жалованная грамота Крестному монастырю 24 января 1657 г., которою велѣно было дань и оброкъ съ монастыря изъ окладу выложить и «тѣ доходы платить въ монастырь».

[3]) А. Э., т. IV, № 33.

чина продавалась постороннимъ лицамъ, а полученныя отъ продажи деньги вносились въ монастырь [1]).

Уже въ жалованныхъ грамотахъ XV—XVI вѣковъ дѣлались изрѣдка ограниченія въ пользу казны и требовалась уплата нѣкоторыхъ податей и исправленіе повинностей, какъ-то: ямскихъ денегъ и городоваго дѣла [2]). Въ первой половинѣ XVII вѣка правительство воспользовалось такими примѣрами и обобщило это мѣропріятіе. Хотя въ теченіе почти всего XVII вѣка продолжали подтверждаться прежнія жалованныя грамоты и выдаваться новыя [3]), но уже не въ томъ видѣ, въ какомъ извѣстны были до

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VI, № 110. Уложеніе, гл. XVII, ст. 12.

[2]) *Г. Милютинъ*, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи, въ Чт. М. О. И. и Д. 1860 г., кн. III, стр. 224, прим. 381. А. Э., т. I, №№ 161, 179 А. И., т. I, №№ 74. А. о. до Ю. Б., т. I, № 31, IV.

[3]) Пересчитывая число жалованныхъ монастырскихъ грамотъ по даннымъ, собраннымъ *В. Милютинымъ* (О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи въ Чт. М. О. И. и Д., 1860 г., кн. III, стр. 169—173), мы увидимъ, что, не смотря на малое число грамотъ, сохранившихся отъ древнѣйшаго времени, и, напротивъ, большую сохранность ихъ въ позднѣйшее время, мы все же замѣчаемъ ихъ постепенную убыль. Отъ XIV в. сохранилось нѣсколько грамотъ, которыя, разумѣется, нельзя принимать въ разсчетъ. Въ XVI в. ихъ, повидимому, выдано меньше, чѣмъ въ XV. Въ XVII в царемъ Михаиломъ выдано—46 жалов. грамотъ, царями: Алексѣемъ—21, Ѳедоромъ—5, Иваномъ и Петромъ—9. Не приводя здѣсь точнаго перечисленія множества жалованныхъ грамотъ духовенству въ XVII в., собранныхъ въ А. И., т. III—V; А. Э., т. III, IV; Доп. къ А. И., т II—XII и П. С. З. т. I—II, большею частью указанныхъ г. Милютинымъ, приведемъ здѣсь нѣсколько менѣе извѣстныхъ примѣровъ, относящихся къ XVII-му вѣку: Древ Рос. Вивл., ч. XV, стр. 211—218. *Л. Максимовичъ*, Указатель россійскихъ законовъ, М., 1803 г., ч. I, стр. 132. Лѣтопись занятій Археографической Коммиссіи, вып. III, отд. 2, стр. 25. Извѣст. Тамб. уч. арх. ком., вып. XIII, 1887 г., стр. 23 и 29; вып. XV, 1887 г., стр. 11. Чт. М. О. И. и Д., 1875 г., кн. IV, стр. 151, Р. И. Б., т. II, №№ 131 и 170; т. V, № 5. Арханг. губ. вѣд. 1851 г., № 31. Влад. губ. вѣд. 1847 г., № 15. Ярослав. губ. вѣд. 1852 г., № 18. Пермск. губ. вѣд. 1880 г., № 24. *Арх. Аполлосъ*, Описаніе Астраханскаго Благовѣщенскаго монастыря, Астрах., 1852 г., прил. №№ 1, 7. *П. Савваитовъ*, Описаніе Велико-Устюжскаго Архангельскаго монастыря, Спб., 1848 г., Прил., №№ 3 и 4. *И. Румовскій*, Описаніе Велико-Устюжскаго собора, Прил., № XII.—Историческое описаніе Симонова монастыря, М., 1843 г., стр. 149—167. Описаніе Макарьевскаго Унженскаго монастыря, М., 1835 г., Прил. №№ 4, 5, 9 и 16

Прежнихъ жалованныхъ грамотъ (судя по тѣмъ-же даннымъ, собраннымъ г. *Милютинымъ*, ibid., стр. 181—184) подтверждено было при царѣ Михаилѣ—50, царяхъ: Алексѣѣ—31, Ѳедорѣ—22, Иванѣ и Петрѣ—22 раза. Другіе примѣры подтвержденій см. въ слѣд. изданіяхъ: Сборникъ кн. Хилкова,

сихъ поръ. Въ тарханныхъ грамотахъ первыхъ лѣтъ правленія царя Михаила правительство оставляло за собою право взимать дань и съ тархановъ «для нужныхъ дѣлъ» по особому царскому указу [1]), а «по новому уложенію», вѣроятно 1620—1621 года, тарханы были вновь переписаны и прежнія полныя податныя привилегіи ограничены: за тарханщиками признана обязанность вносить ямскія деньги и стрѣлецкіе хлѣбные запасы, выполнять городовое и острожное дѣло. Впрочемъ, и тутъ не обошлось безъ исключеній, которыя сдѣланы были въ пользу вотчинъ патріарха и Троице-Сергіева монастыря. Изрѣдка монастыри освобождались отъ городоваго и острожнаго дѣла, но не отъ ямскихъ денегъ и стрѣлецкаго хлѣба; въ другихъ случаяхъ монастыри, какъ напр., Іосифо-Волоколамскій и Кирилло-Бѣлозерскій, не дѣлали городоваго дѣла лишь потому, что на собственныя средства содержали городскую стѣну и другія укрѣпленія вокругъ монастыря [2]). Послѣ этихъ мѣръ уже легче

№№ 47 и 52. Чт. М. О. И. и Д., 1875 г., кн. IV, стр. 148. *В. Берхъ*, Путешествіе въ Чердынь, стр. 15 и 165, прил. № XXVI. *И. Румовскій*, ibid стр. 71 и 87. Описаніе Троицкаго Переяславскаго Данилова мон. и проч., М., 1834 г., стр. 93, № XV. Псков. губ. вѣд. 1840 г., №№ 35, 36. Ярослав. губ. вѣд. 1851 г., №№ 29, 30 и 31. Костром. губ. вѣд 1851 г., № 16. Влад. губ. вѣд. 1841 г., № 18; 1847 г., № 14. Привилегіи, предоставленныя до 1637 года, подтверждались въ томъ случаѣ, когда оригиналы потерялись или погибли въ смутное время, но остались списки за дьячими приписями, руками архимандритовъ, игуменовъ и соборныхъ старцевъ. Доп. къ А. И., т. VI, № 131.

[1]) А. Э., т. III, № 116. А. И., т. III, № 60. Г. *Пассекъ*, Описаніе Симонова монастыря, стр. 164.

[2]) Справедливо замѣчаютъ (*В. Незабитовскій*, Соб. соч., стр 43), что въ 1620 году выдавались жалованныя грамоты на прежнемъ основаніи (А. И., т. III, № 120), а въ 1621 г. по новому уложенію (А. Э., т. III, № 94. П. С. З., т. II, № 681), чѣмъ опредѣляется и время составленія новаго уложенія. Что оно составлено до января 1622 г., на то указываетъ, напр., жалованная грамота монастырю Рождества Пресв. Богородицы Шацкаго уѣзда. (Извѣст. Тамбов. учен. арх. коммиссіи, вып. XIII, стр. 29—33). Жалованныхъ грамотъ, написанныхъ по новому уложенію, большое количество. См., напр., А. Э., т. III, № 139. А. И., т. III, №№ 94, 108, 119, 120, 123, 126, 129, (132), 133, 142. Доп. къ А. И., т. VII, № 15, I; т. IX, № 4. П. С. З., т. I, №№ 205, 206, т. II, №№ 681 и 703. Древніе акты, относящ. къ исторіи Вятки (В. 1881 г.), № 105. *П. Савваитовъ*, Описаніе Велико-Устюжскаго Архангельскаго собора, Прил. № 3. Владим. губ. вѣд. 1840 г., № 38. *П. Симсонъ*, Исторія г. Серпухова, М. 1880, стр. 335—340.—Исключенія изъ вышеуказанныхъ ограниченій довольно разнообразны: Велико-Устюжскій соборъ освобожденъ отъ городоваго дѣла въ 1648 году, хотя, судя по грамотѣ 1681 года, платилъ съ своихъ де-

было выполнить то, что задумано было еще въ XVI вѣкѣ, и указами 1672 и 1677 годовъ уничтожить прежнія податныя привилегіи духовенства [1]). Поэтому, если въ позднѣйшее время и выдавались жалованныя грамоты, то лишь съ оговоркой, «опричь тѣхъ статей, которые по нашему указу и по Уложенію и по новымъ статьямъ послѣ Уложенія состоялись и отставлены» [2]).

Не всѣ монастыри успѣвали освободиться отъ податнаго бремени. Иногда часть монастырскихъ владѣній оставалась не отхаженною, ибо присоединена была послѣ выдачи тархана; въ другихъ случаяхъ, рядомъ съ привилегированными монастырями, въ XVII вѣкѣ встрѣчается уже довольно много монастырей, которые основаны были сравнительно поздно, заняли пустыя черныя мѣста и поэтому тянули тягло наравнѣ, хотя и не всегда вмѣстѣ съ крестьянами. Кирилловскій монастырь платилъ съ своихъ вотчинъ и съ поморскихъ промысловъ данныя, оброчныя, ямскія деньги и стрѣлецкіе хлѣбные запасы; Архангельскій монастырь, Троицкій съ Гледена, Ивановскій, Телѣговъ, Прилуцкій, Никольскій на Великомъ Устюгѣ—всѣ были монастырями черными, тяглыми, ибо платили всякія государевы подати и мірскіе разметы, гоняли ямскую гоньбу подъ государеву казну, платили стрѣлецкіе московскіе и сибирскіе хлѣбные запасы и служили службы и отпускали даточныхъ людей вмѣстѣ съ черными волостными крестьянами [3]).

ревень данныя и оброчныя деньги и съ половниковъ полтинныя и полуполтинныя (*И. Румовскій*, Описаніе и проч., №№ 2, 4 и XII). Троице-Сергіевъ монастырь отбывалъ одно городовое, острожное и засѣчное дѣло (П. С. З., т. II, № 808) Крестный монастырь платилъ однѣ стрѣлецкія и полоняничныя деньги, оброчную и десятинную рыбу. (П. С. З., т. II, № 1119). Одна изъ вотчинъ Николаевскаго Вяжицкаго монастыря, кромѣ ямскихъ, стрѣлецкихъ денегъ, городоваго и острожнаго дѣла, не была освобождена и отъ полоняничныхъ денегъ. (П. С. З., т. II, № 769). Доп. къ А. И., т. IX, № 4.

[1]) П. С. З., т. I, № 507 и т. II, № 699. А. И., т. IV, № 224, т. V, № 18. Доп. къ А. И., т. VI, №№ 61 и 65.

[2]) Описаніе Макарьевскаго Унженскаго монастыря, 1835 г., Грам. № 20. (1689 г. мая 22). Описаніе Троицкаго Переяславскаго мон., М. 1834 г., Грам. № XIX. (1681 г. марта 30). Извѣстія Тамбов. учен. арх. ком., вып. XIII, стр. 32—33. П. С. З., т. II, №№ 1063 и 1090. Доп. къ А. И., т. VI, № 131. Матеріалы для историко-статистическаго описанія Тульской епархіи, т. I, Тула, 1888 г., стр. 68—71. (Жалованная грамота Предтечеву монастырю 1683 г. сентяб. 4)

[1]) А Э., т. III, № 283; т. IV, № 146. А. Э., т. IV, №№ 241 и 244. *П. Савваитовъ*, Описаніе Великоуст. Архангельскаго мон., Прил. № 4.

Ограниченія прежнихъ привилегій мало по малу распространилось почти на всѣ монастыри и увеличились на столько, что въ челобитной 1684 года богомольцы государевы всѣхъ московскихъ и уѣздныхъ монастырей били челомъ Государю объ облегченіи разныхъ повинностей и податей. По ихъ увѣренію, они платили не только наравнѣ съ вотчинниками и помѣщиками, но и съ великою прибавкой стрѣлецкій хлѣбъ втрое, ямскія и полоняничныя деньги вдвое; затѣмъ деньги ратнымъ людямъ на жалованье, полуполтинныя, полтинныя, и рублевыя да подъемныя деньги; они обязаны были по словамъ той же челобитной, еще поставлять слугъ на службу, подводы посыльщикамъ (кромѣ ямщиковъ), наметное копенное сѣно, уголье на дѣловые дворы для ружейной казны и лѣсъ на хоромное строенье; строили также пруды царскіе въ Дмитровѣ и рыбу возили. Наконецъ, помимо чрезвычайныхъ сборовъ, монастыри жаловались на то, что «наложены» были еще при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ на каждые 50 крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ отставные стрѣльцы, которымъ нужно было давать денежное и хлѣбное жалованье изъ монастырской казны, причемъ сами стрѣльцы сперва размѣщены были по монастырямъ, а затѣмъ стали жить на Москвѣ и требовать сюда доставки своего жалованья самими монастырями, отстоявшими иногда на двѣ и болѣе тысячи верстъ отъ столицы [1]).

Такимъ образомъ достигнута была одна изъ цѣлей, которыя поставлены были еще царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Правительство второй половины XVI вѣка хотѣло сразу запретить вклады въ монастыри и уничтожить тарханы. Правительство XVII вѣка дѣйствовало осторожнѣе и обратило свое вниманіе преимущественно на вторую изъ этихъ цѣлей, достиженіе которой въ значительной мѣрѣ должно было способствовать выполненію и первой изъ нихъ Глухіе намеки жалованныхъ грамотъ на возможность ограниченія податныхъ привилегій, которыми пользовалось населеніе поземельныхъ владѣній духовенства, смѣнились болѣе точнымъ опредѣленіемъ его важнѣйшихъ обязанностей по отношенію къ государству, а къ нимъ впослѣдствіи стали присоединяться новыя требованія. Но ясное сознаніе преслѣдуемой цѣли, за не-

[1]) А. Э., т. IV, № 283. Доп. къ А. И., т. XII, № 34. Объ обложеніи монастырскихъ и церковныхъ служекъ, служебниковъ, кузнецовъ и всякихъ работныхъ и ремесленныхъ людей дворовъ рублевымъ сборомъ въ 1687 году см. А. У. и Х. Е.,—Б, № CLXXVII; о сборѣ полоняничныхъ денегъ съ поповъ и причетниковъ въ 1689 году см Ibid,. Б, № CXCVIII.

многими исключеніями, не вызывало со стороны правительства общихъ законодательныхъ мѣръ, оно скорѣе сказывалось въ грамотахъ съ неравномѣрными и разновременными ограниченіями податныхъ привилегій отдѣльныхъ монастырей.

Кромѣ привилегій, связанныхъ съ общественнымъ положеніемъ цѣлыхъ классовъ населенія, выдавались льготы отдѣльнымъ (физическимъ или юридическимъ) лицамъ тяглаго класса. Причины, вызывавшія такія льготы, были различны. Услуги, оказанныя Государю или одному изъ членовъ царскаго рода, вознаграждались обыкновенно вѣчными и полными податными привилегіями, т. е. освобождались отъ уплаты всякихъ податей [1]). Вѣчныя и полныя привилегіи тяглецамъ выдавались, однако, весьма рѣдко. Чаще встрѣчаются временныя привилегіи, даруемыя разнымъ лицамъ обыкновенно въ виду бѣдственнаго положенія ихъ хозяйства. Вѣдшій классъ сельскаго и городскаго населенія не привлекался къ обложенію. Нищіе, бѣдные люди, скитальцы «межо дворъ», бѣдныя вдовы, наконецъ, многіе людишки, занятые черною работой, доставлявшей слишкомъ малое вознагражденіе.—всѣ эти лица не входили въ разрубы и разметы тяглой общины и не записывались въ тягло въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ. Такой же характеръ имѣли временныя привилегіи, получаемыя вольными людьми, когда они рядились во крестьяне на необработанную и незаселенную пустошь. Продолжительность льготы зависѣла отъ количества труда и размѣровъ капитала, которые нужно было затратить вновь прибывшему для того, чтобы привести имъ занимаемый участокъ въ условія, годныя для посѣва. Вотъ почему участки, требовавшіе большихъ затратъ, пользовались и болѣе долговременною льготой. Размѣры этихъ затратъ, отчасти опредѣлялись его величиной и болѣе или менѣе запущеннымъ его состояніемъ до поселенія, что вліяло и на продолжительность льготы. Въ сибирскихъ дворцовыхъ слободахъ велѣно было слободчикамъ (прикащикамъ) давать льготы: на годъ крестьянину, порядившемуся на десятину съ получетью; на полгода, въ случаѣ, если онъ бралъ

---

[1]) А. И., т. III, №№ 9, 20, 41, 67, 82, 151. Доп. къ А. И., т. VIII, № 105. А. Э., т. III, № 30, т. IV, № 11. *Г. Котошихинъ*, Ibid., Гл. I, ст. 28. Р. И. Б., т. II, № 16. Олонец. губ. вѣд., 1841 г., № 17; 1872 г., № 25. О подтвержденіи такихъ привилегій въ позднѣйшее время см. *И. Руковскаго*, Истор. стат. свѣдѣнія о подушныхъ податяхъ, въ Труд. подат. ком. т. I, стр. 89.

полдесятины съ полполчетью; вдвое менѣе при уменьшенномъ въ два раза размѣрѣ его участка; наоборотъ, льгота выдавалась на болѣе продолжительный срокъ, если такой участокъ превышалъ вышеуказанные размѣры [1]). Кромѣ размѣровъ новаго участка принималась во вниманіе и доброкачественность его почвы, которая доставляла землепашцу возможность въ болѣе или менѣе кратковременный срокъ возвратить капиталъ, затраченный имъ на обзаведеніе и приведеніе въ порядокъ своего хозяйства, онъ опредѣлялся въ такихъ случаяхъ «смотря по землѣ и угодьямъ» [2]). При сдачѣ участка новоприбылому на льготу имѣли значеніе не только естественные, но и искусственные признаки, т. е. степень предварительной культуры выдаваемаго участка. Въ XVII вѣкѣ, по примѣру XVI, участки сдавались новоприбылымъ года на два, на три, «посмотря по пустымъ дворамъ и по пашнѣ; а кто порядится на пустое мѣсто и безъ хоромъ и на переложную землю порядица» и тѣмъ людямъ давалось льготы лѣтъ на пять и на шесть [3]).

Всѣ эти льготы выдавались, обыкновенно, на 2—5 лѣтъ, въ теченіе которыхъ льготчикъ тягла не тянулъ. Впрочемъ, пятилѣтній срокъ считался значительною льготой и былъ въ употребленіи въ Сибири, гдѣ труднѣе было пристроить вольнаго человѣка къ пашнѣ. Здѣсь сроки эти достигали до 8 и даже 15 лѣтъ [4]).

На посадѣ такъ же, какъ и въ уѣздѣ, новымъ поселенцамъ назначались льготные годы (отъ одного до пяти), въ продолженіе которыхъ поселенцу возможно было бы обстроиться, обзавестись хозяйствомъ. Наконецъ, такія же привилегіи выдавались лицамъ, вновь вывезеннымъ на посадъ изъ за какихъ-либо хозяевъ, и от-

---

[1]) Доп. къ А. И., т. IV, № 20, т. VII, № 74, XV, т. VIII, № 71, I.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л. 7136 г., № 52. Отрывокъ изъ челобитнаго дѣла Чюшевицкой волости.

[3]) *И. Бѣляевъ*, О доходахъ Московскаго государства, въ Чт. М. О. И. и Д., 1885 г., кн. I, стр. 66. *Г. Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія, стр. 254.

[4]) Арх. Мин. Юстиціи, Вотчинной конторы по г. Пскову кн. № 84/1626, Записная книга порядныхъ во крестьянство 7144—7152 г на 413 лл. А. Ю. №№ 176—207. Доп. къ А. И., т. I, № 167; т. II, № 92, ст. 4; т. VI, № 1. Р. И. Б., т. X, стр 271. А. Э., т. III, №№ 217, 288 Въ Старорусскомъ уѣздѣ въ Сумерской волости выдавалось отъ 3 до 5 и даже до 6 лѣтъ льготы. Такія широкія льготы объясняются частью разоренностью и опаснымъ положеніемъ мѣстности, частью тѣмъ, что послѣдняя была черною волостью, гдѣ подати были тяжелѣе. (Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Старорусскаго уѣзда Сумерской волости 7136 г., кн. 969).

*

дѣлившимся отъ дворовладѣльца, за хребтомъ котораго они жили до сихъ поръ, имъ выдавались обыкновенно льготы, не превышавшія 3-хъ лѣтъ [1]).

Но бывали и болѣе случайныя причины выдачи льготъ, чѣмъ поселеніе тяглеца на новомъ участкѣ. Большинство привилегій, выданныхъ цѣлымъ поселеніямъ, обусловливались ихъ разореніемъ отъ непріятельскихъ войскъ и разбойничьихъ шаекъ, преимущественно въ первой половинѣ XVII вѣка. Такъ, напр., въ 1613 году по царскому указу прощены были недоимки, слѣдуемыя съ вотчинъ и помѣстій бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ за прошлые годы [2]). Въ уѣздахъ, потерпѣвшихъ отъ разоренія, льгота выражалась, обыкновенно, въ повышеніи количества крестьянскихъ или бобыльскихъ дворовъ, составлявшихъ живущую четверть, что естественно понижало окладъ, падавшій на каждый отдѣльный дворъ [3]). Въ случаѣ разоренія льгота выдавалась иногда цѣлому посаду. Такъ, Калужане послѣ черкасскаго разоренія освобождены были отъ податей на 3 года; Погорѣлянамъ, Можайчамъ и Вязьмичамъ дана была льгота на 5 лѣтъ; такую же льготу получила Верея и Луга въ 1639 году [4]).

Но не только разоренныя, но и потерпѣвшія отъ пожара поселенія получали льготы. Такъ напр., крестьянамъ-погорѣльцамъ одной изъ деревень Вятскаго уѣзда дано было льготы на 5 лѣтъ, крестьянамъ Вильгороцкаго и Искорскаго погостовъ (Чердынскаго уѣзда)—на 2 года, крестьянамъ деревни Новинокъ, Муромскаго уѣзда — на 1 годъ. Въ дворцовыхъ селахъ вообще давались погорѣлымъ крестьянамъ льготы на годъ (иногда на два) «опричь издѣлья», когда совсѣмъ погорятъ, и на полгода когда, у нихъ сгоритъ дворъ, но уцѣлѣетъ скотъ и хлѣбъ. Такими же льготами въ подобныхъ же случаяхъ пользовались и посадскіе люди. Калужанамъ послѣ пожара дана была трехлѣтняя льгота; Шуяне въ 1662 году, Псковичи въ 1682 г., въ виду той же причины, на время освобождены были отъ городоваго дѣла. [5]).

---

[1]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Мурома 7144 года, Q IV, № 231, лл. 326—349. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, л. 125 об.—126. Писц. кн. г. Звенигорода, кн. 456, л. 69. *Зарайскъ*, Матер. для истор. гор., стр. 14. и мн. др.

[2]) Временникъ М. О. И. и Д., т. XVII, смѣсь, стр. 2.

[3]) См. ниже, гл. II, § 2.

[4]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153 — 7157 г., № 68: Дѣло о посадскихъ людяхъ г. Вязьмы. П. С. З., т. I, № 494. А. И., т. III, №№ 83, 103.

[5]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7135 г., № 10. Дѣло объ осво-

Наконецъ, обстоятельства еще болѣе случайнаго характера иногда способствовали выдачѣ льготъ Такъ, въ случаѣ нахожденія руды въ извѣстной мѣстности, по заявленіи о томъ мѣстныхъ жителей, послѣднимъ выдавались льготы. Сибирскимъ воеводамъ въ 1673 году велѣно было тѣмъ лицамъ, которыя найдутъ руду, обѣщать: служилымъ людямъ,—жалованье большое, а посадскимъ и ясачнымъ людямъ,—свободу отъ оброковъ и податей. [1]). Давались временныя льготы за какія либо услуги, оказанныя государству тяглецами, напр., жителямъ Юрьевца Повольскаго за вѣрную службу царю противъ Разина, въ виду религіозныхъ цѣлей, какъ крестившейся въ православіе Мордвѣ, или политическихъ соображеній, какъ, напримѣръ, великорусскому населенію полковъ Слободской украйны [2]).

Всѣ эти льготы несомнѣнно побуждали тяглыхъ людей, особенно крестьянъ, перемѣнять мѣсто жительства для того, чтобы, воспользовавшись льготами на одномъ участкѣ, продолжать ими пользоваться и на другомъ. Крестьяне иногда сдавали свои тяглые участки новымъ пришельцамъ, а сами со всѣми своими старыми заводами садились вновь на льготу и живали многіе годы въ избылыхъ [3]). Вотъ почему необходимы были нѣкоторыя предосторожности. Съ крестьянъ брались поручныя записи въ томъ, что новые поселенцы до истеченія льготныхъ лѣтъ не сойдутъ, а по ихъ истеченіи будутъ платить денежный оброкъ или подати исправно. Подлинныя записи приказными людьми отсылались въ съѣзжую избу; люди эти, по крайней мѣрѣ, отписывали «на съѣзжую избу» каждый разъ, когда отдавали участокъ на льготу, а списки поручныхъ оставляли у себя [4]).

божденіи Сольдвычегодцевъ отъ податей по случаю пожара 27 августа. Имп. Публ. Библ., Оброчная кн. Вятскаго уѣзда 7137 года, Q IV, № 257, л. 150 А. И., т. III, №№ 110, 159. Доп. къ А. И., т. IV, № 119; т. VIII, № 51, I т. X, № 53.

[1]) А. И., т. IV, № 239.

[2]) А. Э , т. IV, № 180. (Юрьевецъ освобожденъ былъ отъ новонакладныхъ запасовъ, кромѣ стрѣлецкаго хлѣба.) П. С. З., т. II, №№ 867, 1279 *Д Багалѣй*, Очерки, стр. 447—456. Податными привилегіями пользовались также иноземные купцы (А. Э., т. III, № 17), что, очевидно, вызвано было требованіями торговой политики.

[3]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 51, IV.

[4]) Доп. къ А. И., т. I, № 167. А. Э., т. I, № 217. О привилегіяхъ, данныхъ крестьянамъ Соломенской и Вышегородской волостей, но ослабленныхъ особаго рода обязанностями см. Доп. къ А. И., т. V, №№ 9, 51, I; 77, IV. Ср. прим. 1 на стр. 67.

Временныя льготы, предоставляемыя лицамъ тяглаго класса въ виду бѣдственнаго положенія ихъ хозяйства, и вѣчныя привилегіи, которыми пользовались цѣлыя группы населенія въ виду общественнаго ихъ положенія, выключали изъ тягла служилыхъ людей, холоповъ, духовенство, отчасти населеніе его поземельныхъ владѣній и, наконецъ, немногихъ крестьянъ и посадскихъ людей. Большинство послѣднихъ, однако, оставались тяглыми; на нихъ и падалъ, главнымъ образомъ, поземельный налогъ или подворная подать И тѣ, и другіе первоначально подлежали почти одинаковымъ податнымъ обязанностямъ. Но съ постепеннымъ обособленіемъ городскаго хозяйства отъ сельскаго и опредѣленіемъ ихъ различій въ законодательствѣ, распредѣленіе этихъ обязанностей нѣсколько измѣнилось· сельское населеніе продолжало отправлять въ натуральномъ видѣ тѣ изъ нихъ, которыя для городскихъ жителей замѣнялись денежными платежами. Ратная повинность, напримѣръ, отбывалась крестьянами, а съ посадскихъ, обыкновенно, взимались деньги за даточныхъ людей. Стрѣлецкій хлѣбъ съ 1672 года продолжалъ собираться съ крестьянъ, но не съ посадскихъ людей, которые взамѣнъ выплачивали деньги. Подать на новые нѣхотные полки, установленная царскимъ и боярскимъ приговоромъ 19 ноября 1678 года, взималась въ видѣ повинности съ дворцовыхъ селъ, свѣтскихъ помѣстій и вотчинъ и денежной подворной подати съ посадовъ, впрочемъ, вмѣстѣ съ вотчинами духовенства и гостей [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, развитіе промысловъ и торговли на посадѣ и неблагопріятное отношеніе законодательства къ возможности такого-же развитія въ уѣздѣ, повели къ довольно рѣзкому различію податныхъ источниковъ тамъ и здѣсь. Поэтому, не смотря на единообразіе податной единицы, одни и тѣ же подати, на нее падавшія, пріобрѣли на посадѣ и въ уѣздѣ разное значеніе. Среди промышленнаго и торговаго посадскаго населенія подворная подать (въ чистомъ ли видѣ или въ видѣ живущей четверти) [2]) имѣла характеръ имущественнаго, тѣмъ самымъ отчасти промысловаго и даже подоходнаго налога; напротивъ, въ средѣ крестьянъ-земледѣльцевъ подати, падавшія на крестьянскій дворъ, оставались по прежнему близкими къ поземельному налогу.

Къ этимъ различіямъ въ распредѣленіи тягла, различіямъ уже

---

[1]) А. Э., т. IV, № 189. А. И., т. V, №№ 29 и 33.

[2]) См. ниже гл. II, § 2.

не столько юридическаго, сколько экономическаго свойства, присоединялось еще существованіе на посадѣ налога, который почти отсутствовалъ въ уѣздѣ, а именно лавочнаго оброка, напоминающаго промысловый налогъ. Въ распредѣленіи лавочнаго и вообще краткосрочнаго оброка (но не землевладѣльческаго или оброка, замѣнявшаго дань), дѣйствовали другіе принципы, чѣмъ въ распредѣленіи тягла. Оброкъ былъ, въ сущности, результатомъ частнаго договора между Государемъ, какъ землевладѣльцемъ, распространившимъ часть своихъ правъ на черныя земли, и какимъ либо частнымъ лицомъ. Лавочный оброкъ до временъ Уложенія, какъ мы видѣли, сохранялъ еще въ нѣкоторой мѣрѣ эти особенности. Вотъ почему на его распредѣленіе вліяла правоспособность или неправоспособность лица и вообще имѣли значеніе всѣ условія, нужныя для заключенія частнаго контракта. Такъ, холопы могли торговать лишь отъ имени хозяина, сидѣли въ его лавкѣ, въ случаѣ пропажи товара отвѣчали передъ нимъ и по его смерти давали отчетъ въ оставшемся товарѣ его женѣ, но лично не подлежали лавочному оброку [1]). Напротивъ, сосѣди, и еще чаще дворники, имѣли свои лавки, съ которыхъ платили вышеозначенный сборъ [2]). Служба ремесломъ, государственная служба, сословныя и личныя привилегіи также, обыкновенно, не освобождали отъ промысловаго налога; ему подлежали, напр., кузнецы, плотники, кирпичники, гончары, казенные мастера, ямскіе охотники; затѣмъ дѣти боярскіе, стрѣльцы, пушкари, воротники, засѣчные сторожа, казаки, затинщики, разсыльщики, московскіе торговые люди, гости; наконецъ, протопопы, попы, дьяки, дьяконы, пономари, причетники, церковные бобыли [3]).

Въ пользу служилаго класса встрѣчаются, однако, нѣкоторыя льготы. Такъ, (владимірскимъ) стрѣльцамъ предоставлено было право безоброчной торговли, если торговый оборотъ не превышалъ 1, 2 или 3 рублей. Въ случаѣ болѣе значительныхъ размѣровъ торговли, оброкъ взимался со стрѣльцовъ, какъ съ торговыхъ людей.

---

[1]) См. Арх. Мин. Юстиціи, Вотчинной конторы по г. Пскову кн. № 84/1626, Книга порядныхъ записей, № 77: «жилецкая запись въ холопство».

[2]) Множество примѣровъ можно подъискать въ писцовыхъ книгахъ. Срав. прим. 32.

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Можайска 7124 г., кн. 251, лл. 252—258. Писц. кн. г. Архангельска 7130 — 132 г., кн. 9, лл. 38 — 45 об. Писц. кн. г. Коломны 7131 г., кн. 201. Писцовая оброчная книга лавокъ, анбаровъ, шелашей, харчевень, кузницъ, лавочныхъ мѣстъ и бань г. Тулы 7133 г., кн. 399, лл. 75—132 и мн. др.

Такими же привилегіями пользовались казаки, пушкари, затинщики, воротники, каменьщики, кирпичники [1]). Но сильное развитіе промысловъ и торговли низшихъ разрядовъ служилыхъ людей, не тянувшихъ тягла, подрывало благосостояніе посадскихъ людей. Выплачивая тягло вмѣстѣ съ лавочнымъ оброкомъ, посадскіе тяглецы не могли удачно конкуррировать съ лицами, которыя, кромѣ оброка, ничего не платили и поэтому нерѣдко жаловались Государю на существовавшій порядокъ. Правительство не замедлило удовлетворить этимъ челобитьямъ. Особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи указъ 1643 года, которымъ велѣно было за бѣломѣстцами всякихъ чиновъ за нетяглыми людьми лавкамъ и лавочнымъ мѣстамъ, анбарамъ, анбарнымъ мѣстамъ и полкамъ со 132 года не быть. «А за которыми бѣломѣстцами лавки, анбары, лавочныя и анбарныя мѣста были—со 132 (1624) года, а находились они во владѣніи по духовнымъ, данным, купчимъ, закладнымъ и въ писцовыхъ книгахъ написаны были за ними же, и тѣмъ людямъ, бѣломѣстцамъ, тѣ лавки и анбары и лавочныя и анбарныя мѣста и полки признаны были не крѣпкими». Лавки, анбары, лавочныя и анбарныя мѣста и полки, данные по городамъ въ монастыри и къ церквамъ и по купчимъ всякихъ чиновъ людей, велѣно было у бѣломѣстцевъ отымать и отдавать тяглымъ торговымъ людямъ «противъ Московскихъ лавокъ». На продавцахъ же и на закладчикахъ, кто имъ тѣ лавки продавалъ и закладывалъ, взимать деньги по цѣнѣ. Если продавцевъ и закладчиковъ, которые въ монастыри вкладывали послѣ Государева указа со 132 года въ лицахъ не будетъ, то деньги велѣно было взять на посадскомъ человѣкѣ, который о нихъ челомъ будетъ бить, и отдавать бѣломѣстцамъ по купчимъ и по даннымъ. Наконецъ, если всѣ эти заведенія въ городахъ были проданы, заложены или вкладами даны къ монастырямъ и церквамъ и ихъ покупали всякаго чину бѣломѣстцы у тяглыхъ людей до 132 (1624) года, то тѣмъ лавкамъ, анбарамъ, лавочнымъ, анбарнымъ мѣстамъ и полкамъ велѣно было быть за бѣломѣстцами всякихъ чиновъ людьми» [2]). Установленіе извѣстнаго срока, за пре-

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, л. 191 об. Уложеніе, гл. XVIII, ст. 53. ср. А. Э., т. III, № 168. Доп. къ А. И., т. III, № 16.

[2]) Этотъ указъ сохранился въ выпискѣ изъ ярославскихъ столповъ, сдѣланной для доклада о дѣлѣ по челобитью Устюжны Желѣзнопольской земскаго цѣловальника Я. Рудачихина во всѣхъ посадскихъ людей мѣсто на 5 человѣкъ Устюженцевъ въ неплатежѣ вмѣстѣ съ ними всякихъ податей, данныхъ и оброчныхъ денегъ. Царь Алексѣй подтвердилъ этотъ указъ. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153 г., № 49.

дѣлами котораго отчужденіе промышленныхъ заведеній отъ бѣломѣстцевъ считалось незаконнымъ, вѣроятно, обусловлено было двумя причинами: съ одной стороны невозможностью, за отсутствіемъ большинства писцовыхъ книгъ до 1624 года, подъискать устойчивыя юридическія основанія владѣнія тѣмъ или другимъ промышленнымъ заведеніемъ, основанія, благодаря которымъ возможно было бы разрѣшать множество исковъ, долженствовавшихъ появиться послѣ указа 1643 года, съ другой—нѣкоторымъ уваженіемъ къ давности владѣнія, продолжительность которой опредѣлена, какъ видно, въ 20 лѣтъ.

Такимъ образомъ, указъ 1643 года значительно напоминаетъ извѣстныя постановленія Уложенія, нераздѣльно соединившія лавочный оброкъ съ тягломъ. Эти статьи, однако, гораздо опредѣленнѣе высказали мысль, которая условно выражена въ указѣ 1643 года, ибо прямо зачисляли въ тяглецы всѣхъ лицъ, платившихъ лавочный оброкъ, и превращали такимъ образомъ послѣдній въ подать, падавшую исключительно на городское населеніе.

Остальные виды оброка (за исключеніемъ землевладѣльческаго и оброка, замѣнявшаго дань), взимались со всякаго, кто ни бралъ какую-либо статью на оброкъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и лавочный оброкъ, хотя и не подвергались тѣмъ ограниченіямъ, которыя сдѣланы были относительно послѣдняго.

Пятинныя деньги (а также 10-я, 15-я, 20-я деньга) взимались не только съ тяглецовъ, но и съ другихъ классовъ населенія и не на всѣхъ изъ нихъ падали единообразно. Такой характеръ этихъ сборовъ обусловленъ былъ двумя причинами: во-первыхъ, пятинныя деньги взимались въ видѣ чрезвычайныхъ сборовъ, во время особенно значительнаго увеличенія государственныхъ расходовъ. Въ такое время естественно было привлекать возможно большее количество плательщиковъ; во-вторыхъ, пятинныя и десятинныя деньги были десяти и двадцатипроцентнымъ сборомъ, слѣдовательно, удобнѣе всего взимались съ денежныхъ капиталовъ, которыхъ почти вовсе не было у пашенныхъ крестьянъ и больше всего находилось у гостей и монастырей. Первая изъ этихъ причинъ вела къ обложенію духовенства, служилыхъ людей (не участвовавшихъ въ походѣ), гостей, торговыхъ людей разныхъ сотенъ, людей, жившихъ на посадѣ или въ уѣздѣ въ чьихъ бы то ни было владѣніяхъ, крестьянъ всякихъ помѣстій и вотчинъ, дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, также сосѣдей, подсосѣдниковъ, дворниковъ, захребетниковъ, наконецъ, иноземцевъ и даже льготчиковъ и тарханщиковъ

съ ихъ животовъ, промысловъ и торговъ [1]). Вторая изъ вышеуказанныхъ причинъ вызывала различіе въ обложеніи торговыхъ и промышленныхъ людей отъ обложенія людей пашенныхъ. Первые платили извѣстный процентъ со своего имущества, которое состояло, главнымъ образомъ, изъ товаровъ и денежныхъ средствъ и, слѣдовательно, легко подвергалось оцѣнкѣ. Обложеніе вторыхъ, напротивъ, производилось путемъ переложенія пятинныхъ сборовъ на поземельный налогъ или подворную подать. Такимъ образомъ, взамѣнъ пятой деньги, пашенные крестьяне платили сверхъ обычныхъ податей съ сохи, а впослѣдствіи съ двора извѣстную сумму, можетъ быть, составлявшую, по приблизительному вычисленію правительства, пятую или другую какую часть всѣхъ ихъ хозяйственныхъ средствъ или капитала вообще. Такъ, напр., въ 1615 году велѣно было собирать, взамѣнъ пятинныхъ денегъ, опредѣленную сумму съ дворцовыхъ, черныхъ и монастырскихъ сохъ. Крестьяне Ламской волости, Сольвычегодскаго уѣзда, не платили въ 1625 году пятинныхъ денегъ потому, что давали взамѣнъ ихъ по 22 рубля съ сошки Съ крестьянъ Холмогорскаго уѣзда также сбиралось по 120 рублей вмѣсто десятой деньги, которою обложенъ былъ посадъ. Въ позднѣйшее время съ пашенныхъ крестьянъ для тѣхъ же цѣлей взимались такъ называемыя полтинныя и полуполтинныя деньги. То же переложеніе общей имущественной подати на подомово-поземельный налогъ примѣнялось и при обложеніи бѣднѣйшихъ изъ посадскихъ людей [2]).

---

[1]) А. Э., т. III, №№ 79, 80, 211, 213, 242, 245; т. IV, №№ 137, 175, 293. А. И., т. IV, № 93. Доп. къ А. И., т. VIII, № 28. П. С. З., т. I, №№ 129, 329, 547. Р. И. Б., т. II, № 225. А. Ю., № 215, XI. Владим. губ. вѣд. 1859 г., № 38; 1874 г., № 3. Арх. *Досиѳей*, Описаніе Соловецкаго монастыря, ч. III, № XLII. *В. Берхъ*, Царствованіе Михаила Ѳедоровича, Прил. № XVII.— Объ окладѣ служилыхъ людей (низшихъ чиновъ) пятою деньгою съ ихъ промысловъ и торговъ иногда не упоминается, какъ, напр.. въ А. Э., т. III, №№ 79, 80. Духовенство и высшіе разряды служилыхъ людей, повидимому, не облагались пятою деньгою, но давали неопредѣленныя по размѣрамъ суммы, вспоможенья. А. Э., т. III, №№ 211, 213. Позднѣйшему сбору полтинныхъ и полуполтинныхъ денегъ также иногда подлежали служилые люди. С. Г. Г. и Д., т. IV, № 85. П. С. З., т. II, №№ 750, 799. Общеобязательностью такихъ сборовъ и желаніемъ привлечь къ обложенію ими всякаго рода цѣнности объясняется самый квотативный ихъ характеръ (*M. Esquirou de Parieu*, Histoire générale des impôts etc., p. 326).

[2]) А. Э., т. III, № 70. П. С. З., т. I, № 547. Доп. къ А. И., т. V, № 64, т. VIII, № 28, XI. Имп. Публ. Библ., Древлехран. Погодина, № 1911. Сборникъ грамотъ: Челобитная Ненокшанъ Кирилловскимъ старцамъ о томъ,

Отъ пятинныхъ денегъ освобождали, однако, два условія: военная (но не гражданская) служба и экономическая несостоятельность. Съ женъ и дѣтей стрѣльцовъ и пушкарей, находившихся на государевой службѣ въ самое время сбора, незадолго до его начала и вскорѣ послѣ предполагаемаго окончанія, не взимали пятинныхъ денегъ. То же исключеніе сдѣлано было въ пользу крестьянъ служилыхъ людей, состоявшихъ на службѣ, если сборы назначались на жалованье ратнымъ людямъ [1]). Напротивъ, служилые люди, бывшіе «у дѣлъ въ Москвѣ или другихъ городахъ» обязаны были платить полтинныя деньги (по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время) сами «изъ своихъ пожитковъ» и лишь въ случаѣ крайней бѣдности могли собрать эти деньги со своихъ крестьянъ [2]). То же значеніе, какъ и военная служба, имѣло бѣдственное положеніе хозяйства плательщика. Такъ, напр., на соборѣ 1614 года положено было взимать пятую деньгу со всѣхъ лицъ, имѣвшихъ болѣе десяти рублей, «а кто живота своего можетъ десеть рублевъ и съ того не имати вовсе — для скудости» [3]). Если такое ограниченіе, напоминающее Existenzminimum позднѣйшихъ временъ, сдѣлано было въ то время, когда правительство сильно нуждалось въ деньгахъ, то нѣтъ основаній отрицать его существованіе и въ позднѣйшее время.

чтобы они умилостивились, вступились въ ихъ бѣдность, л. 161—162. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7133 г., № 19: Дѣло между торговыми людьми Ламскаго погоста и крестьянами Розмѣровой волости Сольчегодскаго уѣзда о платежныхъ пятинныхъ деньгахъ. Тамъ же, 7197 г., ноябр. 8. Дѣло о сборѣ съ посадскихъ и всѣхъ торговыхъ людей десятой деньги на жалованье ратнымъ людямъ, л. 4. Здѣсь, къ сожалѣнію, сохранились свѣдѣнія о сборѣ десятой деньги лишь съ иноземныхъ купцовъ, жившихъ въ Москвѣ, съ мѣщанской слободы и Григорія Строганова.—Отъ уплаты пятинныхъ денегъ не освобождались и выборные окладчики По приказанію воеводы ихъ окладывали земскіе старосты, лучшіе, середніе и молодшіе посадскіе люди, «чтобы никто въ избылыхъ не былъ». Неясный намекъ на это, встрѣчающійся въ П. С. З., т. I, № 329, подтверждается болѣе опредѣленными указаніями другихъ актовъ, см. Доп. къ А. И., т. IV, № 131; т V, № 64. Есть аналогичные примѣры изъ исторіи западно-европейскихъ финансовъ. Во Франціи, указомъ 25 октяб. 1355 г., подоходный налогъ скомбинированъ былъ съ подымнымъ (contribution par feu). *M. Esquirou de Parieu*, ibid., p. 259.

[1]) Срав. прим. 1 на стр. 74. Въ 1680 г. 2 іюня освобождены были отъ уплаты 10-й деньги пушкари, колокольные мастера и подмастерья зелейнаго дѣла «за многіе службы», Доп. къ А. И., т. X, № 93.

[2]) П. С. З., т. II, №№ 750,799.

[3]) Вологод. губ. вѣд., 1855 г., № 30.

Такимъ образомъ, за немногими вышеуказанными исключеніями пятинныя деньги взимались «со всего Московскаго государства со всякихъ людей безотдаточно, чѣмъ кто ни буди, отъ ихъ избытковъ» [1])

Таковы были тѣ разнообразные принципы, въ силу которыхъ прямые налоги неравномѣрно распредѣлялись между отдѣльными классами населенія. При такомъ распредѣленіи они, очевидно, падали, главнымъ образомъ, на низшіе слои общества. Крестьяне и посадскіе люди тянули тягло, вмѣстѣ съ тѣмъ платили оброкъ и подлежали пятиннымъ сборамъ Классы эти, однако, не представляли сплошнаго, единообразнаго цѣлаго, которое оставалось бы неизмѣннымъ въ теченіи всего XVII вѣка; въ ихъ предѣлахъ складывались разнородные общественные союзы. Необходимо поэтому, ознакомиться съ ихъ структурой и видоизмѣненіями послѣдней, для того, чтобы опредѣлить то взаимоотношеніе, какое существовало между этими союзами съ нѣкоторыми изъ ихъ функцій, основными принципами и организаціей прямаго обложенія.

II. ТЯГЛОЕ НАСЕЛЕНІЕ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА ВЪ XVII ВѢКѢ.

1. КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА.

Происхожденіе крестьянской общины слѣдуетъ, вѣроятно, объяснять расширеніемъ круга родовыхъ отношеній, въ предѣлы котораго стали мало по малу входить посторонніе элементы, объединяемые уже нестолько кровными связями, сколько общими экономическими и духовными интересами.

Общность экономическихъ интересовъ выражалась въ существованіи общинной поземельной собственности, которая, съ постепеннымъ переходомъ правъ на собственность къ великому князю, мало по малу смѣнилась потомственнымъ поземельнымъ владѣніемъ Неопредѣленныя границы этой собственности вызывали захватный

[1]) Нѣкоторые земскіе сборы, какъ, напр., деньги на мостовое дѣло, также взимались «со всѣхъ земель, съ дворянскихъ и съ дѣтей боярскихъ и съ монастырскихъ сохъ и со всякихъ бѣлыхъ людей дворовъ, со всѣхъ безъ выбору, что бы никто въ избылыхъ не былъ, потому что дѣло всее земли и мостами ѣздятъ всякіе люди» Исключенія дѣлались лишь въ пользу стрѣльцовъ, казаковъ, пушкарей, воротниковъ, казенныхъ кузнецовъ, плотниковъ. А. Э., т. III, № 145.

способъ землевладѣнія; въ кое-какихъ мѣстностяхъ, болѣе населенныхъ, при ближайшемъ опредѣленіи границъ поземельныхъ владѣній общины, онъ превращался въ общинное землевладѣніе со свойственными ему краткосрочными или долгосрочными передѣлами равномѣрныхъ и черезполосныхъ участковъ съ общими сѣнокосами и въ особенности выгонами и лѣсами [1]). Долговременность этого общиннаго строя землевладѣнія объясняется вліяніемъ тягла и тѣмъ, что населеніе всегда имѣло возможность подъискать себѣ, новыя пикѣмъ незанятыя земли [2]).

Духовная связь, объединявшая разнородные составные элементы крестьянской общины, проявлялась въ религіозномъ общеніи, центромъ котораго былъ храмъ божій, причемъ важнѣйшій изъ церковнослужителей, священникъ, иногда избранный міромъ и почти всегда находившійся отъ него въ зависимости, вмѣстѣ съ выборнымъ церковнымъ старостой служили органами объединенія даннаго населенія не только въ сферѣ гражданскихъ, но и государственныхъ интересовъ [3]).

[1]) Крестьяне Новгородскаго уѣзда владѣли въ XVI в. чрезполосно равномѣрными участками (*П. Соколовскій*, Очеркъ исторіи сельской общины, Спб. 1877, стр. 82). Въ Двинскомъ и Холмогорскомъ уѣздахъ нерѣдко встрѣчаются извѣстія о томъ, что пустою землей бывшаго дворовладѣльца владѣютъ міромъ, что ее пашутъ или она насѣяна міромъ. (*Е. Замысловскій*, Переп. кн., вып. I, стр. 20, прим. 1; стр. 21, прим. 1; стр. 22, прим. 1; стр. 23, прим. 4; стр. 24, прим. 5, 6, стр. 33, прим. 1; стр. 34, прим. 1, стр. 48, прим. 1; стр. 50, прим. 4; стр. 53, прим. 2: стр. 56, прим. 2; стр. 57, прим. 2; стр. 60, прим. 2; стр. 67, прим. 2; стр. 70, прим. 2 и 3). Въ тѣхъ же уѣздахъ встрѣчаются, однако, случаи, когда деревней при пустомъ дворѣ «нихто не владѣетъ». (Ibid. стр. 69, прим. 1). Въ вотчинахъ боярина Б. Морозова крестьяне верстались поровну »въ усадьбѣ и полѣ«. (*И. Забѣлинъ*, Большой боринъ и проч въ Вѣстникѣ Европы, 1871 г., № 2, стр. 472). Есть указанія о перемѣркѣ и передѣлѣ земли между дворцовыми крестьянами Верхоруцкой волости, Бѣлевскаго уѣзда. «И тое землю пишетъ, дворцовый прикащикъ, крестьяне для своего верстанья сами межъ себя мѣрили въ дву поляхъ, а въ третьемъ поле не мѣрили, потому што была къ новому году рожь сѣяна. И по той ихъ мѣрѣ старые и новые росчистные земли пашни объявилось за ними сверхъ живущихъ вытей въ дву поляхъ много. И межъ себя тое земли верстать и делить противъ вытей не стали, отсрочили межъ себя сами, какъ после ржанова жнитва въ третьемъ поле измѣряютъ и владѣютъ они крестьяне тѣми же старыми и росчистными землями по прежнему, хто чѣмъ владѣли прежъ того безъ роздѣлу». (Румянцевскій муз., Отписки Бѣляевскаго Собранія, Ящикъ № 28, № 1. Отписка Богдана Сафонова въ Пр. Большаго дворца 7148 г.). Ср. *П. Соколовскаго*, Экономическій бытъ, стр. 129, 134, 156 и 160.

[2]) Ср. *H. Maine*, Early history of institutions. L., 1875, p. 83.

[3]) О выборныхъ попахъ въ черныхъ волостяхъ см. А. У. и Х. Е, — Б.

Общность экономическихъ и духовныхъ интересовъ была, однако, слишкомъ слаба для того, чтобы за предѣлами одного или немногихъ поселеній образовать болѣе сложные мѣстные общественные союзы съ извѣстными границами и опредѣленными отношеніями ихъ членовъ другъ къ другу, въ то время, когда она лишь подготовляла ихъ образованіе, послѣднее осуществилось подъ вліяніемъ судебно-полицейской и финансовой ихъ зависимости отъ государства Вотъ почему община сложилась скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, если бы она предоставлена была вполнѣ самостоятельному развитію. Но то, что первоначально ускорило это развитіе, съ теченіемъ времени оказало обратное дѣйствіе: когда податныя обязанности населенія къ государству стали слишкомъ тяжелыми, онѣ разлагающимъ образомъ подѣйствовали на общинный строй [1]).

Такое развитіе крестьянской общины не всюду привело къ однообразнымъ результатамъ вслѣдствіе различія естественныхъ и социально-экономическихъ условій, среди которыхъ оно было поставлено въ разныхъ мѣстностяхъ сѣверной, средней и южной полосы государства.

Худая неплодородная почва угрюмаго сѣвера, [2]) его безконечные лѣса, безчисленныя озера и рѣки мало благопріятствовали усиліямъ русскаго земледѣльца; въ упорной и тяжелой борьбѣ съ ними истощались его физическія и духовныя силы. Земля требовала отъ него

№№ XCVII, CXLVIII, CCLII, CCLIX, 6. CCLXII.Доп. къ А. И., т. XII, № 95; въ вотчинахъбоярина Морозова—*И. Забѣлинъ*,Большой бояринъ и пр. въ Вѣст.Евр., 1871 г , № 2, стр. 494., о выборныхъ дьякахъ—Чт. М. О. И. и Д., 1887 г., кн. 1, смѣсь, стр 143; о мірскомъ выборѣ церковнаго прикащика — А. У и Х. Е,—А, № VI.—трапезника, ibid, Б, № CCLXVI. Зависимость поповъ отъ міра происходила отъ того, что самая церковь иногда построена была на мірскія деньги и на мірской землѣ; церковное хозяйство подлежало контролю, а иногда и управленію всего міра (А. Х. и У. Е,—А, № XXXIII и Б, №№ XXVIII, XXIX, LXIV, CL, CLXIII, CLXXXI). Въ средней полосѣ нерѣдко встрѣчаемъ церкви на помѣщиковой или вотчинниковой землѣ (*В. и Г. Холмогоровы*, Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ лѣтописей, вып. I, М. 1881, стр. 42, 48, 57, 64, 71, 75, 80, 82, 88 и т. д. Много подобныхъ примѣровъ можно найти и въ слѣдующихъ выпускахъ того же труда)

[1]) Крайніе и противоположные взгляды по этому вопросу высказаны *Б Чичеринымъ* (Обзоръ Историческаго развитія сельской общины въ Россіи въ Рус. Вѣст., 1856 г., № 3, стр. 395) и *И. Бѣляевымъ* (Критика на вышеуказанную статью Б. Чичерина въ Рус. Бесѣдѣ 1856 г., кн. I, стр. 115).

[2]) Подъ сѣверомъ мы разумѣемъ, главнымъ образомъ, древнюю Новгородскую область, т. е. самый Новгородъ, Новгородскую землю и Новгородскія волости.

не только обработки, но и удобренія, а послѣднее возможно было лишь при навозномъ скотоводствѣ, которое, такимъ образомъ, въ каждомъ крестьянскомъ хозяйствѣ пріобрѣтало большое значеніе. Обиліе воды давало ему возможность селиться одинокимъ хуторомъ или вмѣстѣ съ немногими другими—небольшимъ поселкомъ, лѣсъ, озера и рѣки вызывали въ немъ стремленіе къ мелкимъ лѣснымъ промысламъ, охотѣ и рыболовству, а оживленныя торговыя сношенія, которыя мало по малу сближали Москву съ западною Европой и производились сѣверными рѣчными путями, стали побуждать его и къ болѣе сложнымъ экономическимъ предпріятіямъ. При сравнительно незначительномъ количествѣ населенія, земли было вдоволь. ея не только достаточно было для первыхъ русскихъ колонистовъ, съ давнихъ поръ занявшихъ любыя мѣста, но хватало и для новыхъ переселенцевъ. Съ теченіемъ времени власть крупныхъ землевладѣльцевъ древняго Заволочья, едва ли, впрочемъ, особенно тяжелая для населенія, смѣнилась властью Московскаго государя, которая выражалась, главнымъ образомъ, въ финансовой зависимости, не подавила древне-волостной самостоятельности, но ея ограниченіемъ точнѣе опредѣлило ея отношенія къ правительству и освободила вмѣстѣ съ тѣмъ населеніе отъ вліянія землевладѣльца, все же неблагопріятнаго для общинныхъ порядковъ. Такъ мало по малу образовался типъ сѣверно-русскаго крестьянина—мирнаго, полусвободнаго, тяглаго земледѣльца-промышленника.

Совсѣмъ иначе слагалась сельская жизнь на южной украйнѣ. Здѣсь, вмѣсто худой земли со скудными урожаями, преобладала добрая, вмѣсто громадныхъ лѣсовъ и водныхъ путей—дикое поле, которое ничѣмъ не предохраняло поселенца отъ опасностей татарскаго набѣга [1]). Недостатокъ воды и потребность самозащиты сплачивали населеніе въ довольно значительныя группы, способствовали образованію не малыхъ деревень, а большихъ селъ. Изобиліе земли [2]) доставляло возможность сохранять переложное хозяйство; ея доброкачественность избавляла отъ необходимости удобренія и, слѣдовательно, понижала значеніе скотоводства. Къ отсутствію вполнѣ благопріятныхъ условій для развитія промышлен-

[1]) «На той Украйнѣ жить нельзя, говорили поселенцы, прокормиться нечѣмъ ради приходу татаръ пахать нельзя». *Д. Багалѣй*, Очерки изъ исторіи колонизаціи и быта степной окраины Московскаго государства, М., 1887 г., стр. 465.

[2]) П. С. З, т. I, № 522. Еще въ 1672 году на южной украйнѣ выдавались челобитчикамъ дикія поля въ помѣстья, «гдѣ кто пріищетъ».

ности присоединялась небезопасность путей сообщенія, мало пригодныхъ, поэтому для торговыхъ сношеній. Въ такой-то странѣ, «на сыромъ корню», жило населеніе, главный контингентъ котораго состоялъ не столько изъ крестьянъ, сколько изъ мелкихъ служилыхъ людей землевладѣльцевъ. Немногочисленное крестьянское населеніе этой полосы находилось въ болѣе непосредственной зависимости отъ землевладѣльца, менѣе благопріятно поставлено было для образованія цѣльныхъ, болѣе или менѣе самостоятельныхъ единицъ, крестьянскихъ общинъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ государства. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что это населеніе часто пополнялось всякимъ сбродомъ, лицами, нерѣдко бѣжавшими отъ прежнихъ землевладѣльцевъ, слѣдовательно, готовыми сдѣлать уступки въ пользу новыхъ своихъ хозяевъ, мало склонныхъ къ образованію плотныхъ экономическихъ и общественныхъ союзовъ. Если часть населенія южныхъ уѣздовъ Московскаго государства и могла появиться здѣсь путемъ народной, а не правительственной колонизаціи [1]), то она не успѣвала еще укрѣпиться, пріобрѣсти самостоятельной организаціи, какъ уже земля, на которой она осѣла, большею частью передавалась кому-либо въ помѣстье, рѣже въ вотчину, а власть помѣщика или вотчинника, конечно, не способствовала дальнѣйшему развитію такой организаціи. Но у мелкаго помѣщика южной украйны нерѣдко вовсе не бывало крестьянъ; тогда самъ онъ превращался въ крестьянина, самъ обрабатывалъ пашню, жилъ въ одной межѣ съ нѣсколькими товарищами, самъ выплачивалъ государственные налоги. Опасность грозила ему со стороны плохо укрѣпленныхъ или вовсе незащищенныхъ южныхъ границъ; она не дозволяла ему безмятежно предаваться земледѣлію. Колонистъ южнорусской украйны жилъ «легкимъ дѣломъ, съ большимъ опасеніемъ»; управляя сохой одною рукой, онъ въ другой держалъ оружіе и при малѣйшей тревогѣ готовъ былъ покинуть ниву и промѣнять сельскій трудъ на военное ремесло. Такимъ образомъ, характернымъ представителемъ южнорусской украйны является воинственный, служилый мелкій землевладѣлецъ, не свободный отъ податей [2]).

[1]) П. С. З., т. I. №№ 509 и 554. *Д. Багалѣй*, Очерки и проч., стр. 369, 371. Ср. также сказаніе о явленіи чудотворной иконы Знаменія Божьей Матери, называемой Курскія, изданное, между прочимъ, въ Историческомъ описаніи Коренной Рождество-Богородицкой пустыни. *I. Л.*, Спб., 1876 г., стр. 14—21.

[2]) Впрочемъ на слободской украйнѣ было повидимому довольно много пашенныхъ мужиковъ-земледѣльцевъ, промышленниковъ и мѣщанъ. Ср. *Д. Багалѣя*, Ibid., стр, 483 и 499.

Въ средней полосѣ Московскаго государства, т. е. въ области древнихъ сѣверо-восточныхъ княженій, нѣкоторыя изъ вышеуказанныхъ особенностей сливались вмѣстѣ и дополнялись новыми. Здѣсь средняя земля преобладала надъ худою и доброю; она придавала всему хозяйству менѣе опредѣленный, смѣшанный типъ. Продуктовъ земледѣльческаго труда было слишкомъ мало для удовлетворенія потребностей населенія, а обиліе водныхъ путей сообщенія и близость къ главному торговому центру пробуждали въ этомъ населеніи стремленіе къ промышленности и торговлѣ, тѣмъ болѣе, что плотность его въ средней полосѣ была несомнѣнно значительнѣе сѣверной. Въ деревнѣ, затерянной среди лѣсовъ и болотъ далекаго сѣвера, числилось, обыкновенно, 2—3, много 4 двора, тогда какъ въ уѣздахъ средней полосы, напр., Ярославскомъ, Калужскомъ уже въ концѣ 20-хъ годовъ, когда, слѣдовательно, эти уѣзды еще не вполнѣ оправились отъ бѣдъ, нанесенныхъ смутнымъ временемъ, деревня содержала 4—6 дворовъ, а въ нѣкоторыхъ дворцовыхъ волостяхъ, напр., по р. Окѣ, до 20 и болѣе крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ [1]). Сохраняя слѣды древневолостнаго устройства, сельская община средней полосы, однако, подпала нѣкоторой зависимости отъ землевладѣльца, слѣдовательно, не стояла уже въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ правительству и тѣмъ отличалась отъ сѣверной волости; съ другой стороны она далеко не такъ сильно дробилась по помѣстьямъ и вотчинамъ, какъ это все болѣе и болѣе встрѣчается по направленію къ южной украйнѣ, гдѣ крестьяне едва ли не составляли меньшинства населенія и едва ли не теряли общинной связи между собой. Это дробленіе доказывается лучше всего сравненіемъ того соотношенія, какое было между количествомъ землевладѣльцевъ и числомъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ въ той и другой полосѣ. Такъ напр., въ уѣздахъ Бѣлозерскомъ, Ярославскомъ, Калужскомъ приходилось въ тѣхъ же 20-хъ годахъ XVII вѣка, среднимъ числомъ (безъ особенно сильныхъ отклоненій отъ средней) на 100 крестьянскихъ дворовъ по 4 землевладѣльческихъ. Въ южныхъ уѣздахъ различіе громадно. Здѣсь, напр., въ Елецкомъ уѣздѣ, на 100 крестьянскихъ дворовъ можно насчитать нѣсколько болѣе 50 землевладѣльческихъ, а въ трехъ станахъ Орловскаго въ 1595 г.

[1]) Имп. Публ. Библ., F. IV, №№ 406, 524, 525, 529. Писц. кн. Калужскаго и Ярославскаго уѣздовъ 7137—7139 гг. Румянцевскій музей, Собраніе И. Бѣляева, №№ 1599 и 1600: Писц. кн. села Пурокъ. 7130 и 7140 г., *Н. Чечулина*, Города въ Россіи, стр. 310, прим. 1.

болѣе сотни, въ 1625 году болѣе трехсотъ землевладѣльческихъ [1]). Итакъ, средняя полоса Московскаго государства въ естественныхъ условіяхъ и соціальныхъ проявленіяхъ своей жизни представляла смѣшеніе особенностей сѣвера и юга,—смѣшеніе, которое образовалось, однако, не изъ простой суммы, а изъ взаимодѣйствія такихъ особенностей и поэтому придавало всему краю своеобразный, отличный отъ другихъ характеръ.

Нѣтъ сомнѣнія, что различіе, которое мы въ общихъ чертахъ прослѣдили между важнѣйшими частями Московскаго государства, сказывалось и въ разныхъ областяхъ каждой изъ этихъ частей. Но областныя особенности въ настоящее время мало поддаются хотя бы приблизительному опредѣленію въ виду скудости и малообработанности подобнаго рода данныхъ.

Различный характеръ крестьянской общины въ разныхъ частяхъ Московскаго государства зависѣлъ отъ разнообразныхъ условій ея жизни. Размѣры ея опредѣлялись на сѣверѣ принципомъ волостнаго, въ средней полосѣ — началомъ землевладѣльческаго дѣленія. Терминомъ волость уже въ древнѣйшее время выражалось понятіе зависимости земли отъ ея владѣльца князя, но не какъ частнаго собственника, а какъ государя, хотя, въ виду распространеннаго въ то время у частныхъ лицъ пользованія правами власти, это понятіе отчасти распространялось и на послѣднихъ [2]). Но власть князя надъ недвижимымъ имуществомъ выражалась, главнымъ образомъ, въ правѣ взимать дань и давать судъ; дань, однако, могло выплачивать или суду могло подчиняться лишь извѣстное населеніе. Какъ единица, подлежавшая суду и дани, это населеніе требовало и опредѣленныхъ границъ. Между тѣмъ послѣднія не могли исходить изъ административнаго дѣленія, такъ какъ правительство было еще слишкомъ слабымъ для такихъ предпріятій не только въ XIII, но и въ XIV вѣкѣ. Поэтому границы эти основаны были не на административномъ дѣленіи, а на внутренней организаціи самого населенія, на общинномъ строѣ его жизни. Волость, какъ крестьянская община, которую само правительство признавало отдѣльнымъ юридическимъ лицомъ съ особыми, ему свойственными, пра-

---

[1]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Елецкаго и Орловскаго уѣздовъ 7133—7138 гг., F. IV, №№ 397 и 442.

[2]) *С. Соловьевъ*, т. III, изд. 1-е, стр. 24. Выраженіе «власть» вмѣсто «волость» часто встрѣчается въ лѣтописяхъ. См., напр., П. С Р. Л., т. VI, стр. 143. Никон. лѣт., ч. III, стр. 56 и мн др.

вами, довольно ясно представляется намъ въ памятникахъ XV и XVI вѣковъ; то же значеніе она отчасти сохранила и въ XVII столѣтіи [1]). Итакъ, волость была, вѣроятно, древнимъ общиннымъ дѣленіемъ и, хотя вполнѣ возможно признавать административное происхожденіе ея наименованія, объектъ послѣдняго нельзя не считать предшествующимъ и болѣе или менѣе самостоятельнымъ явленіемъ народной жизни. Поэтому, едва ли не справедливѣе опредѣлять волость, какъ крестьянскую общину съ ея управленіемъ, въ составъ котораго съ теченіемъ времени могли, конечно, входить и правительственныя лица [2]).

Съ постепеннымъ развитіемъ административной дѣятельности, общинное дѣленіе стало мало по малу замѣняться административнымъ [3]). Станъ, очевидно, принадлежалъ къ послѣдней категоріи. Станы древнихъ русскихъ князей и становища, т. е. бывшія мѣста ихъ стоянки, упоминаются на первыхъ страницахъ нашихъ лѣтописей. Уже въ то время населеніе стекалось сюда, вѣроятно, для выдачи князьямъ разныхъ даней, кормовъ, поклоновъ и даровъ или для суда. То же видимъ мы и впослѣдствіи, ибо станомъ въ уставныхъ грамотахъ XV—XVI вѣковъ называется мѣсто стоянки тіуна или доводчика, гдѣ сосредоточиваются кормы и производится судъ [4]). Такъ какъ на уѣздъ приходилось по нѣскольку такихъ

---

[1]) А. Ю., №№ 6, 8, 187. Судебникъ I, ст. 62. *И. Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, изд. 2-е, стр. 39—42; стр. 58—71. *Его же*, Критика на соч. Б. Чичерина о сельской общинѣ въ Рус. Бесѣдѣ, 1856, т. I, стр. 111—116. Не убѣдительны мнѣнія, высказываемыя авторомъ на стр. 117—119, 127, 133, 138 Фактическія данныя см. еще у *Г. Блюменфельда*, О формахъ землевладѣнія, стр. 270 и сл.

[2]) А. Ю., № 6. (1490): «а мнѣ, господине, тотъ лѣсъ дала волость, староста со крестьяны». *Б. Чичеринъ*, Областныя учрежденія, стр 62. Противнаго мнѣнія *А. Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, стр. 262 Особаго мнѣнія *К. Аксаковъ*, Собр. Соч. т. I, стр. 424. Не вполнѣ ясное опредѣленіе волости дано *Ѳ. Дмитріевымъ*, Исторія судебныхъ инстанцій, стр. 29.

[3]) *M. Ducrocq* (Cours de droit administratif, 6-me ed., Paris, 1881, t. I, p. 181; t. II, p. 509) наблюдаетъ то же явленіе по отношенію къ commune и къ département.

[4]) П. С. Р. Л., т. I, изд. 2-е, стр. 58. Становище—мѣстоположеніе прежняго стана. Ср. П. С. Р. Л., т. II, изд. 2-е, стр. 338. А. Э., т. IV, № 100. Значеніе стана, какъ стоянки, видно изъ уставныхъ грамотъ. А. Э, т. I, № 144. А. И., т. I, № 70, Значеніе стана, какъ центра поступленій, обнаруживается изъ слѣдующаго дѣла: крестьяне Усольскаго уѣзда, Андреевскаго стана, земскій судейка Яковъ Емельяновъ да цѣловальникъ Гришка Тимоѳеевъ съ товарищами били челомъ на крестьянъ Благовѣщенскаго прихода

*

лицъ, то и становъ устраивалось соразмѣрное количество, а отсюда округовъ, тянувшихъ судомъ и данью къ такому стану и получившихъ также наименованіе становъ, приходилось по нѣскольку на уѣздъ

Волостное дѣленіе не могло сохранить прежняго самостоятельнаго значенія, когда мало по малу въ XV столѣтіи стало утверждаться дѣленіе на станы. Однѣ волости были больше, другія—меньше. Первыя стали просто переименовываться въ станы или сохранили бывшее у нихъ наименованіе волостей, но съ измѣненіемъ прежняго значенія общиннаго дѣленія на дѣленіе административное. Перваго рода явленіе, т. е. такого рода преобразованіе волостей въ станы, мы можемъ наблюдать по оффиціальнымъ актамъ XIV и XV столѣтій. Такъ, округи, называвшіеся въ XIV вѣкѣ волостями, напр., въ Московскомъ уѣздѣ—Сурожикъ, Воръ, Корзенево, Радонежь и Бѣли, или въ Дмитровскомъ уѣздѣ волости Вышгородъ, Берендѣева слобода, Лутосна, Инобомь—во второй половинѣ XV вѣка уже называются станами и встрѣчаются подъ этимъ же наименованіемъ и въ XVII вѣкѣ; напротивъ, волостей съ тѣми же наименованіями, судя по писцовымъ книгамъ этого времени, мы уже не встрѣчаемъ [1]). За другими областями оставалось прежнее наименованіе волостей, употребляемое на ряду со станами во многихъ уѣздахъ, какъ, напр., Московскомъ, Владимірскомъ, Тверскомъ, Галицкомъ, Вологодскомъ, Устюжскомъ, Можайскомъ и многихъ другихъ [2]). Неудивительно поэтому, что мы не только въ разныхъ уѣздахъ, но и въ предѣлахъ одного и того же уѣзда изъ числа прежнихъ древнѣйшихъ волостей, въ позднѣйшее время встрѣчаемъ однѣ подъ названіемъ становъ, другія съ оставшимся прежнимъ наименованіемъ. Такъ, напр., въ Коломенскомъ уѣздѣ въ XIV вѣкѣ существовали, между прочимъ, волости: Песочна, Похряне, Устьмерскъ, Брошевая, Скульневъ, Каневъ, сельцо Микульское, Мѣзынь. Всѣ онѣ въ XVII вѣкѣ стали называться станами, кромѣ Мѣзыни, ко-

---

Петрушку Буковскаго съ товарищами, которые «станъ себѣ учинили особъ», платятъ сами по себѣ. Грамотою отъ 20 мая 1655 года велѣно было имъ верстаться всѣмъ вмѣстѣ. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7163 г. августъ 27—апрѣль 6 дня, № 34.

[1]) *И. Бѣляевъ*, О доходахъ Московскаго Государства въ Чт. М. О. И. и Д., 1885 г., кн. I, стр. 89. С. Г. Г. и Д., т. I, № 144.

[2]) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи. кн. I, Спб. 1869.

торая и въ это время сохранила прежнее наименованіе волости [1]). Не всюду, однако, общинное дѣленіе сливалось или переходило въ административное. Бывали случаи, когда послѣднее подчиняло себѣ первое, т. е. когда подъ станомъ разумѣлась не одна прежде бывшая волость, а цѣлая группа волостей. Такъ, напр., въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ станъ Судскій содержалъ 15, станъ Заозерскій—21 волость [2]).

Итакъ, волостное дѣленіе имѣло первоначально общинное, мѣстное значеніе и стало съ теченіемъ времени превращаться или замѣняться административнымъ. Кромѣ такого перехода, который самъ по себѣ уже говоритъ въ пользу общиннаго значенія волостнаго дѣленія, есть и нѣкоторыя другія данныя, подтверждающія это предположеніе. Таковы количество волостей, приходящееся на уѣздъ, и область ихъ распространенія. Въ Устюжскомъ уѣздѣ въ XVII вѣкѣ, на ряду съ 9 станами, упоминается 70 волостей; въ Галицкомъ уѣздѣ при 23 станахъ ихъ было 76; въ Вологодскомъ уѣздѣ за XVII вѣкъ описано было 5 становъ и 102 волости, не считая отдѣльныхъ селъ (сельскихъ округовъ) и погостовъ [3]). Едва ли возможно предположить, чтобы такія мелкія дѣленія установлены были самимъ правительствомъ; это стоило бы ему значительныхъ средствъ; вѣроятнѣе, что эти единицы сложились болѣе или менѣе самостоятельно подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій. Къ тому же заключенію приводятъ наблюденія надъ областью распространенія волостнаго дѣленія. Судя по описаніямъ, сдѣланнымъ въ XVI-мъ и преимущественно въ XVII вѣкѣ, мы изъ 173 уѣздовъ лишь въ 76 находимъ волости; при описаніи остальныхъ 97 онѣ не упоминаются. Между тѣмъ изъ числа этихъ 76 уѣздовъ громадное большинство находится или на сѣверѣ, или въ средней полосѣ [4]).

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. I, № 22. Описаніе Арх Юстиціи, кн. I, стр. 99—104.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Бѣлозерскаго уѣзда 7134—7135, кн. 592 (къ сожалѣнію, книга эта—не полный списокъ XVIII съ неисправнаго или неполнаго оригинала).

[3]) Описаніе Арх. Юстиціи, кн. I. Свѣдѣнія, сообщаемыя въ текстѣ, едва ли можно считать вполнѣ точными. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ трудно бываетъ сказать, описанъ ли весь уѣздъ или одна его часть; притомъ одна и та же волость встрѣчается иногда подъ совершенно разными наименованіями, число которыхъ изрѣдка доходитъ до 4-хъ.

[4]) Судя по сохранившимся писцовымъ книгамъ, уѣзды, въ которыхъ упоминаются волости, слѣдующіе, (Описаніе Арх. Мин. Юстиціи, т. I и II):

Балахнинскій	Брянскій	Бѣлгородскій
Боровскій	Бѣжецкій	Бѣловерскій

Напротивъ, въ южныхъ уѣздахъ мы почти вовсе не встрѣчаемъ волостей. Это любопытное явленіе объясняется тѣмъ, что въ предѣлахъ древнихъ земель и великихъ княженій административное дѣленіе застало мѣстное, осѣвшее населеніе, которое уже успѣло выработать свое общинное дѣленіе и принуждало правительство считаться съ послѣднимъ, тогда какъ въ южной полосѣ правительство не встрѣтило крѣпко сложившихся мѣстныхъ общественныхъ единицъ и, слѣдовательно, безъ особенныхъ затрудненій непосредственно могло вводить свое административное дѣленіе на станы

На сѣверѣ черная волость состояла изъ погостовъ и деревень. Погостомъ на сѣверѣ называлось поселеніе, гдѣ, на ряду съ церковью, прилежащими къ ней дворами и кельями церковно-служителей, бобылей, нищихъ и церковною землей, находились помѣщиковы, вотчинниковы, крестьянскіе и бобыльскіе дворы. Деревни имѣли всѣ однородное значеніе небольшихъ крестьянскихъ поселеній въ 2—4 двора. Погостъ былъ не только религіознымъ центромъ, но и центромъ мірскаго самоуправленія. Церкви и церковныя трапезы служили мѣстомъ сходовъ разныхъ чиновъ людей для всякихъ земскихъ и мірскихъ дѣлъ, хотя духовенство не-

---

Бѣльскій
Великолуцкій
Великоустюжскій
Владимірскій
Кольскій
Костромской
Котельницкій
Лухскій
Малоярославскій
Медынскій
Мценскій
Можайскій
Московскій
Невльскій
Симбирскій
Слободской
Старицкій
Старорусскій
Смоленскій
Сольвычегодскій
Сольгалицкій
Судайскій
Суздальскій
Сѣвскій
Вологодскій
Вяземскій
Галицкій
Гороховецкій
Еренскій
Казанскій
Каргопольскій
Касимовскій
Каширскій
Кайскій
Кеврольскій
Кинешемскій
Клинскій
Козельскій
Кологривскій
Коломенскій
Нижегородскій
Новгородскій
Новоторжскій
Оболенскій
Орловскій
Пареньевскій
Переяславль Залѣсскій
Переяславль Рязанскій
Пошехонскій
Пусторжевскій
Путивльскій
Ржевъ Володимерскій
Ростовскій
Рузскій
Себежскій
Серпѣйскій
Тверской
Торопецкій
Тотемскій
Турчасовскій
Унженскій
Хлыновскій
Холмской
Холмогорскій
Чухломскій
Шестаковскій
Шуйскій
Юрьевъ Повольскій
Юрьевъ Польскій
Ярославскій.

сочувственно относилось къ такимъ явленіямъ [1]). Слагаясь подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій (географическихъ, этнографическихъ, экономическихъ и общественныхъ), сѣверныя черныя волости были крайне разнообразны, хотя большею частью незначительны по размѣрамъ. Лишь съ большими ограниченіями можно сказать, что въ каждой изъ нихъ числилось 20—30 деревень [2]). Въ небольшихъ волостяхъ, гдѣ бывало по одному центральному погосту, волость отождествлялась съ приходомъ. Такъ, напр., при переписи Великоустюжскаго уѣзда описаны были волости Ентальская, Енанская и Кичменская или приходы Спасскій, Ѳедоровскій и Никольскій. Постепенный ростъ приводилъ, однако, волость къ распаденію на нѣсколько приходовъ. Въ Холмогорскомъ уѣздѣ были, напр., волости Матигорская—Борисоглѣбскаго прихода, Матигорская—Никольскаго прихода; Ухтостровская—Троицкаго прихода, Ухтостровская—Богоявленскаго прихода [3]). Въ предѣлахъ волости иногда существовали второстепенныя подраздѣленія, какъ-то: станки, сотни, десятни. Станки встрѣчаются въ волостяхъ Вологодскаго уѣзда и можетъ быть, составляли мѣстную особенность этой области [4]). Сотни изрѣдка имѣли, повидимому, значеніе, однородное съ небольшими волостями. Такъ, напр., въ 1653 году писецъ и межевщикъ Я. Д. Львовъ описывали въ Можайскомъ уѣздѣ волости: Турьевскую, Замошенскую сотню, Сосницкую, Лѣсовой кругъ и Шеборшинскую. Чаще, однако, встрѣчаются сотни, какъ второстепенное дѣленіе волости. Сумерская волость, напр., дѣлилась на 6 сотенъ, изъ которыхъ въ каждой, среднимъ числомъ, было до 21 деревни [5]).

---

[1]) А. У. и Х. Е.,—Б, № CXXXVIII.—Погосты встрѣчаются и въ центральной полосѣ. Но здѣсь погостомъ называется исключительно церковь съ церковнымъ причтомъ, иногда нищими и бобылями и церковною землей. *В. Лешковъ*, Русскій народъ и государство, М , 1858 г. стр. 247 — 251. *П. Соколовскій*, Экономическій бытъ земледѣльческаго населенія Россіи и проч. Спб., 1878 г., стр. 149—154.

[2]) Такъ, напр., въ Двинскомъ уѣздѣ по переписнымъ книгамъ 1678 г въ 39 волостяхъ исчислено было 742 деревни, такъ что на волость, среднимъ числомъ, приходилось почти 19 деревень. (*Е. Замысловскій*, Перен. кн., вып. I, стр. 20 — 72). Въ Тотемскомъ уѣздѣ была 21 волость; на каждую изъ нихъ приходилось среднимъ числомъ по 22 деревни (всего 464 деревни). Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Тотемскаго уѣзда 7131—133 г., кн. 480 и 486.

[3]) Описаніе Арх. Юстиціи, кн. I, №№ 301, 2758, 2770, 2772 Ср. *Н. Хлѣбникова*, О вліяніи общества на организацію русскаго государства, стр 128—129. *И. Сергѣева*, Съ Сѣвера. Дѣло 1880 г., апрѣль, стр. 213.

[4]) Описаніе Арх. Юстиціи, кн. I, №№ 255, 265, 291—292, 301, 304.

[5]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Старорусскаго уѣзда—Сумерской волости и Старополья 7136 г., кн. 96).

Наконецъ, еще менѣе значительнымъ подраздѣленіемъ волости или сотни была десятня. Слишкомъ мало ясныхъ указаній для того, чтобы представить себѣ это дѣленіе въ опредѣленныхъ чертахъ. Имѣются извѣстія лишь объ одной Великорѣцкой волости, которая въ 1670 году раздѣлена была на 19 десятенъ; каждая изъ нихъ носила особое наименованіе, большею частью по имени одного изъ ея крестьянъ, быть можетъ, десятника; количество плательщиковъ было неопредѣленнымъ и не вполнѣ соотвѣтствовало самому наименованію этого дѣленія. Изъ 19 Великорѣцкихъ десятенъ всего одна (Великорѣцкая, Чупроковыхъ) содержала 10 человѣкъ; въ остальныя зачислено было отъ 5 до 20 тяглецовъ [1]).

Наравнѣ съ волостями въ нѣкоторыхъ областяхъ обширнаго государства встрѣчаемъ мѣстныя, областныя дѣленія, слѣды прежней самобытности древне-русскихъ земель. Таковы губы и погосты въ Новгородской и Псковской земляхъ; слагавшіяся изъ губъ псковскія засады; осады въ Галицкомъ уѣздѣ [2]), оселки въ Углицкомъ. Всѣ эти единицы имѣли, повидимому, такое же значеніе, какъ и волости въ другихъ уѣздахъ [3]).

Но волости не только дробились на части; онѣ нерѣдко сами соединялись въ болѣе обширныя группы. Изъ нѣсколькихъ волостей иногда слагались области, которыя сами группировались вокругъ извѣстнаго средоточія, главнаго центра, къ которому второстепенные центры, средоточія каждой отдѣльной области, относились какъ пригороды къ главному городу. Вся совокупность этихъ областей называлась землей; каждая область на административномъ языкѣ—уѣздомъ. Таковы: Новгородская, Псковская, Вятская земли. Слѣды

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7179 г., ноября 21, № 583: Книга великорѣцкаго цѣловальника Н. Харюшина о сборѣ Стрѣлецкаго хлѣба.

[2]) О соотвѣтствующей термину «земля» французской «province» въ XVII в. см. *G. d'Avenel,* Richelieu et la monarchie absolue, t. II, p. 184 et suiv.

[3]) Осадами, повидимому, назывались области, центрами которыхъ служили пригороды. Таковы осады Галицкаго уѣзда: Чухломская, Унженская, Парѳеновская, Судайская и другія. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7178 г. мартъ 21—апрѣль 11, № 148: Отписки въ Галицкую четверть изъ разныхъ городовъ. Доп. къ А. И., т. X, № 64.—Осадить—то же, что поселить: «а что ми сказывалъ Малахій архимандритъ, что перенялъ моихъ сиротъ (крестьянъ) черньцовыхъ дѣтей... а они пошли изъ моее отчины и онъ ихъ у себя осадилъ»... А. Э., т. I, № 18. Въ Псковской землѣ упоминаются еще перевары. Есть мнѣніе, по которому это—экономическія, бытовыя общины, союзъ селеній, занимающихся рыбною ловлей. См *И. Бѣляевъ*, Разсказы, т. II, стр. 27—28.

того же порядка вещей можно видѣть и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ государства [1]).

Волостное дѣленіе, совпадавшее съ административнымъ, продолжало оставаться лишь тамъ, гдѣ сельская община въ значительной мѣрѣ сохранила свою самостоятельность Напротивъ, въ средней полосѣ, гдѣ эта самостоятельность не могла развиться и встрѣчала разныя преграды, волостное дѣленіе ослабѣло Волость принимала здѣсь размѣры слишкомъ широкой группы поселеній для того, чтобы удовлетворять потребностямъ одной тяглой общины, поэтому, волостное дѣленіе превратилось скорѣе въ административное и уже не совпадало съ общиннымъ, а размѣры тяглой общины стали отождествляться съ сельскимъ округомъ· онъ видоизмѣнялся и дробился подъ вліяніемъ новаго принципа землевладѣльческаго дѣленія. Село отличалось отъ другихъ поселеній округа не столько количествомъ населенія, сколько другими, болѣе существенными признаками. Въ немъ, кромѣ крестьянъ и бобылей, жилъ староста, тутъ же всегда бывала церковь съ попомъ, съ пономаремъ, просвирницей, а иногда и съ другими церковными чинами, нищими и бобылями Въ селѣ также часто встрѣчаются дворы вотчинниковы, помѣщиковы и ихъ приказныхъ людей или холоповъ [2]). Кругомъ села въ округѣ группировался рядъ болѣе мелкихъ поселеній—селецъ, деревень, слободъ. Число селецъ по отношенію къ селамъ было крайне разнообразнымъ и неопредѣленнымъ; это естественно объясняется тѣмъ, что сельцомъ, обыкновенно, называлось нѣсколько крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, при которыхъ находился вотчинниковъ или помѣщиковъ дворъ съ ихъ приказными людьми и холопами; такимъ образомъ, число селецъ зависѣло отъ числа землевладѣльцевъ въ уѣздѣ, хотя далеко не всегда соотвѣтствовало послѣднему, такъ какъ сельца, подобно деревнямъ, нерѣдко дробились между нѣсколькими вотчинниками и помѣщиками. Деревня отличалась отъ сельца отсутствіемъ землевладѣльческихъ и людскихъ дворовъ. За исключеніемъ своеземческихъ поселеній, которыя въ XVII вѣкѣ представляли скорѣе исключеніе и встрѣча-

---

[1]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 216. *А. Градовскій*, Исторія мѣстнаго управленія, стр. 269. Во Франціи можно отмѣтить аналогичныя особенности (diocèses, vigueries, baillages), въ зависимости отъ земель. Ср. *G. d'Avenel*, Ibid., t. II, p. 188.

[2]) Громадное количество примѣровъ можно найти во всѣхъ писцовыхъ книгахъ уѣздовъ средней полосы. Ср., однако, *К. Неволина*, О пятинахъ и проч. въ Зап. Геогр. Общ., т. VIII, стр. 101.

лись весьма рѣдко, деревня не могла существовать самостоятельно, не входя въ составъ какой-либо общины; она должна была тянуть къ ближайшему селу, которое такимъ образомъ являлось центральнымъ пунктомъ цѣлой группы деревень. Количество послѣднихъ, приходившееся на каждое село, опредѣлить довольно трудно, такъ какъ это количество находилось подъ вліяніемъ множества разнообразныхъ условій, мало поддающихся изслѣдованію. Къ богатымъ селамъ тянуло значительное число деревень. Такъ, напр., къ бывшему дворцовому селу Кимры приписано было въ 1635 году—58 деревень, къ селу Дунилову—41, къ селу Пурокамъ (на Окѣ)—64 деревни въ 1622 году [1]). Въ менѣе богатыхъ округахъ село служило центромъ и менѣе значительнаго количества деревень. Къ одному изъ селъ кн. И. М. Воротынскаго въ Закудемскомъ стану Нижегородскаго уѣзда тянуло 22 деревни. Въ вотчинахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря въ Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ уѣздахъ, среднимъ числомъ, приходилось около 12 деревень на село [2]). Вообще, изучая описанія разныхъ уѣздовъ Московскаго государства за это время, мы можемъ придти къ приблизительному, вѣроятному представленію о томъ, сколько деревень приходилось, среднимъ числомъ, на каждое село, а отсюда вывести нѣкоторыя заключенія о размѣрахъ сельскихъ округовъ въ этихъ уѣздахъ. Не смотря на неточность имѣющихся у насъ данныхъ и сильныя отклоненія, какія мы видимъ, напр., сравнивая количество деревень, среднимъ числомъ приходившееся на каждое село, въ Ярославскомъ и Костромскомъ, Болховскомъ и Бѣлевскомъ, или Веневскомъ и Воротынскомъ уѣздахъ, можно. однако, сказать, что среднимъ числомъ въ предѣлахъ древняго Ростовскаго и Владимірскаго княженій на село приходилось около 20, въ Тверскомъ и ближайшихъ— около 10 деревень. По мѣрѣ приближенія къ Украйнѣ, село, какъ центръ извѣстнаго округа, группы деревень, тяглой общины, теряетъ значеніе, ибо мелкихъ крестьянскихъ поселеній, которыя тянутъ къ нему въ средней полосѣ, почти вовсе не встрѣчается [3]).

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Дозорн. кн. Нижегородскаго уѣзда 7121 г., кн. 291. Писц. кн. села Кимры 7143 г., кн. 173, лл. 1648—1705. Румянцевскій музей, Писц, кн. села Пурокъ. 7130 г., Общ. нум. № 1599, (Собранія И. Бѣляева, № 94). Влад. губ. вѣд. 1875 г., №№ 17—27.

[2]) Спб. Духов. Академія, Дозор. кн. вотчинъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, Кир. Библ., № 76 / 1315.

[3]) На основаніи свѣденій, сообщаемыхъ писцовыми книгами нижепоименованныхъ городовъ, въ концѣ 20-хъ годовъ XVII вѣка приходилось на село:

Сельскій округъ видоизмѣнялся и дробился подъ вліяніемъ землевладѣльческаго дѣленія. Число деревень, входившихъ въ составъ этого округа опредѣлялось не столько внутреннимъ развитіемъ общины, сколько размѣрами вотчины или помѣстья, т. е. внѣшнимъ, отъ нея не зависѣвшимъ условіемъ, которое, съ постепеннымъ опредѣленіемъ правъ владѣльцевъ на ихъ поземельную собственность и развитіемъ крѣпостной зависимости, стало пріобрѣтать все большее и большее значеніе. Выборный представитель такой общины часто назывался не старостой волости, прихода, села, а старостой такой-то вотчины или помѣстья [1]), уѣзды и станы описывались въ писцовыхъ книгахъ не по волостямъ или сельскимъ округамъ, куда включались бы и частныя поземельныя владѣнія, какъ то было на сѣверѣ, а по вотчинамъ или помѣстьямъ, причемъ, вслѣдъ за исчисленіемъ всего крестьянскаго и бобыльскаго населенія каждой вотчины или помѣстья, составлялся тутъ же ихъ итогъ и расчитывались въ количествѣ живущихъ четей размѣры требуемаго съ нихъ тягла; такого рода характеръ писцовыхъ книгъ повелъ къ тому, что и выписи изъ нихъ обнимали помѣстье или вотчину, а не крестьянскую волость [2]). Не трудно замѣтить, какія важные результаты должны были развиться изъ такого дѣленія населенія по размѣрамъ частныхъ поземельныхъ владѣній. Размноженіе служилыхъ людей при отсутствіи майората повело къ дробленію крупной поземельной собственности, которое производилось безъ особеннаго вниманія къ мѣстному, общинному дѣленію; самая возможность существованія общины подрывалась такимъ дробленіемъ; размѣры ея поставлены были въ зависимость отъ размѣровъ вотчины или помѣстья, а при небольшой величинѣ послѣднихъ, когда

	Деревень.	Деревень и селецъ.		Деревень.	Деревень и селецъ.
Ярославскій . . .	27,43	54,74	Воротынскій .	8,33	11,67
Бѣлозерскій . . .	23,7	24,00	Тверской . . .	8,07	9,23
Шуйскій	16,20	19,55	Калужскій . . .	8,00	11,67
Галицкій	15,22	16,90	Бѣлевскій . . .	5,09	11,00
Болховской . . .	14,56	14,98	Тульскій . . .	4,01	5,24
Кашинскій	10,60	11,98	Оскольскій . .	3,83	—
Серпѣйскій (съ починками)	—	11,70	Елецкій (съ починками) . .	1,80	3,02
Костромской . . .	9,64	11,19	Веневскій . . .	1,25	2,00

[1]) *А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, Акты гражд. расправы, т. I, №№ 71, 98, 101, 104 А. И., т. V, № 251. Уложеніе, Гл. X, ст. 161.

[2]) *А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, А. г. р., т. I, № 104, стр. 355 и мн. др.

за землевладѣльцемъ числилось 2—3 двора и когда они отдѣльно отъ другихъ облагались податью, которую нерѣдко взималъ вотчинникъ или помѣщикъ, она едва ли могла успѣшно развиваться Разумѣется, такое дробленіе не сразу подѣйствовало на разложеніе общиннаго строя. Ниже при анализѣ порядныхъ и поручныхъ мы увидимъ слѣды нѣкотораго единства общины и внѣ предѣловъ вотчины или помѣстья. Но съ теченіемъ времени они слабѣютъ все болѣе и болѣе.

Едва ли возможно даже приблизительно опредѣлить размѣры сельской общины въ предѣлахъ частнаго поземельнаго владѣнія. Не говоря о томъ, что границы такого владѣнія и общины могли не совпадать [1]), такому опредѣленію мѣшаютъ: разнообразіе помѣстныхъ окладовъ, иногда выдаваемыхъ не сполна, еще большее различіе въ величинѣ вотчинъ, дробное владѣніе однимъ и тѣмъ же лицомъ помѣстными окладами и вотчинами въ разныхъ частяхъ стана, уѣзда или даже всего государства; въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, владѣніе рядомъ вотчиной и помѣстьемъ, наконецъ, постоянныя колебанія въ размѣрахъ помѣстныхъ окладовъ или вотчинъ. Помѣстье или вотчина, такимъ образомъ, скорѣе полагали извѣстные внѣшніе предѣлы сельской общинѣ, предѣлы которые для насъ являются неяснымъ потому, что, вѣроятно, таковыми были и на самомъ дѣлѣ. Но, кромѣ внѣшнихъ предѣловъ, землевладѣлецъ вліялъ и на внутреннее, мірское самоуправленіе.

Въ дворцовыхъ селахъ, крупныхъ и среднихъ, частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ, помѣстьяхъ и вотчинахъ представителемъ землевладѣльческой власти, обыкновенно, являлся строитель, старецъ посельскій, слуга—въ монастырскихъ вотчинахъ, церковный староста въ церковныхъ и прикащикъ—въ мірскихъ. Кромѣ сборовъ въ собственную пользу, каждый изъ нихъ контролировалъ распредѣленіе пашни между крестьянами, ибо долженъ былъ беречь накрѣпко, чтобы сильные люди участковъ своихъ не сбавливали и на молодшихъ не накладывали, а другіе своихъ участковъ не писали бы впустѣ и не пахали бы пашень на сторонѣ, нанимая ее у другихъ землевладѣльцевъ [2]). Прикащикъ наблюдалъ за распашкой извѣстнаго числа четвертей или десятинъ на выть и связанными съ нею

---

[1]) Ср. ниже стр. 110.

[2]) Доп. къ А. И., т. I, № 167. А. У. и Х. Е.,—Б., №№ CLXVIII, CLXIX, CLXXIII.

дальнѣйшими работами, какъ-то уборкой и молотьбой хлѣба въ пользу землевладѣльца; онъ же завѣдывалъ сборомъ землевладѣльческаго оброка, окладывалъ крестьянъ податями и сбиралъ ихъ наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вѣдалъ сборы съ промышленныхъ заведеній, напр., соляныхъ варницъ, и таможенныя дѣла. Прикащику принадлежала мѣстная полиція и низшая юрисдикція, предоставленная ему правительствомъ, по крайней мѣрѣ, въ дворцовыхъ селахъ и крупныхъ вотчинахъ. Такъ, прикащикъ, обыкновенно, слѣдилъ за нетопкой избъ и бань и неваркой пива, предохранялъ общину отъ вторженія въ ея предѣлы бѣглыхъ людей, татей, разбойниковъ и чужихъ людей; ему же принадлежало право суда и сбора судебныхъ пошлинъ, кромѣ татьбы, разбоя съ поличнымъ и крупныхъ судебныхъ исковъ по всякимъ дѣламъ. Наконецъ, кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ обязанностей, которыя касались даннаго, опредѣленнаго состава общины, прикащикъ вліялъ на самый ея составъ: онъ принималъ новыхъ членовъ, которымъ раздавалъ пустыя выти иногда даже безъ вѣдома землевладѣльца, и отпускалъ крестьянъ изъ данной мѣстности въ другія; выдавая за вотчинниковою печатью проѣзжія или подорожныя, онъ означалъ въ нихъ мѣсто выхода и срокъ отпуска; крестьянинъ долженъ былъ предъявить ихъ мѣстнымъ властямъ по прибытіи въ другую вотчину или посадъ. Впрочемъ, такія проѣзжія выдавались далеко не всюду; во многихъ случаяхъ довольствовались, вѣроятно, словесными заявленіями [1]).

Съ перваго взгляда можно было бы подумать, что тотъ обширный кругъ вопросовъ, который подлежалъ вѣдѣнію прикащика окончательно ускользнулъ изъ рукъ общины и что она, такимъ образомъ, потеряла всякое значеніе въ землевладѣль-

---

[1]) О дворцовыхъ прикащикахъ см. А. И., т. IV, №№ 47, 89, 133, 171. Доп. къ А. И., т. I, № 167; т. V, № 88, т. VI, № 7; т. VIII, № 25, VI. Записки отдѣленія русской и славянской археологіи, т. II, стр. 780—786. П. С. З., т. I, №№ 307, 364. *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи. № 29. Москов. губ. вѣд., 1856 г., №№ 15 и 17. (Отписки дворцоваго прикащика Митьки Ѳедорова изъ села Тонинскаго). Ср. также А. Э. т. III, № 281.

О монастырскихъ прикащикахъ см. А. Э., т. III, № 217; т IV, №№ 67, 112, 115, 145. А. И., т. V, №№ 65, 171, 191. А. Ю., № 334, А о. до Ю. Б., т. III, № 320. Временникъ М. О. И. и Д., кн. II, Смѣсь, стр. 17—21. Владим. губ. вѣд., 1877 г., №. 8. (Тоже въ Ежегодникѣ Владимірскаго статистическаго комитета, т. I, вып. 2). *Б. Чичеринъ*, Опыты по исторіи русскаго права, стр. 204.

О прикащикахъ въ свѣтскихъ вотчинахъ см. П. С. З., т. I, № 307. *И. Забѣлина*, Большой бояринъ и проч. въ Вѣст. Европы, 1871 г., №№ 1 и 2.

ческихъ хозяйствахъ средней полосы въ XVII вѣкѣ. На дѣлѣ, однако, выходитъ не такъ. Хотя община и отодвигалась землевладѣльческою властью на второй планъ, она сохраняла, тѣмъ не менѣе, большое вліяніе почти по всѣмъ вышеуказаннымъ вопросамъ, касавшимся ея внутренней жизни. Такъ, напр., распредѣленіе пашень между крестьянами подлежало надзору прикащика, обыкновенно, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда внутреннія ссоры и несогласія самой общины побуждали прикащика ко вмѣшательству въ ея дѣла; во всякомъ случаѣ, это распредѣленіе производилось имъ вмѣстѣ съ старостой и лучшими людьми [1]). Самъ землевладѣлецъ отсылалъ крестьянъ къ нему обращавшихся за разрѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ къ крестьянскому міру и, слѣдовательно, прямо признавалъ значеніе послѣдняго въ разрѣшеніи подобнаго рода дѣлъ. За выполненіемъ полевыхъ работъ въ пользу землевладѣльца, кромѣ прикащика, хотя и по его приказанію, наблюдали старосты и цѣловальники. Они должны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы крестьяне пахали хозяйскую пашню «безъ цѣлизны» и хлѣбъ сѣяли во время «среднимъ сѣвомъ, ни часто ни рѣдко», при съемкѣ хлѣба вмѣстѣ съ прикащикомъ (строителемъ) чинили опытъ умолота хлѣба и составляли умолотные списки. Они же, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ монастырскихъ вотчинахъ, избирали особаго цѣловальника, который состоялъ при монастырскомъ казначеѣ у денежной монастырской казны, вѣдалъ вмѣстѣ съ казначеемъ хлѣбный приходъ и расходъ, сбиралъ вмѣстѣ съ нимъ всякіе денежные доходы и велъ всему этому особыя отъ казначеевыхъ приходо-расходныя книги. Не только въ раскладкѣ, но и во взиманіи и въ доставкѣ податей крестьянскій міръ далеко еще не утерялъ своего значенія, какъ это мы будемъ имѣть случай замѣтить ниже; даже въ тѣхъ случаяхъ, когда прикащикъ вѣдалъ таможенныя дѣла, ему помогалъ выборный цѣловальникъ, котораго онъ вмѣстѣ съ сборами посылалъ въ приказную избу. При отправленіи полицейскихъ и судебныхъ обязанностей прикащикъ также не имѣлъ исключительнаго значенія. Для полицейскихъ цѣлей могли служить и сотскіе пятидесятскіе, десятскіе; на судѣ прикащика присутствовали старосты, цѣловальники и волостные лучшіе люди, человѣкъ 5—6, а судебныя пошлины онъ сбиралъ иногда вмѣстѣ съ старостой и цѣловальникомъ; кромѣ того, въ монастырскихъ вотчинахъ староста, цѣловальникъ или особый выборный изъ крестьянъ ѣздилъ въ го-

[1]) *А. Ѳедотовъ Чеховской*, А. г. р, т. I № 83, (7093 г.).

родъ одинъ или вмѣстѣ съ строителемъ, если послѣдній являлся сюда по крестьянскимъ дѣламъ. Даже при пріемѣ ихъ или выходѣ изъ вотчины крестьяне являлись не только передъ приказными чинами (строителемъ), но и передъ выборнымъ старостой и десятскими. Все это показываетъ вѣроятность извѣстія, сообщаемаго однимъ изъ иностранцевъ, который говоритъ, что землевладѣльцы поручаютъ завѣдываніе своими селами въ однихъ случаяхъ приказнымъ своимъ людямъ, но въ другихъ однимъ старшинамъ [1]).

Такимъ образомъ, въ дворцовыхъ селахъ и частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ рядомъ съ приказнымъ управленіемъ продолжали въ значительной мѣрѣ сохраняться общинные распорядки, которые даже выгодно было поддерживать не только правительству, но и землевладѣльцу, ибо ими ограничивалось своеволіе и злоупотребленія прикащика. Нельзя не замѣтить, однако, что эти порядки, вѣроятно, лучше сохранились въ дворцовыхъ вотчинахъ, чѣмъ въ частныхъ, особенно мелкихъ, поземельныхъ владѣніяхъ, хотя кругъ дѣятельности прикащика дворцоваго села или частной вотчины былъ, приблизительно, однимъ и тѣмъ же тамъ и здѣсь Дворцовый прикащикъ былъ не столько холопомъ, приказнымъ человѣкомъ государя-вотчинника, сколько государственнымъ чиновникомъ, который по значенію приближался къ областнымъ начальникамъ сидѣвшимъ въ уѣздныхъ центрахъ черныхъ волостей [2]). Такой характеръ дворцоваго управленія вмѣстѣ съ ослабленіемъ древней волостной самостоятельности вызвало распространеніе этого управленія на черныя волости, которыя, впрочемъ, далеко не всегда мирились съ этимъ преобразованіемъ и не безуспѣшно требовали возстановленія прежняго управленія, какъ на то указываетъ извѣстный примѣръ Устьянскихъ волостей [3]). Въ крупныхъ вотчинахъ

---

[1]) А. И., т. III, № 140, т. IV, № 245; т. V, №№ 65, 191. Доп. къ А. И., т. IV, №№ 20, 62, т. VI, № 7; т. VIII, № 51, III; т. IX, № 12. П. С. З., т. II, № 989. А. Ю., № 160. *А. Ѳедотовъ-Чеховской*, А. г. р. т I и II. *І. А.* Село климентьевское въ чт. М. О. И. и Д., 1887 г., кн. II, стр. 11. *А. Олеарій*, Путешествіе, стр. 286 рус. пер. *Н. Барсова*. О контролѣ крестьянскаго міра надъ дѣятельностью не только старосты, но и прикащика см. *М. Семевскаго*, Ист.-юрид. акты въ Чт. М. О. И. и Д., 1869 г., кн. IV, Матер., № 64. Влад. губ. вѣд. 1877 г., № 8. (Память слугѣ Суздальскаго Покровскаго монастыря о сборѣ судебныхъ пошлынъ 1631 г.).

[2]) Въ Сибири, гдѣ вообще рѣзко сказывались особенности Московскаго управленія, прикащикъ долженъ былъ строить караулы и сторожи и защищаться отъ инородцевъ. А. И., т. V, № 133.

[3]) А. Э , т. III, № 126.

сельская община также, вѣроятно, находила большее количество благопріятныхъ условій для своего существованія, чѣмъ въ мелкихъ. Чѣмъ богаче, сильнѣе былъ вотчинникъ, тѣмъ болѣе власть его приближалась къ государственному значенію, тѣмъ легче, привольнѣе жилось его крестьянамъ. Вотъ почему дворцовыя села были самыми населенными, а крупныя вотчины отличались, сравнительно съ ихъ размѣрами, большимъ многолюдствомъ, чѣмъ небольшія поземельныя владѣнія.

Рядомъ съ черною волостью и сельскою общиной въ предѣлахъ помѣстья или вотчины, изъ которыхъ первая вымирала въ средней полосѣ, а вторая въ южной, нельзя не отмѣтить на югѣ особаго типа однодворческихъ поселеній, размѣры которыхъ опредѣлялись, такъ сказать, принципомъ территоріально-правительственнаго дѣленія. Правда, принципъ этотъ сказывался и въ центральной полосѣ въ помѣстной системѣ; но его проявленію здѣсь мѣшали съ одной стороны, уже въ значительной мѣрѣ выработавшіяся до его примѣненія формы общественной жизни среди мѣстнаго населенія—съ другой, преобладающее значеніе частной недвижимой собственности. На югѣ, напротивъ, ни того, ни другаго почти вовсе не существовало и принципъ этотъ легко могъ развиться и дѣйствительно выразился въ устройствѣ однодворческихъ поселеній. Эти поселенія можно разсматривать какъ военную и фискальную мѣру, вызванную не только потребностью защищать южную украйну отъ татарскихъ набѣговъ, но и бѣдностью казны, желаніемъ утилизировать почти никому неизвѣстныя и никакого дохода не приносящія дикія поля. Послѣдняя причина и вызвала устройство южно-русскихъ поселеній. Заселяя окраины мелкимъ служилымъ людомъ правительство замѣняло хлѣбное или денежное жалованье помѣстными окладами [1]). Но такъ какъ эти поселенія происходили не въ

[1]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Болховскаго уѣзда 7128 г., F IV, № 375, л. 140: «Да въ Болховѣ казацкіе земли что было дано имъ въ государева жалованья мѣсто по 20 четвертей человѣку, въ полѣ. а въ дву потому жъ. А было и прежъ сего казаковъ 300 человѣкъ, а теперь 67 побили ихъ Литовскіе люди и поимали Крымскіе люди. Пашни паханной доброй земли ихъ пахоты 100 четвертей. Перелогу и лѣсомъ поросло 500 четвертей. А запустѣла та ихъ пашня отъ разоренія отъ Литовскихъ и Крымскихъ людей» Тамъ же л. 140.Подобныхъ примѣровъ можно подъискать не мало въ писцовыхъ книгахъ южныхъ уѣздовъ. Извѣстія Тамбовской уч. арх. ком., вып. XIII, стр. 40—44 (выпись изъ Тамбовскихъ строельныхъ книгъ 1636 г.). «Да прибранъ вновь (изъ Пышминской слободы Верхотурскаго уѣзда) въ бѣломѣстные казаки Оска Зудиловъ безъ твоего великаго Государя денежнаго

видѣ ряда единичныхъ случаевъ, а цѣлыми группами служилыхъ людей (главнымъ образомъ, казаковъ и дѣтей боярскихъ) и такъ какъ каждое изъ этихъ лицъ получало равномѣрный съ остальными окладъ, то правительство, повидимому, и отдѣляло имъ всѣмъ вмѣстѣ «съ одного, а не въ розни» [1]) земли, которыя въ общей сложности представляли сумму всѣхъ ихъ окладовъ, взятыхъ вмѣстѣ. Это мѣропріятіе повело къ весьма важнымъ результатамъ: служилые люди въ одной общей межѣ стали владѣть равномѣрными, но не заселенными, а, слѣдовательно, подлежавшими ихъ собственной обработкѣ, участками. Но такъ какъ участки, замѣнявшіе денежное жалованье, едва ли всюду были равноцѣнными, то и самое распредѣленіе земель стало производиться не по участкамъ, а по десятинамъ, что повело не только къ равномѣрному, но и къ чрезполосному владѣнію тѣхъ земель, которыя болѣе всего обнаруживали разнокачественность, а таковыми, конечно, были пахотныя земли. Вотъ почему рядомъ съ чрезполоснымъ владѣніемъ пашенными участками, почти всюду сохранилось общее пользованіе сѣнокосомъ, а въ особенности выгономъ и лѣсными угодьями [2]).

Такимъ образомъ, однодворческое поселеніе представляло опредѣленную общественную единицу, сложившуюся подъ вліяніемъ правительства [2]). Хотя, какъ мы видѣли, такое поселеніе и подле-

жалованья, съ пашни». Доп. къ А. И., т. VII, № 74, XVIII, XXI. П. С. З. т. II, № 852. Р. И. Б., т. IX, стр. 415. Ср. Доп. къ А. И., т. III, № 36, I, III, VI.

[1]) *П. Ивановъ*, Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей и проч., М., 1836 г., стр. 172. *А. Бѣлевскій*, Общинное землевладѣніе и землепользованіе въ Юридич. Вѣст., 1888 г., № 9, стр. 79.

[2]) А. о. до Ю. Б., т. I, №№ 15 и 17; т. II, №№ 140 и 144. П. С. З., т. II, № 1013. (Писцовый наказъ межевщикамъ 20 мая 1683 г. ст., 10); № 1074 (Писц. нак. апрѣля 1684 г., ст. 34). *А. Бѣлевскій*, Ibid., стр. 77—91. См. приложеніе II.

[3]) А. Э., т. IV, № 206. Воеводскій наказъ кн. Ѳедору Волконскому 1675 г.: «Да емуже Ѳедору беречи того накрѣпко, чтобы въ Бѣлгородѣ станичники и черкасы и стрѣльцы и казаки и всякіе служилые и жилецкіе люди *указные* свои земли пахали и хлѣбъ сѣяли; а которые люди указныхъ своихъ пашень пахати и хлѣба сѣяти не учнутъ и ему тѣмъ людемъ ведѣть указную свою пашню пахать и хлѣбъ сѣять *и въ неволю съ наказаніемъ*, чтобы однолично Бѣлгородцамъ служилымъ и жилецкимъ людемъ пашни пахать и хлѣбъ сѣять безпереводно».—Журналъ Тамбовской ученой архивной ком. 19 августа 1885 г., стр. 19—20. (Воеводская отписка о построеніи Усманскаго острога 1645 г.). Тоже. 3 декаб. 1885 г., стр. 16—21. (Указъ и отписка о заселеніи г. Тамбова вольными людьми, 1636 г.).

жало податному обложенію, но послѣднее, повидимому, еще не охватывало (по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVII вѣка) это поселеніе, какъ одно неразрывное цѣлое; правительство не разсматривало его какъ одну, цѣльную окладную единицу, подобную черной волости или помѣстью и вотчинѣ центральной полосы съ ея налогоспособнымъ населеніемъ, но окладывало каждаго изъ такихъ помѣщиковъ порознь [1]),

Таковы были въ общихъ чертахъ особенности мѣстныхъ дѣленій, которыя имѣли важное значеніе въ дѣлѣ раскладки податей. Ихъ накрывало, если возможно такъ выразиться, дѣленіе административное на уѣзды. Уѣздъ составлялъ, повидимому, то, что было уѣхано или заѣхано, примежевано къ извѣстному центру [2]), причемъ размѣры его отличались еще большею неопредѣленностью, чѣмъ размѣры болѣе мелкихъ территоріальныхъ и общественныхъ единицъ. Уже въ XV вѣкѣ встрѣчаемъ прямыя указанія на существованіе межъ между «землями» [3]); въ первой половинѣ XVI вѣка въ судебныхъ дѣлахъ по вопросамъ о поземельномъ владѣніи ссылались на межи между уѣздами, хотя, впрочемъ, само населеніе и позже иногда еще не знало, въ какомъ уѣздѣ находились его земли [4]). Отъ XVII вѣка сохранились до нашего времени межевыя книги разныхъ уѣздовъ; онѣ составлялись, обыкновенно, назначенными для этихъ цѣлей думными дворянами, окольничими, стольниками, дѣтьми боярскими съ подьячимъ по наказу или областными начальниками, какъ-то воеводой, губнымъ старостой, дьякомъ по царской грамотѣ изъ приказа Въ другихъ случаяхъ воевода по царской грамотѣ посылалъ для тѣхъ же цѣлей дѣтей боярскихъ съ подьячимъ. Межевщики, выбравъ изъ мѣстныхъ жителей добрыхъ крестьянъ и съѣхавшись на предполагаемомъ рубежѣ двухъ или трехъ уѣздовъ, сыскивали тамошними окольными людьми мѣста, гдѣ сходились границы этихъ уѣздовъ, разводили и размежовывали все вправду,

---

[1]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Елецкаго уѣзда 7135—138 г., F IV, № 137 и мн. др.

[2]) *С. Соловьевъ*, т. IV, изд. 1-е, стр. 234. А. И., т. I, № 36: Вел. князь даетъ монастырю село съ уѣздомъ «по кое мѣсто уѣздъ былъ къ намъ». «Коломенскіе уѣзды» упоминаются въ П. С. Р. Л., т. VI, стр. 174 (1446 п.). О безразличномъ употребленіи выраженій: уѣздъ и присудъ, у здъ и погостъ въ Новгородской области см. *К. Неволина*, О пятинахъ и проч. въ Зап. Геор. Общ., т. VIII, стр. 112, прим. 1 и прибав., с. 48.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 117, 138—141.

[4]) *А. Федотовъ-Чеховскій*, А. г. р., т. I, №№ 55 (1541 г.), 56 (1542), 83 (1585 г.).

по межамъ грани тесали, ямы копали и чинили всякіе межевые признаки, между которыми измѣряли разстоянія и которыя вмѣстѣ съ послѣдними записывали въ межевыя книги «имянно»; наконецъ, написавши въ отпискѣ свои имена и имена выборныхъ крестьянъ присылали или привозили и подавали все это въ надлежащее центральное учрежденіе [1])

Уѣзды нерѣдко дѣлились на половины, какъ то было въ Новгородскомъ, Вологодскомъ, Ярославскомъ и Московскомъ уѣздахъ. въ другихъ случаяхъ встрѣчаемъ дѣленіе на трети, напр. въ Устюжскомъ или въ Вяземскомъ уѣздахъ, и на четверти, какъ то было въ Кунгурскомъ уѣздѣ, наконецъ, рѣже и то и другое совмѣщается въ одномъ и томъ же уѣздѣ. Такъ, Вологодскій уѣздъ дѣлился на двѣ половины, изъ которыхъ каждая распадалась на трети. Дѣленіе на половины и трети встрѣчается главнымъ образомъ, въ большихъ уѣздахъ; болѣе обычнымъ и мелкимъ дѣленіемъ уѣзда было становое, на значеніе котораго мы имѣли случай указывать выше. Такимъ образомъ, въ большомъ уѣздѣ каждая половина или треть могла содержать по нѣскольку становъ, а небольшой уѣздъ прямо распадался на послѣдніе. Число и размѣры становъ были крайне разнообразны. Нельзя не замѣтить, однако, что ихъ приходилось на уѣздъ гораздо больше въ средней полосѣ, чѣмъ на югѣ. Такъ, напр., въ Московскомъ уѣздѣ было до 45 становъ, въ Можайскомъ — 32; напротивъ, въ Елецкомъ — 4, въ Оскольскомъ — 5 [2]). Это отчасти разъясняется большими размѣрами уѣздовъ центральной полосы и вышеуказаннымъ переходомъ волостей въ станы.

Взаимоотношеніе уѣздовъ другъ къ другу имѣло довольно опредѣленный характеръ лишь въ предѣлахъ земель или «полковъ»,

---

[1]) Описаніе Архива Мин. Юстиціи, т. I, стр. 1—304. Здѣсь можно подыскать множество указаній. Рѣдко встрѣчаются межевщиками: великокняжескіе конюхи, лица духовныя, (напр., архимандритъ), въ позднѣйшее время разные армейскіе офицеры. См. ibid. №№ 1277, 1626 — 1627, 1736. А. И, т. IV, № 5. П. С. З., т. I, №№ 554, 580.

[2]) О дорогахъ, которыхъ, судя по сохранившимся описаніямъ, было 32 въ разныхъ мѣстахъ государства, см. *А. Градовскаго*, Истор. мѣст. управленія т. I. стр. 269. *Н. Калачова*, Критику на областныя учрежденія Б. Чичерина, стр. 24. Ямскихъ слободъ, которыя описывались отдѣльно, по тѣмъ же описаніямъ было 28 въ 27 различныхъ городахъ и уѣздахъ, засѣкъ — 30. См. Описаніе Арх. Юстиціи, т. I. Выраженіе треть иногда могло быть однозначущимъ съ волостью. Ср. *Ѳ. Дмитріева*, Истор. Судебныхъ инстанцій, стр. 27. Доп. къ А. И., т. IX, № 35.

*

которые нѣсколько напоминали позднѣйшую губернію. Но въ большинствѣ случаевъ чрезмѣрная централизація мѣшала объединенію уѣздовъ въ болѣе широкія группы и приводила ихъ въ равномѣрному и полному соподчиненію одному главному центру.

Въ вышеприведенномъ очеркѣ мы попытались опредѣлить значеніе, какое имѣла крестьянская община, какъ небольшой округъ, мелкое подраздѣленіе болѣе крупныхъ дѣленій. Но для правильнаго уразумѣнія ея податныхъ отношеній къ правительству этого недостаточно; необходимо ознакомиться съ составными ея элементами.

Прежде всего нельзя не замѣтить, что не всѣ лица, признанныя правительствомъ налогоспособными, входили въ составъ тяглой общины. Въ податномъ отношеніи община дѣлилась на самостоятельныхъ, «опричныхъ» и на мірскихъ тяглецовъ. Первые платили отдѣльно отъ другихъ, каждый за себя только; вторые—всѣ вмѣстѣ и, слѣдовательно, отвѣчали другъ за друга въ исправности платежа. Эта отвѣтственность и была, въ сущности, причиной такого раздѣленія. Извѣстно, какъ тяжело приходилось тяглецу, отвѣчавшему за неисправность несостоятельныхъ или бѣглыхъ плательщиковъ. Поручительство мѣшало развитію частной предпріимчивости и многимъ препятствовало улучшенію своего хозяйства. Поэтому, являлись иногда энергичныя, ловкія лица, которыя расчищали пашни «на одинѣ», сами, опричь волости, посвящали свой трудъ на ея обработку, добивались владѣнія такимъ участкомъ на правахъ полной собственности и такимъ образомъ становились своеземцами. Про такую деревню (участокъ) говорилось, что «она отошла отъ волости на одинѣ». Подобнаго рода собственность могла образоваться лишь въ томъ случаѣ, когда кругомъ поселенія было еще много никѣмъ не занятой земли и когда тяжесть налоговъ была незначительна; неудивительно, поэтому, что своеземцы встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ XV, XVI вв. на сѣверѣ, гдѣ земли было больше; въ XVII вѣкѣ, съ размноженіемъ населенія, его прикрѣпленіемъ и увеличеніемъ податнаго бремени, которое враждебно настраивало тяглую общину противъ всякихъ попытокъ изъ нея выдѣлиться, своеземцевъ и на сѣверѣ почти вовсе не встрѣчается. Попадаются, однако, рѣдкіе случаи и за это время [1]). Такъ напр., царскою жалованною грамо-

[1]) *Г. Блюменфельдъ* (О формахъ землевладѣнія, стр. 144, прим. 5) считаетъ наименованіе крестьянскаго участка вотчиной—доказательствомъ владѣнія послѣднимъ на своеземческомъ правѣ. Вотчиной, однако, назывались

той 1615 года велѣно было крестьянамъ Матигорской и Быстрокурской волостей въ деревню крестьянъ Комаровыхъ, въ ихъ прикупную поженьку, и во всякія угодья въ сошное тягло по писцовымъ книгамъ и по ихъ волостнымъ «веревнымъ» не вступаться «никоими дѣлы и мірскою волостною ровностью и веревью ихъ земель, той деревни и ихъ прикупной поженьки не веревить». Такимъ образомъ, Комаровы платили подати, но платили ихъ отдѣльно, сами за себя и пользовались этой привилегіей цѣлое столѣтіе; лишь въ 1707 году Архангельская ратуша рѣшила, что Комаровымъ обязательно тянуть тягло вмѣстѣ съ другими крестьянами [1]). Владѣніе землей опричь волости доставляло важныя преимущества: оно освобождало крестьянина отъ поручительства и отвѣтственности въ неисправности другихъ плательщиковъ, слѣдовательно, давало право не участвовать въ уплатѣ недоимокъ или мірскихъ долговъ, разложенныхъ на всю волость; оно давало ему независимость отъ мѣстнаго земскаго управленія въ финансовомъ отношеніи, ибо своеземецъ самъ доставлялъ свои подати въ съѣзжую избу или даже въ Москву. Благодаря такимъ условіямъ, самостоятельный тяглецъ платилъ гораздо меньше другихъ и этимъ вызывалъ зависть и недовольство со стороны сосѣдей. Возникала глухая борьба, которая иногда, какъ въ вышеприведенномъ случаѣ Комаровыхъ, оканчивалась побѣдой общины.

Крестьянская община, помимо самостоятельныхъ тяглецовъ, не представляла, однако, вполнѣ единообразнаго цѣлаго. Въ ея средѣ необходимо различать собственно крестьянъ (въ узкомъ смыслѣ) и бобылей. Различіе между тѣми и другими состояло, главнымъ образомъ, въ размѣрахъ и характерѣ ихъ хозяйства. Бобыли имѣли, обыкновенно, недостаточное количество земли или вовсе ея не имѣли и нерѣдко занимались черною работой и мелкими промыслами. Крестьяне, напротивъ, всегда владѣли пашенныии участками и если занимались промыслами и торговлей, то скорѣе отъ избытка, чѣмъ отъ недостатка средствъ. Такое различіе происходило отъ того

и участки, выдаваемые самою общиной своимъ членамъ, если этотъ участокъ оставался за получившимъ его крестьяниномъ и передавался имъ своимъ дѣтямъ. Такого рода терминологія довольно естественна если вспомнить, что выраженіемъ вотчина означался не столько способъ пріобрѣтенія сколько порядокъ наслѣдованія имуществомъ. Ср. *К. Аксаковъ*, Соб. соч., т. I, стр. 416. *А. Градовскій*, Истор. мѣст. управ., т. I, стр. 22.

[1]) Архангельскія губ. вѣд., 1865 г., № 8. (Двѣ грамоты по поводу этого дѣла: одна жалованная грамота 1615 года, другая — дѣло 1707 года.).

что у крестьянина было больше средствъ къ обработкѣ земли, чѣмъ у бобыля, средствъ, которыя въ то время выражались главнымъ образомъ въ количествѣ рабочихъ рукъ. Во всѣхъ писцовыхъ книгахъ почти постоянно можно видѣть, что средняя населенность крестьянскаго двора обыкновенно больше средней населенности бобыльскаго двора [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйственныя средства у бобыля были гораздо менѣе значительны, чѣмъ у крестьянина; правительство считало бобылей, обыкновенно, вдвое менѣе состоятельными, чѣмъ крестьянъ. Бобыли иногда вовсе не владѣли пашней, и жили или на чужихъ дворахъ или, чаще, своими собственными, небольшими хозяйствами. Такъ, напр., въ Зубцовскомъ уѣздѣ, сильно пострадавшемъ отъ разоренія, мы встрѣчаемъ безпашенныхъ бобылей на помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ дворахъ; въ Галицкомъ уѣздѣ, въ концѣ тѣхъ же 20-хъ годовъ, безпашенные бобыли живутъ не на своихъ, а на крестьянскихъ дворахъ и кормятся по міру [2]). Бобыли иногда прямо приписывались къ непашеннымъ дворамъ, какъ это было, напр., въ слободѣ Даниловской въ 1629 году [3]). Еще въ концѣ 70-хъ годовъ воевода города Добраго говорилъ объ одномъ сынѣ боярскомъ, что «земли у него нѣтъ и не бывало для того, что онъ бобыль, а за бобылями четвертные пашни нѣтъ ни по единые чети» [4]). Все это показываетъ, что бобыль былъ человѣкомъ одинокимъ, бѣднымъ, нерѣдко безпашеннымъ [5]). Но со введеніемъ дворовой подати въ въ концѣ 20-хъ годовъ мы уже очень часто встрѣчаемся и съ пашенными бобылями. Различіе ихъ положенія отъ крестьянскаго состояло лишь въ меньшихъ размѣрахъ надѣла, что доказывается сотвѣтствіемъ между колебаніями размѣровъ крестьянской и бобыль-

---

[1]) См. приложеніе III.

[2]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Галицкаго уѣзда 7135 — 139 г., FIV, № 394. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Зубцовскаго уѣзда 7136–137 г., кн. 639 (совр. сп. Оригиналъ, кн. 159 — крайне ветхъ и выцвѣлъ).

[3]) Яросл. губ. вѣд. 1852 г., № 16.

[4]) Извѣстія Тамбов. уч. арх. ком., Общее собр. 22 апр. 1886 г., стр. 12. (Дѣло о злоупотребленіяхъ воеводы Владислава Сербина 7187 года).

[5]) Слово бобыль сохраняетъ то же значеніе и въ настоящее время. Ср. *В. Даль*, Велик. слов. т. I, стр. 103. *П. Шестерневъ*, Опытъ областнаго словаря Ярославской губерніи въ Яросл. губ. вѣд. 1853 г., №№ 2, 3, 9, 33 и 34, *В. Магницкій*, Особенности русскаго говора въ Уржумскомъ уѣздѣ Вятской губ. въ Извѣстіяхъ Казанскаго общества археологіи, исторіи и этнографіи, т V (Каз. 1884 г.) стр. 1—73, ad voc. Въ послѣдней мѣстности бобылемъ называютъ человѣка лѣниваго, беззаботнаго.

ской пашни и количествомъ крестянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, причемъ крестьянскій дворъ имѣетъ больше вліянія на такого рода колебанія, чѣмъ бобыльскій. То же подтверждается и съ другой точки зрѣнія. Правительство, какъ увидимъ ниже, при финансовомъ счетѣ населенныхъ дворовъ живущими четвертями, полагало крестьянскій дворъ равнымъ двумъ бобыльскимъ. Принимая во вниманіе такого рода соотношеніе при опредѣленіи размѣровъ крестьянскаго и бобыльскаго надѣловъ, мы увидимъ нѣкоторую равномѣрность въ надѣлахъ самихъ крестьянъ, что вполнѣ вѣроятно; это также ясно показываетъ, что бобыль, если и владѣлъ пашней, а на это есть прямыя указанія въ писцовыхъ книгахъ, то обработывалъ ее въ меньшемъ количествѣ, можетъ быть, вдвое меньше, чѣмъ крестьянинъ [1]). Безпашенные бобыли, судя по писцовымъ книгамъ, чаще встрѣчаются на сѣверѣ, пашенные—въ центральной полосѣ и на югѣ.

Различіе крестьянскаго и бобыльскаго хозяйства вело и къ различію положенія крестьянина и бобыля въ податномъ отношеніи. Особенно разнились непашенные бобыли отъ пашенныхъ крестьянъ. Эти бобыли платили оброкъ, но не тянули тягла; верстались особо и даже имѣли своихъ непашенныхъ старостъ [2]). Трудно сказать, существовало ли подобное различіе между пашенными бобылями и крестьянами. Судя однако, по тому, что въ писцовыхъ книгахъ пашенные бобыли кладутся въ одну и ту же живущую четверть съ крестьянами, хотя и на болѣе мелкія ея доли, можно думать, что между тѣми и другими особенно рѣзкихъ различій въ податномъ отношеніи не было, что они окладывались вмѣстѣ, хотя верстались между собой, вѣроятно, отдѣльно, по разрядамъ.

---

[1]) См. ниже, гл. II, § 2. То же соотношеніе между крестьянскимъ и бобыльскимъ дворомъ признавалось и въ частномъ хозяйствѣ, напр., въ вотчинахъ Иверскаго монастыря, гдѣ приказано было прикащику положить на выть по 10 дворовъ крестьянскихъ, а бобыльскихъ вдвое. (А. Ю., № 334, III). Неудивительно поэтому, что въ нѣкоторыхъ порядныхъ въ бобыли не встрѣчается никакихъ условій о пашнѣ и ссудѣ предметами земледѣльческаго хозяйства. Москвитянинъ, 1846 г., № 1, стр. 156. Въ концѣ XVI вѣка встрѣчаются бобыли, у которыхъ надѣлъ вдвое менѣе крестьянскаго. (*И. Соколовскій*, Экономическій бытъ, стр. 14). Въ Бѣлевской писцовой книгѣ (изд. *Н. Елагинымъ*, въ Бѣлевской виблioѳикѣ, т. I и II-мъ) встрѣчаемъ тоже.

[2]) *К. Неволинъ*, О пятинахъ и проч. Зап. Геогр. Общ., т. VIII, прил., стр. 131. Яросл. губ. вѣд. 1852 г., № 16. *И. Бѣляевъ*, О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ во Временникѣ М. О. И. и Д., т. XI, стр. 41.

Въ виду того, что различіе между бобылемъ и крестьяниномъ состояло главнымъ образомъ въ степени благоустройства ихъ хозяйствъ, стоило крестьянину обѣднѣть, чтобы выйти изъ числа членовъ тяглой общины и перейти въ бобыли; богатому бобылю, наоборотъ возможно было перерядиться въ крестьянское состояніе. Такъ, напр., въ 1640 году Ухтомскій крестьянинъ Васильевъ, который жилъ на $^1/_6$ выти, теперь отъ тягла обѣдѣлъ и билъ челомъ Государю о дозволеніи ему жить въ томъ же селѣ Ухтомѣ въ бобыляхъ. Въ книгѣ порядныхъ записей по г. Пскову 1638 года, наоборотъ, встрѣчаемъ порядную бывшаго бобыля Никольскаго Кожина монастыря въ крестьяне за тотъ же монастырь [1]).

Тяглая крестьянская община, кромѣ дѣленія на крестьянъ и бобылей, раздѣлена была и на болѣе дробныя части. Такъ, крестьяне дѣлились на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ или, какъ они въ другихъ случаяхъ назывались, полныхъ, среднихъ полностью и бѣдныхъ [2]). Это дѣленіе признавалось самимъ правительствомъ и повело при введеніи подворной подати къ превращенію послѣдней въ своего рода поразрядный налогъ. Бобыли, не смотря на то, что были бѣднѣе крестьянъ, можетъ быть, однако, дѣлились на такіе же три разряда. По крайней мѣрѣ, судя по писцовымъ книгамъ, бобыльскій дворъ равенъ былъ обыкновенно $^1/_{16}$ ($^1/_{20}$), $^1/_{32}$ или $^1/_{64}$ четверти; въ чрезвычайно рѣдкихъ случаяхъ и $^1/_{128}$-й, что указываетъ на признаніе правительствомъ и въ средѣ бобылей главнымъ образомъ трехъ разрядовъ смотря по степени ихъ благосостоянія, мѣриломъ котораго въ данномъ случаѣ являлась ихъ налогоспособность.

Въ сѣверныхъ землевладѣльческихъ хозяйствахъ вмѣстѣ съ крестьянами и бобылями занимались земледѣліемъ половники. Было время, когда половники не считались членами крестьянской тяглой общины, такъ какъ, повидимому, не тянули тягла. Напротивъ, во второй половинѣ XVII вѣка они подлежатъ прямому обложенію. Какъ объяснить такую перемѣну? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ характерѣ экономическихъ и юридическихъ особенностей, изъ которыхъ складывался типъ сѣверно-русскаго половника. Въ половникѣ мелкій арендаторъ-землепашецъ нерѣдко смѣшивался съ наемнымъ рабочимъ. Половникъ выплачивалъ зем-

[1]) Владимір. губ. вѣд. 1867 г., № 34. Арх. Мин. Юстиціи, Вотчинной конторы по г. Пскову, кн. № 84/1626, запись № 21.

[2]) Запис. Отд. русской и слав. археологіи, т. II, стр. 780—786. Вологодск. губ. вѣд. 1853 г., № 47.

левладѣльцу арендную плату натуральными продуктами въ видѣ половины (иногда $^2/_5$) умолота за вычетомъ сѣмянъ, но отъ него же получалъ денежную плату за «прирядъ», т. е. за цѣлый рядъ хозяйственныхъ работъ. Хотя отношенія половника къ землевладѣльцу опредѣлялись порядными на непродолжительный срокъ, на четыре, пять лѣтъ, тѣмъ не менѣе, ихъ нельзя назвать вполнѣ свободными. Половникъ получалъ отъ «ватамана»-хозяина сѣмена на посѣвъ и долженъ былъ возвратить ихъ изъ умолота будущаго года; ему выдавалась иногда денежная ссуда, которая превращала его отношенія къ землевладѣльцу въ подневольныя, по условіямъ того времени, отношенія должника къ кредитору, то же вызывало невыполненіе приряда, которое влекло за собой денежный штрафъ Хотя, вѣроятно, всѣ эти условія дѣйствовали разновременно и въ различныхъ сочетаніяхъ, они, однако, мало по малу должны были придать кратковременному сроку, на который заключалась порядная половника, одно номинальное значеніе и могли способствовать смѣшенію половничества съ крестьянствомъ, особенно со времени окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ и постепеннаго исчезновенія прежняго типа вольнаго, гулящаго человѣка. Такія измѣненія въ положеніи половника должны были повліять и на его податныя отношенія къ правительству. Какъ мелкій арендаторъ-землепашецъ, онъ не принималъ на себя податныхъ обязанностей; въ одной порядной самаго конца XVI вѣка встрѣчаемъ прямыя указанія на то, что «дань и оброкъ и всякіе государевы розметы ватаманскіе» платитъ землевладѣлецъ «мимо половника». Но когда началъ обнаруживаться процессъ смѣшенія половничества съ крестьянствомъ, половники стали тянуть тягло, платить «по писцовымъ книгамъ всякіе платежи и четвертные доходы и службы служить» наравнѣ и нерѣдко вмѣстѣ съ посадскими людьми и волостными крестьянами [1]).

Различные разряды крестьянъ и бобылей были основными элементами, изъ которыхъ складывалась тяглая община. Рядомъ съ ними встрѣчаются лица, которыя хотя и не подлежали непосредственно правительственному окладу и, можетъ быть, даже не принимали участія въ мірской раскладкѣ, но во всякомъ случаѣ

[1]) А. Х. и У. Е.,—Б, №№ XII, XXXVII, LIII, LIX, CXVII, CXXIII, CXXVI, CCXXX, CCL, CCLIII. Встрѣчаются даже примѣры уплаты половниками землевладѣльческаго оброка помимо выполненія остальныхъ своихъ обязанностей. Ibid., Б, № XCI (1665 г.). Доп. къ А. И., т. III, № 14 и т. X, № 34.

имѣли на нее вліяніе; это вліяніе обнаруживалось въ повышеніи раскладочной суммы, падавшей на то хозяйство, при которомъ они жили и законному главѣ котораго помогали въ ея уплатѣ. Какъ люди богатые, владѣвшіе собственными участками «на одинъ», помимо общины, становились самостоятельными тяглецами, такъ, наоборотъ, люди бѣдные, поставленные въ экономическую зависимость, но не отъ общины, а отъ отдѣльныхъ ея членовъ, не считались настоящими тяглецами. Таковы крестьянскіе дѣти, родственники и посторонніе, которые достигли совершеннолѣтія, способны были къ самостоятельной продуктивной дѣятельности, но не отдѣлились отъ главы даннаго хозяйства потому, что считали это неудобнымъ или находились отъ него въ зависимости.

Таковы были тѣ мелкіе разряды, на которые распадалась крестьянская тяглая община. Основаніемъ дѣленія служили различія въ хозяйственномъ положеніи ея членовъ, различія, которыя признавались и точнѣе опредѣлялись правительствомъ въ финансовомъ отношеніи. Но постояннаго соотношенія между этими разрядами, разумѣется, не было. Единообразіе состава данной общины нарушалось или измѣненіями въ хозяйственномъ положеніи ея членовъ, вступленіемъ новыхъ, или же, наконецъ, выходомъ и бѣгствомъ старыхъ. Измѣненія въ хозяйственномъ положеніи члена общины происходили путемъ перехода его изъ бобылей въ крестьяне или, наоборотъ, переходомъ изъ одного разряда бобыльства или крестьянства въ другой, какъ это указано было выше. Но такой переходъ не могъ произойти безъ согласія общины, ибо затрогивалъ податные интересы всѣхъ ея членовъ. Въ самомъ дѣлѣ, крестьянская тяглая община была вмѣстѣ съ тѣмъ преимущественно земледѣльческой; поэтому, какъ увидимъ ниже, крестьяне верстались между собой, главнымъ образомъ, по размѣрамъ участковъ пашни и по количеству рабочихъ рукъ. Въ силу взаимодѣйствія, какое существовало между тягломъ каждаго тяглеца и размѣрами его участка, измѣненіе величины послѣдняго вело и къ уменьшенію или увеличенію выплачиваемаго имъ тягла. Въ послѣднемъ случаѣ интересы остальныхъ членовъ общины не страдали, а поэтому община едва ли обращала на нихъ большое вниманіе. Но при уменьшеніи размѣровъ участка, а слѣдовательно, и тягла, недостающая суммма разлагалась на всю общину и прямо вліяла на интересы каждаго изъ ея членовъ. Вотъ почему разрѣшеніе подобнаго рода дѣлъ зависѣло отъ согласія всей общины. Примѣромъ такой дѣятельности сельской общины, вызываемой интере-

сами общеобязательнаго тягла, можетъ послужить дѣло одного тяглеца въ вотчинахъ боярина Морозова. Въ одной изъ вотчинъ боярина жилъ старикъ, у котораго дѣтей не было, а родственники оказались очень молодыми. Тянулъ онъ прежде съ осьмака (т. е. 1/8 выти), а теперь тянуть ему стало не въ мочь; и вотъ, обратился онъ къ боярину съ челобитной не тянуть ему съ осьмака, а тянуть ему съ полуосьмака. Бояринъ не счелъ себя въ правѣ разрѣшить этотъ вопросъ; онъ отослалъ старика за рѣшеніемъ къ крестьянскому міру, для того, чтобы тутъ порѣшили, тянуть ли старику съ осьмака или съ полуосьмака [1]).

Кромѣ измѣненій въ единообразномъ составѣ сельской общины путемъ колебаній въ хозяйственномъ положеніи наличныхъ ея членовъ, это единообразіе нарушалось поступленіемъ въ общину и новыхъ членовъ. Поступавшій въ общину, въ виду тяглаго его характера, этимъ самымъ вступалъ въ обязательства къ одному Государю и государству въ черныхъ земляхъ, къ государству и землевладѣльцу въ частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ. Эти обязательства опредѣлялись въ данныхъ и порядныхъ. Первыя выдавались по мірскому приговору старостой, земскимъ цѣловальникомъ, волостнымъ земскимъ судейкой и нѣсколькими липами изъ волости, составлявшими, можетъ быть, нѣчто въ родѣ временнаго небольшаго совѣта, съ вѣдома и согласія котораго выдавались новоприбылымъ тяглые участки [2]). Въ данныхъ встрѣчаются, обыкновенно, указанія на мѣстоположеніе и размѣры участка, выдаваемаго новому поселенцу, затѣмъ предоставляется право «владѣть» данпымъ участкомъ, со всѣми дворцовыми хоромами, огородами, полями, сѣнными покосами и другими угодьями совсѣмъ, безъ вывода, по межамъ пашню пахать и сѣно косить на своемъ участкѣ, и сѣнные покосы расчищать и дворы починять и вновѣ хоромы ставить и на той землѣ хлѣбъ сѣять всякій—яровой и ржаной; и сѣно ставить на себя безпенно и изгороди городить. Взамѣнъ такихъ выгодъ поступавшій обязывался платить государевъ оброкъ пли тягло, «что доведется», лицу, которое міромъ выберутъ. Если

[1]) *И. Забѣлинъ*, Большой бояринъ и проч. въ Вѣст. Евр., 1871 г. № 2, стр. 472. Ср. А. Э., т. I, № 258 (1561 г.): «вольно вамъ (крестьянамъ села Пузырева)межъ себя дворы и землями мѣняти и продавати доложа прикащика».

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7145 г., № 20: Списокъ съ данной трети деревни Лальской волости Богдану Дмитріеву. Тамъ же можно встрѣтить еще нѣсколько данныхъ: 7145 г., № 63; 7152 г., № 31; 7153 г., № 32. Ср. льготную (правильнѣе данную) въ А. Ю., № 175, I.

при этомъ за общиной числились какіе-либо мірскіе долги (образовывавшіеся большею частью въ виду займовъ для уплаты податей), то новоприбылой вмѣстѣ съ другими долженъ былъ платить со своего участка «въ мірскія заемныя кабалы». Если на выданный участокъ подъискивался прежній «вотчичь», а на немъ насѣянъ былъ хлѣбъ яровой или ржаной, и поставлено было сѣно, вновь приставлены хоромы или подѣланъ дворъ и причищены новые сѣнные покосы, то все это можно было новому поселенцу снести на себя безпенно. За приставленныя хоромы, всякую дворовую подѣлку, за причищенное сѣно, новыя изгороди и за деньги, выплаченныя въ счетъ заемныхъ кабалъ, онъ получалъ деньгами съ прежняго вотчича по мірской оцѣнкѣ [1]). Таково содержаніе данныхъ; въ нихъ, какъ видно, не опредѣляется обязанностей новаго члена къ міру внѣ вопросовъ тягла, а это показываетъ тяглый характеръ крестьянской общины. Для того, чтобы данная имѣла юридическое значеніе, нужны были подписи свидѣтелей-послуховъ, присутствовавшихъ при ея совершеніи; иногда присоединялись рукоприкладства поручителей и самого поступавшаго.

Но вступленіе въ тяглую общину въ центральной и южной полосѣ обыкновенно осложнялось опредѣленіемъ тѣхъ отношеній, въ какія новый поселенецъ входилъ къ помѣщику или вотчиннику. Если община находилась на землѣ частнаго поземельнаго владѣльца то и самый тяглый участокъ могъ быть выданъ лишь по уговору съ этимъ послѣднимъ. Въ такихъ договорахъ или порядныхъ въ крестьянство, кромѣ довольно подробныхъ указаній о личности поряжавшагося, обыкновенно опредѣлялись размѣры предоставлямаго ему участка и подмоги, которая выдавалась въ видѣ хлѣбныхъ запасовъ для предстоявшаго посѣва, домашняго крупнаго скота или денежной суммы; отъ получившаго подмогу брались, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ, особыя заемныя кабалы или памяти, что ясно указываетъ на характеръ подмоги, какъ ссуды капитала отъ землевладѣльца крестьянину. Далѣе въ порядныхъ опредѣлялась, обыкновенно продолжительность льготы отъ государевыхъ податей и землевладѣльческаго оброка, не всегда совпадавшихъ между собой, а также обязанности крестьянина къ землевладѣльцу и общинѣ въ общихъ выраженіяхъ: онъ долженъ былъ тянуть государево тягло, платить землевладѣльцу денежный доходъ, издѣлье дѣлать и страду

[1]) Новый тяглецъ могъ, конечно, сдать свой участокъ другому со всѣми слѣдуемыми съ него податями. А. Ю., № 175.

страдать съ прочими крестьянами или сосѣдями вмѣстѣ; къ этимъ условіямъ иногда присоединялись обязательства· воровства никакого ни чинить, хмѣльнаго питья у себя не держать, къ чужому землевладѣльцу въ крестьяне и въ бобыли не поряжаться и въ закладчики не закладываться. Въ случаѣ нарушенія вышеуказанныхъ обязанностей, заключительныя статьи порядныхъ предоставляли землевладѣльцу право взыскивать съ виновнаго пеню; послѣдняя достигала иногда весьма значительныхъ размѣровъ, 30—50 рублей, не соотвѣтствовала размѣрамъ крестьянскаго хозяйства и такимъ образомъ придавала порядной характеръ односторонняго обязательства [1]).

Такъ переплетались въ порядныхъ обязанности новоприбылаго крестьянина къ землевладѣльцу и государству. Отношенія крестьянина къ общинѣ (помимо тягляхъ), судя по порядным записямъ, оставались неопредѣленными, что опять таки обнаруживаетъ малую связь между членами крестьянскаго міра помимо тяглыхъ отношеній къ государству и страдныхъ, крѣпостныхъ къ землевладѣльцу.

При заключеніи порядныхъ такъ же, какъ и при выдачѣ данныхъ, требовались послухи изъ крестьянъ той волости или помѣстья, вотчины, въ которую поряжался вновь поступавшій крестьянинъ. Послуховъ, обыкновенно, бывало не болѣе двухъ, да и въ такихъ случаяхъ достаточно было рукоприкладства одного изъ нихъ [2]). Одни и тѣ же лица могли служить послухами при заключеніи разныхъ порядныхъ не только въ разное время года, но и одинъ и тотъ же день [3]).

Для того, чтобы вступить въ составъ данной общины недостаточно было данныхъ и порядныхъ; нужно было найти въ ея средѣ лицъ, готовыхъ поручиться за добросовѣтстное выполненіе изложенныхъ въ нихъ условій. Такое поручительство закрѣплялось поручными записями. Поручная запись опредѣляла, главнымъ образомъ, отношенія самой общины къ государству и землевладѣльцу, отвошенія, возникавшія по поводу поступленія въ ея среду новаго

[1]) А. Ю., №№ 191, 193, 194, 196, 201. А. У. и Х. Е., — Б, № CXV CCLXXII, CCXXIV, CCLXXXIII, CCXCI. Арх. Мин. Юстиціи, Записная книга порядныхъ по г. Пскову 7144—7152 г. на 413 лл., вотчинной конторы по г. Пскову № 84/1626. *И. Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, изд. 2-е, стр. 160 и сл. Въ Псковской области эта пеня называлась заставой и была, обыкновенно, величиной въ 3—5 рублей.

[2]) А. Ю., № 191.

[3]) А. Ю., № 193, 194 и 196.

члена. Поручителями были почти всегда крестьяне; количество ихъ зависѣло отъ степени населенности данной мѣстности. Если вновь поступавшій бралъ «жеребей» въ небольшой сѣверной деревнѣ, поручителями являлись одинъ, два, три человѣка; въ селахъ, напротивъ, поручителей бывало и до 8 человѣкъ. Такъ какъ поручителями были крестьяне той же общины, въ какую вступалъ поряжавшійся, то они могли быть и не изъ одной, а изъ нѣсколькихъ деревень, входившихъ въ составъ общины-волости или сельскаго округа. Такъ, напр., въ 1640 году за бобыля Мокѣйку Григорьева, взявшаго пашню въ Череповской волости въ деревнѣ Дьякопской, поручились крестьяне той же волости Сила Зиновьевъ изъ деревни Рѣчнаго Борку, Иванъ Оедоровъ и Томилко Семеновъ деревни Остьинской, Тугаринъ Максимовъ деревни Солмонской. Естественно, что при такой точкѣ зрѣнія и жительство крестьянъ въ двухъ разныхъ вотчинахъ или помѣстьяхъ не мѣшало ихъ поручительству по одномъ и томъ же лицѣ. Такъ напр., въ 1612 году по крестьянинѣ Ф. Полуехтовѣ поручились Я. Перфирьевъ, крестьянинъ села Долгаго поля, принадлежавшаго П. И. Ярцову, братья Н. и М. Даниловы да Л. Неусыпа, Оедоровскаго монастыря деревни Половецкаго крестьяне. Такія явленія показываютъ, что тяглыя отношенія къ государству способны были объединять крестьянъ, разъединенныхъ зависимостью отъ разныхъ землевладѣльцевъ. Къ сожалѣнію пока ихъ извѣстно очень мало. Притомъ рядомъ съ ними встрѣчаются и данныя противоположныя: поручителями являются крестьяне не разныхъ владѣльцевъ, даже не разныхъ деревень, но одной и той же вотчины, что указываетъ на объединеніе ихъ одними и тѣми же отношеніями къ землевладѣльцу. Такъ напр., въ 1620 году по крестьянинѣ И. Теплинѣ поручались И. Онуфрѣевъ, да А. Ивановъ, да Т. Тимоѳѣевъ, «патріарши вотчины Воскресенскаго монастыря крестьяне» безъ указаній на жительство ихъ въ такой то деревнѣ или волости. На тоже отсутствіе крѣпкихъ внутреннихъ связей, которыя объединяли бы общину, указываетъ тотъ любопытный фактъ, что иногда поручителями являются «вольные люди», т. е. лица, вовсе не причастныя общинѣ [1]).

Содержаніе поручныхъ состоитъ въ перечисленіи поручителей, затѣмъ изложеніи условій порядной и ручательствѣ въ ихъ выполненіи. Въ случаѣ нарушенія порядившимся крестьяниномъ усло-

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Книга порядныхъ записей по г. Пскову, Вотч. конт. № 84/1626, порядн. № 74.

вій порядной, напр., бѣгства, поручители обязаны были принять на себя уплату дохода землевладѣльца, земскихъ сборовъ и тягла Уплата пени едва ли всегда была обязательною; по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ поручныхъ о ней не упоминается, хотя говорится объ обязательномъ взносѣ поручителями тягла за неисправнаго плательщика, по которомъ они ручались. Не всегда, однако, поручители оказывались достаточно состоятельными для того, чтобы отвѣчать за всѣ убытки, нанесенные ихъ товарищемъ землевладѣльцу и государству. Доправленіе недоимокъ нерѣдко лишь осложняло дѣло [1]).

Такъ же, какъ и при совершеніи данныхъ и порядныхъ при поручныхъ записяхъ требовались рукоприкладства нѣсколькихъ послуховъ. Послѣдніе, разумѣется, чаще всего бывали изъ крестьянъ. Крестьянинъ - послухъ могъ жить въ другой деревнѣ, чѣмъ поручители или поступавшій—фактъ, также указывающій на вѣроятность общинной связи между ними. Такъ напр., при поступленіи Мокѣйки Григорьева во крестьяне къ Воскресенскому монастырю въ 1631 году, поручителями его были крестьяне изъ деревень Рѣчнаго Борку, Остинскаго и Солмонскаго, а послухъ былъ изъ деревни Носовскаго. Рукоприкладства всѣхъ послуховъ къ поручной не требовались; иногда ни одинъ изъ послуховъ не прикладываль руки; въ другихъ случаяхъ они даже не присутствовали при совершеніи поручной записи. Въ двухъ послѣднихъ случаяхъ, при отсутствіи подписей послуховъ на поручной, подписывались сами поручители или отецъ ихъ духовный, если они грамотѣ были не учены. Наконецъ, иногда то лицо, по которомъ ручались, присоединяло свою подпись къ остальнымъ [2]).

Кромѣ измѣненій въ хозяйственномъ положеніи наличныхъ членовъ общины и поступленія новыхъ, единообразіе ея состава нарушалось и выходомъ изъ нея прежнихъ членовъ. Такой выходъ происходилъ или вслѣдствіе обѣдненія крестьянина, неспособнаго долѣе тянуть тягло, или путемъ бѣгства. Обѣднѣвшій крестьянинъ пользовался льготой на нѣсколько лѣтъ, въ продолженіе которыхъ не

---

[1]) Въ этомъ отношеніи любопытенъ случай съ поручителемъ, вольнымъ человѣкомъ Кондрашкой Балашевскимъ Крестьянинъ, по которомъ онъ поручился, сбѣжалъ и унесъ съ собою заставу въ 3 рубля. Кондрашкѣ нечѣмъ было отвѣчать за бѣглеца помѣщику Псковскаго уѣзда Мордасову; тогда онъ самъ поряцился во крестьяне на мѣсто сбѣжавшаго. Книга порядныхъ записей по г. Пскову. (См. предшеств. прим.), поряд. № 74.

[2]) А. Ю., № 290.

входилъ въ составъ тяглой общины, передавалъ свой участокъ желающимъ вмѣстѣ со своими обязанностями [1]), или переходилъ изъ одной мѣстности въ другую, за что со времени прикрѣпленія подвергался сыску и наказанію. Такимъ образомъ, выходъ изъ предѣловъ общины, въ сущности, считался незаконнымъ; поэтому община въ этомъ отношеніи почти всецѣло подчинялась правительству и при сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ лишь помогала воеводѣ или сыщику [2]).

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что хотя и возможно было нѣкоторое объединеніе крестьянскаго міра и вѣ тяглыхъ интересовъ, все же послѣдніе составляли центръ тяжести общинной жизни. Большимъ или меньшимъ участіемъ или неучастіемъ въ тяглѣ опредѣлялось положеніе члена общины въ ея средѣ, въ значительной мѣрѣ обусловлены были его поступленіе или выходъ; главные органы мірскаго самоуправленія, какъ увидимъ ниже, возникали на почвѣ тягла; вокругъ тѣхъ же вопросовъ группировалось множество жизненныхъ интересовъ, множество споровъ и столкновеній.

2. посадская община.

До сихъ поръ мы наблюдали за устройствомъ крестьянскаго міра, на сколько это устройство имѣло значеніе для исправленія имъ разнообразныхъ податныхъ обязанностей. Необходимо теперь ознакомиться и съ посадскою общиной съ той же точки зрѣнія.

Такъ же, какъ и крестьянскія общины, городскія поселенія XVII вѣка, подъ вліяніемъ такихъ же географическихъ, экономическихъ и политическихъ условій, представляли на пространствѣ обширнаго государства довольно разнобразные типы. На сѣверѣ посадъ часто еще носилъ на себѣ слѣды прежняго происхожденія не только изъ группы слившихся мелкихъ промышленныхъ поселеній, слободъ, но и изъ разросшагося села, жители котораго все еще продолжали заниматься земледѣліемъ, и нерѣдко пріобрѣталъ значеніе города въ тѣхъ случаяхъ, когда къ нему присоединялись военныя укрѣпленія. На южной украйнѣ, напротивъ, образованіе городскаго центра не столько завершалось, сколько начиналось по-

[1]) А. Ю., № 175.
[2]) См. ниже, § 3.

стройкой острога. Сѣверно-русскій городъ, особенно со второй половины XVII вѣка, заселенъ былъ преимущественно посадскимъ, промышленно-торговымъ людомъ; онъ былъ скопленіемъ и взаимодѣйствіемъ интенсивно развитыхъ экономическихъ силъ данной мѣстности, взаимодѣйствіемъ, освященнымъ правительственною санкціей; онъ служилъ промышленно-торговымъ и административнымъ центромъ, который лишь изрѣдка, на окраинахъ, получалъ значеніе стратегическаго пункта. Но связь его съ уѣздомъ была еще довольно сильна, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVII вѣка, когда онъ являлся средоточіемъ не только административной дѣятельности, но и земскаго, посадскаго и крестьянскаго самоуправленія, все еще сливавшаго городъ и уѣздъ въ одну цѣльную областную единицу. Вотъ почему на сѣверѣ городъ былъ составною, органическою частью уѣзда, а слабыя правительственныя попытки мѣстной централизаціи складывались здѣсь на почвѣ стариннаго дѣленія территоріи на земли.

Въ иномъ видѣ представляется намъ городское поселеніе на южной украйнѣ. Нерѣдко въ немъ бывало значительное по тому времени населеніе; но населеніе это почти цѣликомъ состояло изъ служилыхъ людей разныхъ разрядовъ, быстро мѣнялось и въ большинствѣ случаевъ не могло образовать городскаго класса съ особыми, ему одному свойственными интересами, обязанностями и правами [1]). Городъ южной украйны былъ укрѣпленнымъ лаге-

---

[1]) Въ описи городовъ, вѣдаемыхъ въ Разрядѣ 1678 года (Доп. къ А. И., т. IX, № 106) въ слѣдующихъ 76 не упомянуто посадскихъ людей:

Алексинъ	Доброе	Мерефа
Алешня	Доброе	Мирополье
Ахтырской	Дѣдиловъ	Мосалыкъ
Богодуховъ	Епифань	Мо(а)цкой
Болховой	Змѣевъ	Мурахфа
Боровня	Кароча	Мценскъ
Бѣлоколодцкой	Карповъ	Недрыгайловъ
Бѣлоколодцкой	Козельскъ	Нижегольской
Бѣлополье	Колонтаевъ	Новосиль
Бѣльской	Костенской	Новый Осколъ
Булыклея	Крапивна	Обоянь
Валки	Краснокутъ	Ольшанскъ
Верхососенскъ	Краснополье	Орловъ
Волуйки	Кромы	Печенга
Вольный	Лебедянь	Печерники
Гремячей	Лебедянь	Пошехонье
Городной	Ливны	Пронскъ

ремъ [1]) или военнымъ поселеніемъ, узломъ, къ которому сходились длинныя нити второстепенныхъ пограничныхъ укрѣпленій [2]). Онъ не столько являлся осложненною формой мѣстной жизни, сколько вызванъ былъ политическими условіями, а поэтому какъ бы внѣшнимъ образомъ приставленъ былъ правительствомъ къ уѣзду для того, чтобы охранять мирныхъ его насельниковъ отъ татарскаго набѣга и служить убѣжищемъ, куда иногда насильно сгонялись крестьяне по государеву указу. Тѣ же начала легли въ основаніе слабыхъ зачатковъ мѣстной централизаціи, какія мы замѣчаемъ здѣсь въ XVII вѣкѣ. Не «земля» съ ея областными особенностями, не успѣвшими окончательно сгладиться, а «разрядъ и полкъ» служили здѣсь формулами соподчиненія нѣсколькихъ городовъ одному болѣе важному центру.

Основныя черты города центральной полосы Московскаго государства (къ которой въ данномъ случаѣ слѣдуетъ присоединить и нѣкоторые другіе города Новгородской и Псковской области) представляли извѣстное сходство съ типами сѣверныхъ и южныхъ

Ржева Володимерова	Суджа	Царевъ Борисовъ
Рублевъ	Сумы	Челнавской
Рязскій	Сѣвскъ	Чернавской
Салтовъ	Сѣнное	Чернь
Сапожокъ	Талецкой	Чугуевъ
Сокольской	Усердъ	Шацкъ
Сокольскъ	Усмань	Яблоновъ.
Соляной	Харьковъ	
Старый Осколъ	Хотьмышскъ	

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ городовъ хотя не упомянуто посадскаго населенія, но видны какъ бы его зародыши. Въ Карочѣ и Мосальскѣ упоминаются крестьяне; есть бобыли въ Бѣлоколодцкомъ (35 чел.) и второй разъ упомянутомъ Бѣлоколодцкомъ, можетъ быть новомъ поселеніи того же имени (39 чел.); въ Печенгѣ (9 чел.) и Сѣвскѣ (36 чел. да еще 32). Наконецъ, Черкасы мѣщане упомянуты въ Валкахъ (606 чел.), Мерефѣ (306 чел.), Мурахфѣ (мѣщанъ городовые службы 274 чел.), Салтовѣ (86 чел.). Въ Рублевѣ и Сѣнномъ указаны одни Черкасы. Кромѣ вышеуказанныхъ городовъ, не имѣли посада по переписнымъ книгамъ 1678 года Донковъ, Ефремовъ, Медынь и Оболенскъ. (Доп. къ А. И., т. VIII, № 40).

[1]) П. С. З., т. II, №№ 1305 и 1311.

[2]) Къ Тамбову, напр., приписаны были слѣдующіе городки и острожки: Березовскій. Брюзгинъ, Горѣлый, Двойнинскій, Красногорскій, Кузминскій, Липовскій, Лысогорскій, Напольный, Ольшанскій, Подмоковъ, Покровскій, Полянскій, Рѣтковъ, Спорный, Сосновый, Сухининскій, Тамбовскій (старый), Тамбовскій новый, Тонинскій. Всего 20. Журн. Тамбовск. арх. ком., 1885 г., октб. 4, стр. 10.

поселеній, какъ центры промышленности, торговли и администраціи, во многихъ случаяхъ не лишенные, въ силу ли историческихъ преданій или дѣйствительной необходимости, и военнаго значенія. Но специфическою особенностью этого типа поселеній нужно признать характеръ ихъ отношеній къ уѣзду. Городъ центральной полосы Московскаго государства въ XVII вѣкѣ успѣлъ, кажется, выдѣлиться изъ уѣзда ранѣе, чѣмъ то было на сѣверѣ, но и не представлялся такимъ оторваннымъ отъ него, какъ на югѣ. Здѣсь уже въ первой половинѣ XVII вѣка замѣчается довольно рѣзкое различіе между городскимъ и сельскимъ хозяйствомъ, ясно сказываются сословныя различія между жителями черной земли, посадскими людьми и помѣщиковыми или вотчинниковыми крестьянами, а поэтому опредѣленіе стало сказываться и ихъ взаимоотношеніе.

Но каждый посадъ, къ какому бы изъ вышеуказанныхъ типовъ онъ ни принадлежалъ, представлялъ самъ по себѣ извѣстное цѣлое. Необходимо указать на тѣ принципы, которыми опредѣлялась эта цѣлостность. Объединеніе посадской общины въ области хозяйственныхъ интересовъ внѣ тягла не было особенно сильнымъ. Черная посадская земля считалась собственностью Государя, какъ представителя монархической власти, но оставалась въ общемъ владѣніи посадской тяглой общины. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что съ одной стороны права распоряженія посадскою землей отчасти оставались за общиной; такъ напр., въ Устюгѣ въ 1630 году стрѣльцамъ отводилась посадская земля подъ дворы по Государеву указу и по выбору земскихъ судеекъ, старостъ, цѣловальниковъ и всѣхъ посадскихъ людей [1]). Съ другой стороны потомственное владѣніе дворовыми мѣстами близко подходило къ полному праву собственности. Наслѣдованіе въ черныхъ дворахъ было то же, что и въ дворахъ вотчинныхъ и купленныхъ; черные дворы или, скорѣе, права на владѣніе ими покупались, продавались и закладывались; самое право отчужденія первоначально имѣло силу не только въ случаѣ принадлежности обоихъ контрагентовъ къ тяглому классу, но и тогда, когда одинъ изъ нихъ былъ бѣломѣстцемъ, хотя съ теченіемъ времени это право ограничено было первымъ изъ указанныхъ случаевъ [2]).

[1]) Устюгъ, Матер. для истор. гор., стр. 36.

[2]) *Н. Загоскинъ*, О правѣ владѣнія городскими дворами въ Московскомъ государствѣ въ Уч. Зап. Казанскаго университета 1877 г., кн. I, стр. 43—85. Послѣ ограниченій права распоряженія посадскихъ людей тяглыми участками, запрещенія продавать ихъ бѣломѣстцамъ, посадскіе люди продолжали прода-

Передѣловъ чрезполосныхъ и равномѣрныхъ участковъ собственно посадской земли (въ чертѣ поселенія), повидимому, не существовало [1]). Появленію на посадѣ земельныхъ участковъ, находившихся въ общемъ владѣніи, въ нѣкоторой степени способствовало тягло. Одну изъ причинъ ихъ образованія можно видѣть въ обязанности посадскихъ людей доставлять мѣстнымъ властямъ, какъ-то: воеводѣ, стрѣлецкому головѣ и другимъ лицамъ даровое помѣщеніе за время ихъ службы. Такъ напр., въ Калугѣ въ 1617 году былъ, между прочимъ, дворъ Павлика Данилова сына Затепая, который

вать право владѣнія на нихъ другъ другу «изъ тягла въ тягло, изъ дани въ дань». См., напр., купчую двухъ Муромцевъ 3 Генв. 1686 г. во Влад. губ. вѣд. 1886 г., № 25.

[1]) Недавно высказано мнѣніе, по которому на посадѣ существовали «какіе-то» передѣлы земельныхъ участковъ (*Н. Чечулинъ*, Города XVI вѣка, стр. 117) и, повидимому, даже лавокъ (Ibid., стр. 244, 322). Но самъ авторъ высказывалъ на стр. 11 правило, по которому то, чего не даютъ писцовыя книги, нельзя считать дѣйствительно несуществовавшимъ, а на стр. 117, на основаніи молчанія писцовыхъ книгъ о заключеніи какихъ-либо договоровъ купли-продажи при переходѣ земельныхъ участковъ отъ одного владѣльца къ другому, приходитъ къ заключенію о дѣйствительномъ несуществованіи такихъ договоровъ и самый переходъ объясняетъ общиннымъ землевладѣніемъ и передѣлами. Въ прим. 1-мъ къ стр. 117 онъ называетъ передѣлъ дворовъ «повидимому неосуществимымъ»; на стр. 322, говоритъ что «переходъ земельныхъ участковъ и *лавокъ*» (отъ одного владѣльца къ другому) «является слѣдствіемъ передѣловъ въ средѣ общины». На стр. 117 авторъ называетъ свое мнѣніе «предположеніемъ», на стр. 322 считаетъ его доказаннымъ. Мы позволимъ себѣ, однако, пока не согласиться съ этими доказательствами. Главное изъ нихъ—переходъ земельныхъ участковъ отъ одного владѣльца къ другому безъ означенія договора, въ силу котораго совершился такой переходъ,—далеко не убѣдителенъ. «Въ писцовыхъ книгахъ Деревской и Вотской пятинъ 1495—1500 годовъ при описаніи каждаго помѣстья говорится о передачѣ его (изъ однѣхъ рукъ въ другія) съ указаніемъ именъ прежняго и настоящаго владѣльца, напр.: Великаго князя волостка Богдановская Трубицына за Неклюдомъ да за Шеметомъ за Ѳедоровыми дѣтьми Шалимова въ помѣстьѣ». (*П. Соколовскій*, Экономическій бытъ, стр. 65). А это очень напоминаетъ способъ означенія прежнихъ и настоящихъ владѣльцевъ посадскаго двора. Любопытны замѣчанія автора о значеніи терминологіи писцовыхъ книгъ XVI-го вѣка при означеніи жительства во дворѣ. Выраженія «дворъ такого-то» и «во дворѣ (жилецъ) такой-то» (послѣднее постоянно употребляется при описаніи черныхъ тяглыхъ дворовъ) авторъ объясняетъ противоположеніемъ владѣнія на полномъ правѣ частной собственности владѣнію на правѣ общинномъ (стр. 220—222). Но, по крайней мѣрѣ въ XVII вѣкѣ, эта терминологія едва ли имѣла то же значеніе. Есть писцовыя книги, какъ, напр., г. Ростова (Р. И. Б., т. XI, прилож.), гдѣ сплошь и рядомъ читаемъ «дворъ или дворишко» такого-то посадскаго тяглеца.

посадскіе люди купили«для дьячего пріѣзду»;дѣйствительно, на этомъ дворѣ впослѣдствіи стоялъ дьякъ Микита Дмитреевъ [1]). Другою причиной возможности существованія общепосадскихъ земель былъ репартиціонный характеръ налоговъ. Тягло падало на всю общину такъ, какъ она представлялась правительству по послѣдней переписи. Если съ того времени запустѣло нѣсколько мѣстъ, а это бывало постоянно, то оставшимся на посадѣ приходилось платить и за эти пустыя мѣста. Поэтому естественно, что эта никѣмъ незанятая земля считалась общепосадскимъ владѣніемъ, что земскій староста съ посадскими людьми продавалъ права владѣнія отдѣльными участками этой земли или отдавалъ ихъ на оброкъ желающимъ. Такъ напр., въ 1612 году старостой, сотскимъ и уличанами одной изъ Новгородскихъ улицъ проданъ былъ опальный дворъ Ивана Иванова сына Кожевника, кабацкаго цѣловальника, другому ремесленнику,Максиму Савельеву, варежнику. На Бѣлоозерѣ въ 1618 году встрѣчаемъ мѣсто Мошкинское Гришкино; оно, очевидно, прежде принадлежало посадскому человѣку, но впослѣдствіи запустѣло отъ разоренія и отдано было на оброкъ стрѣлецкому головѣ Ивану Ушакову, который, вѣроятно, получилъ его изъ оброка отъ земскаго старосты и пахалъ его или устроилъ на немъ огородъ, какъ то часто дѣлали служилые люди. Аренда, однако, была краткосрочною, ибо при описаніи Бѣлоозера, въ 1618 году, оказалось, что мѣсто это уже не за Иваномъ Ушаковымъ, а имъ владѣютъ посадскіе люди всѣ міромъ, платятъ оброку 4 алтына [2]).

Очень мало также указаній на существованіе передѣловъ пашенныхъ земель, приписанныхъ къ посаду, а немногія извѣстія, какія имѣются по этому вопросу, обнаруживаютъ вліяніе тягла на такое явленіе. Въ Шуѣ, напримѣръ, въ концѣ XVII вѣка, въ силу мірскаго приговора на сходѣ въ земской избѣ подъ руководствомъ земскаго старосты или ларешнаго цѣловальника, земля передѣлялась каждыя 10 лѣтъ во всѣхъ трехъ поляхъ на равныя полосы; количество этихъ полосъ и ихъ размѣры зависѣли отъ количества равномѣрныхъ долей, на которыя раздѣлялась сумма тягла, падавшая на всю общину, по числу ея тяглецовъ; затѣмъ полосы раздавались соразмѣрно тяглу каждаго тяглеца, который могъ не только самъ заниматься обработкой своей полосы, но имѣлъ воз-

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Дозор. кн. г. Калуги 7125 г., кн. 11605, л. 115 об.

[2]) А. о. до Ю. Б., т. II, № 148, IV. Спб. Духов. Акад. Дозор. кн. г. Бѣлоозера 7126 г., Кир. библ., № 79/1318, л. 31. Арх. Мин. Юстиціи, кн. 900. Здѣсь мы также встрѣчаемъ мѣсто дворовое Шуи посадскихъ людей.

можность отдавать ее въ наемъ до будущаго передѣла или продавать, повидимому, право десятилѣтняго (или менѣе продолжительнаго) владѣнія ею тяглецамъ той же общины; послѣдніе отвѣчали за убытки, какіе могла бы потерпѣть община отъ такого рода сдѣлки. въ случаѣ отдачи полосы стороннимъ людямъ, не членамъ общины, полоса отнималась у получившаго ее по передѣлу посадскаго человѣка и вновь отдавались «изъ міру» [1]). Это замѣчательное устройство, очевидно, сложилось уже подъ вліяніемъ тягла, на что указываютъ· общеобязательное участіе всѣхъ тяглецовъ въ передѣлѣ и во владѣніи полосами, ограничиваемое, однако, возможностью передавать права свои желающимъ путемъ частной сдѣлки, равномѣрность полосъ въ зависимости отъ равныхъ долей всего тягла, а не наоборотъ, и случаи владѣнія однимъ и тѣмъ же тяглецомъ—нѣсколькими полосами соразмѣрно другимъ его средствамъ и тяглу. На общинное, нераздѣльное владѣніе угодьями и пользованіе промышленными заведеніями встрѣчаются кое-какіе намеки. Въ Иркутскѣ были покосы «вопче» у посадскихъ людей; въ Тулѣ, напр., въ 1625 году былъ выгонъ «посадскихъ людей, всему городу», въ Старой Русѣ въ 1614 году пастбище «коневое въ 5 десятинъ всѣхъ посадскихъ людей». Въ селѣ Дуниловѣ, которое можно скорѣе считать посадомъ, была мельница; ею «владѣли во весь міръ». То же было въ Шуѣ. Въ Тулѣ надъ рѣкой Упой проведенъ былъ мостъ, «которымъ владѣли посадскіе люди всѣмъ посадомъ и мірская лавка Туленъ посадскихъ людей» [2]).

Всѣ эти явленія имѣли мѣсто въ сѣверной и средней полосѣ Московскаго государства. Но на югѣ мы встрѣчаемся съ случаями инаго рода. Подобно тому, какъ на окраинахъ юга жили въ уѣздѣ однодворцы, въ городахъ южной украйны, заселенныхъ мелкимъ служилымъ людомъ, пашни, приписанныя къ городу, дѣлились на равномѣрные участки, а сѣно и лѣсъ оставались въ общемъ поль-

[1]) Чт. М. О. И. и Д., 1860 г., кн. III, Смѣсь. *В. Борисовъ*, Акты о раздѣлахъ, промѣнахъ и передѣлахъ земли, №№ 3, 8 и 10.

[2]) А. о. до Ю. Б., т. III, № 495. Доп. къ А. И., т. V, № 59. *В. Борисовъ*, Описаніе Шуи, стр. 64. Тула, Матер. для истор. города, стр. 89, 110. (Писц. кн. 1685—1686). Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Тулы 7133 г., кн. 399, л. 79. Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Старой Русы 7122 г., FIV, № 288. Въ Иркутскѣ о нѣкоторыхъ изъ посадскихъ людей, владѣвшихъ сѣнными покосами, говорится такъ: «косить онъ сѣно съ Иркутскими жители по обчей отводной въ повалъ по записнымъ книгамъ»; или: «а владѣетъ вопче съ Иркутскими жители по записнымъ книгамъ»; или: «сѣно ставитъ на общемъ лугу съ Иркутскими жителями». См. Иркутскъ, Матер. для истор., гор. стр. 8.

зованіи. Такъ напр., Осколъ въ 1615—1616 году состоялъ изъ семи слободокъ, населенныхъ разными служилыми людьми, казаками, станичными ѣздоками, стрѣльцами, пушкарями, затинщиками, вожами и ямскими охотниками. Къ каждой изъ нихъ приписано было опредѣленное количество пашни, дубровы и дикаго поля къкаждому домохозяину поровну, да сѣна и лѣсу иногда всѣмъ поселенцамъ слободы «вопче» или же въ другихъ случаяхъ по равному количеству копенъ каждому Такого рода устройство было, конечно, ничѣмъ инымъ, какъ приложеніемъ помѣстной системы къ служилому населенію города, который терялъ характеръ посада въ настоящемъ смыслѣ этого слова, и становился скорѣе военнымъ поселеніемъ [1]).

Такимъ образомъ, общинное владѣніе землей съ чрезполосицей и передѣлами едва ли было общераспространеннымъ среди посадскаго населенія; во всякомъ случаѣ, на то не имѣется никакихъ прямыхъ указаній. Но даже и въ противномъ случаѣ оно долго не могло бы быть первенствующимъ факторомъ въ дѣлѣ объединенія посадской общины по другой причинѣ: посадъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ промышленный и торговый, а не земледѣльческій характеръ. При этомъ въ немногихъ извѣстныхъ намъ случаяхъ общиннаго и общаго владѣнія посадскою землей нельзя не замѣтить, большею частью, уже сильнаго вліянія тягла. Отсюда возможно заключить, что земледѣльческія занятія мало объединяли посадское населеніе. Промышленность и мелочная торговля также этому почти не способствовали; они не вызывали образованія промышленныхъ корпорацій, а разновидности промышленной и торговой дѣятельности не успѣли еще локализироваться. Крупными же торговыми оборотами занимались очень и очень немногіе изъ посадскихъ людей, такъ какъ, обыкновенно, богатый торговый человѣкъ переводился изъ роднаго города въ столицу и выдѣлялся изъ посадской общины. Поэтому едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что экономическіе интересы, если разсматривать ихъ внѣ ихъ взаимодѣйствія съ финансовыми, мало способствовали въ то время образованію изъ посадскаго населенія болѣе или менѣе плотныхъ общественныхъ союзовъ.

То же можно сказать о религіозныхъ интересахъ, которые сосредоточивались на рѣшеніи вопросовъ, имѣвшихъ значеніе только для одного прихода (какъ-то: выборъ попа, церковнаго дьячка, или пономаря и управленіе церковнымъ хозяйствомъ) и

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Довор. кн. г. Оскола 1615—1616 г., кн. 342.

едва-ли могли объединить всѣ приходы, входившіе въ составъ посада, въ одно цѣлое [1])

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что внѣ тяглыхъ интересовъ общинная связь между членами посадской общины была довольно слаба и что вопросы финансовые въ XVII вѣкѣ стояли у нея на первомъ планѣ, ближе всего затрогивали ея интересы, вызывали въ данной группѣ населенія сознаніе своего единства. Посадъ этого времени представляетъ тяглую общину по преимуществу. Человѣкъ не тяглый этимъ самымъ отдѣлялся отъ тяглой общины, не могъ принадлежать къ числу посадскихъ людей. Такъ напр., въ Шуѣ въ 1623 году жилъ Сенька Овдокимовъ, «бывалъ посацкой человѣкъ, а нынѣ въ разсылкѣ», т. е. служитъ разсыльщикомъ; въ Коломнѣ встрѣчаемъ бѣломѣстца каменьщика Сеньку Алексѣева сына Лупандина «а прежъ сего былъ посацкой» или мѣсто Баженки Хрющова, а Баженка «вышелъ въ воротники изъ посадскихъ людей» [2]).

Въ финансовомъ отношеніи посадъ не представлялъ однороднаго цѣлаго, а дробился на нѣсколько болѣе мелкихъ тяглыхъ союзовъ, характеръ которыхъ не всюду былъ однимъ и тѣмъ же. Изрѣдка попадается географическое дѣленіе города на стороны, какъ напр., въ Старицѣ; чаще, однако, встрѣчается дѣленіе на слободы или приходы, указывающее на тѣ отдѣльныя мелкія поселенія, изъ которыхъ сложился городъ. Такъ напр., не говоря о Москвѣ, дѣленіе на слободы существовало въ Можайскѣ, Коломнѣ, Дмитровѣ, Переяславлѣ Рязанскомъ [3]). Дѣленіе на приходы сохранилось, напр., въ Тарусѣ или Старицѣ [4]). Иногда посадъ дробился не на слободы или приходы, а на улицы, дѣленіе, столь извѣстное въ Новгородѣ и менѣе извѣстное въ Вологдѣ и Устюгѣ [5]). Наконецъ,

---

[1]) *В. Борисовъ*, Описаніе Шуи, № 98. А. о. до Ю. Б., т. III, № 340, IX.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Шуи 7130 г., кн. 908, л. 7 об. Писц. кн. г. Коломны 7131 г., кн. 201, лл. 19 об. и 144.

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Коломны 7131 г., кн. № 201. Переп. кн. гг. Можайска, Дмитрова, Малоярославца кн. 10814, 126 и 440. *Рязань*, Матер. для истор. города. Наиболѣе любопытныя свѣдѣнія имѣемъ о г. Можайскѣ. Здѣсь можно насчитать до 16 слободъ (кромѣ монастырскихъ и церковныхъ): Орѣховская, Мякина, Стретенская, Ключникова, Пятницкая, Плотничья, Троецкая, Медвѣдкова, Богоявленская, Настасьина, Васильевская, Устрѣцкая, Никитская, Якимовская, Аѳонасьевская, Богородицкая.

[4]) Арх. Мин. Юстиціи, Дозор. кн. г. Старицы 7122 г., кн. 456. Писц. кн. г Тарусы 7133 г., кн. 399.

[5]) Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн. г. Вологды 7154 г., кн. 14732. *Устюгъ*, Матер. для истор. города.

встрѣчаются случаи дѣленія посада на сотни или десятни. Въ Москвѣ были сотни; въ 1617 году писцы описали въ Калугѣ 6 сотенъ; въ Новгородѣ и Псковѣ продолжало существовать то же дѣленіе съ древнѣйшихъ временъ; въ Нижнемъ Новгородѣ было 18 сотенъ. Трудно сказать, въ какомъ отношеніи къ сотнямъ находились десятни; онѣ, можетъ быть, были независимы отъ нихъ. Есть упоминаніе о существованіи «десятковъ» въ Шуѣ. Въ Ростовѣ было 7 десятенъ, но сотенъ, повидимому, не существовало, каждая десятня называлась по имени церкви, но могла содержать и нѣсколько церквей, слѣдовательно, иногда совпадала съ предѣлами прихода, а въ другихъ случаяхъ превышала его размѣры [1]).

Каждое изъ этихъ дѣленій представляло, повидимому, до нѣкоторой степеня самостоятельный тяглый союзъ, который, главнымъ образомъ, слагался подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и принадлежности къ одному и тому же приходу, а поэтому и не носилъ замкнутаго, сословнаго характера [2]). На самостоятельность такихъ союзовъ есть прямыя указанія. Такъ напр., въ Калугѣ, въ 1617 году, въ Архангельской сотнѣ былъ между прочимъ дворъ Микиѳорки Головина, въ прежнемъ оброкѣ «былъ въ дву гривнахъ»; охудалъ и съ того двора перешелъ въ Покровскую сотню въ захребетники. Въ Рождественской сотнѣ былъ дворъ Укрупца Ивашка Насчейка, который изъ Рождественской сотни вышелъ въ Покровскую, и съ нею платилъ тягло. Перешелъ онъ туда, вѣроятно, потому, что «понялъ» оттуда вдову Микиты Лухина, а прежній свой дворъ продалъ человѣку Мезенцева. Улицы также составляли опредѣленные союзы Въ 1612 году, напр., староста Андрей Ѳедоровъ да сотскій Ананья Сергіевъ да уличане посадскіе

---

[1]) Чт. М. О. И. и Д. 1870 г., кн. 1. Р. И. Б., т. XI. Прил. *Я. Гарелинъ.* Акты Шуи, № 55. Арх. Мин. Юстиціи, Дозор. кн. г. Калуги 7125 г., кн. 11605. Доп. къ А. И., т. XI, № 23. Вологодскій посадъ дѣлился на 14 сороковъ (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 1680 г. Апрѣль 23: Дѣло по челобитью Вологжанъ посадскихъ людей, среднихъ и молодшихъ 14 сороковъ на притѣсненія отъ лучшихъ людей. Ср. *С. Соловьева,* т. XIII, изд. 3-е, стр. 109 и прим. 73). Впрочемъ, при переписи Вологды въ 1646 году (Арх. Мин. Юстиціи, кн. 14372) сороки не приняты во вниманіе.

[2]) Встрѣчаются иногда въ городахъ слободы, которыя, судя по названію, населены однородными ремесленниками. Но такія заключенія часто оказываются неправильными. Такъ напр., въ Коломнѣ была въ 1623 году слободка *Кузнечная.* Но въ ней на 44 двора съ населеніемъ въ 61 человѣкъ приходилось всего 8 кузнецовъ. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Коломны 7131 г., кн. 201.

люди Новгородской Чедельской улицы продавали дворъ новому тяглецу [1]). Приходами, сотнями, улицами управляли сотскіе и старосты.

Крестьянскія волости, какъ извѣстно, не только дробились на мелкія составныя части, но и тяготѣли къ общему, уѣздному центру подъ вліяніемъ внутренняго развитія или правительственной дѣятельности. Посады въ рѣдкихъ случаяхъ находились въ такого же рода соподчиненіи. Довольно слабые и неопредѣленные случаи этого соподчиненія не столько въ чисто административномъ, сколько въ финансовомъ и военномъ отношеніи встрѣчаемъ мы въ Новгородской, Псковской и Вятской земляхъ, въ районѣ Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ на южной украйнѣ и въ Сибири [2]).

Если мы отъ вопроса о тѣхъ мелкихъ подраздѣленіяхъ, на которыя распадалась посадская тяглая община, перейдемъ къ обозрѣнію ея состава, то изъ нея прежде всего придется выключить, какъ и изъ крестьянскаго міра, самостоятельныхъ тяглецовъ. Нѣкоторые изъ посадскихъ людей самостоятельно тянули тягло потому, что не успѣли еще слиться съ общиной, были новоприбылыми. Въ Каширѣ, напр., въ 1624 году жилъ новоприбылой посадскій человѣкъ Панка Дрозжа съ сыномъ Гришкой; торговали они всякими отъѣзжими товарами и платили «опроче посадскихъ людей», почему сами прямо и не названы посадскими. Такіе тяглецы могли обжиться на посадѣ, но старались сохранить эту самостоятельность, которая освобождала ихъ отъ тяжелой круговой поруки. Другіе посадскіе люди могли достигать такой же самостоятельности, благодаря личной энергіи, удачѣ въ промышленности или торговлѣ, особымъ связямъ и покровительству въ центральныхъ учрежденіяхъ. Такъ напримѣръ, въ Сольвычегодскѣ въ 1620 и 1625 году жило нѣсколько тяглецовъ; ихъ едва ли возможно назвать новоприбылыми, такъ какъ одинъ изъ нихъ еще въ 1619 году служилъ на посадѣ въ земскихъ цѣловальникахъ и, тѣмъ не менѣе, въ 1625 году все еще остается «въ отписныхъ сошкахъ». Самостоятельные тяглецы пользовались независимостью. Въ Сольвычегодскѣ, напр., жили «въ отписныхъ сошкахъ» посадскіе люди Ѳедоръ Верещагинъ и Петръ Бутусинъ, которые платили государ-

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Дозор. кн. г. Калуги 7125 г., кн. 11605, лл. 49, 98 об. и 115 об. А. о. до Ю. Б. т. II, № 148, IV.

[2]) Подробнѣе объ этомъ см. ниже, гл. II, Отд. I, § 3.

ревы доходы опричь посадскихъ людей не только съ дворовъ, но и съ варницъ, съ лавокъ, анбаровъ, полянокъ и пожень [1]). Если тягло замѣнялось оброкомъ для всего посада, то самостоятельный тяглецъ становился такимъ же оброчникомъ. Такъ, въ Коломнѣ, гдѣ весь посадъ въ 1623 году обложенъ былъ оброкомъ, въ числѣ платившихъ оброкъ числился Баженка Борисовъ сынъ Кокяхинъ. «А платилъ онъ оброку опроче Коломничъ посадцкихъ людей въ Галицкую четь по 3 рубля на годъ». Въ Каширѣ встрѣчаемъ такихъ же самостоятельныхъ тяглецовъ-оброчниковъ [2]).

Случаи, когда все населеніе посада, вмѣсто тягла, облагалось оброкомъ, бывали довольно рѣдкими Чаще выплачивала оброкъ лишь бѣднѣйшая часть налогоспособнаго населенія, тогда какъ другая тянула тягло. Съ этой точки зрѣнія посадъ дѣлился на собственно посадскихъ людей и посадскихъ бобылей. Различіе между тѣми и другими такъ же, какъ и въ уѣздѣ, состояло, главнымъ образомъ, въ различной степени благосостоянія ихъ хозяйствъ, а отсюда и въ различномъ характерѣ выплачиваемыхъ ими податей. Въ писцовыхъ книгахъ мы находимъ ясныя указанія на бѣдность бобылей. Рабочихъ рукъ на посадскомъ дворѣ было больше чѣмъ, на бобыльскомъ, хотя разница эта менѣе значительна, чѣмъ въ уѣздѣ [3]). Другіе признаки также указываютъ на малосостоятельность бобылей. Извѣстно, напр., что черною работой занималась самая бѣдная часть населенія, а таковою часто заняты бобыли. Какъ лица малосостоятельныя, бобыли иногда поступали въ дворники, живали на дворахъ другихъ, болѣе зажиточныхъ бобылей или, чаще, посадскихъ людей [4]).

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Каширы 7132 г., кн. 201, л. 341. Писц. кн. г. Сольвычегодска 7128 г., кн. 15039, л. 37 об. и слѣд.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Каширы 7132 и Коломны 7131 г., кн. 201, лл. 41 об. и 341.

[3]) См. приложеніе III.

[4]) Во Владимірѣ въ 1625 году были «посадскіе людишка бобыли, кормились работою своею, а иные ходили на низъ въ судѣхъ въ ярыжныхъ—а земля подъ ними была посадская и въ тѣ дворишки свои прибѣгали». Арх. Мин. Юстиціи. Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, л. 110. Въ Торжкѣ встрѣчаемъ въ то же время мѣсто Мишки Андреева, который «за бѣдностью дворишка не ставитъ, живетъ въ бобыляхъ у посадскаго человѣка у Второшки Алексѣева». Писц. кн. г. Торжка 7133 г. въ Памят. книжкѣ Тверской губ. на 1860 г., стр. 41. Сотная съ Городецкихъ писцовыхъ книгъ 7135 г. Тоже на 1863 г. Отд. IV, стр. 7. Арх. Мин. Юстиціи, Перен. кн. г. Вологды

Различаясь отъ посадскихъ людей въ хозяйственномъ отношеніи, бобыли естественно отличались отъ нихъ и въ податномъ. Первые обыкновенно тянули тягло, вторые платили оброкъ Тѣ и другіе никогда не смѣшивались и въ итогахъ писцовыхъ книгъ всегда числились отдѣльными статьями, ибо верстались особо. Но такъ какъ различіе между бобылями и тяглецами, главнымъ образомъ, сводилось къ различному состоянію ихъ хозяйствъ, а не сословныхъ правъ, то и переходы отъ одного состоянія къ другому, вѣроятно, не представляли особенныхъ затрудненій и зависѣли отъ обѣдненія посадскаго человѣка-тяглеца или отъ повышенія матеріальныхъ средствъ бобыля.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ сказать съ полною достовѣрностію, дѣлились ли бобыли на болѣе мелкіе разряды, какъ это бывало съ уѣздными пашенными бобылями. Кажется, однако, что такого дѣленія не существовало. Отличіе городскихъ бобылей отъ уѣздныхъ въ этомъ отношеніи, вѣроятно, объясняется тѣмъ, что въ уѣздѣ пашенные бобыли числились живущими четвертями вмѣстѣ съ крестьянами, тогда какъ городскіе бобыли не входили въ посадскія тяглыя живущія чети и, слѣдовательно, напоминали уѣздныхъ безпашенныхъ бобылей, которые также, повидимому, не дѣлились на разряды. За то болѣе опредѣленныя данныя мы имѣемъ о болѣе мелкихъ разрядахъ посадскихъ тяглецовъ.

Самое обычное дѣленіе посадскихъ тяглецовъ состояло въ дробленіи послѣднихъ на лучшихъ, середнихъ и молодшихъ людей [1]). Это дѣленіе, какъ и всѣ остальныя, основано было на различіи въ ихъ хозяйственномъ положеніи, т. е. въ большей или меньшей населенности двора того или другаго разряда и въ размѣрахъ животовъ его хозяина. Населенія, а слѣдовательно, и рабочихъ рукъ было всегда больше на лучшемъ, чѣмъ молодшемъ дворѣ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что такъ какъ лучшіе люди почти всегда занимались отъѣзжею торговлей, то, вѣроятно, въ лучшихъ дворахъ, гдѣ перечислялось лишь наличное населеніе, часто дѣйствительная цифра послѣдняго должна превышать свѣдѣнія, сообщаемыя переписью. [2]). Болѣе рѣзкимъ

7154 г., кн. 14732, лл. 1454; 1465 об.; 1474 об. Ср. *Г. Успенскаго*, Опытъ повѣствованія о Русскихъ древностяхъ, ч. II, стр. 203. Регламентъ Главнаго Магистрата, какъ извѣстно, людей, обрѣтавшихся въ наймахъ и черныхъ работахъ, причисляетъ къ подлымъ людямъ, 3-му низшему классу посадскихъ людей. (П. С. З., т. VI, № 3708).

[1]) Къ сожалѣнію, не всѣ писцовыя книги означаютъ это дѣленіе по статьямъ; въ переписныхъ книгахъ оно почти вовсе не встрѣчается.

[2]) См. приложеніе III.

образомъ то же различіе сказывалось въ разныхъ размѣрахъ «животовъ» лучшихъ, середнихъ и молодшихъ людей, хотя соотношеніе этихъ размѣровъ далеко не всегда было однимъ и тѣмъ же не только въ разныхъ областяхъ государства, но и въ разныхъ посадахъ одной той же области. Въ Астрахани лучшіе люди въ 1646 году торговали на суммы отъ 70 до 600 рублей; богатые Усольцы въ 70-хъ годахъ строили дворы по 500—1,000 рублей; въ Двинской землѣ, по увѣренію торговыхъ людей гостинной и суконной сотенъ (вѣроятно, не безпристрастному), въ 1670-хъ годахъ на посадѣ и въ уѣздѣ было много богатыхъ людей, изъ которыхъ не малое число было «прожиточнѣе» гостинной и суконной сотни. Встрѣчаются изрѣдка и болѣе опредѣленныя указанія. Такъ напр., въ Дмитровѣ, въ 1624 году, молодшіе люди имѣли обыкновенно животовъ отъ рубля до пяти, середніе до 10-ти, лучшіе до 20-ти, рублей такъ что «животы» каждаго высшаго разряда были, приблизительно, вдвое болѣе предъидущаго. Въ Тобольскѣ въ 1655 году большинство посадскаго населенія имѣло животовъ «въ дому, промыслахъ и торгахъ» на 2—3—5—10—15 руб.; на 20—100 руб., и трое на 100, 250 и 300 рублей [1]) Неравномѣрность соотношенія лучшаго или средняго двора къ худшему въ разныхъ мѣстностяхъ, при отсутствіи правительственныхъ опредѣленій, направленныхъ къ ея уничтоженію, вела и къ тѣмъ колебаніямъ въ соотношеніи разноразрядныхъ сохъ на посадѣ, которыя мы будемъ имѣть случай отмѣтить ниже.

Рядомъ съ лучшими, середними и молодшими людьми, изъ которыхъ первые встрѣчались далеко не всюду, особенно въ 20-хъ годахъ XVII столѣтія, на посадахъ попадаются еще, сверхъ того, мелкіе разряды съ случайнымъ непостояннымъ характеромъ. Такъ напр., въ Нижнемъ Новгородѣ существовало слѣдующее дѣленіе тяг-

[1]) А. И., т. IV, № 18; т. V, № 8. Доп. къ А. И., т. VI, № 134. Временникъ М. О. И. и Д., т. XXIV, Смѣсь, стр. 24. *Тобольскъ*, Матер. для исторіи города, стр. 35—42. Въ Городцѣ въ 1625 г. встрѣчаются середніе люди, у которыхъ животовъ имѣется на 20 рублей. Памят. кн. Тверской губ. на 1863 г., отд. IV, стр. 20. Огороды посадскихъ тяглецовъ были больше бобыльскихъ, напр. въ Шуѣ и Юрьевѣ Повольскомъ, приблизительно, въ два раза. (*А. Лаппо-Данилевскій*, О величинѣ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ древнерусскаго города въ Зап. Археолог. Общ., Нов. сер., т. III, стр. 307—316). То же отчасти можно наблюдать и по отношенію къ огородамъ добрыхъ и молодшихъ людей. За безчестье посадскаго «торговаго» (т. е. лучшаго) человѣка по судной грамотѣ Устюжны Желѣзнопольской 1614 г. бралось 5 руб; за безчестье чернаго, молодшаго—всего рубль. (А. Э., т. III, № 36).

лаго населенія: 1) дворы лучшихъ людей, которые торговали большими свальными товарами и на низъ ходили судами; 2) дворы середнихъ людей; 3) дворы молодшихъ людей вмѣстѣ съ тѣми, которые жили на благовѣщенской землѣ, а тягло тянули и всякія подати платили съ посадскими людьми вмѣстѣ; 4) дворы худыхъ людей вмѣстѣ съ тѣми, что жили въ Кунавинской слободѣ дворишками и избами. Кромѣ середнихъ и молодшихъ людей въ Вязьмѣ въ 1630 году жили молодшіе убогіе и молодшіе самые бѣдные, хотя все же тяглые; въ Муромѣ въ 1636 году худые и самые худые, кромѣ бобылей [1]).

Всѣ эти разряды тяглаго посадскаго населенія были дѣленіями не только мѣстными, общинными, но и финансовыми, государственными. Различіе въ хозяйственномъ положеніи разныхъ лицъ, конечно, выработывалось мѣстною жизнью, но ближайшее ихъ опредѣленіе въ каждомъ данномъ случаѣ совершалось подъ вліяніемъ тяглыхъ интересовъ и побуждало ко введенію поразрядная налога. Вотъ почему эти разряды населенія заносились въ писцовыя книги, имѣвшія государственное значеніе; населеніе хотя и жило слободами, приходами, сотнями, въ которыхъ лучшій человѣкъ владѣлъ своимъ дворомъ рядомъ съ середнимъ или молодшимъ, признавало при разверсткѣ поразрядное дѣленіе, такъ что въ предѣлахъ каждаго разряда окладъ иногда производился особымъ выборнымъ окладчикомъ [2]).

Такъ какъ эти разряды посадскихъ тяглыхъ людей не имѣли имъ однимъ свойственныхъ опредѣленныхъ правъ, то естественно, что переходъ отъ одного состоянія къ другому совершался безъ всякихъ затрудненій и что даже въ предѣлахъ одной семьи мы встрѣчаемъ лицъ разныхъ состояній. Обѣднѣвшій средній человѣкъ становился худымъ Такъ напр., на Бѣлоозерѣ въ 1618 году стоялъ дворъ пустъ посадскаго человѣка Третьяка Бурдукова, который торговалъ въ лавкѣ мелкимъ товаромъ, животомъ былъ середній Третьячко, однако, умеръ въ 123 году, а сынъ его Павликъ сталъ жить на осадномъ дворѣ и заниматься торговлей въ лавкѣ мелкимъ товаромъ, но «животомъ» былъ уже не среднимъ, а худымъ. Родственники, жившіе одною семьей, тѣмъ не менѣе, иног-

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Нижняго Новгорода 7129 — 131 г., кн. 295, л. 353 и слѣд. Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Мурома 7142 г., QIV, № 231. Румянцевскій музей, Опись г. Вязьмы 7138 года, № 309 (общей нумераціи. Ср. *А. Востокова*, Описаніе, № 309). Въ сущности, это не опись, а вѣроятно, сотная выпись.

[2]) А. И., т. V, № 77.

да принадлежали къ разнымъ состояніямъ. Такъ, во Владимірѣ записанъ былъ въ 1625 году дворъ Терешки Логинова сына съ племянникомъ съ Наумкомъ Мотоваловымъ, изъ которыхъ первый означенъ середнимъ, второй—бобылемъ. Или въ Архангельскѣ встрѣчаемъ, напримѣръ, дворъ посадскаго человѣка Ѳедьки Степанова сына Бакумова середняго; у него же живутъ два племянника—люди молодшіе [1]).

Посадская тяглая община, подобно волостной, крестьянской, не могла постоянно сохранять единообразный, наличный составъ. Это единообразіе нарушалось частью вышеуказанными перемѣнами, происходившими въ предѣлахъ самой общины, частью поступленіемъ въ ея среду новыхъ лицъ или выходомъ старыхъ.

Поступившій въ общину прежде всего долженъ былъ, конечно, получить участокъ земли, на которомъ могъ бы устроить свое хозяйство. Участки выдавались или мѣстною приказною администраціей, или мѣстными выборными земскими старостами. Выдача эта закрѣплялась юридическимъ актомъ, данной, ближайшій характеръ которой опредѣлить довольно трудно въ виду малаго количества сохранившихся отъ XVII вѣка подобнаго рода памятниковъ. Судя по извѣстнымъ примѣрамъ, въ нихъ означалось сперва имя выдавшаго (напр , воеводы и подьячаго), затѣмъ имя получавшаго участокъ, опредѣлялись мѣстоположеніе и величина послѣдняго; размѣры и продолжительность льготы, если она выдавалась, обязанности тяглеца, состоявшія въ службѣ (по земскимъ выборамъ) и уплатѣ тягла съ посадскими людьми вмѣстѣ. Данная заканчивалась рукоприкладствомъ выдавшаго [2]).

Поступая въ общину, новоприбылой жилецъ тѣмъ самымъ вступалъ въ извѣстныя отношенія къ посадскимъ людямъ. Главнымъ опредѣляющимъ началомъ этихъ отношеній было тягло. Слѣдовательно, и поступленіе новаго члена фактически выражалось егоучастіемъ въ уплатѣ, развертскѣ и сборахъ податей, а также въ отправленіи мѣст-

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, л. 97 об. Писц. кн. г. Архангельска, кн. 9, лл. 23, 24. Спб. Духов. Акад. Дозор. кн. г. Бѣлоозера. Кир. библ. № 79/1318, л. 60. Въ Сольвычегодскѣ встрѣчаемъ въ 1625 г. нетяглаго попа, у котораго 2 сына записаны въ статью середнихъ посадскихъ людей. Имп. Публ. Библ. FIV, № 497, л. 20 об.

[2]) Несмотря на нѣкоторое знакомство съ печатными и рукописными источниками этого времени, мы до сихъ поръ почти не встрѣчали данныхъ на дворовыя мѣста собственно посадскимъ людямъ. А. о. до Ю. Б., т. I, № 64. *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 59.

ныхъ повинностей Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ появленіемъ новаго жилаго двора на посадѣ, увеличивалась и сумма налоговъ, падавшихъ на посадскую общину. Но выгодъ отъ такого рода увеличенія сама община не получала никакихъ; напротивъ, она легко могла потерпѣть изъ за него, ибо вновь прибылой могъ оказаться неисправнымъ плательщикомъ и оставить уплату своихъ недоимокъ и слѣдуемаго съ него тягла на плечахъ своихъ сосѣдей. Отсюда возникали безпорядки и убытки не только для общины, но и для казны. Интересы послѣдней естественно приводили правительство къ наложенію на посадскую общину отвѣтственности въ поступленіи новаго члена, а такая отвѣтственность вызывала со стороны общины мѣры предосторожности, которыя состояли въ требованіи со стороны вновь поступавшаго гарантій въ надежности его платежныхъ способностей. Лучшею гарантіей естественно признавалось свидѣтельство самихъ членовъ общины; оно и выдавалось въ видѣ такъ называемыхъ поручныхъ записей. Но поручительство налагало тяжелую отвѣтственность на поручителей и посадскіе люди далеко не всегда принимали его на себя. Между тѣмъ, поступленіе новаго плательщика, налогоспособность котораго гарантирована была самою общиной, выгодно было правительству. Вотъ почему порука иногда совершалась по приказу мѣстной администраціи. Такъ напр., Углечане, посадскіе люди, ручались въ 1640 году по Игнатьѣ Максимовѣ Шапошникѣ въ его житьѣ на посадѣ по царскому указу и приказу углицкаго губнаго старосты Павла Ракова. Суздальцы ручались по новоприбылымъ въ 1649 году по приказу Василія Ивановича Колычева [1]).

Число поручителей бывало разнообразнымъ. Въ однихъ случаяхъ встрѣчается 1—2, въ другихъ до 15—20 и болѣе поручителей, какъ то бывало, напр., въ Суздалѣ или Муромѣ. Но такъ какъ посадскихъ людей было, обыкновенно, весьма немного, то каждому изъ нихъ единовременно приходилось поручаться по разнымъ своимъ товарищамъ [2]). Хотя поручители, обыкновенно, бы-

---

[1]) А. Ю., № 304, Ш. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7157 г., № 119. Списки съ поручныхъ записей Суздальскихъ людей. *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 54.

[2]) Въ Суздалѣ въ 1649 г. (судя по только что приведеннымъ поручнымъ записямъ въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ) встрѣчаемъ слѣдующіе примѣры:

Дружина Семеновъ (Шиповъ?) поручается по А. Тимоѳеевѣ, О. Тимоѳеевѣ съ племянникомъ, И. Артемьевѣ съ сыномъ, Дружинѣ Романовѣ съ дѣтьми, Л. Савельевѣ. *Василій Ивановъ*—по А. Тимоѳеевѣ, О. Тимоѳеевѣ съ

вали изъ числа посадскихъ людей, но они могли, однако, принадлежать и къ другимъ классамъ мѣстнаго населенія, иногда даже не входили въ составъ самой тяглой общины. Такъ, по поступавшимъ на Тихвинскій посадъ въ 1630 году въ числѣ прочихъ поручителей изъ посадскихъ людей ручался въ одномъ случаѣ крестьянинъ Тихвинскаго монастыря, въ другомъ Преображенскій священникъ. Что данные примѣры не являются результатомъ зависимости посада отъ Тихвинскаго монастыря доказывается другими случаями. Въ числѣ 297 поручителей, поручившихся по 32-мъ новоприбылымъ тяглецамъ въ Муромѣ въ 1636 году, находимъ, кромѣ посадскихъ людей, крестьянъ, церковныхъ бобылей, гостей, поповъ, дворниковъ, ямщика, пушкаря, житничнаго сторожа [1]).

Рядомъ съ этимъ явленіемъ встрѣчается другое, правда, чрезвычайно рѣдкое, можетъ быть, потому, что мы вообще примѣровъ поручительства знаемъ довольно мало. Мы разумѣемъ тотъ любопытный фактъ, что поступавшій на посадъ, если былъ ремесленникомъ, находилъ себѣ поручителей, главнымъ образомъ, среди тѣхъ посадскихъ людей, которые занимались тѣмъ же ремесломъ, какъ и онъ самъ. Такъ напр., въ Коломнѣ въ 1623 году селится на посадѣ Ивашко Кириловъ сынъ мясникъ. Изъ 7 его поручителей трое—мясники. Или поступаетъ въ посадскіе выходецъ изъ Мосальска Мишка Ѳеонасьевъ, «дѣлаетъ кузнешное дѣло»; изъ пяти его поручителей—четверо занимаются тѣмъ же ремесломъ [2]).

Далеко не всѣ лица, подлежавшія поручительству, можно назвать новоприбылыми въ узкомъ смыслѣ этого слова. Поручныя записи брались не только по новоприбылымъ изъ вольныхъ людей,

---

племянникомъ, И. Артемьевѣ съ сыномъ, Д. Романовѣ съ дѣтьми, Д. Семеновѣ (Шиповѣ), Л. Савельевѣ. *Дружина Романовъ*—по А. Тимоѳеевѣ, А. Тимоѳеевѣ съ племянникомъ, И. Артемьевѣ съ сыномъ, Д. Семеновѣ (Шиповѣ), Л. Савельевѣ. *Л. Савельевъ*—по А. Тимоѳеевѣ, О. Тимоѳеевѣ съ племянникомъ, И. Артемьевѣ, Д. Романовѣ съ дѣтьми, Д. Семеновѣ и т. д. — Но *Игнатій Бакшинъ* ручается по И. Биринѣ, И. Екимовѣ (каменьщикѣ), И. Семеновѣ (Шиповѣ). *П. Ососовъ*—по И. Семеновѣ (Шиповѣ) и т. д.—На этомъ основаніи можно предполагать, что поручительство ложилось на тяглецовъ, какъ бы неравномѣрными кругами, которые болѣе или менѣе входили другъ въ друга, причемъ окружность каждаго изъ нихъ была менѣе значительною, чѣмъ предѣлы самой общины, и поэтому не совпадала съ послѣдними.

[1]) А. Ю., № 304, I—IV. Имп. Пуб. Библ., Писц. кн. г. Мурома 7142г., QIV, № 231, лл. 326—349. Срав. прим. 1 на стр. 128 и слѣд. прим.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи. Писц. кн. г. Коломны 7131 г., кн. 201, лл. 121 122—129.

но и по возвращавшимся на старину посадскимъ людямъ, т. е. по тѣмъ, которые, проживъ нѣкоторое время въ чужихъ краяхъ, вновь приходили на прежнее мѣсто жительства. Такое возвращеніе могло быть произвольнымъ или вынужденнымъ. Такъ, Углечане въ 1640 году ручались по старожильцѣ, вѣроятно, возвратившемся въ Угличъ; въ Муромѣ писцы вывезли многихъ закладчиковъ на прежнія мѣста и требовали по нимъ поручныхъ. Такое же поручительство требовалось при отдѣленіи сына отъ отца, слѣдовательно, вообще по всякомъ лицѣ, которое вступало въ члены посадской тяглой общины, какъ самостоятельный хозяинъ. Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда поступавшій селился при чужомъ хозяйствѣ, все же иногда требовалась поручная. Такъ напр., Муромцу, посадскому человѣку Герасиму Устинову, который пять лѣтъ «бродилъ межъ дворъ», писцы велѣли жить съ братомъ, «а тягла ему платить опричь брата съ полуденьги», причемъ поручителями были гостинной сотни торговый человѣкъ, 10 посадскихъ и 1 крестьянинъ Спасскаго монастыря. Наконецъ, брались поручныя и по временно отлучавшимся съ посада въ томъ, что они вновь возвратятся. Впрочемъ, примѣры подобнаго рода извѣстны намъ лишь отъ позднѣйшаго времени [1]) Такимъ образомъ, поручительство требовалось по всякомъ вновь поступавшемъ тяглецѣ даже въ томъ случаѣ, когда онъ лишь на время отлучался изъ дому.

Новоприбылымъ не всегда выдавался участокъ подъ дворъ. Иногда прежнія пустыя мѣста служили для той же цѣли, причемъ если вновь поступавшій имѣлъ какія-либо наслѣдственныя права на владѣніе тѣмъ или другимъ участкомъ, то они принимались во вниманіе. Такъ, въ Муромѣ въ 1636 году вывезенъ былъ бобыль изъ-за церкви Николы Зарядьемъ; на жительство ему назначенъ былъ прежній дворъ его отца. Въ другихъ случаяхъ, если новоприбылой не имѣлъ достаточныхъ средствъ для того, чтобы сразу обзавестись хозяйствомъ, его помѣщали на чужомъ дворѣ. Въ томъ же Муромѣ писцы велѣли жить на посадѣ бывшему дворнику служилаго человѣка Раулова, причемъ приказано было «жити ему у посадскихъ людей, у кого онъ похочетъ». Наоборотъ, когда новый жилецъ имѣлъ нѣкоторыя средства, что, впрочемъ, случалось довольно рѣдко, онъ самъ покупалъ себѣ дворъ. Такъ, одинъ изъ новоприбылыхъ въ Коломнѣ въ 1623 году Аѳонька Ларіоновъ

[1]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Мурома 7142 г., QIV, № 231. *Зарайскъ*, Матер для истор. гор., стр. 14.

Карнауховъ, олешинецъ, купилъ дворъ у посадскаго человѣка у Ѳедьки Кочюрова. Другой подобный примѣръ встрѣчаемъ въ той же Коломнѣ, одинъ въ Муромѣ [1]).

Кромѣ поручителей и новоприбылыхъ, слѣдуетъ указать и на лицъ, которымъ поручители ручались по новоприбылымъ. Таковыми, повидимому, были, обыкновенно, приставы, пушкари, стрѣльцы. На Тихвинскомъ посадѣ съ тѣмъ же значеніемъ встрѣчаемъ самаго архимандрита монастыря, казначея, монастырскихъ слугъ или приказнаго человѣка монастыря [2]).

Самое поручительство, какъ извѣстно, закрѣплялось юридическимъ актомъ, поручною записью. Содержаніе поручныхъ было довольно однообразнымъ, сперва означались имена поручителей, затѣмъ слѣдовало имя отдаваемаго на поруки и означались его обязанности. Эти обязанности состояли въ томъ, чтобы жить своимъ дворомъ, въ службахъ государевыхъ сидѣть, тягло тянуть съ посадскими людьми въ рядъ и все издѣліе дѣлать, «отъ тягла не отиматца», табаку и вина не держать, зернью не играть и развратомъ не заниматься. Въ случаѣ невыполненія этихъ обязанностей, отвѣтственность падала на наличныхъ поручителей, которые выплачивали за новоприбылаго пеню, службы служили, тягло тянули и вообще отвѣчали своими, «порутчиковыми головами въ его голову мѣсто». Поручная заключалась означеніемъ времени ея составленія, иногда рукоприкладствомъ поручителей, рѣже самого новоприбылаго и чаще подписью послуховъ, которые, однако, не всегда присутствовали при совершеніи записи. Поручители и послухи могли и не всѣ приложить руку къ совершаемому акту. Въ такихъ случаяхъ подпись первыхъ замѣнялась иногда рукоприкладствомъ отца духовнаго. Поручныя записи хранились въ земской избѣ у земскаго старосты, а списки съ этихъ записей передавались воеводѣ въ съѣзжую избу [3]).

Кромѣ поступленія новыхъ лицъ на посадъ, составъ тяглой общины постоянно измѣнялся подъ вліяніемъ выхода членовъ изъ ея среды. Такой выходъ происходилъ путемъ обнищанія тяглеца,

---

[1]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Мурома 7142 г., QIV, № 231, л. 360 и др. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Коломны 7131 г., кн. 201, лл. 125, 126.

[2]) Ср. прим. 1 на стр. 128.

[3]) Описаніе Троицкаго Даниловскаго монастыря, М., 1832 г., стр. 97, № XII. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Юрьева Повольскаго 7130 г., кн. 913, л. 4. *Рязань*, Матер. для истор гор., стр. 32. *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 50. П. С. З., т. II, № 1161. Поручныя записи, бывшія у старостъ конюшенныхъ слободъ, нужно было приносить къ запискѣ въ книгу Конюшеннаго приказа.

который становился охудалымъ, нетяглымъ, путемъ изгнанія самою общиной неблагонадежнаго члена или простаго бѣгства. Перваго рода выходъ считался, конечно, законнымъ и записывался писцами какъ всѣми признанный фактъ. Такъ напр., въ Торжкѣ въ 1625 году записанъ былъ дворъ Ѳедьки Степанова сына «бывалъ въ тяглѣ, а нынѣ обнищалъ, дряхлъ, ходитъ по міру»; или «дворъ, бывалъ посадскаго человѣка Ивашки Павлова, а нынѣ обнищалъ, бродитъ межъ дворъ» [1]). Такихъ нетяглыхъ обнищалыхъ дворовъ мы встрѣчаемъ множество въ разныхъ городахъ Московскаго государства, особенно за первыя 10 лѣтъ правленія царя Михаила. Но иногда членъ общины, не будучи нищимъ, оказывался тѣмъ не менѣе неблагонадежнымъ или неисправнымъ плательщикомъ. Въ такомъ случаѣ община иногда сама его выключала, испрашивая на то разрѣшеніе отъ правительства. Такъ напр., въ Городцѣ въ 1625 году подлѣ тюрьмы и сторожевой избы находился дворъ Ивашки Жердева; старосты и выборные люди отказались, однако, дать писцамъ свѣдѣнія про его животы и промыселъ на томъ основаніи, что онъ съ ними государева тягла не тянетъ и впредь ему съ ними тягла тянуть не мочно, «потому что они, посадскіе люди, въ его воровствѣ на него Государю челомъ бьютъ» [2]).

Такіе способы выключенія нищихъ или неблагонадежныхъ членовъ практиковались самою общиной. Но бывали случаи, когда тяглецы сами порывали свои отношенія къ общинѣ, и произвольно покидали свои мѣста жительства для того, чтобы искать новыхъ, болѣе благопріятныхъ условій жизни. Эти переселенія продолжались въ теченіе всего XVII вѣка, хотя и подвергались все болѣе и болѣе строгимъ ограниченіямъ со стороны правительства.

Припоминая все вышесказанное о посадской общинѣ, не трудно будетъ прійти къ заключенію, что она сплачивалась и сознавала свое единство, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ тяглыхъ интересовъ и что различія, возникавшія между ея членами въ хозяйственномъ отношеніи, получали дальнѣйшее опредѣленіе въ разнообразіи ихъ податныхъ обязанностей.

3. Вліяніе правительства на составъ тяглой общины.

Всѣ вышеприведенные выводы о составѣ сельской и посадской тяглой общины показываютъ, что и та, и другая пользовались

[1]) Памят. кн. Тверской губ. на 1865 г., Писц. кн. г. Торжка 7133 г., стр. 15.

[2]) Памят. кн. Тверской губ. на 1863 г., Сотная съ писц. кн. г. Городца 7135 года, отд. IV, стр. 4. Москвитянинъ, 1851 г., кн. V, стр. 530.

довольно значительною самостоятельностью, не достигавшей, однако, полнаго развитія. Это развитіе ограничено было вліяніемъ правительства, которое не могло согласить его съ интересами казны, примирить его съ характеромъ установившейся податной системы. Вопросъ объ измѣненіи хозяйственнаго положенія тяглецовъ въ предѣлахъ общины мало интересовалъ правительство, потому что такія измѣненія лишь чрезъ значительные промежутки времени нѣсколько вліяли на размѣры окладной суммы, падавшей на цѣлую общину, но близко касались каждаго изъ членовъ даннаго тяглаго союза. Вотъ почему въ такого рода вопросахъ главное значеніе сохранила за собой община Но поступленіе новыхъ тяглецовъ и, еще болѣе, выходъ изъ общины старыхъ прямо затрогивали интересы правительства, которое нерѣдко въ первомъ случаѣ могло повысить, во второмъ—принуждено было понизить окладную сумму и, такимъ образомъ, отступало отъ основныхъ началъ репартиціонной системы налоговъ, раскладываемыхъ на долгіе промежутки времени. Поэтому оно старалось вліять на тяглую общину въ томъ и другомъ направленіи.

Проводникомъ перваго рода стремленій былъ, обыкновенно, воевода. Воеводы выдавали тяглые участки въ уѣздѣ вновь поселявшимся крестьянамъ, какъ это дѣлали, напр., воеводы Нижегородскій, Тобольскій, Кузнецкій [1]). Казанскіе воеводы въ 1615 году переводили дворцовыхъ крестьянъ съ одной земли на другую, на что жаловались крестьяне [2]). Отдача земли на оброкъ также иногда производилась воеводой [3]) Такимъ образомъ мы можемъ сказать, что, по крайней мѣрѣ въ дворцовыхъ селахъ и черныхъ земляхъ, раздача участковъ въ тягло и изъ оброка могла производиться воеводами, если она въ дворцовыхъ селахъ не принадлежала мѣстному дворцовому прикащику, о чемъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, извѣстный наказъ Новгородскихъ воеводъ прикащику Обонежскихъ дворцовыхъ волостей [4]). Если въ частныхъ хозяйствахъ пустыя выти и раздавались землевладѣльцемъ или его прикащикомъ, то все же поряжавшіеся во крестьяне или бобыли

---

[1]) А. И., т. Ш., № 135. Доп. къ А. И., т. IV, № 134; т. VI, № 14. Р. И. Б., т. VIII, стб. 349 и сл. *Б. Чичеринъ*, Областныя учрежденія, стр. 197.

[2]) А. И., т. Ш, №№ 179, 192, 210. Древніе акты Вятскаго края, № 99.

[3]) Доп. къ А. И., т. V., № 37; т. VIII, № 98. Извѣстія Тамбов. уч. арх. ком., вып XIII, стр. 45—47.

[4]) Доп. къ А. И., т. II, № 167. Записки Отд. Рус. и Слав. Археологіи, т. II, стр. 780—786.

клали порядныя свои съ землевладѣльцемъ передъ воеводой для взиманія пошлинъ, а порядныя записывались въ особую записную книгу порядныхъ во крестьянство, скрѣпленную подписью мѣстнаго дьяка и, вѣроятно, хранившуюся въ съѣзжей избѣ [1]). Еще яснѣе обнаруживается то же значеніе воеводъ на посадѣ. Такъ, мы имѣемъ прямыя извѣстія о томъ, что Новгородскіе, Бѣлозерскіе, Шуйскіе, Нижегородскіе воеводы раздавали пустыя дворовыя и лавочныя мѣста лицамъ, поступавшимъ въ посадскіе тяглецы [2]). Въ силу извѣстныхъ статей Уложенія, воеводы брали на посадъ жителей слободъ. Такъ напр., въ 1646 году воевода Владимірскій стольникъ Петръ Траханіотовъ да дьякъ Артемій Хватовъ взяли на посадъ по государеву указу 30 дворовъ огородниковъ и 59 дворовъ посадскихъ людей, жившихъ за патріархомъ Іоасафомъ [3]). Наконецъ, при поступленіи новыхъ тяглецовъ поручныя записи иногда выдавались по приказанію мѣстной администраціи, какъ напр., въ Угличѣ, гдѣ посадскіе люди поручались по вновь прибывшемъ поселенцѣ въ виду приказанія губнаго старосты, по значенію своему иногда равнаго воеводѣ [4]). Неудивительно поэтому, что однимъ изъ разрядовъ актовъ на право владѣнія дворами были данныя воеводъ. Въ Сольвычегодскѣ, напримѣръ, гдѣ въ 1625 году было 285 посадскихъ дворовъ, 13 хозяевъ владѣли своими дворами по даннымъ воеводы [5]). Наконецъ воеводы (по крайней мѣрѣ въ Сибири) слѣдили также за подраставшимъ поколѣніемъ новыхъ

---

[1]) Намъ извѣстна такая книга по г. Пскову 7144—7152 гг., составленная при воеводахъ: кн. Куракинѣ, Пронскомъ и Ахамашуковѣ-Черкасскомъ въ Арх. Мин. Юстиціи, Вотчинной конторы по г. Пскову кн. № 84/1626. *И. Бѣляевъ* (Крестьяне на Руси, изд. 2, и Акты о крѣпостномъ состояніи въ Россіи въ Арх. Юридич. и Практич. Свѣд. 1859 г., кн. 2) указываетъ на подобныя книги и по г. Новгороду въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[2]) Рус. Историч. Сборн., М., 1837 г., т. I, стр. 79. А. И., т. IV, № 189. *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 54. Костром. губ. вѣд. 1851 г., №№ 40 и 41 (данныя воеводы—монастырю на мѣсто). Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Нижняго-Новгорода 7129—7131 гг., кн. 295, лл. 526—542. Спб. Духов. Акад.. Дозор. кн. г. Бѣлоозера 7126 г., Кир. Библ., № 79/1318. А. Э., т. III, № 52. *Б. Чичеринъ*, Областныя учрежденія, стр. 195.

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн. г. Владиміра 7154 г., кн. 12611, лл. 19 и 26.

[4]) А. Ю., № 304, III.

[5]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Сольвычегодска 7133 г., FIV, № 497, л. 1—78. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Коломны 7132 г., кн. 201, л. 128 об.

тяглецовъ и по смерти родителей или при выдѣлахъ верстали ихъ въ тягло [1]).

Тяглые участки раздавались иногда, кромѣ воеводъ, писцами; изрѣдка они отводились по велѣнію сыщика бѣглецамъ, возвращеннымъ на прежнее мѣсто жительства [2]).

Итакъ, нельзя не признать, что при поступленіи новыхъ тяглецовъ въ общину, правительство получало все болѣе развивавшееся право зачислять въ ея составъ новыя лица по собственному усмотрѣнію и такимъ образомъ сильно подрывало значеніе общины въ этомъ отношеніи Въ позднѣйшее время воеводы даже злоупотребляли данною имъ властью, тѣмъ болѣе, что она все еще оставалась неопредѣленною, насильно верстали разныя лица въ тягло и клали оброки великіе [3]). Но еще большее значеніе пріобрѣло правительство въ вопросѣ о выходѣ тяглецовъ изъ общины, выходѣ, который со времени прикрѣпленія крестьянъ и посадскихъ людей превратился или въ простое бѣгство или въ болѣе тонкіе, но незаконные способы «отбывать тягла».

Если прикрѣпленіе возможно съ одной стороны разсматривать, какъ результатъ все болѣе усиливавшейся экономической зависимости крестьянъ отъ землевладѣльцевъ [4]), закрѣпленной путемъ законодательства, то съ другой — нельзя не видѣть вліянія военныхъ и особенно финансовыхъ соображеній на признаніе такого результата со стороны правительства. Изъ всѣхъ этихъ факторовъ, вызвавшихъ прикрѣпленіе или повліявшихъ на дальнѣйшее его осуществленіе, особенное значеніе имѣютъ для характеристики податной системы: вліяніе финансовыхъ интересовъ правительства на прикрѣпленіе и самый ходъ прикрѣпленія, который являлся какъ бы своего рода коррективомъ правительственнаго оклада. Репартиціонный характеръ податной системы, основанный на долгосрочныхъ переписяхъ, требовалъ, по возможности постояннаго уровня платежныхъ силъ данной мѣстности, по крайней мѣрѣ, въ промежутокъ времени, протекавшій отъ составленія одной пере-

---

[1]) Доп. къ А. И., т. IV, № 92.

[2]) А. Э, т. III. См. ниже, гл. II, § 1.

[3]) А. И., т. V, № 247 (1695 г.).

[4]) А. Э., т. IV, № 14. Въ указахъ 1641 и 1642 годовъ читаемъ: «да на тѣхъ же ихъ (т. е. мелкопомѣстныхъ служилыхъ людей) бѣглыхъ крестьянъ и бобылей, хотя укрѣпити ихъ впредь за собою, имали (сильные люди) на нихъ ссудные записи и всякіе крѣпости въ большихъ ссудѣхъ и въ займѣхъ...» *В. Ключевскій*, Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи въ Русской Мысли за 1885 г., №№ 8—10.

писи до начала другой. Такого рода требованіе возможно было выполнить лишь прикрѣпленіемъ, первоначальный срокъ котораго совпадалъ бы со временемъ составленія важнѣйшей и самой полной, удовлетворительной переписи. Поэтому, если переписи (до переписи 1646 года включительно) не были причиной прикрѣпленія, то онѣ во всякомъ случаѣ должны были повліять на временные сроки прикрѣпленія. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Первый общій указъ о прикрѣпленіи крестьянъ 1597 года установлялъ пятилѣтнюю давность, т. е. давалъ возможность обосновывать иски о бѣглыхъ крестьянахъ на данныхъ писцовыхъ книгъ 1592 г. (7101 г.): второй — 1607 года (хотя и подвергаемый сомнѣнію) принималъ пятнадцатилѣтнюю давность, вѣроятно, потому, что основывался на той же переписи 1592 года, которая съ производствомъ переписей конца 20-хъ годовъ и начала 30-хъ утеряла прежнее значеніе. За то новая перепись 30-хъ годовъ, можетъ быть, доставила возможность лицамъ, заинтересованнымъ въ сокращеніи срока давности, юридически обосновать свои притязанія и вызвать указъ 1642 года, установлявшій пятнадцатилѣтнюю давность для вывезенныхъ насильно и (по прежнему государеву указу) десятилѣтнюю для самовольно бѣжавшихъ крестьянъ. Наконецъ, общая перепись 1646 и слѣдующихъ годовъ повела къ возможности повсемѣстнаго и единовременнаго прикрѣпленія всего тяглаго населенія къ мѣсту жительства, на которомъ засталъ ихъ указъ 1646 года. Этотъ указъ извѣстенъ намъ по писцовому наказу того же года, въ чемъ внѣшнимъ образомъ выразилась внутренняя связь, существовавшая между этою переписью и конечнымъ прикрѣпленіемъ крестьянъ [1]). Другой

[1]) А. И., т. I, № 221, Ш; т. Ш, № 92, XXXIII. *В. Татищевъ*, Судебникъ царя Ивана Васильевича, изд. 1768, стр. 220 — 222. *М. Владимірскій-Будановъ*, Христоматія по Истор. рус. права, вып. Ш, изд. 1-е, стр. 98 и 161 и Обзоръ ист. рус. права, т. I, изд. 1-е, стр. 118. Уложеніе, гл. XI, ст. 1, 3 и 9. — Указъ 1607 (*В. Татищевъ*, Судебникъ, изд. 1768 г., стр. 240—246), можетъ быть, найденъ былъ Татищевымъ въ неисправномъ видѣ или имъ былъ переданъ не совсѣмъ вѣрно, очевидно, невсюду въ подлинныхъ выраженіяхъ. Срокъ давности и роль старѣйшихъ бояръ во время прикрѣпленія—правдоподобны. Важнѣйшій аргументъ въ пользу подложности этого указа—смѣшеніе въ немъ крестьянъ и холоповъ (*И. Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, изд. 2, стр. 103, прим.) — не особенно убѣдителенъ. Не говоря о томъ, что это мѣсто могло быть невѣрно передано Татищевымъ, такое смѣшеніе мы повидимому встрѣчаемъ отчасти и въ указѣ 1642 года по вопросу объ уничтоженіи давности исковъ о холопахъ. Притомъ смѣшеніе крестьянъ и холоповъ на дѣлѣ уже начало обнаруживаться въ первой половинѣ XVII вѣка; въ писцовыхъ книгахъ этого времени можно встрѣтить случаи,

указъ (2-го января 1649 г.), вошедшій въ Уложеніе, подтвердилъ полное закрѣпощеніе крестьянъ, которое теперь коснулось уже не однихъ старинныхъ крестьянъ и крестьянъ-домохозяевъ, но и бобылей и крестьянскихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ [1]).

когда крестьянинъ живетъ во дворѣ помѣщика или вотчинника рядомъ съ его холопами и, наоборотъ, примѣры, когда холопы живутъ на пашнѣ и образуютъ такъ называемыя людскія деревни; позже они начинаютъ даже облагаться податями.—Кромѣ указа 1607 года, были еще частныя распоряженія въ 1615, 1629, 1634, 1637, 1641 и 1647 годахъ, установлявшія десятилѣтнюю и пятнадцатилѣтнюю давность. (А. И., т. III, № 169. Доп. къ А. И., т. III, №№ 32, 33, II. А. Э., т. III, №№ 66, 350, т. IV, № 14). Челобитье дворянъ и дѣтей боярскихъ, которое повело къ изданію указа 1642 года, было, вѣроятно, не первымъ въ этомъ родѣ. (А. Э., т. IV, №№ 14, 350). — Первая статья XI-й главы Уложенія составлена также по челобитью служилыхъ людей, въ числѣ которыхъ высшіе разряды не упомянуты; о ней докладывали составители Уложенія.—Нѣкоторое несоотвѣтствіе между срокомъ давности и временемъ производства переписей справедливо объясняется тѣмъ, что указъ издавался единовременно для всего государства, а перепись длилась иногда нѣсколько лѣтъ. (*М. Владимірскій-Будановъ*, Ibid, вып. III, изд. 1, стр 165, прим. 77). Связь переписи 1646 года съ прикрѣпленіемъ крестьянъ лучше всего выражается словами самаго наказа: «а какъ крестьянъ и бобылей и дворы ихъ перепишутъ, и по тѣмъ переписнымъ книгамъ крестьяне и бобыли и ихъ дѣти, братья, и племянники будутъ крѣпки и безъ урочныхъ лѣтъ...» (А. Э., т. IV, № 14).

[1]) Эти мѣропріятія отразились на характерѣ порядныхъ. Если онѣ еще заключаются, то уже содержатъ условіе, въ силу котораго землевладѣлецъ имѣетъ право взять бѣглаго крестьянина безъ урочныхъ лѣтъ, «гдѣ его съ женою и дѣтьми сыщутъ». А. Ю., №№ 201, 203, III. Впрочемъ, то же условіе иногда встрѣчается до Уложенія въ А. Ю., № 195, II, (1635 г.) и № 196, III, (1634 г.), и, наоборотъ еще въ 1687—1699 гг. встрѣчаемъ порядныя во крестьяне въ вотчины Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго монастыря на 20—30 лѣтъ. (А. У. и Х.Е.—Б., №№ CLXXXVI, CCLXXII, CCLXXIV, CCLXXXIII, CCXC1).— Черносошные крестьяне поморскихъ городовъ не были вполнѣ прикрѣплены, ибо изъ крестьянскихъ дѣтей отъ семей, бобылей и захребетниковъ поморскихъ городовъ призывались поселенцы во вновь устраиваемыя въ Сибири слободы (Доп. къ А. И., т. VI, №№ 1, 89. Ср. *Н. Хлѣбникова*, О вліяніи общества и проч. стр. 259, 275). Но это были правительственныя переселенія, а не свободные переходы —Дворцовые крестьяне, бѣжавшіе къ помѣщикамъ и вотчинникамъ, также возвращались на прежнія мѣста безъ урочныхъ лѣтъ, причемъ съ тѣхъ людей, «за кѣмъ тѣ сошлые крестьяне и бобыли жили», взимались доходы «противъ того, почему они (т. е. крестьяне) платили Великаго Государя доходовъ», когда сидѣли на тяглыхъ участкахъ. (Доп. къ А. И., т. VI, № 56, I). Въ позднѣйшее время, однако, помѣщики и вотчинники не платили пожилаго за бѣглыхъ дворцовыхъ крестьянъ, но и послѣдніе освобождены были отъ уплаты пожилаго за бѣглыхъ помѣщиковъ и вотчинниковыхъ крестьянъ (П. С. З., т. II, №№ 981 и 982). Лишь указомъ 1683 года (7191 г.)

Прикрѣпленіе посадскихъ тяглецовъ развивалось менѣе опредѣленно, чѣмъ прикрѣпленіе крестьянъ Еще незадолго до 1613 года посадскіе люди переходили съ одного посада на другой и такіе переходы признавались правительствомъ [1]). Смутное время увеличило подвижность русскаго населенія; посадскіе люди нерѣдко бѣгали или бродили «межъ дворъ», что иногда наносило значительный ущербъ казнѣ Естественно, поэтому, что уже въ 1613 году правительство возвращало въ Москву бѣглыхъ посадскихъ Соборомъ 1619 года та же мѣра признана была законною и относительно другихъ городовъ. Наконецъ, послѣ сдѣланныхъ въ 1638 и 1642 г. частныхъ распоряженій, не трудно было въ указѣ 1648 года перейти къ обязательному возвращенію на прежнее мѣсто жительства всѣхъ посадскихъ людей съ 1613 года, за исключеніемъ развѣ посадскихъ людей, которые «ожились» на Москвѣ, или московскихъ чернослобожанъ, поселившихся въ городахъ, и въ Уложеніи окончательно прикрѣпить посадское населеніе [2]).

Такимъ образомъ, Уложеніемъ окончательно завершился процессъ прикрѣпленія сельскихъ и посадскихъ тяглецовъ законодательнымъ путемъ [3]). Цѣлый рядъ статей Уложенія затрудняетъ вольный переходъ крестьянъ. Стремясь возбудить въ землевладѣльцахъ энергичное преслѣдованіе бѣглецовъ судебнымъ порядкомъ, оно запрещаетъ возвращать бѣглыхъ крестьянъ долго не искавшему по нихъ помѣщику или вотчиннику, доставляетъ возможность такого преслѣдованія (главнымъ образомъ на основаніи писцовыхъ и переписныхъ книгъ) и принуждаетъ принявшаго ихъ хозяина возвращать всѣхъ бѣглыхъ крестьянъ прежнему ихъ владѣльцу; далѣе оно требуетъ возвращенія на прежнее мѣсто жительства бѣжавшей подговоренной дѣвки вмѣстѣ съ мужемъ, дочери бѣжавшихъ родителей, вышедшей замужъ во время бѣговъ, съ мужемъ, наконецъ

постановлено было, чтобы дворцовые прикащики или деревни, принявшія бѣглаго по мимо прикащика, платили зажилыя деньги. (П. С. З., т. II, № 998, ст. 4) Въ случаѣ выхода крестьянъ изъ пожалованныхъ въ помѣстье дворцовыхъ селъ до отказа послѣднихъ въ частное владѣніе, бѣглецы не возвращались новому помѣщику. (П. С. З., т. II, № 708). За бѣглыхъ крестьянъ черныхъ волостей съ (помѣщиковъ и) вотчинниковъ взималось пожилое. Доп. къ А. И., т. III, №№ 32, 33.

[1]) Дворцов. Разряд. т. I, стб. 1174. С Г. Г. и Д., т. III, № 47. Ср. *И. Иванова*, Описаніе Разряднаго Архива. Прилож. стр. 301 — 304. А. Э., т. III, №№ 105, 279; т. IV, №№ 32, I; 35; 36. Уложеніе, Гл. XIX, ст. 19 и 20.

[2]) Доп. къ А. И., т. II, № 153. А. Э., т. III, №№ 55, 279, 311.

[3]) См. приложеніе III.

бѣглой вдовы съ новымъ мужемъ, къ которому она сбѣжала, вмѣстѣ со всѣми дѣтьми и животами. Впрочемъ, въ этихъ трехъ случаяхъ дѣти, прижитыя мужемъ бѣглянки до вступленія его въ бракъ съ послѣднею, не считались бѣглыми. Какъ видно, всѣ эти мѣры клонились не въ пользу лица, рѣшившагося принять бѣглыхъ крестьянъ Строгость ихъ обнаруживалась еще яснѣе въ извѣстныхъ постановленіяхъ объ уплатѣ принявшимъ бѣглаго крестьянина за каждый годъ его проживанія за государевы подати и помѣщиковъ доходъ—десятирублевой пени [1]), объ отказѣ въ искахъ по ссудѣ, данной бѣглому крестьянину принявшимъ его землевладѣльцемъ, и, наконецъ, о наказаніи отвѣтчика за скрытаго имъ отъ законнаго истца бѣглаго крестьянина кнутомъ въ теченіе трехъ дней, затѣмъ годовымъ тюремнымъ заключеніемъ и отказомъ въ судебномъ рѣшеніи какихъ бы то ни было исковъ съ его стороны [2]).

Меньшею строгостью отличаются постановленія Уложенія о переходахъ посадскихъ людей. Оно прикрѣпляетъ ихъ къ мѣсту жительства, гдѣ застало ихъ настоящее мѣропріятіе, признаетъ законнымъ вывозъ изъ уѣзда на посадъ тяглецовъ, бѣжавшихъ во крестьяне или въ холопы, возвращаетъ подговоренную дѣвку тяглаго отца вмѣстѣ съ ея мужемъ и прижитыми съ нимъ дѣтьми [3]) или бѣглыхъ бобылей, поженившихся во время бѣговъ, на прежнее мѣсто жительства, зачисляетъ въ тяглецы зятя тяглеца по мѣсту

---

[1]) Судя по 6-й статьѣ XI главы Уложенія, за бѣглаго крестьянина платилъ налоги не тотъ владѣлецъ, «къ которому крестьянинъ бѣжалъ, а тотъ, изъ за кого онъ вышелъ». (Ср. *И. Соколовскаго* Экономическій бытъ, стр. 181). Но статья 10-я той же главы даетъ право прежнему владѣльцу взять съ новаго десятирублевую пеню, «за государевы подати и помѣщиковы доходы». Такая комбинація, очевидно, направлена къ тому, чтобы вызвать со стороны прежняго владѣльца надзоръ за прикрѣпленными крестьянами и ихъ преслѣдованіе въ случаѣ бѣгства. Ср. П. С. З., т. II, № 1203.

[2]) Уложеніе, гл. XI, ст. 1, 2, 5, 9—12, 15, 17, 23, 27.

[3]) А. Э., т. IV, № 36. Даже въ томъ случаѣ, когда мужъ бѣглянки оказывался кабальнымъ, стариннымъ (не бѣглымъ) человѣкомъ, узаконеніе это все же сохраняло значеніе. Если же мужъ самъ былъ бѣглымъ и женился не по подговору, то возвращался прежнему владѣльцу съ женой и дѣтьми.—Стрѣльцы ни въ какомъ случаѣ по женамъ не выдавались во крестьяне, даже въ томъ случаѣ, когда они были въ отставкѣ. Если жена оказывалась бѣглою и бракъ заключенъ былъ безъ рядной, то стрѣлецъ выплачивалъ зажилыя деньги по 10 рублей въ годъ. Если же рядныя существовали, то деньги велѣно было править съ тѣхъ, кто выдавалъ этихъ женъ за стрѣльцовъ. П. С. З., т. II. № 1003).

жительства послѣдняго и вольнаго человѣка и) его женѣ, вдовѣ умершаго тяглеца [1])

Нельзя не замѣтить, однако, что закрѣпощеніе крестьянъ и посадскихъ людей долгое время продолжало оставаться мѣропріятіемъ, полному осуществленію котораго мѣшала въ значительной степени фактическая возможность перехода тяглеца съ мѣста на мѣсто частью вслѣдствіе вкоренившейся привычки свободнаго перехода, частью же въ виду бѣдственнаго положенія тяглыхъ хозяйствъ, побуждавшаго къ такимъ переходамъ. Поэтому, узаконенія о возвращеніи бѣглыхъ на прежнія мѣста (особенно на окраинахъ) продолжаютъ повторяться, напримѣръ, въ 1658, 1669, 1678, 1683 годахъ [2]).

Дальнѣйшее движеніе законодательства по вопросу о прикрѣпленіи крестьянъ выразилось въ царскихъ указахъ и боярскихъ приговорахъ, разъяснявшихъ и пополнявшихъ Уложеніе. Тотъ рядъ мѣропріятій, которыми облегчались иски о бѣглыхъ крестьянахъ прежнему ихъ владѣльцу и затруднялся ихъ пріемъ у новаго, продолжалъ пополняться новыми распоряженіями. Такъ, Уложеніе не опредѣлило, слѣдуетъ ли принимать иски о бѣглыхъ крестьянахъ, не подтверждаемые подлинными крѣпостными актами? Указъ 1661 года разъяснилъ этотъ вопросъ. Онъ повелѣвалъ въ такихъ случаяхъ разспрашивать бѣглыхъ людей накрѣпко, изъ-за кого они бѣжали, изъ какихъ городовъ и уѣздовъ, причемъ рѣшилъ возвращать ихъ челобитчикамъ, если крестьяне въ распросѣ сами признаются, что принадлежали раньше челобитчику, и отдавать ихъ послѣднему съ роспис憂, а на немъ брать поручную запись въ томъ, что взятый имъ крестьянинъ дѣйствительно ему принад-

[1]) Уложеніе, гл. XIX, ст. 19—20, 22—23, 37 — 38. А. Э., т. IV, № 36. А. И., т. IV, № 29.

[2]) Доп. къ А. И., т. VI, № 19. Еще въ 1670 годахъ продолжались переходы изъ Тотьмы, Устюга Великаго, Ваги, Мезени, Соливычегодской, Яренскаго городка, Сысолы, Кайгородка въ Сибирь. Въ 1670 году мимо Верхотурья проѣхало такихъ переселенцевъ до 2051. Ср. ib., № 56, I. По губернскимъ вѣдомостямъ съ 1719 по 1727 годъ показано было бѣглыхъ не менѣе 198876 человѣкъ, между тѣмъ какъ въ теченіе того же срока въ рекруты поступило 147418 человѣкъ. (П. С. З., т. XI, № 8619. Ср. *И. Кѣппена*, О народныхъ переписяхъ въ Россіи, Спб., 1889 г., стр. 5).

[3]) А. Э., т. IV, №№ 206, 211, 279. А. И., т. IV, № 220; т. V, №№ 32, 108. П. С. З., т. I, № 220. При переписи 1677—78 гг. оказалось множество бѣглыхъ крестьянъ. См., напр., книги бѣглымъ крестьянамъ Ярославскаго уѣзда 1678 г. въ Арх. Мин. Юстиціи, кн. 7780 и 7781, лл. 808—883. *Е. Замысловскій*, Перепис. кн., вып. I.

лежитъ. Впрочемъ, при невозможности получить поручную запись крестьяне выдавались челобитчику и безъ нея; въ такомъ случаѣ достаточнымъ считалось его рукоприкладство къ «отдачѣ», которая записывалась въ спеціально для этого приготовленныя книги. Челобитчикъ, получившій такимъ образомъ бѣглыхъ крестьянъ, долженъ былъ поставить ихъ при спросѣ тамъ, «гдѣ великій Государь укажетъ» [1]). Съ другой стороны, не только подтверждено было узаконеніе о возвращеніи крестьянъ, женившихся на бѣглой вдовѣ или «дѣвкѣ» по мѣсту жительства послѣднихъ и на пространствѣ дворцовыхъ волостей съ уплатой вывода за «дѣвку», но издано и новое положеніе объ отдачѣ во крестьяне по дѣду тѣхъ лицъ, которыя ни за кѣмъ не записаны [2]).

Землевладѣлецъ, принявшій бѣглаго, долженъ былъ возвратить его прежнему владѣльцу на своихъ подводахъ, кромѣ того, передавалъ ему своего крестьянина, «который ему крѣпокъ», а по указу 1661 г. отдавалъ за всякаго бѣглаго по 4 крестьянина съ женами, дѣтьми и хлѣбомъ въ томъ случаѣ, когда онъ, будучи приказнымъ человѣкомъ, владѣлъ помѣстьемъ или вотчиной изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ. Чрезмѣрная строгость этого распоряженія и перепись 1676—1678 годовъ, въ продолженіи которой многіе крестьяне, вѣроятно, возвращены были на прежнія мѣста жительства, вызвали его измѣненіе. Царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ 31 августа 1681 года возстановлена была извѣстная статья Уложенія объ уплатѣ зажилыхъ денегъ; кромѣ того, принявшій бѣглеца землевладѣлецъ долженъ былъ платить по гривнѣ въ день прежнему владѣльцу за его проѣсти и волокиту въ то время, когда онъ начнетъ искъ по бѣгломъ своемъ крестьянинѣ. Послѣ временнаго (двухмѣсячнаго) возстановленія прежняго закона 1661 года, возвратились къ указу 1681 года, но съ нѣкоторыми измѣненіями: зажилыя деньги увеличены были съ 10-ти на 20-ть рублей, которые землевладѣлецъ долженъ былъ уплачивать за каждаго крестьянина, принятаго имъ съ 1662 года. Тѣ же колебанія законодательства повторились въ 1698 году. Сперва вновь возстановленъ былъ указъ 1661 года, но оставленъ въ силѣ и указъ 1681 года, а затѣмъ снова ограничились послѣднимъ. Въ случаѣ несостоятельности пристанодержателя, онъ, по Уложенію, наказывался

[1]) П. С. З., т. I, № 364. Этотъ указъ (13 сентяб. 1661 г.) приведенъ въ наказѣ новгородскому воеводѣ кн. Рѣпнину,

[2]) П. С. З., т. I, №№ 333 и 364. Записанные по дѣду за другимъ землевладѣльцемъ не возвращались на прежнее мѣсто жительства.

кнутомъ. Отвѣтственность въ пристанодержательствѣ бѣглыхъ крестьянъ уже умершимъ помѣщикомъ или вотчинникомъ падала лишь на прямыхъ наслѣдниковъ; жившіе съ нимъ въ раздѣлѣ въ такомъ случаѣ зажилыхъ денегъ не платили [1]). Гораздо тяжелѣе была отвѣтственность приказныхъ людей и земскихъ властей въ пріемѣ бѣглыхъ крестьянъ. Прикащики дворцовыхъ селъ и частныхъ вотчинъ и помѣстій за пріемъ бѣглаго крестьянина безъ вѣдома землевладѣльца подвергались по указамъ 1658 и 1661 годовъ, наказанію кнутомъ, наказанію, которое въ 1662 году усилено было годовымъ тюремнымъ заключеніемъ, а въ 1667 году угрозой отдать самого прикащика или старосту во крестьянство. Впрочемъ, наказаніе прикащиковъ кнутомъ было «отставлено» въ 1683 году. Только въ томъ случаѣ, когда крестьянинъ былъ принятъ по приказанію помѣщика или вотчинника и когда прикащикъ могъ представить удостовѣрявшія въ томъ грамотку или подписную челобитную, онъ освобождался отъ отвѣтственности, которая падала на самого землевладѣльца.—Посадскіе, земскіе и ямскіе старосты тѣми же указами 1658, 1661 и 1662 года подвергались наказанію кнутомъ. Еще строже были мѣры въ городахъ, пограничныхъ съ Сибирью, куда особенно часто стремились бѣглецы. Такъ, въ указѣ 1683 года Чердынскому и Верхотурскому воеводѣ мы встрѣчаемъ угрозу смертною казнью приказнымъ и всякихъ чиновъ людямъ, которые примутъ бѣглыхъ крестьянъ. Наконецъ, самимъ бѣглецамъ, по указу 1658 года, грозила смертная казнь; болѣе обыкновеннымъ, однако, было наказаніе кнутомъ, батогами по принципу групповой отвѣтственности и, при отсутствіи поручителей, тюремнымъ заключеніемъ самихъ бѣглецовъ или ихъ женъ и дѣтей, послѣ сыска, но до времени востребованія ихъ прежними владѣльцами [2]).

Строгое примѣненіе всѣхъ вышеприведенныхъ узаконеній иногда слишкомъ явно противорѣчило государственнымъ интересамъ или выгодамъ населенія и самого Государя, какъ частнаго землевладѣльца, для того, чтобы постоянно оставаться неизмѣннымъ.

Перваго рода противорѣчія встрѣчались, напримѣръ, въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣглецъ попадалъ въ даточные люди случайно

[1]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 108. (Дополнит. статьи къ Уложенію, ст. 24). П. С. З., т. I, № 364; т. II, № 891, 972, 985 и 998, ст. 5, 7, 11 и 19; т. III, № 1623.

[2]) П. С. З., т. I, №№ 220, 307, 364; т. II, №№ 972 и 998, ст. 4. Доп. къ А И., т. IV № 48.

оезъ всякихъ злоупотребленій съ его стороны или со стороны земле-владѣльца. Въ такихъ случаяхъ правительство считало наиболѣе удобнымъ не подвергать его преслѣдованію во время службы, «люди» (холопы и крестьяне), которымъ велѣно было быть на государевой службѣ за поруками получали отсрочку отъ правежа въ зажилыхъ деньгахъ и сносныхъ животахъ. Судя по позднѣйшему указу, даточный изъ бѣглыхъ возвращался законному своему владѣльцу лишь при замѣнѣ его новымъ [1]).

Другой рядъ исключеній сдѣланъ былъ въ пользу лицъ, для которыхъ необходимъ былъ временный переходъ въ виду промышленныхъ или торговыхъ цѣлей. Но воеводы и приказные люди принимали пришлыхъ людей лишь съ отпускными; для пытанныхъ, хотя и не казненыхъ людей существовали нѣкоторыя ограниченія: въ своемъ селѣ или деревнѣ они должны были дать по себѣ поруку въ томъ, что опять «будутъ на старину» и въ противномъ случаѣ не имѣли возможности сойти съ прежняго жилья хотя бы на время [2]). На мѣстное населеніе также падали довольно тяжелыя полицейскія обязанности въ этомъ отношеніи. Въ Москвѣ, напримѣръ, куда сходилось множество разнороднаго люда, велѣно было тѣмъ хозяевамъ, «у кого объявятся пришлые и гулящіе люди по тѣхъ людехъ сбирать поручныя записи»; въ случаѣ же «за скудостью» поручныхъ собрать будетъ нельзя, нужно было такихъ людей записывать въ Земскомъ приказѣ. Надзоръ за исправнымъ выполненіемъ этого постановленія, повидимому, порученъ былъ объѣзжимъ головамъ. Такіе же порядки существовали и въ другихъ городахъ, разумѣется, не безъ кое-какихъ измѣненій. Для того, чтобы пришлые люди подолгу не живали въ чужомъ городѣ и бѣглымъ, пришлымъ людямъ пристанища не было, дворовладѣльцы, къ

---

[1]) П. С. З., т. I, №№ 350, 364; т. II; № 998, ст. 12, 16. Постановленіе указа 1662 года о томъ, что «изъ полковъ тѣхъ бѣглыхъ даточныхъ велѣлъ Великій Государь отдавать тѣмъ людямъ, чьи они были» не противорѣчитъ указу 1661 года, ибо, вѣроятно, означаетъ лишь то, что даточные люди, признанные бѣглыми, не возвращались новымъ своимъ владѣльцамъ, а прямо передавались старымъ.—Замѣчательный случай освобожденія на волю кабальныхъ и полонныхъ людей боярина, дворецкаго и оружейничаго Б. М. Хитрово по его заручной челобитной, людей, которые жили за нимъ во крестьянствѣ по ссуднымъ записямъ въ родовыхъ и выслуженныхъ его помѣстьяхъ и вотчинахъ, и которые крестьянскими дѣтьми взяты были во дворъ, велѣно было «впредь никому въ образецъ и на примѣръ не ставить». (Доп. къ А. И., т. VIII. № 108. Дополнит. стат. 24).

[2]) П. С. З., т. I., № 441, ст. 25. А. Э., т. IV, № 101.

которымъ пріѣзжали чужіе люди для торговыхъ своихъ промысловъ и для иныхъ какихъ дѣлъ на малое время къ сродникамъ или знакомцамъ, должны были о пріѣздѣ ихъ заявить въ приказной избѣ, пріѣзжіе также обязательно являлись къ воеводѣ Послѣдній разспрашивалъ каждаго пріѣзжаго о томъ, какъ зовутъ его по имени, отчеству и прозвищу, изъ какихъ городовъ къ кому для какого дѣла и на сколько дней онъ пріѣхалъ или пришелъ, досматривалъ у него данныя ему воеводами и приказными людьми проѣзжія памяти и разспрашивалъ тѣхъ людей къ кому они пріѣхали, знаютъ ли они тѣхъ прихожихъ и пріѣзжихъ людей и добрые ли они люди и для чего они къ нимъ пріѣхали. Если досмотръ и распросы оказывались удовлетворительными, воевода давалъ позволеніе пріѣзжему оставаться въ городѣ указные дни «противъ воеводскихъ отписокъ и проѣзжихъ памятей» и число дней, проведенныхъ имъ въ городѣ, записывалъ въ книги для вѣдома, а послѣ указнаго срока отсылалъ его обратно въ тѣ города, откуда кто пріѣхалъ или пришелъ. Пристанодержательство безъ заявленій о томъ воеводѣ наказывалось торговою казнью, кнутомъ, а въ позднѣйшее время довольно крупными денежными пенями, которыя для несостоятельныхъ замѣнялись ссылкой въ понизовые города и даже Сибирь [2]). Всѣ эти предосторожности должны были соблюдаться не только на посадѣ, но и въ уѣздѣ. Въ черныхъ волостяхъ крестьянинъ или бобыль, отправляясь на работу или промыселъ изъ общины, долженъ былъ заявить о томъ земскимъ властямъ, обыкновенно, «сотскому съ товарищи», который записывалъ имена вышедшихъ въ книги. Въ противномъ случаѣ, выходецъ подвергался нещадному наказанью батогами на сходѣ и сотскій «извѣщалъ о немъ въ съѣзжую избу». Въ дворцовыхъ селахъ и частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ обязанности сотскихъ выполняли прикащики, часто вмѣстѣ съ старостами и цѣловальниками [3]).

Болѣе рѣзкія исключенія изъ вышеуказанныхъ распоряженій сдѣланы были въ пользу бѣглецовъ, вышедшихъ въ дворцовыя волости, хотя всѣ они принадлежатъ довольно позднему времени. Такъ напр., въ 1682 году сдѣлано было распоряженіе о томъ, чтобы посадскіе люди, крестьяне, Татары и Мордва, которые изъ однихъ двор-

---

[1]) П. С. З., т. II., №№ 1072 и 1181, ст. 1. Пришлые каменьщики записывались въ Каменномъ приказѣ.

[2]) А. Э., т. IV, №№ 206 и 211. А. И., т. V, № 161. Доп. къ А. И., т. V, № 19. *Д. Багалѣй*, Очерки, стр. 373, 374. Срав. предшеств. прим.

[3]) Доп. къ А. И., т. IV, № 130. Ср. прим. 1 на стр. 93.

цовыхъ городовъ и селъ перешли въ другіе, оставались тамъ, гдѣ застала ихъ послѣдняя перепись[1]). Крестьянамъ дворцовыхъ волостей, поселившимся въ московскія дворцовыя слободы и давшимъ по себѣ поручныя записи въ житьѣ, тяглѣ и службахъ велѣно было указомъ 1666 года, подтвержденнымъ въ 1685 году, жить въ тѣхъ же слободахъ по прежнему [2]). Наконецъ, по указу 1682 года, бѣглые люди и крестьяне, которые пришли въ дворцовые украинные города, должны были выдаваться челобитчикамъ по крѣпостямъ «съ посадовъ и съ тяглъ и изъ захребетниковъ, которые въ службѣ не написаны» со 161-го года; бѣглые же, написанные въ службѣ,—лишь со 183-го года Слѣдуетъ замѣтить также, что дворцовые крестьяне, переселявшіеся на посадъ въ ущербъ дворцовому хозяйству, хотя и возвращались на прежнія мѣста жительства, но не вовлекали посадскихъ людей въ необходимость выплачивать за нихъ пожилое, которое установлено было лишь по отношенію къ бѣглымъ помѣщиковымъ и вотчинниковымъ крестьянамъ, и, слѣдовательно, имѣли гораздо болѣе легкій доступъ на посадъ, чѣмъ послѣдніе. Еще менѣе строгое отношеніе къ бѣглымъ дворцовымъ крестьянамъ сказывается въ одномъ изъ указовъ конца 80-хъ годовъ, когда бѣглецовъ изъ дворцовыхъ волостей, записавшихся въ тягло въ низовыхъ городахъ или уѣздахъ до 1674—1675 гг. (7182—7183 г.), не велѣно было возвращать на прежнія мѣста жительства. Такая снисходительность, очевидно, вызвана была финансовыми соображеніями. Черные люди, во всякомъ случаѣ, платили не менѣе дворцовыхъ крестьянъ, а возвращеніе бѣглеца, уже записавшагося въ другомъ мѣстѣ въ тяглецы, сопряжено было съ излишними въ такомъ случаѣ, издержками и вредно отозвалось бы на благосостояніи той тяглой общины, куда записался новый тяглецъ [3]).

Наконецъ, бывали немногіе случаи, когда законодательство давало право частнымъ лицамъ освобождать крестьянъ, прикрѣпленныхъ государствомъ. Уложеніе, какъ извѣстно, признавало за вотчинникомъ (но не помѣщикомъ) право отпускать крестьянскихъ дочерей, «дѣвокъ» и вдовъ, взимая съ нихъ выводъ по договору, и даже крестьянамъ давать отпускныя [4]).

[1]) П. С. З., т. II., № 980.

[2]) А. Э., т. IV, № 287. Доп. къ А. И., т. V, № 84; т, VI, № 39. П. С. З., т. I, № 307; т. II, №№ 981 и 1147. *В. Борисовъ*, Описаніе Шуи, Прил. № 36.

[3]) П. С. З. т. II., №№ 982, 998, 1296. Ср. Доп. къ А. И., т. III, № 82.

[4]) Уложеніе гл. XI, ст. 19, и Гл. XV, ст. 3. Любопытно, что послѣдняя статья написана вновь, судя по припискамъ къ Уложенію. См. *И. Забѣлина*, Свѣдѣнія объ Уложеніи въ Арх. Историко-юрид. свѣдѣній т. I, отд. II, стр. 18.

Нельзя не замѣтить, однако, что въ дѣйствительной жизни было несомнѣнно гораздо болѣе исключеній изъ вышеуказанныхъ законодательныхъ мѣръ о прикрѣпленіи. чѣмъ тѣ, какія признавались самимъ правительствомъ и что эти мѣры получили болѣе широкое практическое примѣненіе лишь тогда, когда крестьянство стало смѣшиваться съ холопствомъ, т. е. въ послѣдней трети XVII вѣка. [1]).

Кромѣ простаго бѣгства, особенно распространеннаго между крестьянами, существовали и другіе способы для того, чтобы избѣгнуть правительственнаго оклада. За исключеніемъ духовенства, послѣдній падалъ лишь на самостоятельныя хозяйства неслужилаго класса. Поэтому, стоило только лишиться правъ собственности (или наслѣдственнаго владѣнія) на дворъ и пашню, поступить въ священство, или записаться въ служилые люди для того, чтобы не подлежать правительственному окладу.

Перваго рода средство было наиболѣе распространеннымъ. Множество крестьянъ и посадскихъ людей переходило въ зависимость отъ болѣе богатыхъ тяглецовъ или бѣломѣстцевъ и становилось ихъ докладными, а главнымъ образомъ кабальными и задворными холопами, дворниками, захребетниками, сосѣдями или закладчиками. Кабальные холопы, какъ извѣстно, отличались отъ полныхъ, надъ которыми господинъ пользовался полнымъ правомъ собственности. Они принимали на себя обязательство служить господину за опредѣленную, занятую ими сумму. Этотъ договоръ съ теченіемъ времени превратился въ «простое личное обязательство взрослаго вольнаго человѣка служить господину»; это обязательство юридически прекращалось смертью господина; оно не переносилось ни съ той, ни съ другой стороны на третьихъ лицъ, за исключеніемъ развѣ того случая, когда раздѣлялось родившимися въ холопствѣ дѣтьми холопа, но не въ силу наслѣдственности холопства, а въ силу давности безкабальной службы, которая обязательно закрѣплялась особою кабалой [2]).

---

[1]) Ср. *И. Бѣляева*, Крестьяне на Руси, изд. 2-е, стр. 155—170: особенно стр. 156, 162—164.

[2]) *В. Ключевскій*, Происхожденіе крѣпостнаго права въ Россіи. *Его же*: Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи въ Русской Мысли за 1885 г., № 8, стр. 29 и 1886 г., № 9. *К. Побѣдоносцевъ*, Историко-юридическіе акты переходной эпохи, в. II, № 39 въ Чт. М. О. И. и Д. 1886 г., кн. IV, стр. 244. Уложеніе (Гл. XIX, ст. 13 и 18) говоритъ о возможности образованія кабальнаго холопства не только изъ службы, но и изъ займа. Впрочемъ, въ статьѣ, спеціально опредѣляющей значеніе кабальнаго холопства (гл. XX, ст. 7) о займѣ не упомянуто.

Не столько по юридическому, сколько по экономическому своему положенію холопы дѣлились на дворовыхъ, дѣловыхъ людей, нерѣдко жившихъ особыми дворами и иногда надѣляемыхъ земельными участками безъ ссудной записи, и на задворныхъ пашенныхъ людей, обыкновенно получавшихъ участокъ по ссудной записи и уже встрѣчавшихся довольно часто во второй половинѣ XVII вѣка. Впрочемъ людскія деревни, упоминаются и ранѣе, напр., въ Ярославскомъ уѣздѣ [1]). Такимъ образомъ, не владѣя самостоятельными независимыми хозяйствами, въ значительной мѣрѣ лишенные правъ, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ XVII вѣка, холопы были еще свободны отъ податей, а потому и поступленіе въ холопство было средствомъ «отбывать тягла».

Въ гораздо менѣе опредѣленныхъ чертахъ представляется намъ дворничество. Въ числѣ дворниковъ встрѣчаются люди, т е. холопы дворовладѣльца [2]), его собственные крестьяне и бобыли, которые иногда погодно, поочередно исправляли обязанности дворника, посадскіе люди [3]), наконецъ, наемники, дворники «на время», въ числѣ которыхъ находились лица разныхъ званій и состояній [4]), и даже

[1]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7135—137 г., F. IV, №№ 524 и 525. *Е. Замысловскій*, Переп. кн., вып. 1, стр. 230, примѣч. 2, 4 и 5.

[2]) Уложеніе, гл. XIX, ст. 14. Въ Нижнемъ Новгородѣ встрѣчаемъ дворъ Ѳ. Волынскаго, а на немъ живетъ человѣкъ его Наумко Позняковъ, въ Вологдѣ дворъ М. Лызлова, а на дворничествѣ человѣкъ его Алешка Ильинъ; въ Арзамасѣ дворъ полковника А. Краеорта, а въ дворникахъ сидѣлъ его человѣкъ съ 2-мя сыновьями. (Арх. Мин Юстиціи, Писц. кн. г. Нижняго Новгорода 7131 г., кн. 295, л. 83. Переп. кн. г. Вологды 7154 г., кн. 14732, л. 1468 об. Переп. кн. д. Арзамаса 7154 г., кн. 23, л. 45). *Зарайскъ*, Матер. для истор. города, стр. 15.

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн. г. Арзамаса 7154 г., кн. 23, л. 29, 37 об.—48 об. Памят. кн. Тверской губ. 1865 г., Писц. кн. г. Торжка 7133 г., стр. 8, 9. *Рязань*, Матер. для истор. гор., стр. 35. А. Э., т. IV, №№ 32 и 36. На монастырскихъ дворахъ встрѣчаются дворниками, кромѣ бобылей, монастырскіе дѣтеныши. (*Е. Замысловскій*, Переп. кн., вып. I, стр. 280, пр 1; стр. 289, прим 4; стр. 304, прим. 1, стр. 307, пр. 1). Крестьяне села Дунилова служили въ г. Шуѣ дворниками. (*В. Борисовъ*, Описаніе г. Шуи, № 33). Въ с. Прилукахъ, Углицкаго уѣзда (принадлежавшемъ Троицкому монастырю), упоминается «дворъ скоцкой», а въ немъ живутъ дворники «погодно емлются крестьяне изъ деревень съ тяглыхъ жеребьевъ». (*Іер. Арсеній*, О служкахъ Троицкаго Сергіева монастыря въ Чт. М. О. И. и Д. 1867 г., кн. III, стр. 31, прим. 78). Въ Вологдѣ въ 1627 году жило дворниками у своихъ владѣльцевъ 68 крестьянъ. (*А. Мерцаловъ*, Очеркъ г. Вологды въ Вологодскомъ сборникѣ, вып. V, 1887 г., стр. 32).

[4]) Одинъ изъ Суздальскихъ посадскихъ людей поступаетъ въ дворники

люди вольные [1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда дворникъ до поступленія въ дворничество уже находился въ опредѣленныхъ отношеніяхъ къ своему господину, дальнѣйшаго опредѣленія этихъ отношеній путемъ заключенія какого-либо юридическаго акта, можетъ быть, и не было. Во всякомъ случаѣ, дворникъ могъ жить у дворовладѣльца по порядной въ дворничество, которая, вѣроятно, походила на жилую запись. Жилецъ по записи обязывался иногда дворовое дѣло дѣлать и жить у хозяина въ работѣ въ наймѣ, а не въ тяглѣ. Жилецкая запись, какъ извѣстно, отличалась отъ служилой кабалы XVII вѣка тѣмъ, что имѣла юридическое значеніе на небольшой произвольный промежутокъ времени, ограниченный въ Уложеніи пятью годами, не сохраняла, слѣдовательно, подобно второй, значенія до смерти господина, и иногда осложнялась выдачей ссуды, погашаемой временною службой [2]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ порядная въ дворничество могла

къ одному изъ дворовладѣльцевъ «на время». (Влад. губ. вѣд. 1857, №№ 12—19. Писц. кн. г. Суздаля 7125 г.). Во Владимірѣ встрѣчаемъ вольнаго человѣка, который прежде былъ въ дворникахъ у Микиты Кайсарова. (Арх. Мин. Юстиціи. Перен. кн. г. Владиміра 7154 г., кн. 12611, л. 46 об. Часто встрѣчаются указанія о наемныхъ дворникахъ. (А. И., т. IV, №№ 47, 70, 81. П. С. З., т. I, № 441, ст. 42. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, л. 53. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г. № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски г. Устюга Великаго. Здѣсь въ числѣ прочихъ дѣлъ встрѣчаемъ «доходную память», которую выдаетъ становой дворникъ Юрьевой на Волокѣ волости старостѣ Н. Тарасову въ полученіи имъ годоваго найму 20 алтынъ). Этимъ, вѣроятно, слѣдуетъ объяснять возможность пребыванія въ дворничествѣ такихъ лицъ, какъ староста, дьячки, ямщики, стрѣльцы, воротники городовыхъ воротъ, гулящіе люди. (Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71. Писц. Нижняго Новгорода 7129—131 г., кн. 295, лл. 95 об., 95 об. и мн. др. Перен. кн. г. Арзамаза 7154 г., кн. 23).

[1]) *Рязань*, Матер. для истор. гор., стр. 24.

[2]) Уложеніе, гл. X, ст. 275; гл. XI, ст. 32; гл. XX, ст. 44 и 116. А. И., т. V, № 266. А. о. до Ю. Б., т. I, № 113, I—VI. *И. Бѣляевъ*, Законы и акты о крѣпостномъ состояніи въ Арх. истор. и практ свѣдѣній Н. Калачова, 1859 г., кн. II, стр. 102—107. Соединеніе жилой записи съ порукой по жильцѣ вело къ заключенію поручной жилой записи, какова, напр , напечатанная въ А. Ю. № 328, I. Встрѣчаются и поручныя по дворникахъ. (*М. Семевскій*, Ист.—юрид. акты въ Чт. М. О. И. и Д. 1869 г., кн. IV, мат., № 55, 1691 года). *Н. Загоскинъ* (О правѣ владѣнія городскими дворами въ Уч. Зап. Казанск. Унив. 1876—1877 г. стр. 81), опираясь на А. Ю., №№ 181 и 328, I, считаетъ дворничество наймомъ двора съ нѣкоторыми служебными обязанностями по отношенію къ его собственнику. Но здѣсь мы видимъ не наемъ двора, а земли подъ дворъ или подъ хоромное строенье, причемъ въ первомъ актѣ порядная въ дворничество, во второмъ поручная жилая запись смѣшиваются съ оброч-

упроститься еще болѣе, когда основана была на взаимномъ соглашеніи дворовладѣльца и дворника въ томъ, чтобы послѣднему стеречь его дворъ и за это жить на немъ «сколько дворникъ похочетъ» [1]). Въ дворники, конечно, поступали въ большинствѣ случаевъ лица мало состоятельныя, хотя иногда встрѣчаются дворники, которые живутъ на чужомъ дворѣ и тѣмъ не менѣе продолжаютъ владѣть своими собственными дворами, пашенными участками или лавками [2]). Дворники, обыкновенно, исправляли свои обязанности на осадныхъ дворахъ служилыхъ людей и поэтому, особенно на южной украйнѣ, имѣли военное значеніе. Изрѣдка, впрочемъ, встрѣчаемъ осадные дворы посадскихъ людей въ городѣ или дворы служилыхъ людей на посадѣ, въ которыхъ также сидятъ дворники [3]).

ною записью, условія которой, вѣроятно, отчасти измѣнены подъ вліяніемъ вышеуказанныхъ договоровъ.

[1]) А. Ю., № 328, II. Доп. къ А. И., т. V, № 62. Архангельскій монастырь владѣлъ на Холмогорахъ дворомъ «для пріѣзду» и на немъ держалъ дворниковъ «для дворового оберегания», а по усольямъ «для соляного промыслу». (Имп. Публ. Библ., Древлехран. М. Погодина, № 1911, лл. 63—66. Царская грамота воеводѣ кн. П. И. Пронскому).

[2]) Примѣры несостоятельности: Въ Калугѣ стоитъ въ 1617 году дв. пустъ Исайка Иванова сына Соболина. Въ прежнемъ оброкѣ былъ въ 4 алтынахъ. А Исачко живетъ въ дворникахъ у Ивана Раевскаго. (Арх. Мин. Юстиціи, Дозор. кн. г. Калуги 7125 г., кн. 11605, л. 58, ср. лл. 75 об., 108 об.). Въ Тулѣ, Вологдѣ встрѣчаемъ посадскихъ людей или бобылей, которые отъ бѣдности живутъ въ дворникахъ. (Ibid., Писц. кн. г. Тулы 7133 г., кн. 399, лл. 46—48. Перен. кн. г. Вологды 7154 г., кн. 14732, л. 1629). Встрѣчаются, однако, и примѣры другаго рода. Въ Городцѣ въ 1625 году жилъ Гришка Ѳоминъ въ дворникахъ на одномъ изъ осадныхъ дворовъ и въ то же время пахалъ свое дворовое и огородное мѣсто на посадѣ. (Писц. кн. г. Городца, въ Памят. книж. Тверской губ. на 1863 г., отд. IV, стр. 23). Во Владимірѣ попадались такіе же примѣры. (Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, лл. 114 об.—115).

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. гг. Владиміра и Тулы 7133 г., кн. 71 и 399. Писц. кн. г. Венева 7154 г., кн. 493, л. 886 об. Перен. кн. г. Вологды 7154 г., кн. 14732, л. 1434 об. Ежегодникъ Владимірскаго стат. комит., т. I, вып. 2, стр. 131 и Влад. губ. вѣд. 1877 года, №№ 1, 2 и 3. *Устюгъ*, Матер. для истор. гор., стр. 3 и 9. *Торопецъ*, Тоже, стр. 7. Кромѣ дворниковъ, встрѣчаются дворницы на осадныхъ дворахъ, напр., въ Муромѣ, Владимірѣ (Имп. Публ. Библ. Писц., кн. г. Мурома 7144 г., Q IV, № 231. Срав. Влад. губ. вѣд. 1853 г., №№ 39—52. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71); затѣмъ поддворники и поддворницы. (*Устюгъ*, Матер. для истор. гор. стр. 3, 17. *Кунгуръ*, Тоже, стр. 7). Нѣсколько довольно неопредѣленныхъ свѣдѣній о дворникахъ въ XVI в. собраны у *Н. Чечулина*, Города въ XVI в.,

Захребетниками назывались, повидимому, всѣ лица, жившія при чужомъ хозяйствѣ въ качествѣ родственниковъ, пріемышей, наемныхъ рабочихъ, или сдавшія свой тяглый участокъ болѣе состоятельному тяглецу и оставшіяся жить за его хребтомъ [1]). Они также нерѣдко отличались малосостоятельностью и добывали себѣ средства къ жизни разнообразными промыслами и занятіями [2]).

Холопы, дворники, захребетники были лица, болѣе или менѣе не свободныя. Иное положеніе занимали закладчики и сосѣди. Личный закладъ состоялъ, въ сущности, въ обезпеченіи займа личною службой, которая, однако, обыкновенно, могла погасить одни проценты съ занятаго капитала, но не самый капиталъ, а невозможность возвратить послѣдній вела къ превращенію закладной въ тотъ вышеуказанный видъ служилой кабалы, который часто встрѣчается уже въ первой половинѣ XVII вѣка [3]). Но личный закладъ могъ замѣ-

---

стр. 270—281. Впрочемъ, экономическое положеніе дворниковъ, какъ людей ремесленныхъ по преимуществу, довольно ясно обнаруживается изъ этихъ свѣдѣній.

[1]) А. И., т. III, № 172; т. IV, № 70. Р. И. Б., т. VIII, № 11, LXXVII, (стб. 635). Въ одной деревнѣ, тянувшей къ дворцовому селу Пурокамъ, встрѣчаемъ дворъ Обросимки Григорьева на полтрети выти; да за нимъ же дворъ и пашня Фатаево Мишки Григорьева полполтрети выти; а Митька живетъ у него же въ захребетникахъ. (Румянцев. музей, Писц. кн. села Пурокъ 7140 г., Общ. нум. № 1600, Собранія И. Бѣляева, № 95, л. 29 об. Ср. А. Ю., № 174, III). О подворникахъ и захребетникахъ ср. *И. Соколовскаго*, Экономическій бытъ и проч., стр. 15—17.

[2]) Примѣръ несостоятельности: Въ Калугѣ въ 1617 году стоялъ дворъ Мики-форки Головина. Платилъ оброку 2 гривны. Теперь охудалъ, перешелъ въ захребетники на дворъ другаго тяглеца. (Арх. Мин Юстиціи, Дозор. кн. г. Калуги 7125 г., кн. 11605, л. 49). Доп. къ А. И., т. VIII, № 51, IV. Захребетники бывали иногда у бобылей. (*Е. Замысловскій*, Перепис. кн., вып. I, стр. 181, прим. 1). *Н. Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества и проч., стр. 59. Любопытный указъ и перечисленіе захребетниковъ, которые поставили свои избы и клѣти на чужихъ подворьяхъ въ Китаѣ городѣ на церковныхъ земляхъ въ 1626 году см. въ кн. Московскаго стола № 17, лл. 67—75 въ Арх. Мин. Юстиціи. Здѣсь перечислено 180 захребетниковъ; изъ нихъ 27 занимались разными промыслами, 15 служили по дворцовому вѣдомству разными мастерами, въ печатномъ дворѣ и сторожами, 30 оказалось ничѣмъ опредѣленнымъ незанятыми. Встрѣчаются подобныя же росписи и по уѣзднымъ городамъ, напр., г. Калугѣ. «Роспись имена Калуженамъ, которые живутъ въ избылыхъ по церковнымъ мѣстамъ, а съ нами Государева тягла не тянутъ, а промыслы всякими торговыми промышляютъ», въ Арх. Мин. Юстиціи, Московскаго стола столб. 134, № 3, л. 40, 7146 года.

[3]) А. Ю., № 252. *А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, А. г. р., т. 1, №№ 24, 75, 91. Ср. *И. Румовскаго*, Описаніе Велико-Устюжскаго собора, стр. 107, № 4.

ниться реальнымъ, если заемщикъ представлялъ кредитору въ видѣ обезпеченія свою движимую или недвижимую собственность. Въ такомъ случаѣ личный рискъ смѣнялся имущественной отвѣтственностью. Особенно распространенъ былъ закладъ недвижимой собственности; кредиторъ пользовался ея доходами въ видѣ процентовъ съ ссуженнаго капитала, если послѣдній не представлялъ безпроцентнаго займа, изрѣдка встрѣчавшагося еще въ XVII столѣтіи [1]). При этомъ кредиторъ долженъ былъ тянуть тягло съ заложенной земли за закладчика, что, однако, въ дѣйствительности рѣдко случалось

Закладъ слагался, главнымъ образомъ, изъ договора займа; сосѣдничество, напротивъ, возникало изъ найма даннымъ лицомъ жилаго помѣщенія; такой наемъ осложнялся иногда договоромъ купли-продажи, по которому обѣднѣвшій домохозяинъ продавалъ свой дворъ, но выговаривалъ себѣ въ счетъ получаемой за продажу суммы право жительства на томъ же дворѣ. Въ другихъ случаяхъ наемная плата, вѣроятно, замѣнялась работой на домохозяина [2]).

---

[1]) А. Ю., № 254. Румянцевскій Музей, Собр. И. Бѣляева, ящикъ 14: Закладныя 7138, 7142, 7180, 7190 года и заемная 7135 г. безъ росту. А. Х. и У. Е. А., № XV, XIX, XXII,—Б., №№ XCVIII, CIX, CXI. Указн. кн. Земскаго приказа, ст. VII. (*М. Владимірскій-Будановъ*, Христоматія, вып. III, изд. I, стр. 130). А И., т. III, № 105. Доп. къ А. И., т. VIII, № 48, VI. Уложеніе, гл. XIX, ст. 13. П. С. З., т. I, № 112. *С. Соловьевъ*, И. Р., т. IX, изд. 3, стр. 366, 410.

[2]) Пск. Суд. грам., ст. 103. А. о. до Ю. Б., т. II, № 148, XII. Случай перехода обѣднѣвшаго тяглеца въ сосѣди встрѣчаемъ въ Калугѣ. (Арх. Мин. Юстиціи, Дозор. кн. г. Калуги 7125 г., кн. 11605, л. 42 об. Ср. П. С. З., т. II, № 981). Въ Тулѣ находимъ сосѣдей, которымъ за бѣдностью дворовъ поставить нечѣмъ, въ Гороховцѣ и Вологдѣ—въ сосѣдяхъ бобылей, не имѣющихъ своихъ дворовъ. (Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Тулы, 7133 г., кн. 399, л. 78. Переп. кн. г. Гороховца 7154 г., кн. 15398, лл. 35—38. Переп. кн. г. Вологды 7154 г., кн. 14732, л. 1629. Ср. *Е. Замысловскій*, Переп. кн., вып. I, стр. 137, прим. 1). Иногда, однако, встрѣчаются, повидимому, лица съ нѣкоторымъ состояніемъ (А. о. до Ю. Б., т. II, № 150, XIII, Въ Вологдѣ въ числѣ сосѣдей встрѣчается таможенной избы подъячій. Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн. г. Вологды кн. 14732, л. 1618). Нерѣдко сосѣди хотя и живутъ на чужомъ дворѣ, но «собѣ избами» (Ibid. Дозор. кн. г. Калуги 7125 г., кн. 11605, л. 38 об., л. 44. Переп. кн. г. Серпухова 7154 г., кн. 440, л. 23). Сосѣди продолжаютъ называться этимъ именемъ и въ томъ случаѣ, когда дворовладѣльца, у котораго они живутъ, нѣтъ на мѣстѣ. Въ Калугѣ встрѣчаемъ дворъ Гришки Коклянова; живетъ онъ на Москвѣ, а во дворѣ у него сосѣдъ съ сыномъ. (Ibid., Переп. кн. г Калуги 7154 г., кн. 162, л. 3). Сосѣди бываютъ большею частью у посадскихъ людей, но попадаются и у

Таковы были тѣ разнообразныя состоянія, въ которыя переходило тяглое населеніе для того, чтобы освободиться отъ правительственнаго оклада. По мѣрѣ возвышенія послѣдняго, переходы эти стали повторяться такъ часто, что вызвали цѣлый рядъ правительственныхъ распоряженій, которые должны были остановить ихъ, дѣлали ихъ безполезными или наказывали тяглое населеніе за ихъ совершеніе Особенное вниманіе обращено было на задворныхъ холоповъ и закладчиковъ, на что были свои причины. Въ самомъ дѣлѣ, захребетники, сосѣди, даже дворники хотя и не подлежали правительственному окладу, но нерѣдко подвергались мірской раскладкѣ, ибо бывали людьми промышленными, а иногда (какъ захребетники, сосѣди) находились въ нѣкоторой зависимости отъ самихъ тяглецовъ [1]). Задворныхъ же холоповъ и закладчиковъ, напротивъ, тяглой общинѣ не удавалось вовлечь въ мірскую раскладку потому, что они находились обыкновенно въ зависимости отъ бѣломѣстцевъ, которые стремились перенести свои собственныя привилегіи на своихъ людей и на заложенное имъ имущество. Къ тому же закладъ

крестьянъ. (Имп. Публич. Библ., Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7135—7137 гг., FIV, № 524, ст. 2, 28, 36, 53, 116, 146 и FIV, № 527, ст. 66, 67, 82) и у бобылей (Ibid., FIV, № 524, ст. 9, 22, 24. FIV, № 527, ст. 3, 11, 17, 82). Въ одной выписи изъ дѣла о солдатскомъ сынѣ, «отбывавшемъ отъ помѣщичьяго владѣнія», 1718 г., читаемъ, что отецъ его живетъ на Арбатѣ у вдовы Батуриной, нанимаетъ избу у нея на дворѣ погодно съ поручною записью и даетъ ей по рублю на годъ, а самъ кормится—шьетъ портное. *К. Побѣдоносцевъ*, Историко-юридическіе акты переходной эпохи. Отд. I, № 19 въ Чт. М. О. И. и Д. 1886 г., кн. IV, стр. 66).

Кромѣ сосѣдей, встрѣчаются подсосѣдники у посадскихъ людей, стрѣльцовъ, пушкарей, казенныхъ кузнецовъ (*Торопецъ*, Матер. для истор. гор., стр. 15), у дворниковъ (Арх. Мин. Юстиціи, Перен. кн. г. Владиміра 7154 г., кн. 12611, л. 64 и 64 об.), у крестьянъ и бобылей. (*Е. Замысловскій*, Перен. кн., вып. I, стр. 231, прим. 4; стр. 233, прим. 4; стр. 291, прим. 8). Въ числѣ подсосѣдниковъ встрѣчаются двоюродные или родные братья хозяевъ, которые въ переписныхъ книгахъ называются, кромѣ того, бобылями, захребетники, бобыли, монастырскіе служебники, стрѣльцы. (Ibid., стр. 233, прим. 4; стр. 273, прим. 3 и 4; стр 305, прим. 1. *Кунгуръ*, Матер. для истор. гор., стр. 3—5).

[1]) Есть указанія на то, что захребетники не тянули тягла и службъ не служили, напр., въ Торопцѣ (Матер. для истор. гор., стр. 8); но тяглецы, жившіе на чужихъ даже бѣлыхъ земляхъ, тѣмъ не менѣе, тянули тягло. (Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Нижняго-Новгорода 7129—131 гг., кн. 295, л. 570. Писц. кн. г. Тулы 7133 г., кн. 399, л. 35. Имп. Публ. Библ., FIV, № 288. *Торопецъ*, Матер. для истор. гор., стр. 6—7. *Бѣлевъ*, Тоже, стр. 17).

часто превращался въ продажу тяглаго участка черной земли бѣломѣстцу, а такимъ образомъ понижался не только податной источникъ данной тяглой общины, но и уровень правительственныхъ опредѣленій ея налогоспособности. Естественно поэтому, что правительство стремилось оказать дѣятельное противодѣйствіе, главнымъ образомъ, поступленію тяглецовъ въ задворные холопы и закладчики.

Пониженіе экономическаго и юридическаго положенія крестьянина въ XVII вѣкѣ и обратное явленіе въ судьбѣ задворнаго холопа сблизили ихъ между собою на столько, что уже въ началѣ XVII вѣка землевладѣльцы раскладывали и сбирали государственныя подати съ тѣхъ и другихъ [1]). Со второй четверти XVII вѣка само законодательство признаетъ разноправность дворовыхъ холоповъ и задворныхъ людей въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ [2]), послѣдніе въ то же время все болѣе и болѣе приравниваются къ крестьянамъ въ податномъ отношеніи. Уже въ 1662 — 1663 годахъ при сборѣ пятинныхъ денегъ велѣно было взимать ихъ, между прочимъ, и съ людей разныхъ землевладѣльцевъ; при взиманіи ямскихъ денегъ и стрѣлецкаго хлѣба по переписнымъ книгамъ 1678 года, новой стрѣлецкой подати, денегъ ратнымъ людямъ на жалованье въ 1680 году и, вѣроятно, другихъ второстепенныхъ податей, официально признается налогоспособность задворныхъ холоповъ [3]). Съ другой стороны правительство стремилось прекратить поступленіе крестьянъ въ холопы и въ Уложеніи запретило давать кабалы на

[1]) *В. Ключевскій*, Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи. Русская Мысль 1886 г., № 10, стр. 14) приводитъ указанія отъ 1605 года изъ сборника Троице-Сергіева монастыря №№ 530, 139. Рязанецъ сынъ боярскій Степанъ Казначѣевъ въ сентябрѣ 1636 года приводилъ къ запискѣ человѣка своего Фролка и сказалъ, что «тотъ де Фролка задворный человѣкъ отца ево и ево Степановъ, а опослѣ де тово жилъ за нимъ Степаномъ на течлѣ» (т. е., вѣроятно, на теглѣ). Общ. Собр. Тамбов. учен. архив. ком., 3 декаб. 1886 г., стр. 13 (три отписки о строеніи г. Тамбова). Подобный же примѣръ см. въ статьѣ г-жи Е. Щ., Каширскіе дворяне въ XVII вѣкѣ въ Вѣст. Европы 1889 г, № 7.

[2]) А. И., т. III, № 167, стр. 303 Уложеніе, гл. XXI, ст. 66 и 68.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. IV, № 25. А. Э, т. IV, №№ 240, 299. П. С. З., т. I, № 329. А. И., т. V, № 251. Доп. къ А. И., т. IV, № 131; т. VIII, №№ 28, XI, 36, II, 66. Румянцев. музей, Собр. И. Бѣляева, Ящикъ № 23, Отпись 7194 г. декаб. 3 Каширскаго воеводы Матвѣя Губина за его печатью въ пріемѣ съ деревни Исая Картина съ *одного* двора *задворнаго* человѣка ямскихъ и полоняничныхъ денегъ. Ср. отпись 194 г. марта 21, тамъ же. П. С. З., т. II, №№ 1202, 1206.

крестьянъ, не считало законными иски по бѣлымъ холопамъ, вышедшимъ изъ крестьянъ, и грозило лицамъ, взявшимъ такія кабалы, наказаніемъ «что государь укажетъ» [1]).

Болѣе распространеннымъ, чѣмъ поступленіе въ холопы, было закладничество; оно особенно сильно развито было на посадѣ и вызывало со стороны правительства множество строгихъ мѣръ, которыя, однако, нерѣдко не достигали цѣли. Бѣломѣстецъ, получившій въ закладъ или купившій участокъ черной земли, по мнѣнію правительства и притязаніямъ тяглой общины облагался тягломъ, по скольку онъ являлся владѣльцемъ заложенной ему черной земли или собственникомъ не своей бѣлой земли, а проданнаго ему тяглаго участка Уже въ XIV в. Московскіе князья держались этой точки зрѣнія. Правительство продолжало примѣнять ее и въ XVII столѣтіи. Такъ напримѣръ, въ 1623 году послана была царская грамота устюжскому воеводѣ Колычеву о взиманіи податей съ дворянъ, дѣтей боярскихъ и другихъ уѣздныхъ людей, владѣвшихъ дворами на посадской землѣ. Въ Соливычегодской въ 1652 году, въ Устюгѣ въ 1663 году дозволено было монастырямъ владѣть купленными ими или пріобрѣтенными по просроченнымъ закладнымъ черными землями подъ условіемъ выплачивать съ нихъ подати. На Вяткѣ въ 1686 году подати взимались не только съ тяглецовъ, но и съ бѣломѣстцевъ, жившихъ на посадскихъ земляхъ или владѣвшихъ деревенскими участками. Общее постановленіе объ обложеніи податями бѣломостцевъ, владѣвшихъ черными землями, сдѣлано было въ 1677 году [2]). Есть прямыя указанія на то, что эти распоряженія дѣйствительно приводились въ исполненіе. Въ Муромѣ, напримѣръ, въ 1636 году жилъ торговый человѣкъ гостинной сотни, Савва Болховитинъ; онъ владѣлъ, между прочимъ, дворомъ посадскаго человѣка Клепикова по закладной въ 90 рублей. Писцы велѣли ему платить оброкъ съ этого двора въ Костромскую четь на томъ основаніи, что то дворовое мѣсто, которымъ владѣетъ Савва по закладной заемной кабалѣ «въ купчей мѣсто», по приправочнымъ книгамъ было тяглое. Въ Вязьмѣ въ 1630 году было

[1]) Уложеніе, гл. XX, ст. 113. Указъ о запрещеніи кому бы то ни было принимать, новокрещеновъ служилыхъ и неслужилыхъ, ясашныхъ и посопныхъ людей въ кабальное холопство См. въ П. С. З., т. II, № 1099.

[2]) А. Э., т. III, №№ 37, 138; т. IV, № 6. А. И., т. IV, №№ 141 и 282 А. Х. и У. Е.—Б., № LIX и LXXXII. П. С. З., т. II, №№ 707, 887 и 939. Указъ 16 августа 1681 года относится къ жителямъ одной Москвы и не противорѣчитъ остальнымъ, ибо, повидимому, имѣетъ временный характеръ.

два пустыхъ посадскихъ двора; владѣлъ тѣми дворами Духовской попъ Савва не по дани и на тѣ дворы крѣпостей никакихъ не имѣлъ; но такъ какъ они были черными, то онъ и платилъ съ нихъ подати въ государеву казну. Въ другомъ мѣстѣ жилъ Троицкій попъ Семенъ; прежде бывалъ онъ посадскимъ человѣкомъ, затѣмъ «сталъ въ попы» и, продолжая жить на старомъ посадскомъ мѣстѣ, тянулъ съ него тягло. Во второй половинѣ XVII вѣка въ Старой Русѣ торговый человѣкъ гостинной сотни платилъ тягло съ двора, расположеннаго на посадской черной землѣ [1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда тягло замѣнялось оброкомъ, бѣломѣстцы платили послѣдній вмѣстѣ съ посадскими людьми съ черныхъ земель, которыми владѣли. Такъ было, напримѣръ, въ Коломнѣ въ 1623 году [2])

Но если бѣломѣстецъ соглашался иногда тянуть тягло съ черныхъ земель, которыми владѣлъ по закладной, то въ большинствѣ случаевъ, напротивъ, старался обѣлить ихъ, «записать и укрѣпить въ писцовыхъ книгахъ вѣчно за собою бѣлою землею» и присоединить къ нимъ новыя земли, отнятыя «насильствомъ» у тяглой общины [3]). Неуплата въ срокъ запятой подъ закладную суммы, какъ извѣстно, придавала закладной значеніе купчей безъ дальнѣйшихъ формальностей; такое превращеніе иногда совершалось, можетъ быть, tacito consensu безъ прямаго соотношенія къ несостоятельности закладчика; но въ другихъ случаяхъ сами бѣломѣстцы брали земли подъ закладъ за небольшія деньги, а писали въ закладныхъ большія суммы, что тяглецовъ ставило въ невозможность выкупить свои дворы въ условленный срокъ [4]). Всѣ эти злоупотребленія естественно сильно вредили мірскимъ и казеннымъ интересамъ; для ихъ предотвращенія, въ теченіе всего XVII вѣка издавались указы, которые, однако, не могли уничтожить ихъ окончательно. Указы, обнародованные до Уложенія, вызваны были челобитными самихъ тяглыхъ людей. Постановленія Уложенія, очевидно, возникли изъ болѣе частныхъ и раннихъ распоряженій; не смотря на

---

[1]) Имп. Публич. Библ., Писц. кн. г. Мурома 7144 г., QIV, № 231, л. 323. Румянцев. музей, Опись г. Вязьмы 7138 г., Общ. нум. № 309. А. И., т. IV, № 189; т. V, № 228. А. Х. и У. Е.—Б., № 7, С. Ср. А. И., т. V, № 141.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Коломны 7131 г., кн. 201, л. 133.

[3]) А. И., т. V, № 264. Р. И. Б., т. XI, Прилож. (Перен. книги Ростова), стр. 29, 32, 38, 43, 60, 81, 82, 83, 85, 87 и 91. *Зарайскъ*, Матер. для истор. гор., стр. 15.

[4]) А. Х. и У. Е.—Б., XLIII. П. С. З., т. II, № 1157, ст. 1.

ихъ общій характеръ, они продолжали повторяться съ небольшими видоизмѣненіями до позднѣйшаго времени. Такъ какъ главною причиной обѣленія черныхъ земель являлось право посадскихъ людей отчуждать свои земли бѣломѣстцамъ, то и ограниченіе злоупотребленій послѣднихъ сводилось къ ограниченію правъ распоряженія посадскихъ людей своими участками. Сама община прибѣгала къ такого рода средству, но крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время. Муромцы, напримѣръ, въ 1699 году рѣшили, что никто изъ тяглецовъ не имѣетъ права заложить или продать своего двора и огорода бѣломѣстцу. Въ противномъ случаѣ, съ него доправлялись деньги, вѣроятно, для выкупа заложеннаго или проданнаго имущества, и послѣднее «бралось въ міръ» [1]). Правительство также прибѣгало къ подобнаго рода ограниченіямъ. Указами 1620—21 и 1627 годовъ тяглые люди въ Москвѣ обязывались не продавать, не закладывать, не отказывать въ завѣщаніи и не давать въ приданое бѣломѣстцамъ (и ихъ дочерямъ) тяглыхъ дворовъ и дворовыхъ мѣстъ. Дальнѣйшій ходъ законодательства по этому вопросу состоялъ въ окончательномъ закрѣпленіи посадской земли за тяглою общиной. Указъ 1620 года предоставлялъ бѣломѣстцамъ право за долги брать съ тяглыхъ мѣстъ хоромы; но уже въ 1634 году право это было уничтожено, такъ какъ указомъ этого года запрещалось тяглецамъ продавать свои хоромы, а указомъ 1642 года не дозволено было даже по судебнымъ искамъ отдавать лицамъ не тяглымъ дворы и лавки тяглецовъ. Указы, предшествовавшіе Уложенію, и постановленія послѣдняго такъ же, какъ и нѣкоторыя распоряженія позднѣйшаго времени, не прибавили въ этомъ отношеніи почти ничего новаго [2]).

Мѣры, направленныя къ ограниченію права посадскихъ людей

---

[1]) Ежегодникъ Влад. стат. ком., т. II, 1878 г., стр. 223—225. (Приговоръ Муромскихъ посадскихъ людей на избраніе въ земскіе старосты М. Мязгрикова и Т. Тагунова 9 мая 1699 года).

[2]) А. Э., т. IV, №№ 2, 35, 36, 39. А. И., т. III, № 92; (Указ. кн. Земскаго пр., ст. IX, XXV и XXXV); т. IV, №№ 29, 182; т. V, №№ 174, 264, 282. Доп. къ А. И., т. III, №№ 81, 88. Уложеніе, гл. X, ст. 269; гл. XIX, ст. 13, 15, 16, 18, 39. П. С. З., т. I, №№ 10, 79, 112. II, № 1157. (Въ этомъ указѣ отъ 22 января 1686 г. приведены указы: дек. 1627 г., Улож., гл. XIX, ст. 39, затѣмъ 27 янв. 1660 года, 29 октяб. 1677 г., 16 августа 1681 г., 8 іюля 1682 г., 3 сентяб. 1685 г., 22 янв. 1686 г.); 1193, 1234, 1272. А. У. и Х. Е.—Б., №№ CLXXXIX и CCXV. Ср. *К. Неволинъ*, Истор. гражд. законовъ, т. II, стр. 269—273.

распоряжаться своими участками, далеко не всегда достигали цѣли; черныя земли нерѣдко продолжали переходить отъ закладчика къ залогопринимателю. Поэтому, законодательныя запрещенія коснулись не только первыхъ, но и послѣднихъ. Въ Уложеніи хотя и дозволено было залогопринимателю (въ случаѣ, если онъ былъ крестьяниномъ или чьимъ-либо человѣкомъ) владѣть тяглыми дворами и лавками и тянуть съ нихъ тягло, но въ случаѣ просрочки заклада велѣно было продавать заложенныя земли однимъ тяглецамъ. Гости, желавшіе продать свои дворы, съ которыхъ платили подати, по позднѣйшему указу, должны были подъискать себѣ покупателей изъ черныхъ людей. Въ рѣдкихъ случаяхъ правительство прибѣгало къ еще болѣе рѣшительнымъ средствамъ. Въ 1651 г. (7159), напримѣръ, велѣно было въ Устюжскомъ и Усольскомъ уѣздахъ отписать на государя монастырскія и гостей и гостинной сотни и торговыхъ и всякихъ чиновъ людей купленныя и закладныя деревни впредь до указу. Впрочемъ, черезъ годъ (въ 7160 г.), по царскому указу и боярскому приговору, земли эти (по крайней мѣрѣ въ Устюжскомъ уѣздѣ) возвращены были по принадлежности ихъ владѣльцамъ бѣломѣстцамъ съ условіемъ, чтобы они платили съ нихъ «всякіе четвертные денежные доходы и мірскіе розрубы и службы служили» [1]).

Отношеніе законодательства къ вопросу о переходѣ черныхъ земель въ руки бѣломѣстцевъ не исчерпывалось однимъ ограниченіемъ права закладчиковъ и залогопринимателей свободно вступать между собой въ договоръ купли-продажи; оно грозило виновнымъ карательными мѣрами. Бѣломѣстцы должны были выплатить всякія подати за закладчика со времени пребыванія его въ закладничествѣ и наказывались правежемъ; когда же они отъ него отстаивались, то и простою конфискаціей купленныхъ ими тяглыхъ дворовъ; тяглецамъ-закладчикамъ грозило наказаніе кнутомъ. Въ Уложеніи и позднѣйшихъ указахъ велѣно было, кромѣ того, отказывать залогопринимателямъ въ удовлетвореніи какихъ бы то ни было исковъ съ ихъ стороны на закладчиковъ по заемнымъ долгамъ или ссудамъ, а по указу 1687 г. даже взимать съ нихъ сторублевыя пени, закладчиковъ наказывать, кромѣ кнута, ссылкой въ Сибирь, наконецъ, написавшихъ крѣпость и приложившихъ къ ней руки подвергать тому же наказанію [2]).

---

[1]) Ср. прим. 2 на стр. 156. А. Х. и У. Е.—Б. №№ LIX, LXI, LXXXIX, С.
[2]) Ср. прим. 2 на стр. 156. А. Э., т. III, № 105.

Бѣгство и закладничество были наиболѣе распространенными способами для того, чтобы «отбыть тягла». Для тѣхъ же цѣлей могло также служить поступленіе во священство. Холопы и крестьяне постригались иногда въ попы и дьяконы «не душевнаго ради спасенія, но не хотя въ рабѣхъ, а крестьяне во крестьянствѣ быти» Но постриженіе и поставленіе такихъ лицъ безъ отпускныхъ не дозволено было духовнымъ соборомъ 1667 года подъ страхомъ соборнаго запрещенія и даже извержения изъ лона церкви въ случаѣ неповиновенія; при посвященіи крестьянъ съ отпускными, дѣти ихъ, родившіеся «на крестьянскомъ жеребью», до посвященія ихъ отца оставались по прежнему въ крестьянствѣ [1]). Такимъ образомъ, довольно затруднительныя условія перехода изъ крестьянъ во священство, какъ-то: знаніе грамоты и церковныхъ обрядовъ, хорошая репутація, а главное, необходимость имѣть отпускную и оставлять за собою дѣтей во крестьянствѣ едва ли дѣлали такой переходъ особенно удобнымъ для тяглеца. Въ писцовыхъ книгахъ лишь изрѣдка попадаются указанія на то, что такой-то крестьянинъ «сталъ въ попы». Рядомъ съ вышеуказаннымъ средствомъ, можно поставить поступленіе въ площадные подьячіе, которые также не тянули тягла. Но знаніе грамоты и, вѣроятно, элементарнаго счета, да и ограниченность самого числа подьячихъ дѣлали это средство мало распространеннымъ, а зачисленіе площадныхъ подьячихъ въ разрядъ тяглецовъ, по требованію правительства, сдѣлали его безполезнымъ [2]).

Тяглецъ бывалъ иногда на столько обремененъ податями, что готовъ былъ перейти изъ числа тяглыхъ людей въ разрядъ служилыхъ. Нерѣдко встрѣчаются извѣстія въ писцовыхъ или переписныхъ книгахъ объ отсутствующихъ тяглецахъ, крестьянахъ или посадскихъ людяхъ, которые «затесались» въ стрѣльцы или пошли въ солдатскую службу. Сперва правительство не слишкомъ озабочено было этими переходами частью потому, что вниманіе его было поглощено разрѣшеніемъ болѣе существенныхъ вопросовъ, частью въ виду того, что самый переходъ не исключалъ перешедшаго изъ числа лицъ, обязанныхъ такъ или иначе служить государству и, вѣроятно, первоначально не достигалъ слишкомъ значительныхъ размѣровъ благодаря тяжелымъ условіямъ, въ какія поставлена была въ то время военная служба. Довольствовались, обыкновенно, простымъ запрещеніемъ верстать въ драгуны и солдаты людей тяг-

[1]) П. С. З., т. I, № 412, гл. VII.

[2]) *С. Соловьевъ*, т, XIII, изд. 3-е, стр. 41, 99.

лыхъ и пашенныхъ, ихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ [1]). Въ Уложеніи, какъ извѣстно, законнымъ считалось поступленіе въ стрѣльцы третьяго сына тяглой семьи; въ казаки же зачислены были лишь тѣ, которые поступили въ прежнее время и принимали участіе въ смоленскомъ походѣ [2]). За то посадскіе люди, поступившіе въ пушкари, затинщики, воротники, кузнецы, ямщики и иные чины, уже безъ ограниченій всѣ возвращались на посадъ въ тягло [3]). Вслѣдъ затѣмъ такого рода переходъ тяглецовъ въ служилые люди былъ окончательно запрещенъ помимо правительственнаго набора. Воеводы получали приказаніе никакихъ пришлыхъ людей крестьянъ пашенныхъ или оброчныхъ, посадскихъ людей, ихъ дѣтей, братью и племянниковъ не писать ни въ какую службу, не принимать въ стрѣльцы, солдаты, драгуны, помѣстными и денежными окладами ихъ не верстать, на усадьбу и на пашню земли имъ не давать и возвращать ихъ на прежнія мѣста жительства [4]) Мѣры эти примѣнялись не только къ недавно поступившимъ въ ряды служилыхъ людей тяглецамъ, но и къ сравнительно давно покинувшимъ свои тяглые участки, причемъ вычиталось все жалованье, выданное за все время службы, которою они думали освободиться отъ тягла. Такъ напримѣръ, Верхотурскому воеводѣ велѣно было возвратить на прежнее мѣстожительство и вычесть выданное жалованье у бывшихъ тяглецовъ, взятыхъ и находившихся въ числѣ драгунъ, пушкарей и бѣломѣстныхъ казаковъ съ 1663 по 1679 годъ [5]).

---

[1]) А. Э., т. III, № 199. Доп. къ А. И., т. III, № 16.

[2]) Р. И. Б., т. X, стр. 161—165. Уложеніе, гл. XIX, ст. 26—32. А. Э., т. IV, № 36. А. И., т. IV, № 29.

[3]) А. Э., т. IV, № 36. Уложеніе, Гл. XIX, ст. 28. Р. И. Б., т. XI. Прил., стр. 89. *Рязань*, Матер. для истор. гор., стр. 12. — *Бѣлевъ*. Тоже, стр. 38.

[4]) А. И., т. IV, № 236; т. V, №№ 12, 31, 161. Доп. къ А. И., т. VII, № 16, XIV; т. VIII, № 16, VII и XIV.

[5]) А. И., т. V, № 47. Доп. къ А. И., т. VII, № 74, IX. Ср. А. И., т. IV, № 178. Стрѣльцы, повидимому, сами подговаривали крестьянъ въ пѣхотный строй и на свободу. (Ср. статьи 7 и 8 условій, заключенныхъ правительствомъ со стрѣльцами въ 1682 году. *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 355). Иногда встрѣчаются довольно сложные случаи перехода тяглецовъ въ служилые люди. Въ Ростовѣ Семенка Биричевъ, посадскій человѣкъ, бѣжалъ въ стрѣльцы, сысканъ и возвращенъ писцами въ 1624 году, затѣмъ снова перешелъ въ пушкари и сново возвращенъ на тяглое мѣсто. (Р. И. Б., т. XI. Прил., стр. 90).—Подобные же примѣры въ г. Рязани см. въ Матер. для истор. гор., стр. 12.

Бывали, однако, случаи, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, когда бѣглые, записанные въ служилые люди, достигали цѣли. Указъ 1653 года зачислялъ въ стрѣльцы тяглецовъ, бѣжавшихъ на черту. Указомъ 8 февраля 1683 года велѣно было оставить въ стрѣльцахъ бѣглыхъ, записанныхъ до 3 мая 1681 года, на томъ основаніи, что они заслужили это долгою службой, «полономъ и многими ранами и кровьми». Указомъ 1685 года дозволено было продолжать службу «добрымъ и человѣчнымъ», хотя и бѣглымъ вотчинниковымъ и помѣщиковымъ людямъ и крестьянамъ, если о нихъ не били челомъ прежніе владѣльцы. Эти бѣглые, которые прежде жили въ дворникахъ, захребетникахъ, или своими «домами» должны были дать по себѣ поручныя, записывались въ солдатскую службу и получали кормовое жалованье; исключеніе сдѣлано было лишь относительно людей и крестьянъ землевладѣльцевъ Сѣвской области; ибо они въ случаѣ бѣгства не принимались ни въ какую службу [1]).

Всѣ вышеуказанныя законодательныя запрещенія не могли, однако, окончательно уничтожить выхода тяглецовъ изъ тяглой общины путемъ ли простаго бѣгства или перехода въ нетяглыя состоянія [2]). Для того, чтобы придать имъ болѣе дѣйствительное значеніе и подвергать виновныхъ заслуженной карѣ, правительству пришлось прибѣгать къ сыску. Кромѣ спеціально назначеннаго изъ Москвы сыщика, сыскъ производился подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и завѣдываніемъ воеводы, который для этихъ цѣлей выбиралъ пристава или «кого пригоже», также сборщиками податей и недоимокъ или писцами. Но воеводы и другіе приказные люди, обыкновенно, сыскивали бѣглецовъ лишь въ предѣлахъ одного уѣзда, тогда какъ дѣятельность сыщика захватывала нерѣдко весьма обширную область [3]). Кромѣ наказа, сыщикъ при выпол-

[1]) П. С. З., т. II, №№ 991 и 1148, ст. 26.—Доп. къ А. И., т. IV, № 48 Есть указанія на переходъ тяглецовъ въ кирпичники, изъ числа которыхъ они вновь переводились правительствомъ въ тяглецы. Доп. къ А. И., т. X, № 66. Ср. главу VI, § 1.

[2]) О бѣглыхъ крестьянахъ часто упоминаютъ еще переписныя книги 1678, года, причемъ встрѣчаются бѣглые конца 1640-хъ годовъ, не возвращенные на прежнія мѣста жительства. См., напр., перепи. кн. Бѣлозерскаго уѣзда у *Е. Замысловскаго*, Перепи. кн., вып. I, стр. 223—307.

[3]) А. Э., т. III, № 279. Доп. къ А. И., т. IV, № 56. П. С. З., т. II, П. №№ 998, 1282. Р. И. Б., т. XI, прил., стр. 74. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Д. С. Л., 7154—7155 г., № 52. Дѣла о сборѣ недоимокъ съ городовъ Устюжской четверти. Упоминаются еще такъ называемые «свощики» (*Рязань*, Ма-

неніи своихъ обязанностей основывался на «росписяхъ» бѣглыхъ, составленныхъ уѣздными или посадскими людьми [1]); въ другихъ случаяхъ онъ принималъ во вниманіе одни списки съ писцовыхъ и переписныхъ книгъ, такъ какъ тяглецы означали иногда въ росписяхъ лицъ, не жившихъ въ ихъ общинѣ, съ цѣлью увеличить количество ея членовъ и, слѣдовательно, понизить размѣры тягла, падавшаго на каждое отдѣльное хозяйство. Пріѣхавъ на мѣсто назначенія (иногда въ сопровожденіи нѣсколькихъ крестьянъ «знатцовъ» изъ тѣхъ волостей, прежніе жители которыхъ розыскивались), сыщикъ не только долженъ былъ разослать биричей по торгамъ «кликать по многіе дни», чтобы землевладѣльцы, ихъ приказные люди, старосты и цѣловальники приводили къ нему приходцевъ, но и самъ ѣздилъ въ тѣ мѣста, гдѣ по челобитьямъ или другимъ извѣстіямъ должно было находиться много бѣглецовъ. Наконецъ, если къ сыщику не приводили бѣглецовъ, а между тѣмъ прежніе помѣщики били ему челомъ о сыскѣ бѣглыхъ крестьянъ, онъ посылалъ за бѣглыми стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, разсыльщиковъ, дѣтей боярскихъ, отставныхъ дворянъ или уѣздныхъ людей, которыхъ воевода предоставлялъ въ его распоряженіе.

При распросѣ приведенныхъ къ нему бѣглыхъ крестьянъ сыщикъ, въ случаѣ необходимости, могъ прибѣгнуть къ пыткѣ, а крестьянъ, виновныхъ въ какихъ-либо преступленіяхъ, кромѣ побѣга, судилъ и наказывалъ, пользуясь при этомъ даже правомъ вѣшать крестьянъ, учинившихъ «смертное убивство» надъ своими помѣщиками; онъ же взималъ судебныя пошлины со всѣхъ этихъ дѣлъ. Но главная дѣятельность сыщика послѣ сыска состояла въ примѣненіи карательныхъ мѣръ къ виновнымъ. Онъ наказывалъ бѣглыхъ кнутомъ или батогами по принципу групповой отвѣтственности «изъ десяти человѣкъ человѣка по два»; затѣмъ «металъ» въ тюрьму самихъ бѣглецовъ или ихъ женъ и дѣтей (въ случаѣ

тер. для истор. гор., стр. 24). Они имѣютъ то же значеніе, что и сыщики. Сыщикъ И. Кобыльской въ 1651—1654 гг. розыскивалъ бѣглыхъ крестьянъ Заонежскихъ и Лопскихъ погостовъ въ уѣздахъ Новгородскомъ, Псковскомъ, Старорусскомъ, Каргопольскомъ, Вологодскомъ, Бѣлозерскомъ, Городецкомъ, Бѣжецкомъ, Сумскомъ и Кольскомъ острогахъ. Доп. къ А. И., т. Ш, № 82.

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7159 г., № 52: Дѣло о бѣглыхъ тяглыхъ людяхъ разныхъ волостей Устюжскаго уѣзда, о томъ, сколько по окладу падало на нихъ четвертныхъ доходовъ и проч. Здѣсь встрѣчаемъ такую роспись. Въ ней означены: имя бѣглеца, мѣстность, куда онъ бѣжалъ (если она извѣстна), количество принадлежавшихъ ему вытей и слѣдуемаго съ нихъ тягла. А. Э., т. Ш, № 311. Ср. прим. 2 на стр. 149.

они были семейными), пока не найдетъ по нихъ поруки или впредь до возвращенія ихъ къ прежнимъ помѣщикамъ, которые должны были прислать за ними и за ихъ семействами своихъ людей или крестьянъ съ надлежащими крѣпостными актами. Сыщикъ, съ своей стороны, долженъ былъ отсылать бѣглецовъ «за приставы или за поруки» въ тѣ мѣста, откуда они вышли, на подводахъ тѣхъ лицъ, у кого они жили въ бѣгахъ; онъ посылалъ о нихъ отписки и отдавалъ посадскихъ людей городскимъ воеводамъ, крестьянъ—приказнымъ людямъ дворцовыхъ селъ, черныхъ волостей, ямскихъ слободъ и деревень, а у воеводъ, у приказныхъ людей или землевладѣльцевъ бралъ о томъ отписи (росписки) впредь для спору даже въ томъ случаѣ, когда прежніе владѣльцы не захотятъ добровольно принять возвращенныхъ имъ бѣглецовъ. Все это дѣлалось для возможнаго сокращенія пребыванія бѣглыхъ въ тюрьмѣ, для того, чтобы они «съ тюремной нужи не померли». Въ случаѣ долгаго пребыванія бѣглаго въ тюрьмѣ ему выдавался кормъ, который затѣмъ снова взимался въ казну съ помѣщика при выдачѣ послѣднему бѣглеца.

При выполненіи этихъ разнообразныхъ обязанностей сыщикъ велъ книги о томъ, за кѣмъ сыскалъ онъ бѣглыхъ крестьянъ и кому ихъ отдалъ; въ особыя книги записывалъ крестьянъ, отданныхъ владѣльцамъ, когда не бралъ поруки по послѣднимъ въ томъ, что, «буде тѣхъ крестьянъ спросятъ», они поставятъ ихъ туда, куда Государь укажетъ; въ этихъ книгахъ владѣльцы «противъ поручныхъ записей прикладывали руку»; въ новыя книги вносилъ сыщикъ имена крестьянъ, отданныхъ челобитчикамъ безъ представленія съ ихъ стороны нужныхъ на это крѣпостныхъ актовъ, и, наконецъ, записывалъ въ особыя книги судебныя дѣла, подлежавшія его рѣшенію и собранныя имъ судебныя пошлины.

Сыщикъ долженъ былъ сообщать о томъ, «что у него въ томъ сыскномъ дѣлѣ чинится» въ приказъ Сыскныхъ дѣлъ или Помѣстный; въ случаѣ злоупотребленій ему грозила великая опала и казнь; несправедливо вывезенныхъ имъ изъ-за помѣщика крестьянъ на томъ основаніи, будто бы они бѣглые, онъ долженъ былъ доставить обратно на собственный счетъ и выдать ихъ законному владѣльцу неправо доправленныя съ него зажилыя деньги. За то въ случаѣ ложнаго челобитья помѣщика на сыщика, послѣдній доправлялъ съ него безчестье вдвое [1]).

---

[1]) А. Э., т. III, №№ 141, 311; т. IV, № 279. А. И., т. IV, №№ 30, 60, 166 и 254. Доп. къ А. И., т. III, №№ 14, 33, 67, 82; т. IV, №№ 48 и 101.

Такимъ образомъ сыщикъ подвергалъ бѣглыхъ не только сыску, но и наказанію, а вслѣдъ затѣмъ долженъ былъ позаботиться о возвращеніи ихъ на прежнее мѣсто жительства. По возвращеніи бѣглеца въ прежнюю общину или къ прежнему помѣщику, необходимо было вновь водворить его на тягломъ участкѣ. Въ этомъ послѣднемъ актѣ опять выступала община, хотя и въ второстепенной роли. Участки бѣглыхъ крестьянъ, нерѣдко весьма долгое время не возвращавшихся на прежнее мѣсто жительства, или пустѣли, или раздавались другимъ лицамъ, а иногда присвоивались оставшимися членами тяглой общины. Поэтому сысканные «сошлые» крестьяне часто не могли розъискать или получить обратно прежнихъ своихъ участковъ. Воеводы и другіе приказные люди рѣдко вмѣшивались во внутренніе распорядки крестьянскаго міра и для устраненія недоразумѣній часто посылали одного изъ мелкихъ приказныхъ или служилыхъ людей въ погосты и волости къ старостамъ и цѣловальникамъ; послѣдніе составляли роспись участковъ «сошлыхъ» крестьянъ, въ которой должны были означить вправду по государеву крестному цѣлованію имена крестьянъ, владѣвшихъ запустѣвшими участками, крѣпостные акты, служившіе основаніемъ владѣнія, давность и стоимость этихъ актовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ требовались свѣдѣнія о томъ, владѣютъ ли крестьяне, захватившіе эти участки, какими-либо другими землями. Роспись за руками поповъ и волостныхъ людей передавалась посыльному воеводы, а послѣдній пользовался ею для размѣщенія «сошлыхъ» крестьянъ по своимъ участкамъ [1]). Въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, гдѣ не было волостнаго устройства, обязанности земскихъ властей выполнялись землевладѣльцемъ или его приказными людьми. Наконецъ, на посадахъ все происходило, вѣроятно, тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ черныхъ волостяхъ [2]).

П. С. З., т. I, №№ 220, 350, 364; т. II, № 998 (ст. 6, 13, 16 и 32). Чернила и бумагу, нужныя для книгъ, сыщикъ бралъ у воеводы —*М. Семевскій*, Ист.-юрид. акты въ Чт. М. О. И. и Д. 1869 г., кн. IV, Мат., № 33.— По знатцамъ брались выборы воеводой. Доп. къ А. И., т. III, № 82, I. Помѣщики и вотчинники иногда сопротивлялись сыщикамъ; въ другихъ случаяхъ отнимали у нихъ сысканныхъ крестьянъ. Ibid., № 82, IV и V.

[1]) А. И., т. IV, № 51. А. Х. и У. Е.—Б, № XLIII. Ср. выше стр. 134.

[2]) Объ устройствѣ особенно строгаго надзора за переселенцами въ Сибирь см. А. И., т. IV, № 246; т. V, №№ 4, 108, 113, 126, 133, 160. Доп. къ А. И., т. V, № 95; т. VI №№ 7, 19 и 103; т. VIII, № 21; т. X, № 95. П. С. З., т. II, № 1030. О подобномъ же устройствѣ въ Астрахани см. въ А. И., т. IV, № 184.

Сыскъ и возвращеніе на прежнее мѣсто жительства были послѣдними звеньями той сѣти, въ которой правительство стягивало мірскую самостоятельность, по скольку она имѣла значеніе для опредѣленія состава тяглои крестьянской или посадской общины. Не выказывая особенно сильнаго стремленія ко вмѣшательству въ дѣло распредѣленія тяглыхъ участковъ между наличными и даже вновь поступавшими членами общины, правительство обратило вниманіе свое, главнымъ образомъ, на ея искусственную кристаллизацію. Необходимость послѣдней вызвана была въ значительной мѣрѣ все болѣе и болѣе развивавшимся репартиціоннымъ характеромъ податной системы, а стадіи этого процесса естественно опредѣлились періодичностью переписей. Въ выполненіи этого замысла правительство столкнулось, однако, съ закоренѣлою привычкой населенія къ частымъ и далекимъ передвиженіямъ, которыя возможны были въ виду массы пустопорожнихъ земель и поддерживались плохимъ состояніемъ народнаго хозяйства. Поэтому, для прикрѣпленія тяглыхъ классовъ потребовались не только безпрестанныя общія и частныя правительственныя распоряженія и угрозы, но и сыскъ и наказаніе виновныхъ, а примѣненіе этихъ началъ къ жизни породило со стороны правительства довольно сложную дѣятельность, которая распредѣлялась частью между существовавшими, частью между вновь образованными административными органами.

4. Борьба тяглыхъ интересовъ городскаго и сельскаго населенія; вліяніе правительства на эту борьбу.

До сихъ поръ мы разсматривали крестьянскую и посадскую тяглую общину независимо другъ отъ друга. Но сосуществованіе ихъ въ предѣлахъ одного и того же уѣзда естественно порождало между ними взаимодѣйствіе. Это взаимодѣйствіе первоначально сказывалось довольно слабо лишь въ сферѣ экономическихъ интересовъ и не вызывало почти никакой вражды между городомъ и уѣздомъ въ виду отсутствія какихъ бы то ни было значительныхъ отличій ихъ другъ отъ друга даже въ хозяйственномъ отношеніи и возможности сосуществованія болѣе или менѣе тождественныхъ экономическихъ предпріятій безъ особенно сильной конкурренціи. Но съ постепеннымъ развитіемъ мѣстной экономической жизни, все болѣе и болѣе выдѣлялись отличныя другъ отъ друга особенности городскаго и сельскаго хозяйства. Правительство поспѣшило воспользоваться этимъ процессомъ для того, чтобы опредѣлить

различія того и другаго въ юридическомъ, главнымъ образомъ въ финансовомъ отношеніи и закрѣпило эти особенности за извѣстными классами окончательнымъ уничтоженіемъ вольнаго перехода. Естественно, что обособленіе хозяйственныхъ выгодъ и сословныхъ правъ городскаго и сельскаго населенія должно было вызвать различіе тяглыхъ интересовъ того и другаго класса, а такое различіе повело ихъ къ довольно сильной борьбѣ. Итакъ, послѣдняя была результатомъ долговременнаго процесса, который необходимо разсмотрѣть, хотя бы въ общихъ чертахъ, въ виду его вліянія на измѣненіе характера мірской раскладки и взиманія въ первой и второй половинѣ XVII вѣка.

Въ первой половинѣ XVII вѣка городъ еще мало выдѣлился изъ уѣзда въ какомъ бы то ни было отношеніи. Въ городѣ такъ же, какъ и въ уѣздѣ, земля дѣлилась на государственную черную, частную землевладѣльческую (на помѣстномъ или вотчинномъ правѣ) и на дворцовую. Многіе города носили явные слѣды образованія изъ слободъ, населенныхъ прежде крестьянами; даже въ концѣ XVII вѣка появлялись царскіе указы о приписки крестьянскихъ слободъ къ посаду на томъ основаніи, что крестьянскіе дворы съ посадскими сошлись [1]). Нельзя не припомнить при этомъ, что при каждомъ посадскомъ дворѣ находился огородъ, и что многіе изъ посадскихъ людей еще занимались земледѣліемъ; наоборотъ, встрѣчались крестьяне и цѣлыя крестьянскія поселенія съ торгово-промышленнымъ характеромъ Таковы, напр., село Клементьевское, принадлежавшее Троице-Сергіеву монастырю, дворцовое село Дунилово, дворцовыя слободы Гавриловская и Александровская, гдѣ было больше непашенныхъ, чѣмъ пашенныхъ крестьянъ, и стояло по нѣскольку десятковъ лавокъ. Въ пригородныхъ слободахъ и деревняхъ крестьяне, кромѣ хлѣбопашества, также промышляли разными промыслами, не говоря о неплодородныхъ приморскихъ мѣстностяхъ, гдѣ иногда занимались исключительно одними промыслами и покупали хлѣбные запасы [2]). Конечно, промышленность и торговля были

---

[1]) А. Э., т. III., № 293. Ярослав. губ. вѣд. 1856 г., № 4. Описаніе Троицкаго Данилова мон., М., 1832 г., стр. 97. Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн. г. Владиміра 7154 г., кн. 12611, лл. 19, 21 об., 26.

[2]) *І. А.*, Село Клементьевское въ Чт. М. О. И. и Д. 1887 г., кн. II, стр. 11, 25, 39, 43—47. Владим. губ. вѣд. 1854 г., № 19, (Писц. книги Александровской слободы 1677 г.); 1875 г., №№ 17—27. Писц. кн. села Дунилова и Мадрасской волости 1620 и 1632 г.); 1883 г. №№ 37—43. (Писц. кн. Гавриловской слободы, Суздальскаго уѣзда, на р. Ирмышѣ 1674 — 1677г. Тоже въ

болѣе значительно развиты на посадѣ и почти вполнѣ отсутствовали въ уѣздѣ; на значеніе посадовъ въ этомъ отношеніи указываетъ приписка къ нимъ гораздо ранѣе извѣстнаго постановленія Уложенія — ближайшихъ слободъ на томъ основаніи, что жители ихъ «живутъ не на пашнѣ, промышляютъ торжишкомъ» [1]). Но все же можно сказать, что посадскій человѣкъ, часто находившійся въ сношеніяхъ съ уѣздомъ, далеко не оторванный отъ почвы, въ первой половинѣ XVII вѣка еще во многомъ напоминалъ своимъ хозяйствомъ простаго крестьянина, земледѣльца. При столь значительномъ единообразіи крестьянскаго и посадскаго хозяйства и незначительномъ различіи крестьянъ и посадскихъ людей въ духовномъ отношеніи, неудивительно, что между селомъ и городомъ рѣзкой грани не существовало. Сохранились свидѣтельства о переходѣ крестьянъ на посадъ и выходѣ посадскихъ людей въ уѣздъ. Такъ напр., во Владимірѣ въ 1646 году жили крестьяне боярина П. Н. Романова; они пришли изъ его вотчинъ въ Юрьевскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ, сидѣли на оброчныхъ мѣстахъ и кормились работой. Въ Калугѣ въ то же время жили на посадской тяглой землѣ крестьяне подьячаго Дмитрія Шубина изъ его Мещовскаго помѣстья деревни Тарасовой и давали годовой оброкъ въ земскую избу. Въ Серпуховѣ, въ 1646 году, наоборотъ, встрѣчаются посадскіе люди, сшедшіе въ Одоевскій, Оболенскій уѣзды и другія мѣста къ землевладѣльцамъ въ крестьяне или кормиться своею работой. Въ Гороховцѣ по сотной выписи Захарья Быкова да подъячего Колобова 7139 (1631) года написаны были тяглыми: дворы Лазарки Кондратьева да Ивашки Койсарова, ярыжнаго. Но

Ежегодникѣ Владимірскаго стат. ком., т. V, Влад., 1885 г., стр. 75—100. П. С. З., т. I, № 35. Доп. къ А. И. т. VI, № 35. *Н. Стромиловъ*, Александровская слобода въ XVII в. во Влад. епарх. вѣдом. 1882 г., №№ 18, 19 и 20; 1883 г., № 1 и 4. Судя по этимъ даннымъ въ вышеуказанныхъ поселеніяхъ можно насчитать:

Въ селахъ и слободахъ:	Крестьянскихъ (жилыхъ) дворовъ.		Лавокъ и мѣстъ лавочныхъ.	Навѣсовъ, полковъ, кузницъ, солодовенъ, анбаровъ, шалашей, прилавковъ и горшечныхъ мѣстъ.
	Пашенныхъ.	Непашенныхъ.		
Клементьевскомъ . . .	125	137	Лавки и торгъ, переведенный сюда изъ Радонежа.	
Дуниловѣ	39	117	38	73
Александровской	8	156	77	49
Гавриловской	0	106	58	17

[1]) Влад. губ. вѣд. 1861 г., № 27, (1613 г.).

при переписи 1646 года оказалось, что Лазарко съ роднымъ братомъ своимъ Наумкомъ изъ Гороховца сбѣжали лѣтъ десять и живутъ во Владимірскомъ уѣздѣ, въ Ерополческой волости, въ двухъ разныхъ деревняхъ, а Кайсаровъ ушелъ лѣтъ 6 тому назадъ въ Свіяжскій уѣздъ на услонъ Троице-Сергіевскаго монастыря. Иногда связь между деревней и городомъ поддерживалась путемъ брачныхъ союзовъ. Такъ напр., въ томъ же Гороховцѣ жилъ, между прочимъ, Мишка, Никифоровъ сынъ, прозвище Дунинъ. У него были дѣти, Лучка да Васька. «А мать Мишкина вышла же замужъ Гороховскаго уѣзда вотчины стольника Алексѣя Буйносова Ростовскаго въ деревню Чтельницы за крестьянина Ѳедьку Зуба. А съ нею два сына, а Мишкины братья, Андрюшка да Ивашка. И далъ Ѳедька Зубъ въ тѣхъ насыпкахъ на себя запись въ 142-мъ году (въ томъ), будетъ они не похотятъ жить у него въ дому и ихъ ему отпустить, куда они похотятъ». Поэтому, въ одной и той же семьѣ иногда встрѣчались посадскіе и крестьяне Въ Воротынскѣ, напр., въ 1646 году жилъ крестьянинъ Андрюшка Никоновъ, у котораго племянникъ былъ посадскимъ человѣкомъ [1]). Посадскіе люди, кромѣ своего городскаго двора и огорода весьма часто пахали пустые участки въ городѣ или за городомъ и, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ, владѣли землями въ уѣздѣ [2]). Крестьяне, наоборотъ, нерѣдко владѣли городскими дворами и лавками. Бывали даже случаи, когда одною и тою же лавкой владѣли пополамъ крестьянинъ и посадскій человѣкъ, какъ это встрѣчается, напримѣръ, въ Тулѣ въ 1625 году [3]). Случалось также, что окологородными землями или другими угодьями посадскіе люди владѣли сообща съ крестьянами. Сольвычегодцы, напримѣръ, въ 1620 году владѣли вмѣстѣ съ окологородными крестьянами черными лѣсомъ по рѣкѣ Вычегдѣ съ сѣнокосами и вмѣстѣ платили оброкъ съ этихъ земель. Рыбною ловлей на Москвѣ рѣкѣ подъ Можайскомъ владѣли 5 крестьянъ изъ двухъ деревень Можайскаго уѣзда и 3 Можаи-

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Перен. книги 7154 г.: г. Владиміра, кн. 12611, лл. 62—63; г. Калуги, кн. 162, л. 40 об.; г. Серпухова, кн. 440, л. 1—53.; г. Гороховца, кн. 15398, лл. 11 об., 34; ср. также перен. книги того же года г. Дмитрова, кн. 126, л. 79; г. Арзамаса, кн. 23, л. 156 (155), г. Воротынска, кн. 162, л. 252 об. и мн. др. Ц. С. З., т. I, № 364. Доп. къ А. И., т. III, № 64.

[2]) П. С. З., т. I, № 80. А. о. до Ю. Б. т. III, № 340, X.

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Оброчная кн. лавкамъ г. Тулы 7133 г., кн. 139, л. 106. Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, л. 194. Олонец. губ вѣд. 1867 г., № 17. Владимірскій Сборникъ, изд. К. Тихонравовымъ, М., 1857 г., стр. 166. А. Э., т. III, № 138.

чей, посадскихъ людей. Нѣкоторые мѣстные налоги, обыкновенно, разлагались сообща на посадскихъ и сошныхъ людей. Мало того: въ немногихъ случаяхъ крестьяне и бобыли ближайшихъ слободъ и даже деревень платили тягло вмѣстѣ съ посадскими людьми, сидѣли вмѣстѣ съ ними въ таможнѣ, числились въ одномъ и томъ же приходѣ, какъ это было, напримѣръ, съ крестьянскимъ населеніемъ слободы и трехъ деревень Макарьевской пустыни при Бѣжецкомъ верхѣ [1]). Неудивительно поэтому, что въ числѣ поручителей по посадскомъ человѣкѣ встрѣчаются крестьяне, что они иногда сами себя называютъ посадскими людьми и даютъ по себѣ поручныя записи въ тяглѣ и въ житьѣ земскому старостѣ въ земскую избу [2]).

Большое различіе видимъ мы между селомъ и городомъ въ административномъ отношеніи. На посадѣ сидѣлъ воевода, которому дана была административная и отчасти судебная власть не только въ предѣлахъ городской черты, но и во всемъ уѣздѣ: въ область его вѣдомства входило и полицейское управленіе, если послѣднимъ не завѣдывало отдѣльное лицо—губной староста; на посадѣ же жилъ земскій староста, въ рукахъ котораго сосредоточивались, главнымъ образомъ, дѣла мѣстнаго финансоваго управленія иногда не только въ предѣлахъ одного посада, но и всего уѣзда. Такимъ образомъ, городъ въ первой половинѣ XVII вѣка уже являлся до нѣкоторой степени административнымъ, судебнымъ и финансовымъ центромъ, который нерѣдко имѣлъ и военное значеніе. Но усиленію его, какъ мѣстнаго центра, препятствовало малое развитіе сословной опредѣленности, что зависѣло отъ незначительнаго различія крестьянскаго и посадскаго хозяйствъ, дозволявшихъ легкій переходъ отъ одного къ другому, и отсутствіе строгаго разграниченія компетенцій разныхъ мѣстныхъ волостныхъ учрежденій, допускавшее непосредственныя сношенія крестьянской общины или мѣстнаго землевладѣльца съ центральными учрежденіями помимо воеводы.

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Сольвычегодска 7128 г., кн. 15039 л. 33. Дозор. кн. г. Можайска 7124 г., кн. 251, л. 258. П. С. З., т. I, № 35. Хотя послѣднее свидѣтельство относится къ 1650 году, однако, какъ видно изъ самаго указа, статьи Уложенія еще не получили здѣсь примѣненія. — А. Э., т. III, № 138.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Коломны 7131 г., кн. 201, лл. 122—129. *В. Борисовъ*, Описаніе Шуи, № 19. (Здѣсь напечатана міровая отпись 1637 года, гдѣ крестьянинъ князя Ив. Ив. Шуйскаго Леонтій Кумошенокъ, державшій вмѣстѣ съ нѣсколькими посадскими людьми мельницу на оброкѣ, называетъ себя посадскимъ человѣкомъ). Описаніе Троицкаго Переяславскаго монастыря, М., 1834 г., Грам. № XVI.

Съ теченіемъ времени, однако, особенности городскаго и сельскаго хозяйства стали обнаруживаться яснѣе. Уже въ первой половинѣ XVII вѣка встрѣчаются указанія, впрочемъ, едва ли вполнѣ достовѣрныя, на довольно рѣзкое различіе между посадомъ и уѣздомъ въ этомъ отношеніи Такъ напр., Рязанцы объявили писцамъ въ 1626 году, «что за ними пашенные земли и луговъ и рыбныхъ ловель нѣтъ». То же оказалось въ Бѣлевѣ. Наоборотъ, въ то же время уже приписывались слободы къ городамъ на томъ основаніи, что жители ихъ «живутъ не на пашнѣ, промышляютъ торжишкомъ» [1]). То же различіе обнаружилось еще ярче по вопросу о сборѣ стрѣлецкаго хлѣба съ посадскихъ и уѣздныхъ людей Съ тѣхъ и съ другихъ сборы эти продолжали взиматься и послѣ Уложенія въ натуральномъ видѣ, не смотря на ихъ несоотвѣтствіе съ промышленно-торговымъ характеромъ города; посадскіе люди, уже мало занимавшіеся земледѣліемъ, принуждены были по увеличеннымъ цѣнамъ покупать требуемые хлѣбные запасы на Москвѣ у подрядчиковъ и тѣмъ повышали хлѣбныя цѣны. Лишь съ 1673 года приказано было взимать съ посадскихъ людей деньги за стрѣлецкіе хлѣбные запасы и это на томъ основаніи, «что они люди торговые, а не пашенные» [2]).

Но если въ данномъ случаѣ правительство не спѣшило признать за городомъ свойственныхъ ему особенностей въ виду фискальныхъ цѣлей, то, наоборотъ, въ другихъ отношеніяхъ тѣ же соображенія давно уже побудили его опредѣлить эти особенности законодательнымъ путемъ. Необходимо было предохранить тяглую посадскую общину отъ злоупотребленій бѣломѣстцевъ—земледѣльцевъ, отъ наводненія ея мелкимъ промышленнымъ и торговымъ людомъ, который находился въ зависимости отъ духовенства и высшихъ разрядовъ служилыхъ людей или принадлежалъ къ низшимъ слоямъ послѣднихъ и подрывалъ матеріальное благосостояніе посадскихъ людей, въ большинствѣ случаевъ малоспособныхъ вступить съ нимъ въ конкурренцію. Съ этою цѣлью уже во второй половинѣ XVI вѣка, не говоря о послѣдующемъ времени, слободки съ промышленнымъ и торговымъ населеніемъ стали приписываться къ посаду, причемъ тогда уже это дѣлалось по челобитьямъ по-

[1]) *Рязань*, Матер. для истор. гор., стр. 22. *Бѣлевъ*, То же, стр. 3. Срав. прим. 1 на стр. 166.

[2]) А. Э., т. IV, № 189.

[3]) *Н. Чечулинъ*, Города Московскаго Государства въ XVI вѣкѣ, Спб., 1889 г., стр. 71 и 175. Влад. губ. вѣд. 1861 г., № 27.

садскихъ людей. До Уложенія бывали также попытки разграничить посадъ отъ уѣзда какъ въ экономическомъ, такъ и въ юридическомъ отношеніи. Такъ напр., во Псковѣ, а затѣмъ и въ Новгородѣ велѣно было монастырскимъ крестьянамъ, записаннымъ за монастырями въ писцовыхъ книгахъ и занимавшимся торговыми промыслами на посадѣ, хотя бы они жили на монастырскихъ дворахъ, тѣмъ не менѣе служить службы (но не платить тягла) вмѣстѣ съ посадскими людьми; незаписаннымъ же за монастырями прямо записаться въ тягло и въ службы на посадѣ [1]). Все это были, однако, частныя и временныя попытки, которыя получили характеръ общаго распоряженія лишь со времени Уложенія. Статьи послѣдняго вызваны были челобитьями «всей земли» [2]). Здѣсь впервые проведена ясная и рѣзкая черта между городомъ и уѣздомъ въ юридическомъ отношеніи [3]); запрещено бѣломѣстцамъ владѣть на посадѣ слободами, помѣстьями и вотчинами, которыя сошлись съ посадами, дворы съ дворами; кабальные люди, «которыхъ отцы и родители были посадскими людьми или вышли изъ государевыхъ волостей», взяты въ тягло: постоянное жительство крестьянъ, кромѣ одного на каждомъ дворѣ землевладѣльца, у котораго не было своихъ людей, не дозволено переходъ посадскихъ людей въ уѣздъ окончательно ограниченъ прикрѣпленіемъ ихъ къ мѣсту жительства; за то въ ихъ рукахъ сосредоточена промышленность и торговля, ибо крестьянамъ и другимъ людямъ, подъ страхомъ торговой казни и безденежной конфискаціи, запрещено владѣть на посадѣ промышленными заведеніями, которыя они должны были продать посадскимъ тяглецамъ, а лавочный оброкъ неразрывно соединенъ съ тягломъ, что при-

---

[1]) А. Э., т. IV, № 24. Въ этой царской грамотѣ Новгородскимъ воеводамъ 25 марта 1648 г. упоминается объ этомъ болѣе раннемъ распоряженіи.

[2]) А. Э., т. IV, № 32. Доп. къ А. И., т. III, № 47, I и III. На подобное происхожденіе этихъ статей указывали *А. Щаповъ*, *В. Сергѣевичъ*, *Н. Загоскинъ*, Мнѣнія объ этомъ собраны у *В. Латкина*, Земскіе соборы, Спб., 1885 г., стр. 220—227. *В. С.* Критическая замѣтка на соч. г. Латкина въ Юридич. Библіографіи, № 5, стр. 222.

[3]) На Западѣ то же различіе сказывается уже въ XI вѣкѣ (*A. Heussler*, Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung, Weimar, 1872, S. 128) или съ самаго начала XII в. Впрочемъ, въ Германіи связь между городомъ и уѣздомъ еще не окончательно порвана въ XIII вѣкѣ. (*W. Nitzsch*, Geschichte des deutschen Volks, B. III, S. 320, Leipz., 1885). Стремленіе къ сліянію слободъ съ городомъ, а иногда и самое сліяніе уже встрѣчаемъ въ XII вѣкѣ, напр. въ Реймсѣ. (*A. Thierry*, Lettres sur l'histoire de France, 13 ed., p. 301).

нуждало служилаго или торговаго человѣка гостинной и суконной сотни, а также вольнаго по необходимости превратиться въ посадскаго тяглеца, если они и впредь желали заниматься промыслами и торговлей [1]). Всѣ эти постановленія гораздо рѣзче выдѣлили посадъ изъ уѣзда, чѣмъ то было въ прежнее время.

Съ большою энергіей стало правительство примѣнять эти мѣры; уже въ первые три года послѣ составленія Уложенія отписано было въ тягло до 10.095 дворовъ и до 21.036 человѣкъ различныхъ состояній [2]). Нельзя думать, однако, чтобы всѣ вышеуказанныя законодательныя распоряженія въ скоромъ времени осуществились на дѣлѣ. Они вводились постепенно и еще не вполнѣ отжили свой вѣкъ въ послѣдней трети XVII вѣка [3]).

---

[1]) Уложеніе гл. XIX. А. Э., т. IV, № 39. Первоначально при припискѣ слободъ къ посадамъ правительство хотѣло установить срокъ съ 1613 года. Но по челобитью всякихъ чиновъ выборныхъ людей въ 1648 году ноября 25 урочные годы были отмѣнены (А. Э., т. IV, № 32). Слободы приписывались къ посаду «по торгу и по промыслу и по ремеслу и по близости» (Р. И. Б. т. XI, прил., стр. 81). На ликвидацію дѣлъ по случаю продажи дворовъ и лавокъ данъ былъ ихъ владѣльцамъ трехмѣсячный срокъ. (А. И., т. IV, №№ 29 и 76). Исключенія сдѣланы въ пользу стрѣльцовъ, казаковъ, драгунъ, также пушкарей, затинщиковъ, воротниковъ, казенныхъ плотниковъ и кузнецовъ, находившихся на службѣ; имъ дозволено было владѣть лавками, но не безъ уплаты лавочнаго оброка и таможенныхъ пошлинъ. (А. Э., т. IV, № 36). Служилымъ людямъ, не получавшимъ кормоваго и денежнаго жалованья также дозволено было заниматься рукодѣліемъ и торговлей. (П. С. З., т. II, № 1143, нояб. 1685 г.).

[2]) Влад. губ вѣд. 1879 г., № 25. Это любопытное извѣстіе оффиціальнаго происхожденія. О немъ сообщаетъ одна царская грамота Шуйскому воеводѣ 1678 года октября 28: «Въ прошлыхъ въ 157, 158 и 159 годѣхъ», читаемъ мы здѣсь, по указу отца нашего блаженные памяти великаго Государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца и по сыску боярина нашего князя Юрья Алексѣевича Долгорукаго взято на Москвѣ и въ городѣхъ (и) патріаршихъ и властелинскихъ и монастырскихъ и бояръ нашихъ и окольничьихъ и думныхъ и ближнихъ всякихъ чиновъ людей и слободъ и врозь торговыхъ и промышленныхъ и ремесленныхъ людей—въ посады и въ сотни и въ слободы въ тягло и въ тяглые службы по посадцкому житью и по близости 10.095 дворовъ, а людей въ нихъ 21.036 человѣкъ...»—Частнымъ примѣромъ можетъ служить списокъ новоприписныхъ тяглецовъ взятыхъ въ тягло на посадъ въ 1649—1652 г. въ Серпуховѣ. См. *П. Симсонъ*, Истор. гор. Серпухова, М., 1880 г., стр. 282—293.

[3]) А. Э., т. IV, №№ 158 и 169. А. И., т. V., №№ 198, 204, 228. Доп. къ А. И., т. VIII, № 48. П. С. З., т. II, № 1123. А. Х. и У. Е.—Б, №№ LXXII и CXLVI.—*Ю. Крижаничъ* (Рус Госуд. I: О поспѣшеніи домашняго торгов-

Усилившееся различіе городскаго и уѣзднаго хозяйства въ связи съ тѣми юридическими гранями, какія поставило между ними дѣйствовавшее право со временъ Уложенія, вызвало довольно рѣзкое различіе и между принципами мірской раскладки и взиманія, а это повело къ цѣлому ряду споровъ и столкновеній и разрѣшалось иногда болѣе или менѣе полнымъ выдѣленіемъ посада изъ уѣзда и въ этомъ отношеніи. Процессъ такого выдѣленія мало замѣтенъ въ уѣздахъ, гдѣ помѣстья и вотчины составляли преобладавшій типъ землевладѣнія; тамъ онъ начался гораздо ранѣе и совершался менѣе замѣтнымъ и своеобразнымъ путемъ, ибо въ виду различія между посадскимъ населеніемъ, живущимъ на черныхъ земляхъ, и помѣщиковыми или вотчинниковыми крестьянами, онъ принималъ скорѣе характеръ борьбы посадскихъ людей съ землевладѣльческимъ классомъ, тяглецовъ съ бѣломѣстцами. Въ черныхъ волостяхъ, напротивъ, борьба эта обнаруживалась между двумя тяглыми классами, посадскими людьми и крестьянами. Вотъ почему здѣсь она стала зарождаться позднѣе и сказалась въ болѣе типическихъ чертахъ.

Самыя обстоятельства, по поводу которыхъ сталъ обнаруживаться глухой антагонизмъ между городскимъ и сельскимъ населеніемъ, показываютъ, что городъ еще не вполнѣ выдѣлился изъ уѣзда. Оффиціально признанному различію городскаго и сельскаго хозяйства противорѣчили нѣкоторыя явленія, происходившія въ экономической жизни черныхъ волостей. Здѣсь посадскіе люди продолжали владѣть многими деревнями въ уѣздѣ, но не хотѣли тянуть съ нихъ тягла наравнѣ съ крестьянами и входить въ мірскіе ихъ протори и разметы. До тѣхъ поръ, однако, пока посадъ облагался вмѣстѣ съ уѣздомъ, иначе и быть не могло. Поэтому сословные интересы посадскихъ людей побуждали ихъ къ образованію изъ посада съ уѣздными землями, принадлежавшими собственно посадскимъ людямъ, особой, независимой отъ крестьянъ финансовой единицы, которая подлежала бы особому окладу, самостоятельной

ства, ст. 19) высказывался въ пользу права стрѣльцовъ заниматься торговлей. Ср. прим. 1 на стр. 51. Въ 1658 году за женитьбу посадскаго человѣка на крестьянкѣ безъ отпускной и за выходъ замужъ дѣвушки изъ посада за крестьянина правительство грозило смертною казнью. (А. Э., т. IV, № 101). Строгость наказанія показываетъ, что встрѣчались, вѣроятно, частыя нарушенія этого запрещенія. Въ Регламентѣ главнаго магистрата отъ 16 янв. 1721 г. и въ резолюціяхъ 27 сентября 1723 г. (П. С. З., т. VI, № 3708 т. VII, № 4312) переповторяются нѣкоторыя изъ постановленій Уложенія.

раскладкѣ, взиманію и доставкѣ податей помимо уѣзда. Если сельское населеніе недружелюбно относилось къ такимъ стремленіямъ и не хотѣло добровольно лишиться богатыхъ и вліятельныхъ плательщиковъ, то, съ другой стороны, много терпѣло отъ посадскихъ людей, которые имѣли болѣе непосредственное вліяніе на земскую посадскую избу, чѣмъ крестьяне, слѣдовательно, нерѣдко вызывали несправедливую мірскую раскладку податей, разумѣется, въ собственную пользу. Такимъ образомъ, и со стороны крестьянъ обнаруживались попытки отдѣлиться отъ посада, но съ сохраненіемъ въ числѣ уѣздныхъ тяглыхъ земель тѣхъ деревень, которыми владѣли посадскіе люди. По поводу этихъ деревень и возникали значительные раздоры между тѣми и другими.

Такая борьба происходила, напр , между Устюжскимъ посадомъ и уѣздомъ. Здѣсь въ семидесятыхъ годахъ XVII вѣка посадскіе люди повидимому сильно притѣсняли крестьянъ. Они выбирали изъ своей среды посадскихъ людей въ земскіе старосты, собирались въ посадскую земскую избу для своихъ посадскихъ совѣтовъ почасту; взимали съ Устюга, съ посада по окладу всякіе великаго Государя четвертные доходы и на ямскіе отпуски деньги, а объ уѣздныхъ крестьянахъ ни въ чемъ не пеклись и ни о какихъ всеуѣздныхъ дѣлахъ не радѣли. По этому поводу крестьяне жаловались на своихъ притѣснителей въ челобитной, поданной Государю: «А уѣзднымъ крестьянамъ, писали они, въ тое посацкую избу для волостныхъ совѣтовъ собиратца не лзе, а се Устюжскіе старосты и не пущаютъ и въ томъ волостнымъ крестьяномъ чинятца великіе волокиты и убытки и безсовѣтица и въ томъ безсовѣтіѣ всякая неисправа и крестьяне у нихъ посацкихъ людей во всемъ были порабощены; и посацкіе земскіе старосты по своему богатству гордостью своею крестьянъ тѣснили и вмѣняли себѣ вмѣсто рабовъ и могутьствомъ своимъ и великими пожитки у нашей братьи у скудныхъ крестьянъ покупали себѣ въ Устюжскомъ уѣздѣ лутчіе деревни и почали быть во многихъ волостяхъ владѣльцами и оттого мы крестьяне въ ихъ насильствѣ оскудали и отъ той скудости крестьяне въ ихъ деревняхъ работаютъ на нихъ вмѣсто рабовъ ихъ, а за ними посацкими людьми и за монастыри въ деревняхъ ихъ живутъ волостные бывшіе тяглые крестьяне, а тѣхъ крестьянъ великаго Государя всякія подати оплачиваемъ послѣдніе волостные крестьяниика» [1]) Такое положеніе долго не могло продолжаться и вскорѣ,

[1]) А. о. до Ю. Б., т. III, № 340, Х. Имп. Публ. Библ., QII, № 44, Грамоты о земскомъ управленіи въ Устюгѣ, л. 41.

въ 1675 году, повело къ столкновенію между недовольными крестьянами и посадскими людьми. Вожакомъ недовольныхъ явился Григорій Мыльниковъ, бывшій тогда таможеннаго и кружечнаго сборовъ старостой. Григорій съ разрѣшенія воеводы собралъ на посадъ всѣхъ волостей волостныхъ людей «будто для совѣту о ямскомъ дѣлѣ и для вѣдомости отпуску Галанской земли посла» [1]). Но волостные люди собрались послѣ отпуска посла «Галанской земли» и, вмѣсто того, чтобы разоитись, «вечали новое дѣло и выбрали тѣхъ своихъ совѣтниковъ самовольствомъ, чево напередъ сего никогда не бывало—во всеуѣздные земскіе старосты волостнаго крестьянина Петра Хомякова и учинили особую, наемную, новозатѣйную волостную избу кромѣ общіе старинной посацкой земской избы...» Этимъ дѣло, однако, не кончилось. Воевода Устюжскій, по челобитной Мыльникова и Хомякова «съ товарищи», переслалъ къ нимъ въ новую избу волостныхъ выборныхъ третчиковъ со всею земскою коробкой, съ приходными и расходными книгами и съ наличными мірскими общими деньгами и отписалъ Устюжскій уѣздъ отъ посада. Съ этого времени новый всеуѣздный староста вмѣстѣ съ таможеннымъ и ямскимъ головами сталъ окладывать уѣздъ разными податями. Но въ уѣздѣ находились деревни монастырей, гостей и посадскихъ людей, которыя подлежали тому же окладу. Посадскіе люди никакъ не хотѣли допустить, чтобы безъ ихъ совѣта и согласія могъ производиться такой окладъ. Хотя уѣздные люди «въ платежахъ во всякія мірскія издержки посадскимъ людямъ отъ всеуѣздной избы не отказывали», и предлагали имъ дать во всеуѣздную избу къ земскому, всеуѣздному старостѣ въ товарищи какого-нибудь выборнаго для денежнаго сбора и расхода, посадскіе люди не унимались. Они нѣсколько разъ посылали челобитныя государю, увѣряли, что имъ невозможно тянуть тягла и службъ служить вмѣстѣ съ крестьянами, что всеуѣздный староста окладываетъ ихъ большимъ бѣлочнымъ окладомъ противъ сошнаго и вытнаго письма въ полтора раза и вдвое, что уѣздные горланы и ябедники завладѣли мірскими деньгами «съ тысячу рублевъ». Всеуѣздный староста, въ свою очередь, подавалъ въ Москвѣ черезъ посыльщика челобитныя о томъ, чтобы деревнямъ посадскихъ людей быть съ крестьянами вмѣстѣ, «а не особь статьею и въ податяхъ промежъ собою верстатца» [2])

[1]) О компетенціи таможеннаго старосты въ этомъ отношеніи см. гл. IV, § 2.

[2]) А. Х. и У. Е.—Б, № CXVIII. Доп. къ А. И., т. X, № 69. Царскимъ

Дѣло затянулось и перенесено было въ Москву, гдѣ посыльщики заинтересованныхъ сторонъ стали бродить по приказамъ и давать взятки приказнымъ людямъ, такъ что «отъ бродни гораздо голова и ноги у нихъ заболѣли и на нутрѣ мутно стало отъ издержекъ». Волостные люди не жалѣли денегъ, «держали на день рублевъ по сту», и такимъ образомъ оспорили гостя всѣхъ монастырскихъ и посадскихъ людей; они добились благопріятной для себя грамоты, въ силу которой получили право окладывать всѣхъ вмѣстѣ по переписнымъ книгамъ; ослушники изъ лучшихъ людей, не желавшіе окладываться и платить съ крестьянами въ рядъ, подвергались пенѣ въ 50 рублевъ, а середніе и молодшіе—наказанію [1]). Болѣе десяти лѣтъ длились подобные раздоры, но установленная въ 1675 году новозатѣйная всеуѣздная изба продолжала существовать. Нѣсколько новыхъ всеуѣздныхъ земскихъ старостъ успѣли замѣнить извѣстнаго Григорія Мыльникова, который послѣ своей службы выбранъ былъ въ старосты Богословской церкви и не разъ еще подвергался разнымъ гоненіямъ отъ своихъ недруговъ [2]).

Что раздоры Устюжанъ—не исключеніе, доказывается другими аналогичными примѣрами. Всеуѣздные старосты упоминаются въ Сольвычегодскѣ и Тотьмѣ [3]). Окологородная волость въ Сольгаличѣ имѣла свою земскую избу помимо посадской [4]). Такія же столкновенія происходили и между Кайгородцами и крестьянами Зюдзинской волости, Соликамскимъ посадомъ и уѣздомъ По чело-

---

указомъ отъ 28 Марта 1691 года велѣно было «во всеуѣздной земской избѣ у сбору великихъ Государей денежные казны у земскихъ всякихъ розходовъ быть имъ монастырцомъ по очереди въ старостахъ и въ цѣловальникахъ и въ третчикахъ вмѣстѣ, чтобъ имъ про все было вѣдомо...» Но монастыри продолжали жаловаться, что ихъ крестьяне «во всеуѣздную избу въ старосты и въ товарыщи никогда не выбираютъ и въ совѣтъ не принимаютъ». А. Х. и У. Е.—Б, №№ CCXXIX, CCLIII, и CCLIX

[1]) Ibid. Б, № CXXXVI. (Стб. 555, 559 и 564).

[2]) Ibid. Б., №№ CLII и CLVI. Всеуѣздные старосты и всеуѣздная изба упомпнаются въ 1687 году (Ibid., Б, № CLXXXV); въ 1690—1691 г. (Ibid., Б, № CCIV); въ 1692 году (Ibid. №№ CCXXVI и CCXXVII); въ 1693, 1695, 1696 годахъ (ibid , №№ CCXXIX, CCLIII, CCLIX). О Григоріѣ Мыльниковѣ см. еще тамъ-же №№ CCLIV, CCLIX, CCLXI, CCLXIII, CCLXXVIII.

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7162 г. сентяб. 1—7163 г. сентяб. 1, № 56: Книги Соливычегодской приходныя мірскимъ сборнымъ деньгамъ. Ibid., 7175 г. сентяб. 24—август. 28, № 189: Царскія грамоты на Тулу, Веневу и Тотьму о сборѣ разныхъ доходовъ.

[4]) Арх .Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Сольгалича 7122 г., кн. 453. л. 17 об.

битью одного изъ крестьянъ Соликамскаго уѣзда «во всѣхъ крестьянъ мѣсто», въ 1680 году выдана была царская грамота которою велѣно было тяглымъ крестьянамъ для сбору всякихъ денежныхъ доходовъ, тягла, ямской гоньбы и всякихъ мірскихъ дѣлъ выбирать особо изъ уѣздныхъ крестьянъ людей добрыхъ погодно Люди эти должны были взять у земскаго старосты списки съ окладныхъ книгъ и росписей посадскихъ, уѣздныхъ крестьянъ и соляныхъ промышленниковъ; посадскіе люди и уѣздные крестьяне обязаны были «заручить» ихъ и ими обмѣняться по противнямъ, «чтобы межъ ими впредь спору не было». По этимъ книгамъ и росписямъ, въ которыхъ и тѣ, и другіе «положены были особо», выборные люди окладывали и собирали всякіе доходы, а также верстались всякими службами въ уѣздѣ, на посадѣ тоже дѣлалъ посадскій земскій староста. Сборы приносились посадскими людьми и уѣздными крестьянами въ Москву порознь со своими цѣловальниками [1]).

Такимъ образомъ, правительство не только не препятствовало, но скорѣе способствовало выдѣленію посада изъ уѣзда въ финансовомъ отношеніи. Это выдѣленіе осложнилось, однако, новымъ явленіемъ, подъ вліяніемъ котораго измѣнилась и правительственная политика. Для того, чтобы избѣжать тяжкихъ налоговъ, падавшихъ на лучшихъ посадскихъ тяглецовъ, богатые посадскіе люди стали записываться во крестьяне, хотя и продолжали владѣть дворами и лавками на посадѣ и занимались промыслами или торговлей. Это злоупотребленіе давно уже практиковалось, но въ черныхъ волостяхъ стало особенно выгоднымъ съ тѣхъ поръ, когда посадъ выдѣлился изъ уѣзда въ финансовомъ отношеніи. Для того, чтобы уничтожить такіе переходы, стоило только вновь обложить посадъ не отдѣльно, а вмѣстѣ съ уѣздомъ. Правительство дѣйствительно прибѣгало къ этой мѣрѣ, по крайней мѣрѣ въ единичныхъ случаяхъ. Такъ напр , въ Сольвычегодскѣ велѣно было посадскимъ людямъ верстаться вмѣстѣ съ торговыми уѣздными людьми. Такимъ

---

[1]) П. С. З., т. II, № 872. Доп. къ А. И., т. X, № 28. Ср. Ibid., прим. 40. По челобитной посадскихъ людей новопостроеннаго г. Олонца царскою грамотой отъ 15 апрѣля 1668 г. велѣно было посадскимъ людямъ сбирать всякія подати съ своихъ «посадскихъ деревенскихъ участковъ» промежъ себя черезъ посредство земскаго старосты и платить ихъ въ государеву казну помимо мірскихъ старостъ особою статьей. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7176 г. апр. 4, № 118: Дѣло по челобитью олонецкаго земскаго старосты Н. Воробьева о сборѣ оброчныхъ денегъ.

образомъ, въ нѣкоторой мѣрѣ снова слитъ былъ городъ съ уѣздомъ въ финансовомъ отношеніи [1]).

Но если борьба тяглыхъ интересовъ городскаго и сельскаго населенія не всегда приводила къ положительнымъ результатамъ, то она въ большинствѣ случаевъ все же должна была имѣть нѣкоторое значеніе. Вызванная усилившимся различіемъ особенностей въ хозяйствѣ городскаго и сельскаго населенія,—особенностей, которыя признаны были правительствомъ и закрѣплены законодательнымъ путемъ, она приводила общественные элементы въ броженіе, пробуждала въ правительствѣ сознаніе необходимости опредѣлить финансовое взаимоотношеніе посада къ уѣзду и съ теченіемъ времени могла способствовать образованію двухъ разныхъ сословій: мѣщанъ и крестьянъ.

Явленія, которыя разсмотрѣны были въ настоящей главѣ, имѣли несомнѣнное значеніе въ дѣлѣ устройства прямаго обложенія въ XVII вѣкѣ. Въ это время общественное положеніе лица опредѣлялось, главнымъ образомъ, характеромъ его обязанностей по отношенію къ государству Эти обязанности распадались на двѣ группы: на служилыя и тяглыя, а послѣднія распредѣлялись (особенно послѣ изданія Уложенія) преимущественно между крестьянами и посадскими людьми. Но тяглое населеніе Московскаго государства не могло представлять единообразнаго и сплошнаго цѣлаго. Оно складывалось изъ мелкихъ общественныхъ союзовъ, которые выросли подъ вліяніемъ вѣковыхъ условій развитія, отличались разнородными особенностями въ разныхъ частяхъ государства и обнаруживали способность сплачиваться въ болѣе сложныя группы. Долговременный, хотя и медленный процессъ внутренняго развитія этихъ мелкихъ единицъ привелъ ихъ къ нѣкоторому обособленію другъ отъ друга; до нѣкоторой степени обозначились ихъ границы и формы; послѣднія оставались, однако, довольно неясными до тѣхъ поръ, пока не стали все болѣе и болѣе опредѣляться подъ вліяніемъ правительства; мало по малу эти опредѣленія даже превысили ихъ нужды и стали удовлетворять лишь государствен-

[1]) Доп. къ А. И., т. VI, №№ 39 и 56. П. С. З., т. II, № 1138, т. IV, № 1916 (1702 г. августа 3). Бѣглеца, бѣжавшаго изъ черныхъ сотенъ въ дворцовыя слободы, велѣно было возвращать на прежнее мѣсто, за исключеніемъ развѣ того случая, когда онъ женится на вдовѣ, владѣющей дворомъ въ дворцовой слободѣ, или вдова выйдетъ замужъ изъ черной сотни за жителя дворцовой слободы. Вдова въ послѣднемъ случаѣ теряла право владѣть своимъ дворомъ въ черной сотнѣ.

нымъ потребностямъ того времени. Первоначально крестьянская и посадская община отличались однообразнымъ строемъ. Особенности городскаго и сельскаго хозяйства, однако, росли все болѣе и болѣе и признаны были законодательствомъ. Послѣднее оказало на нихъ воздѣйствіе и тѣмъ самымъ усилило ихъ развитіе, а такое развитіе, въ связи съ нѣкоторыми противорѣчіями въ хозяйствѣ крестьянъ и посадскихъ людей черныхъ волостей, не только вызвало различіе, но и борьбу тяглыхъ интересовъ тѣхъ и другихъ. Результаты этой борьбы сказались отчасти уже за предѣлами XVII вѣка.

На почвѣ всѣхъ этихъ соціально-экономическихъ условій складывались особенности древне-русской организаціи прямаго обложенія. Они ближайшимъ образомъ опредѣляли субъектъ налога, характеръ податной единицы и то взаимоотношеніе, какое существовало въ дѣлѣ раскладки и взиманія податей между общественною и правительственною дѣятельностью. Важное и непосредственное значеніе, какое имѣли они въ разрѣшеніи перваго вопроса, мы уже видѣли. Правительство считало налогоспособнымъ, кромѣ духовенства, всякаго правоспособнаго владѣльца черной, дворцовой, помѣщиковой или вотчинниковой земли, который не находился на государственной (военной и гражданской) службѣ. Какъ указано было выше, отъ этой точки зрѣнія сдѣлано было множество отступленій. Съ теченіемъ времени, однако, большинство изъ нихъ подведены были подъ тотъ же общій принципъ. Мало того: самый принципъ оказался слишкомъ узкимъ и изъ него сдѣланы были новыя исключенія, но въ обратную сторону. Какъ бы то ни было, правительству, разумѣется, невозможно было ограничиться опредѣленіемъ податныхъ обязанностей тяглеца. Необходимо было отвѣтить не только на вопросъ о томъ, кто платилъ подати, но и опредѣлить, какимъ образомъ эти подати должны были раскладываться и взиматься.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Раскладка податей.

I. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ОКЛАДЪ.

1. НАРОДНЫЯ ПЕРЕПИСИ.

Раскладка податей производилась совмѣстною дѣятельностью правительства и общества. Первое принимало на себя разрѣшеніе трудныхъ вопросовъ о количествѣ тяглыхъ хозяйствъ, о налогоспособности цѣлыхъ разрядовъ плательщиковъ и ихъ окладѣ [1]). На второе падала обязанность распредѣленія податей между плательщиками, сообразно хозяйственному благосостоянію каждаго изъ нихъ. Такимъ образомъ, въ раскладкѣ необходимо различать два момента: правительственный окладъ и мірскую раскладку.

Для производства правительственнаго оклада нужны были болѣе или менѣе прочныя основанія. Таковыми служили тѣ данныя, которыя добывались путемъ народныхъ переписей. Когда, какъ и при какихъ условіяхъ производились первыя переписи русскимъ правительствомъ—доселѣ остается неяснымъ. Если Византія и могла ознакомить русскихъ людей съ метрологіей и основными правилами геометріи, а Татары и пріучили ихъ къ мысли объ обязательной для всѣхъ поголовной переписи [2]), то тѣмъ не менѣе

---

[1]) Ср. ниже § 2.

[2]) Въ житіи Петра, царевича Ордынскаго (Блаженный Петръ, ордынскій царевичъ, Ростовскій чудотворецъ, изд. *Н. К.*, Ярославль, 1880 г., стр. 15) сохранилось любопытное указаніе о вліяніи татарскихъ обычаевъ на пріемы межеванія. Князь «повелѣ извлещи вервь отъ воротъ до воды» и проч., а Петръ царевичъ сказалъ «да повелиши княже ровъ копати, якоже въ Ордѣ бываетъ...» и «граждане... въ той часъ ископаша ровъ». — О «численныхъ

московскія переписи, какъ болѣе или менѣе опредѣленный типъ поземельнаго кадастра въ связи съ переписью населенія, едва ли не сложились самостоятельно на русской почвѣ. Онѣ принадлежатъ слишкомъ позднему времени для того, чтобы приписать ихъ непосредственному вліянію Византіи [1]); съ другой стороны, судя по тѣмъ образцамъ, которые сохранились до нашихъ дней отъ конца XV вѣка, представляютъ типъ, весьма отличный отъ татарской поголовной переписи [2]). Уже въ древнѣйшее время великіе князья, вѣроятно, пытались, хотя бы приблизительно, опредѣлить размѣры дворцовыхъ земель, количество ихъ населенія и получаемыхъ съ нихъ доходовъ, составляли, можетъ быть, нѣчто въ родѣ западно-европейскихъ breviarii rerum fiscalium. Тѣ же пріемы они съ теченіемъ времени могли перенести и на черныя волости. Еще вѣроятнѣе, что правительственныя переписи возникли въ виду необходимости имѣть свѣдѣнія о количествѣ налогоспособнаго населенія, выплачивавшаго татарскую дань. Съ теченіемъ времени къ этой причинѣ присоединилась другая. Пріобрѣтеніе и покореніе новыхъ земель влекло за собою ихъ описаніе, на основаніи котораго возможно было бы обложить ихъ податями. Такъ, описаны были Тверская и Новгородская земля, Псковъ, Смоленскъ, Казань, Полоцкъ и Сибирское царство [3]).

людяхъ» часто встрѣчаются упоминанія въ духовныхъ и договорныхъ грамотахъ сѣверно-русскихъ князей 1322, 1356, 1364 и 1410 года. С. Г. Г. и Д., т. I, №№ 21, 22, 25—27 и 40.

[1]) Первыя достовѣрныя извѣстія о производствѣ переписей русскимъ правительствомъ относятся ко второй половинѣ XIV вѣка. С. Г. Г. и Д., т. I, № 95. Византійскіе порядки (ср. *Ѳ. Успенскій*, Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи въ Жур. Мин. Нар. Просв., 1884 г., № 1, стр. 1—43; № 2, стр. 289—335; 1885 г., № 7, стр. 1—52. *Его-же* Византійскіе землемѣры въ Тр. Одес. Археол. съѣзда, т. II, стр. 272—342) могли, конечно, имѣть вліяніе; но размѣры такого вліянія опредѣлить въ настоящее время крайне трудно, такъ какъ нельзя же сходство непремѣнно объяснять заимствованіемъ (Ср. *К. Неволинъ*, Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II въ актѣ Имп. Спб. университета, 1847 г., стр. 145).

[2]) Въ жалованной грамотѣ в. кн. Олега Рязанскаго Ольгову монастырю 1356—1387 гг. (А. И., т. I, № 2) встрѣчаемъ, однако, исчисленіе населенія по семьямъ. Такихъ примѣровъ очень мало. Притомъ, рязанская область болѣе другихъ подчинилась татарскому вліянію.

[3]) Нѣсколько извѣстій о древнихъ переписяхъ собрано у *П. Иванова*, Опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи земель въ Россіи, М., 1846 г. *К. Неволина*, Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи до Императрицы Екатерины II. Актъ Спб. Имп. университета, 1847 г., стр. 111—300 и въ Пол. Соб. Соч., т. VI, Спб , 1859 г,. стр. 429—519. *Н. Чечулина*,

Всѣ эти причины, вызывавшія производство переписей въ прежнее время, конечно, утеряли свое значеніе въ XVII вѣкѣ. Но, благодаря имъ, мѣра эта вошла въ употребленіе и примѣнялась нерѣдко. Въ XVII вѣкѣ она вызвана была разнообразными условіями, на которыя не мѣшаетъ указать хотя бы въ общихъ чертахъ.

Перепись производилась, главнымъ образомъ, для опредѣленія платежныхъ силъ данной мѣстности и не повторялась до тѣхъ поръ, пока въ количествѣ или составѣ населенія и его матеріальныхъ средствахъ не происходило какихъ-либо замѣтныхъ перемѣнъ. Между тѣмъ, въ XVII вѣкѣ такія перемѣны часто повторялись. Кромѣ смертности, значительно увеличившейся подъ вліяніемъ войнъ, ихъ вызывали постоянныя передвиженія населенія. Прикрѣпленіе крестьянъ, какъ извѣстно, довольно долго еще оставалось номинальнымъ. Крестьяне бѣгали изъ небольшихъ помѣстій и бѣдныхъ вотчинъ, принадлежавшихъ не особенно родовитымъ и сильнымъ людямъ Московскаго государства въ благоустроенныя большія хозяйства, на окраины или въ Сибирь. Тяжесть налоговъ также не мало способствовала запустѣнію нѣкоторыхъ мѣстностей, гдѣ нерѣдко встрѣчаются помѣстья и вотчины съ большимъ числомъ пустыхъ мѣстъ, чѣмъ живущихъ дворовъ, и громаднымъ количествомъ пустопорожнихъ земель. Естественно, что уменьшеніе количества жилыхъ дворовъ вело къ несоразмѣрности между величиной платимыхъ податей и числомъ оставшихся плательщиковъ: а это иногда вызывало съ ихъ стороны челобитья Государю о производствѣ новой переписи и принуждало правительство приступить къ новому описанію если не всего, то хотя бы части уѣзда [1]). На

Начало въ Россіи переписей и ходъ ихъ до конца XVI вѣка, Спб., 1889 г., стр. 1—17, и *П. Кеппена*, О народныхъ переписяхъ въ Россіи, Спб., 1889 г., стр. 6—13.

[2]) Такъ, напр., крестьяне нѣкоторыхъ уѣздовъ Олонецкаго погоста просили о томъ, чтобы произвести у нихъ новую перепись, ибо данныя послѣдней изъ нихъ вполнѣ устарѣли. А. И., т. V, № 13. Вязмичи въ половинѣ XVII в. посылали нѣсколько челобитныхъ Государю о томъ, чтобы «дозрить ихъ вновь», такъ какъ они обременены были чрезмѣрными податями. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153—7157 г., № 68. Дѣло Вязмичанъ о платежѣ разныхъ податей противъ писцовыхъ книгъ. Въ Устюгѣ послѣ дозоровъ 7125 и 128 годовъ запустѣло $26^{11}/_{12}$ деревень. Роспись этихъ деревень жители присоединили къ челобитной, въ которой просили освободить ихъ отъ наметныхъ налоговъ. Велѣно было взимать подати по прежнимъ книгамъ до пріѣзда новыхъ писцовъ, которые должны были быть въ скоромъ времени (въ 7132 году). Тамъ же, 7132 — 133 г., № 13: Дѣла о сборѣ государевыхъ доходовъ съ Дмитрова, Рузы, Устюга и Чаронды.

ряду съ болѣе или менѣе постоянными причинами, вліявшими на уровень населенія и его благосостояніе въ данной мѣстности, могли имѣть значеніе и случайныя обстоятельства. Пожары, истреблявшіе иногда не только часть, но и весь городъ, моровыя повѣтрія и другія заразительныя болѣзни, засуха и голодъ, наконецъ, постоянныя войны,—всѣ эти причины вызывали обѣдненіе или уменьшеніе населенія и дѣлали необходимыми или поправки въ прежнихъ писцовыхъ книгахъ, или составленіе новыхъ [1]). Причины эти не всюду дѣйствовали равномѣрно, въ одинаковыхъ сочетаніяхъ, что еще болѣе увеличивало несоотвѣтствіе, какое существовало между показаніями старыхъ писцовыхъ книгъ и платежными силами данной мѣстности. Неудивительно, поэтому, что въ 1619 году, когда «за грѣхъ всего православнаго христіанства Московское государство отъ Польскихъ и отъ Литовскихъ людей и отъ воровъ разорилось и запустѣло, а подати всякіе...» взимали «съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дозорнымъ книгамъ, инымъ тяжело, а другимъ легко..», то великій Государь, съ отцомъ своимъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами, окольничими, думными и со всѣми людьми Московскаго государства учинили соборъ о всѣхъ статьяхъ, говорили какъ бы это исправить и земли устроить и, усовѣтовавши, приговорили: «во всѣ городы, которые не были въ разореньи, и въ тѣ городы послати писцовъ; а которые города отъ Литовскихъ людей и отъ Черкасъ были въ разореньи, и въ тѣ городы послати дозорщиковъ добрыхъ, приведчи къ крестному цѣлованію и давъ имъ полные наказы, чтобы они описали и дозрили всѣ городы вправду, безъ посуловъ» [2]). Эта перепись производилась въ разныхъ мѣстахъ въ разное время и, поэтому, въ общей сложности тянулась довольно долго. Но съ конца 20-хъ годовъ XVII в. въ исторіи народнаго хозяйства замѣчается поворотъ къ лучшему. Населеніе уже не бѣгаетъ по лѣсамъ отъ непріятеля или денежнаго сборщика; помѣстья и вотчины не пустѣютъ и не заростаютъ лѣсомъ; на вновь распаханныхъ пашняхъ сидитъ большее количество крестьянъ и пашенныхъ бобылей. На посадахъ населеніе также становится болѣе густымъ, оживаетъ про-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7135 г., мартъ, № 10: Дѣло о пожалованіи Сольвычегодцевъ льготой отъ податей по случаю пожара. Сольвычегодцы били челомъ Государю о томъ, чтобы «посадишко ихъ въ новые писцовые книги вписати и въ сотную смотря по людишкомъ и промысломъ». Доп. къ А. И., т. Ш, № 119.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. Ш, № 47. А. Э., т. Ш, № 105.

мышленность и торговля. Всѣ эти явленія не могли ускользнуть отъ вниманія правительства, которое все еще нуждалось въ средствахъ и въ связи съ нѣкоторыми другими обстоятельствами [1]), вызвали перепись конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ. Но постепенный ростъ населенія, сильное развитіе въ немъ стремленія различными путями «отбыть тягла» и готовившееся конечное прикрѣпленіе тяглыхъ классовъ вскорѣ вызвали новую перепись. Въ 1646 и слѣдующихъ годахъ разосланы были писцы по городамъ, для составленія переписныхъ книгъ. Наконецъ, отчасти тѣ же причины [2]) въ связи съ повышеніемъ средней населенности тяглаго двора, а можетъ быть, и предполагаемое введеніе новаго стрѣлецкаго оклада, повели къ новой переписи 1676—1678 гг., которая была исправлена и дополнена описаніемъ 80-хъ годовъ. Послѣднее едва ли не вызвано было, главнымъ образомъ, ссорами землевладѣльцевъ и потребностью давно уже не производившагося размежеранія земель

Такимъ образомъ, рядомъ съ общею причиной составленія писцовыхъ книгъ, какъ основанія правительственнаго оклада, имѣли значеніе и болѣе частныя, вызывавшія каждое изъ производившихся описаній и вліявшія на ихъ характеръ. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что переписи 20-хъ и 80-хъ годовъ имѣли въ виду все населеніе и производились въ связи съ описаніемъ земель и ихъ размежеваніемъ. Напротивъ, переписи 40-хъ и 70-хъ гг. даютъ свѣдѣнія лишь объ одномъ тягломъ населеніи. Описанія и межеванія земель въ XVII в. вызваны были государственными и частными погребностями. Правительству нужно было знать количество тяглой земли, на которую падали нѣкоторые виды налоговъ и послѣ введенія подворной подати, и имѣть точныя свѣдѣнія о величинѣ и качествѣ помѣстныхъ окладовъ. Вслѣдствіе недостатковъ дѣлопроизводства, все болѣе и болѣе уменьшавшагося количества свободныхъ, никѣмъ не занятыхъ земель а также злоупотребленій помѣщиковъ

[1]) Писцовыя книги конца 20-хъ годовъ, можетъ быть, отчасти вызваны были введеніемъ подворной подати. См. ниже § 2.

[2]) Можно думать, что и переписныя книги 1676—1678 гг. имѣли въ виду если не прикрѣпленіе, то возвращеніе бѣглыхъ тяглецовъ на прежнія мѣста жительства. Бѣглецы въ этихъ книгахъ отмѣчаются въ большемъ количествѣ (см. *Е. Замысловскій*, Перен. кн., вып. I). Писцы иногда даже составляли особыя книги бѣглымъ крестьянамъ (Арх. Мин. Юстиціи, Перен. кн. Ярославскаго уѣзда 7186 г., кн. 7780 и 7781. лл. 808—883). Строгость карательныхъ мѣръ за пристанодержательство бѣглыхъ крестьянъ также значительно ослабѣла послѣ переписи 1676—1678 гг. См. выше, стр. 141

измѣреніе помѣстныхъ окладовъ становилось необходимымъ. Само правительство, какъ о томъ свидѣтельствуютъ дворянскія сказки, иногда выдавало другому помѣстье, уже ранѣе выданное, отнимало помѣстья или вотчины у владѣльца, обѣщая вознаградить его новыми дачами, и не выполняло своихъ обѣщаній, въ другихъ случаяхъ выдавало далеко неполные, а иногда и неточно измѣренные оклады, что возбуждало въ помѣщикѣ желаніе оттянуть побольше помѣстной земли къ вотчинѣ или вознаградить себя на счетъ чужой собственности. Устраненія такого рода безпорядковъ и злоупотребленій возможно было достигнуть описаніемъ земель и ихъ размежеваніемъ [1]). Не менѣе важное значеніе имѣло то и другое и для самихъ землевладѣльцевъ. Писцовыя книги, какъ извѣстно, имѣли значеніе не только статистическихъ таблицъ, но и крѣпостныхъ актовъ на поземельную собственность и на прикрѣпленныхъ къ ней крестьянъ. Выписи изъ писцовыхъ книгъ, выдаваемыя писцами, воеводами, губными старостами, городовыми прикащиками, служили лучшимъ доказательствомъ правъ на поземельныя владѣнія [2]), необходимы были при разрѣшеніи вопросовъ о спорныхъ земляхъ, передѣлахъ, покупкѣ, мѣнѣ, наслѣдствѣ, переходѣ помѣстья отъ одного служилаго человѣка къ другому. Споры изъ за поземельныхъ владѣній вызывались весьма разнообразными причинами. Самъ землевладѣлецъ иногда не зналъ точно ни размѣровъ ни границъ земли, ему принадлежавшей, владѣлъ ею безъ совершенія нужныхъ для этого крѣпостныхъ актовъ или терялъ послѣдніе [3]).

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Дворянскія памяти, принесенныя кн. Д. М. Черкасскому да кн. Б. М Лыкову да дьяку М. Данилову въ 140 г. февр. 22 д. на 632 лист. Столбцы Московскаго стола № 81. А. о. до Ю. Б., т. I, №№ 30, VI, 49, 55, XII и 90. Уложеніе, гл. XVI, ст. 40. Воронеж. акты, вып. I, № 7; II, № 8. Влад. губ. вѣд, 1875 г., № 3.—Въ 1664 г. Бѣлгородскій воевода писалъ Государю, что «бьютъ в. Государю всякихъ чиновъ дворяне и дѣти боярскіе о помѣстныхъ дачахъ, а у нихъ писцовыхъ и переписныхъ книгъ нѣтъ». Р. И. Б., т. XI, стр 105.

[2]) Имп. Публ. Библ , Писц. кн. Ярославскаго уѣзда, F1V, № 527, ст. 11. Писц. кн. Тульскаго уѣзда FIV, № 507, лл. 229, 296 и 298 и мн. др. Изв. Тамбов. уч. арх. ком., вып. XIII, стр. 28, 33 и 38. *П. Мельниковъ*, Акты юрид. и истор., № XIII. А. о. до Ю. Б., т I, № 15. Уложеніе, гл. X, ст. 235, 243. Гл. XX, ст. 6. Значеніе крѣпостныхъ актовъ писцовыя книги сохраняли въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще въ 20-хъ годахъ XIX вѣка. См. *В. Берхъ*, Путешествіе въ Чердынь, Спб., 1821 г., стр. 199.

[3]) А. о. до Ю. Б., т. II, № 147, XXVI. А. И., т. V, №№ 214 и 228. П. С. З., т. I, № 522. Указная кн. Земскаго пр. XXIV; Помѣстнаго пр. I, 2 у *М. Владимірскаго-Буданова*, Христоматія, вып. III, изд. 1-е, стр. 156 и 206.

Отсутствіе твердыхъ юридическихъ основаній владѣнія у даннаго владѣльца всегда вызывало въ его сосѣдяхъ желаніе болѣе или менѣе воспользоваться чужимъ добромъ, особенно если этотъ владѣлецъ былъ слабымъ, неродовитымъ, и если, слѣдовательно, вчиненіе иска и процессъ противъ нарушителя его правъ былъ сопряженъ съ слишкомъ большими для него затратами и даже опасностями въ виду того, что его противникъ былъ человѣкомъ «мочнымъ» [1]). Неудивительно, поэтому, что въ XVII вѣкѣ встрѣчается множество челобитныхъ и дѣлъ о насильственномъ захватѣ и пользованіи чужимъ имуществомъ,—пользованіи, которое, при несовершенствахъ судоустройства того времени, нерѣдко продолжалось нѣсколько лѣтъ безнаказанно [2]). Всѣ эти явленія дѣлали описаніе и межеваніе земель крайне желательными не только для правительства, но и для частныхъ землевладѣльцевъ, они иногда сами обращались съ просьбой приступить къ новому описанію, что и производилось обычнымъ порядкомъ [3])

Уложеніе, гл. XVII, ст. 50—51. *Н. Загоскинъ*, Матеріалы изъ ар. кн. Баюшева. № 68. Влад. губ. вѣд. 1858 г., № 10. Ярослав. губ. вѣд. 1855 г., №№ 18—19, Костр губ. вѣд. 1851 г., № 49 Жур. Тамб. уч. арх. ком. 1885 г. авг. 19, стр. 4—19. (Царская грамота о размежеваніи разныхъ поземельныхъ владѣній въ г. Темниковѣ 1685 г.). Историч. и топограф. описаніе общежит. мон. св. Николая Чудотворца, что на Пѣсношѣ. Составлено по запискамъ Ѳ. Калайдовича, М., 1837 г., грам. № VII

[1]) А. И., т. V, № 228.

[2]) А. о. до Ю. Б., т. I, № 52, IX. Р. И. Б., т II, №№ 194, 224, 238, 239. П С. З., т. II, № 890 (Выпись изъ наказа писцамъ 26 августа 1681 г. ст. 28), № 1074 (Наказъ апр. 1684 г., ст. 67), № 1087 (Наказъ 9 августа 1684 г.). *И. Мельниковъ*, Истор. и юрид. акты, № XVI. Много подобныхъ же дѣлъ можно найти въ губ. вѣдомостяхъ. См., напр., Влад. губ. вѣд. 1854 г., № 42; 1857 г., № 38; 1867 г., № 19; 1879 г., № 51. Новгород. губ. вѣд. 1849 г., № 36. Олонецк. губ вѣд. 1849, №№ 39—40. Ярослав. губ. вѣд. 1852 г., № 33. Памятники древней письменности, вып. LXX, Спб., 1888 г.; Книга о чудесахъ прп. Сергія С. Азарьина, изд. *С. Платоновъ*, стр. 128—129.—Ср. Уложеніе, гл. X, ст. 213.

[3]) *Іер. Арсеній*, Доклады, грамоты и пр. о служкахъ Троицко-Сергіева монастыря въ Чт. М. О. И. и Д., 1867 г., кн. III, стр 19. Келарь Симонъ Азарьинъ пишетъ въ 1651 году: «Мнози отчины Сергіевъ монастырь имѣетъ, мнози и ссоры прилучаются отъ сосѣдствующихъ. Аще кто и нынѣ восхощетъ увѣритися по истинѣ колико въ Сергіевѣ монастырѣ спорныхъ земель въ разныхъ градѣхъ и уѣздѣхъ, да прочтетъ, вземъ въ Расправныхъ палатахъ списки, не менѣе сотницы статей обрящется и увѣсть колико обитель его отъ обидъ стражетъ». Рязанская писцовая книга 1696 г. и межевая книга Мценскаго уѣзда 1692—1698 гг. составлены, напр., по челобитьямъ мѣстныхъ

Результаты народной переписи и поземельныхъ описаній заносились въ такъ называемыя писповыя книги; исчисленіе тяглаго населенія—въ книги переписныя. Различіе этихъ книгъ другъ отъ друга вызвано было различіемъ условій и цѣлей, вызвавшихъ ихъ составленіе. Перепись 20-хъ годовъ должна была опредѣлить, насколько народное хозяйство оправилось отъ разоренія и указать на размѣры оклада, которымъ возможно было бы обложить тяглое населеніе. Поэтому она на ряду съ сухимъ перечнемъ мужскаго взрослаго населенія дастъ множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній объ его хозяйственныхъ средствахъ. Перепись 40-хъ годовъ (по примѣру которой произведена и перепись 1676—1678 гг.), составлена въ виду правительственнаго оклада, падавшаго на живущую четверть, и находится въ связи съ окончательнымъ прикрѣпленіемъ тяглыхъ классовъ. Поэтому она представляетъ подробное исчисленіе тяглыхъ дворовъ, ихъ мужскаго совершеннолѣтняго и несовершеннолѣтняго населенія и нерѣдко точно означаетъ возрастъ каждаго изъ несовершеннолѣтнихъ. Отсюда и содержаніе писцовыхъ и переписныхъ книгъ различно. Въ писцовыхъ книгахъ перечисляется тяглое и нетяглое населеніе; въ переписныхъ—одно тяглое. Въ писцовыхъ книгахъ дворы не только перечислены, но и измѣрены; въ переписныхъ—они только сосчитаны. Въ писцовыхъ книгахъ означено количество огородовъ, промышленныхъ заведеній, сѣнокосовъ и пожень, принадлежавшихъ описываемому поселенію, деревнѣ, селу или посаду [1]). Въ переписныхъ такихъ свѣдѣній не встрѣчается.

жителей. (Имп. Публ. Библ., Межев. кн. Мценскаго уѣзда, FIV, № 435. *Рязань*, Матер. для истор. гор., М., 1884 г.). А. Э., т. IV, № 285. А. И., т. V, № 137. П. С. З., т. II, №№ 785, 822, 1013, ст. 34 и 35. *І. Л.*, Историч. оп. Коренной Рождество-Богородицкой пустыни, Спб., 1876 г., стр. 189—191. Монастырь бьетъ челомъ Государю объ описаніи его земель.—Писцовыя книги служили не только для гражданскихъ, но и для церковныхъ цѣлей. На церковномъ соборѣ 1666 года положено было каждому архіерею владѣть городами и уѣздами каждой епархіи по писцовымъ книгамъ и разрѣшать построеніе новыхъ храмовъ на основаніи данныхъ, сообщаемыхъ писцовыми книгами для того, чтобы архіерей не вмѣшивался въ предѣлы чужой епархіи и тѣмъ не возбуждалъ распрей между архіереями и въ людяхъ смятенія. См. А. И., т. IV, № 253.

[1]) См., напр., въ Арх. Мин. Юстиціи, Перен. кн. г. Каширы 7154—155 гг. кн. 179, л. 13 об., гдѣ означенъ ребенокъ 10 недѣль; Вязьмы, кн. 10814, лл. 24 об., и 27 куда внесены «полугодовые ребята». Впрочемъ, не во всѣхъ переписныхъ книгахъ можно найти точныя свѣдѣнія о возрастѣ малолѣтнихъ. *Е. Замысловскій*, Перен. кн., вып. I, стр. 206, прим. 1 Совершеннолѣтіе,

Наконецъ, въ писцовыхъ книгахъ гораздо больше мелкихъ подробностей, освѣщающихъ ту или другую сторону городской и сельской жизни, чѣмъ въ переписныхъ книгахъ [1]).

Изъ этого поверхностнаго сравненія писцовыхъ и переписныхъ книгъ уже видно, что составъ первыхъ долженъ быть гораздо болѣе сложнымъ, чѣмъ составъ вторыхъ. Писцовыя книги различны, смотря по тому, служитъ ли предметомъ описанія городъ или уѣздъ. Въ городскихъ писцовыхъ книгахъ описаніе, обыкновенно, начинается съ острога (если онъ существуетъ), затѣмъ переходитъ къ посаду и лавкамъ и заканчивается пожнями и угодьями. Посадъ при этомъ описывается различно: по приходамъ, улицамъ, сотнямъ или слободамъ; лавки по порядку или чаще по рядамъ: мясному, сапожному, москотильному, «женскому» и многимъ другимъ. Иногда къ такому географическому принципу описанія присоединяется и отчасти исключаетъ его сословный и хозяйственный. Первый выражается въ томъ, что привилегированные (въ податномъ отношеніи) классы населенія, какъ-то: служилые люди и духовенство, выдѣляются и считаются особою статьей не только въ итогахъ, что всегда бывало, но и при самой регистраціи.

повидимому, не всегда опредѣляется пятнадцатилѣтнимъ возрастомъ; въ нѣкоторыхъ переписныхъ книгахъ малолѣтними считаются лица моложе 10 лѣтъ. Ср. *А. Рейцъ*, Опытъ исторіи Россійскихъ государственныхъ и гражданскихъ законовъ, Рус. Пер., 1836 г., стр. 209.

[1]) Впрочемъ, переписныя книги также не лишены любопытныхъ подробностей, какъ это видно изъ изданныхъ переп. книгъ разныхъ уѣздовъ, (*Е. Замысловскій*. Переп кн., вып. I). Различіе писцовой и переписной книги ярче сказывается при описаніи города, чѣмъ уѣзда Переписныя книги при подробномъ исчисленіи населенія гораздо болѣе сообщаютъ свѣдѣній о прозвищахъ регистрируемыхъ лицъ, чѣмъ писцовыя, имѣя, вѣроятно, въ виду какъ можно точнѣе опредѣлить личность тяглеца для того, чтобы его легче было сыскать въ случаѣ бѣгства. Эти прозвища иногда довольно характерны Приводимъ нѣсколько примѣровъ по хранящимся въ Арх. Мин. Юстиціи книгамъ 7154 года: Кабацкіе любавы (Переп кн. г. Гороховца' кн. 15398, л. 20 об.); Осиновый гробъ (Переп кн. г. Калуги, кн. 162, л. 3 об.) Идолъ (Переп. кн. г. Можайска, кн. 10814, л. 370 об.). Иногда прозвищами служатъ наименованія ремеслъ, какъ-то: рыбникъ, судоплатъ (Переп. кн. г. Гороховца, ibid., лл. 29 и 30 об.), токарь (Переп. кн. г Калуги, ibid., л. 2 об.), пастухъ (Переп. кн. г. Вязьмы, кн. 10814, л. 39.), гробовикъ (Переп. кн. г. Вологды, кн. 14732, л. 1436). Краткое описаніе различныхъ видовъ писцовыхъ книгъ см. у *П. Иванова*, Опытъ историческаго изслѣдованія и проч., стр. 132—140, и у *И. Бѣляева*, О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ § VI во Временникѣ М. О. И. и Д., кн. XI, стр, 1—82.

Второй сказывается въ такомъ же выдѣленіи изъ среды тяглыхъ людей, вдовъ, охудалыхъ и бродящихъ по міру При описаніи пожень и другихъ угодій соблюдался, обыкновенно, географическій порядокъ.

Описаніе уѣздовъ происходило, обыкновенно, по волостямъ и станамъ Въ каждой волости или станѣ описывались погосты и деревни на черныхъ земляхъ, а на остальныхъ «съ ряду съ одного, а не черезъ земли» помѣстья, вотчины, монастырскія и церковныя земли. При описаніи каждаго отдѣльнаго поземельнаго владѣнія, волости (въ смыслѣ общины), помѣстья или вотчины начинали, обыкновенно, съ погоста или села; затѣмъ описывались сельца, деревни, слободы, рядки, починки, выставки, селища, пустоши, займища; въ каждомъ поселеніи означались монастыри или церкви, жилые или пустые кельи и дворы поповъ, дьяконовъ, церковныхъ причетниковъ, бобылей, нищихъ; служекъ, дѣтенышей: дворы помѣщичьи или вотчинниковы, людскіе (въ томъ числѣ и прикащичьи), крестьянскіе, бобыльскіе. Въ томъ же порядкѣ слѣдовали пустые дворы и мѣста дворовыя. Вслѣдъ за поселеніемъ слѣдовало описаніе и измѣреніе принадлежавшихъ къ нему земель и угодій, какъ-то: пашни паханной, перелогомъ и лѣсомъ поросшей (послѣднія двѣ иногда сливались въ одну статью), наѣзжей и примѣрной; затѣмъ сѣна, лѣса пашеннаго, непашеннаго и поверстнаго. Къ этимъ основнымъ разрядамъ присоединялись и нѣкоторые другіе въ зависимости отъ мѣстныхъ условій или правительственныхъ цѣлей [1]). Подъ каждымъ поземельнымъ владѣніемъ, принадлежавшемъ отдѣльному юридическому лицу волости, помѣщику, вотчиннику, монастырю или церкви, сводились итоги; примѣрныя земли (съ ихъ населеніемъ) писались иногда отдѣльно при каждомъ

[1]) Временникъ М. О. И. и Д., т. XVII, Смѣсь, стр. 36—40. (Книга сошнаго письма 137 года). Доп. къ А. И., т. V, № 41. Наѣзжей называлась обработанная земля, на которую владѣлецъ не имѣлъ крѣпостныхъ актовъ. П. С. З., т. II, № 1013, ст. 24; № 1074, ст. 46. Крестьяне иногда пахали землю въ чужихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ. Владѣльцы послѣднихъ нерѣдко могли и не знать объ этомъ, если не жили на мѣстѣ и если владѣнія ихъ стояли пустыми и незаселенными. Если же и знали, то, вѣроятно, отдавали свои земли по низкой арендной платѣ. Крестьянину же выгоднѣе было платить небольшую аренду на сторонѣ, чѣмъ тянуть тягло съ надѣла пашни, приписанной къ его деревнѣ. Такія взятыя на аренду земли также назывались наѣзжими. Пашни измѣрялись, обыкновенно, четвертями, лѣса десятинами, а также верстами, когда «были большіе, а мѣрить ихъ въ десятины нельзя». П. С З., т. II, № 890, ст. 12.

помѣстьѣ или вотчинѣ съ своимъ итогомъ, а владѣнія, находившіяся въ разныхъ мѣстахъ или принадлежавшія на разныхъ правахъ, помѣстномъ или вотчинномъ, владѣльцу, описывались каждое отдѣльно; при этомъ нерѣдко означались и тѣ крѣпостные акты на основаніи которыхъ помѣщикъ или вотчинникъ владѣлъ землей. При каждомъ итогѣ въ писцовыхъ книгахъ, земли клались въ сошное письмо, живущее и пустое, а послѣ введенія подворной подати къ сошному письму стало присоединяться исчисленіе живущихъ четвертей. Работа писцовъ этимъ не заканчивалась; они должны были, кромѣ того, подвести итоги поселеніямъ съ ихъ населеніемъ и землямъ каждаго разряда землевладѣльцевъ, волостей, помѣщиковъ и мірскихъ или духовныхъ вотчинниковъ, и, наконецъ, закончить описаніе всего стана (или волости въ административномъ смыслѣ) общимъ, валовымъ итогомъ. Послѣдніе складывались всѣ вмѣстѣ при завершеніи описанія даннаго уѣзда.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книгъ, называемыхъ писцовыми. Въ нихъ народная перепись смѣшивалась съ поземельнымъ и промысловымъ кадастромъ, описывалось наличное населеніе (ortanwesende Bevolkerung), но вмѣстѣ съ тѣмъ заносились иногда отдѣльною статьей выбывшіе или, наоборотъ, недавно прибывшіе начиная, съ опредѣленнаго года; наконецъ, описывались и измѣрялись поземельныя владѣнія, принадлежавшія отдѣльнымъ (юридическимъ) лицамъ, съ означеніемъ каждой изъ составныхъ ихъ частей отдѣльно, и ихъ размежеваніемъ. Переписныя книги городовъ и уѣздовъ придерживаются такого же порядка описанія, но только по немногимъ статьямъ, такъ какъ представляютъ краткую подворную перепись всего тяглаго взрослаго и несовершеннолѣтняго населенія [1]).

Писцовыя и переписныя книги—два главнѣйшихъ типа переписей. Второстепенное значеніе имѣли такъ называемыя дозорныя книги. Писцы, по опредѣленію собора 1619 года, посылались въ неразоренные, дозорщики въ разоренные города [2]). Такимъ обра-

[1]) Въ переписныхъ книгахъ Осинскихъ кн. И. Дашкова 1678 года Пермск. губ. вѣд. 1879 г., №№ 14, 17, 19, 21, 34 и 42) итоги населенія отличаются отъ итоговъ извѣстныхъ намъ переписныхъ книгъ своею подробностью. Означено мужское и *женское* населеніе. Первое исчислено по слѣдующимъ статьямъ: 1) «мужеска полу женатыхъ», 2) «мужеска полу вдовыхъ», 3) лица отъ 20 до 15 лѣтъ, 4) отъ 15 до 10, 5) отъ 10 до 5 и 6) отъ 5 до 1 году. Второе занесено по такимъ же рубрикамъ: 1) «женска полу мужатыхъ», 2) женска полу вдовъ»; затѣмъ идетъ исчисленіе «дѣвокъ», по тѣмъ же статьямъ, какъ и мужчинъ.

[2]) Ср. прим. 2, на стр. 182.

зомъ, въ писцовыя книги входило описаніе болѣе или менѣе нормальныхъ хозяйствъ, въ дозорныя—ненормальныхъ. Поэтому писцовыя книги на долго сохраняли свое значеніе, тѣмъ болѣе, что служили также крѣпостными актами на недвижимыя имущества; дозорныя, напротивъ, имѣли характеръ лишь временнаго мѣропріятія, составлялись наскоро большею частью мѣстными органами администраціи съ цѣлью устранить полное несоотвѣтствіе между размѣрами оклада и платежными силами данной мѣстности [1]).

Вышеуказанныя книги имѣли общій характеръ; въ нихъ описывались цѣлыя области, имѣвшія административное значеніе [2]). Но

---

[1]) *П. Ивановъ*, Обозрѣніе пом. правъ и обязанностей, стр. 196. Дозорщики, кажется, сами не мѣрили и не межевали земель, а довольствовались сказками землевладѣльцевъ; даже въ такихъ случаяхъ, когда владѣлецъ не помнилъ количества своей пашни, дозорщикъ прямо заносилъ въ книгу, что за такимъ-то владѣльцемъ количество пашни остается неизвѣстнымъ, «ибо того онъ (т. е. владѣлецъ) не упомнитъ». Арх. Мин. Юстиціи, Дозор. кн. Тверскаго уѣзда 7123 г., кн. 467. Такой пріемъ можно, конечно, разсматривать, какъ злоупотребленіе писца, но онъ могъ быть и результатомъ той спѣшности, съ какою производился дозоръ.

[2]) Приправочныя, платежныя и перечневыя книги, а также сотныя выписи едва ли можно считать особыми типами переписей, такъ какъ онѣ составлялись на основаніи дозорныхъ, писцовыхъ и переписныхъ книгъ. Не повторяемъ здѣсь сказаннаго о приправочныхъ книгахъ въ другомъ мѣстѣ (*А. Лаппо-Данилевскій*, Какое значеніе имѣли приправочныя книги въ XVII вѣкѣ? въ Библіографѣ, 1889 г., № 8—9, стр. 167—169. Ср. ниже прим. 3 на стр. 198 и прим. 1 на стр. 199). Платежныя книги были, повидимому, сокращеніями писцовыхъ и имѣли въ виду, главнымъ образомъ, финансовыя цѣли. Платежная кн. г. Зарайска издавалась нѣсколько разъ. Кромѣ указанныхъ г. Чечулинымъ (Города въ Россіи, стр. 257, прим. 4) изданій въ Рязан. губ. вѣд. 1839 г., № 12; Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ 1848 г., т. XXI, и въ изд. Москов. купеч. *Зарайскъ*, Матер. для истор. гор., стр. 1—2, ее можно найти у *А. Ѳедотова-Чеховскаго*, А. г. р., т. II, № 152, стр. 484. Сотныя выписи были копіями съ описаній отдѣльныхъ поземельныхъ владѣній (посада, слободы, волости, помѣстья, вотчины), заключавшихся въ писцовыхъ книгахъ. Сотныя выдавались владѣльцамъ для того, «чтобы имъ вѣдомо было, что имъ какихъ доходовъ платити». (А. Э., т. I. № 343, 1589 г.). Сотную Устюга Великаго см. въ Матер. для истор. гор., стр. 1—41; г. Серпухова у *П. Симсона*, Истор. г. Серпухова, стр. 311—334. Наконецъ, книги «перечневыя», повидимому, выросли изъ тѣхъ перечневыхъ указателей къ писцовымъ или переписнымъ книгамъ, въ которыхъ поименно означались всѣ помѣщики и вотчинники описываемой области. Въ 70-хъ годахъ къ такимъ перечнямъ стали присоединять краткое перечисленіе числившихся за ними деревень и дворовъ. Таковы, напр., «книги перечневыя съ переписныхъ книгъ Ярославскаго уѣзду, московскіе стороны р. Волги письма стольника кн. Т. А. Козловскаго да подьячего А. Холмова нынешнего 186 году». (А. х. Мин. Юстиціи, Перец.

иногда отдѣльно описывались поселенія и владѣнія одного разряда населенія или какого-нибудь обширнаго хозяйства, нерѣдко находившихся въ разныхъ станахъ и уѣздахъ, причемъ и тѣ и другія описанія были все же результатомъ правительственной дѣятельности, а не частной инициативы. Таковы, напр., устройныя книги разныхъ ямовъ, писцовыя и дозорныя книги засѣкъ [1]) и описанія нѣкоторыхъ монастырскихъ поземельныхъ владѣній, напр., вотчинъ монастыреи Кирилло-Бѣлозерскаго въ 2-хъ уѣздахъ или Троице-Сергіева въ 13 уѣздахъ [2])

Изъ вышесказаннаго слѣдуетъ, что дозоръ, описаніе и перепись были самостоятельными типами народосчисленія, такъ какъ вызваны были различными причинами и опредѣлялись разными цѣлями. Но способы регистраціи при производствѣ этихъ работъ оставались болѣе или менѣе единообразными и представляютъ много характерныхъ особенностей, которыя при ближайшемъ съ ними знакомствѣ даютъ возможность опредѣленнѣе рѣшить вопросъ о достовѣрности и значеніи дозорныхъ, писцовыхъ и переписныхъ книгъ, какъ основанія правительственнаго оклада. Относительно времени производства переписей мало можно сказать опредѣлен-

---

кн. Ярославскаго уѣзда 7186 г, кн. 7780, лл. 1 и слѣд.). Здѣсь по волостямъ и станамъ идутъ главы не только съ означеніемъ землевладѣльца, но и числящихся за нимъ деревень (поименно, хотя и безъ перечисленія въ каждой изъ нихъ дворовъ и жителей); затѣмъ подведенъ общій итогъ числа крестьянскихъ, бобыльскихъ, задворныхъ или служебниковыхъ и пустыхъ дворовъ, находящихся въ деревняхъ даннаго помѣстья или вотчины. Переченевыя книги, имѣли, вѣроятно, значеніе для раскладки и взиманія подворной подати въ чистомъ ея видѣ и для отбыванія воинской повинности, «для солдатцкаго строю».

[1]) Въ устройныхъ книгахъ записывалось, сколько въ данной мѣстности ямскихъ охотниковъ, сколько за ними земли и всякихъ угодій подъ посадомъ, въ деревняхъ и въ пустошахъ, заносилось число окольныхъ ямовъ въ уѣздѣ и на нихъ охотниковъ, количество приписанныхъ къ нимъ четвертей земли и размѣры подмоги съ сохъ; означалось также, сколько верстъ отъ яма до яма и сколько крестьянъ живетъ на тѣхъ ямскихъ земляхъ, пашетъ пашню или нанимаетъ изъ оброка. Псков. губ. вѣд. 1841 г., №№ 14—15 П. С. З., т. II, № 728. Р. И. Б., т. II, № 178. Устройныя книги Новгородскихъ ямовъ 1603—1640 гг. въ Имп. Публ Библ., QIV, № 334.

[2]) Спб. Духов. Акад., Кирил библ., № 76/1315: Дозорныя книги вотчинъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Василья Бормосова да подьячего Наума Петрова 7124 г. въ Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ уѣздѣ. Описаніе Арх. Мин-Юстиціи, кн. I, Писц. кн. №№ 66, 183, 634, 801, 859, 1010, 1217, 1298, 1854, 1889, 2137, 2453, 2461, 2580.

наго. Въ виду несовершенства путей сообщенія, способовъ регистраціи и медлительности самихъ писцовъ, переписи не могли быть единовременными на всемъ пространствѣ обширнаго государства. Въ позднѣйшее время встрѣчаются указы, которыми повелѣвается писцамъ начинать перепись въ опредѣленный день и кончать ее къ извѣстному сроку [1]). Хотя наибольшее количество извѣстныхъ намъ дозорныхъ, писцовыхъ и переписныхъ книгъ относится къ 1614—1616 гг., когда производились дозоры, къ 1625—1630 и 1680-мъ гг., когда составлялись писцовыя книги, и къ 1646—1648 или 1676—1678 гг., т. е. ко времени составленія переписныхъ книгъ, но и въ промежутки между этими годами продолжали производиться переписи плохо или еще вовсе не описанныхъ городовъ и уѣздовъ, такъ что въ теченіе всего XVII вѣка едва ли найдется годъ, когда не было описано какой либо мѣстности [2]). При этомъ описаніе одного и того же уѣзда длилось большею частью не менѣе года, а иногда требовало 2, 3, 8 и даже 10-ти лѣтъ, какъ напр., описаніе Владиміра съ уѣздомъ, продолжавшееся съ 1636 по 1647 годъ [3]). Вмѣстѣ съ единовременностью описанія не соблюдалась и его періодичность, требуемая современными правилами регистраціи. Между дозоромъ начала царствованія царя Михаила и писцовыми книгами 20-хъ годовъ протекло около 10 лѣтъ; до слѣдующей переписи 1646 г. около 20, до переписи 1676—78 гг., приблизительно 30, а до 1685 до 7 лѣтъ. Нѣкоторыя мѣстности описывались довольно часто; другія, напротивъ оставались безъ переписи долгіе промежутки времени. Въ Олонецкомъ уѣздѣ были, напр., погосты, въ которыхъ не бывало ни дозорщика, ни писца, ни сыщика съ 1628 по 1676-й годъ, т. е. почти въ теченіе полустолѣтія [4]). Но если въ переписяхъ не соблюдалось единовременности и періодичности, то и ихъ повсемѣстности быть не могло. Территорія Московскаго государства, вѣроятно, не была описана вся сразу, хотя объ этомъ судить трудно въ виду пожара 1626 года, истребившаго часть писцовыхъ книгъ,

---

[1]) П. С. З., т. II, № 1168 (26 февр. 1686 г.).

[2]) *Г. Успенскій*, (Опытъ повѣствованія о древностяхъ Россійскихъ, X. 1818 г., ч. II, стр. 477) упоминаетъ объ указѣ 1622 года, которымъ велѣно было переписать населеніе и земли государства. Ниже (стр. 550) онъ говоритъ. что «въ 1627—1628 гг. сочинены вновь писцовыя всего государства книги».

[3]) Описаніе Арх. Юстиціи, т. I, Писц. кн. №200—209.

[4]) А. И., т. V, № 13.

и тѣхъ несчастій, которымъ они подвергались въ послѣдующее время.

При отсутствіи единовременныхъ, періодичныхъ и повсемѣстныхъ переписей въ XVII столѣтіи не требовалось и постоянныхъ правительственныхъ органовъ регистраціи. Составленіе писцовыхъ книгъ, какъ извѣстно, вызвано было, главнымъ образомъ, измѣнчивостью платежныхъ силъ данной мѣстности. Такая измѣнчивость далеко не всюду могла быть одинаковой, а поэтому и отмѣчать эти измѣненія возможно было лишь въ разное время. Съ другой стороны регистрація производилась не спеціальными правительственными органами, а мѣстными приказными властями или временно назначенными чиновниками, большею частью мало подготовленными къ этому дѣлу. Дозоръ или дополнительное описаніе небольшаго числа дворовъ нерѣдко производились воеводой, губнымъ старостой или даже однимъ дьякомъ безъ воеводы [1]). Въ случаѣ подробнаго описанія, результатомъ котораго являлись писцовыя или переписныя книги, писецъ, по государеву указу и приговору боярскому [2]), обыкновенно присылался изъ Москвы. Впрочемъ иногда писцовое дѣло вѣдали воеводы, напр. въ Устюгѣ, Сольвычегодскѣ и другихъ городахъ. Этотъ способъ былъ выгоднѣе для населенія, которому не приходилось производить особыхъ расходовъ на содержаніе писца. Поэтому, посадскіе люди и крестьяне иногда обращались съ челобитной къ государю о назначеніи писцомъ воеводы, если онъ пользовался хорошей репутаціей, на что соглашалось и правительство [3]).

Писцы и переписчики не всегда посылались изъ одного и того же учрежденія. Въ 20-хъ годахъ въ Вологду, Нижній-Новгородъ, Арзамасъ посланы были писцы изъ Новгородскаго приказа. Но въ 1678 году они получили отпускъ въ тѣ же города изъ Помѣстнаго. Въ 70-хъ годахъ изъ Новгородскаго приказа посланы были пере-

---

[1]) Описаніе Арх. Юстиціи, т. I, Писц. кн. №№ 1260, 1798, 1799, 2531. *К. Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ и проч. Зап. геогр. общ., т. VIII, прил., XIII, стр. 364, №№ 3 и 4. Чт. М. О. И. и Д., 1887 г., кн. I, Смѣсь, стр. 184. Выписка о писцахъ и воеводахъ бывшихъ въ Кольскомъ острогѣ и въ Кайгородкѣ въ 116—190 годахъ. Въ концѣ этой выписки испрашивается государевъ указъ «въ Кольскомъ острогѣ и въ Кайгородкѣ нарочнымъ ли посланнымъ быть писцомъ или воеводамъ писать, потому что въ тѣхъ городѣхъ по нынешней переписки дворомъ малое число».

[2]) А. И., т. V, № 84.

[3]) Чт. М. О. И. и Д., 1887 г., кн. III, смѣсь № 1.

писчики въ Сольвычегодскъ, Пермь, на Вятку, Двину, въ Кунгуръ, Олонецъ, Кевроль, Кольскій и Пустозерскій остроги, но въ Псковъ, Старую Русу и нѣкоторые другіе города той же четверти отпущены изъ Помѣстнаго Такимъ образомъ отпускъ писцамъ выдавался или изъ Помѣстнаго приказа, или изъ учрежденія, гдѣ вѣдался описываемый городъ. Лишь съ ослабленіемъ финансоваго значенія четвертей преобладающее значеніе въ этомъ отношеніи получилъ Помѣстный приказъ [1]). Для производства описаній посылались стольники, окольничіе или дворяне вмѣстѣ съ дьяками или подьячими. Бывали изрѣдка случаи, когда одинъ и тотъ же писецъ занимался попеременно описаніемъ разныхъ уѣздовъ, такъ что становился своего рода спеціалистомъ этого дѣла. Такъ напримѣръ, писецъ Никита Ивановичъ Беклемишевъ описывалъ Бѣлозерскій уѣздъ въ 1597 году, Болховской—въ 1625 году, Рыльскій—въ 1625—1626 гг., Путивльскій—въ 1626 — 1627, и разныя волости и вотчины Галицкаго уѣзда съ 1627 по 1648 годъ. Такимъ образомъ, Беклемишевъ непрерывно занимался писцовымъ дѣломъ болѣе 20 лѣтъ, а въ должности писца, повидимому, состоялъ около 40 лѣтъ. Иногда опытность прежняго писца вновь примѣнялась къ дѣлу лишь черезъ весьма значительный промежутокъ времени; въ другихъ случахъ, напротивъ, писцы смѣнялись во время производства самой переписи и на ихъ мѣсто назначались новые, что, вѣроятно, не мало препятствовало успѣшному окончанію начатаго дѣла [2]). Подьячіе, состоявшіе при писцахъ и составлявшіе писцовыя и переписныя книги, посылались, по крайней мѣрѣ иногда изъ служившихъ въ Московскихъ приказахъ. Такъ напримѣръ, въ 1646 году переписывали уѣзды: Путивльскій—Якушко Щолковъ, Кевролъскій и Мезенскій — Ивашко Богдановъ, Новгородскій уѣздъ—Ивашко Раковской; между тѣмъ, всѣ они служили въ Помѣстномъ приказѣ и получали жалованье, какъ и другіе подьячіе: первый—по 9 рублей, второй—по 6 и третій—по 4 рубля ежегодно [3]).

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, I; т. IX, 1682 г. П. С. З., т. II, № 866. Въ П. С. З., т. II, № 1086 (1684 г. августа 7) говорится о томъ, что писцы 189 года посланы были въ Московскій уѣздъ и всѣ города изъ Помѣстнаго приказа и сюда должны были подать книги.

[2]) Описаніе Арх. Мин. Юстиціи, т. I. Р. И. Б., т. X, стр. 361.

[3]) Р. И. Б., т. X, стр. 391. Описаніе Арх. Мин. Юстиціи, т. I, Писц. кн. №№ 951, 952, 1237, 1238, 1811—1814, 2076.

Передъ отправленіемъ на мѣсто назначенія, писцы приводились къ крестному цѣлованію [1]), получали наказъ и, вѣроятно, брали съ собой сошныя и приправочныя книги. О «полномъ» наказѣ дозорщикамъ шла рѣчь на соборѣ 1619 года, хотя въ подлинныхъ дозорныхъ книгахъ прямыхъ указаній на его существованіе или выдержекъ изъ него не встрѣчается [2]). Писцамъ 20-хъ, 40-хъ, 70-хъ и 80-хъ годовъ выданы были наказы, повидимому, одного и того же содержанія, вѣроятно, каждому порознь; нѣкоторые изъ нихъ сохранились цѣликомъ, другіе извѣстны лишь по выпискамъ въ подлинныхъ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ [3]). Наказъ имѣлъ значеніе не только, какъ общій сводъ правилъ, которыми писецъ долженъ былъ руководствоваться при описаніи [4]), но и какъ актъ, узаконявшій его дѣятельность въ глазахъ мѣстнаго населенія. Новая перепись пріятна была лишь для той мѣстности, гдѣ уровень населенія понизился, но не въ обратномъ случаѣ. Вотъ почему тѣмъ писцамъ, которые отправлялись для переписи какихъ-либо мелкихъ статей дохода и для которыхъ, вѣроятно, не составлялось особаго наказа, выдавалась воеводой послушная память землевладѣльцу или его приказнымъ людямъ, старостамъ (и цѣловальникамъ), чтобы старосты съ населеніемъ «были ему послушны» [5]), или присылались изъ Москвы

[1]) Указомъ и боярскимъ приговоромъ отъ 12 августа 1681 года писцовъ не велѣно приводить къ вѣрѣ и за неправду наказанія по Уложенію не чинить. П. С. З., т. II, № 893. Ср. ibid., № 886.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. III, № 47.

[3]) О существованіи наказовъ при царѣ Иванѣ Грозномъ см. А. Ю., №№ 169, 170 и 229. *К. Неволинъ*, Объ успѣхахъ межеванія и проч. въ Актѣ Спб. университета 1847 г., стр. 186. Писцовые наказы упомянуты у *П. Строева* и *Ѳ. Калайдовича*, Опис. рук. Гр. Ѳ. Толстаго, 1825 г. Отд. I, № 165. *П. Иванова*, Обозрѣніе помѣстныхъ правъ и проч., стр. 137—139. Наказъ 1646 г. см. въ А. Э., т. IV, № 14. Наказъ дозорщику С. И. Воейкову и дьяку Д. Прокофьеву 7153 г. декаб. 26 см. въ дѣлѣ Вязмичанъ о платежѣ ямскихъ, стрѣлецкихъ и пищальныхъ денегъ противъ новыхъ писцовыхъ книгъ въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153—7157 гг., № 68. Въ большинствѣ писцовыхъ и переписныхъ книгъ приводятся выдержки изъ такихъ наказовъ. (Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Нижняго Новгорода 7129—7131 гг., кн. 295. л. 1—5 и мн. др. *Е. Замысловскій*, Перен. кн., вып. I, стр. 2, 12, 101, 105, 107, 119, 206, 223). Писцовый наказъ апрѣля 1684 г. (П. С. З., т. II, № 1074) упоминаетъ о писцовыхъ наказахъ 7136, 186, 189 и 190 годовъ. Ср. ниже стр. 203.

[4]) А. Э., т. IV, № 14. Къ такимъ наказамъ присоединялись новѣйшія узаконенія по тѣмъ или другимъ спорнымъ вопросамъ.

[5]) А. И., т. V, № 17.

*

царскія грамоты подобнаго же содержанія, если писецъ пріѣхалъ изъ Москвы [1]). Наказъ указывалъ лишь въ общихъ чертахъ то направленіе, которое должна была принимать дѣятельность писца, тѣ стороны общественной жизни, на которыя онъ долженъ былъ обратить особенное вниманіе. Но для писца, плохо знакомаго съ основными правилами землемѣрія, этого, конечно, было недостаточно. Поэтому писцы во время описанія держали при себѣ такъ называемые «земельные списки», подъ которыми слѣдуетъ, вѣроятно, разумѣть сошныя книги [2]). Нѣкоторыя изъ этихъ любопытныхъ руководствъ финансовой практики Московскаго государства въ XVII вѣкѣ оффиціальнаго происхожденія; другія составлены частными лицами [3]); всѣ они представляютъ рядъ догмати-

[1]) А. И., т. V, № 107. Писцовый наказъ 1646 г. «вычитывался» населенію «для того, чтобы» оно подавало сказки. А. Э., т. IV, № 14.

[2]) Указная книга Помѣстнаго приказа у *М. Владимірскаго-Буданова*, Христ., вып. III, стр. 213. Въ указѣ о земномъ верстаніи, напечатанномъ въ Счетной Мудрости (изд. Общ. люб. древ. письмен., вып. XLIII, Спб., 1879, л. 6 об.) «въ связи съ руководствомъ о землемѣріи помѣщена роспись Каргопольскаго города по книгамъ писца Воейкова съ вычисленіемъ по тѣмъ же книгамъ вытей во всемъ Каргопольскомъ уѣздѣ». Отсюда ясно и значеніе самого руководства. Въ Паисіевскомъ сборникѣ (конца XIV или начала XV в.) уже упоминается о книгѣ землемѣрія, хотя она и зачислена въ книги отреченныя, наравнѣ съ «чаромѣрьемъ, колядникомъ» и пр. *В. Добынинъ*, Очерки исторіи развитія физико-математическихъ знаній въ Россіи, XVII ст., вып. I, М., 1886 г., стр. 2. *И. Бѣляевъ* упоминаетъ о книгѣ сошнаго письма первой половины XVI в. въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, № 1043. (О доходахъ Московскаго государства въ Чт. М. О. И. и Д., 1885 г., кн. I, стр. 95). О существованіи наказа 1555 г. см. *В. Татищева* Судебникъ, изд. 1768 г., ст. 104 и слово «соха» въ указателѣ; о сошныхъ книгахъ въ половинѣ XVI в. см. *Его же* Прим. къ Судебнику, № 104, изд. Г. Миллера въ Продолж. Древ. Рос. Вивл., Спб., 1786 г., стр. 165, 207. *Его же* Истор. Рос., кн. I, стр. 506—507.

[3]) Оффиціальнаго происхожденія, вѣроятно, книга сошнаго письма 7137 г. и книга при Уложеніи. (Временникъ М. О. И. и Д., т. XVII, Смѣсь, стр. 33—90). Ср. сошную книгу въ Имп. Публ. Библ., Q II, № 61. Сошныхъ книгъ, сходныхъ съ изданною при Уложеніи, находится довольно много въ рукописныхъ сборникахъ въ Имп. Публ. Библ., FII, № 44, л. 259—275; QXVII, № 135, лл. 91—127. Въ Румянцевскомъ музеѣ: въ собраніи Ундольскаго № 834 (на 35 лл.) и № 1095; Собранія Готье № 28 (Общ. нум. № 2631). Къ послѣдней книгѣ, впрочемъ, приложенъ скоромышленникъ, котораго нѣтъ въ сошной книгѣ при Уложеніи. Частнымъ лицомъ (Логиномъ Урусскимъ) составлена Сошная книга, напечатанная у *В. Крестинина* (Исторія г. Холмогоръ, Спб., 1790 г., Прилож.), перепечатанная въ трудахъ *П. Иванова* (Опытъ историческаго изслѣдованія о межеваніи въ Россіи, М., 1846 г.) и *Д. Ровинскаго* (Русскія народныя картинки, кн. II, Спб., 1881 г., стр. 356, № 656 и прилож.

чески изложенныхъ, почти никогда ничѣмъ не мотивированныхъ правилъ, но не всѣ изъ этихъ правилъ одинаково часто встрѣчаются въ каждой изъ нихъ [1]). Обычными являются наставленія о сошномъ, вытномъ письмѣ и переводѣ или денежномъ платежѣ. Сошное письмо состояло, обыкновенно, изъ росписи, развода и свода сошному письму, въ которыхъ опредѣлялись цѣлыя и дробныя величины разноразрядныхъ и разнокачественныхъ сохъ, а также составлялись таблицы суммъ разныхъ мелкихъ частей различныхъ сохъ и вычисленіе наддачи на помѣстныя сохи. Статьи эти представляютъ довольно значительную степень однообразія въ извѣстныхъ намъ книгахъ сошнаго письма. Вытное письмо заключало опредѣленіе разнокачественныхъ вытей въ четвертяхъ, отношенія разноразрядныхъ и разнокачественныхъ сохъ къ вытямъ, а иногда разводъ и сводъ выти, т. е. дѣленіе ея на мелкія части (кости) и ихъ сложеніе. Переводомъ, денежнымъ или сошнымъ платежемъ назывался, обыкновенно, такого рода счетъ, въ которомъ поземельныя измѣренія приравнивались къ денежнымъ единицамъ [2]). Рѣже встрѣчаются въ сошныхъ книгахъ указы о зем-

---

А.—Здѣсь можно найти нѣсколько техническихъ подробностей о гравировкѣ этого листа сошнаго письма на мѣди ученикомъ Аѳанасія Трухменскаго—Василіемъ Андреевымъ.—Ср. ibid. № 656). Въ книгѣ сошнаго письма Имп. Публ. Библ., QXVII, № 87 по листамъ (лл. 1—101) читаемъ: «Сіе землемѣріе стольника князя Матвѣя Михаиловича Гагарина; писалъ своею рукою».

[1]) Есть росписи, землемѣрія и проч., содержаніемъ которыхъ является лишь одинъ какой-нибудь отдѣлъ въ другихъ случаяхъ входящій въ составъ болѣе полной редакціи. Сѣверный Архивъ 1823 г., стр. 46—49: Нѣчто о древнемъ народосчисленіи и взиманіи податей въ Россіи. Въ «Счетной Мудрости», изданной Обществомъ любителей древней письменности, вып. XLIII, Спб., 1879 г., на лл. 1—8 и 102—120 встрѣчается указъ о земляномъ верстаніи и книга землемѣрія. «Указы земному верстанію, како писцемъ землю мѣрити» см. въ Сборн. Имп. Публ. Библ., QXVII, № 66, лл. 193—226 и 142, лл. 195—220. Отрывки изъ разныхъ сошныхъ книгъ въ сбор. древлехранилища М. Погодина въ Имп. Публ. Библ., № 1612, лл. 42—43, 447—462. Есть пространныя редакціи сошныхъ книгъ, отчасти сходныя съ книгой 7137 года, но иногда и значительно дополненныя: Сборн. Имп. Публ. Библ., QII, № 42; QXVII, № 66, лл. 171—191; QXVII, № 87, лл. 1—101. Румянцевскій музей, Собраніе Ундольскаго, № 833. О любопытной книгѣ сошнаго письма собранія И. Бѣляева (№ 64, общ. нум. № 1573) см. прилож. VII.

[2]) Иногда сошный платежъ изъясняется цѣлымъ рядомъ примѣровъ и задачъ, рѣшаемыхъ тутъ же. См., напр., Сборн. Имп. Публ. Библ., QXVII, № 66, лл. 215—226. О денежномъ платежѣ см. ниже, Отд. II.

номъ верстаніи, о десятинномъ счетѣ, къ которому иногда присоединялся скоромышленникъ[1]), важнѣйшія геометрическія правила, статьи о золотой и хлѣбной кладѣ, и постановленія о дворовомъ письмѣ (размѣрахъ налогоспособнаго двора въ десятинахъ и его дробныхъ частяхъ) и окладахъ разныхъ налоговъ, взимаемыхъ съ сохи. Наконецъ, еще рѣже въ сошныхъ книгахъ встрѣчаются статьи, которыя иногда имѣютъ характеръ указовъ, помѣщенныхъ въ книгу для какой-либо справки. Таковы, напримѣръ, «указъ о прибылыхъ людяхъ въ дворахъ», о томъ, какъ класть дворы въ платежныя четн, указъ о замѣнѣ хлѣбныхъ сборовъ денежными; указы объ усадебныхъ земляхъ, «о кладѣ большой землѣ, живущему и пустому, какъ писати въ перечень въ докладъ», о сборѣ съ дворцовыхъ сохъ, о жалованіи стрѣльцамъ, о количествѣ городовъ и четей, вѣдомыхъ въ приказахъ [2]). Сошная книга давала писцу общія наставленія о томъ, какъ исчислять дворы и мѣрить землю, но не могла сообщить нужныхъ ему свѣдѣній о мѣстности, куда онъ отправлялся, и служить ему не только образцомъ, но и путеводителемъ при производствѣ самаго описанія. Потребность въ такого рода пособіи и стремленіе правительства даннымъ описаніемъ не только опредѣлить матеріальное благосостояніе тяглецовъ въ моментъ переписи, но и отмѣтить его отличіе отъ положенія, въ какомъ находилось народное хозяйство во время производства предшествовавшей переписи [3]), повели къ составленію такъ назы-

[1]) Скоромышленникомъ называлась таблица, облегчавшая переложеніе десятиннаго счета на четвертной. См., напр. Сбор. Имп. Публ. Библ., QXVII, № 66, л. 179. Золотая кладь давала наставленія о дѣленіи пуда на большія и скаловыя гривенки, дѣленіи гривенки на золотники и золотника на почки. Хлѣбною кладью назывался разводъ и сводъ обыкновенной хлѣбной четверти.

[2]) На основаніи вышеприведенной краткой характеристики сошныхъ книгъ можно видѣть, на сколько ошибочны были мнѣнія, уже о нихъ высказанныя въ нашей литературѣ. По словамъ *В. Кури* (О прямыхъ налогахъ въ Сборникѣ Д. Мейера, стр. 119), «списки съ писцовыхъ книгъ, данные волостямъ и посадамъ, для соображенія при раскладкѣ податей, назывались сошными». Авторъ, очевидно, смѣшалъ сотную выпись съ книгой сошнаго письма. По мнѣнію *Е. Осокина* (О понятіи промысловаго налога и проч., стр. 51), «самыя книги сошнаго письма назывались, обыкновенно, писцовыми». Но содержаніе тѣхъ и другихъ было различно, а потому и наименованія ихъ вовсе не смѣшивались.

[3]) Такъ, по крайней мѣрѣ, было до переписи 1646 г. Въ переписныхъ книгахъ 7154 и 7184—186 гг., на сколько намъ извѣстно, такого стремленія не обнаруживается. Поэтому, можетъ-быть, прправочныя книги выдавались писцамъ, главнымъ образомъ, лишь въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

ваемыхъ приправочныхъ книгъ. Книги эти были списками съ дозорныхъ или писцовыхъ книгъ, служили образцемъ и руководствомъ писцамъ «для вѣдома имяны селъ и городовъ», давали имъ матеріалъ для сравненія состоянія описываемой мѣстности съ ея положеніемъ въ прежнее время, а иногда, благодаря случайнымъ обстоятельствамъ, напримѣръ, пожару, истреблявшему оригиналы, съ которыхъ они были списаны, замѣняли послѣдніе и, такимъ образомъ, получали оффиціальное значеніе [1]).

Снабженный наказомъ и нужными пособіями, «земельнымъ спискомъ» и «приправочной» книгой, писецъ отправлялся на мѣсто назначенія. Мѣстные воеводы должны были принимать писцовъ, давать имъ нужныя справки изъ архива при съѣзжей избѣ, чернила, бумагу и свѣчи, предоставляли въ ихъ распоряженіе служилыхъ людей низшихъ разрядовъ (пушкарей, затинщиковъ, воротниковъ, стрѣльцовъ) для производства разныхъ работъ по писцовому и межевому дѣлу и слѣдили за тѣмъ, чтобы мѣстное населеніе было «имъ послушно». Писцы, съ своей стороны, должны были «о всемъ чинить» съ вѣдома воеводы [2]). Пріѣхавъ въ городъ или уѣздъ, подлежавшій переписи, писцы читали государевъ наказъ земскому старостѣ, цѣловальникамъ и всѣмъ жилецкимъ посадскимъ людямъ или помѣщикамъ, вотчинникамъ, ихъ приказнымъ людямъ, старостамъ и крестьянамъ «не по одинъ день». Затѣмъ сами помѣщики и вотчинники, земскія власти, представители отъ духовенства (архимандриты, протопопы, попы) и спеціально выбранные для этого лучшіе люди присоединялись къ писцамъ для производства переписи [3]). Въ черныхъ волостяхъ каждая волость также выбирала земскаго цѣловальника «къ государеву писцовому и земляному дѣлу». Этотъ цѣловальникъ долженъ былъ «у госуда-

---

Но, вмѣсто списковъ съ оригиналовъ, писцы брали копіи съ списковъ прежнихъ писцовыхъ книгъ, хранившихся въ съѣзжей избѣ того города, куда они отправлены были для описанія, А. И., т. V, № 286.

[1]) Указная книга Помѣстнаго приказа у *М. Владимирскаго-Буданова*, Христ., вып. III, стр. 204. А. Э., т. IV, № 14. Ср. выше, прим. 1 на стр. 190.

[2]) А. о. до Ю. Б., т. I, № 14. П. С. З., т. II, № 889. Межевщикамъ иногда помогали крестьяне и бобыли. Бѣлевск. Вивл., изд. Н. Елагинымъ, М., 1858 г., т. II, стр. 275. А. И., т. V, № 286. Доп. къ А. И., т. IX, № 89. При производствѣ переписи писцы иногда, повидимому, считались мѣстами. Посылая писцовъ въ 1620-хъ годахъ мѣрить бѣлыя и черныя мѣста въ Кремлѣ, Китаѣ и Бѣломъ городахъ и за городомъ, государь и патріархъ указали писцамъ быть всѣмъ безъ мѣстъ. А. о. до Ю. Б., т. III, № 365, I.

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Дозор. кн. г. Юрьева Повольскаго 7121 г., кн. 913, л. 14 об. и мн. др.

рева дѣла съ писцы про себя и тое слободы (или другаго какого нибудь поселенія) крестьянъ всѣхъ лутчихъ, середнихъ и молотчихъ про торговыхъ и промышленныхъ людей и про ихъ торгъ и промыселъ и про ихъ прожитки и про землю и про починки и про пустоши и про селища и про займища и про лѣса пашенные и непашенные и про всякие угодья сказывати... и про половничьи и оброчныхъ бобылей, про дворы и про крестьянскихъ и половничьихъ дѣтей и про ихъ братью и племянниковъ и про захребетниковъ и подсосѣдниковъ, кто на чемъ живетъ и какими торги и товары торгуетъ и промыслы промышляетъ и на сколько рублей; а хто торгуетъ и въ которые городы отъѣзжая торгуетъ и двою дворовъ за одинъ не сказывати и изъ двора въ дворъ не переводить и тѣхъ крестьянскихъ и половничьихъ дворовъ пустыми и живущихъ деревень и починковъ и выставковъ пустыми не называть» Къ подобнаго рода выборамъ волостные люди или отцы ихъ духовные прикладывали руки [1]). Писцы приводили выборныхъ людей къ крестному цѣлованію въ томъ, что они все скажутъ по правдѣ, а вслѣдъ затѣмъ начинали сбирать у жителей сказки, въ которыхъ послѣдніе должны были означить размѣры своихъ хозяйствъ за своими руками или, въ случаѣ неграмотности, за подписью отцевъ ихъ духовныхъ [2]). Получивъ сказки, писцы должны были пересмотрѣть ихъ «на лицо», сами ѣздили для этого въ села и деревни, замѣняли ложныя сказки новыми и содержаніе ихъ вписывали въ писцовыя книги «имянно» [3]). При переписи писцы должны были сказывать населенію и беречь накрѣпко, чтобы никто крестьянъ и бобылей не таилъ, должны были распрашивать людей земледѣльца, крѣпостные ли они или старинные его холопы, по какимъ крѣпостямъ и съ какихъ поръ живутъ; то же дѣлалось и относительно монастырскихъ служекъ и дѣтенышей. Села и починки, поставленные «послѣ писцовъ» (т. е., вѣроятно, по окончаніи переписи данной мѣстности, но до отъѣзда изъ нея писцовъ), писцамъ также нужно было переписывать и заносить въ книги «себѣ же

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, II Д. С. Л., 7154 г., № 47; 7154 г., № 48. Выборы Усольскихъ цѣловальниковъ.

[2]) Такихъ сказокъ много можно найти въ Арх. Мин Юстиціи, См., напр., производство Помѣстнаго приказа по г. Москвѣ, по реэстру № 1, общей нумераціи №№ 33137, 32990, 33993, 33997.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. III, № 47. *В. Борисовъ*, Описаніе г Шуи, № 17. *Е Замысловскій*. Переп. кн., вып. I, стр. 164, прим. 1. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Нижняго Новгорода, кн. 295, лл. 1—5; Гороховца, кн. 15398, лл. 1 - 3.

статьею»; изъ бѣглыхъ же крестьянъ (въ 1646 году) велѣно было переписывать лишь тѣхъ, которые бѣжали въ указныя 10 лѣтъ [1]). Такъ какъ перепись желательно было окончить въ возможно болѣе короткій промежутокъ времени, а складываніе четвертей, десятинъ и дворовъ, измѣренныхъ и перечисленныхъ въ каждомъ поземельномъ владѣніи, вѣроятно, доставляло писцамъ много заботъ и работы, которая поэтому нерѣдко выполнялась небрежно, то съ теченіемъ времени сдѣлано было важное нововведеніе: обязанность класть земли и дворы въ сошное письмо и живущія чети снята была съ писцовъ и поручена была вѣденію Помѣстнаго приказа, гдѣ, по окончаніи переписи и по присылкѣ сюда писцовыхъ книгъ, и производилась эта операція. Хотя прямыя указанія на такое распоряженіе встрѣчаются лишь въ наказѣ 1684 года, но можно думать, что то же правило соблюдалось уже при переписяхъ 40-хъ и 70-хъ годовъ, ибо переписныя книги этого времени не заключаютъ въ себѣ итоговъ сошнаго письма или живущихъ четвертей, какія мы встрѣчаемъ въ писцовыхъ книгахъ 20-хъ годовъ [2]) «Бѣлыя» книги, составленныя дьякомъ или чаще подьячимъ, скрѣплялись его подписью, къ которой иногда присоединялось руко-прикладство писца и другихъ лицъ, присутствовавшихъ при производствѣ переписи и представлялись въ Помѣстный приказъ или другое учрежденіе, гдѣ вѣдалась описанная мѣстность [3]), а мѣстнымъ властямъ, воеводѣ или губному старостѣ, оставлялись списки, необходимые для финансовыхъ и судебныхъ цѣлей; они отличались отъ подлинниковъ тѣмъ, что не скрѣплены были подписью подья-

---

[1]) А. Э., т. IV, № 14. П. С. З., т. II, № 1074.

[2]) П. С. З., т. II, № 1074, стр. 7.

[3]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, I; т. IX, № 89. П. С. З., т. II, № 866. Изъ Помѣстнаго приказа присылались въ различныя центральныя учрежденія списки съ писцовыхъ книгъ тѣхъ городовъ, которые вѣдаемы были въ каждомъ изъ нихъ. Есть прямыя указанія на храненіе писцовыхъ книгъ не въ одномъ Помѣстномъ, но и въ другихъ приказахъ, напр., Устюжской, Костромской и Новгородской четвертяхъ. А. И., т. IV, №№ 24, 188 и 189. Доп. къ А. И., т. VI, № 14. А. о. до Ю. Б., т. III, № 315. Иногда писцовая, а еще чаще переписная книга снабжалась главами или перечнемъ, гдѣ по именамъ означены были землевладѣльцы съ указаніемъ при каждомъ той статьи (параграфа), въ которомъ описаны были его владѣнія. Ип Публ., Библ., Дозор. кн. Болховскаго уѣзда 7128 г., F IV, № 375, л. 9: а дѣлалъ сѣмъ книгамъ главы нынѣшняго 143 года іюля въ 6 день подьячей Михайла Гавриловъ. — Писц. кн. г. Мурома 7144 г., QIV, № 231 лл. 72 — 74. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Коломны, 7131 г., к. 201, л. 332.

чего. Наконецъ, изъ тѣхъ же книгъ выдавались выписи посадамъ, волостямъ или землевладѣльцамъ Выписи эти назывались сотными и обращались въ цѣлыя книги, если поземельное владѣніе было обширно [1]).

Дѣятельность писца не ограничивалась одною регистраціей. Записывая вновь прибылое населеніе и отмѣчая обѣдненіе или обогащеніе населенія, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ раздавалъ новыя мѣста «изъ оброка», увеличивалъ или уменьшалъ старые оброки или тягло, взималъ пошлины съ крѣпостныхъ актовъ, не представленныхъ въ Помѣстный приказъ, и посылалъ туда ихъ списки, словомъ, служилъ довольно важнымъ временнымъ органомъ финансоваго управленія въ описываемой имъ мѣстности [2]).

Еще шире представится намъ кругъ дѣятельности писца, если мы взглянемъ на его судебныя функціи. Онъ не только межевалъ земли [3]) и давалъ крѣпостные акты, выписи на владѣніе ими, но дѣлалъ розыскъ по спорнымъ дѣламъ о поземельномъ владѣніи, выполнялъ рѣшенія высшихъ судебныхъ учрежденій, а иногда и самъ имѣлъ право рѣшить дѣло. Такъ напримѣръ, въ наказѣ Вя-

---

[1]) Доп къ А. И., т. VI, № 56, II; т. IX, № 89. *Е. Замысловскій*, перен. кн., вып. I, стр. 2, прим. 1; стр. 13, прим. 1; стр. 106, прим. 1 стр. 108, прим. 1; стр. 120, прим. 1; стр. 137, прим 1; стр. 162, прим 1; стр. 164, прим. 1; стр. 198, прим. 1; стр. 206, прим. 2. Въ оброчныхъ книгахъ Вятскаго уѣзда 7137 г., (Имп. Публ. Библ., QIV, № 257) передъ описаніемъ каждой волости читается слѣдующее: «лѣта 7147 г. декабря въ 30 день билъ челомъ Государю царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу всеа Русіи съ Вятки Хлыновскаго уѣзда Бритовской волости (или другой) тяглыхъ сохъ цѣловальникъ Мишка Окуневъ, (или другой) и во всѣхъ крестьянъ мѣсто: Въ 137 году писали и мѣрили на Вяткѣ писцы Ѳеонасій Толчановъ да подьячей Андрей Іевлевъ, а письма своего съ книгъ Бритовской волости, кому съ чево государевы подати платити, не дали. И Государь бы ихъ пожаловалъ велѣлъ имъ дать съ писцовыхъ книгъ списокъ, почему имъ впередъ, чѣмъ угодьемъ владѣть противъ писцовыхъ книгъ, какъ инымъ волостямъ выписи даны. И по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи указу дьяки думные Ѳедоръ Лихачевъ да Максимъ Матюшкинъ да Григорій Львовъ велѣли Бритовской волости, деревнямъ крестьянамъ съ подлинныхъ съ писцовыхъ книгъ дать списокъ. И съ тѣхъ писцовыхъ книгъ списокъ данъ таковъ...» (л. 144). Затѣмъ идетъ описаніе Бритовской (или другой) волости.

[2]) *Я. Гарелинъ*, Старинные акты Шуи, № 157. Доп. къ А. И., т. IV; № 123. П. С. З., т. II, №№ 835 и 1074, ст. 10.

[3]) Указныя статьи о межеваніи см. въ П. С. З., т. II, №№ 813, 830, 832, 890, 926; писцовые наказы для межеванія спорныхъ земель ibid., №№ 1013, 1111, 1178.

земскимъ дозорщикамъ, между прочимъ, говорится, что если между владѣльцами «въ земляхъ учинится споръ», то имъ, въ случаѣ невозможности развести ихъ безъ суда, въ тѣхъ спорныхъ мѣстахъ, «поставя людей съ очей на очи», судить и сыскивать всякими сысками накрѣпко «старожильцами, тутошними и окольными всякими людьми» и что по сыску объявится, то писать въ книги и отписывать въ Москву, но безъ указа изъ Москвы дѣла окончательно не рѣшать. Когда писцы И. Н. Головинъ да подьячій Н. Ѳедоровъ описывали Ярославскій уѣздъ, подъ Никитскою слободой оказались дворовыя мѣста въ спорѣ между Спасскимъ монастыремъ и посадскими людьми По этому поводу былъ судъ и судное дѣло отослано вершить по памяти въ приказъ Большаго дворца къ боярину кн. А. М. Львову и къ дьякамъ Герасиму Мартемьянову и Максиму Чиркову. Переписчикамъ 1678 года въ Сибири велѣно было отписывать о спорныхъ дѣлахъ въ Москву и оставлять ихъ перѣшенными до государева указа [1]). Впрочемъ позднѣйшимъ указомъ, писцамъ предоставлено было право судить «не описываясь» людей и крестьянъ по случаямъ, предусмотрѣннымъ Уложеніемъ, а можетъ быть, и писцовымъ наказомъ, который имѣлъ такое же значеніе для межевщиковъ. Но когда дѣло касалось самихъ землевладѣльцевъ, писцы должны были «розыскавъ послать къ великому Государю объ указѣ» [2]).

Во время производства переписи писцы пользовались даровою квартирой, получали кормъ или кормовыя деньги, деньги на дровяную, лучинную, свѣчную покупку и подводы отъ населенія [3]).

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153—7157 гг. № 68: Дѣло Вязмичанъ объ уплатѣ разныхъ податей противъ писцовыхъ книгъ. 7185 г.: Роспись писцовымъ дѣламъ писца Н. Озерова да подьячего И. Гордѣева. Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7135—7137 гг., FIV, № 525, л. 420. Срав. ibid., Писц. кн. г. Венева 7135—7136 гг., FIV, № 385, ст. 56 А. И., т. V, № 32.

[2]) П. С. З., т. II, № 888. Подобными же правами пользовались межевщики: Ibid., №№ 1013, ст. 38 и 1074, ст. 8. Поэтому не вполнѣ справедливо утвержденіе *Ѳ. Дмитріева* (Истор. судеб. инстанц., стр. 295), что писецъ самъ не судилъ, а только пересматривалъ дѣло.

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, II. Д. С. Л., 7153—7157 гг., № 68: Дѣло Вязмичанъ объ уплатѣ разныхъ податей противъ новыхъ писцовыхъ книгъ. Вязмичане, между прочимъ, били челомъ Государю, чтобы у нихъ дозоръ произведенъ былъ мѣстнымъ воеводой, а не присланнымъ дозорщикомъ, такъ какъ послѣдняго кормить имъ будетъ нечѣмъ. Имп. Публ. Библ., Грамоты о земскомъ управленіи въ Устюгѣ QII, № 44, лл. 137—139. Доп. къ А. И., т. IX, № 89.

Въ 20-хъ годахъ дворянамъ выдавалось по тушѣ бараньѣ, по куренку, да луку, чесноку, сметаны, яицъ и масла на двѣ деньги въ скоромный день; а въ постный «рыбою счетчи противъ мясныхъ дней, гдѣ какова рыба лучится»: кромѣ того, хлѣбъ и калачи, «чѣмъ бы имъ съ людьми сытымъ быть». Въ 1646 году эти натуральные кормы замѣнены были денежными. Дворянинъ наравнѣ съ подьячими получалъ по 8 алт. 2 деньги въ день. Плата эта нѣсколько сбавлена въ 70-хъ годахъ, когда переписчикъ сбиралъ съ населенія денежнаго жалованья по 6 алт. 4 деньги въ день. Наконецъ, при производствѣ описанія въ 80-хъ годахъ, самое жалованье превратилось изъ заработной поденной платы въ задѣльную: писцу велѣно было давать по деньгѣ за каждую измѣренную четверть «съ одного поля, а не съ двухъ поль, потому что въ дачахъ помѣщику и вотчиннику пишется одно поле, а въ дву потому жъ». Такое же вознагражденіе получали подъячіи съ приписью, молодые подьячіе и служилые люди, состоявшіе при переписи, всѣ вмѣстѣ. Подводы давались въ разномъ количествѣ: писцу по 12, подьячему съ приписью—3, молодымъ подьячимъ «двумъ человѣкамъ» по подводѣ, служилымъ людямъ, «которые съ ними будутъ, пяти человѣкамъ» по 3 подводы [1]). Кромѣ того, на чернила, бумагу, воскъ, свѣчи и вообще на канцелярскіе расходы взималось, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, по гривнѣ съ 100 четвертей. Въ такихъ случаяхъ предметы эти, вѣроятно, уже даромъ не выдавались писцамъ изъ съѣзжей избы [2]). Писцовыя и переписныя книги подавались писцами въ то учрежденіе, изъ котораго они получили наказъ и отпускъ, т. е. приказъ, гдѣ вѣдалась описанная мѣстность, или чаще (особенно со второй половины XVII вѣка) въ Помѣстный приказъ. Отсюда въ такомъ случаѣ разсылались по различнымъ центральнымъ учрежденіямъ списки съ писцовыхъ книгъ тѣхъ городовъ, которые вѣдались въ каждомъ изъ нихъ [3]).

Вышеуказанныя причины составленія народныхъ переписей, ихъ разновидности и способы регистраціи достаточно ясно характеризуютъ это правительственное мѣропріятіе въ XVII вѣкѣ. Но

---

[1]) П. С. З., т. II, №№ 832, ст. 1; 889, 899, ст. 30; 1074, ст. 76; 1125, Указомъ 17 апрѣля 1683 года (ibid., т. II, № 1005) велѣно давать дворянину по 8 алт. 2 ден. кормовыхъ, старому подьячему съ молодыми—10 денегъ, стрѣльцамъ—по 2 деньги человѣку.

[2]) П. С. З., т. II, №№ 890, ст. 30; 1074, ст. 76.

[3]) А. Э., т. IV, №№ 14, 21, 299. А. И., т. V, № 32. Доп. къ А. И., т. IV, № 111; т. VIII, № 40, I; т. IX, № 42. П. С. З., №№ 1074, 1086 и 1168.

понятіе о немъ останется неполнымъ, если не указать хотя бы въ общихъ чертахъ степени достовѣрности этихъ переписей, вопросъ весьма важный какъ для характеристики финансоваго управленія и финансовой политики, такъ и для опредѣленія той точки зрѣнія, съ которой мы въ настоящее время должны смотрѣть на писцовыя книги, какъ источникъ для исторіи народнаго и государственнаго хозяйства въ XVII вѣкѣ.

Изъ вышесказаннаго уже ясно, что при производствѣ переписей далеко еще не выработались общія правила регистраціи. Какъ поземельный кадастръ, описанія производились довольно быстро, быть можетъ, даже слишкомъ поспѣшно для того, чтобы внушать полное довѣріе къ ихъ результатамъ; какъ переписи населенія, они, напротивъ, не удовлетворяли основнымъ требованіямъ современной статистики—возможно болѣе быстрому и единовременному народосчисленію. Не соблюдалось и другое правило, по которому необходимо, чтобы для производства переписи избранъ былъ такой періодъ времени, когда явленія, подлежащія наблюденію, выступаютъ въ своемъ чистомъ, типическомъ видѣ. Какъ извѣстно, едва ли не всѣ переписи XVII вѣка произведены именно въ то время, когда нарушено было нормальное теченіе народной жизни и даже вызывались, главнымъ образомъ, такого рода нарушеніями. Періодичность переписей также отсутствовала; мы видѣли, въ какіе неравномѣрные промежутки времени переписывалось населеніе въ XVII вѣкѣ. Наконецъ, правительство того времени еще мало обращало вниманіе на то, чтобы при производствѣ переписи захватить возможно большее количество наблюдаемыхъ явленій и сопровождавшихъ ихъ обстоятельствъ, а также для означенія тѣхъ и другихъ не выработало вполнѣ опредѣленныхъ способовъ и формъ. Такъ, хозяйственное положеніе лица, подлежавшаго регитраціи, хотя и означалось словами лучшій, средній, худой посадскій человѣкъ, крестьянинъ и бобыль, но было слишкомъ неопредѣленнымъ. Описывались, какъ извѣстно, лица мужескаго пола, совершеннолѣтніе до переписи 1646 года, совершеннолѣтніе и несовершеннолѣтніе послѣ этого времени. Мѣсто рожденія означалось случайно, повидимому, лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда данное лицо недавно переселилось изъ другаго уѣзда въ описываемый городъ, а мѣсто рожденія уѣздныхъ жителей оставалось почти всегда неозначеннымъ. Вмѣсто года рожденія, въ переписныхъ книгахъ опредѣляется возрастъ несовершеннолѣтнихъ. Нечего говорить, на сколько удобенъ такой способъ: необразованные классы даже въ настоящее время затруд-

няются отвѣтить на подобнаго рода вопросы, да и самаго возраста несовершеннолѣтнихъ нельзя вычислить по переписнымъ книгамъ съ должною точностью, такъ какъ въ разныхъ частяхъ описанной мѣстности съ начала переписи протекали разные промежутки времени, о которыхъ нѣтъ возможности дать себѣ яснаго представленія. При этомъ возрастъ несовершеннолѣтнихъ, не говоря о взрослыхъ, иногда вовсе не означается. Вслѣдствіе отсутствія данныхъ о количествѣ женскаго населенія (кромѣ вдовъ) [1]), семейное положеніе лицъ, подлежавшихъ регистраціи, представляется неяснымъ, а ихъ занятія и промыслы далеко не всегда означены съ должною точностью. Это доказывается, во-первыхъ, тѣмъ, что при описаніи городовъ въ числѣ лицъ, владѣющихъ лавками, названы иногда промышленниками такіе дворовладѣльцы, о которыхъ при описаніи ихъ дворовъ ничего подобнаго не сказано; во-вторыхъ, тѣмъ, что при сравненіи описаній одного и того же города въ разные годы встрѣчается такое несоотвѣтствіе между количествомъ ремесленниковъ и промышленниковъ, которое возможно разъяснить лишь случайностью показаній писцовыхъ и переписныхъ книгъ. Такъ, напримѣръ, въ Каширѣ, въ 1624 году, на 58 человѣкъ населенія указано 52 ремесленника; въ томъ же городѣ въ 1646 году на 334 человѣка упомянуто всего 11 ремесленниковъ [2]). Принадлежность къ семейству, мѣсто жительства и отсутствующее населеніе означается довольно удовлетворительно, но означеніе мѣстности, куда выбыло отсутствующее лицо, встрѣчается изрѣдка, случайно. Рядомъ съ переписью населенія въ 20-хъ и 80-хъ годахъ производилось и описаніе земель, которое до извѣстной степени имѣло характеръ парцеллярнаго кадастра. Но при такомъ описаніи отсутствовали научный анализъ почвы и оцѣнка хозяйствъ, что лишало возможности точно опредѣлить цѣнность описанной земли.

Итакъ, общія правила регистраціи мало соблюдались; поэтому, нѣтъ возможности считать писцовыя книги такимъ же точнымъ источникомъ свѣдѣній, каковы современныя статистическія данныя. Но кромѣ этихъ ошибокъ, проистекавшихъ отъ довольно естественнаго незнанія правительствомъ того времени общихъ правилъ регистраціи, достовѣрность данныхъ, сообщаемыхъ писцовыми и переписными книгами, подрывалась ошибками самихъ писцовъ.

---

[1]) Срав. прим. 1 на стр. 189.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. и переп. книга г. Каширы 7132 и 7154 гг. кн. 201 и 179.

Ошибки эти, конечно, прежде всего происходили отъ теоретическихъ затрудненій, которыя вообще встрѣчаются при производствѣ всякой переписи. И теперь еще, при болѣе усовершенствованныхъ способахъ статистическаго исчисленія, бываютъ промахи и недочеты Тѣмъ болѣе естественны были они въ прежнее время. Они могли происходить: отъ большаго количества и разбросанности дворовъ, подлежавшихъ описанію, такъ что и лицо подавшее о нихъ сказки, и писецъ могли пропустить ихъ, отъ большой подвижности древне-русскаго населенія, вслѣдствіе котораго крестьяне, переселявшіеся во время переписи, едва ли всегда заносились въ писцовыя книги. Это могло происходить даже въ томъ случаѣ, когда описывался не только уѣздъ, изъ котораго они переселялись, но и уѣздъ, куда они думали переселиться (если такая опредѣленная цѣль всегда бывала, что, въ свою очередь, сомнительно), ибо эти крестьянскія переселенія, какъ извѣстно, длились иногда очень долгіе промежутки времени. При такихъ условіяхъ пропускъ дворовъ или «прописка» земель не могли не встрѣчаться. Писцовымъ наказомъ 1646 года велѣно было даже не ставить въ вину писцамъ прописку двухъ, трехъ человѣкъ у сотни, а указомъ 1650 г. рѣшено было не обращать особеннаго вниманія на помарки и исправленія писцовыхъ книгъ, если о томъ не будетъ челобитчиковъ, что, конечно, могло способствовать развитію злоупотребленій. Кромѣ пропусковъ, писцовъ, вѣроятно, вводили въ заблужденіе ошибки и неточности сошныхъ книгъ. Ошибки состояли, напримѣръ, въ невѣрномъ вычисленіи дробныхъ частей живущей четверти или того количества десятинъ, которое вымѣривалось подъ огородъ по указу 7188 года. Неточности обнаруживались въ счетѣ цѣлыми костями дробей, приближавшихся къ единицѣ [1]).

Въ виду всѣхъ этихъ причинъ писцы дѣлали иногда довольно крупныя ошибки даже въ томъ случаѣ, если предположить со стороны писца полную благонамѣренность и со стороны населенія желаніе подчиниться всѣмъ требованіямъ переписи. Но такія условія едва ли встрѣчались особенно часто. Способы, которыми тяглое населеніе старалось ввести въ заблужденіе писцовъ, ярко об-

[1]) *К. Неволинъ*, Пятины и погосты и проч., стр. 130. П. С. З., т. I, № 45; А. Э., т. IV, № 14. Имп. Публ. Библ., Книга сошнаго письма, QXVII, № 87, л. 80 об. Ср. прилож. VII. Много примѣровъ такого рода неточностей можно найти въ писцовыхъ книгахъ Углицкаго уѣзда, изданныхъ *И. Липинскимъ* во Временникѣ Демидовскаго Лицея, тт. 41—45. Издатель въ примѣчаніяхъ отмѣчаетъ ошибки писца.

наруживаются при описаніи нѣкоторыхъ посадовъ. Населеніе старалось дать правительству невыгодное понятіе о своемъ хозяйственномъ положеніи для того, чтобы возможно менѣе платить податей Для этого оно прибѣгало къ слѣдующимъ мѣрамъ посадскіе люди называли свои жилые дворы пустыми и переходили къ своимъ родственникамъ или сосѣдямъ, пока длилась перепись. а по ея окончаніи вновь возвращались въ свои дворы. Такъ напримѣръ, послѣ переписи Калуги въ 1646—1647 годахъ такихъ новыхъ дворовладѣльцевъ оказалось 9 человѣкъ. Иногда тяглецъ не довольствовался переходомъ въ сосѣдній дворъ. Онъ уходилъ въ уѣздъ, ближайшій городъ или даже Москву и возвращался въ родной городъ лишь тогда, когда писцы изъ него выѣхали. Въ Калугѣ, напримѣръ, встрѣчаются дворы, которые въ 1646 году въ переписныхъ книгахъ написаны были пустыми, но черезъ нѣсколько времени снова оказались жилыми, такъ какъ ихъ владѣльцы возвратились изъ Москвы. Многіе оставались въ городѣ, но выдавали себя за болѣе бѣдныхъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ, не объявляли, вѣроятно, о своихъ промыслахъ, укрывали домочадцевъ. Послѣ той же переписи Калуги въ 1646 году у посадскихъ людей объявились «сверхъ переписныхъ книгъ» дѣти и племянники, которыхъ посадскіе люди утаили, всего 31 человѣкъ. Наконецъ, тяглецы иногда просто укрывали, «обводили» жилые дворы, которые, такимъ образомъ, и не заносились въ писцовыя книги. Это особенно часто бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда глава даннаго хозяйства умиралъ и, слѣдовательно, не числился въ спискѣ тяглецовъ, хотя оставлялъ по себѣ налогоспособныхъ наслѣдниковъ. Такихъ же дворовъ въ той же Калугѣ оказалось 3. Всѣ вышеприведенныя злоупотребленія вызывали довольно крупные недочеты. По переписи 1646 года въ Калугѣ было 1.688 человѣкъ мужскаго посадскаго населенія, сверхъ котораго по провѣркѣ 1647 года оказались нерегистрированными 52 человѣка, т. е. 3,08% [1]). Естественно, что при такихъ злоупотребленіяхъ невозможно было полагаться на сказки, подаваемыя писцу самимъ посадскимъ населеніемъ и необходима была ихъ провѣрка. Такъ, при переписи Калуги въ 1677 году въ сказкѣ земскаго старосты означено было 955 дворовъ посадскихъ людей, а на дѣлѣ, послѣ провѣрки пис-

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Перен. кн. г. Калуги 7154 г., к. 162, лл. 317 об., 320 об. А. Э., т Ш, № 105. Уложеніе, гл. XI, ст. 24. Ясачное населеніе въ Сибири прибѣгало къ такимъ же злоупотребленіямъ. А. И., т. V, № 119.

цомъ, ихъ оказалось 1.003 двора [1]). Но писцы едва ли всегда просматривали всѣ сказки на лицо, а если и пересматривали ихъ, то дѣлали это довольно небрежно, легко могли повторить уже разъ сдѣланныя ошибки. На существованіе всѣхъ этихъ злоупотребленій имѣются указанія относительно посадовъ, хотя можно думать, что тѣ же злоупотребленія въ меньшей степени развиты были и въ уѣздахъ.

Помѣщики и вотчинники нерѣдко называли свои помѣстья вотчинами, уменьшали или увеличивали размѣры своихъ земель. Злоупотребленія эти выражались иногда въ ложномъ показаніи границъ. Такъ, въ Тульскомъ уѣздѣ выпись, поданная братьями Стрекаловыми на одну пустошь, сочтена незаконною потому, что межи на нее братья Стрекаловы написали обманомъ по своей сказкѣ. Въ другихъ случаяхъ помѣщики и вотчинники считали болѣе выгоднымъ утаить часть своихъ поземельныхъ владѣній. Бѣлозерскіе помѣщики, напримѣръ, били челомъ государю о томъ, что земля у нихъ будто бы положена въ сохи малыя, по 360 четей въ соху, а писцы, посланные сюда въ 1615 году, разслѣдовавъ дѣло, узнали, что въ сохѣ числилось по 600 и больше четвертей, такъ что помѣщики платили почти вдвое менѣе податей, чѣмъ слѣдовало. Бывали случаи, когда земллевадѣльцы просто укрывали часть своихъ владѣній; но со введеніемъ подворной подати гораздо выгоднѣе было ввести въ заблужденіе писца не столько относительно размѣровъ земли, сколько числа крестьянскихъ дворовъ. Такъ какъ бобыли легче облагались, чѣмъ крестьяне, то уже одинъ переводъ крестьянина въ бобыли имѣлъ значеніе для землевладѣльца, который иногда дѣйствительно прибѣгалъ къ этому злоупотребленію. Кромѣ того, земле владѣльцы нерѣдко переводили крестьянъ изъ многихъ дворовъ въ одинъ, что не трудно замѣтить при первомъ взглядѣ на переписныя книги 1670-хъ годовъ, огораживали два двора вмѣстѣ и дѣлали къ нимъ одни ворота, переводили крестьянъ къ себѣ во дворъ въ холопы, заочно записывали за собою чужихъ крестьянъ, называли ихъ служками и дѣтенышами въ монастырскихъ вотчинахъ и своими людьми въ свѣтскихъ. Иногда тѣ же злоупотребленія принимали еще болѣе грубый характеръ: крестьяне иногда просто укрывались отъ писцовъ. Такъ, напримѣръ, въ 1628 году (7136 г.) писцы А. Ежевской и Ѳ. Прокофьевъ дозирали Деревскую пятину, сыскивали «сверхъ прежнихъ книгъ» крестьянъ,

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн. г. Калуги 7186 г., кн. 11597.

которыхъ дворяне, дѣти боярскіе и монастыри утаили отъ дозорщиковъ въ 1620 (7128) году. Наконецъ, бывали случаи, когда землевладѣльцы отказывались подавать сказки писцамъ или сообщали имъ невѣрныя свѣдѣнія о своихъ хозяйствахъ и искажали данныя имъ выписи изъ писцовыхъ книгъ [1]). Для предотвращенія тѣхъ ошибокъ въ регистраціи, которыя могли происходить отъ этихъ злоупотребленій, правительство прибѣгало къ карательнымъ мѣрамъ. За переименованіе своего помѣстья въ вотчину Уложеніе грозило конфискаціей этого имущества, за утайку дворовъ населеніе подвергалось жестокому наказанію и пенѣ. Укрывательство бѣглыхъ крестьянъ, какъ извѣстно, вызвало противъ себя множество указовъ, которые иногда помѣщались въ писцовыхъ наказахъ. Такъ, по наказу 1646 года за утаеннаго крестьянина или бобыля бралось у землевладѣльца по 50 четвертей, которыя раздавались лицамъ, сыскавшимъ бѣглаго, а по наказу 1684 года съ землевладѣльца въ такихъ случаяхъ не снимались подати, которыя должны были бы имъ выплачиваться съ принятыхъ имъ крестьянъ и уплата которыхъ послѣ ихъ возвращенія на прежнія мѣста жительства превращалась въ своего рода пеню [2]) Подобныя мѣропріятія далеко не всегда вліяли надлежащимъ образомъ. Бывали даже случаи, когда населеніе оказывало открытое неповиновеніе писцамъ или межевщикамъ. Въ 1678 году, напримѣръ, межевщики прислали въ Москву отписки о томъ, что въ украинныхъ городахъ, гдѣ указано было давать дикія поля, дѣти боярскія и казаки, вотчинниковы и помѣщиковы люди и крестьяне «скопясь многолюдствомъ, бунтомъ, со всякимъ ружьемъ къ межевщикамъ на землю приходили и ихъ съ земли сбили и мѣрять недали и верви поотымали и разорвали, а иныхъ межевщиковъ и подъячихъ и людей ихъ межевщиковыхъ и стрѣльцовъ и пушкарей били и челобитчиковъ побить хотѣли, а иные для межеванья къ нимъ межевщикомъ по высылкамъ на землю съ крѣпостьми не по-

---

[1]) Имп. Публ. Библ., FIV, № 507, л. 195 об. Древ. Рос. Вивл., ч. II, изд. 2, стр. 368. С. Г. Г. и Д., т. III, № 54. II. С. З., т. I, №№ 25, 45; т. II, № 934. А. Э., т. IV, № 21. А. И., т. V, № 33. Доп. къ А. И., т. II, №№ 39 и 167 А. Х. и У. Е.—Б, № CCX. Арханг. губ. вѣд. 1870 г., № 87. *К. Неволинъ*, О пятинахъ; и проч., стр. 375. *Е. Замысловскій*, Переп. кн., вып. I, стр. 120, прим. 1; стр. 135, прим. 3. Изв. Тамбов. уч. арх. ком., вып. XIII, стр. 33.

[2]) Уложеніе, гл. XVI, ст. 51 и 52. II. С. З., т. II, № 1074, ст. 7. А. Э., т. IV, №№ 14 и 21. Доп. къ А. И., т. V, № 41.

ѣхали и учинились непослушны» Посылая двухъ дворянъ для разслѣдованія дѣла, Государь приказалъ взять съ ослушниковъ по 50 рублей пени съ человѣка или учинить имъ торговую казнь, бить ихъ кнутомъ на козлѣ и въ проводку нещадно [1])

Кромѣ теоретическихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ при производствѣ переписей, и недобросовѣстнаго отношенія населенія къ писцовому дѣлу ошибки писцовыхъ книгъ вызваны были небрежностью или злоупотребленіями самихъ писцовъ. Писцы иногда просто «не доѣзжали» отдаленныхъ мѣстностей и поэтому не производили ихъ описанія. Такъ, губной староста А. Ежевской и Т. Растопчинъ, дозирая Деревскую пятину, въ Михалевскомъ погостѣ «не доѣхали» деревни Ратмановой. Писцы переименовывали по-своему деревни, подлежавшія переписи, какъ то дѣлалъ писецъ Панинъ въ Заонежскихъ погостахъ въ 1628 году, клали неравное число вытей въ соху, «гдѣ каковъ писецъ», и, пропуская одну деревни, другія описывали и заносили въ книги по два раза Такъ напримѣръ, писецъ Ѳ. Игнатьевъ и подьячій Т. Степановъ, описывая Тверской уѣздъ, зачислили сельцо Ряхово за Степаномъ Заборовскимъ, а ниже вновь его записали за Иваномъ Свіязевымъ, который купилъ Ряхово у Заборовскаго, вѣроятно, во время производства переписи. Въ 1623 году на Бѣлоозерѣ былъ дозорщикъ Аѳанасій Гурьевъ; по его письму оказалось лишка 20 четвертей, съ которыхъ Бѣлозерцы отказались платить, продолжая выплачивать подати по прежнему письму Григорья Квашнина 1618 года. Впрочемъ, случаи двойной регистраціи повторялись едва ли особенно часто, а достовѣрность послѣдняго примѣра начета на тяглыхъ людей лишнихъ «платежныхъ четей» не можетъ быть доказана, такъ какъ окончательное рѣшеніе этого дѣла остается неизвѣстнымъ [2]). Причиной другаго рода ошибокъ служило шаткія знанія

---

[1]) П. С. З., т. II, №№ 734, 890, 893, 1074, ст. 36 и 66; 1192.

[2]) *К. Невольнъ*, О пятинахъ и проч., стр. 131 и 371. Олонец. губ. вѣд. 1868 г., № 48. (*Е. Барсова*, Разсказъ о томъ, какъ писецъ Панинъ давалъ имена Заонежскимъ деревнямъ). Имп. Публ. Библ., Сошныя книги въ сбор. QII, №№ 42 и 44, лл. 137—139; QXVII, № 66. Спб. Духов. Акад., Книга оброчная мѣстамъ на Бѣлоозерѣ, Кир. библ. № 79/1318, л. 98. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Тверскаго уѣзда, кн. №№ 871—875, ст. 433 и 440, (кн. 874, лл. 83 и 90). Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7134 г., № 25: Челобитья Усольцевъ посадскихъ людей на писцовъ, что они малыя сошки въ волостяхъ не ровно клали. *П. Мельниковъ*, Историч. и юрид. акты, № XII. *И. Румовскій*, Описаніе Великоустюжскаго Успенскаго собора, стр. 86, прил. IX.

или положительное невѣжество писцовъ въ дѣлѣ землемѣрія. Книги сошнаго письма до мельчайшихъ подробностей вычисляютъ поземельныя мѣры и ихъ дробныя дѣленія, представляютъ готовыя таблицы разнообразныхъ ариѳметическихъ дѣйствій, надъ ними производимыхъ, причемъ видимо не полагаются на умѣнье писца самостоятельно выполнить даже самыя простыя дѣйствія. Есть также нѣкоторыя указанія на положительное невѣжество писцовъ. Въ 1620 году Бѣжецкую пятину дозиралъ писецъ И. Милюковъ да подьячій Томилка Родіоновъ. Въ книгахъ этихъ многое было «выдрано, вырѣзано, скребено, чернено и переправливано» А крестьянъ и живущей пашни за многими помѣщиками и вотчинниками Иванъ Милюковъ не вѣдалъ, потому что грамотѣ не умѣлъ. И за то Томилко былъ пытанъ, во многихъ статьяхъ винился и посаженъ былъ въ тюрьму. Въ 1624 году Томилко выпущенъ былъ изъ тюрьмы на поруки, но ни у какого государева дѣла ему быть не велѣно. Другой подобный же случай былъ съ писцемъ Неплюевымъ и подьячимъ Берестовымъ. Въ 1627 году (7135 г) съ нихъ взята была пеня за то, что они писали землю государевыхъ истопниковъ въ Можайскомъ уѣздѣ «земляной мѣры не знаючи» [1]).

Кромѣ небрежности и невѣжества писцовъ успѣху дѣла вредила и ихъ злонамѣренность. Писцы заносили въ книги меньшее количество тяглыхъ дворовъ, чѣмъ то было въ дѣйствительности, въ виду полученныхъ ими взятокъ. Такъ напримѣръ, въ 1629 году, въ Веневскомъ уѣздѣ, по государеву указу за приписью дьяка Неупокоя Кокошкина и по челобитью Василья да Ивана Свіязевыхъ, какъ били челомъ на писца на князя Болховскаго да на подьячего В. Бурцева по сыску сторонніхъ людей и по отводу старожильцевъ, велѣно передать Свіязевымъ поляну Журавлеву, которую писецъ отвелъ Григорію да Устину Хрущевымъ. Въ другой разъ Калужане били челомъ на писца М. Савина, который дружилъ и наровилъ нѣкоторымъ владѣльцамъ. Челобитная подана была не даромъ, ибо правительство смѣнило Савина и тѣмъ самымъ признало

Царская грамота по поводу челобитной Устюжанъ о томъ, что писецъ Павелъ Давыдовъ, будучи въ дозорѣ на Устюгѣ въ 7149 г., много дурна чинилъ не по государеву указу). П. С. З., т. II, № 1025.

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л , 7132 г., № 31. Дѣла о таможенномъ, стрѣлецкомъ хлѣбномъ сборѣ и проч. Арх. Мин. Юстиціи, Приходо-расходныя книги Помѣстнаго приказа, кн. 1, 7134 — 7148 гг. *В. Татищевъ*, Примѣч. къ Судебнику, ст. 104. Ср. Описаніе Архива, т. I, писц. кн №№ 1261—1263.

обвиненіе калужанъ справедливымъ. Городовой прикащикъ Г Коркинъ, переписывавшій Вятку въ 1665 году, самъ сознавался въ томъ, что онъ крестьянъ собора Николы Чудотворца великорѣцкаго не написалъ въ бѣлыя книги, потому что получилъ большіе поминки. Въ другихъ случаяхъ, напротивъ, писецъ, не получившій достаточнаго вознагражденія отъ населенія, приписывалъ къ тяглымъ дворамъ нетяглые, за которые впослѣдствіи приходилось платить тяглецамъ [1])

Правительство старалось ограничить злоупотребленія писцовъ сравнительно немногими распоряженіями. Такъ, запрещено было посылать писцовъ въ тѣ уѣзды, гдѣ находились ихъ собственныя помѣстья и вотчины. Но за то разъ писецъ былъ посланъ и приступилъ къ переписи, челобитныя и доносы на него не вызывали со стороны правительства никакихъ мѣръ. Лишь при окончаніи переписи производился розыскъ. У писцовъ, уличенныхъ въ злоупотребленіяхъ. по указамъ 1681 года отнималась половина ихъ помѣстій и вотчинъ; въ томъ же случаѣ, когда ихъ не оказывалось, писецъ подвергался наказанію кнутомъ и платилъ «безчестье» помѣщикамъ и вотчинникамъ. У ложныхъ челобитчиковъ отнималось изъ ихъ помѣстій и вотчинъ столько, сколько нужно было конфисковать у писца; если же ихъ поземельныхъ владѣній оказывалось для этого слишкомъ мало, конфискаціи подлежала лишь половина этихъ владѣній. Подьячіе въ случаѣ ложнаго на нихъ челобитья, получали за безчестье десять рублей [2]).

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что писцовыя книги не могли служить вполнѣ точнымъ и удовлетворительнымъ источникомъ свѣдѣній. Тому мѣшали плохая теоретическая постановка вопроса о народныхъ переписяхъ въ Россіи, уловки, употребляемыя населеніемъ для облегченія отъ податнаго бремени, небрежность, невѣжество и злонамѣренность писцовъ. Писцовыя книги служили,

[1]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Венева 7137 г., FIV, № 385, л. 110 об. Калуж губ., вѣд. 1859 г., №№ 5—6. (Писцовая книга г. Калуги 7195 года, И. Полуектова). А. о. до Ю. Б., т. I, № 52, X. Доп. къ А. И., т. VI. № 14; т. IX, № 21; т. X, № 89, III. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7163 г., № 70: Списки съ ямскихъ отписей Старототемской волости. Въ 1676 г. крестьяне этой волости давали разныя суммы «въ почесть» писцу. Ibid., 7190 г., октяб. 24· Челобитная Тотемскаго посада на злоупотребленія писца Богдана Засѣцкаго, который норовилъ торговымъ людямъ и монастырямъ. Дворянскія памяти 7140 г. февр. 22 (см. стр. 184, прим. 1), №№ 502 и 525.

[2]) Доп. къ А. И., т. IX, № 89. П. С. З., т. II, №№ 886, 893, 1013, ст. 40 и 41; 1074, ст. 71 и 72; 1175, 1189. *И. Ивановъ*, Обозрѣніе пом. правъ и обязанностей, М., 1840 г., стр. 19.

главнымъ образомъ, источникомъ для опредѣленія того значенія, какое имѣла данная мѣстность въ финансовомъ отношеніи, причемъ сообщали вѣрное понятіе о томъ, что она должна была дать по предположенію правительства, но не о томъ, что могла дать и дѣйствительно давала казнѣ. Для разрѣшенія другаго рода вопросовъ, напримѣръ, для опредѣленія количества всего населенія, писцовыя книги не могутъ служить вполнѣ удовлетворительнымъ источникомъ; сообщаемыя ими свѣдѣнія почти всегда слѣдуетъ считать за minimum того, что должно было бы быть, но чего мы въ точности опредѣлить не можемъ. Но недостатки писцовыхъ книгъ, обнаруживающіеся даже при поверхностномъ знакомствѣ съ ними въ наше время, лишь въ незначительной мѣрѣ умаляютъ то громадное значеніе, какое онѣ имѣли въ XVII вѣкѣ. Нельзя не удивиться той массѣ труда и настойчивости, которыя потрачены были на составленіе писцовыхъ книгъ; на Западѣ бывали попытки такого же рода, не увѣнчавшіяся успѣхомъ [1]). Вообще можно сказать, что народныя переписи, производившіяся въ Московскомъ государствѣ съ XV вѣка до второй половины XVII, за немногими исключеніями, едвали имѣли равныя имъ правительственныя предпріятія въ западной Европѣ за тотъ же періодъ времени [2]).

---

[1]) Французское правительство предприняло въ 1491 г. поземельный кадастръ (compoix térrien), но черезъ годъ принуждено было оставить это предпріятіе неоконченнымъ. *G. Picot.*, Histoire des Etats généraux, t. I, p. 495, note.

[2]) Правда, уже въ извѣстномъ регистрѣ папы Григорія I (590—601 г. обнаруживается сознаніе въ необходимости составлять реэстры съ означеніемъ землевладѣльческаго оброка; въ VIII—IX стол. производились описанія частныхъ (монастырскихъ) поземельныхъ владѣній по приказанію французскихъ королей (*M. B Guérard*, Polyptique de l'abbé Irminon, Paris, 1844, t. I, §§ 11—12), церковныя книги, важныя въ статистическомъ отношеніи, начинаются съ конца XV в. и установлены Сеезкимъ соборомъ въ 1524 году; въ XVI вѣкѣ производились описанія отдѣльныхъ городовъ или мѣстностей; но только со второй половины XVII вѣка, повидимому, начинаются народныя переписи, предпринимаемыя правительствомъ. (*А. Вагнеръ*, Историческій очеркъ статистики и основныя начала ея теоріи въ сборникѣ: Исторія и теорія статистики подъ ред. Ю. Янсона, Спб., 1879 г., стр. 14—20). Исключеніе, конечно, составляетъ извѣстныя Domesdaybook. Ср. также Rotuli hundredorum и Rotuli Scotiae (*M. B. Guérard.* Ibid., t. I, § 13, et t. III, pp. 935—936). Но, по характеру своему, западно-европейскія средневѣковыя писцовыя книги нѣсколько напоминаютъ древнѣйшія русскія (Новгородскія), хотя и различны отъ позднѣйшихъ, XVI и XVII вв. «Западно-европейская писцовая книга преслѣдуетъ уже не государственные интересы: она занимается описаніемъ гуфъ, занятыхъ крестьянами болѣе или менѣе зависимаго положенія, обязанными оброками и барщиной по отношенію

Для опредѣленія платежныхъ силъ данной мѣстности, правительство, однако, не удовлетворялось переписями. Не говоря о томъ, что неудачныя переписи возобновлялись вторично или исправлялись немедленно вновь посланными въ ту же мѣстность писцами [1]), правительство поручало мѣстнымъ органамъ администраціи или самому населенію наблюденіе надъ колебаніями въ численности и хозяйственныхъ средствахъ тяглаго населенія. Въ случаѣ значительнаго обѣдненія населенія, мѣстный воевода самъ ѣздилъ «дозирать крестьянскую бѣдность» [2]), вѣдалъ опустѣвшіе дворы и выти. Такъ напримѣръ, въ 1654 году послана была царская грамота Шуйскому воеводѣ о переписи и оцѣнкѣ имѣнія, оставшагося послѣ вымершихъ отъ мору людей. Въ наказѣ Семену Левшину, въ 1610 году, велѣно было про пустыя выти сыскивать накрѣпко, «сколь давно, и въ которомъ году и о кою пору крестьяне съ тѣхъ вытей разошлись» [3]). Съ другой стороны, воевода раздавалъ вновь прибывшимъ поселенцамъ тяглые участки и клалъ вновь розданныя земли въ сошное письмо. Такъ напримѣръ, Бѣлозерскому воеводѣ И. Головину приказано было (въ 1615 году) положить въ сошное письмо земли, розданныя въ помѣстья и вотчины изъ дворцовыхъ, черныхъ и другихъ волостей [4]). Чаще приходилось воеводѣ раздавать разныя мѣста на оброкъ подъ дворы, лавки или другія промышленныя заведенія, причемъ онъ долженъ былъ заботиться о постройкѣ на вновь отданныхъ мѣстахъ нужныхъ строеній и обзаведеніи новыхъ поселенцовъ хозяйствомъ [5]). О вновь прибывшихъ поселенцахъ въ уѣздѣ воевода также долженъ былъ знать потому, что пошлины съ порядныхъ записей во крестьянство уплачивались въ съѣзжую избу, гдѣ и велись запис-

---

къ помѣщику. Средневѣковая писцовая книга служитъ, такимъ образомъ, въ общемъ и въ частяхъ показателемъ новыхъ политическихъ и гражданскихъ отношеній, выработанныхъ Германцами» (*Ѳ. Успенскій*, Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1884 г., № 1, стр. 40).

[1]) Уложеніе, гл. XI, ст. 24. Арх. Мин. Юстиціи, Перец. кн. г. Калуги 7154 г., кн. 162. П. С. З., т. II. № 841.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7147—714 гг., № 34: Царскія грамоты и воеводскія отписки о сборѣ съ городовъ Устюжской четверти сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ.

[3]) Влад. губ. вѣд. 1846 г., № 48. Тоже у *Я. Гарелина*, Акты Шуи, № 83 Древн. Рос. и Вивл., т. XI, стр. 368.

[4]) Рус. истор. сборн., М., 1837 г., т. I, кн. 2, стр. 79. Доп. къ А. И., т. II, № 39.

[5]) Рус. истор. сборн., т. I, кн. 2, стр. 79. Р. И. Б., т. II, №№ 139, 144 и др.

ныя книги такихъ порядныхъ. Воевода измѣрялъ иногда вновь прибылыя, припаханныя земли и переписывалъ новыя поселенія. Такъ напримѣръ, Нижегородскому воеводѣ кн. И. Хилкову въ 1641 году велѣно было сыскать вновь земли, припаханныя къ Благовѣщенскому монастырю послѣ книгъ Д. Лодыгина 7129—131 гг., прибывшіе починки описать и досмотрѣть, а описавъ, написать въ книги и прислать въ Помѣстный приказъ сыскъ и книги [1]). Перепись новыхъ поселеній, въ виду финансовыхъ или чаще военныхъ цѣлей, также иногда поручалась воеводамъ. Кашинскому воеводѣ въ 1661 году велѣно было описать и измѣрить городскіе дворы и прислать эти книги въ Пушкарскій приказъ для вѣдома. При постройкѣ въ 1679 году Орловскаго города и острога, воеводѣ при развыткѣ повинности на городскихъ и уѣздныхъ людей велѣно было у помѣщиковъ и вотчинниковъ и у всякихъ служилыхъ людей, у которыхъ поселились сошные уѣздные люди, въ Орловскомъ уѣздѣ послѣ писцовыхъ и переписныхъ книгъ или объявились вновь въ прежнихъ селахъ и деревняхъ, о тѣхъ новоприбылыхъ крестьянахъ и бобыляхъ взять за ихъ руками такія же сказки, какія они давали переписчикамъ. Новгородскимъ воеводамъ въ 1692 году велѣно было составить списокъ новоприбылыхъ людей съ 1684 по 1692 годъ и прислать его въ Новгородскую четь. Кромѣ дополненій, воеводы также заново составляли цѣлыя описанія. Правда, эти описанія производились въ виду военныхъ потребностей; но они же могли отчасти служить и для финансовыхъ цѣлей. Такъ, воевода Г. Ромодановскій въ 1672 году долженъ былъ распорядиться о томъ, чтобы всѣ воеводы Бѣлгородской черты переписали разныхъ служилыхъ людей, посадскихъ, ямщиковъ, дворниковъ, и посошныхъ дворцовыхъ слободъ крестьянъ. Воеводы обязаны были прислать свои переписи въ Курскъ, гдѣ Ромодановскому поручено было переплесть ихъ въ одну книгу, «разобравъ и выправя накрѣпко» и составивъ общіе перечни подъ всякимъ городомъ и большой перечень «со всякимъ подлиннымъ очищеніемъ» [2]).

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Записная книга по г. Пскову 7144—7152 гг. Вотчинной конторы № 84/1626. А. о. до Ю. Б., т I, № 28. П. С. З. т. I, № 364. Доп. къ А. И., т. VI, № 14.

[2]) А. И., т. IV, № 187, II, т. V, №№ 52, 67, 196, 226. Доп. къ А. И., т. IV, № 91. т. VIII, № 43. П. С. З., т. I, №№ 268, 509. О производствѣ межеваній воеводами см. Уложеніе, гл. XVII, ст. 52. А. И., т. V, № 214 П. С. З., т. I, № 552.

Такимъ образомъ, воевода слѣдилъ за колебаніями въ численности населенія, отмѣчалъ измѣненія, происходившія въ хозяйственномъ строѣ города или уѣзда [1]). Тѣ же обязанности выполняли иногда губные старосты, сыщики, составлявшіе книги розысканныхъ ими бѣглыхъ крестьянъ [2]), а въ дворцовыхъ земляхъ дворцовые прикащики, которымъ повелѣвалось записывать порознь по статьямъ, сколько убыло или прибыло вытей послѣ писцовыхъ книгъ [3]).

Когда нельзя было приказнымъ порядкомъ опредѣлить убыли или возростанія населенія и измѣненій въ его хозяйствѣ со времени прошедшей переписи, правительство обращалось къ мѣстному населенію съ приказаніемъ сообщить нужныя ему свѣдѣнія. Шуйскій земскій староста, напримѣръ, долженъ былъ въ 1639 году, по грамотѣ изъ Сыскнаго приказа, составить роспись закладчикамъ, дворникамъ и бѣглымъ посадскимъ людямъ. Въ 1674 году Устюжане посадскіе люди Иванъ Рожинъ съ товарищами переписывали пустыя земли Устюжскаго уѣзда, повидимому, подъ надзоромъ воеводы [4]). При введеніи новой подворной подати на пѣхотные полки въ 1678 году, воеводы должны были сбирать эту подать по переписнымъ книгамъ, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя остались неописанными, приказывать старостамъ и выборнымъ людямъ брать у плательщиковъ сказки за ихъ руками «съ евангельскою заповѣдью» о количествѣ населенія [5]). Бывали случаи и болѣе общаго характера. Едва окончилась перепись 1646 года, какъ уже обнаружились ея недостатки. Одна за другою приходили въ Москву челобитныя о томъ, что помѣщики теперь вновь поселяютъ утаенныхъ крестьянъ отдѣльными дворами, а помѣщики оправдывались, говоря, что все это вновь прибылые или отдѣлившіеся отъ отцовъ тяглецы. Царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ 2 сентября 1647 года велѣно было этимъ землевладѣльцамъ при такого рода

---

[1]) Въ позднѣйшее время правительство также прибѣгало къ такого рода средствамъ. Ср. *П. Кеппена*, О народныхъ переписяхъ, Спб., 1889 г., стр. 8—12.

[2]) П. С. З., т. I, № 364

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7134 — 7137 гг., № 2: Дѣла Устюжской четверти городовъ о сборѣ всякихъ доходовъ. А. И , т. V, № 133. Р. И. Б., т. XI, стр. 135.

[4]) *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 40. Арх. Мин Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7182 г., іюнь. Память въ приказъ Устюжской четверти о переписи посадскихъ людей, крестьянъ и бобылей для ихъ оклада.

[5]) А. И., т. V, №№ 29, 33.

случаяхъ бить челомъ въ Помѣстный приказъ для записки за ними этихъ крестьянъ; срокомъ подачи челобитныхъ указано 1 марта 1648 года. Новоприбылой дворъ, поставленный «вскорѣ» послѣ 1 марта, отнимался и передавался прежнему землевладѣльцу съ отдачею за каждаго крестьянина 50 четвертей [1]). Къ такимъ же мѣропріятіямъ прибѣгало правительство и вскорѣ послѣ составленія переписныхъ книгъ 1676—1678 годовъ; стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ и жильцамъ приказано было подавать сказки о томъ, сколько у нихъ крестьянъ и бобылей по переписнымъ книгамъ и сверхъ переписныхъ книгъ. Свѣдѣнія эти о новоприбылыхъ крестьянахъ, разумѣется, далеко не всегда бывали справедливы. Но за утайку въ сказкахъ новоприбылыхъ служилымъ людямъ грозило наказаніе и многіе изъ нихъ, вѣроятно, считали для себя болѣе выгоднымъ подчиниться требованіямъ правительства, чѣмъ рисковать отпиской утаенныхъ крестьянъ и подвергаться доправленію за нихъ податей и повинностей вдвое [2]).

Наконецъ, если колебанія въ уровнѣ платежныхъ силъ данной мѣстности оставались неотмѣченными мѣстными органами администраціи и не вызывали правительственнаго распоряженія, то и само населеніе обращалось къ Государю съ челобитными, въ которыхъ указывало на измѣненія, происшедшія въ его количествѣ и средствахъ Шуяне приложили къ челобитной 1640 года роспись Шуянъ, умершихъ съ 1629 года, т. е. со времени составленія послѣднихъ, подробныхъ писцовыхъ книгъ города, по 1640 годъ и просили сложить тягло съ пустыхъ дворовъ, причемъ увѣряли, что бьютъ челомъ не ложно и что Государь можетъ провѣрить ихъ челобитную, повелѣвъ сыскать про пустые дворы [3]).

Такимъ образомъ, не только при составленіи писцовыхъ и переписныхъ книгъ, но и въ промежутки правительство старалось отмѣтить колебанія въ численности населенія и измѣненія въ его хозяйствѣ. Правда, въ виду малой дифференціаціи административныхъ функцій того времени не существовало спеціальныхъ органовъ, на долю которыхъ выпадала бы такого рода дѣятель-

---

[1]) А. Э., т. IV, № 21.

[2]) П. С. З., т. II, №№ 685, 853 и 973. Доп. къ А. И., т. VIII, № 43.

[3]) *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 45. Доп. къ А. И., т. V, № 61. Изъ всего вышесказаннаго видно, на сколько справедливо мнѣніе, по которому «писцы посылались изрѣдка» и измѣненія въ поземельномъ владѣніи «въ промежутки оставались неизвѣстными правительству». (*Б. Чичеринъ*, Област. учрежд., стр. 533).

ность, да и дѣятельность эта не ограничивалась постоянными нормами, проявлялась случайно, по мѣрѣ надобности. Но и въ такомъ видѣ она имѣла несомнѣнное значеніе въ дѣлѣ опредѣленія платежныхъ силъ тяглаго населенія.

Послѣ всего сказаннаго едва ли нужно настаивать на томъ значеніи, какое имѣли писцовыя и переписныя книги вмѣстѣ съ ихъ добавленіями и исправленіями для государственнаго хозяйства въ XVII вѣкѣ. Онѣ служили основаніемъ правительственнаго оклада [1]), давали возможность дѣлать хотя бы приблизительно вѣрныя бюджетныя предположенія, видоизмѣнять окладныя росписи въ случаѣ явнаго ихъ несоотвѣтствія съ состояніемъ народнаго хозяйства и контролировать финансовую дѣятельность мѣстныхъ органовъ администраціи. Но для того, чтобы удовлетворять подобнаго рода цѣлямъ, недостаточно было исчислить населеніе и размежевать землю, для опредѣленія платежныхъ силъ данной мѣстности необходимо было измѣрить податные объекты податною единицей.

2. Измѣреніе податныхъ объектовъ податною единицей.

Прямые налоги въ XVII вѣкѣ взимались на основаніи двухъ довольно различныхъ принциповъ Единицей прямаго обложенія, съ одной стороны, продолжалъ служить земельный участокъ обработанной

[1]) Много извѣстій сохранилось о взиманіи податей и отправленіи разныхъ повинностей по писцовымъ и переписнымъ книгамъ. Въ писцовыхъ книгахъ иногда встрѣчается исчисленіе доходовъ, по нимъ взимаемыхъ, каковы данныя, оброчныя, ямскія, полоняничныя, стрѣлецкія, поворотныя и другія деньги. См., напр., Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Нижняго-Новгорода 7129—7131 гг., кн. 295, лл. 359—364. Даточные люди также сбирались по писцовымъ книгамъ (А. Х. и У. Е.,—Б, № LXIX). Свѣдѣнія о взимаемыхъ по нимъ податяхъ встрѣчаются въ нѣкоторыхъ изъ писцовыхъ книгъ городовъ и черныхъ волостей; въ переписныхъ книгахъ такихъ свѣдѣній, обыкновенно, не имѣется; но на то же значеніе этихъ книгъ указываютъ другія данныя. Такъ напр., по переписнымъ книгамъ 40-хъ, а позднѣе 70-хъ годовъ сбираются: деньги за хлѣбные запасы и масло (Доп. къ А. И., т. IV, № 19), полоняничныя и полтинныя деньги (А. И., т. IV, №№ 43 и 233), стрѣлецкія деньги и всякіе денежные доходы (А. И., т. V, №№ 48 и 77, I), отбываются сибирскіе отпуски и подводная повинность (Ibid., №№ 8 и 39). Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7163 г., № 6· Царская грамота къ Сольвычегодскому воеводѣ В. И. Колычеву о сборѣ со всего уѣзда, съ становъ и волостей на 163-й годъ данныхъ, оброчныхъ, стрѣлецкихъ денегъ и всякихъ денежныхъ четвертныхъ доходовъ и полоняничныхъ денегъ «противъ переписныхъ книгъ».

пашни, съ другой—такою же единицей является дворъ. Первый способъ обложенія въ это время отживалъ свой вѣкъ; второй начиналъ лишь примѣняться; опредѣленное его развитіе принадлежитъ ко второй трети XVII вѣка.

Соха, какъ извѣстно, начинаетъ служить податною единицей уже съ половины XV вѣка, но общаго указа о введеніи подворной подати въ Московскомъ государствѣ, мы не знаемъ. Есть извѣстія о частныхъ указахъ 1630 года, установлявшихъ эту подать [1]). Довольно сильныя колебанія въ опредѣленіи количества крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, составлявшихъ живущую четверть, замѣтныя между указами этого года, слѣдующимъ 1631 года и писцовыми книгами разныхъ уѣздовъ 1626 и болѣе позднихъ годовъ показываютъ, что подворная подать впервые дѣйствительно должна была установиться въ концѣ 20-хъ годовъ XVII вѣка. Такимъ образомъ, просуществовавши болѣе двухъ столѣтій, сошное письмо въ первой половинѣ XVII вѣка представляется намъ уже въ довольно опредѣленныхъ чертахъ

Земельный участокъ обработанной пашни, какъ единица обложенія, въ древнее время имѣлъ нѣсколько иное значеніе, чѣмъ то, какое мы придали бы ему съ современной точки зрѣнія. Древнерусскій землевладѣлецъ или землепашецъ полагалъ на свой участокъ гораздо менѣе труда и капитала, чѣмъ теперь. Поэтому показателями его экономической цѣнности все еще продолжали служить его величина и доброкачественность, съ другой стороны въ основѣ громаднаго большинства хозяйствъ лежала земледѣльческая культура. Отсюда вытекало довольно значительное сходство поземельной подати съ поимущественнымъ налогомъ,—сходство, которое стало исчезать по мѣрѣ развитія интенсивнаго земледѣльческаго хозяйства, новыхъ формъ хозяйственной дѣятельности, а также введенія правительствомъ новыхъ началъ въ податную систему.

Единицей податнаго обложенія, какъ извѣстно, уже въ очень древнее время была соха [2]). Но въ XVI — XVII вв. значеніе ея

[1]) А. Ю., № 164. Временникъ М. О. И. и Д., кн. XVII, Смѣсь, стр. 40. Румянцевскій музей, Книга сошнаго письма, общ. нум. № 1573, Собранія И. Бѣляева, № 64. Здѣсь, на л. 6, упоминается указъ 7138 года о платежныхъ четяхъ. (Срав. прил. VII).

[2]) Извѣстія о сохѣ, какъ податной единицѣ, встрѣчаются уже въ XIII вѣкѣ. Въ 1275 году в. кн. Василій Ярославичъ привезъ дань хану по полугривнѣ «съ сохи или съ 2-хъ работниковъ». *В Татищевъ*, Рос. Истор., кн. IV, стр. 4. *К. Неволинъ*, Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ Россіи. Актъ С.-Петербургскаго университета 1847 г., примѣч. 21.

нѣсколько измѣнилось. Въ XV вѣкѣ, когда землемѣріе было въ зачаточномъ состояніи, размѣры ея опредѣлялись количествомъ труда, нужнаго для обработки извѣстнаго участка земли въ опредѣленный промежутокъ времени при помощи обычныхъ хозяйственныхъ средствъ, и поэтому, конечно, были въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время различны [1]); затѣмъ тѣ же размѣры стали выражаться количествомъ посѣва, на что указываетъ наименованіе поземельныхъ мѣръ, изъ которыхъ состояла соха, четвертями. Такое реальное значеніе четверть сохраняла еще въ XVI и даже отчасти въ XVII вѣкѣ [2]); съ этого времени, однако, она пріобрѣтаетъ значеніе простой геометрической плоскости [3]), и начинаетъ входить въ употребленіе новая поземельная мѣра подъ наименованіемъ десятины, равной двумъ четвертямъ; она становится извѣстной со второй половины XVI вѣка и оффиціально утверждена сошною

---

[1]) А. Э., т. I, № 32, «а кто на трехъ лошадяхъ пашетъ самъ третей, то соха».—«Обжа—одинъ человѣкъ на одной лошади пашетъ». То же въ Литвѣ, гдѣ соха равна была тому, что «одинъ человѣкъ двѣма клячами у сохѣ робити будетъ». (А. З. Р., т. III, № 24, 1559 г.). Ср. также выраженія «слѣдъ» и «служба». *М. Владимірскій-Будановъ*, Очерки изъ Исторіи Литовско-русскаго права, вып. 1, стр. 5—6. Аналогичное значеніе имѣли германскій Morgen, jugerum или jurnalis. (Ср. *G. Hanssen*, Agrarhistorische Abhandlungen, II B., Leipz., 1884, SS. 181—185). Древнефранцузская manse (*M. B. Guérard*. Polyptique d'Irminon, t. I, §§ 314—333) напоминаетъ скорѣе нашъ дворъ.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7154 г., № 61: Крестьяне Тотемскаго уѣзда били челомъ Государю на писца Ѳоку Дурова, который писалъ четверть, не соотвѣтствовавшую четверти «ржанова сѣву». *И. Румовскій*, Описаніе Великоустюжскаго собора, Прил. № 12: Въ 1661 году Устюжанинъ посадскій человѣкъ продаетъ собору пашню, размѣры которой опредѣляетъ количествомъ высѣяннаго хлѣба. Ср. *П. Сергѣева*, Съ сѣвера въ Дѣлѣ, 1880 г., апрѣль, стр. 214. *Ю. Гагемейстеръ*, (Розъисканія о финансахъ древней Россіи, Спб., 1833 г, стр. 87) уже замѣтилъ значительную аналогію подобнаго рода явленій въ Россіи и на западѣ.

[3]) Десятина, какъ плоскостное измѣреніе уже встрѣчается во второй половинѣ XVI вѣка. Земля въ дворцовыхъ волостяхъ, напр , селѣ Борисовскомъ, Владимірскаго уѣзда считалась десятинами въ писцовыхъ книгахъ 1555 (7063) г. (*А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, А. г. р., т. I, № 83, стр. 233), то же бывало въ другихъ владѣніяхъ, на что есть указаніе хотя бы отъ 1579, 1580, 1585—1588 годовъ (Ibid., т, I, № 96, стр. 293. А. Э., т. I, № 305. *Н Чечулинъ*, Города въ XVI в., стр. 143). Въ 1601 году вотчины Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря измѣрены были десятинами, по указу царя Бориса. (Спб. Духов. Акад., Книги переписныя всѣхъ селъ и деревень въ вотчинахъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря Мих. Вас. Молчанова и дьяка Вас. Нелюбова. Совр. сп., Кир. библ., № 70/1309). *В. Незабитовскій*, Соб. соч., стр. 43.

книгой при Уложеніи [1]) Съ другой стороны, когда промыслы и торговля были мало развиты, то и налоги на эти объекты выражались въ переводѣ на сошное письмо, полагая равными по доходности извѣстный земельный участокъ и какой либо промыселъ, взятый въ опредѣленныхъ размѣрахъ [2]).

Размѣры тѣхъ земельныхъ участковъ, которые подводились подъ одно общее наименованіе большой московской сохи, измѣнялись. Эти измѣненія зависѣли отъ доброкачественности земли и отъ разрядовъ лицъ, ею владѣвшихъ.

По доброкачественности земля, обыкновенно, дѣлилась на добрую, среднюю, худую и добре худую. Трудно, однако, сказать съ точностью, каковы были условія, которыми опредѣлялась степень этой доброкачественности Химическій и минерало-петрографическій принципы классификаціи земель не могли, конечно, примѣняться, такъ какъ требовали научнаго анализа почвъ [3]). Физическіе признаки или физическія условія данной мѣстности принимались, вѣроятно, во вниманіе, хотя бы такъ, какъ это дѣлаютъ въ настоящее время крестьяне нашихъ сѣверныхъ губерній, у которыхъ доброю землей считается земля на открытыхъ солнцу и покатыхъ на солнечную сторону мѣстахъ, среднею—земля у лѣса, худшею—пространство въ лѣсу и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ хлѣбъ рано захватываетъ морозомъ [4]). Но кромѣ физическихъ условій для классификаціи почвъ того времени имѣла значеніе культура. Лучшій участокъ не требовалъ удобренія, которое необходимо было для худой земли. Крестьяне Тотемскаго уѣзда, напримѣръ, считали свою землю худою, такъ какъ безъ навоза на ней хлѣбъ не росъ [5]).

---

[1]) Десятина равна была $80 \times 30 = 2400$ кв. саженямъ «дробнымъ», или 3200 кв. саженямъ «круглымъ». Послѣдняя употреблялась, кажется, для измѣренія однѣхъ дворцовыхъ земель.

[2]) А. Э., т I, № 32. Ср. *К. Неволина* О пятинахъ и погостахъ въ Зап. Геогр. Общ., т. VIII, стр. 10. *Его же* Объ успѣхахъ государственнаго межеванія въ актѣ С.-Петербургскаго университета 1847 г., стр. 156.

[3]) *В. Докучаевъ*, Матеріалы къ оцѣнкѣ земель Нижегородской губ., естественно-историческая часть, вып. I, Главные моменты въ исторіи оцѣнокъ земель европейской Россіи съ классификаціей русскихъ почвъ, Спб., 1886 г. *Detmer*, Die naturwissenschaftlichen Grundlagen der Allgemeinen landwirthschaftlichen Bodenkunde, 1876.

[4]) *П. Серпѣевъ*, Съ Сѣвера въ Дѣлѣ 1880 г., Апрѣль, стр. 217.

[5]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л, 7154—7156 гг. № 61: Дѣло по челобитью Тотемскаго уѣзда посыльщика Ѳ. Добрынина въ волостныхъ крестьянъ мѣсто на Ивана Малыгина о неправедномъ его письмѣ и денежномъ окладѣ. Разумѣется, удобреніе не употреблялось въ сѣверныхъ черноземныхъ уѣздахъ.

Культура, однако, какъ извѣстно, является довольно шаткимъ признакомъ классификаціи земель; при этомъ она находится скорѣе въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ доброкачественности земли. Лучшая земля требуетъ бо̀льшей обработки, бо̀льшаго посѣва, быстрѣе поглощаетъ удобреніе. [1]) Между тѣмъ древне-русская правительственная классификація земель, поскольку она выражалась въ сошномъ письмѣ, очевидно, не принимала во вниманіе этого обстоятельства, во всякомъ случаѣ не возводила его въ принципъ дѣленія земель на добрыя, среднія и худыя, ибо тяжелѣе облагало первыя, чѣмъ послѣднія Поэтому едва ли не вѣроятнѣе считать главнымъ основаніемъ такой классификаціи — доходность земель, количество сбираемаго съ нихъ хлѣба, словомъ, степень урожая. Вопросъ о томъ, принимался ли во вниманіе валовой или чистый доходъ, пока мы не можемъ рѣшить съ полною достовѣрностью. Судя, однако, по частно-хозяйственнымъ ужиннымъ и умолотнымъ книгамъ, гдѣ доходы съ земли опредѣляются количествомъ умолоченнаго хлѣба безъ вычета изъ послѣдняго сѣмянъ, употребленныхъ на прошлогодній посѣвъ, можно думать, что доходность земли опредѣлялась количествомъ умолота, получаемаго отъ валоваго сбора посѣяннаго на ней хлѣба [2]). Но такая доходность не могла имѣть одного и того же значенія для опредѣленія качества земель всего государства. Какъ мѣрило доброкачественности земли, она опредѣлялась не сравненіемъ доходности разнокачественныхъ земель всего государства и не общимъ правительственнымъ постановленіемъ, а сравненіемъ доходности земель лишь въ предѣлахъ одной области или даже уѣзда Поэтому, земли, въ настоящее время отличныя другъ отъ друга съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ, какъ-то: суглинокъ, супесчаный черноземъ, черноземъ въ разныхъ полосахъ нечерноземной и черноземной Россіи, тѣмъ не

Здѣсь оно стало распространяться лишь лѣтъ 25 тому назадъ, а на югѣ и по сю пору считается вреднымъ на томъ основаніи, будто бы способствуетъ выгоранію хлѣбовъ въ засуху. См. 1887 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, вып. Ш, Спб., 1888 г., стр. 561 и 552.

[1]) *В. Докучаевъ*, О нормальной оцѣнкѣ почвъ въ европейской Россіи въ Труд. Вольн. Эконом. Общ. 1887 г., т. XI, стр. 265—286.

[2]) Имп. Публ. Библ., Книги ужинныя, умолотныя и опытныя Суздальскаго Покровскаго монастыря 7201—216 гг. QIV, № 317. Приходо-расходныя книги церкви Успенья Богородицы у Завеличья 7039—7191 гг., QIV, № 289. Посѣвныя, умолотныя и ужинныя книги въ имѣніи боярина Б. Морозова 7179 г. во Временникѣ М. О. И. и Д., кн. VII, Матеріалы (изд. И. Забѣлинъ).

менѣе, въ глазахъ правительства могли имѣть одно и то же значеніе, называться добрыми землями, ибо относительная ихъ доходность различна была въ той и другой полосѣ: въ первой изъ нихъ (нечерноземной) суглинокъ дѣйствительно могъ оказаться лучшею землей, а во второй то же значеніе долженъ былъ имѣть супесчаный, обыкновенный и тучный черноземъ То же отчасти можно сказать о среднихъ и худыхъ земляхъ [1]) Такимъ образомъ, одна и та же земля безотносительно—въ геологическомъ и минералогическомъ отношеніи, въ экономическомъ отношеніи по относительной своей доходности оказывалась различною, ибо принимался во вниманіе не средній нормальный урожай для всего государства, но относительный урожай мѣнявшійся смотря по мѣстности, такъ что земли, съ которыхъ получались сборы, отклонявшіеся отъ этой средней величины въ положительномъ или отрицательномъ смыслѣ и получали названіе добрыхъ или худыхъ [2]). Весьма вѣроятно при этомъ, что далеко не во всѣхъ уѣздахъ существовали однообразные принципы оцѣнки

---

[1]) Къ этому результату можно прити, сравнивая свѣдѣнія писцовыхъ книгъ 1620-хъ годовъ о доброкачественности земли съ изслѣдованіемъ и классификаціей почвъ европейской Россіи въ новѣйшее время. (*В. Докучаевъ*, Картографія русскихъ почвъ, Спб., 1879 г. и *В. Чаславскій*, Почвенная карта европейской Россіи, изданная департаментомъ земледѣлія и сельской промышленности). Приводимъ здѣсь примѣры, къ которымъ, однако, слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью.

1. Доброю землей считается: a) большею частью теперешній суглинокъ въ Вологодскомъ, Дмитровскомъ, Шуйскомъ, Псковскомъ, Звенигородскомъ, Вяземскомъ, Зубцовскомъ, Калужскомъ, Медынскомъ, Алексинскомъ, Тарусскомъ, Тульскомъ уѣздахъ; b) супесчаный черноземъ въ Воротынскомъ, Мещовскомъ уѣздахъ; c) черноземъ—въ Муромскомъ, Суздальскомъ, Юрьевѣ-Повольскомъ, Шацкомъ уѣздахъ: d) тучный черноземъ—въ Елецкомъ, Ефремовскомъ, Новосильскомъ и др. уѣздахъ черноземной полосы.

2. Среднею землей считается: a) глина въ уѣздахъ Вологодскомъ, Торопецкомъ, Псковскомъ, Шуйскомъ; b) супесокъ—въ Зубцовскомъ, Торжковскомъ, Медынскомъ, Алексинскомъ, Звенигородскомъ, Дмитровскомъ; c) бѣдныя и мокрыя иловатыя почвы—въ Тверскомъ; d) суглинокъ — въ уѣздахъ Владимірскомъ, Суздальскомъ, Муромскомъ, Юрьевскомъ, Мещовскомъ.

3. Худою землей чаще всего считается: a) песокъ—напр., въ уѣздахъ Звенигородскомъ, Муромскомъ, Торжковскомъ, Псковскомъ, Калужскомъ, Алексинскомъ, b) глина, повидимому, въ Дмитровскомъ, Юрьевскомъ уѣздахъ.

Сравнивая эти данныя, необходимо имѣть въ виду ихъ разновременность. Добрыя земли прежняго времени могли мало по малу истощиться, причемъ такое истощеніе происходило, вѣроятно, неравномѣрно въ разныхъ мѣстностяхъ въ зависимости отъ весьма разнообразныхъ условій.

[2]) Ср. 1887 годъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, вып. III, стр. 33.

доходности земель и что къ основному принципу присоединялись многіе второстепенные [1]).

Сохи, однако, были всюду однѣ и тѣже, какъ въ черноземной, такъ и въ нечерноземной полосѣ Отсюда проистекала неравномѣрность обложенія, коренившаяся въ самомъ принципѣ правительственной классификаціи земель на добрыя, среднія и худыя.

Но владѣли этими разными видами пашни въ разной степени привилегированныя лица. Для сохраненія пропорціональности этихъ привилегій при взиманіи податей нужно было или съ каждаго разряда лицъ съ одного и того же участка взимать разное количество податей, или, наоборотъ, съ разныхъ по величинѣ участковъ взимать одну и ту же по размѣрамъ подать [2]). Фиктивное значеніе сохи въ XVII вѣкѣ, вѣроятно, достаточно разъясняетъ, почему правительство держалось второй точки зрѣнія и выражало различныя степени привилегій плательщиковъ разнообразными размѣрами тѣхъ сохъ, которыми измѣрялись ихъ поземельныя владѣнія. Такими въ разной степени привилегированными разрядами землевладѣльцевъ были: 1) Государь и государство, 2) Духовенство (главнымъ образомъ, монастыри), 3) Служилые люди (помѣщики и вотчинники). Соотвѣтственно этимъ разрядамъ и разнокачественности земель въ сохи обыкновенно полагалось слѣдующее количество четвертей пашни [3]):

---

[1]) Въ регламентѣ Камеръ-коллегіи 1719 г. декаб. 11 (П. С. З., т. V, № 3466, ст. 8) говорится, что всѣ окладныя подати должны быть опредѣлены «зѣло крѣпко по состоянію натуры и обстоятельствамъ провинцій, по цѣнѣ полевыхъ плодовъ и по другимъ потребнымъ резонамъ». Ср. правила, которыми руководствовалось Министерство Государственныхъ Имуществъ при раскладкѣ оброчной подати въ 18 губерніяхъ съ 1845 года. (*И. Руковскій*, Историко-статистическія свѣдѣнія о подушныхъ податяхъ въ Трудахъ Коммиссіи для пересмотра системы податей и сборовъ, т. I, стр. 140—142). О разнообразіи принциповъ оцѣнки десятины земли по уѣздамъ въ 1868 году см. *Его же* О смѣтахъ и раскладкахъ земскихъ сборовъ въ 30 губерніяхъ, тамъ же, т. XV, ч. 2. Объ общихъ правилахъ такого рода оцѣнокъ см. *C-te de Gasparin*, De la connaissance des terrains agricoles, considerés au point de vue de leur nature et de leur valeur, Brux. 1856, p 242—250, p. 381—395 et passim.

[2]) *И. Бѣляевъ*, О поземельномъ владѣніи въ Московскомъ государствѣ во Временникѣ М. О. И. и Д.. т. XI, стр. 1—82. То же съ нѣкоторыми варіантами въ Москвитянинѣ 1848 г., т. I, II, V, VII и IX.

[3]) См. приложеніе V. Замѣтимъ, что при общераспространенности системы трехпольнаго хозяйства въ XVII вѣкѣ, подъ вышеозначенными величинами во всѣхъ трехъ поляхъ слѣдуетъ разумѣть количество четвертей втрое большее.

Разряды поземельныхъ владѣній:	Доброй:	Средней.	Худой.	Добре худой:
Въ черныхъ волостяхъ. . . .	500	600	700	800(?)
Въ монастырскихъ вотчинахъ. .	600	700 (750)	800 (900)	900
Въ мірскихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ (также дворцовыхъ земляхъ)	800	1.000	1.200	1.300

Изъ разсмотрѣнія этой таблицы не трудно заключить, что податныя привилегіи выражались въ различіи первоначально данныхъ величинъ для разноразрядныхъ сохъ. Это различіе сказывалось въ соотношеніи сохъ доброй земли въ дворцовыхъ, монастырскихъ и помѣстныхъ земляхъ пропорціей: 1 · 1,2 : 1,6. Иными словами говоря: съ этой точки зрѣнія монастырскія земли были болѣе привилегированны, чѣмъ черныя въ 1,2 раза, а помѣстныя болѣе, чѣмъ черныя въ 1,6 раза [1]). Но кромѣ, такъ сказать, вертикальнаго соотношенія первоначально данныхъ разноразрядныхъ сохъ доброй земли, наблюдается опредѣленное горизонтальное соотношеніе разнокачественныхъ сохъ каждаго разряда другъ къ другу, причемъ знаменатель этого соотношенія неодинаковъ въ разныхъ разрядахъ. Очевидно, слѣдовательно, что разноразрядность вліяла и на разное опредѣленіе соотношенія разнокачественныхъ сохъ другъ къ другу. Такимъ образомъ, къ перваго рода привилегіямъ, заключавшимся въ различіи первоначально данныхъ разноразрядныхъ сохъ доброй земли, присоединились и другія, основанныя на различіи соотношеній разнокачественныхъ сохъ одного и того же разряда. Послѣднее явленіе можно, конечно, объяснять тѣмъ же различнымъ распредѣленіемъ обязанностей между владѣльцами разноразрядныхъ сохъ, какъ и первое. Однако, оно, можетъ быть, объясняется различнымъ соотношеніемъ доходности разнокачествен-

[1]) Съ перваго взгляда можетъ показаться, что это различіе первоначально данныхъ величинъ для разноразрядныхъ сохъ (500, 600 и 800) можетъ, пожалуй, выражать разную степень интенсивности разноразрядныхъ хозяйствъ. Но, въ такомъ случаѣ, едва ли возможно выражать одною величиной интенсивность хозяйствъ вотчинныхъ и помѣстныхъ, которыя въ первой половинѣ XVII в. еще довольно различны. Не слѣдуетъ забывать также, что, благодаря вышеуказаннымъ привилегіямъ данный разрядъ земель облагался менѣе значительнымъ поземельнымъ налогомъ, но за то его владѣльцы несли повинности, которыхъ не знали черныя волости, т е обязаны были платить оброки и исправлять барщину въ пользу землевладѣльца. Поэтому, если тутъ и можетъ быть рѣчь о привилегіяхъ, то лишь съ точки зрѣнія поземельнаго налога, а не вообще всѣхъ государственныхъ и частныхъ обязанностей, падавшихъ на землепашцевъ.

ныхъ сохъ въ каждомъ разрядѣ, соотношеніемъ, которое опредѣлялось мѣстоположеніемъ въ той или другой полосѣ государства максимума земель даннаго разряда. Судя по вышеприведенной таблицѣ, доходность одного и того же по количеству заключающихся въ немъ четвертей участка земли доброй, середней или худой будетъ, конечно, во второмъ разрядѣ меньше, чѣмъ въ первомъ, а въ третьемъ меньше, чѣмъ во второмъ. Но эти отношенія будутъ мѣняться въ зависимости отъ разряда сохъ. Въ помѣстныхъ они выразятся одною пропорціей (1 : 1,25 . 1,50): въ черныхъ другой (1 · 1,20 : 1,40); въ монастырскихъ третьей (1 : 1,17 : 1,33). Иными словами говоря, по мнѣнію правительства, вообще знаменатель соотношенія доходностей разнокачественныхъ сохъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ (1,20), былъ больше, чѣмъ таковой же въ черныхъ волостяхъ (1,17), а знаменатель доходности послѣднихъ превышалъ таковой же монастырскихъ (1,14), т. е. доходность участка доброй земли рѣзче отличалась отъ доходности такого же участка средней, а тѣмъ болѣе худой земли въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, чѣмъ въ черныхъ волостяхъ, и еще болѣе, чѣмъ въ монастырскихъ земляхъ. Помѣстья и вотчины лежали главнымъ образомъ въ средней и южной полосѣ, черныя земли — въ сѣверной, а монастыри частью въ средней, частью въ пустынныхъ мѣстахъ сѣверной. Если, при разнообразіи ихъ обработки, предположить возможность неравномѣрнаго распредѣленія разнокачественныхъ земель не только между разноразрядными владѣльцами, но и между владѣльцами одного и того же разряда такъ, что скопленіе наилучшихъ земель въ рукахъ лицъ, поставленныхъ въ наиболѣе благопріятныя условія для ихъ обработки, наблюдалось бы въ болѣе значительной мѣрѣ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ, чѣмъ въ черныхъ и монастырскихъ земляхъ, то вышеуказанное соотношеніе окажется довольно цѣлесообразнымъ.

Итакъ, подведеніе земельныхъ участковъ разной величины подъ одно и то же наименованіе большой московской сохи, прямо указываетъ на ея фиктивное значеніе въ XVII вѣкѣ. Московская соха была идеальною, однообразною цѣнностью, на которую падалъ окладъ налога и которая въ переводѣ на разнокачественные и разноразрядные земельные участки принимала различные реальные размѣры подъ вліяніемъ различныхъ соціально-экономическихъ условій [1]). Иное значеніе имѣло вытное письмо.

[1]) Если вмѣстѣ съ вѣскими авторитетами (Савиньи и Моммсеномъ) при-

Въ XVI вѣкѣ оно представляло весьма любопытныя черты, которыя, на сколько намъ извѣстно, постепенно теряются въ XVII ст «При распредѣленіи вытей у правительства были въ виду не одинъ поземельный капиталъ, но и плательщики, черезъ посредство которыхъ получался доходъ съ капитала. Ежели бы плательщики, т. е. крестьяне, имѣли одинаковое состояніе и каждый жилъ на цѣлой выти, то, конечно, правительству лучше бы всего было держаться при распредѣленіи вытей того же порядка, котораго оно держалось при распредѣленіи сохъ; но по состоянію плательщики были далеко неодинаковы между собой: иной жилъ на цѣлой выти, даже на двухъ и на трехъ вытяхъ, другой же только на полвыти или четверти выти и даже на двѣнадцатой доли выти. А посему правила, прилагавшіяся къ сохамъ, были неудобоприложимы къ вытямъ: такъ напр., если бы количество вытей на соху положить постоянно одинаковымъ для земель хорошаго, средняго и худаго качествъ, то выть земли худаго качества растянулась бы такъ обширно, что малосемейному и бѣдному крестьянину не подъ силу бы было совладѣть не только съ 12-ю, но даже съ двадцатою долей выти, а это повело бы къ излишнему дробленію вытей, отяготительному въ администраціи; и, наоборотъ, гдѣ земледѣльцы богаты и въ силахъ обработывать большое пространство земли, слишкомъ мелкія выти естественно должны были сдѣлаться ненужнымъ дробленіемъ платежныхъ единицъ, несоотвѣтственнымъ съ наличными силами плательщиковъ. Все это поставило Московскую администрацію въ необходимость принять другія правила при распредѣленіи вытей, а не тѣ, которыя были приняты при распредѣленіи сохъ, а именно соразмѣрять величину вытей сколько можно ближе съ силами земледѣльцевъ А отъ этого и произошло, что

знавать фиктивное значеніе римскаго jugum и реальное значеніе средневѣковой manse и hufe, и если въ римской податной единицѣ видѣть преобладаніе государственныхъ, а въ средневѣковой—частныхъ интересовъ) *Ѳ. Успенскій*, Слѣды писцовыхъ книгъ въ Византіи въ Жур. Мин. Нар. Просв. 1884 г., № 1, стр. 40–41). то нельзя не отмѣтить, вмѣстѣ съ тѣмъ, и той обратной аналогіи, которая, можетъ быть, существуетъ между этими явленіями и стадіями развитія нашей сохи, какъ податной единицы. Сильныя колебанія реальныхъ размѣровъ тѣхъ земельныхъ участковъ, которые получаютъ наименованіе сохъ въ XVI в. (*И. Бѣляевъ*, О поземельномъ владѣніи и проч. во Временникѣ М. О. И. и Д., кн. XI, стр. 51—59), показываютъ, можетъ быть, что соха даже въ XVI в. еще окончательно не установилась; въ XVII вѣкѣ ее, однако, уже можно считать фиктивною единицей финансоваго счета. Ср. прил. V.

иногда въ земляхъ разныхъ по качеству выти были одинаковы, иногда же въ земляхъ, одинаковыхъ по раскладкѣ въ сохи, выти являлись неодинаковыми. Фактовъ на это можно представить не одну сотню, изъ которыхъ даже видно, что иногда при раскладкѣ вытей значеніе сохъ вовсе упускалось изъ виду. Это именно дѣлалось такъ: пахотная земля, принадлежащая извѣстному селу или деревнѣ, писалась особою статьей, общимъ числомъ, сколько приходилось на цѣлую деревню или село; выти же считались отдѣльно, своимъ чередомъ, черезъ сложеніе дробей, записанныхъ за крестьянами, даже не справясь, придется ли число дробей вытныхъ на число четвертей пашни» [1]).

Такимъ образомъ, вытное и сошное письмо въ XVI в. не только не были однороднымъ поземельнымъ счетомъ, но скорѣе противорѣчили другъ другу. Вытное письмо, повидимому, еще сливало субъектъ и объектъ налога; оно имѣло въ виду и трудовую способность, и поземельный капиталъ плательщика, или скорѣе ихъ взаимодѣйствіе. Здѣсь, слѣдовательно, податной источникъ въ значительной мѣрѣ совпадалъ съ основой измѣренія оклада. Вытное письмо имѣло, такимъ образомъ, скорѣе квотативный характеръ. При сошномъ письмѣ, напротивъ, обращалось, главнымъ образомъ, вниманіе на объектъ налога, облагался поземельный капиталъ и такого совпаденія между податнымъ источникомъ и основой измѣренія оклада не было, а отсюда и самый налогъ на сохи получалъ значеніе репартиціонное. Вытное письмо сложилось скорѣе въ виду частно-хозяйственныхъ, сошное—въ виду государственныхъ цѣлей. Совмѣстный счетъ одной и той же земли и тѣмъ и другимъ способомъ въ однихъ и тѣхъ же правительственныхъ актахъ показываетъ, какъ шатко поставленъ былъ вопросъ о самыхъ основныхъ принципахъ податной системы въ XVI столѣтіи, а постепенное измѣненіе характера выти въ позднѣйшее время и вытѣсненіе вытнаго счета сошнымъ въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ при производствѣ правительственныхъ описаній обнаруживаетъ торжество государственныхъ интересовъ надъ частно-хозяйственными. Вытное письмо въ XVII вѣкѣ остается въ употребленіи въ частныхъ хозяйствахъ, правилами которыхъ продолжали руководствоваться въ управленіи дворцовыми селами и отчасти черными волостями, постепенно сливавшимися съ дворцовою позе-

[1]) *И. Бѣляевъ*, О доходахъ Московскаго государства въ Чт. М. О. И. и Д., 1885 г., кн. 1, стр. 108.

мельною собственностью [1]). Но значеніе выти за это время успѣло измѣниться. Самый процессъ видоизмѣненія можно наблюдать на примѣрѣ нѣкоторыхъ черныхъ волостей. И въ первой половинѣ XVII вѣка размѣры выти продолжали измѣняться подъ вліяніемъ разнообразныхъ мѣстныхъ условій, тогда какъ соха стала пріобрѣтать характеръ постоянной величины. Поэтому, при совмѣстномъ счетѣ вытями и сохами, такая измѣнчивость должна была сильно затруднять какъ самихъ писцовъ, такъ и производство оклада. Необходимо было примирить между собой эти два несогласныхъ другъ съ другомъ счета; правительство пыталось достигнуть этой цѣли уже во второй половинѣ XVI вѣка, но особенно занято было ея выполненіемъ въ первой половинѣ XVII вѣка, что довольно ярко обнаружилось напримѣръ, хотя бы, въ Устюжскихъ волостяхъ. Здѣсь, уже въ началѣ правленія царя Михаила, правительство попыталось уничтожить разнообразіе вытей, превративъ ихъ въ однообразныя единицы окладнаго счета величиной въ 12, 14, 16 четвертей, смотря по качеству земли [2]). На сколько удачно было такое преобразованіе, показали послѣдствія. Обычай продолжалъ придавать выти характеръ скорѣе раскладочной единицы, которая правительствомъ, однако, превращена была въ окладную и въ послѣднемъ отношеніи сравнена съ сохой [3]). Поэтому, отношенія выти къ сохѣ не только не опредѣлились, но спутались еще болѣе, и внут-

---

[1]) А. И., т. IV, № 245; т. V, № 13. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ существовалъ смѣшанный счетъ сохами и вытями. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, напр., это происходило отъ того, что нѣкоторыя изъ частныхъ монастырскихъ и свѣтскихъ поземельныхъ владѣній сосчитаны были вытями, но не положены были въ сошное письмо. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7162 г., сентяб. 1—7163 г. сентяб. 1, № 56: Книги Соливычегодской приходныя мірскимъ сборнымъ деньгамъ.

[2]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Устюжскаго уѣзда 7134 г., FIV, №№ 511 и 512. Въ этихъ волостяхъ съ выти взимался государевъ оброкъ и наместничь доходъ; съ сохи: данныя ямскія и приметныя деньги; деньги за городовое, засѣчное и емчюжное дѣло, соколій оброкъ, казначеевы, дьячьи и подъячьи пошлины, къ которымъ иногда присоединялись кормовыя деньги и праветчиковы пошлины. Въ Сумерской волости писецъ Безобразовъ въ 7115 г клалъ на выть отъ 2 четвертей и меньши до 12. Но писцу Чоголкову, описывавшему ту же волость въ 7136 г. велѣно было по государеву указу класть на выть доброй земли 12 четей, средней 14, худой 16. *К. Неволинъ*, О пятинахъ и проч. Прилож. стр. 130—131.

[3]) Продолжаемъ держаться здѣсь вышеуказанной терминологіи. См. прим. 1 на стр. 31. Въ той же Сумерской волости взимался равномѣрный оброкъ по 9 р. 17 ал. 2 д. съ выти. (*К. Неволинъ*, Ibid., стр, 130--131).

реннее противорѣчіе этихъ двухъ единицъ разрѣшилось лишь тѣмъ, что въ соху стало полагаться разное количество равномѣрныхъ вытей. Такимъ образомъ, въ Устюжскихъ волостяхъ на сошку клали отъ 5 до 20 вытей, а это, въ свою очередь, дѣлало, конечно, невозможнымъ приравненіе такой постоянно мѣнявшейся сохи къ большой, однообразной московской сохѣ [1]). Слѣдовательно, превращеніе выти въ постоянную поземельную мѣру повлекло за собой образованіе неравномѣрныхъ сохъ, не соотвѣтствовавшихъ большой московской сохѣ. Для того, чтобы выпутаться изъ этого ряда противорѣчій и тѣмъ не менѣе остаться вѣрнымъ исходной точкѣ зрѣнія, правительству оставалось одно: придать единообразную величину не только выти, но и сохѣ и тѣмъ самымъ опредѣлить ихъ взаимоотношеніе. Такъ оно и сдѣлало. Въ указѣ великаго Государя и наказѣ великимъ писцамъ велѣно было въ Устюжскомъ уѣздѣ «сохи учинить всѣ равны и разверстывать государевы доходы и класть на выть поровну, полагая соху равной 800, 1000 и 1200 четвертямъ, смотря по качеству земли [2]).

Преобразованіе вытнаго письма въ черныхъ волостяхъ повлекло

---

[1]) Имп. Публ. Библ., Книги сошнаго письма: QXVII, № 142, л. 195 об., QXVII, № 66, л. 193. Здѣсь читаемъ. «А въ сохи неравно выти пишутъ, гдѣ каковъ писецъ». Характернымъ примѣромъ могутъ служить Устюжскія волости, описанныя въ 1626 году (Тамъ же, F.IV, №№ 511 и 512). Выть тутъ всюду равна 12, 14 и 16 четвертямъ; но сошка въ разныхъ волостяхъ различна, ибо въ каждой волости въ сошку кладется не схожее съ другими количество вытей. Такимъ образомъ, на такую сошку приходилось:

	Вытей:		Вытей.
въ Орловской волости. . .	6	въ Ярокурскомъ станѣ. . .	$10^1/_4$
» Шацкой.	$6^1/_2$	» Черевсковской волости.	$10^3/_4$
» Ивановѣ погостѣ. . . .	7	» Сидоровой Едомѣ	$10^3/_4$
» Вондокурскомъ станѣ.	$7^5/_8$	» Стреленской	$11^3/_4$
» Варженской волости. .	8	» Брусенской.	12
» Быкокурскомъ станѣ .	$8^3/_4$	» Лябельской.	12
» Верхней Ергѣ.	9	» Пермогорской	$13^3/_4$
» Уѳтюжской	$9^1/_2$	» Дроковановѣ Кулигѣ. .	15
» Шемогоцкой и	$9^5/_8$	» Городищенской волости и	20
» Вотложемской.		» Богоявленскомъ селѣ . .	

Писцы сами приводятъ количество вытей, полагаемыхъ ими въ сошку «противъ приправочныхъ книгъ» Юрія Стромилова 7128 года.

[2]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Устюжскаго уѣзда 7153 г., F.IV, № 512, л. 148. Нѣчто подобное наблюдается въ опредѣленіи соотношенія старогерманскаго Morgen'a къ Hufe. См. *G. Hanssen*, Agrarhist. Abhandl., II B, SS. 185—187.

за собой, повидимому, такого же рода мѣру въ другихъ монастырскихъ, помѣщиковыхъ и вотчинниковыхъ земляхъ. Впрочемъ, правительство непосредственно не вмѣшивалось въ частно-хозяйственное управленіе разныхъ поземельныхъ владѣній и предоставляло самимъ землевладѣльцамъ согласовать свои выти съ правительственными и съ сошнымъ письмомъ.

Всѣ эти соображенія объясняютъ намъ, почему выть въ XVII вѣкѣ уже имѣла опредѣленные размѣры, ибо равна была, смотря по качеству, 12 четвертямъ доброй, 14—средней и 16 четвертямъ худой земли. Видоизмѣняя свои размѣры подъ вліяніемъ разнокачественности земель, выть находилась, однако, внѣ зависимости отъ разрядовъ лицъ, ими владѣвшихъ, ибо въ разноразрядныхъ земляхъ одного и того же качества сохраняла одну и ту же величину. Поэтому на одну и ту же соху доброй земли приходилось въ черныхъ волостяхъ $41^2/_3$, въ монастырскихъ — 50, въ помѣстныхъ и вотчинныхъ—$66^2/_3$ вытей; при переводѣ сохъ средней и худой земли на выти, наблюдается и соотвѣтствующее измѣненіе въ количествѣ послѣднихъ [1]).

Кромѣ большой сохи и выти, на сѣверѣ были въ употребленіи малая соха и сошка. Объ онѣ далеко не достигали размѣровъ большой московской сохи. Выживаніе такихъ болѣе мелкихъ единицъ на сѣверѣ частью объясняется древностью ихъ происхожденія и невозможностью, поэтому, сразу уничтожить мѣры, съ которыми давно свыклось населеніе, частью же и дѣйствительными удобствами такого рода счисленія. Въ самомъ дѣлѣ, незначительные размѣры запашекъ въ случаѣ примѣненія здѣсь большой сохи принуждали бы растягивать послѣднюю на весьма значительныя разстоянія и тѣмъ сильно затруднять возможность мірской раскладки, безъ которой, однако, правительство не могло бы обойтись. Поэтому, здѣсь остались въ употребленіи (впрочемъ, не надолго) малая соха и сошка. Размѣры сошки едва ли были постоянными, тѣмъ болѣе, что, съ опредѣленіемъ величины выти, сошка стала постоянно видоизмѣняться, что и послужило причиной ея отмѣны. Можно думать, однако, что нормальная сошка содержала около 30 четвертей или нѣсколько болѣе, ибо равна была 3 обжамъ, изъ которыхъ каждая въ XVII вѣкѣ состояла изъ 10 четвертей или 5 де-

[1]) Таково общее свидѣтельство сошныхъ книгъ и частные примѣры изъ книгъ писцовыхъ. См., напр., въ Имп. Публ., Библ., Книги сошнаго письма QXVII, № 66, и QXVII, № 142. Временникъ М. О. И. и Д., кн. XVII, Смѣсь. стр. 33—90 и мн. др.

сятинъ. Всѣ эти мѣры, такъ же какъ и коробъ, равный 2 четвертямъ, отчасти служили еще единицами обложенія въ Новгородской области въ XVII вѣкѣ, хотя едва ли возможно точно опредѣлить степень ихъ распространенности и время уничтоженія. За то древнѣйшая поземельная мѣра плугъ (величиной около 60 четвертей?) повидимому, употреблялись лишь въ частныхъ сдѣлкахъ и при мірской раскладкѣ, но въ правительственныхъ актахъ уже не встрѣчаются, впрочемъ, воспоминаніе о нихъ сохранилось, можетъ быть, въ налогѣ, который назывался поплужной пошлиною и поральскою бѣлкой и кое-гдѣ еще взимался въ сѣверныхъ волостяхъ, но уже съ обычной податной единицы [1]).

Таковы основныя черты сошнаго письма, уже окончательно сложившагося въ первой половинѣ XVII вѣка. Но въ этомъ типѣ произошли и нѣкоторыя измѣненія за это время. Различіе между разноразрядными сохами (особенно помѣстными, черными и дворцовыми) стало мало по малу сглаживаться, такъ что во многихъ случаяхъ эти земли считались уже всѣ одинѣми и тѣми же помѣстными сохами [2]). Явленіе это, однако, достаточно ясно обнаружилось лишь со введеніемъ подворной подати, въ силу которой финансовое значеніе сохи сильно ослабѣло.

Вмѣстѣ съ тѣмъ значительно распространился особаго рода поземельный счетъ, который употреблялся еще въ XVI вѣкѣ, но особенно развился въ первой половинѣ XVII в. и оставался въ употребленіи и послѣ введенія подворной подати. Эта операція сводилась къ одабриванію, т. е. счету средней и худой земли четвертями доброй, для того, чтобы въ одномъ общемъ итогѣ означить и количественно, и качественно величину какого-либо разнокачественнаго участка. Для перевода средней и худой четверти на добрую съ соблюденіемъ того соотношенія, какое было имъ присуще въ помѣстныхъ сохахъ, служила такъ называемая наддача. Такъ какъ въ послѣднихъ четверть средней земли была въ $1^1/_4$ раза, а худой—въ $1^1/_2$ раза больше доброй, то, слѣдовательно, четверть средней земли равнялась $^4/_5$ четверти доброй, а четверть худой — $^2/_3$ той же доброй. Иными словами говоря, для того, чтобы получить участокъ средней или худой земли по доходности равный четверти доброй земли нужно было къ четверти средней земли прибавить четвертую часть, а къ четверти худой — половину четверти

[1]) См. приложеніе V.
[2]) См. приложеніе V.

одинаковой съ ними по качеству земли. Эта прибавка и называлась наддачей. Нормальною величиной наддачи считалось для средней земли 25%, для худой—50%, для добре худой—62% [1]).

Таковъ внѣшній процессъ одабриванья и счета наддачей. Какъ видно, онъ не представляетъ ничего особенно сложнаго. Гораздо труднѣе разъяснить ихъ цѣлесообразность. Рѣшаемся высказать нѣсколько предположеній по этому поводу. Одабриванье опредѣленнаго участка земли, хотя бы средней помѣстной величиною въ 1.000 четвертей, въ результатѣ всегда давало меньше сравнительно съ прежнимъ количествомъ четвертей, въ данномъ случаѣ 800. Поэтому, если бы мы, считая какой-либо участокъ земли средняго или плохаго качества четвертями доброй земли, пожелали бы, однако, фиктивно оставить то же количество четвертей, хотя и полагать это количество качественно различнымъ отъ предъидущаго, то намъ пришлось бы къ данному участку добавить (наддать) полосу земли, размѣры которой опредѣлились бы качествомъ и разрядомъ перваго участка. Такъ, въ приведенномъ примѣрѣ, считая землю средней помѣстной и желая, чтобы послѣ наддачи у насъ все же оставалось 1.000 четвертей, намъ придется къ этому количеству наддать 250 четвертей средней земли и сосчитавъ, такимъ образомъ, эти 1.250 четв средней земли доброю, получить прежнее, хотя и разное по качеству, но одно и то же по доходности и фиктивному размѣру количество въ 1.000 четвертей. Этимъ-то счетомъ и пользовалось правительство для измѣренія въ нѣкоторыхъ случаяхъ помѣстныхъ, разнокачественныхъ земель. Служилые люди получали за службу извѣстные оклады, точно опредѣляемые въ царскихъ указахъ. Опредѣленія эти означали, однако, количественное, а не качествеиное различіе такихъ окладовъ. Между тѣмъ, при верстаніи необходимо было имѣть въ виду и послѣднюю точку зрѣнія, ибо, въ противномъ случаѣ, равные по количеству, но разные по качеству, а слѣдовательно, и по доходности оклады неравномѣрно вознаграждали бы служилыхъ людей, имѣвшихъ право на равную награду. Противорѣчіе это примирялось одабриваніемъ и наддачей. Меньшая доходность оклада плохой земли, по количеству четвертей, однако, равнаго другому окладу, превышавшему первый достоинствомъ и доходностью земли, пополнялась прибавленіемъ къ первому извѣстнаго количества четвертей, которое опредѣлялось

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Приказныя дѣла 1725 г.. кн. 266. (Выписки изъ писцовыхъ книгъ разныхъ уѣздовъ).

качественнымъ соотношеніемъ между достоинствомъ земли перваго и втораго оклада; затѣмъ, вся совокупность четвертей такого оклада, количественно превышавшаго, но качественно равнаго окладу лучшей земли, считалась наддачей для того, чтобы формально установить и количественное равенство между тѣмъ и другимъ окладомъ. Служилымъ новикамъ, напр., нерѣдко выдавалось 300 четвертей помѣстнаго оклада. Представимъ себѣ три новика, изъ которыхъ одинъ получаетъ этотъ окладъ въ уѣздѣ, гдѣ земля добрая, другой—гдѣ земля средняя, третій—гдѣ она плохаго качества. Если первому правительство выдавало 300 четвертей оклада, то, естественно, что, выдавая второму и третьему столько же, оно не вознаградило бы ихъ наравнѣ съ первыми, ибо цѣнность участка средней и худой земли меньше цѣнности такого же участка доброй Отстранить такое неравенство можно было прибавленіемъ ко второму и третьему окладу такого количества четвертей, которыя хотя бы отчасти уравновѣшивали доходность болѣе плохихъ участковъ сравнительно съ лучшими. Принимая во вниманіе соотношеніе доброй, средней и худой земли въ помѣстныхъ земляхъ (1 : 1,25 : 1,50), надо было второму выдать не 300, а 375 четвертей, третьему не 300, а 450 четвертей, ибо при соразмѣрныхъ хозяйственныхъ средствахъ доходность 300 четвертей доброй земли равна была доходности 375 четвертей средней или 450 четвертей худой земли. Для правительства было бы, однако, неудобнымъ считать разное количество четвертей за новиками, пользовавшимися одними и тѣми же служебными правами. Поэтому оно прибѣгало къ одабриванію окладовъ средней и худой земли, достигая нѣкотораго равенства между окладами служилыхъ людей одного и того же разряда не только по доходности, но и (формально) по количеству, ибо считало, такимъ образомъ, за всѣми тремя новиками 900 четвертей или соху съ получетью сохи доброй земли съ наддачей [1]).

Одабриваться могли не только пашенныя, но и непашенныя земли;

[1]) Множество примѣровъ подобнаго рода счета можно найти въ писцовыхъ книгахъ разныхъ уѣздовъ. Въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, напр., одинъ изъ помѣщиковъ владѣетъ по крѣпостнымъ актамъ 133 четвертями средней земли; къ этому участку писцы прибавляютъ изъ прибылыхъ земель 34 четверти такой же средней, которыя и наддаютъ къ прежнимъ 133 четвертямъ. Сумма эта въ 167 четвертей считалась доброю землей $\left(\frac{167\times4}{5}\right)$ и получалась такимъ образомъ въ одобренномъ видѣ въ размѣрѣ 133 1/2 (собственно 133 3/5) четвертей. Арх. Мин. Юстиціи. Писц. кн. Бѣлозерскаго уѣзда 7134—7135 г., кн. 592. Ср. *Н. Загоскина*, Очерки организаціи и происхожденія служилаго сословія, въ Уч. Зап. Казан. унив., 1876 г., № 5, стр. 712—713.

также наѣзжія (т е взятыя въ аренду на пустошахъ или въ пустыхъ помѣстьяхъ); наконецъ, лишнія примѣрныя и даже порожжія. Послѣдніе два разряда считались наддачей, вѣроятно, въ виду будущей ихъ раздачи въ помѣстья [1]).

Но для производства вышеописанной операціи правительству необходимо было имѣть въ своемъ распоряженіи достаточное количество свободныхъ земель, что, конечно, бывало далеко не всегда. Поэтому, одабриваніе помѣстныхъ сохъ поставлено было въ зависимость отъ количества числившихся при нихъ примѣрныхъ земель. Число четвертей, нужное для наддачи, бралось изъ этихъ примѣрныхъ земель; въ случаѣ отсутствія послѣднихъ и наддача производиться не могла [2]). Вотъ почему въ Шуйскомъ уѣздѣ, напримѣръ, встрѣчаемъ помѣстныя земли съ наддачей и безъ наддачи, причемъ послѣднихъ меньшинство [3]),

Одабриваніе и наддача вызваны были потребностями помѣстной системы и первоначально, какъ кажется, примѣнялись, главнымъ образомъ, къ помѣстьямъ, на что есть прямыя указанія въ Уложеніи и книгахъ сошнаго письма [4]), такъ что помѣстья, данныя

---

[1]) Срав. прим. 1 на стр. 34.

[2]) Уложеніе, гл. XVI, ст. 46—48. П. С. З., т. II, №№ 757, 830 (Указ. ст. о межеваніи 25 іюля 1680 г., ст. 2); 890, (Вып. изъ наказа межевщикамъ 26 августа 1681 г., ст. 13), № 1074. (Писц. наказъ, апр. 1684 г., ст. 20).

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн Шуйскаго уѣзда 7137 г., кн. 11329, лл. 15—333.

[4]) Уложеніе, гл. XVI, ст. 46—48. Въ листѣ сошнаго письма 1685 г., напечатанномъ у *В. Крестинина* (Начертаніе исторіи г. Холмогоръ., 1790 г., Таб. №№ 1 и 2), переизданномъ *П. Ивановымъ*. (Опытъ историч. изслѣд. о межеваніи въ Россіи, М., 1846 г.) а вслѣдъ за тѣмъ и *Д. Ровинскимъ* (Русскія народ картинки, кн. II, № 655, Спб., 1881 г.) читаемъ: «А доброй земли и непаханной также и монастырскихъ и церковныхъ и дворцовыхъ земель не одабриваютъ». Есть, правда, въ книгѣ сошнаго письма 1629 года правила объ одабриваніи монастырскихъ земель (Временникъ М. О. И. и Д., кн. XVII, Смѣсь, стр. 35). Но на это свидѣтельство едва ли можно положиться; во всякомъ случаѣ нельзя считать его за общее правило. Во-1-хъ, въ остальныхъ извѣстныхъ намъ книгахъ сошнаго письма рядомъ съ одабриваніемъ помѣстныхъ сохъ не встрѣчается, однако, правилъ для одабриванія дворцовыхъ селъ и монастырскихъ вотчинъ (Имп. Публ. Библ., QII, № 42; QXVII, № 66, лл. 171 — 191; QXVII, № 87; QXVII, № 142, лл., 195—220). Во-2-хъ, въ описаніяхъ уѣздовъ мы почти никогда не встрѣчаемъ одобренныхъ монастырскихъ земель. Напр., изъ 64 извѣстныхъ намъ описаній разныхъ уѣздовъ Московскаго государства въ первой половинѣ XVII вѣка лишь въ одномъ Перемышльскомъ уѣздѣ монастырскія вотчины одобрены. При этомъ во многихъ уѣздахъ, напр: Новоторжскомъ, Костромскомъ, Коломенскомъ, Владимірскомъ, Боровскомъ

изъ дворцовыхъ селъ или черныхъ волостей въ вотчину за службу и за Московское осадное сидѣніе, не одабривались [1]) Но помѣстья и вотчины смѣшивались все болѣе и болѣе [2]), а при такомъ смѣшеніи не было уже достаточныхъ причинъ лишать одабриванія вотчинниковъ, которые несли по отношенію къ государству тѣ же обязанности, что и помѣщики. Поэтому уже въ первой половинѣ XVII вѣка нерѣдко одабривались вотчины, а царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ отъ 25 августа 1680 года велѣно было «за помѣщики и за вотчинники вотчинныя земли потому жъ одабривать изъ примѣрныхъ земель и изъ ихъ дачь, какъ и помѣстныя для того, какъ помѣстныя земли, такъ бы и вотчинныя одабриваніемъ были въ равенствѣ» [3]).

Все вышесказанное показываетъ, что наддача и одабриванье—результатъ экстенсивнаго характера землевладѣльческихъ хозяйствъ и слѣдствіе уже чувствуемаго правительствомъ недостатка въ годныхъ къ помѣстнымъ окладамъ земляхъ. Наддача имѣла значеніе для государственнаго бюджета, для болѣе правильнаго устройства обложенія, ибо примѣрныя земли, записанныя въ помѣстный окладъ, облагались такими же податями, какія падали на остальную часть помѣстья. Одабриванье важно было, такъ сказать, въ методологи-

---

Медынскомъ — одобрены помѣстныя сохи, но не монастырскія. Наконецъ, въ 3-хъ вышеуказанныя свидѣтельства Уложенія и книги сошнаго письма 1685 года прямо указываютъ на противоположное правило, въ силу котораго монастырскія земли не одабривались.

[1]) Уложеніе, гл. XVI, ст. 47. П. С. З., т. II, № 830. (Указн. стат. о межеваніи 25 іюля 1680 г., ст. 2). Послѣдній указъ отнесенъ въ № 832-мъ къ 25 іюня.

[2]) Въ этомъ отношеніи могла особенно повліять выдача помѣстій въ вотчину. «Потому тѣ вотчинные земли и одобрены—читаемъ мы въ писцовой книгѣ Ярославскаго уѣзда 7135—7137 г. (Имп. Публич. Библ., FIV, № 525, л. 171),—что давано тѣмъ людемъ вотчины изъ старыхъ ихъ помѣстьевъ».

[3]) П. С. З., т. II, № 832, ст. 7. По наказу 26 августа 1681 г. (Ibid., № 890) велѣно было давать помѣщикамъ примѣрныя земли въ оклады (т. е. въ пополненіе недостающихъ четвертей), а что будетъ сверхъ окладу продавать въ вотчину, одабривая среднюю и худую землю. Въ писцовыхъ книгахъ сохранились извѣстія объ употребленіи наддачи и одабриванія въ слѣдующихъ уѣздахъ: Московскомъ, Рузскомъ, Звенигородскомъ, Юрьевскомъ, Владимірскомъ, Суздальскомъ, Шуйскомъ, Волоцкомъ, Коломенскомъ, Перемышльскомъ, Углицкомъ, Зубцовскомъ, Старицкомъ, Тверскомъ, Новоторжскомъ, Ярославскомъ, Костромскомъ, Бѣлозерскомъ, Переяславскомъ, Луховскомъ, Клинскомъ, Дмитровскомъ, Мещовскомъ, Масальскомъ, Воронежскомъ, Лихвинскомъ, Бѣлевскомъ, Боровскомъ, Медынскомъ, Калужскомъ, Алексинскомъ. Ср. прим. 1 на стр. 234.

ческомъ отношеніи. При такомъ способѣ нечего было считать отдѣльными сохами разнокачественныя земли, достаточно было одобрить среднюю и худую землю и затѣмъ сосчитать ее вмѣстѣ съ доброю однѣми и тѣми же сохами доброй земли.

Сошное письмо въ примѣненіи къ крестьянскому сельскому хозяйству имѣло въ виду репартиціонный и поразрядный поземельный налогъ, еще не вполнѣ выдѣлившійся изъ общей имущественной подати Но оно приноровлено было правительствомъ и къ обложенію городскаго населенія, которое въ то время еще такъ мало отличалось отъ сельскаго. Соха, въ сущности, была не поземельною мѣрой, а служила единицей финансоваго счета, т. е. выражала собою опредѣленныхъ размѣровъ капиталъ, съ котораго взималась правительствомъ часть процентовъ въ видѣ подати. Съ этой точки зрѣнія не трудно было примѣнить сошное письмо и къ городу. Стоило только опредѣлить, какое количество посадскихъ хозяйствъ можетъ въ общей сложности составить капиталъ, равный по доходности опредѣленному участку земли, напр., сохѣ черной, волостной земли, а затѣмъ обложить это количество такою же по размѣрамъ податью, какую платили съ сохи черныя волости [1]). Приравненіе сохи уѣздной къ городской происходило на основаніи поземельнаго счета. Городская соха была также въ нѣкоторой мѣрѣ единицей послѣдняго. Только земля городской сохи была цѣннѣе земли сохи уѣздной; на ея участкахъ расположены были хозяйства съ болѣе интенсивнымъ характеромъ, чѣмъ тѣ, какіе мы встрѣчаемъ въ уѣздѣ, а поэтому и самые сборы, взимаемые съ городскаго двора, по значенію своему, близко подходили къ подомово-поземельному налогу [2]).

---

[1]) Равенство уѣздной и городской сохи въ финансовомъ отношеніи видно напр., по оброчной книгѣ Вятскаго уѣзда 7137 года въ Имп. Публ. Библ. QIV, № 257. — А. И., т III, № 115. О различныхъ размѣрахъ посадскихъ сохъ въ XVI в. См. *В. Незабитовскаго* Собр. соч., стр.49—50. *Н. Чечулина* О городахъ въ XVI в., стр. 40, 60, 73, 111 и прим. 2, 169 и прим. 1, 177—178.

[2]) А. Э., т. III, № 145. А. о. до Ю. Б., т. III, № 365. *И. Бѣляевъ*, О доходахъ Москов. государства. въ Чт. М. О. И. и Д. 1885 г., кн. I, стр. 76—77. Въ писцовыхъ книгахъ 20-хъ и 80-хъ годовъ каждое городское мѣсто (дворъ+огородъ) измѣрено саженью вдоль и поперекъ. По сошной книгѣ при Уложеніи подъ «большимъ» дворомъ (нормальныхъ размѣровъ) разумѣлась площадь въ 900 кв. сажень; естественно, поэтому, что меньшая по размѣрамъ площадь должна была по отношенію къ такой общей единицѣ выразиться въ дробныхъ дѣленіяхъ. (Временникъ М. О. И. и Д., кн. XVII, Смѣсь, стр. 70—72). Отсюда понятны выраженія полдвора, четверть двора и т. п.,

По состоянію посадскіе люди дѣлились на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ; сюда же, кромѣ того, принадлежали охудалые и жившіе въ избушкахъ. Признавая и точнѣе опредѣляя эти состоянія въ податномъ отношеніи, правительство естественно пришло къ установленію на посадѣ поразряднаго налога. Разряды плательщиковъ, признаваемые въ уѣздѣ, какъ мы видѣли, представляли комбинацію сословныхъ привилегій землевладѣльцевъ съ имущественнымъ положеніемъ плательщиковъ, по скольку послѣднее зависѣло отъ достоинствъ мѣстноі почвы. На посадѣ одинъ и тотъ же классъ плательщиковъ раздѣлялся на разряды, имѣвшіе значеніе въ финансовомъ отношеніи, а дѣленіе на разряды и тамъ, и здѣсь представляло своего рода уступку квотативнымъ требованіямъ вышеуказанныхъ налоговъ

Судя по сошнымъ книгамъ, правительство опредѣляло взаимоотношеніе различныхъ разрядовъ посадскаго населенія слѣдующею пропорціей: 1 : 2 : 4 . 8 · 24, т. е. считало охудалыхъ людей втрое, молодшихъ въ шесть разъ, среднихъ въ 12 и лучшихъ въ 24 раза болѣе зажиточными, чѣмъ бѣдняковъ, жившихъ въ избушкахъ· Полагая, такимъ образомъ, на соху 40 дворовъ лучшихъ людей, на ту же соху приходилось по 80 дворовъ среднихъ, 160 молодшихъ, 320 охудалыхъ и 960 жившихъ въ избушкахъ. Отношенія эти хотя и приводились довольно часто въ сошныхъ книгахъ въ одномъ и томъ же видѣ, на дѣлѣ далеко не всегда соблюдались. Малозначительность и бѣдность налогоспособнаго населенія, чрезвычайные расходы государства и многія другія второстепенныя причины принуждали правительство полагать на соху меньшее или большее количество дворовъ, взимая съ нихъ то же или даже большее количество податей [1]).

Вмѣсто сохъ, посадскіе дворы считались иногда вытями или сошками, что, впрочемъ, кажется, бывало лишь на сѣверѣ. Такъ, въ городѣ Архангельскѣ выть состояла изъ 12 лучшихъ дворовъ, изъ 21 средняго и 30 молодшихъ. Сошками считали, напримѣръ,

---

которыя гораздо чаще встрѣчаются въ XVI в. и началѣ XVII-го, чѣмъ впослѣдствіи, когда сошное письмо стало замѣняться живущею четвертью и зависимость двора отъ земельнаго участка едва ли принималась во вниманіе.

[1]) Имп. Публ. Библ., Книга сошнаго письма. QXVII, № 66, л. 189 об. и сл. Счетъ, подобный указанному въ текстѣ, встрѣчается, напр., въ оброчной книгѣ Вятскаго уѣзда 7137 г. въ Имп. Публ. Библ., FIV, № 257, л. 70 и др Древности Вятскаго края, № 164, стр. 242. См. также приложеніе V.

въ Сольвычегодскѣ, гдѣ въ 1625 году при описаніи города клали въ сошку по 20 лучшихъ, 30 среднихъ и 114 молодшихъ посадскихъ дворовъ. Въ этихъ случаяхъ, какъ видно, не только измѣнена величина податной единицы, но измѣнилось и взаимоотношеніе различныхъ хозяйственныхъ состояній на посадѣ, такъ какъ оно выражается не вышеозначенною пропорціей: 1 : 2 : 4 и т. д,. а новыми рядами: 4 : 7 : 10 и 1 : 1,5: 5,7 [1]).

Такимъ образомъ, сошное письмо въ примѣненіи къ городскому хозяйству въ нѣкоторой степени потеряло прежнее значеніе. Оно, въ сущности, стало своего рода подворною податью, которая падала, однако, и на животы и промыслы посадскихъ людей, а репартиціонный его характеръ смягчился поразрядностью и областными привилегіями [2]).

Хотя къ концу 30-хъ годовъ XVII вѣка сошное письмо стало мало по малу замѣняться подворною податью, однако, оно не вполнѣ утеряло свое значеніе и въ позднѣйшее время. Писцовыя книги продолжали служить основаніемъ правительственнаго оклада наравнѣ съ переписными, но для различнаго рода налоговъ и повинностей. Такимъ образомъ, съ вѣдома самаго правительства существовали два разныхъ (хотя и не противорѣчивыхъ) принципа обложе. ія, причемъ это сосуществованіе иногда объясняется стремленіемъ пра-

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Архангельска 7130 — 132 г., кн. 9, л. 30. Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Сольвычегодска, F IV, № 496, лл. 38—40.

[2]) Съ земель, приписанныхъ къ посаду, выплачивался денежный оброкъ, хотя это бывало не всегда, можетъ быть, потому, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ оброкъ, съ нихъ слѣдуемый, зачислялся въ тягло. Владимірцы платили оброкъ съ четвертной пашни въ Володимірскую четь (Арх. Мин. Юстиціи. Писц. кн. г. Владиміра, 7133—134 г., кн. 71, л. 224; г. Старицы 7132 г., кн. 456, л. 41 об.). Съ сѣнныхъ покосовъ также платился оброкъ соразмѣрно количеству копенъ. См., напр., Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Нижняго-Новгорода, 7129 — 131 г., кн. 295, л. 479 и сл. Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Сольвычегодска, 7128 г., л. 27 об. и сл. Съ выгонной (или выпускной) земли оброкъ иногда выплачивался (П. С. З., т. I, № 22), но въ другихъ случаяхъ при описаніи города и его земель о немъ не упоминается. См., напр., Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Шуи 7131 г., кн. 908, л. 11; г. Каширы 7132 г., кн. 201, л. 342 об.; г. Звенигорода 7132 г., кн. 456, л. 68 об. Въ послѣднемъ случаѣ посадскіе люди пашутъ часть этой земли, но оброка, который могъ бы съ нихъ взиматься, не означено. При описаніи г. Калуги въ Арх. Мин. Юстиціи, Дозорн. кн. 7125 г., кн. 11605, л. 124, прямо сказано: «а владѣютъ тою землею посадскіе люди безоброчно *для того,* что дана имъ та земля на выгонъ. А пашню они пашутъ роспахавъ и съ тое же выгонной земли».

вительства примирить различныя налогоспособности и податные интересы тяглаго населенія, принадлежавшаго разнымъ финансовымъ областямъ. Такъ напр., въ 1652 году царскимъ указомъ велѣно было Чердынцамъ гонять ямскую гоньбу съ Усольцами пополамъ по переписнымъ книгамъ, а Вятскія подможныя деньги, получаемыя отъ Вятчанъ взамѣнъ ямской гоньбы, дѣлить по сошному письму «для ихъ лишнихъ дворовъ и людей». Въ 1656 году велѣно было на Вяткѣ съ бобылей и церковныхъ крестьянъ, которые живутъ на погостахъ, въ деревняхъ и починкахъ и по отъѣзжимъ мельницамъ на малыхъ годовыхъ оброкахъ, платить стрѣлецкія, ямскія и оброчныя деньги по писцовымъ книгамъ, «а новоприбылые тягла въ подмогу даточнымъ людямъ и на иные на всякіе расходы, которые прибыли вновѣ послѣ писцовъ» сбирать воеводѣ по переписнымъ книгамъ. Распоряженіе это вызвано было челобитьемъ тяглецовъ, которые жаловались на то, что оброчники «избываютъ тягла» [1]). Въ другихъ случаяхъ сошное письмо продолжало употребляться въ виду большаго его соотвѣтствія съ характеромъ даннаго налога сравнительно съ тѣмъ, какое могла представить подворная подать. Вотъ почему стрѣлецкій хлѣбъ въ натуральномъ видѣ продолжалъ взиматься съ сошнаго письма съ чети пашни даже въ 70-хъ годахъ XVII вѣка, напр., въ Московскомъ уѣздѣ и Замосковныхъ городахъ; правда, въ Новгородской области сдѣлана была попытка взимать его съ «двороваго числа»; но по челобитью Новгородскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ пятинъ возстановленъ былъ прежній порядокъ взиманія [2]). При переводѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ государства стрѣлецкаго хлѣба на денежный счетъ и превращеніи натуральной повинности въ деньги за стрѣлецкій хлѣбъ, продолжала, однако, оставаться въ употребленіи прежняя податная единица; вотъ почему и самыя деньги за стрѣлецкій хлѣбъ взимались съ живущей чети пашни, напр., въ Поморскихъ и Вятскихъ городахъ до 1679 года [1]). Но важнѣйшіе виды прямыхъ налоговъ, какъ-то: данныя, полоняничныя, ямскія, стрѣлецкія деньги, и деньги ратнымъ людямъ на жалованіе уже взимались въ это время съ новой податной единицы, введенной въ употребленіе съ конца 30-хъ годовъ — съ живущей четверти и двора.

---

[1]) А. И., т. V, № 8. Доп. къ А. И., т. IV, № 23 и 100.

[2]) А. И., т. V, № 38.

Итакъ, сошное письмо въ XVII вѣкѣ уже въ значительной мѣрѣ стало терять то значеніе, какимъ оно пользовалось въ предшествующее время. Но его послѣдствія еще долго ощущались. Сошное письмо точнѣе опредѣлило и отчасти измѣнило характеръ развитія народнаго хозяйства. Первоначально каждое поселеніе представляло сумму хозяйствъ, не находившихся въ опредѣленномъ взаимоотношеніи другъ къ другу въ виду весьма значительнаго количества земли, которое доставляло каждому возможность преслѣдовать свои хозяйственные интересы, не сталкиваясь постоянно съ интересами ближайшихъ сосѣдей. Такія столкновенія, однако, должны были возникнуть рано или поздно. Они возникли раньше, чѣмъ можно было бы ожидать подъ вліяніемъ сошнаго письма и, вообще, крѣпнувшей податной системы. Часть оклада, падавшая по мѣстному разводу на обработанную пашню даннаго населенія, должна была повліять на болѣе точное опредѣленіе границъ владѣемой имъ земли, а это въ свою очередь сократило размѣры прежней свободы пріобрѣтенія, обращенія и, главнымъ образомъ, отчужденія земельныхъ участковъ ихъ владѣльцемъ; съ каждымъ изъ этихъ дѣйствій его интересы стали связываться съ интересами остальныхъ хозяевъ въ виду вліянія, какое такіе акты могли имѣть на повышеніе или пониженіе оклада, падавшаго на всѣ ихъ хозяйства сообща въ силу общей ихъ податной зависимости. Но ближайшее опредѣленіе границъ поземельныхъ владѣній каждаго поселенія необходимо должно было съ теченіемъ времени обнаружить неравномѣрность составлявшихъ его хозяйствъ,—неравномѣрность, которая при одномъ, общемъ падавшемъ на нихъ окладѣ естественно разрѣшалась пропорціональностью его распредѣленія. Послѣднее въ свою очередь могло сперва повліять на образованіе нѣсколькихъ классовъ, неравныхъ въ податномъ отношеніи, затѣмъ вызвать стремленіе къ количественному и качественному уравненію разномѣстныхъ пашенныхъ участковъ и покосовъ, какъ главнаго основанія хозяйства, а это возможно было достигнуть лишь путемъ передѣловъ и чрезполосицы. Къ тому же результату приводило постепенное (хотя и не черезмѣрное) размноженіе осѣдавшаго и прикрѣпленнаго населенія. Это размноженіе повело къ уменьшенію числа свободныхъ участковъ, слѣдовательно, къ столкновеніямъ интересовъ ихъ владѣльцевъ,—столкновеніямъ, которыя усилили вышеуказанный процессъ образованія передѣляемыхъ и чрезполосныхъ участковъ.

Замѣна сошнаго письма подворною податью произошла, глав-

нымъ образомъ, подъ вліяніемъ двоякаго рода причинъ,—внутреннихъ и внѣшнихъ.

Исключительный характеръ сошнаго письма не допускалъ возможности вполнѣ удовлетворительнаго его примѣненія къ промышленному и торговому населенію. Сошное письмо выросло на земледѣльческой почвѣ. Правильное его примѣненіе обусловлено было исключительною зависимостью экономическаго благосостоянія тяглеца отъ размѣровъ обрабатываемой имъ пашни. Вотъ почему, когда опредѣляющимъ началомъ такого благосостоянія въ нѣкоторыхъ классахъ населенія сталъ не только земельный участокъ, но и размѣры его промышленной дѣятельности или торговыхъ оборотовъ, сошное письмо оказалось недостаточнымъ. Въ примѣненіи къ посаду оно, въ сущности, превратилось въ своего рода подворную подать и въ этомъ видѣ стало даже распространяться въ уѣздѣ, напр., въ черныхъ волостяхъ [1]). Кромѣ измѣненій въ характерѣ тяглыхъ хозяйствъ, замѣнѣ сошнаго письма подворною податью могло способствовать неудобство примѣненія перваго ко все болѣе и болѣе расширявшейся территоріи государства и къ возраставшему количеству обработанныхъ пашень, требовавшихъ измѣренія [2]).

Вышеуказанныя причины едва ли могли бы привести ко введенію подворной подати въ концѣ 20-хъ годовъ XVII вѣка, еслибы тому же не способствовало разореніе многихъ уѣздовъ отъ Поляковъ, Литвы и Крымскихъ людей, значительное пониженіе хозяйственнаго благосостоянія населенія, какъ результатъ смутнаго времени. Это пониженіе выразилось въ упадкѣ земледѣлія, главной основы народнаго хозяйства за это время, что особенно замѣтно въ южныхъ уѣздахъ. Здѣсь послѣ Польскаго разоренія оказалось большое число бобылей, т. е. (въ большинствѣ случаевъ) непашенныхъ или запустившихъ свою пашню крестьянъ; надѣлы пашенныхъ крестьянъ были незначительны, многія помѣстья и вотчины запустѣли; деревни и села пожжены и разорены, а уцѣлѣвшіе землевладѣльцы имѣли очень небольшое количество паханной пашни [3]). Все это сразу понизило сумму податныхъ сборовъ въ нѣсколько разъ, тогда какъ правительству именно въ это время

---

[1]) А. И., т. V, № 48

[2]) Въ 1629 году велѣно было въ Чердынскомъ уѣздѣ положить по 392 крестьянскихъ двора въ соху, «а не противъ четвертныя пашни». А. Э., т. IV, № 6.

[3]) *В. Незабитовскій*, Собр соч., стр. 3. См. приложеніе VI.

*

крайне нужны были деньги. Въ первое десятилѣтіе правленія царя Михаила эта потребность кое-какъ удовлетворялась чрезвычайными сборами и другими ненормальными мѣрами, ибо правительство было слишкомъ обременено ежедневными заботами о войнѣ съ Польшей и Швеціей, объ усмиреніи разбойничьихъ шаекъ, а страна напоминала скорѣе военный станъ, чѣмъ благоустроенное государство. Но заключенъ былъ миръ съ Швеціей, благополучно окончились переговоры съ Польшей и государство стало возвращаться къ болѣе спокойной жизни, не могло довольствоваться ненормальною пищей, которая кое-какъ удовлетворяла его въ смутное время. Тогда-то не только въ сознаніи правительства стали ощутительны вышеуказанныя слѣдствія разоренія, но явилась возможность приступить къ посильному ихъ исправленію. Главною задачей такого исправленія было, конечно, повышеніе количества казенныхъ сборовъ, не слишкомъ угнетая ими разоренное населеніе и этимъ самымъ предоставляя ему возможность оправиться отъ печальныхъ слѣдствій смутнаго времени. Между тѣмъ поземельный налогъ не удовлетворялъ ни одному изъ этихъ условій. Малое количество обработанной пашни доводило взимаемыя съ нея подати до незначительныхъ размѣровъ, повысить налогъ на эту пашню — значило окончательно убить земледѣліе и разорить населеніе; оставить его въ прежнемъ видѣ тоже было невозможнымъ, потому что онъ не позволялъ захудалымъ крестьянамъ вновь приняться за пашню, съ которой имъ на первыхъ порахъ его уплатить было бы нечѣмъ въ виду сдѣланныхъ ими затратъ на обзаведеніе новымъ хозяйствомъ. Очевидно, что правительству нужно было позаботиться объ измѣненіи такого порядка. Въ финансовой практикѣ Московскаго правительства уже раньше встрѣчались случаи взиманія подворной подати; такой характеръ имѣли дворовый оброкъ и сошное письмо на посадѣ. Естественно, что при такихъ условіяхъ у правительства явилась мысль примѣнить то же начало къ значительной части территоріи, тѣмъ болѣе, что начало это именно удовлетворяло тѣмъ требованіямъ, какимъ противорѣчило сошное письмо. Выгоды подворной подати для этого времени были очевидны: она сразу могла повысить размѣры государственныхъ доходовъ; должна была доставить возможность захудалымъ, безпашеннымъ крестьянамъ вновь приняться за пашню, съ которой уже не приходилось платить большинства податей, и, слѣдовательно, тѣмъ самымъ увеличивала число налогоспособныхъ плательщиковъ; наконецъ, она могла способствовать повышенію общаго уровня народнаго хозяйства, ибо облегчала па-

шеннымъ крестьянамъ и землевладѣльцамъ увеличеніе размѣровъ производимыхъ ими запашекъ. Выгоды введенія подворной подати сознавалъ и классъ среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ. Такъ, въ 1642 году онъ обращался къ государю съ просьбами объ уплатѣ нѣкоторыхъ податей «поворотно, сколько за кѣмъ крестьянскихъ дворовъ, а не по писцовымъ книгамъ» [1]). Если такія челобитья подавались и ранѣе, то они несомнѣнно должны были повлять на реформу, въ силу которой съ конца 20-хъ годовъ сошное письмо стало замѣняться «дворовымъ числомъ».

Замѣна эта произошла, однако, не сразу. Слишкомъ рѣзкій переходъ отъ сохи къ двору, какъ податной единицѣ, смягчился тѣмъ, что облагаться стало не каждое отдѣльное хозяйство, а небольшая сумма такихъ хозяйствъ. Дворъ считался дробнымъ, хотя и опредѣленнымъ дѣленіемъ болѣе значительной финансовой единицы, называемой живущею четвертью и состоявшей изъ опредѣленнаго количества крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Это количество опредѣлялось размѣрами крестьянскаго и бобыльскаго хозяйства и ихъ взаимоотношеніемъ. Можно думать, что къ болѣе или менѣе постоянному опредѣленію того и другаго, хотя бы въ предѣлахъ одной какой-либо области, правительство пришло не сразу [2]).

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ оффиціальныхъ опредѣленій нормальныхъ размѣровъ крестьянскаго хозяйства, двора, а потому приходится довольствоваться частными случаями, неоффиціальными указаніями и фактическими данными для того, чтобы хотя бы приблизительно представить себѣ нормальный уровень такого хозяйства.

Въ первой половинѣ XVII вѣка на крестьянскій дворъ приходилось, среднимъ числомъ, около двухъ работниковъ; по переписнымъ книгамъ 70-хъ годовъ въ немъ числилось до 5 человѣкъ населенія мужескаго пола. Средняя населенность бобыльскаго двора была, конечно, менѣе значительной, что особенно ясно сказывается въ переписныхъ книгахъ тѣхъ же годовъ; судя по этимъ книгамъ, на бобыльскій дворъ среднимъ числомъ приходилось около 3 человѣкъ [3]).

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. III, № 113 (стр. 387 и 397).

[2]) Живущая четь въ Курмышскомъ уѣздѣ въ 1631 году состояла «противъ Резанскихъ городовъ съ убавкою» изъ 5 крестьянскихъ и 3 бобыльскихъ дворовъ, тогда какъ до этого времени равна была 2 крестянскимъ и 2 бобыльскимъ дворамъ. А. Ю., № 164.

[3]) См. приложеніе III.

Бѣдная обстановка крестьянскаго быта ясно сказывается въ незатѣйливомъ инвентарѣ крестьянскаго хозяйства. Нѣсколько «шубныхъ» и сермяжныхъ кафтановъ для мужчинъ, сукмановъ и сарафановъ для женщинъ, незначительное количество деревянной посуды, какъ-то: блюдъ, ложекъ, кадокъ, чановъ и ведеръ, соха, телѣга и сани, около 10 четвертей молоченаго хлѣба, преимущественно ржи и овса, 2—3 лошади, 1 — 2 коровы, 2 — 4 овцы и столько же свиней, нѣсколько куръ — таковы важнѣйшія статьи крестьянскаго движимаго имущества [1]). Къ этому же разряду имущества причислялось, какъ извѣстно, «хоромное строеніе». Самое слово «дворъ» употреблялось иногда для означенія совокупности строеній, расположенныхъ на одномъ и томъ же мѣстѣ и принадлежавшихъ одному и тому же владѣльцу. Такихъ строеній бывало, обыкновенно, не менѣе четырехъ; изба съ сѣнями, клѣть, хлѣвъ и сѣнникъ, нерѣдко расположенный надъ хлѣвомъ, встрѣчаются всего чаще. Рѣже попадаются омшанники, гумна,

[1]) Немногочисленныя свѣдѣнія о крестьянской одеждѣ и утвари находимъ въ переписныхъ книгахъ крестьянскимъ дворамъ Алексѣя Клеопина 7180 г. (Арх. Мин. Юстиціи, Разряд. вяз. 4, № 41). Здѣсь при описаніи четырехъ крестьянскихъ хозяйствъ означено у каждаго мужчины по кафтану шубному, овчинному и сѣрому, сермяжному и по балахону; у каждой изъ женщинъ («женокъ и дѣвокъ») по сукману суконному, сермяжному или овечьему и по 2 сарафана крашенинныхъ. На первую (большую) семью въ 12 человѣкъ (считая женщинъ) приходится 4 блюда, 15 ложекъ, 4 чана, 2 ведра; на вторую въ 10 человѣкъ—3 блюда, 10 ложекъ, 4 чана, 2 ведра; на третью въ 9 человѣкъ—3 блюда, 20 ложекъ, 2 чана, 2 ведра; на четвертую въ 8 человѣкъ—2 блюда, 10 ложекъ, 2 кадки, 2 ведра. Тридцати переселенцамъ изъ Соли въ Сибирь въ концѣ XVI вѣка велѣно было имѣть каждому: по сохѣ, телѣгѣ, санямъ, хлѣба на годъ и по 3 мерина добрыхъ, по 3 коровы, 5 овецъ, по 3 свиньи, 2 козы, по 5 куръ, 2 гусей и 2 утятъ. (А. Э., т. I, № 349). По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ описью 1698 года (Бѣлёвская Вивл., изд. Н. Елагинымъ, т. II, Прил., стр. 13—24), на 100 дворовъ должно было приходиться среднимъ числомъ по 229 лошадей, 159 коровъ, 439 овецъ, 287 свиней, 121 подтелку, 65 жеребятъ и незначительному количеству козъ. По переписи А. Клеопина и еще другой вѣдомости (переписнымъ книгамъ переведенцевъ Вологодскаго уѣзда 1705 года въ Арх. Мин. Юстиціи, Разряд. вяз. 36, № 16) на 100 дворовъ насчитывалось до 237 лошадей, 525 коровъ, 262 овцы, 475 свиней и нѣсколько козъ. Книги эти отчасти провѣряются данными, которыя мы находимъ въ «книгахъ Орловскихъ стрѣльцовъ, сведенцевъ на ново, въ государевъ городъ Карпова» 7156-го года. Здѣсь исчисленъ скотъ, принадлежавшій 48 стрѣлецкимъ и 9 пушкарскимъ семьямъ. По этимъ даннымъ на 100 дворовъ приходилось бы по 242 лошади, 116 коровъ, 430 свиней, 83 овцы, 18 жеребятъ, 14 телятъ, 11 козъ. (Арх. Мин. Юстиціи, Десят., № 258, лл. 54—78).

риги, сараи, конюшни, пристѣнки, прирубы, подклѣти, мякиницы, бани и мыльни [1]). Но главною основой крестьянскаго хозяйства служилъ, конечно, не дворъ, а пашенный участокъ. Размѣры крестьянскаго надѣла или, скорѣе, того участка обработанной пашни, которою владѣло каждое крестьянское хозяйство и которое принималось во вниманіе при обложеніи, колебались подъ вліяніемъ качества и разряда земель, а также мѣстныхъ обычаевъ и благосостоянія мѣстныхъ землевладѣльческихъ хозяйствъ. Въ 20-хъ годахъ XVII в., т. е. вскорѣ послѣ разоренія, въ такомъ участкѣ можно насчитать (вмѣстѣ съ паѣзжею землею) отъ 1 до 5, 6 четвертей; онъ равенъ былъ, слѣдовательно, среднимъ числомъ, 3 — $3^1/_2$ четвертямъ въ одномъ полѣ. Что же касается до сѣнныхъ покосовъ, то размѣры ихъ колебались еще болѣе, чѣмъ величина пашенныхъ участковъ; у одного дворовладѣльца бывало отъ 10 до 50 и больше копенъ сѣна [2]).

[1]) Земля, на которой стоялъ дворъ, называлась мѣстомъ дворовымъ, иногда дворищемъ, какъ напр., въ описи Кирилловскихъ вотчинъ 1615 года. Спб. Духов. Акад., Кир. библ., № 76/1315, лл. 160 об., 161 и 191 и мн. др. Въ порядныхъ записяхъ, напечатанныхъ въ А. Ю., №№ 176—207, встрѣчаются упоминанія объ избѣ 9 разъ, о клѣти—8, хлѣвѣ—7, сѣнникѣ—5, сараѣ—3, пристѣнкахъ—2, остальныхъ же строеніяхъ по 1 разу. Въ 12 порядныхъ Псковскаго уѣзда (Арх. Мин. Юстиціи, Вотчинной конторы по г. Пскову № 84/1626: Книга порядныхъ во крестьянство 7144—7152 гг.) на 12 крестьянскихъ хозяйствъ упомянуто: 12 избъ, 11 рей, 10 клѣтей, 9 сѣней, 8 бань, 5 омшаниковъ, 4 хлѣва, 4 мыльни. Въ переписныхъ книгахъ крестьянскихъ дворовъ Псковскаго уѣзда Алексѣя Клеопина 7180 года (Арх. Мин. Юстиціи, Разряд. вязка № 4, дѣло № 41) подробно описано четыре крестьянскихъ хозяйства. На нихъ приходится 4 избы, 4 клѣти, 7 хлѣвовъ 3 омшаника, 3 гумна, 2 риги, 2 конюшни, 1 баня. Судя по этимъ незначительнымъ, извѣстіямъ можно сказать, что на 100 дворовъ, можетъ быть, приходилось около 100 избъ, 88 клѣтей, 72 хлѣвовъ, 40 бань, 36 омшаниковъ, 22 реи, 16 гуменъ, 8 ригъ, 8 конюшень. Данныя эти, конечно, нельзя считать вполнѣ достовѣрными.

[2]) О величинѣ пашенныхъ участковъ, обрабатываемыхъ крестьянами, мы узнаемъ изъ писцовыхъ книгъ конца 20-хъ годовъ, большинство которыхъ хранится въ Арх. Мин. Юстиціи, отчасти въ спискахъ и въ Импер. Публ. Библіотекѣ. Количество крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, а также размѣры приписанной къ нимъ пашни (пашенной, паѣзжей и примѣрной) во всемъ уѣздѣ мы находили путемъ сложенія тѣхъ итоговъ, которые встрѣчаются подъ станами. Хотя и эти итоги едва ли вполнѣ достовѣрны, но все же, принимая ихъ во вниманіе и самостоятельно подводя валовые итоги всему уѣзду, можно избѣгнуть довольно грубыхъ ошибокъ. Къ сожалѣнію, далеко не во всѣхъ писцовыхъ книгахъ крестьянская и бобыльская пашня означены отдѣльно отъ помѣщиковой и вотчинниковой. Но даже и въ такомъ случаѣ размѣры крестьянской и бобыльской пашни всегда озна-

Изъ десяти крестьянскихъ хозяйствъ, приближавшихся къ вышеуказанному нормальному уровню, и складывалась такъ называемая живущая четверть. Но, кромѣ нормальныхъ размѣровъ крестьянскаго хозяйства, опредѣляющимъ началомъ того количества дворовъ, изъ котораго, обыкновенно, слагалась четверть, являлось и взаимоотношеніе крестьянскаго двора къ бобыльскому.

чаются вмѣстѣ, а не отдѣльно въ итогахъ по станамъ. При опредѣленіи участка пашни, приписаннаго къ крестьянскому двору, необходимо имѣть въ виду, что крестьянскій дворъ считался, обыкновенно, правительствомъ за 2 бобыльскихъ. Если дано, напримѣръ, 50 дворовъ крестьянскихъ и 100 бобыльскихъ, то, въ общей сложности, можно ихъ принимать за 100 дворовъ крестьянскихъ, дѣлить приписанную къ этимъ крестьянскимъ и бобыльскимъ дворамъ пашню на послѣднее число (т. е. на 100) и такимъ образомъ узнать приблизительные размѣры участковъ, обрабатываемыхъ каждымъ крестьянскимъ дворомъ. Въ томъ случаѣ, когда земля въ уѣздѣ не одного и того же качества (какъ, напр., въ Бѣлевскомъ уѣздѣ) весьма трудно вычислять размѣры крестьянскаго надѣла сообразно съ разнокачественностью земли, такъ какъ въ валовомъ итогѣ, да и въ итогахъ по станамъ крестьянскіе дворы означены всѣ вмѣстѣ, не различая дворовъ, къ которымъ приписана была добрая, средняя или худая земля. Поэтому, если вычислять въ отдѣльности размѣры надѣла доброй, средней и худой земли, то пришлось бы пересчитать всѣ дворы, внесенные въ писцовую книгу, и приписанные къ нимъ пашенные участки. Для нашихъ цѣлей, однако, достаточно взять максимумъ земель одного и того же качества, добрыхъ, среднихъ, или худыхъ смотря по тому, какія изъ нихъ преобладаютъ въ уѣздѣ, и къ этому количеству приравнять земли другихъ качествъ, соблюдая при такомъ приравненіи тѣ отношенія, какія установлены были между разнокачественными и разноразрядными сохами. Въ случаѣ, если такимъ максимумомъ окажутся добрыя земли, вся эта операція сведется къ одабриванію остальныхъ земель. Когда, такимъ образомъ, земли разныхъ качествъ будутъ приравнены къ землѣ одного качества, которой больше всего въ уѣздѣ, можно будетъ сложить эти количества и полученную сумму раздѣлить на число крестьянскихъ дворовъ (вмѣстѣ съ бобыльскими), чѣмъ и опредѣлятся средніе размѣры пашеннаго участка, воздѣлываемаго каждымъ крестьянскимъ дворомъ Приводимъ нѣсколько примѣровъ, составленныхъ на основаніи вышеуказанныхъ правилъ. Въ слѣдующихъ уѣздахъ приходится въ концѣ 20-хъ годовъ пашенной, наѣзжей и примѣрной земли въ четвертяхъ въ одномъ полѣ на крестьянскій дворъ:

	Помѣстья и вотчины служилыхъ людей:	Вотчины духовенства:
Олонецкомъ (Оштинской половинѣ) . .	—	1,32 (доб.)
Бѣлозерскомъ и Вологодскомъ (въ вотчинахъ Кирилло-Бѣлозерскаго мон.)	—	4,53 (сред.)
Бѣлозерскомъ (одномъ станѣ)	2,80 (сред.)	—
Углицкомъ	3,16 (сред.)	2,17 (сред.)
Тверскомъ	6,57 (сред.)	6,28 (сред.)

Въ писцовыхъ книгахъ конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ XVII вѣка это взаимоотношеніе представляетъ уже значительное единообразіе. Судя по этимъ даннымъ, правительство считало бобыля вдвое менѣе состоятельнымъ, чѣмъ крестьянина [1]). Между тѣмъ, въ живущую четверть въ помѣстьяхъ и вотчинахъ оно «клало» обыкновенно по 10 крестьянскихъ дворовъ. Естественно, что на ту же единицу должно было считать по 20 бобыльскихъ дворовъ, а въ случаѣ совокупнаго счета крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ одною и тою же живущею четвертью—соблюдать между тѣми и другими опредѣленное отношеніе, полагая, напр., въ одну четверть по 8 крестьянскихъ и 4 бобыльскихъ дворовъ, по 6 крестьянскихъ и 8 бобыльскихъ и т п. Менѣе распространенной была живущая четверть величиною въ 16 крестьянскихъ или 32 бобыльскихъ двора. Въ нее зачислялось, слѣдовательно, при совмѣстномъ счетѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ по 12 крестьянскихъ и 8 бобыльскихъ, 10 крестьянскихъ и 12 бобыльскихъ дворовъ и т. п [2]). Кромѣ крестьянъ и бобылей, наравнѣ съ послѣдними въ платежныя чети зачислялись «торговые, мастеровые люди и бѣлопашцы», жившіе за помѣщиками и вотчинниками. Но живущая четверть вышеуказанныхъ (нормальныхъ) размѣровъ употреблялась лишь въ помѣстьяхъ и мірскихъ вотчинахъ и мѣнялась примѣнительно къ населенію монастырскихъ земель. Послѣднія были менѣе привилегированы, чѣмъ помѣстья; поэтому въ этихъ земляхъ живущая четь должна была вмѣщать меньшее количество крестьянскихъ и бо-

---

Шуйскомъ	6,39 (сред.)	3,97 (сред.)
Бѣлевскомъ	5,22 (доб.)	5,02 (доб.)
Воротынскомъ	6,38 (доб.)	—
Елецкомъ	1,29 (доб.)	—

Неравномѣрность этихъ данныхъ отчасти разъясняется тѣмъ, что не всѣ уѣзды въ одинаковой мѣрѣ пострадали отъ разоренія. Въ дворцовыхъ волостяхъ Старорусскаго уѣзда въ то же время приходится среднимъ числомъ по 4,36 четв. пашенной средней земли на крестьянскій дворъ, въ селѣ Кимрѣ, бывшей дворцовой волости Кашинскаго уѣзда, 1,86 четв. худ. зем., въ дворцовомъ селѣ Пурокахъ (по Окѣ)—7,98 (доб. и сред).

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Калужскаго уѣзда 7135—7139 гг., кн. 209 л. 26 об. «А гдѣ крестьянскихъ дворовъ недостанетъ и тѣ указалъ (Государь) положить за одинъ дворъ крестьянской по два двора бобыльскихъ». — Это подтверждается множествомъ другихъ писцовыхъ книгъ.

[2]) См. приложеніе VII.

бильскихъ дворовъ. Тогда какъ помѣстная четверть содержала 20 или 32 бобыльскихъ двора, монастырская состояла всего изъ 15 или 24 такихъ же дворовъ, т. е была въ $1^1/_3$ раза менѣе, чѣмъ помѣстная,— отношеніе, какъ видно, почти равное тому, какое установлено было раньше между разноразрядными сохами доброй помѣстной и монастырской земли (1,6) [1]. Но отношеніе между крестьянскимъ и бобыльскимъ хозяйствомъ оставлено то же Поэтому на монастырскую живущую четверть приходилось не 8 и 4, а 6 или 9 крестьянскихъ и 3 или 6 бобыльскихъ двора, или 5 крестьянскихъ и 5 бобыльскихъ и т. п. [2].

Счетъ живущими четвертями величиною въ 10 крестьянскихъ или соотвѣтствующее количество бобыльскихъ дворовъ почти въ повсемѣстномъ употребленіи въ уѣздахъ, матеріальное благосостояніе которыхъ не слишкомъ пострадало отъ смутнаго времени [3]. Но эта нормальная величина живущей четверти далеко не всегда

---

[1]) Весьма смутное опредѣленіе живущей четверти даетъ *В. Кури* (О прямыхъ налогахъ въ Юрид. Сбор. Д. Мейера, стр. 117), но о дворовой подати онъ не говоритъ. «Подъ четверикомъ или (??) четвертью разумѣется извѣстное число дворовъ... Эта мѣра, однакожь, рѣдко (!) встрѣчается...» Этимъ до сихъ поръ ограничивались свѣдѣнія, сообщаемыя нашею ученою литературой о значеніи «живущей четверти». Въ трудахъ гр. Толстаго, гг. Незабитовскаго и Осокина (не говоря о второстепенныхъ) нѣтъ указаній по этому вопросу.

[2]) Въ писцовыхъ книгахъ Заонежскихъ погостовъ 7136—137 гг. (въ Олонец. губ. вѣд. 1849 г., №№ 1—7, см. № 3), читаемъ: «И 140 году по государеву цареву и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Руссіи и отца его государева блаженныя памяти великаго Государя Филарета Никитича святѣйшаго патріарха Московскаго и всея Руссіи указу памяти за приписью дьяка Дементья Образцова велѣно митрополичьи и монастырскія вотчины въ живущую и выти сошное письмо класть по крестьяномъ, на четь пашни по 6 человѣкъ крестьянъ да по 3 бобыля и ввыть добрые земли»... Текстъ, очевидно, отчасти искаженъ; но существенное его содержаніе подтверждается нижеуказанными писцовыми книгами. Срав. приложеніе VIII.

[3]) Таковы, напр., уѣзды: Владимірскій, Коломенскій, Суздальскій, Шуйскій, Муромскій, Костромской, Ярославскій, Кашинскій, Рязанскій, Нижегородскій, Арзамасскій, Тульскій, Бѣлевскій, Елецкій. См. писцовыя книги этихъ уѣздовъ конца 20-хъ и начала 30-хъ годовъ въ Арх. Мин. Юстиціи, кн. 209, 210 и 11329; въ Имп. Публ. Библ., EIV, №№ 394, 397, 406, 506—508, 527—529. Бѣлевскую Вивліоѳику, 2 т., изд. Елагинымъ, М., 1858 г.—Въ нѣкоторыхъ писцовыхъ книгахъ 1660-хъ годовъ встрѣчаемъ тотъ же счетъ живущими четвертями, напр., въ писц. книгѣ Веневскаго уѣзда 1663—1667 гг. въ Имп. Публ. Библ., FIV, № 430, гдѣ четверть равна 10 крест. или 20 боб. дворамъ. О причинахъ, по которымъ въ переписныхъ книгахъ 154 и 186 годовъ этотъ счетъ отсутствуетъ см. выше стр. 201. Къ черными волостямъ и дворцовымъ селамъ счетъ живущими четвертями, повидимому, не примѣнялся. Ср. прилож. VIII.

оставалась неизмѣнной. На ея видоизмѣненія вліяли, главнымъ образомъ, двѣ группы причинъ: хозяйственное положеніе тяглаго двора въ данной мѣстности и техническіе пріемы четвертнаго счета.

Нормальная финансовая величина крестьянскаго или бобыльскаго двора понижалась до $^1/_{16}$, $^1/_{32}$ и даже $^1/_{64}$ четверти, въ тѣхъ случаяхъ, когда тяглое хозяйство не успѣло еще оправиться отъ разоренія и вообще находилось въ неудовлетворительномъ состояніи. Такое пониженіе финансовой величины крестьянскаго и бобыльскаго двора можно наблюдать иногда на протяженіи нѣсколькихъ становъ, цѣлаго уѣзда или даже области, претерпѣвшихъ какой-либо общій хозяйственный кризисъ. Такъ напр., въ нѣсколькихъ станахъ Тверскаго уѣзда (Захожскомъ, Воловицкомъ, Суземскомъ, Микулинскомъ, Шосскомъ, Кушалинскомъ и въ волостяхъ Шесткѣ, Ковѣ, Чегловѣ) всюду, за весьма немногими исключеніями, крестьянскій дворъ равенъ $^1/_{16}$, бобыльскій $^1/_{32}$ четверти въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, $^1/_{12}$ и $^1/_{24}$ четверти въ монастырскихъ земляхъ и вотчинахъ Тверскаго архіепископа. Такое же пониженіе можно наблюдать въ Зубцовскомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ, т. е. мѣстностяхъ, сильно пострадавшихъ отъ разоренія по писцовымъ книгамъ конца 1620-хъ годовъ [1]).

Но упадокъ матеріальнаго благосостоянія далеко не во всѣхъ потерпѣвшихъ областяхъ происходилъ болѣе или менѣе равномѣрно. Не только въ одномъ и томъ же уѣздѣ, но и въ одномъ и томъ же поселеніи хозяйственное положеніе каждаго двора слишкомъ было различно для того, чтобы возможно было бы подводить ихъ подъ одну и ту же финансовую величину. Вотъ почему въ пограничныхъ уѣздахъ, гдѣ уровень матеріальнаго благосостоянія постоянно нарушался массой постороннихъ случайностей, колебанія размѣровъ живущей четверти весьма значительны и иногда не допускаютъ возможности привести ихъ къ какой-либо общей нормѣ. Такъ напр., въ Серпѣйскомъ уѣздѣ, гдѣ довольно часто встрѣчается (въ 1636—37 гг.) по 16 дворовъ крестьянскихъ или 32 двора бобыльскихъ на живущую четверть, рядомъ находятся случаи, гдѣ въ той же четверти насчитывается по 10, 12, 13, 20 крестьянскихъ и соотвѣтствующему количеству бобыльскихъ дворовъ. Въ Воротынскомъ уѣздѣ (въ 1626—27 гг.) финансовая величина двора

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писцов. кн. Тверскаго уѣзда 7135 — 7137 гг., кн. 871—875. Бѣлозерскаго уѣзда 7134—7135 гг., кн. 592. Зубцовскаго уѣзда 7136—137 г., кн. 639. (Списокъ XVIII в. Оригиналъ кн. 150 очень ветхъ; чернила выцвѣли и нѣкоторыхъ листовъ недостаетъ).

подвергается еще большимъ колебаніямъ. Крестьянскій дворъ здѣсь равенъ отъ $^1/_{16}$ до $^1/_{64}$, бобыльскій отъ $^1/_{32}$ до $^1/_{128}$ живущей четверти. Наконецъ, рядомъ съ такими сильными колебаніями въ тѣхъ же уѣздахъ за это время встрѣчаются случаи, едва ли поддающіеся классификаціи [1]).

Но не одно благосостояніе тяглыхъ хозяйствъ вліяло на колебанія живущей четверти. На то же явленіе воздѣйствовали, вѣроятно, и техническіе пріемы четвертнаго счета.

Пріемы эти частью вызывали колебанія живущей четверти внѣ зависимости отъ благосостоянія хозяйствъ, ее составлявшихъ, частью сложились подъ вліяніемъ послѣдняго. Судя по массѣ данныхъ, встрѣчающихся въ писцовыхъ книгахъ конца 1620-хъ годовъ, но, къ сожалѣнію, насколько намъ извѣстно, не объединяемыхъ общими теоретическими выводами, можно придти къ заключенію, что для положенія тяглыхъ дворовъ въ платежныя чети существовалъ троякаго рода счетъ, который мы назовемъ (за неимѣніемъ спеціальныхъ терминовъ) десятиннымъ, осминнымъ и третнымъ.

Десятинный счетъ употреблялся въ тѣхъ случаяхъ, когда живущая четверть теоретически приравнивалась 10 крестьянскимъ или 20 бобыльскимъ дворамъ. Разумѣется, практически нерѣдко крестьянскіе дворы совмѣщались съ бобыльскими въ предѣлахъ

---

[1]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Серпѣйскаго уѣзда 7144—145 гг., FIV, № 462. Писц. кн. Воротынскаго уѣзда 7134—135 гг., Древлехран. М. Погодина, № 1530. Въ Воротынскомъ уѣздѣ изъ 64 жилыхъ поселеній встрѣчаемъ 23 случая, гдѣ живущая четверть равна 16 крест. или 32 боб. дворамъ: 15—съ живущею четвертью величиною въ 32 кр. или 64 боб.; въ 6-ти случаяхъ та же четверть равна 20 кр. или 40 боб.; въ 8 случаяхъ—24 кр. или 4 боб.; въ одномъ случаѣ 48 кр. или 96 боб. и въ другомъ — 64 кр. или 128 бобыльскимъ дворамъ; наконецъ, 10 примѣровъ не поддаются точной классификаціи. Изъ послѣдняго рода примѣровъ приводимъ нѣсколько по Серпѣйскому и Воротынскому уѣздамъ. Въ первомъ столбцѣ помѣщено число крестьянскихъ, во второмъ число бобыльскихъ дворовъ, въ третьемъ размѣры живущей четверти въ 64-хъ доляхъ, образовавшейся изъ данной совокупности тѣхъ и другихъ дворовъ:

Серпѣйскій уѣздъ.			Воротынскій уѣздъ.		
2	0	6	1	1	10
2	2	15	2	1	6
2	3	16	2	3	12
3	2	12	2	3	8
3	3	21	3	3	10
4	8	36	4	0	24
12	13	98	7	7	40

одного и того же владѣнія; въ такомъ случаѣ живущая четверть могла сложиться по тому же принципу при нормальномъ отношеніи крестьянскаго двора къ бобыльскому, какъ одного къ двумъ. Десятинный счетъ чуть ли не всегда употреблялся тамъ, гдѣ встрѣчалось такое количество крестьянскихъ или бобыльскихъ дворовъ, (порознь или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ), которое въ общей сложности давало цѣлыя четверти безъ всякихъ дробей. Въ послѣднемъ случаѣ, т. е. при полученіи дробныхъ частей, десятинный счетъ примѣнялся лишь тогда, когда данное количество крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ при переводѣ крестьянскихъ дворовъ на бобыльскіе (т. е. ихъ удвоеніи), сложеніи съ даннымъ числомъ бобыльскихъ дворовъ и обращеніи полученнаго числа въ живущія чети (дѣленіемъ на 20), превращалось въ такую правильную или неправильную дробь, знаменатель которой равенъ былъ 20, а числитель—числу съ признаками дѣлимости на пять. Иными словами говоря, десятинный счетъ употреблялся лишь въ такихъ случаяхъ, когда помимо цѣлыхъ живущихъ четвертей, дробныя части могли получиться въ видѣ одной четверти ($^1/_4$), половины или трехъ четвертей ($^3/_4$) [1]).

Но десятинный счетъ употреблялся не всюду. Не говоря о томъ, что въ нѣкоторыхъ областяхъ сплошь и рядомъ полагали въ живущую четверть болѣе или чаще менѣе крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, въ предѣлахъ того уѣзда, гдѣ десятинный счетъ былъ вполнѣ нормальнымъ, рядомъ съ нимъ употреблялся осминный, при которомъ дробныя части живущей четверти были тождественны съ наиболѣе употребительными дѣленіями хлѣбной четверти на осмины, полуосмины, четверики, получетверики и такъ далѣе. Замѣна десятиннаго счета осминнымъ станетъ вполнѣ понятною, если мы вспомнимъ, что, помимо вышеуказанныхъ случаевъ употребленія десятиннаго счета, послѣдній привелъ бы къ необходимости пользоваться при дробленіи живущей четверти крупными знаменателями или десятичными дробями, а между тѣмъ ни къ тому, ни къ другому не привыкли русскіе люди XVII вѣка. Этотъ счетъ встрѣчается въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянскихъ или бобыльскихъ дворовъ, или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ не стаетъ для того, чтобы образовать цѣлую четверть При такомъ условіи крестьянскій дворъ считался равнымъ—$^1/_8$ живущей четверти, а бобыльскій—$^1/_{16}$. Сложеніе тѣхъ и другихъ производилось обычнымъ по-

[1]) См. приложеніе VIII.

рядкомъ, полагая крестьянскій дворъ равнымъ двумъ бобыльскимъ [1]).

Употребленіе десятиннаго или осминнаго счета едва ли постоянно находилось въ зависимости отъ благосостоянія тяглыхъ хозяйствъ. Можно подыскать случаи, гдѣ, повидимому, тотъ или другой счетъ вызванъ скорѣе удобствами самихъ писцовъ, въ чемъ убѣждаютъ вышеприведенныя соображенія. Но, кромѣ осминнаго счета, существовалъ и третной, по которому дробныя части четверти считались третьими и шестыми, двѣнадцатыми и двадцать четвертыми, даже сорокосьмыми долями, сохраняя при этомъ нормальное соотношеніе крестьянскаго двора къ бобыльскому. Счетъ этотъ едва ли представлялъ большія удобства, чѣмъ осминный: вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ встрѣчается довольно рѣдко въ случаяхъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ примѣняется и осминный счетъ. Можно думать, поэтому, что его употребленіе вызвано было скорѣе болѣе удовлетворительнымъ положеніемъ тяглыхъ хозяйствъ, сравнительно съ тѣми, къ которымъ прилагался счетъ осминный.

Десятинный счетъ и осминный, если не ошибаемся, смѣшивались на практикѣ и такое смѣшеніе, естественно, вносило еще большую путаницу въ опредѣленіе размѣровъ живущей четверти. Въ тѣхъ случаяхъ, когда данное количество крестьянскихъ и бобыльскихъ хозяйствъ при нормальномъ соотношеніи слагались въ цѣлыя живущія четверти съ дробями, иногда примѣнялся смѣшанный счетъ цѣлыхъ живущихъ четвертей десятыми и двадцатыми долями при счетѣ остающихся дробей четными знаменателями, соотвѣтствующими дробнымъ дѣленіямъ хлѣбной четверти. Къ такому предположенію, по крайней мѣрѣ, приводитъ сравненіе тѣхъ результатовъ, которые получаются при счетѣ извѣстнаго числа крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, дающихъ цѣлыя живущія четверти съ дробями, двадцатыми долями и осминами и т. д. въ отдѣльности или вмѣстѣ.

Наконецъ, нельзя не замѣтить пониженія или повышенія размѣровъ живущей четверти при совмѣстномъ счетѣ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, когда ея колебанія, замѣтныя особенно часто при осминномъ счетѣ, можно относить или на долю однихъ бобыльскихъ дворовъ или же на долю тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Такъ,

[1]) См. приложеніе VIII. Румянцевскій музей, книга сошнаго письма въ собраніи И. Бѣляева, № 64. Общ., нум. № 1573, л. 6. Здѣсь дробныя платежныя чети, состоящія изъ однихъ крестьянскихъ дворовъ считаются осьмыми, изъ однихъ бобыльскихъ—шестнадцатыми долями.

напр., нерѣдко 3 крестьянскихъ двора и одинъ бобыльскій, вмѣсто того, чтобы составить полуосмину, считались всего за три четверика (3/8), причемъ бобыльскій дворъ, очевидно, какъ бы не принимался во вниманіе. Иногда, повидимому, при крестьянскихъ дворахъ бобыльскіе считались равными величинѣ меньшей, чѣмъ обыкновенно, напр. вмѣсто 1/16 считались за 1/32 и т. д. Такого рода счетомъ бобыльскіе дворы, можетъ быть, и не освобождались отъ уплаты податей, но облегчалась вся сумма податей, налагаемыхъ на данную совокупность крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ.

Есть, наконецъ, случаи, когда очевидно ни крестьянскій, ни бобыльскій дворъ не приравниваются обычной финансовой величинѣ и когда подъ вліяніемъ двоинаго колебанія величины крестьянскаго и бобыльскаго двора размѣры живущей четверти отклоняются отъ нормальной цифры еще болѣе, чѣмъ въ предшествующемъ случаѣ [1]).

Все это разнообразіе въ техническихъ пріемахъ счета живущихъ четвертей вызывало, конечно, несоотвѣтствіе въ итогахъ живущихъ четвертей по станамъ или уѣздамъ съ нормальною величиной, какую мы ожидали бы, судя по даннымъ итогамъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ. Впрочемъ, несоотвѣтствіе это не особенно велико, ибо ограничивается или дробями, или немногими единицами.

Подворная подать употреблялась не только при обложеніи сельскаго, но и городскаго населенія. Хозяйственное положеніе каждаго посада представлялось, однако, столь разнообразнымъ, что строго опредѣленной общей единицы, платежной четверти для равномѣрнаго обложенія всѣхъ посадовъ, можетъ быть, и не существовало. Въ живущую четь полагалось разное количество посадскихъ хозяйствъ почти на каждомъ посадѣ. Еще около половины XVII вѣка живущая четь содержала, сравнительно, болѣе значительное количество дворовъ въ городахъ нѣмецкой и литовской украйны, чѣмъ въ сѣверно-русскихъ городахъ, была менѣе тяжелою здѣсь, чѣмъ тамъ, и, слѣдовательно, находилась въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ размѣрами уѣздной платежной четверти [2]).

---

[1]) Примѣры, доказывающіе возможность вышеприведенныхъ предположеній, см. въ приложеніи VIII.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153—157 г., № 68: Дѣло Вязмичанъ посадскихъ людей о платежѣ ямскихъ, стрѣлецкихъ и пищальныхъ денегъ противъ новыхъ писцовыхъ книгъ. Въ докладѣ по этому дѣлу, между

Итакъ, живущая четверть (по крайней мѣрѣ, въ первой половинѣ XVII вѣка) не представляла постоянной величины, поскольку эта величина выражалась въ извѣстномъ количествѣ входившихъ въ ея составъ тяглыхъ дворовъ. Если она теоретически и складывалась изъ опредѣленнаго числа нормальныхъ хозяйствъ, то въ дѣйствительности легко измѣнялась сообразно тому, въ какомъ отношеніи находились измѣряемыя ею хозяйства къ нормальному уровню. Живущая четверть такимъ образомъ все еще въ нѣкоторой мѣрѣ сливала податной источникъ съ податною единицей и отличалась даже большею гибкостью и большею примѣнимостью къ разнообразнымъ условіямъ экономическаго быта, чѣмъ соха. Эти колебанія живущей четверти, вѣроятно, вызваны были тѣмъ положеніемъ, въ какомъ находились тяглыя хозяйства послѣ смутнаго времени.

Подать, падавшая на живущую четверть, разумѣется, нельзя считать поземельною, но нельзя еще назвать и подворною въ строгомъ смыслѣ; она ложилась на болѣе или менѣе опредѣленную группу дворовъ, а подъ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности разумѣлось не только жилое строеніе, но цѣльное крестьянское, земледѣльческое или посадское, промышленное хозяйство. Равномѣрное обложеніе каждаго двора, какъ податной единицы, извѣстное издревле подъ наименованіемъ подымныхъ, поворотныхъ денегъ, примѣнялось въ первой половинѣ XVII вѣка лишь ко взиманію немногихъ податей, каковы полоняничныя деньги и отчасти деньги ратнымъ людямъ на жалованье; позднѣе къ нимъ присоединилась

прочимъ, приведены примѣры того, сколько идетъ дворовъ на живущую четверть въ разныхъ городахъ:

Въ Торжкѣ	14 дворовъ.	Въ Дмитровѣ	$3^1/_2$ двора.
» Твери	9 »	» Можайскѣ	$3^1/_2$ »
» Великихъ Лукахъ . . .	8 »	» Веневѣ	3 »
» Зубцовѣ	6 »	» Угличѣ	2 »
» Ржевѣ-Володимеровѣ .	6 »	» Мещовскѣ	2 »
» Городецкѣ	5 »	» Устюжнѣ Желѣзноп. .	$1^1/_2$ »
» Калугѣ	4 двора.	» Кашинѣ	$1^1/_4$ »

Напротивъ, въ Вязьмѣ и Галичѣ существовали обратныя отношенія. Судя по тому же докладу, приходилось на одинъ дворъ въ Вязьмѣ по 3 чети, въ Галичѣ по $5^1/_6$ чети. Вязмичи сильно жаловались на чрезмѣрную тяжесть податей, вслѣдствіе чего по государеву указу 17 іюня 1649 года велѣно было положить въ Вязьмѣ по 4 двора на четь «противъ Калуги». Отсюда можно заключить, что обратныя отношенія дворовъ къ чети признавались ненормальными самимъ правительствомъ. Ibid., 7160 г., № 121: Книги переписныя Вязмичамъ старымъ и новоприбылымъ посадскимъ людямъ.

стрѣлецкая подать, поглотившая, какъ извѣстно, большинство остальныхъ видовъ прямыхъ налоговъ, и деньги новымъ пѣхотнымъ полкамъ на кормъ (съ 1678 года). Но и при дворовомъ окладѣ правительство держалось начала поразрядности. Полоняничныя деньги, напримѣръ, взимались въ разномъ количествѣ съ различныхъ классовъ населенія [1]). Стрѣлецкій окладъ 1681 года еще яснѣе обнаруживаетъ примѣненіе того же начала къ посадскому населенію. Послѣднее раздѣлено было на 10 разрядовъ; окладъ налога низшаго изъ нихъ равенъ былъ 160 деньгамъ, а рядъ такихъ же окладовъ каждаго изъ послѣдующихъ разрядовъ представлялъ ариѳметическую прогрессію, знаменатель которой равенъ былъ 10; въ низшіе разряды, конечно, зачислено было большее количество городовъ, чѣмъ въ высшіе; дворы каждаго разряда всѣ окладывались равномѣрно. Такимъ образомъ, не смотря на тождественное количество дворовъ въ двухъ разныхъ городахъ, наодинъ изъ нихъ могъ падать не только такой же, но и большій окладъ, чѣмъ на другой. Такъ напримѣръ, по тому же гостинному окладу 1681 года города Боровскъ и Самара, имѣвшіе по 41 посадскому двору, платили каждый по 36 р. 30 ал., города Санчурскъ и Серпѣйскъ, въ которыхъ числилось по 48 дворовъ, вносили по 38 р. 13 ал. 2 ден. Это происходило отъ того, что налогоспособности Боровска и Самары, Санчурска и Серпѣйска признаны были одинаковыми: первые два платили по 180 денегъ, вторые два по 160 денегъ съ двора. Наоборотъ, съ Боровска (или Самары) и Пензы, у которыхъ было также одно и то же число посадскихъ дворовъ (т. е. 41), подать взималась въ неодинаковыхъ размѣрахъ: съ перваго по 36 р. 30 ал. въ годъ, со втораго лишь по 32 р. 26 ал. 4 ден. на томъ основаніи, что налогоспособность Боровска превышала налогоспособность Пензы, и поэтому Боровскъ платилъ по 180, Пенза по 160 денегъ съ двора. Въ Звенигородѣ и Бѣлгородѣ было по 55 посадскихъ дворовъ въ каждомъ, но первый платилъ 44 р., второй 49 р. 16 ал.

[1]) Съ посадскихъ, ямскихъ дворовъ и дворовъ крестьянъ и бобылей поземельныхъ владѣній, принадлежавшихъ церкви, взималось по 8 денегъ, съ крестьянскихъ дворовъ въ дворцовыхъ селахъ, черныхъ волостяхъ, помѣстьяхъ и вотчинахъ по 4 деньги; наконецъ, съ служилыхъ людей по 2 деньги съ двора. Уложеніе, гл. VIII, ст. 1. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ. П. Д. С. Л. 7158 г., № 118. Приходныя книги государевымъ полоняничнымъ деньгамъ, что по государеву указу и по соборному Уложенію собраны полоняникамъ на окупъ.

4 ден.; въ Кокшайскѣ и Орлѣ считалось по 60 посадскихъ дворовъ, но Кокшайскъ платилъ 48 р., Орелъ—84 р., такъ какъ по налогоспособности эти города принадлежали къ тремъ разнымъ разрядамъ. Звенигородъ и Кокшайскъ платили по 160 денегъ, Бѣлгородъ—по 180, Орелъ по 280 денегъ съ двора [1]). Вмѣстѣ съ неравномѣрностью опредѣленій платежныхъ силъ населенія въ зависимости отъ мѣста слѣдуетъ отмѣтить измѣнчивость такой неравномѣрности во времени. Измѣненія въ налогоспособности населенія частью вызваны были хозяйственными бѣдами, какъ-то: голодомъ, пожаромъ, непредусмотрительностью хозяина и его беззащитностью отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ, частью были результатомъ непостоянной, хотя и значительной тяжести податей. Правительство принимало во вниманіе эти измѣненія. Сравнивая опредѣленія налогоспособности одного и того же города, сдѣланныя въ первой половинѣ XVII столѣтія, съ данными гостинаго оклада 1681 года, не трудно замѣтить довольно крупныя колебанія. Такъ, въ 40-хъ годахъ XVII вѣка Угличъ и Мещовскъ платили съ живущей четверти, въ которую полагалось въ томъ и другомъ по 2 двора, слѣдовательно, съ точки зрѣнія правительства равны были по налогоспособности, въ 1681 году Мещовскъ платилъ съ двора по 220, Угличъ по 160 денегъ. Въ Дмитровѣ и Можайскѣ живущая четверть равна была одно время $3^1/_2$ посадскимъ дворамъ; а по окладной росписи дворъ въ Дмитровѣ обложенъ 200, въ Можайскѣ 160 деньгами. Въ Зубцовѣ и Ржевѣ-Володимировѣ, гдѣ живущая четверть въ 40-хъ годахъ была одинаковою, ибо состояла въ томъ и другомъ изъ 6 посадскихъ дворовъ, въ 1681 г. налогоспособность оказалась различною: въ первомъ съ двора взималось 160, во второмъ 220 денегъ. Наоборотъ, города, какъ Угличъ, Можайскъ, Ржева Володимірова, платившіе въ первой половинѣ XVII вѣка подати съ разныхъ живущихъ четвертей, въ 80-хъ годахъ должны были вносить одну и ту же сумму, по 160 денегъ съ двора [2]). Такимъ образомъ, репартиціонный характеръ подворной подати смягчался началомъ поразрядным, которое не всюду и не всегда дѣйствовало равномѣрно и тѣмъ самымъ еще болѣе способствовало такой неравномѣрности. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно, однако, давало поводъ къ злоупотребленіямъ и неточностямъ, а иногда вводило правительство въ затрудненія, изъ которыхъ нелегко было ему найти выходъ.

[1]) А. Э., т. IV, № 250.

[2]) А. Э., т. IV, № 250. Ср. прим. 2 на стр. 255.

Введеніе подворной подати должно было имѣть несомнѣнно важныя послѣдствія для народнаго и государственнаго хозяйства. Этимъ преобразованіемъ правительство на время достигло желанной цѣли писцовыя книги доказываютъ, что размѣры поступленій дѣйствительно повысились, что въ южныхъ уѣздахъ и центральной полосѣ бобыли стали пахать пашню наравнѣ съ крестьянами и что землевладѣльческія и крестьянскія запашки значительно увеличились [1]). Но подворная подать, кромѣ того, повела къ результатамъ, которыхъ, вѣроятно, не предвидѣло правительство. Она способствовала повышенію средней населенности тяглаго двора Уже въ 40-хъ годахъ, судя по переписнымъ книгамъ, замѣчается такое повышеніе сравнительно съ концомъ 20-хъ и началомъ 30-хъ годовъ, а въ переписныхъ книгахъ 1676 — 1678 годовъ оно становится еще болѣе значительнымъ [2]). Это уплотненіе имѣло свои хорошія стороны, главнымъ образомъ, для самого населенія и свои дурныя послѣдствія для государственнаго хозяйства Большая населенность деревни вела и къ большей сложности отношеній, и къ болѣе правильному хозяйству каждаго крестьянскаго двора, — хозяйству, которое, вѣроятно, страдало

[1]) См. приложеніе X.

[2]) Явленіе это особенно замѣтно на посадахъ. Данныя, сведенныя у *Н. Чечулина* (Города въ Россіи, стр. 27, прим 4) по изданнымъ источникамъ и показывающія постепенное повышеніе средней населенности посадскаго двора, можно пополнить нѣсколькими новыми примѣрами. По нѣкоторымъ неизданнымъ писцовымъ и переписнымъ книгамъ, на 100 дворовъ приходилось тяглаго населенія мужескаго пола:

	въ 1625—1630 гг.	1646 г.	1676—1678 гг.
Веневъ	183,4	—	452,5
Владиміръ	117,2	250,2	297,9
Калуга	103,0	287,2	—
Кашира	129,0	348,4	—
Руза	175,6	343,8	—
Сольвычегодскъ	111,3	—	259,1
Среднимъ числомъ	136,6	307,4	336,5

Въ другихъ городахъ средняя населенность посадскаго двора нѣсколько менѣе значительна. Въ Тулѣ и Устюгѣ въ 1625 г., правда, приходится на 100 дворовъ 139,0 мужскаго населенія; но въ Бѣлевѣ, Вяткѣ, Зарайскѣ, Ростовѣ, Торопцѣ, Тулѣ въ 1646 г. можно насчитать до 273,9, а въ 1677 году въ Кунгурѣ, Переяславлѣ-Залѣсскомъ, Казани и вышеприведенныхъ городахъ лишь до 296,2 человѣкъ на 100 дворовъ. Не смотря на несоотвѣтствіе этихъ цифръ съ нѣкоторыми другими данными и ихъ приблизительную, а не полную достовѣрность, онѣ все же достаточно ясно обнаруживаютъ постепенное повышеніе средней населенности тяглаго двора въ XVII вѣкѣ.

*

отъ выдѣловъ, происходившихъ чаще до введенія дворовой подати, но теперь, очевидно, слишкомъ невыгодныхъ для населенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворовая подать и повышеніе средней населенности двора могли способствовать въ нѣкоторой мѣрѣ тому явленію въ крестьянскомъ землевладѣніи, естественный ходъ развитія котораго значительно ускоренъ былъ сошнымъ письмомъ, а позднѣе подушнымъ окладомъ. Подворное или участковое владѣніе землей не способствовало уравненію податной зависимости членовъ одной и той же тяглой общины. Дворъ, какъ единица обложенія, не находился въ вполнѣ нормальныхъ отношеніяхъ къ дѣйствительной налогоспособности его владѣльца, ибо облагался правительствомъ равномѣрно, не смотря на различіе хозяйственныхъ средствъ и пашенныхъ участковъ каждаго изъ плательщиковъ. Отсюда могло развиться стремленіе къ уравненію такихъ участковъ. Иное значеніе имѣла та же, все болѣе и болѣе увеличивавшаяся средняя населенность тяглаго двора для государственнаго хозяйства; она не способствовала образованію новыхъ самостоятельныхъ хозяйствъ, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи мало доставляла казнѣ новыхъ источниковъ доходовъ и естественно привела правительство къ замѣнѣ дворовой подати подушной; послѣдняя ложилась на каждое отдѣльное трудоспособное лицо, слѣдовательно, увеличивалась пропорціонально росту населенія и дѣлала скопленіе его въ сравнительно немногихъ дворахъ безполезнымъ [1]).

Вліяніе дворовой подати не ограничилось народнымъ и государственнымъ хозяйствомъ; оно отчасти сказалось и въ измѣнившемся характерѣ сословныхъ отношеній. Подворная подать должна была усилить развитіе крѣпостнаго права. Въ самомъ дѣлѣ, снимая подать съ земли, правительство тѣмъ самымъ ставило внѣ непосредственнаго финансоваго контроля отношенія землевладѣльца къ землепашцу и такимъ образомъ придавало этимъ отношеніямъ болѣе частный характеръ, развивало, слѣдовательно, въ крѣпостномъ правѣ оттѣнокъ личной зависимости или холопства. Подворная подать оказала также вліяніе на положеніе землевладѣльческаго класса. Обработанный участокъ пашни, какъ податная единица, былъ гораздо болѣе общеобязательнымъ принципомъ обложенія, чѣмъ дворъ, представителями котораго являются привилегированные или непривилегированные домохозяева. Дворовая подать, какъ

[1]) Въ концѣ XVII вѣка встрѣчаемъ смѣшеніе подворной подати съ подушною; подати взимаются «по дворамъ и душамъ». П. С. З., т. IV, № 1940. Ср. *В. Кури*, Ibid., Сборникъ Д. Мейера, стр. 124.

переходная ступень къ личному налогу, несомнѣнно способствовала развитію податныхъ привилегій землевладѣльца, вотчинника или помѣщика, его податной независимости и вела такимъ образомъ къ сословнымъ различіямъ [1]).

Таковы были тѣ слѣдствія введенія подворной подати, на которыя едва ли разсчитывало правительство. Вообще можно сказать, что это нововведеніе, какъ временная мѣра, принесло положительныя выгоды казнѣ, но какъ постоянное учрежденіе все болѣе и болѣе становилось невыгоднымъ. Недостатки подворной подати повели къ замѣнѣ ея подушнымъ окладомъ. Послѣдній, однако, по мысли великаго преобразователя, первоначально падалъ лишь на того, кто пахалъ пашню или занимался промыслами, а не на всякую душу вообще; но съ теченіемъ времени характеръ его измѣнился, и его несовершенства не разъ оффиціально признавались самимъ правительствомъ [2]).

Въ вышеизложенной исторіи попытокъ правительства точнѣе опредѣлить основной характеръ и свойства податной единицы въ XVII вѣкѣ сказывалось направленіе нашего общественнаго развитія за это время. Сильный ростъ государственныхъ потребностей вызывалъ широкое содѣйствіе всѣхъ общественныхъ силъ. Правительство привлекало населеніе къ такому содѣйствію и требовало отъ служилыхъ людей и тяглецовъ жертвы ихъ частныхъ, личныхъ интересовъ на пользу государства. Съ той же точки зрѣнія приступало оно къ опредѣленію податной единицы. Первоначально смѣшивая податную единицу съ податнымъ источникомъ, оно съ теченіемъ времени, въ виду собственныхъ удобствъ и временной государственной пользы, превращало эту единицу во все болѣе и болѣе внѣшній показатель налогоспособности плательщика и такимъ

---

[1]) Обратное явленіе было въ Лангедокѣ и нѣкоторыхъ другихъ частяхъ южной Франціи; здѣсь личный налогъ замѣнился поземельнымъ, что повлекло за собой и податную зависимость дворянства. *A. de Tocqueville,* L'ancien régime et la Révolution, ed. 1866, p. 325—326. *G. d'Avenel,* Richelieu et la monarchie absolue, t. II, p. 206.

[2]) Ревизія производилась въ 1719—1722 году, но ея повѣрка и росписаніе полковъ тянулось съ 1722 по 1726 годъ; сборъ подушной подати начался въ 1724 году. Податьсъ дворовъ продолжала, однако, существовать на Украинѣ до 1765, а въ Малороссіи до 1783 года. *И. Руковскій,* Историко-статистическія свѣдѣнія о подушныхъ податяхъ въ Труд. подат. ком., т. I, стр. 2—3; 8, 54—55, 127—128. *М. Алексѣенко,* Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ, Спб., 1879 г., стр. 4 и 8.

образомъ приносило въ жертву частныя выгоды казеннымъ интересамъ.

Вопросы о субъектѣ и объектѣ налога и ихъ взаимоотношеніи сильно занимали правительство въ XVII вѣкѣ; оно понимало или, скорѣе, чувствовало, что ихъ постановкой уже въ значительной мѣрѣ опредѣляется характеръ всего финансоваго строя. Но разрѣшало оно ихъ безъ предварительнаго плана, подъ вліяніемъ практической дѣйствительности и на почвѣ соціально-экономическихъ условій, которыя сами были результатомъ далекаго историческаго прошлаго. Вотъ почему развитіе правительственныхъ опредѣленій по тому и другому вопросу совершалось крайне медленно, неравномѣрно, самое приложеніе ихъ къ дѣлу оказывалось довольно затруднительнымъ и даже невозможнымъ безъ помощи со стороны самаго общества, въ примѣненіи основныхъ началъ обложенія къ его устройству правительство искало и находило опору въ населеніи Такимъ образомъ, раскладка и взиманіе податей производились при взаимодѣйствіи правительственной и общественной дѣятельности; поэтому, для характеристики финансоваго строя необходимо ознакомиться съ каждою изъ нихъ въ отдѣльности

3. Составленіе окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ.

Народныя переписи были непостояннымъ предварительнымъ актомъ правительственнаго оклада. Самый окладъ сводился къ опредѣленію налогоспособности данной мѣстности и къ составленію окладныхъ росписей на основаніи принциповъ репартиціонной системы, которые смягчались и видоизмѣнялись подъ вліяніемъ мѣстныхъ особенностей, податныхъ привилегій и неравномѣрныхъ измѣненій въ налогоспособности тяглаго населенія.

Правительство придавало различное значеніе смѣтному списку и окладной росписи. Смѣтный списокъ представлялъ роспись недоимокъ, доходовъ, расходовъ и остатковъ за истекшій финансовый годъ. Окладная роспись была бюджетнымъ предположеніемъ сборовъ, издержекъ и остатковъ на предстоящій годъ. Смѣтный списокъ служилъ, главнымъ образомъ, для финансовой отчетности мѣстныхъ органовъ администраціи передъ центральными учрежденіями и центральныхъ учрежденій передъ боярскою думой и Государемъ. Окладная роспись составлялась въ виду правительственнаго оклада. Хотя окладная роспись и не составлялась исключительно на осно-

ваніи смѣтнаго списка предшествовавшаго года, можно думать, однако, что смѣта регулировала окладную роспись; эта роспись въ свою очередь становилась нормой для будущей смѣты, нормой, отступленія отъ которой требовали особой мотивировки [1])

[1]) А. Э., т. Ш, №№ 8 и 206. А. И., т. Ш, № 200. Доп къ А. И., т. IX, № 14. Много примѣровъ можно подъискать въ окладныхъ книгахъ и приказныхъ дѣлахъ старыхъ лѣтъ въ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Такъ напр., смѣтные списки и окладныя росписи по г. Пскову 7187 года озаглавлены такъ· Смѣты Великаго Государя и Великаго Князя Ѳеодора Алексѣевича всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца псковскимъ денежнымъ окладнымъ и неокладнымъ доходамъ нынѣшняго 187 году, сколько во Псковѣ у 186 году въ нынѣшней 187 годъ за росходомъ въ остаткѣ и что тѣхъ псковскихъ денежныхъ доходовъ въ 187 году довелось собрать и *въ то число сколько собрано* и противъ окладовъ недобрано и что сверхъ окладовъ *взято* и на окладные и неоклалные росходы во 187 году *выдано* и что у 187 году *во* 188 годъ въ остаткѣ и то писано въ семъ смѣтномъ списку». (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7187 г., лл. 1—92) «Окладная роспись нынѣшняго 187 году *ко* 188 году сколько со Пскова и со псковскихъ пригородовъ и съ уѣздовъ псковскихъ денежныхъ доходовъ по окладомъ на 188 годъ *взять* и въ росходъ *дать* и сколько за расходомъ во 188 годъ *останетца* и то писано в сеи росписи». (Ibid., лл. 92—110) Въ смѣтномъ спискѣ (очевидно, составленномъ въ концѣ 187 года) означено то, что взято и израсходвано во 187 году; въ окладной росписи говорится лишь о томъ, что придется «взяти» или израсходовать. Иногда выраженіе «окладная роспись» замѣнялось терминомъ «помѣтный списокъ» въ поволжскихъ городахъ, напр., Нижнемъ-Новгородѣ (Доп. къ А. И., т. Х, № 32). Помѣтный списокъ особенно часто въ томъ же смыслѣ встрѣчается въ сибирскихъ актахъ и книгахъ. См. напр., «Приходо-расходныя книги» (вѣрнѣе помѣтные и смѣтные списки) г. Томска и остроговъ Томскаго разряда 1634 года въ Имп. Публ. Библ., FII. № 89. Здѣсь въ началѣ каждаго помѣтнаго и смѣтнаго списка читаемъ: «Помѣта Государевымъ царевымъ и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи. (Слѣдуетъ названіе города или острога) всякимъ денежнымъ доходамъ, что осталося у 142 году во 143 годъ за расходомъ и что въ нынешней во 143 годъ денегъ *будетъ* въ приходе, *только збереτца противъ 142 году...*» За помѣтнымъ спискомъ идетъ особый смѣтный списокъ по каждому городу, начинающійся такъ: «Смѣта Государевымъ царевымъ и великаго князя Михаила Ѳедоровича всеа Русіи денгамъ, что... (слѣдуетъ наименованіе города или острога) въ *нынѣшнемъ* во 142 году сентября *съ 1 числа по сентября же по 1 число 143 году* денегъ въ приходе и расходе...» Напрасно, поэтому, *Б. Чичеринъ* (Областн. учрежд., стр. 290) смѣшиваетъ смѣтный списокъ съ помѣтнымъ. Изрѣдка упоминаемые въ воеводскихъ наказахъ счетные списки (А. И., т. V, № 161), повидимому, слѣдуетъ приравнивать къ смѣтнымъ спискамъ. Но счетные списки, обыкновенно, имѣли другое значеніе. Этимъ терминомъ означались краткія вѣдомости, составленныя подьячими или дьяками, которымъ поручена была ревизія счетоводства того или другаго приказа.

Поэтому, не смотря на различіе, существовавшее между смѣтнымъ спискомъ и окладною росписью, внѣшній процессъ ихъ составленія былъ болѣе или менѣе одинаковъ, производился одновременно, одними и тѣми же лицами. Смѣтные списки и окладныя росписи должны были составляться ежегодно [1]) по особому Государеву указу, по этому случаю препровождались памяти во всѣ четверти и приказы съ финансовымъ характеромъ, какъ напримѣръ, Казанскій дворецъ [2]). Центральныя учрежденія въ свою очередь разсылали соотвѣтственныя грамоты въ подвѣдомственные имъ города, воеводамъ или другимъ приказнымъ чинамъ съ предписаніемъ составить смѣтные списки и окладныя росписи по управляемой ими области и прислать ихъ въ Москву къ началу новаго года или, въ крайнемъ случаѣ, къ октябрю и ноябрю мѣсяцамъ. Такъ, въ 7154 (1646) году Государь указалъ во всѣхъ четяхъ сдѣлать смѣтные списки четвертнымъ всякимъ доходамъ къ Семену дню 155-го года. Поэтому, изъ Новгородской чети, которой въ числѣ прочихъ посланъ былъ такой указъ, разосланы были въ сентябрѣ мѣсяцѣ того же года грамоты въ вѣдаемые въ ней города къ воеводамъ съ приказаніемъ доставить смѣты къ означенному сроку [3]). По полученіи такой грамоты воевода справлялся по приходо-расходнымъ, платежнымъ и другимъ книгамъ и столбцамъ, хранившимся у него въ съѣзжей избѣ, и приступалъ къ составленію смѣтныхъ списковъ и окладныхъ росписей.

Въ смѣтныхъ спискахъ перечислялись статьи прихода и расхода. Въ приходныхъ статьяхъ каждой смѣты означались недоимки, которыя или вычислялись за всѣ прошлые годы вмѣстѣ, или счита-

[1]) Кольскій воевода присылалъ въ Москву окладныя росписи и смѣтные списки «по вся годы» (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7132 г., № 31: Дѣла о сборѣ разныхъ доходовъ съ городовъ Устюжской четверти). Чердынскому, Пустозерскому, Олонецкому, Старорусскому, Нижегородскому, Бѣлгородскому воеводамъ (да и многимъ другимъ) поведѣвалось въ разное время составлять ежегодныя смѣты «а года съ другимъ годомъ не смѣшать и денежной бы смуты не учинить» (А. Э., т. IV, №№ 8 и 206. А. И., т. IV, № 209; т. V, № 21. Доп. къ А. И., т. IV, №№ 134, 137 и 140; т. VI, № 56).

[2]) Извѣст. Тамбов. уч. арх. ком., вып. XVI, стр. 1, прил. 2: Царская грамота Касимовскому воеводѣ о доправленіи недоимокъ 1629 г. генв. 17: «Въ приказѣ Казанскаго дворца въ окладной росписи прошлаго 134-го году, какова окладная роспись приказу Казанскаго дворца окладнымъ всякимъ денежнымъ доходомъ сдѣлана послѣ пожару....»

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7154—7155 гг., № 42: Памяти государевы грамоты и отписки, до смѣтнаго списка Новгородской четверти касающіеся. А. Э., т. IV, № 8. А. И., т. III, № 288.

лись порознь за каждый годъ, и собственно приходъ за годъ составленія смѣты. Недоимки и приходъ за истекшій годъ, каждая статья въ отдѣльности дѣлились на двѣ новыя, а именно на то, что было «во взятьѣ» до времени составленія смѣты, т. е. на дѣйствительныя поступленія и то, что оставалось донять въ будущемъ году. Наконецъ, каждая изъ этихъ второстепенныхъ статей, означавшихъ взятое и невзятое по недоимкамъ прошлыхъ лѣтъ и по приходу текущаго года, дѣлилась на окладные и неокладные сборы, подраздѣленія которыхъ уже были разсмотрѣны выше [1]). Смѣтный списокъ, обыкновенно, завершался означеніемъ тѣхъ суммъ, которыя оставались за расходами на будущій годъ. Въ окладныхъ росписяхъ воеводы представляли свѣдѣнія лишь о предполагаемыхъ на будущій годъ поступленіяхъ по всѣмъ вышеозначеннымъ статьямъ. При этомъ правительство стремилось къ возможно болѣе точному разграниченію второстепенныхъ статей смѣтъ и росписей. Такъ, Кольскимъ воеводамъ въ 1626 году велѣно было сошныхъ денегъ не списывать съ оброчными сборами, а отдѣльно означать тѣ и другіе. Ольшанскимъ воеводамъ велѣно было писать въ книгахъ и въ счетныхъ спискахъ «имянно, что въ которомъ году и на какіе расходы и по какому великихъ Государей указу денегъ и хлѣбныхъ запасовъ и соли и зелья и свинцу и всякіе великихъ Государей казны въ росходъ выйдетъ и что за росходомъ къ новому году будетъ въ остаткѣ» [2]). Составивъ смѣту, воевода посылалъ ее въ Москву съ подьячимъ добрымъ, «которому дѣло окладное было за обычай» [3]). Иногда, для выполненія такого рода обязанностей въ съѣзжей избѣ держался особый подьячій. Въ Кольскомъ острогѣ, напримѣръ, въ 1620-хъ годахъ было два подьячихъ, изъ которыхъ

---

[1]) Введеніе, § 3.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7134 г., № 38: Отписки, государевы грамоты и другія дѣла о сборѣ доходовъ съ городовъ Устюжской четверти. А. И., т. V, № 161.

[3]) Много окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ по отдѣльнымъ городамъ сохранилось въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ; см., напр., въ П. Д. С. Л., росписи и смѣты по Новгороду (7129 г., № 28), Вязьмѣ (7133—7135 гг., № 14), Чарондѣ (7134 г., № 41 и 7152 г., № 88), Вяткѣ (7142—7143 г., № 33), Старой Русѣ (7147 г., № 85), Устюгу (7154 г., № 117) и мн. др. Значительное количество подобнаго же рода памятниковъ можно найти въ томъ же архивѣ въ отдѣлѣ боярскихъ и окладныхъ книгъ разныхъ городовъ (Архангельска, Владиміра, Галича, Нижняго-Новгорода, Суздаля и т. д.). Большинство этихъ книгъ представляетъ окладныя росписи и смѣтные списки отдѣльныхъ городовъ. А. И., т. III, № 288.

одинъ «по вся годы» ѣздилъ со смѣтными списками и окладными росписями къ Государю въ Москву [1]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ уѣздѣ были волости, которымъ предоставлено было финансовое самоуправленіе, воевода посылалъ туда разсыльщика или другаго служилаго человѣка изъ низшихъ разрядовъ къ старостамъ за нужными свѣдѣніями.

Росписи и смѣты каждаго города не всегда, однако, прямо пересылались въ Москву. Тамъ, гдѣ были зачатки мѣстной централизаціи, въ мѣстномъ губернскомъ центрѣ составлялись сводныя вѣдомости, которыя и отправлялись въ центральныя учрежденія. Образованіе мѣстныхъ губернскихъ центровъ, повидимому, складывалось на сѣверѣ сообразно древнему дѣленію территоріи на «земли», дѣленію, съ теченіемъ времени приноровленному къ цѣлямъ военной и финансовой администраціи. въ южной полосѣ государства оно возникало на почвѣ военной организаціи. Любопытнымъ примѣромъ, такъ сказать, земской централизаціи служитъ Вятская земля. Старосты пяти Вятскихъ городовъ (Хлынова, Орлова, Котельнича, Слободскаго и Шестакова) всѣ вмѣстѣ разводили подати на Вятскую землю и представляли, такимъ образомъ, своего рода коллегіальное финансовое учрежденіе цѣлой земли [2]). Если производились такіе общіе разводы, то должны были существовать и общія росписи и смѣты, которыя могли составляться воеводами для цѣлой области. Новгородъ съ пригородами (по крайней мѣрѣ ближайшими), за исключеніемъ Заонежскихъ погостовъ, представлялъ особую финансовую область [3]), въ которой, по примѣру другихъ подобныхъ же областей воеводы приписныхъ городовъ посылали, вѣроятно, свои росписи и смѣты. Такимъ примѣромъ можетъ служить Псковская область, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время. Въ 1679 (7187) году, изъ приписныхъ къ Пскову городовъ, Гдова, Кобылья, Изборска Острова, Опочки, Воронача, Велья, Вышгорода, Выбора, Дупкова и Володиміра, вѣроятно, присланы были во Псковъ какія-нибудь свѣдѣнія. приходо-расходныя книги или скорѣе всего росписи и смѣты, составленныя мѣстными воеводами. Въ противномъ случаѣ, Псковскій воевода не могъ бы сдѣлать общей росписи и смѣты де-

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7132 г., № 31: Дѣла о сборахъ разныхъ доходовъ съ городовъ Устюжской четверти.

[2]) А. о. до Ю. Б., т. Ш, № 302, V и VI. См. ниже § 4.

[3]) А. И., т. V, №№ 33, 38. Доп. къ А. И., т. Ш, № 36, II. Новгородъ былъ, какъ извѣстно, центромъ и военнаго округа Ср. А. И., т. IV, № 93. Р. И. Б., т. XI, стр. 7.

нежнымъ окладнымъ и неокладнымъ доходамъ Пскова и псковскихъ пригородовъ за этотъ годъ для отсылки въ Москву [1]). Хотя Кострома и не имѣла того же значенія, какъ Новгородъ и Псковъ, однако, и къ ней приписано было нѣсколько городовъ. По крайней мѣрѣ, въ оффиціальныхъ актахъ Любимъ, Буйгородъ, Судиславль, Кадыи называются костромскими пригородами и, быть можетъ, находились въ финансовой зависимости отъ главнаго города. Наконецъ, Казанское царство представляло также болѣе или менѣе самостоятельную финансовую область. Къ Казани приписано было нѣсколько пригородовъ (Арской, Олати, Малмыжъ, Лаишево и др.), Казанскіе воеводы расходовали на мѣстѣ значительныя по тому времени суммы [2]) и, вѣроятно, составляли общія росписи и смѣты [3]).

Если въ Новгородѣ, Псковѣ, Казани централизація финансоваго управленія развивалась отчасти подъ вліяніемъ военной организаціи [4]), то, во всякомъ случаѣ, своимъ возникновеніемъ обязана была не ей, а цѣлому ряду условій и особенностей мѣстной исторической жизни. На югѣ и въ Сибири, напротивъ, едва ли не эта организація лежала въ основѣ болѣе сложнаго устройства мѣстнаго финансоваго управленія. Полки Бѣлгородскій, Сѣвскій и Сибирскіе разряды (Тобольскій, Томскій, Енисейскій) сложились въ виду защиты южной украйны отъ Татаръ и водворенія русскаго владычества на широкихъ равнинахъ сѣверной Азіи. Гражданскій бытъ смѣнявшій мало по малу военную жизнь южно-русскихъ и сибирскихъ поселеній, вводилъ ихъ жителей въ новыя податныя отношенія къ государству, но отливался въ готовыхъ формахъ прежъ-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7187 г.: Окладная роспись и смѣтный списокъ окладнымъ и неокладнымъ доходамъ г. Пскова и псковскихъ пригородовъ. По листамъ скрѣпа дьяка Гаврила Ѳедорова. Число городовъ, приписанныхъ къ Пскову, вѣроятно, не всегда было одинаковымъ. Въ 1664 го у велѣно было Борисоглѣбовъ и Лютинъ «вѣдать во всемъ ко Пскову» Р. И. Б., т. XI, стр. 9.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 7146 г. Декабрь, № 57: Роспись разныхъ городовъ съ означеніемъ посадскихъ дворовъ и жителей. Къ сожалѣнію въ этой росписи не означено точно, гдѣ кончается перечисленіе Костромскихъ (а также Казанскихъ) пригородовъ. См. выше прим. 2 на стр. 35.

[3]) Къ сожалѣнію, намъ не удалось еще найти ни одной общей или частной смѣты по Казанскому дворцу, хотя онѣ несомнѣнно существовали. См выше прим. 2 на стр. 264.

[4]) А. Л. Ордынъ-Нащокинъ въ одной изъ своихъ грамотъ къ Государю пишетъ: «а въ Розрядѣ и во вѣки бы въ честь былъ Псковъ и мѣра его прямая тутъ быть для крайней заступы и обороны отъ Литвы и отъ Нѣмецъ» Доп. къ А. И., т. V, № 1, VI.

няго военнаго типа. Въ главномъ стратегическомъ пунктѣ цѣлой области сидѣлъ полковой воевода, которому въ военномъ отношеніи подчинены были воеводы, размѣщенные по второстепеннымъ городамъ и острогамъ даннаго района. Военная подчиненность, однако, должна была повлечь за собою и финансовую подвѣдомственность, въ силу которой воевода главнаго города сталъ во главѣ не только военнаго, но и финансоваго управленія цѣлой области, вмѣщавшей нѣсколько уѣздовъ. Таково значеніе Бѣлгородскаго, Сѣвскаго (Кіевскаго?) полковъ и Сибирскихъ разрядовъ. Предѣлы этихъ областей, особенно Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ, оставались еще довольно неопредѣленными. Такъ какъ районы этихъ полковъ все же, главнымъ образомъ, имѣли значеніе военныхъ округовъ, то и города, ихъ составлявшіе, нерѣдко перечислялись изъ одного округа въ другой въ виду временныхъ военныхъ потребностей [1]) или отписывались отъ одного полка, но не приписывались къ другому и такимъ образомъ оставались въ независимомъ положеніи [2]). Тѣмъ не менѣе, въ этихъ полкахъ числилось довольно большое количество городовъ; въ Сѣвскомъ ихъ бывало около 20, а въ Бѣлгородскомъ до 80 [3]). Воеводы этихъ приписныхъ городовъ должны были посылать росписи и смѣты въ главный городъ къ полковому воеводѣ, который составлялъ общую роспись и смѣту и посылалъ ихъ въ Москву. Объ этой обязанности упоминаютъ наказы Бѣлгород-

---

[1]) Предположеніе, высказанное по этому поводу *Н. Загоскинымъ* (Столы разряднаго приказа, К., 1879 г., стр. 25), подтверждается документальными свидѣтельствами. «Того же числа (11 мая)—читаемъ мы въ записной книгѣ Московскаго стола 1664—1665 гг.—писали къ великому Государю изъ Сѣвска боярин и воеводы Петръ Васильевичъ Шереметевъ съ товарыщи съ нимъ же Исакомъ, и подъ отпискою роспись перечневая разныхъ городовъ, которымъ указано быть изъ бѣлгороцкаго въ сѣвскомъ полку». (Р. И. Б., т. XI, стр. 233). Такими городами, напримѣръ, въ 7175 году были: Новосиль, Хотьмышскъ, Чернь, Вольный, Карповъ, Карачевъ въ 7184 г., Епифань въ 7189 г. Въ 7189 году даже самъ Бѣлгородъ зачисленъ былъ въ Сѣвскій полкъ. Наоборотъ: бывали случаи, когда города Сѣвскаго полка зачислялись въ Бѣлгородскій, какъ напр., Рыльскъ въ 7137 г., Черниговъ, Стародубъ въ 7149—7152 гг., Брянскъ въ 7159 г., Курскъ въ 7150, 7152, 7184 гг. (*Н. Загоскинъ*, Ibid., стр. 24, прим. 90).

[2]) Р. И. Б., т. XI, стр. 184, Зап. кн. Московск. стола 1664—1665 г. «Въ Сѣвску городы велѣно вѣдать службою и сборомъ таможеннымъ и кружечныхъ дворовъ и съ кабаковъ, а въ городѣхъ въ Путимлѣ и во Брянску ему боярину и воеводѣ (Сѣвскому) товарыщи воеводы сходны». Срав., однако: Ibid., стр. 230, а также 240.

[3]) Перечисленіе ихъ см. у *Н Загоскина*, Ibid., стр. 24 и 36.

скимъ воеводамъ; имъ повелѣвалось «по вся годы Бѣлгородскую и Бѣлгородскаго полку всѣхъ городовъ годовые смѣтные книги и перечневые росписи, сдѣлавъ противъ прежнихъ великаго Государя указныхъ грамотъ и росписей за дьячьими приписьми», отсылать въ Москву [1]). То же значеніе въ финансовомъ управленіи полкомъ имѣли, вѣроятно, и Сѣвскіе воеводы. Къ Смоленску въ 1666 году велѣно было вѣдать Дорогобужъ «во всемъ», а въ 1667 г кромѣ того Бѣлую и Велижъ, ратнымъ строемъ, службою, денежнымъ и хлѣбнымъ сборомъ [2]). Въ такого же рода военномъ, а отчасти и финансовомъ соподчиненіи находились и нѣкоторые другіе города, напр , Терекъ и Черный Яръ къ Астрахани, или Малый Корсуновъ и Сокольской къ Симбирску. Черноярскіе и Корсунскіе воеводы должны были присылать приходо-расходныя и оброчныя книги, окладныя росписи или помѣтные и смѣтные списки къ воеводѣ главнаго города, хотя такія же вѣдомости вмѣстѣ съ тѣмъ отсылали въ Москву, очевидно, для контроля надъ финансовою дѣятельностью главныхъ воеводъ [3]).

Такимъ образомъ, благодаря зачаткамъ мѣстной централизаціи, въ центральныя учрежденія поступали росписи и смѣты, обнимавшія не только одинъ городъ съ уѣздомъ, но и цѣлыя области, главный городъ съ приписными. Составленіе росписей и смѣтъ, однако, далеко не всегда производилось вышеуказаннымъ порядкомъ. Воеводы запаздывали; присылали въ Москву нужныя свѣдѣнія черезъ полгода и болѣе продолжительные сроки, сливали различныя статьи прихода и расхода, въ другихъ случаяхъ вовсе не присылали росписей и смѣтъ, «отговариваясь иногда тѣмъ, что ихъ дѣлать некому, потому что у нихъ нѣтъ ни дьяковъ, ни подьячихъ съ приписьми» [4]). Это особенно часто бывало съ воеводами отдаленныхъ городовъ. Олонецкіе воеводы, напримѣръ, не присылали росписей и смѣтъ съ 1665 по 1672 годъ; Нарымскіе воеводы не выполняли той же обязанности въ теченіе девяти лѣтъ [5]). При составленіи сводныхъ росписей и смѣтъ по цѣлой области про-

[1]) А. Э., т. IV, № 206. Ср. П. С. З., т. I, № 509 и выше стр. 216.

[2]) *Н. Загоскинъ*, Ibid., стр. 36. Доп. къ А. И., т. V, №№ 19, 60, IV.

[3]) А. И., т. IV, № 181; т. V, № 208. О сибирскихъ разрядахъ см. ниже гл. IV.

[4]) А. Э., т. IV, № 206. А. И., т. III, № 285, I; т. V, № 282. П. С. З. т. III, № 1511. *Б Чичеринъ*, Област. учрежд., стр. 296—297.

[5]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7180 г. января 1: Дѣло по отпискамъ о составленіи въ Олонцѣ разныхъ смѣтныхъ списковъ и окладной росписи всякимъ доходамъ. *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 21.

исходили, вѣроятно, еще большіе недосмотры, ошибки и промедленія, что могло происходить въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ неустановившихся еще отношеній приписнаго города къ главному или отъ того, что само правительство иногда игнорировало эти отношенія. Такъ напримѣръ, къ Сѣвску въ сентябрѣ 1664 года приписаны были Путивль и нѣкоторые другіе города. Путивльскіе воеводы, однако, не признавали своей зависимости отъ Сѣвскихъ, отговариваясь тѣмъ, что они вѣдомости о томъ изъ Москвы не получали· другіе же города, «Лихвинъ съ товарыщи», прямо «чинились непослушны». Съ другой стороны, въ наказѣ Ольшанскому воеводѣ, который подчиненъ былъ Бѣлгородскимъ воеводамъ, велѣно было присылать приходо-расходныя книги и отчетные списки прямо въ Москву и ничего не было сказано о той роли, какую могли бы играть Бѣлгородскіе воеводы въ этомъ отношеніи [1]) Правительство пыталось уничтожить всѣ эти злоупотребленія, хотя и не всегда удачно Оно требовало отъ мѣстныхъ воеводъ точнаго выполненія вышеозначенныхъ правилъ и заставляло этихъ воеводъ передѣлывать неправильно составленныя смѣты или составлять ихъ заново въ томъ случаѣ, когда они не своевременно присланы были въ Москву. Такъ, въ 1615 году Двинскимъ воеводамъ кн. П. М. Пронскому и М. Ѳ. Глѣбову да дьяку В. Ларіонову послана была царская грамота о томъ, чтобы они прислали смѣтный списокъ разнымъ доходамъ 121, 122 и 123 годовъ съ Двинскихъ посадовъ (Холмогоръ, Неноксы, Уны и др.), означивъ порознь, сколько собрано съ каждаго посада, а не все вмѣстѣ, какъ они сдѣлали. Нарымскому воеводѣ В. Янову приказано было взять у Хомякова, прежняго воеводы, списки окладныхъ и неокладныхъ доходовъ со 121 по 130 г. и заставить его сдѣлать такіе списки, въ случаѣ, если они не были еще составлены. Вновь назначенному на Олонецъ воеводѣ велѣно было въ 1671 году составить смѣтные списки за прошлые годы съ 1665 (7173) г. по 1671-й. Для составленія этихъ списковъ, воевода долженъ былъ посадить подьячихъ въ съѣзжую избу и не выпускать ихъ до тѣхъ поръ, пока они не составятъ смѣтъ [2]).

---

[1]) Р. И. Б., т. XI, стр. 27. А. И., т. V, № 161.

[2]) Имп. Публ. Библ., Древлехран. М. Погодина, № 1911, лл. 162 об.—163: Царская грамота 28 августа 1615 г. Двинскимъ воеводамъ кн. П. И. Пронскому да М Ѳ. Глѣбову и дьяку В. Ларіонову. *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 21. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7180 г. января 1: Дѣло по отпискамъ о составленіи въ Олонцѣ разныхъ смѣтныхъ списковъ и окладной росписи всякимъ доходамъ. А. И., т. III, № 285, I.

За промедленіе въ составленіи и присылкѣ росписей и смѣтъ воеводамъ грозила значительная пеня. Такъ, на Старорусскомъ воеводѣ велѣно было доправить пеню въ 100 рублей въ случаѣ несвоевременной высылки смѣты; за несоставленіе смѣты воеводѣ грозила царская великая опала. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда воеводы приписныхъ городовъ не признавали своей зависимости отъ главнаго воеводы, они также подвергались наказанію. Чубаровскій воевода просидѣлъ три дня въ тюрьмѣ за то, что онъ посылалъ отписки въ Москву помимо Путивльскаго, къ которому находился въ подчиненныхъ отношеніяхъ [1]).

Свѣдѣнія, присылаемыя изъ уѣздныхъ и областныхъ центровъ въ центральныя учрежденія, служили матеріаломъ для составленія приказныхъ росписей и смѣтъ, обнимавшихъ тотъ округъ, который подлежалъ вѣдомству четверти или приказа въ финансовомъ отношеніи. Приказныя росписи и смѣты Новгородской, Устюжской четверти, а также, вѣроятно, другихъ четвертей и приказовъ съ финансовымъ характеромъ, какъ напримѣръ, разряда, представляютъ скорѣе механическій сводъ, чѣмъ систематическую переработку присланныхъ воеводами вѣдомостей; статьи прихода и расхода изложены по каждому городу отдѣльно въ томъ же порядкѣ, въ какомъ встрѣчаются въ городскихъ росписяхъ и смѣтахъ; лишь нѣкоторые изъ важнѣйшихъ сборовъ, какъ напримѣръ, стрѣлецкія деньги выдѣляются въ особую статью и не приводятся по каждому городу отдѣльно, а упоминаются послѣ всѣхъ остальныхъ; здѣсь означаются обыкновенно недоимки за прошлые годы, окладъ, «взятье» и «доимка» за текущій годъ съ указаніемъ оклада налога, падавшаго на соху или дворъ [2]).

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7154—7155 г., Памяти, государевы грамоты и отписки, до смѣтнаго списка Новгородской чети касающіяся. А. Э., т. IV, № 206. Р. И. Б., т. XI, стр. 288.

[2]) Нѣсколько окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ по Устюжской четверти сохранилось въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7133 г. № 99; 7153 г., № 97 и др. Смѣтный списокъ по Новгородской четверти см. Ibid., Окладныя книги по Нижнему-Новгороду, 7123 г.. № 1 и 7142 г.,—№ 22. Эта смѣта Новгородской четверти 1634 года одна изъ самыхъ образцовыхъ, какія только можно встрѣтить въ рукописяхъ Архива Министерства Иностр. Дѣлъ. Счетные списки Владимирской чети см. ibid., П. Д. С. Л., 7179 г., февраля 18 дня, № 83, 7181 г., октяб. 18, № 399. Ср. также выписку Галицкой чети о приходѣ и расходѣ денежной казны, ibid., П. Д. С. Л., 7187 г. Въ Разрядѣ, по Бѣлгородскому, Сѣвскому, Кіевскому велись приходо-расходныя книги. (См. напр., Арх. Мин. Юстиціи, кн. № 11727/99, 7160 г.; № 11757/41.

Приказныя росписи и смѣты, быть можетъ, служили для составленія еще болѣе обширныхъ, общихъ росписей государственныхъ доходовъ и расходовъ, хотя эти росписи и могли имѣть такой же характеръ сводныхъ вѣдомостей. лишенныхъ систематической переработки. На возможность существованія такихъ росписей сохранилось нѣсколько косвенныхъ указаній. Московское правительство не чуждалось общихъ статистическихъ работъ, которыя охватывали бы не только округъ, вѣдаемый въ одномъ изъ приказовъ, а нѣсколько такихъ округовъ. Такъ напримѣръ, въ 1637 и 1645 годахъ составлены были росписи дворовъ во всѣхъ городахъ (въ послѣднемъ случаѣ и жителей), вѣдаемыхъ въ четвертяхъ Владимірской, Устюжской, Галицкой, Новгородской, Костромской и въ Казанскомъ дворцѣ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1648 года «(по?) памяти изъ Помѣстнаго приказу присланы въ Разрядѣ списки разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, помѣсныхъ казаковъ, что за ними по писцовымъ и по переписнымъ книгамъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ...» Царскимъ указомъ отъ 1 ноября 1678 г. велѣно было въ разныхъ приказахъ выписать изъ переписныхъ книгъ, сколько дворовъ находится по этимъ книгамъ «въ городѣхъ, на посадѣхъ и въ поморскихъ городѣхъ на посадѣхъ же и въ уѣздѣ и что гдѣ противъ прежнихъ книгъ дворовъ прибыло» [1]). Естественно предполагать, что работы такого рода производились не столько для того, чтобы узнать количество населенія, сколько для его оклада. Вышеуказанная роспись 1645 года, а также, по всей вѣроятности, вѣдомости 1637 и 1648 гг. составлены были для обложенія населенія денежнымъ сборомъ ратнымъ людямъ на жалованье. Въ этой росписи при означеніи

7185 г. и мн. др. по Бѣлгородскому столу; кн. № 11983/355, 7178 г. по Сѣвскому. Множество указаній у *Н. Загоскина*, Столы Разряднаго приказа, 1879 г., passim). Въ Денежномъ столѣ составлялись «счетныя росписи, что въ Разрядѣ въ денежномъ столѣ по запискѣ подъячихъ... окладныхъ и не. окладныхъ доходовъ и что взято на Москвѣ изъ приказовъ и что съ тѣхъ денегъ въ расходѣ на Москвѣ и въ городѣ послано». См. напр., въ Арх. Мин. Юстиціи, столбецъ Денеж. Стола Разряда 7153—7159 гг., Общ. № 9039, част. № 4. Извѣстны также приходо-расходныя книги приказовъ Великой и Малой Россіи; см., напр., Ibid., Кіевскаго стола Разряда, кн. № 15, 7195 г. (лл. 25—34), Столбцы Малороссійскаго приказа, № 5958/147, 7187 г., дѣло 2-е.

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7146 г., декаб., № 57. Роспись разныхъ городовъ съ означеніемъ посадскихъ дворовъ и жителей; Ibid., 7154 г., № 13: Записная книга четвертнымъ доходамъ съ разныхъ четей посадовъ. Послѣднее заглавіе не точно; исчисленія четвертныхъ доходовъ мы въ этой книгѣ не находимъ. Р. И. Б., т. X, стр. 489. Доп. къ А. И., т. X, № 89, II.

количества дворовъ каждаго посада вычислены и причитающіяся съ него деньги ратнымъ людямъ на жалованье. Роспись 1678 года, можетъ быть, составлена въ виду новой стрѣлецкой подати, а извѣстный «гостинный окладъ» этой подати 1681 года могъ быть произведенъ лишь на основаніи такой росписи Кромѣ этихъ косвенныхъ указаній на возможность существованія общей государственной росписи, сохранились и болѣе прямыя свидѣтельства. На соборѣ 1619 года предположено было сосчитать всѣ наличныя суммы, которыя сохранились въ городахъ послѣ разоренія [1]). Въ 1623 году послана была царская грамота Псковскимъ воеводамъ; имъ велѣно было «сдѣлать Псковскимъ денежнымъ и хлѣбнымъ, окладнымъ и неокладнымъ всякимъ доходомъ приходу и расходу нынѣшнего 131 году смѣтные списки и окладную роспись ко 132 году, сколько псковскихъ денежныхъ и хлѣбныхъ доходовъ въ 132 году въ сборѣ будетъ и что въ расходъ дати, а сдѣлавъ тѣ смѣтные списки нынѣшнего 131 году и окладную роспись ко 132 году и написавъ въ тетради прислали къ намъ къ Москвѣ тотчасъ... Чтобы за тѣмъ наша годовая большая смѣта и приходныя и окладныя книги не стали [2]). Въ числѣ дѣлъ, вынесенныхъ въ пожаръ 1626 года изъ Разряда, находилась «свяска, а въ ней росписи изъ четвертей, что съ которыхъ городовъ взяти четвертныхъ доходовъ по окладу 127-го году» [3]). Когда въ 1646 году въ іюнѣ мѣсяцѣ разосланы были памяти въ четверти о томъ, чтобы составить въ каждой изъ нихъ окладныя росписи и смѣтные списки къ Семену дню 7155 года (1-му сентября), въ самыхъ памятяхъ указано было, между прочимъ, что, «какъ смѣтные списки въ четяхъ сдѣлаютъ, и за тѣми смѣтными списками укажетъ Государь сидѣть боярину или окольничему» [4]). Возможно предполагать, что обязанности такого боярина или окольничаго состояли въ томъ, чтобы составить сводную. общую вѣдомость всѣмъ четвертнымъ смѣтнымъ спискамъ. Если всѣ эти намеки не даютъ намъ права вполнѣ рѣшительно утверждать существованіе общихъ росписей государственныхъ доходовъ и расхо-

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. III, № 47. А. Э., т. III, № 105.

[2]) А. Э., т. III, № 142. *Н. Хлѣбниковъ*, О вліяніи общества и проч. стр. 370—371.

[3]) *Н. Лихачевъ*, Разрядные дьяки XVI-го вѣка, Спб., 1888 г., Прил. № IV, стр. 41.

[4]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7154—7155 гг., № 42: Памяти. государевы грамоты и отписки, до смѣтнаго списка Новгородской четверти касающіяся.

довъ въ первой половинѣ XVII вѣка, то, во всякомъ случаѣ, не позволяютъ и отрицать возможности ихъ существованія за это время. Во всякомъ случаѣ, съ 1680-хъ годовъ такія росписи несомнѣнно существовали. Въ 1680 году великій Государь указалъ во всѣхъ приказахъ выписать сентября съ 1-го числа прошлаго 1679 года по 7-е марта 1680 года, сколько денежной и иной всякой казны по окладамъ и «неокладомъ» всякихъ доходовъ въ приходѣ и сколько и на какія дачи въ расходѣ порознь и по какимъ его великаго Государя указамъ. Отъ того же года сохранилась окладная роспись едва ли не всѣмъ государственнымъ доходамъ. Внѣшній порядокъ составленія этой росписи слѣдующій .она представляетъ въ сущности сводную вѣдомость доходамъ и расходамъ 32-хъ центральныхъ учрежденій, изъ которыхъ одно (Костромская четь) отчасти смѣшано, отчасти слито въ этомъ отношеніи съ Стрѣлецкимъ приказомъ, одно (Новгородскій приказъ) съ Большою казной и Большимъ приходомъ, и три (Устюжская четь, приказы Малой Россіи и Княжества Смоленскаго) съ Посольскимъ приказомъ. Государственные доходы и расходы по каждому изъ этихъ учрежденій или небольшимъ группамъ, образовавшимся изъ соединенія нѣсколькихъ изъ нихъ, излагаются приблизительно въ такомъ порядкѣ: Частная роспись по отдѣльному учрежденію (или группѣ), дѣлится прежде всего на двѣ половины съ ихъ отдѣлами: на приходъ, расходъ и доимку 7188 года и на предполагаемый по окладу приходъ и расходъ на 7189-й годъ. Первую половину обыкновенно называли смѣтнымъ спискомъ, вторую—окладною росписью. Въ приходѣ за 7188-й годъ означены· 1) остатокъ отъ прошлаго года, 2) окладные доходы, 3) неокладные доходы, 4) чрезвычайные (т. е. десятая деньга, полтинныя деньги и деньги за перехожіе дворы взамѣнъ даточныхъ людей—все вмѣстѣ), 5) оборотныя поступленія (т. е. то, что поступило въ данное учрежденіе изъ другихъ), 6) итогъ всѣмъ доходамъ за 7188-й годъ и 7) итогъ всѣмъ доходамъ за 7188-й годъ вмѣстѣ съ остаткомъ за прошлые годы. Во второмъ изъ этихъ подраздѣленій, т. е. въ числѣ окладныхъ доходовъ указано, сколько довелось взять по окладу: a) данныхъ и оброчныхъ денегъ, b) таможенныхъ и кабацкихъ, c) стрѣлецкихъ, полоняничныхъ и ямскихъ, d) и всего по всѣмъ тремъ статьямъ· затѣмъ e) сколько всего взято въ дѣйствительности и f) сколько остается донять. Въ расходѣ за 7188-й годъ исчислены: 1) окладные, 2) неокладные расходы и 3) оборотные (т. е. суммы, выданныя изъ даннаго учрежденія въ другія); затѣмъ приводится

4) итогъ всему расходу за 7188-й годъ и 5) остатокъ къ 7189-му году. Наконецъ, въ отдѣлѣ недоимокъ означены 1) недоимки за 7188-й годъ, 2) за прошлые годы и 3) общій итогъ недоимокъ, затѣмъ 4) мѣстные расходы въ селахъ и городахъ, расходы, повидимому, не принятые во вниманіе при опредѣленіи размѣровъ вышеприведенныхъ недоимокъ, но въ дѣйствительности уменьшающія эти размѣры на столько же; 5) дѣйствительные размѣры недоимокъ за вычетомъ изъ предполагаемой, такъ сказать, валовой суммы недоимокъ мѣстныхъ расходовъ; 6) общій итогъ недоимокъ вмѣстѣ съ остаточными отъ 7188 года суммами. По всѣмъ вышеуказаннымъ отдѣламъ и статьямъ исчислены не только доходы и расходы собственно центральнаго учрежденія, но и мѣстные; слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что самые отдѣлы (приходъ, расходъ и доимка) поставлены въ опредѣленное взаимоотношеніе: въ статьѣ пятой втораго отдѣла указанъ остатокъ къ 7189-му году, т. е. превышеніе поступленій надъ расходами; въ статьѣ шестой третьяго отдѣла—общій итогъ недоимокъ вмѣстѣ съ остаточными суммами, т. е. конечный результатъ истекшаго финансоваго года, которымъ этотъ годъ связывался съ послѣдующимъ. Вслѣдъ за смѣтнымъ спискомъ 7188-го года въ разсматриваемомъ документѣ помѣщена окладная роспись на 7189-й. Она дѣлится на приходъ и расходъ. Въ первомъ означены: 1) окладные, 2) неокладные доходы, 3) общій итогъ, 4) общій итогъ вмѣстѣ съ остаточными и доимочными прошлыхъ лѣтъ. Въ расходѣ встрѣчаются слѣдующія статьи: 1) расходы центральные, выключая оборотные, 2) изрѣдка (напр. по Большому Дворцу) указаны мѣстные расходы, въ городахъ, 3) общій итогъ расходовъ, 4) остаточныя деньги, т. е. предполагаемое превышеніе поступленій надъ расходами. Всѣ эти бюджетныя предположенія пополнялись еще вычисленіемъ того, «что въ приходѣ будетъ съ остаточными и въ росходѣ недостанетъ впредь въ 7190 годъ» [1]). Роспись 7189 года такимъ образомъ въ

[1]) П. С. З., т. II, № 802. Ср. ibid., № 842. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Боярскія и окладныя книги, Доимочная книга № 3. Книга эта вовсе не доимочная, а представляетъ смѣтный списокъ за 1680 (7188) годъ и окладную роспись всѣхъ государственныхъ доходовъ на 1681 (7189) годъ. Подлинникъ озаглавленъ такъ (л. 1): «Выписано изъ приказныхъ смѣтныхъ списковъ 188 году, сколько въ которомъ приказѣ великаго Государя царя и великаго князя Ѳедора Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца денежные казны и золотыхъ и ефимковъ и товаровъ денежною цѣною въ остаткѣ у 187 году во 188 годъ и сколько такіе жъ казны довелось взять на 188 годъ по окладу и что въ то число

*

нѣкоторой мѣрѣ напоминаетъ намъ характерныя черты болѣе раннихъ смѣтъ и росписей, составлена по опредѣленной системѣ и наводитъ на мысль, что ее, можетъ быть, и нельзя считать первою въ ряду памятниковъ такого же рода.

Смѣтный списокъ, какъ указано было выше, служилъ главнымъ образомъ для финансовой отчетности; но онъ имѣлъ значеніе и при составленіи окладной росписи на будущій годъ, такъ какъ опредѣлялъ соотношеніе бюджетныхъ предположеній къ дѣйствительнымъ размѣрамъ поступленій, обнаруживалъ такимъ образомъ размѣры недоимокъ за прошлый годъ и оказывалъ вліяніе на повышеніе или пониженіе оклада на будущій. Не только смѣтный списокъ предшествующаго года, но и болѣе раннія смѣты и росписи принимались въ соображеніе, когда размѣры въ нихъ означенныхъ поступленій превышали окладъ будущаго года. Такъ напримѣръ, въ смѣтномъ спискѣ и окладной росписи г. Пскова съ пригородами 1679 года встрѣчаются ссылки на смѣты и росписи съ 1672 года, причемъ особенно старательно отмѣчаются недоборы «противъ большихъ окладовъ прошлыхъ лѣтъ» [1]).

Смѣтные списки и окладныя росписи отдѣльныхъ городовъ едва ли всегда поступали на разсмотрѣніе думы, гдѣ, вѣроятно, утверждались подобнаго же рода акты по цѣлымъ приказамъ или общая государственная роспись. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда такія смѣты и росписи давали поводъ къ недоразумѣніямъ, онѣ разсматривались въ думѣ. Въ 1647 году, напримѣръ, представлена была изъ Нов-

---

также и на прошлые годы изъ доимки и съ приказу въ приказъ и неокладныхъ всякихъ денегъ взято во 188 году и что исъ того числа въ расходѣ и за расходы въ остаткѣ въ нынешней въ 189 годъ осталось денежныхъ доходовъ въ доимкѣ на прошлые по 188 (sic) и 188 годы». По этому замѣчательному документу мы можемъ опредѣлить финансовое значеніе слѣдующихъ приказовъ: Аптекарскаго, Большаго Дворца, Большой Казны, Большаго прихода, Доимочнаго, Земскаго, Золотыхъ дѣлъ, Иноземскаго, Казанскаго, Казеннаго, Каменныхъ дѣлъ, Костромской чети, Конюшеннаго, Малороссійскаго, Новгородскаго приказа, Оружейнаго, Печатнаго, Помѣстнаго, Посольскаго, Пушкарскаго, Разряднаго, Рейтарскаго, Серебряныхъ дѣлъ, Сибирскаго, Смоленскаго, Ствольнаго, Стрѣлецкаго, Суднаго, Суднаго дворцоваго, Устюжской чети, Холопьяго, Ямскаго.—Эта окладная роспись, вѣроятно, составлена въ началѣ 7189 года, слѣдовательно, въ 1680-мъ году. Не сообщаемъ здѣсь ея содержанія, такъ какъ выдержки изъ нея въ скоромъ времени будутъ напечатаны П. Н. Милюковымъ въ его сочиненіи о государственномъ хозяйствѣ Россіи въ началѣ XVIII в. Отрывочныя свѣдѣнія, изъ нея почерпнутыя, читатель найдетъ въ послѣдней главѣ.

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7187 г.: Смѣтный списокъ и окладная роспись по городу Пскову съ пригородами.

городской четверти въ докладъ роспись доходовъ и расходовъ по Новгороду и Пскову съ пригородами, роспись, которая обнаруживала, что новгородскихъ и псковскихъ доходовъ не станетъ для выдачи жалованья испомѣщеннымъ тамъ войскамъ. По этому случаю на докладной выпискѣ и сдѣлана была слѣдующая помѣта: «156 года (1648) августа въ 24 день Государь и бояра сей выписки слушали· Государь указалъ послать во дворецъ память, а велѣть на нынѣшней 156 годъ въ Новгородѣ и Псковѣ дать своего Государева жалованья стрѣльцамъ... изъ дворцовыхъ доходовъ хлѣбомъ, для того что въ Новгородѣ и Псковѣ всякихъ государевыхъ доходовъ въ расходъ не ставится» [1]). Общія смѣты и росписи также поступали въ думу Связка росписей четвертныхъ доходовъ по окладу 7127 года, въ пожаръ 1626 года вынесенная изъ Разряда, вѣроятно, отсюда должна была поступить въ боярскую думу. При составленіи выписи всѣмъ доходамъ и расходамъ во всѣхъ приказахъ въ 1680 году, великій Государь указалъ «по той выпискѣ доложить себя великаго Государя, бояромъ и думнымъ людемъ, которые сидятъ въ приказахъ» [2]). Если приказныя (а можетъ быть, и общія) смѣты и росписи поступали на разсмотрѣніе и утвержденіе Государя съ думой, то и перемѣны въ окладѣ налоговъ или введеніе новыхъ сборовъ, повидимому, не могли производиться по одному государеву указу: они должны были пройти черезъ боярскую думу, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ требовали утвержденія земскихъ соборовъ. Въ договорѣ съ королевичемъ Владиславомъ встрѣчается, между прочимъ, статья, которою постановлено: «доходы государскіе изъ городовъ и волостей, съ кабаковъ и тамогъ собирати по прежнему; а сверхъ прежнихъ обычаевъ, не поговоря съ боярами, ни въ чемъ не прибавляти» [3]). Дѣйствительно, измѣненія въ окладѣ налоговъ и даже въ способѣ ихъ взиманія совершались по указу государеву и боярскому приговору, хотя такой порядокъ и не всегда соблюдался. Такъ напримѣръ, съ Перми и Чердыни въ 1622 (7130 году) сбиралось Московскимъ стрѣльцамъ на жалованье «для дальнего провозу» деньгами съ сохи по 200 рублей по Государеву указу и по боярскому приговору, а въ началѣ 1623 года Государь и отецъ его, великій Государь Святѣйшій Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Руси пожаловали Чердынцевъ «для того, что они всякіе

[1]) Доп къ А. И., т. III, № 36, II.
[2]) П. С. З., т. II, № 802.
[3]) А. Э., т. II, № 165.

наши доходы платятъ по старому платежу а вновь не дозираны» и велѣли взять съ нихъ, съ сохи по 60 рублей стрѣлецкихъ денегъ «передъ иными передо всѣми городы съ убавкою». Новая соляная пошлина въ 1646 году введена была по Государеву указу и по боярскому договору. Въ 1671 году распоряженіе о взиманіи стрѣлецкаго хлѣба повсемѣстно единообразными орленными таможенными мѣрами сдѣлано было Государемъ вмѣстѣ съ боярскою думой. Извѣстный новый окладъ стрѣлецкихъ денегъ назначенъ былъ думой, хотя вскорѣ и подвергся видоизмѣненіямъ подъ вліяніемъ заявленій выборныхъ. Различныя перемѣны въ устройствѣ косвеннаго обложенія производились тѣмъ же порядкомъ [1]).

Такимъ образомъ, въ компетенцію боярской думы, по всей вѣроятности, обыкновенно входило разсмотрѣніе и утвержденіе бюджетныхъ назначеній, по крайней мѣрѣ если они не имѣли характера чрезвычайныхъ сборовъ. Наоборотъ, при взиманіи чрезвычайныхъ сборовъ, вызванныхъ потребностями внѣшней политики, правительство прибѣгало къ земской думѣ. На соборахъ 1613—1615, 1616 — 1619, 1632, 1634 и 1642 годовъ обсуждались причины, вызвавшія образованіе недоимокъ, а также способы и средства пополнить казну царскую, и рѣшали установить чрезвычайный налогъ (пятую или иную деньгу) и принимать добровольныя пожертвованія. Государь вмѣстѣ съ думой и выборными отъ земли «приговаривали» взиманіе такой деньги, а центральныя учрежденія разсылали царскія грамоты воеводамъ о ея сборѣ въ силу соборнаго рѣшенія [2]). Со второй половины XVII вѣка значеніе земскихъ соборовъ, какъ извѣстно, падаетъ; посте-

[1]) А. Э., т. III, № 131; т. IV, № 250. С. Г. Г. и Д., т. III, № 126. А. И., т. V, №№ 77 и 83. П. С. З., т. I, №№ 107, 269, 341—343, 492, 507, 555; т. II, №№ 876, 879, 882 и друг. Встрѣчаются иногда одни боярскіе приговоры, какъ, напримѣръ, приговоръ 1656 г., августа 5 о взятіи на службу вмѣсто больныхъ служилыхъ людей съ 30 дворовъ по человѣку или по 40 рублей. Этотъ приговоръ сдѣланъ былъ по государеву указу, но, повидимому, не въ присутствіи самого царя. Таковъ же характеръ боярскаго приговора отъ 14 іюня 1672 года объ освобожденіи ямщиковъ отъ различныхъ податныхъ обязанностей (П. С. З., т. I, №№ 186 и 518). Компетенція думы въ этомъ отношеніи напоминаетъ кругъ дѣятельности современнаго ей Conseil d'Etat во Франціи (*A. Chéruel*, Histoire de l'administration monarchique en France, t. I, Ap. II, pp. 344—386). Въ самомъ дѣлопроизводствѣ того и другаго учрежденія наблюдается значительное сходство. (*G. d'Avenel*, Richelieu et la monarchie absolue, t. I, p. 47 et suiv.).

[2]) Фактическія данныя о земскихъ соборахъ въ XVII в. см. у *В. Латкина*, Земскіе соборы древней Руси, Спб., 1885 г., стр. 123—291.

пенно уничтожается обычай обращаться за совѣтомъ къ землѣ и вмѣстѣ съ нею «приговаривать» обложеніе всего населенія чрезвычайнымъ налогомъ. Въ 1671 году (марта 31-го) вопросъ о взиманіи пятнадцатой деньги со всего торговаго населенія рѣшенъ былъ въ засѣданіи боярской думы. Съ другой стороны, въ 1681 году, при введеніи новаго оклада стрѣлецкихъ денегъ, выборные отъ земли почти никакой активной роли не играли; правда, за ними остался совѣщательный голосъ; имъ дозволено было указать на причины недобора стрѣлецкихъ денегъ, къ нимъ обратились съ вопросомъ «нынѣшній платежъ платить имъ въ мочь или не въ мочь и для чего не въ мочь?»; но вопросъ этотъ имѣлъ скорѣе характеръ административной справки и рѣшенъ былъ послѣ объясненій, представленныхъ выборными, но безъ ихъ участія, простымъ боярскимъ приговоромъ [1]).

Вышеприведенныя отрывочныя указанія на компетенцію боярской думы, а въ чрезвычайныхъ случаяхъ и земскихъ соборовъ по вопросу о бюджетныхъ назначеніяхъ, обнаруживаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣ условія, благодаря которымъ окладная роспись принимала характеръ обязательности и для самого правительства. Обязательность эта, однако, не могла быть безусловною для самодержавной, царской власти, которая особымъ, царскимъ распоряженіемъ производила иногда нѣкоторыя перемѣны въ окладѣ, напримѣръ, повышала или понижала его размѣры [2]). Та же обязательность, вѣроятно, нарушалась нерѣдко, благодаря невыработанности общихъ правилъ государственнаго счетоводства въ центральныхъ учрежденіяхъ, мало связанныхъ между собой [3]), краткости, суммарности бюджета и его неточности, которая усиливалась неопредѣленностью финансоваго года, т. е. дѣйствіемъ даннаго бюджета [4]) и за предѣлами годоваго срока, и, наконецъ, благо-

[1]) П. С. З., № 494. Доп. къ А. И., т. VI, № 33. А. Э., т. IV, № 250. А. И., т. V, № 77 и 83. *В. Ключевскій*, Боярская дума древней Руси, изд. 2-е, стр. 478.

[2]) А. Э., т. III, № 131.

[3]) *І. Фоккеродтъ* (О Россіи при Петрѣ великомъ, гл. III, ст. 27, въ Чт. М. О. И. и Д., 1874 г., кн. II, стр. 31) говоритъ, что въ приказахъ, завѣдующихъ доходами и расходами, ихъ обыкновенныя книги ведутся «по купечески».

[4]) Подъ бюджетомъ слѣдуетъ разумѣть роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ на данный періодъ времени, разсмотрѣнную законодательными учрежденіями и утвержденную высочайшею властью (*В. Лебедевъ*, Ibid., вып. I, стр. 162. *P. Leroy-Beaulieu*, Traité de la science des finances, t. II, P., 1879, p. 2).

даря отсутствію полнаго и постояннаго контроля надъ расходованіемъ поступленій соотвѣтственно бюджетнымъ назначе- ніямъ въ виду самодержавнаго характера власти.

Составленіемъ, разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ смѣтныхъ списковъ и окладныхъ росписей, въ сущности, почти завершалась роль правительства въ дѣлѣ обложенія. Оставалось только извѣстить воеводу объ окладѣ налоговъ, падавшихъ на управляемую имъ область [1]) Задача эта, обыкновенно, выполнялась центральнымъ учрежденіемъ, въ которомъ вѣдался данный городъ съ уѣздомъ. Если по какимъ-либо соображеніямъ подобнаго рода распоряженія высылались изъ приказа, не вѣдавшаго этого города, то сюда же необходимо было прислать такъ называемую послушную память изъ учрежденія, гдѣ онъ вѣдался. Само правительство приказывало воеводамъ «дѣлъ не дѣлать» безъ послушныхъ грамотъ, а воеводы и населеніе, съ своей стороны, отказывались выполнять распоряженія правительства безъ такихъ грамотъ [2]).

При правительственномъ окладѣ главнѣйшія подати не сливались, а, напротивъ, раскладывались каждая въ отдѣльности, такъ какъ каждая изъ нихъ имѣла свое заранѣе опредѣленное назначеніе. За исключеніемъ развѣ данныхъ денегъ, которыя обыкновенно встрѣчаются вмѣстѣ съ оброчными, полоняничнымъ, ямскимъ, стрѣлецкимъ деньгамъ, деньгамъ на жалованье ратнымъ людямъ производились особые оклады. Особенно заботилось правительство о томъ, чтобы не сливать оклады данныхъ и стрѣлецкихъ денегъ. Причины такого явленія станутъ понятными, если вспомнить, что при несовершенствахъ въ раскладкѣ и взиманіи податей и при постоянныхъ крупныхъ недоимкахъ, сліяніе раскладки особенно необходимой подати со всѣми остальными равносильно было замедленію ея взиманія и влекло невозможность въ скоромъ времени взыскать ея недоимки. Поэтому, особенно важныя для правительства подати по правительственному же распоряженію раскладыва-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7163 г., № 6: Царская грамота Сольвычегодскому воеводѣ В. И. Колычеву о сборѣ ему съ Соливычегодской и со всего Усольскаго уѣзда, съ становъ и волостей, на 7163 годъ всякихъ четвертныхъ доходовъ противъ переписныхъ книгъ и о присылкѣ собраннаго съ цѣловальникомъ въ Устюжскую четверть.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. III, № 95. А. Э., т. III, № 42; т. IV, № 206. А. И., т. III, № 116; т. IV, № 221; т. V, № 161. Доп. къ А. И., т. II, № 34, 48, т. V, № 46, VII и XLII; т. VI, №№ 60, 62; т. IX, № 76; т. X, №№ 50, 90; т. XI, стр. 290, прим. 27; т. XII, № 5, IV, XXVII, LIII, LXI. А. о. до Ю. Б., т. I, №№ 55, IV и 58.

лись отдѣльно отъ другихъ. Такъ напр., взиманіе стрѣлецкихъ денегъ уже въ первой половинѣ XVII вѣка и при введеніи новой стрѣлецкой подати въ 1681 году велѣно было посадскимъ людямъ и крестьянамъ «инымъ всякимъ поборамъ и мірскимъ расходамъ чинить окладъ и разверстку особую», а воеводамъ приказано никакихъ расходовъ въ тѣ стрѣлецкія деньги «не прикладывать» для того, чтобы знать, «сколько съ кого стрѣлецкихъ денегъ противъ ихъ окладовъ по разверсткѣ на комъ именемъ взять доведется» [1]).

Правительство такъ привыкло къ принципамъ репартиціонной системы, что даже въ такихъ налогахъ, какъ пятая, десятая деньга, стремилось примѣнить эти принципы къ обложенію. Такъ, напримѣръ, воеводѣ Пермскому велѣно было въ 1678 году собрать десятую деньгу съ Чердыни, Соликамской и Строгановыхъ вотчинъ противъ окладу 1673 (7181) года, что и приведено было въ исполненіе. Дѣлалось это для того, «чтобъ въ новомъ окладѣ и въ сборѣ у окладчиковъ и у торговыхъ людей напрасно душевредства и межъ себя ссоры не было и тому бъ сбору новымъ окладомъ мѣшкоты не учинить» [2]).

Итакъ, правительство держалось репартиціонной системы главнымъ образомъ въ виду собственныхъ выгодъ и жертвовало интересами отдѣльныхъ лицъ на пользу государства. Слѣдуя принципамъ этой системы, оно ограничивало свою дѣятельность переписью населенія, опредѣленіемъ налогоспособности разныхъ классовъ и разрядовъ этого населенія путемъ все болѣе и болѣе внѣшняго измѣренія податныхъ объектовъ податною единицей, установленіемъ оклада налоговъ и вычисленіемъ тѣхъ суммъ, которыя падали на цѣлыя области или уѣзды. Но если правительство не заботилось объ опредѣленіи платежныхъ силъ каждаго плательщика и объ обложеніи его соразмѣрно его средствамъ, то все же принимало во вниманіе различную налогоспособность разныхъ классовъ населенія съ ихъ подраздѣленіями и такимъ образомъ смягчало равномѣрный характеръ налоговъ—поразрядным. Всѣ эти особенности выработывались постепенно и сложились лишь во второй половинѣ XVII вѣка.

Постепенное установленіе репартиціонной системы находилось въ связи съ усиленіемъ централизаціи и поглощеніемъ

[1]) А. Э., т. IV, №№ 250 и 251. А. И., т. III, № 200; т. V, №№ 77 и 274.

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 28, II.

лица государствомъ. Индивидуальныя особенности каждаго налогоспособнаго хозяйства не принимались во вниманіе: онѣ сглаживались подъ могучимъ вліяніемъ общихъ государственныхъ потребностей. Правительство разсматривало плательщиковъ, какъ болѣе или менѣе единообразную платежную силу, которую, въ большинствѣ случаевъ, окладывало разновременно спеціальными податями. Такая разновременность вела, конечно, и къ неравномѣрному окладу, который производился если не для каждой, то для большинства податей въ отдѣльности; при такомъ порядкѣ трудно было ожидать какой-либо установившейся системы податей, а слѣдовательно, и того равновѣсія, какое могло бы получиться при единовременномъ окладѣ нѣсколькими податями, пополняющими и исправляющими другъ друга. Этотъ недостатокъ, въ свою очередь, велъ къ новымъ несовершенствамъ Излишняя трата времени и средствъ на производство оклада каждой отдѣльной подати и усложненіе счетоводства вредно вліяли на исправность государственнаго бюджета.

II. МІРСКАЯ РАСКЛАДКА.

Прямые налоги, которыми облагалась земля или дворъ, по правительственному окладу равномѣрно падали на всѣхъ плательщиковъ цѣлой волости или частнаго поземельнаго владѣнія, дворцоваго села, вотчины или помѣстья. Въ этомъ отношеніи они сильно напоминаютъ подушную подать, которая, по словамъ современнаго законодательства, «считается лежащею не на каждомъ лицѣ отдѣльно, а на цѣломъ обществѣ или селеніи по числу душъ, состоящихъ въ немъ по ревизіи и впослѣдствіи причисленныхъ» [1]). Задача мірской раскладки, наоборотъ, состояла въ опредѣленіи того дѣйствительнаго соотношенія, какое должно было существовать между суммой податей, слѣдуемой съ данной области по правительственному окладу, и налогоспособностью каждаго отдѣльнаго плательщика этой области, принимая во вниманіе всѣ мѣстныя, личныя и случайныя условія, опредѣлявшія такъ или иначе состояніе его хозяйства. Вотъ почему правительство, учреждая, напримѣръ, новыя стрѣлецкія деньги въ видѣ дворовой подати, приказывало крестьянамъ чинить разверстку по землямъ и по угодьямъ, не посягая ни на

[1]) *М. Алексѣенко,* Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ, Спб., 1879 г., стр. 24, (Уставъ о податяхъ, ст. 23).

кого, а посадскимъ людямъ по тяглу, по промысламъ, «чтобы богатые и полные люди передъ бѣдными во льготѣ, а бѣдные передъ богатыми въ тягости и никто бы въ избылыхъ не были» [1]).

Въ виду вышесказаннаго о различномъ характерѣ сельской общины въ сѣверной, средней и южной полосѣ Московскаго государства [2]), можно думать, что главнѣйшія черты мірской раскладки яснѣе всего проявлялись въ черныхъ волостяхъ, менѣе ясно сказывались въ средней полосѣ и, наконецъ, едва ли развиты были на украйнѣ и что, слѣдовательно, наиболѣе любопытными въ этомъ отношеніи являются черныя волости.

Въ черныхъ волостяхъ земское самоуправленіе складывалось подъ сильнымъ, хотя и не исключительнымъ вліяніемъ тяглыхъ интересовъ, объединявшихъ крестьянскій міръ. Вызванное къ опредѣленнымъ и важнымъ отправленіямъ реформами прошлаго столѣтія, оно продолжаетъ пользоваться тѣмъ же значеніемъ и въ XVII вѣкѣ. Во главѣ крестьянскаго міра въ это время стояли, обыкновенно, старосты или сотскіе, цѣловальники, земскіе судейки, а можетъ быть и церковные старосты.

Взаимоотношеніе компетенцій старостъ и сотскихъ опредѣлить довольно трудно, потому что и въ дѣйствительности ихъ обязанности иногда соотвѣтствовали другъ другу, а въ другихъ случаяхъ были различны. Отъ XVI вѣка сохранилось нѣсколько извѣстій, указывающихъ на однородное значеніе старостъ и сотскихъ [3]). Такъ, въ

---

[1]) А. И., т. V, № 77. А. Э., т. IV, № 243. Доп. къ А. И., т. VIII, № 36, VI. А. Х. и У. Е.,—Б, № CCLIII. Подобнаго же рода указанія имѣются, напр., еще относительно денегъ ратнымъ людямъ на жалованіе. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7146—7147 гг., № 25. Дѣла о сборѣ денегъ ратнымъ людямъ на жалованье по 2 руб. съ двора. Доп. къ А. И., т. VIII, № 28, VIII) и относительно кормовыхъ денегъ даточнымъ людямъ въ 1679 году (А. И., т. V, № 37).

[2]) См. выше, стр 78—98.

[3]) Извѣстія о сотскихъ, какъ земскихъ властяхъ, относятся къ довольно раннему времени. (П. С. Р. Л., т. I, изд. 2-е, стр. 123; т. II, изд. 2-е, стр. 509). Первоначально они могли быть начальниками небольшихъ отрядовъ земскаго ополченія и сохранить въ мирное время власть, пріобрѣтенную на войнѣ. Татары въ 1257 году изочли земли Суздальскую, Рязанскую, Муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ, и, все урядивши, возвратились въ Орду. (Никон. лѣт., ч. III, стр. 37). Въ Псковской судной грамотѣ сотскіе имѣютъ значеніе низшихъ судебныхъ и полицейскихъ органовъ и даже являются судьями. (Пск. Суд. Грам., ст. 12, 18 и 20). Со введеніемъ губныхъ учрежденій царя Ивана Грознаго появился уже новый рядъ сотскихъ, пятидесятскихъ, десятскихъ, которые играли роль мѣстныхъ полицей-

нѣкоторыхъ уставныхъ грамотахъ велѣно было намѣстникамъ и ихъ тіунамъ суда не судить безъ сотскихъ и добрыхъ людей; въ другихъ памятникахъ—вмѣсто сотскихъ упомянуты старосты [1]). И староста, и сотскій сбирали подати съ населенія, и тотъ и другой «берегли» его отъ всякихъ людей, татей и разбойниковъ [2]). Нельзя не замѣтить при этомъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются старосты, но не упоминаются сотскіе, и наоборотъ. Такъ напримѣръ, въ уставныхъ грамотахъ Переяславской (Артемоновскаго стана), Онежской, Звенигородской (села Андреевскаго), Пермской и Московской (сотъ Аѳонасьевскаго и Васильевскаго), а также въ грамотѣ Переяславскимъ рыболовамъ и бобровникамъ, встрѣчаются старосты, но не упомянуты сотскіе; напротивъ, въ уставныхъ грамотахъ Двинской первой, Бѣлозерской, Устюжской и грамотѣ бобровникамъ Ильмехотскаго стана Владимірскаго уѣзда видимъ однихъ сотскихъ безъ старостъ [3]). Возможно поэтому, что старосты и сотскіе имѣли иногда однородное и равносильное значеніе. Но рядомъ съ такого рода случаями встрѣчаются явленія инаго рода. Со второй половины XVI вѣка имѣются указанія на существованіе старостъ и сотскихъ въ предѣлахъ одной и той же волости [4]). При этомъ на старосту приходилось иногда по нѣскольку

скихъ органовъ, зависѣвшихъ отъ губныхъ старостъ (или воеводъ въ XVII вѣкѣ). Губными грамотами повелѣвалось мѣстному населенію «учинять межъ себя» у 10 дворовъ десятскихъ, у 50 дворовъ пятидесятскихъ, у 100 дворовъ сотскихъ. Сотскіе должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы къ ихъ сотнѣ не приставали подозрительныя лица, сыскивали воровъ, татей, разбойниковъ и присутствовали на судѣ, производимомъ губнымъ старостой. (А. Э., т. I, №№ 192, 194. Уложеніе. гл. XXV, ст. 20. *В. Ѣрлыковъ*, Сличенный текстъ губныхъ грамотъ XVI—XVII вв., М., 1846 г.). Разнообразіе причинъ, вызвавшихъ учрежденіе сотскихъ, разъясняетъ, можетъ быть, и разнородность ихъ обязанностей въ XVI—XVII вв. Древнерусская сотня очень напоминаетъ франкскую centena (*B. Guérard*, Essai sur le système des divisions territoriales de la Gaule, P., 1832, p. 54—59). Мысль о томъ, что «der Schultheiss ist der Centenar der fränkischen Verfassung», высказана Sohm'омъ (Fränkische Reichs und Gerichtsverfassung, § 9). Общераспространенность такого дѣленія на сотни доказывается существованіемъ его у Индусовъ, (*M. Duncker*, Geschichte des Alterthums, 2-te Auf., B. II, S. 105), у древнихъ Перуанцевъ. (*Г. Спенсеръ*, Разв. полит. учрежд., рус. пер., стр. 260).

[1]) А. Э., т. I, № 123. Судеб. I, ст. 38.

[2]) *Н. Загоскинъ*, Устав. грам., вып. II, К., 1876 г.

[3]) А. Э., т. I, №№ 234, 244 и др.

[4]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Старорусскаго уѣзда Сумерской волости и Старополья 7136 г., кн. 969. А. Х. и У. Е.,—Б. № XIII.

сотскихъ; такъ въ Сумерской волости было 8 сотенъ, изъ которыхъ каждая составляла округъ деревень въ 20; въ Вондокурскомъ станѣ (Устюжскаго уѣзда) встрѣчаемъ старосту и 2-хъ сотскихъ [1]). Такое сосуществованіе старостъ и сотскихъ могло разрѣшаться лишь разграниченіемъ или соподчиненіемъ ихъ вѣдомствъ. Разграниченіе выражалось въ томъ, что за волостнымъ крестьянскимъ старостой оставалась финансовая власть, тогда какъ полицейская сосредоточивалась въ рукахъ сотскаго, остававшагося впрочемъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ старостѣ [2]). Ярче выражалось такого рода соподчиненіе въ тѣхъ случаяхъ, когда при однородномъ характерѣ компетенцій старосты и сотскаго, топографическіе предѣлы дѣятельности перваго изъ нихъ включали область дѣятельности втораго. А на возможность такого рода явленій указываютъ случаи образованія въ предѣлахъ волости болѣе мелкихъ тяглыхъ союзовъ—сотенъ, начальниками которыхъ, очевидно, были сотскіе [3]). Съ теченіемъ времени, можетъ быть, въ компетенцію сотскихъ стали все болѣе и болѣе входить дѣла полицейскаго характера. Временныя распоряженія и законодательство второй половины XVII-го вѣка говорятъ намъ о такого рода значеніи сотскихъ [4]). Но полнаго разграниченія все же не было сдѣлано. Сотскіе (пятидесятскіе, десятскіе) иногда назывались старостами и цѣловальниками, а нѣсколько данныхъ второй половины XVII-го вѣка свидѣтельствуютъ

---

[1]) А. И., т. V, № 177. Иногда сотскіе подчинялись сыщикамъ. П. С. З., т. I, № 441, ст. 116.

[2]) Въ Галицкомъ уѣздѣ жители Ухтостровской волости Пиминко Лукинъ «съ товарыщи», всего 29 человѣкъ писали въ обыскномъ спискѣ по поводу одной спорной деревни, «что де они про ту деревню не вѣдаютъ. чья она есть и какъ ее именемъ зовутъ, потому что де они не въ одной сотнѣ живутъ». *А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, А. г. р., т. I, № 91.

[3]) А. Э., т. IV, №№ 92, 159 и 237. Доп. къ А. И., т. IV, № 130; т. V. № 1, III; т. VIII, № 55. П. С. З., т. I, №№ 408, ст. 93; 441, ст. 116; т. II, № 1203. Олонец. губ. вѣд. 1852 г., №№ 5—6. *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 128.

[4]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7177 г., № 324: Приговоръ Ерогоцкой волости сотскаго Василія Гарманова о сборѣ ямскихъ денегъ. А. Э., т. IV, № 200. А. И., т. V, №№ 133 и 177. Доп. къ А. И., т. IV, № 138; т. V, № 62; т. VI, № 7. П. С. З., т. I, № 441. Чт. М. О. И и Д. 1887 г., т. III, Смѣсь, № 5. Извѣст. Тамбов. учен. арх. ком , вып. XVI, 1887 г., прил. 7-е. Здѣсь, въ одномъ актѣ 1649 года упоминается «Новосельскаго десятка (Шацкаго уѣзда) староста Якушка Ивановъ».

о томъ, что смѣшеніе это продолжало сказываться не только на словахъ, но и на дѣлѣ [1])

Такимъ образомъ, двойственный характеръ вѣдомствъ старосты и сотскаго не способствуютъ точному опредѣленію этихъ вѣдомствъ въ XVII вѣкѣ. Поэтому, едва ли не правильнѣе будетъ признать, что въ XVII вѣкѣ вѣдомство старостъ и сотскихъ имѣло въ нѣкоторыхъ случаяхъ равное, въ другихъ, быть можетъ, болѣе многочисленныхъ, напротивъ, разное значеніе. Различіе это выражалось или въ разнородности вѣдомствъ старосты и сотскаго, возможной и при тожествѣ топографическихъ предѣловъ ихъ распространенія, или въ однородности отправленій того и другаго,—отправленій, различавшихся лишь экстенсивностью, что, конечно, ставило ихъ въ опредѣленное соподчиненіе и въ разное сотношеніе къ ближайшему и къ главному административному центру.

Рядомъ съ старостами и сотскими раскладкой завѣдывали и низшія выборныя земскія власти, называемыя разрубными, данными или оброчными цѣловальниками. Лица эти иногда имѣли самостоятельное значеніе и управляли волостью безъ старостъ или сотскихъ [2])

Старосты, сотскіе, цѣловальники выбирались, обыкновенно, изъ лучшихъ людей на опредѣленный годовой срокъ [3]) и исправляли разныя обязанности, главнымъ образомъ, финансоваго свойства. Но и земскіе судейки, выбираемые ежегодно [4]), вмѣстѣ съ судебною пользовались также и финансовою властью: они производили

---

[1]) *А. Ѳедотовъ-Чеховскій,* А. г. р., т. II, № 114. Ср. ниже прим. 4 на стр. 285.

[2]) *Б. Чичеринъ*, Област. учрежд., стр. 511—514. Старосты иногда выбирались, повидимому, не только ежегодно, но и помѣсячно. См. грамоту патріарха домовому Боголюбскому монастырю 1688 г., въ сборникѣ юридическихъ актовъ XVII стол Имп. Публ. Библ., Древлехран. М. Погодина, № 1847, лл 25—27. А. И., т. V, № 171.

[3]) *Ѳ. Дмитріевъ* (Судеб. инстанц.. стр. 63) утверждалъ, что не было опредѣленнаго срока службы земскихъ судейекъ; противное доказано *Б. Чичеринымъ* (Област. учрежд., стр. 553) и подтверждается многими актами; см., напр., Олонец. губ. вѣд. 1852 г., №№ 5 -6. Выборъ земскаго судейки напечатанъ у *С. Соловьева*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 127—128.

[4]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7134—7137 гг., № 2: Дѣла о сборѣ доходовъ съ разныхъ городовъ Устюжской четверти, 7175 г., сентяб. 24—августа 28, № 189: Царскія грамоты на Тулу, Веневъ, Тотьму о сборѣ всякихъ доходовъ. А. Э., т. III, № 126. А. о. до Ю. Б , т. III, № 306. Аналогичный случай встрѣчаемъ въ исторіи древне-французскаго права. Средневѣковые scabini имѣли судебную и финансовую власть. (*A. Gasquet*, Institutions politiques de l'ancienne France, P., 1885, t, II, p. 169).

раскладку подобно старостамъ и сотскимъ. Какъ при земскомъ старостѣ или цѣловальникѣ встрѣчаемъ земскаго дьячка, такъ и при судейкѣ для письмоводства служилъ «судецкій» дьячекъ [1]).

Иногда въ волости изъ выборныхъ властей упоминается одинъ лишь церковный староста, который, можетъ быть, исправлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ обязанности волостнаго старшины и цѣловальника, а поэтому занимался и раскладкой податей [2])

Вѣдомства всѣхъ этихъ выборныхъ чиновъ, старостъ, сотскихъ, цѣловальниковъ, земскихъ судеекъ, церковныхъ старостъ не были строго разграничены, поэтому лица, исправлявшія эти должности, могли замѣнять другъ друга, а самыя должности существовали одна на ряду съ другою или находились въ соподчиненіи. Встрѣчаются указанія на существованіе въ волости лишь одного старосты, земскаго судейки, церковнаго старосты или разрубнаго цѣловальника. Такъ напр., въ Устьтолшемской и Тишенской волостяхъ Тотемскаго уѣзда было по одному старостѣ; въ Слудцкомъ стану Мошкурской волости Устюжскаго уѣзда встрѣчается одинъ земскій судейка; въ Березовской слободкѣ, Дмитреевѣ волокѣ, Нутренскомъ улусцѣ—все волостяхъ Тотемскаго уѣзда, такъ же, какъ въ Синегоцкомъ приходѣ и Сидоровѣ Едомѣ—Устюжскаго—упоминается по одному церковному старостѣ, безъ какихъ бы то ни было другихъ земскихъ выборныхъ властей; наконецъ, примѣры существованія одного разрубнаго цѣловальника встрѣчается хотя бы въ волостяхъ Устюжскаго уѣзда: Юрьевой на волокѣ, Слудцкомъ станѣ, Нижней Ергѣ и Вершинской, въ Дроковановой Кулигѣ и другихъ. Но едва-ли не чаще эти разнообразныя должности встрѣчались рядомъ въ одной и той же волости, впрочемъ, далеко не всегда въ полномъ составѣ. Иногда въ одной и той же волости упоминаются земскій староста и судейка; въ другихъ случаяхъ къ нимъ присоединяется разрубной цѣловальникъ, сотскій, пятидесятскій и десятскіе; нерѣдко рядомъ съ земскимъ старостой или судейкой стоитъ и церковный и ямской старосты; бывали любопытные слу-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7163 г., № 70: Списки съ ямскихъ отписей Старототемской волости о разныхъ мірскихъ денежныхъ издержкахъ. Въ этихъ столбцахъ находится росписка «судецкаго» цѣловальника Старой Тотьмы въ томъ, что онъ порядился писать у земскаго судейки и у сотскаго съ 1 января 1677 года по Семеновъ день 7186 г. и за это получилъ «по мірской ряде» рубль денегъ отъ цѣловальника и всѣхъ крестьянъ. Встрѣчаются также «судецкіе» цѣловальники. А. Х. и У. Е.,—Б, № XLIV.

[2]) Ср. ниже прим. 1 на стр. 288.

чаи, какъ напр., въ Вондокурскомъ или Комарицкомъ станѣ Устюжскаго уѣзда, гдѣ вмѣстѣ съ земскимъ судейкой упомянутъ «староста судецкой» или судецкіе цѣловальники и т. п. Словомъ, составъ мѣстныхъ органовъ самоуправленія въ каждой волости слагался подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій и представлялъ поэтому своеобразныя черты, которыя едва-ли возможно подвести подъ одну общую норму [1]).

Разумѣется, что при совмѣстномъ существованіи всѣхъ этихъ должностныхъ лицъ въ предѣлахъ одной и той же волости, существовали зачатки разграниченія ихъ вѣдомствъ. Въ такихъ случаяхъ финансовое значеніе сохраняли за собой земскіе старосты и разрубные цѣловальники; но никакъ нельзя поручиться, чтобы въ ихъ вѣдомство вовсе не вмѣшивались бы посторонніе лица. Напротивъ, разрубныя или разводныя росписи прямо указываютъ на существованіе при земскомъ старостѣ или цѣловальникѣ мірскаго, крестьянскаго совѣта, который контролировалъ его дѣятельность. Такъ, при производствѣ разруба старостой или цѣловальникомъ присутствовали мѣстныя земскія власти, какъ-то: земскій судейка, «староста судецкой», крестьяне, исправлявшіе тѣ же должности въ прежніе годы, и вообще разные члены міра изъ разныхъ деревень [2]). Любопытно при этомъ, что въ числѣ этихъ лицъ нерѣдко встрѣчаются «старые» судьи, «старые» сотскіе, что невольно напоминаетъ старыхъ посадниковъ въ Новгородѣ и Псковѣ и обра-

---

[1]) Рѣшаемся сдѣлать эти заключенія на основаніи росписей крестьянамъ Устюжскаго и Тотемскаго уѣздовъ, приведеннымъ къ крестному цѣлованію по случаю восшествія на престолъ царя Алексѣя Михайловича въ 1645 году; онѣ хранятся въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153 г., №№ 61 и 101 и представляютъ поименное перечисленіе крестьянъ вышеозначенныхъ уѣздовъ, приведенныхъ къ присягѣ. Крестьяне перечислены по волостямъ; во главѣ каждой волости упомянуты мѣстные органы самоуправленія. Воевода, какъ извѣстно, долженъ былъ приводить къ присягѣ всѣхъ людей до одного человѣка. (П. С. З., т. II, № 624).

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски Устюга великаго. Здѣсь можно найти нѣсколько розрубныхъ списковъ. Розрубникъ 7143 года августа 9-го, напримѣръ, начинается такъ: Се язъ Юрьева наволока и Евды и Устьевды данный и розрубной и окладной цѣловальникъ Оброс Амосовъ сынъ Вершинскихъ (затѣмъ слѣдуютъ имена 17 крестьянъ, жившихъ въ разныхъ деревняхъ) и во всехъ крестьянъ место... розрубили»... Ibid., 7178 г., № 701: Росписи Бобровой волости о расходѣ и розрубы вытей и земель. Много другихъ примѣровъ можно подъискать въ подобнаго рода актахъ.

зовавшійся изъ нихъ совѣтъ [1]). Центромъ мѣстнаго самоуправленія могли служить земскія, схожія избы. Въ Новгородскихъ волостяхъ при церквахъ на церковной землѣ бывали «схожія или большія» избы, куда крестьяне сходились по воскресеньямъ для мірскихъ дѣлъ; въ числѣ такихъ дѣлъ одно изъ первыхъ мѣстъ, конечно, занималъ вопросъ о раскладкѣ податей [2]).

Вѣдомство всѣхъ этихъ органовъ мѣстнаго финансоваго самоуправленія ограничивалось обыкновенно предѣлами одной волости, рѣдко двухъ, трехъ. Но въ сѣверной полосѣ, по крайней мѣрѣ во второй половинѣ XVII вѣка, встрѣчаются иногда земскія власти съ гораздо болѣе обширнымъ кругомъ дѣятельности. Таковъ былъ всеуѣздный земскій староста, котораго вмѣстѣ съ товарищемъ выбирали мірскіе люди изъ лучшихъ людей. Всеуѣздный староста сидѣлъ въ земской избѣ въ уѣздномъ городѣ и производилъ разводъ податей на волости, въ которыхъ мірскіе люди уже сами раскладывали деньги на выти. Послѣ годовой службы старосты сдавали книги и деньги вновь выбраннымъ и получали отъ нихъ отпись въ пріемѣ всѣхъ дѣлъ и казны [3]). При всеуѣздномъ старостѣ, вѣроятно, также существовало нѣчто въ родѣ совѣта, въ которомъ могли принимать участіе не только члены крестьянскаго міра изъ разныхъ волостей, но и представители отъ посадскихъ людей и монастырей, владѣвшихъ землями въ уѣздѣ [4]) Тамъ, гдѣ все-

---

[1]) А. о. до Ю. Б., т. III, № 306. *А. Никитскій*, Правительственный совѣтъ въ Новгородѣ въ Жур. Мин. Нар. Просв., 1869 г., № 10, стр. 294—309.

[2]) *И. Забѣлинъ*, Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, т. II, стр 170. *К. Неволинъ*, О пятинахъ и погостахъ и проч., стр. 105, прим. 3.

[3]) Чт. М. О. И. и Д., 1887 г., кн. 1, стр. 181. (Дѣло о всеуѣздномъ старостѣ Ѳедькѣ Бетюковѣ 7206 г. дек. 5). Не повторяемъ здѣсь уже вышесказаннаго о причинахъ введенія этого учрежденія и той борьбы, которыми оно сопровождалось. См. гл. I, отд. 2, § 4.

[4]) А. о. до Ю. Б., т. III, № 340, Х. А. Х. и У. Е.,—Б, № CCXXIX. Въ царской грамотѣ на Устюгъ о допущеніи «монастырцовъ» во всеуѣздную земскую избу (1692 г.) мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «а выбрать имъ (т. е. крестьянамъ) къ окладу изъ волосныхъ крестьянъ изъ первой и изъ середней и изъ молотчей статей людей добрыхъ и отъ нихъ монастырцовъ, кто будетъ, и привесть ихъ къ вѣрѣ-жъ. А имъ выборнымъ окладчикомъ велѣти-бъ также по святѣй евангельской заповѣди Господни, въ правду, спрашивать къ окладу у деревенскихъ владѣльцевъ и у половниковъ ихъ хлѣбныхъ всякихъ овинами, а сѣнъ вытныхъ копнами; и переписавъ у всѣхъ владѣльцовъ по ихъ сказкамъ во всѣхъ деревняхъ для вѣрности тѣхъ доходовъ, какъ собраны будутъ, имъ окладчикомъ досмотрить или чѣмъ къ окладу мочно смѣтить; и по тому досмотру въ стрѣлецкихъ денгахъ и въ иныхъ до-

уѣзднаго земскаго старосты не существовало, его обязанности выпадали на долю посадскихъ земскихъ старостъ и воеводъ. Наконецъ, въ рѣдкихъ случаяхъ земское финансовое самоуправленіе достигало еще болѣе сложныхъ формъ мѣстной централизаціи. Въ Вятской землѣ посадскіе земскіе старосты пяти Вятскихъ городовъ собирались вмѣстѣ для развода податей на всю землю и представляли своеобразное коллегіальное, земское учрежденіе, отъ лица котораго писались разводныя [1]).

Дѣятельность всѣхъ этихъ органовъ мѣстнаго самоуправленія въ финансовомъ отношеніи выражалась главнымъ образомъ въ производствѣ развода и разруба (или размета) по денежному платежу. Первый производился земскими, посадскими или всеуѣздными старостами, второй—волостными старостами, сотскими, судейками и цѣловальниками. Разводъ, какъ предварительный актъ мѣстной, мірской раскладки, не имѣлъ въ виду налогоспособности отдѣльныхъ членовъ каждой общины, а опредѣлялъ лишь размѣры оклада, падавшаго на волость. Онъ обнималъ иногда цѣлую землю, чаще ограничивался однимъ уѣздомъ. Такіе разводы производились, напримѣръ, въ Вятской землѣ. Земскіе старосты городовъ Хлынова, Орлова, Котельнича, Слободскаго и Шестакова предварительно разводили всю сумму оклада, падавшаго на Вятскую землю, по уѣздамъ; затѣмъ каждый староста производилъ тоже относительно волостей своего уѣзда. Земскіе старосты разлагали подати по уѣздамъ и волостямъ равномѣрно, указывая на окладъ налога, падавшій по ихъ разводу на соху или дворъ и вычисляя его размѣры для уѣзда или волости по числу описанныхъ въ немъ сохъ или дворовъ [2]).

ходѣхъ съ ними монастырцы обложитца въ равность въ правду и будетъ тѣхъ волостей крестьяномъ и среднимъ и молотчимъ людемъ и имъ монастырцомъ по такому прямому окладу платить въ мочь».

[1]) А. о. до Ю. Б., т. III, № 302, V и VI. Раскладкой сборовъ, предназначавшихся на содержаніе мѣстной тюрьмы и на губные расходы, иногда завѣдывалъ губной староста. Такъ было въ Муромѣ въ 1637 году. (А. Э., т. III, № 271). Въ Устюжскомъ уѣздѣ встрѣчаются еще такъ называемые «третчики». (А. Х. и У. Е.,—Б, №№ LXXXV, LXXXVI). Они, можетъ быть, были старостами тѣхъ третей, на которыя дѣлился Устюжскій уѣздъ. Ср. выше стр. 99.

[2]) А. о. до Ю. Б., т. III, № 302, V и VI. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7179 г. 16 сентября, № 405: Списки съ разводу Орловскаго земскаго старосты Никифора Овчинникова. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1670 года Никифоръ разводитъ по Хлыновской земской разводной (обнимавшей, вѣроятно, всю Вятскую землю) на Орловскіе посадскіе и на тяглые и оброчные и на Исто-

Дальнѣйшее распредѣленіе тягла, имѣвшее въ виду матеріальное благосостояніе каждаго отдѣльнаго плательщика, производилось путемъ разрубовъ или разметовъ въ предѣлахъ данной волости мѣстными выборными лицами, старостой, сотскимъ и цѣловальниками. Каждый налогоспособный крестьянинъ обязанъ былъ участвовать въ платежахъ; въ противномъ случаѣ онъ возстановлялъ противъ себя весь міръ, всѣхъ крестьянъ, которые «на огурника и на неплатежныхъ крестьянъ стояли за единъ человѣкъ съ цѣловальникомъ (или старостой) вмѣстѣ» [1]). Состояніе хозяйства каждаго плательщика опредѣлялось главнымъ образомъ количествомъ рабочихъ рукъ, находившихся въ его распоряженіи, а также размѣрами его участка пашни и сѣнныхъ покосовъ или доходами (урожаемъ) съ такихъ участковъ, соотвѣтственно которымъ онъ и облагался извѣстною податью [2]). Въ сѣверныхъ волостяхъ обработанная пашня измѣрялась волостною веревкой. Земскія власти вписывали эти измѣренія въ «веревныя книги», по которымъ тягло и взималось съ каждаго

бенскіе и на Сингиревскіе и на церковные крестьянскіе и на погостскіе бобыльскіе дворы по переписнымъ книгамъ Василія Отяева (7154 года), да по новосыскнымъ И. Кайсарова на 1279 дворовъ на дворъ по 13 алт. 2 ден. въ Хлыновъ, въ земскую избу на всякой земской мірской расходъ. «И по тому разводу прибавляетъ вышеуказанный документъ, довелось взять съ Истобенскаго тяглаго стану съ 148 дворовъ—59 руб. 20 алт.». На оборотѣ этой разводной, очевидно посланной въ Истобенскій станъ къ тяглому цѣловальнику, находятся двѣ росписки: 1 августа 179 года и 1 іюля 180-го, данныя Орловскимъ земскимъ старостой тяглому цѣловальнику въ пріемѣ отъ него по этой разводной 24 руб. 20 алт. и 27 руб. денегъ. Тамъ же, 7163 г., № 70: Списки съ ямскихъ отписей Старототемской волости о разныхъ мірскихъ денежныхъ издержкахъ. Здѣсь встрѣчаемъ списокъ съ подлиннаго «сколка» пріемнаго цѣловальника Гришки Симакина въ томъ, что онъ взялъ у земскаго цѣловальника должныя съ волости по росписи земскаго старосты 8 р. 26 ал. 4 ден., считая по 5 рублевъ съ сошки.

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски г. Устюга великаго.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски города Устюга великаго и проч. Имп. Публ. Библ., QII, № 44, л. 41. Въ одной изъ грамотъ этого сборника 1677 года читаемъ, что крестьяне Устюжскаго уѣзда «верстались по хлѣбному и по сенному доходу и по семейству». А. Э., т. III, № 288. А. И., т. V, № 77. Доп. къ А. И., т. VI, № 14. *Н. Ильинскій*, Мортка въ XVIII столѣтіи въ Зап. Археол. Общ., Нов. Сер., т. I, стр. 7—11. Судя по любопытнымъ даннымъ, сообщаемымъ г. Ильинскимъ, можно сказать, что разверстка въ XVIII в., по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, производилась главнымъ образомъ на основаніи размѣровъ и состава семьи (т. е. рабочихъ силъ). О составныхъ частяхъ крестьянскаго хозяйства см. выше стр. 246—247.

*

соотвѣтственно числу записанныхъ за нимъ веревокъ до слѣдующаго «вервленія», т. е. новаго уравненія податей. Однородное съ «веревками» значеніе имѣла иногда выть съ ея подраздѣленіями [4]). Такимъ образомъ, главнымъ основаніемъ разруба все же служила земля, значеніе, которое она сохранила даже при введеніи подушной подати, переводившейся міромъ на землю и въ XVIII вѣкѣ [2]). Но если не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ мірская раскладка производилась болѣе сложнымъ путемъ, посредствомъ такъ называемаго перевода, денежнаго или сошнаго платежа. Въ сошныхъ книгахъ этими терминами означается, обыкновенно, счетъ поземельныхъ измѣреній при ихъ сложеніи или вычитаніи денежными единицами. Для этого соха приравнивалась, напримѣръ, 4 алтынамъ (иногда 24-мъ алт. или другимъ денежнымъ суммамъ). Въ такомъ случаѣ $^1/_2$ сохи равно было 2 алтынамъ, $^1/_4$ сохи—одному алтыну и т. д.; вмѣсто того, чтобы складывать хотябы полполтрети сохи съ полуполуполутретью, можно было сложить 2 и 1 деньгу, получить такимъ образомъ 3 деньги, затѣмъ справиться въ самой сошной книгѣ о томъ, какой плоскостной величинѣ соотвѣтствуютъ 3 деньги и. наконецъ, прити къ заключенію, что полполтрети сохи съ полуполуполутретью составятъ полчетверти сохи. Трудно сказать, какими условіями опредѣлялась величина тѣхъ суммъ, на которыя «переводилась» соха: простыми ли удобствами въ соотвѣтствіи цѣлыхъ частей данной величины съ дробными дѣленіями сошнаго письма, чѣмъ избѣгалась необходимость сложенія и вычитанія дробей, или же вліяніемъ на нее количества податныхъ сборовъ съ податной единицы, находившейся въ фиктивномъ отношеніи къ извѣстному поземельному участку [3]).

---

[1]) Арханг. губ. вѣд. 1865 г., № 8. Чт. М. О. И. и Д. 1887 г., кн. III, смѣсь, стр. 11. (Дѣло о сборѣ недоимокъ въ Кевролѣ и Мезени подьячимъ Я. Даниловымъ въ 1679 г.). Румянцевскій музей, Собр. И. Бѣляева. Ящикъ 14, закладная 7190 г. Дек. 31... «и ему подати государевы и всякія разрубныя деньги платить въ рядъ по веревной книгѣ и службы служить»... *Д. Лебедевъ*, Описаніе рук. И. Бѣляева, М., 1881 г., стр. 220, № 197. *Г. Блюменфельдъ*, О формахъ землевладѣнія, стр. 284. Въ Бобровской волости 26 февраля 1667 года деньги на всеземской расходъ раскладываются на «осмины вытныя» и вообще всѣ подати разверстываются по осминамъ, вѣроятно, также вытнымъ, Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7178 г., № 701: Росписи Бобровской волости о расходѣ и разрубы вытей и земель.

[2]) *М. Горчаковъ*, О земельн. влад., стр. 515—516. *И. Руковскій*, Ibid., стр. 135—137.

[3]) Сошный платежъ. кромѣ теоретическаго изложенія, изъясняется иногда

Болѣе вѣроятнымъ, кажется, слѣдуетъ считать первое предположеніе. Впрочемъ, и переводная сумма, къ которой приравнивалась соха, иногда дѣлилась на дробныя части съ спеціальными наименованіями полушки, пирога или мортки [1]). Тѣ же общія начала прилагались обыкновенно къ мірской раскладкѣ по денежному платежу Вся сумма оклада, падавшаго на общину (волость), приравнивалась къ опредѣленной суммѣ «денегъ» (полукопѣекъ), на каждую

цѣлымъ рядомъ примѣровъ, задачъ и ихъ разрѣшеніемъ. См., напр., сошную книгу въ сборн. Имп. Публ. Библ., QXVII, № 66. лл. 215—226; QXVII, № 87, лл. 3 об.—10 При счетѣ денежнымъ платежемъ соха приравнивалась въ сошныхъ книгахъ разнымъ величинамъ: 16 алтынамъ (Имп. Публ. Библ., QXVII, № 66, л. 213 об.); 16 алт. 4 ден. (Ibid., л. 208 об.); 32 алт. (Ibid , л. 175); 20 алт. (Ibid., QII, № 42, лл. 8—9), 40 руб. (Ibid , Древлехран М. Погодина, № 1612, лл. 42 и 452). Четверть приравнена 24 алт. въ сошн. книгахъ въ Имп. Публ. Библ., QII, № 42, л. 7 и QXVII, № 142, л. 218.

[1]) Въ сошныхъ книгахъ полушкой обыкновенно называется полуденьга (1/4 копѣйки). Есть примѣры, гдѣ полушка какъ бы приравнивается 1/3 копѣйки. Такъ напр., треть сохи, переведенной па 40 рублей, считается какъ 13 р. 11 алт. съ полушкой, полполтрети сохи при такомъ же переводѣ. какъ 1 р. 11 ал. съ полушкой. (Имп. Публ. Библ., книга сошнаго письма въ сборн. Древлехран. М. Погодина, № 1612, л. 42). Впрочемъ, здѣсь, можетъ быть для удобства счета вмѣсто третей считается половинами. Подобныя отступленія допускались самими сошными книгами. Пирогъ и мортка, кажется, величины однородныя. Судя по сошнымъ книгамъ, пирогъ равенъ былъ 1/4 деньги (1/8 копѣйки). См., напр., Имп. Публ. Библ., QII, № 42, л. 7. Румянцевскій музей, Собр. Ундольскаго, № 833, л. 61 об.—Мортка напоминаетъ аналогичныя древнерусскія выраженія: куны, бѣлка, пупъ, хвостъ (= pecunia). Она уже извѣстна въ устав. грам. Всеволода Мстиславича ок. 1135 г. (Доп. къ А. И., т. I, № 3). Выраженія въ родѣ «кунья мордка» или «меринъ гнѣздъ, мортка бела» (Вкладная книга Симонова монастыря XVI—XVII вв. въ Имп. Публ. Библ., FIV, № 384, л. 154) ясно указываютъ на происхожденіе этаго термина. Сошныя книги также приравниваютъ мортку въ XVII в. къ 1/4 деньги (1/8 коп.). См. Имп. Публ. Библ., QXVII, № 66, л. 187 об. *В. Крестининъ*, Исторія г. Холмогоръ, Спб., 1790, прил. № II. Это подтверждается частными примѣрами. Въ Муромѣ въ 1637 году было 39 человѣкъ самыхъ худыхъ; они платили каждый съ полумортки, а всего съ 5 денегъ безъ полумортки. (Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Мурома 7144 г., QIV, № 231). Отсюда мортка $= \frac{5}{40:2} = 1/4$ деньги. Ту же величину сохраняетъ мортка и въ XVIII в. См. *Н. Ильинскаго*, Мортка въ XVIII стол. въ Зап. Археол. Общ., Нов. Сер., т. I, стр. 7—11. Авторъ, очевидно, неправъ, приписывая употребленіе мортки XVIII-му столѣтію.—Такимъ образомъ, мортка въ XVII столѣтіи, повидимому, фиктивная единица денежнаго счета, употребляемая при мірской разверсткѣ податей. Въ челобитной Вологожанъ 14-ти сороковъ встрѣчается указаніе на разрубы податей по денежному платежу «съ пула» по 2 руб., съ 1/4 пула по 16 ал. 4 д. и т. д. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, II. Д. С. Л., Дѣло по поводу этой челобитной 1680 г. Апр. 23).

изъ которыхъ падала равномѣрная часть оклада. Деньги эти разлагались между тяглецами такъ, чтобы соотношеніемъ этихъ разложенныхъ частей, содержавшихъ извѣстное количество денегъ сообразно налогоспособности каждаго плательщика, вполнѣ опредѣлялось и дѣйствительное соотношеніе тяглыхъ хозяйствъ. На долю каждаго плательщика приходилось, слѣдовательно, разное количество денегъ; налогоспособность одного изъ нихъ измѣрялась какою нибудь дробною частью деньги, другаго, напротивъ, нѣсколькими цѣлыми единицами («деньгами»). Такимъ образомъ, хотя на деньгу и падала равномѣрная часть оклада, тѣмъ не менѣе почти каждый плательщикъ платилъ разное количество податей, сообразно хозяйственнымъ своимъ средствамъ. Всѣ эти общія положенія подтверждаются частнымъ примѣромъ мірской разверстки по денежному платежу въ Великорѣцкой волости (Хлыновскаго уѣзда?) въ 1670 году. Въ этомъ году Великорѣцкій тяглый цѣловальникъ Никифоръ Харюшинъ съ крестьянами развели разводъ за государевъ московскій стрѣлецкій хлѣбъ и рѣшили брать съ Великорѣцкихъ тяглыхъ крестьянъ на деньгу по 40 алтынъ. По этому поводу Великорѣцкимъ цѣловальникомъ составлены были сборныя книги, въ которыя записаны были всѣ плательщики съ опредѣленіемъ того, съ сколькихъ денегъ каждый изъ нихъ долженъ былъ платить; послѣ исчисленія плательщиковъ каждой десятни, подводился «перечень», которымъ означалась вся сумма денежнаго платежа, падавшая на десятню [1]). Размѣры подати, выплачиваемой каждымъ плательщикомъ, были пропорціональны величинѣ его денежнаго платежа, который въ свою очередь являлся мѣриломъ его налогоспособности.

Подати, однако, не всегда «разрубались» ежегодно Встрѣчаются указанія на то, что мірская раскладка могла производиться черезъ два, три года [2]). При этомъ различныя подати или группы податей

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7179 г. ноября 21-го, № 583: Книга Великорѣцкаго цѣловальника Никифора Харюшина о сборѣ съ крестьянъ за Московскій стрѣлецкій хлѣбъ и Сибирскій и Верхотурскій хлѣбный запасъ денегъ. При счетѣ денежнымъ платежемъ встрѣчается терминъ: осмина. Это не четвертная осмина, а восьмая часть суммы, соотвѣтствовавшей 1-ой деньгѣ денежнаго платежа, т. е. $\frac{40 \text{ алт.}}{8} = 30$ деньгамъ (15 копѣйкамъ).

[2]) А Э., т. IV, №№ 250 и 251. А. И., т. V, №№ 77 и 274. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7161 г. ноября 2: Дѣла Устюжскаго уѣзда разныхъ волостей крестьянъ Климента Павлова «съ товарищи» о разверстаніи ихъ крестьянскихъ земель на особыя выти или тяглы и о причиненныхъ имъ отъ другихъ обидъ. Въ челобитной земскаго судейки Воржемской волости Климки

часто раскладывались не единовременно, а въ разныя времена года, частью въ виду распоряженій самого правительства (на которыя уже было указано выше) [1]), частью вслѣдствіе мѣстныхъ и временныхъ удобствъ или задержекъ. Такъ напримѣръ, въ Сученгской волости (Тотемскаго уѣзда) со второй половины 7176 года произведены были слѣдующіе разрубы: 15 декабря — дани и оброка, 17 февраля—стрѣлецкихъ денегъ, 26 февраля—стрѣлецкихъ же денегъ, 10 марта—подымныхъ денегъ земскому цѣловальнику, 29 марта—стрѣлецкихъ денегъ, 1 августа—денегъ на всякіе земскіе расходы. Въ Бобровской волости (Устюжскаго уѣзда) въ томъ же году произведены были разрубы 25 сентября—ямскихъ и ружныхъ денегъ, денегъ на всеземскій расходъ и денегъ на посылку сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ и плотниковъ; 3 ноября—данныхъ, оброчныхъ, полоняничныхъ денегъ, конскихъ полтинъ и денегъ за пустыя выти; 6 февраля—денегъ Московскимъ стрѣльцамъ на хлѣбное жалованье; 25 марта—денегъ «въ издержку для отписей данныхъ и оброчныхъ и Московскимъ стрѣльцамъ запасу и въ ямскіе деньги и въ празнишное въ великоденное и въ посыпной хлѣбъ и приставомъ въ кормъ и въ ѣздъ»; 17 іюня—денегъ, нужныхъ для отправки челобитчика въ съѣзжую избу; 12 іюля—денегъ на Архангельское городовое строенье, на гостинные дворы и приставамъ на кормъ, на ѣздъ и на посылку, того же 12 іюля, но по особому волостному приговору сдѣланъ былъ разрубъ денегъ на земскую издержку [2]). Изъ сопоставленія этихъ данныхъ не трудно заключить, что различные виды податей въ однихъ случаяхъ рас-

---

Павлова читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: «И по сей число платимъ всякіе твои государевы доходы сполна, а верстали тожъ (т. е. такъ же, какъ и писецъ Никита Вышеславцевъ, о которомъ выше шла рѣчь въ челобитной), неровно и платимъ по одной поверстке болши дватцати лѣтъ. А которые деревни были въ роспашѣ и тѣ деревни окладывали тяжело, а которые деревни вновь селились и тѣ деревни окладывались легко И тѣ роспашные деревни стали ныне не хлѣбные потому, что земля выпахалась, а тѣ деревни кои вновь селились и тѣ деревни нынѣ добры и земля не опахалась. А наши деревни ныне стали не хлѣбны, хлѣбъ не родитца, а твоихъ государевыхъ доходовъ платить стало нечѣмъ... Милосердый Государь... пожалуй насъ сиротъ своихъ, вели Государь въ томъ учинить свой царской указъ и вели Государь межъ нами крестьяны вытное письмо поверстать и съ тяжелые збавить, а на легкую прибавить»...

[1]) См. выше, стр. 280—281.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7176 г., № 420: Дѣло о раскладкѣ на крестьянъ Сученгской волости стрѣлецкихъ денегъ. Ibid., 7178 г., № 701: Росписи Бобровской волости о расходѣ и разрубы вытей и земель.

кладывались каждый въ отдѣльности въ разное время, въ другихъ—сливались въ довольно произвольныя группы, очевидно, въ зависимости отъ мѣстныхъ и временныхъ условій Такъ, въ Сученгской волости данныя и оброчныя деньги выдѣлены, въ Бобровской—слиты съ другими сборами. Въ Бобровской волости въ 7176 году дань и оброкъ сбирались вмѣстѣ съ полоняничными деньгами, конскими пошлинами и деньгами за пустыя выти. Въ Ерогоцкой волости того же Устюжскаго уѣзда въ 7177 году, вмѣсто дани и оброка, вмѣстѣ съ тѣми же сборами взимаются стрѣлецкія деньги, которыя, напротивъ, въ Бобровской волости были выдѣлены въ особую группу. Даже въ одной и той же волости въ разные годы можно встрѣтить одни и тѣ же виды податей въ различныхъ сочетаніяхъ. Въ Бобровской волости въ 7174 и 7175 годахъ ямскія деньги взимались вмѣстѣ съ ружными; въ 7176 г. они слиты съ данными, оброчными, стрѣлецкими деньгами и болѣе мелкими сборами. Такая же неопредѣленность во времени раскладки видна не только въ сочетаніяхъ разновидностей податей, но и въ раскладкѣ одной и той же подати. Такъ напримѣръ, дань и оброкъ въ Сученгской волости раскладываются въ декабрѣ, въ Бобровской — въ февралѣ мѣсяцѣ. Наконецъ, въ предѣлахъ одной и той же волости одна и та же подать, различно сочетаясь съ другими податями, раскладывалась въ разное время. Дань и оброкъ, напримѣръ, въ Бобровской волости въ 7174 году разложены были въ началѣ ноября, а въ 7175 году въ концѣ того же мѣсяца [1]). Слѣдуетъ замѣтить при этомъ, что нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ податей раскладывались въ нѣсколько пріемовъ, такъ какъ взимались не сразу за весь годъ, а въ нѣсколько «поборовъ». Такъ напримѣръ, въ Юрьевской волости (Устюжскаго уѣзда) ямскія деньги взимались въ три побора; въ февралѣ 1668 года въ Сученгской волости сбирались стрѣлецкія деньги «по третьему разводу». Но особенно рельефнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи является раскладка денегъ на земскій расходъ и на ругу въ Толшемской волости (Тотемскаго уѣзда) 7184 года. Этотъ сборъ взимался волостнымъ цѣловальникомъ, который доставлялъ собранное всеуѣздному земскому старостѣ. Подать эта разложена была на семь «поборовъ» [2]). Наконецъ, въ

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7177 г. октября 1, № 324: Приговоры Ерогоцкой волости о сборѣ ямскихъ денегъ и четвертныхъ доходовъ. Ср. предшеств. прим.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски города Устюга великаго. Чт. М. О. И. и Д. 1887 г., кн. I, Смѣсь, стр. 172. Ср. прим. 2 на стр. 295 и предшеств. прим.

довершеніе той путаницы, которую вызывали несовершенства мѣстной раскладки, самые разрубы текущаго года иногда переводились на слѣдующій, производились какъ бы заднимъ числомъ Такъ напримѣръ, въ августѣ 1645 года, въ одной изъ Устюжскихъ волостей разрубались данныя и оброчныя деньги, слѣдуемыя за прошлый годъ за пустыя выти. Въ январѣ 7177 (1669) года цѣловальникъ Бобровской волости прошлаго 7176 года разрубилъ великаго Государя сибирскій хлѣбный запасъ на прошлый на 176-й годъ [1]).

Судя по вышеприведеннымъ даннымъ, мірская раскладка была довольно неопредѣленной и сложною операціею. Она производилась отдѣльно и разновременно для каждой подати или для небольшихъ группъ, которыя видоизмѣнялись подъ вліяніемъ мѣстныхъ и временныхъ удобствъ. Раскладка одной и тои же подати въ нѣсколько пріемовъ и производство ея заднимъ числомъ еще болѣе усложняли это устройство; волостной староста или цѣловальникъ постоянно заняты были раскладкой или сборомъ, которые производились чуть ли не въ теченіе всего года за исключеніемъ лѣтней, страдной поры.

Менѣе сложною была раскладка пятинныхъ денегъ [2]), хотя и она требовала довольно продолжительныхъ предварительныхъ работъ, выполненіе которыхъ поручалось окладчикамъ. Окладчики выбирались изъ лучшихъ, среднихъ и молодшихъ свѣдущихъ людей, иногда называвшихся выборными цѣловальниками [3]). Выборы производились крестьянами каждой общины, а приговоры о выборѣ за ихъ рукоприкладствами присылались къ воеводѣ [4]). Окладчики

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П Д. С. Л., 7178 г., № 701: Росписи Бобровской волости о расходѣ и разрубы вытей и земель. Любопытно, что прошлогодній сборъ производится и прошлогоднимъ цѣловальникомъ. Ibid., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски г. Устюга великаго.

[2]) Мы не говоримъ здѣсь о раскладкѣ оброка, такъ какъ ея въ уѣздѣ. въ сущности, не было. Оброкъ, замѣнявшій дань, раскладывался, конечно, такъ же, какъ и другіе виды тягла. Лавочнаго оброка почти не встрѣчается не только въ деревняхъ, но и въ большинствѣ селъ. Оброкъ съ мельницъ и кузницъ, изрѣдка попадающійся въ уѣздѣ, не могъ раскладываться, а опредѣлялся писцами или мѣстными органами администраціи съ каждаго заведенія въ отдѣльности сообразно доходности оброчной статьи.

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7133 г., № 19: Судное дѣло между торговыми людьми и крестьянами Сольвычегодска объ уплатѣ пятинныхъ и десятинныхъ денегъ. А. И., т. V, №№ 23 и 48. П. С. З., т. I, № 329.

[4]) А. И., т. IV, № 93; т. V, № 23.

должны были оцѣнить животы плательщиковъ «на дому, въ лавкахъ и въ торгу»; послѣднее производилось по таможеннымъ книгамъ, т. е. по величинѣ выплаченныхъ торговыми людьми пошлинъ; кромѣ того, окладчики иногда, кажется, должны были помогать земскимъ старостамъ при раскладкѣ и другихъ податей [1]).

Мірская раскладка податей вызывала не мало злоупотребленій. Сильные люди, горланы [2]) вліяли на раскладку въ виду собственныхъ выгодъ и въ ущербъ молодшимъ людямъ. Послѣдніе нерѣдко били челомъ Государю о томъ, что сильные, прожиточные, семьянистые люди «воровствомъ и заговоромъ сбавливаютъ съ себя участки своихъ пашень и на молодчихъ людей накладываютъ» [3]). Въ другихъ случаяхъ, если лучшимъ людямъ не удавалось такъ или иначе повліять на производство раскладки, они старались отписаться, тянуть тягло особо отъ другихъ, среднихъ и молодшихъ тяглецовъ. Это объясняется, конечно, желаніемъ избѣжать излишнихъ податей, выплачиваемыхъ за пустыя выти, которыя въ большинствѣ случаевъ покидались не богатыми, а бѣдными плательщиками. Въ Чердынскомъ уѣздѣ, напримѣръ, были такого рода злоупотребленія; на нихъ жаловались средніе и молодшіе люди въ 1629 году и черезъ 17 лѣтъ все еще продолжали бить челомъ о томъ же [4]). Иногда при раскладкѣ обнаруживались злоупотребленія не только наиболѣе состоятельныхъ членовъ общины, но и самихъ выборныхъ должностныхъ лицъ. Такъ, земскій цѣловальникъ въ Царевской волости Тотемскаго уѣзда Шиховъ, вмѣстѣ съ сильными людьми завладѣлъ пустошами и пустыми жеребьями бѣглыхъ крестьянъ, но уклонился отъ раскладки на эти земли государевыхъ податей и мірскихъ сборовъ. Крестьяне били челомъ Государю и обратились къ Тотемскому воеводѣ Алексѣю Большеву съ просьбой о томъ, чтобы онъ послалъ въ Цареву волость выборныхъ посадскихъ людей досмотрѣть пустоши и пустые жеребьи. Но горланы воспротивились досмотру, а чело-

---

[1]) А. И., т. V, № 274. Пятинныя деньги, переложенныя на поземельный налогъ, разумѣется, раскладывались по примѣру другихъ видовъ поземельной или подворной податі.

[2]) Coqs de paroisse, какъ ихъ характерно называли въ XVII вѣкѣ во Франціи. *P. Clément*, Histoire de Colbert et de son administration, P., 1874, t. I, p 187, n. 1.

[3]) Древн. Рос. Вивл., ч. XI, № XLIX. А. Э., т. IV, № 6. Доп. къ А. И., т. I, № 167. *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 109.

[4]) А. Э., т. IV, № 6.

битчики стали подвергаться разнымъ притѣсненіямъ. Шиховъ съ товарищами гналъ ихъ изъ волости вонъ, «ставилъ ихъ въ лишнихъ податяхъ и въ мірскихъ поборахъ на правежѣ сверхъ государевыхъ жилыхъ жеребьевъ и билъ ихъ безъ милости». Тогда притѣсняемымъ крестьянамъ велѣно было (быть можетъ, временно) платить государевы подати въ съѣзжую избу «опричь горлановъ и ябедниковъ», а для разслѣдованія дѣла посланъ Тотемскій приказный человѣкъ Послѣдній, однако, не спѣшилъ приступать къ выполненію возложеннаго на него порученія, вѣроятно, потому, что предпочиталъ брать взятки отъ сильныхъ людей волости и держать съ ними миръ. Поэтому, вскорѣ затѣмъ, въ февралѣ 1641 года, изъ Москвы посланъ былъ приставъ, который долженъ былъ Тотемскаго приказнаго человѣка вкинуть въ тюрьму на два дня и взять съ него прогоны по своей подорожной, горлановъ и ябедниковъ вмѣстѣ съ двумя, тремя изъ крестьянъ-челобитчиковъ препроводить въ Москву, а на мѣстѣ произвести сыскъ «опричь горлановъ роду» [1]).

Кромѣ безпорядковъ, происходившихъ внутри волости, нерѣдко бывали столкновенія волостей другъ съ другомъ изъ за тяглыхъ интересовъ,—столкновенія, столь же вредно вліявшія на мірскую раскладку, какъ и внутренніе раздоры горлановъ и ябедниковъ съ молодшими людьми. Если волости и подчинялись разводу всеуѣзднаго старосты, если онѣ и списывались иногда по нѣсколько вмѣстѣ при производствѣ пропорціональной мірской раскладки [2]), то все же мало сознавали единство своихъ тяглыхъ интересовъ. Значительныя разстоянія, конечно, не способствовали объединенію волостей въ болѣе сложныя группы. Такъ напримѣръ, Шимозерская волость съ выставками отдѣлилась отъ Оштинскаго погоста (Обонежской пятины), съ которымъ она прежде тянула тягло, въ виду того, что она находилась на 50 и болѣе верстъ отъ этаго погоста [3]).

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7149 г., № 71: Дѣло о горланахъ Царевской волости. Конца этого дѣла къ сожалѣнію не сохранилось. Чт. М. О. И. и Д. 1862 г., кн. IV, Смѣсь, 1712 г.: Стачка мірскаго цѣловальника Остенской волости съ горланами и ябедниками. Ср. Доп. къ А. И., т. X, № 23.

[2]) Въ Устюжскихъ волостяхъ, Юрьевѣ на Волокѣ, Евдѣ и Устьевдѣ былъ, напр., цѣловальникъ, который раскладывалъ подати на всѣ три волости вмѣстѣ. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски города Устюга великаго.

[3]) *К. Неволинъ*, О пятинахъ и проч. въ Зап. Геогр. Общ., т. VIII, стр. 106. По государевой грамотѣ также отписана была отъ Важенскаго погоста Святозерская волостка.

Но отписанная волость находилась (по крайней мѣрѣ, временно) въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ не отписанныя, привлекала значительное количество переселенцевъ и тѣмъ возбуждала недовольство сосѣднихъ волостей. Обвинскій и Ильменскій станы Чердынскаго уѣзда, судомъ и Сибирскими отпусками приписанные къ Соликамску, пользовались самостоятельностью въ другихъ отношеніяхъ и высылали данныя и оброчныя деньги прямо въ Москву, не подчиняясь общему уѣздному разводу. По отзывамъ Чердынцевъ, жители этихъ двухъ становъ жили въ великой льготѣ, потому что изъ многихъ мѣстъ къ нимъ на Обву и на Ильву крестьяне селились многіе; между прочимъ сюда же выселялись многіе жители Чердыни, къ которой впослѣдствіи велѣно было вновь приписать оба стана [1]). Но если состоятельной волости выгодно было отписаться отъ другихъ, то, наоборотъ, задолжавшей гораздо выгоднѣе было разложить свои долги и на сосѣднія волости: въ такихъ случаяхъ дѣло не обходилось безъ злоупотребленій. Такъ, крестьяне Чушевицкой волости били челомъ Государю въ 1628 г. о томъ, чтобы Государь ихъ пожаловалъ, велѣлъ пустыя выти ихъ волости и слѣдуемые съ нихъ денежные доходы поверстать и развести на всѣ Устьянскія волости и чтобы имъ, «достальнымъ крестьянамъ на правежѣ за мученьемъ не быть». Просьба ихъ была исполнена, такъ какъ правительство не знало, что пустыя выти, о которыхъ била челомъ Чушевицкая волость, были въ сущности паханными, а не пустыми [2]).

Такимъ образомъ, тяглые интересы отдѣльныхъ общинъ не всегда мирились между собою, мѣшали правильному разводу податей по волостямъ и вредно вліяли на мірскіе разрубы въ предѣлахъ каждой крестьянской общины. Черной волости приходилось, однако, бороться не только съ сосѣдними черными же волостями, но и съ смежными частными поземельными владѣніями бѣломѣстцевъ. На сѣверѣ такая борьба разрѣшалась обыкновенно въ пользу волости. Здѣсь частными землевладѣльцами были почти исключительно монастыри и церкви; населеніе, обитавшее на ихъ земляхъ обыкновенно подчинялось общинному устройству, входило въ разрубы и разметы волости, тянуло тягло съ черными людьми вмѣстѣ. Такъ напри-

---

[1]) А. Э., т. III, № 293.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7136 г., № 52: Отрывокъ изъ дѣла по поводу челобитной Чушевицкой волости крестьянъ о раскладкѣ денежныхъ сборовъ съ ихъ пустыхъ вытей на всѣ Устьянскія волости.

мѣръ, Печенгскій монастырь Холмогорскаго уѣзда, жаловался на то, что ему приходится участвовать въ мірскихъ разрубахъ; Устьморжевскій Никольскій монастырь въ Двинскомъ уѣздѣ билъ челомъ Государю на крестьянъ Моржегорской волости, которые накладывали на его деревню двойное тягло противъ писцовыхъ книгъ. Устюжскій Успенскій протопопъ «написанъ» былъ въ сотную Ратміровской волости съ черными деревнями вмѣстѣ. Монастырь Троицкій съ Гледена въ Орловской волости, того же уѣзда, долженъ былъ платить денежному мірскому сборщику кабальныя деньги, слѣдуемыя съ него по разрубному списку [1]) Въ Устюжской всеуѣздной избѣ вмѣстѣ съ крестьянами сидѣли монастырскіе вкладчики «для ихъ многова платежу и для вѣдома сбору денежной казны и для расходовъ и для всякого мірского общего совѣту», такъ какъ по царскому указу запрещено было крестьянамъ окладывать монастырскіе дворы заочно, безъ монастырскихъ окладчиковъ и «безъ счету» [2]). На то же участіе частныхъ поземельныхъ владѣній въ разрубахъ и разметахъ волости указываетъ вообще и характеръ писцовыхъ книгъ сѣверно-русскихъ уѣздовъ. Въ этихъ книгахъ описаніе земель ведется по волостямъ, и частныя вотчины, очевидно, въ большинствѣ случаевъ включаются въ составъ тѣхъ же волостей.

Не всѣ монастырскія владѣнія, подлежавшія прямому обложенію, тянули тягло съ черными людьми. Старинныя монастырскія вотчины, занесенныя въ писцовыя книги 1626 года, были «въ особомъ платежѣ» и службъ вмѣстѣ съ волостными крестьянами не служили. Но крестьянское населеніе тѣхъ поземельныхъ владѣній, которыя пріобрѣтены были послѣ переписи 1626 года, платило всякіе денежные доходы и всякія службы служило съ волостными крестьянами въ рядъ, «верстаясь по сошному письму и вытному тяглу и по деревенскимъ всякимъ угодьямъ и по дворовому числу» [3]). Волостные крестьяне, однако, не принимали во вниманіе этихъ ограниченій и постоянно стремились «притянуть» населеніе частныхъ поземельныхъ владѣній къ мірскому тяглу, на что, конечно, никакъ не хотѣли согласиться землевладѣльцы-вотчинники. Отсюда между черными людьми и вотчинниками возникало множество споровъ и столкновеній, кото-

---

[1]) А. Х. и У. Е.,—А, № XX; Б, № XIII. XVI. А И., т. IV, № 254. Много примѣровъ см. въ А. Х. и У. Е.,—Б, №№ LI, LVI, LXIX, XCIII, CXVIII, CXXXVII, CXLV, CLXXVII, CXCI, CC, CCVII.

[2]) А. Х. и У. Е.,—Б, №№ CCXXIX и CCLII.

[3]) Ibid., №№ CCXXIX и CCLIII.

рыя иногда тянулись очень долго. Такова, напримѣръ, борьба Великоустюжскаго собора съ волостными крестьянами, обложившими податями соборныя деревни въ Устюжскомъ уѣздѣ. Борьба эта была весьма упорна; несмотря на распоряженія правительства о томъ, чтобы крестьяне собора не тянули тягла съ волостными людьми, — распоряженія, сдѣланныя въ 1625, 1648, 1680 и 1683 годахъ, тѣмъ не менѣе понадобилась новая царская грамота о томъ же въ 1688 году [1]).

Если подобнаго рода столкновенія черныхъ людей съ землевладѣльцами въ сѣверной части государства заканчивались большею частью побѣдой общины, если здѣсь вотчинники должны были подчиняться общиннымъ порядкамъ, то, напротивъ, въ средней полосѣ волость уступала мѣсто стану, помѣстью и вотчинѣ, а крестьянскій міръ становился въ нѣкоторую зависимость отъ землевладѣльца. Окладъ, падавшій на цѣлый уѣздъ, разводился по станамъ и тѣмъ волостямъ, которыя здѣсь встрѣчаются на ряду съ станами, затѣмъ раскладывался по помѣстьямъ и вотчинамъ. Но зависимость крестьянской общины отъ землевладѣльца, какъ извѣстно [2]), далеко не уничтожила общинныхъ порядковъ и при раскладкѣ государственныхъ податей едва ли особенно сильно ограничивала дѣятельность крестьянскаго міра. Старосты, цѣловальники и сотскіе «разныхъ помѣщиковъ» и вотчинниковъ встрѣчаются, напримѣръ, въ Вологодскомъ, Новгородскомъ, Серпуховскомъ, Нижегородскомъ и другихъ уѣздахъ [3]), всѣ они производили раскладку, вѣроятно, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ сѣверныхъ волостяхъ, хотя къ сожалѣнію эта сторона ихъ дѣятельности пока остается для насъ мало извѣстною и во всякомъ случаѣ была нѣсколько стѣснена надзоромъ прикащика. Впрочемъ, то значеніе, какое сохранили эти выборныя лица при взиманіи и доставкѣ податей, заставляетъ предполагать, что и въ раскладкѣ они играли важную роль.

---

[1]) *И. Румовскій*, Описаніе Великоустюжскаго собора, прил. № XIV. Другіе примѣры см. въ А. И., т. III, № 202. Доп. къ А. И., т. X, № 34. Чт. М. О. И. и Д. 1887 г., кн. I, Смѣсь, стр. 154—158, 174—177, 180. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7135—7138 гг, № 9: Дѣло Устюжскихъ цѣловальниковъ съ Телѣговымъ монастыремъ, который не хотѣлъ платить четвертныхъ доходовъ вмѣстѣ съ волостями.

[2]) См. выше, стр. 92—96.

[3]) А. Ю., №№ 288, 334, I. П. С. З., т. I, № 441, ст. 116. *А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, А. г. р., т. I, №№ 98, 101, 105, 109 и мн. др.

[4]) А. Х. и У. Е.,—В, № LXXII.

Широкій кругъ дѣятельности, предоставленный правительствомъ населенію въ дѣлѣ раскладки податей въ уѣздѣ, оставался безъ существенныхъ видоизмѣненій и на посадѣ, хотя, конечно, осложнялся подъ вліяніемъ разнообразныхъ условій городской жизни. Такое единообразіе, особенно въ первой половинѣ XVII вѣка, въ черныхъ волостяхъ разъясняется тѣмъ, что посадъ въ то время не успѣлъ еще выдѣлиться изъ уѣзда и облагался «въ свалъ», вмѣстѣ съ нимъ, а не отдѣльно. Такъ, Чердынцы, посадскіе люди и уѣздные крестьяне, списаны были въ одну соху для раскладки тягла; Сольвычегодскіе посадскіе люди въ податяхъ и службахъ верстались вмѣстѣ съ уѣздными крестьянами; Устюжскій уѣздъ расписанъ былъ съ уѣздными людьми вмѣстѣ до 1675—1676 г Характерную особенность Двинской земли, по мнѣнію торговыхъ людей гостинной и суконной сотни, составляло то, «что Двинская земля велика и многолюдна, а не одинъ городъ, а въ уѣздѣ многіе посады и волости съ деревнями и живутъ всѣ въ ровенствѣ, даньми и службами за одно и въ службы даютъ считаяся между собою по очередямъ, уѣздныхъ по 7 человѣкъ, а съ Колмогоръ по 1 человѣку... и въ томъ имъ, Колмогорцамъ, отъ уѣздныхъ людей противъ иныхъ городовъ вспоможенье великое, а въ иныхъ городѣхъ уѣздные люди съ посадскими людьми дани не даютъ и службъ не служатъ» [1]). Встрѣчаются и частные примѣры развода отдѣльныхъ податныхъ обязанностей на посадъ съ уѣздомъ или на нѣсколько посадовъ съ уѣздами Такъ напримѣръ, мостовыя деньги разложены были въ 1623 году на Новгородскій посадъ съ уѣздомъ, подможныя деньги для губныхъ расходовъ—на Муромъ съ уѣздомъ. Городовое и острожное дѣло разводилось въ разное время между Ржевой съ уѣздомъ, между Серпуховскимъ, Оболенскимъ и Тарусскимъ, между Пронскимъ и Каменскимъ посадами съ уѣздами [2]). Разумѣется, что общій разводъ на сѣверѣ вызванъ былъ, такъ сказать, земскою связью между городомъ и уѣздомъ, а на югѣ—скорѣе административными и стратегическими соображеніями.

Раскладка податей на посадѣ производилась такъ же, какъ и въ

---

[1]) А. Э., т. III, № 121; т. IV, № 6. А. Ю., № 374. А. о. до Ю. Б., т. III, № 340, Х. Доп. къ А. И., т. VI, № 134; т. X, № 89, I. П. С. З., т. IV, № 1916.

[2]) А. Э., т. III, №№ 145 и 321. А. о до Ю. Б., т. III, № 302. Ярослав. губ. вѣд. 1855 г, №№ 3 и 4. Румянцевскій музей, Книги острожнаго и городоваго дѣла по городамъ Серпухову, Суздалю, Пронску, №№ 1393, 1396, 1401.

уѣздѣ, земскими выборными должностными лицами. Центромъ мѣстнаго самоуправленія на посадѣ была земская изба. Вѣроятно, то же или подобное же учрежденіе иногда встрѣчается и подъ другими наименованіями. Въ Устюгѣ, напримѣръ, была изба Устюжскихъ посадскихъ земскихъ судей, старостъ, цѣловальниковъ и всѣхъ посадскихъ людей, «схожая для всѣхъ земскихъ дѣлъ». Въ Бѣжецкомъ верхѣ, Орловѣ, Котельничѣ были земскіе мірскіе дворы. Въ Московскихъ слободахъ, Земляномъ и даже Бѣломъ городѣ, «вездѣ гдѣ населеніе жило и управлялось слободою», встрѣчаются такъ называемые «братцкіе дворы», на которыхъ «со всего брацкаго совѣту» избирались старосты, цѣловальники, десятники и тому подобныя лица, а также производился судъ. Такихъ земскихъ строеній могло быть, повидимому, и нѣсколько на одномъ и томъ же посадѣ. Такъ, въ Слободскомъ было 3 мірскихъ избы, въ Хлыновѣ—два мірскихъ двора, которые, вѣроятно, служили для такихъ же мірскихъ сходовъ, какіе, напримѣръ, происходили въ земской избѣ въ Шуѣ [1]).

На такихъ мірскихъ сходахъ и выбирались земскіе старосты и цѣловальники, въ кругъ вѣдомства которыхъ входили главнымъ образомъ дѣла финансоваго и отчасти полицейскаго характера. Выбираемый ежегодно земскій староста вѣдалъ посадскую черную тяглую землю и завѣдывалъ раскладкой, а также взиманіемъ съ нея податей и отправленіемъ повинностей; онъ имѣлъ право посадскихъ людей «волей и неволи къ мірскому дѣлу нудить». Земскій староста долженъ былъ заботиться объ интересахъ выбравшей его общины и по спорнымъ дѣламъ обращался съ челобитными въ центральныя учрежденія на имя Государя. Взамѣнъ такого рода услугъ и посадскіе люди обязывались въ случаѣ, если «учинятся» убытки земскому старостѣ, цѣловальникамъ или кому-либо изъ тяглецовъ въ какомъ-либо мірскомъ дѣлѣ отъ сторонніхъ людей, «подымать» эти убытки міромъ и выборныхъ людей, да и вообще всякаго посадскаго человѣка за мірскія дѣла «по сыску промежъ себя» не вводить ни въ какіе расходы [2]). Кромѣ земскихъ ста-

[1]) *Устюгъ*, Матер. для истор. гор., стр. 9. Здѣсь же (стр. 11) еще упоминается дворъ мірскихъ земскихъ людей, на которомъ живетъ дворникъ. Ср. *А. Мерцаловъ*, Устюгъ великій въ первой четверти XVII стол. Вологод. сборн., вып. V, Вол., 1887 г., стр. 145—146. *В. Замысловскій*, Переп. кн., вып. I, стр. 164, прим. 1. Доп. къ А. И., т. VIII, № 81; т. XII, № 14. *И. Забѣлинъ*, Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, т. II, стр. 168—170.

[2]) Доп. къ А. И., т. V, №№ 37, 59, 84. Влад. губ. вѣд. 1862 г., № 18 (Выборъ земскаго старосты въ Шуѣ). Ежегодникъ Влад. стат. ком., т. II,

ростъ, которыхъ иногда бывало по нѣскольку на посадѣ [1]), и подчиненныхъ ему цѣловальниковъ, въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ, Юрьевѣ Повольскомъ, Калугѣ, Вологдѣ, Неноксѣ встрѣчаются сотскіе; они могли имѣть такое же финансовое значеніе, какъ и въ Москвѣ, хотя съ другой стороны вѣдали также дѣла полицейскаго характера [2]). Власть земскаго старосты ограничена была, по всей вѣроятности, мірскимъ совѣтомъ. На существованіе такого совѣта есть прямыя указанія, не дающія, однако, возможности точно опредѣлить границы его вѣдомства. Такъ напримѣръ, Чердынскому воеводѣ велѣно было въ 1678 году сбирать десятую деньгу противъ оклада 1673 года. Воевода приказалъ объявить объ этомъ распоряженіи посадскимъ людямъ. Чердынцы рѣшили вновь не окладываться, ибо послѣ 1673 года многіе изъ тяглецовъ померли, обнищали или съѣхали въ иные города и поэтому въ случаѣ новаго пропорціональнаго сбора десятой деньги, собранная сумма оказалась бы меньше той, что взята была въ 1673 году, и заплатили десятую деньгу по прежнему (мірскому) окладу 1673 года «изъ Чердынскаго мірскаго сбору». Рѣшеніе это было принято на мірскомъ совѣтѣ и объявлено было земскимъ старостой воеводѣ въ съѣзжей избѣ. Нижегородцы, посадскіе люди, обвиняли земскаго старосту въ томъ, что онъ въ 1677 году «писалъ многіе челобитные у себя на дворѣ безъ совѣту ихъ посадскихъ людей и товарыщевъ своихъ земскихъ старостъ» и не слѣдовалъ въ этомъ отношеніи примѣру прежнихъ земскихъ старостъ, которые «изстари товарыщевъ своихъ земскихъ старостъ о мірскихъ дѣлахъ спрашивались и съ ними посадцкими людьми на сборѣхъ совѣтъ чинили». Въ 1677 году (28 февраля) царскимъ указомъ и боярскимъ при-

1878 г., стр. 223—225. (Приговоръ Муромскихъ посадскихъ людей объ избраніи въ земскіе старосты М. Мязрикова и Т. Тагунова и въ цѣловальники А. Синицына, Я. Парійнова и И. Шилова 9 мая 1699 года. «Выписано изъ рукописи Муромскаго старожила»). Пребываніе земскихъ старостъ въ должности 2—3 года правительство считало злоупотребленіемъ. Древ. Рос. Вивл., ч. XI, стр. 368.

[1]) Такъ напр., по 2 во Владимірѣ и Муромѣ, по 5 во Псковѣ. Доп. къ А. И., т. VIII, № 62. Ежегодникъ Влад. стат. ком., т. II, 1878 г., стр. 223. Чт. М. О. И. и Д. 1870 г., кн. 1: Слѣдственное дѣло о злоупотребленіяхъ кн. Д. П. Пожарскаго во Псковѣ.

[2]) Имп. Публ. Библ., Древлехран. М. Погодина, Сб. № 1911, лл. 157—159; Челобитная Ненокшанъ. Арх. Мин. Юстиціи, Дозор. кн. г. Юрьева Повольскаго 7121 г., кн. 913, л. 14 об. Перен. кн. г. Калуги 7154 г., кн 162, л. 23. Въ Вологдѣ встрѣчается еще 14 сороковиковъ и 14 бобыльскихъ сборщиковъ (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 1680 г. Апр. 23).

говоромъ велѣно было городскимъ земскимъ старостамъ надзирать за таможенными головами и цѣловальниками; по окончаніи годовой ихъ службы земскіе старосты и всѣ мірскіе люди должны были принять таможеннаго сбора черныя книги отъ головы и цѣловальниковъ и на совѣтѣ передъ всѣми мірскими людьми закрѣпить эти книги своими руками [1]). Такимъ образомъ, мірской совѣтъ принималъ дѣятельное участіе въ разрѣшеніи вопросовъ финансоваго свойства и имѣлъ значеніе при раскладкѣ податей, хотя опредѣленныхъ указаній на его вѣдомство не встрѣчается.

Подати, падавшія на посадъ, разводились первоначально земскимъ старостой и, вѣроятно, мірскимъ совѣтомъ, по тѣмъ мелкимъ тяглымъ союзамъ, на которые дробился посадъ [2]). Принималось во вниманіе также и поразрядное дѣленіе населенія на добрыхъ, среднихъ и молодшихъ; на первыхъ разводилась бо́льшая часть оклада, чѣмъ на послѣднихъ. Въ обложеніи каждаго плательщика земскому старостѣ могли помогать выборные окладчики изъ лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей [3]). При опредѣленіи налогоспособности тяглеца принимались во вниманіе условія, въ которыя поставлено было его хозяйство. Мѣстоположеніе двора имѣло въ этомъ отношеніи различное значеніе, смотря по тому, владѣлъ ли посадскій человѣкъ однимъ или нѣсколькими дворами. Въ первомъ случаѣ, если только этотъ дворъ не былъ пустымъ или свободнымъ отъ податей въ силу какихъ-либо привилегій, онъ считался тяглымъ. Находился ли такой дворъ въ городѣ (крѣпости) или на посадѣ, онъ въ томъ и другомъ случаѣ облагался податью. Такъ напримѣръ, въ Старой Русѣ въ 1613 году часть населенія жила на посадѣ, другая въ острогѣ; и та, и другая тянули тягло, такъ что въ острогѣ оказалось 2 среднихъ и 33 молодшихъ тяглеца. Подобные же примѣры встрѣчаемъ во Владимірѣ въ 1625 году и другихъ городахъ [4]). Жительство въ городѣ, однако, считалось обык-

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VIII, №№ 28, II и 81; т. X, № 23. II. С. З., т. II № 679. Устюжскіе земскіе старосты, оправдываясь въ ложныхъ обвиненіяхъ, высказанныхъ противъ нихъ затѣйнымъ ложнымъ челобитчикомъ Н. Москалевымъ въ 1686 году, говорили, «что подати всякіе съ міру по мірскимъ заручнымъ приговоромъ по окладомъ со всего мірского совѣту правдою збирали...» А. Х. и У. Е.,—Б, № CLVI.

[2]) См. выше, стр 120—122.

[3]) А. И., т. V, №№ 77 и 274. Ср. выше прим. 4 на стр. 289.

[4]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Старой Русы 7123 г., F IV, № 288, лл. 6—13. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71 и мн. др.

новенно неудобнымъ и невыгоднымъ; здѣсь проживали чаще всего бѣдные посадскіе люди, которымъ тягла тянуть было не въ мочь. Такъ, въ Торжкѣ въ 1625 году посадскіе люди жили въ городѣ «отъ бѣдности», а на своихъ старыхъ мѣстахъ на посадѣ имъ поставиться было нечѣмъ [1]). Иначе разрѣшался вопросъ, если посадскій человѣкъ владѣлъ не однимъ, а нѣсколькими дворами. Въ тѣхъ случаяхъ, когда посадскій человѣкъ владѣлъ однимъ дворомъ въ городѣ, другимъ на посадѣ, онъ жилъ, обыкновенно, во второмъ и тянулъ съ него тягло, между тѣмъ какъ городской, осадный дворъ считался даже самимъ правительствомъ нетяглымъ. Въ писцовыхъ книгахъ писалось, обыкновенно, въ такихъ случаяхъ, что въ городѣ стоитъ дворъ такого-то посадскаго человѣка—«пустъ», и что владѣлецъ его живетъ на посадѣ Подобнаго рода примѣры встрѣчаются въ Старой Русѣ, Бѣлоозерѣ, Нижнемъ и другихъ городахъ [2]). Въ обратномъ случаѣ, когда посадскій человѣкъ самъ жилъ въ городѣ, хотя и владѣлъ мѣстомъ на посадѣ (дворовъ на посадѣ у такихъ лицъ обыкновенно не бывало, ибо въ противномъ случаѣ они сами живали на посадѣ), онъ тѣмъ не менѣе платилъ подати съ этого мѣста, чему примѣры можно встрѣтить въ Старорусской, Старицкой и другихъ писцовыхъ книгахъ [3]). Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда посадскій человѣкъ владѣлъ нѣсколькими дворами на посадѣ, онъ тянулъ тягло съ этихъ дворовъ. Въ Калугѣ, напримѣръ, въ 1617 году былъ на посадѣ дворъ вдовы Марьицы, жены Васьки Уткина. По смерти Васьки Марьица продала дворъ свой посадскому человѣку Тихону Захарьеву, который перевезъ сюда свое хоромное строенье. Съ этого купленнаго мѣста Тихонъ продолжалъ платить то же тягло, что платилъ и Васька, а именно, гривну, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ тянулъ тягло, величиной въ 1 р. 80 к. съ прежняго своего двора. Слѣдуя тому же принципу, посадскій человѣкъ, владѣвшій дворами въ двухъ разныхъ городахъ, долженъ былъ тянуть тягло съ обоихъ, хотя, конечно, жилъ въ одномъ изъ нихъ, а другой держалъ для пріѣзда [4]). Участіе въ разрубѣ обусловлено было не только вла-

[1]) Памят. кн. Тверской губерніи на 1865 г. Писц. кн. г. Торжка 7133 г., стр. 10.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Старой Русы 7123 г., F IV, № 288. Писц. кн. Нижняго Новгорода 7129—131 гг., № 295, л. 69. Спб. дух. акад., Дозор. кн. г. Бѣлоозера 7126 г., Кир. библ. № 79/1318, л. 20.

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Старицы 7132 г., кн. 456, лл. 20—49.

[4]) Арх. Мин. Юстиціи, Дозорн. кн. г. Калуги 7125 г., кн. 11605, л. 89

дѣніемъ двора, но и мѣста дворового. Такъ, на Ненокскѣ стоялъ дворъ бобыльской Аѳонасія Рыболова, въ разрубѣ былъ 2 деньги. Дворъ изсѣченъ былъ на дрова, но съ дворового мѣста платили «разрубъ двое его дѣтокъ—съ деньги». Если сынъ не отдѣлялся отъ отца, то, разумѣется, и не участвовалъ въ разрубѣ. Въ Ненокоцкомъ разрубномъ спискѣ 1613 года числится, между прочимъ, посадскій человѣкъ Янъ Степановъ съ сыномъ Варлаамомъ; Янъ платитъ съ 2 алт. 2 ден. То же бывало, когда братья жили не въ раздѣлѣ, вели хозяйство сообща; въ такихъ случаяхъ они всѣ вмѣстѣ числились въ одномъ разрубѣ. Такъ напримѣръ, въ томъ же Ненокоцкомъ спискѣ встрѣчаемъ дворъ Филата, Григорья да Михайла Ѳедоровыхъ, дѣтей Мошковыхъ, «въ разрубѣ 2 алтына». Наоборотъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда братья раздѣляли унаслѣдованное отъ отца имущество, каждый изъ нихъ числился въ разрубѣ отдѣльно. Братья Ѳедоръ, Игнатій и Кузьма Коковины жили въ Ненокскѣ на отцовскомъ дворѣ, причемъ Игнатій владѣлъ своимъ собственнымъ дворомъ. Ѳедоръ и Кузьма «были въ разрубѣ», каждый особо по 9 денегъ. Игнатій «съ опчаго и своего» двора тянулъ съ 2 алт. 5 ден. Кромѣ посадскихъ людей-дворовладѣльцевъ въ разрубѣ принимали участіе и другія лица, какъ напр., залогопринимателя или бобыли и поддворники, жившіе на чужихъ дворахъ [1]).

Разрубы производились не только на основаніи состава семьи, размѣровъ пашни и сѣнныхъ покосовъ, но и по оцѣнкѣ движимаго имущества тяглеца, «его животовъ», какъ это видимъ, напримѣръ, въ сотной г. Дмитрова [2]), а также величины его торговыхъ оборотовъ, если онъ владѣлъ какимъ-либо промышленнымъ или торговымъ заведеніемъ; въ послѣднемъ случаѣ принимались во вни-

---

об. Ср. Перец. кн. г. Вологды 7154 г., кн. 14732, лл. 1573, 1576 об. 1586-1586 об., 1592, 1592 об., 1614 об., 1626. Въ Вологодскихъ переписныхъ книгахъ часто встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующаго: дворъ пустъ бобыля такого-то; а онъ живетъ въ другомъ дворѣ своемъ въ той же улицѣ. Уло, женіе, гл. XIX, ст. 35.

[1]) Имп Публ. Библ., Перец. кн. (правильнѣе: разрубной списокъ) Ненокоцкаго посада 7121 г. Древлехран. М. Погодина № 1911, лл. 122, 125, 126. 120, 123 об., 130. Примѣровъ зачисленія подворниковъ въ разрубъ въ этомъ спискѣ встрѣчается всего одинъ.

[2]) Временникъ М. О. И. и Д., т. XXIV, Смѣсь, стр. 1—24. Арх. Мин-Юстиціи, Писц. кн. г. Волхова 7133 г., кн. 148, лл. 517—524. «А оброкомъ они посадскіе люди верстаются межъ себя смотря по животомъ и по торговымъ промысломъ, кто чево у нихъ стоитъ».

маніе и промыслы родственниковъ хозяина, его домочадцевъ, если они ими занимались «опричь» хозяина. Это обнаруживается въ разрубномъ спискѣ Ненокоцкаго посада или въ дѣлѣ Сольвычегодцевъ съ посадскимъ человѣкомъ Бутусинымъ, который не соглашался платить двойнаго тягла, хотя, по мнѣнію посадскихъ людей, обязанъ былъ это сдѣлать, потому что тягло раскладывалось по дворамъ и промысламъ, а у Бутусина, кромѣ двора, было трое сыновей, занимавшихся ремеслами [1]). Разрубы производились по денежному платежу, который на посадѣ происходилъ такимъ же образомъ, какъ и въ уѣздѣ [2]). Посадскіе люди платили, смотря по состоянію, съ разнаго количества «денегъ» и въ этомъ отношеніи иногда дѣлились на болѣе мелкіе разряды, чѣмъ извѣстные правительству лучшіе, средніе, молодшіе люди. Для богатаго класса посадскаго населенія раскладка по денежному платежу почти равносильна была раскладкѣ тягла на каждаго изъ членовъ этого класса. Но чѣмъ бѣднѣе былъ посадскій человѣкъ, тѣмъ крупнѣе становились разряды одинаково обложенныхъ тяглецовъ. Впрочемъ, такіе тяглецы, тянувшіе съ деньги, полушки или мортки, быть можетъ, сами пропорціонально раскладывали уже разведенную на этотъ разрядъ земскимъ старостой (и мірскимъ совѣтомъ) часть оклада [3]).

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Приправочная книга г. Сольвычегодска 7128 г., кн. 15039, лл. 44 об.,—46. *Г. Котошихинъ*, О Россіи, гл. XI, ст. 1. Въ наказѣ дозорщику, дозиравшему г. Вязьму въ 1644 году, велѣно, между прочимъ, записывать промыслы дѣтей, братьи и другихъ домочадцевъ, которые промышляли «опричь отцовъ» для того, чтобы по ихъ дозору въ Вязьмѣ на посадѣ «никаковъ торговой и промышленной и рукодѣльной человѣкъ въ податѣхъ въ избылыхъ не былъ».

[2]) См. выше, стр. 292—294.

[3]) Въ Муромѣ (Имп. Публ. Библ., Писц. кн. 7144 г., Q IV, № 231), посадскіе люди платили по денежному платежу каждый со двора.

Изъ среднихъ людей:	Изъ молодшихъ людей:
1 человѣкъ съ 6 ден.	8 чел. съ 1 ден. и мортки.
2 » » 5 »	13 » » 1 ден.
1 » » 4 »	14 » » 1 ден. безъ мортки.
1 » » 3 »	Изъ худыхъ людей:
1 » » 2 »	40 чел. съ 1/2 деньги.
1 » по 10 алтынъ.	44 » » мортки.

Въ Нижнемъ-Новгородѣ (Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. 7129—7131 гг., кн. 295) встрѣчаются болѣе дробныя дѣленія. Здѣсь посадскіе люди платили каждый съ двора:

Изъ лучшихъ людей:	Изъ среднихъ людей:
1 человѣкъ съ 10 алт.	1 человѣкъ съ 7 ден.
1 » » 5 »	8 » » 6 »

Кромѣ разверстки тягла, на посадѣ существовала, по крайней мѣрѣ въ концѣ XVI вѣка, отличная отъ него раскладка лавочнаго оброка. Оброкъ (до временъ Уложенія) выплачивали не только посадскіе тяглецы, но и другія лица, не принадлежавшія къ посадской общинѣ, но владѣвшія лавкой или другимъ промышленнымъ заведеніемъ. При такихъ условіяхъ настоящей мірской раскладки быть не могло. Но такъ какъ оброкъ первоначально взимался съ государевой земли и падалъ равномѣрнымъ окладомъ на всѣ лавки (напримѣръ, по 4 алт. съ деньгою на каждую посадскую и по 3 алтына на каждую городскую лавку), то онъ и раскладывался торговыми людьми соотвѣтственно торговымъ оборотамъ каждаго. Само правительство предоставляло имъ «въ лавочныхъ оброкахъ верстатись межъ себя самимъ» [1]). Но уже въ писцовыхъ книгахъ 20-хъ годовъ равномѣрный оброкъ на лавки смѣняется пропорціональнымъ. Писцы при обложеніи оброкомъ руководились показаніями лицъ, на которыхъ торговые люди всѣхъ рядовъ давали выборы

1	человѣкъ	съ	4 алт.	3	человѣкъ	съ	5 ден.
2	»	»	3 »	9	»	»	4 »
1	»	»	2 алт. 4 ден.	18	»	»	3 »
1	»	»	2 » 3 »	33	»	»	2 »
2	»	»	2 » 2 »				
2	»	»	2 »	Изъ молодшихъ людей:			
5	»	»	10 ден.	1	человѣкъ	съ	3 ден.
2	»	»	8 »	27	»	»	2 »
7	»	»	6 »	3	»	»	1½ »
3	»	»	5 »	346	»	»	1 »
1	»	»	4 »	9	»	»	½ »

Кромѣ того, изъ худыхъ людей:
275 человѣкъ тянутъ съ полушки.
167 » » съ мортки.

Въ Старой Русѣ въ 1614 г. средніе люди, жившіе въ острогѣ, тянули съ 1 деньги, молодшіе, владѣвшіе дворами тамъ же, съ ½ деньги, полуполушки. (Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Старой Русы 7123 г., F IV, № 288, лл. 6—13. Къ сожалѣнію, при описаніи самаго посада денежнаго платежа не означено). Во Владимірѣ въ 1625 г. лучшіе люди тянутъ съ 1½, 2, 3, 4 денегъ, средніе съ ½, ¾, 1 деньги, молодшіе съ 1/20, 1/16, 1/10, 1/8, 1/6, 1/4 деньги (Арх. Мин. Юстиціи, Пис. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71). Въ Тулѣ въ 1625 г. посадскіе люди тянутъ съ 2, 3, 4, 6, 8, 10, 14, 16, 18, 20, 30, 34 денегъ, причемъ 1 деньга приравнена 4 алт. 4 ден. взимаемой съ посада подати (*Тула*, Матер. для ист. гор. Писц. кн. 1685—1686 г., стр. 38—111).

Къ сожалѣнію, слишкомъ мало точныхъ извѣстій о производствѣ мірскихъ посадскихъ разрубовъ для того, чтобы подробнѣе опредѣлить, когда и какъ они производились.

за своими или «поповыми» руками. Въ числѣ этихъ выборныхъ встрѣчаются представители разныхъ разрядовъ населенія, торговавшаго въ лавкахъ; бывали, напримѣръ, особые выборные отъ посадскихъ, черныхъ слободцевъ, стрѣльцовъ, боярскихъ и дворянскихъ крестьянъ и дворниковъ. На основаніи допросовъ выборныхъ и вообще всякихъ торговыхъ людей эти люди облагались оброкомъ «противъ ихъ товаровъ» [2]). Естественно, что въ такихъ случаяхъ на каждаго налагался особый, пропорціональный его товарамъ оброкъ. Но самая пропорціональность такого оброка не всегда согласовалась съ долгими промежутками, въ теченіе которыхъ городъ оставался не переписаннымъ. Поэтому, иногда требовалось «оброки изоброчить вновь», что и производилось мѣстными приказными или земскими властями Въ Астрахани, напримѣръ, въ 1673 году, потребовалось приступить къ такого рода мѣрѣ. Въ половинѣ мая мѣсяца, по приговору воеводъ и дьяковъ Астраханскихъ, велѣно было все изоброчить вновь и положить вновь прибылыя лавки и другія торговыя заведенія въ оброкъ «въ правду по святой, непорочной, Христовой, евангельской заповѣди» таможеннаго, кружечнаго двора, дѣловаго и житнаго дворовъ головамъ съ товарищами, да двумъ земскимъ старостамъ съ земскими людьми. Эти лица должны были составить оброчныя книги съ означеніемъ прежнихъ и новыхъ торговыхъ заведеній съ ихъ владѣльцами, «что подъ тѣми всѣми оброки земли по мѣрѣ» и размѣры самыхъ оброковъ. Написавъ книги за своими руками и взявъ поручныя записи по оброчникамъ, они должны были представить книги и записи воеводамъ «въ приказную палату». Наконецъ, иногда само населеніе выбирало добрыхъ людей къ лавочному окладу. Такъ поступили Устюжане въ 1651 году. Выборные должны были окладывать тѣхъ, «кои приписаны и взяты были въ посадъ въ прошломъ въ 157 (1649) году» [3]).

Какъ для производства «лавочнаго оклада» служили иногда особыя выборныя лица, такъ и для раскладки пятой и десятой деньги выбирались окладчики, которые, повидимому, дѣйствовали

---

[1]) *Зарайскъ*, Матер. для истор. гор. стр. 1, (Платежная книга 1594—1597 гг.).

[2]) Ibid., Писц. кн. 7133 г., стр. 34.

[3]) Доп. къ А. И., т. VI, № 76. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7159 г., № 88: Дѣло о выборѣ лавочныхъ окладчиковъ въ Устюгѣ.—Торговый человѣкъ, пріѣзжавшій въ Москву и не имѣвшій здѣсь собственнаго двора, по Уложенію (гл. XIX, ст. 36) не имѣлъ права владѣть и лавкой, а долженъ былъ съ товаромъ пріѣзжать на гостинный дворъ.

самостоятельно, независимо отъ земскихъ старостъ. Окладчики, выбранные изъ посадскихъ людей, тѣмъ не менѣе окладывали и уѣздныхъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ [1]) Въ этомъ, можетъ быть, сказывалось торговое значеніе города, значеніе, въ силу котораго и раскладка подати, падавшей главнымъ образомъ на торговое населеніе, принадлежала представителямъ отъ города, а не уѣзда. Окладчиками выбирались люди добрые, прожиточные и знающіе, которымъ окладное дѣло было «за обычай». Въ ихъ числѣ встрѣчаются не только посадскіе, лучшіе, средніе, молодшіе люди, но и выборные изъ служилыхъ людей, напримѣръ, дѣтей боярскихъ, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда пятинныя деньги сбирались, кромѣ посадскихъ, и съ служилыхъ людей, занимавшихся промыслами и торговлей. «Выборы» окладчиковъ за руками избиравшихъ ихъ посадскихъ и «иныхъ чиновъ» людей передавались воеводѣ, который приводилъ выборныхъ «къ вѣрѣ по чиновной книгѣ» въ соборной церкви [2]). Окладчики должны были взять у плательщиковъ сказки за ихъ руками о размѣрахъ «ихъ животовъ, лавокъ, всякихъ заводовъ и промысловъ» и на этомъ основаніи обложить ихъ «прямо, памятуя души свои такъ, чтобы никто въ избылыхъ не былъ». При оцѣнкѣ имущества принимались во вниманіе не только наличные, постоянные, но и оборотные капиталы, не только то, что было «въ дому и въ лавкѣ», но и то, что по таможеннымъ книгамъ записано было «въ торгу». Отсутствовавшіе плательщики тѣмъ не менѣе окладывались «за очи.» Наконецъ, по окончаніи «оклада», и сами окладчики окладывались земскимъ старостой и посадскими людьми. Окладчики должны были провѣрять поданныя имъ сказки и, въ случаѣ невѣрныхъ показаній, имѣли право послѣ надлежащаго розыска окладывать плательщика и сверхъ сказокъ смотря по его пожиткамъ и промысламъ. Въ случаѣ неповиновенія со стороны плательщиковъ, они могли брать приставовъ и стрѣльцовъ у воеводы и грозить имъ жестокимъ наказаніемъ и ссылкой, хотя должны были опасаться такого же наказанія и для себя въ случаѣ нерадиваго выполненія своихъ обязанностей [3]). Хотя пятинныя деньги и были квотативнымъ на-

[1]) А. Э., т. IV, № 137. А. И., т. IV, № 93. Доп. къ А. И., т. VIII, № 28, XI и XII.

[2]) А. Э., т. IV, № 137. А. И., т. V, № 23. Доп. къ А. И., т. VIII, № 28. Р. И. Б., т. II, № 225. Вологод. губ. вѣд. 1855 г., № 30.

[3]) П. С. З., т. I, №№ 329 и 364. А. И., т. V, № 23. Доп. къ А. И., т. IV, № 131; т. V, № 64; т. VIII, № 28.

логомъ, но не всегда соотвѣтствовали характернымъ чертамъ послѣдняго. Этому способствовали правительственныя распоряженія, которыя вліяли и на мірскую раскладку. Когда Пермскому воеводѣ велѣно было въ 1678 году сбирать десятую деньгу по окладу 1673 (7181) года, то и посадскіе люди рѣшили вновь не верстаться, а приступить прямо ко взиманію по разверсткѣ за вышеуказанный годъ [1]).

Тѣ же раздоры, какіе нерѣдко существовали по поводу раскладки податей между лучшими и молодшими людьми въ уѣздѣ, обнаруживались и на посадѣ. Извѣстны злоупотребленія лучшихъ людей въ Псковѣ [2]): менѣе знакома, хотя и не менѣе характерна челобитная Вологжанъ, среднихъ и молодшихъ людей на лучшихъ въ томъ, что лучшіе люди «загнели» ихъ окладомъ и тягломъ не по силамъ, а себя въ окладѣ облегчили, да и съ тѣхъ своихъ легкихъ окладовъ тягла не доплачиваютъ, оставляютъ за собой залоги большіе Наконецъ, по словамъ той же челобитной, лучшіе люди не контролировали дѣятельности земскихъ старостъ, не считали ихъ по книгамъ и имъ, среднимъ и молодшимъ людямъ, считать не давали. Поэтому, средніе и молодшіе люди желали верстаться особо отъ лучшихъ и даже выбирать для этихъ цѣлей своего старосту [3]).

Сохранилось множество дѣлъ и о борьбѣ посадскихъ людей съ бѣломѣстцами,—борьбѣ, которая нерѣдко возникала изъ за несправедливаго обложенія людей бѣломѣстцевъ тягломъ. Посадскіе люди стремились «притянуть» возможно большее количество лицъ къ тяглу, такъ какъ при большемъ количествѣ плательщиковъ окладъ, падавшій на каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, уменьшался. Залогоприниматели черной посадской земли, крестьяне, сосѣди, дворники привлекались къ тяглу, не смотря на жалобы и недовольство бѣломѣстцевъ. Такъ напримѣръ, архимандритъ Нижегородскаго Печерскаго монастыря билъ челомъ Государю по слѣдующему дѣлу По челобитью Нижегородскихъ земскихъ старостъ и царскому указу велѣно было ямщиковъ, Благовѣщенскаго монастыря крестьянъ и всякихъ чиновъ людей, которые въ Нижнемъ въ лавкахъ и амба-

[1]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 28, II и мн. др.

[2]) См. ниже, гл. III.

[3]) *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 109. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ П. Д. С. Л., 1680 г., апрѣль 23 Дѣло по челобитью Вологжанъ, посадскихъ людей, среднихъ и молодшихъ, о притѣсненіяхъ отъ лучшихъ людей. Дѣло къ сожалѣнію, конца не имѣетъ.

рахъ сидѣли и торговали, окладывать оброкомъ земскимъ старостамъ. По этому указу монастырскіе крестьяне, сидѣвшіе и торговавшіе въ лавкахъ и въ амбарахъ, сами оброчивались въ земской избѣ. Но за монастыремъ, на монастырской землѣ за городомъ въ слободахъ жили немногіе монастырскіе крестьяне, которые кормились своею работой, дѣлали кожевенное и котельное посадскимъ людямъ въ подрядъ, а торгами никакими не торговали, въ лавкахъ и въ амбарахъ не сидѣли. Земскіе старосты хотѣли, однако, изоброчить и этихъ крестьянъ; они хватали ихъ на торгу, держали ихъ въ подклѣтѣ подъ земскою избой «вмѣсто тюрьмы и оброки накладывали сильно» [1]). Подобнаго рода столкновенія между посадскими людьми и бѣломѣстцами повторялись очень часто; они вызвали извѣстныя статьи Уложенія о приписк‍ѣ слободъ къ посадамъ; для ихъ устраненія предпринято было много частныхъ и общихъ законодательныхъ мѣръ [2]).

Такимъ образомъ, мірская раскладка на посадѣ въ значительной мѣрѣ напоминала такую же раскладку въ уѣздѣ. Здѣсь, какъ и тамъ, ею завѣдывалъ земскій староста съ цѣловальниками и производилъ ее при участіи всего мірскаго совѣта по денежному платежу; здѣсь, какъ и тамъ, эта раскладка нерѣдко вела къ внутреннимъ раздорамъ членовъ общины между собой или къ столкновеніямъ тяглой общины съ бѣломѣстцами. Но на посадѣ самоуправленіе пріобрѣтало болѣе сложный характеръ, обнаруживало кое-гдѣ, какъ, напримѣръ, въ Новгородѣ, Псковѣ, Муромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, зачатки того муниципальнаго устройства, которое введено было во Псковѣ въ 1666 году [3]). Легкость, съ которою эти реформы были вскорѣ уничтожены, показываетъ, однако, что русскій городъ XVII столѣтія еще мало подготовленъ былъ къ такого рода устройству. Различіе между мірскою раскладкой въ уѣздѣ и на посадѣ сказывалось еще и въ другомъ отношеніи. При разрубахъ на посадѣ принимались во вниманіе такія проявленія хозяйственной дѣятельности и виды собственности, которые были почти неизвѣстны въ уѣздѣ; поэтому, тогда какъ между волостными крестьянами разверстка могла производиться «по веревкамъ» или «по вытямъ», на

[1]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 80. *М. Семевскій*, Истор.-юрид. акты. № 12, въ Чт. М. О. И. и Д. 1869 г., кн. IV. Памятная книжка Влад. губ. на 1862 годъ, В., 1862 г., Отд. II, стр. 12—13 и мн. др. въ общеизвѣстныхъ собраніяхъ актовъ.

[2]) См. выше стр. 154—157, 170.

[3]) См. ниже, гл. III.

посадѣ она совершалась главнымъ образомъ при помощи денежнаго платежа, который имѣлъ здѣсь болѣе сложный характеръ въ виду менѣе равномѣрнаго распредѣленія богатства между плательщиками.

Общинное самоуправленіе, не смотря на предоставленный ему широкій кругъ дѣятельности, не имѣло, однако, вполнѣ самостоятельнаго значенія; оно находилось подъ надзоромъ воеводы, который иногда вмѣшивался въ сферу этой дѣятельности. Воевода получалъ отъ правительства свѣдѣнія объ окладѣ налоговъ, о размѣрѣ тѣхъ суммъ, которыя по правительственному окладу падали на посадъ и уѣздъ, объ установленіи новаго какого-либо сбора, и сообщалъ эти свѣдѣнія земскимъ властямъ. Но дѣятельность его при раскладкѣ податей сводилась главнымъ образомъ къ надзору за общиннымъ самоуправленіемъ. Такъ, воеводѣ С. Левшину въ 1610 году поручено было наблюдать за тѣмъ, чтобы «прожиточные и горланы съ себя пашни не убавливали и на молодшихъ людей не накладывали». Чердынскому воеводѣ В. Бутурлину велѣно было свезти бѣглыхъ крестьянъ Гаенской и Косинской волостей на прежнее мѣсто жительства для уравненія оставшихся крестьянъ въ тяглѣ, беречь накрѣпко, чтобы они впредь не бѣгали, и отдать людей, за которыми жили эти бѣглые, на крѣпкія поруки съ записями «въ податяхъ» до царскаго указа. При взиманіи пятой или десятой деньги съ уѣздныхъ торговыхъ людей воевода посылалъ приказныхъ людей, напримѣръ, подьячаго и пристава, въ волости, помѣстья или вотчины. Посыльщики съ доѣздными памятями ѣздили на подводахъ, поставляемыхъ мѣстнымъ населеніемъ безъ прогоновъ, но не должны были никому ни въ чемъ «налоги никакой и убытковъ не чинить». Они объявляли «всякихъ чиновъ людямъ и торговымъ и промышленнымъ и ремесленнымъ людемъ, сыскавъ ихъ» о сборѣ пятой или десятой деньги и сказывали имъ, «чтобы они ѣхали къ окладу съ платежемъ (пятые или) десятые деньги» въ городъ въ приказную избу. Посыльщики составляли высланнымъ роспись, къ которой прикладывали руку мѣстные земскіе чины, сотскіе, пятидесятскіе, десятскіе и волостные люди. Для большей достовѣрности послѣдніе должны были сообщать въ сказкахъ за своими руками, кто у нихъ въ волостяхъ, въ селахъ и деревняхъ занимается промыслами и ремеслами съ угрозой опалы и жестокаго наказанія въ случаѣ неисправныхъ показаній. Самые окладчики подчинялись воеводскому надзору. Воеводы должны были слѣдить за тѣмъ, чтобы оклад-

чики окладывались вправду, ни въ чемъ своей братьѣ, торговымъ людямъ не наровили [1]). Вмѣшательство воеводъ въ общинное самоуправленіе, не вызванное настоятельною къ тому потребностью, не разрѣшалось правительствомъ, по крайней мѣрѣ въ черныхъ волостяхъ. Такъ, Устюжскимъ воеводамъ въ 1657 году запрещено было вмѣшиваться въ мірскіе выборы и оклады «для того, чтобы отъ него и отъ всякихъ людей порухи и убытковъ не было». Такое же распоряженіе сдѣлано было и въ наказѣ, данномъ Чердынскому воеводѣ въ 1677 году [2]). Но надзоръ нерѣдко приводилъ воеводу и ко вмѣшательству въ мірское самоуправленіе, тѣмъ болѣе, что сама община иногда обращалась къ правительству съ просьбой о такого рода вмѣшательствѣ. Въ Толшемской волости, напримѣръ, одинъ изъ новоприбылыхъ крестьянъ не хотѣлъ платить податей. Волость обратилась съ челобитьемъ къ Государю, который грамотой отъ 6 мая 1655 года велѣлъ воеводѣ сдѣлать розыскъ и заставить новоприбылаго уплатить деньги [3]). Въ одной изъ царскихъ грамотъ Гороховецкому воеводѣ дается право смѣнить старостъ и цѣловальниковъ, выбранныхъ посадскими людьми, если они окажутся ворами и бражниками, худыми людьми [4]). Воевода иногда производилъ также разводъ податей по волостямъ. Такъ, Новгородскому воеводѣ въ 1623 году велѣно было развести мостовыя деньги на всѣ выти «безъ выбору, чтобы никто въ избылыхъ не былъ, потому что дѣло всее земли и мостами ѣздятъ всякіе люди». Для надзора у того дѣла велѣно было быть отставнымъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, подьячимъ и цѣловальникамъ, «сколько пригоже». Въ данномъ случаѣ вмѣшательство воеводы можно разъяснять тѣмъ, что мостовыя деньги нужно было разложить не на однихъ тяглыхъ людей, но и на бѣломѣстцевъ. Въ другихъ случаяхъ мы, однако, не видимъ особенныхъ поводовъ, которыми объяснялось бы производство развода воеводой. Чердынцы жаловались въ 1646 году на воеводъ, по распоряженію которыхъ лучшіе крестьяне отписались отъ остальныхъ, платили наравнѣ съ другими и тѣмъ самымъ увеличивали размѣры тягла,

[1]) Древ. Рос. Вивл., ч. XI, стр 368. А. Э., т. IV, № 6. Доп. къ А. И., т. IV, № 140; т. VI, № 56, III, 18, 67 т. VIII, № 28, IV.

[2]) А. И., т. V, № 16. А. Х. и У. Е.—Б, № LXXII.

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7163 г., августъ 23—апрѣль 6, № 34: Челобитческія дѣла всякихъ чиновъ людей Устюжской четверти городовъ и уѣздовъ. Толшемская волость находилась въ Тотемскомъ уѣздѣ.

[4]) Ежегодникъ Влад. стат. ком., т. I, вып. 3, стр. 204. А. Э., т. IV, № 137.

падавшаго на менѣе состоятельныя крестьянскія хозяйства; царскимъ указомъ велѣно было быть по старому и вновь списать отдѣлившихся въ одинѣ сохи съ остальными, чѣмъ и самое вмѣшательство воеводъ въ общинную раскладку признано незаконнымъ [1]).

Итакъ, община при раскладкѣ податей пользовалось значительною свободой. Иначе и быть не могло. Не принимая на себя длиннаго ряда работъ, нужныхъ для опредѣленія налогоспособности каждаго отдѣльнаго плательщика, правительство предоставляло эту дѣятельность общинѣ и не могло обойтись безъ ея помощи; благодаря этой помощи правительственный окладъ уравнивался и пополнялся мірскою раскладкой. Поэтому, правительство не только не разрушало общиннаго строя, но старалось поддержать и предохранить его отъ внутреннихъ раздоровъ и отъ чрезмѣрнаго вмѣшательства воеводъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, поручало надзоръ за мѣстнымъ самоуправленіемъ тѣмъ же воеводамъ, нерѣдко злоупотреблявшимъ данною имъ властью.

---

[1]) А. Э., т. III, №№ 131 и 145; т. IV, № 6. А. И., т. III, № 286; т. V, № 264. Доп. къ А. И., т. III, № 67; т. IV, № 87; т. VI, № 56, I.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Взиманіе податей.

I. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МѢСТНАГО САМОУПРАВЛЕНІЯ ПРИ ВЗИМАНІИ ПОДАТЕЙ.

Раскладка податей была однимъ изъ тѣхъ проявленій общинной жизни, въ которыхъ крестьянская и посадская община сохранили наибольшую долю самостоятельности. Раскладка эта производилась почти безъ всякаго вмѣшательства со стороны центральнаго правительства или мѣстной приказной администраціи, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, когда злоупотребленія выборныхъ земскихъ властей или жалобы самой общины вызывали такое вмѣшательство. Меньшею самостоятельностью пользовалась тяглая община при взиманіи податей, такъ какъ ея дѣятельность въ этомъ отношеніи подчинялась и болѣе строгому надзору, и непосредственному вмѣшательству со стороны правительства. Это происходило, вѣроятно, отъ того, что правительство искало средства сохранить хотя бы нѣкорое соотвѣтствіе между бюджетными предположеніями и дѣйствительными поступленіями не столько пропорціональною раскладкой, сколько правильнымъ взиманіемъ и своевременною доставкой податей въ центральныя учрежденія. Если раскладка обособляла каждую группу поселеній, въ предѣлахъ которой она производилась, отъ сосѣднихъ группъ, то взиманіе и доставка сборовъ, напротивъ, связывала ихъ съ мѣстнымъ центромъ, а черезъ его посредство и съ главнымъ государственнымъ центромъ, Москвой.

Въ предѣлахъ разнообразныхъ тяглыхъ союзовъ, образовавшихся по принципу волостнаго или землевладѣльческаго дѣленія, взиманіе податей производилось, обыкновенно, выборными земскими властями, хотя характеръ ихъ дѣятельности измѣнялся, смотря по тому, обнаруживалась ли она на пространствѣ черныхъ волостей

или въ помѣстьѣ и вотчинѣ. Въ первыхъ община сохранила еще въ значительной степени свою самостоятельность; во вторыхъ она подчинялась вліянію землевладѣльца или приказныхъ его людей. Послѣдній типъ обострялся на югѣ; но рядомъ съ нимъ на той же украйнѣ встрѣчаются однодворческія общины, среди которыхъ съ теченіемъ времени могли развиться какъ мірская раскладка, такъ и общинное взиманіе податей.

Взиманіе податей въ черныхъ волостяхъ производилось постоянными или временно и спеціально для этого выбранными лицами. Постоянныя земскія власти производили сборы—каждый въ предѣлахъ того союза, во главѣ котораго онъ стоялъ. Такъ, сборы могли производиться десятскимъ, который отъ своего лица давалъ и платежныя отписи, какъ то, напримѣръ, дѣлалъ десятскій Шальской волости [1]), цѣловальникомъ, напримѣръ, въ волостяхъ Устюжскаго уѣзда, или волостнымъ старостой, на что также имѣются прямыя указанія. Кромѣ всѣхъ этихъ лицъ, подати взимались и земскими судейками, напримѣръ, въ разныхъ волостяхъ Шенкурскаго, Сольвычегодскаго, Чарондскаго, Тотемскаго уѣздовъ [2]). Всѣ эти лица выдавали плательщикамъ «платежныя отписи» въ пріемѣ съ нихъ податныхъ сборовъ. Содержаніе этихъ отписей довольно однообразно. Вслѣдъ за означеніемъ года, мѣсяца и дня, именъ плательщика и лица, выдающаго отпись, указано количество податныхъ единицъ, которыми измѣрено имущество плательщика, окладъ налога и общая сумма податей, внесенныхъ тяглецомъ;

---

[1]) А. Ю., № 209, I. Эта отпись принадлежитъ 1548 году. Возможно предполагать существованіе такого же рода явленій и въ XVII вѣкѣ. Шальская волость упоминается въ перен. кн. Казанскаго уѣзда 1678 года Опис. Арх. Мин. Юстиціи, т. I, № 850.

[2]) А Ю.. № № 209, IX; 210, XIV; 215, I. А. И., т. V, № 274. Румянцевскій музей, Соб. И. Бѣляева, Ящикъ со столбцами № 23: Отпись сотскаго Ухтостровской волости, Богоявленскаго прихода М. Лукина 7125 г. ноября 22 въ пріемѣ по разрубу въ закащиковъ разметъ и за пустую выть въ тотъ же разметъ 1 р. 26 ал. 2 ден. отъ церковнаго старосты. Такая же отпись 7125 г. декабря 7 въ пріемѣ денегъ за хлѣбные запасы и земскій расходъ Ibid., Собраніе Я. Гарелина, Смѣсь: Отпись сотскаго Глинскаго посада 7114 г. іюня 1-го. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски и другія повинности и проч. Ibid., 7134—7137 гг., № 2: Дѣла о сборѣ доходовъ съ разныхъ городовъ Устюжской четверти (между прочимъ, и съ Сольвычегодска); 7149 г. февраль: Дѣло по челобитью Чарондской волости крестьянина П. Михайлова съ крестьяниномъ той же волости Г. Ларіоновымъ; 7163 г., № 70· Списки съ ямскихъ отписей Старототемской волости о разныхъ мірскихъ денежныхъ издержкахъ.

затѣмъ означается имя писца, написавшаго данную отпись. Справъ, подписей и печатей при такихъ земскихъ отпискахъ не встрѣчается. Кромѣ того, земскіе старосты или цѣловальники вели, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ бы книги поступленій, которыя составляли продолженіе разрубныхъ списковъ. Въ этихъ книгахъ староста означалъ, кто сколько «положилъ» денегъ по разрубу, поименно перечислялъ плательщиковъ, а иногда указывалъ денежный платежъ и количество вытей (или другихъ платежныхъ единицъ), съ которыхъ внесена означенная сумма. Въ концѣ каждой изъ такихъ статей онъ отмѣчалъ, дана ли отпись плательщику [1]).

Кромѣ постоянныхъ выборныхъ должностныхъ лицъ, существовали и спеціально выбранные для сбора податей цѣловальники или денежные сборщики, наименованія, которыми по всей вѣроятности означалась одна и та же должность. «Выборы» этихъ цѣловальниковъ сошные люди должны были передать воеводѣ за своими руками. Отправляя службу по земскимъ выборамъ и обязуясь собрать подати сполна безъ недоимокъ, сборщики имѣли отчасти также характеръ правительственныхъ органовъ, такъ какъ сбирали подати и выдавали отписи по государеву указу, по наказу и по приказу воеводы. Такимъ образомъ, для сбора податей волость нерѣдко выбирала особаго цѣловальника или денежнаго сборщика, который, вѣроятно, передавалъ собранныя имъ подати старостѣ или цѣловальнику. Иногда, впрочемъ, онъ не зависѣлъ отъ нихъ и прямо вносилъ сборы въ казну [2]). Въ виду временнаго значенія денежнаго сборщика или выборнаго цѣловальника и вслѣдствіе разновременнаго взиманія различныхъ податей и выборные цѣловальники не сбирали всѣхъ податей, а выбирались для сбора одной или нѣкоторыхъ изъ нихъ. Поэтому, одинъ выборный цѣловальникъ сбиралъ, напримѣръ, данныя деньги иногда вмѣстѣ съ мѣстными на-

---

[1]) Румянцевскій музей, Соб. И. Бѣляева, Ящикъ съ столб. № 23. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7176 г., № 420. Дѣло о раскладкѣ на крестьянъ стрѣлецкихъ денегъ. Ibid., 7178 г., № 701: Росписи Бобровской волости о расходѣ и разрубы вытей и земель. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что эти книги написаны на столбцахъ. Ibid., 7179 г. ноябр. 21, № 583: Книга Великорѣцкаго цѣловальника Н. Харюшина о сборѣ съ крестьянъ за Московскій стрѣлецкій хлѣбъ и Сибирскій и Верхотурскій запасъ денегъ. — А. И., т. V, № 274.

[2]) А. И., т. III, № 132; т. V, № 282. Румянцевскій музей, Соб. И. Бѣляева, Ящикъ со столб. № 23, Отписка 145 г. января 16. П. С. З., т. II, № 872.

логами, другой стрѣлецкія деньги, или деньги за стрѣлецкій хлѣбъ, ратнымъ людямъ на жалованье и т. п. [1]). Наконецъ, въ числѣ выборныхъ лицъ, назначаемыхъ для сбора податей, въ позднѣйшее время упоминаются ходоки. Они выбирались изъ молодшихъ людей для сбора окладныхъ денегъ и правежа на ослушникахъ доимки [2]).

Дѣятельность волостнаго старосты, цѣловальника или судейки при взиманіи податей сводилась главнымъ образомъ къ сбору и пріему, а въ случаѣ, если въ волости былъ особый выборный сборщикъ, ограничивалась однимъ пріемомъ податей и выдачей платежныхъ отписей. Раскладка податей, какъ указано было выше, производилась разновременно по отношенію къ различнымъ, измѣнявшимся группамъ податей. Естественно поэтому, что и взиманіе ихъ прозводилось тѣмъ же путемъ [3]). Такимъ образомъ, съ одного и того же плательщика подати взимались по нѣскольку разъ въ годъ. Такъ напр., сотскій Ухтостровской волости въ ноябрѣ 1616 года бралъ съ Богоявленскаго староты «разруба» по рублю съ сошки, да за пустую выть (вѣроятно, недавно выбывшаго плательщика) по полутора рубля съ сошки, а въ декабрѣ того же года требовалъ отъ того же плательщика деньги за хлѣбные запасы и на земскій расходъ по полтинѣ съ сошки [4]). Но такъ какъ плательщики обыкновенно вносили подати неисправно, то одна и та же подать, разложенная въ нѣсколько пріемовъ, иногда вносилась дробными, неравномѣрными долями. Такъ напримѣръ, Великорѣцкій цѣловальникъ принималъ деньги за Московскіе, Верхотурскіе и Сибирскіе стрѣлецкіе запасы въ 1670 году съ одного и того же плательщика по нѣскольку разъ въ годъ хотя и выдавалъ, повидимому, платежную отпись лишь по уплатѣ

---

[1]) А. И., т. V, № № 11 и 38. Денежные сборщики или цѣловальники при производствѣ сборовъ пользовались обыкновенно даровымъ провозомъ и кормомъ отъ мѣстнаго населенія. А. И , т. IV, № 194.

[2]) А. И., т. V, № № 274 и 282.

[3]) А. Ю., № 209, I. Румянцевскій музей, Соб. И Бѣляева, Ящикъ 23, Отпись 7145 г. дек. 29, которую даетъ губной староста въ пріемѣ губныхъ денегъ съ помѣстья Костерева въ Кашинскомъ уѣздѣ. Вмѣсто губнаго старосты, деньги иногда принимаетъ губной цѣловальникъ. Впрочемъ, нерѣдко ямскія деньги, потюремныя и губныя принимаетъ и воевода. См. Отписи въ пріемѣ этихъ денегъ въ собраніи Я. Гарелина въ Румянцевскомъ музеѣ.

[4]) Румянцевскій музей, Соб. И. Бѣляева, Ящикъ со столбцами № 23, Отпись 7125 г. ноября 22 и декабря 7. Ухтостровская волость въ Холмогорскомъ уѣздѣ. Описаніе Арх. Юстиціи, т. I, Писц. кн. № 2770.

всего должнаго [1]). Сборы недоимокъ входили главнымъ образомъ въ кругъ дѣятельности воеводъ и особыхъ сборщиковъ, но иногда производились и мѣстными земскими властями. Для такихъ сборовъ волостной староста или цѣловальникъ прибѣгалъ иногда къ помощи приказной администраціи; онъ отправлялся въ городъ, получалъ отъ воеводы изъ съѣзжей избы наказную, доправную память и пристава, а затѣмъ возвращался обратно въ свою волость для того, чтобы съ помощью этихъ средствъ приступить къ самому сбору. Такъ, по крайней мѣрѣ, поступалъ цѣловальникъ одной изъ Устюжскихъ волостей. Въ другихъ случаяхъ воевода высылалъ приставовъ съ наказными памятями за печатями и руками по челобитьямъ самого населенія, вѣроятно, отъ лица земскаго старосты или цѣловальника и вообще обязанъ былъ давать земскому старостѣ стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ для доправленія недоимокъ [2]). «Недоплатныя» деньги доправлялись также земскими судейками, напримѣръ, въ Чарондской волости [3]).

Центромъ, куда стекались сборы съ данной волости, служила, вѣроятно, волостная земская изба, а можетъ быть и приходская церковь. Было, однако, и спеціальное выраженіе для означенія такого центра. Староста «клалъ» деньги, полученныя имъ за наемъ общинной земли, всей братьѣ «на столецъ». Во владѣніяхъ Троице-Сергіева монастыря была земля Оглоблина, которая тянула «къ стольцу къ Залѣсью всѣми потугами» [4]).

Но ни во взиманіи податей, ни въ сборѣ недоимокъ, поступавшихъ въ эти мѣстные, волостные центры, крестьянская община

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7179 г. Ноября 21, № 583: Книга Великорѣцкаго цѣловальника Н. Харюшина о сборѣ съ крестьянъ денегъ за Московскій стрѣлецкій хлѣбъ и Сибирскій и Верхотурскій хлѣбный запасъ.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски города Устюга великаго. А. И., т. V, №№ 13, 16, 77, 274. У земскихъ старостъ были свои разсыльщики. А. И., т. V, № 274. А. Э., т. IV, №№ 250, 251.

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7149 г., № 5: Дѣло по челобитью Чарондской волости крестьянина Петра Михайлова той же волости на крестьянина Григорія Ларіонова въ неочищеньи по купчей государевыхъ недоплатныхъ денегъ 5 рублей съ проданной ему Ларіоновымъ деревни, тогда какъ деньги эти съ него, Михайлова, правитъ земскій судейка.

[4]) А. Э., т. I, № 150. *А. Федотовъ-Чеховскій*, А. г. р., т. I, №№ 30 и 34. Отсюда, вѣроятно, произошло выраженіе, встрѣчаемое въ разрубныхъ спискахъ, гдѣ о плательщикѣ, внесшемъ подати, говорится, что онъ «положилъ» столько-то.

не могла вполнѣ довѣрять своимъ властямъ. Неправильно производя раскладку, онѣ, очевидно, могли злоупотреблять довѣріемъ общины и при сборахъ. Поэтому, для предотвращенія такого рода злоупотребленіи, существовали слабые зачатки мѣстнаго, общиннаго контроля, а отчасти и вмѣшательства міра въ кругъ дѣятельности старосты или цѣловальника. Крестьяне Печенской волости (Тотемскаго уѣзда) «приговаривали и приказывали» цѣловальнику сбирать съ нихъ подати. Крестьяне Ерогоцкой волости давали земскому цѣловальнику приговоръ въ томъ, чтобы ему сбирать деньги стрѣльцамъ на жалованье, полоняникамъ на окупъ и конскую пошлину съ волости [1]). Отписи, выдаваемыя старостами, иногда свидѣтельствовались рукоприкладствомъ послуховъ. Крестьяне Вѣнцкаго погоста, Олонецкаго уѣзда, жаловались на то, что имъ неизвѣстно, куда старосты положили доправленныя съ нихъ деньги и на какіе расходы употребили ихъ. Когда нѣсколько крестьянъ Гаенской и Косинской сохи вышло къ Чердынцамъ на посадъ и тѣмъ принудило оставшихся платить за ихъ пустыя выти, царскимъ указомъ воеводѣ велѣно было выбрать счетчиковъ добрыхъ изъ посадскихъ и уѣздныхъ людей, кого они межъ себя, обѣ стороны, выберутъ и счесть крестьянъ въ переплаченныхъ ими деньгахъ во всемъ по сошному письму и окладу [2]). Если община сама не была въ состояніи контролировать дѣятельность органовъ мѣстнаго самоуправленія, то она обращалась съ челобитьемъ къ Государю и тѣмъ самымъ давала поводъ правительству ко вмѣшательству въ ея внутреннія дѣла.

Отвѣтственность въ уплатѣ податей падала не только на весь крестьянскій міръ; она, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, распредѣлялась неравномѣрно между разными разрядами тяглаго населенія. Съ лучшихъ людей, напримѣръ, за неуплату податей взималась пеня въ 50 рублей, а среднимъ и молодшимъ «чинилось наказаніе» [3]). Отвѣтственность могла также падать и на отдѣльныхъ плательщиковъ-крестьянъ, съ которыхъ взысканія про-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7182 г. сентября 8 — 7184 г. марта 18: Списки съ отписей Тотемскаго уѣзда Толшемской волости земскихъ цѣловальниковъ. Ibid., 7177 г. октября 1, № 324· Приговоры Ерогоцкой волости (Устюжскаго уѣзда) о сборѣ ямскихъ денегъ и четвертныхъ доходовъ.

[2]) А. Ю., № 215, I. А. И., т. III, № 286; т. V, № 13. Чт. М. О И. и Д. 1862 г., кн. IV, Смѣсь, 1712 г.: Челобитная крестьянъ Осѣченской волости, Новгородскаго уѣзда.

[3]) А. И., т. V, №№ 274 и 282.

*

изводились воеводой. Наконецъ, въ полнотѣ и цѣлости сборовъ отвѣчали и выборныя земскія власти. Съ старосты или цѣловальника воевода правилъ сборы вдвое и грозилъ имъ жестокимъ наказаніемъ безъ пощады [1]). Денежные сборщики, напротивъ, все собранное обязаны были доставить старостѣ по сошной книгѣ и по роспискѣ и были передъ нимъ отвѣтственны. Въ случаѣ недоплаты земскій староста имѣлъ право требовать недостающія деньги у сборщика судебнымъ порядкомъ. Такъ напримѣръ, разрубной цѣловальникъ Юрьева на Волокѣ Устьвведенской волости Никита Тарасовъ билъ челомъ на денежнаго сборщика Рычка Мистрюкова въ недоплатѣ ему, Никитѣ, 66 руб. 10 алт. 3 денегъ, которые ему пришлось занимать «великими ростами» для полности сбора и въ растратѣ по этому дѣлу десяти рублей. Дѣло рѣшено было въ пользу Тарасова [2]). Земскіе старосты должны были держать подъ земскою избой на правежѣ цѣловальниковъ и денежныхъ сборщиковъ, которые корыстовались или торговали сборными деньгами. Если сборщики отстаивались на правежѣ, ихъ били кнутомъ, но не батогами, а дворы ихъ и животы у нихъ отписывались, продавались тяглымъ людямъ и зачитывались въ платежъ [3]).

Кромѣ тягла, староста или цѣловальникъ взимали иногда оброкъ. Сборами его завѣдывали также особые выборные цѣловальники, которые составляли оброчныя книги, посылаемыя въ Москву; эти цѣловальники находились подъ надзоромъ воеводы [4]). Оброкъ съ различныхъ промышленныхъ заведеній нерѣдко, однако, поступалъ прямо въ съѣзжую избу или даже прямо въ центральныя учрежденія. И тамъ, и здѣсь велись особыя оброчныя книги; въ нихъ означались оброчныя статьи данной мѣстности, имена лицъ, у которыхъ онѣ находились на оброкѣ, и взимаемые съ этихъ статей оброки съ помѣтами дьяка о томъ, взяты ли они или не взяты у плательщика.

) А. Э., т. IV, № 251; А. И., т. V, №№ 48 и 77. Доп. къ А. И., т. VI, № 8; т. VIII, № 36, VI; № 49, I.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7154—7155 гг., № 77: Дѣло по недоплатѣ разрубнымъ цѣловальникомъ сошныхъ денегъ. Имп. Публ. Библ., Q II, № 44, лл. 18—24: Дѣла и грамоты о земскомъ управленіи въ Устюгѣ.

[3]) А. И., т. V, № 282.

[4]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7150 г., № 38: Дѣла о сборѣ доходовъ съ городовъ Устюжской четверти. Доп. къ А. И., т. III, № 20. *Н. Оглоблинъ*, Обозрѣніе историко-географическихъ матеріаловъ XVII и начала XVIII вѣк., заключающихся въ книгахъ Разряднаго приказа въ Описаніи арх. Мин. Юстиціи, т. IV, стр. 251.

Наконецъ, пятинныя деньги взимались, повидимому, тѣми окладчиками, которые завѣдывали ихъ раскладкой. Они могли брать пристава и стрѣльцовъ у воеводы въ случаѣ надобности и, вѣроятно, имѣли право выдавать платежныя отписи [1]).

Итакъ, въ предѣлахъ черной волости взиманіе податей производилось постоянными органами мѣстнаго самоуправленія, рядомъ съ которыми встрѣчаются и особые денежные сборщики. Дѣятельность этихъ лицъ (за исключеніемъ развѣ сборщиковъ) сводилась, главнымъ образомъ, къ пріему сборовъ, записке ихъ въ волостныя книги и къ выдачѣ платежныхъ отписей плательщикамъ. Но такой порядокъ существовалъ лишь въ черныхъ волостяхъ. Въ дворцовыхъ селахъ и частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ на сборы имѣлъ непосредственное вліяніе прикащикъ. Въ дворцовыхъ волостяхъ, гдѣ крестьянская община поставлена была въ болѣе благопріятныя условія, чѣмъ тѣ, въ какихъ находилась она въ какой-нибудь вотчинѣ или помѣстьѣ, гдѣ раскладка податей производилась самою общиной, сборы, однако, взимались иногда прикащикомъ; это замѣчается и въ другихъ частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ. Бывали, впрочемъ, случаи примиренія этихъ двухъ разнородныхъ началъ; сборы иногда производились самою общиной подъ надзоромъ прикащика, который доставлялъ ихъ въ мѣстный центръ вмѣстѣ съ выборнымъ крестьяниномъ или старостой; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ доставка производилась даже однимъ крестьянскимъ міромъ, повидимому, безъ прямаго вмѣшательства землевладѣльца или приказныхъ его людей. Отвѣтственность въ полнотѣ и цѣлости сбора въ вотчинахъ и помѣстьяхъ падала на прикащика, которому грозило жестокое наказаніе и доправленіе требуемыхъ податей вдвое [2])

Финансовая дѣятельность органовъ мѣстнаго самоуправленія при взиманіи податей не ограничивалась однимъ сборомъ на мѣстѣ; она выражалась и въ доставкѣ этихъ сборовъ въ мѣстный уѣздный центръ. Градація волостныхъ и административныхъ дѣленій, указанная выше [3]), имѣла, конечно, непосредственное вліяніе на движеніе суммъ изъ менѣе важныхъ въ болѣе значительные центры, но прослѣдить это движеніе въ его подробностяхъ едва-ли воз-

---

[1]) П. С. З., т. I, № 329. Доп. къ А. И., т. V, № 64.

[2]) А. И., т. V, № 251. Тому же правилу подчинялись и дворцовые прикащики. Доп. къ А. И., т. IV, № 20; т. VI, № 7.

[3]) См. стр. 86–89.

можно. Въ черныхъ волостяхъ подати доставлялись обыкновенно старостой или цѣловальниками въ мѣстный уѣздный центръ. Такъ, напримѣръ, Сумерская волость и Старополье посылали свои сборы въ Старую Русу, Мошанскія волости въ Каргополь, Устюжскія — въ Устюгъ; сошные люди Шуйскаго уѣзда, вѣдаемые судомъ въ Шуѣ, платили здѣсь всякіе денежные и хлѣбные запасы [1]). Въ частныхъ поземельныхъ владѣніяхъ средней полосы Московскаго государства, гдѣ еще отчасти держался общинный строй, доставка производилась, обыкновенно, старостой, на что встрѣчаются указанія, напримѣръ, въ вотчинахъ и помѣстьяхъ Заонежскихъ погостовъ, въ Галицкомъ уѣздѣ, уѣздахъ Суздальскомъ, Муромскомъ, Юрьевѣ-Повольскомъ, Нижегородскомъ [2]), или же выборнымъ крестьяниномъ, въ чемъ убѣждаетъ насъ существованіе такого рода обычая въ Арзамасскомъ, Нижегородскомъ, Гороховецкомъ, Каширскомъ и другихъ уѣздахъ [3]). Далеко не всюду, однако, встрѣчается общинная доставка податей; въ это дѣло часто вмѣшивался землевладѣлецъ и его приказные люди. Въ Обонежскихъ дворцовыхъ селахъ велѣно было самому прикащику и старостамъ ѣздить съ казной въ Новгородъ. Сборы съ селъ Іосифа Волоколамскаго мо-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7154 г., № 54: Дѣла о сборѣ податей и проч. Ibid., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски города Устюга Великаго. А. о. до Ю. Б, т. II, № 246, VI. *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 93.

[2]) А. Ю., №№ 214, VIII и XI; 223, III. А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, XI, XII, XIII и XVI. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7178 г. февраля 3: Списки съ отписей о сборѣ съ Галицкаго уѣзда государевыхъ окладныхъ и неокладныхъ денегъ. Эти деньги съ вотчины Ивана Предтечи и Чудотворца Іакова, что на Желѣзномъ борку, вноситъ постоянно староста въ 1664, 1665, 1666, 1668 годахъ. Румянцев. муз., Собр. Я. Гарелина. Въ этомъ собраніи воеводскихъ и приказныхъ отписей есть много такого же рода примѣровъ. Съ помѣстій и вотчинъ Шуйскаго уѣзда староста крестьянскій вноситъ деньги за стрѣлецкій хлѣбъ въ 7133 г. декабря 28, 7154 г. декабря 2; стрѣлецкій хлѣбъ въ 7143 г. января 18, 7146 г. янв. 18, 7147 г. янв. 14, ямскія и полоняничныя въ 7182 г. дек. 18, 7183 г. дек. 14, 7188 г. февр., 7191 г. янв. 2, 7191 г. янв. 30, 7192 г. янв., 7192 г. февр. 6, 7194 г. дек. и т. д.

[3]) А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, XIX. *Н. Заіоскинъ*, Матер. историч. и юридич., т. I. Арх. кн. Баюшева, Каз. 1882 г., стр. 108—123, №№ 86—91, 93—99, 103—105, 107—110, 112—115, 117 и 119. Румянцев. муз., Собр. И. Бѣляева, Ящикъ съ столбцами № 23. Собр. Я. Гарелина. Деньги ратнымъ людямъ на жалованье съ одного помѣстья въ Суздальскомъ уѣздѣ вноситъ крестьянинъ въ 7162 г. марта 15; стрѣлецкій хлѣбъ платятъ крестьяне съ помѣстій въ Ростовскомъ и Шуйскомъ уѣздахъ въ 7181 г. янв. 28, 7185 г. янв. 2, 7186 г. февр. 22, 7189 г., 7191 г.

настыря доставлялись монастырскими слугами или приказными людьми вмѣстѣ съ старостой. Одинъ изъ помѣщиковъ, владѣвшихъ селомъ Арбузовымъ въ Арзамасскомъ уѣздѣ, доставлялъ стрѣлецкій хлѣбъ въ 1639 году въ съѣзжую избу вмѣстѣ со своимъ крестьяниномъ. Помѣщикъ Иванъ Неклюдовъ въ 1664 году давалъ отпись въ томъ, что онъ взялъ хлѣбные запасы у своихъ и у стороннихъ крестьянъ для доставленія ихъ въ Вязьму и сдачи ихъ въ государеву казну [1]). Въ другихъ случаяхъ это вмѣшательство отодвигало дѣятельность общины на второй планъ, такъ что доставка податей производилась не выборными общины, а землевладѣльцемъ или его приказными людьми. Крупные и средніе землевладѣльцы рѣдко сами выплачивали требуемые съ нихъ сборы и вносили ихъ обыкновенно чрезъ посредство своихъ приказныхъ людей [2]); въ монастырскихъ вотчинахъ также изрѣдка платилъ игуменъ, чаще монастырскій келарь, казначей, старцы и особенно часто слуги; сборы съ архіепископскихъ вотчинъ вносилъ обыкновенно архіепископскій стряпчій [3]), съ церковныхъ земель—или само духовенство, напр., протопопъ, или церковный староста [4]). Впрочемъ, едва-ли существовали точныя правила, которыми руководствовались бы землевладѣльцы при доставкѣ сборовъ тѣми или другими лицами. Вѣроятнѣе, что при этомъ руководились минутными потребностями и удобствами, которыя не позволяли обращать особенное вниманіе на опредѣленное соотвѣтствіе между родомъ доставляемой подати и общественнымъ значеніемъ лица, ее доставлявшаго. Однѣ и тѣ же подати выплачивались разными лицами, или, наоборотъ, разные сборы вносились однимъ и тѣмъ же лицомъ. Такъ напримѣръ, съ помѣстья Ѳедякина (Переяславскаго уѣзда?) полоняничныя деньги вносились въ 1654 году старостой, въ 1659 году—крестьяниномъ, въ 1660-мъ—самимъ помѣщикомъ.

---

[1]) А. Ю., № 216, XVI; 224, V. А. И., т. V, № 192. Доп. къ А. И., т. I, № 167. *Н. Загоскинъ*, Ibid., №№ 81—84, 110 и 211.

[2]) А. Ю., №№ 164 и 209, X. *Н. Загоскинъ*, Ibid., № 100. Румянц. муз., Собр. Я. Гарелина: Въ 7138 г. декабря 28 одинъ изъ помѣщиковъ Шуйскаго уѣзда получаетъ отъ воеводы отпись въ пріемѣ денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ, имъ самимъ внесенныхъ. Иногда за помѣщика платитъ «человѣкъ его». См. тамъ же отписи 7126 г. октября 12 въ пріемѣ ямскихъ денегъ, 7162 г. мая 19 въ пріемѣ кормовъ и денегъ ратнымъ людямъ на жалованье, 7187 г. янв. 14 въ пріемѣ денегъ за даточныхъ людей, 7190 г. декабря 30 въ пріемѣ стрѣлецкаго хлѣба.

[3]) А. Ю., №№ 210, XV; 215, X; 217, XVIII.

[4]) А. Ю., № 217, XIX. А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, VIII.

Съ вотчины Успенья Пречистой Богородицы въ Галицкомъ уѣздѣ разнородныя подати вносились въ 1664—1669 годахъ келаремъ, казначеемъ, слушкой, или старостой. За Прилуцкій монастырь, повидимому, безразлично платили подати келарь, казначей, монастырскій конюшій или слуга; въ Вяжицкомъ монастырѣ то же выполняли староста, крестьяне, келарь или монастырскіе слуги [1]). Пятинныя деньги доставлялись самими окладчиками [2]).

Расходы по доставкѣ и проживанію доставлявшаго въ городѣ, если только онъ былъ выборнымъ, кажется, выплачивались и разлагались на всю общину, такъ какъ записывались въ расходныя книги наравнѣ съ другими общеземскими расходами [3]).

Большинство податей, взимавшихся въ уѣздѣ, стекалось въ уѣздный городъ, но не всегда поступало въ одно и то же учрежденіе. Ихъ пріемомъ завѣдывали земскія или приказныя учрежденія. Первыя имѣли особенно важное значеніе на сѣверѣ, въ черныхъ волостяхъ. Земская, посадская или всеуѣздная изба служили центромъ поступленій. Есть указанія на существованіе «всеземской коробьи», которою завѣдывалъ всеуѣздный староста вмѣстѣ съ посадскими земскими старостами, напримѣръ, въ Устюгѣ [4]). Пріемомъ податей нерѣдко завѣдывали и особые, выборные денежные пріемщики. Денежный пріемщикъ выбирался по государеву указу и по памяти за печатью воеводы и за приписью дьяка земскимъ старостой съ товарищами, волостными выборными людьми разныхъ становъ и волостей, земскими судейками, цѣловальниками и денежными сборщиками. Обязанности денежнаго пріемщика состояли,

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7162—7177 гг., № 3: Списки съ отписей въ пріемѣ полоняничныхъ и другихъ денегъ съ помѣстій и вотчинъ. (Переяславскаго уѣзда?). Этихъ списковъ, быть можетъ хранившихся въ съѣзжей избѣ, значительное количество. Ibid., 7178 г. февр. 3: Списки съ отписей о сборѣ съ Галицкаго уѣзда государевыхъ окладныхъ и неокладныхъ денегъ. А. Ю., № 216. Съ села Арбузова (Арзамасскаго уѣзда) подати вносились помѣщиками, помѣщиками съ крестьянами, людьми помѣщика и крестьянами. Любопытно, что старостъ не упоминается. *Н. Загоскинъ*, Матер. историч. и юридич., №№ 79—119.

[2]) А. И., т. IV, № 93.

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски г. Устюга великаго и проч.

[4]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7179 г. сентяб. 16, № 405: Списки съ развода Орловскаго земскаго старосты Никифора Овчинникова. Цѣловальникъ Истобенской волости получалъ отписи въ пріемѣ собранныхъ денегъ отъ Орловскаго земскаго старосты. *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 126.

конечно, въ пріемѣ денегъ по государевымъ указамъ, по грамотамъ за дьячими приписями, по приказу воеводы и по мірскому заручному выбору. Принявъ деньги по окладной книгѣ, пріемщикъ выдавалъ плательщикамъ платежныя отписи, записывалъ взятое въ особыя росписи (вѣдомости) или въ книги денежнаго сбора, не долженъ былъ бражничать, пристрастно относиться къ плательщикамъ и собранныя деньги давать взаймы. Если же онъ рѣшался государеву денежному сбору учинить поруху или что-либо «воровствомъ своимъ» себѣ взять, то ему грозила опала великая и казнь и вѣчное разореніе безъ всякой пощады. Наконецъ, по окончаніи своей выборной, годовой службы денежный пріемщикъ долженъ былъ «сдѣлать» съ окладныхъ книгъ доимочныя, «что съ которой волости доведется донять» и отдавалъ эти книги новымъ денежнымъ пріемщикамъ за рукой воеводы и собственнымъ рукоприкладствомъ [1]).

Денежные пріемщики иногда, повидимому, назывались выборными цѣловальниками. Выборный цѣловальникъ по царскому указу и подъ надзоромъ воеводы принималъ подати въ съѣзжей избѣ, заносилъ ихъ въ особыя сборныя книги и выдавалъ отписи плательщикамъ [2]).

Такимъ образомъ, при поступленіи сборовъ къ денежному пріемщику воевода имѣлъ право лишь извѣстнаго контроля, но прямо не вмѣшивался въ самый сборъ или пріемъ. Бывали, однако, случаи, когда мѣстная приказная администрація пріобрѣтала непо-

[1]) Имп. Публ. Библ., QII, № 44, 7186 г. Грамоты и другія дѣла о земскомъ управленіи въ Устюгѣ, лл. 18—24 и 33—38. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7163 г., № 70: Списки съ ямскихъ отписей Старототемской волости о разныхъ мірскихъ денежныхъ издержкахъ. Здѣсь между прочимъ встрѣчается отпись (7187 г. октяб.), данная пріемнымъ цѣловальникомъ Старототемскому земскому судейкѣ въ пріемѣ отъ него оброчныхъ денегъ. Ibid., 7182 г. сентяб. 8—7184 г. март. 18: Списки съ отписей Тотемскаго уѣзда, Толшемской волости земскихъ цѣловальниковъ. Въ числѣ этихъ списковъ есть отпись пріемнаго цѣловальника, данная цѣловальнику Лобановской четверти въ пріемѣ денегъ за «Московскій отпускъ».—А. Ю., № 313. А. И., т. III, № 132; т. V, № 33.

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 66. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7178 г. марта 21—апрѣль 11, № 148: Отписки въ Галицкую четверть изъ разныхъ городовъ отъ воеводъ о сборѣ дворовыхъ оброчныхъ и полянничныхъ денегъ. Ibid., 7171 г. янв. 4, № 5: Книга записная Звенигородскаго уѣзда о сборѣ съ помѣстныхъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ полянничныхъ денегъ. Ibid., 7178 г. февр. 3: Списки съ отписей о сборѣ съ Галицкаго уѣзда государевыхъ окладныхъ и неокладныхъ денегъ.—Выборный цѣловальникъ имѣлъ, вѣроятно, такой же кругъ дѣятельности, какъ и денежный пріемщикъ.

средственное значеніе, что, вѣроятно, чаще встрѣчалось въ средней и южной частяхъ государства. Если на сѣверѣ сборы нерѣдко поступали въ посадскую или всеуѣздную земскую избу, то здѣсь, напротивъ, они, повидимому, чаще стекались прямо въ съѣзжую избу и часто принимались не выборнымъ, а подьячимъ этой избы [1]). Воеводы, дьяки и подьячіе принимали поступленія и выдавали платежныя отписи, къ которымъ присоединялась печать воеводы, рукоприкладство дьяка или подьячего съѣзжей избы, смотря по тому, кто выдалъ отпись плательщику. Иногда, впрочемъ, воеводская печать встрѣчается вмѣстѣ съ рукоприкладствомъ дьяка. Этими внѣшними признаками отпись, выданная изъ съѣзжей избы, разнилась отъ земскихъ платежницъ [2]). Пріемомъ поступленій и выдачей отписей завѣдывали иногда и другія лица, какъ-то: осадный голова и даже низшіе разряды служилыхъ людей, напр , пушкари, вѣроятно, подъ надзоромъ воеводы [3]).

Кромѣ съѣзжей избы, спеціальные сборы на губные и ямскіе расходы поступали иногда въ губную и ямскую избу. Въ губной избѣ отписи выдавались губнымъ старостой или цѣловальникомъ [4]), а ямскія деньги сбиралъ иногда съ сошныхъ людей ямской староста въ ямской съѣзжій дворъ; онъ также имѣлъ право выдавать соотвѣтствующія отписи въ пріемѣ требуемыхъ сборовъ [5]).

---

[1]) Изъ 35 воеводскихъ отписей Арзамасскаго уѣзда, помѣщенныхъ у *Н. Загоскина* (Матер. историч., и юридич. №№ 79—120), въ 8-ми пріемщикомъ означенъ цѣловальникъ, въ 27-ми—подьячій. Въ съѣзжую избу поступали также мѣстные налоги, какъ-то: подможныя деньги на содержаніе съѣзжей избы, на воеводскій дворъ, хоромное строеніе, дрова, лучину и деньги на провожатыхъ. *В. Борисовъ*, Описаніе Шуи, № 28. Воеводскія съѣзжія избы дѣлились иногда на столы, въ числѣ которыхъ упоминается денежный столъ. (Доп. къ А. И., т. VIII, № 3, VII). Этотъ столъ, вѣроятно, завѣдывалъ пріемомъ сборовъ.

[2]) Воеводскія отписи встрѣчаются постоянно въ вышеперечисленныхъ актахъ. Ихъ особенно много хранится въ Румянцевскомъ музеѣ въ собраніи Я. Гарелина, въ А. Ю. и А. о. до Ю. Б. Отписи подьячего см., напр., въ А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, XI и XXII. А. Ю., № 216, XIV. Ср. А. Ю., № 215, VIII. А. И., т. IV, № 93. Доп. къ А. И., т. VI, № 5, V.

[3]) А. Ю., №№ 214, IX и 216, XVI. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7162—7177 гг., № 3: Списки съ отписокъ въ пріемѣ полоняничныхъ денегъ съ помѣстій и вотчинъ.

[4]) А. Ю., № 223, II, IV и V. *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 11. Влад. губ. вѣд. 1866 г., № 43. Ярослав. губ. вѣд. 1850 г., №№ 8 и 30. (Здѣсь напечатано 4 отписи губнаго старосты).

[5]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 86: Дѣла объ уплат-

Сборомъ ямскихъ денегъ завѣдывалъ иногда вмѣстѣ съ ямскимъ старостой таможенный голова и два, три выборныхъ [1]). Въ таможенную избу поступали также оброчныя деньги съ лавокъ и другихъ промышленныхъ заведеній [2]), хотя въ другихъ случаяхъ они вносились въ съѣзжую или земскую избу.

Сроки поступленій во всѣ эти учрежденія едва ли были точно опредѣлены. Тягло вносилось большею частью зимой, въ декабрѣ, январѣ и февралѣ мѣсяцахъ; въ послѣдней трети XVII в. для пріема новой стрѣлецкой подати и оброчныхъ денегъ въ Москвѣ установлено было два срока: Декабрь и Мартъ. Внесеніе податей въ зимнее время обусловлено было, конечно, какъ удобствомъ такого срока для самихъ плательщиковъ, такъ и казенными выгодами. Тяглецамъ легче было платить тогда, когда они обладали большимъ количествомъ средствъ, которыя у нихъ не успѣли еще истощиться послѣ жатвы, и когда самые сборы легче было доставить въ мѣстный уѣздный центръ или Москву. Благодаря этимъ условіямъ, можно было бы расчитывать на своевременность поступленій, что согласовалось съ казенными интересами. Но значительные размѣры оклада налоговъ, несовершенства ихъ раскладки и постоянныя недоимки приводили къ тому, что своевременности въ доставкѣ податей почти вовсе не соблюдалось. Одна и та же подать поступала въ центральное уѣздное учрежденіе въ разное время, въ разныхъ сочетаніяхъ съ другими податями и выплачивалась даже заднимъ числомъ, за нѣсколько лѣтъ сряду. Такъ напримѣръ, при взиманіи съ Толшемской волости денегъ на земскіе расходы, денегъ, поступавшихъ во всеуѣздную избу, окладъ, падавшій на эту волость, разложенъ былъ на 7 «поборовъ»; но каждый изъ этихъ «поборовъ» взимался не сразу, а въ нѣсколько пріемовъ, такъ что Лобановская четверть нижней половины Тол-

---

ныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски г. Устюга великаго. Устюжскій ямской староста и волостные ямщики даютъ «сборному» старостѣ (цѣловальнику) Никитѣ Тарасову за деньги, слѣдуемыя съ волости Юрья на Волокѣ, уплатныя памяти; эти памяти писались ямскимъ дьячкомъ и подписывались ямскимъ старостой (или ямщикомъ «въ его мѣсто») и другими ямщиками. *Б. Чичеринъ*, Област. учрежд., стр. 199 и 545. Ямскіе съѣзжіе дворы упоминаются въ ямскихъ слободахъ. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Нижняго-Новгорода 7129—7131 гг., кн. 295, л. 499. А. Э., т. III, № 144. Влад. губ. вѣд. 1866 г., № 7.

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7144 г., № 46: Указы о сборѣ ямскихъ денегъ въ Вологдѣ. А. Ю., № 214. Доп. къ А. И., т. III, №№ 55 и 116.

[2]) А. И., т. V, №№ 17, 22 и 232.

шемской волости съ 12 ноября 7184 года по 26 ноября слѣдующаго выплатила всего лишь 26 р. 87½ коп. въ 31 пріемъ; земскій цѣловальникъ этой волости каждый разъ получалъ отъ старосты отписи въ пріемѣ какихъ-нибудь 20—30 алтынъ съ Лобановской четверти. Съ Истобниковъ, села кн. Т. В. Волконскаго (какъ кажется, въ Переяславскомъ уѣздѣ) полоняничныя деньги взимались въ разное время; съ 1655 по 1665 годъ онѣ поступали въ съѣзжую избу въ январѣ, маѣ, іюлѣ, августѣ, декабрѣ. Въ 1655, 1657, 1659 и 1665 годахъ онѣ внесены были отдѣльно отъ другихъ податей, въ 1661 году вмѣстѣ съ деньгами на жалованье сторожамъ съѣзжей избы, татарскимъ кормомъ, намѣстничьими кормовыми, поворотными деньгами, а въ 1664 вмѣстѣ съ кормомъ ратнымъ людямъ, жалованьемъ сторожамъ и татарскимъ кормомъ; при этомъ, въ 1664 году деньги полоняникамъ на окупъ внесены были не только за текущій, но и за предшествовавшіе три года. Съ села Арбузова, Арзамасскаго уѣзда, стрѣлецкій хлѣбъ вносился въ съѣзжую избу въ декабрѣ, январѣ и февралѣ, ямскія деньги въ декабрѣ, январѣ и мартѣ, полоняничныя въ ноябрѣ, іюнѣ, іюлѣ; ямскія деньги иногда вносились вмѣстѣ съ полоняничными, а иногда вмѣстѣ съ данными. Полоняничныя, въ свою очередь, иногда соединялись съ данными или съ деньгами за хлѣбные запасы. Наконецъ, данныя поступали не только отдѣльно отъ другихъ податей или вмѣстѣ съ ямскими, полоняничными, но и съ стрѣлецкими деньгами [1]).

Эта неопредѣленность въ срокахъ поступленій еще болѣе осложняла и такъ уже довольно сложное устройство взиманія податей въ уѣздѣ. Значительное количество лицъ занято было этимъ дѣломъ; сборы производились медленно и далеко не всегда удовлетворительно; распредѣленіе поступленій по областнымъ учрежденіямъ оставалось неопредѣленнымъ, такъ какъ соподчиненіе и взаимоотношеніе этихъ учрежденій окончательно не выяснилось, а накопленіе недоимокъ затрудняло взиманіе податей на будущій годъ.

На посадѣ взиманіе податей производилось тѣмъ же путемъ, какъ и въ черныхъ волостяхъ, постоянными земскими должност-

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7182 г. сентяб. 8 — 7184 г. марта 18: Списки съ отписей Тотемскаго уѣзда, Толшемской волости земскихъ цѣловальниковъ. Ibid., 7162—7177 гг., № 3: Списки съ отписокъ въ пріемѣ полоняничныхъ денегъ съ помѣстій и вотчинъ. *Н. Загоскинъ*, Матер. истор. и юридич., №№ 79—120. А. И., т. V, №№ 274 и 282.

ными лицами или временно выбранными сборщиками. Земскіе старосты сбирали подати и выдавали платежныя отписи, которыя, по содержанію своему, вѣроятно, не особенно разнились отъ волостныхъ платежницъ, а иногда правили недоимки съ посадскихъ людей и даже крестьянъ въ черныхъ волостяхъ, если у нихъ не было своей всеуѣздной избы [1]). Ямскія деньги сбирались ямскими старостами, иногда вмѣстѣ съ таможенными головами и двумя, тремя выборными [2]), губныя деньги могли подлежать сбору губнаго старосты или подвѣдомственныхъ ему лицъ. Для производства спеціальныхъ сборовъ (можетъ быть, въ томъ случаѣ, когда они поступали въ приказы) выбирались особые сборщики. Такъ, для сбора стрѣлецкаго хлѣба въ Ростовѣ въ 1663 году по грамотѣ изъ Стрѣлецкаго приказа и по воеводской памяти выбрано было 4 цѣловальника; «выборы» этихъ цѣловальниковъ посадскіе люди должны были передать въ съѣзжую избу [3]). Сборы съ посадскихъ людей обыкновенно поступали сперва въ земскую избу, а отсюда вносились въ съѣзжую избу земскимъ старостой, цѣловальникомъ, выборнымъ посадскимъ человѣкомъ или нѣсколькими изъ этихъ лицъ вмѣстѣ [4]); впрочемъ, если земскій староста взималъ

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Приправ. кн. г. Сольвычегодска 7128 г., кн. 15039, л. 45 об. Посадскій человѣкъ Петрушка Бутусинъ съ 3-мя сыновьями жаловался на несправедливое обложеніе міромъ. Земскій староста оправдывался и ссылался между прочимъ на то, что «отписи ему (Бутусину) въ тѣхъ деньгахъ (т. е. тятлѣ) даваны». Въ богатыхъ собраніяхъ платежныхъ отписей И. Бѣляева и особенно Я. Гарелина въ Рум. Муз. намъ, однако, не удалось встрѣтить отписей земскихъ посадскихъ старостъ. А. И., т. III, № 286.

[2]) См. выше прим. 5 на стр. 330.

[3]) А. И., т. IV, № 174.

[4]) Въ воеводскихъ отпискахъ, по крайней мѣрѣ позднѣйшаго времени, иногда говорится, что деньги взяты по отпискѣ земскаго старосты. Румянц. муз., Собр. Я. Гарелина, отписи въ пріемѣ денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ 7190 г. 7 іюля, 7201 г. марта 15 и друг. Въ числѣ отписокъ въ пріемѣ ямскихъ и пищальныхъ денегъ встрѣчаемъ память 7173 г. октября 30 слѣдующаго содержанія: «По указу великаго Государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца память Шуи посаду земскому старостѣ Ивану Смольянинову съ товарищи. Принесть имъ на съѣзжій дворъ съ Шуи съ посаду ямскихъ денегъ на 167, 168, 169, 170, 171, 172 и на нынѣшній 173 годъ по 2 алт. 5½ ден. на годъ; пищальныхъ на тѣ же года по 1 р. по 3 д. на годъ. Къ сей памяти Ортемій Ивановичъ Огибаловъ печать свою приложилъ». Ямскія деньги, дѣйствительно, были внесены земскимъ старостой 2 ноября того же 7173 г., въ чемъ удостовѣряетъ выданная ему платежная отпись. Румянцев. муз., Собр. Я. Гарелина, Отписи воеводы и другихъ приказныхъ въ пріемѣ съ Шуйскаго посада стрѣлецкаго

спеціальные налоги на мѣстные расходы, какъ напр., губныя, подможныя деньги, то онъ собранное передавалъ въ губную избу губнымъ цѣловальникамъ, которые по приказу воеводы принимали деньги; отписи въ пріемѣ этихъ денегъ выдавались земскому старостѣ отъ лица воеводы (а можетъ быть, и губнаго старосты) за воеводскою печатью [1]).

Оброкъ взимался на посадѣ тѣми же лицами, какъ и тягло. Встрѣчаются также указанія на существованіе особыхъ сборщиковъ, которые поочередно выбирались для сбора лавочнаго оброка [2]). Оброчныя деньги съ лавокъ и другихъ промышленныхъ заведеній, полокъ, шелашей и т. п., поступали въ земскую или съѣзжую избу [3]); въ пріемѣ этихъ денегъ выдавались отписи земскими старостами и цѣловальниками или воеводами [4]).

Иногда, впрочемъ, оброкъ съ лавокъ и другихъ промышленныхъ заведеній, чаще всего анбаровъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда эти заведенія стояли на гостинномъ дворѣ, поступалъ въ та-

---

хлѣба: 7144 г. декабря 29, 7170 г. дек. 29, 7171 г. дек. 28, 7172 г. дек. 28, 7173 г. дек. 27, 7174 г. дек. 30, 7176 г. дек. 30, 7178 г. дек 21; въ пріемѣ денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ: 7137 г. дек. 30, 7146 г. янв. 25, 7150 г. янв. 27, 7154 г. янв. 13, 7155 г. дек. 21, 7159 г. дек. 10, 7158 г. нояб. 12, 7183 г. янв. 15, 7184 г. янв. 4, 7187 г. янв. 10, 7188 г. янв. 20, 7188 г. марта 16, 7189 г. марта 17; въ пріемѣ ямскихъ и пищальныхъ денегъ: 7137 г. авг. 24, 7156 г. нояб. 30, 7166 г. іюня 24, 7173 г. нояб. 2, 7174 г. авг. 20, 7176 г. янв. 11, 7179 г. янв. 14, 7178 г. янв. 17, 7180 г. янв. 17, 7182 г. февр. 10, 7183 г. марта 22, 7184 г. янв. 9, 7185 г. янв. 29, 7186 г. іюня, 7187 г, марта 4.

[1]) А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, V и IX.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7163 г., авг. 27—апр. 6, № 34. Челобитческія дѣла всякихъ чиновъ людей Устюжской чети городовъ и уѣздовъ. Здѣсь находится дѣло Ржевитина, посадскаго человѣка, о томъ, что посадскіе люди выбираютъ его не по очереди для сбора лавочнаго оброка.

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Нижняго-Новгорода 7129—7131 гг., кн. 295, лл. 474—478. «а по разспросу и по сказкѣ земскихъ старостъ и выборныхъ людей съ тѣхъ анбаровъ, лавокъ... (и другихъ промышленныхъ заведеній) платятъ (Нижегородцы) оброку въ Государеву съѣзжую и въ земскую избу, а изъ земские избы платятъ въ Государеву казну, опричь тѣхъ, которые платятъ въ таможню...» Доп. къ А. И., т. II, № 57; т. V, № 37 Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153—7157 гг., № 68: Дѣло Вязмичанъ посадскихъ людей о платежѣ ямскихъ, стрѣлецкихъ и пищальныхъ денегъ противъ новыхъ писцовыхъ книгъ. Здѣсь говорится между прочимъ о томъ, что воевода за своею печатью давалъ отписи въ уплатѣ оброка.

[4]) А. Ю, №№ 25 и 218. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7150 г., № 38: Дѣла о сборѣ податей съ разныхъ городовъ. Земскіе старосты вели также оброчныя книги. Доп. къ А. И., т. VIII, № 94.

можню. Такого рода примѣры можно встрѣтить въ Архангельскѣ, Верхотурьѣ, Можайскѣ, Москвѣ, Шуѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Казани, Астрахани. Въ Астрахани оброкъ съ рыбныхъ ловель и съ иныхъ статей по указу 1673 года поступалъ не въ «приказную палату» (съѣзжую избу), а въ таможенную избу, куда сбирался таможенными головами и цѣловальниками [1]).

Наконецъ, пятинныя деньги взимались на посадѣ тѣми же окладчиками, которые сбирали ихъ въ уѣздѣ, онѣ иногда не поступали въ съѣзжую избу, а препровождались прямо въ Москву [2])

Такимъ образомъ, на посадѣ такъ же, какъ и въ уѣздѣ замѣчаются колебанія въ распредѣленіи поступленій по мѣстнымъ учрежденіямъ,—колебанія, причины которыхъ далеко не всегда поддаются опредѣленію. Изъ такихъ учрежденій главное значеніе, конечно, имѣла съѣзжая изба, куда поступали сборы, которые должны были быть доставлены въ Московскіе приказы, впрочемъ, и это значеніе сильно ослабѣло, когда доставкой поручено было завѣдывать самимъ земскимъ старостамъ. О срокахъ, назначаемыхъ для пріема поступленій на посадѣ, мы къ сожалѣнію имѣемъ слишкомъ мало свѣдѣній для того, чтобы прити къ какимъ-либо общимъ заключеніямъ. Съ Шуйскаго посада сборы вносились въ съѣзжую избу обыкновенно въ зимнее время; стрѣлецкій хлѣбъ — въ декабрѣ, деньги за стрѣлецкій хлѣбъ, обыкновенно, въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ, ямскія и пищальныя деньги въ разное время, въ ноябрѣ, январѣ, февралѣ, мартѣ, іюнѣ, августѣ [3]).

Такъ какъ земскіе старосты иногда злоупотребляли данною имъ властью, входили, вѣроятно, въ соглашеніе, принимали взятки отъ болѣе богатыхъ плательщиковъ и облагали послѣднихъ несоразмѣрно малыми податями въ ущербъ менѣе состоятельнымъ тяглецамъ, то посадская община контролировала ихъ дѣятельность. Земскій староста не имѣлъ права взимать и расходовать сборы безъ мірскаго совѣта, по крайней мѣрѣ въ посадахъ сѣверной части Московскаго государства. Такъ, за Архангельскимъ городомъ

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Архангельскаго 7130—7132 гг., кн. 9, л. 32 и слѣд.; г. Можайска 7126, кн. 251, л. 252; г. Шуи 7131 г., кн. 908, л. 12 и 7137 г., кн. 900, л. 31 и слѣд.; Нижняго-Новгорода 7129—7131 гг., кн. 295, лл. 474—478. Доп. къ А. И., т. VI, №№ 70, 72 и 106.

[2]) Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7143 г., № 49: Память и указы о торговыхъ людяхъ Ижемской слободы. Ср. прим. 1 и 2 на стр. 74.

[3]) Ср. выше прим. 4 на стр. 333.

на Глинскомъ посадѣ стоялъ «дворъ земскій, а въ немъ бываютъ счетчики, считаютъ земскихъ старостъ». Такіе же счетчики, выбранные на годъ, встрѣчаются въ Устюгѣ. Вологжане, средніе и молодшіе люди, жаловались на лучшихъ, между прочимъ, въ томъ, что послѣдніе и сами «не считаютъ» земскихъ старостъ, и имъ, низшимъ людямъ, считать не даютъ. Хлыновцы, посадскіе люди, били челомъ Государю на своего земскаго старосту Сергѣйка, который во многіе сборы деньги съ нихъ сбиралъ и правилъ, а тѣ де ихъ мірскія сборныя деньги безъ ихъ мірскаго совѣта въ расходъ росписалъ въ прошлые годы цѣловальникамъ Васькѣ Стрѣльникову съ товарищами. Далѣе посадскіе люди въ своей челобитной указывали на то, что тѣми ихъ мірскими деньгами староста ихъ Сергѣйка съ товарищами «здѣлялися и корыстовалися» и отъ тѣхъ де великихъ разводовъ и лживыхъ кабалъ многіе изъ посадскихъ и волостныхъ людей охудали и обдолжали великими долгами и, «пометавъ» свои дворы, разбрелись врознь. Челобитная Хлыновцевъ, посадскихъ людей, не осталась безъ отвѣта Царскою грамотой на имя воеводы велѣно было посадскимъ людямъ выбрать счетчиковъ, «кому они вѣрятъ», и произвести ревизію земскихъ приходо-расходныхъ книгъ. Въ случаѣ, если такая ревизія обнаружитъ несправедливость сборовъ и незаконную растрату мірскихъ суммъ земскимъ старостой и цѣловальниками, то воевода долженъ былъ «вкинуть» виновныхъ въ тюрьму [1]). Кромѣ отвѣтственности каждаго изъ посадскихъ тяглецовъ, которому за недоимки правительство грозило правежемъ нещаднымъ, а за утайку — конфискаціей всего имущества, отвѣтственность падала и на земскихъ старостъ; они подвергались правежу [2]).

Такимъ образомъ, раздоры, происходившіе въ посадской общинѣ, давали иногда поводъ правительству по ея же просьбѣ вмѣшиваться во внутренніе ея распорядки, что вело, конечно, къ ослабленію общиннаго самоуправленія. Въ самомъ дѣлѣ, значительное количество выборныхъ органовъ этого самоуправленія, неопредѣленность въ границахъ ихъ вѣдомствъ, отсутствіе строгаго соподчиненія земскихъ учрежденій и опредѣленнаго соотношенія ихъ къ приказ-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7130 г., № 20. Судное дѣло Хлыновцевъ съ земскимъ старостой. *Е. Замысловскій*, Переп. кн., вып. I, стр. 16, прим. 1. *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 109. Доп. къ А. И. т. III, № 117.

[2]) Доп. къ А. И., т. II, № 17; т. VI, № 8. Вологод. Губ. Вѣд. 1855 г., № 30.

нымъ, наконецъ, колебанія въ разграниченіи поступленій въ такія учрежденія,—все это обнаруживаетъ еще довольно значительную слабость мѣстнаго финансоваго самоуправленія. Вмѣшательство воеводы во внутреннія дѣла общины, разумѣется, не способствовало ея усиленію, оно напротивъ, давало поводъ къ разнымъ злоупотребленіямъ, которыя правительство стремилось ограничить рядомъ далеко не всегда успѣшныхъ мѣръ.

II. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЛАСТНОЙ АДМИНИСТРАЦІИ ПРИ ВЗИМАНІИ ПОДАТЕЙ.

Вѣдомство воеводы въ дѣлѣ взиманія податей было крайне разнообразнымъ, причемъ разнообразіе это зависѣло не столько отъ постоянныхъ, сколько отъ мѣстныхъ и временныхъ причинъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ воевода лишь наблюдалъ за взиманіемъ податей, въ другихъ самъ завѣдывалъ взиманіемъ не только недоимокъ, но и чрезвычайныхъ, и постоянныхъ сборовъ.

Во многихъ случаяхъ подати взимались по мѣрѣ надобности; государевъ указъ объ ихъ взиманіи высылался воеводѣ, который повелѣвалъ земскимъ постояннымъ или временнымъ выборнымъ властямъ приступить къ сбору. Для этого онъ иногда высылалъ въ уѣздъ кого-либо изъ низшихъ чиновъ, служившихъ при съѣзжей избѣ, напр., пристава; посыльный получалъ даровой проѣздъ на мѣсто назначенія и обратно на счетъ крестьянъ, обязанъ былъ наблюдать за быстрымъ выполненіемъ воеводскихъ распоряженій, а затѣмъ высылалъ самихъ земскихъ сборщиковъ къ воеводѣ [1]). Въ такихъ случаяхъ старосты и цѣловальники или выборные сборщики и пріемщики обыкновенно писали, что они приняли ту или другую подать отъ плательщика̀ по государеву указу и по велѣнію или приказу воеводы [2]). Есть даже указанія на то, что безъ вѣдома воеводы и дьяка посадскіе земскіе старосты и цѣловальники не могли приступить ко взиманію [3]). Впрочемъ, взи-

[1]) А. Ю., № 351. А. Э., т. III, № 116; т. IV, № 293. П. С. З., т. I, №№ 56 и 129.

[2]) А. Ю., № 215, XI. А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, XXI. А. И., т. III, № 132. Доп. къ А. И., т. IV, № 140; т. V, № 64, I. Румянцев. Муз., Собр. И. Бѣляева, Ящикъ № 23, Платежная отпись 7128 г марта 2. Многіе факты по вопросу о вѣдомствѣ воеводъ въ финансовомъ отношеніи собраны у *Б. Чичерина*, Областн. учрежд., стр. 197—220. Бѣглыя замѣтки у *А. Градовскаго*, Истор. мѣст. управл. въ Россіи, т. I, стр. 322—333.

[3]) Доп. къ А. И., т. IV, № 134, I.

маніе не всегда производилось черезъ посредство мѣстныхъ выборныхъ властей. Бывали случаи, когда для тѣхъ же цѣлей употреблялись иногда выборные посадскіе цѣловальники, которые ѣздили въ уѣздъ для сбора податей по государеву указу и по приказу воеводы, они также выдавали отписи плательщикамъ за своими руками [1]). Если такой выборный цѣловальникъ отправлялся въ вотчину или помѣстье, то къ нему иногда присоединялся приказный человѣкъ ихъ владѣльца [2]). Воевода также долженъ былъ надзирать за окладчиками, посылаемыми въ уѣздъ, онъ находился къ нимъ приблизительно въ такихъ же отношеніяхъ, какъ и къ денежнымъ пріемщикамъ [3]). Надзирая за взиманіемъ податей, воевода контролировалъ и самый пріемъ сборовъ. Онъ пересматривалъ платежныя и пріимочныя книги, которыя присылались изъ уѣзда въ съѣзжую избу; если подати вносились въ натуральномъ видѣ, онъ долженъ былъ ихъ перемѣрить и удостовѣриться въ ихъ доброкачественности. Такъ, при пріемѣ хлѣбныхъ запасовъ воеводы обязаны были перемѣрить хлѣбъ пятипудовою четвертью и смотрѣли «накрѣпко» за старостами и цѣловальниками, чтобы въ хлѣбныхъ запасахъ, въ мукѣ подмѣсу, дрествы, каменья, песку и обмелковъ не было [4]). Въ выполненіи этихъ обязанностей воеводамъ иногда помогали губные старосты. Такъ напримѣръ, одинъ изъ Новгородскихъ воеводъ приказывалъ губному старостѣ Обонежской пятины Нагорной половины при сборѣ стрѣлецкаго хлѣба ѣздить днемъ и ночью съ большимъ поспѣшеніемъ по погостамъ, сыскивать владѣльцевъ пустой четвертной пашни, наблюдать за производствомъ сбора, велѣть сбирать хлѣбъ добрый, чистый, не пыльный и «не костроватый» и съ погоста не съѣзжать, пока хлѣбъ не будетъ высланъ въ Новгородъ [5]).

Кромѣ надзора, воевода пользовался иногда правомъ вмѣшательства во взиманіе податей, производимое земскими властями Злоупотребленія старостъ, цѣловальниковъ и вообще сильныхъ людей, оправдывало такое вмѣшательство. Въ воеводскихъ наказахъ предписывалось воеводамъ наблюдать, чтобы «земскіе старосты и цѣловальники и денежные сборщики и мужики богатые и горланы мелкимъ людямъ обидъ, насильствъ и продажъ ни въ чемъ не

[1]) А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, XII. А. И., т. V, № 37.
[2]) Владимірскій Сборникъ, изд. К. Тихонравовымъ, М., 1857 г., стр. 166.
[3]) А. Э., т. III, №№ 3, 68, 79, 80 и 81. А. И., т. III, № 206.
[4]) А. Э., т. III, №№ 129 и 144. А. И., т. III, № 93.
[5]) А. И., т. V, № 38.

чинили и лишнихъ денегъ съ мірскихъ людей сверхъ государевыхъ податей· не сбирали, ни въ чемъ мірскими деньгами не корыстовались и тѣмъ бы мірскихъ людей не убытчили» [1]).

Воевода не довольствовался вмѣшательствомъ во взиманіе податей: онъ самъ иногда взималъ данныя и оброчныя, полоняничныя и ямскія деньги и особенно часто сбиралъ подати, которыя или вызваны были временнымъ правительственнымъ распоряженіемъ, или предназначались на расходы по войску, каковы кормовое (хлѣбное) и денежное жалованье стрѣльцамъ и служилымъ людямъ или деньги за даточныхъ людей [2]). Сборы эти воевода производилъ черезъ посредство подчиненныхъ ему подьячихъ, приставовъ и, вѣроятно, другихъ низшихъ чиновъ. Эти лица ѣздили по наказной памяти за печатью воеводы и приписью дьяка съѣзжей избы, получали даровыя подводы, прогоны, «почести да понаровки» и выдавали отписи плательщикамъ [3]). Впрочемъ, къ такимъ посыльщикамъ иногда присоединялись выборные цѣловальники, которые вмѣстѣ съ ними привозили подати къ воеводѣ [4]). При воеводѣ, однако, не всегда оказывалось достаточное количество низшихъ приказныхъ или служилыхъ чиновъ, такъ какъ они употреблялись разными правительственными лицами для выполненія разнообразныхъ порученій Въ такомъ случаѣ земскій староста долженъ былъ дать воеводѣ одного изъ посадскихъ людей для тѣхъ же цѣлей, и даже, въ случаѣ невыполненія этой обязанности, под-

---

[1]) А. И., т. III, № 206. Доп. къ А. И., т. III, №№ 65 и 67; т. IV, № 134; т. V, № 48.

[2]) А. Э., т. III, № 43; т. IV, № 137. А. И., т. III, №№ 2 и 70; т. IV, № 43. Доп. къ А. И., т. II, № 17; т. IV, № 19. А. Ю., № 215, II. *В. Борисовъ*, Описаніе Шуи, № 10. Книги сбору полоняничныхъ и ямскихъ денегъ хранились въ съѣзжей избѣ; см. Доп. къ А. И., т. IV, № 134; т. V, № 61.

[3]) А. Э., т III, №№ 131 и 293. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски съ г. Устюга в. и проч. Здѣсь, между прочимъ, находятся расходныя книги цѣловальника въ Юрьевѣ на Волокѣ, Евдѣ и Устьевдѣ, гдѣ встрѣчаются расходы въ родѣ слѣдующихъ: «Марта 13 день ѣхалъ съ Устюга великаго въ низъ съѣзжей избы подьячей Алексѣй Семеновъ да приставъ Петрушка Баскаковъ по наказной памяти за печатью воеводы Максима Ѳедоровича Стрѣшнева за приписью Григорья Самсонова, для ратныхъ людей и денежнаго ради сбору... взялъ до Пермогорья 2 подводы, прогоновъ дано 6 ал. 4 ден. да почести подьячему 16 ал. 4 ден.».

[4]) А. И., т. V, № 33. Р. И. Б., т. VIII, стб. 349—357. Ярослав. губ. вѣд. 1850 г., № 39.

*

лежалъ наказанію батогами. Наконецъ, въ исключительныхъ случаяхъ по особому царскому указу, посланному мѣстнымъ духовнымъ властямъ, воевода могъ пользоваться услугами митрополичьихъ дѣтей боярскихъ или монастырскихъ служекъ [1])

Но кромѣ взиманія тягла, воевода иногда завѣдывалъ сборами оброка и пятинныхъ денегъ. Для этихъ цѣлей онъ также посылалъ дѣтей боярскихъ, приказной избы подьячихъ и другихъ лицъ, а въ пріемѣ собранныхъ денегъ выдавалъ платежныя отписи [2]). Судя по позднѣйшимъ указаніямъ, въ сборы оброка могли вмѣниваться таможенные и заставные головы, подъ надзоромъ которыхъ состояли особые выборные посадскіе цѣловальники, назначаемые вмѣстѣ съ воеводскими посыльщиками для такого рода сборовъ [3]).

Сбирая подати, воевода долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вести и «книги сборнымъ деньгамъ» Такъ напримѣръ, сборы хлѣбныхъ запасовъ, ямскихъ, полоняничныхъ, позднѣе новыхъ солдатскихъ денегъ вносились въ особыя книги, хранившіяся въ съѣзжей избѣ [4]).

Воевода не только завѣдывалъ сборомъ податей, установленныхъ центральнымъ правительствомъ; онъ собственною властью иногда видоизмѣнялъ систему податныхъ обязанностей, замѣнялъ, напримѣръ, отправленіе личныхъ повинностей денежными платежами, а въ такихъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, какъ Сибирь, устанавливалъ даже новые налоги. Впрочемъ, правительство мало довѣряло воеводамъ въ этомъ отношеніи и въ нѣкоторыхъ наказахъ прямо запрещало воеводамъ и подъячимъ «всчинать собою» что-либо вновь [1]).

Недоимки также большею частью сбирались воеводами, если для этого не присылались денежные сборщики изъ Москвы. Наблюдая за сохранностью черныхъ земель и принуждая бѣломѣстцевъ, владѣвшихъ черною землей, къ уплатѣ слѣдуемыхъ съ нея податей [2]), воевода сбиралъ также недоимки съ неисправныхъ тяглецовъ. О такихъ тяглецахъ онъ имѣлъ свѣденія по доимочнымъ книгамъ, въ которыя записывались недоимки по станамъ и волостямъ

---

[1]) А. И., т. IV, № 171. Доп. къ А. И., т. VIII, № 66.

[2]) А. Э, т. IV, № 137. А. И., т. V, № 192. Влад. губ. вѣд. 1851 г., № 49; 1879 г., № 48. Ср. прим. 3 на стр. 338.

[3]) А. И., т. V, № 192.

[4]) А. И., т V, №№ 29 и 37. Общее Собр Тамбов. уч. арх. ком. 22 апр. 1886 г., стр. 27—32· Росписной списокъ г. Доброму 7186 г.

[5]) А. И., т. IV, №№ 149 и 216, I; т. V, № 16. Р. И. Б., т. VIII, стб. 349—357. *Б. Чичеринъ*, Област. учрежд., стр. 201.

[6]) А. Э., т. III, №№ 138. А. И., т. IV, № 171; т. V, № 282.

«имянно и погодно», или увѣдомлялся царскимъ указомъ. Воевода также пересматривалъ платежныя отписи, получаемыя плательщиками въ центральныхъ приказахъ и предъявляемыя ими въ воеводской, съѣзжей избѣ, слѣдовательно, по этимъ отписямъ также могъ судить объ исправности плательщиковъ. Для самого сбора недоимокъ воевода посылалъ подьячихъ, приставовъ [1]) и другихъ лицъ, какъ-то: разсыльщиковъ, затинщиковъ, стрѣльцовъ, казаковъ, которые пользовались даровыми подводами и кормами, не говоря о «понаровкахъ», требуемыхъ ими съ мѣстнаго населенія. При сборѣ недоимокъ воевода могъ пользоваться услугами стрѣлецкаго головы. Стрѣлецкіе головы должны были посылать воеводамъ стрѣльцовъ для государевыхъ дѣлъ тотчасъ» безъ задержанія» по памяти воеводской, да и сами должны были «слушать» воеводу и ходить къ нему въ съѣзжую избу для государевыхъ дѣлъ почасту [2])

Взиманіе недоимокъ большею частью не ограничивалось однимъ сборомъ, а сопровождалось правежемъ, вызваннымъ нежеланіемъ или невозможностью плательщика удовлетворить податнымъ требованіямъ. Правительство едва ли принимало во вниманіе различіе той и другой причины образованія недоимокъ, такъ какъ скорѣе придерживалось системы личной, а не имущественной отвѣтственности, хотя нерѣдко смѣшивало ту и другую. Правежъ производился двумя способами: или воевода посылалъ въ уѣздъ своихъ подчиненныхъ и поручалъ имъ доправить недоимки и взыскать съ плательщиковъ прогоны (иногда въ двойномъ количествѣ), «ѣздъ и кормъ» [3]), или крестьяне высылались для правежа въ городъ къ воеводѣ, который доправливалъ съ нихъ прогоны вдвое, иногда конфисковалъ ихъ «животы», лавки, заводы и промыслы, а ихъ вла-

---

[1]) А. Э., т. III, № 43. А. И., т. III, № 200.

[2]) А. И., т. III, № 132. Доп къ А. И., т. V, № 18. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски съ г. Устюга и проч. Въ вышеупомянутой расходной книгѣ (см. выше, прим. 3 на стр. 339) читаемъ: «февраля въ 14 день ѣхали съ низу Устюжскіе стрѣльцы Якунка Шиловъ, Левка Ивановъ съ товарыщи, что въ низъ ѣздили для денегъ сибирскаго запасу правити. И жили два дня 5 человѣкъ; хлѣба ѣли по 2 вытѣ на день, за вить по 3 деньги, за то 10 алтынъ. Да они же въ Шеломя (другую волость) ѣздили для цѣловальника и для крестьянъ тѣхъ же денегъ; взяли 3 подводы взадъ и впередъ да по подводамъ 10 алтынъ»....

[3]) А. Э., т. IV, № 293. А. И., т. V, № 33. *Б. Чичеринъ*, Област. учрежд., стр. 213.

дѣльцевъ билъ батогами нещадно, чтобы «инымъ сошнымъ людямъ впредь воровать было неповадно», правилъ съ нихъ подати весь день до вечера, а на ночь «металъ» ихъ въ тюрьму [1]).

За исключеніемъ окладчиковъ, которые сами взимали чрезвычайные налоги, сбирали недоимки при помощи служилыхъ людей, взятыхъ у воеводы, и иногда сами отвѣчали передъ центральнымъ правительствомъ [2]), окончательная отвѣтственность въ полнотѣ сборовъ падала на воеводу. Ему грозили разнообразныя наказанія, какъ-то: доправленіе прогоновъ и недоимокъ, иногда въ двойномъ количествѣ, «мимо старостъ, посадскихъ людей и крестьянъ» особымъ сборщикомъ, присланнымъ изъ Москвы, пеня, опала, ссылка или вообще наказаніе и даже смертная казнь. Каждое изъ этихъ наказаній примѣнялось не только въ отдѣльности, но и вмѣстѣ съ другими; денежная пеня, напримѣръ, сопровождалась иногда ссылкой. Воевода привлекался къ отвѣтственности особою царскою грамотой съ присоединеніемъ росписи требуемыхъ недоимокъ,—грамотой, присылаемой съ приставомъ изъ Москвы, или долженъ былъ отвѣчать при сдачѣ должности и приходо-расходныхъ книгъ новому воеводѣ [3]) Если сборы податей производились подъ наблюденіемъ одного изъ приказныхъ чиновъ, подчиненныхъ воеводѣ, то эти лица отвѣчали передъ воеводой, который могъ доправить съ нихъ недоимки [4]). Въ тѣхъ случаяхъ, когда земскія власти не только раскладывали и взимали, но и отправляли подати въ Москву, что иногда встрѣчалось въ «отхожихъ волостяхъ» и установлено было въ видѣ общаго правила, при введеніи новой стрѣлецкой подати, отвѣтственность окончательно падала на земскихъ старостъ, судеекъ и цѣловальниковъ. Даже за малую доимку правительство грозило имъ жестокимъ, безпощаднымъ

---

[1]) А. Э., т. III, № 116. А. И., т. III, № 132; т. V, №№ 23 и 77.

[2]) А. Э., т. IV, № 137. А. Н., т. V, №№ 23 и 144.

[3]) П. С. З., т. I. №№ 327 и 329; т. II, № 1184. А. Э., т. III, №№ 100 и 131; т. IV, № 137. А. И., т. III, №№ 132 и 200; т IV, № 181; т. V, №№ 20, 66, 161 и 251. Доп. къ А. И., т. III, №№ 18, 65, 83, т. IV, №№ 46, 59, 131, 137, 138; т. V, № 19; т. VII, № 68; т. VIII, №№ 28, XI и XII; 68. Обращики росписныхъ списковъ см. въ Доп. къ А. И., т. IX, №№ 29, 57, 83, 84, 90; т. X, № 51.—По указу отъ 9 генваря 1646 года велѣно было править данныя и оброчныя деньги въ случаѣ смерти воеводъ на ихъ женахъ и дѣтяхъ. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, II. Д. С. Л., 7154 г. марта, № 26: Роспись людямъ, съ которыхъ доимочныхъ денегъ доправлять не велѣно.

[4]) А. И., т. V, № 38.

наказаніемъ, ссылкой въ дальніе города и конфискаціей имущества [1]).

Итакъ, власть воеводы при взиманіи податей была довольно обширна. Онъ не только надзиралъ за взиманіемъ податей, но вмѣшивался въ это дѣло, самъ сбиралъ подати и доправлялъ недоимки, причемъ долженъ былъ отвѣчать передъ центральнымъ правительствомъ въ полнотѣ и цѣлости сборовъ. Естественно, что въ виду такого значенія онъ нерѣдко превышалъ данную ему власть, злоупотреблялъ ею для собственныхъ выгодъ. Воевода все еще нерѣдко смотрѣлъ на свою должность, какъ на источникъ частнохозяйственныхъ доходовъ, тѣмъ болѣе, что и само правительство въ исключительныхъ случаяхъ не чуждо было той же точки зрѣнія [2]). Такимъ образомъ, воеводы и подьячіе, не смотря на запрещенія правительства, продолжали взимать въ свою пользу мѣсячные кормы, дрова, сѣно, посуду, всякіе домовые запасы, и набирали себѣ деньщиковъ изъ населенія [3]). Дворцовые крестьяне нѣкоторыхъ засадъ Псковскаго уѣзда били челомъ на воеводъ кн. Д. П. Пожарскаго и кн. Гагарина, на которыхъ они должны были пахать пашню на своихъ лошадяхъ, сѣять и жать хлѣбъ, обрабо тывать ленъ, косить траву, рубить дрова и возить ихъ въ городъ. Такія же работы выпадали и на долю посадскихъ людей. Муромскіе воеводы, напримѣръ, заставляли посадскихъ людей пахать на себя пашни и сѣно возить. Притѣсняя пашенныхъ людей, воеводы не забывали и промышленныхъ Тѣ же Псковскіе воеводы, кн. Пожарскій и кн. Гагаринъ, принуждали котельниковъ, кузнецовъ и другихъ мастеровыхъ работать на себя даромъ и пользовались даровыми извощиками. «А которые извощики на ихъ воеводское дѣло даромъ ѣхать не похотятъ и ихъ воеводскіе люди по приказу били и запасы ихъ извощицкіе ломали и всякое имъ насильство дѣлали и отъ того многіе извощики извозничать перестали». Насколько велики были такіе «поборы» можно судить по тому, что эти воеводы за 7137—7138 годъ взяли съ посадскихъ людей до 1.000 подводъ суднами, ладьями и повозками. Но воеводы не только посягали на чужой трудъ; они завладѣвали чужою поземельною собственностью, на которую не имѣли никакихъ правъ [4]). Придумывая самые разно-

[1]) А. Э., т. IV, № 251. А. И., т. V, №№ 274 и 282.

[2]) См. прилож. I.

[3]) А. И., т. V, № 16. Доп. къ А. И., т. X, № 35.

[4]) Чт. М. О. И. и Д. 1870 г., кн. I. Матер.: Слѣдственное дѣло о князѣ Д. Пожарскомъ во время бытности его въ Псковѣ воеводой. (Здѣсь рѣчь идетъ

образные способы для того, чтобы вымучить у населенія лишніе сборы, воеводы иногда прибѣгали къ оригинальнымъ взяткамъ. Такъ, тѣ же Псковскіе воеводы, кн. Пожарскій и кн. Гагаринъ, посылали людей своихъ вмѣстѣ съ приставами и деньщиками звать посадскихъ людей на обѣды частые, за которые злополучные гости должны были выплачивать по полтинѣ, рублю, ефимку или цѣлкѣ золота; въ случаѣ же неповиновенія гости подвергались всякимъ «насильствамъ и продажамъ» со стороны этихъ новыхъ кормленщиковъ XVII вѣка [1]).

Всѣ эти злоупотребленія, конечно, вредно отзывались на казенныхъ интересахъ; тяглецъ, выполнявшій всѣ незаконныя требованія воеводы, едва ли способенъ былъ сверхъ того добросовѣстно исправлять податныя обязанности. Еще болѣе вредили казнѣ злоупотребленія воеводы въ финансовомъ отношеніи. Воевода не всегда требовалъ отъ бѣломѣстцевъ уплаты податей съ владѣемыхъ ими участковъ черной земли, на что часто жаловались тяглецы, дозволялъ постой дворянъ на посадскихъ дворахъ, не смотря на то, что эти дворяне имѣли свои дворы въ городовой осыпи [2]), бралъ взятки за отсрочку въ уплатѣ разныхъ податей, входилъ въ соглашеніе съ мірскими сборщиками, а иногда просто забиралъ себѣ часть казенныхъ доходовъ [3]).

Если воевода, стоявшій во главѣ областной администраціи, прибѣгалъ къ вышеуказаннымъ злоупотребленіямъ, то и отъ подчиненныхъ ему лицъ нечего было ожидать добросовѣстнаго выполненія своихъ обязанностей. Дьяки и подьячіе слѣдовали примѣру воеводъ. Подьячіе иногда произвольно выкладывали изъ оклада

о Дмитріѣ Петровичѣ Пожарскомъ, который два года былъ воеводой во Псковѣ въ 1629 и 1630 гг. см. Разряд. кн., т. II, стб. 185 и 347). А. Э., т. III, № 115; т. IV, № 22. *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 23.

[1]) Чт. М. О. И. и Д. 1870 г, кн. I, Матеріалы.

[2]) *Я. Гарелинъ*, Акты Шуи, № 58.

[3]) А. И., т. III, №№ 132 и 154; т. IV, № 174. Р. И. Б., т. VIII, стр. 349—357. *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 128—130. Злоупотребленія Сибирскихъ воеводъ едва ли могутъ служить для характеристики тѣхъ неисправностей, въ которыхъ повиненъ былъ воевода въ городахъ Московскихъ; они представляютъ скорѣе аномаліи, возможныя въ отдаленныхъ углахъ государства, находившихся почти внѣ контроля центральнаго правительства. Чудовищныя злоупотребленія воеводы г. Добраго, иноземца Владислава Сербина, не знавшаго даже русскаго языка, описаны въ выпискѣ изъ дѣлъ Разряднаго приказа о городѣ Добромъ, напечатанной въ Общ. Собр. Тамбов. уч. арх. ком. 22 апр. 1886 г., стр. 10—27.

тяглыя выти или, наоборотъ, не вписывали новоприбылыхъ въ окладъ, можетъ быть, для того, чтобы сборы съ тѣхъ и другихъ взимать въ собственную пользу. Такъ напримѣръ, двое вятскихъ подьячихъ по ревизіи, произведенной въ 1682 году, выложили изъ оклада тяглыя выти на сумму въ 4,528 р. 18 ал. 2½ ден. (вѣроятно, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ), не указавъ, однако, тѣхъ царскихъ грамотъ, на основаніи которыхъ они поступили такимъ образомъ. То же дѣлали они и съ рыбными ловлями, которыя отдавали на оброкъ отъ своего имени. Населеніе Галицкихъ пригородовъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ увѣряло, что многія мѣста запустѣли не отъ государевыхъ податей и не отъ помѣщиковыхъ оброковъ, а отъ пріѣздовъ Галицкихъ подьячихъ и приставовъ [1]). Хотя воевода и дьяки обязаны были наблюдать за исправнымъ и безкорыстнымъ взиманіемъ податей, производимымъ низшими служилыми чинами [2]), однако, и послѣдніе нерѣдко устраивали сборы въ собственную пользу. Въ мірскихъ расходныхъ книгахъ встрѣчаются записи о деньгахъ, которыя выдавались этимъ лицамъ для понаровки на вино, «для того, что безъ денегъ ѣхати не хотятъ». Въ другихъ случаяхъ эти посыльщики брали себѣ кормъ, хлѣбъ, бараны и рыбу безденежно насильствомъ [3]). «Данщики», посылаемые воеводой для сбора дани, также прибѣгали къ злоупотребленіямъ и давали взятки воеводамъ [4]).

Всѣ эти злоупотребленія вызывали со стороны правительства предупредительныя и карательныя мѣры. Кратковременность срока, на который назначались воеводы, не способствовала ихъ злоупотребленіямъ; они обнаруживались слишкомъ скоро послѣ такого срока при сдачѣ должности вновь назначенному лицу. Такъ какъ воевода злоупотреблялъ данною ему властью, какъ въ виду собственныхъ

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7190 г. янв. 29: Отписка дьяка В. Макарьева о неисправностяхъ въ окладныхъ счетахъ вятскаго подьячаго Андрея Резанцева. Доп. къ А. И., т. VII, № 29; т. X, № 64.

[2]) Древн. Рос. Вивл., ч. XIX, стр. 6—9. *Л. Максимовичъ*, Указ. Рос. Зак., М., 1803 г., т I, стр. 134. Р. И. Б., т. VIII, стб. 349—357.

[3]) Имп. Публ. Библ., Сбор. Древлехран. М. Погодина, № 1911, лл. 63—66: Царская грамота Двинскому воеводѣ кн. П. И. Пронскому да дьяку Л. Васильеву 24 октября 1617 г. о сохраненіи за Архангельскимъ монастыремъ привилегій, данныхъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски г. Устюга великаго.

[4]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 72. О злоупотребленіяхъ дворцовыхъ прикащиковъ см. Доп. къ А. И., т. IV № 20.

выгодъ, такъ и въ пользу своихъ родственниковъ и знакомцевъ, то и правительству нужно было предохранить населеніе отъ двоякаго рода злоупотребленій. Съ одной стороны, царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ 1672 года велѣно было не отпускать воеводъ въ города, гдѣ у нихъ есть помѣстья и вотчины, запрещено было воеводамъ вступать въ обязательства съ кѣмъ бы то ни было, давать деньги въ займы, брать по комъ-либо служилыя кабалы, покупать товары внѣ гостинаго двора, наконецъ, взимать различные сборы и требовать отправленія разныхъ повинностей въ собственную пользу; съ другой—воеводамъ воспрещено было опредѣлять на какія-либо должности своихъ родственниковъ и знакомцевъ для того, чтобы «государеву дѣлу не чинилось порухи, а людямъ обидъ и тягости» [1]). Правительство заботилось также и о томъ, чтобы населеніе не потакало злоупотребленіямъ воеводы. Оно запрещало населенію давать кормы и поминки воеводамъ и приказнымъ людямъ вообще, иногда требовало отъ населенія высылки въ Москву мірскихъ расходныхъ книгъ, и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ сообщало ему коніи съ данныхъ воеводамъ инструкцій и давало ему право не повиноваться незаконнымъ требованіямъ воеводъ. Не смотря на всѣ эти мѣропріятія, требованія эти повторялись и нерѣдко выполнялись населеніемъ, которое, въ случаѣ ихъ невыполненія, опасалось еще болѣе значительныхъ злоупотребленій со стороны воеводъ. Поэтому, на ряду съ предупредительными мѣрами встрѣчаются и карательныя. Правительство грозило воеводѣ доправленіемъ съ него незаконно произведенныхъ имъ сборовъ, иногда въ двойномъ размѣрѣ, и пеней, смотря по дѣлу; бывали даже случаи, когда оно приказывало бить его кнутомъ по торгамъ и отдавать за пристава [2]).

Но ни угрозы, ни слѣдствія и наказанія провинившихся не прекращали возраставшихъ злоупотребленій; эти злоупотребленія приносили вредъ народному хозяйству и чинили убытокъ казнѣ государевой, такъ какъ способствовали образованію все большихъ и большихъ недоимокъ. Оставалось одно: освободить населеніе отъ вмѣшательства воеводы въ дѣятельность тяглой общины, по крайней мѣрѣ въ дѣла финансоваго свойства. Уже въ первой половинѣ XVII вѣка правительство частными распоряженіями стремилось оградить на-

[1]) П. С. З., т. I, № 508; т. II, № 1670. А. И., т. V, №№ 208 и 256. *Б. Чичеринъ*, Областн. учрежд., стр. 298—310.

[2]) А. Э., т. III, №№ 65, 74, 115, 121. П. С. З., т. I, № 123; т. III, № 1511. Уложеніе, гл. X, ст. 150.

селеніе отъ такого вмѣшательства. Такъ, Чердынскимъ воеводамъ указами 1627, 1668 и 1670 годовъ велѣно было съ посадскихъ и уѣздныхъ людей даннаго оклада безъ сыска и безъ мірскихъ людей приговора не складывать, въ выборы цѣловальниковъ къ мірскимъ окладамъ и къ государеву дѣлу не вмѣшиваться, а кого въ цѣловальники Чердынцы выберутъ, по тѣмъ цѣловальникамъ брать у Чердынцевъ выборы за руками выборныхъ людей и отцевъ ихъ духовныхъ, а впредь ихъ перемѣнять и въ тюрьму безъ вины для своей корысти не сажать [1]). Тотемскіе посадскіе и уѣздные люди въ 1652 году освобождены были отъ вмѣшательства воеводъ во взиманіе податей. Въ уѣздахъ Яренскомъ, Кайгородскомъ, Усольскомъ въ отписныхъ сошкахъ, въ Сысольскихъ, въ Устьянскихъ волостяхъ и въ Лузскои Пермцѣ стрѣлецкія, оброчныя деньги и всякія подати сбирались земскими судейками «изстари». Въ 1679 году взиманіе и доставка въ Москву стрѣлецкой подати, замѣнившей, какъ извѣстно, многіе налоги, были предоставлены земскимъ старостамъ, судейкамъ и цѣловальникамъ, хотя городовое строеніе, засѣки, губныя дѣла, ямскіе охотники, денежный а также хлѣбный сборъ, и «всякіе дѣла» оставлены въ вѣдѣніи воеводы [2]). Съ другой стороны, земское самоуправленіе пріобрѣло еще большее значеніе, когда откупщики замѣнены были вѣрными головами и цѣловальниками, за которыми велѣно было смотрѣть земскимъ старостамъ и всѣмъ посадскимъ людямъ [3]).

Всѣ эти правительственныя мѣропріятія, очевидно, направлены были къ тому, чтобы поддержать, развить земское самоуправленіе и сдѣлать его стражемъ казенныхъ интересовъ. Стремясь къ такого рода цѣли, правительство встрѣчало благопріятную почву въ тѣхъ зачаткахъ муниципальнаго строя, которыя стали замѣтны въ немногихъ городахъ Московскаго государства. Особенно любопытны въ этомъ отношеніи реформы, произведенныя во Псковѣ въ 60-хъ годахъ. Раздоры между лучшими, средними и молодшими людьми,

---

[1]) А. И., т. V, № 16.

[2]) А. И., т. V, № 274. Къ тому же времени принадлежитъ отмѣна горододѣльцевъ, сыщиковъ, губныхъ старостъ, ямскихъ приказщиковъ, осадныхъ, пушкарскихъ, засѣчныхъ, а также житничныхъ головъ и повелѣніе всѣ дѣла ихъ вѣдать воеводамъ, что, конечно, вызвано было желаніемъ сократить то количество органовъ областнаго управленія, съ которыми приходилось имѣть дѣло населенію, и облегчить его «тягости» въ этомъ отношеніи. Но, съ другой стороны, мѣрой этой усилена была власть воеводъ. П. С. З., т. II, № 837.

[3]) П. С. З., т. II, № 882 (23 іюля 1681 г.).

притѣсненія лучшихъ людей и несправедливая раскладка податей, появленіе мѣдныхъ денегъ, немедленно вытѣснившихъ все серебро за границу, большія затрудненія при производствѣ торговыхъ оборотовъ съ иностранными купцами, которые отдавали русскимъ людямъ товары въ долгъ и по заемнымъ кабаламъ овладѣвали ихъ недвижимымъ имуществомъ, рядъ войнъ, тянувшихся съ 1654 по 1661 годъ, наконецъ, неблагопріятныя для русской торговли условія Кардисскаго мира—всѣ эти обстоятельства вредно подѣйствовали на состояніе городскаго хозяйства. Посадскіе люди обѣдѣли на столько, что въ 1665 году нельзя было приступить къ сбору пятинныхъ денегъ съ торговыхъ людей. Такія «нестроенія» и повели къ знаменитому проекту реформы земскаго самоуправленія, составленнаго подъ просвѣщеннымъ руководствомъ А. Л. Ордина-Нащокина посадскими людьми г. Пскова. Причины, вызвавшія составленіе проекта, сообщили и его содержанію опредѣленный характеръ. Реформа имѣла въ виду, главнымъ образомъ, судъ и косвенные налоги, вліявшіе на состояніе торговли. Но введеніе почти независимаго земскаго самоуправленія придавало, конечно, мірской раскладкѣ и взиманію прямыхъ налоговъ болѣе самостоятельный характеръ Посадскіе люди должны были выбрать 18 человѣкъ для завѣдыванія градскими дѣлами на 3 года, такъ чтобы ежегодно управляло по 6 человѣкъ, вѣроятно, представителей отъ 5 концовъ, пяти-конецкихъ земскихъ старостъ съ предсѣдателемъ во главѣ [1]). Въ случаѣ «великихъ дѣлъ градскихъ», шесть выборныхъ, «опричь тѣхъ шести человѣкъ, которымъ еще впредь быти», должны были призывать лучшихъ людей изъ сотенъ для совѣта.

---

[1]) Въ этомъ отношеніи акты о Псковскихъ земскихъ дѣлахъ 1665—1666 гг. (Доп. къ А. И., т. V, № 1) даютъ несогласныя показанія. Въ проектѣ самаго устава («устроенія»), № IV, ст. 1 говорится о 15 выборныхъ, по 5 въ каждый годъ. Въ крестоприводной записи (№ VII), которая составлена была послѣ устава, можетъ быть даже послѣ его отправленія въ Москву, упоминается о 18 выборныхъ на 3 года, по 6 человѣкъ въ годъ. Такъ какъ крестоприводная запись написана позднѣе, исчисляетъ поименно всѣхъ 18 выборныхъ, которые также переименованы и въ наказной памяти отъ 27 августа 1665 г. (№ VIII), тогда какъ уставъ утвержденъ былъ посадскими людьми 13 августа, то мы и считаемъ извѣстіе крестоприводной записи болѣе достовѣрнымъ. *Б. Чичеринъ* (Област. учрежд., стр. 560) и *С. Соловьевъ* (т. XIII, изд. 3-е, стр. 112), напротивъ, безъ оговорокъ пользуются первою статьей проекта. Пятиконецкіе старосты существовали издавна и упоминаются въ первой половинѣ XVII вѣка, напримѣръ, въ слѣдственномъ дѣлѣ о кн. Д. П. Пожарскомъ въ Чт. М. О. И. и Д., 1870 г., кн. 1.

Выборные обязаны были завѣдывать всякими городскими дѣлами «ко всякому исполненію его великаго Государя казнѣ денежными сборами», пользовались полицейскою властью надъ посадомъ, пригородами и уѣздными людьми, судили посадскихъ людей и церковныхъ крестьянъ, за исключеніемъ разбоя, душегубства и измѣны, подлежавшихъ суду воеводскому, и должны были бить челомъ о всякихъ дѣлахъ Государю. Такимъ образомъ, проектъ, между прочимъ, умалялъ значеніе воеводской власти и въ финансовомъ отношеніи. Этотъ проектъ, составленный и подписанный по благословенію архіепископа Псковскаго и Изборскаго, посадскими людьми на сходѣ при Троицкомъ соборѣ 13 августа 1665 года, одобренъ былъ Государемъ; но его выполненіе отложено было до болѣе благопріятныхъ условій. Правда, воевода Псковскій А. Л. Ординъ-Нащокинъ привелъ въ дѣйствіе новыя статьи; но это продолжалось очень недолго. Въ октябрѣ 1665 года А. Л Ординъ-Нащокинъ назначенъ былъ начальникомъ Новгородской четверти, а пріѣхавшій на его мѣсто кн. И. А. Хованскій крайне несочувственно отнесся къ реформѣ. Частью подъ вліяніемъ его отписокъ, частью же въ виду того, «что такому уставу быть въ одномъ Псковѣ неумѣть и оттого будетъ смута большая», а также, можетъ быть, вслѣдствіе враждебныхъ отношеній Московскихъ приказныхъ чиновъ къ А. Л. Ордину-Нащокину и недовольства служилыхъ людей, которые предчувствовали, что при осуществленіи такого проекта воеводы будутъ извлекать гораздо менѣе выгодъ изъ исправляемыхъ ими должностей, чѣмъ прежде, предполагавшіяся реформы были отмѣнены въ концѣ 1665 года [1]).

Но если, при осуществленіи вышеуказаннаго стремленія оградить населеніе отъ злоупотребленій воеводъ при помощи мѣстнаго же самоуправленія, правительство кое-гдѣ находило довольно благопріятную почву, то, напротивъ во многихъ случаяхъ не получало достаточной поддержки отъ тяглаго населенія. Тяглая община начала все болѣе подчиняться правительственному вліянію и обнаруживала слишкомъ мало самостоятельности. Служба по земскимъ выборамъ стала превращаться въ тяжелую обязанность. Въ прежнее время община всегда стремилась поглотить постороннія ей лица и подчинить ихъ своимъ порядкамъ. Въ позднѣйшее время, напро-

[1]) Доп. къ А. И., т. V, № 1. *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 68, 110—117. Послѣ отъѣзда кн. И. А. Хованскаго повторилась неудачная попытка введенія предложенныхъ реформъ.

тивъ, встрѣчаются челобитья земскихъ старостъ объ отчисленіи изъ ихъ вѣдомства землевладѣльческихъ вотчинъ, а при пріемѣ новаго тяглеца испрашивается на то разрѣшеніе у правительства, государева указа [1]). Въ прежнее время земская служба считалась почетною; теперь встрѣчаются случаи, когда правительство вынуждено приказывать, чтобы «отнюдь бы никому лучшимъ людямъ по стачкѣ семьями и очередными службами и никоторыми дѣлы отъ выборовъ не отбиваться». Бывали случаи, когда выбранные въ должности мірскіе люди просили ихъ «отставить». Но земскіе старосты не имѣли права принять ихъ отказъ или смѣнить ихъ, а должны были взять у нихъ подписныя челобитныя и присылать ихъ въ Москву для розыска. Тѣмъ же людямъ, которые начнутъ службъ «отбиваться», земскіе старосты должны были чинить наказаніе и присылать ихъ въ Москву. А на Москвѣ за такое ихъ челобитье и «отбой отъ чередьевыхъ службъ» чинился имъ государевъ указъ «больше прежняго»; они должны были выплатить убытки, подвергались жестокому наказанію безъ всякой пощады и даже ссылались на вѣчное житье въ другіе города (напр., Азовъ), «чтобы на нихъ смотря впредь инымъ ихъ братьи отбиваться отъ очередныхъ службъ было неповадно» [2]). Такого рода явленія показываютъ, что тяглая община въ концѣ XVII в. едва ли обладала крѣпкою, самостоятельною организаціей и что она, слѣдовательно, далеко не всегда успѣшно боролась противъ злоупотребленій мѣстной приказной администраціи. Поэтому, указы, ограждавшіе тяглую общину отъ злоупотребленій и вмѣшательства воеводъ, продолжали появляться. Такъ, по указу 1698 года, во всѣхъ городахъ, вѣдомыхъ въ Новгородскомъ, Устюжскомъ, Владимірскомъ и Галицкомъ приказахъ, земскимъ властямъ предоставлялись, независимо отъ воеводъ, раскладка и отправленіе податей въ Москву [3]). Устройство ратушъ было лишь продолженіемъ тѣхъ же реформъ [4]).

Итакъ, дѣятельность правительства при взиманіи податей не оставалась единообразною въ теченіе всего XVII вѣка. Первоначальная неопредѣленность воеводской власти позволяла воеводамъ

---

[1]) А. И., т. V, № 282. *П. Симсонъ*, Истор. г. Серпухова, М, 1880 г., стр. 341.

[2]) А. Э., т. IV, № 246. П. С. З., т. II, № 880. А. И., т. V, № 282.

[3]) А. Э., т. IV, № 320. А. И., т. V, №№ 274, 282.

[4]) Въ позднѣйшее время все еще повторяются указы, подобные указу 1698 года. Ср. П. С. З., т. VIII, № 5300: Указъ 30 іюня 1728 г.

не только надзирать, но и вмѣшиваться и непосредственно завѣдывать взиманіемъ податей, что, конечно, вызывало множество злоупотребленій со стороны тѣхъ же воеводъ и подчиненныхъ имъ низшихъ органовъ администраціи. Ограждая населеніе отъ такихъ злоупотребленій, правительство мало по малу пришло къ раздѣленію и разграниченію власти, которой поручено было управленіе областью, распредѣлило эту власть между двумя группами учрежденій—приказными и земскими, и вторымъ поручило завѣдывать дѣлами финансоваго свойства. Но правительственная охрана интересовъ мѣстнаго самоуправленія все болѣе и болѣе лишала общину ея самостоятельнаго политическаго значенія.

Ш. ДВИЖЕНІЕ ПОДАТНЫХЪ СУММЪ ИЗЪ ОБЛАСТНЫХЪ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ.

Въ отношеніяхъ областныхъ учрежденій къ центральнымъ въ XVII вѣкѣ не трудно замѣтить еще довольно значительную неопредѣленность, отсутствіе строгаго соподчиненія мѣстныхъ центровъ и развитіе чрезмѣрной централизаціи, которою и обусловлена была возможность непосредственныхъ сношеній волости, рѣже помѣстья или вотчины съ главнымъ государственнымъ центромъ безъ связующихъ инстанцій. Отношенія эти могли сложиться подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ. Таковы: раннее усиленіе государственнаго центра, вызванное цѣлымъ рядомъ историческихъ условій, сравнительно малое развитіе административнаго порядка и стремленіе правительства, при отсутствіи хорошо устроеннаго контроля, по возможности, сократить число посредниковъ, стоявшихъ между казной и плательщиками и задерживавшихъ часть сборовъ въ своихъ рукахъ.

До послѣдней трети XVII вѣка доставка податей изъ волости или уѣзднаго города въ Москву производилась или самими плательщиками, или мѣстною приказною администраціей. Мірская доставка податей производилась обыкновенно выборнымъ цѣловальникомъ изъ крестьянъ или посадскихъ людей; этотъ цѣловальникъ нерѣдко самъ предварительно завѣдывалъ и самыми сборами. Выбирался цѣловальникъ иногда цѣлымъ уѣздомъ и посадомъ вмѣстѣ; въ другихъ случаяхъ, напр., при отвозѣ недоимокъ, тѣмъ и другимъ отдѣльно, смотря по надобности. Воевода посылалъ въ Москву отписку о присылкѣ цѣловальника, который вмѣстѣ съ сборными книгами по пріѣздѣ долженъ былъ явиться въ четь или приказъ, куда поступали привезенныя имъ деньги, здѣсь по сборнымъ

книгамъ давалъ отчетъ въ собранномъ, получалъ государевы грамоты или отписи за дьячими приписями и возвращался домой. По такимъ выборнымъ цѣловальникамъ міръ выдавалъ поручныя записи, которыми возлагалъ на себя отвѣтственность въ цѣлости доставляемыхъ податей и обязывался въ случаѣ пропажи вновь выплатить ихъ по платежнымъ книгамъ, а также возвратить прогоны отъ Москвы и обратно, прогоны, нужные, вѣроятно, для присылки пристава изъ Москвы въ данную мѣстность. Поручители обязывались также, въ случаѣ неисправной доставки податей, подвергнуться пенѣ, «что Государь укажетъ» [1]). Нѣкоторыя волости пользовались такою самостоятельностью, что иногда сносились съ Москвой безъ всякаго вмѣшательства со стороны воеводъ. Грамоты о сборѣ податей, напр., стрѣлецкихъ денегъ, высылались прямо волостнымъ земскимъ судейкамъ или старостамъ; для доставки этихъ податей въ Москву они посылали цѣловальниковъ съ провожатыми [2]).

Не только изъ черныхъ волостей, но и изъ частныхъ поземельныхъ владѣній подати доставлялись иногда прямо въ Москву. Землевладѣльцамъ, особенно въ томъ случаѣ, когда они сами жили въ Москвѣ, выгоднѣе было миновать съѣзжую воеводскую избу и

---

[1]) А. Э., т. IV, № 189. А. И., т. III, № 3; т. V, № 16. А. Ю., №№ 209, XIV и 313. А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, IV. Р. И. Б., т. II, № 146. *Я. Га*; *ремингъ*, Акты Шуи, № 71. Румянцевскій музей, Собр. Я Гарелина: Отписи въ пріемѣ денегъ за стрѣлецкій хлѣбъ 7158 г. нояб. 12; 7183 г. января 15; 7192 г. янв. 23; 7196 г. янв. 18; 7198 г. мая 24 и слѣд. годовъ; отписи въ пріемѣ ямскихъ и пищальныхъ денегъ 7136 г. октяб. 4; 7141 г. апр. 18; 7149 г. августа 30 и слѣд. годовъ; въ пріемѣ однихъ ямскихъ—7126 г. дек. 12; 7158 г. нояб. 11 и сл. годовъ. Выборные цѣловальники, можетъ быть, получали денежное вознагражденіе отъ міра. Посыльщихъ, посланный изъ волости Юрьевой на Волокѣ въ Москву, получалъ найму въ мѣсяцъ по 1 р. 1 гривнѣ (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84. Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски города Устюга великаго).

[2]) Доп. къ А. И., т. VI, № 112. Ср. ibid., т. VII, № 16, XVI; т. VIII, № 49, I. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7146—7147 гг., № 62: Воеводскія отписки и государевы грамоты о сборѣ денегъ за даточныхъ людей съ разныхъ городовъ. Крестьяне Сумерской волости и Старополья писали Государю, что прислали въ приказъ денежнаго сбору деньги ратнымъ людямъ на жалованье съ двумя цѣловальниками, при которыхъ были еще провожатые. По прибытіи въ Новгородъ цѣловальники сбѣжали, а провожатый съ товарищемъ привезъ казну, которая «была за его счетомъ и печатью въ Москву, наймуя подводы собою». А найму стало отъ В. Новгорода—6 руб., да недочету оказалось 10 рублей.

имѣть дѣло съ Московскими приказами, они подавали челобитныя о томъ, чтобы Государь велѣлъ принять въ приказахъ тѣ или другія подати съ ихъ помѣстій и вотчинъ [1]). Опредѣленныхъ правилъ для предоставленія такого рода привилегій повидимому не существовало; онѣ выдавались въ виду случайныхъ удобствъ или того вліянія, какимъ пользовался крупный землевладѣлецъ въ столицѣ. Само правительство иногда провѣряло, вноситъ ли плательщикъ подати въ воеводскую съѣзжую избу или въ центральный приказъ [2]). Есть примѣры доставки прямо въ Москву разныхъ податей старостами или (вѣроятно, выборными) крестьянами изъ помѣстій и вотчинъ служилыхъ людей и духовенства; этимъ посыльщикамъ выдавались обыкновенно приказныя отписи за приписью дьяка въ пріемѣ привезенныхъ ими суммъ [3]). Въ такихъ случаяхъ, однако, деньги едва ли особенно часто выплачивались самими тяглецами. Въ вотчинахъ духовенства въ случаѣ непосредственныхъ финансовыхъ сношеній съ столицей доставка нерѣдко производилась черезъ посредство монастырскихъ служекъ, старцевъ, архіепископскихъ стряпчихъ. Иногда платилъ соборный протопопъ или игуменъ [4]). Съ свѣтскихъ вотчинъ и помѣстій деньги вносились самимъ владѣльцемъ или его приказными людьми. Всѣмъ этимъ

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7178 г. марта 21—апрѣля 11, № 148: Отписки въ Галицкую четверть изъ разныхъ городовъ отъ воеводъ о сборѣ дворовыхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ денегъ. Здѣсь встрѣчается подобная челобитная Петрушки Меньшаго Переметьева о пріемѣ съ него полоняничныхъ денегъ со 159 по 178 годъ въ Москвѣ съ его вотчины въ Кашинскомъ уѣздѣ. На оборотѣ челобитной человѣкъ Петра Васильевича Переметьева Еѳимка Растегаевъ руку приложилъ. Другимъ почеркомъ: «178 г. іюня 21 принять деньги и записать въ приходъ». Въ числѣ тѣхъ же отписокъ встрѣчается еще нѣсколько подобныхъ же челобитныхъ.

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 28, XI: «А кто учнетъ сказывать, что тѣ деньги съ помѣстій своихъ и вотчинъ послали они къ Москвѣ и у нихъ (воеводѣ) имать сказки за руками съ большимъ подкрѣпленіемъ и тѣ сказки безъ мотчанья прислать въ Ямской приказъ». Ibid., № 28, XIII.

[3]) А. Ю., № 224, Ш. А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, XVI.

[4]) А. Ю., №№ 209, VIII и XV, 211, I и II (1582 г.); 215, IX и XI; 216, II (1596 г.) и III; 216, XI, XVIII и XIX; 224, III. А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, XVI. Доп. къ А. И., т. VI, № 21, XXVI. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7183 г. дек. 1—7185 г. дек. 7. Списки съ отписей во взятыхъ въ разные приказы съ вотчинъ Иверскаго монастыря деньгахъ. Въ 1674 г. полоняничныя деньги платитъ строитель, ямскія деньги стряпчій. То же было въ 1676 году.

лицамъ выдавались отписи за скрѣпой приказнаго дьяка и справою подьячаго [1]).

Такимъ образомъ, нѣкоторыя частныя поземельныя владѣнія представляли небольшіе самостоятельные финансовые округи, которые не только при раскладкѣ и взиманіи, но и при доставкѣ податей въ столицу оставались внѣ зависимости отъ мѣстной приказной администраціи. Изъ поземельныхъ владѣній духовенства, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, таковыми были вотчины святѣйшаго патріарха, всѣ властелинскія, да изъ монастырскихъ вотчины Троице-Сергіева монастыря, монастырей Кириллова и Соловецкаго. Къ сожалѣнію нѣтъ такихъ же точныхъ указаній относительно свѣтскихъ вотчинъ. Можно думать, однако, что ихъ было не мало. Въ Мещовскомъ уѣздѣ, напримѣръ, изъ 1.270 тяглыхъ дворовъ, да 170 новоприбылыхъ въ концѣ 60-хъ годовъ съ 236 дворовъ полоняничныя деньги выплачивались въ столицѣ [2]). Такой порядокъ иногда затруднялъ финансовую дѣятельность воеводъ. Воевода Галицкій, Семенъ Нестеровъ, писалъ Государю въ 1670 году, что ему нѣтъ никакой возможности доправить полоняничныя деньги съ уѣзда, такъ какъ «уѣздные люди» его не слушаютъ, съ платежемъ въ Галичъ не ѣдутъ, говорятъ, что деньги они уплатили въ Москвѣ и что приказныя отписи въ платежѣ этихъ денегъ у нихъ есть, но съ отписями къ нему, воеводѣ, не ѣздятъ и «отписей не кладутъ». Такимъ образомъ, помѣстья эти «стояли въ книгахъ» у Нестерова «въ нѣтѣхъ». Бывали и обратные случаи. Не всегда зная о томъ, куда плательщикъ вноситъ подати и внесъ ли онъ ихъ во время, воеводы доправляли подати съ плательщиковъ, уже внесшихъ ихъ въ Москвѣ. Правительство требовало, поэтому, отъ такихъ плательщиковъ, чтобы, по полученіи отписей изъ Московскихъ приказовъ, они предъявляли ихъ воеводѣ. Въ противномъ случаѣ послѣдній имѣлъ право доправлять съ нихъ требуемыя подати [3]).

Но мірская доставка не всегда была удобна для тяглой общины и нерѣдко вредила казеннымъ интересамъ. Доставка податей

---

[1]) А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, XXIII и XXIV. Доп. къ А. И., т. X, № 89, I.

[2]) А. И., т. IV, № 215; т. V, № 29. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7178 г марта 21—апр. 11, № 148: Отписки въ Галицкую четверть и проч.

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7178 г. марта 21 — апр. 11, № 148 Отписки въ Галицкую четверть и проч. А. И., т. III, № 132. Доп. къ А. И., т. VI, № 88, т. IX, № 68.

изъ отдаленныхъ волостей сопряжена была съ значительными тратами; цѣловальники ѣздили въ Москву изрѣдка, стараясь сразу внести требуемыя подати; послѣднія между тѣмъ сбирались несвоевременно, а поэтому привозились въ Москву слишкомъ поздно. Все это вело къ тому, что мѣстный воевода иногда принималъ на себя доставку этихъ сборовъ въ Москву. Такъ напримѣръ, Каргопольскому воеводѣ пришлось выслать въ Москву стрѣлецкія деньги съ подьячимъ потому, что Каргопольскій цѣловальникъ собралъ 265 рублей съ небольшимъ и объявилъ воеводѣ, что «съ тѣми невеликими деньгами за прогонами и за проѣстью ѣхать къ Москвѣ нечѣмъ» [1]). Самый проѣздъ цѣловальника въ Москву требовалъ нѣкоторыхъ средствъ и значительнаго времени [2]). Наконецъ, и московская волокита давала себя чувствовать Цѣловальники разныхъ уѣздовъ, напримѣръ, Устюжскаго, Чаропдскаго, Сольвычегодскаго, подавали челобитныя Государю о томъ, чтобы выдать имъ скорѣе отписи въ пріемѣ привезенныхъ ими денежныхъ доходовъ, ибо они «волочатся на Москвѣ и въ конецъ погинутъ» [3]). Въ виду всѣхъ этихъ неудобствъ, для доставки податей, напримѣръ, стрѣлецкихъ денегъ, община нанимала особыхъ уговорщиковъ; послѣдніе, однако, стоили общинѣ очень дорого, что могло вызвать образованіе недоимокъ по другимъ податямъ. Поэтому правительство запрещало «уговорщикамъ» возить подати и грозило въ противномъ случаѣ сборы доправить съ нихъ вдвое и подвергнуть ихъ «великому наказанію» [4]).

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7134 г., № 38: Отписки, государевы грамоты и проч. о сборѣ доходовъ съ городовъ Устюжской четверти.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7176 г. апр. 1: Дѣло по челобитью Олончанина посадскаго человѣка П. Полежаева о дачѣ ему подводъ подъ денежную казну. Пашка Полежаевъ посланъ былъ съ государевою денежною казной; ему дана была подорожная, по которой онъ долженъ былъ получать ямскія подводы. Не смотря на это, онъ вотъ ужъ двѣ недѣли какъ сидитъ въ Клину и не можетъ получить подводъ отъ ямщиковъ, о чемъ и бьетъ челомъ. Въ 1663 г. сынъ боярскій К. Борзуновъ писалъ В. Домнину-Данилову, что ему невозможно ѣхать далѣе Ярославля потому, что съ Ухорскаго яма за наемную подводу далъ онъ 4 рубля; осталось 10 рублей; а съ Ярослава на Москву за подводу просятъ 70 рублей (Ярослав. губ. вѣд 1860 г., № 29).

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7150 г , № 38· Отписки, царскія грамоты и проч. о сборѣ доходовъ съ городовъ Устюжской четверти.

[4]) А. И., т. Ш, № 132. Уговорщики, повидимому, чаще всего употреблялись для доставки стрѣлецкаго хлѣба нерѣдко въ видѣ подряда.

*

Воевода надзиралъ за мірскою доставкой податей. Деньги онъ отсылалъ обыкновенно при помощи выборныхъ цѣловальниковъ «изъ лучшихъ добрыхъ людей, кому мочно вѣрить», взявъ по нимъ выборы за руками посадскихъ людей [1]) и писалъ въ Москву отписки о томъ, сколько денегъ собрано и съ кѣмъ «имянно» эти деньги и книги собраннымъ деньгамъ посланы. Цѣловальникамъ воевода выдавалъ на поѣздку наемныя деньги, собранныя съ мѣстнаго населенія, подорожную за своею воеводскою печатью, подорожную, по которой ямщики возили деньги отъ яма до яма, и присоединялъ къ цѣловальнику провожатыхъ изъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей. Воеводы получали предписаніе о томъ, чтобы деньги посылать только при помощи цѣловальниковъ и провожатыхъ, а не другихъ посыльщиковъ. Кромѣ того, цѣловальниковъ сопровождали иногда подьячіе съ платежными книгами для отчета [2]).

Воеводы, однако, далеко не всегда присылали требуемые сборы во время. Они часто поставлены были въ невозможность точно выполнять правительственныя требованія, такъ какъ само населеніе вносило подати далеко не всегда исправно. Такъ напримѣръ, царская грамота о сборѣ денегъ ратнымъ людямъ на жалованье послана была Бѣлевскому воеводѣ 13 февраля 1638 года, но по 14 марта посадскіе люди денегъ еще «не принашивали». Съ другой стороны и злоупотребленія самихъ воеводъ замедляли высылку сборовъ въ Москву, такъ что центральному правительству приходилось по нѣскольку разъ посылать грамоты по этому поводу къ воеводамъ и грозить имъ наказаніемъ за промедленія. Въ 1638 году, напримѣръ, приступлено было къ сбору денегъ ратнымъ людямъ на жалованье. Изъ Устюжской четверти (вѣроятно, по примѣру другихъ четвертей) разосланы были въ подвѣдомственные ей города грамоты о сборѣ этихъ денегъ въ разное время, въ январѣ, февралѣ, іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, такъ что, повидимому, не всѣ воеводы получили извѣщенія единовременно. Но и по полученіи такихъ извѣщеній многіе изъ нихъ медлили или присылали сравнительно немного. Сольвычегодскій воевода, напримѣръ, прислалъ 3.216 руб. вмѣсто 8.738 р., Устьянскія волости 241 р. 32 ал. 3 ден. вмѣсто 1.938 руб. и т. д. Вновь разосланы были гра-

[1]) А. И., т. V, №№ 11 и 16

[2]) А. Э., т. IV, № 49. А. И., т. III, №№ 200 и 206; т. IV, № 51; т. V, №№ 29, 33, 42, 77, 274 и 282. Доп. къ А. И., т. VIII, №№ 49, II и 66. Влад. губ. вѣд. 1856 г., № 18.

моты воеводамъ съ упреками и угрозами и снова стала производиться доставка неприсланныхъ еще суммъ. Вообще дѣло это о сборѣ денегъ ратнымъ людямъ на жалованье, т. е налога, въ которомъ правительство нуждалось въ возможно скоромъ времени, тянулось по меньшей мѣрѣ съ 21 декабря 1637 года по ноябрь мѣсяцъ 1638 года [1]). Другимъ примѣромъ можетъ служить сборъ четвертныхъ доходовъ, производившійся съ городовъ Устюжской четверти въ 1666—1667 году, вскорѣ послѣ извѣстнаго хозяйственнаго кризиса, вызваннаго введеніемъ мѣдныхъ денегъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1666 года разосланы были грамоты изъ четверти городскимъ воеводамъ, напримѣръ, Веневскому, Можайскому, Звенигородскому, Тотемскому. Воеводы, однако, денегъ не присылали. Поэтому, въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ нѣкоторые города, напр , Устьянскія волости и Луки Великія, снова сдѣланы распоряженія о томъ, чтобы воеводы приступили къ сбору четвертныхъ доходовъ. Но и этого оказалось недостаточно. Въ Тотьму, куда посланы были грамоты 19 октября и 19 ноября, 20 января 1667 года еще посылается новая грамота, въ которой правительство упрекаетъ воеводу въ бездѣльной корысти и грозитъ присылкой пристава. Подобная же грамота послана была въ Устьянскія волости въ томъ же январѣ мѣсяцѣ. Но изъ Тотьмы и послѣ грамоты 20 января ничего не присылалось; поэтому, 25 февраля отправлена была новая грамота, въ которой грозили смѣнить воеводу Тотемскаго и доправить съ него недоимки. Еще въ августѣ мѣсяцѣ за Тотьмой продолжали числиться довольно крупныя недоимки и посылались грамоты [2]). Такой безпорядокъ въ производствѣ и доставкѣ сборовъ, разумѣется, не обнаруживался постоянно въ столь же значительныхъ размѣрахъ; но въ меньшей степени замѣчается нерѣдко при чтеніи дѣлъ о сборѣ разныхъ податей.

Если воевода оплошкой или нерадѣніемъ мѣшкалъ денежнымъ сборомъ и не присылалъ денегъ въ Москву въ указный срокъ, ему грозили присылкой нарочнаго сборщика, который долженъ былъ доправить на воеводѣ недоимки и прогоны вдвое [3]). Дѣя-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7146—7147 гг., № 25: Дѣла о сборѣ денегъ ратнымъ людямъ на жалованье съ городовъ Устюжской четверти.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д С. Л., 7175 г. сент. 24—августа 28, № 189: Государевы грамоты на Тулу, Веневъ, Тотьму воеводамъ о сборѣ разныхъ денегъ.

[3]) А. Э., т. IV, № 137.

тельность сборщика обнимала иногда довольно обширный районъ. Въ 1668 году, напримѣръ, сборщикъ посланъ былъ для сбора недоимокъ въ уѣзды Переяславскій (Залѣсскій). Ростовскій, Ярославскій, Романовскій, Пошехонскій, Вологодскій, Бѣлозерскій и Каргопольскій. Сборщикъ получалъ наказъ и доимочную роспись изъ приказа, гдѣ вѣдался городъ, съ котораго нужно было доправить недоимки. Впрочемъ, спеціальныя подати, поступавшія въ спеціально-административные приказы, какъ напримѣръ, Стрѣлецкій, доправлялись иногда посланными изъ этихъ же приказовъ сборщиками. По пріѣздѣ въ городъ, гдѣ ожидалъ его воевода, заранѣе получившій по этому поводу царскую грамоту изъ приказа, сборщикъ бралъ у воеводы роспись за его рукой, «что съ которой волости какихъ великаго Государя доходовъ и на которые годы въ доимкѣ», и послушную память, которою удостовѣрялась личность сборщика и узаконялась его дѣятельность въ глазахъ населенія. Сборщикъ имѣлъ право требовать у воеводы разсыльщиковъ, пушкарей, затинщиковъ, казаковъ, стрѣльцовъ, дѣтей боярскихъ, недѣльщиковъ, приставовъ и подьячихъ для письма со свѣчами, чернилами, бумагой, и отправлялся въ уѣздные станы и волости на подводахъ, поставляемыхъ самимъ населеніемъ [1]) Плательщики сами должны были приносить недоимки къ сборщику. Въ противномъ случаѣ онъ разсылалъ служилыхъ людей для такого же сбора, подвергалъ неисправныхъ тяглецовъ правежу и металъ ихъ въ тюрьму. Собранныя недоимки сборщикъ записывалъ въ «книги сборныя доимочнымъ деньгамъ», въ которыхъ означались волости, помѣстья и вотчины по статьямъ, размѣры слѣдуемыхъ съ нихъ недоимокъ и размѣры внесенныхъ ими въ счетъ недоимокъ суммъ. Сборщикъ также выдавалъ населенію платежныя отписи за своею рукой и печатью, а собранное отсылалъ прямо въ Москву съ цѣловальниками и провожатыми [2]).

Сборщикъ, какъ видно, не находился въ прямой зависимости отъ воеводы. Воевода вмѣстѣ съ населеніемъ долженъ былъ оказывать возможную помощь сборщику; въ противномъ случаѣ тяглецы под-

[1]) А. Э., т. III, №№ 32 и 70. Доп. къ А. И., т. V, № 79. Воронеж. акты, вып. II, № VII. Чт. М. О. И. и Д. 1887 г., кн. III, Смѣсь, стр. 9—32. Псков. губ. вѣд. 1870 г., № 4. (Царскій указъ 1664 г. Псковскому воеводѣ о пособіи какое должно быть оказано сборщику податей М. Воскобойникову).

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С Л., 7174 г., іюля 11: Тетрадь Чаронды съ посада и съ волостей съ крестьянъ донятыхъ въ казну денегъ. Чт. М. О. И. и Д. 1887 г., кн. III, Смѣсь, стр. 9—32.

вергались жестокому наказанію, ссылкѣ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми въ Сибирь, даже смертной казни и конфискаціи имущества; воеводѣ грозила опала великая, разореніе и доправленіе на немъ недоимокъ, требуемыхъ съ населенія. Воевода, однако, надзиралъ за сборщикомъ, «смотрѣлъ, чтобы онъ о сборѣ и о правежѣ доходовъ радѣлъ съ большимъ прилежаніемъ и въ сборѣ для своихъ взятковъ не норовилъ, а напрасно-бъ никакихъ налогъ и обидъ для своихъ корыстей не чинилъ». Сборщикъ въ случаѣ злоупотребленій отвѣчалъ въ приказѣ, откуда былъ посланъ [1]).

Сборщики при сборахъ нерѣдко прибѣгали къ крайне строгимъ, жестокимъ мѣрамъ, которыми возбуждали противъ себя населеніе. «Я холопъ твой, писалъ А. Образцовъ, посланный для сбора недоимокъ на Бѣлоозеро, правилъ на нихъ (Бѣлозерцахъ) твоихъ государевыхъ всякихъ доходовъ нещадно, побивалъ на смерть». По приказанію другаго сборщика, въ Кевролѣ и на Мезени въ 1679 году приставы били крестьянъ безмѣрнымъ правежемъ на смерть и, сбивъ съ ногъ, били въ голову и по плечамъ. Населеніе также жаловалось на взяточничество сборщиковъ. Неудивительно поэтому, что населеніе «брело розно» отъ такихъ сборщиковъ или оказывало имъ открытое сопротивленіе. Денежные сборщики писали иногда изъ волостей, «что всѣ крестьяне разбрелися врознь и править доходовъ отнюдь не на комъ, потому что деревни всѣ пусты» [2]). Пермскіе посадскіе люди, «какъ учалъ съ нихъ денежный сборщикъ кн. Н. Шаховской деньги правити, денегъ правити на себѣ недали и его убили» (т. е. прибили). Кевролъцы и Мезенцы также оказывали открытое неповиновеніе сборщику, пріѣхавшему сюда въ 1679 году. Они бранили его, не давали подводъ, увѣряли, что и безъ него сами пришлютъ недоимки въ Москву. «Откуды пріѣхалъ—говорили они—туды и поѣдь, а до насъ тебѣ дѣла нѣтъ и великаго Государя указу, который у тебя, не слушаемъ; а которые доимочные доходы на насъ доведутся, и мы сберемъ сами, сколько хотимъ и безъ твоего указу, а ты намъ не указывай и съ тѣмъ указомъ поѣдь небитъ прочь!» Сборщики жаловались также на то, что всѣ старосты и судейки Кевролъскаго стана, «стакався», денегъ не платятъ [3]).

---

[1]) Чт. М. О. И. и Д. 1887 г., кн. III, Смѣсь, стр. 9—32.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7154—7155 гг., № 52: Дѣла о сборѣ недоимокъ Устюжской четверти. Эта отписка, находящаяся въ числѣ этихъ дѣлъ, написана, впрочемъ, денежными сборщиками, посланными въ Усольскія волости изъ Соливычегодской, а не изъ Москвы.

[3]) А. Э., т. III, №№ 48 и 100. Чт. М. О. И. и Д. 1887 г., Смѣсь, стр. 9—32.

Нещадное наказаніе батогами и тюремное заключеніе, которому подвергались непокорные, едва ли приводили къ особенно плодотворнымъ результатамъ. Поэтому правительство прибѣгало къ другимъ средствамъ. Предоставляя широкій кругъ дѣятельности тяглой общинѣ въ финансовомъ отношеніи для того, чтобы оградить ее отъ злоупотребленій воеводъ, правительство попыталось такою же мѣрой воспользоваться, по крайней мѣрѣ въ единичныхъ случаяхъ, и для предотвращенія насилій со стороны сборщиковъ. Такъ, когда въ 1613 году вѣдомо учинилось, что сборщикъ на Вагѣ, кромѣ обыкновенныхъ денежныхъ доходовъ, «емлетъ себѣ самовольствомъ за кормъ съ Ваги, съ посаду и съ уѣзду, по 4 рубля въ недѣлю», правительство поспѣшило отозвать сборщика и приказало самимъ крестьянамъ доставлять слѣдуемыя съ нихъ подати въ Устюжскую четь [1]). Въ Устюжну въ 1637 году не послано было сборщиковъ «жалѣя» посадскихъ людей, чтобы имъ отъ сборщиковъ «продажи и убытковъ не было». Когда въ 1639 году Чердынцы били челомъ на приставовъ, которые волочатъ ихъ при сборѣ податей недѣли по двѣ и по три, то царской грамотою изъ Москвы велѣно было имъ «данныя и оброчныя деньги сбирать и привозить къ Москвѣ самимъ» [2]).

Невозможно было бы, однако, постоянно поручать мѣстному финансовому самоуправленію доправленіе недоимокъ, которыя нерѣдко наростали по собственной его винѣ. Поэтому, въ тѣхъ случаяхъ, когда обнаруживались злоупотребленія сборщиковъ, ихъ обязанности выполнялись воеводами. Рельефный примѣръ такого рода замѣны особыхъ сборщиковъ податей обычными органами областной администраціи встрѣчается въ городахъ, вѣдаемыхъ въ Большомъ Дворцѣ въ 1670-хъ годахъ. Изъ этихъ городовъ велѣно было присылать въ Москву денежные доходы, столовые запасы, десятинный, посопный, выдѣльный, отсыпной и стрѣлецкій хлѣбъ по окладу къ опредѣленному зимнему сроку, который, однако, вовсе не соблюдался. Денежные доходы и хлѣбные запасы запаздывали или не присылались вовсе. Тогда въ города и села къ воеводамъ и приказнымъ людямъ посланы были изъ Москвы подьячіе и трубники для сбора и высылки государевыхъ доходовъ. «Но подьячіе и трубники живучи въ тѣхъ городѣхъ и селѣхъ пили и ѣли, сбирая съ крестьянъ и съ посадскихъ людей, и отъ того имъ, посадскимъ людемъ и крестьяномъ, чинились убытки и разо-

[1]) А. И., III, № 3; т. V, №№ 16 и 274.

[2]) А. Э., т. III, №№ 275 и 293.

реніе, а въ приказѣ Большаго Дворца въ отпускахъ государевыхъ грамотъ бумагѣ лишней расходъ, а подьячимъ и трубникомъ напрасная работа и волокита» Поэтому рѣшено было «отставить» сборщиковъ и возвратиться къ прежней системѣ. Воеводы должны были наблюдать за сборомъ податей и съ выборными цѣловальниками присылать ихъ въ Москву. Цѣловальникъ отвѣчалъ за исправную доставку; если въ Москвѣ по записнымъ книгамъ оказывалось, что изъ данной мѣстности всѣ доходы присланы были съ цѣловальникомъ сполна, а цѣловальникъ вносилъ не все сполна, то подвергался доправленію недоимокъ, въ случаѣ же малосостоятельности онъ лишался двора и животовъ, которые продавались въ счетъ «недоплатныхъ» денегъ Воевода или путный ключникъ дворцовыхъ городовъ, въ случаѣ невысылки доходовъ, подвергался пенѣ въ 100 рублей, прикащики и стряпчіе—въ 50 руб., сытники, подключники—въ 30 рублей. Кромѣ того, воеводы и путные ключники подвергались тюремному заключенію на три дня, стряпчіе, сытники и подключники—на недѣлю, и за невысылку денежныхъ доходовъ «съ воеводствъ и съ приказовъ перемѣнялись безсрочно» [1]). Вскорѣ затѣмъ царскимъ указомъ и боярскимъ приговоромъ отъ 27 ноября 1679 года велѣно было «въ городѣхъ для денежнаго и хлѣбнаго сбору съ Москвы присыльнымъ сборщикамъ не быть» и дѣло это поручено было воеводамъ [2]). Но съ сосредоточеніемъ финансовой власти въ земскихъ (а не приказныхъ) учрежденіяхъ доставкой податей стали завѣдывать земскіе старосты [3]).

Такимъ образомъ, въ движеніи податныхъ суммъ изъ областныхъ въ центральныя учрежденія въ XVII вѣкѣ нельзя еще усмотрѣть вполнѣ правильной организаціи, опредѣлившагося кассоваго устройства. На ряду съ уѣзднымъ центромъ въ прямомъ соотношеніи къ центральнымъ финансовымъ учрежденіямъ находились отдѣльныя, небольшія поземельныя владѣнія; въ уѣздныхъ городахъ сборы поступали то въ съѣзжую, то въ земскую избу, а поэтому и въ Москву доставлялись различно. Лишь послѣ долговременныхъ колебаній правительство рѣшилось опредѣленнѣе разграничить вѣдомства приказныхъ и земскихъ областныхъ учрежденій и предоставило финансовую власть мѣстному самоуправленію.

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 45.
[2]) П. С. З., т. II, № 779.
[3]) См. выше, стр. 346—350.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Особенности въ отправленіи нѣкоторыхъ податныхъ обязанностей.

I. ЛИЧНЫЯ ПОВИННОСТИ.

1. Служилые ремесленники.

Въ числѣ податныхъ обязанностей XVII вѣка видное мѣсто занимала сложная система личныхъ повинностей. Не всѣ онѣ были въ равной мѣрѣ обязательны для всего населенія государства. Нѣкоторыя изъ государственныхъ потребностей удовлетворялись въ мирное время личною службой, занятіемъ или ремесломъ, которыя выполнялись частью налогоспособнаго населенія, но этимъ самымъ освобождали его отъ тягла. Таковы служилые ремесленники и ямщики Напротивъ, при удовлетвореніи военныхъ потребностей государства, повинности отличались большею общеобязательностью: городовое и острожное дѣло выполнялось всѣмъ тяглымъ населеніемъ; ратной повинности подлежали всѣ служилые люди, не находившіеся въ извѣстное время на военной службѣ, и всѣ тяглецы.

Но бывали случаи, когда податная обязанность получала болѣе сложный характеръ, когда она превращалась главнымъ образомъ въ натуральный сборъ. Таковы: стрѣлецкій хлѣбъ, сибирскіе отпуски и хлѣбные запасы. Одна изъ этихъ обязанностей имѣла скорѣе мѣстное значеніе, другія—болѣе общее. Наконецъ, значительнымъ своеобразіемъ отличалась подать, падавшая на инородческое населеніе Россіи и Сибири подъ наименованіемъ ясака.

Въ отправленіи всѣхъ этихъ повинностей нельзя не замѣтить особенностей, которыя или характеризуютъ каждую изъ нихъ въ отдѣльности, или отличаютъ ихъ распредѣленіе между классами на-

селенія и способы ихъ отбыванія вообще отъ раскладки и взиманія главнѣйшихъ денежныхъ податей. Необходимо, поэтому, каждую изъ этихъ повинностей разсмотрѣть въ отдѣльности съ этой точки зрѣнія. Въ числѣ такихъ податныхъ обязанностей наименѣе сложнымъ характеромъ отличалась, такъ сказать, ремесленная служба.

Во многихъ городахъ Московскаго государства встрѣчался особый разрядъ ремесленныхъ посадскихъ людей, которые главнымъ образомъ занимались кирпичнымъ, каменнымъ, плотничнымъ или кузнечнымъ дѣломъ для удовлетворенія разныхъ государевыхъ и государственныхъ потребностей Эти ремесленники составляли, повидимому, маленькія корпораціи, имѣли собственныхъ старостъ [1]) и пользовались довольно значительными привилегіями. Такъ напримѣръ, дворы и огороды кирпичниковъ «на посадской или монастырской землѣ, гдѣ кто на посадѣ или въ уѣздѣ жилъ», считались обѣльными. Кирпичники не отправляли личныхъ повинностей и не платили никакихъ податей съ земли или двора вмѣстѣ съ посадскими, тяглыми людьми, могли жить съ братьями, дядьями и племянниками на одномъ хлѣбѣ. Бѣглые кирпичники, хотя и подлежали временному тюремному заключенію, но потомъ могли за поруками освободиться отъ этого наказанія [2]). Такими же привилегіями пользовались кузнецы и другіе служилые ремесленники [3]). Кромѣ того, за самое дѣло они получали денежное вознагражденіе отъ правительства, хотя вознагражденіе это было не столько заработною платой, сколько простымъ жалованьемъ. Новгородскимъ и Псковскимъ плотникамъ и кузнецамъ до 1647—1648 г. выдавалось постоянное государево жалованье, первымъ одно денежное, вторымъ денежное и хлѣбное. Но въ этомъ году сдѣлано было распоряженіе, «помѣчено было въ Новгородской четверти», чтобы этимъ ремесленникамъ давать поденный кормъ, «какъ государево дѣло будетъ» [4])

Взамѣнъ всѣхъ этихъ привилегій и вознагражденій, служилые ремесленники обязаны были выполнять извѣстныя обязанности.

---

[1]) *И. Сахаровъ*, Исторія общественнаго образованія Тульской губ., М., 1832 г., прил. №№ 13, 40. Влад. губ. вѣд. 1858 г., № 44.

[2]) *В. Берхъ*, Царств. ц. Михаила Ѳеодоровича, прил. № VII.

[3]) *И. Сахаровъ*, Ibid., №№ 2, 4. 7, 21, 30 и 31.

[4]) Доп. къ А. И., т. Ш, № 36 (стр. 121, прим. 1 и 2; стр. 123, прим. 6; стр. 125, прим. 1). П. С. З., т. I, № 275. По указу 1660 г., каменьщики, плотники и кузнецы при выполненіи казенныхъ работъ получали опредѣленное жалованье на кормъ, по 2 алт. человѣку на день.

Когда оказывалась нужда въ постройкѣ укрѣпленій или общественныхъ зданій и выдѣлкѣ разнаго рода оружія, служилые ремесленники призывались къ дѣлу по особому царскому указу, разосланному воеводамъ. Послѣдніе должны были увѣдомить соотвѣтствующія центральныя учрежденія о времени отсылки служилыхъ ремесленниковъ въ Москву или прямо на мѣсто назначенія съ присоединеніемъ росписи ихъ именъ и взятыхъ по нимъ поручныхъ записей. Вмѣстѣ съ ремесленниками высылались иногда ихъ жены, дѣти, племянники, сосѣди, захребетники Бывали случаи, когда грамоты о высылкѣ служилыхъ ремесленниковъ посылались прямо крупнымъ землевладѣльцамъ, напримѣръ, монастырямъ; они должны были выслать ихъ и отписать объ этомъ въ Москву. По окончаніи работъ служилые ремесленники получали отпуски для возвращенія на прежнее мѣсто жительства [1]).

Иногда, кромѣ кирпичнаго, кузнечнаго, каменнаго и плотничнаго дѣла, требовалось отъ населенія выполненіе и другихъ повинностей такого же рода. Такъ напримѣръ, въ 1656 г., патріаршей грамотой и царскимъ указомъ архіепископу Вологодскому велѣно было дѣлать топорки и бердыши по присланному образцу. Архіепископъ разослалъ грамоты въ монастыри, распредѣлилъ выполненіе этой обязанности между ихъ владѣніями по числу дворовъ и указалъ срокъ, къ которому нужно было доставить сдѣланное. По окончаніи нужныхъ работъ и доставкѣ всѣхъ топорковъ и бердышей къ архіепископу, онъ долженъ былъ отослать ихъ въ Москву къ опредѣленному сроку съ нарочнымъ ѣздокомъ [2]). Въ 1658 году по государеву указу велѣно было воеводамъ взять съ посадовъ и съ уѣздовъ съ митрополичьихъ, архіепископскихъ, епископскихъ, монастырскихъ селъ и деревень съ 10 портныхъ по 2 человѣка, да скорняковъ «для великаго Государя приказныхъ дѣлъ и крымской клади». Для этой цѣли воевода отправлялъ въ уѣздъ мелкихъ служилыхъ людей, напримѣръ, стрѣльцовъ съ наказною памятью, въ силу которой стрѣлецъ сыскивалъ портныхъ и скорняковъ, переѣзжая изъ одного монастыря въ другой на монастырскихъ подводахъ, бралъ съ собою монастырскихъ старостъ для сыску и привозилъ ихъ въ городъ. Здѣсь они обязаны были явиться въ съѣзжую избу съ поручными записями, а затѣмъ отправлялись въ Москву съ вое-

---

[1]) А. Э., т. IV, №№ 4, 62 и 85. А. И., т. IV, №№ 27 и 186. Доп. къ А. И., т. II, № 58; т. VI, № 5, I; т. VII, № 15; т. VIII, № 70; т. IX, №№ 61 и 74.

[2]) А. Э., т. IV, № 91.

водскою, именною росписью, поручными по нимъ записями и отпиской [1]).

Въ случаѣ нерадиваго надзора за выполненіемъ всѣхъ этихъ обязанностей, воеводамъ грозила денежная пеня и жестокое наказаніе Отвѣтственность также падала на землевладѣльца, если ему послана была грамота о присылкѣ ремесленниковъ въ Москву. Такъ напримѣръ, Новгородскій воевода, требуя кузнецовъ, станочныхъ мастеровъ и плотниковъ съ Тихвинскаго монастыря, грозилъ архимандриту пеней въ 500 рублей въ случаѣ ихъ неприсылки или проволочки. Съ непожелавшихъ явиться или бѣглыхъ каменьщиковъ доправлялись деньги «за ихъ паи»; жены и дѣти бѣглецовъ подвергались тюремному заключенію, «покамѣсть мужья объявятся»; когда же эти «мужья» послѣ сыска «объявлялись», имъ чинили наказаніе и за поруками высылали ихъ въ Москву [2])

Ремесленная служба была первоначально довольно тяжелою обязанностью, но съ теченіемъ времени она потеряла прежнее значеніе. Въ царской грамотѣ Коломенскому воеводѣ 1684 года велѣно было промышленнымъ и торговымъ кирпичникамъ «быть въ посадѣ, въ тяглѣ и службы служить и подати платить съ посадскими людьми врядъ, потому что дѣды ихъ и отцы ихъ и они въ писцовыхъ и переписныхъ книгахъ написаны на Коломнѣ посадскими людьми тяглыми, да и для того, что нынѣ всякія великихъ государей каменныя дѣла дѣлаютъ подрядомъ и имъ кирпичникамъ въ приказѣ Каменныхъ дѣлъ быть не для чего» [3]).

2. Ямская повинность.

Устройство ямской повинности опредѣлялось ея цѣлями, эти цѣли состояли въ удовлетвореніи не столько общественныхъ, сколько правительственныхъ потребностей. Въ самомъ дѣлѣ, ямами глав-

---

[1]) А. Э., т. IV, №№ 102 и 142. Въ 1664—1665 г. съ разныхъ городовъ сбирались шубные кафтаны; они казенными ямщиками доставлялись въ Разрядъ, гдѣ покупались по правительственной оцѣнкѣ (Р. И. Б., т. XI, стр. 45, 49, 52—54, 62, 64—66, 68, 72, 76, 78—79, 82—83, 94, 97, 120. 133, 151, 212, 237).

[2]) А. Э., т. IV, № 85. Разумѣется, что въ тѣхъ случаяхъ, когда каменьщики заняты были общеполезнымъ дѣломъ на мѣстѣ, они освобождались отъ пріѣзда въ Москву. Такъ, каменьщики Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря занятые постройкой стѣнъ вокругъ монастыря, не всѣ высланы были въ Москву по требованію правительства; нѣсколько человѣкъ получило разрѣшеніе оставаться на мѣстѣ (Доп. къ А. И., т. VIII, № 15, I).

[3]) Доп. къ А. И., т. X, № 66.

нымъ образомъ пользовались для дипломатическихъ сношеній, для провоза государевой денежной или соболиной казны и даже дворцовыхъ запасовъ, для проѣзда разныхъ гонцовъ съ порученіями отъ правительства изъ Москвы въ другіе города и уѣзды или, наоборотъ, присылки въ столицу посланцевъ отъ воеводъ съ отписками, наконецъ, вообще для проѣзда всякихъ служилыхъ людей, ѣздившихъ «для государева дѣла» [1]). Кромѣ того, ямы иногда устраивались для военныхъ цѣлей. Такъ напримѣръ, ямы между Калугой и Сѣвскомъ заведены были въ 1659 году «для государевыхъ скорыхъ дѣлъ» [2]). Поэтому существованіе ямовъ по торговымъ дорогамъ въ это время объясняется не столько причинною зависимостью первыхъ отъ вторыхъ, сколько совпаденіемъ административныхъ и политическихъ интересовъ правительства съ торговыми выгодами населенія.

Смѣшеніе мірскаго самоуправленія съ приказною администраціей, свойственное XVII вѣку, обнаруживается и въ устройствѣ ямской повинности, которая могла отбываться или всѣмъ населеніемъ безъ устроеннаго здѣсь яма и состояла въ обязанности поставлять готовыя подводы и проводниковъ по требованіямъ правительства, или выполнялась нарочно для того выбранными ямщиками, устроенными правительствомъ на особыхъ земляхъ въ ямскихъ слободахъ. Въ первомъ случаѣ каждый разъ нанимались подводы и проводники и не могло выработаться вполнѣ опредѣленнаго устройства. Выборные старосты и цѣловальники обыкновенно сбирали со всего посадскаго и уѣзднаго населенія деньги, на которыя и нанимали «ярыжекъ» съ подводами; ярыжки поряжались иногда на годовой срокъ [3]) Во второмъ случаѣ изъ Москвы или изъ ближайшаго города воеводами высылался служилый или приказный че-

---

[1]) А. И., т. III, №№ 58 и 106. А. Э., т. III, № 39; т. IV, №№ 192, 259 и др. Псковск. губ. вѣд. 1845 г., №№ 51, 52; 1846 г., №№ 1, 2. Доп. къ А. И., т. V, № 53; т. VI, №№ 24, IX и 60, II.

[2]) П. С. З., т. I, № 251. *И. Хрущовъ*, Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій, Спб., 1884 г., стр. 12.

[3]) А. Э., т. IV, № 120: «а наймы де у нихъ (Чердынцевъ и Усольцевъ) дороги, потому что волоки гористы, а стройнаго яму у нихъ нѣтъ, гоняютъ ямскую гонбу миромъ отъ Соликамской на четыре стороны...» Доп. къ А. И., т. V, №№ 40, 53. Въ концѣ XVII вѣка міромъ, повидимому, отбывали повинность 10 городовъ, каковы: Владиміръ, Путивль, Устюгъ Великій, Сольвычегодскъ, Каргополь, Еренскъ, Тотьма, Солькамскъ, Двина, Пустоозеро. А. Э., т. IV, № 250 (1681 г.). Доп. къ А. И., т. X, № 89, 3. Воронеж. акты, вып. II, № LVIII.

ловѣкъ [1]) для устройства яма. Ямской стройщикъ расписывалъ дорогу, по которой предполагалось устроить ямы, на станы, отстоявшіе другъ отъ друга верстъ на 40—50 (иногда менѣе, или болѣе) и къ каждому стану приписывалъ ближайшее населеніе по росписи, составленной на основаніи платежныхъ книгъ [2]).

При устроеніи новаго яма или обновленіи стараго, обязанности населенія были довольно разнообразны. По пріѣздѣ на станъ, ямской стройщикъ или прикащикъ собиралъ волостныхъ людей для ямскаго строенія. По съѣздѣ дворянъ и дѣтей боярскихъ или ихъ прикащиковъ, приказныхъ монастырскихъ людей и крестьянъ, производился разводъ по росписи, «какова дана была за дьячьею приписью» (изъ уѣзднаго города) по обжамъ, сохамъ или, позднѣе, извѣстному числу дворовъ [3]). Отношенія размѣровъ раскладочной единицы къ обжѣ, сохѣ или двору опредѣлялось разумѣется, количествомъ требуемыхъ на ямъ охотниковъ. Чѣмъ больше было послѣднихъ, тѣмъ меньше была эта единица [4]). Охотниковъ росписывали между собою полюбовно, «кому съ кѣмъ смежно и сручно впредь въ охотнике быти для ямскаго строенья» [5]). При разводѣ, однако, каждая вотчина, помѣстье или погостъ, волость не всегда содержали полное количество раскладочныхъ единицъ; напримѣръ, если приходилось по мірской полюбовной разверсткѣ по одному ямскому охотнику съ $4^1/_3$ обежъ, то вотчина, помѣстье, волость могли и не содержать въ себѣ ровно этого числа обежъ, а немного менѣе, или, напротивъ, нѣсколько болѣе, въ такомъ случаѣ частныя поземельныя владѣнія и волости

---

[1]) Р. И. Б., т. II, № 181, II. А. Э., т. III, №№ 8, 158. П. С. З., т. I, № 251.

[2]) П. С. З., т. I, № 251. Имп. Публ. Библ., Устройныя книги Новгородскихъ ямовъ 1603—1640 г., QIV, № 334. А. Э., т. III, № 8.

[3]) Имп. Публ. Библ., Устройныя книги и проч. 7111 г., QIV, № 334, А. Ю., № 343, I. А. Э., т. III, № 39. П. С. З., т. I, № 251. Устройныя книги присылались въ Москву; въ 1664 г. Бѣлгородскій воевода присылаетъ ихъ въ разрядъ. (Р. И. Б., т. XI, стр. 153).

[4]) Число ямскихъ охотниковъ не всюду одинаково. Въ Псковѣ ихъ было 30 чел. (А. Э., т. III, № 158), Нижнемъ-Новгородѣ — 153 (Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. 7129—7131 гг., кн. 295, л. 520); между Москвой и Калугой, Калугой и Сѣвскомъ—на каждомъ станѣ по 10 чел. (П. С. З., т. I, № 251); въ Боровскѣ—40 (Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. 7129 г., кн. № 399, л. 363); въ Пронскѣ—20 чел. (Рязанск. губ. вѣд. 1846 г., № 17, 1611 г); въ Верхотурьѣ—50 (А. И., т. III, №№ 78, 86, 106); Тобольскѣ—50 (Р. И. Б., т. II, № 181, II); въ Тюмени—100, затѣмъ 50 чел. (Р. И. Б., т. VIII № 11, LXXVII. Доп. къ А. И., т. IV. № 68).

[5]) Имп. Публ. Библ., Устройныя книги и пр., QIV, № 334, л. 45.

вели между собою особые счеты; излишки приписывались къ недостаточно крупнымъ владѣніямъ, а остальное, можетъ быть, уравнивалось денежными расчетами [1]). Составленная на этихъ основаніяхъ «роспись» за мірскими руками передавалась ямскому стройщику или прикащику. Въ ямскіе охотники набирались, конечно, люди не тяглые изъ лучшихъ, охочихъ, прожиточныхъ, семьянистыхъ, «отъ братьи братья, отъ дядей племянники» или захребетники [2]). Избраніе ямскаго охотника закрѣплялось особымъ актомъ, выборомъ, въ которомъ за руками нѣсколькихъ избирателей означались имена нѣкоторыхъ изъ избравшихъ вмѣсто всѣхъ другихъ, и обязанности новаго ямщика; этотъ выборъ выдавался ямскому стройщику или прикащику вмѣстѣ съ поручною записью. Къ поручной присоединялись рукоприкладства поручителей [3]). Есть любопытные намеки на то, что поручныя записи выдавались, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не по каждомъ ямщикѣ въ отдѣльности, но каждая общественная единица, напримѣръ, погостъ, выдавала одну поручную внѣ зависимости отъ того, поставляла ли она одного или нѣсколькихъ ямщиковъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, бывало въ Новгородской области, а это указываетъ на общинную, волостную связь поручителей другъ съ другомъ.

Кромѣ поставленія ямщика, населеніе обязано было давать ему все необходимое для ямскаго дѣла. Ямщикъ получалъ обыкновенно подмогу «для дворового и лошадинаго поставленія» въ видѣ довольно значительной денежной суммы и извѣстнаго количества ржи и овса. Все это собиралось съ населенія и выдавалось ему ежегодно изъ съѣзжей или земской избы, правительствомъ или самой общиной. Въ послѣднемъ случаѣ [4]) ямщикъ получалъ постоянное

---

[1]) А. Ю., № 343, I. *А. Спицынъ*, Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ XVII стол., стр. 8. Ср. прим. 9.

[2]) А. Э., т. II, № 54. Р. И. Б., т. VIII, № 11, LXXVII (стб. 635).

[3]) А. Ю., №№ 278, 294. Имп. Публ. Библ., Устройныя книги и проч., QIV, № 334, passim. Воронеж. акты, вып. III, № CXXXV.

[4]) Величина подмоги разнообразна. По Новгородскимъ ямамъ въ первой половинѣ XVII в. выдавалось ямщику ежегодно по 5 рубл. денегъ, 7½ четв. ржи и 7½ четв. овса, или по 20 рубл. и по 10 четв. ржи, «овса тожъ». (Имп. Публ. Библ., Устр. кн. Новгород. ямовъ, QIV, № 334, лл. 38, 63 и др.). Въ Бронницахъ ямщикъ получалъ по 10 р. денегъ, 5 четв. ржи и 5 четв. овса (А. Ю., № 294, II); на Самаровскомъ ямѣ съ 1661 года—по 23 р. (Доп. къ А. И., т. IV, № 96); на Верхотурьѣ—въ 1619 г. по 20 р., 12 четв. ржи, «овса тожъ»; въ 1620 г.—по 15 р.; въ 1659 г.—по 25 р. на пай; въ 1675—1677 гг. по 28 р. на пай (А. И., т. III, № 86. Доп. къ А. И., т. IV, №№ 68, 89; т. VII, № 54). Въ Тюмени ямщику выдавалось въ 1630 году по 7 р. ежегодно; за-

жалованье «по годомъ» въ силу найма, условія котораго включались иногда въ порядную, скрѣпленную подписями поряжавшихся и послуховъ. По такой порядной ямщикъ обязывался исправлять ямскую повинность, а община избирателей выдавала ему годовое жалованье и даже помогала ему въ ямскомъ дѣлѣ въ случаѣ какихъ-либо весьма тяжелыхъ требованій со стороны правительства; въ случаѣ нарушенія обязательствъ съ той или съ другой стороны, и самый договоръ терялъ значеніе [1]).

Въ ямщики, однако, не всегда выбирались лица, вполнѣ пригодныя для этого дѣла; общинѣ тяжело было лишиться исправнаго тяглеца и она назначала въ ямщики людей старыхъ и мало состоятельныхъ. Поэтому правительство дѣлало распоряженія о томъ, чтобы населеніе замѣняло охудалыхъ, старыхъ или вымершихъ ямщиковъ новыми семьянистыми, прожиточными людьми. Это происходило такъ же, какъ и при устроеніи новаго яма, съ такимъ же разводомъ, выборами и поруками [2]).

При устройствѣ ямской слободы частные поземельные владѣльцы иногда обязаны были уступить часть своей земли подъ ямскіе дворы и ямскую пашню; мы не знаемъ, вознаграждались ли подобнаго рода уступки [3]).

Наконецъ, населеніе, мѣстные крестьяне и посадскіе люди, иногда обязаны были помогать ямщикамъ въ исправленіи нѣкото-

---

тѣмъ приходилось по 20 р., а съ 1659 г. и по 23 р. на пай (Р. И. Б. т. VIII, № 11, LXXVII. Доп. къ А. И., т. IV, №№ 68 и 89). Пашни приходилось въ Верхотурьѣ до 1648 г. по 15 четв., а съ этого времени по 20 четв. на пай такъ же, какъ въ Туринскѣ и въ Тюмени въ 1659 году (А. И., т. IV, № 22. Доп. къ А. И., т. IV, № 68).

[1]) А. Ю., № 192. Насонъ, ямщикъ, поряжается, повидимому, до смерти своей; но его обязательство не переходитъ на сына его Ивана. Ibid., № 294. П. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7141 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски г. Устюга великаго. Здѣсь между прочимъ встрѣчаемъ уплатную память, писанную ямскимъ дьякомъ, за рукоприкладствомъ ямскаго старосты. Послѣдній выдалъ ее волостному старостѣ Юрьевой волости на Волокѣ въ пріемѣ ямскихъ денегъ, слѣдуемыхъ съ волости.

[2]) Имп. Публ. Библ., Устройныя книги и проч., QIV, № 334, л. 45 и др.

[3]) Гр. *Д. Толстой*, Финанс. учрежд., стр. 50. А. Э., т. III, № 8. Имп. Публ. Библ., Устр. книги и проч., QIV, № 334, л 112 об. Въ ямской слободѣ прикащику и охотникамъ дано было подъ дворы и подъ огороды и на гуменки земли «и то взято у Онтонова монастыря 25 десятинъ, а на пашню и на выпускъ и на сѣнные покосы приказщику и охотникомъ и дворнику дано въ селѣ въ Броничі, что взято у Онтоновокаго монастыря въ третьемъ поле...»

рыхъ тяжелыхъ работъ, какъ-то: расчистки и поддержанія путей сообщенія [1]), доставляли проводниковъ подъ ямскія подводы [2]) и давали кормъ проѣзжавшимъ должностнымъ лицамъ во время ихъ пребыванія на ямѣ [3]).

Само правительство для устройства новаго яма или пополненія стараго почти никакихъ затратъ не дѣлало. Черезъ посредство ямскаго стройщика и прикащика оно возлагало эти заботы на само населеніе, отводило, отмежевывало ямскія земли отъ другихъ, распредѣляло пашню и сѣнные покосы между ямщиками, которые службой своей освобождались отъ уплаты податей. Исчисленіе ямщиковъ, ямскихъ дворовъ, огородовъ, пашень и сѣнныхъ покосовъ иногда съ указаніемъ разстояній отъ яма до яма и количества выплачиваемыхъ населеніемъ подможныхъ денегъ, и составляло содержаніе такъ называемыхъ устроіпныхъ книгъ [4]). Вліяніе мѣстной приказной администраціи было довольно сильнымъ. Воевода посылалъ иногда по царскому указу одного изъ подьячихъ съѣзжей избы ямскимъ стройщикомъ, выдавалъ ему роспись, по которой онъ долженъ былъ развести повинность и контролировалъ этотъ разводъ; воевода также иногда назначалъ ямскаго прикащика, выдавалъ или приказывалъ выдать жалованье ямщикамъ, надзиралъ за исправнымъ выполненіемъ повинности, въ случаѣ надобности посылалъ къ ямщикамъ пристава, доправлялъ охотниковъ съ населенія и, наконецъ, прибиралъ новыхъ охотниковъ [5]).

Указомъ и боярскимъ приговоромъ 27 ноября 1679 г. уничтожена была должность ямскаго прикащика; воевода долженъ былъ непосредственно вѣдать ямскихъ охотниковъ [6]).

---

[1]) А. И., т. III, №№ 47 и 78. А. Э., т. III, № 102.

[2]) А. Э., т. III, № 89. А. И., т. III, № 60, 104, 119, 123. Однако, всѣ эти жалованныя грамоты подтверждаютъ права, данныя монастырямъ въ XVI в. Лишь № 119—подтвержденіе жалов. гр. царя Василія.

[3]) А. Э., т. III, №№ 65, 74, 89, 115. А. И., т. III, №№ 60, 104, 119, 123. Ср. Гр. *Д. Толстаго*, Ibid., стр. 52—53.

[4]) Лѣтопись занятій Археогр. коммиссіи, вып. V, отд. IV, стр. 133 Р. И. Б., т. II, № 178. Псковскія губ. вѣд. 1841 г., №№ 14—15. (Царскій указъ Псковскимъ воеводамъ о составленіи выписки и росписи Псковскимъ ямскимъ землямъ изъ Псковскихъ писцовыхъ книгъ 1625 г.). Имп. Публ. Библ., Устройныя (и межевыя) книги Новгородскихъ ямовъ, QIV, № 334. А. И., т. IV, №№ 22 и 23.

[5]) А. Ю., № 343, I и III. А. И., т. III, № 106; т. IV, №№ 1, 22. Воронежск. акты, вып. II, № 5 (1629 г.). А. Э., т. III, № 158. Доп къ А. И., т. V, № 43 и 53.

[6]) П. С. З., т, II, № 779.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, надзоръ за исправленіемъ ямской повинности поручался не воеводѣ, а таможенному головѣ, что бывало, повидимому, въ торговыхъ центрахъ, гдѣ ямы служили не столько для чисто административныхъ цѣлей, сколько для провоза государевыхъ товаровъ или казны, для проѣзда иноземныхъ купцовъ или русскихъ купцовъ по проѣзжимъ и жалованнымъ грамотамъ. Впрочемъ, то же явленіе, можетъ быть, отчасти объясняется и желаніемъ ограничить власть воеводы и оградить населеніе отъ его злоупотребленій. Такъ напр., на Двинѣ въ 1646 году велѣно было ямскіе всякіе отпуски отпускать таможеннаго и кружечнаго двора головамъ, а воеводамъ тѣхъ ямскихъ отпусковъ не вѣдать и ни во что не вступаться, что выполнялось съ 1646 года по 1667-й и впредь приказано выполнять. Таможеннаго и кружечнаго двора голова съ товарищами, пріѣхавъ на мѣсто назначенія, долженъ былъ взять у прежняго головы деньги, которыя остались у выборнаго (ямскаго) старосты и цѣловальниковъ, покупные суды и снасти, затѣмъ прежнихъ выборныхъ старостъ и цѣловальниковъ отъ ямскаго отпуска отставить, а въ ихъ мѣсто велѣть посадскимъ и уѣзднымъ людямъ выбрать къ ямскому отпуску новыхъ старостъ и цѣловальниковъ, самыхъ добрыхъ и прожиточныхъ людей, кому бы такое дѣло было за обычай и кому въ такомъ дѣлѣ вѣрить можно. По врученіи выборовъ головамъ, послѣдніе вмѣстѣ съ товарищами, выборными старостами и цѣловальниками, должны были раскладывать и сбирать деньги съ посадскихъ и уѣздныхъ людей, и ямскіе отпуски отпускать, лодьи покупать и нанимать, съ ярыжками въ наймахъ уговариваться и земскіе отпуски вѣдать; «смотрѣть за выборными старостами и цѣловальниками въ приходѣ и въ расходѣ собранныхъ денегъ»; считать понедѣльно или помѣсячно, чтобы они деньги «въ приходъ имали» и въ расходъ давали и въ книги записывали прямо безъ приписки, чтобы въ тѣхъ лишнихъ приписныхъ деньгахъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ лишней тягости и убытковъ не было. Самимъ головамъ и цѣловальникамъ съ товарищами не слѣдовало корыстоваться тѣми сборными, мірскими деньгами, «чинить хитрость надъ ними», и приписывать въ расходъ лишнее. Наконецъ, когда «ямскому отпуску отходилъ годъ», головы и цѣловальники съ товарищами должны были привезти въ Москву всякія росписи, приходныя книги сборнымъ ямскимъ деньгамъ и расходныя книги ямскимъ отпускамъ за своими руками, а оставшіяся за расходомъ деньги, покупные суды и всякія судовыя снасти, также росписи, и всякія приходо-расходныя книги за своими ру-

*

ками, подобныя отвезеннымъ въ Москву, оставить въ таможенной избѣ новымъ таможеннымъ головамъ, выборнымъ старостамъ и цѣловальникамъ, и въ томъ съ ними росписаться по противнямъ [1]).

Ямщики жили обыкновенно слободами подъ управленіемъ ямскаго прикащика, старосты, десятскихъ и владѣли своею, «собинною» пашней, сѣнными покосами, животиннымъ выпускомъ и лѣсными угодьями. Пашня, подобно жалованью, дѣлилась на равныя части, паи; въ каждомъ изъ нихъ бывало по человѣку, «а одинакихъ людей по 2 и по 3 и по 4 въ паю». Для выполненія своихъ обязанностей ямщикъ долженъ былъ обыкновенно держать по три мерина, хотя, разумѣется, число это видоизмѣнялось, смотря по надобности; за «гоньбу» онъ получалъ прогоны. Если путешественникъ ѣздилъ «по государевымъ дѣламъ», прогоны эти выдавались изъ казны, по указамъ 1672—1673 годовъ—изъ приказовъ или съѣзжихъ избъ уѣздныхъ городовъ, смотря по тому, откуда ѣхалъ посланецъ. Имена путешественниковъ, ихъ число, опасныя, проѣзжія грамоты, по которымъ они проѣзжали, количество выданныхъ имъ подводъ и заплаченные ими прогоны записывались ямскимъ прикащикомъ, въ особыя, «загонныя» книги [2]). Въ

---

[1]) Доп. къ А. И., т. Ш, №№ 55 и 116 (стр. 431—432); т. V, № 40. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7144 г., № 46. Указы о сборѣ ямскихъ денегъ въ Вологдѣ Ibid., 7160 г., № 132: Приходо-расходныя ямскія книги по г. Устюгу съ уѣздомъ. Ibid., 7162 г. Сентяб. 1—7163 г. Сентб. 1, № 56: Книги Сольвычегодска приходныя мірскимъ сборнымъ деньгамъ, что сбиралъ съ сохъ таможенной и кружечиый голова Иванъ Бобровскій да всеѣздный ямской староста Г. Свиньинъ. Тутъ-же загонныя книги 7162—7163 г. по г. Сольвычегодску.

[2]) А. И., т. Ш, № 78; т. IV, №№ 22, 23. *О. Бржозовскій,* Ibid., стр. 350. Загонныя книги 1632 г. въ Псковск. губ. вѣд. 1845 г., №№ 51—52; 1846 г., №№ 1—2. Примѣромъ можетъ служить большая ямская слобода въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ устроено было охотниковъ 70 человѣкъ съ олешковскми охотниками; а пашни имъ по 5 четвертей человѣку, итого 350 четвертей; да ямскому прикащику—10 четвертей. Да имъ же придана Нижегородскаго и Олешковскаго яму избылая пашня. Да по государеву указу выслано изъ Бѣлавинской слободы на Нижній-Новгородъ 50 человѣкъ, изъ Олешковской слободы 48 человѣкъ, а дворовъ у нихъ въ ямской слободѣ нѣтъ. «И всего Нижегородскихъ что взято съ сохъ и бѣлавинскихъ и олешковскихъ охотниковъ 153 человѣка, да 2 двора дьячковъ ямскихъ, да 2 дворника въ ямскихъ дворахъ. А пашни тѣмъ всѣмъ охотникамъ Нижегородскимъ посадскимъ и тѣмъ, которые охотники съ сохъ взяты и бѣлавинскимъ и олешковскимъ съ ямскими дьячками, дворниками 160 человѣкамъ (sic) и ямскому прикащику 60 мѣстъ дворовыхъ, пашни паханной 270 четей, лѣсомъ поросло 530 четей, обоего 800 Ямскому прикащику 20 четей; сѣна

свободное отъ служебныхъ занятій время, ямщики нанимались къ разнымъ лицамъ для перевозки кладей и даже прибѣгали въ такихъ случаяхъ къ злоупотребленіямъ, на которыя жаловались посадскіе люди [1]).

Обязанности ямщика были не легки. Далекія разстоянія и почти полное отсутствіе благоустроенныхъ путей сообщенія затрудняли ѣзду. Къ этимъ неудобствамъ присоединялись злоупотребленія путешественниковъ, которые брали у ямщиковъ чрезмѣрное количество подводъ, требовали быстрой ѣзды и гнали лошадей, долго задерживали подводы и нагружали ихъ непосильными грузами. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ подмога и жалованье, получаемыя ямщиками, оказывались иногда недостаточными для покрытія издержекъ на покупку новыхъ лошадей и тому подобныхъ расходовъ. Ямщики «брели розно», чѣмъ оставшихся ямщиковъ ставили въ еще болѣе тяжелое положеніе, такъ какъ послѣднимъ приходилось отправлять повинности и за отбывшихъ [2]). Для того, чтобы по возможности устранить такія злоупотребленія, правительство стремилось къ болѣе точному опредѣленію размѣровъ, въ какихъ должна была отбываться эта повинность. Указомъ 1627 г. опредѣлено было число подводъ, которымъ имѣли право пользо-

---

2445 копенъ, лѣсу 22 десятины и поверстнаго на 3 версты въ длинну, а поперегъ на $^1/_2$ версты». (Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Нижняго-Новгорода 7129—7131 г. кн. 295, лл. 520—526). Р. И Б., т. VIII, № 11, LXXVII. О прогонахъ см. П. С. З., т. I, № 541. Псков. губ. вѣд. 1845 г., №№ 51—52; 1846 г., №№ 1—2. Доп. къ А. И., т. VI, № 77. Указы 1672—1673 гг. *А. Олеарій*, Путешествіе, кн. III, гл. IX (Чт. М. О. И. и Д. 1868 г., кн. III, стр. 226) Указомъ 8-го февраля 1685 года (П. С. З., т. II, № 1107) велѣно было по прежнему не давать прогоновъ боярамъ и воеводамъ, которые посланы будутъ въ города «для государскихъ приказныхъ и расправныхъ дѣлъ», но давать ихъ боярамъ и воеводамъ, которые посланы будутъ на государскую службу съ полками. Видъ почтовой станціи см. въ Атласѣ Б. Мейерберга, изд. Ѳ. Аделунга, Спб., 1827 г., листъ 17, 1. Ямщики давали также проводниковъ и тѣмъ, которые проѣзжали на дощаникахъ около ихъ яма. (Доп. къ А, И., т. IV, № 96). Въ Кольскомъ острогѣ въ 1620 хъ годахъ брали вмѣсто лошадиныхъ подводъ по 2 оленя (для гонца и проводника), а лѣтомъ гребцовъ (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7132 г., № 31: Дѣла о таможенныхъ, хлѣбныхъ сборахъ и проч.).

[1]) А. Э., т. III, № 267. (Тоже въ ежегодникѣ Влад. стат. ком., т. I, вып. 1, стр. 278). А. И., т. III, № 57.

[2]) Рязан. губ. вѣд. 1846 г., № 17 (1611 г.). А. И., т. III, № 78. Р. И. Б., т. VIII, № 11, LXIV, LXXVII. Доп. къ А. И., т. IV, №№ 68, 89, 114; т. V, № 74.

ваться «разнаго чина люди». Митрополиты получали по 20 подводъ, игумены всего по пяти; стольники и дворяне по 10 подводъ, а цѣловальники и гонцы — по одной; каждый путешественникъ могъ разсчитывать на одного проводника. Распоряженія эти пополнены были указомъ отъ 21 января 1628 года, по которому воеводамъ, приказнымъ людямъ и письменнымъ головамъ, ѣхавшимъ изъ Москвы въ Сибирь на 11, 13, 15 подводахъ, велѣно, сверхъ того, давать подъ ихъ запасы по 6, 7, 8 подводъ, и нѣсколько измѣнены указомъ отъ 14 апрѣля того же года, когда стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ Московскимъ и приказнымъ дьякамъ прибавлено по одной подводѣ сравнительно съ тѣмъ числомъ, какое они получали по указу 1627 года [1]).

Но, кромѣ ближайшаго опредѣленія количества требуемыхъ для проѣзда подводъ, правительство въ то же время позаботилось и о болѣе точномъ опредѣленіи тѣхъ условій, при которыхъ могли пользоваться этою табелью разряды лицъ, означенныхъ въ указахъ 1627 и 1628 годовъ. Въ томъ же 1627 году (12 мая) постановлено: во всѣ города впредь боярамъ, воеводамъ, дьякамъ и всякимъ приказнымъ людямъ, которымъ велѣно быть въ городахъ, подводъ съ Москвы въ города и изъ городовъ къ Москвѣ безъ государевыхъ именныхъ «приказовъ» не давать, за исключеніемъ развѣ тѣхъ лицъ, которые посланы будутъ въ Сибирь, въ Астрахань, на Терекъ и въ Кольскій острогъ. Наконецъ, указомъ отъ 21 октября того же года велѣно было давать подводы боярамъ, воеводамъ, дьякамъ — въ Великій Новгородъ, Псковъ, Торопецъ, Луки Великіе, Вязьму, изъ польскихъ городовъ — на Валуйку, изъ понизовыхъ — въ Казань, Уфу, Самару, Саратовъ, Царицынъ, Черный Яръ, Астрахань, Терекъ; тѣмъ же указомъ сдѣлано распоряженіе о выдачѣ подводъ полковымъ воеводамъ, отправленнымъ во всѣ сибирскіе города и Кольскій острогъ. Въ города же, болѣе близкіе къ Москвѣ, чѣмъ Новгородъ, каковы: Торжокъ, Тверь, Ржева Во-

[1]) Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 413 — 415. *Л. Максимовичъ*, Указатель Россійскихъ Законовъ, т. I, стр. 137 (тотъ же указъ 1627 г.), стр. 315. (Указъ 1649 г., октяб. 16, о гонцахъ). *Г. Успенскій*, Опытъ о древностяхъ, ч. I, стр. 301. Имп. Публ. Библ., Узаконенія о ямской гоньбѣ. OIV, № 9, лл. 117—132. (Описаніе рукоп. Гр. Ѳ. Толстаго, ч. Ш, № 51). Рукопись эта, по всей вѣроятности, указная книга ямскаго приказа 1627 — 1628 года, извѣстная въ спискѣ 1680 года. (Ср. л. 132 «нынѣшняго 189 года декабря 9-го»). Въ этихъ узаконеніяхъ встрѣчаемъ уже указъ отъ 23 января 1628 года, назначавшій, подобно указу 1649 г., по одной подводѣ и проводнику царскому гонцу. Ср. Доп. къ А. И., т. X, № 98.

лодомірова, Можайскъ, Калуга, всѣ сѣверскіе города, города выше Казани, каковы: Свіяжскъ, Кокшайскъ, Чебоксары, Козмодемьянскъ и иные понизовые города, наконецъ, въ города поморскіе, Пермь и Вятку, приказано было воеводамъ и приказнымъ людямъ подводъ не давать [1]). Размѣры кладей также опредѣлялись правительствомъ. На сани велѣно было класть по 20, на телѣгу — по 15 пудовъ клади [2]).

Всѣ эти постановленія имѣли значеніе и во второй половинѣ XVII вѣка, гораздо менѣе богатой въ этомъ отношеніи новыми узаконеніями [3]).

Злоупотребленія путешественниковъ, долго задерживавшихъ подводы, также вызвали съ теченіемъ времени предохранительныя мѣры. Въ 1673 г. запрещено было безплатно брать у ямщиковъ подводы подъ гонцевъ и другихъ лицъ, посылаемыхъ по дѣламъ службы; въ томъ же году Государь указалъ: кому будутъ даны по подорожнымъ подводы, тому ѣхать не мѣшкая, не задерживая подводъ болѣе двухъ дней; въ противномъ случаѣ «на тѣхъ извѣщать въ Ямскомъ приказѣ» [4]).

Всѣ эти мѣропріятія, не могли, однако, уничтожить злоупотребленія; многіе ямщики брели розно; ихъ сыскивали такъ же, какъ и бѣглыхъ крестьянъ, возвращая на прежніе ямы бѣжавшихъ и записавшихся въ посады или въ разные чины ямщиковъ и вышедшихъ замужъ ямщичьихъ вдовъ. Пристанодержательство бѣглаго ямщика наказывалась пеней въ 10 рублей; если помѣстье или вотчина, куда бѣжалъ ямщикъ, уже перешли къ другому владѣльцу, съ послѣдняго взималась пеня въ размѣрѣ 5 рублей; освободиться отъ возвращенія на прежній ямъ можно было лишь тѣмъ, которые за себя «въ замѣнъ» давали другихъ ямщиковъ [5]).

Кромѣ постояннаго отправленія ямской повинности, населеніе иногда, въ исключительныхъ случаяхъ, обыкновенно въ военное время, принуждено было поставлять подводы подъ зелье или дру-

---

[1]) Имп. Публ. Библ., Указная книга Ямскаго приказа, OIV, № 9, л. 117—132. Ср. Доп. къ А. И., т. IV, № 114.

[2]) Доп. къ А. И., т. IV, № 114.

[3]) Къ этому заключенію приводитъ списокъ вышеприведенной указной книги. Хотя списокъ сдѣланъ въ 1680 году, но позднѣйшихъ узаконеній по этому предмету не содержитъ.

[4]) П. С. З., т. I, № 542. А. Э., т. IV, № 192.

[5]) П. С. З., т. I, №№ 68 и 564. Доп. къ А. И., т. IV, № 68.

гіе военные и съѣстные припасы, когда ямскихъ подводъ оказывалось недостаточное количество; особенно часто такія чрезвычайныя жертвы требовались отъ монастырей. Такъ, въ 1613 году сбирались подводы для военныхъ цѣлей, въ 1632 году передъ второю польскою войной обнародованъ указъ царскій о сборѣ подводъ «сколько кто можетъ» съ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, монастырей, бояръ, окольничихъ, думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ дворянъ московскихъ, дьяковъ и со всякихъ чиновъ людей—для своза хлѣбныхъ запасовъ въ Смоленскъ; въ 1653 году «для государевой службы» велѣно собрать съ вотчинъ всего духовенства (чернаго и бѣлаго) съ 100 дворовъ по подводѣ съ проводникомъ; то же повторялось въ 1654, 1655 годахъ, причемъ размѣры самого сбора опредѣлялись добровольными пожертвованіями; въ 1679 году велѣно было собрать съ городовъ «съ градскихъ и съ уѣздныхъ со всякихъ чиновъ людей» по переписнымъ книгамъ 1678 года съ 60 дворовъ подъемныя лошади, по мерину доброму съ проводниками, телѣгами, хомутами, уздами, рогожами, веревками и всякими путевыми припасами подъ государеву казну, подъ большой полковой нарядъ, зелье, свинецъ и мелкіе припасы [1]). Раскладка этой повинности производилась по живущимъ четвертямъ [2]).

При отбываніи такого рода повинности нѣсколько городовъ иногда списывались вмѣстѣ. Такъ напримѣръ, въ 1678 году велѣно было Тульскимъ, Каширскимъ, Алексинскимъ, Епифанскимъ, Веневскимъ, Дѣдиловскимъ, Крапивенскимъ и Одоевскимъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ помогать Тульскимъ ямщикамъ «въ подводахъ для великаго Государя многія службы» [3]). Украинные города должны были поставлять подводы для провоза государевой казны въ Крымъ [4]). За подводы и проводниковъ населеніе получало небольшую, условную плату отъ правительства [5]).

---

[1]) А. Ю., №№ 216, XVIII; 339, IX и X. *Л. Максимовичъ*, Указатель Рос. Зак., т. I, стр. 144. (Ср. Владим. губ. вѣд. 1838 г., № 33). А. Э., т. IV, №№ 68 и 71. А. И., т. IV, № 99; т. V, № 39.

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 19, I.

[3]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 19, I.

[4]) Воронеж. Акты, вып. II, № LVI.

[5]) Воронеж. Акты, вып. II, № LVI. Въ числѣ ямскихъ денежныхъ сборовъ слѣдуетъ отмѣтить такъ называемыя приметныя деньги, т. е., повидимому, накладные сборы (centimes additionnels), едва ли не единственный примѣръ такого рода подати въ Московскомъ государствѣ за это время.

Такимъ образомъ, ямское дѣло въ чрезвычайныхъ случаяхъ отбывалось не только ямщиками, но и всѣмъ тяглымъ населеніемъ. Дѣло это въ XVII вѣкѣ все еще было податною обязанностью, которая выполнялась не столько въ виду общественныхъ, сколько въ виду казенныхъ интересовъ. Лишь въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, да и то на началахъ скорѣе частнаго коммерческаго предпріятія, заведена была почта, которая, по словамъ А. Ордина-Нащокина, должна была оказаться «великимъ государственнымъ, соединительнымъ дѣломъ впередъ ко умноженію всякаго добра царству Московскому» [1]).

3. Городовое и острожное дѣло.

Городовое и острожное дѣло было одною изъ самыхъ тяжелыхъ и общеобязательныхъ повинностей. Оно состояло въ доставкѣ матеріала на постройку и самой постройкѣ городскихъ и острожныхъ укрѣпленій. Городъ и острогъ были однородными, но не вполнѣ одинаковыми укрѣпленіями. Городъ состоялъ изъ вѣнчатой стѣны, острогъ укрѣплялся лишь стоячимъ тыномъ. Поэтому городъ встрѣчается въ болѣе важныхъ стратегическихъ пунктахъ, какъ напр., Можайскѣ, Осколѣ, острогъ въ менѣе важныхъ, каковы Сольвычегодскъ, Старая Руса. Иногда тотъ и другой родъ укрѣпленій соединялись вмѣстѣ. Въ Архангельскѣ или Тамбовѣ при городѣ было еще нѣсколько остроговъ. Городская стѣна рѣдко строилась изъ камня (кирпича); въ такомъ случаѣ сперва вбивались сваи, а затѣмъ «набучивался» бутовый камень, обкладываемый «стѣннымъ камнемъ» [2]). Чаще городскія укрѣпленія состояли изъ рубленной деревянной, вѣнчатой стѣны «въ тарасехъ», обмазанной глиной. Стѣна состояла изъ стѣнныхъ прясловъ, на которыхъ устраивались обламы съ кроватями. Въ пряслахъ просѣкались нижніе

---

[1]) Объ учрежденіи почтъ см. П. С. З., т. III, № 1402. *А. Фабрициусъ*, Почта и народное хозяйство въ Россіи въ XVII ст., Спб., 1864 г., стр. 63—65. *И. Хрущовъ*, Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій, Спб., 1884 г., стр. 12—22.

[2]) *Ѳ. Ласковскій*, Исторія инженернаго искусства въ Россіи, Спб., 1858 г. Атласъ. Судя по картѣ русскихъ укрѣпленій конца XVII в., составленной авторомъ, каменныя крѣпости находились въ слѣдующихъ пунктахъ: Борисовѣ, Зарайскѣ, Изборскѣ, Иванъ городѣ, Казани, Каширѣ, Коломнѣ, Копорьѣ, Можайскѣ, Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новгородѣ великомъ, Опочкѣ Орѣховѣ. Порховѣ, Серпуховѣ, Старой Ладогѣ, Тулѣ, Ямахъ.

и верхніе бои, къ которымъ дѣлались лѣстницы. Стѣны укрѣплялись башнями и городнями. Первыхъ рѣдко бывало болѣе 10 съ нижнимъ, среднимъ и верхнимъ боемъ, вторыхъ встрѣчается большее количество. Въ Пронскѣ, напримѣръ, ихъ было 35, въ Суздалѣ 50, въ Можайскѣ 67, въ Архангельскѣ 201. Кругомъ бывалъ земляной валъ и ровъ глубиной въ нѣсколько саженъ; во рву ставили тынъ, около рва надолобы. Наконецъ, въ городѣ нерѣдко устраивался тайникъ, а черезъ ровъ деревянный мостъ съ мостовыми городнями. Въ сооруженіи и ремонтѣ этихъ укрѣпленій и состояло городовое и острожное дѣло [1]).

Эта обязанность первоначально выполнялась лишь частью тяглаго населенія; многіе крестьяне, жившіе главнымъ образомъ на монастырскихъ земляхъ, пользовались привилегіями въ этомъ отношеніи. Но съ теченіемъ времени такія привилегіи все болѣе и болѣе сокращались и городовое дѣло такъ же, какъ и ямское, стало общеобязательною повинностью [2]). Даточные люди къ городовому и острожному дѣлу набирались въ церковныхъ и монастырскихъ владѣніяхъ, въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, въ дворцовыхъ селахъ, черныхъ волостяхъ и посадахъ со всѣхъ тяглыхъ дворовъ [3]). Но городовое и острожное дѣло отбывалось населеніемъ, не только положеннымъ, но и не положеннымъ въ сошное письмо. Къ первому разряду принадлежали крестьяне, посадскіе люди, служилые люди, между прочимъ стрѣльцы, казаки, пушкари, затинщики, воротники; также дворники, казенные кузнецы. плотники, ямскіе охотники, уѣздные священники, церковные причетники и всякіе жилецкіе люди, за

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Довор. кн. г. Оскола 7123—7124 гг., кн. 342, лл. 1—55; Писц. кн. г. Можайска 7104—7106 гг., кн. 251, лл. 1—181; Архангельска 7130—7132 гг., кн. 9, лл. 1—31; Приправ. кн. г. Сольвычегодска 7128 г., кн. 15039, лл. 1—52. Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Старой Русы 7123 г., FIV, № 288. П. С. З., т. I, № 36. А. И., т. IV, № 40. Доп. къ А. И., т. IV, № 8.—Журналъ Тамбов. архив. коммиссіи 4 октяб. 1885 г., стр. 10—17. *Н. Оглоблинъ*, Историко-географ. матер. въ Оп. Арх. Мин. Юстиціи, кн. IV, стр. 206—207. Р. И. Б., т. X, стр 247. Тарасами назывались пространства между двумя параллельными стѣнами, заполненныя землей; обламами—брустверы, кроватями—помосты при брустверахъ, городнями—внѣшнія, выдвигавшіяся впередъ укрѣпленія стѣны, надолобы—ряды воткнутыхъ въ землю брусьевъ. См. *Ѳ. Ласковскій*, Истор. инженернаго искусства въ Россіи, Спб., 1858 г., вып. I, и Атласъ.

[2]) Ср. выше, стр. 61—66.

[3]) А. Э., т. IV, № 16. Здѣсь же сдѣлано исключеніе въ пользу Московскаго уѣзда.

которыми были земли; ко вторымъ—тѣ изъ нихъ, у которыхъ земель не было. При отбываніи городоваго дѣла вторые отличались отъ первыхъ тѣмъ, что не доставляли лѣса на постройку укрѣпленій, но дѣлали городовое и острожное дѣло «въ готовомъ лѣсу, что сошные люди приготовятъ» [1]). При распредѣленіи городоваго дѣла между различными классами населенія, кромѣ состоятельности, можетъ быть, принимались во вниманіе и другіе признаки. По крайней мѣрѣ, при отбываніи сходной съ городовымъ дѣломъ засѣчной повинности имѣли значеніе разстоянія, на которыхъ жило населеніе отъ мѣста работъ. Съ крестьянскихъ дворовъ, находившихся верстахъ въ 15 отъ засѣкъ, бралось, напр., по человѣку съ 3-хъ дворовъ, а при разстояніи въ 25 верстъ и болѣе—по человѣку съ 5 дворовъ [2]). На окраинахъ государства городовое дѣло отправлялось не только крестьянами и бобылями, но и мелкимъ служилымъ людомъ, который, какъ извѣстно, подлежалъ и денежнымъ платежамъ. Такъ напримѣръ, въ Слободской украйнѣ городовое и острожное дѣло выполнялось иногда, кромѣ казенныхъ работниковъ, черкасами, рейтарами, казаками, стрѣльцами и дѣтьми боярскими, а въ Сибири пріѣзжими торговыми и промышленными людьми, а также служилыми людьми всякихъ чиновъ [3]).

Городовое и острожное дѣло предпринималось обыкновенно по распоряженію государя и боярской думы; въ такихъ случаяхъ руководились городовыми смѣтами [4]). Послѣднія составлялись городскими воеводами и присылались ими въ Разрядъ; онѣ содержали подробныя свѣдѣнія о состояніи городскихъ укрѣпленій, наряда и гарнизона [5]). Если эти смѣты обнаруживали неудовлетво-

---

[1]) А. И., т. IV, № 216, II и III.

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 30.

[3]) Доп. къ А. И., т. X, №№ 75, IV и 86, I. *Д. Багалѣй*, Очерки быта южно-русской Украйны, стр. 479, 492 и 517. *Его же* Матеріалы, стр. 44—49.

[4]) Множество такихъ смѣтъ находится въ Зап. кн. Московскаго стола, напечатанныхъ въ Р. И. Б., т. IX и X. Въ Зап. кн. 1664—1665 г. (Р. И. Б., т. XI, стр. 1—328) встрѣчаются, обыкновенно, лишь упоминанія о пріемѣ въ Разрядѣ смѣты и перечневой росписи, присланныхъ такимъ-то воеводой. Самое содержаніе этихъ актовъ въ то время, вѣроятно, уже вписывалось въ особыя книги. *В. Ключевскій*, Боярская Дума, изд. 2-е, стр. 485.

[5]) Смѣтныя книги городовъ (ихъ укрѣпленій, наряда и проч.) Новгородскаго, Бѣлгородскаго (и Тамбовскаго) и Сѣвскаго полковъ, также г. Кіева и окрестныхъ городовъ велись въ соотвѣтствующихъ столахъ Разряда (*Н. Загоскинъ*, Столы разряднаго приказа, К., 1879 г., стр. 17, 19, 26, 36 и 37). Достаточное количество такихъ же книгъ можно найти въ Арх. Мин. Юсти-

рительное состояніе городскихъ укрѣпленій, изъ Разряда или Пушкарскаго приказа посылались царскія грамоты мѣстному воеводѣ съ повелѣніемъ приступить къ постройкѣ и ремонту укрѣпленій.

Къ такимъ же мѣропріятіямъ побуждали иногда отписки воеводъ и челобитныя самого населенія, прямо указывавшія на необходимость постройки или ремонта городскихъ укрѣпленій [1]). Постройкой завѣдывала мѣстная приказная администрація: воевода или городовой прикащикъ. Они должны были посылать отписки въ Москву о началѣ, дальнѣйшемъ ходѣ и окончаніи работъ, присылали также «образецъ городовому дѣлу», чертежъ города, опись, описныя книги и съ описныхъ книгъ перечневую выписку въ Пушкарскій приказъ, Разрядъ или четвертныя приказы. Послѣдніе препровождали, вѣроятно, эти документы въ Разрядъ или Пушкарскій приказъ [2]). Такъ какъ данный укрѣпленный пунктъ имѣлъ нерѣдко значеніе для нѣсколькихъ уѣздовъ, то въ городовомъ и острожномъ дѣлѣ принимали участіе жители не только одного, но и нѣсколькихъ, сопредѣльныхъ уѣздовъ. Воевода поэтому долженъ былъ разводить иногда эту повинность на 2—3 уѣзда. Такъ, въ 1632 году Ростовскіе земскіе старосты и цѣловальники били челомъ Государю вмѣсто всѣхъ посадскихъ людей о томъ, чтобы къ городовому дѣлу вмѣстѣ съ ними «притянуть» Кинешемцевъ и Пошехонцевъ, которыхъ не развелъ Ростовскій воевода, кн. И. Ѳ. Волконскій. Кн. Волконскій оправдывался тѣмъ, что не получалъ объ этомъ нарочнаго государева указа. Постройка Серпуховскаго острога также разведена была воеводой на Серпуховскій, Тарусскій и Оболенскій уѣзды. Въ постройкѣ Суздальскаго города участвовали Шуяне. Ремонтъ Смоленской крѣпости въ 1660 году велѣно было воеводѣ произвести Смоленскими «градскими жителями и уѣздными сошными людьми и Витебскимъ и иныхъ городовъ уѣздами, которые городы вѣдомы къ Смоленску» [3]).

ціи.—Въ Пушкарскомъ приказѣ составлялись (по крайней мѣрѣ, въ 1638—1639 г.) общія вѣдомости о томъ, сколько въ разныхъ городахъ зелья, наряду и «по колку около которова города и острогу по мѣрѣ сажень и что въ которомъ городѣ и острогѣ тайниковъ и колодезей и всякихъ крѣпостей». (Р. И. Б., т. X, стр. 127).

[1]) А. Э., т. IV, № 219. А. И., т. IV, №№ 148, 216, II; т. V, №№ 52, 56, 294. Доп. къ А. И., т. III, № 41; т. IV, №№ 91 и 95; т. X, № 75, V. Р. И. Б., т. XI, стр. 200.

[2]) А. И., т. V, № 180. Ср. П. С. З., т. II, № 779. Р. И. Б., т. XI, стр. 228, 239, 267 и 298.

[3]) Ярослав. губ. вѣд. 1855 г., №№ 3 и 4. Румянцевскій музей, Книга

Разводъ производился воеводами по писцовымъ или платежнымъ книгамъ; по этимъ книгамъ извѣстно было число живущихъ четвертей, числившихся въ уѣздѣ и на посадѣ за каждымъ землевладѣльцемъ, а съ каждой четверти взималось опредѣленное количество матеріала и рабочихъ рукъ. Такъ напримѣръ, при ремонтѣ Пронскаго города въ 1641—1642 гг. съ живущей четверти требовалась выдѣлка приблизительно полугородни и саженя честика, съ соотвѣтствующимъ количествомъ теса. При постройкѣ Серпуховскаго острога съ чети доставлялось по 1 работнику, 40 бревенъ еловаго и сосноваго лѣса въ $2^1/_2$ сажени длины и 5 вершковъ въ отрубѣ; по 3 бревна четырехъ и трехсаженнаго лѣсу въ 5—6 вершковъ въ отрубѣ и требовалась выдѣлка приблизительно одного прясла стѣны острожной. При постройкѣ Суздальскаго города въ 1646 г. съ Суздальскаго и Шуйскаго посадовъ съ архіепископскихъ и монастырскихъ вотчинъ, съ помѣстныхъ и вотчинныхъ земель Суздальскаго и Шуйскаго уѣздовъ, съ $586^3/_8$ четей, сдѣлано было городоваго и стѣннаго дѣла: 50 городенъ по обламы, 3 башни, башня наугольная, подрубленная и поднятая до шатра, не вполнѣ окончены другія двѣ и заложено 28 новыхъ городенъ [1]). Опредѣленіе того количества матеріала, рабочихъ рукъ и работы, которое падало на каждое поземельное владѣніе соотвѣтственно находившемуся на немъ количеству живущихъ четвертей, и было задачей развода, производимаго воеводой. Эти опредѣленія вписывались воеводой въ особыя книги городоваго и острожнаго дѣла. Такова, напримѣръ, «книга Суздальскому городовому дѣлу, что дѣлалъ по государеву указу въ Суздалѣ Иванъ Боборыкинъ (воевода) новорубленый городъ, четыре стѣны, Суздалемъ и Шуею, посады и уѣзды, съ архіепископскихъ и монастырскихъ вотчинныхъ земель, и помѣстныхъ и съ вотчинныхъ, съ боярскихъ и съ княженецкихъ, стольниковъ и стряпчихъ и съ дворянскихъ и дѣтей боярскихъ всякихъ чиновъ людей, съ чьихъ имяны и съ сколькихъ четей зъ живущіе пашни городовово и стѣнново и башенново дѣла здѣлано, сколько городень и башень до обламовъ и что заложено городень и въ нихъ сажень и то написано въ сіихъ книгахъ имянно въ розныхъ статьяхъ». Такого же рода книги

острожнаго дѣла г. Серпухова 7144 г., № 1401, лл. 1—31. Доп. къ А. И., т. IV, № 75; т. V, № 30; т. VII, № 74, IV; т. VIII, № 43.

[1]) Румянцевскій музей, Книги городоваго и острожнаго дѣла по гг. Пронску, Серпухову и Суздалю, 7149—7150, 7144, 7154 гг., №№ 1393, 1396, 1401

Пронскаго городоваго дѣла, острожнаго дѣла въ г. Серпуховѣ и другія [1]). О приходившейся по его разводу долѣ матеріала и работы, падавшихъ на волость, помѣстье или вотчину, воевода извѣщалъ, вѣроятно, мѣстныя земскія учрежденія или самихъ землевладѣльцевъ наказными памятями черезъ посредство низшихъ разрядовъ служилыхъ людей. Встрѣчаются, однако, случаи и другаго рода. Такъ напр., Новгородскій воевода писалъ изъ съѣзжей избы въ Новгородскій митрополичій приказъ о приходящейся на Деревяницкій монастырь долѣ повинности по постройкѣ въ Новгородѣ укрѣпленій, а митрополичій приказъ указною памятью извѣстилъ о томъ монастырскія власти [2]) Кромѣ развода, воевода также надзиралъ за выполненіемъ городоваго и острожнаго дѣла. Надзоръ этотъ поручался иногда отставнымъ дѣтямъ боярскимъ. Они назывались дозорщиками и получали жалованье, а при нихъ находились иногда особые дьячки или подьячіе для письма, также состоявшіе на жалованьи [3]).

Но если воевода надзиралъ за выполненіемъ городоваго и острожнаго дѣла, то, во всякомъ случаѣ, не всегда могъ руководить этимъ дѣломъ. Для этого нужны были лица, спеціально къ тому подготовленныя, а таковыми были, конечно, городовые мастеры. Такіе мастеры нерѣдко бывали иностранцами. Въ Новгородѣ, напримѣръ, въ 1623 году, строилъ городъ городовой «смышленикъ», нѣмчинъ Юстъ Матсонъ; въ Ростовѣ въ 1632 г. тѣмъ же дѣломъ занятъ былъ нѣмчинъ Янъ Корнильевъ Въ Кропивнѣ и Орлѣ въ 70-хъ годахъ работалъ по городовому дѣлу полковникъ и инженеръ Яковъ фанъ Фростенъ, въ Архангельскѣ — Матисъ Анцынъ. Бывали, однако, и русскіе «смышленники». Такъ, въ Архангельскѣ по смерти Матиса Анцына назначенъ былъ подмастерье, Митька Старцовъ, который «въ каменномъ дѣлѣ силу зналъ и былъ радѣтеленъ и котораго съ такого дѣла стало» [4]). Обязанности городоваго мастера состояли главнымъ образомъ въ составленіи проекта или смѣты предполагаемыхъ работъ, чертежа, по которому онѣ должны были производиться и въ наблюденіи за технической стороной дѣла при его

---

[1]) А. Э., т. IV, № 219. А. И., т. IV, № 216. Срав. прим. 1 на стр. 381.

[2]) А. И., т. IV, №№ 106 и 216, III и IV.

[3]) А. И., т. IV, № 216, II; т. V, № 52. Доп. къ А. И., т. VI, № 21, XIII, XX и XXIV.

[4]) А. Э., т III, № 201. А. И., т. IV, № 14; т. V, № 52. Доп. къ А. И., т. VI, № 5, VIII и № 21. Ярослав. губ. вѣд. 1855 г., № 3.

выполненіи. Такъ, вышеупомянутый Янъ Корнильевъ долженъ былъ составить точную смѣту для постройки Ростовскаго города, на который по его проекту требовалось 6.200 бревенъ мѣрныхъ по полпяты сажени въ длинну, по 8 вершковъ въ отрубѣ, тесу 1,003 сажени мѣрныхъ и тонкаго тесу 1,000 тесницъ [1]). За всѣ эти работы городовой мастеръ получалъ отъ правительства денежное жалованье, которое достигало значительныхъ размѣровъ (напр., до 50 рублей въ мѣсяцъ), если мастеръ былъ иностраннаго происхожденія [2]). При городовыхъ мастерахъ встрѣчаются каменьщики, кирпичники, горшечники, которые получали поденный кормъ. Такъ, въ 1632 году Нижегородскому воеводѣ Воейкову послана была царская грамота о высылкѣ изъ вотчинъ Ивана Грамотина и Нижегородскаго Печерскаго монастыря каменьщиковъ, кирпичниковъ и горшечниковъ для Вяземскаго городоваго дѣла [3]). Въ такомъ дѣлѣ вмѣстѣ съ казенными каменьщиками участвовали каменьщики разныхъ городовъ, «которые записались къ каменному дѣлу волею», ученики каменнаго дѣла, нанимаемые на казенныя деньги изъ «охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей», наконецъ, поденщики, работные люди, работавшіе «всякую работу» [4]).

Городовые мастеры и каменьщики нужны были, главнымъ образомъ, при постройкѣ каменныхъ городскихъ стѣнъ. Острогъ сооружался большею частью при помощи самого населенія, которое, впрочемъ, принимало участіе и въ постройкѣ городскихъ укрѣпленій. Такъ какъ эти повинности по воеводскому разводу на всѣхъ падали равномѣрно, то для того, чтобы придать этому распредѣленію нѣкоторую пропорціональность, населеніе прибѣгало къ мірской раскладкѣ. На мірскую разверстку этой повинности встрѣчаются указанія отъ позднѣйшаго времени. Такъ, въ 1691 году «для окладу, во что Колмогорскій городъ станетъ, воевода по царскому указу велѣлъ выбрать окладчиковъ: съ двинскихъ посадовъ двухъ человѣкъ, изъ уѣзда 6 человѣкъ да изъ монастырскихъ вотчинъ, что въ Двинскомъ уѣздѣ, 2-хъ человѣкъ. Выборные вмѣстѣ съ заручными выборами должны были явиться въ съѣзжей избѣ [5]).

---

[1]) Иногда смѣту составлялъ земскій староста; по составленіи онъ подавалъ ее въ съѣзжую избу. Ярослав. губ. вѣд. 1880 г., № 15.

[2]) А. Ю., № 40. А. И., т. IV, № 14. *Н. Оглоблинъ*, Ibid., стр. 235.

[3]) Р. И. Б., т. II, № 200.

[4]) Доп. къ А. И., т. VI, № 21, XII и XX. Кромѣ поденныхъ работниковъ встрѣчаются еще подрядчики, которые «наимовались на урокъ».

[5]) А. Э., т. IV, № 303.

Городовое и острожное дѣло отбывалось обыкновенно въ лѣтнее время, хотя самый матеріалъ для постройки укрѣпленій удобнѣе было доставлять зимой. Такъ, когда Архангельскіе воеводы должны были по государеву указу построить острогъ на старомъ городовомъ мѣстѣ, то послали биричей кликать, чтобы охочіе люди подряжались на его постройку. Но никто не явился, а подрядчики сказали, «что имъ на то строенье лѣсу добыть въ нынѣшнее время нельзя, что путь зимней рушился и къ рѣкамъ того лѣсу возить кромѣ зимнего пути никоторыми дѣлы не мочно». Весеннее и осеннее время были также неудобны и для земледѣльческихъ работъ. Въ концѣ августа 1677 года, велѣно было дѣлать городки, острожки и засѣки сошными людьми изъ помѣстій и вотчинъ украинныхъ городовъ. Но помѣщики и вотчинники этихъ городовъ (Тулы, Венева, Каширы, Рязани, Ряжска, Шацка, Козельска, Перемышля, Лихвина, Бѣлева) били челомъ Государю, чтобы великій Государь ихъ пожаловалъ, «не велѣлъ имъ засѣчныхъ крѣпостей въ нынѣшнюю дѣловую пору подѣлывать, а сдѣлать бы тѣ крѣпости послѣ дѣловой поры» [1]). Правительство сообразовывалось обыкновенно съ такими желаніями, такъ какъ понимало, что, въ противномъ случаѣ, укрѣпленія или останутся невыстроенными, или будутъ сооружены поспѣшно и небрежно. Въ государевыхъ указахъ, поэтому, повелѣвалось отбывать эту повинность «до пашенныя поры» или «межъ пашеннаго время». Бывали, впрочемъ, исключительные случаи, какъ напримѣръ, при постройкѣ города Оскола въ 1647 году, когда даточные люди должны были работать съ апрѣля мѣсяца все лѣто до заморозовъ [2]).

Городовое и острожное дѣло, въ сущности, состояло изъ двухъ повинностей: 1) населеніе обязано было доставить къ мѣсту постройки извѣстное количество строительнаго матеріала; 2) оно присылало вмѣстѣ съ матеріаломъ опредѣленное число работниковъ, на которыхъ лежала обязанность производить самыя постройки. Матеріалъ, изъ котораго строился острогъ или городъ, достать было легко, такъ какъ укрѣпленія обыкновенно были деревянными. Въ царскихъ указахъ повелѣвалось иногда «лѣсъ сѣчи въ близяхъ для поспешенья въ чьихъ лѣсахъ ни буди». Труднѣе

[1]) Доп къ А. И., т. VI, № 5, IV; т. VIII, № 30.

[2]) П. С. З., т. I, № 36. А. Э., т. IV, № 16. Доп къ А. И., т. IV, № 95. Р. И. Б., т. XI, стр. 247.

было добыть хорошій, дубовый лѣсъ, особенно въ многолюдныхъ центрахъ, напр., Москвѣ [1]). Матеріалъ, нужный для постройки укрѣпленій, доставлялся, повидимому, самимъ населеніемъ. Такъ, для ремонта Суздальскаго города или постройки укрѣпленій въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ лѣсъ свозили крестьяне, а для постройки города Орла сошные люди должны были свезти лѣсъ, тесъ и гвозди [2]).

Въ другихъ случаяхъ матеріалъ доставлялся наемными охотниками, вѣроятно, такъ же, какъ это дѣлалось и въ концѣ XVI вѣка. По наемникамъ брались поручныя записи. Такова, напримѣръ, поручная запись по разнымъ охотникамъ Алексѣевской слободы, по которымъ ручались крестьяне Вяжицкаго монастыря казначею. Охотники должны были за опредѣленную плату нарубить лѣсу въ монастырскихъ владѣніяхъ и доставить его въ Новгородъ къ городовому дѣлу, причемъ обязались въ случаѣ, если доставленное окажется непригоднымъ, замѣнить привезенный лѣсъ новымъ матеріаломъ. Убытки, причиненные монастырю небрежными работниками, вознаграждались на счетъ поручителей. [3]). Для пріема лѣса на мѣстѣ постройки назначались иногда выборные изъ крестьянъ и посадскихъ людей человѣка два, три. Такъ, по крайней мѣрѣ, было при постройкѣ города Орла. При сооруженіи Серпуховскаго острога лѣсъ принимали: съ посадскихъ людей—выборный, съ уѣздныхъ—Серпуховской пушкарь [4]).

Работники выбирались самимъ населеніемъ изъ крестьянъ и посадскихъ или изъ гулящихъ людей, не состоявшихъ членами тяглой общины. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ работники получали наемную плату отъ избирателей. Такъ напримѣръ, при постройкѣ города въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ или Олонцѣ работали крестьяне, выбранные сошными людьми для этого дѣла [5]). При

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153—7157 гг., № 68: Дѣло Вязмичанъ, посадскихъ людей, о платежѣ ямскихъ, стрѣлецкихъ и пищальныхъ денегъ противъ новыхъ писцовыхъ книгъ. А. Ю., № 224.

[2]) А. Э., т. III, № 324. А. И., т. V, № 52. Доп. къ А. И., т. IV, № 91 Влад. губ. вѣд. 1854 г., № 47.—Иногда матеріалъ покупался, повидимому, на казенныя средства (Доп. къ А. И., т. VI, № 21); оцѣнка его производилась торговыми людьми (А. Ю., № 224). Разряд. кн., т. I, стб. 129, 140, 151, 281, 293 и др.

[3]) А. Ю., № 292.

[4]) Румянцев. муз., Книга острожнаго дѣла г. Серпухова 7144 г., № 1401. А. И., т. V, № 52.

[5]) Доп. къ А. И., т. IV, № 146. Влад. губ. вѣд. 1854 г., № 47. Извѣстія Тамбов. уч. арх. ком., вып. XIII, стр. 45.

ремонтѣ укрѣпленій въ Пронскѣ между прочими «дѣловцами» изъ сошныхъ людей встрѣчаются наемные рабочіе: Пронскаго города наемный плотникъ, пушкарь и 3 казака, которые работали за сошныхъ людей [1]). Рядомъ съ рабочими, которыхъ сошные люди выбирали изъ своей среды или нанимали на сторонѣ, городовое и острожное дѣло выполняли и низшіе разряды служилыхъ людей. Къ этимъ разрядамъ принадлежали не только лица, не владѣвшія землей, но и помѣщики, однодворцы, владѣвшіе на украйнѣ небольшими земельными участками и собственными, одинокими дворами [2]). Работники должны были имѣть собственные запасы лошадей и орудія, какъ-то: телѣги, топоры, кирки, тесники, пазники, «напарьи», заступы, лопаты и «ужища» [3]). По пріѣздѣ на мѣсто постройки, дѣловцы должны были, вѣроятно, явиться въ съѣзжей избѣ къ воеводѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ воевода составлялъ имъ именную роспись и высылалъ въ Москву, откуда они пересылались на мѣсто назначенія. Это, вѣроятно, бывало лишь тогда, когда городъ или уѣздъ, изъ котораго набирались такіе даточные люди, находился на значительномъ разстояніи отъ мѣстности, гдѣ производились работы [4]).

Приступая къ постройкѣ новаго города, воевода приказывалъ мѣстному черному и бѣлому духовенству идти для заклада города изъ соборной церкви съ образами и «на закладѣ города молебствовать и воду святить и святою водою то мѣсто кропить» [5]). При ремонтѣ старыхъ укрѣпленій, который возможно было производить и старымъ тесомъ, принимали участіе лишь тѣ даточные люди, которые строили части укрѣпленій, нуждавшіяся въ ремонтѣ. На этомъ основаніи при ремонтѣ Пронскаго города крестьяне Кирилло-Бѣлозерскаго и Спасскаго монастырей работали меньше, чѣмъ другіе, ибо ранѣе ими построенныя укрѣпленія находились большею частью въ удовлетворительномъ состояніи. По той же причинѣ Шуяне освобождены были отъ ремонта Суздальскихъ укрѣпленій [6]).

[1]) Румянцевскій музей, № 1396: Книга Пронскаго городоваго дѣла 7149—7150 гг. Олонец. губ. вѣд. 1849 г., № 18.

[2]) Румянцев. муз., № 1396: Книга Пронскаго городоваго дѣла 7149—7150 гг., л. 28 об. См. выше, стр. 52—53. Р. И. Б., т. X, стр. 425, 427, 436.

[3]) А. Э., т. IV, № 16. А. И., т. IV, № 217. Доп. къ А. И., т. IV, № 75; т. VII, № 37, I; т. VIII, №№ 30 и 43.

[4]) А. Э., т. IV, № 16.

[5]) А. И., т. V, № 52.

[6]) Румянцев. муз., № 1396: Книга Пронскаго городоваго дѣла 7149—7150 гг.. Доп. къ А. И., т. V, № 30.

Для контроля надъ отбываніемъ городоваго и острожнаго дѣла и успѣшнымъ выполненіемъ воеводами посланныхъ имъ предписаній назначалась иногда особая коммиссія, которая обозрѣвала укрѣпленія на мѣстѣ. Въ 1652 году, напримѣръ, по государеву указу нѣсколько бояръ и окольничихъ должны были отправиться на украйну для досмотра крѣпостей по всей чертѣ [1]).

Отвѣтственность въ выполненіи городоваго и острожнаго дѣла падала на воеводу, которому, въ случаѣ упущеній съ его стороны, грозила великая опала, пеня большая и жестокое наказаніе безъ всякой пощады [2]). При неисправномъ выполненіи той же повинности населеніемъ, недоконченная работа иногда поручалась нанятому отъ правительства подрядчику, которому и выдавались нужныя суммы прямо изъ казны. Но эти суммы впослѣдствіи взимались со всего населенія, невыполнившаго требуемыхъ работъ. Раскладка и взиманіе иногда производились, вѣроятно, воеводой; въ другихъ случаяхъ для тѣхъ же цѣлей посылался сборщикъ; пріѣхавъ на мѣсто назначенія, онъ сыскивалъ старостъ и крестьянъ, съ которыхъ и доправлялъ деньги по росписи сполна и доставлялъ сборы въ съѣзжую избу; за злоупотребленія сборщикъ подвергался жестокому наказанію, также доправленію помимо старостъ и волостныхъ людей денегъ, не собранныхъ имъ съ населенія [3]).

Итакъ, городовое и острожное дѣло было податною обязанностью, которая выполнялась всѣмъ тяглымъ населеніемъ государства подъ надзоромъ мѣстныхъ органовъ администраціи. Въ исключительныхъ случаяхъ, однако, то же дѣло выполнялось и по частному подряду. Въ 1645 году, напримѣръ, Государь указалъ гостю Михайлу Гурьеву по его челобитью устроить на р. Яикѣ каменный городъ. Гурьевъ долженъ былъ «высмотрѣть подмастерьевъ каменнаго дѣла накрѣпко» и выдавать имъ жалованье такъ же, какъ и простымъ работнымъ людямъ. Для этого Гурьевъ получилъ Яицкій учугъ и Енбинскія воды въ семилѣтнее пользованіе и освобожденъ былъ отъ уплаты слѣдуемыхъ съ нихъ за этотъ срокъ откупныхъ и пошлинныхъ денегъ въ размѣрѣ 17.812 р. 32 ал. 5½ д. Такимъ образомъ, постройка Яицкаго городка производилась по подряду одного изъ извѣстныхъ капиталистовъ того времени [4]).

[1]) П. С. З., т. I, № 78.

[2]) П. С. З., т. I, № 78. А. Э., т. IV, № 16. Доп. къ А. И., т. VIII, № 43.

[3]) А. Э., т. III, № 140. А. И., т. IV, № 216, I.

[4]) А. И., т. IV, № 40. Если вѣрить Гурьеву, городъ этотъ «сталъ ему со всякимъ разореніемъ» въ 289.942 р. 1 ал. 5 ден. П. С. З., т. II, № 782.

*

Случаи подобнаго рода встрѣчаются, впрочемъ, очень рѣдко; городовое и острожное дѣло въ XVII в. оставалось и не могло не остаться податною обязанностью, а не частнымъ предпріятіямъ. Но обязанность эта не только отбывалась въ видѣ личной повинности; она переводилась иногда на денежные платежи. Причины такого перевода довольно разнообразны. При раскладкѣ городоваго и острожнаго дѣла возникали иногда довольно значительныя затрудненія: за большинствомъ поземельныхъ владѣній не числилось цѣлыхъ живущихъ четвертей; между тѣмъ, на дробныя части послѣднихъ нельзя было раскладывать дробныя части матеріала или рабочихъ рукъ. Дроби эти складывались у разныхъ землевладѣльцевъ для того, чтобы получить цѣлыя числа и въ такомъ случаѣ правительство предоставляло самимъ землевладѣльцамъ или волостямъ производить между собой расчеты по этому поводу. Такого рода мѣра, однако, не всегда была удобна. Не говоря о тѣхъ неудобствахъ, какія возникали при складываніи дробныхъ частей живущихъ четвертей разныхъ поземельныхъ владѣній, самый счетъ въ результатѣ не всегда давалъ цѣлыя числа, да и не всегда возможно было подъискать подходящія дробныя части живущихъ четвертей для складчины. Поэтому съ такъ-называемыхъ перехожихъ дворовъ (т. е. дворовъ, которыхъ нельзя было измѣрить цѣлыми живущими четвертями) взимались перехожія деньги, напримѣръ, по 2 гривны съ двора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, городовое дѣло, какъ личная повинность, было крайне тягостнымъ для мелкихъ землевладѣльцевъ; отправляя даточнаго человѣка на работы, они тѣмъ самымъ лишались рабочихъ силъ, необходимыхъ для ихъ хозяйства. Когда потребовался ремонтъ Смоленскихъ укрѣпленій въ 1667 году, землевладѣльцы Смоленскаго уѣзда обратились съ просьбой, «чтобы великій Государь пожаловалъ, велѣлъ у нихъ на городовое дѣло взять деньгами по полуполтинѣ съ двора, да тесу, почему великій Государь укажетъ; а людей на работу имать не велѣлъ, потому что имъ тѣ деньги на городовое дѣло заплатить не въ тягость; а будетъ великій Государь укажетъ съ помѣстей ихъ на городовое дѣло имать людей и крестьяномъ де ихъ быть безъ пашни» [1]). Такимъ образомъ, неудобства раскладки городоваго и острожнаго дѣла, а также челобитныя землевладѣльцевъ побуждали правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнять эту повинность денежными платежами. Такъ напримѣръ, въ 1637 г.

[1]) А. Ю, № 224. Доп. къ А. И., т. V, № 60, II.

съ вотчины Ѳедоровскаго монастыря въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ взималось по 2 гривны съ двора на валовое и земляное дѣло противъ Татаръ. При возобновленіи Тобольскаго города, сгорѣвшаго отъ пожара въ 1677 году, сбиралось по 2 ал. 4 ден. съ рубля, т. е. по 8% съ окладовъ служилыхъ людей, «а съ посацкихъ людей, смотря съ пожитковъ ихъ съ кого сколько доведеца, противъ окладовъ служилыхъ людей, а съ пашенныхъ крестьянъ съ десятины по 20 ал. 2 деньги». Такимъ же образомъ взимались деньги на городовую подѣлку Якутскаго острога, «смотря по животомъ, по полуполтинѣ, по двѣ гривны или какъ пригоже» [1]).

Деньги за острожное и городовое дѣло взимались и высылались въ Москву воеводой [2]).

Впрочемъ, замѣна городоваго и острожнаго дѣла денежными платежами встрѣчается довольно рѣдко. Правительство считало болѣе выгоднымъ не брать на себя хлопотъ по найму рабочихъ, пріему лѣса и производству работъ. Удобства взиманія этой повинности натуральнымъ образомъ становились еще болѣе ощутительными въ виду тѣхъ затрудненій, какія всегда испытывались при взиманіи денежныхъ податей. Эти затрудненія всегда увеличивались въ военное время, когда, между тѣмъ, настоятельнѣе всего чувствовалась необходимость въ хорошихъ укрѣпленіяхъ и когда невозможно было бы тратить нѣсколько лѣтъ на доправленіе недоимокъ, какъ это бывало при денежныхъ сборахъ. Поэтому городовое и острожное дѣло въ теченіе XVII вѣка продолжало отбываться преимущественно въ натуральномъ видѣ и было одною изъ самыхъ тягостныхъ и общеобязательныхъ податныхъ обязанностей для населенія, которое иногда даже прямо «нешло къ этому дѣлу, чинилось непослушнымъ» [3]).

4. Ратная повинность.

Городовое и острожное дѣло выполнялось почти исключительно одними тяглецами; на нихъ же лежала и обязанность отправлять ратную повинность. Она отбывалась населеніемъ тѣхъ помѣстій

---

[1]) А. Ю., № 224. Доп. къ А. И., т. VII, №№ 8 и 38. Р. И. Б., т. X, стр. 437.

[2]) А. Э., т. IV, № 16. Сохранились и отписи въ пріемѣ такихъ денегъ въ съѣзжую избу, напр., отпись 2 апрѣля 7182 г. въ пріемѣ въ Ярославскую съѣзжую избу денегъ «въ городовую подѣлку на башенные кровли и въ ровъ на стоячей тынъ и на частикъ и на надолобы» съ помѣстья Г. Есипова въ Костьской волости. Румянцев. муз., Собр. Я. Гарелина.

[3]) Р. И. Б., т. XI, стр. 175 и 220.

и вотчинъ, владѣльцы которыхъ лично не участвовали въ походѣ или не присылали ближайшихъ своихъ родственниковъ, жившихъ вмѣстѣ съ ними. Даточные люди, слѣдовательно, набирались съ помѣстій и вотчинъ лицъ, отправлявшихъ гражданскую службу, сидѣвшихъ у дѣлъ по приказамъ въ Москвѣ и по городамъ, съ поземельныхъ владѣній старыхъ, больныхъ, бездѣтныхъ и безродныхъ помѣщиковъ и вотчинниковъ, которымъ некого было за себя отправить на государеву службу, также съ помѣстій и вотчинъ недорослей, вдовъ и дѣвокъ [1]); затѣмъ ратную повинность отбывали крестьяне дворцовыхъ селъ, церковныхъ и монастырскихъ вотчинъ, черныхъ волостей и посадскіе люди. Отъ этой повинности освобождались вдовы, мужья которыхъ убиты были на войнѣ, и бѣдные помѣщики и вотчинники, у которыхъ крестьянъ было не болѣе 10 человѣкъ [2]).

Даточные люди сбирались обыкновенно съ извѣстнаго количества четвертей пашни или дворовъ, каждый разъ опредѣляемаго правительствомъ и служившаго на данный случай податною единицей [3]). Лишь въ началѣ правленія царя Михаила встрѣчаются примѣры, когда даточные люди сбираются съ сохи; обыкновенно до 30-хъ годовъ даточный человѣкъ поставлялся съ 100, 300, 400 четвертей пашни, смотря по необходимости, по ходу военныхъ дѣйствій. Но уже во время приготовленій къ Азовскому походу соборомъ 1637 года положено было сбирать по даточному человѣку съ 10—20 дворовъ и съ этого времени такой способъ раскладки ратной повинности становится обыкновеннымъ. Онъ, вѣроятно, вошелъ въ употребленіе подъ вліяніемъ недавно введенной подворной подати [4]).

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. III, № 41. Доп. къ А. И., т. IV, № 26; т. VI, № 44; т. VIII, № 40. Уложеніе, гл. VII, ст. 17; гл X, ст. 151, 152; гл. XVI, ст. 61. П. С. З., т. I, №№ 158, 177, 346, 353, 512, 615. Р. И. Б., т. X, стр. 276.

[2]) Р. И. Б., т. X, стр. 271. А. Э., т. III, № 235. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7147 г., № 71: Выпись изъ приказу сбора ратныхъ людей, съ кого даточныхъ людей и за перехожіе дворы денегъ на 7147 г. имать не велѣно. Такого рода льготы въ данномъ случаѣ обусловлены довольно случайными причинами. Такъ напр., кн. В. Я. Сулешевъ освобожденъ отъ набора даточныхъ людей «для пожарнаго разоренія», кн. И. В. Хилковъ «для ево бѣдности», П. П. Головинъ и М. Б. Глѣбовъ «для сибирскіе службы», кн. И. Ѳ. Волконскій «для службы, что посланъ въ Новгородокъ на Усердъ». Въ 1637—1638 г. «съ подмосковныхъ помѣстій и вотчинъ даточныхъ людей и за перехожіе дворы денегъ не имано» (Р. И. Б., т. X, стр. 269).

[3]) П. С. З., т. I, № 158.

[4]) С. Г. Г. и Д., т. III, №№ 41 и 97. А. Ю., № 341. А. Э., т. III, №№ 193,

Ратная повинность не всегда равномѣрно распредѣлялась между классами населенія. Уже въ началѣ XVII вѣка, когда даточные люди сбирались съ сохъ, разноразрядность и разнокачественность послѣднихъ вели къ поразрядному характеру ратной повинности. Такой характеръ этой повинности особенно замѣтенъ съ 30-хъ годовъ, т. е. съ того времени, когда податная единица стала слагаться не изъ четвертей пашни, а изъ жилыхъ дворовъ.

Духовенство и черные люди (посады и волости) поставляли даточныхъ людей съ менѣе значительнаго числа дворовъ, чѣмъ помѣщики, вотчинники и дворцовыя села. Лишь изрѣдка, въ исключительныхъ случаяхъ, встрѣчались отступленія. Такъ напр., въ 1658—1659 годахъ два раза сбирались даточные люди съ 25 дворовъ по человѣку безразлично со всѣхъ классовъ населенія [1]).

Царскія грамоты о высылкѣ даточныхъ людей посылались воеводамъ или крупнымъ землевладѣльцамъ, напримѣръ, монастырямъ. Тѣ и другіе должны были передъ высылкой даточныхъ людей въ Москву или прямо на мѣсто назначенія пересмотрѣть даточныхъ людей на лицо, выдавали отписи населенію въ пріемѣ даточныхъ и составляли имъ именные списки. Къ именному списку присоединялась отписка воеводы; она также вручалась даточнымъ людямъ, которые вмѣстѣ съ этими документами должны были явиться въ Москву или на мѣсто назначенія; впрочемъ, можетъ быть, въ другихъ случаяхъ воеводскія отписи прямо отсылались въ Москву помимо даточныхъ людей [2]).

Поставляя даточнаго человѣка съ извѣстнаго участка земли или опредѣленнаго количества дворовъ [3]), населеніе должно было

222, 274, 275; т. IV, №№ 82, 84. А. И., т. IV, № 149. Доп. къ А. И., т. II, № 59; т. VIII, № 40. П. С. З., т. I, № 177. Р. И. Б., т. X, стр. 274—275 и др. Разряд. кн., т. I, стб. 102, 109, 114, 165, 290 и др. Памят. кн. Вологод. губ. 1868 г., Матер., стр. 38. Влад. губ. вѣд. 1856 г., № 18.

[1]) А. Э., т. IV, №№ 82 и 84. А. И., т. III, № 198. Р. И. Б., т. IX стр. 536, 537, 538, 542; т. XI, стр. 299.

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, 1. Въ 7179 году первые получали по 2 р., вторые по 5 руб. (въ мѣсяцъ?); тѣ и другіе получали кормоваго жалованья по 60 алт. въ мѣсяцъ, «а въ то время ходили мѣдныя деньги». Ср. предшеств. прим.

[3]) П. С. З., т. I, № 158. Въ 1655 году велѣно было князю Черкасскому сбирать даточныхъ людей съ помѣстныхъ и вотчинныхъ хозяйствъ въ 5—10 крест. дворовъ по человѣку, въ 20—30 дворовъ—по 2, по 3 человѣка. Есть указаніе на исключительную мѣру въ 1657 году (?), когда брали пятаго человѣка изъ крестьянъ, впрочемъ, лишь на время, съ казеннымъ вооруженіемъ и наемною платой по 4 деньги въ день. П. С. З., т. I, № 208.

при этомъ соблюдать нѣкоторыя условія, касавшіяся возраста и личныхъ качествъ, положенія, вооруженія и провизіи даточнаго человѣка. Въ рекруты принимались охотнѣе всего лица среднихъ лѣтъ. Такъ, во время войны съ Крымцами по случаю взятія Азова велѣно было набрать съ Кирилло Бѣлозерскаго монастыря даточныхъ людей 25-ти—40 лѣтъ [1]); при наборѣ съ Прилуцкаго монастыря въ 1612 году высказано желаніе, чтобы «тѣ люди были рѣзвы и молоды и стрѣлять были горазды»; въ 1663 году велѣно было набирать даточныхъ изъ сильныхъ людей [2]). Охотнѣе всего принимались не устарѣвшіе, но побывавшіе уже въ прежнихъ походахъ даточные люди [3]). Напротивъ, запрещалось принимать лучшихъ людей, которые бывали въ государевыхъ службахъ, въ таможенныхъ и въ кабацкихъ головахъ и въ земскихъ старостахъ. Съ другой стороны, худые люди и наймиты также не должны были находить себѣ мѣста въ рядахъ даточныхъ людей [4]). Даточные люди обязаны были явиться въ вооруженіи, съ кирками, заступами, топорами и вообще ратнымъ орудіемъ [5]). Конные даточные люди пріѣзжали въ шишакахъ, панцыряхъ, бехтерцахъ на лошадяхъ стоимостью не менѣе 10 рублей. Въ другихъ случаяхъ требовалось у каждаго даточнаго человѣка по карабину, парѣ пистолей, саблѣ, а также опредѣленный запасъ зелья и свинцу [6]) Количество провизіи, нужной даточному человѣку, опредѣлялось срокомъ самого похода или войны. Запасы брались на 5, 8 мѣсяцевъ, а иногда и на болѣе длинные промежутки времени. Въ случаѣ поспѣшныхъ сборовъ даточные люди должны были отправляться на легкѣ, безъ запасовъ, которые впослѣдствіи землевладѣльцы присылали къ мѣсту назначенія [7]).

Даточный человѣкъ, конечно, пріобрѣталъ вооруженіе и провизію не на собственныя средства, тѣмъ болѣе, что запасы иногда приходилось заготовлять «на годъ и больши» [8]). Кормы даточнымъ людямъ разлагались на всю общину избирателей [9]). Кромѣ кормовъ

[1]) А. Э., т. III, № 274. А. И., т. III, № 198.

[2]) А. Ю., № 341. П. С. З., т. I, № 347. Разряд. кн., т. I, стб. 103, 362.

[3]) Р. И. Б., т. X, стр. 275.

[4]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, I. А. Э., т. III, № 225.

[5]) А. Ю., № 341. П. С. З., т. I, №№ 96 и 327. Доп. къ А. И., т. IV, № 26.

[6]) А. Э., т. III, № 222; т. IV, № 84.

[7]) А. Ю., № 341. А. Э., т. III, № 274; т. IV, № 82. А. И.. т. III, № 198.

[8]) А. Э., т. IV, № 84.

[9]) П. С. З., т. I, № 327. Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, I. Въ 1671 году кормъ сбирался по четверику съ двора, «вопче со всѣхъ съ 20 дворовъ четь муки ржаной, четь сухарей, полосмины крупъ овсяныхъ, полосмины толокна».

даточный человѣкъ получалъ и извѣстное жалованье отъ той же общины. Эта обязанность лежала на его избирателяхъ. Такъ, крестьяне Спасо-Прилуцкаго монастыря въ 1618 году давали своему выборному даточному человѣку, въ случаѣ пребыванія его на Вологдѣ, по 2 рубля въ мѣсяцъ; въ случаѣ же перевода его въ Москву, они обязались платить ему по 4 рубля въ мѣсяцъ. Наемный «посошный» человѣкъ бралъ съ Кильчанской волости (Устюжскаго уѣзда) въ 1632 г. по 4 р. 25 к. въ мѣсяцъ. Крестьяне Заонежскихъ погостовъ давали тоже вознагражденіе своимъ даточнымъ. Эти подможныя деньги сбирались также съ избирателей по «данному тяглу» [1]).

Но всѣ эти обязанности не всегда падали на само населеніе. Вооруженіе и военные запасы выдавались иногда изъ казны, по крайней мѣрѣ въ спѣшное время [2]), а рядомъ съ подмогой существовало и особое казенное кормовое и денежное жалованье. При этомъ даточные люди, взятые съ поземельныхъ владѣній всякихъ помѣщиковъ и вотчинниковъ «Московскаго чину», съ гостей, съ гостинной и съ суконной сотенъ, получали менѣе (по крайней мѣрѣ денежнаго жалованья), чѣмъ остальные, взятые съ помѣстій и вотчинъ городовыхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, недорослей и вдовъ [3]).

Но населеніе не только поставляло даточнаго человѣка; оно должно было дать по немъ поручителей въ томъ, что онъ служить будетъ и на службѣ людей не побьетъ, грабить не будетъ и не станетъ «сильно кормовъ имать». Если даточный человѣкъ бѣжалъ и не могъ быть сысканъ, одинъ изъ поручителей долженъ былъ его замѣнить [4]).

---

[1]) А. Ю., № 300. Доп. къ А. И., т. IV, № 146, II; т. VIII, № 40, I. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142—7143 гг., № 42: Челобитныя разныхъ лицъ и городовъ. — Ibid., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски г. Устюга великаго. Здѣсь находится, между прочимъ, «доходная память», которую даетъ посошный человѣкъ бывшему цѣловальнику волости Юрьевой на волокѣ въ полученіи отъ него 2 рублей, слѣдуемыхъ ему за переходъ въ Смоленскъ.

[2]) Р. И. Б., т. X, стр. 275.

[3]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, I.

[4]) А. Ю., № 300. Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, II. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски г. Устюга великаго. Въ числѣ этихъ дѣлъ встрѣчается три поручныхъ записи нѣсколькихъ крестьянъ по ратномъ даточномъ человѣкѣ, данныя цѣловальнику и всѣмъ крестьянамъ волостей: Юрьевой на волокѣ, Устьевды и Верхне-Мошкурскаго погоста.

Ратная повинность тяжело отзывалась не только на благосостояніи тяглыхъ общинъ, которыя лишались тяглеца, и на хозяйствѣ землевладѣльца, терявшаго нужныя ему рабочія руки, но и на самихъ даточныхъ людяхъ. Непривыкнувъ къ строгой дисциплинѣ и невзгодамъ военной жизни, они нерѣдко бѣгали изъ войска и возвращались на прежнія мѣста жительства. Такъ какъ ихъ возвращеніе во многихъ отношеніяхъ было выгодно для мѣстнаго населенія, то они и укрывались старостами, цѣловальниками или прикащиками и даже встрѣчали послабленія со стороны воеводъ, приказныхъ людей и сыщиковъ. Трудно было разсчитывать на то, чтобы даточный человѣкъ самъ «объявился бы собою». Поэтому, правительство обѣщало, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, щедрую награду такимъ лицамъ. Даточные люди, которые послѣ указнаго срока сами приходили записываться къ Москвѣ въ Иноземскій приказъ или въ городскія приказныя избы, да «про утайку свою на помѣщиковъ и вотчинниковъ и на ихъ прикащикахъ и крестьянъ сказывали собою», по указнымъ статьямъ 1681 года освобождались съ дѣтьми отъ помѣщиковъ и вотчинниковъ на волю, получали право жить въ городахъ на пашнѣ, «гдѣ похотятъ», и служили пѣхотную службу [1]).

Бѣглые даточные люди подвергались сыску черезъ посредство мѣстныхъ воеводъ или присланныхъ изъ Москвы сыщиковъ. Тѣ же обязанности иногда выполнялись писцами. И тѣ, и другіе посылали приставовъ, пушкарей, разсыльщиковъ и «иныхъ, какихъ пригоже людей» для сыска. Сыскъ облегчался, если находились охотники извѣстить сыщиковъ или воеводъ о томъ, гдѣ укрывается бѣглецъ. Такія лица награждались пенными деньгами, которыя доправлялись съ землевладѣльцевъ, утаившихъ бѣглыхъ даточныхъ, или получали изъ помѣстья или вотчины того, кто такихъ людей таилъ, столько же дворовъ старинныхъ его крестьянъ, сколько онъ утаилъ бѣглыхъ [2]). Сысканный даточный наказывался кнутомъ и за поруками вновь высылался на службу на подводахъ землевладѣльца, за которымъ былъ сысканъ. Если нельзя было найти поручителей, даточный посылался съ приставомъ, получавшимъ прогоны съ прежнихъ поручителей [3]).

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, II. (Указныя статьи 1681 года. ст. 7). П. С. З., т. II, № 847.

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, II.

[3]) Доп. къ А. И., т. IV, № 78. П. С. З., т. I, № 302. Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, II.

Но сыскъ бѣглыхъ даточныхъ людей особенно затруднялся пристанодержательствомъ, противъ котораго со второй половины XVII вѣка предпринятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ, сведенныхъ, исправленныхъ и дополненныхъ въ указныхъ статьяхъ 1681 года. По Уложенію, за бѣглыхъ, несысканныхъ даточныхъ отвѣчали и тѣ люди, «чьи тѣ люди (даточные) съ службы збѣгутъ», ибо съ нихъ правили по 20 рублей за «всякаго» человѣка [1]). Та же точка зрѣнія обнаруживалась также въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ указахъ [2]). Съ теченіемъ времени, однако, понадобились и болѣе строгія мѣры. Указами 1659 и 1664 (7172) годовъ съ землевладѣльца, укрывавшаго бѣглаго даточнаго человѣка, велѣно было править по 5 крестьянъ за каждаго даточнаго [3]), а въ 1679 году велѣно отнимать на государя деревни, въ которыхъ будутъ сысканы бѣглецы [4]). Но особенною строгостью отличаются въ этомъ отношеніи указныя статьи 1681 года. По этимъ статьямъ съ землевладѣльца сверхъ бѣглыхъ даточныхъ людей, найденныхъ на его землѣ, бралось за всякаго даточнаго по крестьянину изъ старостъ, цѣловальниковъ и лучшихъ крестьянъ съ женами и дѣтьми и со всѣми ихъ крестьянскими животами, хлѣбомъ стоячимъ, молоченымъ и земляным, причемъ эти крестьяне переводились на вѣчное житье въ украинные города, на черту, на ихъ же (помѣщиковыхъ или вотчинниковыхъ) подводахъ. Кромѣ того, на дворовое строенье тѣмъ же даточнымъ и взятымъ крестьянамъ доправлялось съ помѣщиковъ и вотчинниковъ по 5 рублей человѣку, да сверхъ того, пени за всякаго утаеннаго даточнаго по пяти же рублей [5]). Однако, пристанодержательство бѣглыхъ даточныхъ людей иногда происходило и безъ вѣдома самихъ землевладѣльцевъ; даточныхъ людей могли принимать прикащики, старосты и цѣловальники. Въ такомъ случаѣ они брались въ стрѣльцы и солдаты или подвергались нещадному наказанію кнутомъ, годовому тюремному заключенію и даже ссылкѣ [6]). Прикащики дворцовыхъ селъ и черныхъ волостей, ямскихъ и иныхъ чиновъ слободъ за при-

---

[1]) Уложеніе, Гл. VIII, ст. 9.

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, I. П. С. З., т. I, № 302.

[3]) П. С. З., т. I, № 269. Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, II.

[4]) П. С. З., т. II, № 756.

[5]) Доп. къ А. И., т. VIII. № 40, II. (Указныя статьи 1681 г. ст. 6). П. С. З., т. II, № 847.

[6]) А. Э., т. IV, № 128. Доп. къ А. И., т. IV, № 78; т. VIII, № 40, II. П. С. З., т. I, №№ 302, 333; т. II, № 756.

станодержательство наказывались такъ же, какъ и помѣщики или вотчинники, если у нихъ были недвижимыя имущества. По указнымъ статьямъ 1681 г. за каждаго утаеннаго даточнаго съ нихъ бралось сверхъ послѣдняго по лучшему крестьянину и 5 рублей денегъ; прикащикамъ безпомѣстнымъ грозили наказаніемъ [1]). Воеводы, въ случаѣ неисправностей или злоупотребленій по сыску бѣглыхъ, подвергались разнымъ наказаніямъ: опалѣ великой, торговой казни, большой пенѣ и доправленію челобитчиковыхъ убытковъ по дѣламъ, которыя вызваны были воеводскими злоупотребленіями [2]). Наконецъ, населенію также грозили наказанія: лучшіе люди по указнымъ статьямъ 1681 года брались въ солдаты, молодшимъ «сѣкли» руки [3]).

Строгость всѣхъ этихъ распоряженій достаточно ясно обнаруживаетъ, что правительство и въ концѣ XVII вѣка не особенно успѣшно боролось противъ бѣгства даточныхъ людей. Такая неудача разъясняется тѣми тяжелыми послѣдствіями, какими ратная повинность отзывалась на благосостояніи служилаго и тяглаго населенія. «Этотъ наборъ—читаемъ мы въ одномъ изъ иностранныхъ донесеній начала XVIII вѣка, которое хотя и говоритъ о рекрутскомъ наборѣ, но въ значительной мѣрѣ можетъ характеризовать ту же повинность и въ XVII вѣкѣ, особенно во второй его половинѣ—этотъ наборъ всегда падаетъ лишь на деревни и земледѣльческій народъ, отчего очень убываетъ пашень и хлѣбопашества; господа каждый годъ должны ставить съ своихъ помѣстій соразмѣрно порядочное число народа съ одеждой, лошадьми и содержаніемъ, отъ чего, во-1-хъ, крестьяне выводятся изъ страны и часто гибнутъ съ голода въ полѣ; во-2-хъ, отъ страха будущаго такого же набора скрываются въ лѣсахъ или бѣгутъ въ самыя дальнія страны и покидаютъ пашни необработанными. Поэтому и налоги, которые должно платить уменьшенное такимъ образомъ число народа, все становятся тяжеле, съѣстные припасы съ каждымъ годомъ поднимаются въ цѣнѣ; хлѣба не такъ много...» [4]).

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, II. (Указн. ст. 1681 г. ст. 9 и 10).

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, II. (Указн. ст. 1681 г., ст. 16). Ср. примѣч.

[3]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, II.

[4]) *О. Плейеръ*, О нынѣшнемъ состояніи государственнаго управленія въ Москвѣ (1710 г.), рус. пер. въ Чт. М. О. И. и Д. 1874 г., кн. II, стр. 4. Монастыри въ нѣкоторыхъ случаяхъ посылали своихъ слугъ. Р. И. Б., т. II, № 168, 7. Ср. Владим. губ. вѣд. 1858 г., № 33.

Кромѣ даточныхъ людей, иногда сбирали и даточныхъ лошадей. Средніе и бѣдные монастыри иногда не давали даточныхъ людей, но взамѣнъ должны были выслать съ конюхами нѣсколькихъ лошадей, напр., по 4 лошади съ 10 дворовъ въ Москву или прямо на мѣсто военныхъ дѣйствій [1]). Въ рѣдкихъ случаяхъ такой сборъ распространялся на всѣ монастыри. Въ 1655 году, напр., велѣно было собрать по лошади съ «50 дворовъ всѣхъ Галицкихъ монастырей для службы и для тѣхъ лошадей провожанья» взять съ тѣхъ же монастырей провожатыхъ и слугъ по разсмотрѣнью. Все это нужно было прислать въ Москву, въ Разрядъ для осмотру, а отсюда перевести въ Смоленскъ [2]). Окладъ такого сбора производился приблизительно. Монастыри съ незначительнымъ количествомъ дворовъ складывались вмѣстѣ и поставляли по одной, по двѣ лошади съ общаго числа своихъ дворовъ, а вслѣдъ за тѣмъ, вѣроятно, производили между собою пропорціональную раскладку въ переводѣ на денежные платежи. Болѣе значительные землевладѣльцы поставляли требуемое самостоятельно, каждый за себя [3]). Сборомъ завѣдывалъ мѣстный воевода; онъ отправлялъ собранныхъ лошадей, служекъ и конюховъ и посылалъ росписи лошадей и описки съ именами служекъ и конюховъ въ Москву. Въ случаѣ нерадиваго исполненія правительственныхъ распоряженій воеводѣ грозила великая опала и «жестокое запрещенье» [4]).

Въ крайнихъ случаяхъ даточныхъ лошадей сбирали съ посадскихъ людей и съ крестьянъ. Но, какъ чрезвычайная повинность, такіе сборы не отличались опредѣленностью размѣровъ и отбывались случайно, въ разное время [5]).

---

[1]) А. Э., т. III, № 275. Владим. губ. вѣд. 1856 г., № 18. Р. И. Б., т. X, стр. 269—271, 274.

[2]) А. Э., т. IV, № 86.

[3]) А. Э., т. IV, № 86. Приблизительность оклада здѣсь сказывается очень сильно. Такъ, съ Паисіева монастыря, съ 680 дворовъ, взято 14 лошадей, т. е. начтено 20 дворовъ, ибо сбиралось по 1 лошади съ 50 дворовъ; съ Великія пустыни монастыря, съ 82 дворовъ, взято 2 лошади, т. е. опять начтено 18 дворовъ. Напротивъ, съ Городецкаго и Новозаозерскаго монастыря съ каждаго взято по 6 лошадей съ 310 дворовъ, т. е. у каждаго сбавлено по 10 дворовъ. Этотъ неравномѣрный окладъ вѣроятно, уравнивался денежными расчетами между монастырями.

[4]) А. Э., т. IV, № 86. Доп. къ А. И., т. IV, № 14.

[5]) Влад. губ. вѣд. 1874 г., № 3. (Двѣ отписки въ пріемѣ лошадей съ города Шуи для государева дѣла въ 1615—1616 г.). Разряд. кн., т. I, ст. 9. А. Э., т. III, № 43.

Наконецъ, иногда, кромѣ даточныхъ людей и лошадей, сбирались (также, повидимому, чаще всего съ монастырей) даточныя орудія и пушечное зелье. Въ 1637 и 1653 годахъ велѣно было съ митрополичьихъ и монастырскихъ земель собрать для воинскаго времени сбрую, латы, зерцала, шеломы, шапки мисюрки, шишаки, наручи—на время, причемъ все это монастыри должны были доставить на своихъ подводахъ въ Большой дворецъ [1]). Въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаются извѣстія о сборахъ пушечныхъ нарядовъ, на что жаловались, напр., въ 1613 году старосты и крестьяне Прилуцкой, Каменской, Павловской и Корнильевской вотчинъ Вологодскаго уѣзда [2]). Такіе сборы, разумѣется, имѣли случайный характеръ

Ратная повинность въ XVII вѣкѣ, какъ видно, не отличалась ни опредѣленностью размѣровъ, ни постоянствомъ этихъ размѣровъ и сроковъ отбыванія самой повинности. Неопредѣленность уже сказывалась въ тѣхъ требованіяхъ, какія правительство предъявляло относительно даточнаго человѣка, тѣхъ личныхъ достоинствъ, какими онъ долженъ былъ обладать; его возрастъ, сложеніе, общественное положеніе, какъ условія пригодности его или непригодности къ военной службѣ въ указахъ опредѣлялись большею частью неточно; то же замѣчается и относительно его вооруженія и провизіи. Извѣстія о случайныхъ сборахъ людей, лошадей, орудій не даютъ точныхъ указаній ни на размѣры этихъ сборовъ, ни на податную единицу, съ которой они взимались. Податная единица, съ которой сбирались даточные люди, была иногда въ одно и то же время различною. Такъ, въ 1655 году даточные въ монастырскихъ вотчинахъ взимались съ четей пашни и жилыхъ дворовъ [3]). Рядомъ съ неопредѣленностью такихъ условій нельзя не отмѣтить и ихъ измѣнчивости. Даточные люди сбирались въ неопредѣленные промежутки времени; въ военное время чуть ли не ежегодно, въ другихъ случаяхъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Классы населенія, съ которыхъ они сбирались, то различались довольно рѣзко, то не различались вовсе и всѣ съ одной и той же податной единицы поставляли одинаковое количество даточныхъ людей. Самая податная единица, то увеличивалась то уменьшалась; наконецъ,

---

[1]) А. Э., т. III, № 273. Р. И. Б., т. II, № 168, 2. А. Э., т. IV, № 66.

[2]) Памят. книжка Вологод. губ. 1860 г., Матер., стр. 38. Этотъ сборъ изрѣдка замѣнялся денежнымъ, напр., по 5 алт. за фунтъ пороху и по 8 денегъ за фунтъ свинцу въ 1613 г. А. Ю., № 339, VIII.

[3]) А. Э., т. IV, №№ 82 и 84. Р. И. Б., т. XI, стр. 209.

и время сбора даточныхъ людей, и продолжительность службы мѣнялись соразмѣрно потребностямъ минуты.

Неопредѣленность и непостоянство отбыванія ратной повинности естественно приводили и къ ея неравномѣрности; эта неравномѣрность усиливалась благодаря тому, что при сборахъ не принималось во вниманіе состояніе мѣстныхъ хозяйствъ, слѣдовательно, отнималось одинаковое количество рабочихъ рукъ у населенія, среди котораго трудъ не всюду имѣлъ одно и то же значеніе.

Но, помимо теоретическихъ недостатковъ, отбываніе ратной повинности нерѣдко связано было и съ практическими неудобствами. Размѣры податной единицы, съ которой сбиралось по даточному человѣку, нерѣдко превосходили размѣры отдѣльныхъ поземельныхъ владѣній, составлявшихъ лишь нѣкоторую ея часть; между тѣмъ съ дробной части податной единицы нельзя же было взимать дробной части даточнаго человѣка. Правда, въ такихъ случаяхъ прибѣгали къ складчинѣ: мелкія владѣнія складывались и отбывали повинность вмѣстѣ; но и складчиной не всегда возможно было достигать цѣлыхъ, круглыхъ чиселъ, а приблизительное обложеніе должно было порождать постоянные споры между плательщиками и такимъ образомъ задерживать самый сборъ. Поэтому, съ владѣній, составлявшихъ лишь дробную часть податной единицы, и съ «перехожихъ четей или дворовъ», которыми оно превосходило опредѣленное цѣлое количество податныхъ единицъ, обыкновенно взимались деньги за даточныхъ людей. Такимъ образомъ, личная повинность въ нѣкоторыхъ случаяхъ переводилась на денежные платежи, причемъ за пѣшаго даточнаго человѣка обыкновенно взималось по 20 руб. денегъ. Такъ напр., въ царскомъ наказѣ кн. Сулешову, Мезецкому и дьяку Внукову, которые назначены были къ сбору ратныхъ даточныхъ людей по случаю войны съ Поляками въ 1633 году, велѣно было въ случаѣ, если вотчины или помѣстья будутъ менѣе 300 четвертей (т. е. того участка земли, съ котораго сбиралось въ то время по даточному человѣку), брать не даточнаго человѣка, а деньгами по расчету [1]). Другимъ условіемъ, затруднявшимъ сборы даточныхъ людей, была его отяготительность для мелкихъ землевладѣльцевъ; имъ нельзя было не дорожить каждымъ крестьянскимъ хозяйствомъ и крайне неудобно было лишаться хотя бы одного крестьянина, тѣмъ болѣе, что отправленіе его на военную службу иногда требовалось внѣ всякихъ хозяй-

[1]) А. Э., т. III, № 222. А. Ю., № 215.

ственныхъ соображеній. Вотъ почему иногда при сборѣ даточныхъ людей предписывалось взимать взамѣнъ этого сбора деньги съ того землевладѣльца, у котораго даточныхъ людей «противъ государева указа за безлюдствомъ недостанетъ» [1]). Къ этимъ причинамъ, вызывавшимъ переводъ ратной повинности на денежные платежи, присоединялась иногда и третья отдаленность нѣкоторыхъ областей отъ сборныхъ пунктовъ или центра военныхъ дѣйствій. Такъ напр., судя по окружной грамотѣ въ Туринскъ о наборѣ даточныхъ людей для Польской войны, дальніе города освобождались отъ этой повинности подъ условіемъ уплаты извѣстной денежной суммы за каждаго даточнаго человѣка [2]).

Таковы были тѣ условія, при которыхъ служилый человѣкъ, не находившійся въ данное время на военной службѣ, вмѣсто даточныхъ людей выплачивалъ деньги. Иногда, впрочемъ, правительство предоставляло давать деньги за даточныхъ людей тому, «кто похочетъ», но въ извѣстномъ намъ случаѣ такого рода, очевидно, поставило плательщиковъ въ невыгодныя условія, ибо велѣло выплачивать по 40 рублей за даточнаго человѣка, поставляемаго съ 30 дворовъ, и тѣмъ, вѣроятно, думало ограничить число желающихъ и способныхъ выплатить такую сумму [3]).

При томъ различіи, какое существовало между сельскимъ и городскимъ хозяйствомъ, ратная повинность неодинаково легко, слѣдовательно, и неодинаково исправно могла бы отбываться сельскимъ и городскимъ населеніемъ. Поэтому правительство набирало обыкновенно даточныхъ людей лишь съ крестьянъ, а дворы посадскаго населенія, также промышленныхъ и торговыхъ людей, жившихъ въ уѣздѣ, облагало равномѣрною податью (большею частью по 2 руб. съ двора).

Иногда такая же замѣна распространялась и на крестьянъ черныхъ волостей, быть можетъ, въ виду малолюдства послѣднихъ или ихъ отдаленности отъ мѣста военныхъ дѣйствій. Такъ напримѣръ, въ 1638 — 1639 г., кромѣ посадскихъ людей, торговыхъ уѣздныхъ людей и мастеровыхъ, кормившихся своею работой, но не владѣвшихъ пашнями, деньги ратнымъ людямъ на жалованье взимались съ пашенныхъ крестьянъ черныхъ волостей и церковныхъ земель, причемъ съ дворовъ посадскихъ и уѣздныхъ

---

[1]) П. С. З., т. I, № 177.
[2]) С. Г. Г. и Д., т. III, № 97.
[3]) П. С. З., т. I, № 186.

торговыхъ людей взималось по 2 рубля, съ дворовъ пашенныхъ крестьянъ по 1 р., а съ мастеровыхъ по полтинѣ [1]). Та же комбинація натуральной повинности съ денежными платежами встрѣчается и при установленіи новой подати на жалованье пѣхотнымъ полкамъ государевымъ указомъ и боярскимъ приговоромъ отъ 19 ноября 1678 года. Она взималась по 1 р. съ двора съ вотчинъ духовенства и со всѣхъ торговыхъ и посадскихъ людей Московскихъ слободъ, а также всѣхъ городовъ. Но съ дворцовыхъ селъ и мірскихъ помѣстій и вотчинъ вмѣсто денегъ набирались даточные люди, по человѣку съ 25 дворовъ [2]).

Раскладка и взиманіе денегъ за даточныхъ людей производились, разумѣется, не постоянно, но существенно ничѣмъ не отличались отъ раскладки и взиманія другихъ денежныхъ податей, сбираемыхъ на удовлетвореніе военныхъ потребностей.

Изъ личныхъ повинностей ратная, городовое, острожное и ямское дѣло были наиболѣе тяжелыми въ XVII в. [3]). При отправленіи этихъ обязаностей до нѣкоторой степени соблюдались тѣ же принципы обложенія, какихъ держалось правительство при раскладкѣ и взиманіи денежныхъ податей. Такъ, вышеуказанныя повинности отбывались главнымъ образомъ тяглымъ населеніемъ и раскладывались равномѣрно первоначально по земельнымъ участкамъ, затѣмъ подворно, причемъ нѣкоторая пропорціональность въ отбываніи этихъ повинностей достигалась особыми расчетами плательщиковъ другъ съ другомъ. Въ такомъ отбываніи, однако, нельзя не замѣтить большей неопредѣленности и неустойчивости, чѣмъ при уплатѣ денежныхъ податей. Рабочій день не имѣлъ, конечно, столь же различной цѣны для разнородныхъ рабочихъ въ XVII в., какую имѣетъ теперь; но все же и въ то время онъ получалъ раз-

---

[1]) Р. И. Б., т. X, стр. 272. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7146—7147 гг., № 64: Выписки о сборѣ ратныхъ людей и денегъ онымъ на жалованье съ дворцовыхъ селъ, церковныхъ и другихъ вотчинъ.

[2]) А. И., т. V, №№ 29 и 33.

[3]) На ряду съ этими повинностями существовали и менѣе важныя, удовлетворявшія болѣе спеціальнымъ и мѣстнымъ потребностямъ; такъ, напримѣръ, посадскіе людидолжны были иногда вмѣстѣ съ уѣздными людьми строить съѣзжую избу и воеводскій дворъ, службы служили въ земской избѣ, таможнѣ, на кружечномъ дворѣ, у разныхъ сборовъ (мостовыхъ и т. п.), у пороховой казны и городской тюрьмы. Выше указано было, въ чемъ состояли земскія службы (см. стр. 283—288, 319—323). Службы по разнымъ «сборамъ» удобнѣе разсматривать въ связи съ организаціей косвеннаго обложенія.

личное значеніе въ неодинаково заселенныхъ областяхъ государства, а поэтому и самый наборъ даточныхъ людей для ратнаго или городоваго дѣла падалъ на населеніе далеко неравномѣрно. Размѣры, въ какихъ должны были отбываться городовое, острожное дѣло или ратная повинность, мѣнялись постоянно въ зависимости отъ временныхъ потребностей; поэтому и величина податной единицы также колебалась очень часто. Наконецъ, время отбыванія тѣхъ же повинностей и сроки, въ теченіе которыхъ онѣ должны были отбываться, тоже оставались неопредѣленными: время, потребное на ремонтъ или постройку укрѣпленій, а тѣмъ болѣе продолжительность военнаго похода нельзя было указать съ желательною точностью. Всѣ эти условія ставили тяглеца въ положеніе крайне тяжелое по своей неопредѣленности и невыгодно отличали отбываніе личныхъ повинностей отъ денежныхъ платежей. Между тѣми и другими существовала и другая отличительная черта. Отбываніемъ городоваго и острожнаго дѣла завѣдывалъ главнымъ образомъ воевода даже въ то время, когда стрѣлецкія деньги поручено сбирать и отсылать въ Москву земскимъ старостамъ помимо воеводъ.

II. НАТУРАЛЬНЫЕ СБОРЫ.

1. Стрѣлецкій хлѣбъ.

Кромѣ личныхъ повинностей нѣкоторыя особенности въ распредѣленіи податнаго бремени между классами населенія и въ отправленіи податныхъ обязанностей замѣчаются и относительно натуральныхъ сборовъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ такъ называемый стрѣлецкій хлѣбъ.

Стрѣлецкій хлѣбъ, т. е. натуральный сборъ ржи и овса, взимался на кормовое жалованье постоянному стрѣлецкому войску, которое частью расположено было въ Москвѣ, частью стояло гарнизонами въ разныхъ пограничныхъ городахъ [1]). Поэтому и стрѣлецкій хлѣбъ сбирался съ мѣстнаго населенія на содержаніе городовыхъ стрѣльцовъ или отправлялся въ Москву на кормъ стрѣль-

[1]) Краткія свѣдѣнія объ этомъ сборѣ см. у *В. Кури*, О прямыхъ налогахъ въ древней Руси въ Юрид. Сборн. Д. Мейера, стр. 133—134. *В. Незабитовскій*, Собр. соч., стр. 23—25. Г. Кури допустилъ крайне странную ошибку, приписавъ установленіе стрѣлецкихъ сборовъ царю Ивану IV. Актъ (А. Ю., № 231), на изученіи котораго это заключеніе опирается, указываетъ на сборы стрѣлецкаго хлѣба лишь въ 1618 (7126), а не 1540 году.

цамъ Московскимъ [1]). Перваго рода сборы имѣли большое значеніе въ первые годы правленія царя Михаила, когда значительная часть стрѣлецкаго войска стояла гарнизонами по городамъ; эти сборы отличались большею неопредѣленностью, чѣмъ вторые, хотя тѣ и другіе сбирались съ той же податной единицы. Эта неопредѣленность, вѣроятно, вызывалась разнообразіемъ численнаго состава стрѣлецкихъ гарнизоновъ и измѣнчивостью сроковъ, въ теченіе которыхъ взимался стрѣлецкій хлѣбъ на жалованье стрѣльцамъ, временно испомѣщеннымъ въ томъ или другомъ городѣ [2]).

Стрѣлецкій хлѣбъ, по крайней мѣрѣ со второй половины XVII столѣтія, не падалъ равномѣрно на все населеніе. Разныя области иногда облагались различно. Такъ напр., заоцкіе города съ 1680 (7188 г.) года по 1688 платили съ двора болѣе, чѣмъ замосковные и низовые, на полчетверика ржи и полчетверика овса [3]). На неравномѣрность тѣхъ же сборовъ вліяли и сословныя разграниченія. Въ 1660-хъ годахъ населеніе въ этомъ отношеніи дѣлилось на три группы: болѣе всего сбиралось съ патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ вотчинъ, нѣсколько менѣе съ мірскихъ вотчинъ, помѣстій, черныхъ волостей и посадовъ; наконецъ, еще менѣе съ дворцовыхъ селъ [4]). Съ 1673 года посады выдѣлены были въ особую группу; за четь ржи и за четь овса, т. е. за юфть хлѣба, съ нихъ стали взимать по 2 рубля денегъ. Тѣмъ же указомъ, который установлялъ на будущее время это различіе, велѣно было съ поморскихъ городовъ сбирать стрѣлецкій хлѣбъ съ полнаго сошнаго письма по писцовымъ книгамъ противъ посадовъ [5]). Поразрядный характеръ стрѣлецкой хлѣбной подати не оставался, однако, неизмѣннымъ за весь XVII вѣкъ. Какъ извѣстно, подать эта становилась съ теченіемъ времени все тяжелѣе и тяжелѣе. Но знаменатель прогрессивнаго ея возростанія по

---

[1]) *Борисовъ*, Описаніе Шуи, № 10. Въ число стрѣлецкихъ запасовъ въ началѣ XVII вѣка включались и другіе сборы, вѣроятно, въ виду временныхъ военныхъ потребностей. Такъ, въ 1613 году съ Шуи нужно было получить кромѣ ржи и овса, опредѣленное число четвертей ржаной муки, сухарей, гречневыхъ и овсяныхъ крупъ; затѣмъ нѣсколько полтей свинаго мяса и шубъ. (Влад. губ. вѣд. 1849 г., № 16, 1613 г.)

[2]) А. Ю, № 339, I, II и IV. А. Э., т. IV, № 299. Иногда стрѣлецкимъ женамъ также выдавался кормъ. *В. Крестининъ*, Начертаніе исторіи г. Холмогоръ, Спб., 1790 г., стр. 32.

[3]) А. Э., т. IV, № 299.

[4]) А. Э., т. IV, № 133. Воронеж. акты, вып. III, № CLVI.

[5]) А. Э., т. IV, № 189.

*

отношенію къ каждому изъ вышеуказанныхъ разрядовъ плательщиковъ не былъ однообразенъ. Такъ напр., въ 1662 году съ живущей чети пашни взималось съ помѣстій и вотчинъ въ одинаковомъ количествѣ ржи и овса по $^{84}/_{96}$ четверти, съ земель духовенства—по $^{112}/_{96}$, съ дворцовыхъ селъ—по $^{21}/_{96}$ четверти. Съ 1672 года сборы эти были повышены и взимались въ 1672, 1673, 1677, 1678 гг. по $^{345}/_{96}$, $^{401}/_{96}$ и $^{219}/_{96}$ четвертей съ той же податной единицы и тѣхъ же разрядовъ населенія. Такимъ образомъ, въ дворцовыхъ селахъ сборъ увеличился въ 10,43 раза, въ помѣщичьихъ и вотчинниковыхъ въ 4,10 раза, въ монастырскихъ въ 3,58 раза. Этимъ самымъ въ значительной мѣрѣ уравнялись разные классы населенія въ податномъ отношеніи, ибо тогда какъ въ 1662 году съ помѣстій и вотчинъ взималось въ 4 раза, а съ монастырскихъ вотчинъ въ 5,33 раза больше, чѣмъ съ дворцовыхъ селъ, въ 1672 и слѣдующихъ годахъ съ первыхъ сбиралось въ 1,58, а со вторыхъ въ 1,83 раза больше, чѣмъ въ дворцовыхъ селахъ [1]). Ту же неравномѣрность возростанія стрѣлецкой подати въ натуральномъ ея видѣ по отношенію къ разнымъ классамъ населенія можно замѣтить и въ то время, когда она стала сбираться съ двора, а не живущей четверти. Въ 1679 году, напримѣръ, съ двора въ патріаршихъ, архіерейскихъ, монастырскихъ и церковныхъ поземельныхъ владѣніяхъ велѣно было взимать по $^{5}/_{16}$ четвертей ржи, овса по тому жъ; въ мірскихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ по $^{3}/_{16}$ четвертей ржи и овса съ той же единицы. Въ 1688 году эти размѣры измѣнились; вмѣсто $^{5}/_{16}$ велѣно было сбирать $^{7}/_{16}$, а вмѣсто $^{3}/_{16}$—$^{5}/_{16}$ четверти. Хотя по отношенію къ тому и другому разряду плательщиковъ окладъ былъ повышенъ на одинаковую сумму, но соотношеніе ихъ налогоспособностей, по скольку послѣднія опредѣлялись самимъ правительствомъ, должно было измѣниться. Въ 1679 году знаменатель этого соотношенія равенъ $^{7}/_{2}$, въ 1688 — $^{7}/_{5}$ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не обратить вниманія и на то, что правительственныя опредѣленія различныхъ налогоспособностей, смотря по разрядамъ населенія, при взиманіи податей съ живущей четверти и двора были неодинаковы. Такое различіе, разумѣется, еще рѣзче обнаруживало неравномѣрность возростанія стрѣлецкой хлѣбной подати по разрядамъ населенія, налогоспособность которыхъ въ разное время различно опредѣлялась правительствомъ.

---

[1]) А. Э., т. IV, №№ 133, 189. Доп. къ А. И., т. VI, № 88; т. VIII, № 36, I.
[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 36, II. А. Э., т. IV, № 299.

Неравномѣрное распредѣленіе стрѣлецкаго хлѣба между разными классами населенія усиливалось тѣмъ, что къ нему присоединялся особый денежный сборъ, который падалъ, однако, лишь на часть, а не на все населеніе. Съ монастырскихъ вотчинъ и церковныхъ земель (къ нимъ иногда присоединялись посады или дворцовыя села) взималось обыкновенно по 4 деньги съ юфти «на житнишную» подѣлку; отъ этого сбора, повидимому, были свободны помѣстья и вотчины [1]).

Податная единица, съ которой взимался стрѣлецкій хлѣбъ, измѣнялась въ томъ же направленіи, какое въ общихъ чертахъ представлено было выше, т. е отъ сохи перешла къ живущей четверти, а затѣмъ и къ двору. Эти измѣненія, однако, при взиманіи стрѣлецкаго хлѣба, повидимому, произошли сравнительно весьма поздно; тогда какъ денежные платежи и нѣкоторыя личныя повинности уже со второй трети XVII вѣка стали выплачиваться и отбываться съ живущей четверти, стрѣлецкій хлѣбъ продолжалъ взиматься съ сохи до 70-хъ годовъ, и только въ 1672 году во время приготовленій къ войнѣ съ турецкимъ султаномъ (Магометомъ IV), когда послѣдній принялъ въ подданство Дорошенку, можетъ быть, на самомъ соборѣ, созванномъ по этому случаю и состоявшему изъ бояръ, духовенства и думныхъ людей, рѣшено было увеличить сборы стрѣлецкаго хлѣба и взимать его съ живущей четверти [2]). Послѣ переписи 1678 года живущая четверть смѣнилась дворомъ [3]). Но уплата стрѣлецкаго хлѣба съ дворового числа была для населенія гораздо отяготительнѣе, чѣмъ съ сошнаго письма. Въ послѣднемъ случаѣ стрѣлецкій хлѣбъ имѣлъ до нѣкоторой степени характеръ пропорціональной подати, ибо размѣры оклада опредѣлялись количествомъ паханной пашни; во-второмъ, напротивъ, этотъ сборъ падалъ равномѣрно на каждый тяглый дворъ. Въ виду этого неудобства, стрѣлецкій хлѣбъ продолжалъ взиматься съ сохи не только въ то время, когда послѣдняя по отношенію къ денежнымъ платежамъ замѣнилась живущею четвертью, но и дворомъ. Такъ напр., въ 70-хъ годахъ Новгородцы, дворяне и дѣти боярскіе, били челомъ Государю между прочимъ и

[1]) Примѣръ обложенія однѣхъ монастырскихъ и церковныхъ земель см. въ Доп. къ А. И., т. VIII, № 36, I; съ присоединеніемъ посадовъ—Воронежакты, вып. III, № CLVI; съ присоединеніемъ дворцовыхъ селъ (но безъ посадовъ) –Доп. къ А. И., т. VI, № 88.

[2]) А. Э., т. IV, № 189.

[3]) Доп. къ А. И., № 36, II.

о томъ, чтобы стрѣлецкій хлѣбъ имъ платить съ сошнаго письма, а не съ дворового числа, по примѣру замосковныхъ городовъ и Московскаго уѣзда «и не велѣти бъ надъ ними предо всею землею образца учинить... и пожаловати бъ ихъ для ихъ службъ и нуждъ и скудости» [1]).

Взиманіемъ стрѣлецкаго хлѣба обыкновенно завѣдывалъ воевода. По царскому указу или по такому же указу съ боярскимъ приговоромъ воевода приказывалъ бирючу кликать въ городѣ о томъ, чтобы приступали къ сбору стрѣлецкаго хлѣба и посылалъ въ уѣздъ приказныхъ и площадныхъ подьячихъ, стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, разсыльщиковъ для извѣщенія о томъ же уѣзднаго населенія. Сошные люди выбирали къ хлѣбному сбору цѣловальниковъ, людей добрыхъ и прожиточныхъ, «кому бы мочно было въ хлѣбномъ сборѣ вѣрить и которые къ тому дѣлу не накупались»; «къ выбору на тѣхъ людей руки прикладывали» и давали по нимъ поручныя записи. Цѣловальники получали заорленыя, таможенныя мѣры отъ воеводы и сбирали хлѣбъ по платежнымъ книгамъ [2]). Привезенный къ воеводѣ хлѣбъ измѣрялся казенною, заорленою мѣрой, которая для этой цѣли присылалась изъ приказа Большаго прихода [3]).

Собравъ хлѣбъ противъ окладу сполна и сдѣлавъ тому хлѣбу сборныя платежныя книги, воевода долженъ былъ прислать «выборы» по цѣловальникамъ и сборныя книги за своею рукой вмѣстѣ съ отпиской въ Москву; документы эти привозились подьячимъ и цѣловальниками на сошныхъ подводахъ [4]).

За неуплату хлѣба воевода имѣлъ право подвергать сошныхъ людей правежу, тюремному заключенію или наказанію батогами, хотя и самъ отвѣчалъ за исправность сбора и подвергался доправленію недоимокъ. Цѣловальникамъ при злоупотребленіяхъ также грозило жестокое наказаніе, ссылка и всякое разореніе. Иногда для правежа недоимокъ на населеніи присылался приставъ прямо изъ Москвы [5]). Плательщики сами иногда доставляли стрѣлецкій хлѣбъ въ Москву къ указному сроку обыкновенно къ Рождеству

---

[1]) А. И., т. V, № 38.

[2]) Доп. къ А. И., т. VI, № 88; т. VIII, № 36. П. С. З., т. I, № 499; т. II, № 770. Нѣкоторыя изъ обязанностей воеводы подъ его надзоромъ иногда выполнялись губнымъ старостой. А. И., т. V, № 38.

[3]) П. С. З., т. I, № 499. На заорленой мѣрѣ иногда означался годъ. Доп. къ А. И., т. VIII, № 36, V.

[4]) Доп. къ А. И., т. VI, № 88; т. XI, прим. 22.

[5]) Доп. къ А. И., т. VI, № 88; т. VIII, № 36, I.

Христову, а «кончае», т. е. въ крайнемъ случаѣ, на Богоявленіевъ день. По возвращеніи изъ столицы, они должны были, однако, предъявить воеводѣ полученныя въ Москвѣ приказныя платежныя отписи къ запискѣ «къ поверстному сроку» [1]).

Правительство не допускало произвольной уплаты стрѣлецкой подати деньгами или натурой и оставляло за собой исключительное право рѣшать вопросъ о томъ будетъ ли взиматься стрѣлецкій хлѣбъ или деньги за хлѣбъ съ данной мѣстности. Такъ напримѣръ, когда въ 1662 году Чердынскій земскій староста обратился съ челобитной къ мѣстному воеводѣ о томъ, чтобы хлѣбные запасы стрѣльцамъ на жалованье выплатить на 170-й (1662) годъ деньгами и воевода послалъ въ Москву отписку съ вопросомъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ, то въ отвѣтъ получилъ довольно рѣзкій упрекъ въ томъ, что «плутаетъ и воруетъ и дѣлаетъ, чего не указано дѣлать», ибо велѣно на 170-й годъ собрать стрѣлецкіе запасы хлѣбомъ со всѣхъ посадовъ и уѣздовъ [2]). Разнообразныя причины, однако, склоняли правительство къ замѣнѣ стрѣлецкаго хлѣба—денежными платежами. Отдаленность нѣкоторыхъ плательщиковъ отъ Москвы, затрудненія при взиманіи этой подати въ натуральномъ видѣ съ посадскихъ хозяйствъ, потерявшихъ къ концу второй трети XVII столѣтія земледѣльческій характеръ, и при доставкѣ стрѣлецкаго хлѣба въ Москву, наконецъ, невозможность увеличить размѣры этого сбора свыше довольно ограниченнаго предѣла [3]) естественно вызывали замѣну стрѣлец-

---

[1]) Доп. къ А. И., т. IV, № 107; т. VI, №№ 88 и 112; т. VIII, № 36. Встрѣчаются распоряженія и о привозѣ стрѣлецкаго хлѣба на Введеніевъ день или Николинъ день осенній, «кончае на Р. Х.» Арх. Мин. Иностр Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7170 г. августа 20, № 97: Отписки воеводы Н. Каетырева изъ Устюга о посылкѣ въ Москву стрѣлецкаго хлѣба.

[2]) А. И., т. IV, № 107, II.

[3]) А. Э., т. IV, № 189 (1672 г.). Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7158 г., № 83: Дѣло о сборѣ денегъ Московскимъ стрѣльцамъ на хлѣбное жалованье. Здѣсь между прочимъ, сохранилась челобитная Кеврольскаго и Мезенскаго земскаго старосты и закащика. Изъ челобитной видно, что Кеврольцамъ и Мезенцамъ велѣно было везти хлѣбную и денежную казну въ Пустозерскъ по рѣкамъ. Рѣки между тѣмъ малыя, сухія; на перевозку потребуется до 150 лодокъ, по 3 человѣка съ запасами и по 3 четверти казны хлѣбной на лодку; сооруженіе снастей, крышъ и проч. на лодки будетъ стоить 2,000 руб., ярыжныхъ къ этимъ лодкамъ нужно 400 чел., рубля по 3 и даже болѣе каждому; наконецъ, волоки съ рѣки на рѣку большіе, недѣли по двѣ. Въ виду этихъ неудобствъ, земскій староста проситъ разрѣшенія доставить хлѣбъ моремъ на Двину.

каго хлѣба денежными платежами. Вотъ почему въ 1672 году, напр., при сборѣ стрѣлецкаго хлѣба велѣно было взять съ поморскихъ городовъ съ полнаго сошнаго письма по писцовымъ книгамъ противъ посадовъ, съ Вятки съ пригороды, съ посадовъ и вообще со всѣхъ посадовъ за четь ржи и за четь овса, за юфть по 2 р., а въ 1679 году установлена была новая денежная, стрѣлецкая подать. При переводѣ стрѣлецкаго хлѣба на деньги колебанія хлѣбныхъ цѣнъ не имѣли особеннаго значенія, имъ, по крайней мѣрѣ, не соотвѣтствовали колебанія въ размѣрахъ денежныхъ платежей, которые повсюду были единообразны, производились «по указной цѣнѣ» и такимъ образомъ превращались въ равномѣрный налогъ [1]).

Но, со введеніемъ новой стрѣлецкой подати, натуральные сборы не замѣнились окончательно денежными платежами; нѣкоторыя поземельныя владѣнія, напр., монастырскія, иногда продолжали поставлять хлѣбъ, а не деньги [2]).

2. Хлѣбные запасы.

Хлѣбные запасы сбирались, помимо стрѣлецкаго хлѣба, на кормовое жалованье ратнымъ людямъ. Эти сборы взимались съ дворцовыхъ селъ и волостей, посадскихъ людей, помѣстій и вотчинъ и поземельныхъ владѣній духовенства. При этомъ, между служилыми людьми, находившимися на военной службѣ, съ одной стороны и городскими воеводами, приказными людьми, отставными дворянами, дѣтьми боярскими, вдовами и недорослями съ другой— полагалось различіе. Существовало, конечно, различіе и между служилыми и неслужилыми людьми; первые облагались этимъ сборомъ легче, чѣмъ вторые [3]). Такъ же, какъ и при сборѣ даточныхъ людей, податная единица не оставалась неизмѣнною. Такъ какъ хлѣбные запасы взимались лишь въ военное время, то не всегда возможно было опредѣлить размѣры сбора, и послѣдній, такимъ образомъ, зависѣлъ болѣе или менѣе отъ добросовѣстности воеводъ. Воеводы бояринъ Ѳ. И. Шереметьевъ да кн. В. П. Ахама-

[1]) А. Э., т. III, №№ 7 и 131; т. IV, № 189. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, л. 134. А. Ю., № 216, XVII. *Н. Загоскинъ*, Матеріалы и проч., №№ 79, 84. Воронеж. акты, вып. III, № XCVI. А. И., т. III, №№ 132 и 200. Впрочемъ, при выдачѣ, взамѣнъ хлѣбнаго жалованья, денегъ на мѣстѣ, хлѣбъ оцѣнивался земскими старостами, хлѣбниками и вообще всѣмъ населеніемъ. Доп. къ А. И., т. X, № 20.

[2]) Доп. къ А. И., т. XII, № 14.

[3]) А. Э., т. III, № 216. П. С. З., т. I, № 139. Доп. къ А. И., т. IV, № 19.

шуковъ-Черкасскій съ дьякомъ Ч. Оботуровымъ по царскому указу должны были въ 1615 году взять запасы въ городахъ подлѣ Пскова и съ уѣздовъ, «гдѣ ближе», и отвезти во Псковъ въ судахъ или сухимъ путемъ Воеводѣ и боярину кн. Долгорукому велѣно было въ 1664 году собрать запасы въ Дорогобужскомъ уѣздѣ, росписать крестьянскіе дворы и взять съ нихъ хлѣбъ и конскіе кормы «по своему разсмотрѣнью, чѣмъ кому мочно быть сытымъ» [1]). Такая неопредѣленность, конечно, вызывала массу злоупотребленій, которыя правительство едва ли съ особеннымъ успѣхомъ старалось предотвратить угрозой жестокаго наказанія, вѣчнаго разоренья и ссылки для начальныхъ людей, грозило смертною казнью ратнымъ людямъ и предоставляло населенію право бить челомъ Государю въ случаѣ притѣсненій [2]). Въ другихъ случаяхъ сборы бывали болѣе опредѣленными, но никогда не отличались постоянствомъ, причемъ мѣнялись не только размѣры сбора, но и соотношеніе между количествомъ сбираемыхъ четвертей ржи и овса [3]).

Неопредѣленность этихъ сборовъ увеличивалась тѣмъ, что вмѣстѣ съ хлѣбными запасами взимались и другіе припасы. Въ первые годы правленія царя Михаила, кромѣ ржи и овса, часто сбирались полти мяса, куры, бараны, яловицы, соль, даже шубы въ зимнее время, а обычай сбирать, вмѣстѣ съ рожью и овсомъ, толокно или сухари, масло и сѣно сохранился до позднѣйшаго времени [4]).

Податная единица мѣнялась такъ же, какъ и при сборѣ даточныхъ людей. Въ первой трети XVII в. хлѣбные запасы взимались съ сохи и обжи [5]); затѣмъ они стали сбираться съ двора [6]). Воеводы по царскому указу разсылали своихъ подчиненныхъ, приставовъ и тому подобныхъ приказныхъ людей «для объявленія» этого указа въ уѣздѣ и для сбора. Разумѣется, что въ спѣшное, военное время раскладка и взиманіе производились на мѣстѣ

---

[1]) Разряд. кн., т. I, стб. 72. (Ср. С. Г. Г. и Д., т. III, № 31). П. С. З., т. I, № 363.

[2]) П. С. З., т. I, № 363.

[3]) Въ 1617 году съ сохи сбиралось по 80 четей ржи. 40 четей овса (А. Э., т. III, № 93); въ 1652 г. съ двора сбиралось по $^1/_8$ четв., въ 1663 г. по $^1/_4$ четв. ржи, «овса тожъ». (П. С. З., т. I, №№ 346 и 352).

[4]) А. Э., т. III, № 214. Доп. къ А. И., т. IV, № 19. Ср. слѣд. прим.

[5]) А. Э., т. III, № 93. А. Ю. № 339, VII; № 216. Памят. книжка Вологодской губ. 1860 г. Матер., стр. 33—35; 38 и слѣд.

[6]) П. С. З., т. I, №№ 139, 346 и 352.

военнымъ начальствомъ [1]). Собравъ требуемые запасы, населеніе должно было доставить сборы въ Москву или на мѣсто военныхъ дѣйствій на собственныхъ подводахъ. Такъ какъ такая доставка бывала иногда (напр, въ лѣтнее время) крайне отяготительною, то населеніе высылало хлѣбные запасы черезъ подрядчиковъ, по которымъ брались поручныя записи «крѣпкія у добрыхъ и знатныхъ людей, кому бъ вѣрить мочно» [2]).

Въ большинствѣ случаевъ, хлѣбные запасы, повидимому, были сборомъ безвозмезднымъ Но иногда назначались правительствомъ «указныя» цѣны для конскихъ кормовъ, т. е. овса и сѣна, или же и для самихъ хлѣбныхъ запасовъ на кормовое жалованье ратнымъ людямъ. Такъ напр., въ 1661 году кн. Куракину велѣно было сбирать хлѣбные запасы съ уѣздныхъ людей; «а конскіе кормы, овесъ и сѣно, велѣть уѣзднымъ людемъ продавати, а цѣну овсу и сѣну положить по своему разсмотрѣнью». Но въ томъ же году по челобитью ратныхъ людей изъ Смоленска, Государь пожаловалъ велѣлъ хлѣбу и сѣну указать цѣну: за рожь по 3 руб. за четверть, за овесъ по полутора руб. за четверть, а за возъ сѣна по 10 алтынъ, Смоленскій воевода долженъ былъ отправить въ уѣздъ дворянъ и дѣтей боярскихъ добрыхъ и поручить имъ выслать крестьянъ съ требуемыми запасами въ городъ; здѣсь же къ продажѣ приставить дворянъ добрыхъ, которые и должны были покупать запасы у крестьянъ по указной цѣнѣ. Въ случаѣ, если крестьяне не согласились бы везти ихъ въ городъ, приказано было рожь и овесъ все же покупать по указной цѣнѣ, но сѣно и солому брать безденежно [3]). Такимъ образомъ, населеніе въ данномъ случаѣ не вполнѣ освобождалось отъ этого сбора. Оно безвозмездно привозило его въ городъ; въ противномъ случаѣ лишалось части указаннаго вознагражденія.

Постой служилыхъ людей, повидимому, освобождалъ населеніе отъ обязанности доставлять хлѣбные запасы сверхъ тѣхъ, которые сбирались на кормъ этимъ служилымъ людямъ. Троице-Сергіевъ монастырь, напр., не платилъ хлѣбныхъ запасовъ въ 1615 году потому, что въ монастырѣ стояли въ то время ратные люди, которые

---

[1]) П. С. З, т. I, №№ 139, 363.

[2]) А. Э., т. III, № 214. П. С. З., т. I, №№ 139 и 352. Памят. кн. Вологод. губ. 1860 г., Матер., стр. 38 и слѣд. Доп. къ А. И., т. IV, № 19. А. Ю., № 373.

[3]) П. С. З., т. I, №№ 311 и 317.

и кормились съ его вотчинъ [1]). Чаще всего служилые люди стояли по городамъ или монастырямъ. Въ Московскихъ черныхъ сотняхъ и слободахъ по государеву указу ставили выходцевъ «пановъ и Нѣмецъ и разныхъ земель всякихъ иноземцевъ и Русскихъ людей и всякихъ земель выходцевъ и Сибирскихъ и Донскихъ казаковъ и круговой станицы казаковъ; также дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые пріѣзжали со всякихъ городовъ съ государевыми дѣлами и съ отписками, и городовыхъ писцовъ». Въ Новгородскихъ монастыряхъ въ 1648 году стояли новокрещеные Татары, которымъ монастыри должны были изъ своей казны выдавать поденныя кормовыя деньги [2]). Въ монастырскія вотчины посылались также на кормъ лошади ратныхъ людей (драгунскія и т. п.) съ сѣдлами, войлоками, уздами. Монастыри не только обязаны были давать имъ даровое помѣщеніе и содержаніе, но отвѣчали за палыхъ лошадей; за лошадей, которыя пали въ монастырѣ отъ безкормицы или небреженья, доправлялись деньги съ старцевъ, служекъ и монастырскихъ крестьянъ [3]).

Постой предполагалъ временную, даровую квартиру; но въ случаѣ долговременнаго пребыванія служилыхъ людей «на житьѣ» въ городѣ, правительство отводило имъ земли, на которыхъ они строились слободами. Для такого строенія, однако, не выдавалось особыхъ суммъ: служилый человѣкъ долженъ былъ на собственныя средства обзавестись несложнымъ хозяйствомъ. Поэтому служилые люди предпочитали иногда оставаться на посадскихъ дворахъ, гдѣ они пользовались даровою квартирой, а посадскіе люди жаловались на это, какъ на злоупотребленіе. Во Псковѣ въ 40-хъ годахъ, напр., головы стрѣлецкіе, сотники и другіе служилые люди ставились на посадскихъ дворахъ и живали здѣсь по два, пяти, по шести и болѣе лѣтъ, не смотря на то, что были людьми пожалованными, помѣстными. Притомъ эти служилые люди «чинили Псковичамъ утѣсненіе великое и продажи, потому что, поклепавъ, искали на нихъ всякихъ исковъ напрасно, а иные искали безчестій своихъ ложно, для того, чтобы ихъ съ тѣхъ дворовъ, гдѣ они поставлены, на иные дворы не переводили» [4]).

---

[1]) Доп. къ А. И., т. II, № 37.

[2]) *М. Владимірскій-Буда новъ*, Христоматія, изд. 1-е, стр. 151. (Указная книга Земскаго прихода, ст. XXI). А. Э., т. IV, № 25.

[3]) А. Э., т. IV, № 15.

[4]) Р. И. Б., т. II, №№ 177 и 180.

Не всегда, однако, одинаково удобно было доставлять хлѣбные запасы. Мѣстности, отдаленныя отъ центра, куда стекались эти запасы, освобождались отъ необходимости выплачивать эту подать въ натуральномъ видѣ. Въ такихъ случаяхъ «для дальнего провозу и крестьянскіе легости» хлѣбные запасы замѣнялись денежными платежами, размѣры которыхъ опредѣлялись указною цѣной, напр., по 1½ рубля за четь [1]). Иногда подобныя мѣры вызывались и другими причинами. Бояринъ А. С. Матвѣевъ, въ числѣ прочихъ своихъ заслугъ, указывалъ и на то, что до того времени, когда онъ сталъ управлять Малороссійскимъ приказомъ, хлѣбные запасы посылали изъ Брянска въ Кіевъ и иные города на судахъ; «а тѣ суда дѣлывали въ томъ же Брянскѣ, и четверть хлѣба цѣною ставливалась по 7 рублей и больше». Когда же бояринъ сталъ посылать на хлѣбъ деньги, четверть дороже рубля въ куплѣ не бывала [2]). Наконецъ, въ случаѣ нельзя было собрать хлѣбныхъ запасовъ, послѣдніе замѣнялись денежными платежами. Такъ напр., въ сентябрѣ 1655 года царскою грамотой изъ приказа хлѣбнаго сбору велѣно было Смоленскому воеводѣ брать за хлѣбные запасы и масло деньгами, въ случаѣ, если нѣкоторые изъ плательщиковъ «для лѣтняго пути и дѣловаго времени въ Смоленскъ хлѣбныхъ запасовъ везти не похотятъ, а похотятъ платить деньгами» [3]).

Впрочемъ, хлѣбные запасы едва ли особенно часто переводились на денежные платежи, тѣмъ болѣе, что самый сборъ такихъ запасовъ производился не постоянно, а лишь въ военное время.

3. Сибирскіе отпуски.

Служилые люди, размѣщенные по городамъ и острогамъ Сибири, въ покоренныхъ ими мѣстностяхъ застали первоначально одно полукочевое населеніе. Занятые военнымъ дѣломъ, они не всегда имѣли возможности предаваться мирному земледѣльческому труду и поэтому нуждались въ средствахъ къ пропитанію. Правительство заботилось объ удовлетвореніи этой потребности и облагало населеніе поморскихъ городовъ и уѣздовъ, особымъ хлѣбнымъ сборомъ, который назначался на кормовое жалованье

---

[1]) А. Э., т. III, № 72. А. Ю., № 216, II и XIX; № 213, II.

[2]) Доп. къ А. И., т. IV, № 19.

[3]) Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, изд. Новикова.

служилымъ людямъ въ Сибири [1]). Сибирскій хлѣбъ такъ же, какъ и другіе хлѣбные запасы, сбирался первоначально по писцовымъ книгамъ, т. е. посошно, затѣмъ по переписнымъ или подворно.

По царскому указу и приказу мѣстнаго воеводы, старосты и цѣловальники приступали къ сбору хлѣба съ крестьянъ и посадскихъ людей поморскихъ городовъ и уѣздовъ въ опредѣленномъ количествѣ и посылали собранное на Верхотурье съ цѣловальниками и провожатыми. Хлѣбъ перевозился извощиками на подводахъ, также поставляемыхъ міромъ. Воеводы поморскихъ городовъ должны были извѣстить отпиской центральное управленіе объ отправленіи хлѣба на Верхотурье и вновь посылали отписки въ столицу по возвращеніи старостъ и цѣловальниковъ изъ Верхотурья съ отписями Верхотурскаго воеводы [2]).

Кромѣ хлѣбныхъ запасовъ, населеніе обязано было поставлять лѣсъ и плотниковъ для судоваго строенья, необходимаго для дальнѣйшаго провоза хлѣбныхъ запасовъ въ Тобольскѣ. Вывозъ лѣса изъ разныхъ городовъ былъ бы крайне затруднительнымъ, да и безполезнымъ, такъ какъ въ Верхотурскомъ уѣздѣ его было въ достаточномъ количествѣ; поэтому онъ и добывался обыкновенно на мѣстѣ сошными людьми, которые пріѣзжали сюда для этой цѣли вмѣстѣ съ подводами, привозившими хлѣбъ. Судовое строенье выполнялось плотниками. Они поставлялись вмѣстѣ съ плотничною снастью тѣми же городами и уѣздами, съ которыхъ взимались хлѣбные запасы. По плотникамъ брались поручныя записи «въ судовомъ дѣлѣ». Эти записи пересылались воеводами поморскихъ городовъ къ Верхотурскому воеводѣ и, такимъ образомъ, служили нѣкоторою гарантіей въ исправномъ выполненіи плотни-

---

[1]) Часто упоминаются: Устюгъ, Сольвычегодскъ, Пермь, Чердынь, Вятка съ пригородами, Кайгородокъ, Вымь, Солькамскъ, Еренскъ, Сысольскія волости. Съ этихъ городовъ, можетъ быть, не взималось хлѣбныхъ запасовъ.

[2]) А. И., т. III, №№ 93, 197, 219. *А. Спицынъ*, Подати, сборы и повинности на Вяткѣ въ XVII стол., стр. 13—16. Провожатые брали съ собой луки, стрѣлы, топоры и рогатины. Провозъ стоилъ довольно дорого. Такъ напр., для провоза изъ Устюга въ Сольвычегодскъ 460 пудъ 19 гривенокъ разныхъ снастей и 17 половинокъ сукна въ 7147—7149 гг. понадобилось 24 подводы; каждая изъ нихъ нанималась по 13 алт. 2 ден. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7147—7149 гг., № 34: Государевы грамоты и воеводскія отписки о сборѣ съ городовъ Устюжской четверти сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ.

ками этой повинности [1]). Въ началѣ XVII вѣка была даже сдѣлана попытка устроить плотничную слободу; извѣстій о ней въ позднѣйшее время, впрочемъ, не встрѣчается. Плотники, повидимому, обязаны были сдѣлать опредѣленное количество суденъ, напримѣръ, 40, за что получали денежное вознагражденіе изъ верхотурской приказной избы, напримѣръ, по 18 рублей за судно. Въ выполненіи этихъ обязанностей плотникамъ иногда помогали «податчики» изъ сошныхъ людей [2]).

На Верхотурье хлѣбъ привозился обыкновенно зимой (хотя, конечно, запаздывалъ нерѣдко), а съ Верхотурья отправлялся въ Сибирь весной рѣчными путями. Верхотурскій воевода принималъ и перевѣшивалъ привезенный хлѣбъ, смотрѣлъ за старостами и цѣловальниками, чтобы въ хлѣбныхъ запасахъ древствы, каменья, песку и обмелковъ не было. Воевода долженъ былъ также наблюдать за тѣмъ, чтобы лѣсъ, доставляемый на постройку судовъ, былъ «не щеловатымъ, безъ вѣтреницъ», чтобы плотники суды «дѣлали великимъ радѣніемъ, ушивали крѣпко, и конопати клали прежняго больше и тугуны клали чаще, чтобы въ тѣхъ судѣхъ съ исподи течи и сверху капѣли не было» По пріемѣ сбора воевода выдавалъ цѣловальникамъ отписи, съ которыми они должны были возвратиться въ городъ, откуда пріѣхали, и здѣсь предъявить ихъ воеводѣ Въ случаѣ, если оказывались недоимки, воевода доправлялъ ихъ съ «земскихъ присыльщиковъ», а если править было нечего, отдавалъ присыльщиковъ на поруки впредь до полной присылки недостающихъ запасовъ [3]).

Уже въ первой половинѣ XVII вѣка въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири мѣстныхъ средствъ было достаточно для удовлетворенія необходимыхъ потребностей служилаго класса, не прибѣгая къ обремененію тяглаго населенія поморскихъ городовъ новыми податями [4]). Правительство, однако, не уничтожало этого сбора,

---

[1]) А. И., т. III, № 117; т. IV, № 4. Доп. къ А. И., т. IV, № 77.

[2]) Доп. къ А. И., т. VII, № 16, V и X. *А. Спицынъ*, Ibid., стр. 15.

[3]) А. И., т. III, № 93; т. IV, № 4. Доп. къ А. И., т. VII, № 16, X. *А. Спицынъ*, Ibid., стр. 16. Въ исключительныхъ случаяхъ хлѣбъ закупался самимъ правительствомъ и отправлялся на наемныхъ подводахъ въ Верхотурье (А. И., т. III, №№ 197 и 219). Хлѣбные запасы принималъ иногда Верхотурскій таможенный голова съ цѣловальникомъ; онъ же выдавалъ отписи (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7147—7149 гг., № 34: Государевы грамоты и воеводскія отписки о сборѣ съ городовъ Устюжской четверти сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ).

[4]) Р. И. Б., т. VIII, № 11, XXVIII: Въ Тобольскѣ и всѣхъ пашенныхъ

но замѣняло его денежными платежами. Къ такому же мѣропріятію вызывали иногда неурожаи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; съ населенія въ такихъ случаяхъ по царскому указу и боярскому приговору, взамѣнъ хлѣба, взимались деньги, обыкновенно по 1 руб. за четь ржи, по 20 руб. за судно и по 1½ рубля за четь ржи, «что вмѣсто крупъ и толокна». Такъ напримѣръ, въ 1634—1635 гг. съ Устюжскаго посада и уѣзда взимались деньги за Сибирскіе хлѣбные запасы. Указами 1674, 1676, 1678 гг. сдѣланы были подобнаго же рода распоряженія относительно Устюжанъ, Усольцевъ и Еренчанъ [1]). Деньги за сибирскій хлѣбъ пересылались черезъ цѣловальниковъ къ Верхотурскому воеводѣ, который, вѣроятно, выдавалъ имъ отписи. Изъ Верхотурья деньги за государевою печатью посылались въ Тобольскъ посыльщиками «за ихъ счетомъ». По полученіи ихъ Тобольскій воевода присылалъ отписи на Верхотурье [2]). Иногда изъ Верхотурья деньги отправлялись и въ болѣе отдаленные города Сибири, какъ напримѣръ, Кузнецкъ, Красноярскъ. Верхотурскіе воеводы вели приходо-расходныя книги поступавшимъ и расходуемымъ на мѣстѣ или высылаемымъ въ Сибирь денежнымъ сборамъ. Они также присылали въ Москву и росписи слѣдуемыхъ съ поморскихъ городовъ недоимокъ [3]).

Натуральный сборъ сибирскаго хлѣба комбинировался иногда съ денежнымъ. Такъ напр., въ 1679 году велѣно было съ Кайгородка, Еренска и Вятки съ пригородами взимать деньги за хлѣбные запасы, а съ Перми великой, Чердыни, Солькамска, Выми и Сысольскихъ волостей продолжали взиматься хлѣбные запасы [4]).

Сибирскій хлѣбъ или деньги за этотъ хлѣбъ продолжали взиматься до послѣдней четверти XVII вѣка, частью въ виду случавшихся въ Сибири хлѣбныхъ недородовъ, напримѣръ, въ 1641 или 1678 годахъ [5]), частью въ виду тѣхъ выгодъ, какія эта по-

сибирскихъ городахъ по воеводской отпискѣ оставалось за расходомъ на 1628 годъ безъ малаго 60,993 четв. хлѣба. Ibid., № LXXVI: Въ Тюмени къ 1630 г. оставалось за расходомъ 26,892 четв. съ небольшимъ. Доп. къ А. И., т. VIII, № 25.

[1]) А. И., т. V, № 76. Доп. къ А. И., т. IV, № 77; т. VII, № 16, I, X и XII.

[2]) Доп. къ А. И., т. VII, № 16, I и X.

[3]) Доп. къ А. И., т. VII, № 16.

[4]) Доп. къ А. И., т. VII, № 16, XVI.

[5]) А. И., т. III, № 219. А. Э., т. IV, № 230. Доп. къ А. И., т. V, № 63; т. VI, № 32, I; т. VII, № 16, VI. Въ 1653 г. въ Якутскомъ уѣздѣ насчитывалось всего 30 крестьянъ и чувствовалась нужда въ хлѣбѣ (Доп. къ А. И., т. III, № 113). Въ 1679 г. въ Якутскѣ четь хлѣба стоила отъ 80 к. до 1 р. (Доп. къ А. И., т. VIII, № 53, II).

дать доставляла казнѣ. Лишь въ 1683—1684 г. по указу великихъ Государей сборъ сибирскаго хлѣба былъ отмѣненъ, такъ какъ, по словамъ указа, «нынѣ хлѣба въ Сибирскихъ городѣхъ пашутъ и хлѣбъ въ Сибири родится многой» [1]).

4. Ясакъ.

Съ покореніемъ Сибири территорія Московскаго государства значительно расширилась· въ ея предѣлы вошла страна, въ нѣдрахъ и на поверхности которой природа щедрою рукой разсыпала неисчерпаемыя богатства. Громадныя пространства сѣверной Азіи, прорѣзанныя небольшимъ количествомъ широкихъ рѣчныхъ путей, покрытыя непроходимыми лѣсами и снѣжными пустынями, лишь кое-гдѣ заселенныя нерѣдко враждебными полудикими, инородческими племенами, не испугали русскаго колониста. На родинѣ онъ уже привыкъ къ суровому климату, къ невеселой обстановкѣ и тяжелой жизни, которая становилась еще тяжелѣе подъ вліяніемъ длиннаго ряда обязанностей его къ государству; при такихъ условіяхъ онъ не терялъ охоты къ далекимъ передвиженіямъ и быстрымъ перемѣнамъ. Поэтому, какъ только открылся новый исходъ его колонизаторской дѣятельности, онъ повернулъ съ европейскаго сѣвера или юга, гдѣ съ каждымъ годомъ ему становилось тѣснѣе, на далекій азіатскій сѣверо-востокъ.

Московское правительство постаралось урегулировать эти переходы и съ прикрѣпленіемъ тяглыхъ классовъ превратило народную колонизацію въ правительственную. Главною причиной такой перемѣны, вѣроятно, послужило финансовое значеніе Сибири для государства,—значеніе, усиливавшееся съ покореніемъ каждой новой землицы, каждаго новаго племени [2]). Держать въ повиновеніи Сибирь и продолжать ея покореніе правительство считало весьма выгоднымъ въ финансовомъ отношеніи, ибо въ то время наибольшія выгоды для казны достигались, по его мнѣнію, не столько оживленными торговыми сношеніями, сколько простымъ покореніемъ страны и результатомъ послѣдняго—данью [3]). Поэтому

[1]) А. И., т. V, № 120.

[2]) *Ю. Крижаничъ*, Рус. Госуд., Раздѣлъ 1, О преторехъ съ иными народами, ст. 5.

[3]) Къ сожалѣнію нижеслѣдующія строки были уже отпечатаны, когда появился любопытный трудъ *П. Буцинскаго*: Заселеніе Сибири и быть первыхъ ея насельниковъ, Харьковъ, 1889 г. Авторъ пользовался рукописными данными. Впрочемъ, книги этой пока еще мы не могли достать ни въ Имп. Публ. библіотекѣ, ни въ важнѣйшихъ магазинахъ г. Петербурга.

правительственная дѣятельность въ Сибири и имѣла въ виду двѣ важнѣйшія задачи: первая состояла въ томъ, чтобы дать возможно болѣе крѣпкую военную организацію служилому классу, который разсѣянъ былъ по сибирскимъ городамъ и острожкамъ, держалъ въ повиновеніи покоренныя племена и приводилъ новыхъ ясачниковъ подъ государеву, царскую высокую руку; вторая сводилась къ раціональному устройству дворцоваго хозяйства и финансоваго управленія въ покоренныхъ странахъ. Обратимся къ болѣе точному ознакомленію съ послѣднимъ.

Финансовое управленіе въ Сибири сложилось, конечно, подъ вліяніемъ особенностей мѣстной жизни. Страна населена была частью русскимъ, пришлымъ, частью, туземнымъ инородческимъ населеніемъ. Значительная часть русскаго населенія состояла изъ служилыхъ людей, которые не только не платили никакихъ прямыхъ налоговъ, но требовали и большихъ расходовъ на выдачу имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья [1]). И то, и другое первоначально почти все привозилось изъ Европейской Россіи, затѣмъ частью пополнялось на мѣстѣ оброками и пошлинами съ торговъ и промысловъ всего русскаго населенія вообще, денежными доходами съ тяглецовъ и сборомъ выдѣльнаго хлѣба съ крестьянъ, сидѣвшихъ на государевой пашнѣ. Такимъ образомъ, доходы, получаемые съ мѣстнаго населенія обыкновенно расходовались на мѣстѣ и ихъ не ставало даже на удовлетвореніе обычныхъ потребностей управленія [2]). Иное значеніе имѣлъ ясакъ, взимаемый съ туземнаго, инородческаго населенія: онъ доставлялъ существенныя выгоды казнѣ царской.

Вогулы, Остяки, Самоѣды, Тунгузы, Татары, Якуты, Юкагиры и другіе Сибирскіе инородцы пребывали на той ступени общественнаго развитія, которая характеризуется родовымъ бытомъ. Они жили болѣе или менѣе могущественными родами, во главѣ которыхъ стоялъ родоначальникъ и его «родники»; роды иногда соединялись и въ болѣе сложныя группы. Сибирскіе инородцы были

---

[1]) Въ Томскѣ и городахъ Томскаго разряда въ 1634 году было израсходовано на жалованье служилымъ людямъ 11.442 р. 5 ал. 1½ д. Имп. Публ. Библ., Приходо-расходная книга г. Томска 1634 г., FII, № 89. Во всѣхъ Сибирскихъ городахъ въ 1698 году израсходовано на жалованье служилымъ людямъ—денегъ: 54.445 руб. 25 ал. 4 ден.; хлѣба: ржи и другаго хлѣба: 16.675¼ четв. овса 11.732½ четвертей. Р. И. Б., т. VIII, стб. 887—890.

[2]) *Тобольскъ*, *Иркутскъ*, Матер. для истор. гор. Р. И. Б., т. VIII, № 11, VII, XVIII, XXVIII, XXXIV, LX, LXVII и мн. др. *П. Буцинскій*, Ibid., стр. 79, 101, 159 и 170.

не столько «сидячими, пашенными», сколько «кочевными, скотными, оленными людьми»; они обыкновенно вели еще полукочевой образъ жизни, осѣдали на зимнее время, но съ появленіемъ болѣе теплыхъ дней отправлялись на охоту и рыбную ловлю. Лишь роды, ближайшіе къ городамъ или острогамъ, отличались, повидимому, болѣе осѣдлымъ образомъ жизни. Группы инородческихъ поселеній назывались или волостями, или зимовьями, т. е. зимними стоянками полукочевыхъ туземцевъ [1]). Родовой бытъ и полукочевое хозяйство затрудняли примѣненіе къ инородцамъ тѣхъ принциповъ обложенія, которые дѣйствовали въ Московскомъ государствѣ. Податною единицей не могъ служить участокъ обработанной пашни, ибо земледѣліемъ инородцы почти вовсе не занимались; подворная подать также удобно могла примѣняться лишь къ осѣдлому населенію; родъ не могъ служить единицей обложенія, такъ какъ былъ слишкомъ неопредѣленнымъ по размѣрамъ [2]). Оставалась, поэтому, одна поголовная подать; ею облагались всѣ инородцы мужескаго пола не ранѣе восемнадцатилѣтняго возраста, т. е. съ того времени, когда «лѣтнимъ промысломъ промышлять и великаго Государя ясакъ платить поспѣвали» и до 50 лѣтъ [3]). Смерть главы семьи не освобождала его наслѣдниковъ отъ уплаты ясака. Жена, дѣти, братья, племянники, унаслѣдовавшіе имущество покойнаго, должны были вмѣстѣ съ тѣмъ принимать на себя уплату прежняго ясака и даже отвѣчали за недоимки прежняго ясачника [4]). Но поголовная подать, которую,

---

[1]) Доп. къ А. И., т. III, № 12; т. VI, № 136, II. Родъ человѣкъ въ 100 и больше туземцы называли большимъ. Доп. къ А. И., т. III, № 26 Такую же полукочевую жизнь ведутъ и нѣкоторые изъ современныхъ намъ сибирскихъ инородцевъ. См. кн. *Н. Кострова*, Очерки юридическаго быта Якутовъ въ Зап. Имп. Рус. Геогр. Общ., отд. этногр., т. VIII, Спб. 1878 г., стр. 263. «Дючеры», напр., занимались хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ; Ачаны жили всѣ «рыбою». Доп. къ А. И., т. III, № 102.

[2]) Въ Якутскихъ зимовьяхъ, Якутскаго уѣзда, бывало отъ 8 до 488 человѣкъ. Среднимъ числомъ, на зимовье приходилось 181 человѣкъ. Доп. къ А. И., т. VI, № 136, II. У Тунгузовъ, жившихъ по берегамъ Амгуна рѣки было «въ роду человѣкъ по 50 и по 100». Ibid., т VIII, № 44, XX.

[3]) Доп. къ А. И., т. II, № 79; т. IV, № 138. Взималось по 5 соболей съ человѣка (А. Э., т. II, № 75; т. III, № 79, и А. И., т. II, № 76). Хотя этотъ окладъ и назывался «полнымъ ясакомъ» (Доп. къ А. И., т. III, № 15), но онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ повышался до 10 соболей. (Арх. Мин. Юстиціи, Столбцы денеж. стола Разряда, общей нум. № 9063, част. № 28: Доходы съ Омскаго уѣзда въ 129 году). Краткія свѣдѣнія о сборѣ ясака см. у *В. Кури*, О прям. нал. въ Юрид. Сбор. Д. Мейера, стр. 135—137.

[4]) А. И., т. V, № 119. Доп. къ А. И., т. VII, № 23, III и VI.

вѣроятно, выплачивалъ домовладыка за всѣхъ своихъ домочадцевъ, хотя и достигшихъ совершеннолѣтія, но остававшихся подъ его властью [1]), не всегда оставалась равномѣрною. Холостые и женатые ясачники облагались различно. Ясачники сами должны были объявлять о своей женитьбѣ въ приказной избѣ; въ противномъ случаѣ они розыскивались ясачными сборщиками и облагались «противъ женатыхъ» болѣе значительнымъ ясакомъ, чѣмъ холостые [2]). Такое же различіе соблюдалось и относительно богатыхъ и бѣдныхъ ясачниковъ. Первые платили «окладной», вторые «бобыльскій» ясакъ. Такъ было, по крайней мѣрѣ, въ Уфимскомъ уѣздѣ въ 1680-хъ годахъ [3]). Не смотря на эти отступленія, ясакъ все же можно назвать равномѣрною податью, которая взималась съ каждаго налогоспособнаго инородца мѣхами убитыхъ имъ звѣрей.

Кромѣ ясака, въ видѣ поголовной подати сбирались такъ-называемые государевы, воеводскіе и дьячьи поминки; размѣры ихъ, вѣроятно, опредѣлялись если не закономъ, то обычаемъ Хотя послѣдніе два вида ясака, судя по наименованію, должны были бы взиматься въ пользу воеводы и дьяка, но въ сущности и они, по видимому, стекались въ казну царскую. Воеводы должны были оцѣнить свою поминочную рухлядь «тою поминочною рухлядью, что къ нимъ ясачные и торговые и промышленные люди въ съѣзжую избу и на дворы въ поминкахъ принесутъ, не корыстоваться» и, можетъ быть, за извѣстное вознагражденіе, присылалъ ее къ великому Государю въ Москву. То же, вѣроятно, случалось съ дьячьими поминками Наконецъ, служилые люди, получавшіе поминки при приверстаніи новыхъ землицъ, также должны были отдавать ихъ въ казну, но по «прямой» мѣстной цѣнѣ, что выгодно было правительству; купивъ эту рухлядь по сибирской цѣнѣ и доставивъ ее въ Москву, оно продавало ее по московской, гораздо болѣе значительной [4])

Всѣ эти виды ясака взимались иногда не съ лица, а «съ лука»: но, въ сущности, эта единица обложенія не разнилась отъ вышеуказанной [5]).

---

[1]) Доп. къ А. И., т. III, № 98; т. VII, № 23, V.

[2]) Доп. къ А. И., т. VII, № 23, V.

[3]) Доп. къ А. И., т. IX, № 22.

[4]) А. И., т. III, №№ 87, 152; т. IV, № 209; т V, №№ 119 и 240. Воеводскія поминки иногда называются столовыми.

[5]) Доп. къ А. И., т. III, № 15; т. VIII, № 3, IX.

Ясакъ разлагался воеводой на налогоспособныхъ инородцевъ каждой волости или зимовья на основаніи переписи по правительственному окладу. Около 1626 года каждый ясачникъ сталъ облагаться равномѣрною денежною суммой, напримѣръ, въ рубль или 2—3 рубля, смотря по тому, былъ ли онъ худшимъ, среднимъ или лучшимъ. Эта сумма переводилась на мягкую рухлядь [1]). Разнообразные виды послѣдней могли сочетаться различно подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, но въ предѣлахъ этой суммы, причемъ общимъ ихъ знаменателемъ считался соболь [2]).

Замѣна соболя другими мѣхами, однако, не всегда охотно допускалась правительствомъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время. Съ ясачныхъ Якутовъ въ 1682 и 1685 годахъ взамѣнъ соболей дозволено было взимать другіе мѣха лишь въ случаѣ крайней бѣдности ясачниковъ, «у которыхъ скота нѣтъ» [3]).

Такъ какъ колебанія въ численности населенія постоянно мѣняли уровень платежныхъ силъ данной мѣстности, а переписи производились черезъ довольно значительные промежутки времени, то ясачникамъ приходилось платить ясакъ не только за себя, но и за умершихъ или выбывшихъ изъ числа плательщиковъ товарищей [4]). Въ Тарскомъ уѣздѣ, напримѣръ, ясачные люди въ 1630 году платили ясакъ «за себя и за старыхъ и за малыхъ и за мертвыхъ... противъ ясачныхъ книгъ сполна». Въ Якутскомъ уѣздѣ въ 1676 г. около 12, 6% ясачнаго населенія вымерло хотя за него все еще продолжали платить остальные ясачники [5]) Ясачники поэтому

[1]) Р. И. Б., т. VIII, № 11, XXII. Доп. къ А. И., т. VIII, № 3, VII.

[2]) Въ Омскѣ въ 1621 г. 1 соболь = 1/2 бобра, 1 кошлаку, 1/3 лисицы, «лиственишной цвѣтъ», 1/2 лисицы чернобурой, 5/7 красной лисицы, 1 куницѣ, 1/3 недолиси бурой, 7/40 лисицы красной, 1 лисицѣ обыкновенной (Арх. Мин. Юстиціи, Столбецъ денеж. стола Разряда, общ. № 9063, част. № 28: Доходы съ Омскаго уѣзда 129 года). Въ Якутскомъ уѣздѣ въ 1685 году 1 соболь приравнивался 1 лисицѣ черночеревой или сиводущатой, 2 лисицамъ краснымъ (А. И., т. V, № 119. Доп. къ А. И., т. VII, № 23, VI; т. VIII, № 3, X). Плохой соболь цѣнился въ 1652 г. не менѣе, какъ въ 1 р. 50 к. (Доп. къ А. И., т. III, № 106). *П. Буцинскій*, Ibid., стр. 313 и 317.

[3]) А. И., т. V, № 119. Доп. къ А. И., т. VII, № 23, VI.

[4]) Дозорныя и переписныя книги по городамъ Сибирскимъ частью изданы (*Иркутскъ*, Матеріалы для исторіи города XVII—XVIII ст., М., 1883 г. *Тобольскъ*, тоже, XVII — XVIII ст., М., 1885 г.), частью хранятся въ дѣлахъ Сибирскаго приказа въ Арх. Мин. Юстиціи. Въ 1666 и 1671 годахъ въ Тобольскѣ и Тобольскаго разряда городахъ и острогахъ велѣно было переписать по статьямъ всякихъ чиновъ людей служилыхъ и крестьянъ въ книги порознь. (А. И., т. IV, №№ 187 и 223).

[5]) Доп. къ А. И., т. VI, № 136, II. Р. И. Б., т. VIII, № 11, XXXVII и LXXX.

неохотно подчинялись равномѣрному окладу и жаловались на то, что ясакъ на нихъ клали тяжело, «со всѣхъ ровно, а не по вотчинамъ и не по промысламъ» [1]). Колебанія, происходившія въ численности ясачнаго населенія, иногда отмѣчались воеводами или особыми дозорщиками и сыщиками [2]), которые снимали ясакъ съ умершихъ инородцевъ, сыскивали бѣглыхъ и верстали въ ясакъ подросшихъ ясачниковъ [3]).

Особенности тѣхъ способовъ, какими взимался ясакъ въ Сибири, вызваны были съ одной стороны также мѣстными условіями: полудикое состояніе ясачныхъ племенъ и естественное отсутствіе у нихъ сознанія въ необходимости какихъ-либо обязанностей по отношенію къ государству требовали со стороны правительства большой мягкости и осторожности. Съ другой стороны, здѣсь, въ странѣ новой, гдѣ не существовало исторически сложившихся преградъ къ ихъ обнаруженію, ярче выступали характерныя черты Московскаго управленія вообще и устройства прямаго обложенія въ частности [4]).

Первое изъ вышеуказанныхъ обстоятельствъ и можно считать главною причиной той снисходительности, какую правительство всегда обнаруживало при взиманіи ясака. Вновь привлеченнымъ къ ясаку инородцамъ иногда посылалось государево жалованье, какъ-то: ножи, топоры, огнива, тарелки, котлы, сукна. При обложеніи вновь покоренныхъ племенъ ясакомъ, повелѣвалось «сперва ясакъ взять съ иноземцевъ небольшой, чтобы ихъ сперва ясакомъ не ожесточить и отъ царскіе высокіе руки не отгонить»... [5]), и приказано было воеводамъ взимать ясакъ лаской, а не жесточью и не правежемъ [6]). Сибирскій архіепископъ долженъ былъ принимать

---

[1]) Р. И. Б., т. VIII, № 11, XLI.

[2]) Р. И. Б., т. VIII, № 11, XLV.

[3]) А. И., т. III, № 170; т. IV, № 246; т. V, № 70. Доп. къ А. И., т. III № 106; т. VII, № 23, II; т. VIII, № 3, VI.

[4]) *A. de Tocqueville*, L'ancien regime et la révolution, P., 1856, p. 373 «C'est dans les colonies qu'on peut le mieux juger la physionomie du gouvernement de la métropole». Нѣмецкій орденъ былъ чистѣйшимъ продуктомъ рыцарской культурной эпохи. (*W. Nitzsch*, Geschichte des deutschen Volks, B. III, S. 250).

[5]) Чт. М. О. И. и Д. 1861 г., Кн. I, Смѣсь: Наказъ письмянному головѣ Василію Пояркову отъ воеводы Петра Петровича Головина о походѣ его на р. Шилку и Зію. 1643 г., стр. 5—6. Доп. къ А. И., т. XII, № 8.

[6]) А. И., т. IV, № 209. Сборн кн. Хилкова, № 68. Доп. къ А. И., т. IV, № 46; т. VII, № 23; т. VIII, № 44, XIV.

инородцевъ-челобитчиковъ и разговаривать съ ними тихо, съ умиленіемъ, а не говорить съ ними «жесточью» [1]). Племена, которыя согласились платить ясакъ, правительство принимало подъ свое непосредственное покровительство. «А которые иноземцы—читаемъ мы въ наказахъ—учинятся подъ государевою царскою высокою рукою и ясакъ съ себя Государю дадутъ, и тѣхъ иноземцевъ беречь, тѣсноты имъ и обиды никакой не дѣлати и наспльствомъ ничего не имати и отъ странныхъ оберегати» [2]) Прекрасно понимая то впечатлѣніе, какое на первобытнаго человѣка оказываетъ внѣшній блескъ и пышность, правительство пользовалось имъ для своихъ цѣлей. Воевода, по пріѣздѣ въ городъ или въ острогъ, долженъ былъ сказать инородцамъ государево милостивое жалованное слово «урядяся въ цвѣтномъ платьѣ», окруженный служилыми людьми, которые также должны были быть въ пышной одеждѣ съ оружіемъ [3]). Исправныхъ ясачниковъ, приносившихъ ясакъ въ городъ или острогъ, правительство поощряло тѣмъ, что кормило ихъ и поило виномъ, которое конфисковывалось у торговыхъ людей, если не означено было въ ихъ проѣзжихъ грамотахъ; а иногда награждало оловомъ, мѣдью и «одекуемъ» непомногу [4]). Хотя ясакъ и не былъ пропорціональною податью, но при обложеніи новиковъ воеводы должны были взимать его, «какъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу и по людемъ и по промысломъ, чтобы передъ прежними годами въ государевѣ ясакѣ и въ поминкахъ учинити прибыль, а въ томъ ясачномъ сборѣ ясачнымъ людямъ тягости не учинити и большаго оскорбленія имъ не навесть», «сколько будетъ мочно», а пострадавшимъ отъ холода, голода, неудачной охоты или болѣзни давать въ уплатѣ ясака «сроки» (отсрочки), сколько доведется, смотря по людямъ [5]). Наконецъ, и при сборѣ недоимокъ ясачнымъ людямъ дѣлались иногда послабленія. Воеводы должны были сбирать недоимки, «на комъ мочно взяти, чтобы тѣмъ ясачныхъ людей не ожесточить и не отогнать» [6]).

[1]) *П. Ивановъ*, Описаніе архива старыхъ дѣлъ. М., 1850 г., стр. 263—266.

[2]) А. Э., т. III, № 82. Чт. М. О. И. и Д. 1861 г., кн. I, стр. 9.

[3]) Временникъ М. О. И. и Д., т. XVII, Смѣсь, стр. 4. Доп. къ А. И. т. III, № 83.

[4]) А. И., т. IV, №№ 209 и 246. Р. И. Б., т. II, № 188, III. Доп. къ А. И., т. IV, №№ 30, 46, 81, Олово и одекуй воеводы иногда брали съ промышленныхъ людей. Доп. къ А. И., т. VII, № 23; т. VIII, № 112.

[5]) Доп. къ А. И., т. IV, №№ 46 и 138.

[6]) Временникъ М. О. И. и Д., т. XVII, Смѣсь, стр. 4. Р. И. Б. т. VIII, № 11, LXXX.

Такая политика имѣла успѣхъ. Нѣкоторыя племена сами обращались съ челобитными къ Государю, чтобы онъ принялъ ихъ подъ свою высокую царскую руку [1]), другихъ, уже покоренныхъ удерживали въ повиновеніи подарки, особенно олово и одекуй, ибо не ставало олова и одекуя и иноземцы отъ зимовьевъ отходили прочь [2]). Даже прежнихъ измѣнниковъ удавалось иногда вновь обратить въ подданство «ласкою и добротою» [3]). Нерѣдко, однако, непослушаніе или возстанія ясачниковъ показывали, что одной мягкости было недостаточно, и по необходимости заставляли прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ. Сохранились извѣстія о возстаніи Вогуличей въ 1612—1613 годахъ, объ отложеніи волостей въ Тобольскомъ и Кузнецкомъ уѣздахъ, объ измѣнѣ Самоѣдовъ, Барабинскихъ и Тарскихъ Татаръ, о неоднократныхъ возстаніяхъ Киргизъ, Калмыковъ и Тунгузовъ [4]).

Но и въ такихъ случаяхъ правительство возможно долѣе оставалось при основной своей точкѣ зрѣнія. Для того, чтобы держать ясачниковъ въ повиновеніи изъ волости или зимовья брались иногда одинъ или два заложника, аманата, «по перемѣнамъ или по полугоду, или помѣсячно, или какъ пригоже, смотря по тамошнему дѣлу». Аманаты держались на особомъ дворѣ, «гдѣ пригоже, за сторожи, чтобъ они изъ острогу никуды не ушли и дурна какого надъ государевыми людьми и надъ собою не учинили». Но жестокое обращеніе съ аманатами запрещалось воеводамъ. Аманаты получали поденный кормъ изъ государевыхъ запасовъ, и показывались своимъ соплеменникамъ, приходящимъ въ городъ съ ясакомъ, «чтобы ясачнымъ людемъ въ томъ сумнѣнья никакого не было» [5]). Мѣры эти далеко не всегда предотвращали неповиновеніе ясачныхъ людей. При усмиреніи ихъ, однако, правительство продолжало держаться гуманной и осторожной политики. Если ясачники обнаруживали непослушаніе, ясачный сборщикъ долженъ былъ говорить имъ, чтобы они великому Государю были

---

[1]) С. Г. Г. и Д., т. III, № 53.

[2]) Р. И. Б., т. II, № 188, III.

[3]) А. И., т. IV, № 219.

[4]) А. И., т. III, № 1. А. Э., т. III, № 326. Р. И. Б., т. VIII, № 11, LI, LIX, LXV, LXXI, LXXXI. Доп. къ А. И., т. III, №№ 4 и 61; т. VI, №№ 15, 122; т. VII, №№ 3, 24, 61, 72, 73; т. VIII, №№ 15, 44, V, IX, X, XXIII, XXV; т. X, № 78, VII, VIII, IX и X. Ср. *И. Бущинскій*, Ibid., стр. 297—304.

[5]) А. И, т. III, № 299; т. IV, № 209. Доп. къ А. И., т. IV, № 46; т. VI, № 136, II.

послушны и великому Государю ясакъ и поминки платили по прежнему. Если князцы и лучшіе улусные люди продолжали чинить непослушаніе и безчестіе ясачному сборщику и служилымъ людямъ, онъ долженъ былъ приказать князцамъ и лучшимъ людямъ сыскивать непослушныхъ; если и это не удавалось, и князцы съ лучшими людьми не исполняли приказаній сборщика, онъ извѣщалъ воеводу, который принималъ болѣе энергичныя мѣры. Воевода посылалъ къ непослушнымъ служилыхъ людей, «сколько человѣкъ пригоже»; эти люди еще разъ должны были уговаривать отложившихся ясачниковъ «ласкою и привѣтомъ и къ шерти привесть». «А будетъ—продолжаютъ наказы—никоторыми мѣрами тѣхъ непослушниковъ уговорить будетъ не мочно, а впредъ отъ нихъ чаять будетъ какого дурна; и тѣхъ непослушныхъ людей велѣть (воеводѣ) смирять войною, небольшимъ разореніемъ, для переду (sic) Государева ясаку, чтобы ихъ смирить слегка и привесть и ясакъ съ нихъ впредъ имать» [1]). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда непокорные ясачники «шатость чинили», несомнѣнно заслуживали строгаго наказанія, правительство иногда дѣлало послабленія; такъ напр., ясачникъ Якутъ, убившій посыльнаго казака и еще четырехъ человѣкъ, приговоренъ былъ не къ смертной казни, а къ нещадному наказанію кнутомъ на козлѣ; другому такому же преступнику обѣщано было «отдать вину», если онъ возвратится въ подданство [2]). Правда, что въ другомъ подобномъ же случаѣ преступникъ приговоренъ былъ къ повѣшенію, а служилымъ людямъ, посланнымъ къ непокорнымъ, иногда предписывалось чинить имъ жестокое наказаніе [3]).

Итакъ, въ отношеніяхъ своихъ къ инородческимъ племенамъ Сибири Московское правительство обнаруживало глубокій политическій смыслъ. Оно понимало, что, при незначительномъ количе-

---

[1]) А. И., т. III, № 83; т. V, №№ 119, 240; т. IV, № 209. Въ наказѣ 1682 года (Доп. къ А. И., т. VII, № 23, VI) князцамъ и лучшимъ людямъ, укрывающимъ непослушныхъ ясачниковъ, грозитъ жестокое наказаніе и казнь. Доп. къ А. И., т. X, № 44.

[2]) Доп. къ А. И., т. III, №№ 4, V и 92; т. VII, № 3, I и VIII. Весьма замѣчателенъ въ этомъ отношеніи поступокъ Ерофея Хабарова и бывшихъ съ нимъ служилыхъ людей. Взятый ими съ Даурскихъ людей ясырь при ихъ покореніи (въ 1652 г.) они возвратили этимъ людямъ даромъ, хотя Даурцы сулили за выкупъ ясыря рублей по 40, 60 и даже по 100. Сдѣлали они это, «посовѣтовавъ между собою и Государю радѣючи, а своихъ зипуновъ не порадѣвъ, *для постоянья и утвержденья земли*»... Доп. къ А. И., т. III, № 102.

[3]) Р. И. Б., т. II, № 188, III; т. VIII, № 11, LI.

ствѣ военныхъ силъ, имѣвшихся въ его распоряженіи [1]), нечего было и думать о насильственномъ покореніи Сибири, о завоеваніи новыхъ землицъ. Оно разумно отстраняло обманчивые призраки военной славы и стремилось лаской, а не жесточью пріучить инородческія племена къ повиновенію; оно старалось прельстить ихъ сперва внѣшнимъ блескомъ, а затѣмъ и внутреннимъ содержаніемъ европейской цивилизаціи, но взамѣнъ этого требовало отъ нихъ выполненія извѣстныхъ податныхъ обязанностей, которыя приносили существенныя выгоды казнѣ царской.

Эти выгоды достигались лучше всего въ томъ случаѣ, когда ясакъ взимался въ видѣ натуральнаго сбора. Въ самомъ дѣлѣ, принимая соболи и другія шкуры въ Сибири по сибирской цѣнѣ, правительство въ Москвѣ цѣнило тѣ же шкуры по московской, которая иногда превышала сибирскую въ два раза [2]). Поэтому правительство не только не благопріятствовало, но прямо запрещало замѣну ясака денежными взносами, по той причинѣ, «что тотъ ясакъ на Москвѣ по Московской цѣнѣ, а передъ Сибирскою цѣною по Московской цѣнѣ живетъ прибыль». За неимѣніемъ мѣховъ, воеводы должны были заставлять ясачныхъ людей покупать ихъ на свои деньги и вносить въ видѣ ясака или взимать вмѣсто нихъ лосиныя кожи, волины и оленины. Лишь въ случаѣ невозможности исполнить эту мѣру, воеводамъ дозволено было принимать деньги взамѣнъ ясака [3]).

Пока звѣря водилось много, не было нужды въ мѣрахъ, которыя ограничивали бы его истребленіе. Но этотъ недостатокъ сталъ чувствоваться уже въ первой половинѣ XVII вѣка. Въ 1627 году промышленные мангазейскіе люди говорили, что «вверхъ

---

[1]) Въ Якутскѣ въ 1653 г. было 450 служилыхъ людей. Между тѣмъ, судя по отпискѣ Якутскаго воеводы, нужно было еще 586 человѣкъ для ясачнаго сбора и охраны. (Доп. къ А. И., т. III, № 113). «Въ Якуцкомъ, Государь, (пишетъ другой воевода) служилыхъ людей малолюдство великое» (ibid., т. X, № 78, I). «А въ Нерчинскомъ, Государь, и въ Теленбинскомъ и въ Ирьенскомъ и въ Еравинскомъ и въ Итанцовскомъ острогахъ служилыхъ людей мало, всего 200 человѣкъ». (ibid., т. IX, № 100). Въ Енисейскѣ въ 1685 году было «конешное малолюдство» (Доп. къ А. И., т. XII, № 16).

[2]) А. И., т. III, № 152. Въ 1628 г. пара соболей по сибирской цѣнѣ стоила 10 алтынъ, по московской 21 алт. Доп. къ А. И., т. VIII, № 3, VII; въ 1680 году на Верхотурьѣ принято мягкой рухляди по пріимочной цѣнѣ на 30 р. 29 алт. 3½ ден., что по разборной цѣнѣ составило 73 р. 18 алт. 4 ден. *П. Бушинскій.* Ibid., стр. 316—317.

[3]) Доп. къ А. И., т. IV, № 138; т. VII, № 23, V.

по Енисею рѣки и снизу Тунгузки рѣки соболи и бобры опромышлялись» и что, «въ коихъ де мѣстѣхъ напередъ сего хаживали они для соболинаго промыслу, стало звѣря мало». Въ 1649 году въ Якутскомъ уѣздѣ «на ближнихъ рѣкахъ», по словамъ туземцевъ, русскіе промышленные люди соболь «опромышляли»; въ 1677 г. Тунгузы при Баргузинскомъ острогѣ сказывали ясачному сборщику, что «соболя отнюдь нѣтъ» и у нихъ «безпромыслица великая». Въ 1682 году Якутскій воевода писалъ, что по берегамъ Индигирки, Алазейки и Ковыли «соболиные промыслы стали худы и соболи выпромышлялись» [1]) Такъ какъ при этомъ русскіе промышленные люди, конечно, имѣли болѣе усовершенствованныя орудія ловли, чѣмъ туземцы, истребляли лучшихъ звѣрей, вступали во враждебныя столкновенія съ туземцами и дѣлали иногда исправную уплату ясака для инородца крайне затруднительною или даже невозможною, то правительство, въ виду собственныхъ интересовъ, старалось налагать нѣкоторыя стѣсненія на ихъ дѣятельность [2]). «А до Государева ясаку,—читаемъ мы въ воеводскихъ наказахъ—покамѣстъ ясачные люди ясаку не заплатятъ сполна, отнюдь въ той волости торговать не велѣть и того имъ (воеводамъ) въ ясачной волости сыскивать накрѣпко, чтобъ однолично торговые и пріѣзжіе всякіе люди съ русскими товары, покамѣстъ ясачные люди Государевъ ясакъ заплатятъ сполна, къ ясачнымъ людямъ не пріѣзжали». У торговыхъ людей, нарушавшихъ это правило, купленные ими мѣха отбирались въ казну безденежно. Ясачные сборщики, судя по позднѣйшимъ наказамъ, должны были при сборѣ ясака распрашивать ясачниковъ, пріѣзжали ли къ нимъ торговые люди, и брали у нихъ роспись пріѣзжавшимъ, а затѣмъ подавали ее въ

---

[1]) Р. И. Б., т. II, № 188, III. Доп. къ А. И., т. VII, № 32. Тоже оскудѣніе замѣчается на Вишерѣ и Печорѣ 1680—1681 г. (Доп. къ А. И., т. III, № 57; т. VIII, № 3, IX); въ Якутскомъ уѣздѣ (Ibid., т. VIII, №№ 3, X и 44, XXV). *Г. Котошихинъ*, Ibid., Гл. VII, ст. 7. *П. Бушинскій*, Ibid., стр. 37.

[2]) Обычное орудіе туземцевъ—лукъ (А. Э., т. IV, № 298 и мн. др.); но «иныхъ промысловъ, какъ промышляютъ русскіе люди съ обметы и съ кулемникомъ», инородцы не знали (Доп. къ А. И. т. III, № 12, II). Впрочемъ, русскіе промышленники въ 1649 г., по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, «покинули промышлять соболиный промыселъ обметами и собачьимъ промысломъ», а ловили соболь кулемниками (Доп. къ А. И., т. III, № 57) Продавать туземцамъ огнестрѣльное и вообще всякое оружіе было запрещено. Башкирцы выучились употребленію огнестрѣльнаго оружія лишь въ 1670-хъ годахъ. (Доп. къ А. И., т. VII, №№ 71 и 74, V; т. VIII, № 71, II и III).

съѣзжей избѣ воеводѣ. Въ концѣ XVII вѣка русскимъ промышленнымъ людямъ уже запрещалось промышлять тамъ, гдѣ промышляли инородцы. Кромѣ торговли въ отдаленныхъ зимовьяхъ, русскіе люди торговали съ ясачниками и въ то время, когда послѣдніе для внесенія ясака приходили въ городъ. Для предотвращенія этого злоупотребленія воевода ставилъ на посадѣ служилыхъ людей, караульщиковъ; они должны были надзирать за тѣмъ, чтобы ясачные люди съ ясакомъ отправлялись прямо въ съѣзжую избу [1]).

По возможности предотвращая вліяніе неблагопріятныхъ условій на инородческое хозяйство, правительство стремилось и самого туземца вызвать къ большей предусмотрительности. Безпечный Тунгузъ или Якутъ нерѣдко начиналъ думать о ясакѣ лишь тогда, когда ясачный сборщикъ требовалъ отъ него его уплаты Поэтому воеводѣ вмѣнялось между прочимъ въ обязанность приходящимъ къ нему съ ясакомъ инородцамъ говорить, чтобы они «великаго Государя ясакомъ промышляли бъ не испоздавъ времени, съ осени рано, чтобъ у нихъ по вся годы великаго Государя ясакъ въ промыслу былъ готовъ весь сполна, безъ недобору», а ясачные сборщики сами заранѣе высылали ясачныхъ Тунгузовъ на соболиные промыслы [2]).

Взиманіе ясака производилось или самими ясачниками, которые сами же приносили ясакъ въ съѣзжую избу къ воеводѣ, или мѣстною администраціей. Первый способъ употреблялся въ ближайшихъ къ городу волостяхъ, второй—въ болѣе отдаленныхъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ принимались отъ ясачника лишь соболи добрые съ пупками, лапами и хвостами; худые, прѣлые, вешные, драные, битые, «подчерневанные» и недособоли отдавались назадъ инородцамъ распоротыми и замѣнялись добрыми [3]). При исправномъ взносѣ самими ясачниками требуемаго съ нихъ ясака въ съѣзжую избу, воевода ограничивался провѣркой принесеннаго ясака, его коли-

[1]) А. И., т. IV, №№ 143, 246; т. V, №№ 119, 240. Доп. къ А. И., т. II, № 73; т. VII, № 23, II и VI. Въ Верхотурскомъ уѣздѣ запрещено было торговымъ людямъ заниматься торговлей, даже послѣ уплаты ясака, подъ страхомъ жестокаго наказанія безъ пощады. Торговля съ инородцами дозволена была лишь на Верхотурьѣ въ гостинномъ дворѣ. Доп. къ А. И., т. VII №№ 23, V и 62. Ясачные люди иногда били челомъ, чтобы не пускать къ нимъ на промыселъ промышленныхъ людей. (Ibid.) т. VII, № 3, VIII; т. VIII, № 3, II. А. Э., т. IV, № 194).

[2]) А. И., т. IV, № 246. Доп. къ А. И., т. VIII, № 3, I—III.

[3]) А. И., т. IV, № 246. А. Э., т. III, № 292. Р. И. Б., т. II, № 183. Доп. къ А. И., т. VII, № 23.

чества и качества, а затѣмъ выдавалъ платежныя отписи за дьячьею приписью и записывалъ сборъ въ ясачныя, окладныя книги. Въ другихъ случаяхъ воевода посылалъ выборныхъ ясачныхъ цѣловальниковъ для сбора. Предоставляя ясачнымъ волостямъ взиманіе и доставку податей въ городъ, правительство имѣло въ виду главнымъ образомъ собственные финансовые интересы, ибо такою мѣрой устраняло необходимость прибѣгать къ ясачнымъ сборщикамъ, которые своими злоупотребленіями вызывали безпорядки въ финансовомъ управленіи. Такая точка зрѣнія правительства иногда доходила до крайности На Верхотурьѣ, напр., въ 1680 году велѣно было, чтобы «къ платежу великаго Государя, ясака и поминокъ, ясачные люди съ ясаками шли на Верхотурье всякъ самъ за себя, а съ своею братьею съ ясачными людьми ясаковъ своихъ и съ ясачникомъ (sic) не посылать, а великаго Государя ясакъ и поминки приносили и платили въ государеву казну всякъ за себя... потому, что у нихъ великаго Государя въ ясакъ и въ поминкахъ чинитца недоборъ большой, а съ кѣмъ они тѣ ясаки посылаютъ и тѣ люди того ясаку не доносятъ и сами корыстуютца» [1]).

Въ большинствѣ случаевъ, однако, воевода долженъ былъ посылать въ зимовья особыхъ ясачныхъ сборщиковъ изъ низшихъ разрядовъ служилыхъ людей (особенно дѣтей боярскихъ и стрѣльцовъ), которые по воеводскому наказу и на основаніи выписей изъ ясачныхъ книгъ сбирали ясакъ Сборщикъ назначался изъ людей добрыхъ, грамотныхъ и предварительно приводился къ «Христовой евангельской заповѣди» [2]). Вмѣстѣ съ сборщикомъ посылались служилые люди, человѣкъ 10, для обереганія собраннаго ясака и для разъѣздовъ; кромѣ того, иногда его сопровождалъ и цѣловальникъ для оцѣнки мѣховъ [3]). Для проѣзда сборщика на мѣсто назначенія мѣстное туземное населеніе обязано было, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее

---

[1]) Доп. къ А. И., т. III, № 83; т. IV, №№ 46, 81; т. VII, № 23, V; т. VIII, № 3, IX.

[2]) А. И., т. V, № 175. Доп. къ А. И., т. IV, № 46; т. X, № 78, VI.

[3]) Доп. къ А. И., т. VI, № 136, II; т. IV, №№ 46, 59 82; т. III, № 106. Изъ Якутска въ 7153—160 годахъ послано было для ясачнаго сбора: на Ковыму 27 человѣкъ, на Индигирку 21 чел., на Алазейку 7, на Оленекъ—15, на Яну—15, на новую Охоту рѣку—53 чел.; да въ новыя мѣста въ Погичю рѣку—10 чел., за Шиверы—10, на Хромую—1 человѣкъ съ охочими людьми и т. д. Въ Даурскую землю Е. Хабаровъ пошелъ съ 294 служилыми людьми. Доп. къ А. И., т. III, № 113.

время, поставлять подводы. Но на такихъ подводахъ сборщики должны были «ѣздить смирно, какъ ѣздитца, а не скакать и въ подводы лошадей добрыхъ не имать, а подъ казну великаго Государя имать лошади или быки, каковы дадутъ, на томъ и ѣхать; при этомъ иногда дѣлались ограниченія: подводная повинность налагалась исключительно на неисправныхъ ясачниковъ, не уплатившихъ ясака сполна [1]). Сборщикъ посылался не только въ зимовья, но иногда и въ ясачныя волости, если ясачники сами не приносили ясака въ городъ или острогъ. Явившись въ волость, онъ объявлялъ князцамъ и улусным людямъ, чтобы они отправлялись съ ясакомъ въ городъ или острогъ, а въ противномъ случаѣ самъ приступалъ ко взиманію [2]) Въ болѣе отдаленныхъ зимовьяхъ ясачники, конечно, не могли приносить ясака въ уѣздный центръ, въ городъ или острогъ, а передавали его ясачному сборщику и въ ясачные острожки, построенные въ зимовьяхъ [3]). Въ томъ и другомъ случаѣ взиманіе ясака производилось одинаково. Пріѣхавъ на мѣсто назначенія, ясачный сборщикъ принималъ аманатовъ, служилыхъ людей и ясачныя книги прежняго сборщика, съ нимъ росписывался и отсылалъ его къ воеводѣ съ казной и книгами; затѣмъ новый сборщикъ «говорилъ» князцамъ и лучшимъ уѣзднымъ людямъ, чтобы они «отпускали съ нимъ и съ служилыми людьми для ясачнаго сбору и береженья и послушанья ясачниковъ, сколько человѣкъ пригоже, поочередно», и приказывалъ тѣмъ ясачникамъ «съ собою и съ служилыми людьми у ясачнаго сбору быти вмѣстѣ, чтобы ясачному сбору, недобору и самому сборщику и служилымъ людямъ отъ ясачныхъ людей, также ясачнымъ людямъ отъ служилыхъ людей налогъ и обидъ не было, и лишнево бъ съ нихъ иноземцевъ не сбирали и не перемѣняли» [4]). Ясачникамъ, внесшимъ ясакъ, сборщикъ выдавалъ за своею рукой и печатью платежныя отписи, писанныя подьячимъ, которому запрещено было брать, что-либо съ ясачныхъ людей за письмо [5]).

При взиманіи сборщикъ не только принималъ ясакъ за текущій годъ, но доправлялъ недоимки, соблюдая при этомъ, по возможности, тѣ гуманныя правила, которыхъ держалось правительство въ подобныхъ случаяхъ относительно инородцевъ. Неисправные

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VII, № 23, III и VI. А. И., т. V, № 119.
[2]) Доп. къ А. И., т. VII, № 23, III.
[3]) Доп. къ А. И., т. VII, №№ 23, 57; т. VIII, № 3, IV.
[4]) А. И., т. V, №№ 70, 119. Доп. къ А. И., т. III, № 98.
[5]) А. И., т. IV, № 246. Доп. къ А. И., т. VII, № 23, (passim) и мн. др.

плательщики оставлялись въ волостяхъ, если могли представить по себѣ поручителей, но въ противномъ случаѣ высылались сборщикомъ къ воеводѣ [1]). Кромѣ недоимокъ за прошлые годы, сборщикъ принималъ отъ ясачныхъ людей соболи и лисицы, которые «бывали сверхъ ясаку въ промыслѣхъ», и зачитывалъ ихъ въ ясачный платежъ на «предбудущіе годы» или покупалъ ихъ на казенныя деньги [2])

Ясачный сборъ записывался сборщикомъ въ ясачныя книги. Черновыя ихъ оставались у него, но бѣлыя книги съ означеніемъ сборовъ «складомъ, а не числами», безъ «скребенія, приписокъ и приправокъ», вмѣстѣ съ наличными росписями «соболямъ, сорокамъ и розницѣ и всякому звѣрю сверхъ ясачныхъ книгъ и сумамъ, съ кѣмъ имяны та великаго Государя соболиная казна послана будетъ, для подлинные справки за своего и за ихъ (т. е служилыхъ людей, посланныхъ сборщикомъ для сбора) руками подъ отпискою» сборщикъ долженъ былъ присылать къ воеводѣ при соболиной казнѣ, съ этою казной посланные сборщикомъ служилые люди и должны были явиться въ съѣзжей избѣ вмѣстѣ съ вышесказанными документами. Иногда, впрочемъ, мягкую рухлядь брали съ собою попутные промышленные и торговые люди съ провожатыми или самъ сборщикъ; окончивъ сборъ, онъ привозилъ съ собою ясакъ и передавалъ его воеводѣ [3])

Если при взиманіи податей вблизи отъ центра государства, чуть ли не на глазахъ самого Государя, возможны были злоупотребленія, то нечего удивляться тѣмъ размѣрамъ, какихъ они достигали въ отдаленныхъ углахъ Сибири. Здѣсь они представлялись въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, срослись на столько съ финансовымъ управленіемъ, что составляли какъ бы неотъемлемую его часть, хотя и вызывали энергическое противодѣйстіе со стороны центральнаго правительства.

Ясачные сборщики при взиманіи ясака нерѣдко болѣе заботились о собственныхъ, частныхъ, промышленныхъ и торговыхъ выгодахъ, чѣмъ о государственныхъ интересахъ; отправляясь въ далекія зимовья, они пользовались иногда случаемъ для того, чтобы заняться звѣринымъ промысломъ и набрать себѣ мягкой рухляди. Эта рухлядь оставалась за ними, если не годилась въ казну госу-

---

[1]) А. И., т. V, № 119. Доп. къ А. И., т. VII, № 23, III, V и VI.

[2]) А. И., т. V, № 119. Доп. къ А. И., т. VII, № 23.

[3]) А. И., т. IV, № 246. Доп. къ А. И., т. IV, № 30; т. VII, № 23, II и VI.

дареву; въ противномъ случаѣ ясачный сборщикъ обязанъ былъ продавать ее въ казну по прямой, мѣстной цѣнѣ [1]). Гораздо строже относилось правительство къ торговымъ сношеніямъ ясачныхъ сборщиковъ съ туземнымъ населеніемъ. Покупка мягкой рухляди до ясачнаго сбора имъ строго воспрещалась, а купленная, не смотря на запрещеніе, отнималась безденежно въ пользу казны [2]). Такой же конфискаціи подвергалась мягкая рухлядь, полученная ясачнымъ сборщикомъ при промѣнѣ на нее разныхъ товаровъ, въ особенности табаку и вина. Въ послѣднемъ случаѣ ему даже грозило, кромѣ конфискаціи, нещадное наказаніе кнутомъ или батогами [3]). Строгость этихъ мѣръ объясняется тѣмъ, что торговлей до сбора сборщики пользовались для того, чтобы выбрать у ясачниковъ лучшую рухлядь, вымѣнить ее на предлагаемые ими товары; послѣ такого рода сдѣлокъ на уплату ясака у туземцевъ оставалась худшая рухлядь. Понижая ясачный сборъ въ качественномъ и, вѣроятно, нерѣдко въ количественномъ отношеніи, сборщики иногда уменьшали и количество будущихъ налогоспособныхъ ясачниковъ покупкой ребятъ, дѣвокъ, бабъ, это также запрещалось съ угрозой, что такимъ людемъ государевъ указъ будетъ [4]).

Бывали случаи, въ которыхъ обнаруживалась и небрежность ясачныхъ сборщиковъ. Не даромъ правительство настаивало на томъ, чтобы они были людьми грамотными. Вѣроятно, между ними попадались люди, не умѣвшіе держать пера въ рукахъ. Какъ бы то ни было, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ сборщики не выдавали ясачникамъ отписей въ полученіи ясака и этимъ самымъ подвергали ихъ опасности платить вторично, особенно при осложненіи текущихъ платежей недоимками за прошлые и зачетами на «предбудущіе» годы [5]).

Помимо небрежнаго отношенія къ дѣлу, ясачные сборщики нерѣдко прямо прибѣгали къ злоупотребленіямъ. Они посулы брали великіе и кормы правили и всякое насильство чинили [6]). Въ новыхъ землицахъ, налогоспособность которыхъ не была еще опредѣлена, ясачные сборщики доставляли въ казну царскую не весь взятый ими ясакъ, въ другихъ—перемѣняли лучшую мягкую рухлядь, на-

[1]) А. И., т. IV, № 246.
[2]) А. И., т. V, № 240. Доп. къ А. И., т. II, № 83; т. IV, №№ 30, 46.
[3]) А. И., т. IV, № 209. Доп. къ А. И., т. IV, № 138.
[4]) А. И., т. V, № 119.
[5]) Р. И., Б., т. VIII, № 11, LXXX.
[6]) А. И., т. III, №№ 113, 125, 178; т. V, № 240.

значенную для ясака, на худшую, имъ самимъ принадлежавшую [1]). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сборщики дѣйствовали еще откровеннѣе. Они «ясакъ сбирали не противъ ясачныхъ книгъ; на которыхъ (ясачныхъ людехъ) довелось взять по окладу соболей по 30 и по 20 и по 15 и по 10 и по 5 и они ясачные сборщики имали съ нихъ только соболей по 5 и по 4 и по 3 и по 2 и по соболю, а на иныхъ за соболя въ полы по лисицѣ красной, а отъ достальнаго ясаку отъ понаровки имали у тѣхъ ясачныхъ людей (въ текстѣ Якутовъ) соболями и лисицами и быками и коровами и кобылами и лошадьми, а въ доѣздныхъ памятяхъ тѣхъ (ясачныхъ людей)... очищали, что будто тѣ... (ясачные люди) скудны и бѣдны и скота и никакихъ животовъ у нихъ нѣтъ... а на которыхъ... (ясачныхъ людяхъ) довелось было взять великаго Государя ясаку на (предстоящій) годъ по соболю и по два и по лисицѣ и по двѣ, и они ясачные сборщики съ тѣхъ... (ясачныхъ людей) великаго Государя ясаку не имали, а отъ той ясачной понаровки имали съ нихъ посулы жъ, а въ доѣздныхъ памятяхъ такихъ (ясачныхъ людей) очищали, что будто тѣхъ... (ясачныхъ людей) не сыскали». Не смотря на это, сборщики выдавали ясачнымъ людямъ отписи въ полученныхъ ими краденыхъ соболяхъ [2]). Набравши разной мягкой рухляди незаконнымъ путемъ, ясачный сборщикъ не могъ, конечно, вмѣстѣ съ нею явиться къ воеводѣ, опасался даже привозить ее въ уѣздный городъ. Поэтому онъ «металъ» ее на дорогѣ, оставлялъ на время у ясачныхъ людей. Воеводы старались предупредить эти злоупотребленія тѣмъ, что приказывали ясачнымъ людямъ приносить такую рухлядь въ съѣзжую избу, гдѣ они брали ее безденежно, и посылали на встрѣчу ясачнымъ сборщикамъ служилыхъ людей, стрѣльцовъ, казаковъ, цѣловальниковъ, съ приказаніемъ переписать у встрѣчаемыхъ ими ясачныхъ сборщиковъ собранную ими мягкую рухлядь. Составленныя такимъ образомъ росписи служилые люди должны были запечатать и привезти тотчасъ въ съѣзжую избу, грозя посланнымъ нещаднымъ и жестокимъ

[1]) Р. И. Б., т. II, № 188, 3. А. И., т. V, №№ 119, 240. Мѣстное русское населеніе также прибѣгало къ такому же злоупотребленію: Подьячіе и иныхъ чиновъ русскіе люди иногда платили ясакъ за ясачниковъ «для такого вымыслу, что взявъ у ясачныхъ людей добрые соболи и всякой звѣрь, платятъ за нихъ великихъ Государей въ казну соболми и всякимъ звѣремъ плохими, для своихъ корыстей».

[2]) А. И., т. V, № 119. Доп. къ А. И., т. VII, № 23, VI.

[3]) А. И., т. IV, №№ 209, 244, 246; т. V, № 240. Д п. къ А. И., т. III, № 83; т. IV, №№ 46, 138; т. VIII, № 3, VI. Р. И. Б., т. II, № 188, 3.

наказаніемъ въ случаѣ неисправной переписи, которую преднамѣренно могли исказить служилые люди въ виду полученныхъ ими отъ сборщиковъ взятокъ [1]). Мѣра эта, очевидно, имѣла цѣлью застигнуть врасплохъ сборщика, не дать ему времени и возможности скрыть часть собраннаго имъ ясака и принести такимъ образомъ ущербъ казнѣ царской.

Кромѣ вышеуказанныхъ злоупотребленій, сборщики прибѣгали иногда къ ничѣмъ неоправдываемымъ насиліямъ. Бывали, напр., случаи, когда они принимали женъ и дѣтей, работницъ и разныхъ людей въ холопы, брали женъ инородцевъ и дѣтей для блуднаго дѣла, били кнутомъ и «сажали въ желѣза», рѣзали носы и уши несчастнымъ туземцамъ или вѣшали и забивали ихъ батогами до смерти [3]).

Ясачные сборщики въ своихъ злоупотребленіяхъ отвѣтственны были передъ воеводой. Они должны были радѣть о сборѣ ясака неоплошно; въ противномъ случаѣ имъ грозило жестокое наказаніе безъ всякой пощады: доправленіе «недоборнаго» ясака, великая опала, нещадное битье кнутомъ на козлѣ, конфискація всѣхъ ихъ животовъ въ пользу казны, пониженіе чина и оклада и даже смертная казнь. Самъ воевода, допускавшій эти злоупотребленія, подвергался пенѣ или великой опалѣ [2]). Не смотря, однако, на такія угрозы, злоупотребленія ясачныхъ сборщиковъ обнаруживались постоянно и не мало приносили вреда въ финансовомъ отношеніи, ибо разоряли туземное населеніе, вызывали въ немъ недовѣріе, а иногда и открытое неповиновеніе.

Но ясачные сборщики при взиманіи ясака играли лишь второстепенную роль, ибо находились въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ воеводѣ. Воевода назначалъ и посылалъ ясачныхъ сборщиковъ за ясакомъ въ волости и зимовья; онъ же контролировалъ ихъ дѣятельность въ отдаленныхъ частяхъ управляемаго имъ уѣзда, принималъ ясакъ, а также провѣрялъ его количество и качество въ съѣзжей избѣ, куда должны были являться ясачные сборщики со сборомъ. Воевода долженъ былъ защищать туземцевъ отъ притѣсненій промышленныхъ людей и ясачныхъ сборщиковъ. Онъ вмѣстѣ съ дьякомъ составлялъ ясачныя книги, въ которыхъ записывался сборъ ясачной, поминочной и десятинной рухляди, «сколько съ ко-

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VII, №№ 3, VIII, 61, XVI и XX; т. VIII, № 69; т. IX, № 95; т. X, № 78, II; т. XI, № 7.

[2]) А. И., т. IV, № 209; т. V, № 119. Доп. къ А. И., т. III, № 106; т. IV, № 138; т. VII, №№ 3, I, 23, 61, XIV и XX; т. VIII, № 69.

торыхъ землицъ или улусовъ и съ какихъ ясачныхъ людей государева ясаку и поминковъ и воеводскихъ и дьячьихъ поминковъ же порознь всего сберется или что въ которомъ году передъ которымъ годомъ какихъ новыхъ землицъ людей и съ нихъ ясаку вновь прибудетъ или что ясаку жъ и поминковъ передъ прежнимъ сборомъ или ясачныхъ людей для чего убудетъ и почему ясаку прибудетъ или убудетъ». Кромѣ того, отъ воеводъ иногда требовалось составленіе особыхъ «перечневыхъ выписокъ», въ которыхъ означены были бы выбывшіе изъ оклада ясачные люди. Дьяки обыкновенно прикладывали руку къ ясачнымъ книгамъ [1]).

Вмѣстѣ съ пріемомъ и провѣркой ясака производилась и его оцѣнка. Самъ воевода не могъ приступить къ такой оцѣнкѣ въ виду недостаточнаго знанія рыночныхъ цѣнъ и поэтому поручалъ разборъ ясака на добрую, среднюю и худую мягкую рухлядь, а также его оцѣнку врознь сороками, прямою сибирскою цѣной особымъ цѣловальникамъ изъ торговыхъ людей. Эти цѣловальники должны были составить цѣновную роспись ясачному сбору и закрѣпить ее своими рукоприкладствами. Послѣ разбора и оцѣнки воевода посылалъ отписку Государю о сборѣ ясачной мягкой рухляди. Эта рухлядь, ясачныя книги, цѣновныя росписи и воеводскія отписи привозились въ Москву служилыми или торговыми людьми, которые полученныя ими платежныя отписи должны были возвратить воеводѣ. Къ «посыльщикамъ» присоединялось обыкновенно нѣсколько провожатыхъ для обереганія ясачнаго сбора [2]).

Кромѣ книгъ и росписей, воевода по истеченіи года* долженъ былъ составить «государевымъ деньгамъ и хлѣбу и соли и мягкой рухледи приходу и расходу смѣтные и помѣтные списки и служилымъ людемъ и ружникомъ и оброчникомъ именные книги съ денежными и съ хлѣбными оклады». Эти списки имѣли такой же характеръ, какъ смѣты и окладныя росписи, составлявшіяся въ городахъ европейской Россіи [3]).

---

[1]) А. И., т. III, № 180; т. IV, №№ 21, 209; т. V, № 240. Доп. къ А. И., т. III, № 57. Десятинная пошлина взималась обыкновенно съ промышленныхъ и торговыхъ людей.

[2]) А. И., т. IV, №№ 21, 31, 209. Доп. къ А. И., т. III, № 83; т. IV, №№ 46, 59; т. VI, № 116; т. VIII, № 3, V, VII. Мягкая рухлядь посылалась въ холщевыхъ мѣшкахъ, въ яловичныхъ и оленьихъ сумахъ, въ деревянныхъ ящикахъ, смотря по цѣнности. Ibid., №№ 3, VIII, 16 и 100. Воеводы, повидимому, брали росписки у торговыхъ людей, посылаемыхъ въ Москву съ мягкою рухлядью, въ пріемѣ ими этой рухляди.

[3]) А. И., т. III, № 135; т. IV, № 209. Доп. къ А. И., т. IV, № 46; т. VIII,

Воеводы, подобно ясачнымъ сборщикамъ, весьма часто злоупотребляли данною имъ властью тѣмъ болѣе, что угрозы жестокаго наказанія и тотъ расчетъ, какой производился между прежнимъ воеводой и вновь назначеннымъ при сдачѣ должности послѣднему, едва ли могли сдерживать хищническія наклонности приказныхъ людей. Правда, на такія злоупотребленія служилые люди могли бить челомъ Государю; но «Москва была далеко, воеводы старались не пускать челобитчиковъ, а если послѣднимъ и удавалось послать жалобу, то она доходила поздно или даже вовсе не доходила до Государя». Но если, не смотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, челобитная достигала цѣли, расправа запаздывала. «Служилые люди должны были дожидаться въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, а между тѣмъ терпѣли всевозможныя притѣсненія; когда же, наконецъ, смѣняли воеводу, то положеніе ихъ часто отъ этого вовсе не улучшалось, ибо новый воевода поступалъ такъ же, какъ и его предшественникъ» [1]). Если служилые люди терпѣли всякія бѣды, то инородцы уже находились почти въ совершенно беззащитномъ положеніи. Небрежностью своею воевода иногда приносилъ вредъ туземцамъ. Онъ до ясачнаго сбора допускалъ продажу товара на лучшую мягкую рухлядь, за что, вѣроятно, получалъ взятки отъ торговыхъ людей, не посылалъ служилыхъ людей на встрѣчу ясачнымъ сборщикамъ для производства обыска и такимъ образомъ косвенно способствовалъ развитію ихъ злоупотребленій, не принималъ челобитныхъ плательщиковъ на ясачныхъ сборщиковъ и даже билъ кнутомъ челобитчиковъ [2]), мучилъ туземцевъ на правежѣ, металъ ихъ въ тюрьму, гдѣ они иногда помирали голодною смертью, вѣшалъ аманатовъ и вселялъ недовѣріе или приводилъ ясачное населеніе къ отпаденію, наконецъ, взималъ ясакъ государевъ въ собственную пользу [3]). Небрежное или несправедливое взиманіе ясака съ одной стороны, незаконныя растраты — съ другой приводили въ истощеніе казну царскую; за воеводами отдаленныхъ сибирскихъ городовъ иногда числились весьма значительные недочеты. Такъ

№ 68. Имп. Публ. Библ., Приходо-расходныя книги г. Томска и остроговъ Томскаго разряда 7142 г., FII, № 89. Ср. выше, прим. 1 на стр. 263.

[1]) *Б. Чичеринъ*, Областныя учрежденія, стр. 327—329.

[2]) А. И., т. IV, № 209; т. V, № 240. Доп. къ А. И., т. XI, № 19.

[3]) А. И., т. IV, № 182. Доп. къ А. И., т. II, № 101; т. III, №№ 5, 37, 56; т. VII, №№ 3, 47, 48, 61, 72, 75; т. VIII, №№ 15, 44, 69, 77. *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 280—283. *П. Бучинскій*, Ibid. стр. 235—248.

напримѣръ, на воеводѣ Якутскомъ (кн. Я Волконскомъ) начтено было въ 1675 году при сдачѣ города новому воеводѣ «денегъ и за хлѣбные запасы и за соль и за суды и за судовые всякіе снасти и за всякіе товары по цѣнѣ деньгами всего 12.413 руб. 3 алт. 3 деньги, да мягкой рухляди два сорока двадцать четыре соболя, да лоскутъ, да хвостъ, да четыре сорока да четырнадцать пупковъ собольихъ, да девятнадцать лисицъ красныхъ» [1]).

Неудивительно поэтому, что, возвращаясь со службы въ Россію, воеводы везли съ собой нерѣдко значительное количество нажитыхъ ими въ Сибири богатствъ. Правда, верхотурскія заставы обязаны были пропускать лишь узаконенное число воеводскихъ подводъ, должны были обыскивать ихъ и задерживать неправеднымъ путемъ пріобрѣтенные пожитки. Но Верхотурскіе воеводы, приказные и земскіе чины не всегда рѣшались на такія мѣры особенно въ томъ случаѣ, когда проѣзжалъ воевода Тобольскій, къ которому, какъ начальнику Тобольскаго разряда, они находились въ подчиненныхъ отношеніяхъ. Вотъ почему въ 1687 году указано было даже «быть Верхотурью особо разрядомъ» и приписать къ нему два ближайшіе города Пелымь и Туринскъ для того, чтобы на Верхотурьѣ осматривали пожитки воеводъ или посланныхъ ими людей «безъ опасенія» [2]).

Собранный при всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условіяхъ ясакъ не всегда, однако, направлялся изъ уѣзднаго города или острога прямо въ Москву. Судя по нѣкоторымъ указаніямъ, онъ стекался сперва въ губернскій (провинціальный) центръ и уже отсюда пересылался далѣе. Зачатки мѣстной централизаціи, объединявшей нѣсколько уѣздовъ зависимостью ихъ отъ одного общаго мѣстнаго центра, выросли здѣсь, вѣроятно, на почвѣ довольно крѣпкой военной организаціи служилаго класса, разсѣяннаго по городамъ Сибири. Въ Тобольскѣ, а съ 1629 г. и въ Томскѣ, Енисейскѣ были разряды, къ которымъ приписано было по нѣскольку городовъ и остроговъ [3]).

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VII, № 68.

[2]) А. И., т. V, № 162. Доп. къ А. И., т. III, № 9. Туринскимъ таможенным цѣловальникамъ велѣно было, «будетъ у кого (изъ служилыхъ людей) мягкія рухляди и денегъ объявитца по проѣзжимъ или сверхъ проѣзжихъ грамотъ, больши 50 рублевъ», брать ее на Государя.

[3]) Тобольскій и Томскій разрядъ упоминаются постоянно. Енисейскій рѣже. См., напр., А. И., т. V, № 32. Илимскій и Якутскій остроги, повидимому, не приписаны были ни къ одному изъ этихъ разрядовъ (ibid.). О городахъ, входившихъ въ составъ Тобольскаго и Томскаго разрядовъ, см. приложеніе XI. *П. Буцинскій*, Ibid., стр. 233.

Важнѣйшимъ изъ нихъ былъ Тобольскій разрядъ. Въ Тобольскѣ велѣно было вѣдать Верхотурье (до 1687 года), Туринскъ, Тюмень, Пелымь, Тару, Березовъ, Сургутъ и Мангазею. Тобольскій воевода, по государевымъ указамъ, отъ своего лица посылалъ отписки воеводамъ этихъ городовъ, «чтобы тѣхъ городовъ межъ воеводъ всякіе великаго Государя дѣла и всякія вѣсти были вѣдомы». Онъ же отвѣчалъ на запросы второстепенныхъ воеводъ о присылкѣ имъ указовъ государевыхъ о всякихъ дѣлахъ. Воеводамъ второстепенныхъ городовъ посылались государевы указы о томъ, чтобы они «о всякихъ великаго Государя дѣлахъ о указахъ» писали бы отписки Тобольскому воеводѣ; они также должны были присылать ему вѣсти про инородцевъ и, вѣроятно, данныя о приверстаніи новыхъ землицъ [1]). Тобольскій воевода былъ главнымъ начальникомъ военныхъ силъ во всѣхъ городахъ Тобольскаго разряда; онъ распоряжался передвиженіемъ войскъ, распредѣленіемъ боевыхъ запасовъ между городами и острогами, ибо воеводы второстепенныхъ городовъ обращались къ нему съ докладами о недостающихъ у нихъ огнестрѣльныхъ снарядахъ и ожидали отъ него указа или присылки нужнаго; онъ же завѣдывалъ укрѣпленіемъ городовъ своего разряда, когда необходимыя на это издержки раскладывались на нѣсколько городовъ. По крайней мѣрѣ въ 1677 г., когда сгорѣлъ Тобольскій городъ, воевода разложилъ деньги на издержки и повинности на всѣ города Тобольскаго разряда [2]). Значеніе Тобольскаго воеводы, однако, не ограничивалось однимъ военнымъ управленіемъ подвѣдомственныхъ ему городовъ. Онъ завѣдывалъ выдачей жалованья служилымъ людямъ, наблюдалъ за раскладкой и за взиманіемъ податей. Такъ, въ 1666 году Тобольскій воевода по государеву указу приказалъ воеводамъ приписныхъ городовъ начать перепись всякихъ чиновъ людей, по совершеніи которой они должны были прислать переписчиковъ и книги за руками духовенства и лучшихъ людей въ Тобольскъ, «не замотчавъ». Онъ же отписывалъ имъ, чтобы они писали ему о ясачныхъ людяхъ, которые не могутъ платить ясака, и сбирали ясакъ какъ слѣдуетъ, посылая лучшихъ служихъ людей да толмачей, выборнаго цѣловальника и тобольскаго служилаго человѣка и не допуская никакихъ

[1]) Доп. къ А. И., т. III, №№ 14, 28, 38; т. IV, № 138; т. VII, № 72; т. VIII, № 44, VI.

[2]) Доп. къ А. И., т. V, № 31. Мангазейскій воевода, докладывая Тобольскому воеводѣ, что у него очень мало огнестрѣльныхъ снарядовъ, прибавляетъ: «и о томъ Государь, какъ ты укажешь». Ibid., т. VII, № 74, X, № 38.

злоупотребленій. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ посылалъ служилыхъ людей для дозору неисправныхъ плательщиковъ въ уѣздахъ управляемаго имъ разряда [1]). Вышесказанное достаточно разъясняетъ, почему ясачный сборъ изъ уѣздныхъ городовъ и остроговъ поступалъ въ Тобольскъ; присланный сюда воеводами приписныхъ городовъ ясакъ цѣнился торговыми людьми (вновь, если уже былъ оцѣненъ въ городахъ, или впервые) по сибирской цѣнѣ. Если воеводы подвѣдомственныхъ городовъ присылали ясакъ по тобольской цѣнѣ, то онъ не перецѣнивался; но если цѣна была выше, то перецѣнивался, и Тобольскіе воеводы отъ себя посылали имъ грамоты о томъ, чтобы они мягкую рухлядь цѣнили тобольскою цѣной. Если въ приписныхъ городахъ цѣновщиковъ не оказывалось, воеводы могли прислать мягкую рухлядь въ Тобольскъ безъ всякой оцѣнки, гдѣ она и производилась. Тобольскіе воеводы, посылая собранную такимъ образомъ мягкую рухлядь въ Москву, должны были приказать «подписывати на ней, котораго города рухлядь, старому одному подьячему, который у того великаго Государя дѣла сидитъ и который подьячей ясачныя книги и цѣновные росписи справливаетъ» [2]).

Итакъ, ясачный сборъ поступалъ въ главный городъ разряда. Естественно поэтому, что здѣсь, кромѣ окладныхъ росписей, велись также приходо-расходныя книги, смѣтные и помѣтные списки по всѣмъ городамъ разряда, съ означеніемъ доходовъ и расходовъ по каждому отдѣльному городу и съ общими итогами. Свѣдѣнія эти почерпались изъ смѣтныхъ и помѣтныхъ списковъ, присылаемыхъ воеводами приписныхъ городовъ [3]). Изъ главнаго города разряда ясакъ, вѣроятно, вмѣстѣ съ списками и книгами препровождался въ Москву.

Такимъ образомъ, региментація служилаго класса, благодаря сліянію въ рукахъ однихъ и тѣхъ же лицъ власти военной и гражданской, въ нѣкоторой мѣрѣ вызывала въ Сибири образованіе мѣстной, губернской централизаціи въ сферѣ не только военнаго, но и

---

[1]) А. И., т. III, № 135. Доп къ А. И., т. V, №№ 41, 57, т. VI, № 115. Ср. А. И., т. IV, №№ 23, 33. П. С. З., т. № 1670. Приходо-расходная книга г. Томска 1634 г. въ Спб. Публ. Библ. 1634 г. FП, 89, л. 153—167. Изъ Томска въ этомъ году роздано было (воеводой) на жалованье служилымъ людямъ Кузнецкаго, Енисейскаго, Красноярскаго, Кетцкаго, Нарымскаго остроговъ 4.958 р. 32 ал. 5½ д. на 142 годъ, да впредь на143 годъ 209 р. 8 ал. 2 д.

[2]) Доп. къ А. И., т. IV, № 138. Ср. *П. Буцинскій*, Ibid., стр. 101 и 169.

[3]) Мы имѣли подъ руками лишь одну приходо-расходную книгу Томскаго разряда 1634 г. въ Имп. Публ. Библ., FП, № 89. А. И., т. III, № 135.

финансоваго управленія. Конечно, не всегда и не всюду эта централизація была одинаково сильна. Въ первой половинѣ XVII вѣка она, можетъ быть, была слабѣе, чѣмъ во второй. Самые разряды не имѣли одинаковаго значенія. Такъ напр., Тобольскій разрядъ долженъ былъ снабжать Томскій всѣмъ нужнымъ, «чтобы имъ въ розни не быть», на томъ основаніи, что Томскому разряду на болѣе далекомъ разстояніи отъ Москвы труднѣе было достать необходимое непосредственно изъ послѣдней, и что ему легче было обращаться въ такихъ случаяхъ къ Тобольскому разряду, которому все выданное въ Томскій разрядъ возвращалось изъ Москвы [1]). Енисейскій разрядъ игралъ, повидимому, еще менѣе значительную роль, чѣмъ Томскій; извѣстія о немъ встрѣчаются лишь изрѣдка. Зависимость этого разряда отъ Тобольскаго также обнаруживается въ нѣкоторыхъ случаяхъ [2]). Наконецъ, иногда, отдѣльные города каждаго изъ разрядовъ или города, къ нимъ неприписанные, вступали въ непосредственныя отношенія къ главному государственному центру, Москвѣ, хотя въ этихъ отношеніяхъ правительство нерѣдко искало лишь средства контроля надъ дѣятельностью воеводъ главныхъ городовъ. Всѣ эти явленія не указываютъ, однако, на отсутствіе какихъ бы то ни было общихъ нормъ въ зависимости приписныхъ городовъ Сибири къ главнымъ, а лишь на слабость, неопредѣленность очертаній этихъ нормъ, свойственныя молодому, еще не вполнѣ окрѣпшему государственному строю [3]).

---

[1]) Доп. къ А. И., т. IV, № 138; т. VIII, № 44, I.

[2]) Доп. къ А. И., VIII, № 31.

[3]) Извѣстно мнѣніе *Б. Чичерина* объ отношеніяхъ приписныхъ городовъ къ главному (Област. учрежд., стр. 353). «Всѣ эти отношенія, по его словамъ, перепутывались; подчиненные воеводы непосредственно относились къ высшей власти; царскія грамоты посылались то къ тѣмъ, то къ другимъ и во всемъ этомъ не было никакого правила, никакого порядка; все опредѣлялось случаемъ, удобствомъ или произволомъ». Едва ли возможно, однако, принять это мнѣніе безъ нѣкоторыхъ ограниченій. Во-1-хъ, мѣстная централизація не всегда была одинаково сильна. Въ Сибири, особенно въ Тобольскомъ разрядѣ, она, повидимому, сказывалась въ болѣе опредѣленныхъ чертахъ, чѣмъ въ Европейской Россіи. Во-2-хъ, эти отношенія не оставались одинаковыми за весь XVII в. Въ первой половинѣ XVII в., они, кажется, слабѣе, чѣмъ въ послѣдующее время (напр., въ районѣ Бѣлгородскаго полка). Въ-3-хъ, не по всѣмъ отраслямъ управленія эта централизація могла обнаруживаться въ равной мѣрѣ. Главными задачами администрація того времени были финансы и войско. Поэтому и централизація сказывалась въ этихъ отрасляхъ опредѣленнѣе, чѣмъ, напр., въ порядкѣ судебныхъ инстанцій (Ср. *Ѳ. Дмитріевъ*, Истор. судеб. инстанцій, стр. 83). Въ-4-хъ, неопредѣленность отношеній при-

Такимъ образомъ, ясачный сборъ во многомъ отличался отъ другихъ натуральныхъ сборовъ. Стрѣлецкій хлѣбъ, хлѣбные запасы и сибирскіе отпуски, хотя не всегда распредѣлялись между классами населенія такимъ же образомъ, какъ и денежные платежи, однако, раскладывались и взимались наравнѣ съ послѣдними съ той же податной единицы, при такомъ же участіи мірскаго финансоваго самоуправленія и административнаго надзора. Ясакъ, напротивъ, падалъ на населеніе, по происхожденію и по быту своему отличное отъ тяглецовъ Московскаго государства; податная единица была иною, а при взиманіи преобладающимъ значеніемъ пользовался воевода и ему подчиненные приказные и служилые люди. Въ послѣднемъ отношеніи ясакъ скорѣе напоминалъ городовое, острожное дѣло и ратную повинность.

писныхъ городовъ къ главнымъ иногда проистекала не столько отъ полной ихъ безпорядочности, сколько отъ совершенно основательныхъ опасеній правительства черезмѣрно усилить власть, данную воеводѣ главнаго города. При обсужденіи проекта объ отдѣленіи высшихъ гражданскихъ чиновъ и должностей отъ военныхъ, патріархъ Іоакимъ выражалъ опасеніе, чтобы намѣстники, великородные люди, которымъ предположено было поручить управленіе цѣлыми разрядами (Владимірскимъ, Новгородскимъ, Казанскимъ, Сѣвскимъ и другими) «по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, обогатясь и пренебрегши Московскихъ царей самодержавствомъ, не отступили и единовластія не разорили». Проектъ, «возбраненный» патріархомъ, дѣйствительно не былъ приведенъ въ исполненіе. (*С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 301—302). Воеводы Верхотурскіе не всегда подчинялись Тобольскимъ воеводамъ, такъ какъ послѣдніе могли злоупотреблять своею властью для того, чтобы провозить чрезъ Верхотурье неправедно пріобрѣтенные ими пожитки, можетъ быть, не пропускать челобитчиковъ въ Москву и т. п. (А. И., т. III, №№ 109, 135; т. V, №№ 114, 162). Царскія грамоты въ Сибирь отправлялись единовременно въ главный городъ разряда и въ приписной (А. И., т. IV, № 220. Доп. къ А. И., т. VIII, № 44, XII), или, наоборотъ, изъ приписнаго города иногда ясачныя книги и ясакъ посылались прямо въ Москву (А. И., т. III, №№ 135, 216). Г. Якутскъ, можетъ быть, и не приписывался ни къ одному изъ трехъ разрядовъ сибирскихъ. Воевода Якутскій посылалъ помѣтные и смѣтные списки, а также мягкую рухлядь прямо въ Сибирскій приказъ и получалъ деньги на расходы прямо изъ Москвы. (А. И., т. IV, № 209; т. V, № 32. Доп. къ А. И., т. III, № 83; т. VIII, №№ 9, 109). Иногда, впрочемъ, хлѣбные запасы или деньги получались Якутскими воеводами изъ Тобольска (Доп. къ А. И., т. VII, № 19) или Енисейска (Доп. къ А. И., т. III, № 93; т. VIII, №№ 44, V и 53, II). Мангазейскіе воеводы посылали иногда ясакъ прямо въ Москву (Доп. къ А. И., т. VIII, № 3, X). Деньги на жалованье служилымъ людямъ посылались въ Кузнецкъ также изъ Москвы (Доп. къ А. И., т. VIII, № 53, XI).

Но какъ личныя повинности, такъ и сборы стрѣлецкаго хлѣба, хлѣбныхъ запасовъ и ясака сходны были въ томъ отношеніи, что отбывались населеніемъ въ натуральномъ видѣ. Преобладающее значеніе, какое имѣли эти податныя обязанности до послѣдней трети XVII вѣка, показываетъ, что Московское государство въ это время далеко еще не перешло отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и что даже успѣли обнаружиться существенныя измѣненія въ строѣ самого народнаго хозяйства прежде, чѣмъ правительство почувствовало нужду въ такомъ переходѣ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Распредѣленіе поступленій по центральнымъ учрежденіямъ.

I. ВОТЧИННЫЙ ПРИНЦИПЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЯ ПОСТУПЛЕНІЙ.

Зависимость тяглыхъ общинъ отъ мѣстныхъ административныхъ центровъ, какъ указано было выше, оставалась еще довольно неопредѣленной и слабой. Неопредѣленность этой зависимости обнаруживалась въ сосуществованіи нѣсколькихъ уѣздныхъ центровъ, взаимоотношеніе которыхъ оставалось неяснымъ, ея же слабость— въ случаяхъ подвѣдомственности мѣстныхъ общинъ прямо центральнымъ, а не областнымъ учрежденіямъ, одному изъ Московскихъ приказовъ, а не воеводской съѣзжей избѣ. Но и самая подвѣдомственность областныхъ учрежденій центральнымъ не представляетъ намъ въ XVII вѣкѣ вполнѣ выработаннаго типа отношеній. Въ формѣ этихъ отношеній все еще видна измѣнчивая неопредѣленность слагающихся, но не сложившихся учрежденій. Наконецъ, и соотношеніе центральныхъ учрежденій XVII вѣка другъ къ другу и распредѣленіе поступленій между этими учрежденіями также довольно случайны и неопредѣленны. Средоточіе въ рукахъ одного и того же лица, сильнаго царскою милостью, управленія приказами различныхъ вѣдомствъ достаточно ясно указываетъ на возможность довольно случайнаго соотношенія между ними, а появленіе многихъ временныхъ учрежденій и то вліяніе, какое имѣли преходящія потребности и удобства администраціи на распредѣленіе поступленій по центральнымъ учрежденіямъ и на переводъ разныхъ суммъ изъ одного приказа въ другой, обнаруживаютъ неопредѣленность въ системѣ тѣхъ же учрежденій. Запутанность и сложность этихъ отношеній разъясняется, однако, по крайней мѣрѣ

отчасти, тѣмъ, что они основаны были на разныхъ началахъ, хотя, конечно, возможность сосуществованія этихъ началъ обусловливалась неравномѣрною экстенсивностью и интенсивностью ихъ развитія.

Случайное распредѣленіе поступленій и такой же переводъ суммъ изъ одного приказа въ другой изрѣдка встрѣчаются въ XVII вѣкѣ. Такъ напримѣръ, подати съ г. Боровска, описаннаго въ 1621 г., должны были поступить въ ту четь, какую Государь укажетъ [1]) Еще во второй половинѣ XVII вѣка въ приказъ Тайныхъ дѣлъ брались деньги, «откуда царь велитъ», переводились суммы изъ Большой казны, куда доведется, изъ Новой чети, куда прилучится, изъ Монастырскаго приказа, «куды понадобится и куды царь роскажетъ» [2]). Правда, въ такихъ случаяхъ руководились большею частью обычаемъ, но казуистичность такого рода руководства или отсутствіе подходящихъ случаевъ въ предшествовавшей финансовой практикѣ не придавали и самымъ распоряженіямъ полной послѣдовательности и опредѣленности.

Помимо случайныхъ распоряженій, на распредѣленіе поступленій по центральнымъ учрежденіямъ имѣло вліяніе едва ли не древнѣйшее и въ XVII вѣкѣ уже довольно ограниченное по своей сферѣ дѣйствія начало вотчинное, частно-хозяйственное. Финансовое управленіе Московскаго государства такъ же, какъ и на западѣ, возникло, повидимому, на почвѣ дворцоваго хозяйства, но развилось быстрѣе и достигло болѣе опредѣленныхъ государственныхъ формъ подъ вліяніемъ татарскаго ига, которое рядомъ съ сборами въ пользу великаго князя вызвало образованіе общеобязательныхъ податей, выплачиваемыхъ татарскому хану.

Древнѣйшимъ и важнѣйшимъ подспорьемъ великокняжескаго хозяйства служили звѣриная и птичья ловля. Вѣдомство прежнихъ великокняжескихъ холоповъ, ловчихъ, не позже начала XVII в. превратилось въ постоянныя государственныя учрежденія, въ ловчій и сокольничій приказы съ добрыми дворянами во главѣ. Вѣдомство перваго изъ нихъ сокращалось по мѣрѣ перевода личныхъ повинностей на натуральные и денежные сборы и со второй половины XVII вѣка причислено было къ Конюшенному приказу. Сокольничій приказъ къ тому же времени сталъ отдѣленіемъ приказа Тайныхъ дѣлъ. Кречетники со своими помощниками сбирали сюда

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Дозор. кн. г. Боровска 7129 г., кн. 399, л. 368.

[2]) *Г. Котошихинъ*, О Россіи, гл. VII, ст. 1, 9, 20 и 24.

голубей со всего Московскаго государства; на ихъ содержаніе получался кормъ изъ житнаго двора Большаго дворца [1]). Рядомъ съ ловчимъ и сокольничимъ путемъ слѣдуетъ поставить и конюшій. Дворцовое хозяйство не ограничивалось ловлей и прирученіемъ звѣрей и птицъ, но занималось и скотоводствомъ, особенно коневодствомъ, которое имѣло весьма важное значеніе не только въ хозяйственномъ отношеніи, но и для военныхъ цѣлей [2]). Княжескіе конюхи-холопы существовали издавна; но самый чинъ конюшаго, пріобрѣвшій столь важное значеніе въ XVI в., затѣмъ, какъ извѣстно, уничтоженъ былъ въ виду политическихъ соображеній, такъ что при царѣ Михаилѣ Конюшеннымъ приказомъ управлялъ ясельничій. Приказъ этотъ въ XVII в. по прежнему [3]) вѣдалъ всѣ царскіе луга, изъ которыхъ одна часть эксплуатировалась путемъ самостоятельной дѣятельности казны, а другая отдавалась на оброкъ разнымъ лицамъ, большею частью крестьянамъ и посадскимъ людямъ Оброчники, платили оброкъ въ самый приказъ. Рядомъ съ эксплуатаціей царскихъ луговъ, Конюшенный приказъ получалъ сѣно и овесъ съ дворцовыхъ и конюшенныхъ селъ, овесъ или денежный оброкъ съ подмосковныхъ монастырскихъ вотчинъ и тяглo съ одной изъ большихъ подмосковныхъ слободъ [4]). Остальными отраслями дворцоваго хозяйства завѣдывали, какъ извѣстно, прежніе холопы великаго князя, его дворецкій и казначей. Они рано получили характеръ правительственныхъ должностныхъ лицъ, а съ начала XVI в. и нѣсколько позже стали во главѣ образовавшагося изъ ихъ вѣдомствъ приказа Большаго дворца. Большой дворецъ

[1]) А. И., т. II, № 355. *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VI, ст. 6, гл. VII, ст. 1. Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 185 и 186. *Гр. Д. Толстой*, Финанс. учрежд., стр. 207—214. Уже въ поученіи Владиміра Мономаха упоминаются ловчіе (Лѣт. по Лавр. сп., изд. 2, стр. 242).

[2]) Весьма краткія и неполныя свѣдѣнія о казенной торговлѣ лошадьми въ XVII в. см. въ соч. *И. Мердера*: Историческій очеркъ русскаго коневодства и коннозаводства. Спб., 1868 г., стр. 22—35.

[3]) Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр 178. *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VI, ст. 6. Конюшенная изба упоминается уже въ 7048 г. Ср. *Н. Лихачевъ*, Разрядные дьяки XVI в., Спб. 1889 г., стр. 48—49.

[4]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VI, ст. 6. *А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, А. г. р., т. I, № 106. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133—7134 гг., кн. 71, л. 243: «Лугъ государевъ оброчной за посадскими людьми... 138 десятинъ, а оброку платятъ въ Конюшенный приказъ по 15 р. по 20 ал. по 4 деньги на годъ». Библ. Спб. Дух. Акад., Кир. Библ., № 79/1318: Довор. кн. г. Бѣлоозера 7126 г., лл. 81—85. Здѣсь можно встрѣтить нѣсколько примѣровъ, подобныхъ вышеуказанному.

состоялъ изъ дворовъ: казеннаго, сытнаго, кормоваго, хлѣбнаго и появившагося, можетъ быть, позже другихъ житнаго [1]). Рядомъ съ дворами въ приказѣ Большаго дворца существовали и столы для дѣлопроизводства. Отписки о сборѣ денежныхъ доходовъ въ городахъ вѣдаемыхъ въ Большомъ дворцѣ, посылались изъ денежнаго, о столовыхъ запасахъ изъ приказнаго, о десятинномъ, посопномъ, выдѣльномъ и отсыпномъ хлѣбѣ изъ хлѣбнаго стола; о стрѣлецкомъ хлѣбѣ изъ стола «сбору стрѣлецкаго хлѣба» [2]).

Въ этихъ учрежденіяхъ вѣдалось, кромѣ Московскихъ торговыхъ людей и Московскихъ же 8 ремесленныхъ слободъ, сборы съ которыхъ поступали на Казенный дворъ [3]), большинство дворцовыхъ земель, почти всѣ монастырскія и многія церковныя земли до появленія Монастырскаго приказа. Доходы съ дворцовыхъ недвижимыхъ имуществъ извлекались или хозяйственною дѣятельностью казны, дѣятельностью, которая ярко сказывалась уже въ вышеприведенныхъ отрасляхъ дворцоваго хозяйства, частью и безъ ея непосредственнаго вмѣшательства. Казенная обработка дворцовыхъ земель производилась подъ надзоромъ городскихъ воеводъ и дворцовыхъ прикащиковъ. Результаты посѣва, за вычетомъ той части, которая нужна была для мѣстныхъ расходовъ, присылались въ натуральномъ видѣ на житный дворъ Большаго дворца [4]). Къ казенному земледѣлію присоединялось кое-гдѣ казенное садоводство, винодѣліе и шелководство, результаты которыхъ, однако, далеко не всегда поступали въ Большой дворецъ или на Казенный дворъ [5]). Въ другихъ случаяхъ

[1]) Въ извѣстной запискѣ объ управленіи Московскаго государства 1610—1613 гг. (А. И., т. II, № 355) житный дворъ не упоминается, но извѣстенъ *Г. Котошихину* (Ibid., гл. VI, ст. 5).

[2]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 45 (1678 г. ноябрь).

[3]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VI, ст. 1; гл. VII, ст. 4.

[4]) А. Э., т. III, № 281. А. И., т. III, №№ 116 и 192; т. IV, № 3; т. V, №№ 59 и 175. Доп. къ А. И., т. II, №№ 92 и 167; т. IV, №№ 58 и 59; т. VI, №№ 1 и 115; т. VIII, №№ 34 и 51. Р. И. Б., т. VIII, № 11, VII, XVIII, XXIV, XXVIII, LX, LXVII; т. XI, стр. 157. *Я. Гарелинъ*, Старинные акты Шуи, № 21. *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VI, ст. 5. Воеводы посылали иногда дѣтей боярскихъ для надзора за государевой десятинной пашней (А. И., т. III, № 116). О садчикахъ, садившихъ крестьянъ на дворцовую пашню, упоминаетъ *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 278. *Б. Чичеринъ*, Областн. учрежд. стр. 250—252. Разумѣется, что хлѣбъ, получаемый съ дворцовыхъ земель въ Сибири не привозился въ Европейскую Россію.

[5]) А. И., т. IV, №№ 40, 63, 132, 133, 136, 138; т. V, № 163. Доп. къ А. И. т. IV, № 60. Р. И. Б., т. XI, стр. 167. *С. Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 88—90. *Д. Багалѣй*, Очерки, стр. 354—360.

дворцовая земля отдавалась въ краткосрочную или долгосрочную потомственную аренду крестьянамъ или посадскимъ людямъ значительнаго еще во второй половинѣ XVII в. числа городовъ. Хлѣбные запасы съ такихъ дворцовыхъ селъ и понизовыхъ дворцовыхъ городовъ поступали на житный дворъ, рыбные и другіе запасы на кормовой дворъ, ягоды и другіе подобные же сборы съ дворцовыхъ земель, ближайшихъ къ Москвѣ, и медъ съ понизовыхъ дворцовыхъ волостей и городовъ на сытный дворъ, наконецъ, дрова (вѣроятно, съ ближайшихъ къ Москвѣ земель) на хлѣбный дворъ Большаго дворца [1]). Всѣ эти натуральные сборы иногда замѣнялись денежными платежами. Такъ напримѣръ, крестьяне села Дунилова и Мадрасской волости платили деньги за посопный хлѣбъ и молотьбу, за сѣнную косьбу и возку, за прикащиковъ доходъ, за ягоды, орѣхи и столовые запасы, за издѣлье, постильное дѣло и за наметное свѣжее свинное, полтевое мясо [2]) Въ тотъ же приказъ Большаго дворца поступали и денежные оброки, взимаемые съ дворцовыхъ крестьянъ [3]). Но кромѣ всѣхъ этихъ частно-хозяйственныхъ сборовъ, Большой дворецъ завѣдывалъ и отправленіемъ личныхъ повинностей, имѣвшихъ государственный характеръ и отбываемыхъ тѣми же крестьянами. Такъ напримѣръ, сюда являлись даточные люди [4]). Наконецъ, въ то же учрежденіе поступали и прямые налоги, взимаемые съ дворцовыхъ селъ и городовъ. Сюда стекались, напримѣръ, данныя и оброчныя деньги, важнѣйшіе виды спеціальныхъ налоговъ, какъ-то: стрѣлецкія, ямскія, полоняничныя, пятинныя деньги и деньги ратнымъ людямъ на жалованье [5]).

Но въ Большомъ дворцѣ вѣдались не только одни дворцовыя села Нѣсколько слободъ и городовъ, число которыхъ въ послѣдней трети XVII вѣка доходило до сорока, также вносили сюда прямые налоги [6]). Подвѣдомственность нѣкоторыхъ слободъ двор-

---

[1]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VI, ст. 2—5. Доп. къ А. И., т. IV, № 161.

[2]) Влад. губ. вѣд. 1875 г., №№ 17—27. (Село Дуниловское и Мадрасская волость въ XVII—XVIII стол.). Въ 1659 г. съ села Дунилова взимались, однако, орѣхи и сырныя губки (Доп. къ А. И., т. IV, № 61).

[3]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 4. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра 7133—7134 г., кн. 71. П. С. З., т. I, № 125.

[4]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, I.

[5]) П. С. З., т. II, № 999. Доп. къ А. И., т. V, №№ 64, II; 77, IV. Извѣстія Тамб. уч. арх. ком., вып. XVI, прил. 12.

[6]) Еще въ первой половинѣ XVII в., какъ извѣстно, Московскій Большой дворецъ сталъ сливаться съ областными дворцами въ Новгородѣ, Твери, Нижнемъ, Рязани. Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 140. *К. Неволинъ*, Образо-

цовымъ учрежденіямъ объясняется довольно естественно тѣмъ, что слободы эти первоначально заселены были княжескими холопами. Эти холопы сдѣлались задворными, но не пашенными, а промышленными людьми, приблизились въ экономическомъ отношеніи къ посадскому населенію и съ своихъ участковъ собственно дворцовой земли, данной имъ на правахъ потомственнаго владѣнія, стали выплачивать тягло, подобно черпымъ людямъ, но, тѣмъ не менѣе, продолжали отбывать и прежнія повинности Такъ какъ, въ виду характера полѣдныхъ, они вѣдались въ Большомъ дворцѣ, то и тягло стали, выплачивать въ то же учрежденіе. Вотъ почему Московскіе бараши котельники, оловянишники, кузнецы, плотники, шатерники, горшечники, печники, кирпичники, работавшіе на царскомъ дворѣ безденежно, все же давали подати «противъ, того же, что и съ иныхъ посадскихъ людей» въ тотъ же приказъ Большаго дворца [1]). Возможность такого рода явленій подтверждается примѣрами ссылки царскихъ холоповъ изъ Москвы въ другіе города въ тягло по государеву указу еще въ XVII вѣкѣ [2]). Подвѣдомственность городовъ въ финансовомъ отношеніи приказу Большаго дворца, по всей вѣроятности, объясняется тѣмъ, что нѣкоторыя дворцовыя села и слободы съ теченіемъ времени могли превратиться въ цѣлые города, но остались въ прежнихъ отношеніяхъ къ Большому дворцу; другіе города могли поступить въ зависимость отъ того же учрежденія во время пріобрѣтенія и покоренія Московскимъ великимъ княземъ другихъ областей и княженій. Предположенія эти отчасти оправдываются тѣмъ, что количество городовъ, вѣдаемыхъ въ Большомъ дворцѣ, въ XVI в. уже почти достигло той цифры,

---

ваніе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра великаго въ Жур. Мин. Нар. Просв., ч. XLI, отд. V, стр. 73 (Пол. соб. соч., т. VI, стр. 151). *Н. Лихачевъ*, Разрядные дьяки XVI в., стр. 37, прим. Съ 1679 г. въ завѣдываніе Большаго дворца поступили дворцовыя имущества, зависѣвшія отъ Хлѣбнаго приказа. Послѣдній упоминается въ 1663—1679 гг. Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 406.

[1]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., глав. VII, ст. 4. *И. Забѣлинъ*, Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи, т. II, стр. 320. *В. Сергѣевичъ*, Вольные и невольные слуги Московскаго государства, въ Наблюдателѣ 1887 г., № 1, стр. 104. Ср. выше стр. 57.

[2]) Р. И. Б., т. IX, стр. 448, Записная книга Московскаго стола 1626—1627 г.: «Января въ 16 день по Государеву указу тѣ портные мастеры посланы въ Казанской дворецъ, а велено ихъ сослати въ Казань съ женами и съ дѣтьми и съ животы, а въ Казани имъ быть на посадѣ въ тяглѣ». Вина, за которую сосланы холопы, не указана.

которая намъ извѣстна въ XVII в., и что въ числѣ этихъ городовъ встрѣчаются большія царскія села или поселенія, прежде не принадлежавшія Московскому великому княженію [1]).

Но рядомъ съ дворцовыми землями въ приказѣ Большаго дворца вѣдалось и большинство монастырскихъ и церковныхъ земель [2]). Въ древнее время монастыри подчинялись суду великаго князя или его дворецкаго въ видѣ особой привилегіи; такого рода обязанности остались за дворецкимъ и въ XVI вѣкѣ, когда изъ его вѣдомства уже образовался приказъ Большаго дворца. Такимъ образомъ, подсудность монастырскихъ земель перешла мало по малу въ приказъ Большаго дворца. За патріархомъ же остались однѣ домовыя его вотчины и приписные къ нимъ монастыри; впрочемъ, судебная его компетенція расширена была извѣстною жалованною грамотой 1625 г. [3]). Подсудность дворецкому естественнымъ образомъ повлекла за собой и финансовую подвѣдомственность: подати съ земель духовенства стали поступать въ приказъ Большаго дворца до образованія въ 1648—1649 гг. особаго Монастырскаго приказа, замѣнившаго его въ томъ и другомъ отношеніи [4]). Въ Большой дворецъ посту-

---

[1]) *Г. Котошихинъ* (Ibid., гл. VII, ст. 4) говоритъ о 40 городахъ. *Флетчеръ* (О государствѣ русскомъ, перев. кн. К. Оболенскаго, гл. XII, стр. 35) о 36, въ числѣ которыхъ упоминаетъ, напр., Александровскую слободу, село Даниловское, съ другой стороны Старую Русу, Тверь.

[2]) Немногіе монастыри, какъ извѣстно, вѣдались въ четвертныхъ приказахъ, другіе въ Посольскомъ приказѣ (*К. Неволинъ*, Ibid., стр. 100). Таковы, напримѣръ, монастыри: Савинъ, Симоновъ, Воскресенскій, Новоіерусалимскій, Иверскій на Валдаяхъ, Кіевопечерскій и др.

[3]) С. Г. Г. и Д., т. III, № 71. П. С. З., т. I, №№ 200 и 201. А. Э., т. III, № 164; т. IV, № 155. А. И., т. IV, №№ 215 и 253; т. V, № 157. Уложеніе, гл. XII, ст. 1—3. Общія всѣмъ монастырямъ правила о податной зависимости сохраняли свое значеніе и по отношенію къ крестьянскому населенію домовыхъ вотчинъ самого патріарха, въ чемъ, между прочимъ, убѣждаютъ насъ и писцовыя книги. Что же касается патріаршей области, то къ концу 1657 г. и началу 1658 г. въ ней числилось 85 городовъ, 4.036 церквей данныхъ, 435 придѣловъ, 54 часовни. *П. Николаевскій*, Патріаршая область и русскія епархіи въ XVII в. въ Христ. Чт. 1888 г., №№ 1—2; отд. оттискъ, стр. 12; ср. стр. 41—42.

[4]) Уложеніе, гл. XIII, ст. 1—7. *А. Пановъ*, Московскіе приказы въ Моск. вѣд. 1855 г., № 79. *В. Милютинъ*, О недвижимыхъ имуществахъ духовенства въ Россіи въ Чт. М. О. И. и Д. 1861 г., кн. I, стр. 274, 278—279. *К. Неволинъ*, О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи, Жур. Мин. Нар. Просв., 1847 г., № 11. *М. Горчаковъ*, Монастырскій приказъ, Спб., 1868 г., стр. 45 и друг.

пали, напримѣръ, кромѣ мелкихъ данныхъ и т. п. сборовъ, и крупныя подати спеціальнаго характера, какъ стрѣлецкій хлѣбъ и стрѣлецкія деньги [1]), деньги за городовое и острожное дѣло [2]), также деньги за даточныхъ людей [3]). Даже кирпичники, каменьщики и даточные люди, сбираемые съ монастырскихъ вотчинъ по грамотамъ изъ Большаго дворца, являлись первоначально въ это учрежденіе, а въ позднѣйшее время въ Монастырскій приказъ [4]). По такимъ же грамотамъ сбирались и военныя принадлежности, какъ-то: ратная сбруя, латы, зерцала, панцыри, бехтерцы, шеломы, шапки, мисюрки, шишаки, наручи. Онѣ также поступали въ Большой дворецъ по памяти изъ Разряда [5]). То же бывало и при сборѣ подводъ [6]).

Такимъ образомъ, Большой дворецъ вѣдалъ не однѣ дворцовыя, но и монастырскія земли; къ доходамъ съ перваго рода земель, сбираемымъ великимъ княземъ, какъ частнымъ хозяиномъ, присоединялись и доходы съ монастырской поземельной собственности, которые онъ могъ получать лишь какъ государь. Сосуществованіе этихъ разнородныхъ принциповъ, естественно, повело и къ ихъ взаимодѣйствію. Съ одной стороны, съ подмосковныхъ монастырскихъ вотчинъ сбирался овесъ и деньги въ Конюшенный приказъ; съ другой — доходы съ государственныхъ земель и промысловъ, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они эксплуатировались непосредственною хозяйственною дѣятельностью казны, поступали въ учрежденія, почти вовсе не связанныя съ дворцовымъ хозяйствомъ. Такія отклоненія можно отчасти разъяснить вліяніемъ новаго, территоріальнаго начала. Такъ, нѣкоторыя изъ дворцовыхъ земель въ XVII в. вѣдались не въ Большомъ дворцѣ, а въ Казанскомъ, который имѣлъ смѣшанный характеръ областной четверти и военно-административнаго приказа [7]). Доходы съ важнѣйшихъ государ-

---

[1]) А. Э., т. III, № 93. Доп. къ А. И., т. II, № 34. *Г. Котошихинъ* (Ibid. гл. VII, ст. 5) говоритъ, что стрѣлецкія деньги, взимаемыя съ дворцовыхъ крестьянъ, не сбирались въ Стрѣлецкій приказъ.

[2]) А. Ю., № 224, IV. А. И., т. III, № 195.

[3]) А. Э., т. III, № 284. А. И., т. III, №№ 198 и 201. *В. Берхъ*, Царствованіе Михаила Ѳедоровича, прил. XIX. Влад. губ. вѣд. 1880 г., № 7 (Платежная отпись дьяковъ Большаго дворца Нечаева и Чиркова въ пріемѣ денегъ за даточныхъ людей съ Владимірскаго Успенскаго монастыря, 1641 г.).

[4]) А. Э., т. III, №№ 225, 235, 274. Р. И. Б., т. II, № 168, 7; т. X, стр. 269.

[5]) А. Э., т. III, № 273. А. И., т. IV, № 149. Р. И. Б., т. II, № 168, 2.

[6]) А. Э., т. III, № 212.

[7]) См. прилож. XI.

ственныхъ промысловъ и регалій распредѣлялись уже не столько по дворамъ Большаго дворца, сколько по другимъ приказамъ. Рыболовство, шелководство и винодѣліе, добываніе карлучнаго клея и слюды, солевареніе и селитровареніе, наконецъ, горное дѣло частью находилось подъ управленіемъ воеводъ, прикащиковъ или нарочно присланныхъ отъ казны лицъ, нерѣдко иноземнаго происхожденія [1]), частью отдавались на оброкъ и на откупъ. Лишь рыбные запасы и карлучный клей поступали на кормовой дворъ Большаго дворца. Оброчнымъ деньгамъ съ рыбныхъ ловель велись здѣсь особыя, окладныя, приходныя книги, по которымъ ежегодно и взимались слѣдуемыя съ нихъ деньги [2]). Въ распредѣленіи другихъ поступленій нельзя не видѣть вліянія территоріальнаго начала. Такъ, продукты шелководства и винодѣлія, добываемые въ Астрахани и въ подвѣдомственномъ ей Терекѣ казенными средствами, наемными мастерами и рабочими подъ надзоромъ Астраханскихъ и Терскихъ воеводъ, отсылались въ Казанскій дворецъ, гдѣ вѣдались Астрахань Терекъ, а изъ Казанскаго поступали въ Большой дворецъ [3]). Бѣлгородскій столъ Разряда завѣдывалъ разведеніемъ виноградныхъ садовъ и арбузныхъ грядъ въ г. Чугуевѣ, зависѣвшемъ отъ этого стола. Слюда, добываемая при Кольскомъ острогѣ, присылалась въ Новгородскую четь, а слюда Сибирская, повидимому, въ Сибирскій приказъ [4]).

Рядомъ съ территоріальнымъ началомъ изрѣдка получаютъ значеніе и административныя соображенія высшаго порядка. Такъ напримѣръ, селитра поступала въ Пушкарскій приказъ [5]). Но эти начала обыкновенно смѣшивались съ сословными разграниченіями, а такое смѣшеніе вело къ крайнему разнообразію въ распредѣленіи поступленій. Это распредѣленіе стало, слѣдовательно, въ зависимость не только отъ способовъ, какими добывались извѣстные доходы, мѣст-

---

[1]) А. Э., т. III, № 313 и 320. А. И., т. III, №№ 147 и 245. Доп. къ А. И., т. II, № 87; т. III, № 10; т. V, № 82; т. VI, №№ 74, 108, 128; т. VII, № 30; т. X, № 38; XI, № 18. А. Ю., № 339. Р. И. Б., т. VIII, № 11, XVIII XX, XLIX, LXXIII; т. IX, стр. 467, 477, 488, 494. *Л. Максимовичъ*, Указатель Рос. Зак., т. I, стр. 143. *Б. Чичеринъ*, Областн. учрежд., стр. 244—249.

[2]) П. С. З., т. I, № 161. Нѣкоторые Астраханскіе учуги и иныя рыбныя ловли были вѣдаемы въ Казанскомъ приказѣ. Указомъ отъ 12 іюня 1689 г. они снова поставлены въ зависимость отъ Большаго дворца (А. И., т. V, № 182).

[3]) А. И., т. IV, №№ 40, 63, 132, 133, 138.

[4]) А. И., т. IV, № 207. Доп. къ А. И., т. IV, №№ 57 и 83; т. V, № 36.

[5]) А. Э., т. III, № 313. Р. И. Б., т. II, № 155. Воронежск. акты, вып. I, № XLI.

ности ихъ добыванія и ихъ предназначенія, но и отъ принадлежности лицъ, которыми они добывались, къ тому или другому классу населенія. Такимъ образомъ, соль поступала въ приказъ Большой казны и Большаго прихода [1]), селитра не только въ Пушкарскій приказъ, но со второй половины XVII в. (по указу не позже 1646 г.) и въ приказъ Большой казны со всѣхъ русскихъ и сибирскихъ городовъ [2]); руда—въ Большой дворецъ, Сибирскій, Посольскій приказы, Большую казну, Пушкарскій приказъ, Оружейную палату, приказъ Тайныхъ дѣлъ, смотря по тому, гдѣ и кѣмъ, какъ и когда она добывалась [3]). Неумѣнье согласить всѣ эти условія и вело къ сильной неопредѣленности въ распредѣленіи такого рода поступленій по всѣмъ этимъ учрежденіямъ. Той же участи подвергнуты были оброчныя и откупныя деньги, получаемыя съ разныхъ государственныхъ промысловъ и регалій, данныхъ на оброкъ или на откупъ.

Важнѣйшимъ дворцовымъ учрежденіемъ послѣ Большаго дворца былъ такъ называемый приказъ Казеннаго двора; онъ образовался изъ вѣдомства великокняжескаго казначея, который уже со второй половины XVI вѣка жалуется въ бояре [4]). Казенный приказъ, въ сущности, былъ дворцовою кладовой, гдѣ хранилась великокняжеская казна. Казна эта состояла не только изъ денегъ, но и изъ разнаго рода драгоцѣнностей, какъ-то: 1) иконъ и крестовъ въ золотыхъ и серебряныхъ окладахъ, иногда украшенныхъ драгоцѣнными каменьями, а также всякой другой золотой и серебряной церковной утвари; 2) золотой и серебряной посуды, утвари и разныхъ вещей домашняго обихода; 3) разнаго рода драгоцѣнныхъ тканей и 4) мягкой рухляди. Всѣ эти предметы поступали сюда сверху изъ мастерской и изъ другихъ приказовъ, напримѣръ,

---

[1]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 6. Соль, добываемая государственными промыслами въ Перми, поступала въ Большую казну (Доп. къ А. И., т. VI, № 62).

[2]) Доп. къ А. И., т. III, № 10.

[3]) А. Э., т. III, № 320. А. И., т. IV, №№ 221 и 239; т. V, №№ 72, 258, 266 и 267. Доп. къ А. И., т. X, № 77. Р. И. Б., т. VIII, № 11, XX. *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 9. Въ замѣткѣ *А. Викторова* о государственномъ древлехранилищѣ въ теремахъ Большаго дворца въ Московскомъ кремлѣ (Пам. древн. писм., 1982 г., № IV) описано искусственно составленное собраніе бумагъ, едва ли имѣющихъ что-либо общее съ вѣдомствомъ Большаго дворца.

[4]) Древ. Рос. Вивл., т. XX, стр. 175. *Н. Лихачевъ*, Разряд. дьяки, стр. 41 и слѣд.

*

изъ Таможеннаго приказа (sic), Нижегородской чети, Казанскаго дворца, пріобрѣтались покупкой, которая поручалась гостямъ на государевы деньги, или же получались отъ разныхъ челобитчиковъ, русскихъ и иностранныхъ купцовъ въ видѣ даровъ. Но значенія самостоятельнаго финансоваго центра Казенный дворъ, повидимому, не имѣлъ Денежныя суммы, хранившіяся въ немъ, переводились сюда изъ другихъ учрежденій, напр., Новгородской, Устюжской чети, Большой казны, Посольскаго или Печатнаго приказа [1]). Казначеемъ велись приходо-расходныя книги Казеннаго двора Въ эти книги поденно записывался приходъ и расходъ каждаго года. Въ приходныхъ книгахъ обыкновенно означались денежная сумма или предметъ, поступавшій на хранененіе, его вѣсъ или размѣры и лицо или учрежденіе, отъ котораго онъ поступалъ. Въ концѣ такихъ книгъ помѣщались итоги денежному приходу кромѣ того, встрѣчаются свѣдѣнія о размѣрахъ доимки съ должниковъ, покупавшихъ рухлядь въ долгъ [2]).

Ловчій, Сокольничій и Конюшенный приказы, Большой дворецъ и Казенный дворъ представляли, такимъ образомъ, довольно обширную систему учрежденій, которая въ финансовомъ отношеніи завѣдывала значительнымъ количествомъ земель, особенно въ то время, когда къ Большому дворцу приписаны были монастырскія

[1]) Р. И. Б., т. IX, предисловіе, стр. I—Ш; стр. 1—385. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Боярскія и окладныя книги, Доимочная № 3: Въ 7188 г., доходы Казеннаго приказа состояли изъ слѣдующихъ статей: Взято было 1) изъ приказовъ: Новгородскаго—10.000 р., Печатнаго—12.295 р. 2 ал. 4 д., Большой Казны 4.786 р. 3 ал. 3½ д. 2) за продажу товаровъ 337 р. 24 ал. 1 д. и 3) заповѣдныхъ денегъ съ одного торговаго человѣка 8 ал. 2 д.

[2]) Такихъ книгъ напечатано всего 5 за 1613—1614 г. (Р. И. Б., т. IX, стр. 1—385). Между тѣмъ, приходныхъ книгъ денежной казнѣ всего 43 съ съ 1613 по 1710 г., расходныхъ книгъ той же казнѣ 73, съ 1613 по 1712 г., не считая приходо-расходныхъ книгъ товарамъ и вещамъ. *А. Викторовъ*, Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725 гг. вып. 1, М. 1877. Дополненія къ Дворцовымъ разрядамъ, изд. *И. Забѣлинымъ* въ Чт. М. О. И. и Д. 1882 г., кн. I и Ш; 1883 г. кн. II и IV. При Казенномъ приказѣ, быть можетъ, состояла и Купецкая палата (С. *Соловьевъ*, т. XIII, изд. 3-е, стр. 86—87). Ее, повидимому, не слѣдуетъ смѣшивать съ приказомъ Купецкихъ дѣлъ, состоявшимъ при Сибирскомъ приказѣ. Купецкая палата торговала государевыми товарами, напр., мягкою рухлядью и тульскимъ желѣзомъ (*В. Румянцевъ*, Купецкая палата въ Древностяхъ, Тр. Моск. Арх. общ., т. IV, вып. 1, стр. 16. *Н. Поповъ*, Вопросъ о приказѣ Купецкихъ дѣлъ въ Журн. М. Н. Просв., 1889 г., февраль, стр. 237—253). Эта купецкая палата можетъ быть та самая, которая упоминается въ наказѣ большой Московской таможнѣ (П. С. З, т. II, № 873).

имущества. Въ концѣ XVII в. Большой дворецъ, по своему финансовому значенію почти не уступалъ Ямскому приказу, куда въ то время поступали между прочимъ полтинныя деньги, десятая деньга и деньги за даточныхъ людей, стоялъ выше Стрѣлецкаго и Посольскаго приказовъ, не говоря о Казанскомъ дворцѣ и Разрядѣ [1]). Но такое финансовое значеніе дворцовыхъ учрежденій обнаруживаетъ вліяніе вотчиннаго принципа на распредѣленіе поступленій между центральными учрежденіями; среди приказовъ съ государственнымъ характеромъ все еще продолжали служить финансовыми центрами учрежденія, которыя вели свое происхожденіе отъ великокняжеской псарни, птични, конюшни, погреба, поварской и кладовой. Хотя они, конечно, успѣли сильно измѣниться въ XVII вѣкѣ и подверглись вліянію новыхъ началъ, но, тѣмъ не менѣе, продолжали занимать видное мѣсто въ приказной системѣ того времени.

II. ТЕРРИТОРІАЛЬНО-СОСЛОВНЫЙ ПРИНЦИПЪ РАСПРЕДѢЛЕНІЯ ПОСТУПЛЕНІЙ.

Возникновеніе территоріальнаго принципа въ распредѣленіи поступленій объясняется механическимъ, а не органическимъ ростомъ Московскаго государства, при которомъ территоріальныя пріобрѣтенія находились внѣ соотвѣтствія съ правильнымъ постепеннымъ развитіемъ государственныхъ отправленій и продолжали долгое время находиться въ механическомъ сосуществованіи, а не въ органическомъ соподчиненіи съ главнымъ центромъ.

Присоединеніе цѣлой области съ ея особенностями ставило малоокрѣпшее правительство въ невозможность опредѣлить ея отношенія къ уже существовавшимъ центральнымъ учрежденіямъ и естественно порождало образованіе новаго учрежденія, областной

[1]) Судя по бюджетнымъ предположеніямъ на 7188 годъ, надо было собрать окладныхъ и неокладныхъ сборовъ, не считая остаточныхъ и доимочныхъ за прошлые годы: въ Большой дворецъ 235.952,10 р.; на Казенный дворъ 28.049,16 р.; въ Ямской приказъ: 243.037,39 р.; въ Казанскій дворецъ: 178.700,61 р.; въ Стрѣлецкій 169.903,98 р., въ Разрядъ: 48.749, 32 р.; въ Посольскій, Малороссійскій, приказы, Устюжскую четверть и въ приказъ княжества Смоленскаго 41.673,12 р. Кромѣ того, въ приказы: Большой казны, Новгородскій, Большой приходъ и четверти: Владимірскую, Галицкую и Новую предполагалось собрать окладныхъ (неокладныхъ денегъ въ окладной росписи не означено) всего: 436.466,36 р. (Арх. Мин. Иностран. Дѣлъ, Боярскія и Окладныя книги, Доимочная № 3).

чети, вѣдомству которой подлежала новая область. Но если областная четь въ прежнее время, по характеру своему могла соотвѣтствовать своему наименованію, то въ XVII в., во всякомъ случаѣ, утеряла это значеніе въ двухъ отношеніяхъ: территоріальный характеръ областной чети ограничился сословнымъ (точнѣе: классным, разряднымъ), что придало ей характеръ учрежденія съ вѣдомствомъ болѣе спеціальнаго характера; не все населеніе данной области, а только одна его часть, тяглые, а не служилые люди были ей подвѣдомственны въ судебномъ и финансовомъ отношеніи. Служилый человѣкъ, такимъ образомъ, находился въ извѣстныхъ отношеніяхъ къ областной чети лишь на столько, на сколько являлся владѣльцемъ земли, къ которой прикрѣплены были тяглые люди. Это ограниченіе повлекло за собою новое измѣненіе четь, сдѣлавшись центромъ, вѣдомство котораго ограничено было однимъ тяглымъ классомъ данной области, получила значеніе, главнымъ образомъ, финансоваго учрежденія. Такое значеніе сглаживало прежнее территоріальное дѣленіе, сперва опредѣлявшее предѣлы вѣдомства областной чети, тѣмъ болѣе, что это значеніе уже успѣло ослабѣть подъ вліяніемъ сословныхъ ограниченій. Тогда-то подвѣдомственность города (съ уѣздомъ) стала опредѣляться не только его принадлежностью къ извѣстной области, но и размѣрами, и свойствами получаемыхъ съ него доходовъ, тогда едва ли не главною задачей чети стало взиманіе податей, которыя по поступленіи своемъ въ четь, переходили изъ нея въ центральныя учрежденія болѣе спеціальнаго, административнаго характера. Этимъ самымъ, однако, областная четь поставлена была въ нѣкоторое соподчиненіе приказамъ спеціально-административнаго характера. Въ такомъ именно видѣ и представляется она намъ въ XVII вѣкѣ, особенно со второй его половины. Впрочемъ, территоріальный характеръ областныхъ четей не могъ сгладиться окончательно до самаго конца ихъ существованія. Вотъ почему подати, взимаемыя со всего населенія на удовлетвореніе опредѣленной государственной потребности, по недостатку центральнаго финансоваго учрежденія, изъ областной чети поступали въ приказы спеціально-административнаго характера. Различіе это, однако, не успѣло развиться и опредѣлиться вполнѣ точно. До конца XVII вѣка все еще замѣтны постоянныя колебанія въ распредѣленіи поступленій между центрально-областными четвертями и учрежденіями, завѣдывавшими спеціальными вѣтвями управленія.

Колебанія эти, очевидно, вызваны были историческимъ характе-

ромъ слагавшейся приказной системы и временными удобствами администраціи. Подъ вліяніемъ этихъ условій областная четь имѣла довольно неопредѣленный характеръ въ XVII вѣкѣ. Это было центрально-областное учрежденіе, которое судомъ и данью вѣдало тяглое населеніе, извѣстное количество посадовъ и уѣздовъ, отчасти связанныхъ между собою предѣлами одной и той же области. Но такъ какъ тяглое населеніе имѣло значеніе для государства на столько, на сколько являлось платежною силой, то и областная четь въ XVII вѣкѣ получила опредѣленное мѣсто въ приказной системѣ преимущественно благодаря своему финансовому значенію.

Кромѣ пяти областныхъ четей, извѣстныхъ въ XVII вѣкѣ (Новгородской, Костромской, Галицкой, Устюжской и Владимірской), отчасти тѣмъ же характеромъ отличались Казанскій дворецъ и Сибирскій приказъ, хотя границы ихъ вѣдомства были, разумѣется, далеко шире компетенціи областной чети [1]). Областной характеръ этихъ центральныхъ учрежденій ярче всего сказывался въ Новгородской четверти, Казанскомъ дворцѣ и Сибирскомъ приказѣ. Новгородская четь сложилась изъ Нижегородской и Новгородской четвертей и еще въ XVII в. вѣдала большинство посадовъ и уѣздовъ, нѣкогда входившихъ въ составъ владѣній Великаго Новгорода, его пригородовъ и волостей, не исключая и наиболѣе отдаленныхъ, т. е. Заволочья и Вятской земли, а также

[1]) Четверть Казанскаго дворца упоминается въ 1566 — 1568 гг. То же учрежденіе въ началѣ XVII в. называется Казанскимъ и Мещерскимъ дворцомъ (*Н. Лихачевъ*, Разрядные дьяки XVI в., стр, 75, прим. 2 и прибавл., стр. 97) Въ Казанскомъ дворцѣ и Сибирскомъ приказѣ, какъ извѣстно, были вѣдаемы не только тяглые, но и служилые люди подвѣдомственныхъ имъ городовъ. Компетенція Казанскаго дворца въ этомъ отношеніи ограничена лишь указомъ отъ 12 ноября 1680 года; тогда велѣно было Казанцевъ и иныхъ низовыхъ городовъ, которые по Синбирскъ, и Синбирянъ и Саранчанъ и по Синбирской чертѣ всѣхъ городовъ полковыя службы дворянъ и дѣтей боярскихъ и иноземцевъ и мурзъ и татаръ и тархановъ выборныхъ и дворовыхъ и городовыхъ всѣхъ по спискамъ, «службою и всякими полковыми дѣлами» вѣдать въ Разрядѣ, гдѣ для этого устроенъ былъ особый столъ Казанскій. Начальныхъ же людей, копейщиковъ, рейтаръ, солдатъ, стрѣльцовъ, казаковъ всѣхъ вышеписанныхъ городовъ, которые вѣдаемы были въ приказѣ Казанскаго дворца (вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими) велѣно взять въ Иноземскій приказъ. Тѣмъ же указомъ сдѣланы были подобныя же ограниченія и по отношенію къ Смоленскому приказу. Новгородскій приказъ тоже вѣдалъ пѣхотнаго строю людей, солдатовъ, стрѣльцовъ и казаковъ Островскихъ, Старорусскихъ, Сомерскихъ и иныхъ тамошнихъ всѣхъ городовъ до 12 ноября 1680 г., когда завѣдываніе этими лицами поручено Разряду и Иноземскому приказу (П. С. З., т. II, № 844, или Доп. къ А. И., т. VIII, № 82).

три важнѣйшихъ города Нижегородской области, каковы: Нижній Новгородъ, Гороховецъ и Арзамасъ. Казанскій дворецъ управлялъ бывшими царствами Казанскимъ и Астраханскимъ, Сибирскій приказъ—всею Сибирью. Меньшею, такъ сказать, территоріальною цѣльностью отличались четверти Владимірская, Костромская, Устюжская. Первой подвѣдомственны были обломки бывшаго Владимірскаго княженія, нѣсколько городовъ, частью пріобрѣтенныхъ Московскими великими князьями отъ великаго Новгорода и Рязани, частью вошедшихъ въ предѣлы территоріи Московскаго государства при покореніи Тверскаго великаго княженія и переходѣ къ великому князю Московскому князей Бѣлевскихъ, Одоевскихъ, Новосильскихъ и Воротынскихъ. Въ предѣлахъ области, подлежавшей вѣдомству Костромской четверти, еще видны слѣды Костромскаго, Переяславскаго и Серпуховскаго княженій; рядомъ съ ними встрѣчаются, однако, немногіе города изъ другихъ волостей. Устюжская четверть вѣдала, кромѣ Устюга, вообще довольно значительное количество бывшихъ Новгородскихъ волостей, граничившихъ съ Московскимъ и Тверскимъ княженіями, нѣсколькими городами этого послѣдняго и другими поселеніями, между которыми трудно прослѣдить территоріальную связь. Наконецъ, Галицкая четь вѣдала еще болѣе разъединенныя области, чѣмъ Устюжская. Вмѣстѣ съ Галицкою областью (между Волгой, Унжей и Костромой) сюда причислены были города, не имѣвшіе ничего общаго между собой въ территоріальномъ отношеніи [1]).

Различіе, какое замѣчается между Новгородскою четью, Казанскимъ дворцомъ, Сибирскимъ приказомъ и остальными четвертями, объясняется условіями образованія тѣхъ и другихъ. Областныя чети, за исключеніемъ Новгородской, вѣдали, главнымъ образомъ, территоріи ближайшихъ сосѣднихъ къ Москвѣ древнихъ княженій. Послѣднія поставлены были въ схожія съ Московскимъ географическія, этнографическія и культурныя условія развитія; вмѣстѣ съ тѣмъ стояли слишкомъ близко къ Москвѣ для того, чтобы по покореніи своемъ не подчиниться, хотя бы отчасти, вліянію московской централизаціи, которая не благопріятствовала областной самостоятельности. Поэтому, при образованіи центральныхъ учрежденій, завѣдывавшихъ этими землями, территоріальное единство имѣло здѣсь меньшее значеніе, чѣмъ въ областяхъ, вѣдаемыхъ въ Новгородской четверти, Ка-

[1]) См. приложеніе XI.

занскомъ дворцѣ и Сибирскомъ приказѣ. Громадныя владѣнія Великаго Новгорода находились въ иныхъ географическихъ культурныхъ, а отчасти и этнографическихъ условіяхъ, чѣмъ центральная часть Московскаго государства. Казанское, Астраханское царство и Сибирь заселены были представителями иной расы, отношенія къ которой порождали явленія, неизвѣстныя въ другихъ частяхъ государства. Не слѣдуетъ забывать при этомъ, что по крайней мѣрѣ двѣ изъ этихъ областей, въ лицѣ своихъ представителей, Великаго Новгорода и Казани, издавна жили своею независимою жизнью, выработали два самостоятельныхъ типа цивилизаціи и что всѣ онѣ находились на далекомъ разстояніи отъ главнаго центра, Москвы, внѣ его постояннаго и непосредственнаго вліянія. Благодаря всѣмъ этимъ условіямъ, области, вѣдаемыя въ Новгородской четверти, Казанскомъ дворцѣ и Сибирскомъ приказѣ сохраняли извѣстную индивидуальность, которая принуждала правительство считаться съ ихъ бывшимъ территоріальнымъ единствомъ.

Четвертной приказъ, особенно въ первой половинѣ XVII в., еще въ значительной мѣрѣ сохранилъ областной характеръ. Съ городовъ, вѣдаемыхъ въ той или другой чети, поступали сюда самыя разнообразныя подати. Не говоря о неокладныхъ доходахъ, таможенныхъ, кабацкихъ, банныхъ деньгахъ [1]), въ областную четь поступали и прямые налоги. Въ Галицкую четь, напримѣръ, поступали данныя и оброчныя деньги разныхъ видовъ [2]), ямскія деньги [3]), стрѣлецкій хлѣбъ и деньги за этотъ хлѣбъ [4]), а также пятинныя деньги [5]), взимаемыя съ городовъ и уѣздовъ, вѣдаемыхъ въ этой четверти. Въ Костромскую четь поступали, напримѣръ, оброки съ дворовыхъ мѣстъ [6]), во Владимірскую—бѣлый кормъ, оброкъ съ

---

[1]) А. Э., т. III, №№ 48, 142, 254,293. А. И., т. III, №№ 3 и 200. Доп. къ А. И., т. II, № 39. А. о. до Ю. Б., т. II, № 246, IV. Р. И. Б., т. II, № 146, 2. Временникъ М. О. И. и Д., т. XVII, Смѣсь, стр. 2. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, 7132—7134 гг., № 29 и 7153 г., № 97: Смѣты Устюжской четверти. См. также слѣд. примѣчанія

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Дозор. кн. г. Шуи 7131 г., кн. 908 л. 11; Дозор. кн. г. Юрьева Повольскаго 7121 г., кн. 913, л. 15; Писц. кн. г. Шуи 7137 г., кн. 900, л. 31. *Я. Гаремин*ъ, Акты Шуи, № 71.

[3]) А. Э., т. III, №№ 100 и 101.

[4]) А. Э., т. III, № 43. Влад. губ. вѣд. 1845 г., № 17 (1620 г.).

[5]) Влад. губ. вѣд. 1874 г., № 3 (1616 г.).

[6]) Имп. Публ. Библ., Писц. кн. г. Мурома 7143 г., QIV, № 231, л. 225 и слѣд.

лавокъ, кузницъ и тому подобныхъ промышленныхъ и торговыхъ заведеній; оброки съ посадской земли, четвертной пашни и посадской же выгонной земли, полоняничныя деньги, и вообще четвертные доходы [1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія имѣются о разновидностяхъ прямыхъ налоговъ, стекавшихся въ Устюжскую и Новгородскую четп. Въ Устюжскую четь поступали дань и оброкъ, стрѣлецкія и полоняничныя деньги, конская пошлина [2]), въ Новгородскую—дань и оброкъ [3]), казначеевы и дьячьи пошлины съ черныхъ волостей, деньги за городовое, острожное и ямчужное дѣло, ямскія деньги [4]), полоняничныя [5]), пищальныя [6]), стрѣлецкій хлѣбъ, стрѣлецкія деньги [7]) и деньги за хлѣбные запасы [8]). Даже ясакъ и всякая другая мягкая рухлядь, взимаемая съ инородцевъ, жившихъ, напримѣръ, въ Пермскомъ краѣ или Кунгурскомъ уѣздѣ, поступала въ ту же Новгородскую четверть [9]).

Для пріема всѣхъ этихъ сборовъ въ четвертяхъ велись приходныя, «окладныя книги разныхъ городовъ сборнымъ деньгамъ», т. е. прямымъ, косвеннымъ налогамъ и пошлинамъ. Въ этихъ книгахъ отдѣльно записывался каждый городъ съ числившимися за нимъ недоимками, слѣдуемыми съ него за текущій годъ сборами, а затѣмъ означалось и то, что взято и что остается донять [10]).

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Тулы 7133 г., кн. 399, л. 82 об. Дозорн. кн. г. Калуги 7125 г., кн. 11605, л. 124; Писц. кн. г. Владиміра 7133 г., кн. 71, лл. 142 об., 204, 224. Ср. прим. 1 на стр. 459.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153 г., № 97: Смѣта Устюжской четверти. Ср. прим. 1 на стр. 459.

[3]) Р. И. Б., т. II, № 146, 2. Доп. къ А. И., т. VIII, № 57; т. XI, № 5. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., Боярскія и окладныя книги; Оклад. книга по Нижнему-Новгороду, № 22: Смѣтный списокъ Новгородской четверти 7142 г.

[4]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Боярскія и окладныя книги, Оклад. кн. по Нижнему-Новгороду, № 22: Смѣтный списокъ Новгородской четверти 7142 г.

[5]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Ibid., Доп. къ А. И., т. VII, № 36, II; т. VIII, № 57.

[6]) Ср. примѣч. 4.

[7]) А. И., т. III, № 200. Доп. къ А. И., т. IV, № 107. Р. И. Б., т. II, № 146, 1. Ср. прим. 4.

[8]) А. Э., т. III, № 72.

[9]) А. И., т. III, № 200. Доп. къ А. И., т. VIII, № 57; т. IX, № 35. Ср. прим. 4.

[10]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7129 г., № 25: Книга окладная разныхъ городовъ Новгородской чети сборнымъ деньгамъ. По листамъ скрѣпа: Савва Романчюковъ.

Порядокъ записей въ этихъ книгахъ, скрѣпленныхъ по листамъ рукоприкладствомъ дьяка или подьячего, былъ частью хронологическій, частью систематическій. Въ приходной, окладной книгѣ Устюжской четверти 1672 года сборы записывались по каждому городу въ отдѣльности по мѣрѣ ихъ поступленія съ означеніемъ мѣсяца и числа, когда внесена та или другая сумма. Болѣе сложный порядокъ замѣтенъ, напримѣръ, при внесеніи поступленій, въ приходную книгу Владимірской чети 1670 года. Доходы записывались подьячимъ по мѣрѣ поступленія съ того или другаго города, вѣдаемаго въ четверти, такъ что подати, внесенныя однимъ и тѣмъ же посадомъ, но въ разное время, находились на разныхъ листахъ книги. Хотя доходы заносились по мѣрѣ ихъ поступленія въ приказъ, но и самая книга предварительно раздѣлена была на два отдѣла: въ первый вписывались окладные, во второй неокладные доходы по отпискамъ и сборнымъ книгамъ воеводъ, а также отпискамъ денежныхъ сборщиковъ. Отдѣлъ, отведенный для записи окладныхъ доходовъ, подраздѣлялся на три части. Въ первой части записывались преимущественно доимочныя деньги, собранныя за прошлые годы съ посадовъ и уѣздовъ. Таковы: бѣлый кормъ, откупныя деньги съ мельницъ, бань и другихъ торговыхъ заведеній, оброки съ такихъ же заведеній и сѣнныхъ покосовъ, таможенныя и вообще четвертные доходы. Во второй части внесены таможенныя, откупныя, оброчныя деньги съ торговыхъ заведеній и вообще четвертные доходы съ однихъ посадовъ лишь за текущій 7178 годъ. Наконецъ, въ третьей части записаны были недоимки и сборы полоняничныхъ денегъ за текущій годъ съ посадовъ и уѣздовъ, вѣдаемыхъ во Владимірской четверти [1]). Кромѣ приходныхъ, окладныхъ книгъ, въ четвертяхъ ве-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7180 г., № 525: Вымѣтка изъ приходныхъ окладныхъ книгъ по рукѣ подъячаго (Устюжской чети) Т. Симановскаго. Ibid., 7181 г. октяб. 18, № 399: Счетный списокъ приказа Володимерской чети о приходѣ и расходѣ. Здѣсь, между прочимъ, находятся и подробныя выдержки изъ приходной книги 1670 г. Судя по первой изъ этихъ книгъ въ 7180 г. въ Устюжской чети принято было, напр., съ г. Устюга: 16 янв. данныхъ и оброчныхъ 693 р. 31 ал. 2 ден., 28 ноября съ Устюжскаго Архангельскаго монастыря (тѣхъ же денегъ?)—280 р. 32 ал. 4 д., 1 сентября оброчныхъ съ присыпнаго песку—7 р. 3 ал. 3 д., 28 ноября оброчныхъ съ пустоши — 8 р., 28 ноября съ новоприсаднаго мѣста оброчныхъ—16 ал. 4 д., 28 ноября конскихъ пошлинъ съ Архангельскаго монастыря — 5 р., 14 ал., 4½ д., 28 ноября полоняничныхъ съ Архангельскаго монастыря—12 р. 17 ал. 4 д., 28 ноября стрѣлецкихъ съ Архангельскаго

лись еще особыя оброчныя книги городамъ и уѣздамъ, подлежавшимъ ихъ вѣдомству, съ означеніемъ каждой изъ оброчныхъ статей порознь, подобно тому, какъ это дѣлалось въ окладныхъ книгахъ [1]). Общихъ итоговъ, повидимому, въ этихъ книгахъ не подводилось, ибо онѣ имѣли цѣлью опредѣлить доходность и финансовое положеніе каждаго отдѣльнаго города, вѣдаемаго въ той или другой четверти.

Значительное количество дѣлъ, накоплявшихся въ четвертныхъ приказахъ, распредѣлялось по повытьямъ, кажется, по тому же принципу территоріально-сословнаго дѣленія. Каждое изъ этихъ повытій, по всей вѣроятности, принимало поступленія съ подвѣдомственной ему области. Поэтому приходъ или расходъ по каждому повытью записывался подьячимъ этого повытья, хотя и сливался вмѣстѣ съ приходомъ и расходомъ остальныхъ повытій при составленіи одной общей окладной росписи или общаго смѣтнаго списка даннаго приказа. Въ Устюжской четверти, напримѣръ, въ концѣ 1670-хъ годовъ было три повытья: главное Устюжское и второстепенныя: Усольское и Тотемское, въ которыхъ подьячіе вели свои счеты каждый отдѣльно [2]).

монастыря—297 р. 3 ал. 5 д., 16 янв. стрѣлецкихъ съ посада и съ уѣзда—523 р. 30 ал. и т. п. Въ Володимерской чети замѣтенъ такой же порядокъ. Только одинъ и тотъ же городъ заносится въ разныя (указанныя въ текстѣ) части книги; напр., во всѣхъ трехъ частяхъ встрѣчаемъ Орелъ, Зарайскъ, Михайловъ и т. д. Полоняничныя деньги съ одного и того же города поступаютъ не сразу за весь годъ, а въ нѣсколько пріемовъ вмѣстѣ съ недоимками за прошлые годы. Такъ напр., съ Владиміра онѣ принимаются 11 сент., 23 нояб., 5 и 23 декаб., 17 и 20 янв., 23 февр.; съ Переяславля: 19 сент., 3 и 16 нояб., 26 дек., 4, 20 и 27 янв., 21 февр. и т. п.

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Окладныя кн. по г. Галичу 7134—7163 гг., № 2: Галицкаго приказа платежная книга оброчнымъ деньгамъ, собраннымъ съ разныхъ чиновъ людей. Ibid., тоже по г. Владиміру 7149—7171 гг., № 6: Приказная оброчная книга городовъ Володимерской чети. Ibid., П. Д. С. Л., 7135—7176 гг., № 87: Оброчная книга городовъ и уѣздовъ Устюжской четверти и мн. др

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7180 г., № 527: Дѣло о счетѣ приказу Устюжской четверти подьячихъ въ приходѣ и въ расходѣ денежной казны со 172 по 187 г. Здѣсь упоминается, что въ трехъ повытьяхъ Устюжской чети сидятъ подьячіе И. Юдинъ, В. Березинъ и В. Озеровъ. Между тѣмъ, въ другомъ дѣлѣ (Ibid., 7188 г. февр. 15: Вѣдомость, сколько въ приказѣ Устюжской чети государевыхъ денежныхъ доходовъ на лицо) суммы, поступившія въ четь по 15 февр. текущаго 188-го года (т. е., вѣроятно, съ 1-го сентяб.) исчислены по подьячимъ: у Ивана Юдина на лицо 2.482 р. 7 ал. $3^1/_2$ д.; у Василія Березина—2.308 р. 11 ал. 4 ден., у Ермила Васильева 394 р. 16 ал.—Очевидно, что каждый изъ нихъ велъ свои счеты

Для храненія поступленій существовали двоякаго рода кассы. Такъ, подьячій Владимірской чети И. Харламовъ сбиралъ деньги съ городовъ рублей по 10—20 и хранилъ ихъ въ «большомъ сундукѣ». Когда же набиралось у него до 100 руб. онъ «перекладывалъ» ихъ въ казну [1]).

Такимъ образомъ, четвертной приказъ въ первой, а отчасти и во второй половинѣ XVII вѣка въ значительной мѣрѣ продолжалъ сохранять областной характеръ и въ финансовомъ отношеніи. Этимъ характеромъ вѣдомства четвертей различались, главнымъ образомъ, другъ отъ друга, тогда какъ подвѣдомственность всѣмъ имъ одного и того же тяглаго класса связывала четверти въ одну общую группу, которая выдѣлялась изъ другихъ учрежденій. Не требуя особенно значительныхъ суммъ на содержаніе собственной канцеляріи и чиновниковъ, областная четь становилась казной, изъ которой правительство черпало средства на покрытіе важнѣйшихъ государственныхъ расходовъ и для этихъ цѣлей переводило большинство стекавшихся сюда суммъ въ приказы спеціально-административнаго характера. Это не трудно замѣтить по приходо-расходнымъ книгамъ тѣхъ и другихъ учрежденій. Такъ напримѣръ, въ Разрядъ въ 1620 году поступало 42.744 руб. 27 ал. 6 ден., не считая 4.027 руб. 8 ал. 3 д., которые собирались съ 8 городовъ, вѣдаемыхъ въ томъ же учрежденіи. Почти вся эта сумма взята была въ Разрядъ изъ разныхъ приказовъ, какъ-то: Новгородской четверти, Казанскаго дворца, четвертей: Новой Устюжской, Владимирской, Галицкой, Костромской и Ямскаго приказа. Но изъ 42.077 руб.. 3 ал. 4 д., взятыхъ въ Разрядъ изъ приказовъ и пяти областныхъ четей, на долю послѣднихъ (не считая, конечно, Новой) приходилось 66,77%, а вмѣстѣ съ Казанскимъ дворцомъ 87,05%. Малороссійскій приказъ въ 1678—1679 г. не имѣлъ самостоятельныхъ доходовъ; изъ поступившихъ сюда 34.340 р. 50 к. на долю четвертей: Новгородской, Владимірской, Костромской, Галицкой, Казанскаго дворца и Сибирскаго приказа приходилось 76,77%, т. е. 26.365 р. 2 к. [2]). Рас-

---

по повытьямъ.—Такимъ же образомъ вели счеты и два подьячихъ Сѣвскаго стола Разряда въ 7185 г. (Арх. Мин. Юстиціи, Книги Бѣлгородскаго стола, Разряда, кн. № 11757/41, 1677 г.).

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7183 г. нояб. 16: Выписка и дѣло приказа Галицкой четверти по пріемнымъ книгамъ о недочетныхъ у подьячаго И. Харламова деньгахъ.

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Столбецъ Денежнаго Стола Разряда 7127—7128 гг.

ходныя книги самихъ четей подтверждаютъ тотъ же выводъ. Въ Галицкой чети въ первой половинѣ 7187 года (съ 1-го сентября 1678 г. по 1-е марта 1679 г.) израсходовано было 4.610 р. 12½ коп. Часть этой суммы, въ размѣрѣ 3.445 р., т. е. 74,72%, отослана была въ Стрѣлецкій приказъ, другая (500 р.) въ Разрядъ, третья въ Малороссійскій приказъ (500 р.). Каждая изъ этихъ послѣднихъ составляла 10,84% всѣхъ израсходованныхъ суммъ, такъ что на военныя издержки вышло до 96,40% всего расхода. Во Владимірской четверти за тотъ же періодъ времени израсходовано 7.409 р. 75 к. Изъ этой суммы отослано въ Стрѣлецкій приказъ 45,18%, въ Разрядъ 20,24%, въ Посольскій приказъ 14,56%, въ Малороссійскій—11,56%, всего 91% [1]). Въ Устюжской четверти обороты были крупнѣе. Здѣсь въ 1645 году израсходовано

№ 9036/1. Ibid., Малороссійскаго приказа столб. 7187 г., № 5958/147, дѣло 2-е· Приходо-расходныя росписи Малороссійскаго приказа. По бюджетнымъ предположеніямъ на 7188 годъ (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Боярскія и Оклад книги, Доимочная кн. № 3) можно составить слѣдующую таблицу:

Учрежденія:	Общая сумма поступленій (окладныхъ и неокладныхъ сборовъ):	Оборотныя поступленія, зачисленныя въ общую сумму:	Процентное отношеніе оборотныхъ поступленій къ общей суммѣ поступленій:
Казанскій дворецъ . .	171.719 р. 66 к.	3.019 р. 4 к.	1,75
Ямской приказъ . . .	218.321 р. 39 к.	5.100 р. —	2,33
Большой дворецъ . . .	244.972 р. 10 к.	9.020 р. —	3,67
Стрѣлецкій приказъ . .	300.902 р. 11 к.	165.011 р. 50 к.	54,84
Разрядъ	116.284 р. 34 к.	72.690 р. 41 к.	62,51
Рейтарскій приказъ . .	131.503 р. 93 к.	114.663 р. 50 к.	87,11
Иноземскій » . .	32.774 р. 4 к.	31.706 р. 84 к.	96,74

Въ Костромской чети, приписанной къ Стрѣлецкому приказу, Сибирскомъ приказѣ, Посольскомъ, Малороссійскомъ, Устюжскомъ, Смоленскомъ, списанныхъ вмѣстѣ, такъ же, какъ и въ Большой Казнѣ, Большомъ Приходѣ, Новгородской, Владимірской и Галицкой четяхъ, судя по тѣмъ же бюджетнымъ предположеніямъ на 7188 г., оборотныхъ поступленій не предвидѣлось. Слѣдовательно, эти приказы (за исключеніемъ развѣ Посольскаго, Малороссійскаго и, можетъ быть, Смоленскаго) имѣли первенствующее значеніе, какъ центры поступленій; за ними слѣдовали въ этомъ отношеніи только что указанныя учрежденія (Казанскій дворецъ и т. д.) въ томъ порядкѣ, въ какомъ они приведены въ нашей таблицѣ. Въ общія суммы поступленій не зачислены остаточныя деньги прошлыхъ лѣтъ и недоимки. Итоги подведены нами самостоятельно, такъ какъ итоги самой доимочной книги для настоящей таблицы оказались непригодными.

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7187 г.: Выписка Галицкой (и Владимірской) чети о приходѣ и расходѣ денежной казны.

было 49.109 р. 25 к. Изъ этой суммы 15,48% поступило въ Разрядъ, 19,22% въ Челобитенный приказъ (на жалованье казакамъ), 19,35%—въ Пушкарскій, 34,68%—въ Стрѣлецкій. Такимъ образомъ, въ общей сложности, до 88,73% всѣхъ суммъ, израсходованныхъ въ Устюжской чети, поступило въ центральныя учрежденія по военному управленію. По окладу на 7175 годъ изъ 97.906 р. 87½ коп., долженствовавшихъ поступить въ Устюжскую четь, 50,09% надо было переслать въ одинъ Стрѣлецкій приказъ [1]). Наконецъ, самая богатая изъ четвертей, Новгородская, также переводила большинство поступавшихъ въ нее суммъ въ тѣ же учрежденія по военному управленію. Въ 1634 году въ Новгородскую четь поступило до 84.692 р. 78 к., не считая суммъ израсходованныхъ по городамъ, натуральныхъ сборовъ и не особенно значительной суммы, истраченной на покупку узорочныхъ товаровъ и фряжскихъ винъ. Изъ этихъ 84.692 р. 78 к. 26,29% поступило въ Разрядъ, 14,20% въ Иноземскій приказъ, 12%—въ Стрѣлецкій, 7,83%—въ Посольскій, 3,56%—въ Пушкарскій; слѣдовательно, всего 63,88%. Если къ этому прибавить суммы, поступившія въ Сыскный приказъ и Казанскій дворецъ, на жалованье служилымъ людямъ, въ размѣрѣ 5,03% и 5,53% всего расхода, то получится еще болѣе крупная сумма, поступившая въ 1634 г. изъ Новгородской четверти въ другія центральныя учрежденія на покрытіе военныхъ издержекъ [2]).

---

[1]) Арх. Мин Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153—7154 гг., № 97: Смѣтный списокъ Устюжской четверти. Ibid., 7175 г., № 317: Выписки изъ приходныхъ окладныхъ книгъ Устюжской четверти.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Оклад. кн. по Нижнему Новгороду, 7142 г., № 22: Смѣтный списокъ Новгородской четверти. Ibid., Доимочная кн. 7188 г., № 3: Смѣтный списокъ и окладная роспись доходовъ и расходовъ на 7188 и 7189 г. Судя по послѣдней вѣдомости, въ 7188 г. доходы Большой Казны, Новгородскаго приказа, Большаго Прихода, Владимірской, Галицкой и Новой четвертей, списанныхъ вмѣстѣ въ этомъ году, равны были 540.527 р. 30 к. Изъ этихъ доходовъ 324.440 р. 75 к., т. е. 60,02%, передано въ другія учрежденія. Наиболѣе значительныя суммы переданы въ слѣдующія учрежденія:

въ Малороссійскій приказъ .	18.292 р. 29 ал. 4½ д.	или 5,63%
» Разрядъ	22.200 р. 10 ал. 5 д.	» 6,84%
» Большую Казну	22.553 р. — —	» 6,95%
» Иноземскій приказъ . .	26.601 р. 32 ал. 1½ д.	» 8,20%
» Стрѣлецкій » . . .	29.180 р. 33 ал. —	» 8,99%
» Посольскій » . . .	29.640 р. 10 ал. 1 д.	» 9,13%
» Рейтарскій » . . .	126.313 р. 9 ал. 2½ д.	» 38,93%
Итого	274.782 р. 25 ал. 2½ д.	» 84,67%

Хотя большинство суммъ, поступавшихъ въ четверти, какъ видно, препровождалось въ приказы по военному вѣдомству, тѣмъ не менѣе, извѣстная часть сборовъ могла также выдаваться изъ тѣхъ же четей и въ другія учрежденія, завѣдывавшія расходами на тотъ родъ государственныхъ потребностей, которыя удовлетворялись спеціально для этого назначенными сборами. Въ 1666—1667 г., напримѣръ, въ Устюжскую четь поступали стрѣлецкія деньги, ямскія, полоняничныя, конская пошлина. Сборы эти изъ Устюжской чети переводились въ соотвѣтствующіе приказы: Стрѣлецкій, Ямской, Посольскій, Конюшенный [1]). Но въ такомъ случаѣ приказы спеціальныхъ вѣтвей управленія становились какъ бы вторичными финансовыми центрами и распредѣленіе поступленій между такими центрами совершалось уже въ болѣе или менѣе систематическомъ порядкѣ. Такъ напримѣръ, въ Посольскій приказъ во второй половинѣ XVII вѣка (въ 1650—1677 гг.) присылались полоняничныя деньги изъ Казанскаго дворца, Новгородскаго приказа, Разряда, Монастырскаго приказа, Устюжской и Костромской четвертей, наконецъ, изъ Большаго прихода. Въ этихъ учрежденіяхъ велись расходныя книги, въ которыхъ записывались суммы, высылаемыя отсюда въ Посольскій приказъ, смотря по надобности, по памятямъ за приписью дьяка этого приказа. Здѣсь въ пріемѣ денегъ росписывался подъячій, и росписка, вѣроятно, отсылалась въ учрежденіе, откуда присланы были деньги [2]).

Все это приводитъ къ заключенію, что четверти въ XVII в. служили не конечною, а посредствующею инстанціей для поступленій, которыя отсюда переходили, главнымъ образомъ, въ приказы по военному управленію. Четверти принимали, хранили и выдавали

Остальные 49 657 руб. 99 коп. (=324.440 р. 75 к.—274.782 р. 76 к.) поступили въ Серебрянную палату, Казенный приказъ, Большой дворецъ, Аптекарскій приказъ, Оружейную палату, Каменный приказъ, Конюшенный и Земскій, Казанскій дворецъ и Пушкарскій приказъ. Изъ этихъ учрежденій въ Серебрянную палату поступило 5,27% всей суммы (324.440 р. 75 к.) или 17.109 р. 68 к., на Казенный дворъ 4,56%, т. е. 14.786 р. 11 к., въ Большой дворецъ—2,78%, или 9.016 р.; напротивъ, въ Казанскій дворецъ поступило всего 0,03%, или 91 р. 25 к. При производствѣ настоящихъ вычисленій дробныя части копѣекъ не приняты во вниманіе.

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С Л., 7175 г., № 317: Выписки изъ приходныхъ окладныхъ книгъ Устюжской четверти.

[2]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7185 г., мартъ 23—августъ 10: Дѣло объ отпискѣ въ Посольскій приказъ, сколько въ которомъ году, мѣсяцѣ и числѣ взято полоняничныхъ денегъ изъ разныхъ приказовъ.

деньги по предписанію большей частью въ другія учрежденія. Послѣднія различались не территоріальными разграниченіями, а по роду дѣлъ, подлежавшихъ ихъ вѣдомству, и имѣли право болѣе или менѣе самостоятельно расходовать полученныя изъ четвертей суммы. Такимъ образомъ рѣшался вопросъ о храненіи и распоряженіи денежными суммами въ Московскихъ приказахъ первой, а отчасти и второй половины XVII вѣка.

Распредѣленіе поступленій по четвертямъ не оставалось, однако, единообразнымъ въ теченіе всего XVII вѣка. Колебанія въ размѣрахъ поступленій, стекавшихся въ четверти, происходили отъ разнородныхъ причинъ. Московское правительство, какъ извѣстно, держалось репартиціонной системы налоговъ, но не примѣняло ее въ равной мѣрѣ ко всему населенію, а дѣлило послѣднее на разряды, смотря по налогоспособности. Ни посадская соха, ни уѣздная или посадская живущая четверть не были одинаковы во всѣхъ частяхъ государства. Онѣ были различны если не въ каждомъ уѣздѣ, то въ каждой области, въ зависимости отъ уровня платежныхъ силъ данной мѣстности [1]). Такимъ образомъ, если бы даже предположить, что во всѣхъ областныхъ четяхъ количество тяглыхъ дворовъ было одинаково (чего на самомъ дѣлѣ не было) и что въ каждую четь поступали такіе же виды доходовъ, какъ и въ остальныя, то и въ такомъ случаѣ количество получаемыхъ въ четяхъ доходовъ могло бы быть различнымъ.

Но города Московскаго государства были распредѣлены между четвертями далеко неравномѣрно. Въ Новгородскомъ приказѣ вѣдалось болѣе 60-ти городовъ и пригородовъ, въ Казанскомъ дворцѣ не менѣе 80 (считая пригороды, дворцовыя села и слободы), въ Сибирскомъ около 25 городовъ и остроговъ. Менѣе значительны были области, вѣдаемыя въ четвертяхъ Владимірской, Устюжской, Галицкой, и Костромской; въ каждой изъ этихъ областей можно насчитать около 20 городовъ [2]). Эту неравномѣрность въ распредѣленіи городовъ по разнымъ вѣдомствамъ едва ли можно понимать, какъ своего рода коррективъ вышеуказаннаго различія налогоспособностей разныхъ городовъ. Она была, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ территоріальнаго характера четвертныхъ приказовъ и не только не урав-

[1]) См. выше, стр. 257—258.

[2]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 7. Судя по окладной росписи на 7188 г. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Бояр. и оклад. кн., Доимоч. кн. № 3), въ Сибирскій приказъ должно было поступить деньгами, соболями и другими мѣхами на 143.610 р. 10 к. См. приложеніе XI.

нивала, но увеличивала различіе въ размѣрахъ доходовъ, поступавшихъ въ разныя четверти. Едва ли возможно предполагать значительное сходство между количествомъ доходовъ, поступавшихъ въ четверти Устюжскую, Владимірскую, Галицкую и Костромскую, не смотря на то, что въ каждой изъ этихъ четвертей числилось, приблизительно, одно и то же количество городовъ [1]). Съ другой стороны, тамъ, гдѣ, какъ напримѣръ, въ Устюжской и Новгородской чет-

[1]) Судя по нѣкоторымъ приходнымъ окладнымъ книгамъ, смѣтнымъ спискамъ, окладнымъ росписямъ и счетнымъ спискамъ, хранящимся въ значительномъ количествѣ въ приказныхъ дѣлахъ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о финансовомъ значеніи каждой изъ четвертей сравнительно съ другими четвертями. Въ Устюжскую четверть въ 7132 г. окладныхъ и сверхъ оклада поступило: 28.808 р. 43 к. (П. Д. С. Л., 7132—7134, № 29), въ 7134 г. окладныхъ и неокладныхъ доходовъ (не считая остаточныхъ) 38.753 р. 10 к. (Ibid., 7134 г., № 37); по смѣтному списку на 7153 г. должно было поступить по разсчету самой смѣты 49.402 р. 53 к. (Ibid., 7153 г., № 97). Окладныхъ и неокладныхъ доходовъ (вмѣстѣ съ остаточными и доимочными) поступало въ Устюжскую четь: въ 7164 г.— 97.906 р. 57 к. въ 7172 г. — 83.867 р. 52 к.; въ 7173 г.—84.153 р. 90 к. (Ibid., 7175 г., № 317). По счетному списку денежной казны Владимірской четверти съ 1-го сентября 7.178 по 1-е сентября 7179 г. по рукѣ подьячего Ивана Коровина поступило окладныхъ и неокладныхъ доходовъ (вмѣстѣ съ остаточными) 7.483 р. 10 к. (Ibid., 7179 г. февраля 18, № 83). Всего денежной казны за тотъ же срокъ по рукѣ того же подьячего по двумъ книгамъ поступило 19.687 р. 41 коп. да 1.000 золотыхъ червонныхъ. Въ 7187 году съ 1-го сентября по 1-е марта взято было во Владимірской четверти окладныхъ съ остаточными и доимочными 10.243 р. 53 к. (Ibid,, 7187 г.). Въ Галицкой чети за тотъ же срокъ такихъ же доходовъ было въ 7187 г. 6.684 р. 11 к. (Ibid). По приходнымъ книгамъ пріема под. Ив. Харламова въ Галицкой чети въ приходѣ въ 7182 году было 4.071 р. 78 коп. (Ibid., 7183 г. ноября 16). Слѣдуетъ замѣтить, что въ четвертяхъ доходы принимались не однимъ, а нѣсколькими подьячими, изъ которыхъ каждый велъ свои приходныя книги. Такимъ образомъ, вышеприведенныя данныя, къ сожалѣнію, не даютъ точнаго представленія о размѣрахъ поступленій, стекавшихся во Владимірскую и Галицкую четверть. Можно думать, однако, что въ этихъ четвертяхъ едва ли было болѣе двухъ подьячихъ, завѣдывавшихъ пріемомъ доходовъ; размѣры послѣднихъ въ такомъ случаѣ окажутся гораздо менѣе значительны, чѣмъ доходы Устюжской и Новгородской четверти. О доходахъ Костромской четверти можно судить по смѣтному списку 7188 г. (Ibid., Бояр. и Оклад. книги: Доимочная кн. № 3). По бюджетнымъ предположеніямъ на этотъ годъ, съ городовъ Костромской четверти должно было поступить въ Стрѣлецкій приказъ: данныхъ и оброчныхъ 1.149 р. 40 к.; таможенныхъ и кабацкихъ пошлинъ 16.607 р. 28 к.; стрѣлецкихъ, полоняничныхъ и ямскихъ 17.756 р. 69 к., всего 35.513 р. 37 к.—Къ сожалѣнію, такихъ же свѣдѣній о другихъ четвертяхъ въ томъ же памятникѣ не имѣется.

вертяхъ, встрѣчается значительное различіе въ количествѣ подвѣдомственныхъ имъ городовъ (въ первой 22, во второй 65), рѣзко сказывается и различіе въ размѣрахъ стекавшихся сюда доходовъ. Извѣстно, что доходы Новгородской четверти въ первой половинѣ XVII в. превышали доходы Устюжской около шести разъ [1]).

Итакъ, неравномѣрность въ распредѣленіи поступленій между разными четвертями и приказами съ областнымъ характеромъ вызвана была различіемъ налогоспособностей разныхъ городовъ государства и усилилась подъ вліяніемъ неравномѣрнаго разграничения ихъ вѣдомствъ въ территоріальномъ отношеніи Вліяніе этихъ условій не было, однако, постояннымъ. Съ одной стороны мѣнялась налоспособность разныхъ поселеній, вѣдаемыхъ въ той или другой четверти; само правительство принимало во вниманіе эти измѣненія, признавало за однимъ и тѣмъ же городомъ разную налогоспособность въ разное время и, такимъ образомъ, то увеличивало, то уменьшало доходы одной и той же четверти [2]). Съ другой—области, вѣдаемыя въ четвертяхъ, не оставались неизмѣнными. Причины такого рода колебаній въ территоріальномъ разграниченіи вѣдомствъ разныхъ четвертей были довольно разнообразны. Во многихъ случаяхъ временныя удобства администраціи вызывали измѣненія въ количествѣ городовъ, вѣдаемыхъ въ той или другой четверти или приказѣ. Соломенская волость, напримѣръ, какъ дворцовая собственность, первоначально была вѣдаема въ Большомъ дворцѣ. Приписанная затѣмъ къ Тульскимъ и Каширскимъ заводамъ, она поступила въ вѣдомство Оружейной палаты, съ 1667 г. (7175) вѣдалась въ Пушкарскомъ, въ 1668 г. перешла въ Посольской и, наконецъ, въ 1671 г. снова стала платить подати въ Большой дворецъ [3]). Колебанія эти объясняются частью тѣмъ, что этими заводами управлялъ Петръ Марселисъ, иноземецъ, частью тѣмъ значеніемъ, какое имѣли эти заводы для Оружейной палаты и Пушкарскаго приказа. Сильное развитіе какой-либо

[1]) По смѣтному списку Устюжской четверти 7153 г., сюда должно было поступить всякихъ доходовъ 49.402 р. 53 к. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7153 г., № 97). По смѣтному списку Новгородской четверти въ 1634 г. здѣсь числилось всякихъ доходовъ вмѣстѣ съ натуральными сборами переведенными на денежный счетъ, а также нѣсколькими оцѣненными товарами и предметами—333.227 р. 1 к.

[2]) См. выше, стр. 258.

[3]) Доп. къ А. И., т. V, №№ 9, 51, 77. Въ 1668 г. (мая 22) велѣно вѣдать Петра Марселиса судомъ и расправой въ Посольскомъ приказѣ (Древ. Росс. Вивл., ч. XX, стр. 369).

*

отрасли дворцоваго хозяйства въ томъ или другомъ городѣ или уѣздѣ,—отрасли, управленіемъ которой завѣдывалъ иногда мѣстный воевода, придавало послѣднему характеръ дворцоваго прикащика; значительная часть податей, взимаемыхъ съ такого посада или уѣзда, поступали въ Большой дворецъ и, такъ сказать, перетягивали съ собою и остальныя подати, падавшія на черныя земли помѣстья или вотчины Такимъ образомъ разъясняется, напримѣръ, переходъ Бѣлоозера, гдѣ были значительныя дворцовыя рыбныя ловли, изъ Галицкой чети въ вѣдомство Большаго дворца [1]). Въ Дмитровѣ были извѣстные дворцовые, рыбные пруды, и Дмитровъ изъ вѣдомства Устюжской четверти переведенъ былъ въ Большой дворецъ [2]). Въ вѣдомство того же учрежденія поступили изъ Костромской четверти Малая и Большая Соль, вѣроятно, по подобной же причинѣ [3]). Иногда такія же перемѣщенія вызывались не хозяйственными соображеніями, а, вѣроятно, дипломатическими или военными цѣлями. Такимъ образомъ, быть можетъ, слѣдуетъ разъяснять переводъ Мещовска изъ Галицкой чети, Карачева и Орла изъ Владимірской въ Разрядъ въ 40-хъ годахъ [4]).

Всѣ эти колебанія въ территоріальномъ разграниченіи вѣдомствъ четвертей, вмѣстѣ съ измѣнчивостью въ налогоспособности тяглаго населенія, вызывали не только неравномѣрность въ распредѣленіи поступленій по центральнымъ учрежденіямъ, но и неустойчивость такого распредѣленія. Одна и та же подать съ одного и того же поселенія въ разные, иногда неотдаленные другъ отъ друга періоды времени, поступала въ разныя учрежденія. Въ этомъ отношеніи, однако, не слѣдуетъ придавать слишкомъ большаго значенія такимъ колебаніямъ. Хотя нѣкоторыя города и перечислялись изъ одного приказа въ другой, но большинство этихъ городовъ въ теченіе XVII вѣка до эпохи преобразованій оставалось въ вѣдомствѣ одной и той же четверти, а подвѣдомственность такой четверти другому приказу мало въ чемъ измѣняла ихъ положеніе [5]). Гораздо большее вліяніе на неустой-

---

[1]) Доп. къ А. И., т. IV, № 38; т. VI, № 8; т. VIII, № 30.

[2]) А. Э., т. IV, № 250. Доп. къ А. И., т. VII, № 64.

[3]) См. приложеніе XI.

[4]) Впрочемъ, причину, въ силу которой Мосальскъ переведенъ былъ изъ Разряда въ Большой дворецъ, объяснить трудно. Въ Мосальскѣ по переписнымъ книгамъ 1678 г., даже не было посада (Доп. къ А. И., т. VIII, № 40) См. приложеніе XI.

[5]) См. приложеніе XI.

чивость въ распредѣленіи поступленій имѣло уже начинавшееся, но далеко еще не опредѣлившееся развитіе ихъ спеціализаціи, т. е. болѣе или менѣе точнаго опредѣленія тѣхъ расходовъ, на которые они предназначались, а тѣмъ самымъ и тѣхъ учрежденій спеціально-административнаго характера, куда они должны были стекаться. Въ рядѣ замѣтныхъ со второй половины XVII вѣка и неудачныхъ попытокъ правительства систематизировать исторически слагавшійся приказный порядокъ и слѣдуетъ искать, главнымъ образомъ, причины тѣхъ частыхъ колебаній, какія мы видимъ въ распредѣленіи податей по центральнымъ учрежденіямъ.

Но прежде чѣмъ приступить къ изученію этого новаго явленія въ приказной системѣ, слѣдуетъ отмѣтить то вліяніе, какое оказывало территоріально-сословное начало на распредѣленіе нѣкоторыхъ поступленій и вѣ четвертей. Отсутствіе одного общаго центра поступленій и затрудненія, возникавшія при переводѣ податныхъ суммъ изъ одного центральнаго учрежденія въ другое, побуждали правительство приписывать цѣлыя области или отдѣльные города къ приказамъ не финансоваго характера. Дѣлалось это лишь для того, чтобы употреблять доходы, получаемые съ нихъ, на текущіе расходы даннаго учрежденія и не затруднять его розыскиваніемъ нужныхъ для этого суммъ въ другихъ учрежденіяхъ. Таковъ былъ Разрядъ, вѣдавшій военно-служилый классъ и дѣла по военному управленію. Области, которыя заселены были значительнымъ количествомъ служилыхъ людей низшихъ разрядовъ и финансовое управленіе которыхъ хотя и могло бы существовать самостоятельно, но, такъ сказать, поглощалось военнымъ, естественно приписывались непосредственно къ Разряду. Такимъ образомъ сложилась финансовая зависимость многихъ городовъ Украйны, Сѣвскаго, Бѣлгородскаго и Кіевскаго полковъ отъ Разряда. Въ Сѣвскомъ полку числилось около 20 городовъ, расположенныхъ, главнымъ образомъ, между рр. Сожью и Окой въ области р. Десны. Число городовъ Бѣлгородскаго полка доходило до 80. Самый полкъ, поэтому, раздѣленъ былъ въ послѣдній годъ правленія царя Ѳедора на два разряда: Бѣлгородскій и Тамбовскій. Первому подвѣдомственна была область между среднимъ теченіемъ Дона и Сеймомъ (притокомъ Днѣпра), главнымъ образомъ, въ области р. Оскола. Второй вѣдалъ города, находившіеся въ области верхняго теченія р. Дона съ притоками Быстрой, Сосной и Воронежемъ. Въ Кіевскомъ полку, повидимому, вѣдался Кіевъ съ нѣсколькими вто-

ростепенными городами Украйны [1]). Но границы всѣхъ этихъ областей опредѣлялись преимущественно стратегическими соображеніями, а поэтому съуживались или расширялись нерѣдко, хотя, впрочемъ, едва ли подвергались существеннымъ видоизмѣненіямъ [2]). Поэтому ни число городовъ, вѣдаемыхъ въ Разрядѣ въ финансовомъ отношеніи, ни распредѣленіе взимаемыхъ съ нихъ сборовъ не оставались неизмѣнными въ теченіе всего XVII вѣка. При денежномъ столѣ Разряда въ 1619—1620 г. велись приходныя книги доходамъ съ городовъ: Воронежа, Курска, Бѣлгорода, Оскола, Валуйки, Ельца, Ливенъ, Лебедяни. Въ 1646 г., за исключеніемъ Бѣлгорода на ряду съ вышеупомянутыми городами встрѣчается нѣсколько новыхъ; таковы· Карачевъ, Кромы, Мещовскъ, Орелъ, Козловъ, Серпѣйскъ, Мосальскъ [3]). Со второй половины XVII вѣка число городовъ, которые вѣдались въ Разрядѣ, между прочимъ, и въ финансовомъ отношеніи значительно увеличилось. Приходъ сталъ записываться въ особыя книги по столамъ Бѣлгородскому, Сѣвскому и Кіевскому [4]). Доходы, поступавшіе въ эти столы, придавали имъ довольно важное значеніе; впрочемъ, значительная часть этихъ доходовъ состояла изъ косвенныхъ, а не прямыхъ налоговъ [5]). Въ

---

[1]) *Н. Загоскинъ*, Столы Разряднаго приказа, К., 1879 г., стр. 24 и 36.

[2]) См. выше, стр. 268.

[3]) Арх. Мин. Юстиціи, Столбцы Разряднаго приказа Денежнаго стола 7127—7128 и 7153—7159 гг., №№ 1/9036 и 4/9039. Послѣдній изъ этихъ документовъ начинается такъ: «Роспись счетная, что въ Разрядѣ въ денежномъ столѣ по записке подьячего Матвѣя Кунтукова въ 153, 154, 155, 156 и 157 году да по запискѣ подьячего Михаила Володимерова со 155-го г. сентября 1-го числа да по 159 г. окладныхъ и неокладныхъ и что взято на Москвѣ и изъ приказовъ, и что съ тѣхъ денегъ |въ расходѣ на Москвѣ и въ городѣ послано»... *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 3.

[4]) *Н. Загоскинъ*, Ibid., стр. 23, 36 и 37. Въ 1665 г. Разряду велѣно было завѣдывать всѣми доходами съ городовъ Бѣлгородскаго и Сѣвскаго полковъ. П. С. З., т. I, № 370.

[5]) По счетнымъ росписямъ денежнаго стола Разряда сюда поступало окладныхъ и неокладныхъ доходовъ: въ 7128 году съ 8 городовъ—4.027 р. 25 к., въ 7155 г. съ 14 городовъ (упоминаемыхъ въ текстѣ) по записямъ подьячаго Михаила Володимірова 6.118 р. 57 к., по записямъ подьячаго М. Кунтукова 1.842 р. 9 к., всего 7.960 р. 66 к.; въ 7156 г. съ тѣхъ же городовъ по записямъ перваго подьячаго поступило: 3.065 р. 79 к., по записямъ втораго подьячаго 3.120 р. 42 к., всего 6.186 р. 21 к. (см. выше, прим. 3). Въ Сѣвскій столъ по бюджетнымъ предположеніямъ на 7178 годъ съ гг. Лихвина, Бѣлева, Болхова, Карачева, Орла, Кромъ, Брянска, Рыльска, Сѣвска, Путивля, Недрыгайлова, Каменнаго должно было поступить окладныхъ и неокладныхъ доходовъ 20.350 р. 20 к. (Арх. Мин. Юстиціи, Книги Денежнаго стола Раз-

рѣдкихъ случаяхъ часть податныхъ сборовъ, поступавшихъ въ столы Разряда, быть можетъ, излишки, препровождалась отсюда въ другіе приказы съ финансовымъ характеромъ [1]). Такимъ образомъ, Разрядъ былъ довольно важнымъ финансовымъ центромъ и въ этомъ отношеніи можетъ быть поставленъ на ряду съ Костромскою и даже съ Устюжскою четвертью, если принимать во вниманіе бюджетъ послѣдней, какимъ мы его знаемъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Однородное, хотя и гораздо менѣе важное значеніе въ финансовомъ отношеніи имѣлъ Великороссійскій приказъ, учрежденный въ концѣ XVII вѣка [2]). Онъ вѣдалъ нѣсколько го-

---

ряднаго приказа 7178 г., № 11983/355: Книга приходная великаго Государя. царя и великаго князя Алексѣя Михайловича и т. д. по Сѣвскому столу. Итога въ книгѣ не подведено). Въ Бѣлгородскій столъ съ гг. Воронежа, Курска, Валуйки, Бѣлгорода, Хотьмышска, Оскола, Ельца, Черной Слободы Ливенъ, Лебедяни, Мещовска, Кромъ, Орла, Козлова, Серпѣйска, Яблонова Корочи, Ольшанска, Коротояка, Чернавска, Сѣвска и Комарицкой волости Карпова, Сокольскаго, Добраго городища, Ямской и Направной слободъ при Воронежѣ, Мосальска, Ефремова, Валокъ должно было поступить окладныхъ и неокладныхъ доходовъ (не считая остаточныхъ, новгородокъ и московокъ, воску и меду) 13.747 р. 44 к. (Ibid., Приходная книга по Бѣлгородскому столу 7160 г., № 11727/99. Итогъ въ книгѣ не подведенъ). Въ 7185 г. по рукѣ Василія Степанова и рукѣ Максима Алексѣева въ тотъ же столъ поступило доимочныхъ, окладныхъ и неокладныхъ (не считая мягкой рухляди, золотыхъ, меду и воску) 15.623 р. 8 к. Упомянуты города: Талецкое, Елецъ, Ливны, Чернавскъ, Обоянь, Карповъ, Болховской, Хотьмышскъ, Вольный, Короча, Верхососенскъ, Усердъ, Ольшанскъ, Острогожскъ, Коротоякъ, Воронежъ, Сокольскій, Добрый, Козловъ, Валуйки, Чугуевъ. (Ibid., Бѣлгородскій столъ, 7185 г. № 11757/41: Книга записная сентября съ 1-го нынѣшняго 185 г., сколько въ Разрядѣ во 184 г. (и слѣдующихъ годахъ) по счетнымъ росписямъ за руками подьячихъ денежнаго стола государевой казны, золотыхъ и мягкой рухляди и воску было у нихъ въ приходѣ и въ расходѣ). По Кіевскому столу намъ попадались лишь позднія данныя. Во всякомъ случаѣ, его доходы, вѣроятно, не превосходили доходовъ Сѣвскаго или Бѣлгородскаго столовъ. Имѣя въ виду лишь цифры, касающіяся этихъ двухъ послѣднихъ, можно сказать, что въ Разрядъ поступало тысячъ около сорока рублей въ годъ (20.350,20+13.747,44=34.097,64). Между тѣмъ, судя по росписи 1679 г. (ср. прим. 1 на 453 стр.) самостоятельные доходы Разряда=116.284,34—72.690,41=43.593,93 руб

[1]) *Н. Загоскинъ*, Ibid., стр. 23, прим. 83.

[2]) Въ статьѣ о приказахъ въ Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 289, этотъ приказъ упоминается лишь съ 1688 г. Вѣроятно, однако, что онъ существовалъ и раньше. Въ приходной книгѣ 1687 г. по этому приказу (Арх. Мин. Юстиціи, Книги Кіевскаго стола Разряда, кн. 7197, № 15) при означеніи того, сколько придется сбирать съ каждаго города, встрѣчаются ссылки на сборы 7193 г. и слѣд. годовъ.

родовъ, расположенныхъ въ районѣ Бѣлгородскаго полка; впрочемъ доходы его были незначительны и состояли почти исключительно изъ косвенныхъ налоговъ [1]).

Итакъ, хотя Разрядъ, а можетъ быть, и Великороссійскій приказъ, отличались отъ другихъ учрежденій по роду дѣлъ, входившихъ въ ихъ компетенцію, но все же вѣдали цѣлыя области въ финансовомъ отношеніи. Въ болѣе слабой степени тоже явленіе при постепенномъ развитіи приказной системы также сказывалось въ приписк̀ѣ если не областей, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколькихъ городовъ и къ нѣкоторымъ другимъ приказамъ. Отличаясь по роду дѣлъ, эти приказы нуждались въ немногихъ доходахъ на канцелярскія потребности или для скорѣйшаго покрытія какихъ-либо государственныхъ расходовъ. Къ Земскому и Пушкарскому приказамъ, такимъ образомъ, приписано было нѣсколько городовъ [2]). Въ томъ же смыслѣ, можетъ быть, слѣдуетъ понимать временную приписку Олонца къ Большой казнѣ [3]), Новгородскихъ и Псковскихъ дворцовыхъ селъ, а также Ваги къ приказу Тайныхъ дѣлъ [4]), наконецъ, приписку 5 небольшихъ городовъ къ Посольскому приказу, куда впрочемъ, поступали одни косвенные налоги съ этихъ городовъ [5]). Въ числѣ такихъ городовъ встрѣчаемъ между прочимъ Вязьму. Вяземская таможня вѣдалась въ Посольскомъ приказѣ до 173 (1665) года «для посольскихъ кормовыхъ покупокъ, которые Польскіе и Литовскіе послы хаживали къ великому Государю, къ Москвѣ черезъ Вязьму». Съ 7173 по 7175 годъ сборы эти поступали въ Устюжскую четь (куда и раньше стекались прямые налоги съ этого города), а вслѣдъ за тѣмъ для такихъ же посольскихъ расходовъ вновь стали собираться въ Посольскомъ приказѣ [6]).

---

[1]) Арх. Мин. Юстиціи, Книга Кіевскаго стола 7197 г., № 15. Здѣсь упомянуто 12 городовъ (см. приложеніе XI), съ которыхъ, судя по сборамъ 7193—7197 гг., могло поступать всего около 1.300 р. (1.297 р. 48 к.) въ годъ. Цифра эта—не средняя величина изъ 4 лѣтъ, а сводная, составленная по смѣтнымъ спискамъ этихъ годовъ по разнымъ городамъ. Единовременныхъ свѣдѣній о доходахъ всѣхъ городовъ въ этой книгѣ не имѣется.

[2]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 11 и 30.

[3]) А. Э., т. IV, № 250. Въ 1679 году онъ еще числится въ Новгородской четверти (А. И., т. V, № 41), но въ 1681 г. приписанъ къ Большому дворцу.

[4]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, I.

[5]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 2. См. приложеніе XI.

[6]) Доп. къ А. И., т. V, № 52.

Такимъ образомъ, въ припискѣ нѣсколькихъ городовъ или цѣлыхъ областей къ приказамъ не финансоваго характера обнаружились неудобства примѣненія территоріально-сословнаго принципа къ распредѣленію поступленій. Въ силу такого принципа разнообразныя подати, взимаемыя въ предѣлахъ одной и той же области, не дробились по разнымъ учрежденіямъ, а всѣ или почти всѣ поступали въ областную четь. Такое распредѣленіе вело къ двумъ рядамъ важныхъ послѣдствій: во-первыхъ, одна и та же подать разсѣевалась по разнымъ учрежденіемъ, а поэтому крайне затруднительными становились: общая оцѣнка размѣровъ того или другаго сбора, точное опредѣленіе тѣхъ выгодъ, какія онъ доставлялъ казнѣ, и выработка опредѣленной системы въ соотношеніи такихъ сборовъ. Во-вторыхъ, такой порядокъ препятствовалъ образованію одного главнаго финансоваго центра, принуждалъ правительство переводить денежныя суммы изъ приказовъ финансоваго характера въ другія учрежденія и, слѣдовательно, въ значительной мѣрѣ осложнялъ приказное счетоводство и кассовое устройство.

III. ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОПЫТКИ СИСТЕМАТИЗАЦІИ ПОСТУПЛЕНІЙ.

Значеніе четверти въ приказной системѣ Московскаго государства стало падать, когда явились попытки систематическаго распредѣленія поступленій по центральнымъ учрежденіямъ. Эта систематизація стала обнаруживаться, повидимому, на почвѣ сословныхъ разграниченій. Гости, гостинная и суконная сотня (серебрянаго дѣла мастера) и «многихъ городовъ торговые люди» были вѣдаемы въ приказѣ Большой казны и вносили сюда слѣдуемыя съ нихъ подати [1]). Въ этомъ отношеніи вѣдомство Большой казны оставалось довольно однообразнымъ за весь XVII вѣкъ. Лишь около половины XVII вѣка, въ связи съ реформами косвеннаго обложенія, замѣтны нѣкоторыя колебанія. Гости, гостинной и суконной сотни торговые люди временно приписаны были къ Ка-

[1]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 9. Онъ же прибавляетъ, что сюда поступаютъ подати съ городовъ, «которые городы вѣдомы въ томъ приказѣ и тѣхъ городовъ съ крестьянъ и зъ бобылей тягло и подати и откупы и иные поборы ежегодъ». Къ сожалѣнію, намъ не удалось опредѣлить, какіе это города.

занскому дворцу по 1667 годъ [1]). Но послѣ 1667 года они продолжали находиться въ вѣдѣніи Большой казны [2])

Въ числѣ такихъ же сословныхъ учрежденій съ финансовымъ характеромъ слѣдуетъ поставить и Монастырскій приказъ. Духовенство, выдѣленію котораго въ особое сословіе способствовали извѣстныя статьи Уложенія и не менѣе извѣстныя постановленія духовнаго собора 1667 года [3]), съ 1648 года стало вѣдаться въ особомъ учрежденіи, Монастырскомъ приказѣ. По челобитью разныхъ чиновъ людей (служилыхъ и тяглыхъ), этотъ приказъ выдѣленъ былъ изъ Большаго дворца въ особое учрежденіе, въ которомъ «давался судъ» на все черное и бѣлое духовенство, монастырскихъ слугъ, монастырскихъ и церковныхъ крестьянъ [4]). Судебная подвѣдомственность повлекла за собою и финансовую: въ Монастырскій приказъ стали поступать всѣ подати съ монастырскихъ и церковныхъ земель, подати, которыя до 1648 года стекались въ Большой дворецъ. Финансовая компетенція Монастырскаго приказа временно на столько расширилась, что сюда являлись, напримѣръ, даточные люди не только съ земель духовенства, но и съ мірскихъ помѣстій и вотчинъ [5]). Тридцатилѣтнее существованіе Монастырскаго приказа, какъ извѣстно, прекращено было указомъ 1 декабря 1677 года, по которому, безъ разъясненія причинъ, велѣно было впредь всякія дѣла этого приказа по прежнему вѣдать въ Большомъ дворцѣ, а оставшіяся денежныя недоимки—въ Новой четверти [6]).

---

[1]) Доп. къ А. И., т. VIII, № 40. Шла даже рѣчь о томъ, «что купецкихъ людей пристойно вѣдать въ одномъ пристоиномъ приказѣ, гдѣ великій Государь укажетъ своему Государеву боярину, который бы приказъ былъ купецкимъ людямъ оборонною... защитою и управою». (П. С. З.. т. I, № 408 ст. 88. Новоторговый уставъ 1667 г.). Проекту этому, однако, какъ извѣстно не суждено было осуществиться. Лишь въ концѣ XVII в. учреждена была Бурмистерская палата, вскорѣ переименованная въ Ратушу (П. С. З., т. III, №№ 1674 и 1718. *Н. Поповъ*, Вопросъ о приказѣ купецкихъ дѣлъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1889 г., кн. 2, стр. 252—253).

[2]) П. С. З., т. I, № 526. Указомъ отъ 4 ноября 1685 г. велѣно было Большой казнѣ «о торгу (на разныхъ московскихъ оброчныхъ мѣстахъ) смотрѣть и беречь и заказъ чинить накрѣпко». А. Э., т. IV, № 286. П. С. З., т. II, №№ 1027 и 1038.

Уложеніе, гл. XIX, ст. 1. П. С. З., т. I, № 412, О монашескомъ чинѣ, ст 9 и гл. IV, вопросъ и отвѣтъ 4.

Уложеніе, гл. XIII, ст. 1—7.

Доп. къ А. И., т. IV, № 27; т. V, № 61.

П. С. З., т. II, № 711.

Сословныя различія не могли, однако, служить надежною основой для распредѣленія поступленій по центральнымъ учрежденіямъ. Съ одной стороны, различія эти, особенно въ первой половинѣ XVII вѣка, были еще довольно слабыми: посадскій человѣкъ не оторванъ былъ отъ земли, крестьянинъ могъ заниматься промыслами и торговлей; съ другой—они могли бы имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, когда четвертные приказы потеряли бы областной характеръ и когда каждый изъ этихъ классовъ подлежалъ бы вѣдѣнію особаго учрежденія, что, разумѣется, въ то время было невозможно. Болѣе естественнымъ принципомъ распредѣленія поступленій могли послужить различія въ характерѣ податей. Правда, прямые и косвенные налоги въ XVII вѣкѣ еще менѣе рѣзко отличались другъ отъ друга, чѣмъ теперь. И тѣ, и другіе принадлежали къ числу окладныхъ доходовъ; различіе ихъ сказывалось скорѣе въ способахъ взиманія, да и здѣсь были черты сходныя. Поэтому они долгое время поступали вмѣстѣ въ одни и тѣже центрально-областныя учрежденія, четвертные приказы, какъ о томъ можно судить еще по смѣтнымъ спискамъ и окладнымъ росписямъ половины XVII вѣка. Естественное различіе этихъ двухъ группъ налоговъ стало, однако, сказываться мало по малу и въ это время въ довольно строгомъ подраздѣленіи окладныхъ доходовъ на прямые и косвенные [1]); различіе это вызвало образованіе финансовыхъ учрежденій, въ которыя поступали, главнымъ образомъ, одни косвенные налоги. Въ Большой приходъ (извѣстный уже со второй половины XVI в.), кромѣ оброчныхъ денегъ съ лавокъ, гостинныхъ дворовъ и погребовъ г. Москвы и «иныхъ городовъ», стали стекаться помѣрныя и таможенныя пошлины; мыто, перевозъ и мостовщина, составлявшіе, въ общей сложности, довольно значительный процентъ государственнаго бюджета [2]). Въ Новую

[1]) Ср. выше, стр. 30—33.

[2]) *Г. Котошихинъ,* Ibid., гл. VII, ст. 10. Доп. къ А. И., т. III, № 27; т. XI, № 97. П. С. З., т. I, № 370; т. II, №№ 824 и 872. Таможенныя и откупныя деньги съ г. Шуи поступали въ Большой приходъ въ 1633, 1636 1666 годахъ. Румянцев. музей, Отписи собр. Я. Гарелина. Мы пользовались этимъ собраніемъ, когда оно еще не было окончательно разобрано и когда его описаніе не было еще напечатано въ Отчетѣ Публ. и Румянцев. муз. за 1886—1888 гг., М. 1889 г., стр. 1—80. Въ 1676 г. въ Большомъ приходѣ велись записныя книги лавкамъ и оброчнымъ мѣстамъ (П. С. З., т. II, № 666). Судя по указу отъ іюня 1681 г. (Ibid., № 874) помѣрныя пошлины изъ помѣрной избы приносили въ Большую казну. Доходы Большаго прихода составляли около 22,43% всего бюджета, судя по свѣдѣніямъ, сообщаемымъ Котошихинымъ.

четь (которая упоминается въ концѣ XVI в) стали поступать кабацкіе доходы, впрочемъ, едвали со всѣхъ городовъ государства [1]).

Но попытки систематическаго распредѣленія поступленій не остановились на разграниченіи прямыхъ налоговъ отъ косвенныхъ. Необходимость въ назначеніи нѣкоторыхъ изъ статей прихода на покрытіе опредѣленныхъ статей расхода должна была повести къ тремъ послѣдствіямъ: во-первыхъ, къ выдѣленію спеціальной подати изъ остальныхъ при ихъ раскладкѣ и взиманіи; во-вторыхъ, къ запрещенію употреблять ее на удовлетвореніе какихъ бы то ни было потребностей кромѣ одной, заранѣе опредѣленной, и въ-третьихъ, къ поступленію этой подати въ приказъ, спеціально къ тому предназначенный. Спеціальными податями стали, главнымъ образомъ, ямскія, полоняничныя и стрѣлецкія деньги, а также деньги ратнымъ людямъ на жалованье. На краткой исторіи ихъ распредѣленія по центральнымъ учрежденіямъ всего легче провѣрить справедливость вышеприведенныхъ обобщеній.

Въ первой четверти XVII вѣка ямскія деньги поступали въ Большой приходъ, подобно полоняничнымъ [2]), но затѣмъ стали сбираться въ Ямскомъ приказѣ, который въ 1681 году, какъ извѣстно, приписанъ былъ къ Стрѣлецкому [3]). Въ Ямскомъ приказѣ въ 1670-хъ годахъ хранились книги сборныя ямскимъ деньгамъ, книги, которыя присылались сюда съ подьячими отъ воеводъ. Въ приказѣ «подьячихъ по тѣмъ книгамъ считали въ приходѣ тотчасъ» и затѣмъ ужь составляли общія приходныя книги [4]). Впро-

---

[1]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 20. Доходы Новой чети составляютъ всего 4,49% всего бюджета. А. И., т. V, № 179. Уже въ 1620 г. въ Разрядъ поступило изъ Новой чети 4.017 р. (Арх. Мин. Юстиціи, Столбецъ Денежнаго стола Разряда 7127—7128 г., № 9036/1). О существованіи особаго «Кабацкаго приказа», состоявшаго при Новой чети и вѣдавшаго всѣ московскіе кабаки, мы узнаемъ по царской грамотѣ отъ 31 августа 1625 г. головѣ Елисѣю Родіонову съ товарищами (Москов. губ. вѣд. 1856 г., № 3: Матеріалы для исторіи г. Москвы, изд. И. Забѣлинымъ). Кабацкія и откупныя деньги съ Шуи въ 1617 г. поступали въ Галицкую четь, въ 1654, 1656 г. въ Новую четь. Румянцев. музей, Отписи собр. Я. Гарелина.

[2]) А. Ю., № 214, II, VI, XII (1589 и 1627 гг.). А. И., т. II, № 355. См. ниже, прим. 4.

[3]) А. Ю., № 313 (1643 г.). Доп. къ А. И., т. VIII, № 66. Древ. Росс. Вивл., ч. XX, стр. 401.

[4]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., Окладныя книги Ямскаго приказа, кн. № 1, 1678 г. Эта книга озаглавлена такъ: Книги зборныя ямскимъ деньгамъ. съ Галича, Галицкаго и Чухломскаго уѣздовъ, Ярославля съ уѣздомъ и Касимовскаго уѣзда. Въ этихъ книгахъ порознь исчислены всѣ

чемъ, едва ли возможно вполнѣ точно опредѣлить, когда Ямской приказъ замѣнилъ въ этомъ отношеніи Большой приходъ и замѣнилъ ли его вполнѣ. Есть указанія на то, что съ одного и того же поселенія, напримѣръ, съ г. Шуи, ямскія деньги взимались попеременно то въ одно, то въ другое изъ этихъ учрежденій [1]). Такимъ образомъ, потребности, на удовлетвореніе которыхъ назначены были ямскія деньги, повидимому, были недостаточно сильны для того, чтобы вызвать рѣзкую спеціализацію этого сбора. Нѣсколько яснѣе этотъ процессъ обнаруживается при сборѣ полоняничныхъ денегъ.

Полоняничныя деньги имѣли опредѣленное назначеніе: «окромѣ выкупу плѣнныхъ тѣхъ денегъ ни въ какіе расходы не давали» [2]). Такое назначеніе предотвращало смѣшеніе полоняничныхъ денегъ съ другими налогами и вызывало правительственныя распоряженія, которыя запрещали воеводамъ употреблять эти деньги на мѣстные расходы. Такъ напримѣръ, Новгородскимъ воеводамъ въ 1671 г., по примѣру и болѣе раннихъ грамотъ, посланныхъ туда же, велѣно было полоняничныхъ денегъ ни на какіе расходы не давать и съ четвертными доходами ихъ не списывать [3]). Въ началѣ

помѣщики и вотчинники съ означеніемъ числа живущихъ четвертей, съ которыхъ взимались ямскія деньги. При каждой статьѣ приписка другою рукой: «взято въ Галиче, Ярославлѣ» и т. п. или просто «взято». Окладъ налога не означенъ, вѣроятно, потому, что предполагается извѣстнымъ. Книги эти велись въ Галичѣ, Ярославлѣ подьячими, которые и подали ихъ въ Ямской приказъ. Въ концѣ книги читаемъ: «И по симъ книгамъ ево (слѣдуетъ имя подьячаго) счесть въ приходѣ тотчасъ, чтобы доимки впредь не было и выписка (т. е. въ докладъ?) положить на спѣхъ». П. С. З., т. II, № 1184.

[1]) Судя по отписямъ собр. Я. Гарелина въ Румянцев. музеѣ, ямскія деньги, взимаемыя съ Шуи и Шуйскаго уѣзда, поступали въ 7122, 7136, 7141, 7149, 7151, 7154—7157, 7181, 7185 годахъ въ Большой приходъ. Напротивъ, въ 7126, 7135, 7158, 7170, 7171, 7174—7177, 7179, 7180, 7181, 7182—7184, 7186, 7187 гг. тѣ же деньги принимались въ Ямскомъ приказѣ. Иногда въ воеводскихъ отпискахъ, даты которыхъ совпадаютъ съ годами, когда ямскія деньги приняты были въ Ямскомъ приказѣ, тѣмъ не менѣе говорится, что сборъ производится по грамотѣ изъ Большаго прихода. Это разъясняется, можетъ быть, частью тѣмъ, что въ одномъ случаѣ деньги сбираются съ посада, въ другомъ—съ уѣзда, частью и тѣмъ, что самый сборъ производится въ нѣсколько пріемовъ.

[2]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 2.

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7180 г. января 1: Дѣло по отпискамъ о составленіи въ Олонцѣ разныхъ смѣтныхъ списковъ и окладной росписи всякимъ доходамъ.

XVII в. полоняничныя деньги поступали въ Большой приходъ [1]), затѣмъ въ Посольскій приказъ, которому естественнѣе всего было завѣдывать расходованіемъ этихъ суммъ. Въ 1668 г., однако, изъ Посольскаго приказа выдѣлился особый приказъ Полоняничный, можетъ быть, въ виду значительнаго количества выкуповъ, которые приходилось совершать во время войны. Но этотъ приказъ самостоятельно просуществовалъ недолго. Уже въ 1670 году или даже ранѣе онъ снова приписанъ былъ къ Посольскому, а въ 1678 г., по указу отъ 28 іюля, къ Земскому приказу. Вскорѣ затѣмъ встрѣчаются извѣстія о поступленіи полоняничныхъ денегъ вмѣстѣ съ ямскими въ Ямской приказъ [2]). Полоняничныя деньги, какъ извѣстно, далеко не всегда поступали прямо въ Полоняничный приказъ за время его самостоятельнаго или не самостоятельнаго существованія, а переводились сюда, быть можетъ, даже не ежегодно, изъ четвертей. Впрочемъ, есть прямыя указанія на выдачу отписей въ пріемѣ полоняничныхъ денегъ (вмѣстѣ съ ямскими) изъ Ямскаго приказа въ 1680-мъ и слѣдующихъ годахъ [3]). Въ Посольскомъ, (и, вѣроятно, другихъ учрежденіяхъ, къ которымъ приписывался Полоняничный приказъ) велись особыя «приходныя книги государевымъ полоняничнымъ деньгамъ, что по государеву указу и по соборному уложенію собраны полоняникомъ на окупъ», книги, въ которыя заносились суммы, собранныя съ разныхъ разрядовъ населенія или переведенныя изъ четвертей [4]).

---

[1]) А. Ю., № 211, I и II (1582 г.). А. И., т. II, № 355.

[2]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 2. Древ. Росс. Вивл., ч. XX, стр. 357. П. С. З., т. II, №№ 1184, 1194, 1202, 1217, 1309. Въ отпискахъ, выдававшихся изъ Шуйской приказной избы въ пріемѣ ямскихъ и полоняничныхъ денегъ и хранящихся въ собр. Я. Гарелина въ Румянцев. музеѣ, начиная съ февраля 7188 г. упоминается, что сборъ этихъ денегъ производился по грамотѣ изъ одного Ямскаго приказа. Приказныя отписи того же собранія въ пріемѣ тѣхъ же денегъ въ Московскіе приказы относятся къ болѣе позднему времени. Судя по этимъ отпискамъ, ямскія и полоняничныя деньги (съ Шуи) поступали въ Стрѣлецкій приказъ въ 1682 и 1687 гг., но въ томъ же 1682 г., а также 1683, 1690 1692, 1693, 1695, 1700, 1707 гг. поступали въ Ямской приказъ.

[3]) Вотъ почему еще въ 7170, 7171, 7173, 7177 годахъ изъ Галицкой чети, напр., выдаются приказныя отписи въ пріемѣ полоняничныхъ денегъ съ Шуи и Шуйскаго уѣзда. Собр. Я. Гарелина въ Румянц музеѣ.

[4]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7158 г., № 118: Приходныя книги полоняничнымъ деньгамъ. Въ одномъ указѣ отъ іюля мѣсяца 1669 г. о сборѣ полоняничныхъ денегъ съ городовъ, вѣдаемыхъ въ Устюжской четверти, и о переводѣ ихъ въ Посольскій приказъ, указана и причина такого перевода,—причина, въ силу которой «въ нынѣшнемъ во 177 году привезъ къ

Болѣе рельефною иллюстраціей спеціализаціи поступленій можетъ служить распредѣленіе доходовъ, предназначавшихся на содержаніе стрѣлецкаго войска и на временныя военныя потребности. Стрѣлецкія деньги въ первой половинѣ XVII вѣка поступали, главнымъ образомъ, въ четверти и отсюда переводились въ приказъ Стрѣлецкій, но уже тогда имѣли опредѣленное назначеніе, соотвѣтствовавшее ихъ наименованію. Въ виду того, что стрѣлецкія деньги были исключительно предназначены на уплату стрѣлецкаго жалованья, они при раскладкѣ и взиманіи не смѣшивались съ остальными податями, а считались отдѣльно въ воеводскихъ приходо-расходныхъ книгахъ, окладныхъ росписяхъ и смѣтныхъ спискахъ [1]). Воеводамъ запрещено было расходовать стрѣлецкія деньги на удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей. Для этихъ цѣлей они могли пользоваться данными деньгами, таможенными или кабацкими доходами, но стрѣлецкія деньги обязаны были непремѣнно въ цѣлости доставлять въ Москву [2]). Когда стрѣлецкія деньги стали такимъ образомъ взиматься отдѣльно отъ другихъ податей и воеводамъ запрещено было ихъ расходовать на мѣстѣ, то подъ вліяніемъ простой необходимости въ болѣе быстромъ движеніи суммъ, у правительства могло пробудиться сознаніе тѣхъ удобствъ, съ которыми было бы связано непосредственное поступленіе этой подати прямо въ Стрѣлецкій приказъ. Уже въ первой половинѣ XVII в. встрѣчаются подобнаго рода случаи. Напримѣръ, съ городовъ, вѣдомыхъ въ Галицкой четверти, какъ съ Бѣлоозера въ 1614 и 1643 гг., съ Кашина въ 1624, съ одной изъ Суздальскихъ церквей въ 1643 г. стрѣлецкія деньги поступали не въ четверть, а прямо въ Стрѣлецкій приказъ [3]). Съ теченіемъ времени это стремленіе усилилось. Въ 1660-хъ годахъ въ Стрѣлецкій приказъ поступали стрѣлецкія деньги, взимаемыя со всего государства, съ вотчинниковыхъ крестьянъ, за исключеніемъ дворцовыхъ селъ и волостей, а также Новгородской и Псковской земли, Казани, Астрахани, Сибири, гдѣ эти денежные доходы расходовались обыкновенно на мѣстѣ [4]) Наконецъ, извѣстно, какъ еще

великому Государю изъ Крыму Крымской посолъ многихъ русскихъ полоняниковъ на окупъ» (Доп. къ А. И., т. V, № 90).

[1]) А. Э., т. III, № 131. А. И., т. III, № 200.

[2]) А. И., т. III, № 200.

[3]) А. Ю., №№ 216, XVII и 313. А. И., т. III, № 132. Доп. къ А. И. т. II, № 17.

[4]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 5. А. И., т. V, № 11. Доп. къ А. И., т. V, № 60, II; т. VI, №№ 21, XXVI; 88, 112.

позднѣе, при повышеніи стрѣлецкой подати и при замѣнѣ ею нѣкоторыхъ другихъ, она стала поступать въ Стрѣлецкій приказъ съ большинства городовъ Московскаго государства [1]).

Деньги ратнымъ людямъ на жалованье взимались, какъ извѣстно, въ видѣ подворной подати или подоходнаго налога, пятой или другой какой-либо деньги. Деньги за даточныхъ людей поступали въ приказъ сбору ратныхъ людей, повидимому, временное учрежденіе, извѣстія о которомъ встрѣчаются въ 1631 и слѣдующихъ годахъ. Этотъ приказъ первоначально существовалъ самостоятельно, со второй половины XVII вѣка приписанъ былъ къ Костромской четверти, затѣмъ, съ 1671 года, къ Иноземному и еще позднѣе, повидимому, къ Ямскому приказамъ [2]). Въ позднѣйшее время встрѣчаются также свѣдѣнія о поступленіи подможныхъ денегъ ратнымъ людямъ на жалованье въ Разрядъ и Печатный приказъ [3]). Въ приказѣ сбору ратныхъ людей, вѣроятно, и велись сохранившіяся по настоящее время помѣстныя и вотчинныя книги, въ которыхъ означалось количество

---

[1]) См. выше, стр. 26—29.

[2]) Онъ упоминается, напр., въ 1631 году (А. Э., т. III, № 193), въ 1633 (А. Э., т. III, №№ 222, 225, 235), 1637 (А. Э., т. III, № 275), 1638 (Влад. губ. вѣд. 1856 г., № 18), въ 1639 (А. Э., т. III, № 287. А. И., т. III, № 206. Р. И. Б., т. X, стр. 180), 1646 г. (Р. И. Б., т. X, стр. 393). Въ 1646—47 и 1647—1648 у доимки за даточныхъ людей состоялъ бояринъ и дьякъ. (Р. И. Б., т. X, стр. 302, 402). Приказъ сбору ратныхъ людей по Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 307, упоминается съ 1637 по 1650 г. Можетъ быть, онъ съ этого же времени (т. е. 1650 г.), приписанъ былъ къ Костромской четверти, при которой упоминается, напр., въ 1660 г. (Доп. къ А. И., т. IV, № 78), въ 1661 г. (А. Э., т. IV, № 128), въ 1671 г. (Доп. къ А. И., т. VI, № 67, I; т. VIII, № 40). Для завѣдыванія сборомъ даточныхъ людей въ Костромской чети существовала, повидимому, особая канцелярія. (Доп. къ А. И., т. VIII, № 40). Указомъ 10 марта 1671 года Костромскую четь указано вѣдать въ Большомъ дворцѣ (Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 227). Поэтому сборъ даточныхъ людей и, вѣроятно, деньги за нихъ стали взиматься въ Иноземскомъ приказѣ. (Доп. къ А. И., т. VI, № 67, III; т. VIII, № 40). По государеву указу въ 1678 году даточныхъ людей велѣно было сбирать въ Ямскомъ приказѣ. (Доп. къ А. И., т. VIII, № 40. П. С. З., т. II, № 756). О поступленіи сюда же денегъ даточнымъ людямъ на кормъ въ 1679 году см. Ibid., т. VIII, № 49, II. Дѣйствительно, судя по государственной росписи 1679 г. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Оклад. кн., Доимоч. кн. № 3) десятинныхъ, полтинныхъ и полуполтинныхъ денегъ и денегъ за перехожіе дворы за даточныхъ людей поступало: въ Большой дворецъ 45.042 р. 16 ал. 5 д., въ Разрядъ 6.919 р. 28 ал. 1 д., а въ Ямской приказъ—183.376 р. 13 ал., что, слѣдовательно составитъ до 77,92% всей суммы (235.338 р. 74 к.).

[3]) А. И., т. V, № 251. П. С. З., т. II, №№ 1210 и 1319.

крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, числившихся за вдовами, недорослями и служилыми людьми, не находившимися въ походѣ, съ причитающимися на нихъ деньгами за даточныхъ людей; въ томъ же приказѣ могли составляться росписи разныхъ четвертей городовъ, сколько въ нихъ было дворовъ и сколько съ нихъ сбиралось денегъ ратнымъ людямъ на жалованье [1]). Пятинныя деньги хотя иногда и попадали въ четверти, но въ большинствѣ случаевъ поступали въ особый приказъ сбору пятинныхъ и запросныхъ денегъ. Приказъ этотъ, вѣроятно, не имѣлъ непрерывнаго существованія, но учреждался во время взиманія пятинныхъ денегъ, вызываемаго ожидаемою или продолжавшеюся войной. Извѣстія о немъ встрѣчаются въ 1632 и слѣдующихъ годахъ. Со второй половины XVII вѣка встрѣчаемъ то же учрежденіе подъ другимъ наименованіемъ: приказъ денежнаго сбора до 70-хъ годовъ имѣлъ то же значеніе, что и приказъ сбору пятинныхъ денегъ [2]). Но съ этого времени онъ, повидимому, приписанъ былъ къ Большому приходу, быть можетъ, на томъ основаніи, что этотъ приказъ вѣдалъ торговыхъ людей, съ которыхъ и взимались собственно пятинныя деньги [3]). Одно время пятинныя или десятинныя деньги по госу-

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7146 г., № 68: Помѣстная и вотчинная книга. Ibid., 7146 г. декаб., № 57; 7147 г., № 79; 7153 г., № 13. Росписи разныхъ четвертей городовъ и проч. Ср. выше, стр. 272.

[2]) Приказъ сбору пятинныхъ денегъ упоминается, напримѣръ, въ 1632 (А. Э., т. III, №№ 211, 213), 1633 (*А. Досиѳей*, Описаніе Соловецкаго монастыря, т. III, № XLII), 1634 (С. Г. Г. и Д., т. III, № 101. А. Э., т. III, №№ 242 и 245), 1635 годахъ (А. Ю., № 215, XI). *А. Олеарій* упоминаетъ о Sboru dezatti dengi Pricas (Путешествіе, переводъ Барсова въ Чт. М О. И. и Д. 1868 г., кн. IV, Матер. иностр., стр. 294). Приказъ денежнаго сбора упоминается уже въ 1654 г. (А. И., т. IV, № 93), вопреки мнѣнію составителя статьи о старинныхъ приказахъ, который имѣлъ о немъ свѣдѣнія лишь съ 1656 по 1709 г. (Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 305). Сохранились о немъ свѣдѣнія и въ болѣе позднее время, напримѣръ, въ 1662 (П. С. З., № 329. А. Э., т. IV, № 137), 1663 (Доп. къ А. И., т. IV, № 131), 1664 (Р. И. Б., т. XI, стр, 8, 32), 1679 годахъ (П. С. З., т. II, № 750) и 1680 (П. С. З., т. II, № 799. Доп. къ А. И., т. VIII, № 28, XI, XIII).

[3]) Въ 1668 г. съ торговыхъ Шуянъ пятинныя деньги поступаютъ въ Большой приходъ (Доп. къ А. И., т. V, № 64, I); въ 1671—со всѣхъ торговыхъ людей (П. С. З., т. I, № 494. Доп. къ А. И., т. VI, № 33), въ 1673—съ Туринска (П. С. З., т. I, № 547), въ 1678—съ Чердыни. (Доп. къ А. И., т. VIII, № 28, II и А. И., т. V, № 23), въ 1679 съ гостей, гостинной и суконной сотенъ и черныхъ сотенъ въ Москвѣ, съ дворцовыхъ городовъ и слободъ, съ гостей, гостинной сотни и съ посадскихъ людей въ тотъ-же приказъ (П. С. З., т. II, № 750). Въ этомъ же указѣ полтинныя деньги, взимаемыя съ ненаходившихся на военной

дареву указу отъ 12 марта 1680 г. (и даже ранѣе) поступали въ Ямской приказъ [1]), а въ позднѣйшее время сохранились извѣстія о поступленіи того же налога въ Большую казну [2]).

Всѣ эти правительственныя попытки систематизировать важнѣйшія поступленія вызваны были, главнымъ образомъ, потребностью ускорить движеніе податныхъ суммъ и направлены были къ тому, чтобы главнѣйшія спеціальныя подати не задерживались въ четвертяхъ, а прямо поступали въ учрежденія, которыя завѣдывали спеціальными вѣтвями управленія и расходами, потребными на такое управленіе. Но старыя начала въ распредѣленіи поступленій, начала вотчинное и территоріально-сословное, далеко еще не потеряли прежней силы, что обнаружилось, напримѣръ, хотя бы при сборахъ даточныхъ людей въ 1658—1659 и 1671 годахъ [3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, самое распредѣленіе дѣлъ между

службѣ землевладѣльцевъ и съ крестьянъ и бобылей, а также въ дворцовыхъ волостяхъ и вотчинахъ духовенства (церквей, впрочемъ, не упомянуто) поступали въ приказъ денежнаго сбора. То же, см. въ П. С. З., т. II, № 799. Въ окладныхъ книгахъ подьячихъ разныхъ приказовъ (книги эти сохранились съ 7171 по 7196 г.) приказъ сбору десятыя деньги «отнесенъ» къ приказу Большаго прихода (*Н. Поповъ*, Вопросъ о приказѣ купецкихъ дѣлъ въ Жур Мин. Нар. Просв. 1889 г., кн. 2, стр. 240).

[1]) Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 417. П. С. З., т. II, № 804. Доп. къ А. И., т. X, № 93; т IX, № 68. Сюда же поступали, кромѣ ямскихъ и полоняничныхъ, рублевыя, полтинныя и полуполтинныя деньги.

[2]) Въ 1686 г. съ Кунгура эти деньги сбираются въ Большой Казнѣ. (А. И., т. V, № 144).

[3]) Этими сборами завѣдывали девять учрежденій. Со всѣхъ дворцовыхъ земель, кромѣ Новгородскихъ, Псковскихъ и Важскихъ, даточные люди взяты были въ приказѣ Большаго дворца, а съ Новгородскихъ, Псковскихъ селъ и Ваги—въ приказѣ Тайныхъ дѣлъ; съ Московскихъ конюшенныхъ слободъ Домодѣдовской и Инальцовской волостей Московскаго и Кашинскаго уѣздовъ, а также бортныхъ деревень Дмитровскаго уѣзда—въ Конюшенномъ приказѣ, съ казенной слободы—въ Казенномъ приказѣ; съ Скопина, Лыскова, Гридина, Романова, Мурашева и Городецкой волости—въ Хлѣбномъ приказѣ, съ Московскаго уѣзда въ Большомъ приходѣ. Даточные люди съ гостей, гостинной и суконной сотенъ должны были бы сбираться въ Большой казнѣ; но въ то время (по 7175 г.) эти торговые люди были вѣдаемы въ Казанскомъ дворцѣ, а въ третій сборъ 1671 г. даточные люди съ нихъ сбирались въ Костромской четверти. Въ Казанскомъ дворцѣ принимались даточные люди со всѣхъ ему подвѣдомственныхъ городовъ, а изъ Устюжской чети для сбора даточныхъ людей посылались (съ 1654 г.) послушныя грамоты въ подвѣдомственные ей города по памятямъ изъ Монастырскаго приказа, гдѣ и сбирались эти даточные. Наконецъ, остальные даточные люди поступали въ Костромскую четь. Но съ 1671 г. ее замѣнилъ въ этомъ отношеніи Иноземскій приказъ, а съ

приказами, завѣдывавшими спеціальными вѣтвями управленія, не успѣло выработаться, а отсюда и проистекали тѣ значительныя колебанія и въ распредѣленіи вышеуказанныхъ поступленій по такимъ учрежденіямъ. Наконецъ, и самый характеръ такого распредѣленія имѣлъ нѣкоторыя теоретическія неудобства, которыя должны были неблагопріятно вліять на порядокъ управленія, ибо въ немъ храненіе суммъ и распоряженіе ими вручалось одному и тому же учрежденію. Эти соображенія отчасти разъясняютъ, почему правительственныя попытки къ систематазаціи поступленій въ вышеозначенномъ направленіи не могли имѣть особеннаго успѣха.

Не имѣя возможности вполнѣ уничтожить нѣкоторыя инстанціи въ градаціи финансовыхъ учрежденій, правительство попыталось слить извѣстныя звенья этой цѣпи другъ съ другомъ или съ звеньями высшаго порядка и тѣмъ самымъ думало упростить распредѣленіе и движеніе податныхъ суммъ. Цѣлыя четверти иногда сносились вмѣстѣ или приписывались къ разнымъ приказамъ. Сочетанія эти были довольно разнообразны и объясняются различными причинами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ врученіе управленія нѣсколькими приказами одному и тому же лицу вызвано было личнымъ благорасположеніемъ царя къ одному изъ бояръ, вліяніемъ, какое послѣдній имѣлъ при дворѣ, въ силу ли родственныхъ связей или выдающихся административныхъ способностей. Такъ напримѣръ, кн. И. Б. Черкасскій, а за нимъ Θ. И. Шереметевъ управляли одно время Казеннымъ дворомъ, Большою казной, Стрѣлецкимъ и Иноземскимъ приказомъ. Вслѣдъ за ними И. Д. Милославскій въ теченіе пѣлыхъ 17 лѣтъ (1651—1667 гг.) правилъ тѣми же приказами (Большою казной, Стрѣлецкимъ, Иноземскимъ), къ которымъ были присоединены приказы Рейтарскій и Аптекарскій, а на нѣкоторое время приписанъ былъ и Казенный дворъ. Б. И. Морозовъ управлялъ Большою казной, Новою четью, Стрѣлецкимъ и Иноземскимъ приказомъ въ 1647 г.; черезъ два года управленіе тѣхъ же учрежденій поручено было князю Я. К. Черкасскому. Съ другой стороны А. Л. Ординъ-Нащокинъ, какъ извѣстно, правилъ вмѣстѣ съ товарищами въ одно и то же время Посольскимъ приказомъ, Мало-

1678 г. приказъ Ямской. (Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, I. П. С. З., т. II., № 847. Ср. выше прим. 2 на стр. 480). Судя по Окладной росписи 7188 г (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Бояр. и Оклад. кн., Доимоч. кн. № 3), въ Большой дворецъ поступали еще стрѣлецкія, поляничныя и ямскія деньги, взимаемыя съ дворцовыхъ селъ и городовъ, всего 25.935 р. 32 ал. 3 ден.

*

россійскимъ и четями Новгородскою, Галицкою, Владимірскою. Разумѣется, что при такомъ начальникѣ канцеляріи приказовъ, во главѣ которыхъ онъ стоялъ, сохраняли свою самостоятельность и даже иногда имѣли второстепенныхъ начальниковъ [1]). Болѣе опредѣленныя, хотя и временныя потребности администраціи также вызывали сліяніе нѣсколькихъ учрежденій вмѣстѣ. Въ числѣ такихъ потребностей главное мѣсто занимали дипломатическія и военныя соображенія, а также стремленіе упростить кассовое устройство и государственное счетоводство, особенно въ безпокойное военное время, когда требовалась ускоренная и напряженная дѣятельность всего государственнаго механизма. Такъ напримѣръ, въ 1667 году къ Посольскому приказу приписанъ былъ Малороссійскій «для того, что 175 году генваря въ 20 день его великаго Государя царскаго величества послы съ Польскими и Литовскими комисары на урочные лѣта о Малой Россіи и съ иными землями въ поступкѣ перемирье учинили и остерегать таковыхъ государственныхъ дѣлъ надобно въ Посольскомъ приказѣ». Въ виду тѣхъ же соображеній, Смоленскій приказъ также приписанъ былъ къ Посольскому. Случилось это, впрочемъ, не безъ продолжительныхъ колебаній. Города Смоленскъ, Велижъ, Себежъ, Красное, Рославль, Дорогобужъ, Бѣлая, изъ которыхъ сложился Смоленскій приказъ, вслѣдъ за ихъ пріобрѣтеніямъ 1 марта 1656 года поступили въ вѣдомство Устюжской четверти. Черезъ 11 лѣтъ, по указу отъ 10 декабря 1666 г., они стали вѣдаться въ Разрядѣ, а съ 18 іюня 1667 г., по заключеніи Андрусовскаго мира, переведены въ Посольскій приказъ. Здѣсь они вѣдались четыре года; 18-го мая 1670 г. переведены въ Новгородскій приказъ, который, какъ извѣстно, съ 10 марта 1671 г. самъ перешелъ въ вѣдомство Посольскаго приказа, впрочемъ, едва ли на продолжительное время, и, наконецъ, съ 1680 по 1701 г. находились подъ управленіемъ того же Посольскаго приказа. Причины приписки этихъ городовъ къ Посольскому приказу указаны были въ 1667 году, сдѣлано это было для того, что (по Андрусовскому договору) «тѣ города на перемирные годы учинились на его, великаго Государя, сторонѣ и посольскія договорныя статьи о тѣхъ городѣхъ и о всемъ въ По-

[1]) Разряд. кн., т. II, стб. 301—302 (7138 г,). Записныя книги Московскаго стола 7142, 7145, 7147, 7149, 7155, 7157 годовъ въ Р. И. Б. т. IX, стр. 525, т. X, стр. 1, 104, 201, 301, 401. *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 9. *В. Ключевскій*, Боярская дума, изд. 2-е, стр. 394—395.

сольскомъ приказѣ» [1]). Но Посольскій приказъ не только завѣдывалъ дѣлами всѣхъ окрестныхъ государствъ, а и многими изъ нужныхъ на это расходовъ [2]). Такъ какъ этотъ приказъ имѣлъ лишь незначительные доходы [3]), то и долженъ былъ черпать денежныя суммы изъ четвертей. Наиболѣе значительною изъ нихъ по размѣрамъ поступленій была, какъ извѣстно, Новгородская четверть; она чаще другихъ приписывалась къ Посольскому приказу «для государственныхъ дѣлъ многихъ расходовъ», причемъ нельзя не замѣтить, что зависимость Новгородской четверти отъ Посольскаго приказа, главнымъ образомъ, совпадаетъ съ тѣми періодами времени, которые слѣдовали за войной и въ продолженіе которыхъ велись оживленныя дипломатическія сношенія. Прямыхъ и точныхъ указаній на такую зависимость сохранилось, къ сожалѣнію, очень немного. Судя, однако, по тому, что въ Посольскомъ приказѣ и Новгородской четверти въ извѣстные промежутки времени сидѣли одни и тѣ же дьяки, можно думать, что и самыя учрежденія тогда находились подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ. На основаніи такихъ сопоставленій и кое-какихъ скудныхъ данныхъ, вѣроятнымъ становится (хотя, можетъ быть, и не постоянная, довольно неопредѣленная) зависимость Новгородской четверти отъ Посольскаго приказа уже въ 1619—1625 гг., затѣмъ въ 1634—1651 (?), 1667—1676, 1681, 1689—1690 годахъ [4]). Къ этимъ заключеніямъ, однако, слѣдуетъ относиться съ осторожностью, ибо періоды управленія того и другаго приказа однимъ и тѣмъ же

[1]) Доп. къ А. И., т. V, №№ 44, 45, 52. П. С. З., т. I, № 471. Въ Древ. Рос. Вивл., XX, стр. 347, 399 ничего не сказано о подчиненіи Смоленской области Новгородскому приказу. Но составитель статьи о старинныхъ приказахъ говоритъ, что въ Смоленскомъ приказѣ въ 1670 г. были дьяки Ефимъ Юрьевъ и Аврамъ Кощѣевъ, которые, между тѣмъ, въ томъ же году сидѣли въ Новгородской четверти. О подчиненіи Смоленска и друг. городовъ Устюжской чети см. также Древ. Рос. Вивл., XX, 329 и 405.

[2]) Доп. къ А. И. т. V, № 60, I. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7181 г.: Выписка изъ расходной книги Посольскаго приказа под. Прокофья Протопопова о раздачѣ Московскимъ и Смоленскимъ стрѣльцамъ и рейтарамъ жалованья.

[3]) Такъ, напримѣръ, судя по приходо-расходнымъ книгамъ Посольскаго приказа (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7162 г., № 111), въ Посольскій приказъ должно было поступить всякихъ доходовъ съ городовъ Романова, Вязьмы, Елатьмы, Касимова, села Ерахтуры (Касим. уѣзда)—5.130 р. 32 ал. 2 д., но поступило больше, а именно: 8.344 р. ал. (?) 5 ден.

[4]) Въ 1618 г. въ Посольскомъ приказѣ сидѣли дьяки Иванъ Грамотинъ и Савва Романчуковъ, въ Новгородской чети Алексѣй Витовтовъ; но въ

начальникомъ и тѣми же дьяками могли быть или болѣе продолжительными, чѣмъ вышеуказанные, или, наоборотъ, подвергаться болѣе или менѣе значительнымъ перерывамъ въ предѣлахъ вышеуказанныхъ хронологическихъ датъ [2]). Какъ бы то ни было, но въ теченіе этихъ лѣтъ такія отношенія сказывались чаще и выражались яснѣе. Остальныя четверти, какъ-то Владимірская, Галицкая и отчасти Устюжская находились въ нѣкоторой зависимости отъ Посольскаго приказа, но не такъ часто приписывались къ нему, какъ Новгородская четверть. Ближе другихъ къ Посольскому приказу стояли Владимірская и Галицкая чети, которыя со второй половины XVII вѣка соединялись съ нимъ нерѣдко, какъ напр., въ 1667, 1669, 1676, 1680, 1689—1690 го-

1619 г. и въ Новгородской четверти были дьяки Иванъ Грамотинъ и Савва Романчуковъ. Въ 1622, 23, 25 годахъ имѣемъ прямыя указанія на то, что въ обоихъ приказахъ сидѣли тѣ же самые дьяки, а это ведетъ къ вѣроятному предположенію, что и въ промежуточные годы они не оставляли этихъ приказовъ. Есть указанія, что Иванъ Грамотинъ сидѣлъ въ 1621 году въ Новгородской чети, а въ 1624 вмѣстѣ съ Саввою Романчуковымъ въ Посольскомъ приказѣ. Въ 1626 году въ Посольскомъ приказѣ встрѣчаемъ того же Ивана Грамотина и Максима Матюшкина, въ Новгородской чети Баима Болтина и Дементія Образцова. Такимъ образомъ, съ 1619 по 1625 г. включительно въ томъ и другомъ учрежденіи сидятъ одни и тѣ же дьяки. На пребываніи однихъ и тѣхъ же дьяковъ въ Новгородской чети и Посольскомъ приказѣ имѣемъ указанія отъ 1634, 1641, 1642, 1643, 1644 (?), 1646 (?), 1650 651, 1667, 1674 (?), 1676, 1689—1690. Указанія на приписку Новгородской четверти къ Посольскому приказу въ 1639 году встрѣчаемъ въ Древ. Рос. Вивл. ч. XX, стр. 346, въ 1644—1645, въ справкѣ Разряднаго и Сенатскаго архивовъ о присутственныхъ мѣстахъ, бывшихъ въ Россіи до учрежденія Сената и коллегій, ст. 10. (Описаніе Москов. Арх. Мин. Юстиціи М. 1888 г., кн. V, стр. 144), въ 1646—1647 и 1648—1649, въ Записныхъ книгахъ Московскаго стола этихъ годовъ (Р. И. Б., т. X, стр. 300 и 402), 10 марта 1671 года и снова 4 іюля въ 1676 году. (Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 347, 370). Указомъ 8 марта 7185 г. вел. Государь указалъ быть Новгородскому приказу «особо Посольскаго приказу, а денежные расходы велѣно держать въ Посольскомъ приказѣ, а деньги на расходы имать въ Новгородцомъ приказѣ». (Доп. къ А. И., т. IX, № 39). Но 7 ноября 1680 г. Новгородскій приказъ снова приписанъ къ Посольскому. (Справка въ Опис. Арх. Мин. Юстиціи, Ibid.).

[2]) Въ Новгородской чети въ 1646—1647 и 1648—1649 сидитъ дьякъ Никифоръ Демидовъ не встрѣчающійся въ числѣ дьяковъ Посольскаго приказа; однако, она состояла въ это время въ его вѣдомствѣ. (Р. И. Б. т. X, стр. 300 и 402). Есть извѣстіе, что въ 7178 и 7179 году «Новгородцкой приказъ велѣно вѣдать особо» отъ Посольскаго и поэтому денежныя суммы, слѣдуемыя изъ Новгородскаго приказа, изъ Посольскаго не выдавались. (Доп. къ А. И., № 77, IV).

дахъ [1]). На зависимость Устюжской четверти отъ Посольскаго приказа встрѣчаются указанія отъ 1680 г. и намеки подъ 1689—1690 годами [2]). Костромская же четь, повидимому, вовсе не бывала въ зависимости отъ Посольскаго приказа. Сохранились извѣстія, что она приписана была къ Большому дворцу указомъ 10 марта 1671 г. Въ 1679 г. города Костромской четверти вѣдаются въ Стрѣлецкомъ приказѣ, гдѣ тѣ же дьяки, что и въ Костромской чети, сидятъ и въ 1689—1690 годахъ [3]).

Другимъ приказнымъ центромъ, къ которому приписывались нѣкоторыя изъ центральныхъ учрежденій, былъ Стрѣлецкій приказъ. Особенное значеніе онъ, впрочемъ, пріобрѣлъ лишь въ концѣ XVII в., когда постепенный ростъ государственныхъ потребностей вызвалъ учрежденіе новой стрѣлецкой подати. Въ 1679 и слѣдующихъ годахъ къ нему приписана была Костромская четь; въ 1681 году—Ямской приказъ. Стрѣлецкимъ сборомъ, замѣнившимъ, какъ извѣстно, и нѣкоторые другіе, въ немъ вѣдалось болѣе 100 городовъ частью изъ Большаго и Казанскаго дворцовъ, частью изъ областныхъ четей [1]).

---

[1]) Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 290, 291, 297, 369, 370. Здѣсь находимъ, впрочемъ извѣстіе о припискѣ одной Владимірской четверти къ Посольскому приказу въ 1669 г. (Ibid., стр. 291). Доп. къ А. И., т. V, № 44. Время приписки Владимірской чети къ Посольскому приказу авторъ статьи о старинныхъ приказахъ относитъ къ 7 ноября 1681 года, а причисленіе Галицкой чети къ тому же приказу—къ 1680 году. Въ справкѣ и проч. (Описаніе Арх. Мин. Юстиціи, кн. V, стр. 144 и 146) этотъ указъ отнесенъ къ 7 ноября 7189 года т. е. 1680, что вѣроятнѣе, ибо эти четверти въ то время находились, можетъ быть, подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ, какъ это было раньше.

[2]) Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 371 и 406.

[3]) Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 328. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Бояр. и оклад. книги, Доимоч. 7188 г., № 3: Окладная роспись и смѣтный списокъ на 7188 и 7189 г.

[3]) А. Э., т. IV, № 250. Въ одной изъ сошныхъ книгъ, написанной послѣ 1680 года (Имп. Публ. Библ., Q XVII, № 87, л. 64), читаемъ: А въ Стрѣлецкомъ приказе вѣдомы стрѣлецкимъ сборомъ—92 города, дворцовыхъ селъ 31 городъ, приказъ Казанскаго дворца изъ государевыми дворцовыми селы. Новгородцкіе чети вѣдомы 11 городовъ, Устюжские чети вѣдомы 5 городовъ. А сошнаго письма, которые городы вѣдомы въ Стрѣлецкомъ приказе... (пропускъ), приказъ Казанскаго дворца и Новгородцкие чети, и Устюжскія въ городѣхъ и дворцовыхъ селъ и на Ваге: 45000 сохъ 414 четей пашни». Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 401. Но и по учрежденіи стрѣлецкой подати часть стрѣлецкихъ денегъ поступала въ четверти, откуда препровождалась въ Стрѣлецкій приказъ. Въ концѣ 1682 года было стрѣлецкихъ денегъ въ Новгородскомъ пр. 1.700 р. 68 к., въ Галицкой чети—197р., во Владимір-

Всѣ вышеуказанныя попытки объединенія областныхъ четей вызваны были, большею частью, политическими условіями государственной жизни, временными военными и финансовыми потребностями. Вотъ почему такое объединеніе происходило путемъ «списыванія» разнородныхъ учрежденій (финансовыхъ съ спеціально-административными) и вводилось простымъ правительственнымъ распоряженіемъ (иногда однимъ царскимъ указомъ безъ приговора боярской думы) Такое распоряженіе имѣло нерѣдко лишь кратковременное значеніе, отмѣнялось вскорѣ послѣ своего появленія и не только не придавало стройности приказной системѣ, но иногда запутывало ее еще болѣе. Въ массѣ довольно безпорядочныхъ отношеній со второй половины XVII вѣка замѣтенъ и иной процессъ. Слабые зародыши новаго начала въ объединеніи приказовъ видны въ сліяніи не разнородныхъ, а однородныхъ учрежденій въ болѣе сложныя группы. Не говоря объ Иноземскомъ, Рейтарскомъ и Стрѣлецкомъ приказахъ, или о Сибирскомъ и Казанскомъ, которыми управлялъ иногда одинъ и тотъ же начальникъ [1]), есть, напримѣръ, намеки на то, что Галицкая и Владимірская четь съ 30-хъ годовъ представляли какъ бы двѣ разныя канцеляріи одного и того же учрежденія, состоявшаго подъ однимъ и тѣмъ же управленіемъ. По крайней мѣрѣ, со второй трети XVII в. до присоединенія этихъ четвертей къ Посольскому приказу судья и дьяки были въ нихъ едва ли не одни и тѣ же [2]). Такой же характеръ объединенія можно усмотрѣть въ извѣстномъ сліяніи Большаго прихода, Новгородской, Владимірской и Галицкой четей по указу отъ 22 мая 1680 г. [3]). Успѣшному развитію этихъ зачатковъ помѣ-

ской—228 р. 80 к., въ Устюжской—3.298 р. $39^3/_4$ коп. Доп. къ А. И., т. X' № 62.

[1]) *Г. Котошихинъ*, О Россіи, гл. VII, ст. 15. Р. И. Б., т. X, стр. 202 и 301.

[2]) Приводимые въ статьѣ о стар. приказахъ (въ Древ Рос. Вивл. ч. XX, стр. 290—291 и 296—297) судьи и дьяки, сидѣвшіе въ этихъ двухъ четяхъ въ 1641, 1643, 1645—1648, 1651, 1654, 1657, 1661—1663, 1665, 1666, 1669, 1671, 1678 гг., одни и тѣ же. Но уже раньше въ 1633 году въ той и другой чети сидитъ одинъ и тотъ же дьякъ—Пятой Филатовъ. (Р. И. Б., т. IX, стр. 331)

[3]) Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 290. П. С. З., т. II, № 824. Въ этомъ указѣ велѣно вѣдать боярину И. М. Милославскому да окольничему И. И. Чирикову да дьякамъ думному П. Пятово, Л. Вязмину, С. Скворцову, П. Симонову, К. Борину и И. Шапкину всѣ четыре учрежденія судомъ, всякими расправами, и воеводскими отпусками и снести ихъ въ одно мѣсто, «чтобы челобитчикамъ по тѣмъ разнымъ приказамъ лишнія волокиты не было». Въ доимочной книгѣ № 3 (ср. выше, прим. 2 на стр. 465) къ этимъ же соединеннымъ вмѣстѣ учрежденіямъ приписана Большая казна.

шалъ рядъ тяжелыхъ войнъ конца XVII и начала XVIII вѣковъ а также преобразовательная дѣятельность великаго Петра.

Соединеніе нѣсколькихъ приказовъ подъ однимъ управленіемъ было, однако, слишкомъ случайнымъ и непостояннымъ для того, чтобы повести къ образованію одного общаго финансоваго центра. Существовала лишь, такъ сказать, общая государственная кладовая. Такою кладовой служилъ приказъ Большой казны. «Подъ этимъ приказомъ, который лежитъ въ Кремлѣ и называется еще великою царскою сокровищницею (Schatzhoff)—пишетъ одинъ изъ современниковъ—находится множество глубокихъ и большихъ погребовъ и каменныхъ со сводами подваловъ; въ нихъ складываются и хранятся вся государственная казна, всѣ доходы съ городовъ, всѣ пошлины и всѣ деньги, ежегодно остающіяся въ приказахъ» [1]). Уже въ 40-хъ годахъ подьячіе во всѣхъ приказахъ записывали по государеву указу остаточныя, наличныя суммы изъ года въ годъ [2]) и, можетъ быть, передавали эти остатки въ Большую казну. Въ концѣ XVII в. сюда же поступали нѣкоторые прямые и косвенные налоги [3]), а также недоимки за прошлые годы, не только съ жителей Москвы, но и съ городовъ, вѣдаемыхъ въ другихъ учрежденіяхъ, напримѣръ, Новгородской четверти [4]). Неудивительно, поэтому, что Большая казна располагала иногда довольно значительными средствами, которыя отсюда и выдавались, главнымъ образомъ, на военные расходы [5]). Впрочемъ, недоимки

---

[1]) *А. Олеарій*, Путешествіе, рус. пер. въ Чт. М. О. И и Д., 1868 г., кн. IV, Матер., стр. 292. Въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, слѣдуетъ принимать извѣстіе, что въ Большую казну поступали мѣха сибирскіе (А. И., т. II, № 355).

[2]) Арх. Мин. Юстиціи, Столбцы денежнаго стола Разряда, 7153—7159 гг. № 9039/4.

[3]) Помѣрныя пошлины изъ помѣрной избы приносились въ Большую казну по указу отъ іюня 1681 г. (П. С. З., т. II, № 874). 3-го сентября 1683 г. появился указъ о вѣдѣніи конскихъ площадокъ и торговыхъ бань въ приказѣ Большой казны, кромѣ тѣхъ, которыя до указа вѣдаемы были въ Конюшенномъ приказѣ. (Ibid., № 1044). Ср. Ibid., №№ 1045, 1048—1050, 1105, 1109 1162. Справка Сенатскаго и Разряднаго архивовъ, ст. 23 (Опис. Арх. Мин. Юстиціи, кн. V, стр. 145). Въ 1636 г. въ Большой казнѣ сбирались деньги за даточныхъ людей съ патріаршихъ вотчинъ (Древ. Рос. Вивл., т. XX, стр. 307).

[4]) А. И., т. V, № 102. *К. Побѣдоносцевъ*, Историко-юрид. акты, отд. II, № 8 (Чт. М. О. И. и Д. 1886 г., кн. IV, стр. 200).

[5]) П. С. З., т. I, №№ 120 и 288. Р. И. Б., т. X, стр. 433. Ср. А. И., т. V, № 132.

взимались и въ другихъ приказахъ. Такъ напримѣръ, указами 1680 и 1681 годовъ велѣно было сбирать всѣ недоимки съ 7184 г. во всѣхъ приказахъ, «въ которыхъ приказѣхъ тѣ денежные доходы вѣдомы» [1]). Существовалъ даже особый «доимочный» приказъ, который сбиралъ «доимки всякихъ долговъ» по 7184 годъ [2]).

Финансовая дѣятельность сложной системы учрежденій, по которымъ распредѣлялись поступленія, требовала контроля. Для этихъ цѣлей составлялись особыя комиссіи, а одно время существовало даже особое учрежденіе: приказъ счетныхъ дѣлъ. Въ комиссію назначалось обыкновенно по одному или по нѣсколько подьячихъ, которые должны были ревизовать счетоводство того или другаго учрежденія, провѣрить, какъ велись здѣсь приходо-расходныя книги и сравнить означенный въ нихъ приходъ съ показаніями отписей воеводъ или денежныхъ сборщиковъ, а также записанный въ нихъ расходъ съ указами, памятями, приказными записками и выписками, по которымъ производились расходы. Результаты такихъ ревизій излагались въ счетныхъ спискахъ. Здѣсь означался приходъ и расходъ даннаго учрежденія, указывались ошибки подьячихъ, занимавшихся счетоводствомъ, и обнаруживались ихъ злоупотребленія [3]). Ревизія счетоводства того или другаго учрежденія производилась не только за одинъ какой-нибудь предшествовавшій годъ, но и сразу за нѣсколько лѣтъ. Такъ напримѣръ, при царѣ Ѳедорѣ Алексѣевичѣ тремъ подьячимъ Устюжской четверти велѣно

---

[1]) П. С. З., т. II, №№ 849 и 861.

[2]) Приказъ сбору ратныхъ людей, и *доимки* судя по справкѣ Разряднаго и Сенатскаго архивовъ (Опис. Арх. Мин. Юстиціи, кн. V, стр. 146), упоминается съ 6 марта 7147 г. по 7158 г. Въ смѣтномъ спискѣ и окладной росписи 7188 г. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Бояр. и оклад. кн., Доимочная кн. № 3) въ доимочномъ приказѣ взято было 8.392 р. 2 ал. $5^1/_2$ д.; оставалось въ доимкѣ 11 сотъ и 37.729 р. 11 алт. 4 д., 6 золотыхъ двойныхъ, 4.960 золотыхъ одинакихъ, $3.183^1/_2$ ефимка и полчети ефимка. Въ 1681 г. (3 мая) въ доимочномъ приказѣ «отданы» (прощены) были недоимки съ гостей, гостинной и суконной сотни купецкихъ людей (П. С. З., т. II, № 864).

[3]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7179 г. февр. 18 и 7181 г. октяб. 18, №№ 83 и 399: Счетные списки приказа Володимирской чети о приходѣ и расходѣ. Въ послѣднемъ спискѣ встрѣчается, между прочимъ, челобитная подьячаго Ивана Коровина, гдѣ онъ говоритъ, что его считали по приходной книгѣ; и по счетному списку начету на немъ никакого нѣтъ и по той приходной книгѣ 7178 г. (которая и подлежала ревизіи) великаго Государя денежнымъ доходамъ «записка свидѣтельствована, приходной столпъ и счетной списокъ 178 году». И. Коровина считалъ по той приходной книгѣ подьячій Семенъ Игнатьевъ.

было счесть подьячихъ той же четверти въ приходѣ и расходѣ его, великаго Государя, казны съ 7172 по 7187 годъ, т. е. за 15 лѣтъ. Обязанность эта первоначально распредѣлена была такъ, что «старому подьячему, первому человѣку», Ивану Юдину, поручено считать съ 7172 по 7177 г., а другимъ двумъ, В Березину и В. Озерову, съ 7177 по 7182 и съ 7182 по 7187 г. При этомъ В. Березинъ долженъ былъ приступить къ дѣлу, когда окончитъ счеты И. Юдинъ; такимъ же образомъ долженъ былъ дождаться своей очереди В. Озеровъ. Впрочемъ, старшій подьячій увѣрялъ, «что онъ въ тѣхъ пяти лѣтехъ въ приходныхъ книгахъ письма старыхъ подьячихъ незнаетъ для того, что до тѣхъ подьяческихъ имянъ въ подводе не написано» и билъ челомъ Государю, «чтобы ему (И. Юдину) дать съ ево братьею съ старыми подьячими жеребей, кому первые и середніе и послѣдніе годы доведутца считать». Челобитье не осталось безъ удовлетворенія. Царскимъ указомъ 16-го іюня 1679 г. велѣно было подьячимъ считать по очереди: И. Юдину—7172-й, В. Березину—7173-й, а В. Озерову—7174-й годъ и «иные годы потому жъ, погодно, считать безъ мотчанья всѣмъ вмѣсте, чтобъ то счетное дѣло привесть въ совершенство вскоре и, счотные списки справля, всѣмъ положить на столъ погодно» [1]). Кромѣ комиссій, со второй пововины XVII вѣка существовалъ еще приказъ счетныхъ дѣлъ [2]). Этотъ приказъ управлялся однимъ или двумя дьяками. По указу великаго Государя здѣсь также сидѣло сперва 16 подьячихъ; но съ теченіемъ времени нѣкоторые изъ нихъ умерли, другіе взяты были въ иныя учрежденія, такъ что въ 1659 году въ приказѣ осталось всего 2 человѣка подьячихъ и «счотное дѣло за подьячими стало». Въ іюнѣ того же года составъ приказа снова пополненъ [3]). Приказъ счетныхъ дѣлъ «вѣдалъ и дѣлалъ дѣла всего Московскаго государства, приходъ, расходъ и остатокъ по

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7180 г., № 527: Дѣло о счетѣ приказу Устюжской четверти подьячихъ въ приходѣ и въ расходѣ денежной казны со 172 по 187 годъ.

[2]) Въ справкѣ Разряднаго и Сенатскаго архивовъ (Опис. Арх. Мин. Юстиціи, кн. V, стр. 147) приказъ счетныхъ дѣлъ упоминается лишь со 164 по 171 г.; въ статьѣ о старинныхъ приказахъ (Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 412. съ 1657 по 1701 г. Къ сожалѣнію, намъ не удалось точно опредѣлить кругъ дѣятельности этого учрежденія. Его дѣлъ въ приказныхъ дѣлахъ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ хранится очень мало. (См. нижеслѣд. прим.).

[3]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 36. Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 412-Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7167 г. іюня 18, № 88: Дѣло о выборѣ въ Счетномъ приказѣ изъ разныхъ мѣстъ подьячихъ.

книгамъ за многіе годы». Въ частности это учрежденіе ревизовало дѣла другихъ приказовъ иногда за весьма значительные промежутки времени. Такъ напримѣръ, въ концѣ 1650-хъ годовъ въ счетномъ приказѣ велѣно было вѣдать «сыскные и описные приказные дѣла, описать приказъ Большой казны за 50 лѣтъ». . Счетный приказъ также контролировалъ текущіе счеты. Такъ, въ 1659 г. сюда прислано было, вѣроятно, для этихъ цѣлей 36 книгъ изъ Разряда и нѣсколько «книгъ виленскихъ полка боярина и князя Ю. А. Долгорукова съ товарищами, рейтарской и салдатской раздачи начальныхъ людей да салдатскихъ 6 полковъ». Въ 1663 и слѣдующихъ годахъ приказъ счетныхъ дѣлъ «выбиралъ начотные послѣ мѣдныхъ сереберные деньги» [1]). Но приказъ счетныхъ дѣлъ не ограничивалъ своей дѣятельности кассовымъ, административнымъ контролемъ, наблюденіемъ за правильностью итоговъ расходуемыхъ суммъ, онъ служилъ также финансовымъ центромъ, куда поступали собранныя имъ недоимки и остатки за прошлые годы, и даже, повидимому, завѣдывалъ храненіемъ этихъ суммъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ 1660-хъ годахъ [2]). Съ учрежденіемъ доимочнаго приказа, счетный приказъ, вѣроятно, потерялъ прежнее значеніе въ этомъ отношеніи, и сталъ контрольнымъ учрежденіемъ, наблюдавшимъ за правильностью итоговъ сбираемыхъ и расходуемыхъ суммъ. Повѣрка самой правильности бюджетныхъ назначеній, повидимому, не входила въ его компетенцію и отчасти принадлежала, быть можетъ, боярской думѣ.

Но всѣ эти средства, которыми правительство стремилось установить извѣстный контроль надъ сборомъ и расходованіемъ поступавшихъ въ приказы суммъ, оказались недостаточными, да и не могли достигнуть желаемой цѣли, такъ какъ система учрежденій, завѣдывавшихъ поступленіями, отличалась чрезмѣрною сложностью, а всѣ вышеизложенныя попытки систематизаціи этихъ поступленій далеко не увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Этотъ рядъ неудачъ разъясняется не только однимъ отсутствіемъ общаго, сознательно-выработаннаго плана реформъ, но и слишкомъ малымъ количествомъ способныхъ къ реформѣ административныхъ силъ, которыми располагало правительство, а также неподготовленностью самого общества къ такого рода мѣропріятіямъ.

---

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7174 г., № 256: Выписка о расходѣ денежной казны приказа счетныхъ дѣлъ. Ср. пред. прим.

[2]) *Г. Котошихинъ*, Ibid., гл. VII, ст. 36.

Административный составъ Московскихъ приказовъ въ XVII в. мало подготовленъ былъ къ проведенію преобразовательныхъ мѣръ въ приказной системѣ. Судьи, стоявшіе во главѣ приказовъ, въ большинствѣ случаевъ не обладали достаточными теоретическими познаніями, нужными для административной дѣятельности, не могли выработать какого-либо широкаго плана административныхъ реформъ или приступить къ ихъ осуществленію. Бывали, конечно, исключенія; попадались самородные таланты; но не всѣ они стояли на высотѣ своего призванія. Сохранились указанія на злоупотребленія судей. Такъ напримѣръ, судьи Большаго дворца, Б. Хитрово съ племянникомъ, по отзывамъ А. С. Матвѣева, «повсевременно строили вотчины свои всякими изобиліями и заводами изъ государственныхъ селъ и волостей и изъ всѣхъ, сытнаго, кормоваго и хлѣбнаго дворцовъ премножественнымъ похищеніемъ всякихъ дворцовыхъ обиходовъ явственно и безстыдно по вся дни корыстовались и великими посулами съ дворцовыхъ подрядчиковъ себя богатили» [1]). Дьяковъ въ большинствѣ приказовъ бывало отъ 2 до 4-хъ; лишь въ Разрядѣ можно насчитать ихъ до 6, въ Большомъ дворцѣ до 11, въ Помѣстномъ приказѣ до 15 [2]). Служебная карьера приказнаго дѣльца XVII вѣка складывалась не столько изъ медленнаго и постепеннаго перехода отъ низшей должности къ высшей по управленію однородными дѣлами, сколько изъ быстрыхъ и довольно случайныхъ его перемѣщеній изъ одного учрежденія въ другое съ совершенно различнымъ вѣдомствомъ. Такъ напримѣръ, извѣстный думный дьякъ, печатникъ, а затѣмъ и думный дворянинъ Ѳедоръ Лихачевъ служилъ первоначально въ Стрѣлецкомъ приказѣ, затѣмъ, повидимому, въ Казенномъ. Отсюда черезъ годъ онъ переведенъ въ Казань; вскорѣ снова сидитъ въ Разбойномъ приказѣ, откуда опять назначенъ черезъ годъ дьякомъ въ Казань; черезъ два года онъ уже дѣйствуетъ въ Разрядѣ и Посольскомъ приказѣ [3]). Такія перемѣщенія давали, конечно, возможность дьяку пріобрѣсти довольно разностороннія административныя познанія, но съ другой стороны, не всегда способствовали основательному его знакомству съ дѣлопроизводствомъ тѣхъ учрежденій, въ которыхъ онъ перебывалъ иногда въ теченіе до-

[1]) Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина А. С. Матвѣева, изд. Н. Новикова, стр. 386.

[2]) Описаніе Арх. Мин. Юстиціи, кн. V, стр. 127—131: Справка о лицахъ, засѣдавшихъ въ приказахъ, и воеводахъ, выданная изъ Разряднаго приказа въ 1736 г.

[3]) *Н. Лихачевъ,* Разрядные дьяки XVI в., стр. 131, прим.

вольно короткаго промежутка времени. Не даромъ А. Л. Ординъ-Нащокинъ требовалъ отъ дьяковъ, чтобы они не мѣшали кабацкихъ дѣлъ съ посольскими. Кромѣ небрежности, дьяки нерѣдко злоупотребляли данною имъ властью, на первый планъ ставили собственныя свои выгоды, а не государственную пользу, все еще разсматривали государственную должность, какъ источникъ частныхъ доходовъ. Просители приходили въ крайнее недоумѣніе, когда въ приказѣ встрѣчали дьяка, который «творилъ все по правдѣ и по государеву закону, поминокъ и посуловъ не бралъ, да и подьячимъ, и приказнымъ людямъ убытковъ не велѣлъ людямъ чинить, да и праведныхъ поминокъ» [1]). Во всѣхъ вышеуказанныхъ отношеніяхъ подьячіе, разумѣется, не уступали дьякамъ. Подьячіе, которыхъ въ приказахъ съ большимъ дѣлопроизводствомъ, напр., Помѣстномъ, бывало свыше четырехсотъ [2]), также иногда оставались по году или полугоду въ одномъ приказѣ, для того, чтобы послѣ этого краткаго срока перейти въ другое учрежденіе. Подьячій Ивашка Силуяновъ, напримѣръ, работалъ 5 лѣтъ въ приказѣ Сыскныхъ дѣлъ, а затѣмъ перебывалъ въ Костромской четверти, Бархатномъ дворѣ и Земскомъ приказѣ, прежде чѣмъ попалъ въ приказъ Счетныхъ дѣлъ. «И будучи я, Государь, въ Ямскомъ приказѣ—писалъ одинъ изъ подьячихъ—весь я, холопъ твой растерялся; многіе, Государь, въ деньгахъ росписки и выписки и изъ разныхъ приказовъ памяти, по которымъ даваны ямщикомъ (деньги) въ жалованье и въ прогоны, распропали и въ расходъ за тѣмъ многіе статьи не записаны» [3]). Если подьячій не всегда умѣлъ держать перо въ рукахъ, если нерѣдко спутывалъ счеты или давалъ казенныя деньги взаймы другимъ подьячимъ, хотя и бралъ съ нихъ росписки, то, во всякомъ случаѣ, всегда умѣлъ внушить просителю, что съ порожними руками ему нечего являться въ приказъ. Впрочемъ, это было довольно естественно при его скудномъ содержаніи. Бѣдный подьячій, пишетъ одинъ изъ современниковъ, долженъ си-

---

[1]) Москов. губ. вѣд. 1856 г., № 43 (Изъ Москвит.): Отрывокъ изъ частнаго письма прикащика своему господину. Дьякъ, о которомъ идетъ рѣчь, назывался Петромъ Ѳоминымъ.

[2]) *Н. Ардашевъ*, Исторія вотчиннаго архива въ Опис. Арх. Мин. Юстиціи, кн. V, стр. 176.

[3]) Челобитная царю Алексѣю Михаиловичу дьяка Ямскаго приказа Г. Всполохова 1672 г., изд. Общ. любит. древ. письменности, стр. 245—250, 840—855. Всполоховъ признается, что и самъ бралъ деньги изъ казны и не все взятое возвратилъ обратно.

дѣть въ приказѣ цѣлый годъ, «всѣ цѣлые дни, ни единаго дня не изнявши, а много кратъ сидитъ и цѣлыя ночи. А изъ казны ему идетъ алтынъ на день или 12 рублевъ на годъ. А велятъ ему на праздники показываться въ цвѣтномъ платьѣ: на кое единое у него не достанетъ средствъ. А въ остальномъ чѣмъ же ему кормиться и одѣваться, ему самому, женѣ и челяди? А живутъ однако же. А изъ чего живутъ? Легко догадаться: изъ продаванія правды» [1]).

Такія наклонности приказныхъ людей XVII в. ставили въ тяжелое положеніе не только истца или челобитчика, но и плательщика. Одинъ изъ стряпчихъ Суздальскаго Покровскаго монастыря, посланный по дѣламъ въ Москву, писалъ, между прочимъ: «вѣдаете, государи сами, мое житье: всякъ хочетъ взять» [2]). На этомъ основаніи плательщику, пріѣхавшему въ Москву для уплаты податей, надо было давать посулы и поминки, припасами и деньгами, приказнымъ дьякамъ и ихъ людямъ, старымъ и молодымъ подьячимъ, сторожамъ, словомъ всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло [3]). Неудивительно, поэтому, что еще во второй половинѣ XVII вѣка появлялись указы, которые сами по себѣ достаточно ярко характеризуютъ состояніе дѣлопроизводства того времени. Такъ, 16 іюня 1669 г. Государь указалъ сказать во всѣхъ приказахъ подьячимъ, «которые сидятъ у его государева дѣла, у приходу и у расходу его государевой денежные казны, чтобы они, подьячіе, бу-

---

[1]) *Ю. Крижаничъ*, О государствѣ Русскомъ и проч., Разд. 29, ст. 4. Рублей 12 въ годъ—довольно крупное жалованье для подьячаго того времени. Ср. Р. И. Б., т. X, стр. 391—397. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7183 г. нояб. 16: Выписка и дѣло приказа Галицкой четверти по пріемнымъ книгамъ о недочетныхъ у подьячаго Ивана Харламова деньгахъ, 100 руб. Харламовъ указывалъ на то, что деньги эти отдалъ подьячему Ив. Коровину (вѣр. Владимірской четверти) подъ росписку, хотя Коровинъ сказалъ только, что у него денегъ вынятыхъ изъ казны нѣтъ и что ему нужны деньги на скорые приказные расходы. Арх. Мин. Юстиціи, Кн. Денежнаго стола Разряда 7178 г. № 355/11983: Книга приходная по Сѣвскому столу. Въ этой книгѣ указано нѣсколько разныхъ подьячихъ, которымъ даны были взаймы деньги изъ приказной казны. Деньги эти выдавались взаймы не только на короткіе сроки, но и на годъ, и на два, причемъ должники не спѣшили уплатой. Одному изъ разрядныхъ подьячихъ дано было въ займы 20 руб. на 2 года въ 7174 году. Но еще въ 7178 г. онъ не уплатилъ долга.

[2]) Отчетъ Публ. и Румянц. музея за 1886—1888 г., М. 1889 г., стр. 13.

[3]) Москвитянинъ 1851 г., № 5, стр. 531. (*В. Борисовъ*, Описаніе г. Шуи, стр. 459): Роспись Шуйскаго земскаго старосты о платежѣ денегъ на Москвѣ по приказамъ. А. Ю., № 376.

дучи въ приказѣхъ, его государевы денежные казны себѣ отнюдь ничего не имали и не крали и изъ приказовъ взаймы никому не давали ни малого, и заемныхъ кабалъ и записей въ его государевой денежной казнѣ ни на кого не имали. И того всего надъ подьячими смотрѣти и беречь накрѣпко дьякомъ и считать въ его государевѣ денежной казнѣ въ приказѣхъ дьякомъ подьячихъ ежемѣсячно, чтобы одноконечно у подьячихъ денежная, наличная казна за расходы всегда была въ... (казнѣ?), а начоту на подьячихъ ничего не было. А буде которые подьячіе учнутъ воровать, денежную казну изъ пріиму своего себѣ имать и красть и тою денежною казною корыстоватца или кому взаймы давать и на заимщиковъ въ томъ заемные кабалы и записи имать, а дьяки того смотрѣть и беречь и считать ихъ помѣсячно не учнутъ, а послѣ того на подьячихъ въ денежной казнѣ учинитца какой начотъ и подьячіе въ тотъ начотъ вмѣсто наличныхъ денегъ такіе заемные кабалы принимать учнутъ — и за то дьякомъ отъ него, великаго Государя, быть въ опалѣ, а подьячимъ въ жестокомъ наказаніи безъ всякіе пощады, а начотные деньги мимо подьячихъ доправлены будутъ на дьякахъ за то, что они надъ подьячими не смотрѣли» [1]).

Немногочисленныхъ вышеуказанныхъ примѣровъ уже достаточно для того, чтобы показать малоспособность большинства приказныхъ дѣльцовъ того времени къ безукоризненному выполненію своихъ обязанностей; она вызывала путаницу въ приказномъ дѣлопроизводствѣ и, такимъ образомъ, при томъ уваженіи, какое люди XVII вѣка питали къ стародавнему обычаю, служила тормазомъ дальнѣйшаго его усовершенствованія. Вотъ почему, когда правительство приступило или, скорѣе естественнымъ ходомъ развитія принуждено было приступить къ нѣкоторой систематизаціи поступленій, оно на первыхъ же шагахъ наткнулось на неспособность административнаго состава къ оформленію и выполненію тѣхъ смутныхъ предположеній, которыя казались желательными, но на осуществленіе которыхъ не ставало средствъ. Въ такихъ попыткахъ замѣтна поэтому не только неопредѣленность, но и простая путаница. Прямые намеки на ея существованіе встрѣчаются изрѣдка. Въ Галицкій уѣздъ, напримѣръ, посланъ былъ сбор-

[1]) П. С. З., т. I, № 454. Доп. къ А. И., т. V, № 89; т. VIII, № 108 (Дополнит. статьи къ Уложенію, ст. 4). Въ послѣднемъ актѣ этотъ указъ отнесенъ не къ 27 іюня, а къ 25 іюля.

сборщикъ И. Ельчаниновъ въ 1670 году для доправленія полоняничныхъ денегъ. Онъ сталъ править ихъ также съ Галицкаго посада. Между тѣмъ посадскіе люди подали ему на всѣ прошлые годы отписи Московскихъ приказовъ. По справкѣ съ приходными книгами оказалось, что Галичане дѣйствительно своевременно внесли подати и что «тѣ деньги въ доимку написаны, не справясь»[1]) Если отдѣльныя учрежденія не сообразовали текущей своей финансовой дѣятельности съ предшествующею, то неудивительно, что и различные приказы не всегда дѣйствовали согласно другъ съ другомъ. Недалеко отъ Кунгура находилась слобода Вознесенскаго монастыря въ 73 двора. Монастырь исправно платилъ съ нея стрѣлецкія деньги въ Новгородскій приказъ. При производствѣ переписи 1676 г., писецъ приписалъ эту слободу къ Кунгуру, который вѣдался въ Казанскомъ дворцѣ. Тогда велѣно было доправить стрѣлецкія деньги съ монастырской слободы за прошлые годы. Но строитель билъ челомъ Государю, что онъ все платилъ сполна, только въ Новгородскій приказъ, а не въ Казанскій дворецъ. По наведеніи справокъ, велѣно было эти деньги «изъ доимки выложить и въ приходной книгѣ по докладомъ очистить для того, что та слободка съ деревнями записана въ Кунгурскія переписныя книги въ другой рядъ, не справясь». Другаго рода случай произошелъ съ оброчной Черемисой Кунгурскаго уѣзда. Черемисы платили оброкъ сперва въ Новгородскій приказъ и Большую казну, затѣмъ стали вносить его въ Казанскій дворецъ. Когда съ тѣхъ же Черемисъ въ 1680 году, сверхъ оброка, стали править стрѣлецкія деньги, они обратились съ челобитьемъ къ Государю о томъ, что имъ этихъ денегъ платить невозможно, и получили изъ Новгородскаго приказа грамоту, которая освобождала ихъ отъ уплаты стрѣлецкихъ денегъ. Тѣмъ не менѣе, послѣднія продолжали взиматься «для того, что о томъ грамоты государевой имъ изъ Стрѣлецкаго приказа не дано». Съ Спасоприлуцкаго монастыря въ 1672 г. правили деньги въ Стрѣлецкій приказъ. Игуменъ билъ челомъ Государю, что все заплатилъ сполна въ Устюжской четверти. По справкѣ оказалось, что деньги не только внесены въ это учрежденіе, но уже израсходованы на жалованье ратнымъ людямъ». Такимъ образомъ, систематизація поступленій дробила доходы съ одной и той же

[1]) Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7178 г. мартъ 21—апрѣль 11, № 148: Отписки въ Галицкую четверть изъ разныхъ городовъ отъ воеводъ о сборѣ дворовыхъ, оброчныхъ и полоняничныхъ денегъ.

области по разнымъ учрежденіямъ, а эти учрежденія, при несовершенствѣ приказнаго дѣлопроизводства, дѣйствовали иногда разрозненно [1]). Новый порядокъ, слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оказывался тяжелѣе прежняго для населенія.

Далеко не всегда удачное приведеніе въ исполненіе вышеуказаннаго стремленія къ систематическому распредѣленію поступленій по различнымъ учрежденіямъ не могло возбудить особенное сочувствіе и въ обществѣ Тяглые люди по справедливости считали для себя гораздо болѣе выгоднымъ вносить всѣ подати въ одно и то же учрежденіе, чѣмъ разносить ихъ по разнымъ приказамъ, и давать посулы и поминки многимъ судьямъ, дьякамъ и подьячимъ. Вязмичи въ 1645 году били челомъ Государю, чтобы стрѣлецкія и ямскія деньги давать въ Устюжскую четь, а не въ Стрѣлецкой и въ Ямской приказъ, и получили на то разрѣшеніе Государя. Въ 1665 году Псковичи жаловались въ челобитной своей на то, «что въ розныхъ приказѣхъ индѣ ратми, индѣ сборами денежными Псковъ вѣдомъ» и били челомъ, «чтобы въ одномъ приказѣ и рати и доходы денежные и хлѣбные Псковскаго государства по государеву указу были, и ихъ вѣдали строеніемъ, и Псковскому государству лутче показалося, и напрасныхъ обидъ и разоренья не было». Владимірцы въ половинѣ XVII вѣка платили съ 483 дворовъ всякихъ податей—589 рублей 15 алт. $^1/_2$ деньги въ слѣдующія учрежденія: въ Большой дворецъ и Конюшенный приказъ, во Владимірскую четь, Стрѣлецкій приказъ и приказъ Большаго прихода. Но когда въ 1680 году прежній окладъ повышенъ былъ до 800 руб. не смотря на пониженіе количества населенія, послѣднее било челомъ Государю о томъ, чтобы вносить ему прежнія подати безъ прибавки въ одинъ Стрѣлецкій приказъ [2]). Но не одни тяглецы держались такой точки зрѣнія. Выдающіеся административные таланты того времени высказывались противъ административнаго дробленія области, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. «Въ Псковѣ, Государь,—писалъ А. Л. Ордынъ-Нащокинъ—велико нестроенье межъ людьми: во многихъ дѣлахъ изъ Новгородской чети даютъ имъ грамоты; кто о чемъ бьетъ; а по прежнимъ ихъ челобитнымъ за отпуски свои въ приказѣ не стоятъ и въ Москов-

[1]) Ibid., 7180 г. іюля 21, № 254: Мірской выборъ Пачеозерской волости старостъ, земскихъ цѣловальниковъ и всѣхъ крестьянъ цѣловальниковъ на кружечные дворы. (Тутъ же нѣсколько царскихъ грамотъ и по другимъ предметамъ). Перм. губ. вѣд. 1880 г., № 40. А. И., т. V, № 123.

[2]) Доп. къ А. И., т. V, № 1; V; т. VIII, № 62.

ской волокитѣ и въ убыткахъ Псковскихъ перекупаясь въ разоренье великое надъ посадскими людми; а въ оскорбленіи своемъ отъ бѣдности не имѣли, чѣмъ себѣ помочи учинить. Добра была Псковичамъ расправа и заступленья у Ивана Гарасьевича и у Григорья Васильевича; или въ чети умножѣло городовъ? За то разоренье такое; а въ Розрядѣ и во вѣки бы въ честь былъ Псковъ и мѣра его прямая тутъ быть для краиние заступы и обороны отъ Литвы и отъ Нѣмець» [1]).

Такимъ образомъ, система центральныхъ учрежденій не отличалась строгимъ единствомъ и во второй половинѣ XVII вѣка, до эпохи преобразованій. Отсутствіе такого единства сказывалось въ возможности взаимодѣйствія единовременно, хотя и неодинаково сильно дѣйствовавшихъ, различныхъ началъ, опредѣлявшихъ подвѣдомственность областныхъ учрежденій центральнымъ и взаимоотношеніе послѣднихъ. На это опредѣленіе еще вліялъ вотчинный принципъ. Онъ обнаруживался въ томъ значеніи, какое имѣла расширившаяся компетенція органовъ центральнаго дворцоваго управленія, какъ-то: Большаго дворца, отчасти Ловчаго, Сокольничаго и Конюшеннаго приказовъ и въ сліяніи финансоваго управленія монастырскими и церковными имуществами съ дворцовымъ вѣдомствомъ; онъ вымиралъ въ распредѣленіи доходовъ отъ государственныхъ промысловъ и регалій, основанномъ отчасти на новыхъ началахъ. Мѣсто вотчиннаго принципа въ XVII вѣкѣ въ сильной мѣрѣ замѣнилъ территоріально-сословный. Онъ болѣе или менѣе сильно сказывался въ четвертяхъ, финансовое значеніе которыхъ состояло, главнымъ образомъ, въ той посредствующей роли, какую они играли въ распредѣленіи поступленій по приказамъ, главнымъ образомъ, военнаго характера. Но такое значеніе не присуще было каждой изъ четвертей въ равной мѣрѣ. Это объясняется неустойчивою неравномѣрностью въ распредѣленіи поступленій по этимъ учрежденіямъ, — неравномѣрностью, которая вызвана была измѣнчивымъ различіемъ налогоспособностей разныхъ городовъ государства и колебаніями въ неравномѣрномъ разграниченіи ихъ вѣдомствъ въ территоріальномъ отношеніи. Территоріально-сословное начало отчасти также сказывалось въ финансовой подвѣдомственности цѣлыхъ областей или отдѣльныхъ городовъ учрежденіямъ не финансоваго характера. Но, рядомъ съ территоріально-сословнымъ принципомъ, въ XVII в.

[1]) Доп. къ А. И., т. V, № 1, VI.

(особенно со второй его половины) получаютъ значеніе въ распредѣленіи поступленій и административныя соображенія высшаго порядка. Попытки систематизаціи поступленій проявились на почвѣ сословныхъ разграниченій, обнаружились въ обособленіи приказовъ и спеціализаціи поступленій, вслѣдъ за которыми замѣтно стремленіе къ объединенію центральныхъ органовъ финансоваго управленія путемъ соединенія разнородныхъ и однородныхъ учрежденій. Но всѣ эти попытки не увѣнчались успѣхомъ, въ виду отсутствія опредѣленнаго плана реформы, неспособности административнаго состава приказовъ къ ея осуществленію и несочувствія самого общества къ нѣкоторымъ изъ такихъ попытокъ.

Итакъ, начинавшееся со второй половины XVII вѣка упорядоченіе приказной системы до эпохи преобразованія не успѣло дать особенно плодотворныхъ результатовъ. Во главѣ народа русскаго не стояло еще геніальнаго ума, который съумѣлъ возвыситься надъ потребностями минуты до болѣе общаго плана административныхъ реформъ; не держала кормила правленія смѣлая и твердая рука, которая такъ рѣшительно измѣнила ходъ нашего развитія. Но если и великій преобразователь не сразу дошелъ до общаго плана реформъ, если и ему приходилось отмѣнять то, что незадолго передъ тѣмъ онъ же самъ выращалъ или переносилъ на русскую почву, то нечего было ожидать такого плана при царяхъ Михаилѣ и Алексѣѣ. Преобразовательныя мѣры за это время вызывались не столько сознательнымъ стремленіемъ впередъ, сколько естественнымъ ходомъ развитія. Сама жизнь ставила вопросы, которые требовали разрѣшенія, но разрѣшались они не теоретически, а практически, на основаніи опыта предшествовавшихъ поколѣній, и тогда только, когда этотъ опытъ оказывался не достаточнымъ, прибѣгали къ новымъ мѣропріятіямъ. Если такія рѣшенія и не приносили большаго вреда, не вызывали слишкомъ грубыхъ, а иногда и непоправимыхъ ошибокъ, то и не способствовали развитію административныхъ талантовъ, не открывали имъ широкаго поля для кипучей дѣятельности, не будили общественной мысли и не призывали лучшихъ ея представителей къ совмѣстной и дружной работѣ на пользу общую.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Значеніе организаціи прямаго обложенія въ XVII вѣкѣ.

Родовыя отношенія, на которыхъ основанъ былъ патріархальный строй древне-русскаго общества, стали обнаруживать явные слѣды разложенія, перерождались въ религіозныя и экономическія формы, но не успѣли еще смѣниться юридически опредѣленными и самостоятельными общественными союзами, когда правительство настолько окрѣпло въ борьбѣ съ внѣшними и внутренними врагами, что стало во главѣ общества, до нѣкоторой степени осуществило въ себѣ идею государства и олицетворило ее въ царской власти.

Этотъ процессъ осложнился новыми элементами подъ вліяніемъ того страшнаго политическаго кризиса, которымъ открывается XVII вѣкъ. Смута потрясла государственный строй до его основаній, чуть не повела къ смерти и къ разложенію слагавшееся общественное тѣло. Но тѣло это оживлено было духомъ народнаго самосознанія. Это сознаніе оцѣпенѣло подъ желѣзною рукой старѣющаго Грознаго, дремало при царѣ Борисѣ, но пробудилось въ смутное время, закалилось въ борьбѣ за вѣру и національность и вызвало въ обществѣ стремленіе охранить идею національнаго, независимаго, русскаго государства, — идею, которой давно уже болѣе или менѣе сознательно служили гражданскій смыслъ и военная доблесть Московскихъ князей.

Кровавая борьба Москвы и Польши завершилась всенароднымъ избраніемъ новаго русскаго царя на древній престолъ Московскій. Это избраніе было результатомъ окрѣпшаго народнаго самосознанія, государственной идеи. Въ такомъ избраніи сказалась невозможность осуществить эту идею внѣ государственныхъ формъ, выработанныхъ старою Русью, обнаружился взглядъ на русскаго царя,

какъ на центръ, къ которому тяготѣютъ всѣ общественныя силы и безъ котораго эти силы разсѣются и погибнутъ въ борьбѣ съ грозными сосѣдями. Естественно, поэтому, что съ избраніемъ новаго царя водворился прежній государственный порядокъ.

Но идея государства ближайшимъ образомъ осуществлялась въ возстановленномъ правительствѣ. Передъ нимъ падало значеніе каждаго отдѣльнаго лица. Послѣднее не находило защиты въ болѣе или менѣе самостоятельно сложившихся общественныхъ союзахъ и заняло, поэтому, извѣстное положеніе въ обществѣ лишь въ силу тѣхъ обязанностей, какія выполняло по отношенію къ государству подъ правительственною опекой.

Различіе этихъ обязанностей вызвано было различіемъ тѣхъ государственныхъ интересовъ, которые привлекали общественныя силы того времени. Пока великій князь Московскій былъ простымъ данникомъ Татарскаго хана, пока его княжество со всѣхъ сторонъ окружено было домашними, враждебными силами, онъ мало привлекалъ вниманіе иностранныхъ державъ. Но чѣмъ болѣе росло и крѣпло Московское государство, тѣмъ все съ бо́льшими и бо́льшими опасеніями взирали на него его сосѣди, Швеція и особенно Польша, тѣмъ враждебнѣе относились они къ его развивавшемуся благосостоянію. Польшу страшили притязанія Московскихъ царей на Константинополь и на Балтійское поморье. Она предвидѣла, что въ этихъ объятіяхъ задушена будетъ ея самостоятельность, но не могла сговориться съ Швеціей для дружныхъ союзническихъ дѣйствій противъ общаго врага, такъ какъ и сама ей не слишкомъ довѣряла и въ ней возбуждала сильныя опасенія. Такимъ образомъ, враждебная политика сосѣднихъ державъ плохо согласовалась съ ихъ же собственными политическими интересами, а это давало возможность Московскому правительству бороться съ ними и даже надѣяться на успѣхъ. Уже при царѣ Иванѣ Грозномъ Московское правительство сознавало опасность и приступило сразу къ рѣшенію двухъ сложныхъ политическихъ задачъ: восточному вопросу, въ которомъ переплетались интересы Польши и Москвы, и вопросу балтійскому, гдѣ эти интересы сталкивались еще съ политическими расчетами Шведскаго короля. Но разрѣшеніе этихъ вопросовъ оказалось не подъ силу Московскому правительству XVI вѣка. Оно завѣщало эту обязанность XVII столѣтію. Въ началѣ этого вѣка политическій горизонтъ загроможденъ былъ тучами. Прекращеніе династіи и внутреннія неурядицы побудили Польшу нанести рѣшительный ударъ опасному сосѣду. Гроза разразилась, но не очистила

воздуха. Враги, истомленные долгою борьбой, по прежнему стояли другъ передъ другомъ. Но Московское правительство поняло теперь, что разрѣшенію восточнаго и балтійскаго вопросовъ въ XVI вѣкѣ помѣшала Польша, что на очереди стоитъ вопросъ польскій, а не балтійскій или восточный, и нашло законный путь къ его разрѣшенію въ войнахъ изъ за Малороссіи. Главная задача московской политики XVII вѣка,—задача, выполненіе которой осложнялось враждебными столкновеніями съ Портой и Швеціей, рѣшена была отчасти лишь за 3 года до воцаренія Петра. Тогда окончательно присоединенъ Кіевъ и закрѣплены статьи Андрусовскаго договора. Тогда Польша потеряла надежду на успѣшное окончаніе борьбы и дрогнула рука Яна Собѣсскаго, подписывавшаго смертный приговоръ польской самостоятельности.

Но для достиженія такихъ результатовъ Московскому правительству пришлось вести рядъ долговременныхъ и отяготительныхъ войнъ. Для войны нужно было имѣть войско, а для содержанія войска требовались денежныя средства. Поэтому устройство войска и добываніе средствъ, предназначавшихся на его содержаніе, и стали главными задачами внутренней политики XVII вѣка; войско и финансы были въ то время центрами, вокругъ которыхъ вращались всѣ второстепенные интересы государственной жизни. Всѣ общественныя силы привлекались къ удовлетворенію этихъ главныхъ потребностей государства, а поэтому и все населеніе дѣлилось на двѣ группы: на людей тяглыхъ и людей служилыхъ. И тѣ, и другіе служили государству: первые—имуществомъ вторые — личною службой. Для отправленія послѣдней, однако, необходима была прежде всего болѣе или менѣе удовлетворительная организація податныхъ обязанностей. Но, возникая, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ военныхъ потребностей, финансовая организація Московскаго государства должна была сообразоваться и съ военными нуждами. Въ самомъ дѣлѣ, война не только приводила въ дѣйствіе эту организацію; она вліяла на самый ея характеръ, дѣлала изъ нея орудіе для удовлетворенія потребностей внѣшней государственной защиты и, такимъ образомъ, ставила устройство обложенія нерѣдко въ несоотвѣтствіе съ интересами народнаго хозяйства. Требованія, предъявляемыя войной, не допускали возраженій; въ силу этихъ требованій, надо было заранѣе опредѣлить окладъ налоговъ, сообразуясь не столько съ благосостояніемъ народнаго хозяйства, сколько съ военными нуждами. Эта необходимость въ связи съ самодержавною формой правленія привела къ образованію репартиціонной системы нало-

говъ. Какъ указано было выше, и прямые, и косвенные налоги отличались окладнымъ характеромъ, но особенности этой системы, конечно, ярче всего выразились въ организаціи прямаго обложенія. Правительство, какъ извѣстно, равномѣрно окладывало всякаго налогоспособнаго плательщика, и во всякомъ случаѣ, за весьма немногими исключеніями, не держалось полной пропорціональности обложенія Въ репартиціонной системѣ оно находило средство къ централизаціи, ибо ею уравнивало обязанности различныхъ областей къ государству, стягивало распредѣленіе этихъ обязанностеи въ одинъ главный центръ и ставило въ непосредственную зависимость отъ этого центра возможно бо̀льшее количество нерѣдко весьма мелкихъ территоріальныхъ единицъ. Но, принимая на себя разрѣшеніе лишь вопросовъ о количествѣ тяглыхъ хозяйствъ, о налогоспособности цѣлыхъ разрядовъ плательщиковъ и ихъ окладѣ, правительство тѣмъ самымъ принуждено было предоставить тяглой общинѣ распредѣленіе податей между плательщиками сообразно хозяйственному благосостоянію каждаго изъ нихъ и, такимъ образомъ, вручило ей одну изъ важныхъ функцій областнаго управленія. Такой результатъ, однако, въ нѣкоторой мѣрѣ противорѣчилъ завѣтнымъ стремленіямъ правительства къ централизаціи. Къ концу XVII вѣка оно разрѣшило это противорѣчіе тѣмъ, что зачислило выборныя власти мірскаго самоуправленія въ ряды областныхъ органовъ администраціи и поставило ихъ въ довольно узкія рамки административнаго надзора.

Итакъ, милитаризмъ въ связи съ монархическимъ принципомъ, который самъ въ значительной мѣрѣ обязанъ былъ ему своимъ возникновеніемъ, вызывалъ образованіе репартиціонной системы; она служила отчасти средствомъ для усиленія централизаціи, хотя и принуждала правительство отвести тяглому міру небольшое мѣсто въ административномъ порядкѣ. Тѣ же условія отчасти вліяли и на распредѣленіе поступленій по центральнымъ учрежденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ указано было выше, важнѣйшія (по крайней мѣрѣ до послѣдней трети XVII вѣка) финансовыя учрежденія, четверти, получили значеніе второстепенныхъ центральныхъ кассъ, изъ которыхъ денежныя суммы стали переходить въ приказы, завѣдывавшіе спеціальными вѣтвями преимущественно военнаго управленія. Попытки систематизаціи поступленій складывались также на той же почвѣ. Посольскій, а отчасти и Стрѣлецкій приказы были центрами, къ которымъ нерѣдко приписывались многія учрежденія финансоваго характера.

Но если репартиціонная система складывалась подъ вліяніемъ потребностей внѣшней безопасности и военныхъ нуждъ, то съ возростаніемъ послѣднихъ ея особенности должны были обнаруживаться все рѣзче и рѣзче. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Войны съ Польшей требовали увеличенія и реорганизаціи войска. Это войско значительно пополнилось отрядами рейтаровъ, солдатъ и драгуновъ,—отрядами, сформированными по западно-европейскому образцу. Но быстрый ростъ военныхъ потребностей съ одной стороны вызывалъ привлеченіе всѣхъ свободныхъ, незанятыхъ военною или гражданскою государственною службой общественныхъ силъ къ обложенію, съ другой—при маломъ запасѣ административныхъ силъ и настоятельности этихъ потребностей, побуждалъ правительство къ упрощенію системы обложенія. Правительство отказалось отъ поземельнаго налога, который требовалъ значительныхъ и долговременныхъ измѣреній. Оно замѣнило соху живущею четвертью, а живущая четверть, съ теченіемъ времени, въ послѣдней трети XVII в., уступила мѣсто двору. Въ равномѣрномъ окладѣ послѣдняго гораздо рѣзче выразился репартиціонный характеръ организаціи прямаго обложенія. То же постепенно усиливавшееся вліяніе, какое оказывалъ ростъ военныхъ потребностей на эту систему, обнаружился и въ третьей попыткѣ правительства упростить систему прямыхъ налоговъ путемъ сліянія нѣсколькихъ податей съ главною податью того времени—стрѣлецкою, которая должна была поступать прямо въ Стрѣлецкій приказъ.

Такимъ образомъ, не только въ характерѣ, но и въ главнѣйшихъ моментахъ развитія организаціи прямаго обложенія не трудно замѣтить то вліяніе, какое въ этомъ процессѣ имѣли все болѣе и болѣе разроставшіяся военныя потребности. Удовлетвореніе этихъ потребностей не могло, однако, находиться въ полномъ несоотвѣтствіи съ состояніемъ народнаго хозяйства. Правительство принуждено было въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣлать перемѣны въ организаціи прямаго обложенія сообразно съ такимъ состояніемъ. Такъ, напримѣръ, долгое время облагая сельское и городское населеніе одинаковымъ натуральнымъ сборомъ—стрѣлецкимъ хлѣбомъ, оно въ началѣ послѣдней трети XVII вѣка принуждено было, однако, признать различіе, какое въ то время уже стало сказываться между городскимъ и сельскимъ хозяйствомъ, и обложило первое денежнымъ сборомъ взамѣнъ натуральнаго. Невозможно было также окладывать всѣ разряды населенія вполнѣ равномѣрно: въ числѣ крестьянъ и посадскихъ людей само правительство признавало луч-

шихъ, среднихъ, молодшихъ плательщиковъ, привлекало ихъ къ обложенію соразмѣрно такимъ опредѣленіямъ и, слѣдовательно, смягчало репартиціонную систему началомъ поразрядным. Извѣстная замѣна сошнаго письма живущею четвертью въ концѣ 1620-хъ годовъ состоялась, по всей вѣроятности, въ виду выгодъ не только государственнаго, но и народнаго хозяйства. Колебанія въ распредѣленіи функцій областнаго финансоваго управленія между приказными органами администраціи и мірскими выборными властями вызваны были не одними фискальными соображеніями, а признаніе самостоятельнаго, независимаго отъ города уѣзднаго финансоваго управленія въ черныхъ волостяхъ имѣло въ виду выгоды мѣстнаго населенія. Наконецъ, челобитныя тяглыхъ людей о томъ, чтобы не дробить взимаемыя съ нихъ подати по разнымъ учрежденіямъ, иногда принимались во вниманіе правительствомъ, какъ это, напримѣръ, случилось съ Вязмичами въ половинѣ XVII вѣка. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ правительство также прибѣгало къ совѣту всей земли и выслушивало мнѣнія выборныхъ, хотя и оставляло за собою право рѣшающаго голоса.

Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что если организація прямаго обложенія Московскаго государства въ XVII вѣкѣ и складывалась, главнымъ образомъ, подъ вліяніемъ военныхъ потребностей, если она и служила не столько средствомъ для удовлетворенія внутреннихъ процессовъ государственной жизни, сколько орудіемъ для военной охраны ея отъ внѣшнихъ враговъ, то во всякомъ случаѣ не находилась въ полномъ несоотвѣтствіи съ тѣми условіями соціально-экономической жизни, среди которыхъ развивалась. Правда, тяжелыя политическія условія, въ которыя поставлено было Московское государство въ XVII вѣкѣ, выдвигали въ этой организаціи государственные интересы на первый планъ; передъ ними стиралось значеніе каждаго отдѣльнаго лица. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней получали все бо́льшее и бо́льшее значеніе государственныя начала. сливая отдѣльныя личности въ одномъ общемъ понятіи о платежной силѣ, она все же стремилась и въ значительной мѣрѣ достигла уничтоженія частныхъ податныхъ привилегій. Такая организація отводила почетное мѣсто въ государственномъ хозяйствѣ не случайнымъ, а постояннымъ средствамъ, не военнымъ контрибуціямъ или временнымъ и неопредѣленнымъ сборамъ, а болѣе или менѣе точно исчисленнымъ доходамъ, добываемымъ хотя и тяжелымъ, но равномѣрнымъ народнымъ трудомъ. Эта организація, однако, не вселяла въ народныхъ массахъ полнаго отвращенія къ

мысли о необходимости служить государственнымъ интересамъ; напротивъ, она въ извѣстной мѣрѣ подготовляла общественное сознаніе къ мысли о томъ, что государственное хозяйство должно быть основано не на случайныхъ средствахъ, а на собственномъ народномъ трудѣ. Въ этой роли заключалось ея жизненное значеніе, залогъ дальнѣйшаго развитія одного изъ государственныхъ устоевъ великорусской національности.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Кормленія въ XVII вѣкѣ (къ стр. 8).

На существованіе кормленій въ XVII вѣкѣ сохранилось нѣсколько указаній. Доходы съ г. Романова до 7128 (1619—1620) г. сбирались мурзой Иломъ Исуповымъ и его дѣтьми (А. Э, т. III, № 170). Въ 1619 г. выдана была жалованная грамота Ѳ. И. Мстиславскому на нѣсколько становъ и волостей съ мытомъ, перевозомъ, тамгой, кабакомъ и всякими промыслами (*А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, Акты гражданской расправы, т. I, № 99, стр. 316). Гороховецъ отданъ былъ въ кормленіе С. Л. Стрѣшневу въ 1645 г. (Дворц. Разряд., т. III, стр. 15), а дворчество съ путемъ въ 8 ловецкихъ слободахъ въ Ярославлѣ, кабакъ съ доходами и опредѣленную часть пошлинъ, взимаемыхъ въ Большомъ дворцѣ, получилъ кн. А. М. Львовъ-Ярославскій въ томъ же году (Древ. Рос. Вивл., ч. XV, стр. 218). Тѣ же доходы, которыми пользовался кн. А. М. Львовъ-Ярославскій, даны были В. В. Бутурлину въ 1654 и Б. М. Хитрово въ 1676 годахъ (Ibid., стр. 223 и 227. С. Г. Г. и Д., т. III, № 174. *В. Татищевъ*, Примѣч. къ Судебнику въ Прод. Древ-Рос. Вивл., ч. I, Спб., 1786 г., стр. 63. П. С. З., т. I, № 125). Въ 1661 и 1678 гг. выданы жалованныя грамоты мурзѣ Черкасскому на судъ и таможенныя пошлины Терскаго города. (С. Г. Г. и Д., т. IV, №№ 22 и 114. П. С. З., т. II, № 743. Доп. къ А. И., т. IX, № 51). Судъ надъ торговыми людьми, пріѣзжавшими на Макарьевскую ярмарку, предоставленъ былъ вмѣстѣ съ судебными пошлинами Макарьевскому Желтоводскому монастырю въ 1663 г. (А. И., т. V, № 99. Доп. къ А. И., т. XII, № 42). Взглядъ на воеводство, какъ на источникъ частныхъ доходовъ, обнаруживается въ извѣстномъ разсказѣ, приводимомъ Татищевымъ, о какомъ-то дворянинѣ, которому по его челобитью дана была Кострома, для того, чтобы онъ съ нея нажилъ рублей 500—600. (*В. Татищевъ*, Суд. ц. Ивана Васильевича, 1786 г., изд. 2-е, стр. 29). Та же точка зрѣнія сказывается и у *Г. Котошихина*, когда онъ говоритъ, какъ лица, оказавшія услуги царскому семейству, награждаются деньгами, вотчинами или воеводствами для того, чтобы они «тѣми воеводствами побогатѣли». (О Россіи, гл. I, ст. 23 и 28; гл. II, ст. 20, § 14). Въ 1682 году, когда зашла рѣчь объ устроеніи воеводствъ въ нѣкоторыхъ изъ пригородовъ Галича независимо отъ послѣдняго, то посадскіе люди били челомъ Государю о томъ, чтобы не устраивать новыхъ

воеводствъ. Они говорили, «что будутъ у насъ особые воеводы и похотятъ съ насъ сыты быти». (Доп. къ А. И., т. X, № 64). Сохранились даже разсказы, едва ли, однако, вполнѣ достовѣрные, о томъ, что при назначеніи воеводъ Государь будто бы говорилъ: «Я пожаловалъ тебя за твои службы воеводствомъ такимъ-то; ступай туда, живи тамъ и кормись до сыта!» Съ царскаго же согласія возможна была будто бы продажа воеводами своихъ должностей другимъ лицамъ, если имъ эти воеводства не нравились (*І. Фокеродтъ*, О Россіи при Петрѣ Великомъ, гл. III, ст. 29. Перев. А. Шемякина въ Чт. М. О. И. и Д. 1874 г., кн. II, стр. 32).

Любопытные примѣры перехода кормленія въ государственный налогъ встрѣчаемъ и въ XVII вѣкѣ. Въ наказной памяти гостю Аверкію Кирилову съ товарищами о завѣдываніи таможенными и кабацкими сборами 1667 года (Доп. къ А. И., т. V, № 40, стр. 196—197) есть извѣстіе о томъ, что въ прошлыхъ годахъ таможенные дьячки взимали со всякихъ товаровъ всякихъ людей (русскихъ и иностранцевъ) большую писчую деньгу, «а въ Великомъ Новгородѣ и въ иныхъ многихъ городѣхъ таможеннымъ дьячкомъ даютъ государево годовое жалованье, а писчую деньгу съ гостей ихъ торговыхъ со всякихъ людей сбираютъ таможенные головы и цѣловальники на великаго Государя». По указу царя Алексѣя со 154 года тоже учинено и на Двинѣ, у Архангельскаго города и на Колмогорахъ... Подобнаго же рода случаи бывали и въ дворцовыхъ городахъ, а также селахъ, вѣдаемыхъ въ приказѣ Большаго дворца. Въ эти города и села отпускались дворовые люди на приказы. Они взимали «указнаго» съ крестьянъ, съ выти по 2 рубля, да хлѣба по 2 чети ржи, овса потому жъ на годъ; «а марта съ 1 числа 178 году дворовымъ людемъ указнаго имать не велѣно, а велѣно сбирать въ приказъ Большаго дворца съ выти по 28 алтынъ съ денгою и съ полуденгою, да хлѣба по чети безъ полутора четверика и на половинѣ получетверика ржи, овса потому жъ, на годъ». Въ 1678 г. апр. 30 этотъ сборъ отмѣненъ. (Доп. къ А. И , т. VIII, № 23).

II. Однодворческія поселенія въ Елецкомъ уѣздѣ (къ стр. 52—53).

Особенно много примѣровъ, подтверждающихъ сказанное въ текстѣ, находимъ въ писцовыхъ книгахъ. Такъ напр., въ Елецкой писцовой книгѣ 7135—7138 г. въ Имп. Публ. Библ. F IV, № 397, по описаніи каждаго села и почти каждой деревни читаемъ: «А пашню пашутъ села (или деревни) такой-то... помѣщики изстари *черезъ десятину* и сѣно косятъ вопчѣ и лѣсъ редодубъ въ ихъ дачахъ вообще». См., напр., лл. 18, 58, 80, 101 и др., гдѣ описаны села Рождественское (14 человѣкъ), Егорьевское (9 ч.), Покровское (7 ч.), Богоявленское (11 ч.) и т. д. или лл. 64 об., 90, 115 и др., гдѣ подобныя же свѣдѣнія можно найти о деревняхъ Верхней Тростной (10 человѣкъ), Субочевомъ (8 ч.), Вышнемъ Бѣловцѣ (18 ч.) и т. д. Какъ видно, число населенія въ селахъ и деревняхъ было почти одинаковымъ; различіе села отъ деревни и тутъ

выражалось лишь въ томъ, что въ селѣ всегда бывала церковь съ причтомъ. Такое же общинное владѣніе землей, хотя по всей вѣроятности и безъ передѣловъ пашенныхъ участковъ обнаруживается и въ характерѣ самого описанія. Описаніе производится не по помѣстьямъ и вотчинамъ, а по селамъ и деревнямъ; сперва читаемъ: «а село (или деревня) такое-то»; затѣмъ: «а въ немъ (или ней)—за помѣщики ..» Далѣе идетъ описаніе каждаго помѣстья, которое начинается словами «за такимъ-то въ томъ селѣ (или деревнѣ) жеребей сво ..», или «жеребей старое отца его помѣстье». Послѣднія слова показываютъ, что слово «жеребей» тутъ употреблено не въ смыслѣ какой-либо части упаслѣдованнаго отъ отца помѣстья. Если писецъ желаетъ придать послѣдній смыслъ описываемому участку, то онъ два раза повторяетъ слово «жеребей». Такъ напр., ст. 39: «За дѣтьми Филатова въ той же деревнѣ жеребей, на ихъ жеребей дворъ помѣщиковъ...» и т. д. или ст. 41: «За Ивашкомъ Ѳеопасьевымъ сыномъ Быковскаго въ той же деревнѣ жеребей отца его помесья на его жеребей дворъ помещиковъ..,» и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не замѣтить, что при описаніи межъ этихъ владѣній ни одно помѣстье не отмежевано отъ другаго, а межи показаны только между цѣлыми селами и деревнями. (Межевая книга Елецкаго уѣзда 7135—7138 г. въ Имп. Публич. Библ. F IV, № 397, лл. 791—939). Любопытно, что при однодворческихъ поселеніяхъ встрѣчаются изрѣдка отмежеванные отъ другихъ владѣльцы, нѣсколько напоминающіе своеземцевъ черныхъ волостей. Такъ напр., въ той же писцовой книгѣ Елецкаго уѣзда читаемъ на листѣ 71 об.: «А помѣщики въ деревнѣ Высокой, Ажаково тожъ, опричь Меркуловыхъ владѣютъ своими помѣстьи изстари, пашню пашутъ черезъ десятину и сѣно косятъ вопчежъ. А Меркуловы владѣютъ съ тѣми помѣстьи вопчежъ; изъ помѣщиковъ тое деревни Василія Стряпкова съ товарищи отмежеваны» или л. 80: «Село Покровское: а пашню пашутъ села Покровскаго помѣщики изстари черезъ десятину и сѣно косятъ и лѣсъ редодубъ опричь Григорья Шуринова вопче». Далѣе лл. 80 об.—82, слѣдуетъ описаніе помѣстья Г. Шуринова, богатаго помѣщика.

III. Населенность крестьянскаго и посадскаго двора въ XVII вѣкѣ

(къ стр. 102, 123, 124, 245 и 260).

Вопросъ о населенности крестьянскаго и посадскаго двора остается доселѣ нерѣшеннымъ; для его разрѣшенія необходимо предварительно просмотрѣть всѣ писцовыя и переписныя книги XVII в. и провѣрить ихъ конечные итоги. Работа эта громадна и можетъ послужить предметомъ особаго изслѣдованія. Здѣсь мы приводимъ лишь нѣсколько примѣровъ, которые могутъ дать слабое понятіе о такой населенности. Не слѣдуетъ, однако, придавать имъ значеніе конечныхъ, общихъ и вполнѣ точныхъ выводовъ.

а) Примѣры населенности крестьянскаго и бобыльскаго двора въ первой и второй половинѣ XVII вѣка (данныя расположены сообразно постепенному возрастанію средней населенности крестьянскаго двора въ разныхъ уѣздахъ):

Годъ составленія писцовой или переписной книги.	Уѣздъ, станъ, волость или село:	Число крестьянскихъ дворовъ.	Въ нихъ населенія мужескаго пола.	На 100 дворовъ приходится населенія.	Число бобыльскихъ дворовъ.	Въ нихъ населенія мужескаго пола.	На 100 дворовъ приходится населенія.	ИСТОЧНИКЪ.
7135-7138	Елецкій	1188	1345	113	798	1022	129	Имп. Публ. Библ., Писц. кн., F IV, № 397.
7123	Хлыновскій .	869	1052	121	—	—	—	Ibid.. Оброчн. кн.. Q IV, № 256.
7134-7135	Бѣлозерскій (одни помѣстья въ Заозерскомъ станѣ).....	771	975	126	379	443	117	Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн., № 592.
7137	Шуйскій ...	994	1646	166	756	1207	160	Ibid., Писц. кн., № 11329.
7144-7145	Серпѣйскій (пом. и вотч. свѣтск.).....	307	670	180	261	447	170	Имп. Публ. Библ., Писц. кн. F IV, № 462.
7134-7135	Воротынскій (пом. вотч. свѣтск. и монаст.)	98	182	186	134	191	142	Ibid., Древлехран. М. Погодина, № 1530.
7140	Дворцовое село Пуроки съ деревнями ..	1251	2502	200	—	—	—	Румянц. Муз., Собр. И. Бѣляева, №№ 94 и 95.
7136-7137	Ярославскій (пом. и вотч, въ Городскомъ станѣ, волостяхъ Путятинской и Шаховской).....	1141	2343	205	849	1374	162	Имп. Публ. Библ. Писц. кн., F IV, № 529.
7136	Старорусскій (дворц. Сумерская волость и Старополье)	397	850	214	27	46	170	Ibid., Писц. кн., № 969.
7136-7138	Бѣлевскій ..	693	1853	269	978	2021	206	Изд. Н. Елагинымъ въ Бѣлевской Вивл.. 2 т., М., 1858 г.
	Среднее.<....			178			157	

7186	Архангельскій (безъ посадовъ)	4268	12299	288	—	—	—	Переп. кн., изд. Е. Замысловскимъ, вып. I, стр. 89.
7186-7187	Бѣлозерскій.	5067	18972	375	1389	3362	259	Ibid., стр. 223—307.
7186	Владимірскій (пом. и вотч. Клековскаго стана и Гусской волости)	1704	7132	418	717	2020	281	Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн. № 12614.
7186	Арзамасскій.	5288	22218	420	1521	3327	219	Переп. кн., изд. Е. Замысловскимъ, вып. I, стр. 1—11.
7186	Боровскій...	1285	5630	438	473	1189	251	Переп. кн., изд. Е. Замысловскимъ, вып. I, стр. 121—136.
7186	Коломенскій (пом. и вотч. свѣт. и мон. въ станахъ: Большомъ Микулинѣ, Комаровскомъ, Покрянскомъ и вол. Оглобликѣ).....	1846	8114	439	1051	3590	342	Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн. № 9275.
7186	Бѣлгородскій (мон. вотч.).	275	1230	447	83	228	274	Ibid., стр. 204.
7171-7175	Веневскій (пом. и вотч. въ станахъ Веркошенскомъ и Ясенецкомъ) ...	195	966	490	216	894	414	Имп. Публ. Библ., Писц. кн., F IV, № 430.
7186	Бѣлевскій (мон. и церк. вотч.)	163	876	537	149	539	361	Переп. кн., изд. Е. Замысловскимъ, вып. I, стр. 206—222.
7186	Болховской (пом. и вотч.)	716	5539	773	585	2436	417	Ibid., стр. 107—118.
	Среднее.....			462			313	

b) Примѣры населенности посадскаго и бобыльскаго двора въ первой и во второй половинѣ XVII в. Данныя расположены сообразно постепенному возростанію средней населенности посадскаго двора.

Годъ составленія писцовой или переписной книги.	Городъ.	Число посадскихъ дворовъ.	Въ нихъ населенія мужескаго пола.	На 100 дворовъ приходится населенія.	Число бобыльскихъ дворовъ.	Въ нихъ населенія мужескаго пола.	На 100 дворовъ приходится населенія.	ИСТОЧНИКЪ.
7137	Хлыновъ....	390	396	101	80	80	100	Древности Вятскаго края, № 164.
7125	Калуга	233	240	103	155	156	100	Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн., № 11605.
7122	Воротынскъ.	31	28	110	12	12	100	Ibid., Писц. кн., № 83.
7131	Юрьевъ Повольской....	64	73	114	44	45	110	Ibid., Писц. кн., № 913.
7133	Владиміръ...	80	98	122	51	46	110	Ibid., Писц. кн., № 71.
7137	Шуя	107	131	122	47	52	110	Ibid, Писц. кн. № 900.
7123	Старая Руса.	64	78	122	—	--	—	Имп. Публ. Библ., Писц. кн., F IV, № 288.
7127	Галичъ.....	35	43	123	62	69	110	Влад. губ. вѣд., 1851 г., № 42.
7133	Городецъ (посадъ).....	134	195	145	—	—	—	Памят. книж. Тверской губ. на 1863 г., отд. IV, стр. 1—41.
7130-7132	Архангельскъ	113	170	150	2	2	100	Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн., № 9.
7131	Суздаль	73	115	156	134	140	104	Влад. губ. вѣд., 1843 г., № 25—38.
7133	Тула	153	239	156	62	87	140	Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн., № 399.
7144	Муромъ	166	311	187	157	101	155	Имп. Публ. Библ., Писц. кн., № 9.
	Среднее....			132			113	

7154	Коломна	548	626	114	7	25	356	Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн., № 206.
7154-7155	Городецъ ...	78	147	188	84	169	201	Ibid., Переп. кн., № 25.
7154	Болховъ	257	641	249	—	—	—	Ibid., Переп. кн., № 10042.
7154	Бѣлевъ	226	577	255	—	—	—	Матер. для истор. гор., стр. 17.
7154	Владиміръ ..	326	831	255	10	8	125	Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн., № 12611.
7154	Боровскъ ...	77	197	256	24	44	183	Ibid., Переп. кн., № 440.
7154-7155	Воротынскъ.	33	86	260	1	4	400	Ibid., Переп. кн., № 162.
7154	Гороховецъ .	195	536	275	52	95	182	Ibid., Переп. кн., № 15398.
7154	Калуга	588	1688	287	—	—	—	Ibid., Переп. кн., № 162.
7154	Серпуховъ...	204	664	325	7	21	300	Ibid., Переп. кн., № 440.
	Среднее....			246			249	
7186	Владиміръ ..	334	1021	306	60	149	247	Арх. Мин. Юстиціи, Переп. кн., № 12614.
7186	Архангельскъ и посады Двинскіе....	800	2496	312	—	—	—	Переп. кн., изд. Е. Замысловскимъ, вып. I, стр. 14—20.
7186	Балахна	299	1018	340	94	251	267	Ibid., стр. 103—104.
7186	Болховъ	420	1486	354	—	—	—	Ibid., стр. 108.
7186	Боровскъ ...	189	735	389	1	2	200	Ibid., стр. 121.
	Среднее....			340			238	

с) Примѣры средней населенности посадскаго: лучшаго, средняго и худаго двора. Къ сожалѣнію, далеко не во всѣхъ книгахъ встрѣчаются свѣдѣнія о населенности дворовъ каждаго изъ этихъ разрядовъ въ отдѣльности. Настоящая таблица составлена на основаніи вышеуказанныхъ источниковъ, кромѣ трехъ городовъ, не вошедшихъ въ предшествовавшіе итоги. Въ нижепоименованныхъ посадахъ на 100 дворовъ приходится населенія:

Годъ.	Городъ.	Людей:			Годъ.	Городъ.	Людей:		
		Лучшихъ.	Среднихъ.	Молодшихъ.			Лучшихъ.	Среднихъ.	Молодшихъ.
7121	Старая Руса ...	—	125	122	7133	Сольвычегодскъ (Имп. Публ. Библ., F IV, № 497)	186	252	107
7133	Городецъ	—	191	150					
7144	Муромъ	—	250	190	7133	Владиміръ	200	133	109
7129/7131	Нижній Новгородъ (Арх. Мин Юстиціи, Писц. кн., № 295)....	160	123	112	7137	Шуя	200	133	117
					7131	Суздаль	400	207	137
7138	Устюгъ (Матер. для истор. гор., М., 1883 г)....	177	151	123	7186	Балахна	1050	454	330

Изучая всѣ эти примѣры (a, b и c), число которыхъ, разумѣется, можно было бы въ значительной мѣрѣ пополнить отчасти печатными, а главнымъ образомъ рукописными данными, слѣдуетъ имѣть въ виду сказанное въ текстѣ о писцовыхъ и переписныхъ книгахъ (стр. 186—214).

IV. Мнѣніе К. Аксакова о крестьянскихъ переходахъ въ XVII вѣкѣ.

К. Аксаковъ, въ статьѣ по поводу Бѣлёвской вивліоѳики, изданной Н. Елагинымъ (Русская Бесѣда 1858 г., т. III, и Собр. соч., т. I, стр. 495 — 528. Ср. *И. Бѣляевъ*, Крестьяне на Руси, изд. 2-е, стр. 115), со свойственнымъ ему талантомъ пытался доказать, что «переходъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ въ 1630-хъ годахъ, въ царствованіе Михаила Ѳедоровича, существовалъ не только de facto, но de jure...», хотя и не опредѣляетъ, чѣмъ могло быть обусловлено это право. Разберемъ соображенія, на основаніи которыхъ авторъ пришелъ къ такому заключенію: 1) Авторъ видитъ опредѣленное различіе между выраженіями сбѣжалъ и вышелъ. Опредѣленнаго различія, однако, какъ кажется, не было, на что указываютъ: а) терминологія самихъ писцовыхъ книгъ, напр. «Дворъ пустъ Ивашки Васильева, а Ивашка живетъ *бѣгаючи* за Неустройкомъ

Остафьевымъ, *вышелъ* во 135 году» (Бѣлев. Вивл., т. I, стр. 124); b) терминологія правительственныхъ указовъ. Такъ въ 1623 году послана была царская грамота воеводѣ Устюжны-Желѣзнопольской объ отысканіи и вытребованіи въ Устюжну Устюженцевъ, бѣжавшихъ съ тяглыхъ дворовъ, причемъ сыщику, посланному для этихъ цѣлей, велѣно «на Устюжнѣ и въ иныхъ городѣхъ *сыскивать* Устюженцевъ посадскихъ людей, которые *покиня* свои тяглые дворы съ Устюжны изъ посаду *вышли* послѣ Московскаго разоренія въ разные городы, а на Устюжну на житье жить по прежнему нейдутъ» (А. Э., т. III, № 141). Такимъ образомъ, *вышедшіе* тяглецы подвергаются *сыску*, какъ *бѣглецы*. 2) Авторъ старается доказать примѣрами изъ Бѣлевской книги, что вышедшіе изъ за однихъ помѣщиковъ записаны за другими тою же писцовою книгой и что, слѣдовательно, переходъ признается оффиціальнымъ актомъ. Но большая часть этихъ примѣровъ ничего не доказываетъ, ибо всѣ случаи, въ которыхъ не означенъ срокъ выхода или означенъ срокъ, превышающій пятилѣтнюю или во всякомъ случаѣ пятнадцатилѣтпюю давность, должны быть выключены. Въ первомъ случаѣ *ни одного* примѣра изъ приводимыхъ К. Аксаковымъ не останется; во второмъ ихъ останется немного (всего три), но и это нельзя считать доказательствомъ оффиціальнаго признанія со стороны правительства правъ перехода. Подобные примѣры объясняются или правомъ, какое имѣлъ вотчинникъ (но не помѣщикъ) отпускать на волю своихъ крестьянъ и бобылей, также вдовъ и дѣвокъ при выходѣ замужъ съ выдачей тѣмъ и другимъ отпускной, на основаніи которой они считались свободными даже въ томъ случаѣ, когда были записаны въ писцовыхъ книгахъ за вотчинникомъ, выдавшимъ имъ впослѣдствіи отпускныя (Уложенія гл. XI, ст. 19; гл. XV, ст. 3); или невозможностью со стороны землевладѣльца юридически обосновать передъ писцами свои права на крестьянъ за недостаткомъ или неудовлетворительностью крѣпостныхъ актовъ. Замѣтимъ также, что писцы сами не розыскивали бѣглыхъ крестьянъ, если на нихъ не было челобитья со стороны прежнихъ ихъ владѣльцевъ. Даже и въ послѣднемъ случаѣ крестьяне записывались за новымъ владѣльцемъ «въ спорѣ», пока дѣло не рѣшится въ Помѣстномъ приказѣ (П. С. З., т. II, №№ 1169 и 1178, ст. 13). 3) Авторъ, наконецъ, опирается на характеръ рядныхъ и на одну поручную 1681 года. Самъ авторъ признается, что извѣстныя ему рядныя—пожизненныя. Остается поручная по крестьянинѣ Васильевѣ его помѣщику. Исходя изъ того положенія, что поручная то же, что и рядная, К Аксаковъ видитъ здѣсь примѣръ поступленія въ крестьяне на одинъ годъ. Едва ли, однако, возможно отождествлять поручную съ порядной. Поручители могли ограничить срокъ своего поручительства годомъ, что вовсе не исключаетъ возможности пребыванія лица, по которому было дано поручительство, и на болѣе продолжительный срокъ въ крестьянахъ.

Послѣ всего сказаннаго ясно, что соображенія К. Аксакова въ пользу существованія права перехода крестьянъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ едва ли убѣдительны. Если ужь говорить о переходѣ крестьянъ за это время, то не о правѣ крестьянъ на переходы, а объ умѣньи высшихъ представителей служилаго класса пользоваться крестьянскими переходами для собственныхъ выгодъ и о фактическомъ существованіи такихъ пере-

ходовъ, къ которымъ слишкомъ привыкло населеніе для того, чтобы скоро отучиться отъ нихъ даже подъ вліяніемъ довольно строгихъ законодательныхъ мѣръ.

V. Податныя единицы, служившія для измѣренія недвижимаго имущества въ XVII вѣкѣ (къ стр. 227, 233 и 239).

Соха. Размѣры большой московской сохи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда ею измѣрялся одинъ и тотъ же разрядъ поземельныхъ владѣній одинаковаго качества, не всегда одинаково опредѣляются источниками. Приводимъ нѣсколько примѣровъ:

	Четвертей земли.				ИСТОЧНИКЪ.
	Доброй.	Средней.	Худой	Добре худой.	
Дворцовыя земли.	600	700	800	—	Временникъ М. О. И. и Д., кн. XVII, стр. 33—66: Кн. Сошнаго письма 1629 г.
	800	1000	1200	—	Имп. Публ. Библ. Q XVII, № 87, лл. 1—101: Кн. Сошнаго письма.
	800	1000	1200	1300	Ibid., Q XVII, № 66, лл. 171—192: Тоже.
Черныя волости.	500	600	700	—	Временникъ М. О. И. и Д., кн. XVII, стр. 33—66: Кн. Сошнаго письма 1629 г. Ibid., стр. 66—90; Кн. Сошн. письма при Уложеніи. Книга Сошн. письма А. Чермнаго, см. *В. Незабитовскій*, Собр. соч., стр. 49.
	800	1000	1200	—	Имп. Публ. Библ., Писц. оброч. кн. 7123 и 7137 гг., Q IV, №№ 256 и 257. Ibid., Писц. кн. Сольвычегодскаго уѣзда, F IV, № 497, лл. 78—602. Писц. кн. Устюжскаго уѣзда 7153—7154, F IV, № 512, л. 148. Ibid., Книга Сошн. письма Q XVII, лл. 171—192. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Стар русскаго уѣзда 7136 г., кн. 969.
Монастырскія земли.	600	700	800	—	Временникъ М. О. И. и Д., кн. XVII, стр. 33—90: Сош. кн. 1629 г. и при Уложеніи. Имп. Публ. Библ., Кн. Сош. письма Q XVII, лл. 171—192. Румянцев. Муз., Собр. Ундольскаго, Кн. Сош. пис., № 833. Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. Кашинскаго уѣзда 7136—7137 гг., кн. 173, лл. 1—1647.

Помѣстья и вотчины.	600	750	900	—	*Кн. Щербатовъ*, Рос. Истор., т. IV, ч III, стр. 135. *В. Крестининъ*, Истор. г. Холмогоръ, Спб., 1790 г., Прил. Имп. Публ. Библ., Книга Сошнаго письма Q II, № 42 Ibid., Писц. кн. Ярославскаго уѣзда 7135—7137, F IV, №№ 524 и 525 Спб. Дух. Академія, Дозор. кн. вотчинъ Кирилло-Бѣлозерскаго мон. Кир. Библ., №№ 76/1316 и 77/1316.
	600	750	900	1000	Имп. Публ. Библ., Кн. Сош. пис., Q XVII, № 142, л. 219.
	700	1000	1300	—	*Кн. Щербатовъ*, Ibid
	800	1000	1200	—	*В. Крестининъ*, Ibid., таб. 1 Временникъ М. О. И. и Д., кн. XVII, стр. 1—90: Кн. Сош. пис. 1629 и при Уложеніи. Имп. Публ. Библ., Книги Сошнаго письма, Q XVII. № 66, лл. 192—226, и Q XVII, № 87, лл. 1—101.
	800	1000	1200	1300	Имп. Публ. Библ., Кн. Сош. пис., Q II, № 42, и Q XVII, № 66, лл. 171—192.
	900	1000	1200	—	Румянцев. муз., Собр. Ундольскаго, Кн. Сош. пис., № 833.

Соха, какъ фиктивная единица, употреблялась для измѣренія не только обработанной пашни, но и городской, застроенной земли. Въ послѣднемъ случаѣ она слагалась изъ извѣстнаго числа тяглыхъ дворовъ, хотя число это и мѣнялось сообразно съ мѣстными условіями, въ чемъ убѣждаютъ нижеслѣдующіе примѣры:

Городъ.	Годъ.	Дворовъ на соху.				ИСТОЧНИКЪ.
		Лучшихъ.	Среднихъ.	Молодшихъ.	Самыхъ худыхъ	
Старая Руса.	1614	—	—	100	—	Писц кн. г. Старой Русы 7123 г. въ Спб. Публ. Биб. F IV, 288, л. 187.
Бѣлоозеро...	1618	—	—	120	—	Дозор. кн. г. Бѣлоозера въ Спб. Дух. Акад. Кир. 79/1318, л. 87 об.
Юрьевъ.....	1613	—	—	146	—	Доз кн. г. Юрьева. 7121 г. въ Арх. Мин. Юстиціи кн. 913.
Унжа	1617	—	—	468	—	Писц. (Дозор.?) кн. г. Унжи 7125 г. въ Арх. Мин. Юстиціи кн. 499, л 6 об.

Устюгъ.....	1630	13	30	70	100	(Устюгъ. Матеріалы для исторіи города. М. 1883 г., стр. 28.
Нижній-Новгородъ.....	1621/23	40	50-60	70	100	(Писц. кн. г. Нижняго 7629—131 г. въ Арх. Мин. Юстиціи кн. 295, л. 359 об.

Вытъ. Московская выть въ XVII в, судя по тѣмъ сошнымъ и писцовымъ книгамъ, которыя мы имѣли подъ руками обыкновенно содержала 12, 14 или 16 четей въ полѣ, смотря по качеству земли (ср. стр. 231). Только въ Сибири въ первой половинѣ XVII в. на выть полагалось въ дворцовыхъ земляхъ до 20 четв. въ полѣ, вѣроятно, доброй земли (*П. Бунгинскій*, Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ, Хар., 1889 г., стр. 77, 95 и 259).

Кромѣ сохи и выти, въ предѣлахъ древнихъ Новгородскихъ волостей и земель употреблялись въ первой половинѣ XVII вѣка. коробъ, обжа и сошка; упоминаются также бѣлка и плугъ.

Коробъ—еще въ XVI в., судя по Новгородской писцовой книгѣ 1580 г, гдѣ, напримѣръ, 102½ коробьи четвертной пашни приравниваются 205 четвертямъ, состоялъ изъ 2 четвертей (*И. Бѣляевъ*, Доходы Московскаго государства въ Чт. М. О. И. и Д., 1885 г., кн. I, стр. 106). *П. Соколовскій*, на основаніи хозяйственныхъ соображеній, приходитъ къ тому же выводу (Очеркъ исторіи сельск. общ. на сѣверѣ Россіи, Спб., 1877, стр. 19). Эти заключенія провѣряются тѣмъ, что коробъ въ началѣ XVII в. равенъ былъ 1/5 обжи, которая содержала въ то время 10 четвертей. (*И. Ивановъ*, Опытъ историческ. изслѣдованія о межеваніи въ Россіи, М., 1846 г., стр. 118. *К. Невольинъ*, О пятинахъ и проч. въ Зап. Геогр. Общ., т. VIII, стр. 379).

Обжа—уже въ писцовой книгѣ Новгородскаго уѣзда 1583 г. опредѣляется размѣромъ въ 10 четвертей (*И. Бѣляевъ*, О поземельн. владѣніи въ Московскомъ государствѣ въ Москвитянинѣ, 1848 г., № 9, стр. 14). Такое же опредѣленіе даютъ писцовыя книги Обонежской пятины 7091 г. (*А. Ѳедотовъ-Чеховскій*, Акты гражд. расправы, т. II, № 117, стр. 143. Временникъ М. О. И. и Д., кн. VI, стр. 58), устройныя книги Новгородскихъ ямовъ 1603—1648 гг. (Имп. Публ. Библ., QIV, № 334, passim), а также отдѣльные акты (см., напримѣръ, А. Ю., № 162. А. И., т. I, № 222; т. III, № 139. Р. И. Б., т. V, №№ 3 и 12). Еще по межевой инструкціи 25 мая 1766 г., гл. V, ст. 16 (П. С. З., т. XVII № 12659) въ обжѣ числится все то же количество четвертей.

Сошка—по свидѣтельству многихъ источниковъ содержала 3 обжи, слѣдовательно, равна была 30 четвертямъ въ полѣ. Это уже свидѣтельствуетъ извѣстная грамота 1437 г. (А. Э., т. I, № 32), лѣтописныя извѣстія 1478 г. (П. С. Р. Л., т. VI, стр. 217. Соф. Врем., т. II, стр. 194. Ср. *К. Невольина*, Объ успѣхахъ государств. межеванія, П. С. Соч., т. VI,

стр. 450, прим. 38), отрывкомъ изъ Двинской уставной грамоты 1550 г. (Древ. Рос. Вивл., ч. XII, стр. 185). Въ писцовой книгѣ Новгородской 1583 г. встрѣчаются тѣ же размѣры сошки. Такъ, напр., $3^{1}/_{6}$ сошки приравниваются $9^{1}/_{2}$ обежъ; отсюда сошка = 30 четвертямъ. (*И. Бѣляевъ*, О поз. влад. въ Москов. госуд. въ Москвитянинѣ 1848 г., № 9, стр. 2). Судя по какой-то книгѣ помѣстнаго приказа XVI в., извѣстной *Н. Карамзину* (Истор. Гос. Рос., т. V, прим. 89), сошка также заключала 3 обжи. Въ писцовыхъ книгахъ Шелонской пятины 7134—7135 гг. также находятся данныя, подтверждающія вышеприведенныя заключенія. Здѣсь, напр., $5.903^{35}/_{96}$ обжи приравнены $1.667^{2}/_{3}$ сошки съ $^{7}/_{8}$ четверти, что составитъ до 35 четвертей съ небольшимъ на сошку (*К. Неволинъ*, О пятинахъ и проч. Ibid., стр. 364). Есть, однако, указанія и на болѣе значительные размѣры сошки. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, судя по писцовымъ книгамъ 1625 г., на сошку полагалось по 5 вытей, изъ которыхъ каждая равна была 12, 14, 16 четвертямъ, смотря по качеству земли (Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Сольвычегодскаго уѣзда, F IV, № 496, л. 177). На малую сошку сѣялось 80 четвертей (А. Э., т. II, стр. 189). По словамъ *И. Бѣляева* (О доходахъ Московскаго государства въ Чт. М. О. И. и Д., 1884 г., кн. IV, стр. 12, прим.) новгородская соха была въ 10 разъ меньше московской.

Плугъ—старинная древне-русская мѣра, которая въ XVII в., кажется, уже потеряла прежнее значеніе. По Русской Правдѣ (Карам., ст. 58) въ плугѣ числилось 16 кадей. Такъ какъ до XVII в. кадь содержала 4 четверти (*А. Поповъ*, Изборникъ, стр. 190), то, слѣдовательно, плугъ равенъ былъ 64 четвертямъ. Между тѣмъ, по грамотѣ 1437 г. (А. Э., т. I, № 32) плугъ состоялъ изъ 2 сошекъ, слѣд., изъ 60 четвертей. *Г. Миллеръ* (Ежемѣсяч. соч. и пер., Спб., 1761 г., т. II, стр. 136) считалъ плугъ равнымъ сохѣ, мнѣніе едва ли справедливое.

Бѣлка, по опредѣленію нѣкоторыхъ изслѣдователей, происходитъ отъ финскаго слова pellkkae, что значитъ чистый, очищенный, а это придаетъ и самому выраженію—значеніе земли, приготовленной къ засѣву (*П. Ивановъ*, Историч. изслѣд. о межеваніи въ Россіи, стр. 122). Едва ли, однако, такое объясненіе вполнѣ достовѣрно. Быть можетъ, бѣлка была не поземельною мѣрой, а имущественною единицей, которая, смотря по условіямъ мѣста и времени, видоизмѣнялась и заключала разное количество единицъ поземельнаго или дворового счета. Такъ, напримѣръ, въ одной и той же волости Устюжскаго уѣзда въ разрубныхъ спискахъ 1634 г. встрѣчаемъ два перевода разрубовъ въ разное время года съ сошки на бѣлку, которая въ томъ и другомъ случаѣ различна. По первому разрубу довелось взять съ сошки по 29 р. 14 алт., а на бѣлку по 1 р. 14 алт. 2 ден. Слѣд., бѣлка $= \frac{2942}{143} = 0{,}049$ сошки. По второму разрубу съ сошки брали 36 р. 87,35 коп., а на бѣлку пришлось 1 р. 50 к. Слѣд., бѣлка $= \frac{3687{,}35}{150} = 0{,}041$ сошки. Считая сошку равною 30 четвертямъ, получимъ, что бѣлка въ первый разъ равна была 1,47 четвертей, во второй—1,23 четв. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7142 г., № 84: Дѣла объ уплатныхъ деньгахъ за ямскіе отпуски г. Устюга ве-

ликаго). Въ Сольвычегодскѣ въ первой половинѣ XVII вѣка платили съ бѣлки всякихъ податей по 14, 16 рублей и больше. 27 августа 1626 г. въ городѣ произошелъ пожаръ, отъ котораго сгорѣло 189 дворовъ тяглыхъ людей, «которымъ дворовъ поставить немочно, а подати было на нихъ положено по государеву указу и мирскому приговору 24 съ четвертью бѣлки и двѣ трети осмины и четверть осмины». Послѣ пожара осталось всякихъ черныхъ людей 95 дворовъ или 9 бѣлъ и 2 осмины и четверть осмины. Судя по этимъ даннымъ, изъ разряда сгорѣвшихъ дворовъ на бѣлку приходилось, среднимъ числомъ, 7,65, а изъ разряда оставшихся 9,87 двора. Сгорѣвшія хозяйства, были, очевидно бѣднѣе оставшихся. (Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7135 г. Мартъ, № 10. Дѣло о пожалованіи Сольвычегодцевъ льготою отъ податей по случаю пожара 27 августа 1626 г.).

VI. Экономическія послѣдствія смутнаго времени (къ стр. 243).

Мы не можемъ здѣсь долго останавливаться на вопросѣ объ экономическихъ послѣдствіяхъ смутнаго времени въ XVII в. Такая работа увлекла бы насъ далеко за предѣлы настоящаго сочиненія. Приводимъ здѣсь лишь два примѣра для подтвержденія сказаннаго въ текстѣ.

Въ вотчинахъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, было слѣдующее количество населенія и обработанныхъ земель, не считая селецъ Кабачина и Маурина:

Дворовъ, населенія и обработанныхъ земель.	1612—1613 г.	1615 г.	1617—1618 г.	Источникъ.
Дворовъ крестьянскихъ.	1231	486	145	
Населенія (взросл. муж. пол.) въ этихъ дворахъ.	1450	486	145	Спб. Духов. Акад., Писц. кн Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря Вас. Борисова да подьячаго Наума Петрова 7122 г. и Григ. Квашнина 7126 г., Кир. Библ. №№ 76/1316 и 77/1316.
Дворовъ бобыльскихъ...	36	18	22	
Населенія (взросл. муж. пол.) въ этихъ дворахъ.	36	18	22	
Крестьянской пашни въ четвертяхъ	6083 1/3	2236 1/3	253 1/6	
Копенъ сѣна..	18765	10865	8366	

Еще яснѣе видны слѣдствія разоренія въ Орловскомъ уѣздѣ, въ трехъ станахъ Корчаковѣ, Тайчуковѣ и Нугорскомъ.

Дворовъ, населенія и обработанныхъ земель.	1595 г.	1625 г.	Источникъ.
Дворовъ крестьянскихъ..... ...	752	51	
Населенія (взросл. муж. пол.) въ этихъ дворахъ	816	76	Имп. Публ. Библ., Писц. кн. Орловскаго уѣзда 7103 и 7133—7134 годовъ, F IV, № 442.
Дворовъ бобыльскихъ	52	39	
Населенія (взросл. муж пол.) въ этихъ дворахъ	62	63	
Пашни паханной (пом. и крест)	5875 1/3	43 3/24	
Нашежей пашни (пом. и крест).....	776 1/2	26 3/4	

VII. Книга сошнаго письма № 1573, хранящаяся въ Румянцевскомъ музеѣ. (Собр. И. Бѣляева, № 64, лл. 4—7) (къ стр. 197).

Книга эта, вѣроятно, составлена въ XVII вѣкѣ, хотя и представляетъ позднѣйшій довольно неисправный списокъ частной редакціи, которая по составу своему мало подходитъ къ доселѣ извѣстнымъ и представляетъ не мало замѣчательныхъ особенностей. Кромѣ извѣстныхъ по другимъ книгамъ перевода сохи и дробныхъ ея частей на алтыны (такъ называемаго денежнаго платежа), сложенія мелкихъ костей сохи съ переводомъ на денежный счетъ, вытной клади, «росписи какъ имать въ государеву казну четвертные пошлины», «росписи, какъ имать въ государеву казну за порожнія земли», и «денежнаго развода съ посада и съ помѣстныхъ земель и съ дворцовыхъ селъ съ сохи» (т. е. указаній на размѣры разнообразныхъ податей, взимаемыхъ съ сохи), есть особое «писанейцо» въ видѣ таблицы, гдѣ указано, «которая кость въ сохѣ съ которою сходитца и которая кость, что держитъ» и пространная «роспись, какъ по государеву указу класть въ платежные чети». Въ этой послѣдней росписи и содержатся свѣдѣнія, которыя съ перваго взгляда вызываютъ недоумѣніе, а по ближайшемъ ихъ изслѣдованіи оказываются едва ли вѣрными.

Попытаемся доказать это болѣе подробнымъ разборомъ этихъ данныхъ.

На л. 6—6 об. мы читаемъ, что «въ прошломъ во 138 году по Государеву указу посланы памѣти изъ помѣстного приказу къ писцомъ всѣхъ городовъ: а велѣно класть и въ писцовые книги писать въ платежные чети въ замосковныхъ городѣхъ, въ помѣснымъ земляхъ по 8 дворовъ крестьянскихъ, а бобылскихъ по 12 дворовъ въ четверть съ чево платить съ живущаго. А монастырскихъ земѣль велено класть по 6 дворовъ крестьянскихъ да по 3 двора бобылскихъ, обоего крестьянскихъ и бобылскихъ 9 дворовъ въ четверть».

Означенное количество крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, полагаемое на помѣстную живущую четверть, едва ли вѣрно. Во-1-хъ, отношеніе ихъ будетъ совершенно отступать отъ общепринятаго. Означая крестьянскій дворъ$=a$, бобыльскій$=b$ и живущую четверть$=P$, мы въ обыкновенныхъ случаяхъ имѣемъ слѣдующія уравненія: $P=10a$; $P=20b$; $P=xa+yb$ при $b=\frac{a}{2}$, такъ что $P=xa+yb=xa+\frac{ya}{2}=\frac{a(2x+y)}{2}$ или $P=b(2x+y)$. Но если по вышеприведеннымъ дан-

нымъ $P=8a+12b$, или даже $P=8a$; и $P=12a$, то, не говоря о томъ, что P уже не $=10a$ или $20b$, что еще вполнѣ возможно, но и a не$=2b$, что противорѣчитъ вообще большинству данныхъ и даннымъ нашей книги въ частности. При этомъ изъ текста трудно прити къ заключенію, разумѣть ли здѣсь $P=8a$; $P=12b$ или $P=8a+12b$, что вѣроятнѣе, въ виду нижеслѣдующаго опредѣленія монастырской живущей четверти, изъ котораго слѣдуетъ, что на пространствѣ монастырскихъ земель $P=6a+3b$. Во-2-хъ, принимая или не принимая послѣдняго предположенія, мы все же увидимъ полное несоотвѣтствіе между живущею четвертью въ помѣсныхъ и таковою же въ монастырскихъ замляхъ. Тамъ $P=8a+12b$ (или$=8a$; $=12b$); здѣсь $P=6a+3b$. Между тѣмъ, всюду, гдѣ мы встрѣчаемъ послѣднюю пропорцію, сй въ помѣстьяхъ и вотчинахъ соотвѣтствуетъ другая, а именно: $P=8a+4b$ (при $P=10a$; $P=20b$), какъ это бываетъ, напр., въ Кашинскомъ, Костромскомъ, Ярославскомъ, Шуйскомъ и мн. др. уѣздахъ по писцовымъ книгамъ конца 20-хъ годовъ. Въ-3-хъ, мы въ этой же книгѣ нѣсколько ниже встрѣчаемъ переводъ на дробную четверть, т. е. указанія на дробныя дѣленія послѣдней, причемъ на первомъ мѣстѣ стоитъ «4 крестьянскихъ двора да 2 бобыльскихъ двора—осмина»; слѣдовательно, цѣлая четверть равна $8a+4b$.

Эти соображенія приводятъ къ заключенію, что или составитель сошной книги, или ея переписчикъ (что вѣроятнѣе) ошибся и вмѣсто того, чтобы въ вышеприведенномъ текстѣ сказать, что по указу 138 года велѣно класть въ платежныя чети по 8 дворовъ крестьянскихъ, да по 4 двора бобыльскихъ, обоего крестьянскихъ и бобыльскихъ 12 дворовъ, онъ одно изъ слагаемыхъ пропустилъ (4 боб. двора) и принялъ за него сумму (12 боб. двор.), отчего и произошла путаница.

Дальнѣйшія ошибки той же сошной книги обнаруживаются сейчасъ же вслѣдъ за уже приведенными строками. «И того по разводу доведетца—говорится въ ней—въ помѣстныхъ земляхъ положить въ платежные чети...» Далѣе слѣдуетъ таблица этой раскладки:

8	дв.	кр.	+ 1	дв.	боб.	составятъ	$1^1/_4$	четвертей.
10	»	»	+ 5	»	»	»	$2^1/_2$	»
30	»	»	+15	»	»	»	$3^3/_4$	»
40	»	»	+20	»	»	»	5	»
50	»	»	+25	»	»	»	$6^1/_4$	»
60	»	»	+30	»	»	»	$7^1/_2$	»
70	»	»	+35	»	»	»	$8^3/_4$	»
80	»	»	+40	»	»	»	10	»
90	»	»	+45	»	»	»	$11^1/_4$	»
100	»	»	+50	»	»	»	$12^1/_4$	»

Для лучшаго уразумѣнія этой таблицы переведемъ крестьянскія и бобыльскіе дворы на одни бобыльскіе, а число имъ соотвѣтствующихъ живущихъ четвертей выразимъ въ десятичныхъ дробяхъ. Тогда получимъ слѣдующіе ряды.

17	1,25
25	2,50
75	3,75
100	5
125	6,25
150	7,50
175	8,75
200	10
225	11,25
250	12,25

Изъ этой таблицы становится, повидимому, яснымъ, что основнымъ членомъ прогрессіи является 25.

Но въ этой же таблицѣ очевидною несообразностью отличаются первые три члена прогрессіи перваго ряда, если сравнить ихъ съ соотвѣтствующими членами прогрессіи втораго ряда. Въ самомъ дѣлѣ уравненія $20b=1{,}25\ P$ или $25b=2{,}50\ P$ невозможны не только если придерживаться обычныхъ величинъ крестьянскаго и бобыльскаго двора, при которыхъ $20b$ равно было бы $1\ P$, а не $1{,}25\ P$, и $25b=1{,}25\ P$, а не $2{,}50\ P$, но и принимая во вниманіе величины, указанныя самою книгой, величины, которыя, какъ замѣчено выше, очевидно ошибочны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, наблюдая полное соотвѣтствіе (кромѣ послѣдняго 10-го члена) между членами прогрессій перваго и втораго ряда, начиная съ 4-го, мы невольно подозрѣваемъ ошибочность показаній относительно первыхъ трехъ членовъ тѣхъ же рядовъ. Въ этой ошибочности убѣдиться не трудно, если принять выше доказанную необходимость въ исправленіи количества дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ, составляющихъ четверть, и основнымъ членомъ прогрессіи перваго ряда считать 25. Въ самомъ дѣлѣ, если $P=8a+4b$, то $P=10a$, или $P=20b$; поэтому $25b$ будетъ равно $1{,}25\ P$. Такимъ образомъ, въ вышеуказанной таблицѣ необходимо прежде всего поставить первыми членами обоихъ рядовъ:

не 17	1,25
а 20	1
и слѣд. 25	1,25

Но спрашивается, что же станется со вторымъ членомъ втораго ряда? Такъ какъ члены втораго ряда, въ сущности, можно разсматривать, какъ знаменатели прогрессіи членовъ перваго ряда, и такъ какъ мы первымъ членомъ перваго ряда предполагаемъ 20, то отсюда естественно заключить, что прежнему второму члену втораго ряда, т. е. 2,50 должно соотвѣтствовать не 25, а 50; это станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы вспомнимъ, что 2,50—число живущихъ четвертей, которому дѣйствительно должно соотвѣтствовать $50b$, т. е. 50 бобыльскихъ дворовъ. Наконецъ, если мы рѣшимся еще переправить очевидную ошибку въ послѣднемъ членѣ втораго ряда, гдѣ, вмѣсто 12,25, должно стоять 12,50, то вмѣсто вышеприведенной таблицы получимъ новую, по крайнему нашему разумѣнію, болѣе правильную, а именно:

боб.	жив. четв.		кр.	боб.
20	1	т. е.	8	4
25	2,25		10	5
50	2,50		20	10
75	3,75		30	15
100	5		40	20
125	6,25		50	25
150	7,50		60	30
175	8,75		70	35
200	10		80	40
225	11,25		90	45
250	12,50		100	50

Такимъ образомъ, не только опредѣленіе основной единицы обложенія, живущей четверти, въ нашей книгѣ неточно, но и простой разводъ числа живущихъ четвертей, приходящихся на повышающееся количество крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ, разсчетъ въ сущности незатѣйливый, произведенъ невѣрно.

Есть еще и другой рядъ особенностей разбираемой нами книги: это опредѣленіе дробныхъ долей живущей четверти, которыми измѣряется одинъ или нѣсколько крестьянскихъ или бобыльскихъ дворовъ, смотря по тому разряду поземельныхъ владѣній, на которыхъ они находятся. Такъ, при счетѣ крестьянскихъ дворовъ, расположенныхъ на монастырскихъ земляхъ:

1 крест. дворъ приравненъ $^{1}/_{8}$ жив. четверти.
2 » » » $^{2}/_{8}$ » »
3 » » » $^{3}/_{8}$ » »
и т. д.
8 » » » $^{8}/_{8}=1$ жив. четверти.

Такой разсчетъ въ извѣстныхъ намъ писцовыхъ книгахъ производится обыкновенно относительно помѣщичьихъ (и вотчинниковыхъ) крестьянъ, а не монастырскихъ. Напротивъ, въ разбираемой нами книгѣ тотъ же разсчетъ относительно помѣщиковыхъ крестьянъ производится иначе.

1 крест. дворъ приравненъ $^{5}/_{48}$ жив. четверти.
2 » » » $^{10}/_{48}$ » »
3 » » » $^{15}/_{48}$ » »
4 » » » $^{20}/_{48}$ » »
5 » » » $^{19}/_{48}$ » »
6 » » » $^{30}/_{48}$ » »
7 » » » $^{37}/_{48}$ » »
8 » » » $^{32}/_{48}$ » »
9 » » » $^{45}/_{48}$ » »
10 » » » $^{52}/_{48}$ » »

Послѣ этого, если не ошибочнаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то, во всякомъ случаѣ, довольно страннаго и исключительнаго опредѣленія налогоспособности однихъ крестьянскихъ дворовъ, разбираемая нами сошная

книга переходитъ къ опредѣленію налогоспособности однихъ бобыльскихъ дворовъ на тѣхъ же монастырскихъ и помѣстныхъ (или вотчинниковыхъ) земляхъ.

Въ монастырскихъ земляхъ.

1 боб. дворъ приравненъ $^{1}/_{16}$ жив. четверти.
2 » » » $^{2}/_{16}$ » »
3 » » » $^{3}/_{16}$ » »
4 » » » $^{4}/_{16}$ » »
5 » » » $^{3}/_{16}$ » »
6 » » » $^{6}/_{16}$ » »
и т. д.
9 » » » $^{9}/_{16}$ » »

Быть можетъ, при опредѣленіи пятаго члена перваго ряда сдѣлана ошибка и вмѣсто $^{3}/_{16}$ слѣдуетъ поставить $^{5}/_{16}$.

«А гдѣ будетъ лучитца—читаемъ мы въ той же книгѣ—въ помѣсныхъ же земляхъ однѣ бобыли, а крестьянъ нѣтъ и тутъ довелось положить въ четверть»:

1 б. 8 (? едва ли не ошибка вмѣсто 11; цифра эта, впрочемъ, написана довольно неразборчиво).
2 » 12
3 » 13
4 » 14
5 » 15
6 » 16
7 » 17
8 » 18
9 » 19
10 » 20

Значеніе этихъ двухъ рядовъ сошная книга не опредѣляетъ. По всей вѣроятности они не находятся въ прямомъ соотношеніи другъ къ другу, а показываютъ лишь то количество бобыльскихъ дворовъ, которое можно полагать на живущую четверть.

«а худые земли—читаемъ мы дальше—по $\frac{i}{S}$ на четь смотря по четвертямъ, и сколько четвертей будетъ и сколько денегъ розвести»... «а въ городехъ въ посадехъ класти сколко сошнаго писма противъ четверти добрые земли на соху или $^{1}/_{2}$ сохи или на $^{1}/_{4}$, $^{1}/_{8}$, $^{1}/_{16}$, $^{1}/_{32}$ сохи или на $^{1}/_{3}$, $^{1}/_{6}$, $^{1}/_{12}$, $^{1}/_{24}$ сохи».

Всѣ эти выдержки приведены изъ сошной книги И. Бѣляева съ одной стороны въ видѣ исключенія изъ тѣхъ общихъ правилъ четвертнаго счета, которыя изложены были въ текстѣ (стр. 248—256), съ другой стороны для того, чтобы показать, какъ небрежно иногда составлялись сошныя книги.

VIII. Живущая четверть и четвертной счетъ въ XVII вѣкѣ (къ стр. 249—250 и 252—255).

Колебанія въ опредѣленіи размѣровъ живущей четверти замѣтны въ указахъ 7138 и 7139 гг., помѣщенныхъ въ указной книгѣ Помѣстнаго

приказа. (Указная книга Помѣстнаго приказа съ предисловіемъ, объяснительными примѣчаніями, перечнемъ указовъ и приложеніями, составленными *В. Сторожевымъ* въ Описаніи Арх. Мин. Юстиціи, кн. VI, М., 1889 г., отд. III, стр. 100—103 и 198). Не смотря на то, что они уже напечатаны, приводимъ ихъ въ видѣ дополненія къ сказанному въ текстѣ, причемъ пользуемся сводомъ, составленнымъ г. Сторожевымъ. Судя по этимъ указамъ, въ живущую четверть въ разное время и различныхъ мѣстностяхъ входило слѣдующее количество дворовъ:

По указу 19 марта 1630 г. на полторы десятины въ 3-хъ поляхъ.						Перемѣны, происшедшія послѣ указа 19 марта 1630 г.
Разрядъ.	Наименованіе городовъ (уѣздовъ).	Въ свѣтск. владѣніяхъ		Во владѣніяхъ духовенства.		
		кр.	боб.	кр.	боб.	
I.	Калуга, Воротынскъ, Перемышль, Лихвинъ, Бѣлевъ, Болховъ, Брянскъ, Мценскъ, Карачевъ, Путивль, Рыльскъ, Курскъ, Воронежъ, Лебедянь, Данковъ, Ряжскъ, Рязань (всего 17).....	2	2	2	1	
II.	Мосальскъ, Козельскъ, Одоевъ, Солова, Чернь, Новосиль, Кромы, Оскол̀ъ, Ливны, Елецъ, Епифань, Дѣдиловъ, Тула, Веневъ (всего 14).	2	3	2	2	
III.	Оболенскъ, Боровскъ, Малый Ярославецъ, Коломна, Серпуховъ, Кашира, Таруса, Алексинъ, Касимовъ, Муромъ, Балахна, Гороховецъ, Владиміръ, Юрьевъ Польскій, Суздаль, Лухъ (всего 16).....	4	2	3	2	
IV.	Вологда, Пошехонье, Романовъ (на Волгѣ), Ярославль, Ростовъ, Шуя, Кинешма, Кострома (всего 8)	4	3	3	3	(По указу 10 ноября 1630 г. въ этотъ разрядъ перечислены были: Калуга, Рязань, Тула.
V.	Галичъ.....	5	3	4	2	

VI.	Псковъ, Ржева Пустая, Вел. Луки, Торопецъ, Вязьма, Зубцовъ, Торжекъ, Тверь, Дмитровъ, Переяславль Залѣсскій, Кашинъ, Угличъ, Бѣжецкій верхъ (всего 13).	8	4	6	3	По указу 8 января 1631 г. въ этотъ разрядъ перечислены были: Оболенскъ, Боровскъ, Малый Ярославецъ, Коломна, Серпуховъ, Кашира, Таруса, Алексинъ, Одоевъ, Бѣлевъ, Солова, Чернь, Болховъ, Мценскъ, Новосиль, Кромы, Путивль, Рыльскъ, Курскъ, Осколъ, Воронежъ, Ливны, Елецъ, Лебедянь, Данковъ, Ряжскъ, Епифань, Дѣдиловъ, Тула, Веневъ, Калуга, Рязань. По указу 21 января 1631 г. въ этотъ же разрядъ зачислены: Вологда, Пошехонье, Кострома, Ярославль, Романовъ, Ростовъ, Суздаль, Юрьевъ Польскій, Владиміръ, Касимовъ, Муромъ, Гороховецъ, Балахна, Лухъ, Шуя, Кинешма, Галичъ.
VII.	Въ нѣкоторыхъ городахъ, изъ которыхъ извѣстны четыре: Бѣлоозеро, Ржевъ (на Волгѣ), Медынь, Мещовскъ, положено на жив. четь по указу, повидимому, предшествовавшему указу 19 марта 1630 г.....	12	8	9	6	По указу 10 ноября 1630 г. въ этотъ разрядъ перечислены были города: Ржева Пустая, Холмъ, Вел. Луки, Перемышль, Лихвинъ, Торопецъ, Масальскъ, Воротынскъ, Брянскъ, Карачевъ, Воронежъ. По указу 8 янв. 1631 г.: Торжекъ, Зубцовъ, Вязьма, Козельскъ. По указу 21 янв. 1631 г.: Бѣжецкій верхъ, Угличъ, Кашинъ, Волокъ.
	Торговые и мастеровые люди за помѣщиками и вотчинниками сравнены съ бобылями. Въ случаѣ недостатка крестьянскихъ дворовъ, послѣдніе добавляются бобыльскими, считая 2 бобыльскихъ двора за одинъ крестьянскій.					

Изъ этихъ указовъ видно, что размѣры живущей четверти были первоначально разнообразнѣе и что въ юго-западныхъ областяхъ она за-

*

ключала меньшее число тяглыхъ дворовъ, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ государства. Вскорѣ, однако, прежніе 7 разрядовъ слиты въ два, съ наибольшими размѣрами живущей четверти, а слѣдовательно, и всѣ выше перечисленные города обложены менѣе тяжело, чѣмъ прежде.

Измѣреніе тяглыхъ дворовъ живущими четвертями писцы, судя по тѣмъ даннымъ, какія о ихъ дѣятельности сохранились въ писцовыхъ книгахъ, производили при помощи особыхъ техническихъ пріемовъ четвертнаго счета. Мы не можемъ здѣсь приводить всю ту массу случаевъ, которые подтверждаютъ выводы, сдѣланные объ этомъ счетѣ въ текстѣ; статистическое исчисленіе всѣхъ случаевъ, встрѣчающихся въ писцовыхъ книгахъ, вѣроятно, потребовало бы нѣсколькихъ лѣтъ работы, которая, конечно, разъяснила бы множество частностей, но едва ли измѣнила бы существенно важнѣйшіе выводы, слѣдовательно, пока можетъ быть оставлена въ сторонѣ. Приводимъ лишь *примѣры*, подтверждающіе эти выводы.

Примѣры эти могутъ быть разбиты на слѣдующія группы.

I. Счетъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ десятыми и двадцатыми долями. При такомъ счетѣ 1 дворъ крестьянскій приравнивался $^1/_{10}$, бобыльскій дворъ—$^1/_{20}$ живущей четверти.

II. Счетъ тяглыхъ дворовъ (крестьянскихъ или бобыльскихъ), число которыхъ при счетѣ десятыми и двадцатыми долями не можетъ выразиться цѣлыми четными знаменателями, восьмыми, шестнадцатыми и т. п. долями.

III. Смѣшанный счетъ цѣлыхъ живущихъ четвертей десятыми и двадцатыми долями при счетѣ остающихся дробей четными знаменателями, соотвѣтствующими дробнымъ дѣленіямъ хлѣбной четверти. На возможность существованія такого счета указываютъ результаты, получаемые въ случаѣ его примѣненія, сравнительно съ тѣми, которые окажутся безъ его помощи. Такъ, въ Ярославскомъ уѣздѣ, напримѣръ, 9 крест. дворовъ и 3 боб. при описаніи одного изъ поземельныхъ владѣній по вычисленіямъ писцовой книги, составили $1^1/_{16}$ живущей четверти. Если мы будемъ считать 9 крест. дв. + 3 боб. дв. восьмыми и шестнадцатыми долями, то получимъ $\frac{9}{8}+\frac{3}{16}=\frac{18+3}{16}=\frac{21}{16}=1\frac{5}{16}$; при счетѣ десятинномъ также окажется несоотвѣтствующій результатъ: $\frac{9}{10}+\frac{3}{20}=\frac{21}{20}=1\frac{1}{20}$. Между тѣмъ, въ этой Ярославской писцовой книгѣ крестьянскій дворъ считается обыкновенно вдвое болѣе зажиточнымъ, чѣмъ бобыльскій, и постоянно употребляется тотъ или другой счетъ. Считая, однако, вышеприведенное сочетаніе крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ смѣшаннымъ счетомъ, какъ разъ получимъ результатъ, означенный въ писцовой книгѣ. Въ самомъ дѣлѣ, 9 крест. дв. + 3 боб. = 10 крест. дворамъ + 1 боб. двору. Отсюда $\frac{10}{10}+\frac{1}{16}=1\frac{1}{16}$. Нѣсколько подобныхъ случаевъ встрѣчается въ той же Ярославской писцовой книгѣ. Впрочемъ, искусственность такого счета лишаетъ насъ возможности положительно утверждать его существованіе.

IV. Совмѣстный счетъ крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ съ пониженіемъ или повышеніемъ живущей четверти, которыя можно объяснять колебаніями дѣйствительнаго благосостоянія тяглыхъ хозяйствъ.

V. Счетъ третниками и т. д. и колебанія размѣровъ живущей четверти при такомъ счетѣ.

VI. Исключительные случаи счета, не подходящаго подъ вышеуказанныя группы.

Въ нижеслѣдующихъ примѣрахъ въ первой графѣ помѣщено количество крестьянскихъ, во второй—число бобыльскихъ налогоспособныхъ дворовъ даннаго помѣстья или вотчины; въ третьей графѣ находится то количество живущихъ четвертей, которое они составляютъ по вычисленію писцовъ. Наконецъ, въ четвертой графѣ стоитъ цифра, означающая, по какой изъ вышеуказанныхъ шести группъ произведенъ, по нашему мнѣнію, счетъ.

Воротынскій уѣздъ.
Имп. Публ. Библ., Древлехран. М. Погодина, Писц. кн. 7137-7135 г., № 1530.

2	4	8/64	II
1	0	2/64	II
2	0	4/64	II
2	4	16/64	II
1	3	5/40	I
0	3	3/48	V
0	1	2/64	II
1	1	2/64	IV
1	0	4/64	II
1	1	4/64	IV
0	3	3/96	II
0	2	1/64	II
0	1	4/64	II
2	1	5/40	I
2	2	6/48	V
3	4	10/160	I
2	1	9/96	IV
4	0	24/64	VI
1	1	10/64	IV
2	3	8/64	IV
3	3	10/64	IV
2	3	12/64	IV
2	3	8/64	IV
5	4	24/64	IV

Серпѣйскій уѣздъ.
Ibid., Писц., кн. 7144—7145 гг. F IV, № 462.

4	2	16/64	I
1	1	6/64	II
2	2	15/64	IV
3	3	21/64	IV
2	0	6/64	VI
2	3	16/64	IV
4	8	36/64	IV
12	13	98/64	III
2	1	8/64	IV
4	2	16/64	I
3	2	12/64	IV
7	10	50/64	IV
9	12	64/64	IV
2	2	8/64	IV
3	3	18/64	II

Кашинскій уѣздъ.
Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. 7136-7137 гг., кн. 173

1	0	1/16	II
7	11	12/16	IV
4	2	4/16	I
1	3	2/16	I
7	4	4/16	IV
8	9	10/16	I
4	3	6/16	IV
4	3	4/16	IV
1	1	1/16	V
2	1	2/16	I
1	2	2/16	II
1	5	4/16	IV
1	1	2/16	V
4	7	5/16	VI
1	2	4/16	II
30	32	214/16	II
3	1	3/16	IV
4	1	4/16	IV
0	3	2/16	V
7	2	4/16	II

Веневскій уѣздъ.
Имп. Публ. Библ., Писц. кн. 7171-7175 гг., F IV, № 430.

16	9	2	IV
12	14	13/4	III
4	0	6/16	VI
3	0	4/16	V
3	2	4/16	II
3	0	9/32	VI
5	0	12 32	VI
4	0	14/32	VI
6	0	20/32	IV
2	4	8/16	II
6	12	1	V
7	0	12/16	VI
5	0	7/16	VI
4	7	12/16	VI
6	8	1	I
9	2	1	I
9	3	1	IV
20	10	2	IV
1	0	1/16	II
2	0	2/16	II
3	3	6/16	V
3	2	5/12	IV
1	0	2/16	II
2	4	13/32	IV
2	5	5 16	IV
0	3	5,32	IV

Ярославскій уѣздъ (Закоторозскій станъ).
Ibid., Писц. кн. F IV. № 525.

299	151	371/2	I
55	9	531/32	III
25	10	3	I
10	7	13/8	III
20	11	21/2	IV
4	2	1/2	I
9	13	11/2	IV
15	5	13/4	I
10	10	11/2	I
7	2	11/8	VI
2	1	15/16(?)	VI
4	2	1/2	I
45	20	51/2	I
7	5	15/16	III
22	10	211/16	IV
14	8	113/16	III
2	2	5/16	IV
2	2	5/16	IV
20	5	21/4	I
6	11	11/8	III
4	3	9/16	IV
3	2	3/8	IV
5	5	3/4	I
8	2	11/12	III(?)
7	2	12/16	III
2	1	1/4	I
1	2	1/8	V
3	1	5/8	IV
4	2	1/2	I

IX. Гостинный окладъ стрѣлецкой подати, составленный въ 1681 году (къ стр. 26—30).

Постепенное возростаніе стрѣлецкаго оклада не трудно замѣтить уже съ первой половины XVII вѣка. Приводимъ нѣсколько примѣровъ:

Годъ.	МѢСТНОСТЬ.	Окладъ стр. денегъ на соху въ рубляхъ.	ИСТОЧНИКЪ.
1622	Чердынь	200	А. Э., т. III, № 131.
1623	Чердынь	60	Ibid. (пров.).
1624	Кашира	70	А. И., т. III, № 132.
1624	Чаронда	63	Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7132—7133 гг., № 13.
1625	Владиміръ	70,72	Арх. Мин. Юстиціи, Писц. кн. г. Владиміра, 7133 г., кн. 71, л. 134.
1630	Арзамасъ	70,72	*Н. Загоскинъ*, Матеріалы, № 79.
1634	Суздаль	480	А. Ю., № 216, XVII.
1634	Тотьма	96	Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7154—7156 гг., № 61: Дѣло по челобитью Тотемскаго уѣзда посыльщика Ѳедора Добрынина въ волостныхъ крестьянъ мѣсто на Ив. Малыгина въ неправедномъ его письмѣ денежнаго ихъ оклада.
1636	Тотьма	120	
1637	Тотьма	240	
1638	Тотьма	240	
1639—1646	Тотьма	168	
1634	Города, вѣдаемые въ Новгородской четверти.....	96	Ibid., Бояр. и Оклад. кн., Оклад. кн. по Нижнему Новгороду, кн. № 22.
1645	Города, вѣдаемые въ Устюжской четверти.....	168	Ibid., П. Д. С. Л., Смѣт. сп. Устюж. чет. 7153 г., № 97.
1644	Понизовые города.....	672	*Н. Загоскинъ*, Матеріалы, № 84.
1652	Воронежъ	672	Воронеж. акты, вып. III, № XCVI.
1672	Съ живущихъ четвертей по 2 руб. съ каждой; слѣд. при переводѣ на соху (=800 четв.).....	1600	А. Э., т. IV, № 189.

Въ 1679 г., какъ извѣстно, сильно повышенъ окладъ стрѣлецкой подати, такъ какъ въ эту подать зачислены были и нѣкоторые другіе виды прямыхъ налоговъ (см. стр. 28). Вскорѣ затѣмъ произведенъ новый стрѣлецкій окладъ, любопытный по многимъ подробностямъ. Точно время его составленія по извѣстному акту въ А. Э., т. IV, № 250 мы не знаемъ. Но въ П. С. З., т. II, № 899 встрѣчаемъ указъ 11-го декабря 1681 года слѣдующаго содержанія:

«В. Г. указалъ боярину кн. В. В. Голицыну да окольничему Ив. Ив. Чаадаеву да д. д. Ав. Кириллову съ товарищами къ своимъ В го Г-ря дѣламъ въ службы разобрать, и росписать и изровнять, что служить гостемъ въ шестой годъ, и гостинныя и суконныя и дворцовыхъ и кадашевцамъ и конюшенныхъ слободъ и черныхъ сотень и всѣхъ городовъ посадскимъ людемъ и дворцовыхъ большихъ селъ и слободъ крестьяномъ въ осьмой или въ девятой или въ десятой годъ, чтобъ всѣмъ по его милостивому государынину разсмотрѣнію служить и всякіи подати платить въ равенствѣ и не въ тягость. А для того розбору и росписки и изровненія во всякія службы и платежи взять изъ гостей четырехъ человѣкъ гостинныя и суконныя сотень и дворцовыхъ слободъ и кадашевцевъ и конюшенной и мѣщанской и *изо всѣхъ* городовъ, кромѣ сибирскихъ и изъ дворцовыхъ селъ и волостей изъ которыхъ бываютъ у его г-выхъ таможенныхъ и у кабацкихъ сборовъ по два человѣка самыхъ лучшихъ и добрыхъ и знающихъ къ такому дѣлу людей; а въ которыхъ приказѣхъ они вѣданы и изъ тѣхъ приказовъ взять тѣхъ слободъ и сотень и городовъ лучшимъ и среднимъ и молодшимъ людемъ и ихъ службамъ и окладомъ и всякимъ поданымъ съ писцовыхъ и съ переписныхъ и окладныхъ и платежныхъ книгъ списки въ тетрадѣхъ за дьячьими приписьми и для того дѣла и письма и для всякія справки изъ тѣхъ же приказовъ взять подьячихъ по одному человѣку старыхъ да по одному человѣку молодыхъ самыхъ добрыхъ; а изъ городовъ и изъ Его Государевыхъ селъ и изъ слободъ тѣмъ людемъ, которые для того къ Москвѣ высланы будутъ, велѣть взять съ собою окладныя книги со 187 года по нынѣшній по 190 годъ, каковы есть въ земскихъ избахъ у земскихъ и у волостныхъ старостъ и сколько въ тѣхъ городѣхъ и волостяхъ лучшихъ и середней статьи и молодчихъ людей и по скольку человѣкъ въ годъ бываетъ во всякихъ службахъ и кто имяны въ какихъ службахъ въ 187 и 188 и во 189 годѣхъ были порознь по статьямъ именные списки въ тетрадѣхъ за руками приходныхъ священниковъ и земскихъ старостъ, а выслать ихъ къ Москвѣ генваря къ 2-му числу нынѣшняго 190 году безсрочно и явиться на Москвѣ боярину кн. В. В. Голицыну да ок. И. И. Черкасскому да д. д. А. Кириллову съ товарищи и въ приказы о присылкѣ тѣхъ людей память, а во городы и въ села государевы грамоты послать изъ Розряду».

Характерныя особенности этого оклада можно усмотрѣть изъ слѣдующей таблицы:

Окладъ налога на дворъ въ каждомъ изъ поименованныхъ городовъ падаетъ равномѣрно.	Гостинный окладъ стрѣлецкой подати, составленный въ 1681 году (А. Э., т. IV, № 250). Окладъ налога, падающій на дворъ, означенъ въ деньгахъ.					
1. Ярославль..	400	25. Болховъ....	140	47. Цывилскъ..	200
2. Вологда....	340	26. Старая Руса.	240	48. Еранскъ ...	200
3. Нижній-Новгородъ.....	300	27. Лухъ	240	49. Калуга.....	200
4. Кострома...	300	28. Свіяжскъ...	240	50. Кунгуръ ...	200
5. Синбирскъ .	299,42	29. Торжекъ ...	220	51. Боровскъ...	180
6. Казань.....	280	30. Луки Великіе.....	220	52. Судиславль .	160
7. Арзамасъ ..	280	31. Ржевъ Володиміровъ....	220	53. Михайловъ .	225,46
8. Елецъ	280	32. Гороховецъ .	220	54. Зарайскъ...	180
9. Воронежъ ..	280	33. Козмодемьянскъ	220	55. Кашинъ....	180
10. Рыльскъ ...	280	34. Уфа	220	56. Саранскъ...	180
11. Орелъ.....	280	35. Мещаскъ...	220	57. Курмышъ..	180
12. Суздаль....	260	36. Устюжна Желѣзнопольская.	220	58. Темниковъ .	194.46
13. Муромъ	260	37. Любимъ....	220	59. Алаторь....	180
14. Ростовъ....	260	38. Веневъ.....	200	60. Самара.....	180
15. Коломна ...	327,28	39. Серпуховъ..	200	61. Старица....	180
16. Елатма	260	40. Бѣлевъ.....	200	62. Кавымъ....	180
17. Переяславль Рязанскій...	259,26	41. Чернь.....	200	63. Бѣжецкій верхъ.....	180
18. Торопецъ...	260	42. Переяславль Залѣсскій ..	200	64. Верея.....	180
19. Тула.....	260	43. Вязьма.....	200	65. Кадуевъ ...	180
20. Шуя.....	260	44. Нерехта....	200	66. Ядринъ	180,82
21. Чебоксары .	398,04	45. Юрьевъ Польскій.....	200	67. Ярославецъ.	21,58
22. Владиміръ..	240	46. Кашира....	200	68. Сольгалицкая	180
23. Галичъ.....	240			69. Одоевъ.....	180
24. Тверь.....	240			70. Бѣлгородъ..	180

71. Курскъ.....	180	92. Синбирскій пригородокъ Тагаевъ	160	108. Борисоглѣбская сл.	260
72. Путивль ...	178,64	93. Вятка.....	220	109. Кинешма .	220
73. Можайскъ..	160	94. Устюгъ Великій.....	200	110. Балахна...	200
74. Буй	160	95. Сольвычегодская.....	200	111. Плесо.....	200
75. Волокъ Ламскій.....	171,32	96. Устьянскія волости.....	200	112. Дмитровъ..	200
76. Звенигородъ.	160	97. Каргополь.	200	113. Соль большая.....	200
77. Таруса.....	160	98. Еренской..	200	114. Соль малая.	200
78. Санчурскъ..	160	99. Каигородокъ	180	115. Скопинъ ..	200
79. Чухлома ...	160	100. Тотьма....	180	116. Юрьевецъ Повольской ..	180
80. Руза.....	160	101. Солькамская.....	197,86	117. Молога. ..	(180?)
81. Лихвинъ ...	160	102. Пермь В. и Чердынь....	180	188. Норская слобода.....	180
82. Зубцовъ....	160	103. Двина.....	180	119. Рыбная слобода.....	180
83. Клинъ	160	104. Кевроль и Мезень	160	120. Бѣлоозеро .	180
84. Воротынскъ .	160	105. Пустоозеро.	160	121. Мосальскъ.	180
85. Пенза.....	160	106. Кольскій Острогъ	170,60	122. Перемышль.	160
86. Васильсъ....	160	107. Чаронда...	160	123. Углечъ....	160
87. Кокшайскъ.	160			124. Романовъ..	160
88. Инсара....	160			125. Вага.....	200
89. Серпѣйскъ.	160				
90. Новосиль..	164,28				
91. Унжа	160				

Примѣчанія къ вышеприведенной таблицѣ стрѣлецкаго оклада 1681 г.:

5. Симбирскъ—510 дв.—763 р. 16 а. 4 д. Въ отдѣльности съ двора подати не означено, что встрѣчается не только въ этомъ случаѣ, но и во многихъ другихъ. Большею частью, однако, число податей, дѣленное на число дворовъ, даетъ цѣлыя числа, вполнѣ естественныя. Такихъ случаевъ мы въ примѣчаніяхъ не приводимъ.

6. «У нихъ ямская гоньба». (Ср. стр. 366).

13. Почти 260 ден. $\frac{447\text{ р. }16\text{ а. }4\text{ д.}}{344\text{ дв.}} = 260{,}016$ ден.

14. Да во дворецъ просольная рыба.

15. Повидимому, ошибка. $\frac{57\text{ р. }20\text{ д.}}{352\text{ дв.}} = 327{,}28$. По Доп. къ А. И. т. VIII, № 40, въ Коломнѣ посадскихъ дворовъ 377.

17. $\frac{214\text{ р. }16\text{ а. }4\text{ д.}}{165\text{ дв.}} = 259{,}26$ деньгамъ.

21. $\frac{305\text{ р. }16\text{ а. }4\text{ д.}}{205\text{ дв.}} = 398{,}04$. Ошибка? По Доп. къ А. И., т. VIII, № 40, по перен. кн. 1678 г., въ Чебоксарахъ посадскихъ и бобыльскихъ 36 дворовъ.

22. У нихъ же ямская гоньба.

25. $\frac{504\text{ р.}}{720\text{ дв.}} = 140$ д. Очевидная ошибка. По перен. кн. 1678 г. въ Болховѣ 420 двор. (*Е. Замысловскій.* Перен. кн., стр. 108). Слѣд. $\frac{504}{420} = 240$.

52. $\frac{24\text{ р.}}{30\text{ дв.}} = 160$. Ошибка? Въ Доп. къ А. И., т. VIII, № 40 Судиславль не упомянутъ.

53. $\frac{49\text{ р. }20\text{ а.}}{44\text{ дв.}} = 225{,}46$. По Доп. къ А. И., т. VIII, № 40 въ Михайловѣ тоже 44 двора.

58. $\frac{134\text{ р. }6\text{ а.}}{138\text{ дв.}} = 194\ 46$. По Доп. къ А. И., т. VIII, № 40 въ Темниковѣ тоже 138 дворовъ.

67. $\frac{10\text{ р }30\text{ а.}}{101\text{ дв.}} = 21{,}58$. Очевидная ошибка, вѣроятно, при изданіи памятника или при производствѣ самаго оклада. Въ Доп. къ А. И., т. VIII, № 40 въ Ярославцѣ тоже 101 дворъ.

71. Курскъ: 599 дворовъ и въ томъ числѣ посадскихъ 465 дворовъ, 418 р. 16 ал. 4 ден. Подьяческихъ и всякихъ чиновъ людей 134 двора—120 р. 20 ал. И тѣ и другіе по 180 денегъ съ двора.

72. $\frac{132\text{ р. }6\text{ а. }4\text{ д.}}{148\text{ дв.}} = 178{,}64$. По Доп. къ А. И., т. VIII, № 40 въ Путивлѣ 149 дворовъ (тогда на дворъ—177,44 деньги). Да у нихъ же ямская гоньба.

75. $\frac{45\text{ р. }13\text{ а. }2\text{ д.}}{53\text{ дв.}} = 171{,}32$. По Доп. къ А. И., т. VIII, № 40 на Волокѣ 53 двора.

90. $\frac{11\text{ р. }16\text{ а. }4\text{ д.}}{14\text{ дв.}} = 164{,}28$. По Доп. къ А. И., т. VIII, № 40 въ Новосили тоже 14 дворовъ.

94. Они же платятъ Сибирскій запасъ, да у нихъ же ямская гоньба.

95. Сибирскій запасъ. Ямская гоньба.

97. Ямская гоньба.

98. Ямская гоньба.

100. Ямская гоньба.

101. $\frac{6977\text{ р. }23\text{ а. }2\text{ д.}}{7053\text{ дв.}} = 197{,}86$ да сибирскій хлѣбъ да ямская гоньба.

103. Ямская гоньба.

104. Хлѣбные запасы.

105. Ямская гоньба.

106. $\frac{515\text{ р. }6\text{ а. }4\text{ д.}}{604\text{ дв.}} = 170{,}60.$

117. При Мологѣ означено лишь число дворовъ и дворцовыхъ доходовъ: 128 дв.—42 руб. Опредѣлить, сколько посадскіе люди платили стрѣлецкихъ денегъ, нельзя, потому что взаимоотношеніе между количествомъ стрѣлецкихъ и дворцовыхъ доходовъ въ ближайшихъ примѣрахъ разное.

Разрядовъ окладываемыхъ городовъ, всего десять:

I	по 400	денегъ	№ 1 . . . . . 1.
II	» 340	»	№ 2 . . . . . 1.
III	» 300	»	№№ 3—6 . . . . . 3.
IV	» 280	»	» 6—12 . . . . . 6.
V	» 260	»	» 12—22; 108 . . . . . 11.
VI	» 240	»	» 22—29 . . . . . 7.
VII	» 220	»	» 29—38; 93; 109 . . . . . 11.
VIII	» 200	»	» 38—51; 94—99; 110—117; 125 . . . 25.
IX	» 180	»	» 51—73; 99—104; 116—122 . . . . . 33.
X	» 160	»	» 73—93; 104—108; 122—125 . . . . 27.

Всѣхъ X разрядовъ №№ 1—125 125

Замѣчательно, что коммиссія для пересмотра системы податей и сборовъ при учрежденіи съ 1863 года налога на городскія недвижимости раздѣлила по налогоспособности города также на 10 разрядовъ съ такими же интервалами въ 10 копѣекъ. (*М. Алексѣенко.* Дѣйствующее законодательство о прямыхъ налогахъ, стр. 74).

X. Развитіе земледѣльческой культуры въ первой половинѣ XVII в. (къ стр. 259).

Приводимъ здѣсь примѣры такого развитія въ Елецкомъ и Тверскомъ уѣздахъ по платежнымъ и писцовымъ книгамъ 7123, 7128, 7135—7136 и 7135—7138 гг. въ Имп. Публ. Библ., F. IV, №№ 396, 397 и въ Арх. Мин. Юстиціи, кн. 467 и 871—875. Земля считается четвертями (полудесятинами).

ЕЛЕЦКІЙ УѢЗДЪ.

Годъ.	Обработанныхъ добрыхъ земель.		Елецкій станъ.	Брусланов-скій станъ.	Засосенскій станъ.	Вартольскій станъ.	Всего.
7123	Паш. пах. въ пом. и вотч.		$233^{7}/_{12}$	$193^{1}/_{2}$	$98^{1}/_{2}$	$282^{41}/_{48}$	$808^{7}/_{16}$
7135 7138	Пашни паханной и нѣжей въ пом. и вотч.	Крест. и бобыльск.....	$455^{7}/_{12}$	$336^{5}/_{8}$	$574^{3}/_{8}$	$547^{1}/_{8}$	$1913^{17}/_{24}$
		Помѣщичьей и вотч.....	$1374^{19}/_{24}$	$1091^{5}/_{8}$	$1497^{1}/_{2}$	$954^{2}/_{3}$	$4918^{7}/_{12}$
		Всего.....	$1830^{9}/_{24}$	$1428^{1}/_{4}$	$2071^{7}/_{8}$	$1501^{19}/_{24}$	$6832^{7}/_{24}$

ТВЕРСКОЙ УѢЗДЪ.

Годъ.	Обработанныхъ среднихъ земель.		Захожскій станъ.	Воловицкій станъ.	Суземскій станъ.	Шостка, Кова и Чернов (волости).	Микулинскій станъ.	Всего.
7123	Паш. пах. въ пом., вотч. и мон. зем.....		$15^{1}/_{2}$	$8^{1}/_{16}$	$3^{1}/_{4}$	$12^{5}/_{16}$	$5^{3}/_{16}$	$44^{5}/_{16}$
7135 7136	Пашни паханной въ пом., вотч. и мон. зем. (не считая нѣжей)	Крест. и бобыльск.....	799	$647^{1}/_{2}$	388	875	285	$2994^{1}/_{2}$
		Помѣщ. и вотч.....	$623^{1}/_{2}$	$458^{1}/_{2}$	$326^{1}/_{3}$	$427^{1}/_{4}$	$167^{1}/_{2}$	$2003^{1}\ {}^{12}$
		Всего.....	$1422^{1}/_{2}$	1106	$714^{1}/_{3}$	$1302^{1}/_{4}$	$452^{1}/_{2}$	$4997^{7}/_{12}$

Крупное различіе, какое замѣчается между количествомъ распаханныхъ земель въ 1615 г. и концѣ 1620 гг., отчасти разъясняется не только путемъ образованія новыхъ, но и развитіемъ уже существовавшихъ помѣщичьихъ хозяйствъ. Это доказывается сравненіемъ количества паханной пашни въ однихъ и тѣхъ же хозяйствахъ въ 1615 и 1628 годахъ. Приводимъ нѣсколько примѣровъ. Въ первой графѣ означены фамиліи помѣщиковъ или вотчинниковъ, во второй и третьей—количество четвертей паханной пашни по описаніямъ 1615 и 1627—1628 годовъ, четвертей, приходившихся на одно и то же поземельное владѣніе въ разное время.

ЕЛЕЦКІЙ УѢЗДЪ.

Елецкій станъ.	Сергѣевъ	1 5/8	1 1/2	сенскій станъ.	Логачевъ	1/2	1 1/2	Варгольскій станъ.	Пеньковъ	5/8	5
	Зиборовъ	1 5/8	1 1/2		Котовъ	1/2	4		Хромово	1	8
	Тарасовъ	1 1/2	6 1/2		Ивакинъ	1/4	1 1/2		Щетининъ	1	14
	Щукинъ	2	4 1/2		Криневъ	1/4	1 1/2		Пашковъ (В.)	1/2	8
	Черемошенцевъ	2	2 1/2		Тарасовъ	3/8	2 1/4		Чуркинъ	1 1/2	1/4
	Спѣсивцевъ	1 5/8	4 1/2		Чорново	3/8	2		Шиловъ	1 1/2	1
	Климовъ	2	5 1/2	Брусланов.	Сухининъ (С.)	1/2	22		Полянскій	2 1/4	7 1/2
	Карпова (вдова)	1 1/2	2 1/4		Сухининъ (О.)	1 1/2	5		Стрѣльниковъ	1 1/2	7 1/2
	Лапухинъ	1 1/2	2 3/4		Сопрыкинъ	5/8	5		Д. и А. Гребенкины	3 1/2	5
	Рощекинъ	1	6		Сошинковъ	1 1/2	5		Бр. Меркуловы.	1 5/8	12
Засо-	Архиповъ	1/2	3		Сошникова	5/8	8		О. и А. Антоновы	1 5/8	12
	Епсюковъ	1/2	2 1/4		Рослиновъ	5/8	5		Радинъ (П.)	2	5
	Комовъ	5/8	1/2		Черниковъ	5/8	5 1/2		Радинъ (А)	2	5
					Пашковъ (Ю.)	1 1/2	8				

ТВЕРСКОЙ УѢЗДЪ.

Заховскій станъ.	Ломаковъ	0	54	Суземскій станъ.	Аѳонасьевскій мон.	1/16	8 1/2	Шостка вол.	Спечовъ (Е.)	1/4	14
	Кн. Щербатовъ.	5/16	5		Бр. Чашниковы.	0	2 1/2		Изъединовъ	1/8	0
	Кн. Морткинъ.	1 1/16	18						Воеводинъ	1/8	17
	Озеровъ	1/16	8		Яминскій монастырь	1/4	50		Вотмицкій мон.	1 1/2	110
	Титовъ	1/16	16		Васаевъ	0	117		Савинъ мон.	1/8	39
	Солицынъ	1/4	46		Нащокинъ	3/4	59	Микулинскій станъ.	Симанскій	1/4	3
Воловицкій	Пестовъ	3/8	5		Желтиковъ мон.	5/8	82 1/2		Епишевъ	1/8	0
	Лодыгинъ	1	46		Безобразовъ	1/8	0		Спечовъ (В.)	1/16	12
	Телятевскій(Ѳ.)	2 1/4	114		Ѳедоровскій мон.	3/8	7 1/2		Телятевскій(Ѳ.)	1 1/2	14
	Щербининъ	3/8	21								
	Бр. Голубины	1 7/8	60 1/2								

Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ сильно развилась земледѣльческая культура въ Елецкомъ и особенно въ Тверскомъ уѣздѣ въ нѣкоторыхъ

хозяйствахъ къ концу 1620-хъ годовъ. Это развитіе нельзя, конечно, всецѣло приписывать введенію подворной подати (живущей четверти); но, быть можетъ, оно совершалось не безъ его вліянія.

XI. Списокъ городовъ, вѣдаемыхъ въ главнѣйшихъ центральныхъ учрежденіяхъ Московскаго государства XVII вѣка. (къ гл. V).

Настоящія таблицы составлены съ одной стороны для того, чтобы опредѣлить территоріальные предѣлы Московскихъ приказовъ съ финансовымъ характеромъ въ XVII вѣкѣ, съ другой—для того, чтобы показать, что эти предѣлы мало видоизмѣнялись въ теченіе этого періода времени. Уже въ статьѣ о старинныхъ приказахъ Московскихъ (Древ. Рос. Вивл., ч. XX, стр. 277—421) можно найти по этому вопросу цѣнныя свѣдѣнія. Въ трудѣ *Г. Успенскаго* (Опытъ повѣствованія о древ. Рос., 1818 г., 2 изд., ч. II, стр. 315—320) также находятся подобнаго рода данныя, а *А. Градовскій* (Истор. мѣстн. управл. въ Россіи, т. I, прил., стр. III) попытался дать самостоятельно составленный списокъ городовъ, вѣдаемыхъ въ различныхъ приказахъ. Намъ удалось частью исправить, частью пополнить этотъ списокъ, благодаря вновь открытымъ матеріаламъ. Изъ этихъ матеріаловъ наиболѣе общими, содержащими свѣдѣнія не только относительно одного, но и нѣсколькихъ учрежденій, являются слѣдующіе: 1) Роспись разныхъ городовъ, вѣдаемыхъ въ четвертяхъ Новгородской, Костромской, Устюжской, Галицкой и Казанскомъ дворцѣ, съ означеніемъ посадскихъ дворовъ и жителей. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7146 г., декаб., № 57. 2) Записная книга сбору денегъ ратнымъ людямъ на жалованье съ разныхъ четей (всѣхъ вышепоименованныхъ, также Владимірской четверти и Казанскаго дворца) посадовъ. Ibid., 7153 г., № 13. 3) Р. И. Б, т. X, стр. 313—315: Роспись (неполная) городовъ и селъ, вѣдаемыхъ въ Большомъ дворцѣ, Новгородской и Устюжской четвертяхъ 1645—1646 г. 4) Акты, относящіеся до таможенныхъ, питейныхъ и другихъ сборовъ въ Доп. къ А. И., т. VII, № 66, I. Здѣсь можно найти исчисленіе городовъ, вѣдаемыхъ въ четвертяхъ Новгородской, Владимірской и Галицкой въ 7186—7187 г. Для опредѣленія территоріальныхъ границъ вѣдомствъ отдѣльныхъ учрежденій послужили еще многія другія данныя; важнѣйшія будутъ указаны при каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности. Города расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Цифры, поставленныя въ скобкахъ при каждомъ городѣ, означаютъ годы, когда городъ упоминается въ вѣдомствѣ даннаго учрежденія.

I. Большой дворецъ.

(Выписка изъ окладныхъ книгъ о сборѣ денегъ на жалованье Московскимъ стрѣльцамъ по новому окладу 1681 г. въ А. Э., т. IV, № 250).

1. Балахна (1681).
2. Борисоглѣбская слобода (1681).
3. Бѣлоозеро (1667, 1674, 1675, 1678, 1681).
4. Вага (1670, 1681, 1696).
5. Дмитровъ (1681).
6. Кинешма (1681).
7. Молога (1653, 1681).

8. Мосальскъ (1681).
9. Московскія слободы (Баращская, Басманная, Гончарная, Котельная, Красное село, Напрудная, Огородная, Садовая, Таганная).
10. Норская слобода (1681).
11. Олонецъ (1681).
12. Перемышль (1681).
13. Плесо (1681).
14. Романовъ (1681).
15. Рыбная слобода.
16. Соль Большая (1681).
17. Соль Малая (1681).
18. Скопинъ (1681).
19. Угличъ (1652, 1658, 1674—1675, 1681).
20. Юрьевецъ Повольскій (1681).

II. Новгородская четь.

Важнѣйшіе спеціальные источники: 1) Окладная роспись и смѣтный списокъ Новгородской четверти 7142 г. въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Бояр. и Оклад. книги, Оклад. кн. по Нижнему Новгороду, № 22; 2) Роспись воеводъ и дьяковъ въ городахъ Новгородской четверти 1662—1663 г. въ А. о. до Ю. Б., т. III, № 314; 3) Акты о назначеніи писцовъ въ города, вѣдаемые въ Новгородскомъ приказѣ 1682 г. въ Доп. къ А. И., т. IX.

1. Арзамасъ (1634, 1637, 1645, 1677—1679, 1682).
2. Архангельскъ (1634, 1637, 1645, 1646—1647, 1677—1679, 1682).
3. Березовецъ (1637, 1645).
4. Боровичи (1637, 1645).
5. Великопорожское.
6. Велье (1637, 1645).
7. Владимирецъ (1637).
8. Вологда (1634, 1637, 1645, 1647, 1677—1679, 1682).
9. Вороначь (1637).
10. Выборъ (1637, 1645).
11. Вымь, Еренской городокъ (1634, 1646—1647, 1682).
12. Вышній Волочекъ (1637, 1645).
13. Гдовъ (1637, 1645, 1677—1679).
14. Гороховецъ (1634, 1637, 1645, 1647).
15. Дубново городище (1637).
16. Каргополь (1634, 1637, 1645, 1647, 1677—1679, 1682).
17. Кайгородокъ (1634, 1637, 1645, 1647, 1682).
18. Кевроль (1634, 1645, 1647, 1677—1679, 1682).
19. Кольскій острогъ (1634, 1637, 1645, 1647, 1677—1679, 1682).
20. Корцовъ посадъ (1637).
21. Котельничъ (1634, 1637, 1677—1679, 1682).
22. Красное (1677—1679).
23. Кунгуръ (1647, 1675—1680, 1688, 1695, 1698).
24. Ладога (1637, 1645).
25. Лопскіе погосты (1637, 1645, 1682).
26. Мезень (1634, 1645—1647, 1677—1679, 1682).
27. Нижній Новгородъ (1634, 1637, 1645, 1647, 1677—1679, 1682).
28. Новгородъ (1634, 1637, 1645, 1677—1679, 1682).

29. Новая Руса (1637).
30. Новое Усолье (1677—1679).
31. Олонецъ (1647, 1651, 1662, 1674, 1677—1680, 1682).
32. Опочка (1637, 1645).
33. Орловъ (1634, 1637, 1677—1679, 1682).
34. Орелъ (1677—1679).
35. Островъ (1637).
36. Пермь (1634, 1637, 1645, 1647, 1677—1679, 1682).
37. Печенское (1637, 1645)
38. Полоновскій городокъ (1637, 1645).
39. Порховъ (1637, 1645).
40. Потерпѣнецъ (1637, 1645).
41. Псковца (1637).
42. Псковъ (1634, 1637, 1645, 1677—1679).
43. Пустая Ржева.
44. Пустоозеро (1634, 1645—1647, 1677—1679, 1682).
45. Пыскорь (1677—1679).
46. Романовъ (1645).
47. Селище (1637, 1645).
48. Слободской (1634, 1637, 1677—1679, 1682).
49. Солькамскъ (1634, 1637, 1645, 1647, 1677—1679, 1682).
50. Спасское (1637, 1645).
51. Старая Руса (1634, 1637, 1645, 1647, 1677—1679, 1682)
52. Строгановыхъ земли (1634, 1637, 1645).
53. Сумерская волость (1637, 1645).
54. Тесово.
55. Турчасовъ (1634, 1637, 1645, 1682).
56. Тявирскій острожекъ (1637).
57. Усольскъ.
58. Хлыновъ (1634, 1637, 1647, 1677—1679, 1682).
59. Холмогоры (1634, 1637, 1645—1647, 1677—1679).
60. Чердынь (1634, 1637, 1645, 1647, 1677—1679, 1682).
61. Чусовой (1637, 1677—1679).
62. Шестаковъ (1634, 1637, 1682).
63. Ѣдровъ (1637).
64. Яжельбицы (1637, 1645).
65. Яренскъ (1637, 1645, 1647, 1677—1679).

Изъ старыхъ Новгородскихъ пригородовъ упомянуты только: Ладога, Порховъ, Старая Руса, Тесово; быть можетъ, Тявирскій острожекъ то же, что и Тиверское городище. Въ разрядныхъ книгахъ и въ записныхъ книгахъ Московскаго стола въ числѣ Новгородскихъ пригородовъ упоминаются только Ладога, Порховъ и Старая Руса. Рядомъ съ ними въ первой трети XVII в. встрѣчается Тихвинъ. Изъ Псковскихъ пригородовъ въ нашей таблицѣ приведены: Велье, Владимріецъ, Вороначь, Выборъ, Гдовъ, Красный, Островъ, Опочка. Изборска и Себежа (не говоря о второстепенныхъ) нѣтъ, хотя они постоянно встрѣчаются въ числѣ Псковскихъ пригородовъ въ разрядныхъ книгахъ и записныхъ книгахъ Московскаго стола.

III. Владимірская четверть.

1. Болховъ (1645, 1677—1679).
2. Боровскъ (1645, 1677—1679).
3. Верея (1645, 1677—1679).
4. Владиміръ (1645, 1677—1679).
5. Волоколамскъ (1645, 1677 — 1679).
6. Воротынскъ (1645, 1677 — 1679).
7. Заволочье (1677—1679).
8. Зарайскъ (1645, 1677—1679).
9. Калуга (1645, 1677 — 1679).
10. Карачевъ (1645).
11. Крапивна (1645, 1677—1679).
12. Лихвинъ.
13. Луха (1645, 1677—1679).
14. Михайловъ (1645, 1677 — 1679).
15. Орелъ (1677—1679).
16. Переяславль Рязанскій (1677—1679).
17. Печерники (1677—1679).
18. Пронскъ (1677—1679).
19. Пустая Ржева (1677—1679).
20. Путивль (1645).
21. Ряжскъ (1677—1679).
22. Сапожокъ (1677—1679).
23. Таруса (1645, 1677—1679).
24. Тверь.
25. Торжокъ.
26. Тула.

Есть указанія на то, что города Зарайскъ, Михайловъ, Печерники, Пронскъ, Ря(ж)скъ, Сапожокъ—считались пригородами Рязани (А. Э., т. IV, № 54).

IV. Костромская четверть.

1. Алексинъ (1637, 1645).
2. Большая Соль (1637, 1645).
3. Буйгородъ (1637, 1645).
4. Дѣдиловъ (1637).
5. Елатьма (1637, 1645).
6. Зубцовъ (1637, 1645).
7. Кадомъ (1637, 1645).
8. Кадый (1637, 1645).
9. Козельскъ (1637, 1645).
10. Кострома (1637, 1645).
11. Лихвинъ (1637, 1645).
12. Любимъ (1637, 1645).
13. Малая Соль (1637, 1645).
14. Малый Ярославецъ (1637, 1645).
15. Муромъ (1637, 1645).
16. Нерехта (1637, 1645).
17. Одоевъ (1637, 1645).
18. Переяславль Залѣсскій (1637, 1645).
19. Судиславль (1637, 1645).
20. Торопецъ (1637, 1645).
21. Ярославль (1637, 1645).

Судя по росписямъ 1637 и 1645 гг., пригородами Костромы считались, по крайней мѣрѣ, Любимъ, Буйгородъ, Судиславль, Кадый (см. выше, стр. 267).

V. Устюжская четверть.

Спеціальные источники: 1) Смѣтный списокъ Устюжской четверти 7153 г. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., № 97; 2) Роспись городамъ, вѣдаемымъ въ Устюжской четверти 1647 г. въ А. о. до Ю. Б., т. III, № 315; 3) Память изъ Устюжской четверти въ Посольскій приказъ о полоняничныхъ деньгахъ 1669 г. въ Доп. къ А. И., т. V, № 90.

1. Бѣжецкій верхъ (1637, 1645, 1669).
2. Вага? (1613).
3. Великія Луки (1637, 1645, 1669).
4. Веневъ (1637, 1645, 1669).
5. Верея.
6. Вязьма (1637, 1645, 1669).
7. Гремячій (1645, 1669).
8. Дмитровъ (1637, 1645, 1669).
9. Звенигородъ (1637, 1645, 1669).
10. Клинъ (1637, 1645, 1669).
11. Клязьма (Клязем̀ское городище) (1645).
12. Можайскъ (1637, 1645, 1669).
13. Погорѣлое городище (1637, 1645).
14. Пошехонье (1645).
15. Ржева Володимірова (1637, 1645, 1669).
16. Руза (1637, 1645, 1669).
17. Сольвычегодскъ (1637, 1645—1647, 1669).
18. Старица (1637, 1645, 1669).
19. Тотьма (1637, 1645—1647, 1669).
20. Устьянскія волости (1637, 1645—1647, 1669).
21. Устюгъ Великій (1637, 1645—1647, 1669).
22. Устюжна Желѣзнопольская (1637, 1645—1647, 1669).

VI. Галицкая четверть.

Спеціальные источники: Оброчная платежная книга Галицкой четверти 1622—1655 г. въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, Бояр. и Окладн. кн., Оклад. кн. по г. Галичу, № 2.

1. Бѣлевъ (1637, 1645, 1622—1655).
2. Бѣлоозеро (1614, 1615, 1622, 1645, 1649, 1622—1655).
3. Галичъ (1645, 1622 — 1655, 1677—1679).
4. Карачевъ (1622—1655).
5. Кашинъ (1645, 1677 — 1679).
6. Кашира (1637, 1645, 1622 — 1655, 1677—1679)
7. Кологривъ.
8. Коломна (1637, 1645, 1622 — 1655, 1677—1679).
9. Кременскъ (1637, 1645, 1622—1655).
10. Мещовскъ (1637, 1645, 1662—1655).
11. Мценскъ (1637, 1645, 1622 — 1655.
12. Новосиль (1622—1655).
13. Парѳеньевъ (1645, 1622 — 1655).
14. Ростовъ (1637, 1645, 1677—1679).
15. Сольгаличъ (1645, 1622 — 1655, 1677—1679).
16. Судай.
17. Суздаль (1637, 1645, 1622—1655, 1677—1679).
18. Унжа (1622—1655, 1677—1679).
19. Чернь (1622—1655).
20. Чухлома (1645, 1622—1655).
21. Шуя (1637, 1645, 1677 — 1679).
22. Юрьевъ Повольскій (1637, 1645, 1622—1655, 1677—1679).

Изъ вышеуказанныхъ городовъ Чухлома, Сольгаличъ, Парѳеньевъ, Унжа еще во второй половинѣ XVII в. называются пригородами Галича. (Доп. къ А. И., т. VIII, № 40. Ср. Ibid., т. VII, № 66, I).

VII. Казанскій дворецъ.

Спеціальные источники: Роспись воеводъ и всякихъ приказныхъ людей, вѣдаемыхъ въ приказѣ Казанскаго дворца. Эта роспись составлена послѣ августа 1662 года. А. о. до Ю. Б., т. III, № 313.

1. Алатырь (1637, 1645, 1662).
2. Анаташахъ (1645, 1662).
3. Аргашское (1662).
4. Арскъ (1637, 1662).
5. Астрахань (1662).
6. Борисоглѣбское (1646 — 1647, 1662).
7. Булярское городище (1662).
8. Бѣлый Яръ (1662).
9. Варварскій (1645).
10. Василь городъ (1637, 1645, 1662).
11. Верхній Ломовъ (1662).
12. Вознесенское (1645).
13. Воскресенское (1645 — 1647, 1662).
14. Вятки (1646—1647).
15. Елабуга (1645).
16. Еренскъ (1637).
17. Ерыклинскъ (1662).
18 Заинское (1662).
19. Инзерское (1662).
20. Инсаръ (1662).
21. Кадомъ (1662).
22. Казань (1637, 1645, 1662).
23. Касимовъ.
24. Керенскъ (1662).
25. Кичюское (1662).
26. Ключищи (1646—1647, 1662).
27. Козмодемьянскъ (1637, 1662).
28. Кокшагъ (1662).
29. Корсунь (1662).
30. Кунарская слобода (1645—1647, 1662).
31. Курмышъ (1637, 1645, 1662).
32. Лаишевъ (1637, 1645, 1662).
33. Лебяжья слобода (1662).
34. Малое Корсуново (1662).
35. Малмыжъ (1637, 1645, 1662).
36. Мензелинскъ (1662).
37. Натышъ (1646—1647).
38. Никольская сл. (1645).
39. Олати (Алаты) (1637, 1645, 1662).
40. Отемарской острогъ (1662).
41. Оса (1662).
42. Пенза.
43. Потишской острогъ (1662).
44. Рождественское (1645—1647, 1662).
45. Рыбная слобода (1645—1647, 1662).
46. Сабугли (1645—1647).
47. Самара (1637, 1645, 1662).
48. Саранскъ (1662).
49. Сарапулъ (1646—1647,1662).
50. Саратовъ (1662).
51. Свіяжскъ (1637, 1645, 1662).
52. Симбирскъ (1662).
53. Сокольскій (1662).
54. Стародубскія села (1646 — 1647).
55. Старое Ахтачинское (1662).
56. Старое Шошминское (1662).
57. Сурскій (1662).
58. Шошминское (1662).
59. Тагаево (1662).
60. Тальское (1662).
61. Темниковъ (1637, 1662).
62. Тенки (1646 — 1647).
63. Терекъ (1662).
64. Тетюши (1637, 1645, 1662).
65. Тіунское (1662).
66. Толмиловское (1645).
67. Тресвятское (1646 — 1647, 1662).
68. Уренскъ (1662).
69. Уржумъ (1637, 1645, 1662).
70. Уфа (1637, 1645, 1662).
71. Царевъ Кокшайскъ (1637, 1645, 1662).
72. Царевъ Санчурскъ (1637, 1645, 1662).
73. Царицыно (1645, 1662).

*

74 Царицыно (село) (1662).
75. Цывильскъ (1637, 1645, 1626).
76. Чалнинскіе починки (1646—1647, 1662).
77. Чебоксары (1637, 1645, 1662).
78. Чепчуги (1645—1647, 1662).
79. Черный Яръ (1662. 1665).
80. Шацкъ.
81. Шечкѣевское (1662).
82. Шошминское (1662).
83. Юшальское (1662).
84. Ядринъ (1637, 1645, 1662).
85. Яранскъ (1645, 1662).
86. Ѳедоровское (1645—1647).

Точно опредѣлить, какія изъ вышеупомянутыхъ поселеній были пригородами Казани, довольно трудно. Въ разрядахъ и записныхъ книгахъ Московскаго стола, судя, по крайней мѣрѣ, по печатному тексту, хотя иногда и упоминаются Казанскіе пригороды (Разр. кн., т. I, стб. 722; т. II, стб. 821. Р. И. Б., т. X, стр. 7 и 311—313), но трудно сказать, гдѣ кончается перечисленіе пригородовъ и гдѣ начинается описаніе другихъ понизовыхъ городовъ. Болѣе опредѣленными свѣдѣніями въ этомъ отношеніи отличается вышеуказанная роспись, составленная послѣ августа 1662 г. (А. о. до Ю. Б., т. III, № 315). Здѣсь пригородами Казани названы слѣд. №№ нашей таблицы: 4, 7, 8, 17, 19, 25, 32, 35, 36, 39, 41, 56, 64, 65, 82. По Синбирской чертѣ «въ пригородехъ» названы: Уренскъ, Юшальскъ, Тагаево, Саранскъ; по Саранской чертѣ—Инзерское, Отемарской острогъ, Шечкѣевское (Ibid). Корсуново и Сокольскій острогъ подвѣдомственны были Симбирску (А. И., т. V, № 208). Число поселеній, вѣдаемыхъ въ Казанскомъ дворцѣ, сократится, если выключить изъ ихъ списка дворцовыя села и слободы. Таковы, напримѣръ, №№ 12, 13, 30, 33, 37, 38, 44, 45, 46, 49, 54, 66, 67, 74, 76, 78, 86.

VIII. Сибирскій приказъ.

Спеціальные источники: 1) Помѣтные и смѣтные списки г. Томскаго и городовъ Томскаго разряда 7142 г. въ Имп. Публ. Библ., F II, № 89; 2) Роспись печатямъ Сибирскихъ городовъ 1656 г.; въ А. И., т. IV, № 104; 3) Роспись служилыхъ людей, военныхъ запасовъ и пр. въ Тобольской окладной книгѣ 1684—1685 г. въ Доп. къ А. И., т. XI, № 100.

1. Березовъ (1634, 1656, 1664, 1684—1685).
2. Верхотурье (1634, 1656, 1664, 1684—1685).
3. Енисейскъ (1656).
4. Илимской острогъ.
5. Иркутскъ.
6. Кетцкъ (1634, 1656).
7. Красноярскъ (1634, 1656).
8 Кузнецкъ (1634, 1656).
9. Мангазея (1634, 1656, 1664, 1684—1685).
10. Нарымъ (1634, 1656).
11. Нерчинскъ.
12. Обдорскъ (1656).
13. Омскъ.
14. Пелымь (1634, 1656, 1664, 1684—1685).
15. Селенгинскъ.
16. Сургутъ (1634, 1656, 1664, 1684—1685).
17. Тара (1634, 1656, 1664, 1684—1685).
18. Тобольскъ (1634, 1656, 1664, 1684—1685).
19. Томскъ (1634, 1656).
20. Тулимской.
21. Туринскъ (1634, 1656, 1664, 1684—1685)

22. Тюмень (1634, 1656, 1664, 1684—1685).
23. Удинской.
24. Якутскъ.

Изъ этихъ городовъ №№ 1, 2, 9, 12, 14, 16, 17, 18, 21 и 22 числились въ Тобольскомъ, №№ 3, 6, 7, 8, 10 и 19 — въ Томскомъ разрядахъ. Впрочемъ, г. Енисейскъ, по крайней мѣрѣ въ позднѣйшее время, былъ центромъ особаго разряда. Въ Енисейскомъ разрядѣ числились, повидимому, въ 1679 г: Байкалъ, Иркутскій, Брацкій и Балаганскій остроги (Доп. къ А. И., т VIII, № 44, V). Иркутскъ дѣйствительно принадлежалъ къ Енисейскому разряду (*Иркутскъ*, Матер. для истор города. М., 1888 г., стр. 4. Доп. къ А. И., т. XI, № 87). Къ тому же разряду слѣдуетъ, вѣроятно, причислить Селенгинскъ (Доп. къ А. И., т. XI, № 76, т. XII, № 16).

IX. Разрядъ.

Не приводимъ здѣсь подробной росписи городовъ, вѣдаемыхъ въ этомъ учрежденіи. Ее можно найти въ соч. *Н. Загоскина* (Столы Разряднаго приказа, К., 1879 г.). Главнѣйшіе изъ этихъ городовъ упомянуты нами въ текстѣ (см. выше, стр. 470 и прим. 5). Остальные имѣли мало значенія въ финансовомъ отношеніи, да и обложены были преимущественно однимп косвеннымп налогами.

X. Великороссійскій приказъ.

Спеціальные источники: Арх. Мин. Юстиціи, Кн. Кіевскаго стола Разряда 7197 г., № 15.

1. Ахтырскъ.
2. Боровскъ.
3. Бѣлополье.
4. Змѣевъ.
5. Краснополье.
6. Лебединъ.
7. Мирополье.
8. Мояпкъ.
9. Суджа.
10. Суминъ.
11. Харьковъ.
12. Царево-Борисовъ.

XI. Посольскій приказъ.

Спеціальные источники: Приходорасходныя книги Посольскаго приказа въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, П. Д. С. Л., 7162 — 7170 гг., № 111 и мног. друг.

1. Вязьма.
2. Елатьма.
3. Ерахтура (село Касимовскаго у.).
4. Касимовъ.
5. Романовъ.

Съ этихъ городовъ въ Посольскій приказъ поступали одни косвенные налоги (таможенные сборы съ Вязьмы; кружечные сборы съ Елатьмы, Ерахтуры и Касимова; тѣ и другіе съ Романова). Впрочемъ, сюда же поступали въ это время оброчныя деньги съ лавокъ и другихъ промышленныхъ заведеній г. Романова.

XII. Хлѣбный приказъ.

(Доп. къ А. И., т. VIII, I, 7181).

1. Гридино.
2. Городецкая волость.
3. Лысково.
4. Мурашевъ.
5. Романовъ.
6. Скопинъ.

Сравнивая вышеприведенныя таблицы, не трудно замѣтить нѣсколько случаевъ, когда одинъ и тотъ же городъ занесенъ въ разныя таблицы. Это происходило или отъ того, что этотъ городъ платилъ разные налоги въ различныя учрежденія или въ разное время приписывался къ различнымъ учрежденіямъ. Таковы, напримѣръ (римскія цифры означаютъ таблицу, арабскія №, подъ которымъ помѣщенъ городъ въ таблицѣ):

Бѣлоозеро I, 3. VI, 2.
Боровскъ (?) III, 2. X, 2.
Вага I, 4. V, 2.
Вязьма V, 6. XI, 1.
Дмитровъ I, 5. V, 8.
Карачевъ III, 10, IX.
Касимовъ VII, 23. XI, 4.
Мосальскъ I, 8. IX.
Олонецъ I. 11. II, 31.
Орелъ II, 34, IX.

Романовъ I, 14. II, 46. XI, 5. XII, 5.

Настоящая таблица не претендуетъ на полноту. Она такъ же, какъ и остальныя, надѣемся, со временемъ будетъ исправлена и пополнена новыми изслѣдованіями.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе . . . . . I—IV

Введеніе . . . . . 1—44

I. **Происхожденіе и развитіе прямаго обложенія въ Московскомъ государствѣ до XVII вѣка** . . . . 1—18

Потребности великаго князя, его вольныхъ и невольныхъ слугъ, какъ причины, вызвавшія образованіе нѣкоторыхъ видовъ прямыхъ налоговъ (стр. 1—8); стрѣлецкое войско, городовое дѣло и посоха, какъ средства удовлетворенія потребностей государственной защиты (стр. 9—13); отношенія къ Татарскому хану и образовавшіяся подъ ихъ вліяніемъ данныя, ямскія и полоняничныя деньги (стр. 13—18).

II. **Попытки упрощенія системы прямыхъ налоговъ до конца XVII вѣка** . . . . . 18—30

Введеніе оброка (стр. 18—24); соляная реформа (стр. 24—26) и повышеніе оклада стрѣлецкой подати (стр. 26—30).

III. **Терминологія и классификація прямыхъ налоговъ въ XVII вѣкѣ** . . . . . 30—44

Окладные и неокладные сборы (стр. 30—32); подати и сборы (стр. 32—33); второстепенные виды податей (стр. 33—35); оброчныя и данныя деньги, ихъ различіе и разновидности (стр. 35—41); правительственная терминологія и народная номенклатура прямыхъ налоговъ (стр. 41—43).

Глава первая: Податные классы . . . . . 44—179

I. **Распредѣленіе податнаго бремени между отдѣльными классами населенія** . . . . . 44—76

Условія, освобождавшія цѣлые классы населенія отъ уплаты тягла: государственная (военная и гражданская) служба (стр. 44—49); постепенное ограниченіе податныхъ привилегій служилаго класса (стр. 49—54); дворовая служба (стр. 54—55); придворная служба (стр.—57); духовная служба (стр. 57—61); постепенное ограниченіе податныхъ

Стр.

привилегій духовенства (стр. 61—66), — Условія, освобождавшія отдѣльныя тяглыя хозяйства отъ уплаты тягла (стр. 66—71). — Распредѣленіе оброка (особенно лавочнаго) и пятинныхъ денегъ между отдѣльными классами населенія (стр. 71—76).

II. Тяглое населеніе Московскаго государства въ XVII вѣкѣ . . . . . 76—179

1. Крестьянская община (стр. 76—112).
Происхожденіе крестьянской общины (стр. 76—78); разнородные типы крестьянскихъ общинъ въ сѣверной, средней и южной части Московскаго государства (стр. 78—82): Волость и ея подраздѣленія (стр. 82—89). Сельскій округъ (стр. 89—96). Однодворческія поселенія (стр. 96—98). Административное дѣленіе территоріи (стр. 98—100). — Составъ крестьянской общины: «опричные», мірскіе тяглецы (стр. 100—101), крестьяне и бобыли (стр. 101—104); лучшіе, средніе, молодшіе крестьяне и половники (стр. 104—105). Нарушеніе единообразнаго состава крестьянской общины путемъ измѣненій въ хозяйственномъ положеніи ея членовъ (стр. 106—107), поступленія новыхъ членовъ (стр. 107—111) и выхода старыхъ (стр. 111—112).
2. Посадская община (стр. 112—132).
Характеристика городскихъ поселеній въ разныхъ частяхъ государства (стр. 112—115). Объединеніе посадской общины въ области хозяйственныхъ (стр. 115—119) и религіозныхъ интересовъ (стр 119—120) и значеніе тягла въ дѣлѣ такого объединенія (стр. 120—122).—Составъ посадской тяглой общины: самостоятельные и мірскіе тяглецы (стр. 122—123); посадскіе люди и бобыли (стр. 123—124); лучшіе, средніе и молодшіе посадскіе люди (стр. 124—127). Измѣненіе состава посадской общины путемъ колебаній въ хозяйственномъ положеніи ея членовъ (стр. 127), поступленія новыхъ членовъ (стр. 127—131) и выхода старыхъ (стр. 131—132).
3. Вліяніе правительства на составъ тяглой общины (стр. 132—164).
Вліяніе мѣстной приказной администраціи на поступленіе новыхъ членовъ въ тяглую общину (стр. 132—135). Значеніе правительства въ вопросѣ о выходѣ тяглецовъ изъ общины: ходъ прикрѣпленія тяглыхъ классовъ въ XVII в. (стр. 135—142). Отступленія отъ законовъ о прикрѣпленіи, сдѣланныя самимъ правительствомъ (стр. 142—146).—Дворовая служба, дворничество, захребетничество, закладъ и сосѣдничество, какъ частныя средства избѣгать правительственнаго оклада

Стр.

(стр. 146—152). Противодѣйствіе, оказываемое правительствомъ примѣненію такого рода средствъ среди тяглаго населенія (стр. 152—158). Переходъ тяглецовъ въ военную службу и правительственныя распоряженія, направленныя противъ такого перехода (стр. 158—160). Сыскъ бѣглыхъ тяглецовъ и возвращеніе ихъ на прежнее мѣсто жительства (стр. 160—164).

4. Борьба тяглыхъ интересовъ городскаго и сельскаго населенія; вліяніе правительства на эту борьбу (стр. 164—179). Связь города съ уѣздомъ въ XVII вѣкѣ и постепенное его выдѣленіе изъ уѣзда (стр. 164—169). Отношеніе законодательства къ такому явленію (стр. 169—172).— Борьба тяглыхъ интересовъ городскаго и сельскаго населенія и ея результаты (стр. 172—179).

Глава вторая: Раскладка податей . . . . . 179—318

I. **Правительственный окладъ** . . . . . 179—282

1. Народныя переписи (стр. 179—219).
Вопросъ о происхожденіи народныхъ переписей (стр. 179—180). Причины, вызывавшія народныя переписи въ XVII вѣкѣ (стр. 180—186). Разнообразные типы народныхъ переписей (стр. 186—191). Время производства народныхъ переписей и ихъ размѣры (стр. 191—193). Писцы (стр. 193—195), и ихъ наказы (стр. 195—196), сошныя (стр. 196—198) и приправочныя книги (стр. 198—199). Дѣятельность писца; его административныя и судебныя функціи (стр. 199—204).—Степень достовѣрности писцовыхъ книгъ: несоблюденіе общихъ правилъ регистраціи (стр. 204 — 206), ошибки писцовъ (стр. 206—209), недобросовѣстное отношеніе населенія къ писцовому дѣлу (стр. 209—211) и злоупотребленія самихъ писцовъ (стр. 211—213); значеніе писцовыхъ книгъ (стр. 213—215).—Наблюденія, производимыя мѣстными органами администраціи или самимъ населеніемъ надъ колебаніями въ численности и хозяйственныхъ средствахъ плательщиковъ (стр. 215—219).

2. Измѣреніе податныхъ объектовъ податною единицей (стр. 219—262).
Соха, какъ единица прямаго обложенія въ уѣздѣ (стр. 219—222). Зависимость реальныхъ размѣровъ сохи отъ доброкачественности земли и отъ разрядовъ лицъ, ею владѣвшихъ (стр. 222—228). Значеніе вытнаго письма (стр. 228—232). Другія податныя единицы, кромѣ сохи и выти (стр. 232 — 233). Наддача и одабриванье (стр. 233—238). Соха, какъ податная единица прямаго обложенія на посадѣ (стр. 238—240).

Стр.

Значеніе сошнаго письма во второй половинѣ XVII в. (стр. 240—242) и его вліяніе на строй народнаго хозяйства (стр. 242).—Причины введенія подворной подати (стр. 242—245). Живущая четверть, какъ единица прямаго обложенія (стр. 245—250). Колебанія размѣровъ живущей четверти и его причины (стр. 250—256). Начало поразрядности въ дворовомъ окладѣ (стр. 256 — 259) Слѣдствія введенія подворной подати (стр. 259—262).

3. Составленіе окладныхъ росписей и смѣтныхъ списковъ (стр 262—282).

Окладная роспись и смѣтный списокъ (стр. 262—264). Содержаніе росписей и смѣтъ (стр. 264—266). Воеводскія окладныя росписи и смѣтные списки и присылка ихъ въ областные (губернскіе(центры (стр 266—271).—Приказныя росписи и смѣты (стр. 271) и составленіе общей государственной росписи и смѣты (стр. 271—276).—Разсмотрѣніе, утвержденіе и обязательность бюджетныхъ назначеній (стр. 276—280). Репартиціонная система прямаго обложенія (стр. 280—282).

II. **Мірская раскладка** . . . . . 282—318

Органы мѣстнаго финансоваго самоуправленія въ уѣздѣ: старосты, сотскіе и цѣловальники (стр. 283—288); крестьянскій, мірской совѣтъ (стр. 288—289); всеуѣздный староста и его совѣтъ (стр. 289—290). Разводъ и разрубъ въ уѣздѣ (стр. 290—298). Безпорядки, происходившіе при производствѣ разводовъ и разрубовъ въ уѣздѣ (стр. 298—303).—Органы мѣстнаго финансоваго управленія на посадѣ: земскіе старосты, сотскіе, цѣловальники и мірской совѣтъ (стр. 303—306). Разводъ и разрубъ податей на посадѣ (стр. 306—313). Безпорядки, вызываемые мірскою раскладкой на посадѣ (стр. 313—315).—Надзоръ и вмѣшательство воеводы въ мірское самоуправленіе (стр. 315—317).

Глава третья: Взиманіе податей . . . . . 318—362

I. **Дѣятельность органовъ мѣстнаго самоуправленія при взиманіи податей** . . . . . 318—337

Постоянные и временные органы мѣстнаго самоуправленія, завѣдывавшіе сборомъ податей въ уѣздѣ (стр. 318—325). Доставка податей въ мѣстные уѣздные и областные центры (стр. 325—331). Сроки поступленій (стр. 331—332).—Взиманіе податей на посадѣ (стр. 332—337).

II. **Дѣятельность органовъ областной администраціи при взиманіи податей** . . . . . 337—351

Дѣятельность воеводъ (стр. 337—343). Злоупотребленія воеводъ и приказныхъ людей (стр. 343—345).—Предупредительныя и карательныя мѣры, направленныя противъ злоупотребленій воеводъ (стр. 345—351).

Стр.

III. **Движеніе податныхъ суммъ изъ областныхъ въ центральныя учрежденія** . . . . . 351—362
Доставка податей самими плательщиками прямо въ Москву, помимо мѣстной приказной администраціи (стр. 351—355). Надзоръ воеводы за такою доставкой (стр. 355—356). Задержки въ движеніи податныхъ суммъ изъ областныхъ учрежденій въ центральныя (стр. 356—357).—Сборщики податей и ихъ дѣятельность (стр. 357—361).

Глава четвертая: Особенности въ отправленіи нѣкоторыхъ податныхъ обязанностей . . . . . 362—442

I. **Личныя повинности** . . . . . 362—402
1. Служилые ремесленники, ихъ привилегіи и обязанности (стр. 362—365).
2. Ямская повинность (стр. 365—377).
Способы отбыванія ямской повинности (стр. 365—367). Обязанности населенія при устроеніи новаго яма (стр. 367—370). Органы мѣстнаго управленія, завѣдывавшіе отправленіемъ ямской повинности (стр. 370—372). Обязанности ямщиковъ (стр. 372—373).—Правительственныя мѣропріятія, направленныя къ уничтоженію злоупотребленій со стороны проѣзжавшихъ (стр 373—375).—Нѣкоторыя обязанности, связанныя въ исключительныхъ случаяхъ съ отправленіемъ ямской повинности (стр. 375—377).
3. Городовое и острожное дѣло (стр. 377—389).
Городъ и острогъ въ XVII в. (стр. 377—378). Распредѣленіе городоваго и острожнаго дѣла между отдѣльными классами населенія (стр. 378—379). Разводъ городоваго острожнаго дѣла (стр. 379—382). Отбываніе этой повинности (стр. 382—388).—Деньги за городовое и острожное дѣло (стр. 388—389).
4. Ратная повинность (стр. 389—402).
Лица, подлежавшія отбыванію этой повинности, и податная единица, съ которой она отбывалась (стр. 389—391). Отбываніе этой повинности (стр. 391—394).—Сыскъ бѣглыхъ даточныхъ людей (стр. 394—397). Сборы даточныхъ лошадей, орудій и зелья (стр. 397—398).—Замѣна ратной повинности денежными платежами (стр. 398—402).

II. **Натуральные сборы** . . . . . 402—442
1. Стрѣлецкій хлѣбъ (стр. 402—408).
Распредѣленіе этого сбора между различными классами населенія (стр. 402—405) и податныя единицы, съ которыхъ онъ взимался (стр. 405—406). Сборы стрѣлец-

Стр

каго хлѣба (стр. 406—407).—Замѣна этого сбора денежными платежами (стр. 407—408).

2. Хлѣбные запасы (стр. 408—412).
Раскладка и сборы хлѣбныхъ запасовъ (стр. 408—411).—Деньги за хлѣбные запасы (стр. 412).

3. Сибирскіе отпуски (стр. 412—416).
Сборы хлѣба, лѣсу и плотниковъ съ поморскихъ городовъ (стр. 412—415). Уничтоженіе этой обязанности (стр. 415—416).

4. Ясакъ (стр. 416—442).
Важнѣйшія задачи московской политики въ Сибири (стр. 416—417). Вліяніе условій мѣстной инородческой жизни на способы раскладки и взиманія ясака (стр. 417—428).—Взиманіе ясака, производимое самими ясачниками (стр. 427—428) или ясачными сборщиками (стр. 428—430). Злоупотребленія ясачныхъ сборщиковъ (стр. 430—433). Дѣятельность воеводы при сборѣ ясака (стр. 433—435). Злоупотребленія воеводъ (стр. 435—437).—Поступленіе собраннаго ясака изъ приписныхъ городовъ въ главные, а отсюда въ Москву (стр. 437—442).

Глава пятая: Распредѣленіе поступленій по центральнымъ учрежденіямъ . . . . 442—501

I. **Вотчинный принципъ распредѣленія поступленій** . . . . . 442—453
Смѣшеніе различныхъ принциповъ распредѣленія поступленій въ XVII в. (стр. 442—443).—Ловчій, Сокольничій, Конюшенный приказы, приказъ Большаго дворца (стр. 443—445) и находившіяся въ ихъ вѣдѣніи дворцовыя земли (стр. 445—446) и поземельныя владѣнія духовенства (стр. 446—449).—Новыя начала въ распредѣленіи поступленій съ дворцовыхъ имуществъ (стр. 449—451).—Казенный дворъ и его финансовое значеніе (стр. 451—452).

II. **Территоріально-сословный принципъ распредѣленія поступленій** . . . . . 453—473
Возникновеніе этого принципа и его развитіе въ XVII в. (стр. 453—455). Четверти XVII вѣка и ихъ отличительные признаки (стр. 455—457). Областной характеръ четверти (стр. 457—458). Счетоводство въ четвертяхъ (стр. 458—460) и дѣленіе ихъ на повытья (стр. 460—461). Финансовое значеніе четвертей (стр. 461—465). Неравномѣрность въ распредѣленіи поступленій по четвертямъ въ XVII вѣкѣ и неустойчивость такого распредѣленія (стр. 465—469).—Вліяніе, оказываемое территоріально-сословнымъ принципомъ на распредѣленіе нѣкоторыхъ поступленій и внѣ четвертей (стр. 469—473).

Стр.

III. Правительственныя попытки систематизаціи поступленій . . . . . 473—501

Обнаруженіе такого рода попытокъ на почвѣ сословныхъ разграниченій (стр. 473—475). Спеціализація бюджетныхъ назначеній и ея вліяніе на систематизацію поступленій, въ особенности на распредѣленіе ямскихъ, полоняничныхъ, стрѣлецкихъ денегъ и денегъ ратнымъ людямъ на жалованіе по центральнымъ учрежденіямъ (стр 475 — 483). Правительственныя попытки упростить распредѣленіе поступленій путемъ сліянія нѣкоторыхъ инстанцій въ градаціи финансовыхъ учрежденій (стр. 483— 489).—Отсутствіе одного общаго финансоваго центра, главной кассы (стр. 489—490).—Государственный контроль и его характеръ въ XVII в. (стр. 490—492).—Причины неудачи правительственныхъ попытокъ систематизировать поступленія (стр. 492—501).

Заключеніе: Значеніе организаціи прямаго обложенія въ XVII вѣкѣ . . . . . 501—507

Приложенія. . . . . 507—550

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строка сверху.*	*Напечатано*	*Должно быть:*
5	24	этимн	, этими
8	12	дани	дань
9	7	и	,
24	10	тогда какъ ни того, ни другаго	котораго
29	2	но	по
52	6	гдѣ обыкновенно	обыкновенпо
79	13	сь	съ
79	19	опредѣлило	опредѣлила
80	13	малосклонныхъ	малосклонными
127	39	т. I	т. II
135	8	новыя лица	новыхъ лицъ
135	12	разныя лица	разныхъ лицъ
169	35	къ посаду	къ посаду [3])
186	23	пожень	поженъ.
198	14	вѣдомыхъ	вѣдаемыхъ
199	25	писпамъ	писцамъ
202	1	подъячего	подьячаго
205	29	регитрацiи	регистрацiи
208	12	нзъ	изъ
212	26	подьячего	подьячаго
220	6	XV вѣка	XIII вѣка
233	6	употреблялись	употреблялся
233	8	встрѣчаются	встрѣчается
233	8	о нихъ	о ней
233	21	особага	особаго
254	10	сорокосьмыми	сорокъ осьмыми
262	37	и	*подлежитъ исключенiю*
271	17	разряда	Разряда

Стр.	*Строка сверху.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
318	3	дѣятельность мѣстнаго	дѣятельность органовъ мѣстнаго
337	8	дѣятельность областной	дѣятельность органовъ областной
339	6	которы	которыя
339	7	распоряжеяніемъ	распоряженіемъ
345	20	бараны	баранину
350	27	вѣдомыхъ	вѣдаемыхъ
357	14	Сдѣланы	Посланы
373	17	пра-тельство	правительство
382	24	н	и
409	11	, грозило	; оно грозило
411	37	прихода	приказа
412	28	возможности	возможность
419	23	присылалъ	присылали
437	34	служихъ	служилыхъ
443	25	съ	со
447	8	полѣднихъ	послѣднихъ
449	27	вь	въ
461	25	Новой	Новой,
477	15	употроблять	употреблять
479	1	сборщикъ	-щикъ
504	17	благосостояцію	благосостоянію
507	2	подговляла	подготовляла

Библиотека ООН
Академии Наук СССР